This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav 605.25

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,

OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIX-й. АПРѢЛЬ. 1898 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Отношенія императора Павла I къ Академіи наукъ.** Акад. К. С. Веселовскій. 5—18

II. **Первая встрѣча императора Александра II съ императрицей Маріей Александровной.** Сообщ. В. И. Маркеловъ..... 19—22

III. **Судъ надъ Ѳ. Ѳ. Геже-линскимъ.** Сообщ. Н. Н. Селифонтовъ ... 23—46

IV. **На зарѣ крестьянской свободы.** R..... 49—71

V. **Пушкинъ и Ефимъ Петровичъ Люценко.** Б. Модзалевскій..... 73—88

VI. **Чужое имя.** В. А. Шомпулевъ..... 91—95

VII. **П. С. Мочаловъ и В. А. Каратыгинъ.** В. Шенрокъ. (Окончъ.)..... 97—110

VIII. **Воспоминанія офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—1878 г.г.** А. А. Берсъ. 111—132

IX. **Поправки и дополненія къ статьѣ «Профессоры братья Бруны».** Ал. Маркевичъ..... 133—136

X. **Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.....** 137—148

XI. **Приключенія русскихъ колоколовъ, отправленныхъ въ Сербію въ 1863 г.** Сообщ. Марченко.... 149—153

XII. **Къ исторіи царствованія императора Павла I.** Сообщ. А. В. Безродный. . 155—160

XIII. **Записки Михаила Чайковскаго.** В. В. Тимощукъ. 161—200

XIV. **Два слова П. И. Бартеневу.** В. Бильбасовъ.... 201—203

XV. **Письма разныхъ лицъ къ А. Г. Тройницкому.** Сообщ. Г. А. Тройницкій. 205—215

XVI. **Празднованіе XXXVII годовщины освобожденія крестьянъ.....** 217—223

XVII. **Записная книжка „Русской Старины“:** Посланіе Н. И. Греча къ реформат. рус. ореографіи 1862 г. Сообщ. М. И. Михельсонъ. (стр. 47). — Девятьсотъ лѣтъ назадъ. (Сказка). Ал. Ив. С—въ (72). — Четырехъмѣсячный Казанскій губернаторъ. А. З. Мышлаевскій (89). — Два письма Екатерины II князю М. Н. Волконскому. Сообщ. П. М. Майковъ (96). — Рѣчь Измайлова рекрутамъ Сообщ. П. А. Боровковъ (154). — Мѣра, предложенная императоромъ Александромъ I, чтобы окончить скорѣе войну съ Турціею въ 1812 г. Сообщ. Ѳ. П. Кеппенъ (204). — О закрытіи по случаю жаровъ присутствен. мѣстъ въ Елисаветполѣ (216). — Письмо императора Александра I - бар. Беннигсену 30 окт. 1806 г. (224).

XVIII. **Приложеніе. Журналъ дежурныхъ генералъ-адъют.** Л. В. Евдокимова.. 289—304

XIX. **Библіографическ. листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: **Солдатъ л.-гв. Преображенск. полка.** Грав. И. И. Хелмицкій.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза».

Большая Подъяческая, 39

1898.

IV я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1898 г.

Библіографическій листокъ.

Историческія сочиненія Д. И. Иловайскаго. Часть вторая. 1859—1897. Москва 1897 г.

Этимъ сборникомъ историческихъ, критическихъ, библіографическихъ и археологическихъ статей г. Иловайскій заканчиваетъ, — какъ заявляетъ въ предисловіи, — подведеніе итоговъ своей научной и литературной дѣятельности, обнимающей почти сороколѣтній періодъ.

Разсматриваемая нами книга состоитъ изъ слѣдующихъ пяти отдѣловъ: изъ русской исторіи и древностей ранняго періода; изъ исторіи о культурѣ московскаго періода; изъ исторіи восемнадцатаго столѣтія; изъ девятнадцатаго вѣка и помянка о М. Н. Катковѣ; историческая и археологическая смѣсь. Большая часть статей написаны прекраснымъ литературнымъ языкомъ и доступны пониманію и для людей, не имѣющихъ спеціальнаго образованія, такъ какъ авторъ обладаетъ способностью кратко и просто излагать свои мысли. Мы не будемъ приводить содержанія всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, а познакомимъ читателей съ нѣкоторыми его взглядами по тѣмъ или другимъ вопросамъ. Такъ, въ статьѣ «Откуда пошла русская земля и какъ она впервые собралась», отвергая достовѣрность сказанія объ Аскольдѣ и Дирѣ, авторъ говоритъ: первымъ историческимъ княземъ кіевскимъ является Олегъ, княжившій въ концѣ IX и первой четверти X вѣка. Хотя никакіе иноземные источники о немъ не упоминаютъ, но княженіе его засвидѣтельствовано греко-русскими договорами, отъ которыхъ дошли до насъ славянскіе переводы.

Въ статьѣ «Нѣсколько словъ по поводу вопроса о древнѣйшей русской поэзіи», раздѣляя выводъ Ѳ. И. Буслаева, что «Слово о полку Игоревѣ» есть не болѣе какъ отрывокъ изъ русскаго историческаго эпоса, а Боянъ—представитель русскихъ поэтовъ XI и первой половины XII вѣка, — г. Иловайскій приводитъ соображенія, подтверждающія, что на Руси существовали придворно-княжескіе поэты.

По поводу розыска о смерти царевича Димитрія авторъ дѣлаетъ такой выводъ: какъ именно погибъ царевичъ, сказать трудно; но что онъ погибъ не своею смертью, это достовѣрно; а что смерть царевича была весьма желательна Годунову и его клевретамъ, это не подлежитъ сомнѣнію.

Лѣтописи наши не даютъ намъ почти никакихъ свѣдѣній относительно унизительныхъ обрядовъ, съ которыми золотоордынскіе послы принимались вообще русскими князьями-данниками хана и московскими великими князьями въ особенности,—говоритъ Д. И. Иловайскій въ своемъ рефератѣ о ханской басмѣ. Далѣе, приведя различныя толкованія слова «басма», г. Иловайскій считаетъ особенно заслуживающимъ вниманія толкованіе Нарбута, которое сводится къ слѣдующему: ханская басма была не что иное, какъ деревянный ларчикъ, двѣнадцати дюймовъ въ длину и пяти въ ширину, наполненный растопленнымъ воскомъ, который окрашивался въ тотъ или другой цвѣтъ, смотря по желанію хана. На этой восковой массѣ, пока не совсѣмъ застывшей, оттискивалась ханская стопа прямо давленіемъ босой ноги. На такой оттискъ клалась подушечка, сшитая изъ дорогой матеріи и набитая пропитанной запахомъ мускуса хлопчатою бумагою. Ларчикъ закрывался высокою крышкою и завертывался въ шелковую матерію, затканную золотомъ и серебромъ. Для пути его вкладывали въ кожаный мѣшокъ, который вьючился на богато убраную и покрытаго пурпуровою попоною верблюда. Этого верблюда велъ особо для того назначенный чиновникъ, а для стражи и почета его окружали двѣнадцать ханскихъ значеносцевъ или улановъ. По мнѣнію Д. И. Иловайскаго, если принять вообще извѣстіе о ханской басмѣ, привозимой въ Москву, за достовѣрное,— то, конечно, объясненіе, сообщенное Нарбутомъ, представляется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ объясненіе ея какимъ-то ханскимъ изображеніемъ и болваномъ И тѣмъ болѣе, что татарскіе ханы того времени, какъ мусульмане, уже въ силу корана не могли допускать своихъ портретовъ или изваяній.

Высокій интересъ представляетъ статья «М. Н. Катковъ, историческая помянка», написанная г. Иловайскимъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти этого замѣчательнаго человѣка, но, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, не могшая появиться въ печати. Она напечатана въ № 1 «Русскаго Архива» за 1897 г. Въ этой статьѣ почтенный авторъ, очертивъ постепенное развитіе публицистической дѣятельности Каткова, останавливается на отношеніи этой дѣятельности къ наиболѣе важнымъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики, и указываетъ на многія и важныя заслуги Каткова, а также на нѣкоторые немаловажные промахи его, имѣвшіе неблагопріятныя послѣдствія. По словамъ автора, первая по времени и очень важная заслуга Каткова—это энергическая борьба съ польскими притязаніями на западную Россію. Съ вопросомъ о западной Руси сами собою связались вопросы, касающіеся обрусенія нашихъ западныхъ окраинъ вообще. И тутъ дѣятельность Каткова всегда и до конца имѣла въ высшей степени патріотическое, строго національное направленіе. Онъ также рѣшительно нападалъ при случаѣ

„Особенное сердечное и искренное спасибо тебѣ, русскій солдатъ; ты не зналъ ни преградъ, ни лишеній, ни опасности. Безропотно, безостановочно шелъ ты въ грязи и въ снѣгу, въ жару и холодъ, черезъ рѣки и пропасти, черезъ долы и горы, и безстрашно бился съ врагомъ, гдѣ бы съ нимъ ни встрѣтился. Для тебя не было невозможнаго на пути, который тебѣ указывалъ начальникъ.— Тебѣ честь, тебѣ слава"! (Изъ приказа главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича. Санъ-Стефано. 1878 г.)

Къ стр. 111 „Русск. Стар.", 1898 г., № 4.

РУССКАЯ СТАРИНА

[illegible]

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

[illegible]

1898.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1898.

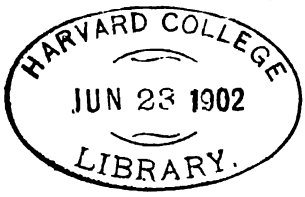
АПРѢЛЬ.— МАЙ.— ІЮНЬ.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39
1898.

~~Slaw 25.10~~
PSlaw 605.25



Pierce fund

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1898 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1898 году въ двадцать девятый годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели найдутъ личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа каждаго мѣсяца.**

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

Лица, небывшія подписчиками въ 1895 и 1897 гг., если пожелаютъ получить двѣ части **Записокъ В. А. Инсарскаго,** которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ **1** р.

Войсковыя части могутъ выписывать **«РУССКУЮ СТАРИНУ»** чрезъ редакцію **«Досугъ и Дѣло».**

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ

РУССКОЙ СТАРИНЫ

ЗА 1891—1896 г.г.

СЪ ПЯТЬЮ ПОРТРЕТАМИ.

Третье прибавленіе къ систематической росписи «Русской Старины» изданной въ 1885 г.

Цѣна съ пересылкою: для подписчиковъ «Русской Старины» 1 руб., а для всѣхъ остальныхъ 1 руб. 50 коп.

Съ требованіемъ слѣдуетъ обращаться въ контору редакціи журнала «Русская Старина»: Фонтанка, д. № 145.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку указателя только передъ тѣми лицами, которыя обратятся съ требованіями въ ея контору.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка.

Редакція считаетъ долгомъ заявить, что Указатель напечатанъ въ *ограниченномъ* числѣ экземпляровъ.

Отношенія императора Павла I къ Академіи наукъ [1].

I.

Академикъ С. Е. Гурьевъ.

Къ исходѣ прошлаго столѣтія среди академиковъ является оригинальная личность—Семенъ Емельяновичъ Гурьевъ. Онъ былъ первый русскій ученый, вступившій въ Академію не изъ академической теплицы. До него всѣ академики, съ русскими именами, были питомцами академической гимназіи и университета, а многіе изъ нихъ, кромѣ того, были приготовляемы къ занятію академическихъ креселъ посылкою за-границу, для довершенія своего научнаго образованія въ иностранныхъ университетахъ. Гурьевъ петербургскій уроженецъ (род. 1766 г.), воспитывавшійся съ 1778 по 1784 годъ въ Артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ (впослѣдствіи 2-й кадетскій), посвятилъ себя съ особою любовью занятіямъ по физико-математическимъ наукамъ, выказавъ въ нихъ счастливую природную свою даровитость. По выпускѣ изъ корпуса онъ былъ назначенъ преподавателемъ навигаціи и артиллеріи въ бывшемъ тогда греческомъ кадетскомъ корпусѣ; въ 1792 году совершилъ, съ высочайшаго соизволенія, поѣздку въ Англію, для осмотра гидравлическихъ работъ, и по возвращеніи оттуда произведенъ въ капитаны артиллеріи.

---

[1] Настоящая статья служитъ продолженіемъ напечатанной въ № 2 „Русской Старины“, подъ заглавіемъ: „Послѣдніе годы прошлаго столѣтія въ Академіи Наукъ“.

Въ маѣ 1796 года Гурьевъ представилъ Бакунину рукописное свое сочиненіе: «Начала геометріи трансцендантной и исчисленія дифференціальнаго, извлеченныя изъ истинной натуры ихъ предметовъ». Бакунинъ послалъ эту рукопись конференцъ-секретарю, съ приказаніемъ передать ее для разсмотрѣнія академику Иноходцеву съ тѣмъ, чтобы онъ свой отзывъ о ней представилъ въ «ближайшемъ засѣданіи конференціи». 26-го мая Иноходцевъ донесъ, что, пробѣжавъ рукопись въ назначенный ему для этого краткій срокъ, онъ, не будучи достаточно знакомъ съ тѣми французскими и англійскими сочиненіями, на которыя ссылается авторъ, не можетъ разобрать, что̀ принадлежитъ здѣсь самому Гурьеву, а что̀ имъ только заимствовано изъ означенныхъ сочиненій; но ему кажется, что авторъ хорошо усвоилъ себѣ предметъ, и что онъ съ пользою для себя читалъ лучшія сочиненія по высшей математикѣ. Вслѣдъ затѣмъ конференцъ-секретарь объявилъ, что Бакунинъ предлагаетъ автора означенной рукописи въ адъюнкты Академіи, а тѣ изъ присутствовавшихъ академиковъ, которые лично знали Гурьева, заявили, что это весьма трудолюбивый ученый, хорошо изучившій математику. Поэтому было приступлено къ баллотировкѣ, и Гурьевъ былъ избранъ значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Вступивъ, такимъ образомъ, въ Академію, капитанъ-артиллеріи Гурьевъ, человѣкъ прямодушный и энергичный, не замедлилъ очутиться въ борьбѣ съ начальникомъ ученаго собранія, и одержалъ надъ нимъ верхъ благодаря тому, что въ царствованіе императора Павла Петровича самоволье Бакунина должно было находить себѣ рѣшительный отпоръ въ чувствахъ справедливости и уваженія къ законному порядку, которыя проявлялись государемъ во всѣхъ дѣлахъ, доходившихъ до его свѣдѣнія.

Бакунинъ, облекавшій дотолѣ кого хотѣлъ, по своему произволу, въ званіе академика, задумалъ, въ октябрѣ 1797 года, опредѣлить въ число дѣйствительныхъ членовъ Академіи Іоганна-Готлиба-Фридриха-Шрадера, профессора философіи въ Килѣ, на вакантное, имѣвшееся въ Академіи мѣсто механика и поручилъ академику Шуберту спросить Шрадера, согласенъ ли онъ занять означенное мѣсто, съ жалованьемъ въ 1.200 рублей. Когда объ этомъ было заявлено конференціи, въ засѣданіи 2-го октября, то адъюнктъ С. Е. Гурьевъ, въ засѣданіи 9-го октября, представилъ особое мнѣніе. Въ немъ онъ указалъ, что предложеніе Бакунина не согласно съ регламентомъ, въ которомъ, въ статьѣ 4-й, постановлено, относительно академика по механикѣ, что должность его— «изобрѣтать всякія машины, полезныя въ гражданской и военной архитектурѣ и прочемъ»; а Шрадеръ извѣстенъ только, какъ художникъ (т. е. оптикъ), прославившійся счастливымъ подражаніемъ Гершелю въ строеніи Невтоніанскихъ телескоповъ. Такъ какъ подъ именемъ

механика регламентъ разумѣетъ ученаго физико-математика, въ родѣ Боссю, Прони или Дюбуа, а не простаго оптика, то вызовъ Шрадера для занятія въ Академіи мѣста механика Гурьевъ считаетъ дѣломъ противнымъ закону. Съ этимъ мнѣніемъ согласилась и конференція.

Вслѣдъ затѣмъ Гурьевъ представилъ государю, 12-го октября, такое донесеніе:

«Всемилостивѣйшій государь!

«Ревнуя къ пользѣ и славѣ вашего императорскаго величества, осмѣливаюсь, по долгу присяги, донести слѣдующее: господинъ директоръ Академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бакунинъ предложилъ ученому собранію о принятіи въ академики, на имѣющуюся вакансію, механика-художника Шрадера; я, какъ сочленъ сего собранія и вѣрный вашего императорскаго величества подданный, видя, что оное принятіе совсѣмъ противно намѣренію регламента Академіи наукъ, подалъ ученому собранію противу сего предложенія г-на Бакунина свое мнѣніе, которое при семъ всеподданнѣйше вашему императорскому величеству представить дерзаю и съ которымъ ученое собраніе согласно. Но г-нъ Бакунинъ, несмотря на сіе, дерзнулъ утруждать ваше императорское величество докладомъ о помѣщеніи онаго Шрадера въ академики; чего ради, дабы выполнить законы вашего императорскаго величества во всей ихъ точности, я дерзнулъ всеподданнѣйше сдѣлать сіе донесеніе. Всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшій Семенъ Гурьевъ, Императорской Академіи наукъ адъюнктъ по высшей математикѣ».

Пять дней спустя Академія получила слѣдующій высочайшій указъ:

«Въ опроверженіе вступившаго ко мнѣ отъ директора Академіи наукъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бакунина доклада о помѣщеніи на вакансію академика-механика, профессора физики въ Килѣ, Шрадера, каково получено мною той же Академіи отъ адъюнкта высшей математики Гурьева письмо, оное при семъ въ собраніе Академіи наукъ для надлежащаго разсмотрѣнія и представленія мнѣ общаго по сему случаю мнѣнія препровождаю въ оригиналѣ.

Павелъ».

Въ Гатчинѣ,
октября 17-го,
1797 г.

Во исполненіе этого повелѣнія государю было представлено, 19-го октября, слѣдующее донесеніе конференціи:

«Исполняя высочайшую вашего императорскаго величества волю, изображенную во всемилостивѣйшемъ вашего императорскаго величества указѣ отъ 17-го октября, собраніе Академіи наукъ имѣетъ счастье

всеподданнѣйше донести, что оно, не получивъ еще сочиненій господина Шрадера-младшаго, не въ состояніи судить, можетъ ли онъ выполнять всѣ обязанности дѣйствительнаго академика-механика, предписанныя 4-ю статьею регламента, хотя въ прочемъ оно удостовѣрено, что онъ можетъ ей быть полезенъ, какъ оптикъ; почему, предоставляя мѣсто академика-механика празднымъ, собраніе Академіи наукъ осмѣливается всеподданнѣйше донести вашему императорскому величеству— не угодно ли будетъ повелѣть предложить ему на первый случай званіе почетнаго члена, пока онъ знаній своихъ не докажетъ какимъ-либо сочиненіемъ, достойнымъ дѣйствительнаго академика-механика. А между тѣмъ, съ пользою можно бы ему препоручить надзираніе надъ палатою, въ которой дѣлаютъ математическіе инструменты, и по которой тоже искусство его извѣстно. О чемъ всеподданнѣйше донеся, осмѣливается (конференція) ожидать вашего императорскаго величества всемилостивѣйшаго соизволенія».

На это представленіе послѣдовалъ, 22-го октября, слѣдующій указъ собранію Академіи наукъ:

«Находя основательнымъ представленіе собранія Академіи наукъ относительно профессора физики въ Килѣ, Шрадера, повелѣваемъ привести оное въ дѣйствительное исполненіе.

Павелъ».

Итакъ, только благодаря энергической оппозиціи Гурьева, Шрадеръ не попалъ въ академики. Онъ былъ принятъ лишь какъ оптикъ, на котораго было возложено завѣдываніе механической мастерской для изготовленія и починки разныхъ физическихъ инструментовъ. Но работами его въ этой мастерской академики были не очень довольны, и онъ былъ уволенъ въ 1801 году.

Когда въ іюлѣ 1796 года Бакунинъ, съ явнымъ пренебреженіемъ предписаній регламента и правилъ справедливости и вообще приличія, опредѣлилъ лазариста Ганри академикомъ [1]), то этимъ въ особенности былъ возмущенъ Гурьевъ, который поэтому и обратился къ Бакунину, въ январѣ 1797 года, о сравненіи его съ принятымъ послѣ него въ Академію аббатомъ какъ въ жалованьи, такъ и въ академическомъ званіи. Бакунинъ передалъ эту просьбу въ конференцію. Тогда Гурьевъ, въ подтвержденіе своей просьбы, представилъ ученому собранію, съ прямодушіемъ и откровенностью, слѣдующія, объясненія:

1) Ганри вступилъ въ Академію послѣ меня и слѣдовательно долженъ быть младше, а не старше меня.

2) Ганри, во свидѣтельство своихъ талантовъ, представилъ «Сфери-

[1]) См. „Рус. Ст." 1898, № 2, стр. 235.

ческую астрономію» съ «Тригонометріею», которыя назадъ тому уже нѣсколько сотъ лѣтъ какъ имѣютъ возможное совершенство, такъ что къ нимъ прибавить ничего уже не можно. Нашъ всякій штурманъ знаетъ ихъ во всей подробности, и по разсмотрѣніи оказалось, что оныя суть не иное что, какъ худыя, съ нѣкоторою отмѣною, выписки изъ Эйлера и Монертюи, бывшаго Берлинской Академіи наукъ директора. Я же на тотъ конецъ представилъ «Начала геометріи трансцендантной и исчисленія дифференціальнаго». Не трудны самыя правила ни той, ни другой науки, но неизвѣстны были до сего времени настоящія, точныя и математическія тѣхъ правилъ доказательства, какъ то въ приложенномъ при моей книгѣ словѣ ясно доказано.

3) Ганри, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, написалъ только одну диссертацію, да и то такую, которую онъ всю выписалъ изъ тригонометріи Каньоли, и повѣсилъ, по желанію г-на директора, но противъ воли и доказательствъ всей Академіи, тотъ славный квадрантъ къ совершенному его разстройству, какъ то опыты начинаютъ уже сіе показывать, который столько знаменитыхъ ученыхъ здѣсь бывшихъ повѣсить думали, и который однакожъ они, какъ истинные почитатели милостей монаршихъ, на науку изливаемыхъ, никакъ повѣсить не осмѣливались, доколѣ не послѣдуетъ другое милостивое монаршее соизволеніе создать новую обсерваторію, сходственную съ нынѣшнимъ состояніемъ астрономіи. Я же, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, прочелъ для публики физическія лекціи, за которыя двоекратно, изъ устъ самого г-на директора, слышалъ благоволеніе, и которыми постоянно пользовались не ученики, а большею частью такіе люди, которые сами наставляютъ; сверхъ того, недавно представилъ не диссертацію въ полиста, а цѣлое сочиненіе, котораго предметъ великое вліяніе имѣетъ на совершенство всей математики.

4) По намѣренію великаго основателя Академіи Петра Перваго и по намѣренію регламента оной, Академія должна состоять изъ русскихъ; чужестранцы же положены для заведенія ея на первый случай.

«Всѣ сіи причины, кромѣ многихъ другихъ, довольно важныхъ, по моимъ понятіямъ, служатъ непреложнымъ доказательствомъ, что французскому аббату Ганри даны, извѣстныя предо мною, важныя преимущества совсѣмъ несправедливо».

Для рѣшенія вопроса, предложеннаго Бакунинымъ ученому собранію, академики признали нужнымъ ознакомиться подробно съ сочиненіемъ, которое было представлено Гурьевымъ подъ заглавіемъ: «Опытъ о постановленіи математики на твердыхъ основаніяхъ», вслѣдствіе чего оно было читано авторомъ въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій конференціи. Академики Фусъ и Румовскій представили затѣмъ конференціи подроб-

ные письменные отзывы объ этомъ трудѣ, на основаніи которыхъ конференція, одобривъ сочиненіе, признала, что авторъ заслуживаетъ поощренія къ продолженію трудовъ по избранной имъ наукѣ, найдя. впрочемъ, что прежде печатанія необходимо сдѣлать въ сочиненіи нѣкоторыя сокращенія и измѣненія, съ измѣненіемъ и самого заглавія его [1]). Опираясь на этотъ отзывъ конференціи, Гурьевъ просилъ Бакунина о какомъ-нибудь награжденіи его за означенное сочиненіе и объ опредѣленіи его преподавателемъ математики въ гимназіи. Бакунинъ и эту просьбу опять передалъ на обсужденіе конференціи, предоставляя ей высказаться о томъ, имѣетъ ли проситель какое-либо право на награду, и какого рода поощреніе можно ему оказать. Вслѣдствіе сего конференція, въ засѣданіи 24-го апрѣля, постановила донести Бакунину, что такъ какъ Гурьевъ еще не представилъ какой-либо диссертаціи, достойной помѣщенія въ «Nova Acta», то она не можетъ предложить его къ повышенію въ академики; что можно было бы назначить его на промежуточную степень экстраординарнаго профессора, если бы онъ былъ опредѣленъ преподавателемъ въ гимназію, но въ этомъ Бакунинъ просителю отказалъ, и поэтому остается лишь поощрить молодаго ученаго, подвизающагося столь успѣшно на научномъ поприщѣ, прибавкою къ его жалованью по 300 рублей въ годъ. Но Бакунинъ назначилъ, вслѣдствіе этого, Гурьеву прибавку жалованья только въ 150 рублей. Когда, послѣ этого, въ засѣданіяхъ 22-го мая и 20-го іюля, Гурьевъ представилъ и прочелъ двѣ диссертаціи, удостоенныя помѣщенія въ «Nova Acta» [2]), то онъ счелъ себя въ правѣ напомнить конференціи (въ засѣданіи 21-го августа), что онъ тѣмъ исполнилъ условіе, поставленное ему для повышенія въ академики. Конференція съ этимъ вполнѣ согласилась и положила поручить Гурьева благорасположенію Бакунина для доставленія ему означеннаго званія. Не видя никакого успѣха отъ такого ходатайства ученаго собранія, Гурьевъ обратился, 27-го ноября, къ конференціи съ просьбою разъяснить ему, что препятствуетъ назначенію его въ академики: то ли, что онъ еще не такъ давно вступилъ въ Академію, или же какія другія причины? На

---

[2]) Это сочиненіе и было потомъ издано особою книгою подъ заглавіемъ: „Опытъ о усовершеніи элементовъ геометріи, составляющій первую книгу математическихъ трудовъ академика Гурьева 1798 г.“. Съ 5 чертежами, 265 стр., in 4°.

[3]) А именно: 1) „Mémoire sur la résolution des principaux problèmes, qu'on peut proposer dans les courbes, dont les ordonnées partent d'un point fixe“. Чит. 22-го мая 1797 г., напечатано въ „Nova Acta“, т. XII. 2) Essai de démontrer rigoureusement un théorème fondamental des équations de condition de la différentielle des fonctions à plusieurs variables, et du calcul des variations. Чит. 20-го іюля 1797 г., напечатано въ „Nova Acta“, томъ XIII.

это конференція внесла въ свой протоколъ, что съ своей стороны она сдѣлала все отъ нея зависящее, а остальное есть дѣло директора, къ которому онъ и можетъ обратиться. Въ отвѣтъ на это заявленіе Бакунинъ, въ засѣданіи 4-го декабря, сообщилъ, что если конференція считаетъ Гурьева способнымъ отправлять должность академика, то можетъ сдѣлать ему, директору, представленіе. На этомъ основаніи, въ засѣданіи 14-го декабря, конференція положила: просить Бакунина о производствѣ адъюнкта Гурьева въ дѣйствительные академики по физико-математическимъ наукамъ.

Это странное, нескончаемое перебрасываніе дѣла между директоромъ и конференціей вывело, наконецъ, Гурьева изъ терпѣнія. Вспомнивъ, съ какою быстротою, не справляясь даже съ мнѣніемъ конференціи, Бакунинъ такъ недавно произвелъ французскаго монаха въ академики, Гурьевъ, конечно, увидѣлъ въ означенной проволочкѣ явное доказательство непріязненнаго расположенія къ нему Бакунина, особенно послѣ того, какъ затѣя его сдѣлать оптика Шрадера академикомъ была, въ октябрѣ того же года, разстроена именно Гурьевымъ. Поэтому, не ожидая уже ничего для себя хорошаго отъ Бакунина, Гурьевъ, какъ человѣкъ рѣшительный и прямой, подалъ прошеніе государю. Въ то же время и по подобному же поводу подалъ государю прошеніе и профессоръ химіи Захаровъ, вотще чаявшій назначенія своего въ академики.

Вслѣдъ за симъ, въ засѣданіи конференціи 22-го января 1798 года, было прочитано слѣдующее письмо статскаго совѣтника Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго, секретаря его величества, на имя ученаго собранія:

«Его императорскому величеству, по поводу прошеній, поданныхъ отъ коллежскаго ассессора, Академіи наукъ адъюнкта Гурьева [1]), и той же Академіи профессора Захарова, благоугодно было мнѣ повелѣть отъ господъ членовъ ученаго собранія, на коихъ просители ссылаются, отобрать свѣдѣніе о точности ими доносимаго, для чего оба помянутыя прошенія препровождаются съ тѣмъ, чтобы, по разсмотрѣніи, благоволено было ихъ возвратить, съ присовокупленіемъ отзывовъ каждаго изъ господъ членовъ».

Для исполненія этого высочайшаго повелѣнія, члены конференціи немедленно составили сличеніе обоихъ прошеній съ статьями протоколовъ, относящимися до повышенія просителей въ академики, и собрались на другой же день въ чрезвычайное засѣданіе для составленія всеподданнѣйшаго донесенія по этому предмету, въ формѣ извлеченія

---

[1]) Онъ былъ перечисленъ изъ артиллеріи капитановъ въ коллежскіе ассессоры высочайшимъ указомъ 20-го января 1797 года.

изъ протоколовъ. Это извлеченіе, подписанное всѣми академиками, было тотчасъ же препровождено, при письмѣ конференцъ-секретаря, къ Нелединскому-Мелецкому, съ возвращеніемъ подлинныхъ прошеній.

Рѣшеніе государя по этому дѣлу объявлено Академіи 1-го февраля, въ формѣ письма Нелединскаго-Мелецкаго на имя Бакунина, отъ 31-го января 1798 г. слѣдующаго содержанія:

«Его императорское величество вслѣдствіе прошеній, поданныхъ Академіи наукъ отъ экстраординарнаго профессора Захарова и той же Академіи адъюнкта Гурьева о произведеніи ихъ въ академики, высочайше повелѣлъ мнѣ, для узнанія о точности донесенія сихъ просителей, снестись съ членами ученаго собранія. Нынѣ утверждаясь на присланномъ изъ Академіи протоколѣ за подписаніемъ академиковъ Эйлера, Румовскаго, Лепехина, Крафта, Озерецковскаго, Фусса, Шуберта, Германа, Севергина, Ловица и Ганри, согласно свидѣтельствующихъ справедливость просьбъ господъ Захарова и Гурьева, и поведеніе и заслуги ихъ одобряющихъ: высочайше указать изволилъ сообщить вамъ, что его императорскому величеству угодно, чтобъ помянутые господа Захаровъ и Гурьевъ были непремѣнно въ дѣйствительные академики произведены и получали-бъ слѣдующее имъ по регламенту жалованье».

Вслѣдъ за симъ въ засѣданіи конференціи 19-го февраля, Гурьевъ сообщилъ слѣдующую записку, полученную имъ отъ Нелединскаго-Мелецкаго:

«Его императорское величество, въ знакъ благоволенія за поднесенную коллежскимъ ассесоромъ и академикомъ Семеномъ Гурьевымъ сочиненную имъ о математическихъ предметахъ книгу, всемилостивѣйше пожаловавъ триста рублей, высочайше указать изволилъ оную сумму г. Гурьеву выдать изъ Кабинета». Спб. 10-го февраля 1798 г.

Такое назначеніе двухъ академиковъ самимъ государемъ составляетъ въ исторіи Академіи фактъ величайшей важности: имъ обозначился какъ бы переломъ въ коренныхъ условіяхъ, опредѣляющихъ собою жизнь и значеніе ученаго собранія. До этого времени, въ теченіе всего существованія Академіи, съ самаго момента ея учрежденія, всѣ назначенія ученыхъ въ члены ея и увольненія ихъ дѣлались, въ силу регламента, одною властью президентовъ и директоровъ,—и дѣлалось безконтрольно, безъ объясненій передъ кѣмъ-либо поводовъ и основаній такихъ назначеній. При этомъ «командиры Академіи», какъ иногда назывались въ то время президенты и директоры, могли, но не обязаны были, спрашивать мнѣнія конференціи объ ученыхъ заслугахъ тѣхъ, кои они принимали, а изъ исторіи видно, что иногда они и не спрашивали ее. Такимъ образомъ, со времени созданія Академіи, Гурьевъ и Захаровъ были п е р в ы е а к а д е м и к и, возведенные въ это званіе высочайшею властью; съ этой поры такой порядокъ сталъ правиломъ, а вскорѣ потомъ, ре-

гламентомъ 1803 года, обращенъ въ законъ. Въ этомъ регламентѣ, преобразовавшемъ кореннымъ образомъ всю Академію, особенно важны два параграфа, которыми императоръ Александръ возвысилъ и обезпечилъ достоинство Академіи:

Въ § 23 сказано: «Мы предоставляемъ Академіи право избранія на открывшееся мѣсто академика или адъюнкта, будучи увѣрены, что собственная честь побудитъ академиковъ дѣлать выборъ, достойный ихъ самихъ и перваго ученаго общества въ Имперіи», а въ § 25 постановлено: «Министръ народнаго просвѣщенія имѣетъ представлять на утвержденіе наше избранныхъ въ ординарные и экстраординарные академики и адъюнкты».

Такъ было возвышено значеніе академическаго званія отнесеніемъ его къ категоріи тѣхъ въ государствѣ должностей, въ которыхъ, по важности ихъ, служащіе утверждаются высочайшею властью.

Исторія Академіи должна отмѣтить тотъ важный для нея фактъ, что императоромъ Павломъ положенъ былъ наконецъ предѣлъ безконтрольному хозяйничанію въ Академіи директоровъ, характеризующему ея исторію всего прошлаго столѣтія и нанесшему столько вреда ученымъ интересамъ въ Россіи.

II.

Эллинистъ Вовилье.

Страшная революціонная буря, разразившаяся надъ Франціей въ исходѣ прошлаго столѣтія, отозвалась у насъ великимъ наплывомъ французскихъ эмигрантовъ; одного изъ нихъ эта буря занесла и въ нашу Академію. Жанъ-Франсуа Вовилье, посвятивъ себя изученію греческихъ писателей, пріобрѣлъ своими учеными трудами, особенно о Пиндарѣ и Софоклѣ, такую извѣстность, что въ 1766 г. былъ назначенъ профессоромъ греческой словесности въ королевскомъ французскомъ коллегіумѣ (Collège de France), а въ 1782 г. былъ избранъ въ члены Академіи Надписей. Въ томъ же году Павелъ, тогда еще цесаревичъ, будучи въ Парижѣ, во-время своего европейскаго путешествія подъ именемъ графа Сѣвернаго, присутствовалъ въ одномъ засѣданіи этой академіи, въ которомъ Вовилье прочиталъ нѣсколько стихотворныхъ переводовъ изъ Пиндара. При этомъ случаѣ переводчикъ былъ представленъ Павлу, который обошелся съ нимъ очень милостиво.

Когда обширныя и разностороннія ученыя работы Вовилье были прерваны первыми взрывами революціи, онъ выказалъ въ то трудное

время столько же ума, энергіи и таланта въ исполненіи своего гражданскаго долга, сколько твердости въ своихъ монархическихъ убѣжденіяхъ. Будучи назначенъ въ 1789 г. президентомъ участка св. Женевьевы, избирателемъ и первымъ запаснымъ депутатомъ Парижа въ генеральные штаты (Etats Généraux), онъ сталъ вскорѣ президентомъ комуны и помощникомъ мэра, а когда въ іюлѣ того года собраніе избирателей взяло въ свои руки обязанности купеческихъ старшинъ (prévôts des marchands), Вовильe вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ народнымъ голодомъ и долженъ былъ принять на себя всѣ заботы о продовольствіи Парижа. Тутъ человѣкъ, болѣе свѣдущій въ греческихъ рукописяхъ, чѣмъ въ торговыхъ дѣлахъ, выказалъ много смѣтливости, необыкновенную дѣятельность и силу характера; искусными распоряженіями онъ обезпечилъ продовольствіе города на нѣсколько дней, успокоилъ народонаселеніе, возстановилъ торговлю жизненными припасами, понизивъ цѣны ихъ. Успѣхъ этихъ распоряженій былъ достигнутъ не безъ крайней опасности для него. Нѣсколько разъ онъ долженъ былъ увѣщевать бунтовавшую уличную чернь. Однажды его краснорѣчіе исторгло изъ рукъ разсвирѣпѣвшихъ убійцъ несчастнаго булочника въ улицѣ Нотръ-Дамъ; въ другой разъ, Вовильe одинъ, безъ всякой защиты, явился среди черни Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, вооруженной саблями и пиками, и освободилъ отъ нея транспортъ муки, который она хотѣла разграбить, несмотря на то, что онъ былъ назначенъ для продовольствія города на слѣдующій день. Столько же мужества выказалъ онъ и въ засѣданіяхъ комуны, возставая съ большою силою противъ разныхъ революціонныхъ предложеній. Такъ, онъ энергично возвышалъ голосъ противъ первоначальнаго плана организаціи національной гвардіи, которую хотѣли составить изъ однихъ пролетаріевъ.

Когда Дантонъ и Лежандръ предложили учредить при комунѣ комитетъ розысковъ (Comité des recherches), онъ всѣми силами боролся противъ этой мѣры, и имѣлъ мужество сказать такія пророческія слова: «Вы хотите новыхъ эфоровъ, обязательныхъ цензоровъ, инквизиторовъ на жалованьи, которые не замедлятъ сдѣлаться тиранами вашими и нашими. Вамъ любы Дантоны, Лежандры, комитеты розысковъ! Что же! у васъ ихъ будетъ вдоволь, какихъ хотите цвѣтовъ, во всѣхъ углахъ Франціи! На кого же вамъ будетъ пенять, когда вы сдѣлаетесь первыми жертвами ихъ!» Хотя въ залу совѣщаній были допущены и постороннія лица, не имѣвшія права голоса, за всѣмъ тѣмъ, противъ предложенія Дантона оказалось столько же голосовъ, сколько и за него. Тогда предсѣдательствовавшій въ засѣданіи слабохарактерный Бальи, въ тайнѣ досадовавшій на возраставшее вліяніе Вовильe, объявилъ, что онъ, какъ предсѣдатель, даетъ своимъ голосомъ перевѣсъ въ пользу предложенія объ учрежденіи комитета розы-

сковъ. Когда принятъ былъ декретъ о гражданскомъ укладѣ духовенства (constitution civile du clergé), и Вовилье узналъ, что онъ назначенъ будетъ комисаромъ для требованія присяги вѣрности этому укладу въ одномъ изъ приходовъ Парижа, то онъ, чтобы избавить себя отъ этой обязанности, снялъ съ себя званіе члена парижскаго муниципалитета и возвратился къ своей профессорской дѣятельности въ Королевскомъ коллегіумѣ [1]). Но когда вскорѣ за тѣмъ декретъ, требовавшій такой присяги, былъ распространенъ и на всѣхъ преподавателей учебныхъ заведеній и спеціально поименованнаго въ декретѣ Королевскаго коллегіума, то Вовилье, хотя и не имѣлъ никакого состоянія, немедленно подалъ прошеніе объ увольненіи изъ коллегіума, вслѣдствіе чего получилъ приказаніе тотчасъ же, до заката солнца, выѣхать изъ квартиры, которую онъ тамъ занималъ. Его другъ, адвокатъ Блондъ далъ ему у себя убѣжище, въ которомъ онъ пробылъ до 10-го августа; въ этотъ день Вовилье, надѣвъ свою амуницію національной гвардіи, поспѣшилъ въ Тюйлерійскій дворецъ, чтобы присоединиться къ защитникамъ короля; но этотъ знакъ усердія оказался безполезнымъ, такъ какъ Людовикъ XVI спасся въ Національное собраніе, и только скомпрометировалъ Вовилье, который былъ вынужденъ спасаться и убѣжалъ въ Корбейль, гдѣ братъ его имѣлъ торговое заведеніе. Но это убѣжище защитило его не надолго. Будучи арестованъ по приказанію революціоннаго комитета, онъ былъ освобожденъ только благодаря заступничеству секретаря члена конвента Мюссе, узнавшаго въ арестованномъ роялистѣ своего прежняго профессора.

Возвратясь въ свою семью, онъ опять взялся за свои ученые труды, и въ особенности за большой политическій трактатъ, которымъ онъ занимался уже нѣсколько лѣтъ. Но событія опять оторвали его отъ любимыхъ занятій, и на этотъ разъ онъ не сожалѣлъ, такъ какъ дѣло шло объ общемъ благѣ: Парижу и департаментамъ угрожалъ новый голодъ и заставилъ вспомнить о томъ, кто такъ успѣшно завѣдывалъ продовольственнымъ дѣломъ въ 1789 и 1790 годахъ. По приглашенію министра Бенезеха, онъ принялъ на себя это дѣло въ качествѣ главнаго агента министра внутреннихъ дѣлъ по народному продовольствію. Подрядчики, которые уже его знали, предложили ему свои услуги, и, при его дѣятельности и умѣніи, онъ вскорѣ успѣлъ обезпечить жизненныя потребности народа и водворить спокойствіе. Но когда опасность голода миновала, то отъ него потребовали—новаго дурачества революціи—клятвы ненависти къ королевской власти. Это было равнозначуще—требованію его отставки; онъ и взялъ ее

---

[1]) Въ это время, онъ счелъ своимъ гражданскимъ долгомъ взять на себя защиту исконнаго ученія церкви объ іерархіи и издалъ очень ученый трактатъ подъ заглавіемъ: „Témoignages de la raison et de la foi contre la constitution civile du clergé". 1791. Оно имѣло два изданія.

и возвратился въ Корбейль, а вскорѣ затѣмъ переѣхалъ въ Парижъ, чтобы заняться здѣсь печатаніемъ своего политическаго трактата.

Въ это время, на основаніи записки изъ нѣсколькихъ словъ, найденной у Виллегернуа, его привлекли къ дѣлу о заговорѣ, по которому этотъ послѣдній и аббатъ Бротье обвинялись, какъ коноводы; эта записка состояла вся только изъ слѣдующихъ словъ: «Назначить Вовилье главнымъ директоромъ продовольствія, такъ какъ никто не можетъ лучше его управлять этою частью». Въ то время и такой записки было достаточно для того, чтобы погубить человѣка. Вовилье былъ отданъ подъ военный судъ, и содержался въ тюрьмѣ, сперва какъ вербовщикъ, а потомъ какъ свидѣтель, нужный для процесса; когда присяжные этого судилища сняли съ него всякое обвиненіе, Директорія, потерявъ надежду добиться его осужденія военнымъ судомъ, подъ разными предлогами удерживала его въ заключеніи для того, чтобы черезъ это помѣшать избранію его въ одинъ изъ законодательныхъ совѣтовъ.

Несмотря на это Корбейль, и въ отсутствіе Вовилье, избралъ его въ число своихъ выборныхъ. Явясь въ этомъ званіи въ Версальское избирательское собраніе, онъ былъ значительнымъ большинствомъ голосовъ назначенъ членомъ Совѣта Пятисотъ. На этомъ посту, столь же почетномъ, сколько и опасномъ, онъ выказалъ зрѣлый умъ истинно государственнаго человѣка и замѣчательный ораторскій талантъ. Произнесенныя имъ въ этомъ собраніи рѣчи о финансахъ, о присягѣ, о свободѣ вѣроисповѣданій, объ арміяхъ, о предпріятіяхъ и узурпаціяхъ Директоріи, о необходимости разграниченія властей въ правительственной системѣ того времени, о разводѣ и пр., были проникнуты уваженіемъ къ справедливости и любовью къ общему благу. Но голосъ разума мало имѣетъ силы тамъ, гдѣ говорятъ политическія страсти и интриги; онъ былъ, какъ умѣренный, признанъ подозрительнымъ (suspect), и имя его попало 18 фрюктидора въ списокъ присужденныхъ къ ссылкѣ. Онъ избѣгъ ея только тѣмъ, что при помощи переодѣванія спасся бѣгствомъ въ Швейцарію. Когда, вскорѣ за тѣмъ, и этой странѣ грозило вторженіе французовъ, Вовилье, не чувствуя себя здѣсь въ безопасности, долженъ былъ искать другаго убѣжища. Вспомнивъ о милостивомъ пріемѣ, оказанномъ ему въ 1782 г. графомъ Сѣвернымъ, онъ обратился письмомъ къ императору Павлу, прося позволенія укрыться въ его владѣніяхъ. Государь очень сочувственно принялъ участіе въ печальной судьбѣ человѣка, ставшаго жертвою своихъ честныхъ убѣжденій, и отвѣчалъ ему рескриптомъ, о которомъ повелѣлъ сообщить и Академіи Наукъ.

Поэтому 7-го апрѣля 1798 г. члены конференціи были собраны въ чрезвычайное засѣданіе, въ которомъ было имъ прочитано письмо дѣйств. статск. совѣтника Петра Обрѣзкова, отъ 3-го апрѣля, о томъ, что го-

сударь назначилъ г-ну Вовилье мѣсто академика съ жалованіемъ этому званію принадлежащимъ; при этомъ была сообщена копія съ рескрипта, писаннаго Павломъ Петровичемъ къ французскому ученому, слѣдующаго содержанія:

«Monsieur de-Vauvillier. La réputation, que vous vous êtes acquise dans le monde littéraire, vos malheurs et votre courage à les supporter me sont trop connus pour que Je ne désire pas vous soulager dans votre situation actuelle. Je me rappelle avec plaisir de vous avoir vu à Paris et de votre traduction de Pindare, qui me fut présentée à l'Académie française; vous me trouvez donc tout disposé à vous voir dans mes Etats; J'ai même déjà donné les ordres nécessaires à Mon Académie des Sciences de vous y inscrire comme membre et de vous faire participer aux émoluments qui y appartiennent. Vous trouverez ci-joint une lettre de change forte de mille roubles, pour vous aider à entreprendre ce long voyage et pour vous procurer les moyens de passer l'hiver à Vienne pour achever, comme vous l'avez desiré, l'ouvrage, auquel vous travaillez. Sur ce Je prie Dieu, qu'il vous ait, monsieur de-Vauvillier, en sa sainte garde». [1]) Paul.

S-t.-Petersborg
le 2 décembre 1797.

Препровождая копію съ этого письма императора Павла, Обрѣзковъ писалъ, что ожидалъ отзыва Вовилье для сообщенія Академіи высочайшей воли, а какъ нынѣ отъ него императоръ получилъ благодарственное письмо, въ которомъ онъ упоминаетъ о скоромъ прибытіи своемъ, то и просилъ сдѣлать надлежащія распоряженія во исполненіе высочайшей воли.

Вовилье пріѣхалъ въ Петербургъ 1-го іюня того же года и былъ введенъ въ конференцію въ засѣданіи 7-го іюня барономъ Николаи, бывшемъ тогда уже президентомъ Академіи.

---

[1]) Переводъ. „Господинъ де-Вовилье. Извѣстность, пріобрѣтенная вами въ литературномъ мірѣ, ваши несчастія и мужество, съ какимъ вы ихъ переносите, мнѣ такъ хорошо извѣстны, что я не могу не желать помочь вамъ въ вашемъ теперешнемъ положеніи. Я съ удовольствіемъ вспоминаю, что видалъ васъ въ Парижѣ, и что вашъ переводъ Пиндара былъ мнѣ представленъ во французской академіи; поэтому я очень расположенъ видѣть васъ въ моихъ владѣніяхъ. Я даже далъ уже приказаніе моей Академіи Наукъ вписать васъ въ число ея членовъ и назначить вамъ присвоенное этому званію содержаніе. При семъ прилагается переводный вексель въ 1000 рублей, чтобы пособить вамъ въ средствахъ къ предпринятію длиннаго путешествія и къ проведенію зимы въ Вѣнѣ для окончанія тамъ, какъ вы желали, предпринятаго вами сочиненія. Затѣмъ молю Бога, да хранитъ Онъ васъ подъ своимъ святымъ кровомъ". Павелъ.

Спб. 2-го декабря 1797 г.

Радушно принятый въ Петербургѣ, французскій ученый могъ надѣяться, что послѣ пережитой имъ бури, онъ наконецъ достигъ мирной пристани. Онъ сталъ учиться русскому языку и занялся окончаніемъ своего большаго сочиненія: «Idées sommaires sur les sociétés politiques», въ которомъ хотѣлъ представить какъ бы итогъ своихъ размышленій о государственномъ управленіи, внушенныхъ ему какъ изученіемъ древности [1]), такъ и пережитымъ имъ опытомъ современности. Но суровый, непривычный для него климатъ вредно подѣйствовалъ на его здоровье, уже надломленное жизненными горестями. По совѣту докторовъ, онъ пожелалъ съѣздить въ чужіе края для леченія; въ маѣ 1801 года императоръ Александръ далъ ему для этого годичный заграничный отпускъ, съ сохраненіемъ содержанія, по 860 р. въ годъ. Но положеніе его было уже таково, что онъ не могъ воспользоваться этимъ отпускомъ, и скончался 23-го іюля 1801 года въ Петербургѣ, 64 лѣтъ отъ роду.

Имя Вовилье въ спискахъ членовъ нашей Академіи остается памятникомъ состраданія императора Павла къ несчастнымъ.

К. Веселовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

[1]) Еще въ 1769 г. онъ издалъ въ Парижѣ особое сочиненіе „Examen du gouvernement de Sparte“.

Первая встрѣча императора Александра II

съ императрицей

Маріей Александровной.

(Воспоминаніе о 1839 годѣ И. И. Маркелова) [1]).

Ровно двадцать лѣтъ тому назадъ [2]), 25-го марта 1839 года, я пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ, имѣя весьма интересное порученіе. Я везъ письмо его величеству императору Николаю отъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, путешествовавшаго въ описываемое время по Германіи, которое было мнѣ вручено его высочествомъ въ замкѣ Бибрихъ. Необыкновенныя обстоятельства, доставившія мнѣ это счастіе, навѣки запечатлѣлись въ моей памяти.

Въ началѣ марта 1839 г. мы получили во Франкфуртѣ, гдѣ я состоялъ секретаремъ нашего посольства, извѣстіе о прибытіи наслѣдника цесаревича въ Штудгартъ. Посолъ нашъ, г. Убри былъ боленъ и не могъ выѣхать на встрѣчу его высочеству. По этой причинѣ онъ

---

[1]) Тайный совѣтникъ Ив. Ив. Маркеловъ—сынъ с.-петербургскаго городскаго головы, коллежскаго асессора и первостатейнаго купца Ив. Ив. Маркелова—род. въ 1799 г., сконч. въ 1872 г., похороненъ въ Колоцкомъ монастырѣ (Смоленской губ.). Онъ служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ съ 1815 г. по 1865 г. Воспоминаніе написано на французскомъ языкѣ; здѣсь же предлагается переводъ.

[2]) Писано въ 1859 году.

поручилъ мнѣ немедленно выѣхать какъ для полученія приказаній отъ графа Орлова относительно маршрута его высочества, такъ и для сообщенія ему, что при гессенъ-дармштадтскомъ дворѣ все приготовлено къ встрѣчѣ августѣйшаго путешественника.

Первое, что сообщилъ мнѣ графъ Орловъ, это то, что его высочество уже сильно утомился, благодаря многочисленнымъ визитамъ различнымъ германскимъ дворамъ и что онъ очень спѣшитъ, направляясь въ Голландію и Англію. Засимъ графъ просилъ меня указать: нѣтъ ли прямаго пути изъ Штудгарта на Бибрихъ, мимо Дармштадта? Я взялъ на себя смѣлость замѣтить графу, что можно было бы отъ Манхейма проѣхать лѣвымъ берегомъ Рейна, но тѣмъ самымъ была бы нанесена обида велико-герцогскому гессенскому двору и притомъ,что при этомъ дворѣ находится молодая принцесса, во всѣхъ отношеніяхъ достойная привлечь вниманіе августѣйшаго путешественника. Тогда графъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые я тотчасъ же отвѣтилъ, такъ какъ прожилъ многіе годы въ этихъ мѣстахъ и часто бывалъ въ Дармштадтѣ у моей свояченицы княгини Витгенштейнъ. Графъ удалился въ кабинетъ его высочества и, выйдя вскорѣ, обратился ко мнѣ со словами:

— Хорошо, его высочество рѣшилъ посѣтить Дармштадтъ, но только на самое короткое время; онъ поручаетъ вамъ отклонить остановку во дворцѣ и нанять для него частное помѣщеніе.

Я немедленно выѣхалъ въ Дармштадтъ и занялъ отель «Траубе».

Его высочество изволилъ пріѣхать въ Дармштадтъ въ 6 часовъ вечера. Великій герцогъ Гессенскій, наслѣдный принцъ и принцы Карлъ и Эмиль тотчасъ же пріѣхали привѣтствовать его высочество и пригласить его на оперный спектакль. На сценѣ шла «Весталка». Здѣсь-то, въ залѣ, предшествующей большой ложѣ, его высочество былъ встрѣченъ всей велико-герцогской семьей. Здѣсь же, впервые, ему пришлось увидѣть принцессу Марію Гессенскую, которой не было въ то время еще и 15-ти лѣтъ.

По окончаніи опернаго представленія, въ замкѣ былъ сервированъ роскошный ужинъ съ музыкой. Великій князь видимо былъ всѣмъ доволенъ. Много разговаривали, много смѣялись и, послѣ ужина, всѣ отправились осматривать нѣкоторые внутренніе аппартаменты замка, въ которыхъ, какъ говорили, появлялось порой привидѣніе въ образѣ бѣлой дамы. Всѣ разъѣхались очень поздно, и великій князь, вмѣсто отъѣзда раннимъ утромъ, согласно своему первоначальному намѣренію, принялъ приглашеніе присутствовать на парадѣ и на завтракѣ у наслѣднаго принца.

Въ моментъ отъѣзда изъ Дармштадта, графъ Орловъ сообщилъ мнѣ

свое намѣреніе отправить меня курьеромъ въ Петербургъ, и назначилъ мнѣ въ тотъ же вечеръ быть въ Бибрихѣ и ожидать тамъ его распоряженій. Въ Бибрихскомъ замкѣ, въ часъ ночи, его высочество изволилъ призвать меня къ себѣ.

— Вотъ письмо къ государю,—сказалъ онъ,—которое поручаю вамъ вручить въ собственныя руки. Немедленно берите дилижансъ и постарайтесь прибыть въ Свѣтло-Христово воскресенье или наканунѣ въ субботу. Это придется 25-го числа въ Благовѣщеніе и въ тотъ самый день, когда мой отецъ предполагаетъ переѣхать изъ Аничковскаго дворца въ Зимній, только что заново отдѣланный. Онъ будетъ весьма радъ въ тотъ же день получить отъ меня извѣстіе. Если его величество пожелаетъ получить отъ васъ какія-нибудь свѣдѣнія и подробности относительно принцессы Маріи—передайте ему все то, что вамъ лично извѣстно.

Въ то время въ Германіи еще не было желѣзныхъ дорогъ. Пути сообщенія были отвратительны, а въ Россіи—въ особенности, по случаю наступающей весны. Мнѣ оставалось всего девять дней. Но, несмотря на все это, я имѣлъ счастіе пріѣхать въ субботу 25-го марта, въ 7 часовъ утра, въ Аничковскій дворецъ и быть принятымъ государемъ.

— Вы мнѣ приносите добрую вѣсть,—сказалъ мнѣ императоръ Николай,—а такъ какъ сегодня Благовѣщеніе, то я вижу въ этомъ хорошее предзнаменованіе.

Далѣе государь удостоилъ меня нѣсколькихъ вопросовъ касательно принцессы Маріи. Онъ спросилъ который ей годъ? Каковъ ея ростъ, ея сложеніе? Кто имѣлъ наблюденіе за ея воспитаніемъ послѣ кончины августѣйшей ея матери? Каковы вообще ея нравственныя достоинства?..

Милостиво отпуская меня, государь удостоилъ сказать, что онъ напишетъ великому князю: что не имѣетъ ничего возразить противъ того, чтобы его высочество, по возвращеніи изъ Англіи, снова проѣхалъ въ Дармштадтъ и пробылъ бы тамъ болѣе продолжительное время.

Въ слѣдующемъ году (въ 1840 г.) въ то же время года, на Пасху, пріѣхалъ въ Петербургъ адъютантъ великаго князя наслѣдника—князь Барятинскій и привезъ извѣстіе о помолвкѣ его императорскаго высочества съ принцессою Маріей Гессенской.

Въ тотъ же день его величество удостоилъ меня пожалованіемъ въ камергеры, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда пріѣхалъ въ Петербургъ принцъ Августъ Витгенштейнъ—въ званіи главноуполномоченнаго гессенскаго двора, для подписанія брачнаго контракта—онъ вручилъ

мнѣ отъ имени великаго герцога Гессенскаго знаки командорскаго ордена Людовика первой степени.

И. Маркеловъ.

25-го марта 1859 г.

Примѣчаніе Ив. Ив. Маркелова.

Нѣсколько дней спустя (послѣ того, какъ была написана, т. е. въ 1859 году) эта записка была прочтена императоромъ Александромъ. Графъ Александръ Адлербергъ былъ такъ добръ, что передалъ ее его величеству. На одномъ изъ придворныхъ баловъ государь подошелъ ко мнѣ и удостоилъ сказать, что онъ съ удовольствіемъ прочелъ этотъ маленькій мемуаръ и что все изложенное въ немъ — вѣрно.

Сообщилъ **В. И. Маркеловъ.**

Судъ надъ Ѳ. Ѳ. Гежелинскимъ [1]).

Помѣщаемая ниже статья написана барономъ (впослѣдствіи графомъ) М. А. Корфомъ и въ копіи находится въ библіотекѣ члена Государственнаго Совѣта статсъ-секретаря Н. Н. Селифонтова, перешедшей къ нему отъ роднаго дяди, также члена Государственнаго Совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и статсъ-секретаря Николая Ивановича Бахтина. Принося глубокую благодарность Н. Н. Селифонтову за сообщеніе интересныхъ матеріаловъ изъ его собранія, редакція считаетъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ и о собирателѣ ихъ, Н. И. Бахтинѣ.

Онъ родился въ 1796 году, по словамъ однихъ—въ Харьковѣ, по словамъ другихъ—въ Тобольскѣ. Отецъ его, человѣкъ умный, образованный, высокой честности, но надѣленный страстною, увлекающеюся натурой, не оставилъ дѣтямъ своимъ никакого состоянія, хотя и занималъ видныя и для другихъ тогда не бездоходныя должности. Подъ конецъ своей службы онъ былъ губернаторомъ, а потомъ директоромъ контрольнаго департамента. Послѣ домашняго воспитанія, изъ котораго Николай Ивановичъ сохранилъ на всю жизнь глубокое уваженіе къ своему отцу, онъ кончилъ, въ 1812 году, курсъ въ бывшей слободско-украинской гимназіи и поступилъ въ мѣстный университетъ, но съ переходомъ отца на службу въ Петербургъ не могъ окончить тамъ курса и получилъ университетскій дипломъ изъ петербургскаго университета въ 1822 году.

---

[1]) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гежелинскій былъ управляющимъ дѣлами Комитета министровъ.

Наслѣдовавъ, отчасти, характеръ своего отца, хотя и умѣряемый вліяніемъ матери (рожденной Петерсонъ, лютеранки), Николай Ивановичъ проводилъ молодость довольно шумно, въ кружкѣ нѣсколькихъ молодыхъ литераторовъ, извѣстномъ подъ именемъ Катенинскаго. Любя литературу и всегда интересуясь ею, Николай Ивановичъ не выступалъ. однако, на литературное поприще. Сколько извѣстно, онъ напечаталъ только свое предисловіе къ сочиненіямъ Катенина, съ которымъ, кажется, былъ въ близкихъ, дружескихъ, отношеніяхъ, и сочиненія котораго были изданы подъ редакціей Бахтина.

Служебная дѣятельность Николая Ивановича началась рано. Съ окончаніемъ курса въ гимназіи, онъ былъ опредѣленъ на службу въ слободско-украинское губернское правленіе. Служебная карьера Н. И. Бахтина не отличалась быстротою. Онъ двигался впередъ медленно, часто мѣнялъ родъ службы и вездѣ оставлялъ слѣды своей честной дѣятельности. Въ 1816 году онъ былъ переведенъ въ канцелярію статсъ-секретаря у принятіи прошеній. Въ 1823 году поступилъ въ капитулъ орденовъ; это послѣднее назначеніе было особенно полезно для Николая Ивановича въ томъ отношеніи, что дало ему случай пробыть заграницей, въ качествѣ секретаря, при канцлерѣ орденовъ. Въ 1827 году Николай Ивановичъ назначенъ состоять при главномъ начальникѣ морскаго штаба (князѣ Меншиковѣ) въ чинѣ коллежскаго ассесора, и участвуя въ турецкой кампаніи 1828 года, былъ въ нѣсколькихъ морскихъ сраженіяхъ за адъютанта. Послѣ окончанія войны Николай Ивановичъ, способности и трудолюбіе котораго съумѣлъ оцѣнить князь Меншиковъ, былъ назначенъ правителемъ дѣлъ комитета образованія флота. Три года занималъ онъ эту должность, послѣ чего, въ 1834 году, былъ назначенъ управляющимъ дѣлами комитета министровъ. На этомъ мѣстѣ Н. И. Бахтинъ не могъ оставаться незамѣченнымъ, и черезъ девять лѣтъ, въ 1843 году, получивъ чинъ тайнаго совѣтника и званіе статсъ-секретаря, онъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ. Десять тяжелыхъ лѣтъ (1843—1853 г.г.) исполнялъ Николай Ивановичъ эту должность съ рѣдкими, не только въ ту пору, но еще и теперь, достоинствомъ и прямотою. Въ 1853 году онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Никогда не искавши въ принимаемой на себя должности одного почета и отдыха, Николай Ивановичъ, въ званіи члена Государственнаго Совѣта, съумѣлъ скоро пріобрѣсти себѣ рѣдкую въ русскомъ обществѣ извѣстность, какъ человѣка либеральнаго, въ лучшемъ значеніи этого слова, неспособнаго поддерживать узкіе интересы партіи, человѣка русскаго, по преимуществу недолюбливавшаго нѣмцевъ, но всегда горячо защищавшаго вѣротерпимость и свободу. Репутація его росла съ каждымъ годомъ. Въ качествѣ члена Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, куда онъ

былъ назначенъ 19-го февраля 1861 года, Николай Ивановичъ, со свойственною ему энергіей, поддерживалъ полное и обезпеченное землею освобожденіе крестьянъ. Какъ предсѣдатель коммиссіи для составленія рекрутскаго устава, онъ указалъ необходимость радикальнаго измѣненія старой системы, и при своей жизни успѣлъ уже видѣть, какія благія послѣдствія имѣли тѣ облегченія, которыя, по его мысли, были допущены въ послѣднихъ наборахъ. Ему же принадлежала первая мысль объ уничтоженіи винныхъ откуповъ; она занимала его еще тогда, когда онъ былъ государственнымъ секретаремъ, но проводилъ онъ ее уже будучи членомъ Государственнаго Совѣта.

Наше образованное общество, съ сочувствіемъ ожидавшее готовившихся ко благу народа преобразованій земскаго и судебнаго, всегда было увѣрено найти въ Бахтинѣ краснорѣчиваго защитника всякаго улучшенія и движенія впередъ.

Николай Ивановичъ не былъ царедворцемъ; но зато всю жизнь былъ замѣчательнымъ труженикомъ. Будучи человѣкомъ образованнымъ, побывавъ болѣе десяти разъ въ Западной Европѣ, онъ свободное отъ занятій время посвящалъ чтенію. Зная хорошо языки французскій, нѣмецкій и итальянскій, онъ читалъ все, что выходило замѣчательнаго по части юридическихъ и политическихъ наукъ, но избѣгалъ легкой, изящной словесности.

Съ 1867 года Николай Ивановичъ сталъ терять зрѣніе и принужденъ былъ измѣнить свои занятія. Съ 1-го на 2-е февраля 1869 года онъ заболѣлъ воспаленіемъ лѣваго легкаго и уже не оправлялся болѣе. Послѣ воспаленія у него развилась такъ-называемая «сахарная болѣзнь» (diabetes), и онъ умеръ отъ истощенія силъ 26-го марта въ $7^1/_2$ часовъ утра.

Немногимъ, конечно, изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей выпадетъ такая доля, какая выпала на долю Николая Ивановича. Будущій историкъ остановится на немъ, какъ на одномъ изъ двигателей совершившихся въ Россіи преобразованій, на одномъ изъ лучшихъ и безкорыстныхъ пособниковъ въ осуществленіи благихъ предначертаній царствованія Александра II, не мѣнявшаго своихъ убѣжденій съ годами и чинами, и про котораго смѣло можно сказать словами Шекспира, что до конца дней своихъ—«человѣкъ онъ былъ во всемъ значеніи слова».

Будучи однимъ изъ выдающихся русскихъ дѣятелей, Николай Ивановичъ собиралъ все, что относилось до исторіи Россіи, и оставилъ послѣ себя весьма цѣнный архивъ, въ которомъ сохранилась и помѣщаемая ниже статья.

Исторія Ѳ. Ѳ. Гежелинскаго.

Исторія Гежелинскаго, въ свое время, возбудила много шуму; весьма мало было людей, его любившихъ, но при всемъ томъ тягость постигшаго его осужденія, при важности мѣста, которое онъ занималъ, слухи, распущенные насчетъ невѣроятныхъ злоупотребленій, существовавшихъ будто бы при немъ въ комитетѣ министровъ, тайна, съ которою производилось все дѣло, произвели въ публикѣ родъ сотрясенія, которое долго еще послѣ отзывалось въ ушахъ. Подробности этого дѣла довольно любопытны и никому не могутъ достовѣрнѣе быть извѣстны, какъ мнѣ, ибо всѣ подлинныя бумаги у меня въ рукахъ.

Вся служба Гежелинскаго была въ комитетѣ министровъ, начиная отъ званія писца до должности управляющаго дѣлами. Съ большимъ умомъ и всѣми способностями дѣловаго человѣка, но безъ всякаго образованія, онъ умѣлъ входить въ милость къ своимъ начальникамъ, и даже министры, которымъ онъ столь часто шелъ наперекоръ, уважали его дарованія. Послѣ смерти Сухопрудскаго, онъ назначенъ былъ управляющимъ дѣлами комитета, и во все царствованіе Александра I пользовался особымъ довѣріемъ графа Аракчеева, который тогда былъ столь же всемогущъ по комитету, какъ и по всѣмъ другимъ частямъ управленія. По вступленіи на престолъ императора Николая, когда графъ Аракчеевъ былъ отстраненъ отъ всѣхъ дѣлъ, Гежелинскій имѣлъ личный докладъ у государя; но это продолжалось только до коронаціи, то-есть до того времени, когда всѣ личные доклады, съ весьма малыми изъятіями, совсѣмъ прекратились. Во все это время дѣла комитета имѣли чрезвычайно быстрый ходъ; послѣ императора Александра осталось устрашавшее множество неутвержденныхъ меморій; но въ первые мѣсяцы царствованія Николая все это было исправлено, и нельзя поистинѣ не удивляться трудамъ канцеляріи комитета въ продолженіе 1826 и 1827 годовъ.

Тутъ вдругъ все измѣнилось. Гежелинскій, увлеченный несчастною страстью къ извѣстной К—ковой, стоившей ему столько денегъ и времени, сталъ пренебрегать дѣлами, дозволять себѣ несрочное представленіе государю меморій и разныя другія упущенія. Вѣроятно, что за этою страстью ему именно не доставало времени къ исполненію своихъ обязанностей, ибо если въ задержаніи нѣкоторыхъ дѣлъ можно предположить корыстные виды, въ которыхъ, по крайней мѣрѣ, многіе его подозрѣвали, то нельзя ничѣмъ объяснить остановки другихъ дѣлъ, ни малѣйшаго личнаго интереса не представлявшихъ. Между тѣмъ, государь тотчасъ обратилъ вниманіе на эти упущенія, и съ 1828 года не проходило ни одной почти меморіи, ни одной бумаги, по которой не

было бы дѣлаемо Гежелинскому собственноручныхъ высочайшихъ замѣчаній, сначала весьма умѣренныхъ, потомъ, когда упущенія усиливались, съ явными знаками неудовольствія, и наконецъ въ сильныхъ уже выраженіяхъ справедливаго гнѣва. Въ 1829 году государь, замѣтивъ, между прочимъ, что, по бывшему въ комитетѣ представленію графа Воронцова о наградахъ чиновниковъ, справки брались три года сряду, спрашивалъ о причинахъ сего, и когда Гежелинскій объяснилъ, что представленіе сіе отложено было комитетомъ до общаго разсмотрѣнія подобныхъ представленій по министерствамъ, но не могъ доказать, чтобы это сдѣлано было точно по положенію комитета, ибо въ журналахъ ничего о семъ не значилось, то государь написалъ собственноручно на его запискѣ: «Изъ сего вы сами должны ясно видѣть, что не было никакой уважительной причины откладывать три года сряду разсмотрѣніе поступившаго дѣла, что̀ я вамъ ставлю на видъ, строго подтверждая—впредь отнюдь сего себѣ не позволять».

Были и еще замѣчанія гораздо сильнѣйшія; въ числѣ множества другихъ довольно будетъ привести слѣдующія:

1) Двѣ меморіи, 30-го марта и 30-го іюля 1829 года, представлены были государю въ октябрѣ. Резолюція императора: «На обѣихъ меморіяхъ написано тоже самое, что журналы были 30-го марта и потомъ въ іюлѣ; стало, зачѣмъ столь продолжительно задерживать дѣла, уже рѣшенныя комитетомъ; вамъ слѣдовало соединить все рѣшенное въ мартѣ и представить разомъ тогда же; тоже и о рѣшенныхъ въ іюлѣ. Подобный безпорядокъ ничѣмъ не извинителенъ, и я вынужденъ вамъ за сіе сдѣлать строгій выговоръ».

2) Четыре дѣла были разрѣшены весьма поздно. Гежелинскій оправдывался множествомъ другихъ дѣлъ, въ комитетъ поступающихъ. Резолюція: «Еслибъ вы лучше знали долгъ вашъ, то не вынуждали бы меня повторять вамъ столь часто мое неудовольствіе. Я предостерегаю васъ, что и на всякое терпѣніе есть мѣра».

3) По несвоевременному представленію меморіи 24-го іюня 1830 г.: «Вамъ не должно было задерживать меморіи 24-го числа, а прислать ее сейчасъ по изготовленіи; тоже и меморію 28-го числа; я вамъ сіе неоднократно приказывалъ и опять въ послѣдній разъ подтверждаю».

4) По донесенію отчего меморіи не было прислано (23-го сентября 1830 года): «Вамъ неоднократно приказывалъ я всегда увѣдомлять меня, при присылкѣ въ положенные дни меморій, будетъ ли представлена въ слѣдующій другой день меморія; но вы это не соблюдаете; впередъ не забывайте, если вы не хотите, чтобъ я другими способами вамъ оживилъ память и исправность; я до лѣнивыхъ не охотникъ—вы это должны знать».

Убійственныя замѣчанія государя не дѣйствовали на Гежелинскаго: не заставляли его ни оставить службу, ни исправить свои упущенія; причины этому непонятны; въ немъ могли дѣйствовать только или совершенное самозабвеніе—плодъ несчастной страсти, или крайняя самонадѣянность, внушаемая ему, что не найдется человѣка довольно способнаго, чтобы его замѣстить.

Между тѣмъ, небрежность его доходила до чрезвычайной степени. Независимо отъ дѣлъ, множество запросовъ отъ разныхъ министерствъ, иногда до десяти разъ повторенныхъ о положеніи внесенныхъ въ комитетъ дѣлъ и другихъ предметовъ, оставались по годамъ безъ отвѣтовъ. Ни помянутыя замѣчанія, ни напоминанія предсѣдателя, князя Кочубея, въ оффиціальныхъ бумагахъ ему дѣланныя, ни усиливавшіяся безпрестанно въ публикѣ жалобы, на него не дѣйствовали. Положеніе его было ужасно по отвѣтственности, которую онъ ежедневно на себя накоплялъ, но онъ не чувствовалъ его, или ослѣплялъ себя, ибо въ 1830 году, когда все это еще болѣе усилилось, не видно по дѣламъ и малѣйшаго съ его стороны стремленія сдѣлать что-нибудь, чтобы выйти изъ этого положенія.

Между тѣмъ, мѣра долготерпѣнія государя истощилась. 12-го октября 1830 года Гежелинскій поднесъ государю журналъ комитета 12-го августа о награжденіи чиновниковъ министерства юстиціи; журналъ этотъ былъ обращенъ государемъ къ предсѣдателю комитета съ слѣдующею собственноручною резолюціею: «Сегодня 14-го октября; меморія слушана 12-го августа, а мнѣ представлена 12-го октября. Какъ я неоднократно объявлялъ, что за подобныя непростительныя протяжки строго взыщу, и несмотря на то опять повторяются, то предписываю г. Гежелинскаго посадить подъ арестъ на Сенатскую гауптвахту на трое сутокъ, съ занесеніемъ въ его формуляръ и съ опубликованіемъ въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ». Потомъ государю угодно было, по особенному ходатайству князя Кочубея, вторую часть своей резолюціи отмѣнить, но первая исполнена, и Гежелинскій выдержанъ трое сутокъ на гауптвахтѣ. И это, однако, не заставило его просить увольненія отъ должности и онъ не устыдился, послѣ такого позорнаго наказанія, явиться опять передъ министрами и передъ своими чиновниками. Могу себѣ объяснить это только вѣроятнымъ страхомъ его, чтобы чиновникъ, назначенный на его мѣсто, не обнаружилъ тѣхъ упущеній, которыя ему удавалось еще скрывать предъ государемъ. Едва-ли можно придумать другую причину, ибо состояніе его было совершенно обезпечено и не зависимо отъ службы, для честолюбія оставалось слишкомъ мало пищи послѣ подобнаго происшествія, а дѣйствія одного властолюбія не могутъ быть такъ сильны, чтобы превозмочь всѣ другія чувства.

Какъ бы то ни было, но Гежелинскій остался въ своей должности пока постигъ его послѣдній ударъ гнѣвной судьбы.

25-го декабря 1830 года, въ день Рождества Христова, я пріѣхалъ во дворецъ къ обыкновенному торжественному выходу, и отъ всѣхъ встрѣченъ былъ однимъ вопросомъ: «слышали ли, что Гежелинскій посаженъ въ крѣпость?» Разумѣется, что къ этому прибавляемо было множество вымышленныхъ разсказовъ объ его злодѣяніяхъ и проч. Говоръ былъ общій, какъ объ этомъ происшествіи, такъ и о лицѣ, которое получитъ его мѣсто. Все это случилось въ одно время съ польскою революціею и оттого тотчасъ изобрѣтена была цѣлая исторія насчетъ продажи Гежелинскимъ бумагъ комитета полякамъ, даже насчетъ тайнаго участія его въ ихъ замыслахъ! Но вотъ происшествія въ истинномъ ихъ видѣ:

21-го декабря государь получилъ безъименный доносъ на Гежелинскаго, бумагу мастерски составленную и написанную поддѣльною рукою: составитель или по крайней мѣрѣ писецъ, если это были два разныя лица, долго надъ сею бумагою трудились, ибо на двухъ съ половиною листахъ старинный почеркъ, которымъ она писана, нигдѣ не измѣняется: одна буква совершенно схожа съ другою и даже не видно никакого усилія или притворства въ почеркѣ; слогъ же совершенно безцвѣтный. Онъ можетъ принадлежать и высшему государственному сановнику, и чиновнику изъ рядовыхъ.

Доносъ начинался слѣдующимъ образомъ:

«Ваше императорское величество, принимая отеческія попеченія къ искорененію зла, существующаго въ дѣлахъ по гражданской части, изволите назначать частыя обревизованія губерній чрезъ г-дъ сенаторовъ. Таковыя благодѣтельныя мѣры, если не вовсе искореняютъ по губерніямъ зло, то по крайней мѣрѣ уменьшаютъ оное. Напротивъ того, зло, существующее подлѣ васъ, государь, и въ такомъ мѣстѣ, которое имѣетъ вліяніе на все государство, оставаясь многіе годы безнаказанно, превосходитъ нынѣ всякое вѣроятіе! Съ того времени, какъ поручено Гежелинскому управленіе дѣлами комитета г-дъ министровъ, злоупотребленія и безпорядки водворились въ дѣлахъ комитета».

Потомъ исчисляются весьма подробно всѣ упущенія и злоупотребленія Гежелинскаго. Я извлеку изъ нихъ одно только существо главныхъ статей обвиненія:

1) Дѣла отдѣляются, во множествѣ, изъ общаго журнала въ особые, не для ускоренія ихъ разрѣшенія, но иногда за небреженіемъ заняться обработываніемъ ихъ, а чаще для задержанія изъ корыстныхъ видовъ. Дѣла, въ таковыхъ журналахъ заключающіяся, лежатъ по нѣсколько лѣтъ и получаютъ по нѣсколько резолюцій. Докладывая ихъ повторительно въ разныя засѣданія, при разныхъ членахъ, Гежелинскій выби-

раетъ для себя любую резолюцію. Дѣла сіи ни въ какихъ отчетахъ имъ не показываются и считаются въ видѣ оконченныхъ.

2) Когда государемъ, по дошедшимъ на долговременное неразрѣшеніе дѣлъ жалобамъ, потребована была вѣдомость всѣмъ неоконченнымъ дѣламъ, то Гежелинскій показалъ въ ней только тѣ, въ которыхъ «надѣялся вывернуться изъ бѣды», въ видѣ не слушанныхъ въ комитетѣ, хотя многія изъ нихъ по нѣсколько уже лѣтъ лежали съ заготовленными журналами и резолюціями.

3) Гежелинскій обманываетъ государя и другими путями. По ходатайству великаго князя Константина Павловича, военный министръ, въ февралѣ 1829 года, представилъ комитету объ увольненіи отъ службы изъ штаба его высочества 6-го класса Шаганова, съ награжденіемъ чиномъ. Представленіе сіе Гежелинскій держалъ около полутора года; наконецъ оно доложено 28-го іюня 1830 года, и въ меморіи того числа подъ положеніемъ было отмѣчено поступившимъ въ комитетъ 24-го того же іюня. По возвращеніи же меморіи отъ государя, Гежелинскій приказалъ чиновнику, писавшему оную, подчистить число 24-е іюня и выставить настоящее, когда дѣло поступило въ комитетъ, то-есть 12-е февраля 1829 года, причемъ подправленъ и знакъ, сдѣланный подъ положеніемъ комитета государемъ собственноручно карандашемъ и означающій его согласіе. Подобно сему, на многихъ особыхъ журналахъ, по нѣсколько мѣсяцевъ залеживающихся, когда вздумается Гежелинскому дать имъ ходъ, выставляются новыя послѣднія числа слушанія сихъ дѣлъ.

4) Послѣ подписанія членами каждаго общаго журнала, Гежелинскій всегда почти мараетъ резолюціи и даетъ дѣламъ, обращающимъ его вниманіе, другое направленіе, согласно своему желанію, послѣ чего, по приказанію его, переписываютъ вновь журналъ и пришиваютъ къ нему послѣдній листъ, на которомъ подпись членовъ комитета.

5) Отъ произвольнаго распредѣленія занятій между чиновниками канцеляріи, одни обременены ежедневно дѣломъ, между тѣмъ какъ другіе, при большемъ жалованьи, почти ничего не дѣлаютъ; такъ чиновникъ, носящій съ 1826 года званіе хранителя архива и казначея, всегда занятъ или перепискою, или другимъ постороннимъ дѣломъ, а между тѣмъ архивъ и казначейская часть въ самомъ жалкомъ положеніи. Ордера на выдачу жалованья чиновникамъ Гежелинскій недавно подписалъ сряду за нѣсколько лѣтъ задними числами, послѣ чего всѣ чиновники за то же время очищали расходныя книги своими росписками.

6) Различныя требованія министровъ, накопившіяся за годъ, за два и даже за пять лѣтъ, лежатъ у Гежелинскаго безъ всякаго отвѣта и исполненія.

7) Гежелинскій представлялъ государю о необходимости нанять домъ, въ коемъ бы онъ могъ помѣститься съ нѣкоторыми чиновниками канцеляріи для успѣшнѣйшаго хода дѣлъ, испросилъ на сіе по пятнадцати тысячъ рублей ежегодно, но вмѣсто того нанимаетъ квартиру только въ пять тысячъ рублей для себя и родственниковъ своихъ.

8) Гежелинскій, о б е з п е ч и в ъ себя въ достаточномъ состояніи и сопутствуемый необыкновеннымъ счастьемъ, избавляющимъ его всегда отъ бѣдъ, нынѣ почитаетъ себя полнымъ властелиномъ всѣхъ своихъ беззаконныхъ дѣйствій: онъ не довольствуется зломъ и притѣсненіями, дѣлаемыми имъ всѣмъ, кто только имѣетъ какое-либо дѣло до комитета министровъ, но тѣхъ просителей, кои на него вопіютъ, увѣряетъ, что дѣла ихъ лежатъ у государя. Дерзость его еще болѣе простирается: представленіямъ цесаревича онъ часто, подъ прикрытіемъ всего комитета министровъ, даетъ другое направленіе или же задерживаетъ и наводитъ великому князю сомнѣніе, что они лежатъ у государя безъ вниманія. Сіе доказывается, какъ вышеприведеннымъ примѣромъ о Шагановѣ, такъ и другимъ дѣломъ объ уменьшеніи расходовъ на земскія повинности по Волынской губерніи, по которому государь въ апрѣлѣ 1829 года приказалъ изъявить цесаревичу искреннюю благодарность, но Гежелинскій доселѣ (декабря 1830 года) сего не исполнилъ.

9) Подобно сему и другія дѣла, съ послѣдовавшими уже по нимъ на положенія комитета высочайшими повелѣніями, лежатъ по нѣсколько лѣтъ безъ всякаго движенія.

10) Меморія комитета 10-го мая 1830 года до сихъ поръ не поднесена къ подписанію членовъ, и всѣ дѣла, въ то засѣданіе выслушанныя, лежатъ безъ движенія, кромѣ нѣкоторыхъ, выпущенныхъ уже послѣ новыми числами въ особыхъ журналахъ. Указывая за симъ удобнѣйшія средства къ удостовѣренію въ истинѣ всего вышеизложеннаго посредствомъ обревизованія канцеляріи комитета и на тѣ вопросы, которые надлежитъ задать Гежелинскому, безъименный доноситель заключалъ свою бумагу слѣдующимъ:

«Картина толикихъ злоупотребленій изображаетъ вашему величеству человѣка, который столь неслыханно во зло употребляетъ высочайшую вашу къ нему довѣренность! Извѣстно, впрочемъ, всѣмъ, что уже гнѣвъ вашего величества постигъ Гежелинскаго—онъ наказанъ арестомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, оставаясь на своемъ мѣстѣ, Гежелинскій не выпускалъ даже на гауптвахтѣ изъ своихъ рукъ дѣлъ комитета министровъ. Онъ страшился, чтобы не поручена была должность его хотя на время другому; страшился, чтобы не потребовали безъ него отчета въ дѣлахъ комитета, ибо тогда если и не могло быть обнаружено все прошедшее зло, прикрытое уже различными изворотами, то по крайней мѣрѣ сдѣ-

лались бы извѣстными всѣ настоящія его злоупотребленія и вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣрило бы ваше величество, что производство дѣлъ по комитету министровъ не только бы не потерпѣло безъ Гежелинскаго, но, напротивъ, дѣла приняли бы быстрый ходъ, сопровождаемый безкорыстіемъ, которымъ мѣсто сіе отличалось до вступленія въ управленіе дѣлами комитета Гежелинскаго. Но безпримѣрное счастье Гежелинскаго, сопровождаемое покровительствами, коими онъ всегда умѣлъ себя окружить, оставило его на поприщѣ прежнихъ его злоупотребленій. Жертвуя, за свою вину, чиновниками канцеляріи комитета министровъ, дабы чрезъ то избавить себя отъ бѣды, и выпустивъ нѣсколько изъ старыхъ, давно выслушанныхъ въ комитетѣ министровъ дѣлъ, обращая всю вину на членовъ онаго въ нерѣшеніи проектовъ резолюцій, о коихъ онъ никогда и не думалъ имъ докладывать, прочія старыя дѣла, равно какъ и всѣ задержанныя высочайшія повелѣнія, оставилъ Гежелинскій въ прежнемъ бездѣйственномъ положеніи. Таковое преступное его противодѣйствіе высочайшей власти наводитъ ужасное изумленіе! Нельзя не подозрѣвать, чтобы въ поступкахъ его, столь дерзкихъ, не сокрывалась особая цѣль, къ которой онъ стремится. Долгъ присяги и чувство вѣрноподданнической преданности къ священной особѣ вашего величества побудили открыть предъ вашимъ величествомъ все сіе зло, ибо обязанность вѣрноподданнаго есть—охранять своего государя».

Комитету министровъ о содержаніи сего доноса объявлено было тогда уже, когда всѣ распоряженія по оному были сдѣланы отъ государя, то-есть 30-го декабря князь Кочубей открылъ засѣданіе объявленіемъ, что онъ, по высочайшей волѣ, имѣетъ предложить комитету дѣло, относящееся до преступныхъ дѣйствій дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гежелинскаго, на коп государь необходимымъ призналъ обратить вниманіе. За симъ князь Кочубей изъяснилъ, что государь, не жалуя безъименныхъ доносовъ и не удостоивая ихъ даже вообще и прочтенія, по вскрытіи, 21-го декабря, пакета съ таковымъ доносомъ, усмотрѣвъ изъ первыхъ строкъ, что дѣло идетъ о Гежелинскомъ, и «какъ многократно доходило до высочайшаго свѣдѣнія объ упущеніяхъ сего чиновника, непосредственно его величествомъ не только замѣченныхъ, но обратившихъ даже особенное монаршее негодованіе, въ собственноручныхъ его величества замѣчаніяхъ ему изъявленное», то по таковымъ предшествовавшимъ обстоятельствамъ государь обратилъ вниманіе на донось сей и вслѣдствіе того повелѣлъ, чтобы на другой день осмотрѣны были бумаги въ бюро Гежелинскаго, въ канцеляріи комитета находящіяся, на кои въ доносѣ сдѣлана ссылка. Освидѣтельствованіе сіе, произведенное по высочайшему назначенію государственнымъ секретаремъ Марченкомъ и флигель-адъютантомъ графомъ Строгано-

вымъ (впослѣдствіи товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ) [1]), открыло, что заключающіяся въ доносѣ указанія на главнѣйшія безпорядки—были вѣрны. По сему государю угодно было призвать въ кабинетъ свой Гежелинскаго и показать ему вышепомянутыя бумаги, начавъ предъявленіемъ меморіи, въ коей подчищено число, выставленъ годъ и переставленъ собственноручный высочайшій знакъ. При предъявленіи сей меморіи, Гежелинскій, бросясь на колѣни предъ его величествомъ, сознался въ семъ преступномъ дѣйствіи. За симъ государь показалъ ему и другія бумаги, по коимъ онъ такъ же, павъ къ стопамъ его величества, принесъ сознаніе».

Послѣ сихъ изъясненій князь Кочубей объявилъ, что государь повелѣть изволилъ—посадить Гежелинскаго въ крѣпость, а дѣйствія его передать разсмотрѣнію комитета министровъ, дабы оный представилъ его величеству заключенія свои о тѣхъ распоряженіяхъ, кои въ порядкѣ дѣлъ сего рода сдѣланы быть могутъ, для преданія Гежелинскаго суду на основаніи законовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предложилъ комитету всѣ бумаги, въ доносѣ означенныя и обличавшія частью дѣйствія Гежелинскаго [2]).

Засѣданіе 30-го декабря, по сему случаю назначенное, было необыкновенно многочисленно. Въ немъ присутствовали всѣ наличные члены, въ числѣ тринадцати особъ. Журналъ этого засѣданія любопытенъ и по предмету своему, и по мѣрамъ, которыя комитетъ, подъ видомъ другихъ причинъ, предлагалъ для облегченія участи Гежелинскаго, и наконецъ по самому даже образу изложенія. Онъ былъ составленъ самимъ княземъ Кочубеемъ. Я выпишу его въ подлинникѣ:

«По прочтеніи и разсмотрѣніи всѣхъ вышепомянутыхъ бумагъ, комитетъ нашелъ не только запущеніе дѣлъ, небреженіемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гежелинскаго допущенное, небреженіемъ, котораго не могли исправить ни многократно изъявленный гнѣвъ его императорскаго величества, ни многократно всемилостивѣйше изъявленное ему снисхожденіе, но и чрезмѣрную дерзость въ неправильныхъ

---

[1]) 23-го декабря осмотрѣны и запечатаны были сими же лицами и всѣ бумаги, на квартирѣ Гежелинскаго находившіяся.

[2]) Въ числѣ бумагъ было и нѣсколько побудительныхъ отношеній по дѣлу бывшаго совѣтника Подольской казенной палаты Соболевскаго, которое, какъ сказано въ журналѣ комитета, „еще въ 1826 году было въ производствѣ по комитету и на медленность въ производствѣ коего его величество изволилъ обратить вниманіе въ меморіи 1-го ноября 1830 года, хотя въ оной означенное дѣло показано вступившимъ только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года“. Сіе неправильное показаніе, какъ ниже видно будетъ, принято было при судѣ надъ Гежелинскимъ за главное основаніе къ лишенію его дворянства, въ видѣ лживаго поступка или подлога.

представленіяхъ его величеству и въ тѣхъ мѣрахъ, кои принималъ онъ для сокрытія вины своей, рѣшась даже на преступное дѣйствіе подчистки числа и знака, собственноручно его величествомъ на меморіи сдѣланнаго. По симъ обнаруженнымъ обстоятельствамъ комитетъ, признавая Гежелинскаго виновнымъ, полагаетъ, что онъ можетъ быть преданъ суду и подвергнуться отвѣту по слѣдующимъ статьямъ:

«Во-первыхъ, въ подчисткѣ, сдѣланной въ меморіи 28-го іюня 1830 года, причемъ поврежденъ и переправленъ самый знакъ, выставленный его величествомъ въ изъявленіе утвержденія положенія комитета.

«Во-вторыхъ, въ невыполненіи высочайшаго повелѣнія въ апрѣлѣ 1829 года на меморіи, собственноручно его величествомъ даннаго (о благодарности цесаревичу), и въ неправильномъ показаніи его величеству времени поступленія дѣлъ въ комитетъ (дѣло Соболевскаго).

«Въ-третьихъ, въ задержаніи исполненія по дѣламъ, комитету представленнымъ и по коимъ комитетъ постановилъ заключенія свои, такъ что журналы долговременно не были представляемы къ подписанію членовъ.

«Въ четвертыхъ, въ допущеніи таковаго же безпорядка въ непредставленіи своевременно его величеству меморій по журналамъ, въ комитетѣ состоявшимся.

«Изложивъ таковое мнѣніе относительно тѣхъ дѣйствій дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гежелинскаго, кои могутъ подлежать суду, комитетъ нужнымъ находитъ его величеству донести:

«1) Что если его величеству благоугодно будетъ предать Гежелинскаго суду, то оный долженъ быть произведенъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, примѣняясь къ тому, какъ чиновники высшихъ степеней въ министерствахъ, оберъ-прокуроры и проч. суду въ Сенатѣ подлежатъ.

«2) Что какъ обозрѣніе дѣйствій Гежелинскаго государственнымъ секретаремъ Марченкомъ и флигель-адъютантомъ графомъ Строгановымъ не составляетъ слѣдствія, закономъ установленнаго, которое необходимо для судебнаго производства и постановленія приговора, то нужно будетъ учредить слѣдственную коммисію, которая бы по обвиненіямъ, изъявленнымъ выше, произвела дальнѣйшее изслѣдованіе и допросы подсудимому.

«При таковыхъ заключеніяхъ своихъ, комитетъ не могъ потерять изъ виду слѣдующихъ уваженій: преданіе Гежелинскаго суду, оглашая чрезвычайныя упущенія и самыя злоупотребленія его, можетъ произвести невыгодное впечатлѣніе насчетъ всего хода высшихъ правительственныхъ дѣлъ, даже и наведетъ нѣкоторое сомнѣніе на акты, отъ правительства чрезъ комитетъ исходившіе, высочайше утвержденные и чрезъ

чиновника сего по званію его сообщенные разнымъ мѣстамъ и лицамъ къ исполненію, а отъ оныхъ изданные чрезъ посредство Правительствующаго Сената во всеобщее извѣстіе, ибо за достовѣрность выписокъ изъ высочайше утвержденныхъ журналовъ комитета министровъ ручается единственно скрѣпа управляющаго дѣлами. Отъ предположенія, что были иногда подлоги, могутъ вновь возродиться дѣла, положеніями комитета оконченныя. Сверхъ того, въ семъ случаѣ представляются и другія неудобства съ нашею формою суда неразлучныя, какъ-то: требованіе дѣлъ изъ комитета въ Правительствующій Сенатъ, очныя ставки и проч., кои полезно для правительства отклонить.

«Вслѣдствіе разсужденій сихъ, комитетъ полагаетъ представить на благоусмотрѣніе его императорскаго величества, что по мнѣнію его удобнѣе было бы наказать Гежелинскаго, какъ чиновника, достаточно въ злоупотребленіяхъ изобличеннаго, порядкомъ мѣръ правительственныхъ. Впрочемъ, какой бы видъ дѣло Гежелинскаго ни получило, во всякомъ случаѣ, по мнѣнію комитета, должно обратить вниманіе и на самаго доносителя. Въ бумагахъ его есть показаніе, что Гежелинскимъ дѣлаемы были и другія злоупотребленія и даже, что злоупотребленія сіи основываемы были на корыстныхъ видахъ; комитетъ не могъ открыть онаго изъ всего того, что было имъ разсмотрѣно и тѣмъ менѣе имѣетъ способовъ къ раскрытію, что доноситель остался неизвѣстнымъ. Наконецъ нельзя обойти молчаніемъ и того, что повидимому доноситель былъ столь близокъ къ дѣламъ комитета, что зналъ совершенно о ходѣ оныхъ, а потому въ непремѣнной обязанности его было тотчасъ же, какъ замѣтилъ онъ злоупотребленія управлявшаго, довести о семъ до свѣдѣнія начальства».

Разсужденія комитета не могли убѣдить государя, и на вышеприведенный журналъ послѣдовало собственноручное высочайшее повелѣніе: «Г-на Гежелинскаго судить въ Сенатѣ на законномъ основаніи, по тѣмъ дѣламъ, по коимъ изобличенъ на самомъ дѣлѣ».

Отсюда дѣло раздѣлилось на три части:

1) Надлежало привести въ извѣстность доносчика.

2) Надлежало исправить упущенія Гежелинскаго.

3) Надлежало, наконецъ, судить его по законамъ.

Разысканіе о доносчикѣ представляло большія трудности, ибо не было никакихъ данныхъ къ самому даже началію онаго. Первое подозрѣніе упало на служившаго въ канцеляріи комитета коллежскаго совѣтника Б—наго, который прежде былъ весьма близокъ къ Гежелинскому и пользовался особеннымъ его расположеніемъ, но потомъ, по разнымъ личностямъ, подвергся его преслѣдованію. Чиновникъ сей, по разстроенному здоровью, многократно просилъ о перемѣщеніи его въ лучшій климатъ вице-губернаторомъ. Воспользовавшись симъ, Гежe-

линскій въ сентябрѣ 1830 года, то-есть мѣсяца за три до доноса, представилъ объ увольненіи его изъ канцеляріи комитета, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе съ тѣмъ, чтобы о помѣщеніи въ министерство финансовъ онъ самъ просилъ министра. Тотчасъ по заключеніи Гежелинскаго въ крѣпость, Б—ный обратился съ просьбою къ князю Кочубею о принятіи его паки на службу въ канцелярію комитета. По сей просьбѣ государь приказалъ предварительно потребовать отъ Б — наго объясненія: не имъ-ли написанъ былъ безъименный доносъ, а если не имъ, то не знаетъ ли онъ сочинителя, или по крайней мѣрѣ не подозрѣваетъ ли кого? На оба сіи вопроса Б—ный отвѣчалъ отрицательно и вслѣдствіе того онъ снова помѣщенъ въ канцелярію комитета (откуда уже въ августѣ 1831 года опредѣленъ слободско-украинскимъ вице-губернаторомъ).

Другое подозрѣніе упадало, или по крайней мѣрѣ должно было упадать, на бывшаго архиваріуса и казначея канцеляріи комитета К—нова, который прежде также очень былъ любимъ Гежелинскимъ и даже жилъ у него въ домѣ, но послѣ съ нимъ поссорился и по докладу его, въ декабрѣ 1830 года, предъ самымъ доносомъ, за нерадѣніе къ службѣ былъ отставленъ. Въ февралѣ 1831 года К—новъ, по представленію князя Кочубея, хотя тоже принятъ снова въ канцелярію комитета къ прежней должности, но по доносу никогда спрашиваемъ не былъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ [1]).

Независимо отъ сего, государь приказалъ, чтобы отъ всѣхъ чиновниковъ канцеляріи комитета потребовано было, подъ увѣреніемъ присяги ихъ и чести, показаніе— не извѣстно ли имъ, кѣмъ писанъ былъ доносъ, или не имѣютъ ли они на кого-нибудь въ томъ подозрѣнія. При семъ велѣно было объявить чиновникамъ, что государь ожидаетъ отъ нихъ полнаго искренняго объясненія, и вразумить ихъ, какой отвѣтственности они подвергнутся, если впослѣдствіи откроется, что кто-либо имѣлъ о семъ свѣдѣніе.

Вслѣдствіе того спрошены были 22 чиновника, составлявшіе тогда канцелярію. Всѣ единогласно показали, что никакого свѣдѣнія о сочинителѣ безъименнаго доноса не имѣютъ, а нѣкоторые присовокупили, что большая часть изъясненій о канцелярскомъ порядкѣ въ комитетѣ министровъ и прочія тому подобныя подробности, очевидно, составлены или объяснены кѣмъ-либо изъ бывшихъ или нынѣшнихъ чиновниковъ онаго; о самомъ же доносѣ заключить должно, что оный изложенъ или по крайней мѣрѣ существенно переправленъ лицомъ постороннимъ.

---

[1]) Впослѣдствіи, когда я вступилъ въ управленіе дѣлами комитета, сей К — новъ, бывъ обличенъ въ разныхъ безпорядкахъ и даже злоупотребленіяхъ, снова отрѣшенъ и преданъ суду, который кончился запрещеніемъ опредѣлять его впредь на службу. Примѣч. М. А. Корфа.

Сверхъ сего спрошенъ былъ уволенный уже въ то время изъ канцеляріи комитета, но продолжавшій еще заниматься въ оной, титулярный совѣтникъ Лаптевъ, который, ссылаясь на слова доноса: «Такъ напримѣръ въ 1826 году назначенъ чиновникъ въ званіе хранителя архива и казначея; но чиновникъ сей всегда занимается или перепискою, или другимъ постороннимъ дѣломъ по волѣ Гежелинскаго, какъ между тѣмъ архивъ и казначейская часть въ самомъ жалкомъ положеніи», показалъ, что произносилъ сіе Б—ный, въ чемъ ссылается на нѣкорыхъ чиновниковъ канцеляріи, слышавшихъ таковый его отзывъ о хранителѣ архива, съ присовокупленіемъ того, что уже онъ, Б—ный, на спросъ графа Виктора Павловича (Кочубея) о К—новѣ отзывался сими именно словами. Б—ный подалъ на сіе обширный отзывъ, въ которомъ доказывалъ, что Лаптевъ человѣкъ безнравственный, не заслуживающій никакой вѣры и питающій противъ него личность за справедливые отзывы начальству насчетъ его поведенія; что, впрочемъ, говоренное имъ, Б—нымъ, предсѣдателю насчетъ К—нова—есть вещь, всей канцеляріи извѣстная, и что сіе не можетъ навлечь и тѣни подозрѣнія касательно составленія доноса.

Всѣ сіи показанія были представлены государю князем Кочубеемъ въ подлинникѣ, съ присовокупленіемъ, что если угодно его величеству, дабы продолжаемо было разысканіе, кѣмъ именно составленъ безъименный доносъ, то единое средство представляется къ тому въ употребленіи разысканій высшей полиціи. Но на сіе послѣдовала 16-го февраля 1831 года высочайшая резолюція: «Оставить нынѣ дѣло сіе безъ дальнѣйшаго изслѣдованія». Показаніе же Лаптева велѣно оставить безъ уваженія.

Симъ и кончилась эта часть настоящаго дѣла, при убѣжденіи бо́льшей части публики и даже нѣкоторыхъ министровъ, что доносъ сдѣланъ былъ Б—нымъ. Но изъ вышеизложеннаго видно, что здѣсь есть одни только нравственныя вѣроятія, и что по симъ вѣроятіямъ скорѣе даже можно подозрѣвать К—нова—человѣка нетрезваго и, какъ я послѣ узналъ, способнаго на всякій неблагородный поступокъ—тѣмъ болѣе, что доносъ сдѣланъ черезъ нѣсколько дней послѣ его отрѣшенія [1]).

---

[1]) Когда баронъ М. А. Корфъ писалъ свою записку, то дѣло это было не выяснено и изъ сложившихся обстоятельствъ, конечно, можно было обвинить К—нова; но теперь оно является въ иномъ видѣ. Вотъ что разсказывалъ Н. Н. Селифонтову покойный членъ совѣта министерства путей сообщенія тайный совѣтникъ Иванъ Петровичъ Тарново-Боричевскій:

„Весь секретъ въ почеркѣ,—говорилъ онъ.—Доносъ написанъ стариковскимъ почеркомъ, безъ отмѣны. Къ кому же переписчикъ былъ близокъ: къ

Другой предметъ заключался въ исправленіи упущеній Гежелинскаго. По неизвѣстности настоящей степени оныхъ, признано было нужнымъ отдѣлить сію часть отъ движенія текущихъ дѣлъ комитета, и вслѣдствіе того послѣдовали два высочайшія повелѣнія: одно, 24-го декабря 1830 года, о прикомандированіи изъ Государственнаго Совѣта дѣйствительнаго статскаго совѣтника Свиньина и статскаго совѣтника Чичагова, съ тѣмъ, чтобы первый вступилъ временно въ обязанности управляющаго дѣлами комитета, а послѣдній употребленъ былъ къ производству дѣлъ и особенно къ приведенію въ порядокъ архива комитета: другое, 9-го января 1831 года, о командированіи временно въ комитетъ служащаго въ Собственной его величества канцеляріи статскаго совѣтника барона Корфа, съ тѣмъ, «чтобы онъ занялся исключительно производствомъ и окончаніемъ оставшихся послѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гежелинскаго недоложенныхъ и неоконченныхъ дѣлъ, дѣйствуя въ семъ случаѣ отдѣльно, на томъ же основаніи, какъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Свиньинъ, по обязанностямъ, на него возложеннымъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно:

1) Чтобы всѣ дѣла, задержанныя Гежелинскимъ, немедленно приведены были къ окончанію особыми меморіями и въ особыхъ экстренныхъ засѣданіяхъ.

2) Чтобы дѣла, уже рѣшенныя и его величествомъ разсмотрѣнныя, но Гежелинскимъ также задержанныя, обращены были къ исполненію по принадлежности.

3) Чтобы немедля удовлетворены были справки по запросамъ отъ разныхъ мѣстъ, Гежелинскимъ безъ отвѣта оставленныя.

Первымъ дѣйствіемъ моимъ, при приступѣ къ дѣлу, естественно было обозрѣть подробно всѣ бумаги, найденныя въ кабинетѣ и въ бюро Гежелинскаго. Въ числѣ ихъ, сверхъ многихъ подлинныхъ дѣлъ комитета, оказались разныя докладныя записки Гежелинскаго, съ собствен-

---

К — нову или къ Б — ному? Къ послѣднему. Б—ный былъ женатъ на дочери купца Попова. Когда Поповъ умеръ, то духовное завѣщаніе его представлено было въ гражданскую палату, для утвержденія. Все оно написано было собственноручно Поповымъ, и почеркъ оказался тотъ самый, которымъ былъ написанъ доносъ на Гежелинскаго. Послѣ этого не оставалось сомнѣнія, что доносъ сдѣлалъ Б—ный. Вотъ почему его не пустили далѣе вице-губернатора, а только переводили съ мѣста на мѣсто: прежде въ Харьковъ, послѣ въ Смоленскъ и наконецъ въ Новгородъ. Достигнуть губернаторства онъ не могъ, хотя и домогался 17 лѣтъ. Къ намъ (въ министерство путей сообщенія) перешелъ онъ, будучи 10 лѣтъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и получивши двѣ звѣзды. У насъ онъ много лѣтъ добивался сенаторства, но также безполезно".

поручными на нихъ высочайшими повелѣніями, большое число черновыхъ журналовъ, отношеній, выписокъ, проектовъ, указовъ и т. п., разныя предписанія и отношенія, имъ и предмѣстниками его полученныя, записки къ нему графа Аракчеева, предсѣдателей и членовъ комитета, вѣдомость о дѣлахъ, нѣсколько частныхъ писемъ и множество другихъ разнаго рода бумагъ, болѣе или менѣе важности въ себѣ заключавшихъ, числомъ всего свыше пяти тысячъ.

Всѣ эти бумаги, не бывъ приготовлены къ формальной сдачѣ, находились въ крайнемъ безпорядкѣ: принадлежащее къ одному дѣлу— вложено было въ другое, важное смѣшано съ малозначущимъ, нужное съ излишнимъ, такъ что и по точнѣйшемъ просмотрѣ не было возможности отличить дѣйствительно уже оконченное и исполненное отъ того, что требовало еще производства. По сему надлежало обратиться къ справкамъ съ реестрами, журналами и архивомъ комитета; но это оказалось невозможнымъ по совершенному разстройству и запутанности всѣхъ частей канцеляріи, по совершенному невѣдѣнію чиновниковъ о положеніи дѣлъ, ибо Гежелинскій, обращая окончательно все въ свои руки, не посвящалъ никого въ свои таинства. Мало того, надлежало еще потребовать отъ всѣхъ министерствъ вѣдомости о дѣлахъ, остающихся не рѣшенными за комитетомъ; это было сдѣлано по высочайшему повелѣнію, чрезъ тогдашняго статсъ-секретаря Муравьева.

Для окончанія всѣхъ сихъ дѣлъ мнѣ не было собственно дано никакихъ средствъ, ибо Свиньинъ, производя текущія дѣла, не могъ мнѣ удѣлить никого изъ чиновниковъ канцеляріи комитета. Итакъ, числясь еще въ то время вице-директоромъ департамента податей и сборовъ, я долженъ былъ обратиться къ министру финансовъ, отъ котораго командированы ко мнѣ одинъ столоначальникъ по моему выбору и семь писцовъ. Съ помощью ихъ возложенное на меня порученіе было кончено менѣе, нежели въ два мѣсяца, и 24-го февраля я представилъ государю отчетъ мой. Къ сему времени не осталось въ комитетѣ ни одного дѣла старѣе 1831 года [1]).

Изъ вѣдомостей, которыя при семъ поднесены были отъ меня государю, видно:

1) Что двадцать высочайшихъ повелѣній, изъ коихъ два еще 1826 года, оставались не предъявленными комитету и слѣдовательно неисполненными.

---

[1]) На докладной запискѣ моей о семъ государю благоугодно было написать: „Объявляю вамъ совершенное мое удовольствіе за успѣшное исполненіе даннаго мною вамъ порученія. Объявите мое благоволеніе и чиновникамъ, по дѣлу сему употребленнымъ“. Потомъ 6-го мая 1831 года послѣдовалъ указъ о назначеніи меня въ должность управляющаго дѣлами комитета.

2) Что четыре высочайшія повелѣнія хотя были комитету въ свое время предъявлены, но оставались потомъ также неисполненными.

3) Что другихъ недоложенныхъ и неконченныхъ дѣлъ было шестьдесятъ пять, изъ коихъ одно съ 1813, а другія начиная съ 1822 г., большею частью весьма важныя, или по крайней мѣрѣ весьма многосложныя.

4) Что сверхъ того сорокъ шесть дѣлъ и представленій, которыя въ свое время не были доложены или окончены, оказались не требующими, за давно прошедшимъ временемъ, дальнѣйшаго производства и потому возвращены въ министерства. Въ сіе же число включены были и отвѣты на разные запросы, но послѣднихъ было и кромѣ сего огромное множество, которые пріобщены къ дѣламъ, какъ совсѣмъ уже не требовавшіе по времени отвѣтовъ.

По сему порученію обращено къ исполненію выписокъ изъ журналовъ комитета 117 и другихъ исходящихъ бумагъ 162.

Наконецъ третій предметъ дѣла состоялъ въ судѣ надъ Гежелинскимъ.

До начатія еще суда Гежелинскій, остававшійся все время въ крѣпости, написалъ къ государю письмо, которое по высочайшему повелѣнію внесено было на разсмотрѣніе комитета министровъ.

Гежелинскій изъяснялъ въ немъ, что, представъ предъ государя 22-го декабря, онъ съ чистосердечіемъ сознался вину свою въ запущеніи нѣкоторыхъ дѣлъ по комитету и что, чувствуя всю справедливость монаршаго гнѣва и не дерзая приносить оправданій, онъ предаетъ участь свою милосердію государя, которое безпредѣльно къ преступникамъ и къ которому онъ взываетъ какъ вѣрноподданный, посвятившій всю жизнь свою на пользу службы его величества. Далѣе Гежелинскій, не въ видѣ оправданія, какъ онъ писалъ, но единственно для преклоненія къ облегченію несчастной его участи, представлялъ:

1) Что при вступленіи государя на престолъ, въ комитетѣ оказалось болѣе 1.600 дѣлъ нерѣшенныхъ и всѣ они исполнены были потомъ не позже двухъ мѣсяцевъ.

2) Что ходъ меморій приведенъ имъ въ такой порядокъ, что съ 1826 года онѣ представляются государю, когда бываетъ одно засѣданіе въ недѣлю, чрезъ десять дней со времени слушанія дѣлъ, а когда два, то чрезъ семь дней. Исполненія же сообщаются министрамъ по объявленіи комитету высочайшихъ повелѣній столь скоро, какъ токмо возможно успѣть перепискою бумагъ.

3) Что при столь быстромъ ходѣ дѣлъ, а главнѣйше по непомѣрному числу поступающихъ въ комитетъ бумагъ, нѣкоторыя дѣла, отставъ отъ обыкновеннаго хода, остались неоконченными, и что съ начала царствованія государя поступило болѣе пятнадцати тысячъ дѣлъ, а

осталось неоконченными до 50, но и сіи дѣла надѣялся онъ окончить въ томъ же 1830 году, ибо изъ нихъ большая часть была уже имъ обработана и оставалась токмо непереписанною по недостатку писцовъ.

4) Что предсѣдатель комитета представилъ государю проектъ новаго образованія канцеляріи, съ изданіемъ коего управляющій, конечно, поставленъ будетъ въ бо́льшую возможность отправлять свое званіе съ полнымъ успѣхомъ для пользы службы, повергалъ на высочайшее вниманіе, что всѣ замѣченныя по канцеляріи упущенія происходятъ сколько отъ недостатка правилъ для ея руководства, столько и отъ неопредѣлительности обязанностей и отвѣтственности каждаго чиновника.

Гежелинскій заключалъ письмо свое изъясненіемъ, что онъ болѣе 30-ти лѣтъ служилъ безпорочно съ безпредѣльнымъ усердіемъ и непоколебимою вѣрностью по мѣрѣ силъ своихъ, и что, повѣряя всѣ свои дѣйствія, всѣ помышленія, онъ спокоенъ въ совѣсти и съ твердою надеждою на монаршее правосудіе умоляетъ о милосердіи и дарованіи ему свободы, дабы и остальные дни свои посвятить на службу съ вящимъ рвеніемъ.

Комитетъ, разсмотрѣвъ сіе письмо въ засѣданіе 3-го января, убѣдился, что главный предметъ онаго есть сознаніе Гежелинскимъ вины его, принесеніе раскаянія и воззваніе къ монаршей милости; что же касается до обстоятельствъ, кои, по мнѣнію просителя, могутъ преклонять къ облегченію его участи, то комитетъ не нашелъ въ нихъ ничего, что̀ могло бы измѣнить мнѣніе его о дѣйствіяхъ и виновности Гежелинскаго, изложенное въ журналѣ 30-го декабря. Но какъ они заключаютъ въ себѣ прошеніе объ оказаніи монаршей милости, а сіе, относясь собственно къ высочайшей волѣ, не составляетъ предмета сужденія комитета, то оный и положилъ повергнуть все сіе на благоусмотрѣніе государя.

На сіе объявлено комитету только, что государь изволилъ читать помянутый журналъ онаго 12-го января 1831 года.

За симъ судъ воспріялъ свое начало въ I-мъ отдѣленіи 5-го департамента Сената. Къ оному истребованы были изъ комитета министровъ всѣ подлинныя бумаги, составлявшія актъ обвиненія, но замѣчательно, что въ числѣ ихъ не было ни требовано, ни сообщено безъименнаго доноса. Отъ этого судъ совсѣмъ не коснулся разныхъ содержащихся въ немъ предметовъ и все судопроизводство основано только на тѣхъ обвинительныхъ статьяхъ, которыя выведены въ журналѣ комитета 30-го декабря.

Вопросные пункты составлены были Сенатомъ соотвѣтственно симъ статьямъ съ нѣкоторыми подробностями касательно недоложенныхъ и неоконченныхъ дѣлъ. Въ отвѣтахъ своихъ Гежелинскій, прописывая большею частью то же самое, что было имъ помѣщено въ письмѣ къ

государю, объяснилъ затруднительное положеніе, въ которомъ онъ находился: 1) отъ необычайнаго множества поступающихъ въ комитетъ дѣлъ; 2) отъ неимѣнія положительныхъ на производство оныхъ по канцеляріи правилъ; 3) отъ неопредѣленія обязанностей и отвѣтственности каждаго чиновника и 4) отъ самаго недостатка чиновниковъ въ канцеляріи, что̀ все было бы отвращено съ изданіемъ составленнаго уже для сей канцеляріи подробнаго положенія, которое открыло бы ему, Гежелинскому, средства заслужить предъ государемъ нѣкоторыя безнамѣренныя его упущенія. Затѣмъ Гежелинскій объяснилъ: 1) что вмѣняемой ему въ вину подчисткѣ въ числѣ и годѣ поступленія дѣла чиновника Шаганова онъ не дѣлалъ и дѣлать ее не имѣлъ никакого побужденія, а можетъ только статься, что при повѣркѣ меморіи замѣчена была въ помянутой статьѣ какая-нибудь канцелярская описка, которая поправлена прежде представленія меморіи государю, но и сего онъ совершенно припомнить не можетъ; 2) что въ замедленіи исполненія высочайшей воли о объявленіи признательности цесаревичу, равно и по другимъ указаннымъ ему дѣламъ, остававшимся неоконченными, онъ не дерзаетъ приносить никакихъ оправданій, безмолвно предаетъ участь свою благости и милосердію его величества; 3) что по дѣлу Соболевскаго послѣднее представленіе дѣйствительно поступило въ апрѣлѣ 1830 года (какъ и въ меморіи показано), но что дѣло сіе началось еще въ 1820 году и потомъ разрѣшаемо было комитетомъ въ разные годы неоднократно. Все сіе какъ въ журналѣ, такъ и въ меморіи изложено подробно.

Сенатъ, признавъ запирательство Гежелинскаго въ подчисткѣ на меморіи комитета новою дерзостью, усугубляющею его преступленіе, въ которомъ онъ прежде самъ принесъ государю сознаніе, испрашивалъ по сему случаю особое разрѣшеніе. Оно было объявлено ему въ такой силѣ, что государь, хотя и видитъ въ семъ запирательствѣ дерзость подсудимаго въ отрицаніи преступнаго дѣйствія, несмотря на сдѣланное имъ прежде въ высочайшемъ присутствіи сознаніе, но обращая преимущественное вниманіе на строгое охраненіе судебныхъ формъ, кои предписаны закономъ для улики обвиняемыхъ, повелѣваетъ Сенату при сужденіи Гежелинскаго обойти статью о подчисткѣ меморіи, а также и дерзкое его запирательство и оставить оныя безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія, но продолжать начатый надъ Гежелинскимъ судъ по прочимъ пунктамъ его обвиненія.

За симъ Сенатъ, вытребовавъ изъ комитета министровъ еще разныя дополнительныя свѣдѣнія, постановилъ рѣшительную резолюцію, въ которой къ осужденію Гежелинскаго приняты слѣдующія главныя основанія:

1) Гежелинскій самъ сознался въ винѣ своей по неисполненію высо-

чайшаго повелѣнія о объявленіи признательности цесаревичу и по долговременному неподнесенію его величеству мемориі по разнымъ журналамъ комитета.

2) Оправданіе Гежелинскаго по дѣлу Соболевскаго не можетъ быть уважено, ибо комитетъ министровъ, въ виду коего былъ весь ходъ сего дѣла, призналъ уже Гежелинскаго виновнымъ въ неправильномъ показаніи времени поступленія онаго въ комитетъ.

3) Число и обязанности чиновниковъ канцеляріи комитета министровъ опредѣлены были штатомъ 1826 года, который испрошенъ самимъ Гежелинскимъ послѣ нѣсколько-лѣтняго уже управленія дѣлами комитета. Изъ сего штата видно, что докладъ дѣлъ комитету, составленіе журналовъ, проектовъ резолюцій и статей для мемориі, а равно наблюденіе за исправностью и вѣрностью переписки тѣхъ и другихъ, возложено было на четырехъ производителей дѣлъ и ихъ помощниковъ, а управляющему дѣлами комитета «поручено токмо просмотрѣ всѣхъ оныхъ приготовляемыхъ производителями дѣлъ и бумагъ». Слѣдовательно, Гежелинскій совершенно несправедливо показываетъ о нахожденіи его въ затруднительномъ положеніи, и напротивъ Сенатъ признаетъ, что или собственная его воля, или небреженіе, или же, быть можетъ, какія-либо намѣренія были причиною удерживанія имъ у себя дѣлъ и даже высочайшихъ повелѣній безъ исполненія и безъ предъявленія комитету.

4) Число вступавшихъ и рѣшеныхъ дѣлъ, съ изданія въ 1826 году помянутаго штата, не только не увеличивалось, но годъ отъ году уменьшалось. Слѣдовательно, ссылка Гежелинскаго, къ оправданію своему, на необычайное множество въ комитетѣ дѣлъ есть также несправедливая.

5) На предъявленіе комитету и на исполненіе высочайшихъ повелѣній, равно какъ и на поднесеніе государю своевременно мемориі, окончательно уже изготовленныхъ, продолжительныхъ занятій не требовалось, слѣдовательно все сіе, а также долговременное непредставленіе къ подписанію членовъ журналовъ комитета, показываетъ явное и ничѣмъ неизвинительное небреженіе Гежелинскаго къ службѣ и даже къ выполненію высочайшихъ повелѣній, небреженіе, отъ коего не могли его исправить монаршій гнѣвъ, явленное ему снисхожденіе и многократныя поминанія; приводимыя же подсудимымъ причины запущенія дѣлъ не только не заслуживаютъ ни малѣйшаго уваженія, но означаютъ одни изгороты, придуманные къ мнимому оправданію въ поступкахъ, ничѣмъ неизвинительныхъ.

За симъ подведены были три закона:

I. глава генеральнаго регламента, коею за несправедливый рапортъ, умышленное удержаніе дѣла, неприведеніе въ дѣйствіе

полученнаго указа или преднамѣренное упущеніе обязанности, опредѣляется смертная казнь или вѣчная ссылка на галеры, а въ случаѣ того же преступленія въ меньшей степени—временная ссылка или лишеніе чина, по мѣрѣ вины.

28-й воинскій артикулъ, полагающій за упущеніе должности отъ лѣности, глупости или медленности, но безъ злости и умысла, отрѣшеніе отъ должности навсегда или на время, съ обращеніемъ на то время въ рядовые.

6-я статья дворянской грамоты, коею въ числѣ преступленій, разрушающихъ дворянское достоинство, полагаютъ лживые поступки.

На основаніи сихъ узаконеній Сенатъ положилъ: «лиша Гежелинскаго чиновъ, дворянства, орденовъ и знака отличія безпорочной службы, написать въ рядовые, куда годнымъ окажется, а въ случаѣ неспособности сослать въ Сибирь на поселеніе».

Сего мнѣнія были сенаторы: князь Трубецкой, Баратынскій, Дубенскій, графъ Толстой и Мансуровъ.

Сенаторъ Васильчиковъ 2-й съ своей стороны, соглашаясь на сіе опредѣленіе, полагалъ только не лишать Гежелинскаго дворянства, и хотя оберъ-прокуроръ фонъ-Дезинъ предлагалъ письменно о невозможности принять сіе мнѣніе, ибо по закону дворянинъ не можетъ быть сосланъ въ Сибирь на поселеніе безъ разрушенія дворянскаго достоинства, но Васильчиковъ остался при своемъ заключеніи.

Вслѣдствіе сего дѣло перенесено было въ общее Сената собраніе (1-го, 5-го и межеваго департаментовъ), гдѣ произошли, также разныя мнѣнія:

Рѣшительное большинство 13-ти сенаторовъ [1]) согласились съ резолюціею, данною въ 5-мъ департаментѣ пятью сенаторами.

Безобразовъ далъ длинное и многосложное мнѣніе, заключеніемъ коего было то, чтобы утвердить мнѣніе 5-го департамента; но принимая въ уваженіе довольно долговременную службу Гежелинскаго, и что до 1828 года онъ въ штрафахъ и подъ судомъ не находился, дальнѣйшую участь его повергнуть монаршему милосердію.

Съ симъ мнѣніемъ согласился Ланской.

Г. Полетика въ предметахъ, сужденію Сената предоставленныхъ, не усматривалъ со стороны Гежелинскаго никакого преступленія, либо лихоимства, но единственно крайнее небреженіе въ отправленіи своей должности и ослушаніе монаршей волѣ, требующія примѣрнаго наказа-

---

[1]) Пущинъ, Горголи, Назимовъ, князь Шаховской, Вистицкій, Царевичъ, Багратъ-Георгіевичъ, Мордвиновъ, Меркуловъ, Саврасовъ, Ставицкій, князь Хованскій, Михаловскій и Грушецкій.

нія. По сему онъ полагалъ: согласно 28-му воинскому артикулу, лишивъ Гежелинскаго чиновъ и всѣхъ знаковъ отличія, отдать въ солдаты.

Г. Сумароковъ, считая, что главнѣйшимъ и подлежавшимъ строжайшему наказанію преступленіемъ Гежелинскаго была бы наглая подчистка высочайшаго знака, каковое обстоятельство повелѣно однако же обойти, находилъ въ прочихъ дѣйствіяхъ Гежелинскаго непростительную медленность, небреженіе, безпорядки и сокрытіе чрезъ долгое время именныхъ повелѣній. Но по уваженію къ тому, что при семъ не открыто ни лихоимства, ни злонамѣренности, онъ полагалъ, согласно концу L-й главы генеральнаго регламента, снявъ съ Гежелинскаго всѣ чины и знаки, впредь ни къ какому служенію, ни къ выборамъ его не допускать и безъ лишенія дворянства, для большаго посрамленія, велѣть въ столицу не въѣзжать и жить въ деревнѣ.

Васильчиковъ 2-й пояснилъ прежнее свое мнѣніе тѣмъ, чтобы, лиша Гежелинскаго чиновъ и знаковъ, написать въ рядовые, куда годнымъ окажется.

Но какъ управлявшій тогда министерствомъ юстиціи (Дашковъ) согласился съ большинствомъ голосовъ, то и былъ поднесенъ отъ Сената государю докладъ, по установленному порядку, чрезъ Государственный Совѣтъ.

Въ Государственномъ Совѣтѣ послѣдовало слѣдующее единогласное положеніе:

«Государственный Совѣтъ, въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи разсмотрѣвъ докладъ Правительствующаго Сената объ управлявшемъ канцеляріею [1]) комитета министровъ дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Ѳедорѣ Гежелинскомъ (44-хъ лѣтъ), обличенномъ въ пренебреженіи своихъ обязанностей и происшедшемъ отъ того запущеніи дѣлъ, въ несправедливомъ показаніи его императорскому величеству времени вступленія въ комитетъ одного дѣла и въ несправедливомъ объясненіи Сенату о затруднительномъ будто бы положеніи его по должности; въ непредъявленіи комитету и неисполненіи нѣкоторыхъ высочайшихъ повелѣній, не взирая на многократно изъявленныя ему государемъ императоромъ строгія напоминанія, выговоры и самое взысканіе, полагаетъ: утвердить приговоръ Правительствующаго Сената, чтобы на основаніи генеральнаго регламента 50-й главы, воинскаго 28-го артикула и 6-й статьи дворянской грамоты, лишивъ Гежелинскаго чиновъ, дворянства, орденовъ и знака отличія

[1]) Замѣчательно, что въ приговорѣ, подлежавшемъ по существу своему обнародованію, Гежелинскій названъ не настоящимъ своимъ титуломъ управляющаго дѣлами комитета, а управляющимъ канцеляріею. Это сдѣлано было, вѣроятно, не безъ намѣренія.

безпорочной службы, написать въ рядовые, куда годнымъ окажется, а въ случаѣ неспособности, сослать въ Сибирь на поселеніе».

Положеніе это утверждено государемъ безъ всякаго измѣненія 26-го іюня 1831 года и потомъ распубликовано повсемѣстно въ печатныхъ указахъ Сената 18-го іюля.

Сообщилъ **Н. Н. Селифонтовъ.**

Посланіе Н. И. Греча къ реформаторамъ русской орѳографіи. (1862 г.)

Кто изъ людей шестидесятыхъ годовъ не помнитъ «о педагогическихъ собраніяхъ» лицъ, занимавшихся воспитаніемъ и обученіемъ юношества, или интересовавшихся педагогикою, собиравшихся по субботамъ въ одномъ изъ залъ второй С.-Петербургской гимназіи (Большая Мѣщанская)? Вотъ что читаемъ мы въ памятной книжкѣ С.-Петербургской губерніи 1863 года.

«По предложенію учителя третьей гимназіи В. Я. Стоюнина, въ продолженіе 1862 года, руководствуясь требованіями науки объ языкѣ и историческимъ ходомъ нашего правописанія, выкинуты буквы: ъ, ь, и, ѣ, ѳ, а также предположены и другія перемѣны въ грамматическихъ измѣненій словъ (?).

«Въ настоящее время учители русскаго языка и словесности, собираясь во вторую и четвертую субботы каждаго мѣсяца, занимаются упрощеніемъ грамматики отечественнаго языка какъ науки и какъ учебнаго предмета».

Приведенная замѣтка напечатана въ подлинникѣ по новой орѳографіи.

Генералъ В. Половцовъ особенно сочувствовалъ этимъ новшествамъ и самъ напечаталъ нѣсколько брошюръ, придерживаясь новой орѳографіи. Сердце Н. И. Греча вознегодовало. Старый грамматикъ и учитель многихъ поколѣній не могъ помириться съ этими опытами новаторовъ и вотъ при одномъ изъ свиданій со мной онъ передалъ мнѣ напечатанные на листкѣ стихи, въ которыхъ, пародируя Пушкина: «Къ клеветникамъ Россіи», онъ излилъ всю желчь свою на друзей въ Большой Мѣщанской. Вотъ эти стихи:

О чемъ шумите вы, друзья, въ Большой Мѣщанской?
Зачѣмъ анаѳемѣ хотите вы предать
Ѳиту, и ѣръ и ѣрь, и ижицу и ять?
Иль подвигъ совершить мечтаете гигантскій,
Когда бы удалось вамъ дерзкою рукой

Изъ русской азбуки ихъ вытолкать въ три-шеи?
Оставьте этотъ споръ старинный и пустой!
Почище васъ брались за это грамотеи,
Да не могли рѣшить давнишній тотъ вопросъ.
И противъ этихъ буквъ какъ противъ супостатовъ,
Школярство поднялось!
За что, про что на нихъ гоненье началось?
Для экономіи, для сокращенья штатовъ?
Для красоты письма? иль, просто, можетъ быть,
Чтобы безграмотнымъ невѣждамъ угодить!
Но чтобы порѣшить вопросъ такого сорту,
Такъ и грамматику послать бы лучше къ чорту.
Пиши, какъ говоришь, пиши: «м а в о, т в а в о».
Хоть выйдетъ ерунда, да это ничего.
Зато родной языкъ для мужиковъ упрочимъ.
Мы о натурѣ всѣ ужъ такъ давно хлопочемъ!
Но кто жъ вамъ право далъ, составивъ комитетъ,
Коверкать грамату, непризванные судьи?
Откуда вы взялись? гдѣ вашъ авторитетъ?
Или васъ уважать должны мы на безлюдьи?
Вамъ дѣлать нечего; васъ тѣшитъ этотъ споръ,
А на порядочныхъ людей тоску наводитъ:
Толчете воду вы—и безтолочь выходитъ!
Но чѣмъ же кончится вашъ судъ и приговоръ?
Намъ споры дѣльные всѣ, какъ то, не даются.
И эти сходбища конецъ извѣстный ждетъ:
«Поспорятъ, пошумятъ и разойдутся».
И дѣло далѣе Мѣщанской не пойдетъ!

Сообщилъ **М. И. Михельсонъ.**

На зарѣ крестьянской свободы.

(Матеріалы для характеристики общества).

(1857—1861 гг.).

VIII [1]).

Записки частныхъ лицъ по крестьянскому вопросу.—Записки Б—ича, Тарновскаго, Волкова и симбирскаго помѣщика.—Свѣтлыя стороны русскаго общества.—Голоса за освобожденіе крестьянъ съ землею.—Предвидѣніе обезземеленія крестьянъ.—Открытіе „Журнала для землевладѣльцевъ".—Предложеніе подоходнаго налога и національнаго займа.—Недовольство бюрократической постановкой крестьянскаго вопроса. — Письмо И. В. П—ва и его тревожные взгляды на будущее.

Съ началѣ 1858 года, кромѣ гласной печати, которой въ то время еще запрещено было говорить о крестьянскомъ вопросѣ, а впослѣдствіи если разрѣшено, то съ большими оговорками, существовала литература полуоффиціальная, заключавшаяся въ критическомъ разборѣ рескриптовъ и циркуляровъ министра, въ общихъ взглядахъ на крестьянское преобразованіе и состоявшая изъ ряда обширныхъ писемъ или записокъ, посылаемыхъ къ высокопоставленнымъ лицамъ. Записки эти читались въ обществѣ, нѣкоторые списки съ нихъ доходили до государя, на которыхъ его величество дѣлалъ свои помѣтки и замѣчанія, въ родѣ такихъ, какъ видѣли на запискѣ Зубрицкаго. Содержаніе этихъ документовъ имѣетъ громадный интересъ, потому что авторы высказывались свободно и не стѣснялись цензурными условіями, подобно періодическимъ изданіямъ, такъ равно

[1]) См. „Русскую Старину", мартъ 1898 г.

потому, что въ нихъ наиболѣе сказываются современные взгляды на крестьянское дѣло общества въ полномъ значеніи этого слова, а не лицъ правительственныхъ или литераторовъ извѣстнаго кружка, взгляды которыхъ болѣе или менѣе извѣстны. Располагая нѣкоторыми подобнаго рода списками мы приведемъ ихъ здѣсь цѣликомъ, не боясь отяготить этимъ вниманія читателя.

Торопецкій помѣщикъ Мих. Семен. Б—ичъ, излагая свой взглядъ на крестьянское дѣло, доставилъ записку объ этомъ генералу Сем. Алекс. Старынкевичу [1]), черезъ котораго, а при посредствѣ кого неизвѣстно, списокъ съ этой записки былъ представленъ государю. Помѣщикъ оказался крѣпостникъ, взгляды его отзываются бездушіемъ, и на крестьянство онъ смотритъ, какъ на вещь. Вотъ что пишетъ и рекомендуетъ этотъ помѣщикъ: «я говорю, я твержу здѣшнимъ господамъ дворянамъ, что наше дѣло..... показать ему (Царю), въ какомъ положеніи находится Псковская губернія, и что данныя для всѣхъ губерній основанія для устройства крестьянъ не годятся для Псковской губерніи; что намъ надобно просить объ исходатайствованіи высочайшаго повелѣнія на устройство этого дѣла такъ, какъ мы понимаемъ и какъ требуетъ исключительное положеніе Псковской губерніи; что если мы будемъ дѣйствовать очертя голову и только по примѣру другихъ, то будемъ въ отвѣтственности передъ своею совѣстью, передъ потомствомъ своимъ и передъ самими крестьянами. Къ несчастію Псковская губернія угловатая, губернскій городъ далекъ отъ прочихъ городовъ и потому трудно передаваться мыслями. Губернскій предводитель у насъ почтенный старичекъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Беклешевъ, человѣкъ толковый и здравомыслящій, но къ несчастью камергеръ. Онъ теперь въ Петербургѣ, гдѣ, какъ онъ говорилъ намъ, будетъ лавировать и стараться, чтобы позволили намъ повременить устройствомъ комитета. Когда онъ былъ у насъ въ Торопцѣ, то меня задѣло за-живое, что дворяне, нисколько не понимая важности дѣла, тотчасъ изъявили желаніе приступить къ оному изъ одного обезьяничества. Пріѣхавъ домой, я сталъ думать, не могу-ли чего-нибудь сдѣлать въ пользу общаго дѣла? Вслѣдствіе этого написалъ первый свой проектъ только для того, чтобы открыть глаза. Пусть распространится мысль, что если правительство хочетъ устроить дѣло по своему, то вознагражденіе должно быть и сдѣлать оное возможно. Въ своей запискѣ я хотѣлъ доказать, что отдача крестьянамъ усадебной осѣдлости поведетъ къ разоренію помѣщиковъ и крестьянъ и что потому слѣдуетъ непремѣнно отмѣнить ее. Вознагражденіе помѣщиковъ тутъ дѣло не главное, а главное то, чтобы правительство предоставило намъ самимъ

[1]) Отъ 24 го февраля 1858 г.

устройство дѣла на тѣхъ основаніяхъ, которыя мы признаемъ нужными[1]). Предложеніе мое, чтобы крестьянамъ оставить личную свободу, а все ихъ имущество оставить за помѣщикомъ, какъ это было сдѣлано въ остзейскихъ губерніяхъ, можетъ показаться тебѣ страннымъ и даже дикимъ. Но, какъ я слышалъ, это было сдѣлано въ остзейскихъ губерніяхъ и тамъ помѣщики, не получивъ никакого вознагражденія, не остались въ убыткѣ. Говорятъ и даже печатаютъ, будто тамошніе крестьяне стали хуже жить, чѣмъ прежде, но это ничѣмъ не доказано. Я никакъ не могу представить себѣ, чтобы въ Россіи, гдѣ столько простора, столько средствъ для заработка денегъ, мужикъ, хотя и ничего неимѣющій, не въ силахъ былъ прокормить себя и свою семью. Но я совсѣмъ не думаю отнимать отъ него все, что онъ имѣетъ; я оставляю только въ собственность помѣщика, какъ это по закону слѣдуетъ, крестьянскій скотъ и лошадей для того, чтобы удержать крестьянина на прежнемъ мѣстѣ и чтобы связать общими выгодами крестьянина и помѣщика. Скажутъ, что при такихъ условіяхъ помѣщикъ можетъ наложить на крестьянина тягостныя условія. А теперешнія условія развѣ не тягостны для крестьянина? [2]) Если сдѣлать ихъ еще тягостнѣе, то крестьянинъ разорится и сдѣлается неоплатнымъ должникомъ помѣщика и такая злонамѣренность помѣщика поведетъ къ его собственному вреду. Помѣщику нельзя предоставить право поставить крестьянскихъ лошадей на свою конюшню, а коровъ доить въ свою пользу. Нѣтъ, скотъ и лошади крестьянскіе, если бы крестьянинъ выбылъ, должны оставаться при томъ дворѣ, гдѣ крестьянинъ жилъ, и должны перейти къ другому арендатору, который тутъ будетъ жить. Это можетъ быть постановлено закономъ. Разумѣется, можно много говорить противъ того, чтобы оставить за помѣщиками крестьянское движимое имущество. Скажутъ, что оставленіе за помѣщиками всего нажитаго трудами крестьянъ возмутитъ ихъ и будетъ причиною страшныхъ безпорядковъ. Неправда. Эта мѣра прошла спокойно въ остзейскихъ губерніяхъ, гдѣ никакихъ возмущеній не было. Сколько разъ случается слышать отъ самихъ крестьянъ: «я вашъ и все, что имѣю—ваше». Если вы отдадите крестьянамъ ихъ лошадей и скотъ, а помѣщикамъ за это заплатите, то крестьяне будутъ считать это подаркомъ. Начнутъ гулять, пьянствовать, и пожертвованныя правительствомъ деньги пропадутъ даромъ. А деньги еще нужны въ этомъ дѣлѣ. Чѣмъ вознаградите вы ярославскихъ помѣщиковъ, у которыхъ земли малость и весь доходъ отъ оброчныхъ крестьянъ, какъ не деньгами? Чѣмъ болѣе я объ этомъ думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что нѣтъ дру-

---

[1]) Сбоку государемъ императоромъ отмѣчено: „какъ бы не такъ!“

[2]) Также сбоку рукою его величества написано: „поэтому ихъ и должно измѣнить“.

гаго выхода въ этомъ дѣлѣ. Пусть Искандеръ (Герценъ) кричитъ по всему свѣту, пусть твердитъ о беззаконіи. Не поставить же все вверхъ дномъ въ угоду его соціализма. Не понимаю, какая польза будетъ для государства, если крестьянъ сдѣлаютъ маленькими помѣщиками, а прежнихъ помѣщиковъ разорятъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось знать, получена ли моя записка въ министерствѣ, читали ли ее и что говорятъ? Можетъ быть много подобныхъ записокъ уже получено; чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Пусть увидятъ, что и другіе понимаютъ дѣло, особенно тѣ, до которыхъ оно касается. Надуваніе тутъ ни къ чему, пусть дѣло сдѣлаютъ, какъ слѣдуетъ, и всѣмъ будетъ хорошо».

Мысли не новыя, взгляды всѣмъ извѣстные—крѣпостниковъ самаго безповоротнаго закала. Болѣе интереса представляетъ записка, присланная полтавскимъ помѣщикомъ, В. Тарновскимъ, впослѣдствіи членомъ редакціонной комиссіи, къ Гр. Павл. Галагану. Авторъ рисуетъ въ ней категоріи черниговскихъ помѣщиковъ, указываетъ средства къ достиженію задуманной цѣли—освобожденія крестьянъ, наконецъ и самъ сказывается въ запискѣ симпатичнымъ и гуманнымъ человѣкомъ. Записка доложена была государю и сверху рукою его величества отмѣчено: «весьма любопытное и дѣльное письмо».

«Будучи въ Черниговѣ, пишетъ г. Тарновскій [1]), я познакомился со всѣми предводителями и даже изучилъ ихъ, а также съ губернаторомъ, который мнѣ сказалъ, что во всякомъ случаѣ я и вы будемъ членами комитета, но чтобы мы баллотировались на выборахъ. Вслѣдствіе этого я стараюсь устроить свое избраніе и имѣю довольно надежды. Буду ли выбранъ или нѣтъ, я предложу васъ баллотировать, полагая, что въ семъ дѣлѣ срама не имаши, если и не одного бѣлаго не получишь. Если одного изъ насъ или обоихъ выберутъ, то мы будемъ имѣть нѣкоторое право совѣтывать губернатору, кого избрать на мѣсто насъ. Буду дѣйствовать, сколь возможно, сильнѣе. Къ этому считаю своею обязанностью изложить вамъ свои убѣжденія объ основаніяхъ, по которымъ можно судить о предводителяхъ и дворянахъ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу. Пока правительство не выразило своего мнѣнія, не дало перваго толчка, помѣщики раздѣлялись на приверженцевъ и противниковъ эмансипаціи, и, разумѣется, первыхъ было очень мало. Но съ тѣхъ поръ, какъ правительство выразило свою непреложную волю, которой теперь нельзя уже не исполнить, чтобы ни дѣлало дворянство, всѣ сдѣлались эмансипаторами волею или неволею и роли совершенно измѣнились. Теперь помѣщики различаются по тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляютъ они при этомъ преобразованіи. Встрѣчаются очень часто люди, которые не желали большой перемѣны по привычкѣ, лѣно-

[1]) Отъ 1-го марта 1858 г., изъ г. Прилукъ, Полтавской губерніи.

сти, неразвитости или старости; но когда она явилась, какъ что-то неизбѣжное, они призадумались, вздрогнули, можетъ быть не спали нѣсколько ночей, но потомъ выказали правдивость и мягкость своей природы и здравость смысла. Они хотятъ за усадьбы платы немного болѣе цѣны пахатной земли и даже готовы отъ того отказаться; за строенія не считаютъ себя вправѣ ничего требовать, за землю же, состоящую въ пользованіи крестьянъ, желаютъ повинностей, согласныхъ съ существующими обычаями вольнаго найма. Къ такимъ людямъ принадлежитъ нашъ почтенный ветеранъ, Андрей Степановичъ Милорадовичъ, съ которымъ особенно сблизилъ меня современный вопросъ. Такого же мнѣнія М. М. Тамара и Сенковскій. Судіенко проповѣдуетъ по Кіеву самыя либеральныя мысли въ отношеніи къ крестьянскому вопросу и въ то же время открыто говоритъ, что онъ былъ противникомъ эмансипаціи, но когда она неизбѣжна, то необходимо предъявлять требованія умѣренныя и тѣмъ утвердить прочные интересы дворянства и спасти страну отъ бѣдствія. Подозрѣваютъ, что онъ имѣетъ при этомъ человѣколюбивыя намѣренія; но въ общественныхъ вопросахъ не нужно докапываться до глубины души, довольно того, что дѣйствія человѣка и обнаруживаемыя имъ мнѣнія совпадаются съ пользою народа. Въ Кіевѣ я убѣждалъ всѣхъ, кого могъ, чтобы обратили особенное вниманіе на выборы и искали званія членовъ комитетовъ.

«Но есть другаго рода люди, тѣ, которые изъ мечтательности и безотчетнаго увлеченія мыслями, высказанными въ послѣдней (прочитанной) книгѣ, или изъ желанія прослыть просвѣщенными, проповѣдывали освобожденіе, и теперь, не отказываясь отъ своихъ мыслей, хотятъ пустить на волю крестьянъ, но ограбивши ихъ прежде порядочно. Но есть еще разрядъ особенныхъ совершенныхъ эгоистовъ, для которыхъ все равно, будутъ ли крестьяне свободными или нѣтъ, и которые готовы предаться той сторонѣ, которая обѣщаетъ болѣе выгодъ. Такихъ людей надобно иначе разсматривать и всегда предполагать, что они будутъ дѣлать самое выгодное для себя. Напримѣръ, если какой просвѣщенный господинъ желаетъ быть губернскимъ предводителемъ, то онъ, разумѣется, будетъ стараться выказать себя защитникомъ дворянъ, будетъ предлагать ужасные для крестьянъ проекты. Удадутся они, и корысть удовлетворена и честь дворянства; не удадутся—все-таки прослыветъ защитникомъ и шагнетъ въ губернскіе. Другой господинъ, также просвѣщенный, положимъ, уже генералъ, хочетъ губернаторскаго мѣста, онъ будетъ защищать крестьянскія выгоды, хотя съ большою осторожностью, чтобы не уронить себя предъ дворянствомъ. Слѣдовательно, послѣдній господинъ полезнѣе для общаго дѣла и онъ сдѣлается смѣлѣе, когда найдетъ опору хотя въ малочисленной партіи.

«Въ собраніяхъ черниговскіе предводители мало выражаютъ еще мнѣ-

ній объ устройствѣ крестьянъ, а болѣе толковали о подпискахъ и проч.; но В. Б—вскій прочелъ свое мнѣніе, въ которомъ, очень краснорѣчиво разсуждая о гибельныхъ дѣйствіяхъ крѣпостнаго права, предлагалъ взять выкупы за каждую усадьбу съ $^1/_4$ десятины 60 р., а за постройки до 70 р., всего 130 р. отъ одного крестьянскаго семейства, доведеннаго владѣльцами до нищеты! Далѣе уже нельзя было идти просвѣщенному человѣку, но за нимъ еще мычали отдѣльные возгласы: «хорошо, но дешево усадьбы оцѣнены: у насъ 250 руб. стоятъ, у насъ 500 руб. и т. д.» Много намъ хлопотъ и горя будетъ, любезный другъ, и мы знаемъ, что положить начало благоденствія народа не сладкое кушанье. Это своего рода мученичество! Надобно имѣть въ душѣ своей много вѣры и любви, чтобы не ослабѣть въ обществѣ; и мы побѣдимъ, Богъ намъ поможетъ! Онъ изливаетъ теперь благодать на наше отечество.

«Наконецъ, надо упомянуть объ одномъ разрядѣ людей, которые отчасти изъ мечтательности желаютъ выказать себя и съ заднею мыслію говорятъ, что правительство мало дѣлаетъ, что надо выкупать землю, и подаютъ мнѣнія правительству. Поздно, господа! Зачѣмъ они не подавали мнѣній, когда надобно было побуждать правительство къ реформѣ, когда благородные голоса раздавались со всѣхъ концовъ Россіи, а теперь зачѣмъ поселять раздоры въ слабой партіи людей, преданныхъ пользамъ народа. По моему, намъ слѣдуетъ дружно дѣйствовать съ правительствомъ, надѣяться, что оно впослѣдствіи далѣе двинетъ реформу. А сколько теперь явилось головъ, которыя, не зная финансовъ и азбуки, кричатъ о выпускѣ облигацій и хотятъ взять такую цѣну за землю, уступленную крестьянамъ или за повинности ихъ, какихъ и все имѣніе не стоитъ. Такими облигаціями рѣшаютъ вопросъ Егоръ Ѳед. Р—вичъ, П—цкій, въ пародіи Позена, который хочетъ при эмансипаціи пріобрѣсти барышокъ.

«Не нравится мнѣ также ученіе «Русскаго Вѣстника», который думаетъ, что можно настоящій вопросъ рѣшить одними экономическими разсчетами, устроить всякія нравственныя и резигіозныя движенія. Это заблужденіе. Въ такомъ юномъ обществѣ легче найти людей религіозныхъ, человѣколюбивыхъ, чѣмъ разсчетливыхъ экономистовъ, а надѣяться на однихъ послѣднихъ, значитъ лишить реформу одной изъ живыхъ силъ нашего народа. Будемъ постоянно проповѣдывать, что грѣшно и безнравственно при освобожденіи обобрать людей, которыхъ мы довели до нищеты и нравственнаго униженія, и великодушно раздѣлаться съ ними по-братски. Конечно, полезно и разсчеты выводить, если они идутъ въ пользу дѣла, и мелкія страстишки призывать иногда на помощь, но главный двигатель долженъ быть нравственное и религіозное чувство. Англичане не умѣли еще разсчитывать, когда освободили крестьянъ своихъ, убѣжденные духовенствомъ, ревностнымъ къ дѣлу Христову; а

насъ учить хотятъ только разсчитыванію, когда намъ нужно горѣть любовью къ братьямъ нашимъ, надѣть кресты и идти въ крестовый походъ противъ невѣрующаго и развращеннаго дворянства и побѣждать не оружіемъ, а силою слова, силою любви къ братьямъ нашимъ! По моему мнѣнію, слѣдуетъ начать межеваніе генеральное, не медля, въ обѣихъ губерніяхъ, и кончить, пока будетъ утвержденъ новый крестьянскій уставъ. Какъ только будетъ утвержденъ уставъ, то начать спеціальное межеваніе съ пограничныхъ уѣздовъ обѣихъ губерній, потому что почти всѣ пограничные помѣщики имѣютъ владѣнія и въ Полтавской, и въ Черниговской губерніяхъ, пріобрѣтенныя у казаковъ, и оттуда подвигаться къ границѣ губерніи великороссійской, гдѣ рѣдко встрѣчаются земли, принадлежащія къ одному помѣстью и лежащія въ разныхъ губерніяхъ. Уставъ долженъ быть вводимъ до спеціальнаго межеванія разомъ въ цѣлой губерніи, съ тѣмъ только, чтобы крестьяне до межеванія сохранили въ своемъ пользованіи (земли), сколько имѣли въ извѣстный срокъ, напримѣръ, въ день изданія рескрипта, или какой другой. Я того мнѣнія, что крестьянамъ надобно оставить въ пользованіи столько земли, какъ они теперь имѣютъ, развѣ сами откажутся».

Болѣе обстоятельный разборъ рескрипта и циркуляра Ланскаго мы находимъ въ двухъ обширныхъ письмахъ М. В—ва изъ Парижа къ Алекс. Ив. Б—дину и къ І. Алекс. З—цкому. Мысли автора интересны въ томъ отношеніи, что онъ старается поймать неуловимое, уравнять неровное, т. е. современными правовыми отношеніями хотѣлъ разрѣшить историческую несправедливость, не обижая ни той, ни другой стороны. Въ письмѣ къ А. И. Б—дину онъ пишетъ:

«Изъ Россіи несутся противорѣчія не только на словахъ, но и въ самыхъ дѣйствіяхъ. Я сказалъ вчера моимъ посѣтителямъ, что это странное положеніе въ Россіи можно выразить слѣдующимъ сравненіемъ: c'est la débacle de l'ancien régime. Орловъ нашелъ это очень вѣрнымъ. Зима была суровая и продолжительная,—четверть вѣка мерало и замерзло толстымъ слоемъ. Не скоро пройдетъ этотъ ледъ, глыбы страшныя то подымаются горою, то становятся поперекъ теченія, то запружаютъ русло, то скопляются зажорами въ узкихъ проходахъ; тутъ снесетъ, тамъ потопитъ, въ другомъ мѣстѣ подмоетъ, въ иномъ оторветъ. Въ этомъ débacle единства воли нѣтъ, или голосъ ея не слышенъ; всякій дѣйствуетъ по своему смыслу: кто ускоряетъ ходъ льдинъ, кто ихъ останавливаетъ; иной бросается на плывущую глыбу какъ на плотъ, другой пробирается между льдинами въ челнокѣ; этотъ перескакиваетъ съ льдины на льдину, а тотъ силится попасть на другой берегъ во что бы то ни стало и всякими способами. Хаосъ, анархія и ералашъ начались повсюду и будутъ увеличиваться, расширяться и развиваться.

Некому, рѣшительно некому взять въ руки руль корабля и вывести его изъ этого лабиринта въ открытое море.—Что будетъ съ нами?

«Предоставили дворянству, но кто понялъ, чего хотятъ? Никто.— Что за условія, что за путаница! «Предоставляя» слѣдовало только сказать: «желаю гражданской свободы всего народа безъ исключенія»; или такъ: «желаю уничтоженія крѣпостнаго состоянія людей въ Имперіи». А именно этого-то и несказано. Сказано то, надъ чѣмъ будутъ сидѣть повѣся носъ, ничего не понимая, и ничего не сдѣлаютъ въ этой рамкѣ. Какое улучшеніе быта крестьянъ? Большая часть помѣщиковъ и самихъ крестьянъ находятъ, что бытъ ихъ превосходный въ данной рамкѣ. Развѣ крестьянинъ найдетъ, что бытъ его улучшится тѣмъ, что онъ долженъ купить усадьбу свою, долженъ впредь отвѣчать самъ за повинности казенныя, рекрутство и содержаніе становыхъ? Какое можетъ онъ получить за это вознагражденіе? Землю въ пользованіе. Да ему не дадутъ болѣе настоящей въ малоземельныхъ губерніяхъ, ибо вся уже ему отдана и нѣтъ лишней, а въ многоземельныхъ онъ имѣетъ уже все то количество, которое въ состояніи обработать. Чѣмъ же его вознаградить? Уменьшивъ оброкъ или работу за данную землю? Но помѣщики будутъ членами комитетовъ и вреда себѣ не сдѣлаютъ добровольно. Полная личная свобода была бы вознагражденіемъ, но объ этомъ умалчивается. Нѣтъ рѣчи объ этомъ; развѣ черезъ 12 лѣтъ заговорятъ. Не удивляюсь, что помѣщики не отвѣчаютъ на приглашеніе. Что отвѣчать?

«Вчера, объясняя предъидущее В — вичу, пріѣхавшему прощаться, я заключилъ слѣдующимъ: рескрипты, циркуляры и вся эта огласка, выражающая намѣреніе обращать вниманіе на пользы крѣпостныхъ людей, сдѣлаютъ то, что дурные помѣщики, злобные, тираны и т. п. будутъ мягче, станутъ побаиваться, обратятъ на себя и на свою совѣсть вниманіе, встрѣтятъ въ своихъ крестьянахъ нѣкоторую увѣренность, что время тиранства прошло. Бытъ крестьянъ этихъ дурныхъ помѣщиковъ сдѣлается столь же удовлетворительнымъ, какъ и бытъ крестьянъ богатыхъ и добрыхъ помѣщиковъ и тогда ничьи крестьяне не захотятъ предлагаемыхъ условій, ни мало для нихъ не выгодныхъ. Поэтому комитеты ничего путнаго не сдѣлаютъ и останется придти къ тому, съ чего единственно слѣдовало начать: объявить личную свободу всѣхъ жителей государства, какъ помѣщичьихъ, такъ и всякихъ другихъ, казенныхъ, удѣльныхъ, приписанныхъ къ заводамъ и прочихъ крестьянъ, не забывъ освободить лично и отъ міра и отъ цеха, и отъ мѣщанскаго общества и отъ всякаго другаго невольничества, и наконецъ снять разнаго рода кандалы и съ купечества и съ самого дворянства. В — вичъ совершенно согласился съ этимъ и даже нашелъ мысль эту весьма глубокою. Un résumé: одно намѣреніе правительства

улучшить быть тѣхъ крестьянъ, быть которыхъ нехорошъ; комитеты никакихъ путныхъ условій не сдѣлаютъ и все пойдетъ естественнымъ, постепеннымъ путемъ. Должно уничтожить господство и подвластность между классами, а не разъединять ихъ общіе интересы. Правительство предлагаетъ противное: разъединяетъ интересы и оставляетъ попомѣщику полицейскую расправу, т. е. господство однихъ и подвластность другихъ.

Болѣе подробно и обстоятельно развиваетъ эти взгляды авторъ въ другомъ своемъ письмѣ къ І. А. З—цкому.

«Въ вопросѣ объ эмансипаціи, говоритъ онъ, вотъ что мнѣ кажется sauf erreur:

1) Крестьянское семейство съ его домомъ, дворомъ, гумномъ и огородомъ и всѣмъ, что въ нихъ находится движимаго имущества, составляютъ, въ глазахъ помѣщика, одно цѣльное и нераздѣльное, потому что онъ ничего не требуетъ за это съ крестьянина. Крестьянинъ, снабженный всѣмъ этимъ, но не имѣющій полосы въ полѣ, называется бобылемъ и не несетъ никакой повинности, ни господской, ни казенной.

2) Несмотря на нераздѣльность, въ глазахъ помѣщика, крестьянъ съ ихъ дворами и огородами, крестьяне не имѣютъ права и никакого акта на владѣніе своимъ дворомъ и огородомъ, что нынѣ приняли называть крестьянскою усадьбою. Если бы все это было пріобрѣтено вольнымъ трудомъ крестьянина, тогда бы, по закону десятилѣтней давности безспорнаго владѣнія, крестьянинъ имѣлъ право требовать на это владѣніе формальнаго акта. При не вольномъ трудѣ подобнаго права быть не можетъ; помѣщикъ снабдилъ крестьянина матеріаломъ и онъ же далъ ему время для домашней работы и даже заставлялъ его обстраиваться и исправлять строенія.

3) Но безусловно-невольный трудъ не вездѣ существуетъ между крестьянами. Множество разнообразныхъ постановленій обусловливаютъ его, ограничиваютъ ближайшую надъ людьми власть и тѣмъ самымъ предоставляютъ крѣпостнымъ нѣкоторую степень свободы ихъ труда. Поэтому въ каждой мѣстности, крестьяне пользовались нѣкоторою частью своего времени свободно, и слѣдовательно, въ ихъ усадебномъ имуществѣ заключается болѣе или менѣе плодовъ свободнаго труда.

4) Нравственный законъ требуетъ полной гражданской свободы крестьянина. Получая свободу, крестьянинъ имѣетъ право на присвоеніе усадебнаго своего имущества въ той степени, въ которой онъ участвовалъ въ составленіи его свободнымъ своимъ трудомъ. Въ случаѣ выхода въ другую мѣстность, крестьянинъ можетъ взять съ собою или продать ту часть имущества, которую онъ пріобрѣлъ вольнымъ своимъ трудомъ. Если же онъ желаетъ остаться на мѣстѣ, то долженъ уплачи-

вать помѣщику за ту часть усадебнаго владѣнія, которая не можетъ быть разсматриваема, какъ плодъ свободнаго труда крестьянина.

5) Но исполненіе предъидущаго условія, справедливаго и удовлетворительнаго въ отношеніи къ крестьянину, не удовлетворитъ помѣщика. Онъ теряетъ принадлежавшія ему рабочія руки, которыя принуждены были за каждую десятину, предоставленную въ ихъ пользованіе, вносить извѣстную плату или обработывать десятину въ господскомъ полѣ. Вознагражденіе помѣщика должно опредѣлить разностью между доходомъ, который слѣдуетъ счесть какъ происходящій отъ земли, предоставленной въ пользованіе крестьянамъ, и доходомъ, который выручится отъ этой самой земли, отданной въ наемъ вольнымъ землевладѣльцамъ.

6) Не одни владѣльцы земли, а всѣ свободныя сословія и правительство участвовали въ образованіи въ Имперіи крѣпостнаго состоянія; слѣдовательно вознагражденіе владѣльцевъ должно падать на все государство за исключеніемъ, по возможности, освобождаемаго сословія.

7) Если неустройство финансовъ государства не позволитъ удовлетворить помѣщиковъ, то останется прибѣгнуть къ пожертвованію частныхъ людей и главнѣйше—самихъ помѣщиковъ.

8) Принуждать крестьянъ къ покупкѣ усадебной земли или ставить эту покупку условіемъ ихъ освобожденія—весьма несправедливо въ отношеніи къ нимъ. Разсматривая присвоеніе крестьянамъ усадебной земли какъ полезную мѣру для удержанія за ними постояннаго жительства на первое время ихъ освобожденія, присвоеніе это должно быть сдѣлано на счетъ государства тамъ, гдѣ сами крестьяне не имѣютъ для этого средства или не находятъ для себя выгоднымъ. Но по всему вѣроятію государственные финансы не допустятъ и этой покупки, не только полнаго вознагражденія помѣщиковъ.

9) Во всякомъ случаѣ слѣдствіемъ освобожденія крестьянъ будетъ уничтоженіе обработки земли, которую невыгодно обработывать вольнымъ трудомъ, и которая, слѣдовательно, воздѣлывалась до сихъ поръ въ невыгоду для государства, употребляя для этого трудъ, приносящій въ этомъ дѣлѣ менѣе пользы, чѣмъ въ другомъ его приложеніи. Въ подобныхъ имѣніяхъ доходъ понизится, долгъ въ кредитныя учрежденія не будетъ уплаченъ по причинѣ пониженія цѣнности залога, но общегосударственный интересъ выиграетъ, потому что каждый работникъ употребитъ свои труды наиболѣе выгодно для себя, а слѣдовательно и наиболѣе производительно для государства.

10) При освобожденіи крестьянъ податная система должна будетъ измѣниться. Прямой подушный налогъ будетъ невозможенъ по невозможности отчужденія отъ крестьянина его собственности. Всѣ падающіе на него налоги должны будутъ взиматься косвенно.

«Вотъ мое мнѣніе, оканчиваетъ г. В — овъ, если вамъ угодно его

знать. Вопросъ кажется мнѣ потому неимовѣрно труденъ, что правильное его рѣшеніе требуетъ исправныхъ финансовъ государства, прочнаго его кредита и умѣнья воспользоваться этими необходимыми условіями. По необходимости вопросъ, если разрѣшится, то разрѣшится несправедливо. Желательно только, чтобы несправедливость пала вся на дворянство, а не на крестьянъ, волненіе которыхъ гораздо опаснѣе неудовольствія первыхъ».

Приведемъ еще одинъ разборъ рескрипта и министерскаго циркуляра, сдѣланный симбирскимъ помѣщикомъ, человѣкомъ весьма образованнымъ. «На настоящее распоряженіе правительства, говоритъ авторъ, я смотрю какъ на опытъ. Опытъ этотъ теперь видимо удался. Благодаря Бога вездѣ тихо, спокойно, даже въ Симбирской губерніи. Стало быть правительству бояться нечего: оно можетъ идти смѣло впередъ, не обращая вниманія на вопли поборниковъ скотолюдства. А это не бездѣлица! Наши министры такъ мало знаютъ Россію, а еще менѣе православныхъ, что сдѣлать первый шагъ въ этомъ дѣлѣ было подвигомъ, да еще какимъ! Царь выказалъ истинное мужество, рѣшившись съ такими помощниками поднять этотъ жизненный вопросъ. Глядя съ такой точки, я сочувствую произнесеннымъ въ Москвѣ рѣчамъ и не вижу, надъ чѣмъ бы тутъ глумиться. Вопросъ не о томъ, какъ взялись за дѣло, а только въ томъ, что взялись... Начала, изложенныя въ рескриптѣ, имѣютъ, по моему, то разумное значеніе, что предоставляютъ начать дѣло дворянамъ. Это сословіе кичится своимъ благородствомъ, своими услугами отечеству, пусть же покажетъ это теперь на дѣлѣ; а не покажетъ, такъ развяжетъ руки правительству, которое тогда вправѣ поступить съ нимъ по евангельски, какъ съ немилостивымъ кредиторомъ. Оно вправѣ сдѣлать это и теперь, слыша несущіеся отовсюду неистовые вопли загрубѣлаго, невѣжественнаго барства. Не вѣрьте этимъ господамъ даже и тогда, когда они, повидимому, берутъ сторону мужиковъ и, въ примѣненіи къ нимъ проекта, находятъ его безсмысленнымъ. Скажите имъ, что правительство не преподало имъ ничего положительнаго, не сдѣлало еще ничего для нихъ обязательнаго, а предоставило ихъ благодушію рѣшить участь мужика. Не правительство стало быть будетъ виновато, если они доведутъ до пугачевщины. Пора всѣмъ этимъ господамъ оставить замашку пугать правительство революціею. Какъ только царь выразилъ свое желаніе, такъ эти молодцы начали проповѣдывать, что всѣхъ ихъ отдали въ жертву мужикамъ: въ Калугѣ де рѣжутъ, въ Смоленскѣ тоже. Послушай ихъ, такъ вся Россія залита кровью, а на дѣлѣ все тихо, спокойно! Они недоводьны проектомъ, такъ пусть же сдѣлаютъ по душѣ, по совѣсти, вѣдь это имъ не запрещено. Тогда и будетъ имъ слава и честь.

«Ну а зачѣмъ вы тутъ мѣшаете становыхъ? Я думаю, что при но-

вомъ порядкѣ и становые будутъ новые. Теперь они мошенники, люди безъ чести и правилъ правда. А не помѣщики ли сами тому виною? Не отъ нихъ ли зависитъ весь уѣздный составъ правленія? Они могли бы выбрать и поддержать людей хорошихъ. Но въ томъ то и штука, что для ихъ темныхъ разсчетовъ выгоднѣе имѣть исправника и становаго подлеца, котораго въ случаѣ надобности можно было бы купить.

«Долго и не мало прислушивался я къ рѣчамъ этихъ господъ и убѣдился, что никто изъ нихъ не хочетъ отказаться отъ барства; всѣ они поютъ одну пѣсню—«будетъ плохо». Вы справедливо какъ-то замѣтили, что вопросъ объ эмансипаціи обнажитъ всю нравственную ничтожность, все загрубѣлое невѣжество нашего передоваго сословія! Оно уже теперь явило себя достойнымъ своихъ предковъ Куроѣдовыхъ. Плохо вѣрится, чтобы эти господа учинили что либо порядочное. Здѣсь пока всѣ они ершатся на словахъ, а между тѣмъ по всѣмъ почти уѣздамъ подписали согласіе на принятіе проекта. Какъ то они примутся за дѣло? Доселѣ еще ни отъ кого я не слыхалъ путнаго слова! Многіе надѣются наложить на землю всѣ натуральные сборы, отчего оброкъ за землю долженъ возвыситься чрезмѣрно. Но они не подумали еще, что скажетъ міръ. Если правительство не заступится за православныхъ, то они сами постоятъ за себя: общинное начало—лучшая гарантія противъ безразсудныхъ требованій барина. Лишь бы начало это осталось, да правительство перестало бы бояться революціи,—дѣло бы уладилось. Неужели правительство и помѣщики думаютъ, что наши православные будутъ равнодушно смотрѣть какъ станутъ рѣшать ихъ судьбу? Скажутъ и они свое слово, когда дѣло станетъ приходить къ концу. На требованія помѣщиковъ и они предъявятъ свои требованія. Впрочемъ, что и какъ будетъ—рѣшить трудно, теперь и невозможно. Посмотримъ, какъ будутъ дѣйствовать комитеты?»

Всѣ приведенныя нами мнѣнія составляютъ, такъ сказать, теоретическіе взгляды на предстоящую реформу и на способъ ея осуществленія. Здѣсь являлись теченія самаго разнообразнаго направленія, начиная съ крѣпостника Б—ча, теоретика В—кова и кончая болѣе крайнимъ убѣжденіемъ симбирскаго помѣщика. Вся эта, такъ сказать, оффиціальная литература, какъ говорили, ходила въ то время по рукамъ; объ ней судили; нѣкоторыя записки, какъ видѣли, попадали въ руки государю, а потому литература эта имѣла въ началѣ 1858 года, пока еще не разрѣшено было печати затрогивать эмансипаціонный вопросъ, самое рѣшающее значеніе на настроеніе общественнаго убѣжденія. Писали въ то время гораздо болѣе, чѣмъ теперь, и писали гораздо дѣльнѣе, чѣмъ нынѣ пишутъ, въ періодическихъ изданіяхъ по трафаретамъ и шаблону, выкроеннымъ взглядомъ. О тогдашней подцензурной печати говорить нечего—въ ней не найдете истиннаго общественнаго теченія

мысли, въ ней сохранился въ то время еще блескъ литературнаго слога старыхъ годовъ: туманность и общность воззрѣній, навѣянныхъ нѣмецкою философіею и доморощеннымъ піетизмомъ, но не было живой жизненной струны, не было образовъ, отвѣчающихъ предметамъ дѣйствительности, волновавшихъ тогда всѣхъ и каждаго. Но брошенное правительствомъ въ общество намѣреніе перевернуть весь соціальный бытъ населенія вывело на сцену всѣ закрытыя до того времени стремленія и желанія, весь духовно-нравственный запасъ общества. Весьма любопытно прослѣдить, съ какимъ умственнымъ и нравственнымъ багажемъ выступило русское общество на арену новой жизни. Видѣть только одну темныя стороны тогдашней жизни, какъ рисовала ее современная обличительная литература, будетъ и несправедливо и односторонне. Не всѣ были Б—чи, но являлись Тарновскіе и ему подобные. Молодой пензенскій помѣщикъ Константинъ Семеновичъ К—ковъ получилъ отъ дяди письмо касательно освобожденія крестьянъ и вотъ какими взглядами и пожеланіями онъ дѣлится съ своимъ братомъ Львомъ Семеновичемъ.

«Привожу тебѣ выписку изъ письма, полученнаго мною отъ дяди Дмитрія Васильевича. «Мнѣніе наше, трехъ братьевъ, твоего брата и еще нѣсколькихъ помѣщиковъ слѣдующее: освобожденіе крестьянъ не можетъ быть сдѣлано безъ земли. Выкупъ земли крестьянами невозможенъ, а потому для нашей пользы, нестѣсненной народонаселеніемъ и съ хорошимъ грунтомъ, надобно помѣщикамъ жертвовать въ пользу крестьянъ одну десятую часть земли съ усадьбою и сдѣлать ихъ окончательно свободными и никакихъ обязательныхъ работъ, ни денежныхъ платъ, кромѣ государственныхъ и земскихъ повинностей, не налагать. Этой мѣрой крестьяне, кажется, могутъ остаться довольны и разстанутся съ своими помѣщиками безъ непріязненнаго чувства». Я не смѣлъ доселѣ, другъ и братъ, говорить тебѣ, что безвозмездный надѣлъ крестьянъ землею составляетъ нравственную нашу обязанность. Воздерживался я высказывать это мнѣніе опредѣлительно отчасти потому, что боялся стѣснить тебя, увлекая къ жертвѣ, которую ты, какъ семьянинъ, счелъ бы, можетъ быть, слишкомъ обременительною, и потому, во-вторыхъ, что условія нашего помѣщичьяго экономическаго быта извѣстны мнѣ только наглядно. Но теперь, когда равно всѣми нами уважаемые дяди пришли къ означенному заключенію, я смѣло обращаюсь къ тебѣ и прошу взглянуть на дѣло ихъ глазами. Саратовцы въ многоземельи нашли причину къ отказу крестьянамъ въ землѣ, дабы устранить зависимость помѣщиковъ отъ рабочихъ рукъ. Это—нелѣпость, это совершенно превратное пониманіе. Зависимость, которой боятся, возникнетъ скорѣе въ малоземельныхъ губерніяхъ; многоземелье само по себѣ есть уже ручательство за то, что зависимости этой у насъ въ Саратовѣ не будетъ.

«Обрати вниманіе на моральную сторону дѣла: если крестьяне будутъ обижены, то каковы будутъ наши послѣдующія къ нимъ отношенія? Разумѣется, непріязненныя, враждебныя. И что же за счастье при такой обстановкѣ? Честная душа Дмитрія Васильевича желаетъ, «чтобы при освобожденіи крестьяне разстались съ помѣщиками безъ непріязненнаго чувства». И можемъ ли мы не желать того же, если въ насъ есть гражданское чувство? Честное разставаніе съ крестьянами успокоитъ нашу совѣсть и обезпечитъ наше внутреннее счастье. Въ противномъ случаѣ насъ до гроба будетъ преслѣдовать угрызеніе совѣсти, мы будемъ сами себя стыдиться, внутренній душевный миръ нарушится. Затѣмъ, вѣдь отъ образа разрѣшенія вопроса зависитъ будущее Россіи. Впервые обстоятельства вручили намъ обсужденіе ея интересовъ. Поступимъ же гражданами! Я убѣждаю не останавливаться ни передъ какими жертвами. Этого требуетъ и совѣсть, и честь и то еще, что примѣръ не останется безъ вліянія на другихъ. Послѣднее замѣчаніе внушено мнѣ не самолюбіемъ—ты этому повѣришь. И ничто, никакія соображенія не должны останавливать. Потерпятъ, конечно, нѣкоторые, разорятся можетъ быть. Но кто бы они ни были—частныя ли лица, родственники ли, все равно, надо выше всего ставить интересъ большинства, интересъ Россіи, и подавить въ себѣ частныя и родственныя чувства передъ великимъ дѣломъ. Говорятъ, состоится указъ о дозволеніи помѣщикамъ освобождать крестьянъ, не дожидаясь опредѣленія комитетовъ. Я не раздѣляю твоего взгляда на неумѣстность этого указа. Вѣдь комитеты могли бы, по разнымъ соображеніямъ, даже можетъ быть не совсѣмъ похвальнымъ, воспрепятствовать немедленному освобожденію. Указъ же отниметъ у нихъ эту возможность и съ другой стороны дастъ великодушнымъ лицамъ случай приводить мысль въ исполненіе, не спрашивая комитетовъ. Съ Богомъ же! Если указъ состоится, приступимъ немедленно къ освобожденію. Чѣмъ ранѣе кончить дѣло, чѣмъ ранѣе выйти изъ двухсмысленнаго положенія, тѣмъ лучше. И опять укажу на то, что честное освобожденіе произведетъ хорошее вліяніе на остальныхъ, заранѣе уполномочиваю тебя на все клонящееся къ разрѣшенію дѣла въ желаемомъ смыслѣ».

Мы не хотимъ сказать, чтобы тогдашнее дворянство, по преимуществу, состояло изъ такихъ лицъ, какъ г-нъ К—ковъ, но и не согласимся съ тѣмъ, что тогдашнее дворянство сплошь состояло изъ безчеловѣчныхъ плантаторовъ. Нужно помнить, что дворянство было задолжено въ то время казнѣ до 400 милліоновъ рублей, земли не приносили болѣе 5% дохода, страна только-что вытерпѣла страшную войну; въ такую минуту призывать дворянство къ еще большимъ жертвамъ, чѣмъ оно уже сдѣлало, пожалуй было бы и несправедливо. Доказательствомъ того, что болѣе свѣтлыя, гуманныя теченія преобладали въ то

время въ средѣ дворянскаго сословія, можетъ служить весь ходъ крестьянскаго дѣла. Каждый новый шагъ къ большимъ, со стороны дворянства, жертвамъ, шелъ изъ глубины самого дворянства, а не сверху. Сверху только подхватывали зародившіяся тамъ, въ глубинѣ, въ провинціальной глуши, мысли. Разумѣется, печать и литературные кружки много содѣйствовали такому направленію, но печать выступила на сцену съ своимъ голосомъ сравнительно поздно, да и то переполненная жгучаго настроенія противъ помѣщиковъ и огульно противъ всего существующаго, а потому внести въ общественное сознаніе стройной, спокойной мысли она не могла. Она служила только въ послѣдующіе періоды работѣ по крестьянскому дѣлу зажигательнымъ или скорѣе оживляющимъ средствомъ къ поддержкѣ энергіи при разработкѣ этого колоссальнаго дѣла. Эта разработка приводила все болѣе и болѣе къ убѣжденію о необходимости освобожденія крестьянъ съ полевою землею и на предоставленіе имъ самоуправленія.

«Высочайшій рескриптъ,—пишетъ курскій помѣщикъ Михаилу Никифоровичу Каткову,—говоритъ такимъ образомъ: «право собственности на всю землю сохраняется»; въ министерскомъ же циркулярѣ читаемъ другое: земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ и пр. Какое же тутъ право собственности! И возвратится ли эта земля къ помѣщику по истеченіи срока переходняго состоянія? Ничего не сказано! Стало быть, тутъ есть задняя мысль; а заднія мысли министру имѣть неприлично. Какое же довѣріе онъ возбуждаетъ къ мѣрамъ правительства! Объясняй все прямо, а не оставляй свободнаго поля догадокъ для пугливаго воображенія.

«Правительство по совѣсти обязано заплатить владѣльцамъ за ихъ право на крестьянъ. Нынѣшніе казенные крестьяне прежде были однодворцы и нѣкоторые изъ нихъ, происходя изъ дворянскихъ фамилій, имѣли у себя крестьянъ. Правительство, находя это владѣніе неумѣстнымъ, предписало отобрать крестьянъ отъ такихъ владѣльцевъ; но отобрало ихъ съ уплатою за каждую ревизскую душу по 120 рублей. На какомъ же основаніи оно отбираетъ теперь у помѣщиковъ крестьянъ безъ вознагражденія?

«По моему мнѣнію, кромѣ усадебной земли необходимо взять у владѣльца, хотя самую малую часть земли распашной, разумѣется съ уплатою денегъ. Усадьба—эта частичка земли, и законъ, воспрещающій переходить съ мѣста жительства крестьянину, понудитъ его заняться своимъ хозяйствомъ и земледѣліемъ, а занявшись имъ, онъ станетъ арендовать земли у владѣльца, какъ человѣкъ свободный. Вообще, чтобы привлечь крестьянина къ работѣ, комитеты должны назначить ему высокую задѣльную плату; но, чтобы высокая задѣльная плата не обрушилась всею тяжестью на владѣльца, необходима высокая аренд-

ная цѣна на землю, которая должна быть отведена крестьянамъ въ обезпеченіе ихъ исправности передъ правительствомъ и помѣщикомъ. Вглядитесь во всю трудность этого положенія—какими средствами уравновѣсить обѣ стороны? Если задѣльная плата мала, то никто не пойдетъ за нее работать; обращать же на работу натурой, избави Богъ, это въ тысячу разъ хуже барщины! Назначить низкую цѣну на земли, сообразно съ платой,—тоже невозможно, а высокой цѣны крестьяне не заплатятъ, ибо при нынѣшнемъ состояніи путей сообщенія земледѣліе очень часто не вознаграждаетъ труда земледѣльца.

«Гдѣ денегъ взять на все это? А мало ли у насъ государственныхъ имуществъ? Развѣ нельзя ихъ заложить подъ такой капиталъ? Случится-ли когда еще такое великое время, когда эти капиталы принесутъ и пользу, и услугу болѣе, нежели теперь? Кажется, не предвидится впереди такого великаго перелома въ жизни государства!

«Теорія и практика, скажу вамъ,—двѣ вещи враждебныя. Прочитайте уставъ рекрутскій у казенныхъ крестьянъ. Вы растаете отъ умиленія. Аркадія, просто Аркадія! А на дѣлѣ увидите, какъ послѣдняго сына берутъ у отца—и сердце болѣзненнно сожмется у васъ. На бумагѣ и въ отчетахъ благоденствіе, а на дѣлѣ—нищета! Скажите-ка помѣщичьимъ крестьянамъ, что они будутъ казенными—ну и посылайте войска усмирять бунты».

Нѣкоторые еще тогда предъугадывали обезземленіе крестьянъ, предвидѣли образованіе фермерства, чего, какъ извѣстно, не случилось, зато образовались кулаки-собственники. Такое предположеніе дѣлаетъ г-нъ С—ковъ, принимавшій участіе въ текущей журналистикѣ, говоря въ письмѣ къ брату Владиміру Николаевичу, «что, послѣ эмансипаціи, естественно раздѣлится уволенный классъ на хозяевъ и батраковъ или работниковъ; хозяева сначала будутъ ходить на барскую работу, пока не оперятся, или станутъ посылать за себя рабочихъ. А какъ отъ обязательной работы толку мало, ибо она и теперь даетъ не болѣе пяти процентовъ, съ эмансипаціей же возвысится земля въ цѣнѣ и нельзя будетъ удовлетворяться прежнимъ хозяйствомъ или уменьшенными процентами съ возвысившейся въ цѣнѣ земли, то помѣщики предпочтутъ отдачу земель въ оброчное содержаніе тѣмъ же хозяевамъ. Вотъ и начало фермъ. Фермеръ-баринъ и не будетъ просить пособія, работнику не нужно будетъ пособія, потому что у него не будетъ хозяйства; но отъ него зависитъ сдѣлаться хозяиномъ, съ помощью труда, экономіи и хорошаго поведенія.

«Знаешь ли кто потеряетъ? Владѣльцы, эксплоатировавшіе личность оброчныхъ поселянъ. Это дошло до злоупотребленія. Какъ крестьянинъ, владѣя полоскою земли, едва доставляющей хлѣба на квасъ, платитъ до 40, 60, 80 и даже до 100 рублей оброка! Сознайся, что это гадость,

что это убиваетъ способности, что это разлучаетъ семейство на годы, ибо мужъ уходитъ за тысячу верстъ, между тѣмъ какъ его жена живетъ съ другимъ. Развратъ гражданственный, развратъ семейный, отсутствіе религіи при отсутствіи надежды, злоба и страхъ,—а вѣдь этому есть милліоны доказательствъ. Для чего бѣгутъ люди въ Новороссійскій край, въ Бессарабію, на Донъ, Кавказъ? Отъ счастья что ли покидаютъ они родину и родныхъ? А вѣдь устраиваются они безъ пособія барина. Посмотри въ Одессѣ и Аккерманѣ, всѣ наши города заселены бѣглыми земледѣльцами и всѣ живутъ счастливо, хотя часто нанимаютъ земли.

«Въ состояніи ли крестьяне выкупить свои усадебные участки? И да—и нѣтъ. Что мѣшаетъ мнѣ подарить ему участокъ и выдать росписку въ полученіи денегъ. Положимъ, оцѣнятъ дорого. По истеченіи двѣнадцати лѣтъ, поселянинъ, невыплатившій, будетъ вправѣ уйти и переселиться туда, гдѣ предложатъ ему выгоднѣйшія условія».

Въ февралѣ мѣсяцѣ, вслѣдствіе разрѣшенія печати касаться эмансипаціоннаго вопроса, Алексѣй Дмитріевичъ Желтухинъ предпринялъ спеціальное изданіе, подъ названіемъ «Журналъ для землевладѣльцевъ», на что тогда же получилъ разрѣшеніе по представленію главнаго комитета. Значеніе этого журнала, какъ извѣстно, не достигло тѣхъ результатовъ, какіе имѣлись въ виду при его основаніи. Причиною этому, главнымъ образомъ, было то, что крестьянскій вопросъ еще неоспеціализировался въ то время изъ потока общественной жизни; а потому журналъ не могъ принять опредѣленной окраски и терялся среди старыхъ журналовъ, обладавшихъ бо́льшими литературными силами. Но редакторъ имѣлъ обширную переписку, къ нему стекалось много писемъ съ мѣста. Къ сожалѣнію, онъ не умѣлъ воспользоваться доставляемымъ ему матеріаломъ, который слѣдовало переработывать, а онъ ожидалъ готовыхъ статей. Въ нашемъ распоряженіи, напримѣръ,' письмо одного казанскаго помѣщика [1]), предлагавшаго въ общихъ, разумѣется, чертахъ, подоходный налогъ и національный заемъ, то-есть финансовыя мѣры, которыя, пожалуй, и въ настоящее время имѣютъ силу и значеніе.

«Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, говоритъ помѣщикъ, и правительству и намъ, дворянамъ, крайняя необходимость въ публичномъ органѣ, почему и привѣтствую вашъ журналъ. Мы ожидали отъ него безпристрастнаго изложенія сущности вопроса, доступъ въ него всѣхъ мнѣній какъ за, такъ и противъ, чтобы вопросъ былъ обсужденъ здраво со всѣхъ сторонъ, даже съ оппозиціей, иначе путь, предположенный правительствомъ, не будетъ виденъ съ дѣйствительной его стороны и будетъ

[1]) А. Д. Желтухину отъ 20-го марта.

представляться легкимъ, усѣяннымъ одними цвѣтами, подъ коими, тѣмъ не менѣе, при введеніи его въ дѣйствіе, окажутся терніи, колеи и овраги. Я не говорю о самой эмансипаціи, но о способѣ и средствахъ, предлагаемыхъ правительствомъ за непреложныя къ достиженію ея. Правительство, по особенному довѣрію къ намъ, дворянамъ, возложило на комитеты наши приведеніе въ исполненіе устройства свободныхъ крестьянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не приказало выступать изъ слѣдующихъ рамокъ: помѣщикамъ сохраняется ихъ поземельная собственность, а крестьянамъ усадьба и земля для ихъ собственнаго продовольствія и обезпеченія взноса казеннаго сбора, за что они платятъ помѣщику выкупъ въ одномъ случаѣ и барщиной или оброкомъ въ другомъ. Вмѣстѣ же съ тѣмъ, при разрушеніи патріархальныхъ отношеній, крестьянинъ лишается защиты и помощи помѣщика,—по крайней мѣрѣ, эта защита, а тѣмъ болѣе вспомоществованіе и льгота становятся и съ общими обязательными и частными случаями, добровольными, смотря по личнымъ достоинствамъ помѣщика и по отношеніямъ его къ тому или другому крестьянину.—Однимъ словомъ, во время переходнаго состоянія, по случаю прибавленія выкупа къ прочимъ обязанностямъ крестьянина, положеніе его отягощается,—что же будетъ послѣ его окончанія и когда то будетъ?—если крестьянинъ не выплатитъ всего въ 12 лѣтъ? Изъ такого положенія дѣлъ выходитъ, что правительство или хочетъ вынудить помѣщиковъ подарить, или за безцѣнокъ отдать свою собственность, а этимъ нарушается неприкосновенность правъ собственности, уважаемая во всякомъ благоустроенномъ государствѣ. Или если мы отдадимъ крестьянамъ то, что мы обязаны дать по дѣйствительной оцѣнкѣ, то крестьяне, выведенные изъ терпѣнія чрезмѣрностью труда въ выкупѣ и относя то не къ правительству, которое даетъ имъ свободу, а къ комитетамъ изъ дворянъ, которымъ поручено это устроить, возненавидятъ насъ и наконецъ обратятся на насъ со всею яростью. Будетъ-ли отъ этого хорошо государству? Справедливо-ли, заслуженно-ли тогда мы подвергнемся народной ярости? Если бы правительству угодно было позволить намъ свободно безъ рамокъ разсуждать о семъ предметѣ; если-бы оно со всѣми сословіями пришло къ намъ на помощь матеріально, и тогда бы мы отказались и съ своей стороны дѣлать посильныя пожертвованія, или уперлись съ упрямствомъ для сохраненія нынѣшняго порядка вещей! О! тогда я не спорю, мы бы сами были виноваты! Много было у васъ въ Москвѣ толковъ, рѣчей и обѣдовъ по случаю эмансипаціи. Не хочу называть ихъ криками пролетаріевъ, не хочу называть эти рѣчи теоретическимъ лепетомъ ученыхъ, хотя дѣйствительно на обѣдѣ въ рѣчахъ и весной пахло и много пышныхъ фразъ сказано. Но какъ дѣло уладить, какъ пособить ему, сказалъ одинъ, и тотъ родимый изъ крестьянъ на призывъ государя откликнулся не умомъ, а серд-

цемъ. Я говорю о Кокоревѣ. Онъ не словомъ, а дѣломъ хотѣлъ придти на помощь великому и святому дѣлу. Не знаю почему, но ему не удалось сказать своей рѣчи и онъ подвергнулся еще нѣкотораго рода притѣсненіямъ. И что еще страннѣе, многіе изъ нашей братіи его не поняли. Онъ призываетъ купцовъ помочь крестьянамъ мелкопомѣстныхъ, внеся за нихъ усадебный выкупъ. Но какъ разграничить мелко отъ великопомѣстныхъ и на какомъ основаніи помогать одному, а другаго оставить безъ помощи? Мой взглядъ на это нѣсколько разнится или лучше сказать есть болѣе общій. Я думаю, что помощь должна быть оказана всѣмъ и всѣми сословіями. Пусть крестьянинъ какъ казенный, такъ и помѣщичій, и вообще всѣхъ наименованій платитъ нѣсколько болѣе податей, купецъ—гильдейскихъ, земледѣлецъ—подати поземельной, горожанинъ, фабрикантъ—съ дома и фабрики, ученый, чиновникъ—процентъ съ жалованья, словомъ всякій съ своего имущества, ремесла, капитала какъ вещественнаго, такъ и невещественнаго. Въ какомъ размѣрѣ? Именно въ томъ, чтобы по оцѣнкѣ всей выкупной суммы можно было выплатить ее постепенно въ продолженіе 37 лѣтъ, платя по $5^1/_2\%$. Такими средствами можно было бы совершенно обойтись безъ займа. Въ имѣніяхъ заложенныхъ, часть одна должна идти въ уплату въ кредитныя мѣста, а излишекъ владѣльцамъ; въ свободныхъ же отъ залога имѣніяхъ все будетъ платиться помѣщику. Разумѣется правительство должно взять на себя взиманіе какъ того, такъ и платежа. Если бы даже и необходимо было сдѣлать заемъ, то и онъ весьма возможенъ, потому что залогомъ въ этомъ случаѣ будетъ служить все имущество, какъ частное, такъ и государственное, а правительство будетъ только порукою въ своевременномъ и непремѣнномъ платежѣ. Многіе увѣряютъ, что наплывъ такого ужаснаго количества денегъ или представителей ихъ—билетовъ, понизитъ цѣнность ихъ или къ нимъ довѣріе. По моему мнѣнію, и этому можно помочь съ пользою правительству. На милліардъ можно слишкомъ много сдѣлать, напримѣръ, желѣзныя дороги, а помѣщикамъ вмѣсто денегъ слѣдуетъ дать акціи съ поручительствомъ правительства или безъ онаго. Вообще этотъ финансовый вопросъ должны развить люди спеціальные».

Всѣ подобнаго рода предположенія вытекали главнымъ образомъ потому, что въ первоначальныхъ основахъ освобожденія видѣли непрактичность, бюрократическую форму безъ содержанія. Невольно являлись страхи и опасенія, невольно высказывались самые рѣзкіе отзывы. Одинъ пріятель Ив. Петровича В—скаго, новороссійскій помѣщикъ, видимо человѣкъ образованный, писалъ ему изъ Елизаветграда, что онъ правъ, говоря, что мы живемъ теперь часами, но при этомъ замѣчаетъ, «что жить часами народу не за чѣмъ, потому что жизнь его безконечна, жить часами ему стыдно, потому что торопливость всегда приводила

*

къ самымъ жалкимъ результатамъ. Странное дѣло, всѣ завидуютъ Англіи и не хотятъ слѣдовать примѣру постепеннаго хода ея развитія, взамѣнъ того всѣ издѣваемся надъ французиками, а сами скачемъ, какъ эти поджарые болтуны. Жутко намъ приходится, помѣщикамъ, но благородное чувство жертвы имущества, личной безопасности, безопасности людей близкихъ сердцу на пользу грядущихъ поколѣній—такая великая идея, такая святая истина, что и вопреки всѣмъ человѣческимъ чувствамъ не могу безъ умиленія читать статей нашихъ пролетаріевъ-публицистовъ, не могу на это тебѣ не воскликнуть—въ великую эпоху суждено намъ погостить на бѣломъ свѣтѣ!

«Изъ всѣхъ мнѣній по нашему жизненному вопросу лучшимъ нахожу напечатанное въ «Annuaire des deux mondes». Шутки въ сторону, а безъ обязательнаго труда надолго рушится наше хозяйство. А подскачи теперь голодъ или повальная болѣзнь скота, моровая язва, то Богъ знаетъ чѣмъ кончатъ наши вновь произведенные граждане?!! Простой мужикъ давно смекнулъ всю затруднительность своего новаго положенія и пока не спѣшитъ попробовать новинки. Хуже всего пугаетъ ихъ бѣдныхъ наша администрація. А переходное время, вѣроятно по опечаткѣ редакціи министерства внутреннихъ дѣлъ названное улучшеніемъ быта крестьянъ, отзывается такою непрактичностью, такимъ невѣдѣніемъ дѣла, что объяснить трудно въ немъ мужику настоящую или даже будущую его пользу. Вообще скажу, что переходное время, въ томъ видѣ какъ предполагаетъ его сдѣлать правительство, такое жестокое рабство, котораго не двѣнадцать лѣтъ, а двѣнадцать дней не потерпитъ нашъ мужикъ!

«Обоюдныя выгоды помѣщика и крестьянъ требуютъ полной свободы послѣднихъ, священнаго уваженія правъ собственности первыхъ и обезпеченія правъ общихъ сильной, честной и разумной администраціею. Помѣщикъ въ большомъ страхѣ не за имущество, которое безъ всякаго сомнѣнія болѣе или менѣе улетучится, а за свою личную безопасность»...

Въ еще болѣе рѣзкомъ тонѣ отзывался въ то время Василій Васильевичъ Григорьевъ въ письмѣ къ Д — еру. «У насъ въ Оренбургской губерніи, пишетъ онъ, пока все еще тихо, а вотъ въ Саратовской губерніи такъ помѣщики, говорятъ, повыѣхали изъ деревень и заключились, для безопасности, въ города. Славное положеніе вещей, нечего сказать: гоняясь за словомъ «свобода» придумали такое положеніе, отъ котораго крестьяне разорятся въ прахъ и сдѣлаются хуже илотовъ и помѣщиковъ все-таки не укотентовали. Одна барыня здѣсь до того ругалась, что ей нельзя будетъ законнымъ образомъ лупить дѣвокъ своихъ по щекамъ, что заболѣла водяной. Жаль, что нельзя отравлять гомеопатическими лекарствами, а то я бы охотно принялся за леченіе

подобныхъ субъектовъ... А все бы, и освобожденіе крестьянъ, и уничтоженіе чиновъ, и преобразованіе духовенства, можно было бы сдѣлать тихо, почти не замѣтно, такъ что никто бы и не замѣтилъ какъ исчезли бы чиновники и помѣщики.....»

Недовольство сказывалось и въ людяхъ, призванныхъ вершать столь жизненный вопросъ. «У насъ всѣ ожидаютъ устройствъ, пишетъ изъ Москвы Владиміръ Сергѣевичъ Т—ой въ Тифлисъ къ Андр. Михайлов. Фадѣеву, которыхъ все-таки нѣтъ. Наконецъ секретный бывшій комитетъ получилъ наименованіе гласное—крестьянскаго, и члены его теперь извѣстны. Господи, что за люди! Опытности въ знаніи русскаго сельскаго быта нельзя ожидать отъ князя Г—на, промотавшаго все свое имѣніе и даже живущаго нынѣ вовсе въ непрезентабельномъ домѣ. А—гъ, К—фъ, Б—къ и уставщикъ Р—въ, подобно Буткову, никогда не имѣли и не занимались населенными имѣніями. Понятно, какъ имъ будетъ трудно оцѣнять представленія губернскихъ комитетовъ. Благодаря Бога не слыхать о безпорядкахъ; но народъ нашъ по своей отсталости ужасно глупъ и не въ состояніи будетъ устоять противъ злонамѣренныхъ толковъ».

Опасенія сказывались и на мѣстѣ даже людьми передовыми, какимъ нѣтъ сомнѣнія, нельзя не признать Иванъ Васильевича П—ва. Мы приведемъ его письмо, картинно-рисующее его убѣжденія того времени и отношенія его къ крестьянству.

«Неужели вы полагаете, пишетъ онъ изъ Орла въ Москву къ М. Н. Л—ну, [1]) что движеніе, какое несомнѣнно послѣдуетъ за нынѣшнею тишью, можетъ обойтись безъ «эрнста». Масса страшная и масса свѣжая, хоть и пьяная... Гдѣ ея Ахиллесова пята, доступная эрнсту? Отвѣчаю не обинуясь и нисколько не сомнѣваясь,—религіозный фанатизмъ. Стоитъ только теперь появиться пророку въ овчинномъ тулупѣ и пошла писать! Вотъ объ этомъ-то овчинномъ тулупѣ мечталъ я въ Лицеѣ, какъ юнкеръ о генеральскихъ эполетахъ. Авось смогу быть полезнымъ во время грозы. Въ этомъ-то старинномъ убѣжденіи единственный ключъ къ моему славянофильству. Симптомы для всей Россіи одни и тѣ же: 1) Помѣщики спѣшатъ распродать изъ имѣній все, что можно, закладываютъ, перезакладываютъ. Они чуютъ бѣду неминуемую—имѣнія всѣ тютька (?) съѣстъ. 2) Имѣнія дорожаютъ и покупаются съ алчностью аферистами, которые набили цѣну, чертъ знаетъ какъ! Это фактъ очень обыкновенный. Напримѣръ, по возвращеніи рати изъ Крыма, велѣно было за дешевую цѣну распродать телѣги, сбрую и лошадей; цѣны назначили баснословно ничтожныя и прошла молва: дешево-молъ, дешево. Что же? такъ цѣну набили, что приступу не было. 3) Дворовые вездѣ стали

[1]) 5 апрѣля 1858 года.

необыкновенно учтивы и смирны. На этотъ фактъ указываютъ всѣ ретроградисты, какъ на что-то ужасающее. Дворовые боятся, что ихъ за́годя на волю сгонятъ и оставятъ безъ крова и пристанища; между тѣмъ какъ они глубоко убѣждены, что когда господа возьмутъ на мѣсячну, то имъ дадутъ и конопляники и огороды, и даже землю, которую они будутъ отдавать въ наймы. Мнѣ это въ глаза говорили и это не моя гипотеза. Разскажу вамъ случай. Подъ предводительствомъ двухъ страшныхъ буяновъ и пьяницъ, Василія Рогожки и Василія Полынки, взбунтовались мои мужики и отказались овесъ въ городъ везти, говоря, что все ихъ, что указъ пришелъ, что семендяевскій солдатъ самъ видѣлъ и проч., Вижу я дѣло плохо! У становаго отъ всѣхъ болѣзней одинъ рецептъ... Вижу, сударь мой, дѣло наплевать. Нечего дѣлать, вышелъ я къ пьяной ватагѣ, которая накинулась было на вѣрнаго моего бурмистра.—Василій Рогожко и Василій Полынко впереди орутъ, глаза кровью налились, винищемъ разитъ. Меня по плечу треплютъ, за фалды берутъ. Налились и у меня глаза кровью, хотѣлъ было и я дать Рогожкѣ и Полынкѣ по затрещинѣ, но благоразуміе взяло верхъ.

— Коли вамъ все отдадутъ, вѣдь вы ничего продавать не будете, говорю.

— Извѣсто, куда продавать! Намъ только про себя хватитъ, отвѣчали.

— Скажите же, братцы, чѣмъ же солдатъ будутъ кормить? Кто же хлѣбъ-то арміи будетъ ставить?

Молчаніе.

— А вино изъ чего будемъ курить? Винокуры вѣдь нашъ хлѣбъ скупаютъ; коли вамъ все отдать, и кабаки закрыть придется.

Послѣдній мой аргументъ поразилъ всѣхъ какъ громомъ. Два Василія переглянулись.

— Кумъ! а вѣдь бряхнулъ должно солдатъ.

— И то, кумъ, бряхнулъ! Эхма....

— Ну видите, что солдатъ вамъ вздоръ сказалъ, ступайте-ка запрягать.

— Пойдемъ, братцы, запрягать; бряхнулъ, почти въ одинъ голосъ проговорили два Василья.

«Я думаю, никто мнѣ въ указъ не поставитъ, что Полынку сошлю въ Сибирь, чужими руками, т. е. подведу его подъ уголовку, стакнувшись съ становымъ. Оно, положимъ, подло, да что же дѣлать? Это развратнѣйшая, пьянѣйшая и къ несчастью умнѣйшая каналья во всей деревнѣ. Да еще и крови дворянской—мнѣ братъ двоюродный, дяди моего сынъ побочный; и рыломъ то весь въ нашу семью. Какъ онъ, батюшка, проектъ эмансипаціи составилъ,—долго разсказывать,—пускай

онъ его въ Сибири разовьетъ. Рогожка просто разбойникъ, человѣкъ безъ вліянія.

«Вы говорите, что было бы тоже самое и съ предварительнымъ размежеваніемъ. Не думаю. Тогда бы въ законѣ не стояли роковыя слова: «усадебная осѣдлость остается за крестьянами». Размежеваніе можно было сдѣлать безъ огласки, частными, секретными предписаніями. Положимъ, мужиковъ бы очень надули; но вѣдь на безводныя мѣста все таки нельзя было бы выселять... Да и за отводъ плохаго участка вознаградить крестьянина правительство имѣло бы возможность: сбавь огуломъ приблизительно выкупную цѣну за землю—вотъ и все. Повторяю, что говорилъ прежде: ежели бы лютѣйшій врагъ Россіи сто лѣтъ думалъ, то не выдумалъ бы болѣе дѣйствительныхъ мѣръ произвести неизбѣжную и всеобщую пугачевщину».

Мы привели рядъ отзывовъ и мнѣній отдѣльныхъ лицъ, разбиравшихъ въ то время обнародованные рескрипты и циркуляры; теперь посмотримъ, какъ эти циркуляры были приняты дворянскою массою и какія указаны были ею затрудненія въ примѣненіи предложенныхъ правительствомъ началъ.

R.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Девятьсотъ лѣтъ назадъ.

(Сказка).

Далеко на югѣ виднѣется валъ,
Едва пощаженный вѣками,
Тамъ солнышко князь пировалъ,
Побѣду Владиміръ съ князьями.
Играли на гуслях, бряцали въ кимвалъ [1]),
И медъ разливали кнеями, [2]),
И колоколъ зычно и гулко гудѣлъ,
На вышкѣ церковной звонницы,
И пѣсню побѣдную воинъ тамъ пѣлъ,
И чудно звучали цѣвницы [3]).
И не было розни тогда межъ князей,
И Русь во всю ширь ликовала,
Тіуновъ, баскаковъ и земскихъ судей
И слухомъ земля не слыхала.
Пернатая птичка въ дремучихъ лѣсахъ
Безъ страха весь день щебетала,
А пѣснь земледѣльца въ обширныхъ поляхъ,
Съ зари до зари не смолкала:
И всюду царили въ крестьянскихъ семьяхъ,
Слѣды первобытной свободы,
Старушки гадали въ своихъ теремахъ,
А юность вела хороводы.
И Русь разросталась и духомъ росла,
Заморскаго гнета не знала,
Но горе подкралось и туга [4]) нашла.
И Русь подъ монгола подпала;
Стерпѣла родная; невзгода прошла,
Заслышались пѣсни и сказки
И Русь встрепенулась и въ силу вошла,
Вернулись коладки и пляски,
Воскресли и силы, явились борцы,
Мы горе давно позабыли,
Мы вспомнили сказки, какъ бились отцы,
И спѣсь басурманамъ посбили!
И вотъ пробѣжало ужъ девять вѣковъ,
Какъ князь и вожди пировали,
Забыли мы дѣдовъ и нашихъ отцовъ,
Но къ славѣ дорожку они расчищали!!

Ал. Ив С—въ.

---

[1]) Родъ музыкальнаго орудія: тарелки.
[2]) Кувшины.
[3]) Свирѣль.
[4]) Кручина, печаль.

Пушкинъ и Ефимъ Петровичъ Люценко.

Въ январской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» 1836 года появилось слѣдующее сообщеніе отъ редакціи: «Важное событіе! А. С. Пушкинъ издалъ новую поэму подъ заглавіемъ «Вастола, или желанія сердца, Виланда». Мы еще ея не читали и не могли достать, но говорятъ, что стихъ ея удивителенъ. Кто не порадуется новой поэмѣ Пушкина? Истекшій годъ заключился общимъ восклицаніемъ: «Пушкинъ воскресъ!»

Эти строки были вызваны появленіемъ, въ концѣ 1835 года, небольшой книжки около ста страницъ, носившей заглавіе: «Вастола, или желанія. Повѣсть въ стихахъ, соч. Виланда. Въ трехъ частяхъ. Изд. А. Пушкинымъ». Вполнѣ естественно, что имя великаго поэта, выставленное на заглавномъ листѣ, должно было обратить вниманіе журналистики на вновь вышедшую книгу. Но критики и рецензенты были поставлены въ совершенное недоумѣніе, когда вмѣсто прекрасныхъ стиховъ Пушкина они нашли вирши, напоминающіе, по выраженію Бѣлинскаго, времена Третьяковскаго и Сумарокова [1]). Глава русской журналистики, знаменитый въ свое время баронъ Брамбеусъ, съ радостью воспользовался «Вастолой», какъ предлогомъ, чтобы унизить въ глазахъ публики Пушкина, получившаго въ это время высочайшее разрѣшеніе на изданіе «Современника», въ которомъ Сенковскій опасался найти соперника «Библіотекѣ для Чтенія».

Во второй книжкѣ своего журнала Сенковскій помѣстилъ рецензію на «Вастолу», въ которой, съ присущимъ ему юродствомъ, не лишеннымъ, однако, желчнаго остроумія, старался доказать, что переводчикъ поэмы не кто другой, какъ самъ Пушкинъ.

[1]) „Молва“, при „Телескопѣ“ 1836 г., т. 31, февраль, стр. 58—64.

«Пѣвецъ «Кавказскаго плѣнника», писалъ онъ, сдѣлалъ въ новый годъ непостижимый подарокъ лучшей своей пріятельницѣ—доброй, честной русской публикѣ. Та, которая любила его, какъ своего первенца, любила такъ искренно, такъ благородно, такъ безкорыстно; та, для чьего сердца имя его было нераздѣльно съ драгоцѣннѣйшею вещію въ мірѣ—славою своего отечества; та самая, въ возвратъ за свои нѣжныя чувства, заслуживающія всякаго уваженія, получила отъ него, при визитномъ билетѣ, «Вастолу» съ двусмысленнымъ заглавіемъ. Первымъ ея дѣломъ было—посмотрѣть въ календарь, не пришлось-ли въ нынѣшнемъ году въ новый годъ первое апрѣля, нѣтъ, первое апрѣля будетъ перваго апрѣля, а теперь—начало января, время наліянія дружескихъ чувствованій, время поклоновъ съ почтеніемъ и всякихъ маскарадовъ. Бѣдная русская публика не знала, что дѣлать,—гнѣваться-ли за эту мистификацію, или «приказать кланяться и благодарить и въ другой разъ къ себѣ просить»... Посланецъ отпущенъ былъ безъ отвѣта».

«Для многихъ», продолжаетъ Сенковскій, еще не рѣшенъ вопросъ о «Вастолѣ». Каждый по своему толкуетъ слово «издалъ», которое, какъ извѣстно, принимается въ русскомъ языкѣ также въ значеніи—написалъ и напечаталъ. Одни утверждаютъ, что это дѣйствительно стихи А. С. Пушкина; другіе,—что она не его, а онъ только ихъ издатель. Трудно повѣрить, чтобы Пушкинъ, вельможа русской словесности, сдѣлался книгопродавцемъ и «издавалъ» книжки для спекуляцій. Мы сами сначала позволили себя увѣрить, что Александръ Сергѣевичъ играетъ здѣсь только скромную роль издателя, но одинъ почтенный «читатель» убѣдилъ насъ въ противномъ... Послѣ этого я не смѣлъ и сомнѣваться, чтобы «Вастола» не была дѣйствительно произведеніемъ А. С. Пушкина... Я читалъ «Вастолу». Читалъ и вовсе не сомнѣваюсь, что это—стихи Пушкина. Пушкинъ даритъ насъ всегда такими стихами, которымъ надобно удивляться, не въ томъ, такъ въ другомъ отношеніи.

«Нѣкоторые, однако, намекаютъ, будто А. С. Пушкинъ никогда не писалъ этихъ стиховъ, что «Вастола» переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что Александръ Сергѣевичъ только далъ на прокатъ ему свое имя, для того, чтобы лучше покупали книгу, и что онъ желалъ сдѣлать этимъ благотворительный поступокъ. Этого быть не можетъ! Мы безпредѣльно уважаемъ всякое благотворительное намѣреніе, но такой поступокъ противился бы всѣмъ нашимъ понятіямъ о благотворительности, и мы съ негодованіемъ отвергаемъ всѣ подобные намеки, какъ клевету завистниковъ великаго поэта. Пушкинъ не станетъ обманывать публики двусмысленностями, чтобы дѣлать кому добро. Онъ знаетъ, что долженъ публикѣ и себѣ. Если бы въ словѣ «издалъ» и не было двусмысленности, если бы оно и принято было здѣсь въ самомъ тѣсномъ его значеніи, онъ знаетъ, что человѣкъ, пользующійся литератур-

ною славою, отвѣчаетъ передъ публикою за примѣчательное достоинство книги, которую издаетъ подъ покровительствомъ своего имени, и что, въ подобномъ случаѣ, выставленное имя напечатлѣвается всею святостью торжественно даннаго въ томъ слова. Онъ охотно вынетъ изъ своего кармана тысячу рублей для бѣднаго, но обманывать не станетъ ни васъ, ни меня. Дать свое имя книгѣ, какъ вы говорите, «плохой» изъ благотворительности?.. Невозможно, невозможно! Не говорите мнѣ даже этого! Не повѣрю! Благотворительность предполагаетъ пожертвованіе труда или денегъ, чего бы ни было,—иначе она не благотворительность. Согласитесь, что позволить напечатать свое имя не стоитъ никакихъ хлопотъ. Александръ Сергѣевичъ, если-бы пожелалъ быть благотворителемъ, написалъ бы самъ двѣ-три страницы стиховъ, и онѣ принесли бы болѣе выгоды бѣдному, которому бы онъ подарилъ ихъ, чѣмъ вся эта «Вастола». Люди добраго сердца оказываютъ благотворительность приношеніемъ нищетѣ какого-нибудь дѣйствительнаго труда, а не бросая въ лицо бѣдному одно свое имя для продажи, что равнялось бы презрѣнію къ бѣдному и презрѣнію къ публикѣ, къ вамъ, ко мнѣ, ко всякому. Нѣтъ, нѣтъ! клянусь вамъ, это подлинные стихи Пушкина. И если бы даже были не его, ему теперь не оставалось бы ничего болѣе, какъ признать ихъ своими и внести въ собраніе своихъ сочиненій. Между возможностью упрека въ томъ, что вы употребили уловку (рука дрожитъ, чертя эти слова), и чистосердечнымъ принятіемъ на свой счетъ стиховъ, которымъ дали свое имя для успѣшнѣйшей ихъ продажи, выборъ не можетъ быть сомнителенъ для благороднаго человѣка. Но этотъ выборъ не предстанетъ никогда Пушкину. «Вастола», мы увѣрены, дѣйствительно его твореніе. Это его стихи. Удивительные стихи!»

Этотъ отзывъ Сенковскаго до крайности раздражилъ Пушкина и, какъ увидимъ ниже, едва не кончился для него трагически.

Бѣлинскій, въ вышеупомянутой рецензіи своей, напечатанной въ «Молвѣ» при «Телескопѣ», тоже выражалъ недоумѣніе по поводу появленія «Вастолы» въ связи съ именемъ Пушкина; но недоумѣніе его было искреннее, чуждое той злой ироніи, которую мы видимъ въ статьѣ Сенковскаго. «При настоящемъ двусмысленномъ состояніи нашей литературы, писалъ Бѣлинскій, появленіе почти каждаго новаго произведенія сопровождается какою-нибудь странною и совсѣмъ нелитературною исторіею; то-же случилось и съ «Вастолою». Пушкинъ—издатель или авторъ этой поэмы? вотъ вопросъ. Мы не хотимъ рѣшать его; намъ нѣтъ дѣла до частныхъ, домашнихъ обстоятельствъ, соединенныхъ съ появленіемъ того или другого сочиненія; мы видимъ книгу и судимъ о ней. Да! такъ бы должно быть, но случай-то вовсе изъ рукъ вонъ! Мы скорѣе повѣримъ, что какой-нибудь витязь толкучаго рынка написалъ романъ, который выше «Ивангое» или «Пуританъ», драму, которая выше

«Гамлета» и «Отелло», чѣмъ тому, чтобы Пушкинъ выставилъ свое имя на негодномъ рыночномъ произведеніи, желая оказать помощь какому-нибудь бѣдному ремесленнику; такого рода благотворительность слишкомъ оригинальна; она похожа на сердоболіе начальника, который не хочетъ выгнать изъ службы пьянаго, лѣниваго и глупаго подъячаго, не желая лишить его куска хлѣба. Конечно, можетъ быть это сравненіе покажется невѣрнымъ, потому что оба эти поступка, повидимому, имѣютъ мало сходства; но я думаю, что они очень сходны между собою, и именно тѣмъ, что равно беззаконны при всей своей законности, неблагонамѣренны при всей своей благонамѣренности, и тѣмъ, что, какъ тотъ, такъ и другой, лишены здраваго смысла. Итакъ, очень ясно, что послѣдній слухъ лживъ, по крайней мѣрѣ мы такъ думаемъ вслѣдствіе нашего глубокаго уваженія къ первому русскому поэту».

Далѣе Бѣлинскій приводитъ двѣ причины, по которымъ считаетъ невозможнымъ, чтобы Пушкинъ былъ переводчикомъ «Вастолы». Во-первыхъ потому, что ея авторъ—Виландъ—«нѣмецъ, подражавшій или, лучше сказать, силившійся подражать французскимъ писателямъ XVIII вѣка, нѣмецъ, усвоившій себѣ, быть можетъ, пустоту и ничтожность своихъ образцовъ, но оставшійся при своей родной нѣмецкой тяжеловатости и скучноватости». Да и сама «Вастола», по его мнѣнію,—«просто пошлая и глупая сказка, принадлежащая къ разряду этихъ нравоучительныхъ повѣстей (contes moraux), въ которыхъ выражалась, легкими разговорными стихами, какая-нибудь пошлая, ходячая и для всѣхъ старая истина практической жизни»... «Теперь спрашивается, кто можетъ предположить, чтобы Пушкинъ выбралъ себѣ для перевода сказку Виланда, и такую сказку?»... «Вторая причина, продолжаетъ Бѣлинскій, заставляющая насъ не вѣрить, какъ нелѣпости, чтобъ Пушкинъ былъ переводчикомъ «Вастолы», заключается въ достоинствѣ перевода, въ этихъ стихахъ, которые Русь читала съ восхищеніемъ при Сумароковѣ, которые стала забывать съ появленія Богдановича, и о которыхъ совсѣмъ забыла съ появленія Пушкина»...

Безпристрастный отзывъ Бѣлинскаго, конечно, былъ вѣренъ и вскорѣ потвердился объясненіемъ самого Пушкина, который, въ первой же книжкѣ «Современника», вышедшей въ апрѣлѣ 1836 года, сдѣлалъ слѣдующее заявленіе, съ цѣлью прекратить всякіе толки и пересуды, главнымъ образомъ въ виду недоброжелательнаго къ нему редактора «Библіотеки для Чтенія».

«Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ дано было почувствовать, что издатель «Вастолы» хотѣлъ присвоить себѣ чужое произведеніе, выставя свое имя на книгѣ, имъ изданной. Обвиненіе несправедливое: печатать чужія произведенія съ согласія или по просьбѣ автора до сихъ поръ никому не воспрещалось. Это называется издавать, слово ясно; по край-

ней мѣрѣ до сихъ поръ другого не придумано. Въ томъ же журналѣ сказано было, что «Вастола» переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что А. С. П. только далъ ему на прокатъ свое имя, и что лучше-бы сдѣлалъ, давъ ему изъ своего кармана тысячу рублей. Переводчикъ Виландовой поэмы, гражданинъ и литераторъ заслуженный, почтенный отецъ семейства, не могъ ожидать нападенія столь жестокаго. Онъ человѣкъ не богатый, но честный и благородный. Онъ могъ поручить другому пріятный трудъ издать свою поэму, но конечно бы не принялъ милостыни отъ кого бы то ни было. Послѣ таковаго объясненія не можемъ рѣшиться здѣсь наименовать настоящаго переводчика. Жалѣемъ, что искреннее желаніе ему услужить могло подать поводъ къ намекамъ столь оскорбительнымъ».

Выходка Сенковскаго, сильно раздражившая Пушкина, едва не повлекла за собою еще большихъ непріятностей, а могла кончиться и трагически. С. С. Хлюстинъ, пріятель Александра Сергѣевича, завелъ однажды при немъ разговоръ о «Вастолѣ» и началъ приводить замѣчанія Сенковскаго, нисколько не раздѣляя его мнѣнія и не желая оскорбить Пушкина. Одно уже имя Сенковскаго привело Пушкина въ бѣшенство, и онъ отвѣтилъ Хлюстину дерзостью, за что и былъ вызванъ на дуэль, которая, однако, не состоялась [1]).

Благодаря заявленію Пушкина поводъ къ разнаго рода толкамъ и сплетнямъ былъ устраненъ, но имя переводчика еще долгое время оставалось неизвѣстнымъ. Такъ, Я. К. Гротъ, въ письмѣ къ П. А. Плетневу изъ Гельсингфорса отъ 6-го октября 1845 года, спрашивалъ своего корреспондента объ имени переводчика «Вастолы», на что Плетневъ отвѣчалъ ему такъ: «Вастолу» Виланда перевелъ какой-то бывшій нѣкогда учитель Пушкина (не могу вспомнить теперь его фамилію); онъ состоялъ въ первые годы членомъ «Общества соревнователей Просвѣщенія и Благотворенія», послѣ служилъ въ военномъ министерствѣ чиновникомъ и, по общей слабости чиновниковъ изъ класса ученыхъ, попивалъ. Ему-то Пушкинъ и позволилъ назвать себя издателемъ его перевода» [2]).

Но частная переписка двухъ лицъ, конечно, не могла быть извѣстна публикѣ, почему и позже, въ 1846 году, извѣстный библіографъ Ив. Павл. Быстровъ, помѣстившій въ «Отечественныхъ Запискахъ» [3]) «Замѣтки для будущаго издателя Пушкина», опять высказалъ предпо-

---

[1]) Переписку ихъ по этому поводу см. въ изданіи П. И. Бартенева: А. С. Пушкинъ; вып. 2-й, М.. 1885 г. стр. 73—84, и въ Собр. соч., изд. Литер. фонда.

[2]) «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Издана подъ редакціею К. Я. Грота», т. II, Спб., 1896 г. стр. 580, 583.

[3]) Т. LV, № 4, стр. 114, Литературныя и журнальныя замѣтки.

ложеніе, что переводъ «Вастолы» могъ принадлежать Пушкину. П. В. Анненковъ [1]), не считая Пушкина переводчикомъ этой поэмы, полагалъ, что нѣкоторыя мѣста ея были исправлены имъ, съ чѣмъ, однако, трудно согласиться: «ex ungue leonem»...

Въ 1888 году «Землякъ изъ-подъ Глухова» напечаталъ въ «Кіевской Старинѣ» [2]) замѣтку, въ которой положительно утверждалъ, что переводчикомъ «Вастолы» былъ Ефимъ Петровичъ Люценко, основывая это свѣдѣніе на какомъ-то печатномъ некрологѣ, котораго, однако, намъ не удалось найти ни въ одной изъ газетъ или журналовъ того времени.

Это же свѣдѣніе цѣликомъ можно найти и въ рукописныхъ матеріалахъ митрополита Евгенія Болховитинова, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Здѣсь находится замѣтка о жизни и сочиненіяхъ Е. П. Люценко, повидимому автобіографическая, писанная около 1810 года, въ которой, среди сочиненій ненапечатанныхъ, указанъ, между прочимъ переводъ: «Перфонтій и Вастола, шуточная повѣсть вольными стихами съ нѣмецкаго, изъ стихотвореній Виланда, 1807 года». Погодинъ, издавшій въ 1845 году «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей» дословно по рукописи митр. Евгенія, оконченной еще въ 1812 году [3]), не вносилъ въ нее никакихъ позднѣйшихъ дополненій, почему въ списокъ трудовъ Люценко не вошла и «Вастола», изданная лишь въ 1835 году.

«Вастола», содержаніе которой заимствовано изъ «Пентамерона», или «Cunto delli Cunti di Gian Alesio Abbatutis»,—сборника неаполитанскихъ народныхъ и дѣтскихъ сказокъ, но не прямо, а черезъ посредство сокращеннаго перевода съ итальянскаго, напечатаннаго въ «Bibliothèque Universelle des Romans» 1777 года (іюнь и сентябрь) [4]), — относится къ тому періоду литературной дѣятельности Виланда, когда онъ, испробовавъ свои силы въ драмѣ и сатирѣ, обратился къ сказочному эпосу, взявъ за образецъ французскія fabliaux XI—XV в. в., обработку которыхъ онъ завершилъ «Обероном» [5]), представлявшимъ собою переходную ступень въ новому нѣмецкому романтизму.

Содержаніе «Вастолы», или какъ она называется у Виланда «Pervonte, oder die Wünsche», состоитъ въ слѣдующемъ.

---

[1]) А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи. Спб., 1855 г., стр. 415—416.

[2]) № 1—3, Документы, извѣстія и замѣтки, стр. 39—40.

[3]) Сборникъ 2-го Отдѣл. Импер. Академіи Наукъ, т. V, вып. 1, стр. 269.

[4]) См. «K. M. Wieland's sämmtliche Werke, Wien, 1811. Band 18, стр. 81.

[5]) На русскій языкъ переведенъ Михайломъ Чулковымъ. М., 1787. Что касается другихъ русскихъ переводовъ изъ Виланда, во множествѣ изданныхъ у насъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, то всѣ они, по выраженію Карамзина, «не могутъ нравиться тѣмъ, которые знаютъ оригиналъ» («Письма Русскаго Путешественника», изданіе Суворина, т. I, Спб., 1884 г., стр. 140).

Въ Италіи, въ Салерно, «въ глубокой древности, во дни златаго вѣка», жилъ король, у котораго была красавица дочь, по имени Вастола. Много жениховъ съѣзжалось въ Салерно со всѣхъ концовъ міра просить руки царевны, но тщетно: она отказывала всѣмъ. Около того же города жила одна бѣдная старуха-мѣщанка; у нея былъ сынъ Перфонтій, парень уродливой наружности, дуракъ и лѣнтяй. Однажды старуха послала сына въ лѣсъ за хворостомъ. Перфонтій, наломавъ связку, уже собирался итти домой, какъ увидѣлъ трехъ красивыхъ дѣвушекъ, спящихъ на лужайкѣ подъ палящими лучами солнца. Перфонтій, чтобы защитить ихъ отъ жара, осторожно началъ дѣлать надъ ними шатеръ изъ вѣтокъ, но своимъ грубымъ смѣхомъ разбудилъ незнакомокъ, которыя стали благодарить его за заботливость о нихъ и заявили, что онѣ волшебницы. Обѣщавъ Перфонтію, въ награду за его услугу, исполнять всѣ его желанія, красавицы исчезли. Перфонтій, собрался уходить и, безъ намѣренія провѣрить слова волшебницы, выразилъ желаніе, чтобы приготовленная вязанка сама доставила бы его въ хижину матери.

Едва сіе словцо склеилось, загремѣло
Въ Перфонтьевыхъ устахъ,—
Зашевелилась вдругъ, какъ тѣло,
Охабка дровъ въ его рукахъ;
Межъ лядвій нашему герою
Скользитъ, вертится и стрѣлою
Подъ восхищеннымъ сѣдокомъ
Летитъ чрезъ рѣки, лѣсъ и горы,
Шумитъ лишь воздухъ.

Вастола, окруженная блестящею свитою придворныхъ, сидѣла во дворцѣ у окна въ то самое время, какъ Перфонтій пролеталъ мимо, и, пораженная его некрасивой наружностью, не могла удержаться, чтобы не назвать его вслухъ уродомъ.

„Такъ я уродъ, такъ я повѣса“,

прокричалъ ей Перфонтій:

„Сударыня, ты слишкомъ зла.
„Ахъ, какъ бы я желалъ, лебедка бѣлокрыла,
„Чтобъ пару ты повѣсъ подобныхъ мнѣ родила!“

Его желаніе сбывается, и у Вастолы рождаются двѣ дѣвочки. Король въ страшномъ горѣ. Проходитъ семь лѣтъ, дѣвочки ростутъ. Между тѣмъ одинъ изъ придворныхъ мудрецовъ говоритъ королю, желавшему знать имя виновника его несчастія, что дѣти по инстинкту могутъ узнать отца среди тысячи людей. Съ этой цѣлью для всѣхъ подданныхъ устраиваются балы, на одномъ изъ которыхъ дѣвочки дѣйствительно узнаютъ отца въ Перфонтіи. Король, въ страшномъ гнѣвѣ, сажаетъ его съ Вастолою и дѣтьми въ бочку и бросаетъ въ море. Здѣсь Вастола припоминаетъ, что она когда то видѣла Перфонтія, и узнаетъ отъ него о дарѣ волшебницъ. По желанію Перфонтія они получаютъ роскошный

корабль, пристаютъ къ берегу и помѣщаются въ прекрасномъ дворцѣ. Перфонтій, по желанію Вастолы, становится красавцемъ, умникомъ и исполняетъ всѣ прихоти безразсудной жены. Послѣдняя думаетъ только о своихъ удовольствіяхъ, обзаводится другомъ сердца—Клавдіемъ и уѣзжаетъ въ Римъ и Венецію на празднества. Выведенный изъ терпѣнія причудами своей вѣтреной и чувственной Вастолы, Перфонтій обращается къ волшебницамъ съ послѣдней просьбою—возвратить его въ то состояніе, въ какомъ онъ былъ прежде, годъ тому назадъ. Волшебницы исполняютъ его желаніе, оставивъ за нимъ дарованный ему умъ. А Вастола, въ свою очередь, переносится въ Салерно,

Опять отцомъ своимъ любима,
Краса Салернскаго двора,
Гдѣ съѣздамъ прежняя пора;
Опять дѣвица, и невинной
Слыветъ такою-жъ, какъ была.
. . . . . .
Близнята снова улетаютъ
Въ воздушную страну, въ волшебный міръ назадъ,
Короче—все пошло опять на старый ладъ.

Полученный Вастолою урокъ не проходитъ, однако, для нея безслѣдно, заставляя ее чувствовать угрызенія совѣсти за свою вѣтреность и повторять съ горестью:

„О, бѣдная Вастола,
„И ты въ Аркадіи была!“

Таково содержаніе поэмы, не отличающееся замысловатостью фабулы. Относительно перевода должно сказать, что Люценко вообще держался близко къ подлиннику, и лишь въ двухъ мѣстахъ находимъ отступленія отъ него, принадлежащія перу самого переводчика. Такъ, разсказывая о полетѣ Перфонтія на охабкѣ хвороста, онъ говоритъ:

Такъ на Крестовскомъ я недавно
Бумажный видѣлъ метеоръ:
Сей шаръ отъ денегъ вдругъ поднялся вверхъ исправно
И на Елагиномъ далекомъ острову
Къ всеобщей радости спустился на траву,

причемъ издатель-Пушкинъ дѣлаетъ примѣчаніе: «Это прибавленіе переводчика отъ своего лица». Или, описывая наружность Перфонтія, Люценко добавляетъ отъ себя, что его герой

Копается въ своей претолстой головѣ,
Какую только лишь въ Москвѣ
Или другихъ большихъ столицахъ
При древнихъ князехъ и царицахъ
Срывала на пирахъ съ поджареныхъ быковъ
Желѣзная рука россійскихъ дюжаковъ.

Но Люценко въ своемъ переводѣ совершенно уничтожилъ легкость нѣмецкаго подлинника, придавъ своимъ стихамъ тяжеловатость и грубость, такъ что стихи въ родѣ слѣдующихъ попадаются сплошь и рядомъ:

Вастола, женихов слѣдимая толпами;

или

И тверже каменной осталася бумаги;

далѣе, въ описаніи наружности Перфонтія:

Огромный ротъ, на лбу скулы (!), какъ роги,
Въ полфута уши, длинный носъ...

Про старуху-мать разсказывается, что она

Не знала никогда покоя и въ присядку (!)
Трескучую свою вертѣла самопрядку.

Про исчезновеніе волшебницъ говорится:

Съ симъ словомъ трехъ дѣвицъ присутство исчезаетъ.

Затѣмъ:

„Тише, тише!“
Вскрычала наша Псише;

или слова Вастолы къ Перфонтію:

„Въ пригожемъ этомъ лбѣ
Хотя немножко мозгу болѣ
Не непристало бы тебѣ“ и т. под.

Какъ примѣръ грубости выраженій приведемъ также нѣсколько мѣстъ перевода Люценко. Въ разсказѣ о томъ, какъ Вастола съ Перфонтіемъ плывутъ по морю въ бочкѣ, говорится, что при качкѣ

Они руками и ногами
Премного дѣлаютъ проказъ.
Царевнинъ ротикъ поминутно
Въ косынку нехотя зарытъ,
Затѣмъ, что въ шлюпкѣ сей уютной
На дюймъ отъ рыла отстоитъ.

Про себя Перфонтій выражается:

„Вѣдь лѣшій я, уродъ, фефіола и повѣса,
Философъ съ длинными ушами и хвостомъ!“

По приведеннымъ выпискамъ можно составить себѣ довольно ясное понятіе о достоинствахъ перевода. Что касается другихъ литературныхъ трудовъ Люценко, то о нихъ мы будемъ говорить ниже, а теперь представимъ краткій біографическій очеркъ Ефима Петровича, пользуясь его автобіографіей, формулярнымъ спискомъ, сообщеннымъ намъ изъ Департамента герольдіи, В. В. Руммелемъ и нѣкоторыми другими данными.

Ефимъ Петровичъ Люценко сынъ священника, родился 12-го октября 1776 года, въ селѣ Яновкѣ, Черниговской губерніи. До 1791 года онъ обучался въ Черниговской духовной семинаріи, затѣмъ въ Благородномъ училищѣ въ Шкловѣ, основанномъ въ 1778 году С. Г. Зоричемъ для бѣдныхъ дворянъ, а въ 1793 году поступилъ въ Московскій

университетъ. Произведенный 4-го апрѣля 1799 года студентомъ, Люценко, 11-го мая того же года, несмотря на убѣжденія начальства остаться при университетѣ для занятій словесностью, поступилъ въ находившуюся близъ Царскаго Села Практическую школу земледѣлія, вмѣстѣ съ другими семью студентами, вытребованными по высочайшему повелѣнію въ означенную школу. Практическая школа земледѣлія была учреждена 30-го апрѣля 1797 года [1]) «для приведенія домоводства въ успѣшнѣйшій порядокъ и надежнѣйшее устройство». «Для скорѣйшаго постиженія нужныхъ для сего свѣдѣній» приказано было «брать питомцевъ императорскаго университета и воспитательныхъ домовъ». Для школы было отведено мѣсто между Тярлевой деревней и домомъ протопресвитера Самборскаго и Московскою дорогою (близъ Павловска, въ 24-хъ верстахъ отъ Петербурга, имѣніе «Бѣлозерки»). Въ школѣ содержались, на казенный счетъ, восемь студентовъ Московскаго университета, въ числѣ которыхъ былъ и Люценко. Первымъ начальникомъ заведенія былъ назначенъ софійскій протоіерей Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій, самъ писатель по сельскому хозяйству, бывшій тогда членомъ Экспедиціи государственнаго хозяйства. Въ сентябрѣ 1799 году школа изъ вѣдѣнія генералъ-прокурора была передана въ Удѣльное вѣдомство, а на мѣсто Самборскаго былъ назначенъ, 11-го августа 1799 года, камергеръ Модестъ Петровичъ Бакунинъ. Въ концѣ 1803 года, по представленію Д. П. Трощинскаго, министра удѣловъ, Александру I-му, школа, какъ требовавшая несоразмѣрныхъ съ ея пользою расходовъ, была закрыта [2]).

Въ 1800 году, за успѣхи, оказанные въ хозяйствѣ, Люценко былъ назначенъ помощникомъ наставника хлѣбопашества, съ производствомъ въ коллежскіе регистраторы, а 12-го іюля 1801 года получилъ должность наставника хлѣбопашества. Съ закрытіемъ школы, Люценко, оставшійся за штатомъ, опредѣлился въ Департаментъ удѣловъ (27-го октября 1803 года). Получивъ, 1-го января 1806 года, чинъ титулярнаго совѣтника, онъ, черезъ мѣсяцъ, оставаясь при департаментѣ удѣловъ, опредѣленъ былъ товарищемъ непремѣннаго секретаря въ хозяйственное отдѣленіе Медико-филантропическаго комитета, откуда уволился 20-го января 1809 года, а 16-го іюля утвержденъ столоначальникомъ 1-го стола въ департаментѣ удѣловъ. 8-го августа 1811 года Люценко былъ уволенъ по прошенію отъ занимаемой должности и опредѣлился секретаремъ хозяйственнаго правленія въ Царскосельскій лицей, куда въ то время Пушкинъ держалъ вступительный экзаменъ [3]). Но послѣд-

---

[1]) Полн. Собр. Закон., т. XXIV, № 17946.

[2]) В. Чеславскій. „Первая земледѣльческая школа въ Россіи“,—„Сельское хозяйство и лѣсоводство“, 1870 г., ч. 105, сентябрь, стр. 1—18.

[3]) Я. К. Гротъ—„Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“ Спб., 1887 г., стр. 235.

ная служба Люценко была непродолжительна, ибо уже 20-го августа 1813 года онъ вышелъ изъ Лицея и опредѣлился столоначальникомъ въ общую канцелярію военнаго министра. Въ 1814 году онъ состоялъ членомъ и хранителемъ библіотеки и архива Вольно-Экономическаго Общества [1]). Наконецъ, 22-го января 1815 года Люценко, оставаясь столоначальникомъ, былъ причисленъ въ штатъ Провіантскаго департамента коммисіонеромъ, а 13-го января 1816 года, «по преобразованіи канцеляріи военнаго министерства», перемѣстился въ коммисію с.-петербургскаго Провіантскаго депо членомъ, имѣя чинъ надворнаго совѣтника.

На этомъ прерывается формуляръ Люценко, сохранившійся въ дѣлѣ архива департамента герольдіи; въ Мѣсяцесловѣ на 1819 годъ его уже нѣтъ въ числѣ служащихъ въ Провіантскомъ департаментѣ. Мы не знаемъ, гдѣ продолжалась его служба, но знаемъ, что, дослужившись до чина статскаго совѣтника, въ 1843 году онъ находился уже въ отставкѣ. Умеръ Люценко въ Петербургѣ и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ, налѣво отъ входа. Изъ надгробной надписи видно, что онъ скончался 26-го декабря 1854 года [2]).

На литературное поприще Люценко выступилъ въ 1792 году, еще до поступленія въ университетъ, сотрудничая въ журналѣ А. Г. Рѣшетникова «Дѣло отъ бездѣлья» [3]). Позже, въ 1793 году, уже будучи студентомъ, онъ помѣстилъ въ журналѣ того же Рѣшетникова—«Прохладные часы», нѣсколько мелкихъ стихотвореній, написанныхъ «на случай». Затѣмъ онъ сотрудничалъ въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» 1794—1798 г.г. [4]), въ I-й части «Ипокрены» 1799 г. и въ «Журналѣ для пользы и удовольствія» 1805 года (ч. 1—4). Во всѣхъ этихъ изданіяхъ Люценко помѣстилъ огромное количество стихотворныхъ и прозаическихъ пьесъ, оригинальныхъ и переводныхъ съ древнихъ и новыхъ языковъ [5]).

---

[1]) Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ на 1814 годъ, стр. 693.

[2]) Вмѣстѣ съ Люценко погребены: его жена Аграфена Ларіоновна † 30-го ноября 1826 года; сынъ его, статскій совѣтникъ Ефимъ Ефимовичъ Люценко, нумизматъ, † 18-го мая 1888 года, на 78-мъ году (о немъ „Яросл. Губ. Вѣд." 1866 г., № 3, стр. 30) и дочь Анна Ефимовна Люценко, † 21-го марта 1891 года на 84 г. Замѣтимъ кстати, въ разъясненіе сомнѣній „Земляка изъ-подъ Глухова", что Александръ Ефимовичъ Люценко, археологъ, бывшій съ 1854 года директоромъ Керченскаго музея древностей и умершій 28 го января 1884 г. въ чинѣ д. с. с. былъ, дѣйствительно, старшимъ сыномъ Е. П. и родился въ 1807 году. (Дѣло архива департамента герольдіи).

[3]) См. А. Н. Неустроевъ. „Историческое разысканіе". Спб., 1874 г., стр. XLIX и автобіографическая записка въ матеріалахъ митр. Евгенія.

[4]) Замѣтимъ, что „С. Люценко", помѣщенный у Неустроева на той же XLIX стр., есть тотъ же Ефимъ Петровичъ.

[5]) Кромѣ того, въ „Журналѣ для милыхъ" 1804 г. (№ 6, 8 и 9) былъ помѣщенъ, съ подписью „Евф. Люценко", „переводъ съ французскаго языка"

*

Изъ отдѣльно изданныхъ въ это время произведеній Люценки вышли: «Ода на прибытіе государя императора Павла Петровича въ Москву для всерадостнаго коронованія», М. 1797 г., и «Благодарность его превосходительству, дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру, медицины доктору Самойловичу въ городѣ Николаевѣ, 1804 года [1]).

Въ 1795 году Люценко, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ Александромъ Котельницкимъ, издалъ книжку: «Похищеніе Прозерпины», въ трехъ пѣсняхъ. «Наизнанку» (М. 1795 г.). Въ предисловіи къ ней авторы говорятъ, что они рѣшились издать этотъ «первый плодъ и произведеніе своей юности» потому, что видѣли успѣхъ «Энеиды» наизнанку г. О. [2]) и такой же «Энеиды» г. Н. [3]). Послѣдній трудъ, говорятъ они, несмотря на его огромные недостатки, все-таки былъ принятъ очень благосклонно. Вотъ почему и они рѣшились выступить съ подобнымъ же произведеніемъ.

Содержаніемъ шуточной поэмы двухъ пріятелей служитъ извѣстный миѳъ о похищеніи Прозерпины Плутономъ. Церера, мать Прозерпины, представлена здѣсь въ видѣ старой русской бабы, а сама Прозерпина—въ образѣ русской дѣвки. Описаніе какъ той, такъ и другой приноровлено къ русскому быту. Прозерпина одѣвается въ русское платье; охорашиваясь передъ прогулкой, она, напримѣръ, мочитъ голову квасомъ. Нимфамъ, съ которыми Прозерпина отправляется въ лѣсъ за грибами, даны русскія имена, и т. под. Все это разсказано мѣстами въ очень грубой формѣ, мѣстами же не безъ остроумія. Лучшіе стихи принадлежатъ, вѣроятно, Котельницкому, который въ 1802 году удачно пародировалъ Виргиліеву «Энеиду».

повѣсти „Несчастный Ма—въ“. А между тѣмъ это есть не что иное, какъ дословная перепечатка разсказа А. И. Клушина, помѣщеннаго подъ тѣмъ же заглавіемъ сначала въ „Спб. Меркуріи“ 1793 (стр. 138–226), а затѣмъ изданнаго отдѣльно въ 1802 г. подъ названіемъ „Вертеровы чувствованія, или несчастный М. Оригинальный анекдотъ“ (см. нашу статью о Клушинѣ въ „Русскомъ библіографическомъ словарѣ“ Спб. 1897 г., стр. 750—751).

[1]) Автобіографическая записка въ матеріалахъ митрополита Евгенія. Въ Публичной библіотекѣ этой оды нѣтъ. Вѣроятно это перепечатка изъ „Прохладныхъ часовъ“, 1793 г., ч. II, стр. 430: „Стихи доктору Д. С. Самойловичу за подарокъ книгъ“. Кромѣ того, Г. Н. Геннади („Словарь“, II, стр. 423) предполагаетъ, что Люценкѣ принадлежитъ „Ода на прибытіе его императорскаго высочества государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича въ Черноморскія училища, октября 1800“, подписанная: „Черноморскихъ училищъ учитель словесностей Луценко“. Но мы видѣли, что Е. П. служилъ въ то время въ Школѣ земледѣлія.

[2]) То-есть, Н. П. Осипова, изданную вмѣстѣ съ тѣмъ же А. Котельницкимъ въ 1791 году.

[3]) Этого перевода не указано ни у Сопикова, ни у Смирдина.

Книжка имѣла успѣхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ авторы въ предисловіи ко второму, «исправленному и дополненному» изданію Петра Ступина, вышедшему въ Петербургѣ въ 1805 году.

Въ 1796 году, въ Москвѣ, былъ изданъ романъ Дюкре-Дюмениля, въ 4-хъ частяхъ—«Яшенька и Жеоржетта, или приключеніе двухъ младенцевъ, обитавшихъ на горѣ». По свидѣтельству самого Люценко ему принадлежитъ переводъ второй части этого романа. Въ 1798 году Люценко издалъ «Науку любить», вольный переводъ съ французской поэмы, напоминающей собою «Ars amandi», Овидія. Переводъ сдѣланъ грубыми и неуклюжими стихами.

Литературная дѣятельность Люценко не ограничивалась только изящною словесностью, но касалась иногда и научныхъ областей. Само собою разумѣется, что научные интересы Люценко не отличались глубиною, а имѣли практическій характеръ, находясь въ прямой зависимости отъ рода его службы. Такъ, находясь въ Практической школѣ земледѣлія, онъ занимался агрономіей и участвовалъ въ переводѣ съ нѣмецкаго языка агрономическаго сочиненія Бургсдорфа, напечатаннаго въ Петербургѣ въ 1801—1803 г.г., подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Руководство къ надежному воспитанію и насажденію иностранныхъ и домашнихъ деревъ, которыя въ Германіи, равномѣрно въ средней и южной части Россіи на свободѣ произростать могутъ». Переводъ дѣлался подъ наблюденіемъ директора школы—М. П. Бакунина. Позже, уже покинувъ Практическую школу земледѣлія, Люценко въ 1806 году издалъ свой, вѣроятно залежавшійся, переводъ съ французскаго: «Собранія краткихъ экономическихъ сочиненій, основанныхъ на практикѣ и опытахъ лучшихъ англійскихъ фермеровъ», съ посвященіемъ его англійскому филантропу и агроному графу Финледеру (т.-е. Финдлетеру) [1]).

Въ 1811 году, во время службы въ Лицеѣ, Люценко обратился уже къ педагогіи и издалъ «Полную новѣйшую французскую грамматику», въ основу которой была положена система Мейдингера. Руководство это, посвященное графу Дм. Никол. Шереметеву, имѣло успѣхъ и было введено въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ самъ Люценко въ предисловіи къ переведенной и изданной имъ въ 1818 году «Французской грамматикѣ Ломонда» съ поправками француза К. К. Летелье и съ собственными своими дополненіями.

Дальнѣйшая литературная дѣятельность Е. П. Люценко связана съ «Вольнымъ обществомъ любителей Россійской словесности». Это общество, носившее также названіе «Общества соревнователей просвѣщенія

[1]) Ранѣе, въ 1802 году, Люценко помѣстилъ переводъ съ французскаго языка сочиненія того же графа Финдлетера: „Замѣчаніе о умноженіи плодородія земли“, въ „Трудахъ Вольно-Экон. Общества“, ч. LIV, стр. 272—278.

и благотворенія», было основано 17-го января 1816 года и составилось «изъ нѣсколькихъ молодыхъ любителей словесности, собиравшихся иногда читать между собою произведенія свои» [1]). Съ 1818 года оно начало издавать свой журналъ, получившій названіе «Соревнователя просвѣщенія и благотворенія», или «Трудовъ высочайше утвержденнаго вольнаго общества любителей Россійской словесности». Ближайшею цѣлью общества было «имѣть пріуготовительныя и публичныя собранія, читать въ оныхъ сочиненія и переводы членовъ, издавать сіи труды въ журналѣ и обращать получаемый съ того доходъ на благотворенія [2]), то-есть, на постоянныя и временныя пособія нуждающимся литераторамъ, ученымъ, художникамъ, а также ихъ вдовамъ и сиротамъ и даже учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ выручки отъ журнала, общество постоянно получало пожертвованія отъ лицъ, преданныхъ дѣлу благотворенія. Отчеты въ расходуемыхъ суммахъ печатались время отъ времени въ «Соревнователѣ». «По характеру своихъ тенденцій, по связямъ съ масонскими ложами и по лицамъ, его составляющимъ», говоритъ А. Н. Пыпинъ, «это общество, повидимому, было какъ бы посредствующимъ звеномъ между Библейскимъ обществомъ и либеральными стремленіями молодаго поколѣнія» [3]). И дѣйствительно, со временемъ членами общества становятся такія лица, какъ Пушкинъ, Батюшковъ, князь П. А. Вяземскій, братья Тургеневы, Кюхельбекеръ, Рылѣевъ, братья Бестужевы и многіе другіе.

Избранный дѣйствительнымъ членомъ общества въ первый же день его существованія [4]) и являясь, такимъ образомъ, однимъ изъ его учредителей, Люценко вначалѣ принималъ дѣятельное участіе въ литературныхъ собраніяхъ членовъ. Первое время онъ былъ даже и предсѣдателемъ общества, изъ протоколовъ котораго, хранящихся въ архивѣ Академіи Наукъ [5]), видно, что Люценко, въ теченіе 1816 — 1818 гг. весьма часто выступалъ съ чтеніемъ своихъ произведеній, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ. Изъ нихъ назовемъ: «Царь Иванъ Васильевичъ Грозной на звѣриной охотѣ», историческая повѣсть въ прозѣ (1816 г.), «Чеславъ», эпическій опытъ въ стихахъ (1816 г.) [6]); «Польза просвѣ-

---

[1]) „Сынъ Отечества“ 1818 г. ч. 43, стр. 266.

[2]) Ibid.

[3]) А. Н. Пыпинъ: Россійское библейское общество. „Вѣстникъ Европы“ 1868 г., № 9, стр. 251.

[4]) „Соревнователь“ 1823 г., ч. XXIV, стр. 294.

[5]) Извлеченія изъ нихъ обязательно сообщены намъ Л. Н. Майковымъ.

[6]) „Чеславъ“, какъ видно изъ автобіографіи Люценко, написанъ былъ еще въ 1806 году; содержаніемъ его служитъ историческое преданіе изъ временъ Святослава. „Чеславъ“ былъ напечатанъ во 2-мъ № „Соревнователя“ за 1818 годъ, (стр. 226—246) и вышелъ отдѣльной книжкой въ С.-Петербургѣ въ томъ-же году.

щенія и благотворенія»—дидактическое стихотвореніе (1817 г.) [1]); «Бурявой и Ульмила», эпическій опытъ въ стихахъ (1818 г.) [2])—«древнее происшествіе»; «Церна, княжна Черногорская», древнее преданіе (1818) [3]) и т. под. Люценко въ первые годы существованія общества былъ избираемъ цензоромъ поэзіи, членомъ цензурнаго комитета и «исполнителемъ». Но въ послѣдующее время онъ только числился членомъ общества, имя же его не встрѣчается ни на страницахъ «Соревнователя», ни въ спискахъ должностныхъ лицъ общества.

Отказавшись отъ сотрудничества въ «Соревнователѣ», Люценко не прекратилъ, однако, своихъ литературныхъ занятій и въ 1819 году напечаталъ въ Петербургѣ свой переводъ съ нѣмецкаго извѣстнаго сочиненія Іоанна Масона «О познаніи самого себя». Этимъ переводомъ онъ надѣялся замѣнить переводъ того же сочиненія, изданный И. П. Тургеневымъ въ 1783 году и отличающійся, по его словамъ, «темнотами въ смыслѣ» и «наполненный погрѣшностями». Переводъ Люценко снабженъ краткими примѣчаніями, и нѣкоторыя изъ нихъ, въ видѣ сентенцій самого переводчика, изложены въ стихахъ.

Трудясь надъ переводомъ сочиненія Іоанна Масона, Люценко подготовлялъ и «Потерянный и возвращенный рай» Мильтона, руководствуясь при этомъ однимъ изъ позднѣйшихъ французскихъ переводовъ, исправленныхъ сообразно съ англійскимъ подлинникомъ. Къ 1821 году переводъ Люценко былъ уже готовъ, но въ печати появился только въ 1824 году, съ посвященіемъ графу Александру Григорьевичу Кушелеву-Безбородко. Въ своей статьѣ: «Нѣчто о достоинствѣ и прежнихъ переводахъ Потеряннаго и возвращеннаго рая», предпосланной самому переводу, Люценко разсказываетъ судьбу созданія Мильтона послѣ смерти его автора, причемъ замѣчаетъ, что «Мильтонъ въ христіанствѣ есть почти то, что Гомеръ—въ язычествѣ» и отдаетъ преимущество первому, потому что «онъ воспѣвалъ нашего Бога, тогда какъ Гомеръ—языческихъ боговъ, чуждыхъ нашему сердцу». Относительно переводовъ «Потеряннаго рая» на русскій языкъ Люценко говоритъ, что какъ переводъ 1780 года, издававшійся еще въ 1785 и 1801 гг., такъ и переводъ 1795 г., переизданный въ 1810 году,—неудовлетворительны; особенно второй, «наполненный схоластическимъ смѣшеніемъ важныхъ первобытныхъ славянскихъ словъ съ языкомъ послѣдующихъ вѣковъ и съ простонародными выраженіями». Переводъ 1820 года также совершенно неудовлетворяетъ Люценко. Обращаясь къ собственному труду, онъ замѣчаетъ: «я не держался рабскимъ образомъ отъ слова до слова подлинника, но

[1]) Напечатано въ „Соревнователѣ“ 1819 г., ч. VII, стр. 68–74.

[2]) Напечатано въ „Соревнователѣ“ 1818 г., ч. III, стр. 59—87.

[3]) Напечатано было въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“ 1795 г., ч. VIII, стр. 244—250.

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ поэтъ упадаетъ, старался его возвысить благороднѣйшими (!) выраженіями и, по возможности, уравнивалъ хотя единственный, но часто трудный и шероховатый путь его». Переводъ Люценко въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снабженъ пояснительными примѣчаніями его собственнаго издѣлія и, часто не относящимися къ дѣлу, сентенціями въ прозѣ и стихахъ.

Въ это же время Люценко занимался исправленіемъ, по рукописи, перевода Г. Шиповскаго, который еще въ 1805 году издалъ Фенелоновы «Странствованія Телемака». Новое изданіе, украшенное гравюрами, съ прибавленіемъ жизнеописанія Фенелона и примѣчаній, вышло въ Петербургѣ въ 1822 году и было посвящено графу Д. Н. Шереметеву.

Изъ автобіографической записки Люценко видно, что, кромѣ перечисленныхъ трудовъ, ему принадлежали еще слѣдующіе, оставшіеся въ рукописяхъ: «Избранныя мѣста и краткія поэмы изъ лучшихъ древнихъ и новыхъ иностранныхъ писателей, стихами»; «Воспитаніе, поэма въ 4-хъ пѣсняхъ, съ французскаго, изъ 9-й части изданнаго на французскомъ языкѣ г. Доратомъ собранія Геройдъ»; «Сельская экономія для дамъ, часть 1-я, съ чертежомъ» и «Систематическая выписка изъ 24-хъ частей «Трудовъ С.-Петербургскаго Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества», членомъ котораго Люценко состоялъ съ 1808 года [1]). Сверхъ того, въ своей автобіографической запискѣ, Люценко указываетъ еще на изданный имъ въ Москвѣ переводъ «Путешествія въ Азіатскую Грецію», неизвѣстный по каталогамъ.

Обозрѣвая литературную дѣятельность Е. П. Люценко, можно сказать, что хотя онъ и принадлежалъ къ числу довольно образованныхъ людей своего времени, но лишенъ былъ какъ авторскихъ дарованій, такъ и литературнаго вкуса, включая сюда и способность владѣть роднымъ языкомъ. Писалъ и переводилъ онъ много, но всѣ его труды были совершенно лишены всякой оригинальности и притомъ носили случайный характеръ, зависѣвшій иногда отъ той жизненной обстановки, въ которой находился Люценко. Дѣятельность его была до такой степени безцвѣтна, что ее нельзя подвести ни подъ одно изъ господствовавшихъ у насъ литературныхъ направленій. Такимъ образомъ, Пушкинъ, называя Люценко «литераторомъ заслуженнымъ», безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду только его плодовитость.

Неосторожный поступокъ Пушкина, связавшій его славное имя съ ничтожнымъ именемъ переводчика «Вастолы», исключительно объясняется порывомъ благородной и доброй души, желавшей помочь бѣдняку, который, кромѣ того, если вѣрить словамъ Плетнева, былъ нѣкогда и учителемъ великаго поэта.

В. Л. Модзалевскій.

---

[1]) „Труды Вольно-Экономическаго Общества“, ч. LX, 1808 г., стр. VII.

Четырехъмѣсячный младенецъ въ должности Казанскаго губернатора.

Дѣло происходило въ 1711 году. Въ маѣ мѣсяцѣ «по письму собственныя его царскія (Петра Великаго) руки и по грамотѣ изъ Посольскаго Приказу» Казанскій губернаторъ ближній бояринъ и воевода Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ отправился въ походъ для «искорененія» кубанскихъ татаръ. 30 мая онъ прибылъ въ Царицынъ и тамъ сталъ «печалиться, кого-бъ оставить послѣ себя въ Казани» исправляющимъ должность губернатора. Неизвѣстно, долго-ли продолжалось печалованье П. М. Апраксина, но въ концѣ концовъ онъ «вздумалъ о своемъ сынѣ». Остановивъ выборъ на немъ, ближній бояринъ тотчасъ же «изъ Царицына въ тое Казанскую губернію послалъ указъ въ такой силѣ, что онъ оставляетъ сына своего четверомѣсячна Алексѣя Апраксина намѣстникомъ». Чтобы облегчить «намѣстнику» исправленіе губернскихъ дѣлъ, воевода назначилъ къ нему импровизированныхъ совѣтниковъ губернскаго правленія, а именно «для малолѣтства его (Алексѣя) опредѣлилъ къ нему старыхъ своихъ слугъ, которымъ приказалъ, чтобъ его именемъ всякія дѣла отправляли». Новыя назначенія потребовали, разумѣется, соотвѣтствующаго объявленія населенію, что и было исполнено «при многомъ собраніи жителей на публичномъ мѣстѣ», въ присутствіи самого «намѣстника», котораго приказано было «при томъ держать подъ одѣяломъ».

Столь неожиданно попавшій на время въ губернаторы, Алексѣй Апраксинъ, при содѣйствіи «старыхъ слугъ» воеводскаго дома, велъ дѣла весьма изрядно, и губернская административная машина продолжала работать обычнымъ ходомъ. Возвратившійся къ концу года П. Апраксинъ даже счелъ себя обязаннымъ объявить благодарность Алексѣю при достаточно торжественной обстановкѣ. Для этого прекращавшій служебныя обязанности «четверомѣсячный» младенецъ былъ вынесенъ «мамою подъ одѣяломъ въ палату, гдѣ множество людей было» и Петръ Матвѣевичъ «благодарилъ ему за мудрые его поступки». Эксъ-намѣстникъ впрочемъ нѣсколько нарушилъ торжество и сталъ плакать. Желая маскировать такой

неумѣстный сентиментализмъ прекращавшаго административныя обязанности сына, П. Апраксинъ и «люди» завязали посторонній разговоръ; «ближній боярин ко всѣмъ людямъ молвилъ тако: вотъ-ста, смотрите, какое у меня умное дитя, обрадовался мнѣ да и плакать сталъ. А люди ему отвѣтствовали: весь-де, государь, въ тебя. На то онъ имъ сказалъ: «да не въ кого-же-де-ста быть, что не въ насъ Апраксиныхъ!» Этотъ разговоръ былъ заключительнымъ эпизодомъ по сдачѣ должности.

Сообщаемый курьезъ—историческій фактъ, извлеченный изъ рукописи, составленной въ томъ же 1711 году подъ заглавіемъ «Послужной списокъ Кубанскаго походу 1711 году». Этотъ отчетъ о походѣ «въ 1713 году ноября въ 28 день» былъ представленъ служебнымъ порядкомъ «для вѣдомства въ Разрядный столъ» Военной канцеляріи, а въ настоящее время хранится въ рукописномъ отдѣленіи императорской публичной библіотеки [1]).

А. З. Мышлаевскій.

[1]) Объ этой рукописи см. «въ Письмахъ Петра Великаго... и описаніи рукописей» А. Ѳ. Бычкова, изд. 1872 года, стр. 84, № XII.

ЧУЖОЕ ИМЯ.

(Записки стараго помѣщика).

I.

Въ половинѣ сороковыхъ годовъ въ Петербургѣ, въ трактирѣ Палкина сидѣли за отдѣльнымъ столомъ двое офицеровъ М—го пѣхотнаго полка. Одинъ изъ нихъ штабсъ-капитанъ, довольно высокаго роста, полный съ легкой просѣдью и казавшійся на видъ лѣтъ около сорока; другой средняго роста молодой худощавый подпоручикъ.

Трактирная прислуга заботливо суетилась около этого стола, подавая кушанья и мѣняя шампанское одну бутылку за другой. Эти офицеры, хотя и были пріѣзжими въ столицѣ, но, повидимому хорошо съ ней знакомыми, потому что лакеи называли ихъ по имени, а штабсъ-капитана величали «ваше сіятельство».

— Какой я «ваше сіятельство», говорилъ онъ съ усмѣшкой своему товарищу, правда, отецъ мой былъ князь N, а мать француженка С., на мою же долю досталась третья фамилія.

И дѣйствительно, бравый штабсъ-капитанъ не носилъ ни той, ни другой фамиліи, потому что былъ незаконнорожденный сынъ извѣстнаго богача N, который далъ ему блестящее домашнее образованіе и, оставивъ въ наслѣдство хорошій капиталъ, умеръ. Смерть N захватила его сына, когда уже онъ былъ на послѣднемъ курсѣ университета, и молодой человѣкъ бросивъ ученіе, поторопился поступить въ военную службу, гдѣ къ тридцати восьми годамъ и дослужился до чина штабсъ-капитана, прокутивъ большую часть своего состоянія.

Въ полку любили его, какъ лихаго товарища, участвовавшаго во всѣхъ пирушкахъ и всегда готоваго подѣлиться всѣмъ, что имѣлъ. На-

чальство также къ нему благоволило, но, несмотря на это, онъ нѣсколько разъ отказывался отъ командованія ротою и, скучая о столичной жизни, нерѣдко пользовался ею, что случилось и въ настоящее время, когда эти два офицера, получивъ полугодичный отпускъ, прожигали жизнь въ столицѣ.

День подходилъ къ вечеру и публика трактира нѣсколько разъ мѣняла свою физіономію—одни уходили, другіе входили, но эти молодые офицеры, обставленные цѣлой батареей бутылокъ, продолжали свой кутежъ.

— А хорошую штуку вы придумали, обратясь къ подпоручику сказалъ штабсъ-капитанъ. Въ полку вѣрно не даромъ называли меня генераломъ Аненковымъ; хотя онъ и на двадцать лѣтъ меня старше, но сходство у меня съ нимъ, дѣйствительно, необыкновенное, только у него голова сѣдѣе. Попробуемъ изобразить его, а вы, какъ разъ, и въ адъютанты годитесь, а то, право, такая страшная скучища, что въ пору хоть повѣситься.

Передъ офицерами этими лежала газета, въ которой говорилось о предстоящей ревизіи сибирскихъ войскъ, при чемъ въ числѣ предполагавшихся для того лицъ, называлась и фамилія генерала Аненкова.

— Ну, ужъ мы развернемся тамъ во всю и зададимъ имъ жару!

Съ этими словами молодые люди встали и штабсъ-капитанъ, просмотрѣвъ поданный счетъ, досталъ изъ своего кошелька горсть полуимперіаловъ и положилъ ихъ на столъ, сказавъ прислугѣ, что одинъ золотой отдается имъ на водку.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого по московскому шоссе катилась дорожная карета, въ которой самозванные ревизоры спѣшили въ первопрестольную, чтобы сдѣлать всѣ нужныя приготовленія для придуманной ими отчаянной шалости.—И вотъ, изъ Москвы, преобразившіеся уже въ генерала и его адъютанта, офицеры эти въ подобающей обстановкѣ продолжали путь въ Сибирь, достигнувъ которой, они съ успѣхомъ производя инспекцію сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ, подвигались все дальше и дальше въ глубь, гдѣ, всюду встрѣчаемые испуганнымъ начальствомъ, съ важностью принимали даваемые въ честь ихъ обѣды и другія почести. Въ тѣ времена, при прежнихъ порядкахъ, такимъ образомъ, вѣроятно, имъ удалось-бы затѣмъ благополучно вернуться во свояси, но, на ихъ бѣду, настоящій, командированный правительствомъ, инспекторъ выѣхалъ почти вслѣдъ за ними и можно себѣ вообразить, какой произвелъ переполохъ и смущеніе этотъ новый пріѣздъ уже настоящаго ревизора, который узнавъ въ первомъ-же обревизованномъ пунктѣ сибирскихъ войскъ о такой дерзкой продѣлкѣ, немедленно послалъ за ними погоню, и арестованные самозванцы, просидѣвъ около года въ крѣпости, затѣмъ были приговорены военнымъ

судомъ къ разжалованію и заключенію въ арестанскія роты военнаго вѣдомства.

II.

Около двухъ лѣтъ спустя, въ г. Саратовѣ появляется нѣкій Андрей Ивановичъ Ѳадѣевъ, въ качествѣ управляющаго имѣніемъ камергера Шахматова, который, занимая въ Петербургѣ штатную должность при дворѣ, поручилъ Ѳадѣеву подъ контролемъ одного изъ дворянъ Григорія Яковлевича Тихменева управленіе его крестьянами въ селѣ Хмѣлевкѣ, Саратовскаго уѣзда. Ѳадѣевъ, ознакомившись затѣмъ съ сосѣдними помѣщиками, пріобрѣлъ общія къ себѣ симпатіи, такъ что, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого, получилъ приглашеніе моихъ ближайшихъ сосѣдей помѣщиковъ Готовицкихъ управлять ихъ большими имѣніями, что и дало мнѣ возможность узнать его ближе. Ѳадѣевъ былъ женатъ на молоденькой дочери чиновника, любилъ комфортъ и былъ очень религіозенъ. Встрѣчая его въ церкви, мнѣ не разъ приходилось видѣть его стоящимъ на колѣняхъ и со слезами на глазахъ. Жена же его не пропускала ни одной обѣдни и молилась всегда съ такимъ чувствомъ, что невольно обращала на себя общее вниманіе и заставляла предполагать существованіе у нихъ какого-то затаеннаго горя. И несмотря на ихъ взаимную любовь и полное согласіе, она затѣмъ вскорѣ умерла злѣйшей чахоткой. Бездѣтный Ѳадѣевъ былъ страшно пораженъ этой потерей, такъ что одно время поговаривалъ даже о монастырѣ, но потомъ успокоившись перебрался въ Саратовъ, гдѣ, проживая уже самымъ скромнымъ образомъ, былъ принятъ въ лучшихъ домахъ, какъ человѣкъ до чрезвычайности скромный и любезно предлагавшій свои услуги помѣщикамъ въ ихъ разныхъ дѣлахъ по присутственнымъ мѣстамъ и въ денежныхъ затрудненіяхъ. За хлопоты свои онъ не только не назначалъ гонорара, но и стѣснялся брать даже должное; свои же небольшія деньги онъ раздавалъ нуждающимся въ долгъ безъ процентовъ, почему его всѣ очень любили, такъ что мнѣ не разъ приходилось встрѣчать Андрея Ивановича на званыхъ обѣдахъ даже у лицъ, занимавшихъ высшія должности въ губерніи.

Когда же Ѳадѣевъ оказалъ мнѣ однажды значительную услугу при покупкѣ мною довольно большой вотчины крестьянъ деревни Быковки,—принадлежавшихъ ранѣе моимъ предкамъ, то, проживъ у меня въ имѣніи около двухъ недѣль, расположилъ и меня къ себѣ своею необыкновенной деликатностью и порядочностью, такъ что послѣ этого я уже не разъ приглашалъ его къ себѣ. Но Андрей Ивановичъ, при его пятидесятилѣтнемъ возрастѣ, былъ какъ-то странно почтителенъ къ людямъ даже вдвое его моложе, и всегда искалъ сближенія съ поли-

ціей, почему въ уѣздѣ съ исправникомъ, а въ городѣ съ частными приставами находился въ большой дружбѣ.

И вотъ, однажды, уже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, Ѳадѣевъ, проходя съ частнымъ приставомъ въ Саратовѣ по театральной площади, натолкнулся на партію арестантовъ, исправлявшихъ мостовую. Вдругъ одинъ изъ нихъ, пристально вглядываясь въ Ѳадѣева, отдаетъ ему честь по военному и называетъ его «ваше превосходительство». Полицейскій чиновникъ, предполагая, что арестантъ пьянъ, приказалъ ему замолчать и хотѣлъ уже съ Ѳадѣевымъ идти далѣе, но арестантъ настойчиво требовалъ выслушать его и разсказалъ всю вышеприведенную исторію инспекціи сибирскихъ войскъ, объяснивъ, что Ѳадѣевъ былъ генераломъ, а онъ его адъютантомъ.

Конечно, никто не хотѣлъ вѣрить росказнямъ арестанта, такъ какъ происшествіе это въ Саратовѣ не было извѣстно, да и кромѣ того, Ѳадѣевъ пользовался такой солидной репутаціей, что участіе его въ подобной невѣроятной исторіи всѣмъ казалось невозможнымъ. Но, не менѣе того, все таки, по распоряженію мѣстныхъ властей, безъ огласки, было начато дознаніе о личности Андрея Ивановича, такъ какъ, за смертью камергера Шахматова, никто изъ саратовскаго общества не зналъ о его происхожденіи. До времени же окончанія этого дѣла Ѳадѣевъ былъ принятъ на поруки его хорошимъ пріятелемъ солиднымъ чиновникомъ Лобановымъ.

Вскорѣ, по дознанію было обнаружено, что Ѳадѣевъ отпущенникъ генеральши Ч., которая, живя постоянно въ Петербургѣ, гдѣ имѣла дома, взяла его, какъ круглаго сироту изъ своихъ саратовскихъ вотчинъ къ себѣ еще мальчикомъ, обучила его и затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ управленія ея домами, когда ему было уже лѣтъ подъ 40, отпустила его на волю. Послѣ чего онъ находился нѣкоторое время въ той деревнѣ, въ которой родился. Когда же понадобился Шахматову управляющій для саратовскаго имѣнія, то генеральша Ч. рекомендовала ему Ѳадѣева. Въ добавленіе къ этому выяснилось еще слѣдующее обстоятельство, что получивъ отпускную, Андрей Ивановичъ, находясь въ деревнѣ, отыскалъ своихъ дальнихъ родственниковъ и даже старика крестнаго отца, который по мѣдному кресту на шеѣ призналъ его за своего крестника. А когда Ѳадѣевъ, переселившись въ Саратовъ, задумалъ жениться, то, по письменному приказанію генеральши Ч., ему было выдано даже изъ ея вотчинной конторы въ награду 500 рублей на свадьбу.

Такого дознанія было вполнѣ достаточно для того, чтобы снять съ Ѳадѣева всякое подозрѣніе, и арестанта уже готовились признать сумасшедшимъ, но послѣдній продолжалъ настаивать на своемъ, завѣряя, что его самозванный генералъ, когда ихъ гнали изъ крѣпости по этапу въ аре-

станскія роты военнаго вѣдомства, бѣжалъ, а онъ, арестантъ, по восшествіи на престолъ императора Александра II, согласно манифеста, былъ перемѣщенъ въ Саратовъ, въ арестантское отдѣленіе гражданскаго вѣдомства. Почему для вящаго удостовѣренія въ несправедливости показаній арестанта, начальство и предполагало отправить Өадѣева въ Петербургъ для удостовѣренія его личности самой генеральшей Ч. Но пока оно обдумывало, стоитъ-ли за всѣмъ выяснившимся везти Өадѣева еще въ Петербургъ, онъ бѣжалъ и прислалъ съ дороги письмо, въ которомъ не только подтвердилъ все заявленное арестантомъ, но и объяснилъ, что имя Өадѣева принадлежало другому, котораго онъ убилъ на дорогѣ, встрѣтивъ послѣ побѣга своего, когда ихъ гнали въ арестантскія роты.

Къ этому не лишнимъ будетъ прибавить, что когда Өадѣевъ находился на порукахъ у Лобанова, то послѣднее время своего пребыванія въ Саратовѣ началъ покучивать, а за нѣсколько дней до своего побѣга, оставаясь съ дѣтьми у одного изъ сосѣдей, Өадѣевъ обнаружилъ свои познанія въ иностранныхъ языкахъ, поправляя дѣтямъ переводы, а затѣмъ однажды сѣлъ за фортепіано и съигралъ блестящую импровизацію, что вѣроятно и ускорило его побѣгъ, такъ какъ Лобановъ, узнавъ объ этомъ, не только сталъ относиться къ нему подозрительно, но и передалъ о томъ бывшему полиціймейстеру полковнику П—ку. Это мнѣ лично впослѣдствіи передавалъ Лобановъ.

Во время побѣга, близъ г. Пензы Өадѣева встрѣтилъ на почтовой станціи мой beau-frère, поручикъ гвардейскихъ уланъ А. М. Готовицкій, возвращавшійся изъ Новгорода въ Саратовъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія.

Готовицкій во время своего дѣтства зналъ Өадѣева управляющимъ имѣніями своихъ родителей въ селѣ Поповкѣ и, не подозрѣвая ничего объ этой исторіи, не только отнесся къ Өадѣеву симпатично, но вслѣдствіе его разсказа о потери будто бы въ дорогѣ денегъ, далъ ему заимообразно сто рублей.

Какъ, затѣмъ, и куда скрылся мнимый Өадѣевъ, и что сталось съ его бывшимъ адъютантомъ мнѣ—не извѣстно. Прошедшіе же слишкомъ 40 лѣтъ со времени исчезновенія Өадѣева изъ Саратова многое покрыли своей давностію и, покорный своей судьбѣ, адъютантъ Өадѣева, вѣроятно уже давно прощенный, доживаетъ гдѣ нибудь на родинѣ покойно остатки дней своей глубокой старости.

В. А. Шомпулевъ.

Два письма Екатерины II князю М. Н. Волконскому.

(По вопросу объ учрежденіи нѣкотораго порядка въ государствѣ).

1

9-го августа 1775 г. село Царицино [1]).

Князь Михайла Никитычь! Чтобы узнать намѣреніе и дѣло, о коихъ подалъ письмо неизвѣстный мнѣ Колычевъ, я оное къ вамъ посылаю въ оригиналѣ [2]). Пригласите вы къ себѣ князя Александра Алексѣевича Вяземскаго и обще съ нимъ персонально испытайте поведеніе и свойство сего человѣка и какой онъ планъ имѣетъ дать вообще дѣламъ лутчей порядокъ, нежели въ которомъ оныя суть нынѣ, что онъ разумѣетъ подъ именемъ губернія оскорбленная и требуйте также, чтобъ онъ нарекъ тѣхъ людей, которыхъ не именуя порицаетъ быть м з д о и м н и к а м и и не творящими правды! Я хочу правды и кто опять надобенъ для составленія его предпріятія; по удостовѣреніи о всемъ томъ вы меня увѣдомите разсудокъ ли или едино сумасбродство его, Колычева, къ сему представленію воспаляли.

Въ протчемъ я пребываю вамъ благосклонна.

2.

5-го сентября 1775 г. Москва.

Князь Михаилъ Никитычь! Вы мнѣ докладывали, что Колычевъ проситъ о постриженіи его въ монахи. Исполнить сіе его желаніе я дозволяю, однакожъ быть ему монахомъ не въ Кіевѣ, но въ Межигорскомъ монастырѣ и сего монастыря архимандриту отпишите вы наше повелѣніе, чтобы онъ наблюдалъ прилѣжно за симъ п о с т р и ж е н ц е м ъ, не дозволялъ ему имѣть чернилы и перо и дабы онъ жилъ навсегда безвыходно въ томъ монастырѣ. Впротчемъ я остаюсь вамъ благосклонной.

Сообщ. П. М. Майковъ.

---

[1]) Въ 1775 году императрица, какъ видно изъ камеръ-фурьерскаго журнала, пробыла большую часть въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, при чемъ проводила время и въ Царицынѣ, въ 17 верстахъ отъ Москвы при Шиповскомъ прудѣ, прежде извѣстномъ подъ именемъ Черная Грязь

[2]) Изъ дѣла видно, что въ 1775 году Николай Колычевъ подалъ императрицѣ записку объ учрежденіи въ государствѣ н ѣ к о т о р а г о п о р я д к а.

П. С. Мочаловъ и В. А. Каратыгинъ.

III [1]).

Наступилъ великій день въ лѣтописяхъ русской сцены—22-е января 1837 года, день, когда развернулся во всемъ блескѣ геній величайшаго русскаго трагика. Въ этотъ вечеръ стѣны Петровскаго театра въ первый разъ увидѣли истинное торжество Мочалова и театръ стоналъ отъ небывалыхъ рукоплесканій. Въ нѣсколько часовъ переживалось больше, чѣмъ въ долгіе годы обыкновенной будничной жизни. Въ своей знаменитой статьѣ о Мочаловѣ Бѣлинскій далъ образцовую картину игры великаго артиста и производимаго ею необычайнаго настроенія въ зрителяхъ. Очевидно, Мочаловъ могъ выказать вполнѣ свой дивный талантъ именно въ такой міровой трагедіи, какъ «Гамлетъ», но зато онъ обнаружилъ его такъ полно и такъ ярко, что геніальному критику предстояло только дать краснорѣчивый отчетъ въ пережитыхъ всей залой впечатлѣніяхъ, да и въ отчетѣ этомъ только напоминать и разъяснять достоинства необыкновенной игры Мочалова. Ничего подобнаго уже никогда съ тѣхъ поръ не повторялось на русской сценѣ, за исключеніемъ развѣ игры Ольриджа въ роли Отелло. Въ своей статьѣ о Мочаловѣ Бѣлинскій обстоятельно и съ любовью слѣдитъ за всѣми подробностями исполненія Мочаловымъ Гамлета, достигая единственной въ своемъ родѣ живости въ изображеніи общаго настроенія всей залы. Такъ, разсказавъ о томъ, какъ Мочаловъ однимъ львинымъ прыжкомъ, подобно молніи, съ скамеечки перелетаетъ на середину сцены, Бѣлинскій говоритъ по поводу взрывовъ его адскаго хохота: «Нѣтъ, если бы, по данному мановенію, вылетѣлъ дружный хохотъ изъ тысячи грудей, слившихся въ

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ, 1898 г.

одну грудь,—и тотъ показался бы смѣхомъ слабаго дитяти въ сравненіи съ этимъ неистовымъ, громовымъ, оцѣпеняющимъ хохотомъ, потому что для такого хохота нужна не крѣпкая грудь съ желѣзными нервами, а громадная душа, потрясенная безконечною страстью» [1]).

Однимъ словомъ, тріумфъ Мочалова былъ столько же великъ, какъ и заслуженъ, и, говоря потомъ о Каратыгинѣ, Бѣлинскій очень удачно примѣнилъ въ сравненіи обоихъ артистовъ извѣстные стихи Пушкина изъ «Моцарта и Сальери». Мочаловъ выказалъ себя въ Гамлетѣ, по выраженію Бѣлинскаго, «волканическимъ актеромъ», и нельзя не признать, что большая въ сущности заслуга была со стороны Каратыгина, подъ вліяніемъ видѣннаго примѣра, «перемѣнить характеръ своей игры, и перемѣнить къ лучшему». Каратыгинъ устыдился своихъ прежнихъ фарсовъ и, какъ художникъ, во всякомъ случаѣ выдающійся, изо всѣхъ силъ старался придать своей игрѣ естественность, но превзойти себя, разумѣется, не могъ. Во всякомъ случаѣ нужно было большое искусство, чтобы послѣ Мочалова не уронить себя окончательно въ глазахъ публики въ такой трудной и отвѣтственной роли, и, не имѣя въ своей груди такого же драгоцѣннаго родника поэзіи, быть еще въ состояніи при Мочаловѣ и рядомъ съ нимъ ярко блеснуть техникой. Замѣчательно впрочемъ, что при всей рѣзкой разницѣ въ выполненіи Гамлета Каратыгинымъ и Мочаловымъ, у обоихъ русскихъ трагиковъ оказалась одна сходная черта, хотя и эта черта, конечно, нашла у каждаго различное выраженіе. Дѣло въ томъ, что оба они отступили въ своемъ исполненіи отъ Шекспира хотя и въ разныхъ направленіяхъ. «Мы видѣли Гамлета», говоритъ Бѣлинскій, «художественно созданнаго великимъ актеромъ, слѣдовательно Гамлета живаго, дѣйствительнаго, конкретнаго, но не столько шекспировскаго, сколько мочаловскаго, потому что, въ этомъ случаѣ, актеръ, самовольно отъ поэта, придалъ Гамлету гораздо больше силы и энергіи, нежели сколько можетъ быть у человѣка, находящагося въ борьбѣ съ самимъ собой и подавленнаго тяжестью невыносимаго для него бѣдствія, и далъ ему грусти и меланхоліи гораздо менѣе, нежели сколько долженъ ее имѣть шекспировскій Гамлетъ. Торжество сценическаго генія состоитъ въ совершенной гармоніи актера съ поэтомъ, слѣдовательно, на этотъ разъ Мочаловъ показалъ болѣе огня и дикой мощи своего таланта, нежели умѣнія понимать играемую имъ роль и выполнять ее вслѣдствіе вѣрнаго о ней понятія. Словомъ, онъ былъ великимъ творцомъ, но творцомъ субъективнымъ, а это уже важный недостатокъ» [2]).

Въ своей «Хроникѣ С.-Петербургскихъ театровъ» Вольфъ говорилъ

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. II, стр. 534.
[2]) Соч. Бѣлинскаго, т. II стр. 543.

объ исполненіи Гамлета Каратыгинымъ слѣдующее: «Каратыгинъ или не понялъ какъ слѣдуетъ роль Гамлета, или не могъ сладить съ нею. Шекспировскій Гамлетъ страдаетъ отъ недостатка силы воли, плачетъ и философствуетъ, когда нужно дѣйствовать, а каратыгинскій вышелъ героемъ, который мечетъ громы и молніи. Нѣкоторыя сцены, требующія энергіи и огня, прошли впрочемъ великолѣпно, особенно сцена съ матерью, когда онъ упрекаетъ ее въ убійствѣ отца. Въ цѣломъ же исполненіе было удовлетворительно; но большинство зрителей, не углубляясь въ изученіе геніальной драмы и характера принца датскаго, неистово хлопало каждой фразѣ, громогласно произнесенной Каратыгинымъ» [1]). Изъ сопоставленія этого отзыва съ словами Бѣлинскаго вытекаетъ, кажется, очевидное заключеніе, что громогласные возгласы Каратыгина были естественнымъ слѣдствіемъ скорѣе сознанія недостаточности артистическихъ средствъ въ данномъ случаѣ, нежели непониманія дѣла, предполагать которое было бы болѣе, чѣмъ странно, у такого умнаго и образованнаго артиста. Но съ другой стороны онъ, безъ сомнѣнія, былъ также лишенъ отъ природы той особой геніальной отгадки, благодаря которой Мочалову удавалось иногда вложить глубокій, потрясающій смыслъ въ такія избитыя выраженія, какъ напр.: «о, небо!», «увы, отецъ мой!» и пр. По этому поводу Бѣлинскій замѣтилъ между прочимъ: «О, Мочаловъ умѣетъ объяснить, и кто хочетъ понять шекспирова Гамлета, тотъ изучай его не въ книгахъ и аудиторіяхъ, а на сценѣ Петровскаго театра» [2]). Эта-то сторона игры Мочалова давала Бѣлинскому полное основаніе радоваться, что «московская публика, зная, что въ двухъ шагахъ отъ нея есть, можетъ быть, единственный талантъ для роли Гамлета, есть драгоцѣнное сокровище творческаго генія, не лѣнится ходить видѣть это сокровище» [3]). Одна мысль объ единовременномъ существованіи въ Москвѣ и присутствіи въ одной и той же зрительной залѣ геніальнаго исполнителя такого необычайно глубокаго произведенія, какъ «Гамлетъ», и геніальнаго, незамѣнимаго критика, будитъ невольную зависть къ людямъ, жившимъ не въ такое тусклое время, какъ наше. Достаточно вспомнить, что одно и то же мѣсто въ трагедіи передавалось великимъ артистомъ въ разныя представленія различно, но большею частью съ одинаковой геніальностью. Такъ, въ той же сценѣ послѣ представленія комедіи въ присутствіи короля, Мочаловъ уже не вскакивалъ со скамеечки, но «опустивъ голову внизъ, долго качалъ ею съ выраженіемъ нестерпимой муки духа, и изъ его груди вылетало нѣсколько глухихъ стоновъ, походившихъ на рычаніе льва, который, по-

[1]) Вольфъ. „Хроника С.-Петербургскихъ театровъ", т. I, стр 60.
[2]) Соч. Бѣлинскаго, т. II, стр. 550.
[3]) Тамъ же, т. II, стр. 547.

павшись въ тенета и видя безполезность своихъ усилій къ освобожденію, глухимъ и тихимъ ревомъ отчаянія изъявляетъ невольную покорность своей бѣдственной судьбѣ... Оцѣпенѣло собраніе и нѣсколько мгновеній въ огромномъ амфитеатрѣ ничего не было слышно, кромѣ испуганнаго молчанія, которое вдругъ прервалось кликами и рукоплесканіями» [1]). Это мѣсто вообще всегда передавалось Мочаловымъ съ поразительнымъ разнообразіемъ [2]).

Послѣ такихъ захватывающихъ духъ сценическихъ потрясеній немудрено, что, помимо пошлыхъ соображеній узкаго мѣстнаго патріотизма, московская публика не могла уже колебаться въ своемъ предпочтеніи Мочалова Каратыгину. Но съ тѣмъ большей запальчивостью и энергіей протестовали при случаѣ противъ казавшагося имъ незаслуженнымъ и преувеличеннымъ превознесеніемъ Мочалова критики петербургскихъ журналовъ, что́ становится еще понятнѣе, если припомнить, что увѣренный въ себѣ и привыкшій къ поклоненію Каратыгинъ пользовался тамъ такимъ престижемъ, что не признавалъ никакихъ законовъ и даже въ кругу образованныхъ литераторовъ не стѣснялся защищать нѣкоторые излюбленные эффекты, заявляя открыто, будто нельзя играть безъ измѣненій пьесы Шекспира, какъ бы онѣ ни были геніальны [3]). Въ геній Каратыгина большинство петербургской публики продолжало вѣрить свято, не допуская и мысли о сравненіи его съ Мочаловымъ, чему не мало способствовала распущенность послѣдняго, безжалостно топившаго въ винѣ, среди сомнительнаго общества, свой дивный талантъ. Нѣкоторое значеніе здѣсь могло имѣть даже то, что тогда какъ Каратыгинъ и жена его были всегда образцомъ изящества и граціи, утонченныхъ манеръ и преисполненнаго достоинствомъ и даже своего рода величіемъ обращенія съ товарищами и посторонними людьми,—Мочаловъ напротивъ поражалъ совершенной распущенностью и неумѣньемъ держать себя. Мочаловъ, конечно, не стоялъ внѣ сцены на той высотѣ, которая прилична была его замѣчательному таланту. О Каратыгинѣ же мы знаемъ, что, напротивъ, онъ никогда не забывалъ о своемъ достоинствѣ и требовалъ уваженія къ себѣ со стороны режиссеровъ и другаго начальства и, когда было нужно, умѣлъ отвѣтить твердо и находчиво, чѣмъ немало поддерживалъ свой авторитетъ въ труппѣ [4]). Стоитъ только представить себѣ величественную фигуру послѣдняго и окружавшіе его отовсюду страхъ и подобострастіе, основанные именно на у в а ж е н і и къ его таланту и личности, представить всегдашнее желаніе

[1]) Тамъ же, стр. 549.

[2]) Тамъ же, стр. 553—554.

[3]) «Литературныя воспоминанія» Панаева, стр. 77.

[4]) См. объ этомъ въ книгѣ Максимова «Свѣтъ и тѣни петербургской труппы за послѣднія тридцать лѣтъ», Спб., 1876 г.

артистовъ заслужить его одобреніе и боязнь его выговоровъ, на которые онъ не любилъ скупиться, когда былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ въ исполненіи ролей его товарищами,—чтобы понять разницу въ отношеніяхъ сослуживцевъ къ Каратыгину и Мочалову. Если Мочаловъ безконечно превышалъ Каратыгина талантомъ, то, безъ сомнѣнія, уступалъ ему въ той могущественной внутренней силѣ, которую даетъ людямъ образованіе и также сознательное и справедливое самоуваженіе. Въ своей частной жизни и въ закулисныхъ отношеніяхъ къ другимъ членамъ труппы Мочаловъ не представлялъ ничего особенно замѣчательнаго и не пользовался большимъ авторитетомъ. Въ этомъ отношеніи онъ также былъ полной противоположностью Каратыгину....

Въ «Литературныхъ Воспоминаніяхъ» Панаева мы находимъ преинтересный разсказъ о томъ, какъ Загоскину хотѣлось показать пріѣзжему гостю Мочалова въ полномъ блескѣ и какъ Панаевъ былъ страшно разочарованъ, когда увидѣлъ наконецъ плохую игру его въ той самой роли Гамлета, въ которой артистъ такъ недавно производилъ фуроръ; вмѣсто геніальнаго исполненія ему пришлось увидѣть просто какое-то безвкусное ломаніе и услышать въ патетическихъ мѣстахъ безобразный крикъ. С. Т. Аксаковъ, уже заранѣе предупредившій Панаева, что талантъ Мочалова повидимому, погибаетъ, но что тѣмъ не менѣе у него вырываются иногда «истинно вдохновенныя минуты», былъ внѣ себя отъ страшнаго негодованія на его плохую игру и въ отчаяніи повторялъ: «Онъ совсѣмъ погибъ... Его просто надо согнать со сцены!» А Панаевъ между тѣмъ думалъ про себя: «Гдѣ-же этотъ талантъ, о которомъ кричали всѣ москвичи, отъ котораго Бѣлинскій приходилъ въ такой энтузіазмъ» [1])?...

Между тѣмъ, въ то же самое время въ журналѣ «Репертуаръ и Пантеонъ» мы находимъ часто самые восторженные отзывы о Каратыгинѣ и лишь рѣдкія упоминанія о Мочаловѣ, безъ всякой мысли о сравненіи между ними, или даже рѣшительныя заявленія, что между обоими артистами никакого сравненія быть не можетъ. Читая теперь всѣ эти отзывы и сравнивая ихъ съ позднѣйшими отзывами современниковъ Мочалова и Каратыгина, нельзя не замѣтить, какое огромное вліяніе имѣло время на оцѣнку обоихъ соперниковъ. Такъ, въ «Хроникѣ петербургскихъ театровъ» Вольфа мы находимъ не разъ строгія и, вѣроятно, вполнѣ справедливыя и уже свободныя отъ предубѣжденій критическія замѣчанія объ игрѣ Каратыгина,—замѣчанія, сдѣланныя заднимъ числомъ, когда значеніе артиста уже достаточно разъяснилось,—тогда какъ въ «Репертуарѣ» конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ мы не видимъ даже отдаленнаго предчувствія этой установившейся впослѣд-

[1]) «Литературныя воспоминанія» Панаева, стр. 211.

ствіи оцѣнки. Случалось иногда «Репертуару» заносить на свои страницы какія-нибудь отрывочныя указанія недостатковъ игры Каратыгина, но они не заключали въ себѣ ничего существеннаго и касались именно какихъ-нибудь такихъ случайныхъ погрѣшностей или упущеній, которыя, вообще говоря, нисколько не характерны для этого артиста. Такъ однажды было отмѣчено, что въ пьесѣ «Гугеноты» Каратыгинъ, играя роль герцога Неверскаго, р а з а д в а имѣлъ нужду въ подсказѣ суфлера, чего съ одними только г. Каратыгиными да съ покойнымъ Дюромъ никогда не бывало» [1]). Между тѣмъ это былъ дѣйствительно какой-то необыкновенный случай; однажды также Панаевъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» упоминаетъ о небрежности произнесенія Каратыгинымъ своей роли на репетиціи [2]). Но кромѣ названныхъ двухъ свидѣтельствъ едва-ли можно найти хоть одно указаніе на нетвердое знаніе имъ роли. Напротивъ, мы имѣемъ напримѣръ самое категорическое заявленіе Бѣлинскаго, что незнаніе роли «не случается н и к о г д а и н и в ъ к а к о м ъ с л у ч а ѣ съ г-номъ Каратыгинымъ, который слишкомъ уважаетъ свое искусство, публику и самого себя, и потому всегда является на сцену не только выучивъ, но даже и з у ч и в ъ свою роль» [3]). Весьма легко предположить съ другой стороны, что отъ присяжныхъ критиковъ «Репертуара» могли укрываться болѣе важные и существенные недостатки игры Каратыгина, или что предубѣжденіе заставляло ихъ даже толковать въ пользу прославленнаго артиста. Главнымъ же образомъ измѣнился, такъ сказать, общій тонъ отношеній къ нему со стороны критиковъ. Такъ сначала, мы только и читаемъ въ «Репертуарѣ»: «Нельзя на всѣ роли набрать Каратыгиныхъ и Сосницкихъ» [4]), «Каратыгинъ имѣетъ право сказать: «теперь въ Европѣ нѣтъ равнаго мнѣ» [5]). Вольфъ въ своей «Хроникѣ петербургскихъ театровъ» напротивъ выражается о Каратыгинѣ, что онъ пересолилъ, не понялъ роли [6]) и т. п. Но всматриваясь внимательнѣе, можно замѣтить между указанными двумя источниками нашихъ свѣдѣній о Каратыгинѣ нѣкоторыя точки соприкосновенія: дѣло сводится къ тому, что недостатки, отмѣчаемые прежде робко и съ сомнѣніемъ, стали позднѣе указываться съ полной свободой. У Вольфа также читаемъ въ другихъ мѣстахъ: «Каратыгинъ

---

[1]) «Репертуаръ русской сцены», Отчетъ за истекшее полугодіе о достоинствѣ пьесъ и выполненіи ихъ артистами на Александринскомъ театрѣ, стр. 9.

[2]) «Литературныя воспоминанія» Панаева, стр. 76.

[3]) Соч. Бѣлинскаго, т. IX, 220.

[4]) «Репертуаръ русской сцены», 1839,1,3.

[5]) Тамъ же 1840,1, «Хроника Петербургскихъ театровъ съ 18 января по 20 февраля 1840 г.», стр. 33.

[6]) «Хроника Петербургскихъ театровъ», I, 51.

поддержалъ пьесы своимъ мощнымъ талантомъ» [1]), «въ королѣ Лирѣ нашъ трагикъ былъ опять совершенно на своемъ мѣстѣ» [2]). Но въ чемъ заключается уже существенная разница, это, конечно, въ томъ, что позднѣйшій критикъ судитъ о Каратыгинѣ опредѣленнѣе и сознательнѣе. Онъ уже отчетливо представляетъ себѣ дѣло и признаетъ за артистомъ преимущественно даръ блестящаго внѣшняго воспроизведенія и мимической техники. Такъ, говоря объ исполненіи Каратыгинымъ роли Нино, онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ живописуетъ моментъ появленія артиста въ хижинѣ убитой Вероники: «Его лицо мгновенно преобразилось, цѣлая драма читалась въ его обезумѣвшемъ взглядѣ, въ его страшно сверкающихъ глазахъ, въ лихорадочной дрожи, пробѣгавшей по всему тѣлу. Не говоря ни одного слова, онъ производилъ впечатлѣніе ни съ чѣмъ несравнимое, никогда неизгладимое. Такой мимики не видалъ я ни у кого, кромѣ какъ у Рашели, Ристори и Гризи. Можетъ быть, тутъ не было истиннаго вдохновенія, а торжество искусства, доступное только натурамъ избраннымъ, художникамъ, какихъ мы рѣдко встрѣчаемъ и предъ которыми нельзя не преклоняться» [3]). Въ другомъ мѣстѣ Вольфъ замѣчаетъ, говоря объ исполненіи Каратыгинымъ роли Кина: «Множество эффектныхъ разнообразныхъ сценъ даютъ много матеріала, но требуется не мало искусства и природныхъ средствъ, чтобы изъ этого матеріала создать что-нибудь цѣлое, не упустивъ въ то же время и отдѣлки частностей. Ни въ средствахъ, ни въ искусствѣ у Каратыгина недостатка не было, и потому можно себѣ представить, какъ рельефно вышелъ у него Кинъ» [4]).

Сравнивая съ этими строками все написанное о Каратыгинѣ, нельзя не замѣтить въ сущности полнѣйшаго согласія ихъ со всѣми другими отзывами, не исключая и оцѣнки Бѣлинскаго. Но теперь мѣсто прежняго безотчетнаго и безпредѣльнаго восторга, выражаемаго эксцентрическими заявленіями о томъ, будто выше Каратыгина нѣтъ и актера въ мірѣ, заступаетъ болѣе сознательное, критическое отношеніе къ нему. Теперь, читая въ «Репертуарѣ» восторженный отзывъ объ игрѣ Каратыгина въ пьесѣ «Смерть или честь», мы уже знаемъ, какъ къ нему относиться. Когда рецензентъ объясняетъ намъ, что, «если голосъ артиста возвышался и переходилъ границу своего состоянія въ сценахъ съ всесильнымъ графомъ, то не должно забывать, что это былъ уже не слесарь, пришедшій въ домъ вельможи по ремеслу, но человѣкъ невинно позоримый, отстаивающій святыню чести сестры своей, юноша

---

[1]) Та же страница.
[2]) Стр. 61.
[3]) Тамъ же, стр. 60.
[4]) Тамъ же, стр. 52.

въ цвѣтѣ силъ, братъ-мститель» [1]),—то намъ ясно, что Каратыгинъ въ данномъ мѣстѣ блеснулъ вполнѣ своимъ искусствомъ и настолько приблизился къ вдохновенію, насколько это было въ его средствахъ, въ его природѣ, и все-таки, какъ бывало съ нимъ нерѣдко и въ другихъ случаяхъ, «его голосъ перешелъ границу своего состоянія».

Разница между виртуозностью искусства и настоящимъ огнемъ вдохновенія еще давно, но смутно сознавалась такимъ образомъ даже образованными судьями, которые не могли, конечно, и объяснить ее артисту, какъ объяснилъ потомъ, сравнительно уже поздно для него, Бѣлинскій; о толпѣ же, разумѣется, и говорить нечего: она, безъ сомнѣнія, безсознательно направляла талантъ Каратыгина въ сторону искусственности и ложныхъ эффектовъ, будучи сама воспитана въ устарѣлыхъ традиціяхъ. Каратыгинъ же, съ своей стороны, былъ чрезвычайно чувствителенъ къ обаянію славы, и потому не только прислушивался съ пользой для себя къ отзывамъ компетентныхъ судей и вникалъ въ нарождающіяся эстетическія требованія, но также поддавался иногда соблазну угождать черни и ослѣплять ее блестящими, но избитыми пріемами и эффектами. Любопытно, что эту самую слабость замѣтилъ въ Каратыгинѣ даже Булгаринъ, которой говорилъ, что первый иногда «жертвуетъ изящнымъ для удовлетворенія требованіямъ толпы, восхищающейся криками и неистовыми порывами» [2]). И то же самое говорилъ позднѣе также Бѣлинскій, называя Каратыгина «льстивымъ услужникомъ толпы, который за мгновенный успѣхъ ея легкомысленныхъ рукоплесканій и кликовъ старался угадывать ея вѣтреныя прихоти» [3]). Въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій еще опредѣленнѣе высказываетъ эту мысль: «Г. Каратыгинъ вполнѣ разгадалъ нашу публику и глубоко понялъ ея требованія: вотъ вамъ и причина, почему такъ много фарсовъ прибавилось противъ прежняго. Если же онъ иногда ужъ черезчуръ пересаливаетъ въ нихъ, такъ это оттого, что онъ испытываетъ, понравятся ли публикѣ его новыя выдумки» [4]).

Обстоятельная рецензія Бѣлинскаго: «Объ игрѣ Каратыгина», находившаяся въ тѣсной связи съ литературными воззрѣніями критика, съ замѣчательною ясностью раскрыла какъ достоинства, такъ и недостатки игры этого артиста; то, что смутно чувствовалось до сихъ поръ, было указано и разъяснено; но присоединиться къ мнѣнію критика было для

---

[1]) «Репертуаръ русской сцены», 1839, I. Отчетъ о выполненіи піесъ артистами на Александринскомъ театрѣ, стр. 3.

[2]) «Репертуаръ русской сцены», 1840, 1, Панорамическій взглядъ на состояніе современныхъ театровъ въ С.-Петербургѣ, стр. 23.

[3]) Соч. Бѣлинскаго, т. II, стр. 516.

[4]) Тамъ же, т. I, 511.

многихъ затруднительно, потому что оно основывалось на новыхъ эстетическихъ понятіяхъ и разрушало весь строй и систему патентованныхъ и рутинныхъ взглядовъ. Бѣлинскій провелъ параллель между Каратыгинымъ и Мочаловымъ, съ одной стороны, и Мочаловымъ и Гоголемъ съ другой. Для многихъ нелегко и опасно было рѣшиться не только пойти открыто противъ установившихся мнѣній, но даже принять ихъ. Бѣлинскій смѣло провозгласилъ талантъ Каратыгина декламаторскимъ и заявилъ, что «напрасно обвиняютъ его въ излишествѣ эффектовъ; его игра не можетъ существовать внѣ ихъ» [1]). Но завоевать своимъ взглядамъ общее признаніе ему удалось не скоро, и въ сущности всѣ его статьи о театрѣ, въ которыхъ онъ такъ часто разоблачаетъ безжизненную и надутую реторику не только въ игрѣ артистовъ, но и въ драматическихъ издѣліяхъ Полевыхъ, Кукольниковъ и Ободовскихъ, били въ ту же точку и постепенно разсѣивали сгущенный туманъ ложныхъ эстетическихъ взглядовъ. Поэтому-то, можетъ быть, Бѣлинскій, высказывая по существу прежнее убѣжденіе о Каратыгинѣ, со-временемъ замѣтно смягчаетъ тонъ и гораздо благосклоннѣе судитъ о немъ, когда не имѣетъ уже нужды съ особенной энергіей внушать свое, шедшее когда-то въ разрѣзъ съ установившимся, мнѣніе, и, разсказавъ о томъ, какъ въ роли Фердинанда (въ пьесѣ «Коварство и Любовь») Каратыгинъ вышелъ въ красномъ мундирѣ, который такъ изящно, такъ пластически обрисовывалъ его станъ и вызвалъ рукоплесканія, затѣмъ прибавляетъ: «въ искусствѣ изящная форма великое дѣло, особенно тамъ, гдѣ вдохновеніе не прорывается бурными волнами... Г. Каратыгинъ заговорилъ—въ его словахъ, въ его дикціи мы не слышали трепетнаго одушевленія, но несмотря на то, чувствовали себя подъ вліяніемъ какого то обаянія. Отчего это такъ?—Оттого, что слово «искусство» даже и въ этимологическомъ смыслѣ имѣетъ великое значеніе»... [2])

IV.

Между тѣмъ время шло, и лѣтъ черезъ десять послѣ первой статьи Бѣлинскаго о Каратыгинѣ многое въ немъ сталъ довольно рѣзко осуждать одинъ изъ органовъ—выразителей тогдашнихъ взглядовъ на искусство—«Репертуаръ и Пантеонъ», даже еще рѣзче, нежели когда-то высказался нашъ геніальный критикъ. Однимъ изъ послѣднихъ отзы-

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. I, стр. 510.
[2]) Тамъ-же, т. III, стр. 124.

вовъ Бѣлинскаго о Каратыгинѣ былъ тотъ, что хотя «о родѣ таланта его каждый можетъ имѣть свое мнѣніе, но никто не можетъ, безъ нарушенія добросовѣстности, не согласиться въ томъ, что онъ служитъ своему искусству, и не только умно, но и совѣстливо, что онъ артистъ въ душѣ, и что съ его удаленіемъ со сцены Александринскаго театра удалится оттуда и искусство, не оставивъ по себѣ и слѣда» [1]). А между тѣмъ вскорѣ послѣ этого и началась извѣстная гнусная интрига противъ Каратыгина, имѣвшая цѣлью въ его отсутствіе выставить ему въ качествѣ соперника дутую и эфемерную знаменитость, актера Славина.

Въ Петербургѣ, куда Мочаловъ пріѣзжалъ на гастроли на пасхѣ 1834 г., но не имѣлъ успѣха, и гдѣ публика не имѣла случая потомъ переживать тѣ высокія наслажденія, какія онъ даритъ вскорѣ москвичамъ въ «Гамлетѣ», особенно долго держалось предубѣжденіе противъ него въ пользу Каратыгина. Несмотря на постоянныя сообщенія корреспондентовъ изъ Москвы объ успѣхахъ и возрастающемъ обаяніи Мочалова, «Репертуаръ» Песоцкаго очень туго сживался съ мыслью о необходимости признать его геніальнымъ артистомъ. Однажды авторъ замѣтокъ о «Московскомъ театрѣ» позволилъ себѣ вскользь выразить слѣдующее мнѣніе: «У насъ два трагика: одинъ обладаетъ могучимъ талантомъ, довелъ искусство изящное до совершенства, другой обладаетъ могучей душой, и мы избалованы ими». Уже въ этихъ непритязательныхъ словахъ, повторявшихъ мысль, давно высказанную Бѣлинскимъ, успѣвшую уже для многихъ сдѣлаться устарѣлою аксіомой, редакція усмотрѣла что-то непозволительное и поспѣшила по поводу ихъ сдѣлать слѣдующую любопытную оговорку: «Мы, петербургскіе жители, имѣемъ совсѣмъ иное понятіе о г. Мочаловѣ, и намъ даже не можетъ придти въ голову мысль сравнивать его съ первымъ нынѣшнимъ европейскимъ трагикомъ В. А. Каратыгинымъ. У насъ это почли бы варварствомъ! Молодые московскіе студенты, пріѣзжая въ Петербургъ, остаются нѣкоторое время подъ вліяніемъ первыхъ своихъ юношескихъ впечатлѣній, произведенныхъ въ нихъ первой видѣнной ими трагедіей, но, укрѣпясь въ умственныхъ силахъ и вникнувъ въ глубокую игру В. А. Каратыгина, они, наконецъ, убѣждаются, что между всемірнымъ трагикомъ, В. А. Каратыгинымъ, и московскимъ, г. Мочаловымъ, не можетъ и не должно быть никакого сравненія. Хвала и честь обоимъ, но... В. А. Каратыгинъ—солнце, а оно одно» [2]). Чрезвычайно странно также, что о Мочаловѣ «Репертуаръ» позволялъ своимъ сотрудникамъ говорить какъ-то какъ будто не особенно часто и охотно, а между тѣмъ въ немъ встрѣчаются почти исключительно

[1]) Соч. Бѣлинскаго, т. IX, стр. 224.

[2]) „Репертуаръ и Пантеонъ“, 1842, XI, Московск. театръ, стр. 27.

лестные отзывы объ этомъ артистѣ: не было ли это также слѣдствіемъ предвзятыхъ отношеній къ Мочалову? Въ самомъ дѣлѣ, что̀ мы читаемъ о немъ въ этомъ журналѣ? То отмѣчается его превосходная игра, въ «Иванѣ Рябовѣ», *носъ какими-то увѣреніями и клятвами*, какъ будто сообщается о чемъ-то мало вѣроятномъ: «Мы рѣшительно забыли все окружающее: мы видѣли одного Мочалова, съ его лицомъ, полнымъ страсти и одушевленія; мы слышали одинъ голосъ Мочалова, этотъ голосъ, который такъ неотразимо убѣдителенъ, который такъ способенъ выразить всѣ оттѣнки человѣческой страсти. *Не думайте, чтобы въ словахъ атихъ было* преувеличеніе: посмотрите эту сцену въ «Иванѣ Рябовѣ», посмотрите въ ней Мочалова» [1]) и проч. То говорится о чудной игрѣ Мочалова въ «Иголкинѣ» въ сценѣ, передъ казнью, и по этому поводу дѣлается оговорка: «Торжество Мочалова есть, безъ сомнѣнія, «Гамлетъ»: но сколько разъ онъ былъ неподражаемъ въ «Лирѣ», «Нино», «Отелло» въ «Скопинѣ Шуйскомъ»— и затѣмъ коротко характеризуется могущественное дѣйствіе его игры во всѣхъ этихъ пьесахъ [2]). Наконецъ мы находимъ однажды въ «Репертуарѣ» такую характеристику Мочалова, которая показываетъ вполнѣ пониманіе дѣла и очень близка уже къ отзывамъ Бѣлинскаго [3]). Осужденія Мочалова мы тамъ, какъ это и естественно, почти совсѣмъ не встрѣчаемъ и даже находимъ признаніе той мысли, что онъ великъ въ роляхъ шекспировскихъ, для которыхъ какъ будто и созданъ [4]), и можетъ быть слабъ только въ роляхъ ничтожныхъ, мелкихъ, эффектныхъ, въ которыхъ вся сила заключается въ словахъ и восклицаніяхъ» [5]). Все дѣло слѣдовательно было въ томъ, что трудно бываетъ quasi авторитетнымъ судьямъ привыкать видѣть вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Уже въ 1840 г., когда Мочаловъ по какимъ-то мало разъясненнымъ причинамъ на короткое время оставилъ сцену и потомъ снова былъ восторженно принятъ публикой, редакція «Репертуара» привѣтствовала и, конечно, искренно, его возвращеніе, и все-таки это не помѣшало ей еще гораздо позднѣе ужасаться при одной только мысли о сравненіи Мочалова съ Каратыгинымъ [6]). Наконецъ «Репертуаръ» не разъ отмѣ-

[1]) «Репертуаръ русской сцены», 1840, Хроника московскаго театра, стр. 15

[2]) «Репертуаръ рус. сцены», 1839, II, Хроника московскаго театра, стр 2. Ср. тамъ же, 1839, II, Отчетъ о московскомъ театрѣ за первое полугодіе, стр. 21.

[3]) «Репертуаръ русской сцены» 1839, II, Хроника московскаго театра, стр. 15.

[4]) То же высказывали и другіе; см. «Репертуаръ русской сцены», 1840, I, Воронежскій театръ, стр. 4.

[5]) «Репертуаръ рус. сцены», 1839, II, Отчетъ о московскомъ театрѣ за 1 полугодіе, II, стр. 21; 1840, I, Хроника московскаго театра, стр. 38.

[6]) См. «Репертуаръ русской сцены», 1840, II, Смѣсь, стр. 23 и «Русскій театръ въ Москвѣ и Петербургѣ», стр. 3.

чалъ такія красоты въ игрѣ Мочалова, которыя производили электрически потрясающее дѣйствіе, иногда даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, напр. въ восклицаніи слесаря Бидермана въ пьесѣ «Честь или Смерть»: «О надежды человѣческія! Что̀ вы такое?» или его внезапный вопросъ сестрѣ: «гдѣ твой любовникъ?» [1]). Слѣдовательно признаніе геніальности Мочалова подготовлялось, хотя невольно, но систематически, подобно тому, какъ далеко не сразу представители печати и за нимъ общество окончательно признали геніальность Гоголя. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что торжество эстетическаго вкуса въ значительной степени было облегчено также естественнымъ паденіемъ отживавшихъ кумировъ. Какъ Полевой, Кукольникъ и Ободовскій быстро растеряли поклонниковъ и лишились своего непрочнаго обаянія, такъ и идолопоклонство передъ Каратыгинымъ къ серединѣ сороковыхъ годовъ уже отживало свой вѣкъ. Въ ноябрьской книгѣ «Репертуара и Пантеона» за 1845 г. мы уже читаемъ слѣдующія строки: «Что̀ сказать о г. Каратыгинѣ, игравшемъ Ермака? Видно, что роль писана прямо для него, съ разсчетами на разные эффекты. И авторъ и артистъ достигли своей цѣли: г. Каратыгина поминутно вызывали и награждали рукоплесканіями. Роль Ермака онъ сыгралъ съ своимъ обыкновеннымъ искусствомъ. Настоящій Гамлетъ! Вотъ талантъ-то! Вездѣ одинаково высокъ и удивителенъ» [2]). «Во вторникъ: Каратыгинъ игралъ «Велизарія». Въ этой роли онъ также хорошъ, кромѣ нѣсколькихъ утрированныхъ жестовъ и громогласныхъ восклицаній...» [3]). «Насчетъ игры г. Каратыгина я несогласенъ съ мнѣніемъ большинства публики». «Въ этой пьесѣ» (приводится названіе) «онъ мнѣ не нравится, и смѣхъ его (во второмъ актѣ, при встрѣчѣ съ дочерью), возбуждающій всегда оглушительные аплодисменты, на меня производитъ непріятное впечатлѣніе» [4]). Въ свою очередь, Бѣлинскій, сдерживая запоздалыхъ порицателей Каратыгина, высказывалъ о немъ болѣе снисходительное мнѣніе, чѣмъ прежде. Въ 1846 г. «Репертуаръ» уже рѣшительно и смѣло становится на сторону Мочалова и смѣется надъ отзывомъ одного провинціала, будто «Мочаловъ для провинціи великій актеръ, а для столицы малый». «Читая «Гамлета», говорится далѣе, «вы уже восхищаетесь, но этого мало; надобно видѣть г. Мочалова, чтобы вы трепетали [5]). Вы дѣйствительно найдете въ немъ Гамлета,

---

[1]) «Репертуаръ русской сцены», 1839, II, Отчетъ о московскомъ театрѣ за 2 полугодіе, стр. 9.

[2]) «Репертуаръ и Пантеонъ», 1845, XI, стр. 20.

[3]) Тамъ же, Театральная Лѣтопись, стр. 60.

[4]) Тамъ же, 1845, май, Театральная Лѣтопись, стр. 135.

[5]) Тамъ же, 1846, XIII, Театральная Лѣтопись, стр. 36.

хотя и не принца». Напротивъ о Каратыгинѣ «Репертуаръ» начинаетъ выражаться такъ: «Г. Каратыгинъ былъ чрезвычайно хорошъ, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ моментовъ, гдѣ въ немъ замѣтна была аффектація» [1]). Когда у «Сѣверной Пчелы» въ 1846 г. возникла съ «Репертуаромъ» полемика изъ-за Каратыгина, котораго приняла подъ свою защиту газета Греча и Булгарина, «Репертуаръ» уже прямо говорилъ: «Таланта въ немъ мы никогда не оспаривали, но никогда не признаемъ въ немъ генія; никогда не назовемъ его п е р в ы м ъ трагическимъ актеромъ въ Европѣ въ настоящее время» [2]), тогда какъ прежде тотъ же «Репертуаръ» запальчиво спрашивалъ: «Кто можетъ говорить,что въ цѣлой Европѣ сыщется подобный г. Каратыгину артистъ съ такимъ талантомъ, съ такимъ геніемъ, какъ онъ?» [3]) Очевидно, журналъ забылъ о тѣхъ временахъ, когда онъ именно провозглашалъ вслѣдъ за другими Каратыгина первой европейскою знаменитостью, сравнивая его съ Атласомъ и проч. Любопытно кромѣ того, что «Репертуаръ» замѣчалъ въ Каратыгинѣ нѣкоторую наклонность къ естественной игрѣ и отступленіе отъ прежнихъ пріемовъ: «Роль Ахилла занималъ В. А. Каратыгинъ; въ немъ замѣтили мы отвычку отъ ролей классическихъ, особенно такихъ, въ которыхъ больше декламаціи, нежели истиннаго чувства и, разумѣется, говоримъ это не въ укоръ ему» [4]).

Такъ истинное значеніе Каратыгина, съ одной стороны, и Мочалова съ другой, уяснилось ко второй половинѣ 40-хъ годовъ даже для второстепенныхъ и заурядныхъ критиковъ, тогда какъ лѣтъ за десять передъ тѣмъ оно было совсѣмъ еще неясно людямъ высокаго образованія и непишеннымъ нѣкотораго критическаго дарованія, какъ напр. Шевыреву, который ожесточенно сражался за петербургскихъ гостей противъ какого-то г. Н. Щ. критика «Молвы» и которому Бѣлинскій возражалъ, что у нихъ «только и превосходно, что эта внѣшняя сторона искусства».

Въ концѣ своей сценической карьеры Мочаловъ перешелъ на роли стариковъ; такъ въ знаменитой пьесъ Шиллера «Коварство и Любовь», гдѣ онъ нѣкогда блистательно игралъ Фердинанда, одну изъ лучшихъ ролей своего репертуара, онъ исполнялъ впослѣдствіи роль отца Луизы Миллера, и притомъ такъ хорошо, что это становилось неудобнымъ для другихъ артистовъ, отъ которыхъ вниманіе публики отвлекалось художественнымъ воспроизведеніемъ старика.

Мы не станемъ слѣдить за упадкомъ таланта Мочалова въ послѣдніе

---

[1]) Тамъ же, стр. 36.
[2]) Тамъ же, стр. 23.
[3]) Тамъ-же, 1843 г. III, Кіевскій театръ, стр. 25.
[4]) «Репертуаръ и Пантеонъ», 1842 г. III, Театральная Лѣтопись, стр. 16.

годы его жизни [1]) и не будемъ останавливаться на подробностяхъ его частной жизни; но мы должны по необходимости отмѣтить тотъ печальный фактъ, что этотъ геніальный артистъ, умѣвшій зажигать въ зрителяхъ священный огонь поэзіи, погибъ жертвой самой прозаической и печальной слабости—страсти къ вину.

Мочаловъ умеръ внезапно, въ періодъ упадка своего таланта, хотя, вѣроятно, временнаго. Его смерть глубоко потрясла и всю драматическую трушу, въ которой у него не было враговъ. Бѣлинскій также имѣлъ огорченіе пережить, правда лишь нѣсколькими мѣсяцами, своего любимца. М. С. Щепкинъ писалъ другому знаменитому московскому артисту Шумскому: «По газетамъ ты ужъ, вѣрно, знаешь о смерти Мочалова. Россія лишилась могучаго таланта! Что дѣлать, что онъ, по нашему разумѣнію, не вполнѣ удовлетворилъ насъ; но мы уже не услышимъ тѣхъ потрясающихъ душу звуковъ,|не увидимъ тѣхъ восторженныхъ мгновеній, которыя часто прорывались сквозь его нелѣпыя формы» [2]). Такъ строго, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ великой любовью къ артисту и съ глубокой признательностью къ лучшимъ сторонамъ его таланта, вполнѣ безпристрастно и нелицепріятно, оцѣнилъ Мочалова его геніальный товарищъ по сценѣ. Прошло полвѣка—было у насъ и по смерти Мочалова счастливое время, блиставшее яркими талантами; есть они, хотя и не столь крупные, и теперь, но такого артиста, какъ Мочаловъ удастся дождаться,—да и удастся ли?—развѣ далекимъ, нашимъ потомкамъ.

Днемъ кончины его было 16-ое марта 1848 г. Москва сердечно и торжественно простилась съ своимъ великимъ и несчастнымъ любимцемъ, а лѣтъ черезъ десять послѣ его кончины на могилѣ его былъ поставленъ памятникъ съ эпитафіей, въ которой онъ былъ названъ «безумнымъ другомъ Шекспира».

В. Шенрокъ.

---

[1]) Уже въ 1846 г. Мочалова негозможно было узнать. (См. соч. Бѣлинскаго, т. XII, стр. 184).

[2]) «Записки и письма М. С. Щепкина», стр. 196.

ВОСПОМИНАНІЯ

офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—1878 г.г.[1])

I.

Мобилизація гвардіи.—Сборы.—Выступленіе изъ Петербурга.—Нашъ путь по Россіи.

12-го апрѣля 1877 года была объявлена Турціи война; манифестъ былъ подписанъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ въ Кишиневѣ, гдѣ была въ то время расположена главная квартира нашей арміи. Мобилизація была частная; она была сдѣлана съ цѣлью заставить Тур-

---

[1]) Не должно казаться страннымъ, что мои воспоминанія появляются двадцать лѣтъ спустя послѣ войны; по истеченіи такого продолжительнаго срока, собственно говоря, нельзя и браться за подобную работу, потому что многое уже перезабыто; но дѣло въ томъ, что эти воспоминанія были написаны мною еще въ 1878 году подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, вскорѣ же послѣ нашего возвращенія изъ Турціи.

Въ настоящее время, длинные зимніе вечера въ деревнѣ навели меня на мысль вынуть изъ стола на свѣтъ Божій уже сильно пожелтѣвшіе, за двадцать лѣтъ лежанія, черновые листы записокъ; я ихъ дополнилъ нѣкоторыми событіями, о которыхъ тогда забылъ упомянуть, но которыя теперь, спустя столько времени, представляются моему воображенію чуть ли не съ большею ясностью, чѣмъ тогда. Кромѣ того, моему труду я далъ болѣе гладкую, болѣе литературную форму.

Въ походѣ я не велъ никакихъ дневниковъ; даже при желаніи, я не могъ бы этого дѣлать, потому что строевому офицеру, отъ усталости, лишеній и другихъ шкурныхъ интересовъ, было не до веденія правильной записи; единственно, что дѣлалъ ежедневно—я обозначалъ чертой на картѣ, при

цію присоединиться къ постановленіямъ собравшейся въ то время европейской конференціи, которая имѣла въ виду достигнуть мирнымъ путемъ улучшеній въ положеніи восточныхъ христіанъ. Ожиданія конференціи не оправдались; Порта выказала высомѣріе и прямо отказалась исполнить ея постановленія. Этотъ отказъ и полное къ нему равнодушіе Европы вынудили Россію приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ и она обратилась къ силѣ оружія. «Исчерпавъ до конца наше миролюбіе, сказано было въ манифестѣ, мы рѣшили дѣйствовать самостоятельно, для чего повелѣваемъ нашимъ доблестнымъ войскамъ вступить въ предѣлы Турціи».

Дѣйствующая армія была составлена изъ армейскихъ войскъ; вся же гвардія оставалась въ Петербургѣ не мобилизованной. Въ то время сложилось въ высшихъ сферахъ, а слѣдовательно и во всѣхъ насъ такое мнѣніе, что мобилизованныхъ къ 12-му апрѣля войскъ должно вполнѣ хватить, чтобы наказать Турцію; но впослѣдствіи оказалось, что наши свѣдѣнія о боевой готовности Порты были далеко не полны; къ тому же наши войска, перейдя черезъ Дунай, были лишены возможности

каждомъ передвиженіи полка, его путь; а мѣста ночлеговъ помѣчалъ мѣсяцемъ и числомъ. Хронологія велась мною непрерывно изо-дня-въ-день; я могу ручаться за ея вѣрность, такъ какъ я, въ продолженіе всего похода, ни на одинъ день не отлучался изъ полка.

Во время дневокъ, а въ особенности во время тѣхъ періодовъ, когда намъ давали болѣе или менѣе продолжительныя передышки, я писалъ очень много писемъ женѣ, жившей тогда на Дунаѣ въ Систовѣ, потомъ роднымъ и друзьямъ; это было моимъ единственнымъ развлеченіемъ. Я бесѣдовалъ съ ними въ письмахъ обо всемъ, что мнѣ казалось болѣе или менѣе интереснымъ; обо всемъ, что было въ то время пережито, передумано, перечувствовано. По возвращеніи въ Россію, я собралъ всѣ мои письма, перечиталъ ихъ и видя, что они могутъ мнѣ служить матеріаломъ для воспоминаній, занялся составленіемъ ихъ въ зиму 1878—1879 г.г.

Не имѣя въ виду выяснять тактическую роль, которая выпала въ эту кампанію на долю преображенцевъ, я касаюсь въ своихъ воспоминаніяхъ бытовой стороны жизни полка.

Пессимистъ, да къ тому же страдавшій во время похода какимъ нибудь недугомъ, вслѣдствіе котораго походъ долженъ былъ ему казаться бременемъ, такой пессимистъ навѣрно скажетъ: «стоитъ ли вспоминать о времени, которое состояло изъ цѣлаго ряда всякихъ невзгодъ, только съ рѣдкими проблесками хорошихъ минутъ?» Конечно, воспоминанія такого человѣка, далеко не объективныя, а слѣдовательно одностороннія, будутъ сосредоточиваться преимущественно только на однихъ ужасахъ и лишеніяхъ войны, произведшихъ на него такое удручающее впечатлѣніе; а о свѣтлыхъ, сильныхъ моментахъ, прошедшихъ мимо него, вслѣдствіе подавленной его психики, безъ всякаго слѣда, онъ упомянетъ только вскользь.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе выноситъ изъ похода человѣкъ съ болѣе свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, которому, еще кромѣ того, посчастливилось быть все время здоровымъ; онъ тоже упомянетъ о всѣхъ мрачныхъ сторо-

проникнуть въ глубь Болгаріи: значительный отрядъ былъ задержанъ Плевной; другой же, рущукскій, былъ тоже прикованъ къ мѣсту, имѣя задачей охранять лѣвый флангъ всего нашего расположенія отъ нападеній турокъ, засѣвшихъ въ Варнѣ, Шумлѣ, Силистріи и Рущукѣ, такъ что предпринимать дальнѣйшее наступательное движеніе, въ особенности послѣ двухъ неудачныхъ атакъ Плевны 8-го 18-го іюля, было немыслимо по той простой причинѣ, что не хватало для того войскъ.

Въ виду этого было рѣшено мобилизовать гвардію и выслать ее за Дунай. — До этого времени гвардія была вполнѣ увѣрена, что съ турками справятся и безъ нея; нѣкоторымъ гвардейскимъ офицерамъ удалось себѣ устроить прикомандированіе къ дѣйствующей арміи; но большинство продолжало вести свою обыденную петербургскую жизнь: мы купили себѣ подробныя карты Турціи, изданныя австрійскимъ генеральнымъ штабомъ и внимательно слѣдили по нимъ за передвиженіями нашей арміи, отдѣльныя части которой отмѣчались разноцвѣтными булавками, мѣнявшими свои мѣста при каждомъ новомъ передвиженіи войскъ.

Изъ офицеровъ Преображенскаго полка, отъѣхавшихъ въ дѣйствую-

---

нахъ похода, но онъ не забудетъ упомянуть какъ слѣдуетъ и о свѣтлыхъ его сторонахъ; онъ съумѣетъ объективно, безпристрасто разобраться во всемъ пережитомъ, съумѣетъ всецѣло воспринять въ себя всѣ свѣтлые лучи, мелькавшіе въ темномъ царствѣ, и подчеркнетъ скорѣй эти лучи, нежели мракъ.

На войнѣ, какъ люди такъ и понятія, всегда получаютъ болѣе вѣрную окраску, болѣе вѣрную оцѣнку, чѣмъ въ мирное время. Я познакъ ближе людей, которыхъ въ мирное время, служи съ ними вмѣстѣ хоть сто лѣтъ, никогда вполнѣ не узнаешь; я познакъ русскаго солдата, у котораго нашему брату надо бы поучиться терпѣнію, добродушію и безобидности, съ которыми онъ переносилъ лишенія; это были настоящія лишенія, вовсе не похожія на тѣ, отъ которыхъ мы, вслѣдствіе нашей избалованности, такъ часто страдаемъ въ мирное время, и которыя ничтожны, въ сравненіи съ лишеніями нашего солдата на Балканахъ, или лишеніями разоренныхъ войной и охваченныхъ ужасомъ и горемъ мирныхъ жителей страны. Я хочу сказать, что я видѣлъ въ походѣ настоящее горе, настоящій ужасъ и могу назвать себя счастливымъ въ томъ отношеніи, что мнѣ пришлось испытать такія хорошія минуты высокаго подъема духа, которыя вообще говоря въ жизни выпадаютъ на долю далеко не всѣхъ и которыя не забываются до конца жизни.

Я буду считать себя удовлетвореннымъ, если мои боевые товарищи, безъ сомнѣнія уже многое перезабывшіе, при чтеніи моихъ воспоминаній, будутъ мысленно переживать вмѣстѣ со мной хорошее былое время, которое мы прожили вмѣстѣ и въ которое, мнѣ думается, мы всѣ мыслили и чувствовали болѣе или менѣе одинаково. А если молодые преображенцы, которымъ полковыя походныя традиціи прошлой турецкой войны мало извѣстны, возъимѣютъ желаніе, прочтя мои воспоминанія, подробнѣе разработать этотъ періодъ исторіи своего полка по болѣе серьезнымъ источникамъ, то я буду даже счастливъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, мои запоздалыя записки могутъ оказаться тоже своевременными.

щую армію, могу упомянуть о флигель-адъютантѣ Петрѣ Сергѣевичѣ Озеровѣ, который былъ назначенъ командиромъ гвардейской конвойной роты, сопутствовавшей всюду въ походѣ государя; потомъ въ началѣ мая отъѣхали въ рущукскій отрядъ наслѣдника цесаревича капитанъ Петръ Павловичъ Гессе, и штабсъ-капитанъ Дмитрій Николаевичъ Мартыновъ. Первый былъ переведенъ подполковникомъ въ 47-ой Украинскій полкъ, въ которомъ, сперва командовалъ баталіономъ, а потомъ послѣ контузіи командира полка командовалъ и самимъ полкомъ вплоть до окончанія военныхъ дѣйствій. Штабсъ-капитанъ Мартыновъ, зачисленный по гвардейской пѣхотѣ, командовалъ въ 46-омъ Днѣпровскомъ полку ротой.

Всѣ товарищи съѣхались на вокзалъ, чтобы проводить нашихъ піонеровъ; командиръ полка князь Николай Николаевичъ Оболенскій надѣлъ на нихъ по образку на цѣпочкѣ съ надписью: «благословеніе товарищей». Кромѣ нихъ отправились на Кавказъ въ дѣйствующую армію: штабсъ-капитанъ Николай Валеріановичъ Бельгардъ, штабсъ-капитанъ князь Яковъ Ивановичъ Несвицкій, штабсъ-капитанъ Леонтій Платоновичъ Пишкевичъ, поручикъ Михаилъ Петровичъ Галлеръ. Всѣ они были прикомандированы къ Эриванскому полку и командовали тамъ ротами.

Отпуска были намъ разрѣшены; это обстоятельство еще больше укрѣпило въ насъ то убѣжденіе, что кампанія должна быстро окончиться и что походъ будетъ имѣть характеръ, какъ тогда говорили, церемоніальнаго марша къ стѣнамъ Царьграда. Вопросъ о недостаточности мобилизованнаго войска никому и не приходилъ на умъ.

Извѣстіе о мобилизаціи застало меня въ деревнѣ, гдѣ я проводилъ отпускъ; это было 23-го іюля. По обыкновенію, я поѣхалъ за почтой на станцію желѣзной дороги, гдѣ начальникъ станціи встрѣтилъ меня съ радостнымъ лицомъ и поздравилъ съ походомъ. Извѣстіе это такъ поразило меня своею неожиданностію, что я, признаться сказать, сначала принялъ это за шутку, но желѣзнодорожная телеграмма, которую онъ мнѣ показалъ, разрѣшила всякія сомнѣнія. Въ ней предписывалось служащимъ на линіи оказывать, по случаю мобилизаціи гвардіи, всевозможное содѣйствіе нижнимъ чинамъ, стекавшимся къ сборнымъ пунктамъ.

Сгоряча мнѣ показалось, что я непремѣнно опоздаю явиться въ полкъ, который, какъ я думалъ, не сегодня, завтра долженъ уже выступить въ походъ. Я не на шутку сердился на тѣхъ, кто не далъ мнѣ своевременной депеши о мобилизаціи, а мысль о той массѣ вещей, которую приходилось пріобрѣтать для похода, окончательно сбила меня съ толку.

Въ тотъ же вечеръ я выѣхалъ изъ деревни въ Петербургъ. Вмѣстѣ со мной въ вагонѣ ѣхалъ гвардейскій офицеръ, тоже спѣшившій

въ свой полкъ; онъ сообщилъ мнѣ о телеграммѣ, присланной главнокомандующимъ дѣйствующей арміи великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ изъ Турціи въ Петербургъ, въ которой онъ передаетъ высочайшее повелѣніе мобилизовать гвардію, и высказываетъ въ ней свою радость вскорѣ увидѣть за Дунаемъ свое д ѣ т и щ е—такъ онъ называлъ гвардію. Судя по этой телеграммѣ уже нельзя было болѣе сомнѣваться въ томъ, что насъ требуютъ прямо на поле сраженія.

На одной изъ маленькихъ станцій мнѣ пришлось видѣть трогательныя семейныя проводы; только что произведеннаго молодаго офицера обступилъ цѣлый сонмъ барынь, барышень, дѣтей, нянекъ; всѣ плакали, а онъ, чмокая всѣхъ на лету, видимо боялся прозѣвать третій звонокъ.

Я былъ пораженъ собственно не тѣмъ, что насъ требуютъ въ Турцію—это было въ порядкѣ вещей, вѣдь для чего нибудь же носишь военный мундиръ—но меня поразила неожиданность.

На другой день, по выѣздѣ изъ деревни, я былъ уже въ Петергургѣ. Ѣду прямо въ полкъ и узнаю, что ранѣе мѣсяца полкъ не будетъ готовъ къ выступленію; во-первыхъ, сборъ безсрочно отпускныхъ, судя по началу, обѣщалъ быть очень продолжительнымъ; но главная задержка предвидѣлась въ томъ, что въ полку ничего не было подготовлено на случай войны: пришлось дополнять подвижной составъ, обозъ, не хватало ни обмундировки, ни обуви для вновь прибывающихъ солдатъ, ни боевого снаряженія и проч. Въ полку началось вавилонское столпотвореніе; офицеры, завѣдующіе хозяйственною частью, теряли голову и завидовали намъ, ротнымъ командирамъ, дѣло которыхъ было сравнительно гораздо проще. Въ роту прибывали со всѣхъ концовъ Россіи партіи безсрочныхъ, которыхъ, по истеченіи нѣсколькихъ дней, уже нельзя было отличить во фронтѣ отъ находившихся на дѣйствительной службѣ. Начались ротныя ученья съ церемоніальнымъ маршемъ, наводившія на насъ, въ виду такой серьезной задачи впереди, уныніе; роты ходили на стрѣльбу, офицеры же начали практиковаться въ стрѣльбѣ изъ револьвера. Мы ѣздили въ офицерскій тиръ на Семеновскомъ плацу и разстрѣливали тамъ нарисованныхъ мѣломъ на большихъ щитахъ турокъ. Щиты ставились шаговъ на 20, а во время стрѣльбы шли оживленные разговоры о томъ, куда надо цѣлить, въ ноги или выше, чтобъ получше убить непріятеля. Однажды мнѣ удалось въ 10 секундъ выпустить 6 пуль, стрѣляя поперемѣнно по двумъ щитамъ; четыре пули попали, и помнится, что я былъ очень доволенъ собой: мнѣ удалось сдѣлать дублетъ, т. е. сразу убить двухъ турокъ.

Полкъ, за неимѣніемъ мѣста въ казармахъ, помѣстился въ палаткахъ на Преображенскомъ плацу. Ученья на этомъ плацу происходили ежедневно вплоть до выступленія полка изъ Петербурга 28-го августа. Свободное время мы употребляли на то, чтобъ умно и практично собраться въ

походъ. Имѣя деньги, купить все необходимое, было конечно не трудно; но магазины были до того завалены работой и заказами, что намъ приходилось по недѣлямъ дожидаться заказанныхъ вещей. Времени хватало и на то, чтобъ ѣздить по близости на охоту, которая меня развлекала и на которой я забывалъ на нѣсколько часовъ щемящую скуку, охватившую насъ всѣхъ вслѣдствіе долгихъ сборовъ; всѣ съ нетерпѣніемъ желали скорѣйшаго отправленія на театръ дѣйствій.

Наконецъ насталъ канунъ нашего выступленія; вечеромъ весь полкъ былъ собранъ въ Таврическомъ саду, гдѣ было совершено напутственное молебствіе. Какія то сердобольныя барыни раздавали офицерамъ образки и первую перевязку, т. е. мѣшечекъ съ принадлежностями на случай раненія.

Во время моей довольно продолжительной службы, мнѣ часто приходилось присутствовать при молебствіяхъ съ колѣнопреклоненіемъ; всѣ они имѣли болѣе или менѣе одинаковый характеръ. Но въ этотъ вечеръ, когда всѣ преклонили колѣни, моментъ былъ выдающійся, захватывающій; искренность была присуща всѣмъ. Я убѣжденъ, что во всѣхъ насъ, несмотря на разнообразіе нашихъ воззрѣній, промелькнула одна и та же мысль — сознаніе своего безсилія отклонить то, что должно совершиться по волѣ судьбы, которая только одна можетъ направлять грядущія событія.

Только въ чувствѣ смиренія и можетъ человѣкъ обрѣсти настоящій душевный покой, столь для него необходимый въ отвѣтственныя минуты на войнѣ. Тотъ, кто себѣ усвоилъ эту мысль, тотъ уже имѣетъ большой шансъ пріобрѣсти покой; а безъ душевнаго покоя, чѣмъ бы онъ ни достигался, человѣкъ не можетъ быть на войнѣ храбрымъ. Я говорю здѣсь не о безумной, безотчетной храбрости, которая присуща меньшинству и которою всегда руководятъ какія нибудь особенныя спеціальныя мысли; я здѣсь упоминаю о настоящей, осмысленной храбрости, которая никогда не должна покидать настоящаго военнаго человѣка, я говорю о томъ состояніи человѣка, въ которомъ онъ сохраняетъ, во время опасности, самообладаніе, свѣжесть мыслей и вообще дѣлаетъ все то, что надлежитъ дѣлать всякому въ его положеніи. Но люди часто грѣшатъ противъ послѣдняго; въ походѣ мнѣ пришлось видѣть много людей, изъ коихъ однихъ общественное мнѣніе считаетъ храбрыми, а другихъ—трусами; я сдѣлалъ бы имъ другое болѣе точное опредѣленіе; мнѣ кажется, что было бы правильнѣе однихъ называть счастливыми, а другихъ несчастными. Къ первымъ я отнесъ бы, во-первыхъ, людей вовсе не разсуждающихъ (это самые счастливые), а во-вторыхъ, людей, съумѣвшихъ разобраться въ хаосѣ всевозможныхъ мыслей, которыя лѣзутъ въ голову во время сраженія. Ко вторымъ, я отнесъ бы тѣхъ, кто сдѣлать этого не могъ; въ серьезныя минуты, такіе люди

теряются и достойны скорѣй сожалѣнія, чѣмъ презрѣнія. Въ мирное время трудно узнать, кто окажется въ дѣлѣ крѣпкимъ, а кто слабымъ; часто выходитъ совсѣмъ на оборотъ, военная косточка мирнаго времени превращается на войнѣ въ размягшій хрящикъ; а штатская мякоть крѣпнетъ и превращается въ камень.

Спокойствіе духа, въ виду смерти или въ другіе серьезные моменты, достигается людьми весьма различно; я всегда готовъ преклониться передъ силою характера людей, а въ особенности власть имѣющихъ, которые въ серьезныя минуты, несмотря на то, что у нихъ на душѣ мрачно, умѣютъ смотрѣть весело, сознаютъ, что на нихъ лежитъ большой отвѣтъ, что на нихъ устремлены всѣ глаза, что ихъ хорошій духъ можетъ передаться массѣ, а мрачный легко ее заразить. Скобелевъ былъ однимъ изъ такихъ людей; онъ сознавался чистосердечно, что во время дѣла, его ощущенія были далеко не изъ пріятныхъ; но глубоко понимая, насколько успѣхъ оружія можетъ быть въ зависимости отъ нравственныхъ силъ начальника, онъ доходилъ до полнаго пренебреженія къ смертм; а про себя онъ выразился такъ: «русскій солдатъ можетъ завоевать міръ, только ему надо показать какъ это сдѣлать; а потому мое мѣсто всегда впереди, издали ничего ему не укажешь».

Люди религіозные и фаталисты черпаютъ покой въ своихъ догматахъ; человѣку религіозному, безъ сомнѣнія, покой достается легче, чѣмъ тому, который въ самыя серьезныя минуты долженъ мудрствовать лукаво и подъискивать себѣ въ успокоеніе всякія философскія комбинаціи. Большое самолюбіе, боязнь прослыть трусомъ, честолюбіе, тоже бываютъ въ состояніи подавить эмоціи; природная хвастливость часто заглушаетъ страхъ; индиферентизмъ къ жизни людей глубоко несчастныхъ заставляетъ ихъ иногда даже желать смерти; а многіе считаютъ славную смерть на полѣ битвы большимъ счастьемъ и завидуютъ тѣмъ, кому удалось умереть со славою и съ шумомъ; людямъ такого рода бываетъ легко на душѣ.

Чувству патріотизма и другимъ высшимъ идеямъ, въ критическія минуты, я отвожу не первое мѣсто; это скорѣй общія идеи, съ которыми сжился человѣкъ, но которыя во время дѣла заглушаются другими болѣе сильными чувствами.

Я никогда не позволю себѣ смѣяться надъ людьми слабыми, а имя имъ легіонъ, которые для пріобрѣтенія покоя, прибѣгаютъ иногда къ самообману, нося при себѣ амулеты, заговоры, шерстинки на рукѣ, пожеланія и проч.

Я склоненъ видѣть въ нихъ людей съ слабымъ духомъ, которые прямо умышленно вводятъ въ свою сферу мышленія постороннія мысли, зная напередъ, что онѣ д о л ж н ы облегчить тяжелое состояніе ихъ духа; такъ напримѣръ люди, удрученные горемъ, съ предвзятою цѣлью

ѣдутъ путешествовать, вдаются въ благотворительность, берутся за физическій трудъ и т. д. Ихъ горе, само по себѣ, конечно остается тѣмъ же горемъ, только постороннія мысли не даютъ человѣку на немъ сильно сосредоточиваться; въ этомъ и состоитъ вся ихъ сила. Такъ и здѣсь, амулетъ конечно не спасетъ отъ пули, но онъ можетъ немного отвлечь мысли человѣка отъ сильнаго сосредоточиванія на идеѣ объ опасности; дѣйствіе амулета, въ данномъ случаѣ, просвѣтляетъ мышленіе, а слѣдовательно вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Вольтеръ сказалъ: «Les superstitions font le bonheur des peuples»; этимъ онъ не думалъ восхвалять культъ всякихъ предубѣжденій, и хотѣлъ только сказать, что дикарь, въ тяжелыя минуты, ищетъ успокоенія духа въ извѣстныхъ пріемахъ (жертвоприношеніе, стрѣльба во время грозы, амулеты, вытье во время горя, заговоры отъ болѣзней и. т. д.), присущихъ его вѣрѣ въ звѣзды, воду, огонь, звѣрей и проч., а вѣра въ нихъ вселяетъ въ него спокойныя мысли. Истинно убѣжденному вѣрующему христіанину конечно не за чѣмъ прибѣгать къ помощи амулетовъ и проч., а много ли на семъ свѣтѣ людей сильныхъ истинно христіанскимъ духомъ?

28-го августа, солдатики весело вышли изъ казармъ, распростились съ остающимися товарищами, помолились Богу и двинулись къ Николаевской желѣзной дорогѣ. По дорогѣ, народъ снималъ шапки и высказывалъ намъ свои пожеланія счастливаго пути и скорого возвращенія.

Нашъ полкъ отъѣзжалъ изъ Петербурга эшелонами, изъ которыхъ каждый, численностью въ 600 человѣкъ, состоялъ изъ трехъ ротъ съ принадлежащимъ къ нимъ обозомъ. Въ нашъ эшелонъ подъ начальствомъ полковника Стрезова, вошли: 4-ая рота штабсъ-капитана Александра Александровича Адлерберга, моя 5-ая рота, и 6-ая штабсъ-капитана Саблина. Посадка людей въ вагоны, какъ дѣло непривычное, шла довольно суетливо; на платформѣ, отъ общихъ разговоровъ было очень шумно; солдатскія жены выли такъ, какъ умѣютъ выть однѣ только православныя бабы. Людей размѣстили по вагонамъ довольно тѣсно; они сейчасъ же начали пѣть пѣсни и тѣмъ вызывали улыбку на сдержанныхъ лицахъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ, пріѣхавшихъ насъ проводить. Наконецъ насъ попросили войти въ вагоны; въ 9 часовъ утра поѣздъ дрогнулъ и тяжело тронулся съ мѣста. Слезы, маханія шляпами, платками, оглушающее общее «ура».... вотъ наши послѣднія петербургскія воспоминанія.

Мы до того долго собирались въ походъ, что даже успѣли сжиться съ мыслью о немъ; но когда мы почувствовали толчекъ при началѣ движенія, и когда мы во-очію убѣдились, что наша обыденная жизнь порывается можетъ быть навсегда, тогда все пережитое и передуман-

ное за послѣднее время сразу и особенно живо заговорило въ насъ. Понять наши ощущенія гораздо легче, чѣмъ ихъ выразить словами.

Нашъ желѣзнодорожный путь лежалъ на Москву, Курскъ, Кіевъ, Жмеринку, Балту, Раздѣльную, Кишиневъ, Яссы, Букарестъ и Фратешти, какъ конечный пунктъ рельсоваго пути, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дуная.

Дорога отъ Петербурга до румынской границы была дотого однообразна, что даже не знаешь, на чемъ остановить свои воспоминанія. Въ тотъ годъ осень въ средней и южной полосахъ Россіи была дивная, арбузы поѣдались солдатами въ несмѣтномъ количествѣ; въ особенности жадно кидались на нихъ люди сѣверныхъ губерній, которымъ, по сравненію съ огурцомъ, арбузъ долженъ былъ казаться лакомствомъ; нѣкоторые даже захворывали отъ нихъ. На станціяхъ слышалась ругань ходящихъ по платформѣ солдатъ, въ которыхъ летѣли изъ вагоновъ нечаянно, а можетъ быть и нарочно арбузныя корки; всѣ платформы были буквально завалены ими; это былъ въ полномъ смыслѣ солдатскій арбузный пиръ-горой.

На всѣхъ станціяхъ повторялось одно и тоже: всюду было много любопытныхъ, собравшихся поглазѣть на рослыхъ преображенцевъ, которые съумѣли на большихъ станціяхъ устроить для публики потѣху, а для себя самихъ доходную статью—солдатики изъ наиболѣе шустрыхъ, составили между собой импровизованный оркестръ изъ бубенъ, дудки, тарелки и скрипки о двухъ струнахъ. Музыканты играли плясовую, а ловкіе танцоры выкидывали ногами невозможныя колѣнцы; народъ тотчасъ же ихъ окружалъ и охотно снабжалъ кто копѣйкой, а кто и желтенькой бумажкой.

Буфеты, устроенные на платформахъ для народа, торговали бойко; солдаты раскупали все до-чиста. Одинъ буфетчикъ выразился такъ: «Пошли Богъ здоровья нашему батюшкѣ-царю; не то хоть закрывай торговлю на станціи».

Наконецъ трубачу приказывали трубить сборъ разбѣжавшимся во всѣ стороны людямъ. Сперва мы боялись, чтобъ не было отсталыхъ солдатъ какъ въ былыя времена, но въ продолженіе всего пути въ нашемъ эшелонѣ не было ни одного бѣглаго.

Насъ везли тихо, не спѣша; на запасныхъ путяхъ намъ приходилось стоять часовъ по шести; но никто на это не роптalъ; однообразіе передвиженія выучило насъ быть терпѣливыми; какая-нибудь шестичасовая остановка должна была намъ казаться весьма малой величиной въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, которое намъ еще предстояло быть въ дорогѣ. Вскорѣ по выѣздѣ изъ Петербурга мы уже стали путать числа и дни, такъ какъ всѣ они были ужасно похожи одинъ на другой; но иногда выдавались и забавные эпизоды, о которыхъ нельзя не вспо-

мнить безъ смѣха. Въ Тулѣ, напримѣръ, съ нами приключилось то, что называется: по усамъ текло, а въ ротъ не попало. Нашъ эшелонъ прибылъ въ Тулу часу въ десятомъ вечера; въ вокзалѣ народу масса. Подходитъ къ намъ представитель отъ города и предлагаетъ офицерамъ ужинъ, а людямъ угощеніе. Мы горячо благодарили его за радушный пріемъ и моментально же усѣлись за столъ. Представитель города, видимо чѣмъ-то озабоченный, обращается къ намъ съ вопросомъ о полковой музыкѣ; ему почему-то казалось, что она должна быть съ нашимъ эшелономъ. Когда же ему сказали, что музыка ѣдетъ со штабомъ полка въ слѣдующемъ поѣздѣ, тогда онъ заявилъ намъ безъ всякой церемоніи, что ужинъ приготовленъ совсѣмъ не для насъ, а для того эшелона, гдѣ музыка. Оказалось, что городъ хотѣлъ угостить туляковъ музыкой перваго гвардейскаго полка. Мы остались сидѣть на своихъ мѣстахъ и поужинали на свой собственный счетъ, а солдаты, изощряясь въ остротахъ, насколько кто умѣлъ, вернулись назадъ въ вагоны. Желаніе послушать нашу музыку было замѣтно по всему пути нашего слѣдованія; всѣ оваціи и угощенія выпадали на долю того эшелона, съ которымъ ѣхалъ музыкантскій хоръ.

По дорогѣ я надумалъ сдѣлать себѣ солдатскую шинель и солдатскій ранецъ; мнѣ почему-то казалось, что офицерское пальто, которое гораздо темнѣе солдатской шинели, непремѣнно должно привлекать во время дѣла особенное вниманіе непріятеля; хотя это и принадлежитъ къ области фантазіи, но все-таки я черпалъ въ этомъ самонадуваніи нѣкоторое успокоеніе духа и походилъ на того дикаря, который, надѣвъ на себя деревянный обручъ, былъ увѣренъ, что онъ спасетъ его отъ вражьихъ стрѣлъ.

Офицерскій ранецъ казался мнѣ никуда не годнымъ, развѣ только для запаса папиросъ: онъ былъ слишкомъ малъ, жесткій, давилъ на усталую спину, да къ тому же пригонка ремней была неудобная. Портупея меня тоже безпокоила; я чувствовалъ, что при первомъ же случаѣ я не выдержу неудобнаго пристегиванія сабли сбоку къ поясному ремню, брошу портупею и устрою себѣ какую-нибудь болѣе удобную перевязь черезъ плечо. Пользуясь трехчасовой остановкой въ Кіевѣ, я съѣздилъ въ городъ для закупки матеріала, изъ котораго ротный портной и сапожникъ сдѣлали мнѣ, во время пути, шинель, ранецъ и портупею черезъ плечо. Я принялъ совсѣмъ солдатскій видъ, о которомъ нѣсколько дней тому назадъ въ Петербургѣ не могъ и мечтать; но въ походѣ начальство смотрѣло снисходительно на наши фантазіи.

Пересадка въ другіе вагоны происходила въ Кіевѣ все время подъ самымъ теплымъ, лѣтнимъ проливнымъ дождемъ, и несмотря на сентябрь, гроза была феноменальная; послѣ нея въ воздухѣ запахло тополями, зеленью, точно послѣ майскаго дождя. Всѣ какъ-будто повеселѣли,

жадно вдыхая въ себя, послѣ душныхъ вагоновъ, ароматичный воздухъ. Но это удовольствіе длилось недолго; насъ попросили войти опять въ такіе же душные вагоны и мы снова покатили далѣе.

Слѣдующая пересадка была назначена въ Жмеринкѣ. Содержателями большаго прекраснаго буфета на этой станціи были французы, мужъ съ женой, которые своею порядочностью внушали къ себѣ большое довѣріе. Я рѣшился оставить имъ на сохраненіе тѣ лишнія вещи, которыя, сгоряча и по своей неопытности, забралъ съ собою изъ Петербурга. Ровно черезъ годъ, возвращаясь изъ похода, я засталъ на этой станціи тѣхъ же французовъ, которые почему-то особенно мнѣ обрадовались; вещи оказались въ полной сохранности, а тотъ вечеръ, въ который я, годъ тому назадъ, сдавалъ ихъ французамъ, припомнился мнѣ вдругъ съ такою поразительною ясностью во всѣхъ мелкихъ подробностяхъ, что казалось, будто все это происходило на-дняхъ; а между тѣмъ прошло съ тѣхъ поръ двѣнадцать тяжелыхъ мѣсяцевъ, полныхъ всевозможныхъ сильныхъ ощущеній.

Далѣе повезли насъ на Балту, Раздѣльную, Бендеры, Кишиневъ. Пошли степи, везли насъ еще медленнѣе, на станціяхъ уже совсѣмъ плохенькіе буфеты и отсутствіе всякой жизни; намъ вдругъ сдѣлалось какъ-то еще яснѣе, что мы покидаемъ Россію. Среди безлюдья на станціи Бендеры совсѣмъ неожиданно вошелъ къ намъ въ вагонъ бывшій преображенецъ, капитанъ Константинъ Алексѣевичъ Чаплинъ, служившій тогда желѣзнодорожнымъ комендантомъ въ Бессарабіи. Мы очень давно съ нимъ не видѣлись, такъ что встрѣтить бывшаго товарища, да къ тому же на унылой окраинѣ Россіи, было для насъ отраднымъ явленіемъ. Онъ угостилъ солдатиковъ бессарабскимъ табакомъ, который былъ внесенъ въ вагоны въ количествѣ нѣсколькихъ большихъ мѣшковъ.

Вообще говоря, вся эта унылая мѣстность не могла дать никакихъ развлеченій и мы даже перестали выходить на станціяхъ; наши мысли полетѣли туда, гдѣ насъ съ нетерпѣніемъ ожидали. Отъ самаго Кіева и до Унгени (пограничное съ Румыніей русское мѣстечко) мы не имѣли ни одного извѣстія о томъ, что дѣлается въ Турціи; насъ везли точно по океану, на которомъ временно теряется всякая связь съ обоими берегами. Всякій по своему сталъ коротать время: нѣкоторые принялись за писаніе писемъ своимъ родственникамъ, другіе ухитрялись спать днемъ и ночью, а были и такіе, которые начали повторять фортификацію по руководствамъ, которыя не забыли захватить съ собой.

Характеры товарищей начали понемногу выясняться; но все-таки, не видѣвъ ихъ въ дѣлѣ, было бы рисковано дѣлать о нихъ преждевременныя заключенія. Большинство принадлежало къ Jean qui rit; но были и Jean qui pleure, которые своимъ мрачнымъ взглядомъ на грядущія

событія производили весьма тяжелое впечатлѣніе на окружающихъ; они себѣ воображали вездѣ опасности, несчастія и страшно надоѣдали всѣмъ и каждому, тамъ гдѣ только могли; вслѣдствіе непокойнаго духа, ихъ характеръ дѣлался неровнымъ, они мѣнялись, какъ хамелеоны; вмѣстѣ съ ними страдали и ихъ подчиненные: то они съ ними на товарищеской ногѣ, а то вдругъ, ни съ того, ни съ сего, принимали начальническій тонъ.

Не дай Богъ, когда людямъ такого сорта приходится во время дѣла вдругъ рѣшать какой-нибудь очень серьезный вопросъ, идущій въ разрѣзъ съ полученнымъ ими приказаніемъ; излишніе страхи, излишняя боязнь отвѣтственности за неисполненіе приказанія часто затемняютъ въ нихъ здравыя мысли. Такіе люди или не съумѣютъ воспользоваться минутой, или же погубятъ понапрасну много народа, оправдывая себя тѣмъ, что исполнили свой долгъ, т. е. исполнили то, что имъ было приказано. Такіе рыцари долга и трусы отвѣтственности составляютъ въ военное время величайшее зло; изъ-за излишней боязни отвѣтственности проигрывались иногда цѣлыя сраженія.

II.

Унгени.—Яссы.—Букарестъ.—Фратешти.

Въ ночь съ 9-го на 10-е сентября мы пріѣхали въ Унгени, но несмотря на позднее время, на станціи замѣчалось большое оживленіе. Въ этомъ пунктѣ были сосредоточены различные міры: военный, таможенный, почтовый, эвакуаціонный. Тутъ мы впервые узнали о третьей неудачной атакѣ Плевны 30-го августа, что̀ насъ совсѣмъ смутило. На станціи стояли цѣлые поѣзда съ ранеными, свидѣтелями плевненскихъ неудачъ. Мы накидывались съ разными вопросами на пріѣхавшихъ изъ Турціи, которыхъ здѣсь оказалось не мало. Одни изъ насъ узнавали о смерти родственника или друга; другіе радовались, а можетъ и завидовали Георгіевскому кресту, полученному кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ; третьи интересовались общимъ ходомъ кампаніи; а находились и такіе, которые самымъ наивнымъ голосомъ спрашивали: «А что, страшно быть въ сраженіи?»

Кто-то на станціи сказалъ, что въ сосѣдней комнатѣ находятся плѣнные турки; мы всѣ побросали начатый ужинъ и побѣжали смотрѣть. Ихъ было всего пять человѣкъ и одинъ изъ нихъ былъ, повидимому, мулла въ чалмѣ; они сидѣли на полу, поджавъ подъ себя ноги, и что-то грызли. Ихъ ободранный видъ, темныя лица, бѣлые зубы, не то дикій,

не то боязливый взглядъ, все это возбуждало въ насъ скорѣй чувство жалости, но ужъ никакъ не злобы. Я замѣтилъ, что первая встрѣча съ турками, да къ тому же еще съ такими безобразными, сильно подѣйствовала на нѣкоторыхъ нервныхъ солдатиковъ.

Въ эту же ночь насъ отправили далѣе на Яссы. Переѣздъ черезъ знаменитую рѣку Прутъ былъ на разсвѣтѣ; мы выскочили на платформу вагона, чтобъ посмотрѣть на историческій потокъ, слава о которомъ, конечно, обширнѣе его самого. Переѣздъ черезъ границу, а въ особенности черезъ эту рѣку, заставилъ подумать, что ужъ не очень далеки тѣ мѣста, гдѣ попахиваетъ порохомъ. Jean qui rit разставался съ Россіей до свиданія, а несчастный Jean qui pleure навѣрно съ нею прощался.

Переѣздъ отъ Унгени до Яссъ очень невеликъ, всего нѣсколько часовъ. Подъѣзжая къ Яссамъ, нельзя было не любоваться чуднымъ видомъ издали на этотъ городъ; онъ былъ поразительной бѣлизны вслѣдствіе того, что рѣшительно всѣ зданія были выкрашены бѣлой краской, а выдающійся соборъ возбудилъ между офицерами даже горячій научный споръ касательно его стиля. Всѣ до того устали молчать, что готовы были поспорить изъ-за перваго попавшагося на глаза собора. Самое забавное было то, что всѣ остались при своемъ мнѣніи; ни у кого не хватило достаточно основаній, чтобъ разубѣдить другихъ. Наконецъ насъ подвезли къ Яссамъ; бивакъ для нашего полка былъ отведенъ въ двухъ верстахъ отъ города въ полѣ, которое называлось по-румынски «копу». Намъ было приказано идти со станціи на бивакъ въ полномъ порядкѣ, причемъ музыкантамъ приказано было играть. Солдаты тотчасъ же поняли, что нашимъ союзникамъ-румынамъ надо себя показать молодцами; люди подтянулись, поправились и показали, какъ говорится, товаръ лицомъ.

На мѣстѣ бивака мы нашли много красивыхъ парныхъ колясокъ; на козлахъ сидѣли какіе-то жирные, бѣлокурые, безбородые, съ обрюзглымъ лицомъ кучера, которые на чисто русскомъ языкѣ предлагали свезти насъ въ самый городъ. Сначала я былъ пораженъ русскою рѣчью, но сейчасъ же сообразилъ, въ чемъ дѣло; это были сектанты-скопцы, которые, вслѣдствіе гоненій, переселились сюда изъ Россіи, принявъ румынское подданство. Я и полковникъ Стрезовъ сѣли въ одну изъ колясокъ и поѣхали въ Яссы; кучеръ нисколько не скрывалъ, что еще съ юныхъ лѣтъ зачисленъ въ эту секту и охотно отвѣчалъ мнѣ на всѣ вопросы, которые я ему задавалъ по этой части.

Въ продолженіе дня подъѣхали къ Яссамъ другіе эшелоны нашего полка, такъ что къ обѣду въ лучшей гостиницѣ собралось не мало офицеровъ; всѣ были въ веселомъ настроеніи и хоромъ подпѣвали der kleine Postillon—шансонетку, которую исполнялъ подъ окнами на дворѣ

гостиницы дамскій оркестръ, состоящій изъ бѣлокурыхъ нѣмокъ. Тѣ, которыя были покрасивѣе и съ лучшимъ бюстомъ, играли партію первыхъ скрипокъ, а обиженныя и оскорбленныя природой—дули въ мѣдные инструменты и ёрзали маленькими ручками на контрбасахъ. Оркестръ насъ занялъ, мы сейчасъ же познакомились съ веселыми нѣмками; но часа черезъ два все это надоѣло. Офицеры разбрелись группами по городскимъ кафе-шантанамъ, гдѣ и просидѣли до самой ночи. Вездѣ играли этого Postillon: въ то время это была музыкальная новинка, которая преслѣдовала насъ по всей Румыніи, по всей Турціи, до самаго Санъ-Стефано.

Послѣ обѣда я отправился навѣстить двухъ знакомыхъ барышень Корниловыхъ, работавшихъ въ эвакуаціонномъ баракѣ Краснаго Креста. Назначеніе этого барака состояло въ томъ, чтобъ принимать привозимыхъ изъ Турціи раненыхъ, дѣлать имъ перевязки, мѣнять бѣлье и отсылать ихъ далѣе въ Россію; тутъ же дѣлались необходимыя операціи. Въ то время, когда я былъ въ баракѣ, въ немъ кипѣла такая работа, что даже неуспѣвали перевязывать раненыхъ, привезенныхъ сюда послѣ третьей Плевны 30-го августа. Наши полковые доктора со свѣжими силами бросились въ этотъ баракъ помогать своимъ коллегамъ и проработали въ немъ вплоть до выѣзда полка изъ Яссъ.

Большинство сестеръ милосердія имѣло видъ женщинъ среднихъ лѣтъ; но между ними попадались и совсѣмъ молоденькія барышни, рѣшившіяся на этотъ подвигъ, вѣроятно, не подозрѣвая того труда, который имъ пришлось здѣсь нести. Во главѣ этой общины сестеръ стояла госпожа Кублицкая (всѣ звали ее матушкой), женщина съ большимъ характеромъ, которую на всякій случай снабдили правами главнокомандующаго, т. е. въ 24 часа удалять непокорныхъ сестеръ. По разсказамъ, она слѣдила зоркимъ окомъ за нравственностью ввѣреннаго ей персонала сестеръ милосердія и страшно боялась сближенія между молодыми людьми, которымъ приходилось вмѣстѣ работать.

Собственно говоря, въ самомъ городѣ болѣе нечего было дѣлать; я нанялъ коляску и поѣхалъ съ моей женой и съ одной изъ барышень Корниловыхъ прокатиться за городъ. Кучеръ повезъ насъ по окраинамъ, по жидовскимъ кварталамъ, гдѣ уже не было мостовыхъ, а были однѣ только ямы. Мы выѣхали въ чистое поле по дорогѣ, которая шла въ гору къ извѣстному фруктовому саду пана Грибовецкаго, о которомъ разсказалъ мнѣ за обѣдомъ какой-то румынъ. Панъ встрѣтилъ насъ радушно, досталъ изъ подвала бутылку стараго вина и подвелъ насъ къ лучшимъ фруктовымъ деревьямъ, съ которыхъ мы снимали на выборъ большія груши, персики и яблоки; все было въ то время зрѣло и сочно. Панъ былъ изъ австрійскихъ поляковъ, вполнѣ образованный, слѣдилъ по нѣмецкимъ газетамъ за политикой и жилъ здѣсь

въ горахъ дѣйствительно паномъ, но только жаловался на одиночество. Вокругъ его чудныхъ фруктовыхъ плантацій было пусто, ни единаго жилья, а красивый видъ на Яссы, которымъ мы такъ любовались, вѣроятно, уже успѣлъ ему надоѣсть.

Послѣ двухнедѣльнаго непрерывнаго шума на желѣзныхъ дорогахъ, тишина въ саду показалась мнѣ очаровательной; мой слухъ отдыхалъ и я чувствовалъ себя въ хорошемъ расположеніи. Мы разговорились съ паномъ о нашихъ союзникахъ-румынахъ. Въ то время я ихъ вовсе не зналъ, поэтому и слушалъ со вниманіемъ разсказъ о странѣ, которая во времена римскаго императора Траяна была мѣстомъ ссылки для римскихъ преступниковъ. Все, что мнѣ приходилось во время похода и послѣ него видѣть и слышать про румынъ, сводится къ тому, что они, вообще говоря, о себѣ, какъ о воинахъ, очень высокаго мнѣнія, хотя никто изъ нихъ особенныхъ наклонностей къ милитаризму не чувствуетъ; всѣ они мелкорослы. Молдаване держатъ себя лучше, а валахи—мужиковатѣе; егеря лучше на видъ, а доробанцы (линейная пѣхота)—хуже; кавалерія плоховата, лошади плохо содержаны; уходъ за скотиной не въ характерѣ румына; дезертирство развито. Офицеры весьма разнообразные, тѣсной полковой жизни нѣтъ; разница ихъ общественнаго положенія вліяетъ на это не мало. Офицеры держатъ около себя массу денщиковъ и всѣ одержимы маніей величія. Традицій полковыхъ, тѣсно связанныхъ съ исторіей страны, у нихъ нѣтъ, да и быть не можетъ; а благодаря полной свободѣ печати, офицеры и нижніе чины читаютъ въ газетахъ, какъ всячески критикуютъ ихъ верховнаго вождя. Но самое забавное это то, что при высшихъ назначеніяхъ, напримѣръ, корпусными командирами и даже при производствѣ въ генеральскій чинъ, правительство выбираетъ приверженцевъ той или другой политической партіи, находящейся у власти; забавно и то, что 28-е ноября, день паденія Плевны, они празднуютъ, какъ самостоятельный подвигъ румынской арміи. Россію румыны больше боятся, чѣмъ не любятъ; офицеровъ тянетъ куда-то на Западъ, а солдата—къ мамалыгѣ.

На станціи мнѣ пришлось убѣдиться, до чего румыны слабы физически: моя жена взяла съ собой въ Турцію дорожный сундукъ, съ которымъ у насъ въ Россіи справлялись два носильщика; здѣсь же съ трудомъ могли справиться съ нимъ лишь четыре румына и то они устроили какое-то приспособленіе на палкахъ и веревкахъ, и то и дѣло что останавливались и отдыхали. Прибавьте къ этой слабости природную ихъ грязь, плутоватость и жадность къ деньгамъ, тогда вы получите понятіе о румынѣ низшаго класса. Высшій же классъ корчитъ изъ себя французовъ и представляетъ мало интереснаго. Семейная жизнь мало развита, разводы на каждомъ шагу; дѣти, вслѣдствіе того, часто заброшены и съ ними возятся обыкновенно папаши, а не мамаши.

Въ Яссахъ была только дневка; на другой же день утромъ 11-го сентября насъ повезли далѣе и повезли такъ быстро, безъ всякихъ остановокъ, что, собственно говоря, Румыніи мы и не видѣли. Вагоны оказались менѣе удобными, чѣмъ въ Россіи, узкіе и грязные; а на станціяхъ насъ кормили даже совсѣмъ плохо. Намъ на встрѣчу попадались поѣзда съ плѣнными турками; между ними были и отборныя турецкія войска, такъ называемый низамъ, отличавшійся отъ остальнаго пестраго турецкаго сброда и мундиромъ, и веселымъ смышленымъ лицомъ. Низамъ—все народъ молодой, въ фескахъ, тогда какъ между баши-бузуками попадались люди пожилые, даже старые; ихъ взглядъ былъ крайне не симпатичный, отчасти даже дикій.

На станціяхъ наши солдаты пускались съ низамомъ въ непонятные для обѣихъ сторонъ разговоры. Солдатъ спрашиваетъ, напримѣръ, у турка, гдѣ ихъ всѣхъ забрали въ плѣнъ, а турокъ въ отвѣтъ мимикой проситъ его одолжить ему табачку, при этомъ оба улыбаются самой добродушной улыбкой.

Направленіе желѣзной дороги изъ Яссъ идетъ прямо на югъ къ Дунаю, къ которому мы подъѣхали въ тотъ же день, но къ несчастью, поздно вечеромъ, такъ что намъ не удалось видѣть Дуная съ его двумя историческими пунктами: Галацомъ и Браиловымъ; точно также мы пролетѣли ночью между Галацомъ и Браиловымъ по Барбошскому мосту на р. Серетѣ, который былъ занятъ въ день объявленія войны нашимъ отрядомъ, сдѣлавшимъ для того въ этотъ день неимовѣрно большой переходъ. Отъ Браилова, желѣзная дорога круто поворачиваетъ на западъ къ Букаресту, отдаляясь въ то же время отъ Дуная, такъ что вскорѣ мы снова отдѣлились отъ рѣки верстъ на сто. Съ часу на часъ возрасталъ нашъ интересъ: запахло Дунаемъ, запахло турками.

Къ Букаресту мы подъѣхали 12-го сентября вечеромъ. Послѣ двухчасовой остановки, мы продолжали путь далѣе, и въ эту же ночь съ 12-го на 13-ое прибыли въ Фратешти, конечный пунктъ нашего желѣзнодорожнаго передвиженія. Этотъ пунктъ отстоитъ отъ Дуная верстъ на восемь; отсюда нашъ полкъ долженъ былъ продолжать походъ уже пѣшкомъ.

Насъ высадили изъ вагоновъ ночью; дождь моросилъ довольно сильно и къ мѣсту бивака пришлось идти въ темнотѣ въ гору по скользкой глинистой дорогѣ. На бивакѣ было не лучше: глина, грязь и больше ничего. Сначала мы задумались насчетъ разстановки палатокъ, но потомъ все-таки приказали раскинуть среди грязи и залѣзли въ нихъ уже не спать, а развѣ только спрятаться отъ дождя. Началась обычная бивачная суетня, люди занялись кострами, начали себѣ варить пищу, другіе раскидывали палатки. Отъ разговоровъ на бивакѣ стоялъ въ воздухѣ шумъ, напоминавшій ярмарку; фельдфебелей и дежурныхъ

громкимъ выкрикиваніемъ требовали къ ротнымъ командирамъ и проч. Вышивъ чаю, я все-таки прилегъ, но заснулъ не сразу; да и сонъ въ эту ночь былъ тревожный не отъ дождя, грязи или бивачнаго шума, а отъ тѣхъ необычныхъ мыслей, которыя лѣзли въ голову. Я зналъ, что завтра увижу Дунай и турецкую крѣпость Рущукъ; эти новыя впечатлѣнія меня всецѣло занимали. Послѣ сырой ночи, какъ-то особенно пріятно было слышать какъ наши денщики вздували самовары; это были мои первыя въ походѣ пріятныя грезы о чаѣ. Я вылѣзъ изъ палатки и думалъ увидѣть Дунай; но дождь и туманъ застилали всю мѣстность, кругозоръ былъ самый ограниченный; нечего было дѣлать, я снова влѣзъ въ палатку и пролежалъ въ ней до обѣда.

Послѣ полудня, погода стала понемногу проясняться, а къ вечеру сдѣлалось совсѣмъ ясно. Верстахъ въ четырехъ отъ насъ виднѣлся Дунай; съ довольно высокой горы, на которой былъ расположенъ нашъ бивакъ, онъ былъ прекрасно виденъ. На той сторонѣ рѣки виднѣлся Рущукъ, а въ подзорную трубу я могъ разглядѣть даже непріятельскій лагерь. Вечеромъ съ поѣздомъ изъ Букареста пріѣхала ко мнѣ на бивакъ моя жена, а изъ Фратешти мой старый знакомый Владиміръ Александровичъ Левашовъ [1]), работавшій тамъ по эвакуаціи раненыхъ въ качествѣ уполномоченнаго Краснаго Креста. Онъ былъ вдвойнѣ удивленъ, во-первыхъ, узнать, что я женился за нѣсколько дней до выступленія полка въ походъ, а во-вторыхъ, увидѣть мою жену на берегу Дуная. Оба посѣщенія были для меня сюрпризомъ. Наскоро былъ приготовленъ превкусный ужинъ: жена привезла изъ Букареста провизіи и вина, а мой денщикъ сварилъ намъ супъ, нѣчто въ родѣ коровьяго пойла, но на овощи онъ не поскупился. Въ этотъ вечеръ турки затѣяли между Рущукомъ и Журжево перестрѣлку; огоньки мелькали то на одномъ берегу, то на другомъ. Солдаты внимательно слѣдили за стрѣльбой, и каждый выстрѣлъ обязательно сопровождался самыми наивными остротами. Вдали можно было ясно разглядѣть дымокъ отъ турецкой желѣзной дороги, удалявшейся изъ Рущука въ Шумлу. Къ ночи перестрѣлка прекратилась; мой гость уѣхалъ къ себѣ во Фратешти, а женѣ пришлось переночевать въ палаткѣ, такъ какъ не было вечерняго поѣзда обратно въ Букарестъ. На другой день послѣ обѣда я отвезъ ее на румынской телѣгѣ на станцію Фратешти, усадилъ ее въ какой то поѣздъ и простился съ ней, не зная на всегда или нѣтъ. Проѣхавъ съ нашимъ эшелономъ изъ Петербурга до Букареста, она послѣдующіе пять мѣсяцевъ прожила въ Систовѣ на Дунаѣ, а 19-го февраля, въ день заключенія мира, пріѣхала на французскомъ пароходѣ въ Константинополь и цѣлыхъ полгода прожила со мной вмѣстѣ въ Санъ-Стефано.

---

[1]) Нынѣ витебскій губернаторъ.

Мой возница-румынъ долженъ былъ доставить меня обратно на бивакъ. Принявъ всѣ необходимыя мѣры, чтобъ онъ не уѣхалъ, я пошелъ отыскивать уполномоченнаго Левашова, обѣщавшаго мнѣ показать устройство бараковъ Краснаго Креста. Сначала мы зашли съ нимъ поѣсть въ единственный на станціи ресторанъ, выстроенный по походному изъ щитовъ, покрытыхъ рогожами. Внутри было очень грязно: большіе, грубые, досчатые столы были залиты виномъ; на нихъ валялся объѣденный хлѣбъ и сыръ, а по ночамъ на нихъ вѣроятно спали. Содержатель этого кабачка былъ конечно еврей; у него можно было достать хлѣбъ, сыръ, сардинки, плохую колбасу и кислое мѣстное вино, прозванное нами въ походѣ «скуловоротомъ»; а скверный чай подавался въ грязныхъ стаканахъ. Заморивъ червячка, мы отправились въ бараки, или лучше сказать, въ сараи Краснаго Креста. Больные и раненые лежали на соломѣ и ожидали своей очереди для перевязки; во всемъ былъ виденъ недостатокъ, лица у всѣхъ истомленныя, усталыя вслѣдствіе продолжительнаго переѣзда изъ-подъ Плевны до Фратешти. Впечатлѣніе, вынесенное мною изъ этихъ бараковъ, было очень тяжелое, и я былъ радъ выйти на воздухъ. Но тутъ пришлось увидѣть не менѣе удручающее зрѣлище: по главной дорогѣ, ведущей изъ Зимницы къ станціи, тянулся въ два ряда нескончаемый транспортъ пароволовьихъ подводъ, на которыхъ лежали раненые и больные; умереть на такой подводѣ отъ истощенія силъ, я думаю, было вовсе не трудно. По мѣрѣ того, какъ принимались раненые, подводы подвигались впередъ черепашьимъ шагомъ; соломенной подстилки было на подводахъ мало, а скрипъ отъ немазанныхъ колесъ долженъ былъ ужасно раздражать больныхъ.

Способъ передвиженія показался мнѣ весьма не гуманнымъ, но какъ быть въ странѣ, гдѣ нѣтъ хорошихъ путей сообщенія и гдѣ можетъ выдержать только патентованный экипажъ или болгарская каруцца? Всюду вокругъ бараковъ лежала дохлая скотина, разлагающаяся и производящая зловоніе, но на нее никто не обращалъ вниманія,—всѣ были до того заняты пріемомъ и отправкой раненыхъ, что было не до санитарныхъ вопросовъ. Вскорѣ и мы въ походѣ принюхались, вскорѣ и мы стали философски относиться къ ужасамъ войны и къ страданіямъ людей; но когда видишь все это въ первый разъ, то человѣка свѣжаго, только что покинувшаго комфортабельную жизнь, не можетъ не коробить.

Я поспѣшилъ найти своего румына, тѣмъ болѣе, что уже начинало темнѣть и приказалъ ему ѣхать на бивакъ. Покуда мы выбирались между арбами въ полѣ, сдѣлалось уже совсѣмъ темно; вдали на горѣ показались бивачные огоньки; мой возница, какъ потомъ оказалось, плохо знавши мѣстность, не нашелъ въ полѣ нашего стараго слѣда и

повезъ меня не по настоящей дорогѣ. Огоньки то исчезали, то снова показывались, а дорога все время казалась мнѣ какъ будто не той, по которой онъ везъ меня на станцію. Вдругъ лошади уперлись въ какой то валъ, ѣхать далѣе было нельзя; я вылѣзъ изъ телѣги, сдѣлалъ въ непроглядной темнотѣ нѣсколько шаговъ въ сторону и провалился въ канаву; мой румынъ что то забормоталъ по своему, но я его не понималъ. Мы повернули и долго плутали по грязному полю, покуда не услыхали вдали визгъ арбы; мы къ ней примкнули и такимъ образомъ вмѣстѣ съ ней очутились опять на станціи. Тогда я обратился къ коменданту станціи А. С. Гаваману, который обязательно снабдилъ меня казакомъ, знавшимъ дорогу на нашъ бивакъ и черезъ часъ я уже былъ въ своей палаткѣ.

Въ виду ранняго выступленія на слѣдующій день, всѣ залегли рано спать и на этотъ разъ тишина на бивакѣ была мертвая; бодрствовали только дежурные, дневальные да мой денщикъ, ожидавшій меня съ кипящимъ самоваромъ.

Съ самой ранней зари началось на бивакѣ движеніе; людямъ приказано было дать передъ выступленіемъ горячую пищу, для чего ихъ повели командами внизъ, подъ горку, къ ротнымъ котламъ. Чтобъ успѣть во-время собрать палатки и осѣдлать лошадей, денщики спѣшили напоить насъ чаемъ; а офицеры, съ недопитыми стаканами, уже одѣтые по походному, собирались гдѣ-нибудь у догорающаго костра и, сидя молча на барабанахъ, поджидали время, когда придется идти въ свою часть. Передъ выступленіемъ было совершено молебствіе.

III.

Выступленіе изъ Фратешти.—Путинеи.—Бригадиры.—Зимница.—Дунай.

Итакъ, 15-го сентября мы выступили изъ Фратешти; по настоящему, этотъ день надо считать первымъ днемъ похода, такъ какъ только съ этого дня мы начали знакомиться съ настоящею походною жизнію, только съ этого дня люди, предметы, понятія начали получать свое настоящее значеніе, настоящую окраску, настоящую цѣну.

Разстояніе между Фратешти и Зимницей, откуда былъ перекинутъ черезъ Дунай мостъ въ Систово, было приказано перейти въ три перехода, каждый по тридцати верстъ: первый до Путинеи, второй до Бригадиръ, а третій до Зимницы. Въ первый же день намъ пришлось убѣдиться, что разсчитывать на своевременное прибытіе обоза нельзя. Прибывъ въ Путинеи, офицеры остались безъ палатокъ, безъ кухни,

рѣшительно безъ всего; солдатамъ было лучше насъ: они носили все съ собой, и въ какіе-нибудь полчаса раскинули палатки, зажгли костры и начали стряпать кто кашицу, а кто мамалыгу изъ кукурузы.

Обозъ отсталъ по случаю скверной дороги и подтянулся къ биваку лишь ночью. На другой день пришлось устроиться иначе. Я приказалъ вынуть изъ обоза мою палатку, постель, походную кухню; все это было навьючено на мою верховую лошадь, которую повели вслѣдъ за мной. Этотъ способъ оказался цѣлесообразнѣе, и прибывъ въ Бригадиры, уже черезъ четверть часа я лежалъ въ палаткѣ и расправлялъ свои усталыя ноги и косточки. Кто не бывалъ въ походѣ, или не хаживалъ по цѣлымъ днямъ на охотѣ или вообще не уставалъ сильно, тотъ не можетъ понять того чувства блаженства и отдохновенія, которое ощущаешь, когда, снявъ послѣ усиленной ходьбы толстые сапоги, выпьешь добрый глотокъ коньяку, напьешься всласть чаю и уснешь въ палаткѣ, которую денщикъ бережливо обложитъ для того, чтобъ не поддувало, или дерномъ, или снѣгомъ, или чѣмъ-нибудь инымъ. Эти блаженные моменты надо отнести къ однимъ изъ лучшихъ ощущеній въ походѣ.

На другой день, 17-го сентября, покинувъ Бригадиры, мы должны были еще засвѣтло прибыть въ Зимницу. Весь путь отъ Фратешти до Зимницы, кромѣ нашихъ бивачныхъ промежуточныхъ пунктовъ, представлялъ совсѣмъ пустынную мѣстность, никѣмъ не обитаемую. Не знаю, чѣмъ объяснить, что вся придунайская часть Румыніи такъ слабо заселена, хотя по обѣ стороны дороги всюду виднѣлись кукурузныя поля и даже виноградники. Въ то время кукуруза была совсѣмъ зрѣлая, но еще не убрана съ полей; солдаты почти-что не дотрогивались до нея, такъ какъ еще не было недостатка въ хлѣбѣ. Въ Румыніи она достигаетъ очень большихъ, даже поразительныхъ размѣровъ; мнѣ не разъ случалось видѣть, какъ всадникъ, въѣзжая въ кукурузную плантацію, тотчасъ же въ ней скрывался. Всѣ виноградники были общипаны, такъ что, въ сущности, тѣмъ нашимъ любопытнымъ солдатикамъ, которые мимоходомъ туда залѣзали, нечего было и искать въ нихъ; а между тѣмъ въ этомъ усматривалось проявленіе мародерства и намъ, ротнымъ командирамъ, былъ за это здоровый нагоняй. Въ началѣ похода, мы всѣ были преисполнены рыцарскихъ чувствъ: всякое стремленіе завладѣть чужою собственностью, даже самою незначительною въ родѣ початка кукурузы, мы были готовы преслѣдовать наистрожайшимъ образомъ; мародерства мы боялись, какъ чумы, а въ концѣ похода, когда продовольственные запасы поистощились, когда заурчало въ желудкѣ, тогда уже не считалось предосудительнымъ даже ловить пасущійся въ горахъ скотъ, правда никѣмъ неохраняемый. Идеалистъ въ началѣ, дѣлался во время похода черствымъ; вслѣдствіе дымки, появившейся въ

походѣ, его духовное око начинало видѣть прежніе идеалы какъ бы въ туманѣ.

По сторонамъ дороги валялись въ глубокой грязи павшіе волы и лошади—все это разлагалось; рядомъ съ ними лежали остатки поломанныхъ телѣгъ и фуръ. Такой черноземной грязи, какъ въ Румыніи, я не видывалъ нигдѣ въ Россіи; тамъ ее смѣло можно назвать пятой стихіей, съ которой животнымъ приходилось бороться на смерть и въ которой люди вязли по колѣно.

Мы прибыли въ Зимницу довольно рано; это было то историческое мѣсто, гдѣ была совершена 15-го іюня ночная переправа нашихъ войскъ черезъ Дунай, съ которымъ на этотъ разъ туркамъ пришлось распроститься уже навсегда. Полкъ расположился бивакомъ на берегу Дуная у подножія Зимницы. Тотчасъ же, по приходѣ, я сѣлъ верхомъ на свою лошадь и поскакалъ въ Зимницу. Въ то время въ ней было много оживленія, народъ пріѣзжалъ, уѣзжалъ, по улицамъ шныряли чиновники, солдаты, евреи; всякій, ѣдущій въ Турцію или обратно, не могъ миновать этой грязной, большой деревни. Я заѣхалъ на базаръ, но кромѣ воловъ и евреевъ ничего болѣе тамъ не нашелъ. Привязавъ лошадь къ столбу, я зашелъ въ какой-то походный трактиръ и съѣлъ рагу, сдѣланный изъ чего-то неопредѣленнаго. Затѣмъ заглянулъ въ другой кабачокъ, гдѣ шла игра. Около зеленаго стола съ какими-то подраздѣленіями на немъ, сидѣлъ черномазый не то господинъ, не то разбойникъ и металъ кости. Разношерстная толпа окружала столъ и слѣдила за игрой; ради шутки я тоже поставилъ серебряный рубль и, конечно, проигралъ; это былъ въ полномъ смыслѣ слова грязный, вонючій вертепъ.

Я сѣлъ на коня и поскакалъ далѣе по большой улицѣ; по дорогѣ встрѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ, пріѣхавшихъ изъ Горнаго Студеня (по ту сторону Дуная), гдѣ въ это время жилъ государь. Какъ я ни старался узнать отъ нихъ о нашемъ дальнѣйшемъ движеніи, но мнѣ это неудалось; я узналъ только одно, что государь ожидаетъ гвардію съ нетерпѣніемъ и будетъ ее встрѣчать въ Горномъ Студенѣ.

Нельзя было не замѣтить возлѣ Зимницы большое каменное, покинутое зданіе, служившее въ 1829 году госпиталемъ для чумныхъ больныхъ; съ тѣхъ поръ на этомъ домѣ лежитъ, по словамъ того, кто мнѣ объ этомъ разсказывалъ, печать проклятія; даже и въ настоящую кампанію не рѣшились устроить въ немъ помѣщеніе для больныхъ изъ опасенія заразы.

Изъ Зимницы я проѣхалъ къ самому берегу Дуная; въ этомъ мѣстѣ онъ былъ шириною съ добрую версту. Но куда дѣвалась та рѣка «Die schöne blaue Donau», которая вдохновила Штрауса написать чудный вальсъ? Вода была до того мутная, что наши денщики даже не рѣшались вливать ее въ самоваръ, а брали воду гдѣ-то въ колодцѣ.

Можетъ быть и выдается время, когда Дунай бываетъ чистъ, но только не въ сентябрѣ, когда перепадаютъ осенніе дожди.

Лѣвый берегъ, на которомъ мы находились, совсѣмъ не похожъ на правый; первый низменный, а второй высокій, крутой, обрывистый. Отъ насъ немного наискось, вправо, виднѣлся на той сторонѣ рѣки городъ Систовъ, а за нимъ шла волнистая мѣстность, по которой красиво извивались тонкими змѣйками дороги, шедшія отъ Систова по разнымъ направленіямъ. Видъ на тотъ берегъ былъ, по истинѣ, живописный; всѣ солдаты бросились къ водѣ, началась стирка бѣлья, мытье, купанье лошадей; всѣ были рады пополоскаться въ водѣ, да къ тому же не въ обыкновенной, а въ Дунайской. Всякій бивакъ около воды пріятенъ, но въ этомъ случаѣ близость Дуная какъ-то особенно его оживляла и возбуждала въ людяхъ живой интересъ къ мѣстности, что было видно по отдѣльнымъ группамъ, устроившимся у воды на песочкѣ; люди покуривали, посматривали на крутой противуположный берегъ и о чемъ-то мирно бесѣдовали.

Въ этотъ вечеръ люди долго не могли успокоиться; всѣ находились подъ впечатлѣніемъ близости Дуная.

Алексан. Алексан. Берсъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОПРАВКИ и ДОПОЛНЕНІЯ
КЪ СТАТЬѢ
«Профессоры братья Бруны» [1]).

М. А. Филиппов, сообщая немало любопытныхъ свѣдѣній о жизни нѣкоторыхъ извѣстныхъ русскихъ людей, отъ Крылова до Н. А. Головкинскаго включительно, даетъ, къ сожалѣнію, относительно главныхъ ея персонажей такія неточныя свѣдѣнія, которыя заставляютъ предполагать, что или автору измѣнила память, или онъ основывался на слухахъ; а таковые часто бываютъ очень недостовѣрными. Хотя статья М. А. Филиппова проникнута глубокимъ уваженіемъ къ памяти братьевъ Брунovъ и въ общемъ довольно вѣрно изображаетъ личность историка Ф. К. Брунa, но относительно частностей, я, какъ его ученикъ, и хочу сообщить нѣсколько замѣчаній (Г. К. Бруна я не зналъ).

1) Братья Бруны назначены были преподавателями Ришельевскаго лицея въ попечительство не Д. М. Княжевича (см. у М. А. Филипова, стр. 111), а Н. Ѳ. Покровскаго, а именно: Г. К. Брунъ въ 1831 году, а Ф. К. Брунъ въ 1832 году, тогда какъ Княжевичъ былъ назначенъ попечителемъ лишь въ 1837 году.

2) С. М. Соловьевъ профессоромъ Ришельевскаго лицея не былъ (стр. 111), а таковымъ былъ, съ 1838 по 1843 годъ, малоизвѣстный юристъ Михаилъ Александровичъ Соловьевъ.

3) Ко времени преобразованія Ришельевскаго лицея въ Новороссійскій университетъ, то-есть въ 1865 году, никто изъ указанныхъ М. А. Филипповымъ (стр. 111—112) лицъ профессоромъ уже не состоялъ; такъ, профессоръ Линовскій выбылъ изъ лицея, по болѣзни, въ 1853 году, Г. К. Брунъ умеръ въ 1854 году, Ф. К. Брунъ вышелъ въ отставку также въ 1854 году (лишь 12 лѣтъ спустя онъ вновь былъ назначенъ преподавателемъ въ университетъ съ званіемъ приватъ-доцента), а профессоръ Бекеръ вышелъ въ отставку въ 1861 году.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1898 г., № 1.

4) Разсказъ (стр. 112) о томъ, какъ одинъ изъ Бруновъ выразился, что онъ постригнулся, а другой сдѣлалъ поправку, что надо говорить постригался—явно бродячій анекдотъ, примѣняемый вообще къ нѣмцамъ, давно жившимъ въ Россіи и все же не научившимся говорить по-русски, что̀ дѣйствительно бываетъ. Въ дѣтствѣ я слышалъ этотъ самый анекдотъ о кіевскихъ профессорахъ Деллель и Нейкирхѣ, и даже въ болѣе удачной версіи: первый сказалъ, что онъ стригался, а второй пристыдилъ его замѣчаніемъ, что слѣдуетъ употребить глаголъ въ однократномъ видѣ, то-есть стригнулся. Все это, конечно, анекдоты; но изъ статьи можно вывести заключеніе, что Бруны плохо говорили по-русски, а это невѣрно; они воспитывались въ Петербургѣ и хорошо владѣли русскимъ языкомъ, особенно, какъ мнѣ передавали, Г. К. Брунъ; у Ф. К. Бруна лишь нѣсколько слышался иностранный акцентъ и изрѣдка могли попадаться синтаксическія неправильности, но самыя незначительныя; писалъ же Ф. К. Брунъ по-русски вполнѣ правильно.

5) Совершенно невѣрно опредѣленіе (стр. 114—115) характера лекцій Ф. К. Бруна; онѣ имѣли весьма слабую теоретическую подкладку. Въ его время преобладала историческая школа иного направленія, и Ф. К. Брунъ, на лекціяхъ, сообщалъ исключительно фактическія данныя. Но великое мастерство его сказывалось въ умѣніи выбрать изъ необъятнаго количества историческихъ фактовъ именно такіе, какіе необходимо знать начинающему историку, особенно такому, которому предстоитъ немедленно по окончаніи университета стать преподавателемъ. Въ то же время Ф. К. Брунъ чутко слѣдилъ за историческою литературою, появлявшеюся на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и всегда излагалъ студентамъ факты въ томъ освѣщеніи, въ какомъ они были опредѣлены въ данное время наукою. Чтобы студентъ познакомился съ новымъ сочиненіемъ раньше Ф. К. Бруна—это было совершенно невѣроятно.

Прибавлю еще, вопреки сообщенію Н. А. Филиппова, что на экзаменахъ Ф. К. Брунъ былъ безконечно снисходителенъ; мнѣ неизвѣстно ни одного случая, чтобъ онъ поставилъ студенту, на экзаменѣ, неудовлетворительную отмѣтку! Да, при его требованіяхъ отвѣчать на экзаменахъ, по его запискамъ, не стоило никакого труда.

6) Хотя и правильно, что Ф. К. Брунъ не отличался самоувѣренностью, самонадѣянностью и преобладающею чертою его характера была скромность, но въ статьѣ нѣсколько преувеличено указаніе на его робость, убивавшую будто бы въ немъ энергію и всякую способность произвести что-либо самостоятельное въ научномъ отношеніи. Изъ напечатанныхъ имъ трудовъ (свыше 80) огромное большинство оригинальныхъ и очень мало переводовъ съ комментаріями.

И внѣшность Ф. К. Бруна была довольно энергичная; а голосъ его

былъ не только не слабый, но очень громкій; его лекціи можно было слушать изъ корридора, при закрытыхъ дверяхъ аудиторіи, гдѣ онъ читалъ.

7) Разсказъ (стр. 115—116) о лекціи, неудачно прочитанной Ф. К. Бруномъ въ 1851 году, въ присутствіи сенатора фонъ-Братке, если и не вполнѣ анекдотиченъ, то во всякомъ случаѣ переданъ очень неточно. Слышалъ и я этотъ анекдотъ въ бытность студентомъ и постоянно въ одной и той же версіи. Ф. К. Брунъ началъ лекцію фразой: «вскорѣ послѣ Пелопонезской войны греки основали много колоній на сѣверномъ берегу Чернаго моря». А затѣмъ онъ только повторялъ эту фразу съ небольшими модификаціями въ строѣ ея; когда же сенаторъ вышелъ, Ф. К. Брунъ будто бы спросилъ у студентовъ, не сказалъ ли онъ чего-либо либеральнаго?

Но за одно можно поручиться: Ф. К. Брунъ никогда не позволилъ бы себѣ измѣнить предметъ лекціи изъ-за того, что ее долженъ прослушать ревизоръ. Сверхъ того полагаю, что исторія французской революціи въ лицеѣ, въ 1851 году, и не преподавалась вовсе.

Не смѣшалъ ли авторъ статьи анекдотъ о лекціи Ф. К. Бруна, въ присутствіи сенатора, съ другимъ, который я тоже слышалъ: упомянувъ о какой-то революціи (можетъ быть и о французской), Ф. К. Брунъ выразился, что подобные перевороты должны переживать всѣ государства; но, сообразивъ, что слушатели могутъ примѣнить эти правила и къ Россіи, онъ испугался и сказалъ: «Господа! считайте, что я этого не говорилъ». Вѣроятно, и это бродячій анекдотъ.

8) Н. Н. Мурзакевичъ товарищемъ (помощникомъ) попечителя одесскаго учебнаго округа никогда не былъ (стр. 116), а былъ лишь директоромъ лицея, да и то съ конца 1852 года, а раньше же только профессоромъ лицея.

Вообще, въ одесскомъ округѣ не было помощниковъ попечителей; въ 60-хъ годахъ попечитель А. А. Арцимовичъ хлопоталъ объ учрежденіи должности помощника попечителя одесскаго учебнаго округа и даже указывалъ кандидата на нее въ лицѣ князя В. Д. Дабижи (и нынѣ здравствующаго), но это не состоялось.

9) По поводу разсказа о покушеніи Ф. К. Бруна на самоубійство, надо сказать слѣдующее. Условія службы въ лицеѣ, въ началѣ 50-хъ годовъ, были весьма тяжелыя; строгія предписанія и всякаго рода стѣсненія были въ полной силѣ; часто имѣли мѣсто доносы, вызывавшіе ревизіи, каковою и была ревизія лицея въ 1852—1853 г. А. С. Норовымъ, который, между прочимъ, три раза посѣтилъ лекціи Ф. К. Бруна. Безпокойство изъ-за лицейскихъ дѣлъ, переутомленіе вслѣдствіе постоянныхъ сильныхъ занятій, а также и домашнія непріятности—стеченіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ и привело Ф. К. Бруна къ меланхоліи, въ

припадкѣ которой онъ и порѣзалъ себѣ, подобно древнему римлянину, жилы у кистей рукъ, а не горло. Объ этомъ я лично слышалъ отъ профессора Бруна, равно какъ и о томъ, что А. С. Норовъ, узнавъ о несчастіи, немедленно явился къ Ф. К. Бруну и его вполнѣ успокоилъ. Что ему нечего было бояться ревизіи, видно изъ того, что тотчасъ же послѣ нея, 6-го марта 1853 года, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени.

10) Шевченко родился не въ с. Кирилловкѣ (стр. 117), а въ с. Маршинцахъ; то, что говорится здѣсь же въ примѣчаніи о Кирилловкѣ, не совсѣмъ и понятно.

11) Ректоръ Новороссійскаго университета, Н. А. Головкинскій, не занимался изданіемъ «Черноморья» (стр. 117), оба тома котораго были напечатаны еще при жизни автора, и только указатель былъ допечатанъ уже послѣ его смерти.

Ал. Маркевичъ.

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

XIV [1]).

Татьяна Борисовна Потемкина.—Ея характеристика, религіозность и отношенія къ царскому семейству.—Любовь и уваженіе къ ней императоровъ Николая I и Александра II.—Благотворительность Т. Б. Потемкиной. — Отрывокъ изъ ея воспоминаній.

Въ предыдущихъ главахъ моихъ воспоминаній я имѣла уже случай говорить о своей двоюродной бабушкѣ Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной, рожденной княжнѣ Голицыной. Отецъ ея, князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ, мой прадѣдъ, былъ женатъ на княгинѣ Аннѣ Александровнѣ Грузинской.

Жаль, что перо мое безсильно описать, какъ-бы хотѣлось, эту дивную, рѣдкую душу, которая была въ мірѣ исключительно для добра! Я боюсь, что все сказанное мною о Татьянѣ Борисовнѣ будетъ слишкомъ слабо! Но какъ художникъ, рисующій святое лицо, не можетъ не вознестись душой въ лучшій міръ, такъ и я, вспоминая о ней, прошу Бога наставить меня на вѣрное описаніе той, которая безъ устали служила Ему въ продолженіе всей своей жизни и такъ вѣрно понимала значеніе человѣка въ мірѣ! Обладая въ жизни всѣмъ: красотой, богатствомъ и высокимъ положеніемъ, Татьяна Борисовна не брала отъ жизни ничего для себя, а жила исключительно для другихъ, отдавала все, что могла, не привязываясь ни къ какимъ благамъ жизни... Какъ путникъ, спѣшащій домой, не рветъ по дорогѣ цвѣтовъ, не заглядывается на нихъ, такъ и она,

[1]) См. „Русск. Стар.“ 1898 г., мартъ.

живя съ той мыслью, что домъ ея не на землѣ, не заглядывалась ни на что земное!..

Вся ея жизнь несомнѣнно состояла изъ ряда чистыхъ чувствъ и возвышенныхъ порывовъ души. Она не любила, чтобы ее хвалили, и когда при ней говорили объ ея добрыхъ дѣлахъ, я замѣчала тогда неудовольствіе на ея кроткомъ лицѣ. Она носила въ сердцѣ слова Спасителя и ей больно было, что по своему положенію не могла благотворить тайно. Когда ее превозносили, она какъ-бы слышала слова Спасителя: «Истинно говорю вамъ: они уже получаютъ награду свою», и омрачалось лицо ея, слыша земныя похвалы...

Изъ дѣтства бабушки Татьяны Борисовны я ничего не знаю, за исключеніемъ одной фразы, сказанной кѣмъ-то при взлядѣ на нее «Dieu a sourit, quand Il a creé cet enfant!» [1]) Изъ ея ранней молодости я знаю случай, разсказанный мнѣ ею, который утвердилъ ее въ православіи. Воспитанные іезуитами, ея братья и сестры были склонны въ молодости къ католицизму, но душа Татьяны Борисовны не находила въ немъ пристанища и искала правды и истины.

Пробывъ долго въ Швейцаріи, она много слышала проповѣдниковъ, съ которыми познакомилась, много говорила съ ними и окончательно предалась протестантизму; но и тамъ ея горячая, пылкая душа не могла найти теплоты и отрады. Ее мучило то, что она считала себя отступницей отъ вѣры, въ которой родилась, а еще болѣе то, что она огорчала этимъ свою мать, которая была истинно православная. Она молилась и просила Бога, чтобы Онъ открылъ ей истину и наставилъ ее. Господь услышалъ ея чистую молитву. Вернувшись въ Россію, во Владимірскую губернію, село Симы, Т. Б. Потемкина заболѣла тифомъ и во время болѣзни видѣла сонъ: лежитъ она больная, около ея кровати стоитъ преподобный Сергій, а немного поодаль Божія Матерь, но отвернувшись отъ нея. Больная захотѣла заглянуть ей въ лицо, но по мѣрѣ того, какъ она всматривалась, Божія Матерь поворачивала къ ней грустное лицо Свое... Тогда преподобный Сергій сказалъ: «Что ты дѣлаешь? Владычица тебя возлюбила, а ты не почитаешь Ее; встань, пойди, бросься къ Ней въ ноги, Она исцѣлитъ твое больное тѣло и душу!» Татьяна Борисовна встала, бросилась въ ноги Божьей Матери и проснулась... Проснувшись, она горько плакала и, разсказавъ свой сонъ матери, просила послать скорѣе во Владиміръ за чудотворной иконой Божьей Матери, которая и принесла ей миръ душевный.

Съ этого дня она нашла правду и подтвердились слова Спасителя: «Блаженни алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся».

Замужъ Татьяна Борисовна вышла очень молодой, за Александра

---

[1]) „Богъ улыбнулся, сотворивъ этого ребенка“.

Михайловича Потемкина, человѣка очень богатаго, скромнаго, не имѣющаго блестящаго положенія въ свѣтѣ. Мать его была рожденная Энгельгардтъ, родная племянница свѣтлѣйшаго князя Потемкина, которая вторично вышла замужъ за князя Юсупова. Татьяна Борисовна мнѣ сама разсказывала, что первые годы ея замужества ей было трудно и горько, что къ такому близкому человѣку, какъ мужъ, съ которымъ должна была дѣлить радости и горести,—кромѣ равнодушія ничего не чувствовала. Она просила Бога, чтобы Онъ вселилъ ей любовь къ мужу, и слова Спасителя: «Просите и дастся вамъ» вновь оправдались на ней. Молодая красавица такъ горячо полюбила своего, хотя и достойнаго, но съ тяжелымъ характеромъ мужа, что, проживъ 53 года вмѣстѣ мирно, благочестиво, они были такъ нѣжны другъ къ другу, что въ рѣдкихъ молодыхъ супругахъ свѣтится такая любовь, какая свѣтилась въ ихъ потухавшихъ глазахъ...

Бабушка и ея сестры были съ дѣтства приняты интимно при дворѣ государыни Маріи Ѳеодоровны, такъ что онѣ съ великими княжнами и великими князьями были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Сестры ея, какъ старшія, были пожалованы во фрейлины, а она, вышедши замужъ очень молодой, не получила этого почетнаго званія и къ тому же, вышедши замужъ за человѣка, неимѣющаго чина, допускающаго пріѣздъ ко двору, не имѣла права на посѣщенія царской фамиліи, но видя ихъ любовь къ ней, продолжала посѣщать интимно, избавляя себя отъ всѣхъ выходовъ и парадовъ. Это было ея исключительное положеніе въ царствованіе императоровъ Николая I и Александра II. Она пользовалась такимъ расположеніемъ и любовью нашихъ царицъ, что въ какой бы часъ ни вздумала войти во дворецъ, ей всѣ двери отворялись безъ доклада.

Въ концѣ 40-хъ годовъ Александръ Михайловичъ Потемкинъ былъ выбранъ въ петербургскіе губернскіе предводители дворянства, но жену его земные почести не занимали и она продолжала жить въ большомъ свѣтѣ не съ цѣлью показать себя, свои туалеты или хлопотать о повышеніи кого-либо изъ родственниковъ, а все съ той же цѣлью: просить за несчастныхъ, навѣщать больныхъ, кого утѣшать, кого наставить и обратить на путь истинный. Она часто ѣздила съ евангеліемъ во дворецъ, читала и разсуждала тамъ о божественномъ словѣ. Императоръ Николай I очень любилъ бабушку, называлъ ее: «моя игуменья», и никогда не отказывалъ въ ея просьбахъ. Татьяна Борисовна разсказывала мнѣ, что ѣхала къ государю съ такой покойной душой, съ такой увѣренностью, что въ его благородной душѣ и ясномъ пониманіи дѣлъ всегда найдетъ отголосокъ и просьба ея не останется безъ исполненія. Она очень любила императора и съ такимъ восторгомъ говорила мнѣ объ его благородствѣ и свѣтломъ умѣ, но грустила о томъ, что многіе его

не понимали и судили совершенно ошибочно. Твердость его характера не мѣшала ему имѣть замѣчательно доброе и нѣжное сердце. Мнѣ разсказывали, что въ день присяги одного изъ великихъ князей, кажется, Николая Николаевича, бабушка поѣхала на хоры съ великой княгиней Маріей Николаевной, которая была въ траурѣ и не могла участвовать въ празднествѣ. Императоръ Николай Павловичъ, увидя Татьяну Борисовну на хорахъ, послалъ спросить, почему она не внизу, гдѣ должно быть ея мѣсто.

— Когда я была молода, — отвѣчала она посланному, — я не имѣла права быть въ свитѣ государыни, а теперь въ мои годы поздно начинать придворную жизнь; благосклонность же царя и царицы ко мнѣ такъ велика, что позволяетъ мнѣ быть между ними безъ этикета, и больше этого мнѣ ничего не нужно! Прошу только позволенія у государя продолжать пользоваться своимъ положеніемъ въ его августѣйшей семьѣ.

Хотя государь Александръ Николаевичъ такъ же очень любилъ и уважалъ бабушку и выслушивалъ всѣ ея просьбы съ той же готовностью исполнить ихъ, какъ бывало и августѣйшій его отецъ, но она ѣхала во дворецъ далеко не съ той увѣренностью, какъ прежде. Императоръ Николай, выслушавъ ее и разсмотрѣвъ самолично дѣло, о которомъ она просила, своимъ золотымъ сердцемъ и умомъ рѣшалъ самъ и всегда въ пользу просящей, которая шла къ своему государю отъ имени Христа не для себя, не для счастливыхъ, а для несчастныхъ... Императоръ Александръ II, съ тѣмъ же золотымъ сердцемъ, былъ готовъ осчастливить какъ просительницу, такъ и несчастныхъ, за кого она просила, но самъ лично рѣдко рѣшалъ просьбу, и Татьяна Борисовна возвращалась изъ дворца часто съ одной только надеждой, что сердце государя перевѣситъ въ ея пользу противоположные доводы.

Незадолго до своей кончины она хлопотала о какихъ-то семьяхъ самоѣдовъ и по этому поводу писала одному изъ министровъ. Въ чемъ состояла ея просьба — я не знаю, но знаю только, что она получила отвѣтъ довольно грубый, въ которомъ была такъ же просьба не безпокоить министровъ такими просьбами, которыхъ нельзя принять.

«Ваше превосходительство, отвѣчала она, я убѣждена въ справедливости вашего требованія и принимаю со смиреніемъ ваше замѣчаніе, но обѣщать вамъ не хлопотать о тѣхъ несчастныхъ, которые сами не могутъ имѣть доступа къ царю или министрамъ—я не могу! И если изъ десяти просьбъ моихъ одна будетъ справедлива и примется вами, то для меня это великая награда за хлопоты о несчастныхъ, нуждающихся въ правосудіи».

Прошло 19 лѣтъ со дня смерти бабушки, и сколько уголковъ въ Россіи, гдѣ имя ея и теперь вспоминается съ любовію и благодарностью!

На-дняхъ одна моя знакомая получила письмо изъ Сибири отъ неизвѣстной ей старушки, которая пишетъ, что много обязана Татьянѣ Борисовнѣ своимъ счастьемъ и память о ней продолжаетъ жить въ ея старомъ сердцѣ.

«Но, прибавляетъ старушка, не долго остается мнѣ жить, поэтому, имѣя портретъ Татьяны Борисовны, который не покидаетъ меня, я желала бы передать его при жизни такой особѣ, которая такъ же любила бы мою благодѣтельницу, какъ я, и для которой портретъ Татьяны Борисовны былъ бы такъ же дорогъ, какъ мнѣ!»

При этомъ старушка разсказала, какъ Татьяна Борисовна выручила изъ бѣды ея мужа. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, оставивъ семейство свое въ Сибири, хлопотать о мѣстѣ. Прожилъ онъ въ столицѣ нѣсколько мѣсяцевъ и получилъ только одни обѣщанія. Истративъ все до копѣйки и даже задолжавъ, такъ что вернуться ему было не съ чѣмъ, пошелъ онъ въ Казанскій соборъ помолиться и, ставъ на колѣни передъ Владычицей и открывъ Ей свое наболѣвшее сердце, горько плакалъ...

Татьяна Борисовна, часто бывая въ Казанскомъ соборѣ, вошла также помолиться. Увидя горько-плачущаго и никогда не проходя мимо горя, не замѣтивъ его, она спросила:

— Скажите мнѣ, о чемъ вы плачете? Я хотя и маленькій человѣкъ, но можетъ быть могу вамъ быть полезной.

Онъ разсказалъ свое горе. Она пригласила его къ себѣ и черезъ нѣсколько дней онъ получилъ все желаемое и возможность доѣхать до Сибири. Уѣзжая изъ Петербурга, онъ увозилъ ея кроткій, милый образъ и, пріѣхавъ домой, научилъ семью свою горячо любить ту, которая вернула имъ счастье и покой. Портретъ этотъ завѣщается теперь мнѣ.

Много воздвигла и украсила она храмовъ въ свою жизнь. Ея заботами на средства ея мужа былъ возобновленъ въ Харьковской губерніи монастырь «Святыя Горы», куда до сихъ поръ стекается многочисленная толпа богомольцевъ и любителей природы. Тамъ Татьяна Борисовна принимала государя Александра Николаевича съ государыней Маріей Александровной и ихъ дѣтей; тамъ она отдыхала каждое лѣто отъ шума столичной жизни. Бабушка любила тихую деревенскую жизнь рядомъ съ монастыремъ, гдѣ часто и съ умиленіемъ слушала монастырскій звонъ колоколовъ, призывавшій къ молитвѣ...

Домъ Татьяны Борисовны былъ открытъ для всѣхъ: начиная съ государя, удостоивавшаго ее своимъ посѣщеніемъ, кончая послѣднимъ нищимъ,—всѣ переступали ея порогъ. Ни одинъ архіерей не бывалъ въ Петербургѣ, чтобы не посѣтить ея. Будучи попечительницею тюремъ, бабушка знала почти каждаго преступника, говорила съ нимъ, стараясь обратить его на путь истины. И какъ любили ее эти порочные люди! Они цѣловали ей руки, платье, готовы были цѣловать и ноги... Я никогда

не забуду первую обѣдню, которую прослушала я съ ней вмѣстѣ въ тюремной церкви. Хоръ состоялъ изъ дѣтей преступниковъ; это обстоятельство сильно растрогало мое, тогда молодое сердце, но когда послѣ обѣдни я увидѣла толпу этихъ несчастныхъ, страшныхъ на видъ преступниковъ и преступницъ, бросившихся къ ней съ такой любовью цѣловать руки, платье, чуть не слѣды той, которая приходила ихъ утѣшать и учить,—я готова была сама броситься передъ ней на колѣни и благодарить ее за тотъ лучъ любви, который она съумѣла пролить въ ихъ ожесточенныя сердца!!.. Тѣ изъ нихъ, которымъ оковы и рѣшетки мѣшали подойти къ ней, все-таки заволновались, желая приблизиться къ ней и проводить ее благодарными взорами!..

Она, какъ мудрая дѣва, не гасила своего свѣтильника въ ожиданіи Жениха... Она со страхомъ ждала полночи и боялась не быть готовой, когда раздатся крикъ: «Женихъ идетъ!..» Какъ истинная христіанка, она не зарывала талантовъ, данныхъ ей Господомъ. Не будетъ ли она съ тѣми, которымъ скажетъ Господь: «Прійдите благословенные Отца Моего! наслѣдуйте Царство, уготованное вамъ отъ созданія міра! Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть, жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; былъ боленъ, и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ (Еванг. Матв., глава 25).

Въ дополненіе къ характеристикѣ бабушки и ея религіознаго настроенія, привожу отрывокъ изъ ея воспоминаній, найденный послѣ ея смерти [1]).

...«Я ужаснулась и испугалась своему невѣрію. Страшно стало, что я такъ долго могла сомнѣваться. На этотъ разъ я приняла образъ съ горячей вѣрой, которая была мнѣ такъ необходима. Сердце мое раскрылось для новаго чувства, тьма невѣрія замѣнилась въ немъ свѣтомъ— я наконецъ увѣровала! Вскорѣ мнѣ представился случай еще больше убѣдиться въ чудотворной силѣ образа и испытать мою вѣру въ него. Моя горничная, беременная уже шесть мѣсяцевъ, почувствовала себя нездоровой вслѣдствіе чрезмѣрнаго усердія при уборкѣ моихъ комнатъ въ Гостилицахъ; не щадя себя, она двигала мебель и прибивала мои портретики. Мысль, что ея усердіе ускорило ея роды, меня ужасно мучала. Я прибѣгла къ моему образу и положила его на больную. Но боли ея увеличивались съ страшной быстротой, и я приходила въ отчаяніе, что не могла принести никакой пользы бѣдной страдалицѣ. Но не успѣла я выйти отъ нея и дойти до своей комнаты, какъ услышала, что кто-то зоветъ меня:

— Идите скорѣй, больной Богъ далъ живаго ребенка...

---

[1]) Отрывокъ написанъ по-французски; здѣсь же помѣщается переводъ.

«Это было положительное чудо! Я прибѣжала, и, къ моей великой радости, ребенокъ жилъ достаточно долго, чтобы можно было его окрестить, а я была его воспріемницей. Вотъ первое чудо, ниспосланное Господомъ, для уничтоженія моего невѣрія. Это было передъ отъѣздомъ моимъ въ Крымъ. Я уѣхала осенью, а образъ мой былъ на мнѣ. Не знаю, было ли то отъ случайнаго удара или отъ чего другаго, но, пріѣхавъ въ Крымъ, я замѣтила на груди у себя гланду и думала, что образъ, котораго я не снимала во время дороги, причинилъ мнѣ эту боль. Я сняла его и поставила въ образницу. Черезъ нѣсколько дней, по пріѣздѣ нашемъ въ Крымъ, я услышала разсказы объ одномъ силачѣ-плотникѣ, который мостилъ полы и кончалъ работу въ нашемъ домѣ; нѣкоторыя подробности о жизни этого человѣка навели на меня ужасъ; онъ увѣрялъ всѣхъ, что имѣетъ сношенія съ нечистой силой. Отъ этихъ разсказовъ страхъ часто охватывалъ мою душу, и мысли, одна одной чернѣй, невольно приходили мнѣ въ голову. Мы жили совершенно одни на берегу моря, въ октябрѣ мѣсяцѣ: ни церкви, ни общества, ни развлеченій! Одна грустная осенняя природа, да при томъ еще разныя неудобства и лишенія. Рѣдкіе, хорошіе деньки были нашимъ единственнымъ развлеченіемъ. Однажды, сидя у окна, я увидѣла человѣка, проходившаго мимо и сгорбленнаго почти до земли. Я спросила откуда и кто онъ, и мнѣ отвѣтили, что это тотъ самый силачъ-плотникъ, и что тяжелая болѣзнь такъ измѣнила его. Теперь онъ дотащился до лѣсу, гдѣ упалъ безъ чувствъ, и откуда потомъ его подняли и принесли домой. Вся ночь прошла въ страшныхъ тревогахъ. Въ сосѣдствѣ не было священника, а потому, желая подать больному какую-либо духовную помощь, у меня попросили мой образъ. Я дала его, но съ большой неохотой; мысль, что къ моему образу будетъ прикасаться человѣкъ вполнѣ невѣрующій, страшила меня и колебала мою вѣру. Его агонія была ужасна! Онъ видѣлъ всѣ свои грѣхи, написанные на стѣнахъ, съ трудомъ пробовалъ онъ креститься, и умеръ въ страданіяхъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Мнѣ возвратили мой образъ.

«Теперь я сознаюсь, къ моему великому стыду, что не заслуживала я имя христіанки. Послѣ этого случая вѣра моя поколебалась: мнѣ казалось, что отъ прикосновенія къ этому грѣшному человѣку образъ утратилъ свою святость. Я опять поставила его въ образницу и уже долго не дотрогивалась до него. Итакъ, легкомысленность, недовѣріе, сомнѣнія часто пробуждались во мнѣ и овладѣвали мною. Я сознавала, что всѣ эти пороки завладѣли мною и мѣшали укорениться вѣрѣ и многимъ другимъ качествамъ, присущимъ человѣку. Я страдала своимъ невѣріемъ, но не рѣшалась никому повѣрить его. Черезъ мѣсяцъ я получила письмо отъ моего друга, князя Александра Голицына. Онъ писалъ мнѣ, что у него есть одна знакомая дама, которая очень мною интересуется по

видѣнному ею дважды сну, и этотъ сонъ касался меня. Ей снилось, будто-бы я стала невѣрующей, утративъ вѣру въ мой образъ, и что неблагодарность—большой грѣхъ! Она получила во снѣ приказаніе передать мнѣ, чтобы я снова увѣровала въ святость образа. Послѣ этого новаго доказательства Божьяго ко мнѣ милосердія, я не могла уже больше сомнѣваться. Вѣра и горячая любовь къ Господу наполнили мою душу, я опять надѣла образъ и испытала въ скоромъ времени на себѣ силу его святости. Въ первый годъ моего пребыванія въ Крыму я страдала болью въ груди. Кромѣ того я страшно скучала, грустила, не видя своего мужа, который былъ тоже боленъ и жилъ въ отдѣльномъ маленькомъ домикѣ.

«Единственная польза, пріобрѣтенная мною во время жизни въ Крыму, была та, что я сознала все свое ничтожество, все могущество Вседержителя и все его милосердіе ко мнѣ, грѣшной. Во время этой однообразной жизни я прочла много духовныхъ книгъ изъ библіотеки брата моего Андрея, а въ томъ числѣ и сочиненіе св. Іоанна Клемака, которое я прочла съ наслажденіемъ. Этотъ отецъ церкви даетъ замѣчательно хорошія наставленія въ монастырской жизни и самъ показываетъ намъ примѣръ въ постоянномъ усовершенствованіи христіанскихъ добродѣтелей. Это произведеніе было вполнѣ ново для меня и было настоящей духовной пищей для моей души. Однако я все еще продолжала страшиться своей будущности. Благодаря стараніямъ и знанію моего врача, моя болѣзнь поддалась леченію и я стала быстро поправляться, и къ пріѣзду императрицы уже совершенно выздоровѣла. Я приготовила все для принятія августѣйшей гостьи, и этотъ царственный визитъ, продолжавшійся два дня, былъ для меня самымъ пріятнымъ развлеченіемъ во время моей болѣзни и разогналъ мои мрачныя думы. Императрица уѣхала поздней осенью, а потому и нашъ отъѣздъ былъ задержанъ, и намъ пришлось провести въ Крыму третью зиму. Наконецъ прошла эта третья зима и намъ пора было возвращаться въ Россію.

«Теперь возвращусь къ эпохѣ, бывшей раньше моей жизни въ Крыму. Я буду говорить объ императорѣ Александрѣ I. Я долго опасалась этого новаго нашего дружескаго сближенія, которое могло принести мнѣ больше вреда, нежели пользы. Я сознавала, что смиреніе есть лучшее достоинство человѣка, а потому и хотѣла жить въ полнѣйшей неизвѣстности, но желаніе быть полезной другимъ мѣшало мнѣ въ этомъ. Я старалась укрѣпить свою вѣру, а иначе, какъ при сообщеніи съ людьми, я этого сдѣлать не могла.

«Императоръ Александръ, у котораго религіозные взгляды и убѣжденія мѣнялись очень быстро, часто бывалъ у меня и въ разговорахъ со мной старался разъяснить свои сомнѣнія. Онъ жаждалъ уединенія и чуждался толпы, въ семьѣ же своей онъ не находилъ сочувствія и часто

ее покидалъ. Онъ уѣзжалъ въ Царское Село и тамъ занимался важными государственными дѣлами. Часто, бывало, всѣ думали, что онъ уѣхалъ изъ Петербурга, а онъ, между тѣмъ, проводилъ вечеръ у меня, заранѣе потребовавъ на это разрѣшенія. И я принимала его одна, безъ угрызенія совѣсти, такъ какъ наши отношенія были чисты передъ Богомъ. Государь желалъ знать, что новаго узнала я отъ моихъ женевскихъ друзей [1]). Я ему передавала ихъ переписку, но вскорѣ я замѣтила, что протестантизмъ уже утратилъ надъ нимъ свое вліяніе, а истины нашей церкви проникли въ его душу, и онъ сталъ приверженцемъ православія. Онъ желалъ, чтобы и я послѣдовала его примѣру и совѣтовалъ мнѣ познакомиться съ Фотіемъ, имѣющимъ на него большое вліяніе; онъ говорилъ мнѣ: «это апостолъ или мученикъ!» Я отвѣчала, что если на то воля Божья, то я встрѣчусь съ этимъ человѣкомъ на своемъ жизненномъ пути, но мнѣ не хотѣлось искать новыхъ знакомствъ только для того, чтобы узнать ихъ взгляды и убѣжденія; моя молодость не позволяла мнѣ этого и мнѣ приходилось довольствоваться тѣми людьми, которыхъ Господь посылалъ мнѣ. Въ числѣ ихъ былъ отецъ Палладій, архимандритъ Невской лавры, человѣкъ глубоко вѣрующій. Этотъ почтенный старецъ понялъ меня безъ словъ и мнѣ не надо было даже раскрывать передъ нимъ свою душу. Я довольствовалась знакомствомъ съ этимъ служителемъ Господа, а любовь его къ Спасителю заставляла меня глубоко чтить его и дорожить интимностью нашихъ отношеній. Онъ часто говорилъ мнѣ:

— Не люби меня, но люби Христа.

«И каждое его слово дышало горячей любовью и вѣрой въ Спасителя. Мое сердце отдыхало въ бесѣдахъ съ нимъ и я не скрывала отъ него ни моихъ впечатлѣній, ни мыслей, пріобрѣтенныхъ мною въ Женевѣ. Онъ считалъ вполнѣ естественными ту любовь и благодарность, которыя я чувствовала къ людямъ, обратившимъ меня къ Богу; онъ не отвергалъ и не порицалъ эти мои чувства. Однако онъ часто указывалъ мнѣ всю нетвердость моихъ убѣжденій и недостатокъ вѣры. Его рѣчь, дышащая такой добротой и снисхожденіемъ къ человѣческимъ недостаткамъ, укрѣпляла то религіозное чувство, которое внушили мнѣ мои женевскіе друзья. За границей я встрѣтила человѣка, положившаго доброе начало въ сердцѣ моемъ и направившаго меня на истинный путь спасенія; въ Россіи же нашелся человѣкъ не только продолжавшій дѣлать начатое, но онъ укрѣплялъ мою слабую вѣру и поддерживалъ въ минуты сомнѣнія. Онъ открывалъ мнѣ и тайны православія, въ которыхъ я была тогда такъ несвѣдуща.

«Необходимо мнѣ вспомнить одинъ случай моей жизни, очень обык-

[1]) Протестантскихъ проповѣдниковъ.

новенный, но имѣвшій въ будущемъ хорошее вліяніе на многое. Это было въ 1824 году. Одинъ іеродіаконъ, по имени Исаія, привезъ мнѣ письмо отъ графини Орловой. Она писала объ этомъ монахѣ, который, по ея словамъ, жаждалъ спасенія и желалъ посвятить себя Богу на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ монастырь; теперь же мѣстность эта была пустынна и принадлежала брату моей свекрови, г-ну Энгельгардту [1]). Монахъ этотъ съ восторгомъ разсказывалъ мнѣ объ этой мѣстности.

— Эта Святая гора, — говорилъ онъ мнѣ, — и была она населена отшельниками. Она походитъ на Аѳонскую гору и описать ее не хватитъ человѣческихъ словъ.

«По его же словамъ, уединеніе и частое напоминаніе о молитвѣ, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу, придаютъ этой мѣстности что-то святое, и никакая, кажется, другая мѣстность не можетъ внушить человѣку такія чувства благочестія и созерцанія Божьяго величія, какъ эта Святая гора. Я съ невольнымъ восторгомъ слушала разсказы монаха и мнѣ захотѣлось быть его ходательницей. Мнѣ самой сильно захотѣлось побывать въ тѣхъ мѣстахъ и выхлопотать для этого монаха позволеніе вырыть себѣ келью въ горѣ. Но къ моему великому горю свекровь моя, взявшаяся хлопотать объ этомъ, получила рѣшительный отказъ отъ своего брата, и я съ прискорбіемъ должна была передать этотъ отказъ монаху. Однако краснорѣчивый разсказъ іеродіакона, его пламенное желаніе поселиться на томъ мѣстѣ, гдѣ жили и спасались святые отшельники, его горе при полученіи отказа — все это произвело на меня глубокое впечатлѣніе и навсегда врѣзалось въ моемъ сердцѣ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но я никогда не забуду то горе, которое нанесла я, совершенно невольно, этому несчастному монаху. Но и это прошло, какъ все проходитъ въ жизни, а сама она потекла своимъ обычнымъ порядкомъ, полная пустоты и волненій. Я стала забывать и монаха, и его разсказы, какъ вдругъ совершенно неожиданно умеръ г-нъ Энгельгардтъ. «Святыя горы» было его родовое имѣніе и, чтобы выручить деньги для раздачи наслѣдникамъ, его рѣшили продать. Узнавъ объ этомъ, я умоляла мою свекровь купить у ея сестеръ (ихъ было пять) ихъ части и сдѣлаться единственной наслѣдницей этого прелестнаго уголка южной Россіи. Она уступила моимъ просьбамъ и купила «Святыя горы». Съ этой минуты у меня явилась мечта возстановить тамъ монастырь и снова населить его пустынныя кельи. Но ничто не обѣщало, чтобы когда-нибудь осуществилась моя мечта.

«Во время холеры, въ 1832 году, мы съ мужемъ поѣхали туда

---

[1]) Племянникъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина. Свекровь же Т. Б. Потемкиной въ первомъ бракѣ была за Потемкинымъ, во второмъ—за княземъ Юсуповымъ.

и во-очію увидѣли то, о чемъ говорилъ намъ монахъ. Да, это было дѣйствительно чудо природы: громадная скала формы пирамиды и вся покрытая лѣсомъ, а въ этой скалѣ цѣлый монастырь; но объ этомъ монастырѣ свидѣтельствовали однѣ каменныя плиты съ молитвенными надписями въ кельяхъ прежнихъ грамотныхъ монаховъ. Я не смогу передать то впечатлѣніе, которое на меня произвела эта мѣстность! Все здѣшнее прошлое какъ бы воскресло въ моемъ воображеніи, и это уединенное мѣсто, гдѣ слышался теперь лишь крикъ птицъ, представилось мнѣ заселеннымъ людьми, ищущими спасенія въ молитвѣ и постѣ. Въ двухъ плохо сохранившихся кельяхъ жили два сельскихъ священника въ большой бѣдности. Недалеко отъ келій стояла и маленькая, бѣдная приходская церковь, выстроенная во имя Успенія Божіей Матери. На благовѣстъ колокола этой церкви приходили крестьяне сосѣднихъ селеній, но другого сообщенія съ людьми священники не имѣли и скорбѣли о томъ, что не могутъ дать никакого воспитанія своимъ дѣтямъ. Вотъ въ какомъ положеніи застала я эту обитель въ 1832 году.

«Моя свекровь пользовалась доходами съ этого имѣнія, но еще не начинала возобновленія монастыря. Въ годъ своей смерти она часто бывала въ Сергіевской пустынѣ (въ окрестностяхъ Петербурга), и однажды въ откровенной бесѣдѣ съ отцомъ Игнатіемъ (тамошнимъ настоятелемъ) высказала ему свое намѣреніе о возобновленіи Святогорской обители.

— Я такъ къ вамъ расположена, — сказала она ему, — что готова отдать вамъ «Святыя Горы».

«Эта фраза, сказанная отъ чистаго сердца, была, вѣроятно, угодна Богу... Прощаясь съ архимандритомъ, она обѣщала быть у него черезъ восемь дней, но на девятый день послѣ этого разговора ее уже не стало. Огорчила насъ ужасно ея смерть и долго не могли привыкнуть къ той пустотѣ, которую мы чувствовали послѣ ея кончины.

«При раздѣлѣ имущества я просила себѣ «Святыя горы». Теперь-то надѣялась осуществить свою мечту, но и не только мою лично, а также и моей покойной свекрови. Господь не отвергнулъ молитвы рабъ своихъ, и этотъ, когда-то богатый, монастырь былъ вновь воздвигнутъ съ согласія императора Николая I-го. На освѣщеніе его пріѣхалъ архіерей Иннокентій...

«Съ тѣхъ поръ прошло 19 лѣтъ, а я каждый годъ ѣзжу сюда и любуюсь на это дѣло рукъ Божіихъ, на эту святую обитель. Она имѣетъ теперь триста монаховъ и управляется самымъ строгимъ монастырскимъ уставомъ. Не мнѣ восхвалять этотъ монастырь, а я могу сказать только всякому, кто прочтетъ мои записки: «прійдите и взгляните на это чудесное дѣло рукъ Божіихъ и прославьте Имя Его святое». Я благодарю Господа, что Онъ удостоилъ меня быть свидѣтельницей такой великой

милости Своей къ людямъ. Для возстановленія монастыря была масса пожертвованій, и приносилъ каждый, кто что могъ, напоминая умноженіе пяти евангельскихъ хлѣбовъ, которыми насытились пять тысячъ народа. «О, Господи, Ты таишься отъ мудрыхъ и разумныхъ и открываешь Себя младенцамъ. Онъ избираетъ орудіемъ слабыхъ, больныхъ, чтобы явить славу Свою среди столькихъ препятствій, болѣзней и смерти!» Но всѣ Его великія милости не налагаютъ ли онѣ на меня бо́льшей отвѣтственности? Видѣть Бога во всемъ и вездѣ и оставаться равнодушнымъ—преступленіе, которое губитъ душу человѣка, и онъ все больше и больше грязнетъ въ порокахъ. А потому, какъ нужны мнѣ Твои великія милости, Господи, чтобы избавиться отъ легкомыслія, забвенія, равнодушія и упорства!! Одинъ Господь великъ, все же остальное—прахъ! Но этотъ прахъ одушевленъ Божественной искрой, и въ этой-то искрѣ вся наша жизнь. Но для поддержки нашей нравственной жизни не нужна ли намъ благодать Господня? Объ этомъ-то я и прошу моего Господа, чтобъ очиститься отъ нечистоты душевной и жить въ вѣчной жизни.

«Я вотъ уже 23-й разъ какъ пріѣзжаю въ «Святыя горы» и сегодня наканунѣ своего отъѣзда. Проживъ шесть недѣль въ Крыму, я пріѣхала сюда, а теперь уже должна вернуться въ Петербургъ. Во время моего пребыванія въ «Святыхъ горахъ» пріѣзжала моя сестра Мещерская съ своимъ племянникомъ Гончаровымъ, и никогда мое пребываніе здѣсь не было мнѣ такъ пріятно, какъ нынѣшнее, хотя оно и было кратковременно. Погода была все время идеальная: такой осени съ тѣхъ поръ, какъ живу, не помню. Такое теплое, тихое время!.. Природа представляла собой тотъ покой и тишину, которую получимъ мы послѣ нашей смерти, и давала возможность надѣяться на вѣчный отдыхъ!! Я уѣхала изъ «Святыхъ горъ» радостная и вполнѣ поправившись отъ всѣхъ моихъ болѣзней. Я была счастлива вернуться въ Петербургъ и свидѣться съ мужемъ, съ сестрой Софіей и со всей моей семьей. Пріѣхавъ въ Москву, я поѣхала къ митрополиту Филарету, чтобъ получить его благословеніе, и это было уже въ послѣдній разъ, такъ какъ черезъ мѣсяцъ онъ скончался. Этотъ почтенный старецъ вполнѣ сохранилъ свой свѣтлый умъ. Онъ съ большимъ интересомъ разспрашивалъ меня о моемъ монастырѣ, и въ его рѣчи слышалось столько любви и снисхожденія, чего раньше онъ никогда не выказывалъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИКЛЮЧЕНІЯ РУССКИХЪ КОЛОКОЛОВЪ,

отправленныхъ въ Сербію въ 1863 г. [1]).

(Изъ архива вице-адмирала П. Н. Назимова).

Въ Старой Сербіи, близъ турецкаго городка Печа, стоитъ древній Дечанскій монастырь Св. Николая, основанный сербскимъ королемъ Стефаномъ Урошемъ, прозваннымъ Дечанскимъ, который одарилъ его богатыми дарами и цѣнными вкладами послѣ войны, веденной имъ съ болгарами въ 1330 году.

Объ основаніи этого монастыря сложилось преданіе, занесенное Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ, въ его «Српски рјечник» (сербскій словарь съ объясненіями и свѣдѣніями географическаго и этнографическаго характера).

По словамъ этого преданія, отецъ Стефана выкололъ ему глаза и повѣсилъ ихъ на воротахъ города Призрѣна. Когда Стефанъ вышелъ на прогулку изъ города, навстрѣчу ему попался св. архангелъ, который, сжалившись надъ будущимъ королемъ, обратился орломъ, снялъ съ воротъ глаза Стефана и вложилъ ихъ на прежнее мѣсто, сказавши при этомъ: «одечи очи». Получивъ зрѣніе, Стефанъ, въ благодарность и память объ этомъ чудѣ, построилъ Дечанскій монастырь, извѣстный подъ именемъ высокаго Дечана («високе Дечане»), про который поется въ народныхъ сербскихъ пѣсняхъ.

Въ 1861 году стараніями ктитора іеромонаха Дечанской лавры Кирилла Андреевича Шиколярца и жертвованіями петербургскаго купца Ѳ. Ѳ. Зайцева, въ Москвѣ, на заводѣ А. П. Богдановой отлиты были для обители два колокола: одинъ вѣсомъ въ 20 пудовъ 10 фунт., другой— въ 10 пудовъ 32 фунта.

---

[1]) Колокола эти предназначались для Дечанской обители въ Старой Сербіи.

Колокола эти были доставлены въ Лиссабонъ на фрегатѣ «Дмитрій Донской» и здѣсь перегружены въ концѣ 1862 года на фрегатъ «Ослябя», которымъ въ ту пору командовалъ капитанъ 1-го ранга Николай Николаевичъ Назимовъ.

Отсюда они должны были Средиземнымъ моремъ быть доставлены черезъ порты Рагузу или Антивари къ мѣсту своего назначенія. Доставка эта совершенно непредвидѣнно осложнилась трудностями и послужила предметомъ дѣятельной дипломатической переписки.

Фрегатъ «Ослябя» предназначался для крейсированія по греческимъ портамъ, въ водахъ Іоническаго моря, Архипелага и береговъ Греціи, на которую, вслѣдствіе событій 1862—63 года, были обращены взоры всей Европы. Страна переживала внутренній кризисъ, династіи грозила опасность; уже въ октябрѣ 1862 г. король Оттонъ I-й былъ развѣнчанъ и сложилъ съ себя бремя греческой короны.

Въ архивѣ вице-адмирала П. Н. Назимова (нынѣ начальника главнаго гидрографическаго управленія морскаго министерства) сохранились бумаги брата его, покойнаго Н. Н. Назимова, командовавшаго названнымъ фрегатомъ. Въ рапортѣ отъ 1-го февраля 1863 г. онъ доносилъ чрезвычайному русскому посланнику и полномочному министру въ Греціи графу Блудову о тѣхъ трудностяхъ, которыя ему пришлось преодолѣть при доставкѣ пожертвованныхъ колоколовъ:

«Выйдя января 19-го съ ввѣреннымъ мнѣ фрегатомъ «Ослябя» изъ залива Каламата, откуда я имѣлъ честь доносить вашему сіятельству о предшествовавшемъ плаваніи по портамъ Греческаго архипелага, я направилъ курсъ въ Рагузу, такъ какъ тамъ есть русскій консулъ, который могъ дать свѣдѣнія о способѣ доставки присланныхъ изъ С.-Петербурга и находящихся на фрегатѣ колоколовъ для Дечанской обители, находящейся во владѣніяхъ Европейской Турціи, неподалеку отъ Скутарійскаго озера.

«Придя въ Рагузу 24-го января, я тотчасъ обратился къ исправляющему должность консула господину Макушеву съ просьбой принять колокола съ фрегата, принимая во вниманіе, что въ полученной мною описи вещей съ фрегата «Дмитрій Донской» сказано, чтобы колокола были доставлены въ Рагузу или Антивари.

«Господинъ Макушевъ полагалъ болѣе удобнымъ переслать колокола черезъ Черногорію, такъ какъ Дечанская обитель ближе къ этой области; сверхъ того, играло роль и то соображеніе, что черногорцы доставятъ колокола эти вѣрнѣе и охотнѣе, нежели другія племена. Онъ сообщилъ мнѣ кромѣ того, что уже телеграфировалъ въ Вѣну, прося дозволить фрегату «Ослябя» войти въ заливъ Бокко-ди-Каттаро, потому что безъ особаго разрѣшенія входъ въ портъ Каттаро не допускается [1]).

[1]) Въ запискѣ на имя Назимова (изъ Рагузы отъ 24-го января 1863 г.) Макушевъ писалъ слѣдующее: «Безъ разрѣшенія изъ Вѣны не могутъ помѣ-

«Отвѣта изъ Вѣны получено еще не было, продолжаетъ свой рапортъ Назимовъ. Дорожа временемъ и надѣясь, что разрѣшеніе фрегату войти въ Каттаро придетъ въ одно время какъ въ Рагузу, такъ и туда, я снялся съ якоря, имѣя въ виду, войдя въ заливъ, остановиться при самомъ входѣ у крѣпости Остро и тамъ ждать дальнѣйшаго разрѣшенія.

«Того же 24-го января, когда фрегатъ подходилъ къ заливу Каттаро, то съ разныхъ укрѣпленій, защищающихъ входъ въ него, было сдѣлано пять выстрѣловъ холостыми зарядами. Не придавая никакого значенія этимъ выстрѣламъ, я продолжалъ приближаться и, подойдя совершенно близко къ крѣпости Остро, салютовалъ австрійскому флагу двадцатью однимъ пушечнымъ выстрѣломъ. Тотчасъ послѣ нашего салюта съ крѣпости Остро сдѣланъ былъ еще одинъ выстрѣлъ, но на этотъ разъ уже ядромъ. Тогда, принявъ этотъ послѣдній выстрѣлъ за сигналъ, запрещающій входъ не только въ портъ, но даже и въ заливъ (до порта Каттаро оставалось еще 18 италіанскихъ миль), я тотчасъ поворотилъ фрегатъ назадъ, но вслѣдъ затѣмъ остановилъ ходъ, потому что отъ крѣпости отвалила шлюпка, направляясь прямо къ фрегату.

«Офицеръ, бывшій на шлюпкѣ, присталъ дѣйствительно къ фрегату и подалъ мнѣ пакетъ отъ коменданта крѣпости. Вотъ содержаніе находившагося въ немъ документа, написаннаго на французскомъ языкѣ: «Протестъ (Protestation). Его величество императоръ австрійскій, декретомъ 6-го мая 1854 года (сообщеннымъ правительствамъ дружественныхъ державъ) объявилъ портъ Бокко-ди-Каттаро военнымъ портомъ. Тѣмъ же декретомъ входъ въ этотъ портъ запрещенъ военнымъ судамъ иностранныхъ державъ; такимъ образомъ считаю своимъ долгомъ именемъ моего правительства протестовать противъ входа въ портъ судна, которымъ вы командуете. Бокко-ди-Каттаро. 5-го февраля 1863 года. Капитанъ и комендантъ форта Пунта д'Остро кавалеръ (Chevalier) N. N.».

«Мнѣ совершенно было неизвѣстно, продолжаетъ свое донесеніе Назимовъ, что портъ Каттаро вмѣстѣ съ заливомъ Бокко-ди-Каттаро заперты для военныхъ судовъ всѣхъ націй и находятся на военномъ положеніи уже девятый годъ; только по полученіи этого протеста дѣло разъяснилось. Крѣпость отвѣтила тотчасъ на нашъ салютъ 21-мъ выстрѣломъ, а фрегатъ опять пошелъ въ Рагузу, куда и прибылъ черезъ $2^1/_2$ часа. Вставъ здѣсь на якорь, я въ семь часовъ вечера съѣхалъ на берегъ, чтобы видѣться съ исправляющимъ должность русскаго кон-

тить документовъ въ Каттаро; но въ это время должна придти телеграмма изъ Вѣны, а потому вы передъ входомъ въ Бокко-ди-Каттаро пошлите шлюпку въ Мелинье узнать, получено ли позволеніе для вашего фрегата войти въ бухту, и тогда вы можете свободно идти къ мѣсту вашего назначенія».

сула. Къ моему удивленію, я въ городъ впущенъ не былъ. Ворота были заперты и мнѣ объявили, что съ восьми часовъ вечера всегда и всѣмъ выходъ изъ города и входъ въ него воспрещается.

«На другой день утромъ исправляющимъ должность консула господиномъ Макушевымъ получена была депеша изъ Вѣны о разрѣшеніи графа Rechberg'a (имперскаго министра иностранныхъ дѣлъ) фрегату «Ослябя» идти въ Бокко-ди-Каттаро.

«Депеша эта гласила слѣдующее: «Vendredi fais démarches auprès Comte Rechberg pour déposé au magasin Montenegrin à Cattaro des cloches. En tous cas frégatte devra quitter le golfe aussitôt de barquement opéré. Balabine» [1]).

«Ожидая, что объ этомъ разрѣшеніи дано знать также коменданту форта въ заливѣ Каттаро, я немедля, чтобы не терять времени, снялся съ якоря и пошелъ вновь въ Каттаро. Подойдя къ форту Остро, я послалъ съ лейтенантомъ Авиновымъ къ коменданту депешу, полученную въ Рагузѣ, и поручилъ просить о дозволеніи встать у входа въ заливъ на якорѣ, въ виду наступленія ночи. Комендантъ отказалъ мнѣ въ моей просьбѣ, но передалъ черезъ посланнаго мною къ нему офицера, что проситъ меня продержаться ночью въ морѣ, а къ утру подойти къ форту Остро, откуда и будетъ прислано разрѣшеніе. Тѣмъ временемъ, въ теченіе ночи, онъ, комендантъ, будетъ телеграфировать въ Вѣну по случаю прихода фрегата.

«Я принялъ предложеніе коменданта, и въ восемь часовъ утра слѣдующаго дня подошелъ къ форту Остро, откуда тотчасъ выѣхала шлюпка съ офицеромъ.

«Офицеръ подалъ мнѣ письмо коменданта (написанное на французскомъ языкѣ) слѣдующаго содержанія: «Господинъ капитанъ! Имѣю честь извѣстить васъ, что мое правительство не даетъ вамъ разрѣшенія ввести въ военный портъ вашъ фрегатъ и что вы можете выгрузить колокола и церковную утварь въ Рагузѣ или Гравозѣ, гдѣ постараются облегчить вамъ ихъ доставку въ Цетинье. Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ, господинъ капитанъ, преданный вамъ Вильгельмъ де-Замбони (Guillaume de-Zamboni. Capitaine de Frégate), командующій надъ укрѣпленіями Кастельнуово».

«Въ Рагузѣ была одновременно получена такая телеграмма: «Raguse, Consulat Russe. Malgré permission du Comte Reichberg, frégate pas admis d'entrer Cattaro. Temps est cher. Partir plus loin» [2]).

---

1) Въ пятницу я буду ходатайствовать у графа Рехберга, чтобы сдать колокола черногорскому складу въ Каттаро. Во всякомъ случаѣ фрегатъ покинетъ заливъ немедленно послѣ выгрузки. Балабинъ.

2) Рагуза. Русское консульство. Несмотря на разрѣшеніе графа Рехберга, фрегату не дозволено остановиться въ Каттаро. Время дорого. Отправляться дальше.

«Послѣ такого рѣшительнаго отказа войти въ портъ, я тотчасъ пошелъ въ портъ Антивари, чтобы тамъ сдать колокола и закончить это порученіе.

«26-го января фрегатъ вошелъ въ Антиварскую бухту; я тотчасъ телеграфировалъ нашему консулу въ Скутари о желаніи видѣться съ нимъ на фрегатѣ.

«На другой день утромъ обмѣнявшись салютами съ турецкою крѣпостью, я сдѣлалъ визитъ начальнику округа Мехмету-пашѣ и вслѣдъ за тѣмъ онъ самъ прибылъ на фрегатъ.

«Въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ ко мнѣ секретарь консульства въ Скутари. По его словамъ, отъ Скутари до Дечанской обители семь часовъ ходу, и доставленіе колоколовъ (и еще трехъ желѣзныхъ подсвѣчниковъ, какъ это видно изъ отношенія Назимова консулу въ Скутари отъ 24-го января 1863 г. за № 13), пожертвованныхъ Зайцевымъ въ Дечанскую обитель, будетъ затруднительно и обойдется не дешево, вслѣдствіе того, что обыкновенный, единственный путь къ монастырю представляетъ собою горную тропинку, проложенную по высокимъ и крутымъ кряжамъ.

«На другой день утромъ колокола были свезены съ фрегата на пристань, гдѣ они должны были временно храниться въ сараѣ, принадлежащемъ австрійскому пароходному обществу, до изысканія средства для ихъ перевоза.

«Не успѣли люди команды выгрузить колокола изъ катеровъ и поставить ихъ на землю, какъ прибылъ адъютантъ паши съ запрещеніемъ свозить ихъ на берегъ до полученія на то разрѣшенія изъ Константинополя.

«Я представилъ адъютанту невозможность фрегату оставаться долѣе на рейдѣ, напомнивъ ему также о недавно состоявшемся съ Турціей трактатѣ о вѣротерпимости, неразрывно соединенномъ съ правомъ ввоза подобныхъ предметовъ; убѣдивъ его въ томъ, что вещи эти не военная контрабанда, я достигъ того, что онъ согласился со мною и позволилъ оставить колокола на пристани, но просилъ секретаря консульства ѣхать съ нимъ въ Антивари къ пашѣ, чтобы уладить это дѣло.

«Разставшись съ ними, я снялся съ якоря и ушелъ въ море. 30-го января фрегатъ зашелъ въ Корфу принять грузъ каменнаго угля. Кончивъ эту работу 2-го февраля, я перейду въ Патрасъ. На фрегатѣ все обстоитъ благополучно, о чемъ вашему сіятельству имѣю честь донести».

Сообщилъ **Марченко**.

Р ѣ ч ь,

произнесенная тверскимъ вице-губернаторомъ Измайловымъ вновь набраннымъ въ г. Кашинѣ рекрутамъ.

Здравствуйте ребята!
Бравые солдаты!
Полно, не тужите —
Царю послужите.
Царь у насъ правдивый,
Добротолюбивый.
Доброму насъ учитъ,
А солдатъ не мучитъ,
Бережетъ, покоитъ,
И кормитъ и поитъ,
Тепло одѣваетъ,
Всѣ ихъ труды знаетъ.
Грѣхъ царю такому
Не служить всей правдой.
Братцы! одолжите:
Хорошо служите.
Постарайтесь, други,
Чтобы васъ хвалили,
Про васъ говорили:
Кашинской округи
Славные ребята,
Рекруты солдаты,
Калязинцы тоже —
Дай этого Боже!
Ну, братцы, простите!
Пора, въ Тверь, пора!
Полно не грустите,
Крикните-жь—Ура!
Отцу государю,
Царю Николаю.

Сообщ. Н. А. Боровковъ.

Къ исторіи царствованія императора Павла I.

Положеніе чиновниковъ во время ледохода на Невѣ.—О наблюденіи за возвращающимися изъ Генскаго университета.—О намѣреніи Костюшки въѣхать въ Россію, съ цѣлью поднять возмущеніе въ Польшѣ.—О высылкѣ изъ Петербурга отставныхъ чиновниковъ, не занятыхъ службою.—Письмо императора Павла I королю обѣихъ Сицилій Фердинанду IV, съ предложеніемъ папѣ Пію VII переселиться въ Россію.

I.

Положеніе чиновниковъ во время ледохода на Невѣ.

Предписаніе оберъ-прокурора 1-го департамента Сената Козодавлева экзекутору Маврину.

20-го апрѣля 1798 г.

Хотя неоднократно отъ меня предписано было, чтобъ живущіе на той сторонѣ рѣки Невы, во время труднаго чрезъ оную переѣзда, имѣли свое пребываніе непремѣнно на здѣшней сторонѣ, но за всѣмъ тѣмъ сей день не явились къ должности господа секретари Федоровъ и Кранцъ и канцелярскіе служители, въ приложенномъ при семъ спискѣ поименованные; вчерашній же день они, бывъ въ Сенатѣ и видя, что чрезъ рѣку переѣздъ уже былъ затруднителенъ, не долженствовали на ту сторону и переѣзжать, почему и рекомендую вашему высокоблагородію взять съ нихъ о семъ объясненія и представить ко мнѣ.

Спрошенные, чиновники объяснили:

1) Протоколистъ Павелъ Сахаровъ, что живетъ въ Адмиралтейской части, въ домѣ тайнаго совѣтника Бека; имѣя на Васильевскомъ

островѣ домъ и немалое семейство и видя, что многіе изъ чиновниковъ Сената переправляются на ту сторону Невы, вскрывшейся отъ льда 5-го апрѣля, онъ также неоднократно переѣзжалъ Неву и, несмотря на то, каждый день являлся въ должность,—такъ шло до 19-го апрѣля. Въ этотъ день, въ 9-ть часовъ вечера, переправился онъ на Васильевскій островъ съ полной надеждой вернуться 20-го числа на службу; въ ночь же на это число пошелъ сплошной ледъ, помѣшавшій ему быть въ должности. Ни умысла отбыть отъ должности, ни ослушанія приказанія съ его стороны не было.

2) Секретарь Иванъ Кранцъ, что приказаніе Оберъ-Прокурора о бытіи, во время вскрытія Невы, на Адмиралтейской сторонѣ, онъ исполнилъ, такъ какъ съ 5-го по 12-е апрѣля былъ на этой сторонѣ и ежедневно являлся въ должность, а когда рѣка очистилась отъ льда, то и переѣхалъ на Васильевскій островъ. 19-го апрѣля хотя на рѣкѣ и былъ ледъ, но переправа происходила безпрепятственно, а такъ какъ на 20-е число пошелъ столь великій ледъ, что и перевоза не было, то онъ и не могъ по утру явиться въ Сенатъ; умысла же съ его стороны не было.

и 3) Секретарь Илья Федоровъ, семь канцеляристовъ, три подканцеляриста, четыре регистратора и два губернскихъ секретаря показали также, что переправились 19-го апрѣля черезъ Неву, не представлявшую опасности къ переѣзду, не предполагая возобновленія ледохода, и не были 20-го числа въ Сенатѣ единственно за невозможностью; умысла же съ ихъ стороны не было.

Такимъ образомъ весною и осенью Нева періодически разлучала многія семейства и была причиною излишнихъ расходовъ для бѣдныхъ чиновниковъ.

II.

Указъ Курляндскому Губернатору о наблюденіи за возвращающимися изъ Генскаго университета.

3-го сентября 1798 г. Гатчино.

Господинъ тайный совѣтникъ Ламсдорфъ. Изъ приложенной у сего копіи письма, мною изъ Гены полученнаго, вы усмотрите, колико нужно имѣть наблюденіе за возвращающимися изъ того университета. Я поручаю вамъ не терять ихъ изъ виду и при первомъ безпорядкѣ или неповиновеніи къ властямъ поступать съ виновными по всей строгости законовъ. Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

Письмо безъ подписи [1]).

Ваше императорское величество простите мнѣ смѣлость обращенія, продиктованную благодарностью за великія милости, которыми вы осыпали сына моего, имѣющаго честь служить капитаномъ въ вашихъ кирасирахъ. Считая себя за вашего подданнаго, я признаю за долгъ довести до вашего свѣдѣнія о поведеніи молодыхъ людей, обязанныхъ, вслѣдствіе вашего повелѣнія, оставить здѣшній университетъ. Они собрались наканунѣ своего отъѣзда, провозглашали тосты и пѣли пѣсни самаго революціоннаго содержанія и кончили такимъ ужаснымъ тостомъ, что не смѣю и повторить его вашему величеству, окончивъ его тѣмъ, что ихъ опять скоро увидятъ въ этой странѣ. Признавая ихъ болѣе опасными чѣмъ якобинскихъ эмиссаровъ, я почитаю долгомъ предупредить объ этомъ ваше величество для принятія мѣръ къ наблюденію за ними.

III.

О намѣреніи Костюшки выѣхать въ Россію, съ цѣлью поднять возмущеніе, въ Польшѣ.

Письмо чрезвычайнаго посла въ Берлинѣ графа Панина Курляндскому губернатору.

12-го (23-го) октября 1798 г.

Милостивый Государь мой!

Я имѣю достовѣрное свѣдѣніе, что Костюшко отправился изъ Парижа подъ именемъ Dufresnoy, и, какъ увѣряютъ, съ намѣреніемъ въѣхать въ бывшую Польшу, для возмущенія вновь соотчичей своихъ. По сіе время точнаго еще извѣстія не имѣю какую дорогу онъ возьметъ, но вѣроятно, что онъ предпочтительно постарается ворваться моремъ, чрезъ какой-либо приморскій городъ, гдѣ его не знаютъ. А какъ быть можетъ, что онъ выберетъ къ сему одинъ изъ Курляндскихъ или Лифляндскихъ портовъ, то поспѣшаю предупредить о томъ ваше превосходительство препровождая при семъ же довольно (похожій) на него эстампъ, по которому скорѣе можно узнать его, если онъ появится.

---

[1]) Переводъ съ французскаго.

IV.

О высылкѣ изъ Петербурга отставныхъ, незанятыхъ службою, чиновниковъ.

15-го—28-го сентября 1800 г.

Генералъ-адъютантъ князь Долгоруковъ 15-го сентября 1800 года сообщилъ С.-Петербургскому военному губернатору, что его императорское величество, усмотря изъ рапорта о проѣзжающихъ чрезъ С.-Петербургъ, что много отставныхъ пріѣзжаютъ безъ всякаго дѣла, указать соизволилъ, чтобы онъ, губернаторъ, вошелъ въ подробное разсмотрѣніе о всѣхъ отставныхъ, находящихся въ С.-Петербургѣ, не трогая тѣхъ, которые, тутъ имѣя свои дома, обыкновенно живутъ въ семъ городѣ, прочихъ же всѣхъ пріѣзжихъ безъ дѣла—выслалъ изъ города вонъ. А которые объявятъ, что имѣютъ крайнія нужды остаться, то, узнавъ о справедливости ихъ показаній, о таковыхъ донесъ государю императору именно о каждомъ, прописавъ имѣющіяся у нихъ дѣла для жительства въ С.-Петербургѣ.

С.-Петербургскій военный губернаторъ Свѣчинъ, сообщая 16-го сентября 1800 г. генералъ-прокурору Обольянинову означенное высочайшее повелѣніе, просилъ о пріѣхавшихъ въ С.-Петербургъ и явившихся къ нему отставныхъ доставить именной списокъ, съ означеніемъ подлежащихъ къ высылкѣ и тѣхъ, кои, дѣйствительно имѣя здѣсь дѣла,—и именно какія: собственныя ли ихъ, или по довѣренности, или же по должности,—остаться могутъ.

Получивъ такое сообщеніе, генералъ-прокуроръ 23-го того же сентября подтвердилъ оберъ-прокурорамъ и присутственнымъ мѣстамъ его вѣдомства послѣдовавшее въ 1799 году, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, распоряженіе о выдачѣ отставнымъ, кои дѣйствительно дѣлами обязаны и пребываніе коихъ здѣсь нужно, свидѣтельствъ, для предъявленія ихъ въ полиціи, безъ чего они здѣсь проживать не должны и будутъ высылаемы. 28-го же сентября сообщилъ Свѣчину, что «государь императоръ, узнавъ, что безъ всякаго разбора отставные высылаются изъ Петербурга и даже не изъемлются изъ сего люди болѣе сорока лѣтъ въ городѣ живущіе, какъ г. Даниловъ, высочайше повелѣть соизволилъ отнестись къ нему, губернатору, что намѣреніе его императорскаго величества было только очистить городъ отъ тѣхъ, кои развратно проживаютъ сами и примѣрами своими совращаютъ другихъ, коихъ поведеніе подозрительно, или родъ упражненія предосудителенъ нравамъ и закону. Но чтобъ люди отставные, честно, въ тишинѣ и благопристойности живущіе, хотя бы домовъ своихъ они не имѣли, были изъ города высылаемы, на сіе нѣтъ высочайшаго соизво-

ленія, и воля государя императора есть, чтобъ таковыхъ не касаться и оставить въ покоѣ, какъ живущихъ въ городѣ, такъ и вновь пріѣзжающихъ на сей же конецъ и такого же рода людей».

На это сообщеніе С.-Петербургскій военный губернаторъ Свѣчинъ, между прочимъ, отвѣчалъ генералъ-прокурору, что не только г. Даниловъ, но и никто еще не былъ отъ полиціи высылаемъ изъ города, а принесена таковая напрасная жалоба отъ г. Данилова, какъ по изысканію открылось, по одному лишь ложному слуху и по боязни, чтобы ему, такъ какъ онъ живетъ безъ всякаго дѣла, и въ самой точности не послѣдовало высылки.

V.

Письмо императора Павла I къ королю обѣихъ Сицилій Фердинанду IV, съ предложеніемъ папѣ Пію VII переселиться въ Россію [1]).

13-го декабря 1800 г. С.-Петербургъ.

Мой братъ и кузенъ! Современное положеніе дѣлъ въ Италіи, угрожающее принять съ каждымъ днемъ все большіе и большіе размѣры и увеличивающіяся опасенія святаго отца (папы Пія VII), чтобы новое вторженіе французовъ въ предѣлы Церковной области не заставило его искать себѣ безопасное убѣжище въ другой странѣ, побуждаютъ меня предложить его святѣйшеству, если-бы онъ увидѣлъ необходимость покинуть Италію, поселиться въ моихъ католическихъ владѣніяхъ. Я предлагаю предоставить св. отцу все то, чего онъ могъ-бы

---

[1]) Графъ Д. А. Толстой въ сочиненіи своемъ „Римскій католицизмъ въ Россіи“ (т. II стр. 105, 110 и 111), между прочимъ, пишетъ, что „императоръ Павелъ I далеко не былъ врагомъ католицизма и папства,—напротивъ, болѣе нѣкоторыхъ католическихъ государей его времени помогалъ двумъ папамъ, своимъ современникамъ, и притомъ съ свойственнымъ ему рыцарскимъ увлеченіемъ. При первомъ извѣстіи о занятіи Римской области войсками Французской республики, онъ поспѣшилъ предложить папѣ Пію VI вѣрное и почетное убѣжище въ Россіи; по восшествіи же на папскій престолъ Пія VII возобновилъ, чрезъ своего министра при неаполитанскомъ дворѣ, сдѣланное имъ прежде Пію VI предложеніе“.

Пій VII въ отвѣтѣ своемъ государю высказалъ „живѣйшую признательность“ за великодушное предложеніе, добавивъ, что онъ не имѣлъ никогда никакого намѣренія осуществить этотъ отъѣздъ, „развѣ въ одномъ только случаѣ, когда современныя обстоятельства потребуютъ того неизбѣжно для блага религіи“.

при этомъ лишиться, а самое пребываніе его устроить сообразно высокому его положенію. Состоящему при вашемъ величествѣ полномочному министру моему дано приказаніе, чтобы въ случаѣ, если св. отецъ того потребуетъ, сдѣлать всѣ нужныя распоряженія для его поѣздки. Я счелъ долгомъ сообщить о семъ и вашему величеству, прося поддержать мое приглашеніе, если-бы польза вѣры католической и ея главы того потребовали. Ваше величество знаете прямоту моего характера и, я увѣренъ, увидите въ этомъ залогъ тѣхъ чистыхъ побужденій, которыя мною руководятъ. Повторяя увѣреніе въ искренней привязанности, которую я питаю къ особѣ вашей, остаюсь съ истиннымъ уваженіемъ, мой братъ и кузенъ, вашего величества, добрый братъ и кузенъ Павелъ [1]).

Сообщ. А. В. Безродный.

---

[1]) Monsieur mon frère et cousin. L'état actuel des affaires en Italie, qui ménace d'empirer encore de jour en jour, en augmentant les inquiétudes, que le St. Père conçoit justement par la crainte bien fondée qu'une nouvelle invasion des Français dans les Etats de l'Eglise ne l'oblige à quitter son siège pour aller chercher ailleurs une retraite assurée, m'a porté à proposer à Sa Sainteté une résidence dans mes Etats catholiques, si elle se voyait dans la nécessité d'abandonner l'Italie. J'offre au St. Père de suppléer à tout, ce qui pourra lui manquer et rendre son séjour conforme à son rang. Mon ministre auprès de Votre Majesté a ordre de se prêter, en cas que le St. Père l'exige, à tous les arrangements nécessaires pour le voyage, et j'ai cru devoir en informer Votre Majesté en la priant de seconder mon invitation, si le bien de la réligion catholique et de son chef la rendaient nécessaire. Elle connait la droiture de mon caractère, et pourra, je m'en flatte, être garant de la pureté des intentions, qui me guident. En réitérant les assurances les plus positives de Mon sincère attachem nt pour Votre personne, je suis avec une consideration distinguée,

Monsieur mon frère et cousin, de votre Majesté le bon frère et cousin. (Подлинное хранится въ Неаполитанскомъ государственномъ архивѣ).

Записки Михаила Чайковскаго.

(Мехметъ-Садыкъ паши).

XXXI [1]).

Въ Вюрцбургѣ съ Владиславомъ Замойскимъ.—Киссингенъ.—De Beaumont.—Представители германскаго союза.—Ихъ пріемы и балы.—Итальянская и молдаванская знать.—Отъѣздъ изъ Киссингена.

Мы съѣхались съ Владиславомъ Замойскимъ въ Вюрцбургѣ въ исходѣ апрѣля 1841 г.

Онъ уже не защищалъ болѣе въ разговорѣ со мною договора, заключеннаго съ княземъ Вазовичемъ, а я, со своей стороны, не желая раздражать его, не критиковалъ болѣе этого договора, но замѣтилъ весьма сдержанно, что сношенія съ Высокой Портой могутъ принести большія непріятности всѣмъ причастнымъ къ этому дѣлу, если договоръ не будетъ нарушенъ; онъ отвѣчалъ мнѣ на это уклончиво, присовокупивъ·

— Быть можетъ этотъ договоръ и былъ ошибкою, но по крайней мѣрѣ, о насъ теперь говорятъ въ политическомъ мірѣ,—это уже шагъ впередъ; до сей поры ничего не говорили. Всеобщее молчаніе, послѣ провозглашенія князя Адама королемъ, было смертнымъ приговоромъ нашему дѣлу; надо было разбудить дипломатію и общественное мнѣніе и мы ихъ разбудили; посмотримъ что̀ будетъ дальше. Мы не можемъ ничего рѣшить окончательно, не переговоривъ съ de Beaumont, который ожидаетъ насъ въ Киссингенѣ.

[1]) См. „Русскую Старину“, мартъ 1898 г.

Замойскій сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что Корчакъ-Верещинскій, испуганный этимъ договоромъ, уѣхалъ изъ Стамбула въ Парижъ, гдѣ заявилъ князю Адаму, что онъ не вернется болѣе на свой постъ, который считаетъ скомпрометированнымъ.

Замойскій говорилъ совершенно справедливо, что съ тѣхъ поръ, какъ въ Турцію были посланы генералы Хржановскій и Верещинскій, политическая дѣятельность поляковъ ничѣмъ не проявлялась. Хржановскій только хвасталъ своимъ знаніемъ военнаго дѣла и за это получалъ награды. Между тѣмъ, не доѣхавъ до Нежиба и не принявъ командованія надъ войскомъ султана, онъ не принесъ полякамъ ни пользы, ни славы; а Верещинскій просто на просто собиралъ свѣдѣнія на мѣстѣ и сообщалъ ихъ князю, но не входилъ ни въ какія сношенія съ оттоманскими сановниками, и когда ему надобно было о чемъ либо увѣдомить ихъ или предупредить, то онъ долженъ былъ прибѣгать къ посредничеству инструкторовъ-пруссаковъ или левантійскихъ купцовъ или, наконецъ, драгомановъ. Подобный образъ дѣйствій, по мнѣнію Замойскаго, отнюдь нельзя было назвать дѣятельностью агентства.

Я первый разъ слышалъ, чтобы Замойскій говорилъ такъ логично и чистостосердечно.

Онъ сообщилъ мнѣ, что князь Вазовичъ съ его штабомъ посланы имъ въ Римъ, что Цезарь Платеръ успѣлъ заручиться покровительствомъ графа Монтебелло, который, будучи ревностнымъ католикомъ, желалъ, чтобы католицизмъ распространился на Востокѣ, въ особенности между славянами и старался убѣдить святаго отца и своихъ пріятелей кардиналовъ въ необходимости поддержать князя Вазовича деньгами.

— Если de Beaumont дастъ ему судно, говорилъ Замойскій, да въ Англіи соберутъ для него милліонъ, а французы доставятъ ему оружіе, военные запасы и амуницію, обѣщанные правительствомъ, то образуется настоящая экспедиція, предпринимаемая въ интересахъ католической церкви.

Онъ прибавилъ, что нарочно ѣздилъ въ Лондонъ для того, чтобы переговорить съ Решидомъ-пашею, который былъ въ то время оттоманскимъ посланникомъ при англійскомъ дворѣ, и убѣдить его въ томъ, что экспедиція въ Черногорію имѣла единственной цѣлью исторгнуть этотъ край изъ-подъ вліянія Россіи и упрочить въ немъ власть султана и что онъ встрѣтилъ въ этомъ сильную поддержку со стороны лорда Пальмерстона. Решидъ-паша понялъ все это какъ нельзя лучше и намъ нѣтъ причины опасаться подозрѣній со стороны турецкаго правительства. Замойскій присовокупилъ, что Решидъ-паша, знавшій меня лично въ бытность въ Парижѣ, выразилъ желаніе, чтобы въ Стамбулъ былъ посланъ никто иной, какъ я.

Я былъ не прочь ѣхать въ Стамбулъ, предпочитая его Риму, гдѣ

мнѣ пришлось бы имѣть дѣло съ папою и католической пропагандой и гдѣ я чувствовалъ бы себя, до нѣкоторой степени, какъ бѣсъ передъ заутреней. Я считалъ католицизмъ одною изъ главныхъ причинъ, помѣшавшихъ Польшѣ занять подобающее ей мѣсто во главѣ славянскихъ державъ, и полагаю, что онъ привелъ ее къ упадку гораздо вѣрнѣе, нежели liberum veto и конфедерація. Католицизмъ лишилъ Польшу возможности держаться самостоятельной политики за-границею и, толкнувъ ее на путь несовмѣстимый съ ея государственными цѣлями, обрекъ ее неизбѣжной гибели въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Мнѣ было пріятнѣе ѣхать на Востокъ искать казаковъ, нежели гоняться за поляками въ Италіи.

Пробывъ нѣсколько дней въ Вюрцбургѣ, мы отправились въ Киссингенъ, гдѣ увидѣлись съ семействомъ de-Beaumont, которое занимало очень красивый наемный домъ, меблированный съ чисто англійскимъ комфортомъ. Самому г-ну de-Beaumont было лѣтъ за пятьдесятъ; онъ былъ католикъ—воплощенная аккуратность, точенъ, какъ самые лучшіе брегетовскіе часы, и при этомъ весьма добродушенъ. Какъ всякій богатый англичанинъ, онъ интересовался политикой, но былъ не особенно краснорѣчивъ и уменъ; при этомъ не слишкомъ тонкій дипломатъ, но человѣколюбивъ и честенъ. Онъ не могъ быть ни Каннингомъ, ни Питтомъ, ни Пальмерстономъ, между тѣмъ ему хотѣлось имѣть значеніе, играть роль. Англичане создали для такихъ людей особаго рода дѣятельность и прозвали ее протекторатомъ или покровительствомъ какой-либо народности, хотя бы самому маленькому островку, населенному людоѣдами, гориллами или разбойниками, воюющими съ кѣмъ бы то ни было, лишь бы не съ Англіей. Для пріобрѣтенія извѣстности считалось также выгоднымъ покровительствовать какому-нибудь дѣлу, справедливому или несправедливому, честному или безчестному, лишь бы оно было скандалезно и гремѣло на весь міръ, или покровительствовать какому-нибудь авантюристу, о которомъ писали бы и трубили газеты.

Подобнаго рода протекторатъ могъ довести человѣка, не обладающаго талантами, до парламента, до палаты перовъ и даже до министерскаго кресла. Покровителемъ Польши былъ въ то время лордъ Дудлей-Стюартъ; покровительствовать черкесамъ считалъ для себя выгоднымъ Давидъ Ургуартъ; прочія. болѣе извѣстныя націи, также имѣли уже своихъ покровителей, а de-Beaumont не умѣлъ подыскать ни націи, ни дѣла, коихъ онъ могъ бы быть протекторомъ. Замойскій, зная Англію и англичанъ, какъ свои пять пальцевъ, съумѣлъ воспользоваться этой модной болѣзнью просвѣщенныхъ мореплавателей и подалъ de-Beaumont'у мысль явиться покровителемъ Черногоріи, князя Вазовича, рыцаря, совершившаго уже удивительные подвиги и экспедиціи, задуманной поляками, которые, подобно аргонавтамъ, плыли

въ новую Колхиду—Черногорію, за золотымъ руномъ—свободою; наконецъ, и прежде всего, совѣтывалъ ему поддержать крестовый походъ, предпринимаемый для торжества католицизма и борьбы противъ вліянія православной Россіи. Замойскій сулилъ ему, что за это передъ нимъ откроются не только двери парламента и министерства, но даже врата рая! Развѣ это не стоило милліоновъ?

Въ Киссингенъ ожидали пріѣзда русскихъ великихъ князей и великихъ княженъ и другихъ коронованныхъ особъ изъ Австріи, Пруссіи, Баваріи, Ганновера, Виртемберга и прочихъ нѣмецкихъ государствъ. Германскій союзъ готовился къ встрѣчѣ высочайшихъ особъ.

Князья Липпе-Шварцбургъ, Зигмарингенъ, Гобингенъ и пр., съѣхавшіеся въ Киссингенъ со своимъ придворнымъ штатомъ и многочисленной свитой, нанимали виллы, отели, загородные дома; каждый изъ нихъ имѣлъ многочисленный придворный штатъ, который поражалъ своей пышностью и блисталъ старинными именитыми нѣмецкими фамиліями. Князь Липпе, доставлявшій въ германское войско трехъ драгунъ и семь пѣхотинцевъ съ барабанщикомъ, имѣлъ въ своей свитѣ четырехъ камергеровъ, пять генераловъ, двѣнадцать полковниковъ, да шестьдесятъ субалтернъ-офицеровъ и прочихъ чиновъ; свита князя Шварцбурга была вдвое болѣе, ибо онъ выставлялъ въ союзное войско шесть драгунъ и одиннадцать пѣхотинцевъ; другіе князья имѣли свиту еще многочисленнѣе. Между тѣмъ, доходы съ ихъ владѣній были несравненно менѣе значительны, нежели доходъ съ хорошаго помѣстья какого-нибудь польскаго пана. Припоминаю по этому поводу разсказъ презуса Проскуры изъ эпохи Александра I. Когда этотъ монархъ посѣтилъ Бѣлую церковь и, поцѣловавъ руку у старушки Браницкой, просилъ руки ея дочерей для двухъ нѣмецкихъ князей—Зигмарингена и Гобингена, то старушка, поцѣловавъ могущественнаго монарха въ лобъ, отвѣчала:

— Это невозможно; мой казакъ объѣдетъ, на самой плохой лошади изъ моей конюшни, въ три часа владѣнія Зигмарингена и Гобингена, вмѣстѣ взятыя; моихъ же владѣній, полученныхъ отъ щедротъ вашего императорскаго величества, всѣмъ князьямъ германскаго союза не объѣхать и въ мѣсяцъ.

Вскорѣ послѣ этого разговора она поспѣшила выдать своихъ дочерей за двоихъ Потоцкихъ, чтобы не было повадно нѣмцамъ.

Однако, всѣ эти нѣмецкіе князья ѣли въ Киссингенѣ бекасовъ, фазановъ, пили рейнвейнъ и шампанское, ѣздили на чистокровныхъ англійскихъ лошадяхъ, или въ крытыхъ лакомъ экипажахъ, давали обѣды и балы, шумѣли и кичились своимъ положеніемъ. Какимъ же образомъ все это дѣлалось, какъ это могло дѣлаться?

Каждый нѣмецкій князь имѣлъ право жаловать въ камергеры и раздавать иныя придворныя должности и чины, производить въ генералы,

штабъ и оберъ-офицеры; у каждаго изъ нихъ были свои ордена и знаки отличія: у кого красный левъ или черный лебедь, у кого зеленая лисица или олень, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ орловъ всевозможныхъ видовъ и окраски; всѣ эти ордена они раздавали щедрой рукою, но только за чистую высокопробную монету, и это составляло доходъ болѣе вѣрный, нежели доходъ любого шляхтича съ винокуреннаго или пивовареннаго завода или даже съ помѣстья; притомъ они получали еще за эти ордена подарки—на булавки для княгинь и княженъ. Такимъ образомъ, по мелочамъ собирались тысячи; но и этого едва хватало на содержаніе княжескаго двора и дома. Пребываніе на водахъ требовало болѣе крупныхъ расходовъ, кои удовлетворялись слѣдующимъ образомъ: около князей собиралась свита; всѣ лица этой свиты не только содержали себя на свои собственныя средства, но и давали извѣстныя суммы на содержаніе княжескаго дома и на представительство.

Дома этихъ представителей германскаго союза, во время ихъ пребыванія на водахъ, можно было сравнить съ древесными питомниками, а самихъ князей—съ садовниками. Изъ этихъ питомниковъ каждый выбиралъ себѣ для своего войска: Гейсмаровъ, Герштенцвейговъ, Ридигеровъ, и переносилъ ихъ въ славянскіе сады, чтобы, прививкою этихъ иноземныхъ плодовъ лучшей культуры, улучшить свои дикія деревья; этихъ господъ брали болѣе всего на службу въ Россію, откуда они возвращались нѣсколько лѣтъ спустя уже настоящими генералами, камергерами, съ карманами полными золота. Такъ какъ же имъ было не поддерживать своихъ князей, когда это приносило выгоду имъ самимъ; они отдавали свой послѣдній грошъ на хорошіе проценты.

Обѣды и балы, даваемые князьями на водахъ, устраивались слѣдующимъ образомъ. Князь Липпе или Шварцбургъ, или какой-либо иной князь приглашалъ на обѣдъ или на балъ, разсылая пригласительные билеты, отпечатанные на веленевой бумагѣ или на пергаментѣ. На водахъ эти пиршества происходили въ общественномъ помѣщеніи, нанятомъ для этой цѣли. Пріемъ бывалъ роскошный: въ комнатахъ, какъ при настоящемъ дворѣ, вертѣлись камергеры и адъютанты, которые встрѣчали гостей и докладывали о нихъ князю; столы были уставлены серебромъ, разными яствами, подавались вкусныя блюда, распивали янтарное токайское вино, красноватый шамбертенъ; музыка играла, шампанское пѣнилось, гости пировали и въ душѣ приговаривали: да здравствуетъ князь Липпе, многія лѣта князю Шварцбургу.

У входа стояли швейцарцы и полицейскіе, все шло какъ нельзя лучше. Но вотъ одинъ изъ камергеровъ съ почтительнымъ поклономъ подходитъ къ вамъ и проситъ васъ заплатить за ѣду и за развлеченіе 25, а то и 50 гульденовъ, иной разъ и болѣе, смотря по сановитости

и значенію княжескаго рода. Дѣлать нечего, приходится платить, ибо въ кредитъ не повѣрятъ; откажешься платить—не выпустятъ.

Послѣ пира начинался разсчетъ съ содержателемъ помѣщенія; за парадный пріемъ князь получалъ, смотря по сбору, четвертую или пятую часть собранныхъ денегъ; извѣстная часть шла его свитѣ за службу, остальное получалъ антрепренеръ—и это приносило ему изрядный доходъ; а въ газетахъ пропечатывалось на другой день, что такой-то и такой-то князь далъ великолѣпный обѣдъ, причемъ все пиршество описывалось до мельчайшихъ подробностей. Иностранцы посѣщали эти собранія чаще другихъ и платили больше. Послѣ этого нельзя сказать, чтобы нѣмецкіе князья были лишены спекулятивной жилки.

Мы были нѣсколько разъ на подобныхъ обѣдахъ и балахъ. Дороже всего обошелся намъ обѣдъ, вечеръ и концертъ у князя Шварцбурга. Иностранцы, преимущественно русскіе и поляки, получали особенно любезныя приглашенія, такъ какъ они платили дороже остальныхъ; нѣмцамъ дѣлалась уступка, они могли торговаться; для англичанъ были разъ навсегда установлены опредѣленныя и неизмѣнныя цѣны, которыя не повышались и не понижались, изъ опасенія возраженій съ ихъ стороны.

Обо всѣхъ этихъ спекулятивныхъ ухищреніяхъ разсказалъ намъ полковникъ де-Латуръ, французъ, отставной гусаръ, эмигрировавшій изъ Франціи. Помѣстивъ довольно изрядный капиталъ въ франкфуртскій банкъ, онъ жилъ процентами съ этого капитала и былъ постояннымъ посѣтителемъ разныхъ нѣмецкихъ курортовъ. Это былъ человѣкъ довольно пожилой, чрезвычайно остроумный и знавшій нѣмцевъ, какъ свои пять пальцевъ.

На воды въ Германію пріѣзжали и славянскіе князья изъ династіи Пястовъ, но уже онѣмеченные. Вмѣсто свиты и придворнаго штата эти князья, подобно польской шляхтѣ, имѣли своихъ факторовъ и жидовъ, съ помощью которыхъ они занимались куплей-продажей; промышляя чисто по-жидовски, они не держали у себя долго купленнаго товара, чтобы заработать хоть грошъ и снова пустить капиталъ въ оборотъ. Что́ сказали бы Болеславы Храбрый и Смѣлый, увидавъ этихъ онѣмеченныхъ Пястовъ, обдѣлывавшихъ денежныя дѣлишки при помощи жидовъ? Они умерли бы вторично отъ огорченія.

Такъ проводили время представители германскаго союза въ Киссингенѣ, когда туда начали съѣзжаться иностранцы. Первымъ пріѣхалъ русскій флигель-адъютантъ съ нѣмецкой фамиліей и по происхожденію нѣмецъ; вслѣдъ за нимъ пріѣхали австрійскіе и прусскіе генералы и т. д.

Вскорѣ начала съѣзжаться валахская и молдаванская знать, въ образѣ жизни и манерахъ старавшаяся подражать французамъ. Я видѣлъ ясно, что это было не по вкусу нѣмцамъ, и что Зигмарингены и Гогенлинги,

глядя на этихъ гостей, понаѣхавшихъ съ береговъ Серета, Прута и въ особенности съ Дуная, покручивали свои нафабренные и напомаженные усы и думали, что это потомки румынъ, которые нѣкогда порядкомъ потрепали древнихъ германцевъ, и что имъ надобно отплатить за это, ибо на семъ свѣтѣ ничто не должно пройти безнаказанно.

Между тѣмъ, г-нъ de-Beaumont со-дня-на-день откладывалъ окончательный отвѣтъ; онъ увѣдомилъ Замойскаго, что командиру судна уже послано въ Ливерпуль приказаніе готовиться къ скорѣйшему отплытію въ Марсель, а г-жа de-Beaumont уже начала вышивать католическій крестъ на хоругви для войска, но о милліонахъ—ни слова, а на экспедицію нужны были деньги, деньги и еще деньги.

Таково было положеніе вещей, когда въ Киссингенъ явился г-нъ де-Брэ, отставной баварскій полковникъ, проживавшій въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ хорошо знакомъ и часто видѣлся съ Замойскимъ.

Онъ заявилъ безъ обиняковъ, что пріѣхалъ спеціально для того, чтобы повидаться съ Замойскимъ и передать ему вѣжливое, но рѣшительное предложеніе немедленно выѣхать изъ Киссингена, куда со-дня на-день, съ-часа-на-часъ ожидали пріѣзда особъ россійскаго императорскаго дома. Намъ было предоставлено право остаться, если мы того пожелаемъ, на время ихъ пребыванія въ какомъ-либо другомъ городѣ Баварскаго королевства, гдѣ намъ будетъ оказано гостепріимство и покровительство баварскаго правительства, которое относится сочувственно къ полякамъ. Нечего было дѣлать—мы стали собираться въ путь.

XXXII.

Франкфуртъ-на-Майнѣ. — Г-жа Киселева. — Мечиславъ Потоцкій.—Генералъ Викентій Красинскій.—Экспедиція князя Вазовича принимаетъ неблагопріятный оборотъ.—Вукачинъ.—Князь Милошъ сербскій.

Вѣря въ извѣстное изреченіе, что все, что ни дѣлается, къ лучшему, Замойскій радовался тому, что баварское правительство такъ вѣжливо попросило насъ выѣхать, и говорилъ:

— Должно быть, мы люди очень важные и имѣемъ большое значеніе, если насъ боятся, о насъ думаютъ, о насъ заботится de-Beaumont и германскій союзъ; тише ѣдешь, дальше будешь. Впрочемъ, наше положеніе выясняется, мы пріобрѣтаемъ союзниковъ и вступаемъ въ борьбу съ Россіей; намъ не слѣдуетъ уѣзжать слишкомъ далеко, поѣдемъ въ Франкфуртъ, это вольный городъ.

Туда мы и отправились.

Во Франкфуртѣ проживало не мало поляковъ и русскихъ, которые братались между собою за зелеными столами и за рулеткой; ландскнехтъ, фараонъ, экарте, безикъ и даже рулетка содѣйствовали этому сближенію успѣшнѣе, въ особенности со стороны поляковъ, нежели идея объ единеніи славянъ.

Во Франкфуртъ пріѣхала на нѣкоторое время г-жа Киселева, рожденная Потоцкая. У нея собиралось особенно много поляковъ и русскихъ и велась крупная игра. Здѣсь Замойскій устроилъ свою главную квартиру и мы поселились въ одномъ отелѣ съ нею. Она давала роскошные завтраки, обѣды и вечера—и все это безплатно, какъ и подобало польской магнаткѣ, не то что германскіе князья. Замойскій, будучи въ весьма близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ съ г-жею Киселевою, всячески старался внушить ей преданность Польшѣ и католицизму и невольно заставилъ ее интересоваться политикой и польскими дѣлами. Надобно отдать ему справедливость, онъ съумѣлъ достигнуть въ этомъ отношеніи весьма ловко своей цѣли, и г-жа Киселева не разъ оказывала услуги нашему дѣлу и могла бы принести ему болѣе существенную пользу, если бы поляки тяготѣли къ славянству, ибо въ ея салонахъ русскіе могли съ нами познакомиться, сойтись и придти къ соглашенію; это и случилось бы, если бы Замойскій того пожелалъ, но онъ увлекся католицизмомъ и принесъ ему въ жертву славянство.

Въ числѣ интересныхъ личностей во Франкфуртѣ были: Мечиславъ Потоцкій, владѣлецъ Тульчина, супруга полковника Миллера и генералъ Викентій Красинскій, пріѣхавшій изъ Варшавы или изъ Петербурга для того, чтобы, какъ говорятъ французы, «faire sa cour à Leurs Majestés de Russie».

Мечиславъ Потоцкій былъ большой оригиналъ, легкомысленъ и вѣтренъ, какъ большинство Потоцкихъ; то скупъ до скряжничества, то расточителенъ до мотовства. Передаю здѣсь два случая изъ его жизни, о которыхъ я слышалъ отъ г-жи Киселевой.

Въ Тульчинѣ, какъ во всей Россіи, существовала монополія на куреніе водки, и его владѣльцы строго слѣдили за тѣмъ, чтобы въ городъ не привозили этого напитка; казаки Потоцкаго были стражниками у заставы. Однажды Мечиславъ Потоцкій заподозрилъ, что ихъ обкрадываютъ, и сказалъ своей женѣ, красавицѣ Дельфинѣ Потоцкой, что онъ попробуетъ провезти въ городъ водку, переодѣвшись мужикомъ, чтобы испытать вѣрность своихъ казаковъ и удостовѣриться въ ихъ бдительности. Оказывается, что служанка подслушала этотъ разговоръ изъ сосѣдней комнаты, а такъ какъ казакъ, стоявшій на стражѣ у заставы, былъ ея женихъ, то она предупредила его о хитрости, придуманной паномъ. Казакъ сообщилъ о томъ, по секрету, своимъ товарищамъ, и они рѣшили между собою какъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ.

Подъ вечеръ на большой дорогѣ показался возъ, запряженный въ одну лошадку. Въ мужикѣ, сидѣвшемъ на возу, они признали своего пана и принялись осматривать возъ. Мужикъ клялся всѣми святыми, что у него на возу нѣтъ ничего запрещеннаго, наконецъ досталъ изъ кармана полкарбованца и предложилъ его казакамъ на водку, чтобы они пропустили его. Казаки, выругавъ его на чемъ свѣтъ стоитъ, начали его тузить по спинѣ нагайками, а когда нашли на днѣ воза боченокъ съ водкой, отдули его не на шутку.

Графъ кричалъ:

— Я вашъ панъ.

Казаки отвѣчали:

— Тебѣ еще мало того, что ты воруешь панскій грошъ, что подкупаешь его слугъ, ты еще самозванствуешь,—и снова принялись бить его нагайками.

Натѣшившись вволю, они привели его въ домъ управляющаго имѣньемъ; тутъ только они, будто бы, узнали своего пана и отвезли его домой избитаго до полусмерти. Былъ приглашенъ докторъ; больнаго смазывали, растирали и такъ какъ не было никакой опасности, то жена его не могла удержаться отъ улыбки. Графъ выздоровѣлъ, но не могъ забыть этой улыбки и разъѣхался съ женою, заподозривъ ее въ этой продѣлкѣ.

Годъ или два спустя послѣ этого происшествія, графъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ славилась въ то время своею красотою жена полковника М—ра, нѣмца. Разсказывали о ея добродѣтели и о томъ, что самыя высокопоставленныя лица не могли похвастать у нея успѣхомъ. Мечиславъ Потоцкій, слышавшій о томъ, увидавъ г-жу М—ръ, сказалъ:

— Дѣйствительно хороша, нравится мнѣ,—и спросилъ:—кто ея мужъ?

Узнавъ, что нѣмецъ, онъ заявилъ во всеуслышаніе:

— Она будетъ моею, и не далѣе, какъ завтрашній день.

Онъ пригласилъ къ себѣ полковника и заявилъ ему, безъ обиняковъ, что желаетъ имѣть его жену и готовъ дать за нее четыре украинскія деревни, стоившія два милліона польскихъ злотыхъ. Полковникъ, услыхавъ это обидное для него предложеніе, которое позорило и унижало его, вскипѣлъ негодованіемъ, но Мечиславъ Потоцкій хладнокровно возражалъ на всѣ его упреки:

— Я предлагаю, вы можете принять мое предложеніе или нѣтъ; даю вамъ время на размышленіе до полуночи, ибо я уѣзжаю завтра.

Полковникъ хлопнулъ дверью и вышелъ. Пріятель Потоцкаго, бывшій въ сосѣдней комнатѣ, откуда онъ все видѣлъ и слышалъ, поздравилъ его съ тѣмъ, что все кончилось такъ благополучно. Потоцкій бился объ закладъ, что нѣмецъ вернется и красавица будетъ его, и при-

готовилъ всѣ нужныя бумаги для дарственной записи на четыре деревни.

Пробила полночь; вошелъ полковникъ. Блѣдный, не проронивъ ни слова, онъ сѣлъ къ столу, прочелъ одну за другою всѣ бумаги и положилъ ихъ въ портфель; въ этотъ моментъ къ отелю подкатилъ экипажъ, изъ коего вышла г-жа М—ръ. Полковникъ всталъ, поклонился, вышелъ и уѣхалъ въ томъ же экипажѣ. На другой день, на разсвѣтѣ, Мечиславъ Потоцкій уѣхалъ съ пани М—ръ въ Одессу.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Одессу посѣтилъ государь. Князь Воронцовъ давалъ парадный балъ; въ спискѣ приглашенныхъ, который, по обычаю, былъ представленъ государю, значилось: графъ Мечиславъ Потоцкій, полковница М—ръ. Въ день бала, въ тотъ моментъ, когда оба они, разодѣтые, выходили изъ дому, чтобы сѣсть въ карету, къ воротамъ подъѣхали, въ двухъ почтовыхъ кибиткахъ, два жандармскихъ офицера. Одинъ изъ нихъ арестовалъ г-жу М—ръ и отвезъ ее въ женскій монастырь, въ Калугу, а другой арестовалъ Потоцкаго и отвезъ его въ монастырь, въ Пермь; они были сосланы на покаяніе, на три года. Пани Дельфина исходатайствовала имъ помилованіе, и въ награду за это получила отъ мужа разводъ, а г-жа М—ръ путешествовала съ Потоцкимъ по Европѣ, не желая и не имѣя возможности выйти за него замужъ.

Генералъ Красинскій, которому было уже за 60 лѣтъ, былъ настоящій царедворецъ. Это былъ человѣкъ не особенно умный и чрезвычайно пустой, но еще красавецъ собою, вѣчно затянутый, надушенный и изящно одѣтый. Когда онъ сидѣлъ за столомъ и лакомился вкусными блюдами, запивая ихъ дорогимъ виномъ, или игралъ въ карты, то производилъ впечатлѣніе изысканнаго великосвѣтскаго барина; когда же онъ открывалъ ротъ и пускался въ разговоръ, то чаще всего несъ такую галиматью, въ которой не было ни толку, ни смысла. Когда я припомнилъ, что въ Варшавѣ онъ слылъ покровителемъ наукъ и искусствъ, то я просилъ Замойскаго объяснить мнѣ эту загадку. Вмѣсто отвѣта Замойскій повелъ меня къ генералу Красинскому на такой завтракъ, на которомъ самый отъявленный лакомка могъ бы облизать себѣ пальцы. Выйдя отъ него, Замойскій спросилъ меня:

— Ну, что, развѣ онъ не стоитъ названія мецената?

Нельзя сказать, чтобы генералъ не былъ преданъ интересамъ Польши, но онъ былъ какой-то странный человѣкъ. Онъ не могъ забыть того, что повстанцы не приняли въ ряды своего войска офицеровъ, служившихъ подъ командою его и генерала Курнатовскаго, и еще въ бытность во Франкфуртѣ твердилъ:

— Я не говорю о Курнатовскомъ, это былъ нѣмецъ, генералъ саксонской площади, но я... я былъ ближе къ Наполеону I, нежели всѣ

прочіе генералы, я видѣлъ его ежедневно, и могъ научиться отъ него болѣе, нежели другіе! Васъ не было бы здѣсь и я не былъ бы тѣмъ, что я есть, если бы Польша довѣрила мнѣ свою судьбу на полѣ битвы. Позорное событіе! Но на кого падаетъ за это вина, какъ не на Лелевеля и на тѣхъ вертопраховъ, которые затѣяли повстанье, а сами даже не могли себѣ дать отчета въ томъ, чего они хотѣли.

И онъ тотчасъ начиналъ разсказывать о своихъ кампаніяхъ съ Наполеономъ и возвращался къ несчастнымъ событіямъ 1831 года.

Я сожалѣлъ этого генерала, ибо онъ, видимо, страдалъ; все это происходило оттого, что у него не было опредѣленныхъ, твердыхъ убѣжденій. Поляки отвернулись отъ него, но онъ не съумѣлъ стать рѣшительно на сторону русскихъ, какъ это сдѣлали иные; онъ не былъ ни истымъ католикомъ, ни повстанцемъ, ни славяниномъ, ни приверженцемъ правительства; онъ вѣчно колебался и поэтому не могъ держать ничью сторону.

Поляки обвиняли его точно такъ же, какъ они обвиняли чуть ли не всѣхъ лицъ, коихъ случай или дарованія выдвинули впередъ и поставили во главѣ ихъ, ибо всякій хотѣлъ управлять, и всѣ управляли, но по пословицѣ: «кто въ лѣсъ, кто по дрова»; было бы лучше, если бы они руководились, по крайней мѣрѣ, внушеніями своего сердца, такъ какъ поляки народъ рыцарскій, неспособный къ дипломатіи.

Красинскій могъ служить польской справѣ доблестно, по-шляхетски и навѣрно лучше Хлопицкаго, этого диктатора, оторваннаго отъ зеленаго поля, отъ картъ, который съ самаго начала обрекъ повстанье на гибель своею неспособностью и апатіей. Красинскій былъ лучше Крюковецкаго, всѣ помыслы и думы котораго были сосредоточены на его собственномъ я, и который пожертвовалъ этому я всѣмъ: людьми, запасами, отечествомъ, а достигнувъ для себя всего, къ чему онъ стремился, не зналъ, что съ собою дѣлать: бросилъ Польшу во власть врагу и погубилъ себя вмѣстѣ съ польской справой.

Красинскій стоялъ, по моему мнѣнію, также выше Хржановскаго, недовольнаго повстаніемъ, недовольнаго войскомъ, и самою войною, и который вѣчно брюжжалъ на все и на всѣхъ до тѣхъ поръ, пока не сложилъ съ себя званіе диктатора.

Мнѣ было искренно жаль Красинскаго не только ради его самого, но ради его сына, жаль было его прекраснаго польскаго имени. Сынъ его, Сигизмундъ Красинскій, человѣкъ въ высшей степени даровитый, даже геніальный, преисполненный любви ко всему великому и прекрасному, страдалъ по винѣ отца и не могъ быть для себя и для отечества тѣмъ, чѣмъ онъ могъ бы быть при иныхъ условіяхъ. Это были двѣ жертвы польской политической бездарности, чтобы не сказать преступности.

Съ отъѣздомъ обоихъ Красинскихъ, вся дѣятельность Замойскаго обратилась къ знаменитой экспедиціи князя Вазовича, но всѣ его планы относительно ея рушились одинъ за другимъ. Германскій союзъ не вспоминалъ о Замойскомъ, что̀ его глубоко огорчало; г-нъ de-Beaumont съ своей стороны, хранилъ упорное молчаніе относительно экспедиціи. Іосифъ Соболевскій, посланный по этому дѣлу въ Римъ, доносилъ, что и экспедиція, и самъ князь служатъ посмѣшищемъ въ столицѣ святаго отца, вызывая настоящій скандалъ, и что онъ уѣхалъ въ Генуэ, не имѣя возможности уладить это дѣло и заставить образумиться князя черногорскаго, который требовалъ денегъ и денегъ.

Замойскаго постигъ неожиданный ударъ изъ Парижа. Князь Адамъ писалъ ему, что онъ получилъ извѣстія отъ лорда Пальмерстона и отъ Решида-паши, которые рѣшительно выразили ему свое желаніе, чтобы всякая мысль объ этой экспедиціи была оставлена. Замойскій показалъ мнѣ письмо, имъ полученное, но никакъ не могъ рѣшиться, чтобы я отправился немедленно въ Римъ, какъ я предлагалъ въ виду того, что князь Адамъ приказалъ немедленно покончить съ экспедиціей и отозвать, какъ можно скорѣе, князя Вазовича изъ Рима. Замойскій все-таки рѣшилъ обождать еще съ недѣлю, говоря, что въ семь дней утечетъ много воды. Видимо ему хотѣлось продолжить эту договорную комедію, которая ему очень нравилась.

Итакъ мы остались во Франкфуртѣ; я чрезвычайно соскучился бы въ этомъ вольномъ городѣ, такъ мнѣ претила жизнь среди вольныхъ и богатыхъ нѣмцевъ, но Господь не допустилъ меня до скуки,ославъ мнѣ два дѣла. Я познакомился съ молодымъ сербомъ Вукашиномъ (Wukaszun), который былъ посланъ княземъ Милошемъ въ Германію, Францію и Англію для изученія этихъ странъ, а по возвращеніи изъ этого путешествія былъ назначенъ секретаремъ сербскаго посольства въ Константинополь; знакомство это было для меня весьма полезно.

Окончивъ курсъ наукъ въ Сербіи, Вукашинъ слушалъ лекціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Пештѣ, Виддинѣ и Боннѣ. Онъ былъ сынъ стараго друга и товарища военныхъ подвиговъ князя Милоша; по смерти отца, убитаго въ одномъ сраженіи, сирота остался на попеченіи князя Милоша и началъ свою служебную карьеру въ канцеляріи князя, подъ начальствомъ Авраама Силигдара; послѣ трагической смерти этого выдающагося сербскаго дѣятеля, князь Милошъ женилъ Вукошина на молоденькой, очень красивой сербской дѣвушкѣ, также дочери одного изъ его боевыхъ товарищей, убитаго въ бою, и прямо изъ-подъ вѣнца, не позволивъ ему ни минуты остаться съ молодой женою, отправилъ его въ Германію, гдѣ онъ путешествовалъ, какъ я сказалъ выше, и только во время нашего пребыванія въ Франкфуртѣ получилъ увѣдомленіе, что онъ назначенъ, по повелѣнію князя, секретаремъ

сербскаго посольства въ Царьградъ, гдѣ онъ соединится со своей женою. Такова была воля сербскаго короля.

Вукашинъ разсказалъ намъ о трагической кончинѣ Авраама Силигдара, занимавшаго въ Сербіи высокое положеніе. Онъ получилъ основательное образованіе за границей и былъ правой рукою и главнымъ совѣтникомъ князя Милоша, который былъ совершенно безграмотенъ, не умѣлъ ни читать, ни писать. Милошъ питалъ къ нему неограниченное довѣріе, цѣнилъ его способности и преданность службѣ, но не сходился съ нимъ въ одномъ пунктѣ. Авраамъ Силигдаръ былъ всею душею преданъ славянству и смотрѣлъ на Россію, какъ на главу, данную Богомъ славянамъ для освобожденія ихъ отъ нѣмецкаго ига и турецкой власти; поэтому онъ хотѣлъ во что бы то ни стало заставить Милоша искать сближенія съ Россіей. Но князь опасался могущества этой державы и находилъ, что легче имѣть дѣло съ турецкимъ султаномъ, нежели съ русскимъ монархомъ, такъ какъ перваго можно обмануть и отказаться со временемъ исполнять его приказанія, но съ русскимъ царемъ такъ поступить нельзя, надобно подчиниться его волѣ и слѣпо повиноваться его власти, иначе сербовъ можетъ постигнуть участь поляковъ. Милошъ находилъ, что съ турецкими пашами и даже съ янычарами легче ладить, нежели съ русскими боярами; первыхъ можно запугать и подкупить, а вторые ничего не боятся и такъ богаты, что у сербовъ не хватитъ денегъ подкупить ихъ. Онъ находилъ, что лучше играть въ шахматы съ турками, нежели въ бильярдъ съ русскими: въ шахматахъ можно маневрировать, утомить противника и выиграть, а въ бильярдѣ—если шаръ попадетъ въ лузу—все проиграно. Милошъ былъ страстный любитель той и другой игры и игралъ въ нихъ мастерски. Авраамъ Силигдаръ чувствуя, что онъ не въ состояніи убѣдить князя, рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости, чтобы заставить его идти по пути славянства и признать покровительство Россіи.

Онъ составилъ записку о положеніи Сербіи, о ея нуждахъ, о ея прошломъ, въ духѣ своей политики, и послалъ ее въ Петербургъ императору Николаю отъ имени Милоша. Записка была написана обдуманно, съ знаніемъ дѣла и была принята императоромъ сочувственно. Николай Павловичъ отвѣтилъ на нее Милошу собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ выразилъ свое удовольствіе по поводу упомянутой записки и обѣщалъ князю поддержку во всемъ, что будетъ направлено къ достиженію означенной цѣли. Авраамъ Силигдаръ былъ въ Зимингѣ въ то время, какъ русскій консулъ вручилъ Милошу отвѣтное письмо императора Николая. Князь бесѣдовалъ въ этотъ моментъ съ англійскимъ полковникомъ Годжесомъ. Онъ вскрылъ письмо уже по отъѣздѣ консула, приказалъ позвать Вукошина и велѣлъ ему прочесть и перевести письмо императора. Вукошинъ, не посвященный въ тайну Силигдаромъ, прочи-

талъ и перевелъ письмо именно такъ, какъ оно было написано. Милошъ насупилъ брови и покрутилъ усы:

— Я не писалъ никакой записки, я не умѣю писать; не понимаю, что бы это значило.

Силигдаръ, вернувшись изъ Зимина и узнавъ обо всемъ отъ русскаго консула, поспѣшилъ къ князю. Какъ только онъ вошелъ въ комнату, Милошъ далъ ему прочесть письмо и самымъ мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ спросилъ:

— Это ты написалъ записку?

Силигдаръ упалъ ему въ ноги, говоря:

— Я написалъ ее для блага Сербіи, для славы вашей свѣтлости.

Милошъ поднялъ его.

— Это хорошо! — И, обернувшись къ находившемуся при немъ полковнику Годжесу, сказалъ:

— Какое счастье имѣть слугъ, которые заступаютъ мѣсто своего господина! А у васъ, въ Англіи, это дѣлается?

Англичанинъ ничего не отвѣчалъ, а князь сказалъ, обратясь къ Вукошину:

— Бери примѣръ со своего начальника, но только подожди конца, чтобы увидѣть, какую награду онъ получитъ за свое усердіе.

Князь позвалъ Вучича, начальника своихъ пандуровъ [1]), указалъ ему, по турецкому обычаю, знаками на Силигдара и погладилъ ладонь объ ладонь. Этотъ знакъ былъ понятенъ одному только князю и начальнику его пандуровъ. Оба вышли; нѣсколько минутъ спустя полковникъ Годжесъ, сидѣвшій у окна, вскочилъ со своего мѣста:

— Что это такое?

А Милошъ, какъ нельзя болѣе хладнокровно, сказалъ Вукошину:

— Взгляни, какой конецъ ожидаетъ того, кто хочетъ служить странѣ и князю безъ его вѣдома, но отъ его имени.

Вукошинъ, взглянувъ въ окно, увидѣлъ на дворѣ обезглавленное тѣло Силигдара, а въ нѣсколькихъ шагахъ его отсѣченную голову, трепетавшую въ предсмертныхъ судоргахъ; онъ былъ до того испуганъ этимъ зрѣлищемъ, что заболѣлъ, пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ въ постели и едва не поплатился жизнью за испытанный имъ страхъ. Полковникъ Годжесъ, прійдя въ себя отъ изумленія, сталъ хвалить рѣшимость и энергію князя потому, что въ политическомъ отношеніи это избавляло Сербію отъ вліянія Россіи, а извѣстно, что всякій истый англичанинъ считаетъ преступленіе добродѣтелью, ежели оно выгодно англійской политикѣ; преступленіе только тогда становится преступленіемъ и вызываетъ ноты англійскаго кабинета, когда оно не совмѣстимо съ выгодами Англіи.

---

[1]) Тѣлохранителей.

Такова политическая мораль этихъ свободолюбивыхъ и любящихъ законность островитянъ.

Вукошинъ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя черты изъ жизни князя Милоша, о которыхъ мнѣ не довелось читать ни въ одномъ изъ сочиненій, касающихся этого князя, поэтому я привожу ихъ здѣсь.

Противъ дворца князя Милоша, въ нѣкоторомъ разстояніи, ближе къ рѣкѣ находился домъ Стояна Зимича. Князь вздумалъ продолжить свой садъ до самой рѣки, чему мѣшалъ домъ Зимича; поэтому князь выразилъ желаніе пріобрѣсти этотъ домъ, но владѣлецъ не соглашался продать его, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что это пепелище его предковъ, что онъ родился въ этомъ домѣ и въ немъ желаетъ умереть. Князь пересталъ говорить о продажѣ, но нѣсколько дней спустя пригласилъ Стояна Зимича къ себѣ на завтракъ. Они сѣли за столъ вдвоемъ; едва успѣли они выпить сливянки и закусить, какъ послышались выстрѣлы и вбѣжалъ адъютантъ, доложивъ, что въ городѣ пожаръ.

— Гдѣ?—спросилъ Милошъ.

— Горитъ домъ Стояна Зимича,—отвѣчалъ адъютантъ.

Зимичъ вскочилъ съ мѣста и хотѣлъ кинуться спасать свое имущество, но князь, какъ нельзя болѣе хладнокровно, указалъ ему рукою на его мѣсто, сказавъ:

— Ни одинъ порядочный человѣкъ, находящійся въ здравомъ разсудкѣ, не встанетъ изъ-за стола прежде хозяина дома или пока ему это не предложатъ; кто встаетъ самъ безъ разрѣшенія хозяина, рискуетъ вмѣсто временнаго помѣщенія попасть въ помѣщеніе вѣчное.

Стоянъ Зимичъ зналъ, что съ княземъ шутить нельзя, въ особенности послѣ примѣра, бывшаго съ Авраамомъ Силигдаромъ; онъ сѣлъ на мѣсто и они продолжали ѣсть, пить и разговаривать; наконецъ вторично вошелъ адъютантъ и доложилъ, что пожаръ оконченъ; домъ Зимича сгорѣлъ до основанія; тогда князь всталъ изъ-за стола и позволилъ Зимичу удалиться.

Нѣсколько времени спустя, по праву отчужденія частной собственности для общественнаго пользованія, князь приказалъ оцѣнить землю, на которой стоялъ домъ Зимича, уплатилъ ея стоимость и приказалъ разбить на ней садъ, который былъ открытъ для публики и, слѣдовательно, былъ мѣстомъ общественнымъ.

Вукошинъ прежде насъ уѣхалъ черезъ Марсель въ Стамбулъ, какъ ему было приказано; такимъ образомъ у меня случайно оказался въ Стамбулѣ хорошій знакомый, который былъ мнѣ впослѣдствіи весьма полезенъ.

XXXIII.

Майнцъ.—Венедей.—Гейне.—Встрѣча съ Мрожинскимъ и Вишневскимъ.—Я разстаюсь съ Замойскимъ.—Путешествіе по Рейну до Страсбурга.—Польскіе эмигранты.—Проектъ цивилизованія турокъ и уничтоженія въ нихъ фанатизма.

Изъ Франкфурта мы отправились въ Майнцъ, гдѣ, какъ мы узнали, долженъ былъ состояться тайный съѣздъ нѣмецкихъ либераловъ всевозможныхъ оттѣнковъ. Замойскаго увѣдомили объ этомъ изъ Парижа и онъ потащилъ меня туда съ тою цѣлью, чтобы мы могли хотя отчасти познакомиться съ тѣмъ, что дѣлаютъ нѣмцы со своей стороны. Замойскій дѣйствительно сожалѣлъ о неудачѣ, постигшей экспедицію князя Вазовича. Онъ всегда упорно преслѣдовалъ свои политическія цѣли, это была отличительная черта его характера, которая принесла большой вредъ польской справѣ. Такъ какъ я долженъ былъ по пріѣздѣ въ Римъ положить конецъ всему этому дѣлу, то онъ старался какъ можно долѣе задержать меня при себѣ, оправдываясь передъ княземъ Адамомъ требованіями политики.

Въ Майнцѣ мы застали трехъ нѣмцевъ, моихъ добрыхъ знакомыхъ: Венедея, Берне и Гейне, и двухъ поляковъ, нашихъ общихъ знакомыхъ—капитана Мрожинскаго и Вишневскаго.

Всѣ три нѣмца работали вмѣстѣ со мною на поприщѣ французской журналистики, въ редакціи Réformateur'a; они были извѣстные писатели, съ большимъ талантомъ, даже съ искоркой геніальности.

Венедей [1]) былъ нѣмецъ pur sang, человѣкъ честный, справедливый, храбрый, человѣколюбивый, всегда готовый помочь ближнему; но когда дѣло шло о нѣмцахъ, о нѣмецкой политикѣ, литературѣ, вообще о чемъ-либо, касающемся его соотечественниковъ, то онъ защищалъ ихъ съ яростью, съ ожесточеніемъ и никому не давалъ пощады. Венедей былъ политическій эмигрантъ; въ Германіи его преслѣдовали, заточали въ тюрьму; онъ былъ осужденъ во всѣхъ судахъ Германскаго Союза; въ Парижѣ онъ былъ членомъ всѣхъ демократическихъ обществъ, дѣятельность которыхъ была направлена противъ правительствъ и коронованныхъ особъ, но когда одинъ итальянецъ-карбонарій, сотрудничавшій также въ Réformateur'ѣ, сказалъ при немъ, что король прусскій истый нѣмецъ, противный пьяница и, напившись, великолѣпно представляетъ нѣмцевъ, Венедей пришелъ въ такую ярость, что вызвалъ его на дуэль за то, что онъ оскорбилъ нѣмцевъ и всю нѣмецкую націю. Несмотря

[1]) Венедей, р. 1805 г. † 1871 г., нѣмецкій политическій писатель, былъ арестованъ въ 1832 году, но бѣжалъ во Францію, гдѣ прожилъ до 1848 года. В. Т.

на все наше стараніе примирить ихъ, онъ настаивалъ на своемъ; когда ему доказывали, что король—его политическій врагъ, что онъ воевалъ и воюетъ съ нѣмцами, Венедей отвѣчалъ: «пусть говоритъ о королѣ, что хочетъ, но онъ не долженъ затрогивать нѣмцевъ». Мы говорили ему, что у итальянца есть жена и малыя дѣти, коихъ, въ случаѣ его смерти, ожидаетъ горе и нищета, онъ отвѣчалъ: «когда убью итальянца, буду содержать своимъ трудомъ его вдову и сиротъ».

Дуэль состоялась; дрались на пистолетахъ и на шпагахъ, и бѣднягаитальянецъ умеръ отъ полученныхъ имъ ранъ. Венедей всю жизнь заботился объ осиротѣвшей семьѣ и содержалъ ее, хотя самъ зачастую нуждался. Онъ имѣлъ огромное вліяніе на нѣмцевъ-демократовъ во Франціи и во всей Германіи, хотѣлъ сплотить ихъ въ одно цѣлое и создать демократическую республику; онъ былъ готовъ переносить всякія страданія, приносить всякія жертвы для достиженія своей цѣли; это былъ рѣдкій человѣкъ среди нѣмцевъ.

Берне [1]), какъ говорятъ, по происхожденію израильтянинъ, даже Моисеева закона, былъ человѣкъ сердечный; счастливый семьянинъ, онъ желалъ содѣйствовать благу всего общества. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ были счастливы; страстно любилъ свободу и стоялъ за справедливость; поэтому имѣлъ въ юности столкновенія съ правительствами Германскаго Союза, добровольно уѣхалъ изъ Германіи и поселился въ Парижѣ. Это не былъ трибунъ и заговорщикъ, но онъ состоялъ членомъ многихъ политическихъ обществъ, тайныхъ и явныхъ. Въ Réformateur'ѣ онъ писалъ литературные фельетоны, чаще всего о нѣмцахъ. Признаюсь, хотя я съ дѣтства не долюбливалъ нѣмцевъ и все нѣмецкое, но читалъ съ удовольствіемъ и съ умиленіемъ всѣ сочиненія Берне и, читая ихъ, мысленно даже мирился съ нѣмцами. Подобное впечатлѣніе онъ производилъ и на остальныхъ; это не была властъ ума, но власть сердца. Его высоко цѣнилъ и уважалъ старикъ Распайль [2]) и спеціально для него составилъ какой-то камфарный желатинъ, которымъ онъ его кормилъ и натиралъ для сохраненія здоровья. Берне употреблялъ камфору и снаружи, и внутрь, чтобы не огорчать Распайля.

Гейне [3]), по происхожденію также былъ израильтянинъ, но не при-

---

[1]) Людвигъ Берне, р. 1784 г. † 1837 г., родомъ еврей, до обращенія въ христіанство въ 1817 г.—Борухъ, писатель и журналистъ, съ іюльской революціи жилъ постоянно въ Парижѣ; въ своихъ сочиненіяхъ вооружался противъ нѣмецкой династической политики. В. Т.

[2]) Франсуа Распайль, † 1878 г., французскій ученый, извѣстенъ своими сочиненіями по ботаникѣ и химіи. Безплатнымъ лѣченіемъ пріобрѣлъ большую популярность среди бѣдныхъ классовъ и ввелъ въ моду лѣченіе камфарой, которую рекомендовалъ въ своихъ сочиненіяхъ. В. Т.

[3]) Генрихъ Гейне, род. 1797 г. † 1856 г., извѣстный поэтъ и писатель. В. Т.

зналъ ни Моисеева талмуда, ни евангелія Христа, ни корана Магомета, ни Зендъ-Авесты Зороастра. По понятіямъ ислама, онъ былъ настоящій язычникъ, ибо не вѣрилъ ни въ какое священное писаніе, а надъ сочиненіями людей издѣвался. Какъ нѣмецъ, онъ былъ глубокій философъ, но остроуменъ, какъ французъ, и ради остраго слова никого не жалѣлъ, готовъ былъ посмѣяться надъ всѣми, надъ своими же нѣмцами и даже надъ самимъ собою, но Богъ наградилъ его великимъ талантомъ, который высоко цѣнили французы, такъ какъ, обладая плавностью ихъ рѣчи и ихъ блестящимъ остроуміемъ, онъ имѣлъ критическій умъ нѣмцевъ: нѣмцы цѣнили его еще болѣе, такъ какъ и въ личной бесѣдѣ, и въ своихъ произведеніяхъ онъ не былъ такъ скученъ, какъ нѣмецкіе писатели.

Говоря объ этихъ двухъ нѣмцахъ, не могу не вспомнить о докторѣ Корефѣ, который называлъ ихъ не иначе, какъ онѣмеченными дѣтьми Израиля. Этотъ докторъ была личность весьма таинственная; онъ могъ бы какъ нельзя лучше фигурировать въ какомъ-нибудь романѣ Александра Дюма или Монте-Кристо. О немъ было извѣстно только, что онъ пруссакъ и докторъ медицины; встрѣтить его можно было во всѣхъ аристократическихъ салонахъ, даже въ королевскомъ дворцѣ, и въ то же время во всѣхъ кофейняхъ, въ собраніяхъ всѣхъ политическихъ клубовъ, тайныхъ и оффиціальныхъ, въ костелахъ и синагогахъ, во всѣхъ министерствахъ. Онъ былъ постояннымъ гостемъ въ русскомъ посольствѣ; среди польскихъ эмигрантовъ былъ принятъ, какъ свой человѣкъ; имѣлъ обширную практику, но лѣчилъ безплатно. У него всегда былъ отличный столъ и изысканные обѣды, онъ часто бывалъ у князя Адама Чарторыйскаго, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Евгеніемъ Брезе и съ графомъ Кюстиномъ. Я былъ у него разъ или два въ Парижѣ вмѣстѣ съ Замойскимъ; онъ часто посѣщалъ меня, но я не чувствовалъ къ нему ни малѣйшей симпатіи и считалъ его агентомъ прусскаго правительства, коимъ онъ и оказался въ дѣйствительности.

Мрожинскому было лѣтъ за сорокъ; онъ имѣлъ довольно приличную и благообразную наружность, по манерѣ одѣваться и по всѣмъ наружнымъ признакамъ походилъ на стараго служаку Константиновскихъ временъ. но, присмотрѣвшись къ нему внимательнѣе, было замѣтно въ этомъ много напускнаго. Онъ жилъ широко, открыто, кромѣ повара-француза, у него былъ слуга-полякъ, который готовилъ ему зразы, каши, литовскіе колдуны и иныя блюда, такъ какъ онъ увѣрялъ, что не можетъ прожить дня безъ польской кухни. Замойскій ѣздилъ къ нему для того, чтобы время отъ времени полакомиться польскими блюдами, безъ которыхъ Мрожинскій не садился за столъ, подражая въ этомъ старику-графу Воронцову, который, поселившись въ Англіи и совершенно англизировавшись, всегда съѣдалъ за обѣдомъ соленый огурецъ, такъ какъ это напоминало

ему Россію и славянство. Мрожинскій выдавалъ себя за уроженца Познани, однако никто изъ познанскихъ эмигрантовъ не зналъ его; онъ увѣрялъ, будто служилъ во второмъ уланскомъ полку. Дѣйствительно, въ этомъ полку былъ весьма дѣльный офицеръ, по фамиліи Мрожинскій, но говорили, будто по вступленіи войскъ въ Пруссію, онъ былъ убитъ въ окрестностяхъ Грудзежа за то, что хотѣлъ ославянить нѣмокъ, жившихъ на польской землѣ. Мрожинскій, въ бытность въ Парижѣ, увѣрялъ, что онъ и есть тотъ самый Мрожинскій, и что нѣмки спасли его отъ неблагодарныхъ нѣмцевъ въ признательность за молодцоватое потомство, которое онъ имъ оставилъ. Въ Парижѣ было много офицеровъ 2-го уланскаго полка, но они не признавали его и не вѣрили, чтобы нѣмки могли такъ хорошо подмѣнить человѣка, превративъ изъ тучнаго нѣмца съ брюшкомъ въ худощаваго венгерца. Впрочемъ, генералъ Дверницкій, позавтракавъ у него нѣсколько разъ вкуснымъ бигосомъ и одолживъ у него нѣсколько тысячъ франковъ, выдалъ ему письменное свидѣтельство и подтвердилъ на словахъ, что онъ и есть Мрожинскій изъ любимаго цесаревичемъ полка бѣлоголовыхъ. Такъ онъ и слылъ за Мрожинскаго, а на самомъ дѣлѣ это былъ еврей, что вскорѣ и обнаружилось. Звали его Мошко Фрустъ; онъ былъ факторомъ генерала Радовича въ то время, когда тотъ былъ маіоромъ; изъ факторовъ, неизвѣстно какимъ образомъ, вѣроятно, по приказанію своего принципала, онъ превратился въ польскаго офицера и сдѣлался членомъ польской эмиграціи.

Вишневскій былъ литовецъ изъ Ковенскаго повстанья, служилъ въ 13-мъ уланскомъ полку подъ командою полковника Яновича; онъ не зналъ никакого ремесла и свободнаго искусства, не хотѣлъ работать, чувствовалъ къ труду такое же отвращеніе, какъ бѣшеная собака къ водѣ, и говорилъ: пчела должна трудиться, а человѣкъ долженъ отдыхать и наслаждаться жизнью, а такъ какъ золото и серебро не сыпятся съ неба, какъ манна и перепелки сыпались евреямъ въ пустынѣ, то онъ поступилъ на службу къ Мрожинскому, подобно тому, какъ Твардовскій продалъ свою душу чорту.

Еще въ Парижѣ, послѣ перваго моего возвращенія изъ Рима, слѣдующій случай выдалъ этихъ господъ.

Въ то время меня считали посвященнымъ во всѣ тайны политики князя Адама Чарторыйскаго и его сношеній съ французскимъ дворомъ и министерствомъ. Такъ какъ на этомъ свѣтѣ люди обыкновенно судятъ о другихъ по себѣ, то гг. Мрожинскій и Вишневскій начали оказывать всевозможныя любезности и знаки вниманія Омецинскому, котораго я любилъ, какъ роднаго брата, и который часто бывалъ у меня. Въ концѣ-концовъ они предложили ему большое вознагражденіе, ежели онъ най-

детъ случай показать имъ мои бумаги и возьмется передавать имъ все то, что услышитъ отъ меня.

Омецинскій, человѣкъ характера чрезвычайно кроткаго, не воспылалъ негодованіемъ, услыхавъ это предложеніе, но отвѣчалъ на него уклончиво и передалъ обо всемъ мнѣ. Мы порѣшили съ Омецинскимъ, который проводилъ у меня почти цѣлые дни, чтобы онъ пригласилъ этихъ господъ въ мою квартиру въ тотъ часъ, когда я обыкновенно уходилъ къ князю Адаму. Въ назначенный день я позвалъ Адама Барановскаго, бывшаго эскадроннаго вахмистра нашей волынской кавалеріи, Ксаверія Моргульца, вахмистра моего взвода той же кавалеріи, и спрятался вмѣстѣ съ ними въ огромномъ шкапу, стоявшемъ въ моемъ кабинетѣ. Приглашенные явились къ назначенному часу и начали бесѣдовать съ Омецинскимъ. Чтобы разсѣять его сомнѣнія, они сказали ему, что не имѣютъ никакихъ сношеній съ русскимъ посольствомъ, что они связаны съ берлинскимъ кабинетомъ, дѣйствуютъ на пользу польской справы, и начали перечислять тѣхъ лицъ, вмѣстѣ съ которыми они работали. Въ числѣ ихъ назвали де-Кюстина, доктора Корефу и другихъ, и говорили, что получаютъ приказанія отъ генерала Радовича; что цѣль ихъ дѣятельности заключается въ дискредитированіи Россіи въ общественномъ мнѣніи и созданіи ей всевозможныхъ препонъ и затрудненій. Они ручались, что прусское правительство желаетъ возстановленія Польши въ ея прежнемъ видѣ для огражденія Европы и главнымъ образомъ Германіи отъ варварскаго натиска, захватовъ и деспотизма Россіи, и утверждали, что для этого имъ необходимо знать сущность и послѣднее слово политики князя Адама, въ особенности — отказался ли онъ отъ своихъ славянскихъ мечтаній. Къ этому они присовокупили, что ихъ любопытство вызвано появленіемъ въ Парижѣ князя Вазовича и его сношеніями съ маршаломъ Сультомъ и съ княземъ Адамомъ. Послѣ этихъ политическихъ откровеній они приступили къ денежному вопросу. Тогда Омецинскій сказалъ имъ съ улыбкой и вполнѣ хладнокровно:—«вы негодяи!»

Въ тотъ же моментъ мы выскочили изъ шкапа. Барановскій наскочилъ на Мрожинскаго, какъ ястребъ, такъ что Фрустъ даже вскрикнулъ: «ай-вай—гвалтъ»; а Моргулецъ схватилъ Вишневскаго. Мы не успѣли и потѣшиться, какъ на нихъ напалъ такой страхъ, что Мрожинскій тотчасъ признался, что онъ вовсе не Мрожинскій и не полякъ, а жидъ Фрустъ. По нашему требованію они изложили письменно все происшедшее, дали заявленіе о томъ, кто они, подписали эту бумагу и были нами отпущены. Мы тотчасъ отправились съ этой бумагой къ князю Адаму, разсказали ему все случившееся и показали ему ихъ подписи. На конфиденціальное совѣщаніе, созванное для обсужденія этого происшествія, были приглашены Владиславъ Замойскій и Карлъ

Сенкевичъ. Они оба были того мнѣнія, что этотъ случай не слѣдуетъ разглашать, но что имъ надобно воспользоваться. Замойскій пошелъ далѣе и въ тотъ же вечеръ, взявъ съ собою Моравскаго и Морозовича, поѣхалъ на вечеръ къ Мрожинскому, гдѣ засталъ много гостей, былъ очень любезенъ съ хозяиномъ дома, однимъ словомъ, показалъ себя архи-іезуитомъ.

Однажды Замойскій былъ чрезвычайно веселъ и сказалъ мнѣ:

— Мы не потеряли время даромъ, скоро выйдетъ изъ печати книга написанная въ защиту Польши Виллесеномъ, и другая—написанная противъ Россіи, сочиненіе де-Кюстина.

Трудно передать радость Замойскаго; онъ потиралъ руки и говорилъ: «у насъ будутъ книги и хорошія книги, коимъ общество будетъ довѣрять болѣе, нежели нашимъ польскимъ сочиненіямъ, ибо на этотъ разъ не сами поляки будутъ защищать польское дѣло».

Замойскій былъ очень доволенъ успѣхомъ, одержаннымъ въ Майнцѣ, и уѣхалъ въ Парижъ сказавъ, что я получу дальнѣйшія инструкціи въ Женевѣ, гдѣ найду его у г-жи Наквасской.

Мы разстались; Замойскій отправился на почтовыхъ въ Парижъ, а я на пароходѣ въ Страсбургъ. Венедей и Берне ѣхали со мною на одномъ пароходѣ до столицы Эльзаса.

Мы ѣхали до Страсбурга цѣлыя сутки и прибыли туда подъ-вечеръ. Завидѣвъ городъ, нѣмцы начали кричать съ парохода: «нашъ нѣмецкій Страсбургъ, нашъ нѣмецкій Эльзасъ, наши братья-нѣмцы, такіе же нѣмцы, какъ и мы!» Но когда мы сошли на берегъ, на французскую землю, то нѣмцы исчезли, сгинули, утонули среди французскаго населенія Страсбурга; я остался одинъ съ Венедеемъ и съ Берне.

Венедей говорилъ: «нѣмцы должны вернуться къ нѣмцамъ, это нашъ народъ». Берне утверждалъ: «свобода и печать убили все нѣмецкое, это французы и всегда останутся французами».

Много лѣтъ спустя я припомнилъ эти слова, этихъ людей и все то, что я тогда видѣлъ. Въ 1839 г. въ Германіи началось революціонное броженіе и нѣмцы съ тѣхъ поръ не переставали мечтать объ объединеніи, о томъ, чтобы создать одно большое и могущественное государство. Въ то время Европа считала эти мечты несбыточной фантазіей, но въ Германіи нашлись люди, понявшіе эти мечты, взглянувшіе на нихъ серьезно; у нея былъ генералъ Радовичъ, полковникъ Бисмаркъ, были Гогенцоллерны, и слово перешло въ дѣло. То же случилось въ Италіи, которая имѣла Кавура, Карла-Альберта и Виктора-Эммануила. Достигнутъ ли той же цѣли славяне? Не помѣшаютъ ли Россіи нѣмцы точно такъ же, какъ они помѣшали Польшѣ?

Въ Страсбургѣ я видѣлъ массу польскихъ эмигрантовъ; большинство были заняты службою или ремеслами, но всѣ рѣшительно политикан-

ствовали и до того расходились въ убѣжденіяхъ, что нельзя было найти и десяти человѣкъ, принадлежавшихъ къ одной и той же политической партіи.

Въ Ліонѣ, можно сказать, не было политическихъ эмигрантовъ, но было много поляковъ, которые занимались ремеслами и промышленностью. Я познакомился въ Ліонѣ съ г. Соколовскимъ, однимъ изъ адъютантовъ генерала Самуила Ружицкаго. Онъ содержалъ въ Ліонѣ кофейню, былъ женатъ на содержательницѣ этой кофейни и велъ дѣло пополамъ съ графомъ Пингрэ, пожилымъ французомъ, пройдохою и интриганомъ. Эти господа провѣдали, не знаю, какимъ образомъ, что я ѣду въ Италію, явились ко мнѣ и сообщили, что набираютъ во Франціи для отправки въ Италію хорошенькихъ женщинъ, коими они хотятъ наполнить гаремы турецкихъ пашей, а если удастся, и самого султана, и что они дѣлаютъ это не только въ видахъ торговыхъ, но и съ политической цѣлью, такъ какъ видятъ въ этомъ живомъ товарѣ самый вѣрный двигатель цивилизаціи турокъ и самое вѣрное средство уничтожить ихъ дикій вѣковой фанатизмъ и даже рѣшеніе Восточнаго вопроса въ пользу цивилизаціи и Франціи. Я подумалъ, что эти господа шутятъ или по крайней мѣрѣ фантазируютъ, но два года спустя убѣдился въ томъ, что этотъ проектъ былъ осуществленъ. То было время, когда всевозможные спекуляторы наѣхали со всѣхъ сторонъ въ Турцію съ цѣлью цивилизовать ее.

Я пробылъ въ Ліонѣ всего одинъ день и отправился оттуда въ Женеву.

XXXIV.

Поляки въ Женевѣ.—Остатки экспедиціи генерала Романа Солтыка въ Пьемонтъ.—Пріѣздъ во Флоренцію.—Отцы-смертныхвстанцы.—Отцы-іезуиты.—Графъ Монталамбертъ.—Цезарь Платеръ.—Оборотъ, принятый дѣломъ князя Вазовича.—Прекращеніе политическихъ сношеній съ княземъ.—Его отъѣздъ.—Причины нерасположенія ко мнѣ отцовъ-іезуитовъ и отцовъ-смертныхвстанцевъ.—Сборы къ отъѣзду.

Въ Женевѣ меня ожидала инструкція князя Адама, написанная весьма сжато, но ясно. Онъ поручалъ мнѣ покончить съ экспедиціей князя Вазовича во что бы то ни стало, предоставляя мнѣ дѣйствовать въ этомъ случаѣ по моему собственному усмотрѣнію. Посольство въ Римѣ временно было возложено на г. Вейсенгофа, который долженъ былъ остаться въ этомъ городѣ до тѣхъ поръ, пока Іосифъ Соболевскій не приметъ окончательно этотъ постъ, что зависѣло отъ моихъ первыхъ

донесеній изъ Царьграда; мнѣ же было приказано ѣхать чрезъ Неаполь и Аѳины въ Турцію, чтобы присмотрѣться къ тамошнимъ порядкамъ и рѣшить вопросъ, можно ли тамъ дѣйствовать и что̀ именно можно сдѣлать? Одновременно съ этой инструкціей было прислано три письма: одно отъ Гизо къ г. de-Pontois, французскому посланнику въ Царьградѣ, другое къ Ахмеду-пашѣ, зятю султана Абдулъ-Меджидъ-хана, и третье отъ генерала Хржановскаго къ Хозревъ-пашѣ, бывшему въ царствованіе Махмуда сераскиромъ, капуданъ-пашѣ и садръ-азаму.

Въ Женевѣ находилось весьма мало поляковъ-эмигрантовъ и еще менѣе пріѣзжихъ изъ Польши; за то поляки, проживавшіе въ этомъ городѣ, были все люди со средствами, которые не нуждались въ заработкахъ и могли жить въ довольствѣ на средства, привезенныя ими изъ Польши или получаемыя отъ родныхъ.

По окончаніи извѣстной экспедиціи генерала Романа Солтыка, которая должна была перевернуть верхъ дномъ Пьемонтъ и вынудить Карла-Альберта дать странѣ конституцію или оставить престолъ, масса поляковъ, самыхъ бѣдныхъ, съѣхалась въ Женеву. Мѣстный благотворительный кружокъ вошелъ тотчасъ въ соглашеніе съ содержателями заведеній для развода племеннаго скота, съ владѣльцами фабрикъ и разнаго рода ремесленныхъ заведеній, и размѣстилъ въ эти заведенія поляковъ, чтобы выпроводить ихъ какъ можно скорѣе изъ Женевы. Такимъ образомъ въ Швейцаріи появилось множество поляковъ-пастуховъ, мастеровыхъ, работниковъ и т. п., которые такъ скоро слились съ мѣстнымъ населеніемъ, что, когда три года спустя народный комитетъ, состоявшій подъ предсѣдательствомо воеводы Островскаго, собравъ извѣстную сумму денегъ, чтобы пополнить долгъ Дверницкаго, проигравшаго въ карты деньги, собранныя для бѣдныхъ, прислалъ ихъ въ Галицію въ пособіе этимъ бѣднякамъ, считая за лучшее помочь имъ поздно, чѣмъ никогда, то нигдѣ нельзя было разыскать поляковъ, пріѣхавшихъ въ Женеву, хотя по спискамъ швейцарскаго благотворительнаго кружка ихъ значилось болѣе 100 человѣкъ. Многіе изъ нихъ боялись объявить себя поляками, чтобы какой-нибудь Романъ Солтыкъ не повелъ ихъ снова въ экспедицію или какой-нибудь Іосифъ Дверницкій не уморилъ ихъ голодомъ, распоряжаясь доброхотной копѣйкой, жертвуемой польскими вдовами.

Въ дилижансѣ моими спутниками были два толстыхъ швейцарца; изъ разговора съ ними я узналъ, что одинъ изъ нихъ маіоръ, а другой—капитанъ, и что они оба служатъ въ папскомъ войскѣ, сформированномъ изъ наемныхъ швейцарцевъ, что въ это войско вызывали сто новыхъ охотниковъ и благодаря тому, что въ Швейцарію наѣхали поляки, занявшіе мѣста пастуховъ, рабочихъ и слугъ, многіе швейцарцы имѣли возможность оставить свое отечество и вступить въ папское вой-

ско. Не лучше ли было бы полякамъ служить въ войскѣ святаго отца, нежели пасти стада въ горахъ Швейцаріи? Они были бы полезнѣе костелу, нежели смертвыхвстанцы, отцы Семененко или Губего, а для Польши это были бы со временемъ драгоцѣнные солдаты, которые, съ благословенія намѣстника Божьяго, могли бы идти на выручку польской справѣ, что́ было бы гораздо дѣйствительнѣе всѣхъ энцикликъ и даже буллъ. Католицизмъ могъ бы этимъ принести пользу Польшѣ и хоть отчасти исправить зло, которое онъ причинилъ ея политикѣ.

Изъ Турина я заѣхалъ во Флоренцію, чтобы взять Равскаго, который оставался у Потоцкихъ и, сверхъ ожиданія, засталъ у нихъ смертвыхвстанца—отца Кайсевича, пріѣхавшаго, какъ мнѣ сказали Потоцкіе, нарочно, чтобы видѣть меня и вывѣдать мои дальнѣйшія намѣренія. Мы встрѣтились весьма радушно. Я сказалъ ему совершенно откровенно, что ѣду въ Турцію, чтобы разузнать, нельзя ли тамъ поселиться и дѣйствовать на пользу польской и славянской справы, и что я намѣренъ остановиться въ Римѣ всего на нѣсколько дней и не буду ни поддерживать князя Вазовича, ни дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ, а напротивъ, долженъ положить конецъ этому дѣлу, погубленному имъ съ самаго начала, ибо я вижу, что оно не согласуется ни съ польскими традиціями, ни съ исторіей Польши и поэтому вредитъ польской справѣ; что оно является не только поощреніемъ къ бунту противъ Оттоманской Порты, но даже бунтомъ противъ этого правительства, съ которымъ поляки связаны договорами, и которое одно только и осталось вѣрнымъ союзникомъ погибающей Польши; что я ѣду по приказанію князя Адама въ Турцію съ тѣмъ, чтобы порвать этотъ политическій договоръ; князь Вазовичъ будетъ предоставленъ самому себѣ — пусть дѣлаетъ, что хочетъ.

Я говорилъ истинную правду, но по глазамъ монаха видѣлъ, что онъ мнѣ не вѣритъ. Отецъ Кайсевичъ началъ доказывать мнѣ, что это можетъ принести большой вредъ Польшѣ и костелу, нераздѣльному съ Польшей, что Польша и католицизмъ составляютъ одно, точно такъ же, какъ полякъ и католикъ.

Отецъ Кайсевичъ служилъ въ рядахъ повстанья. Довольно извѣстный и хорошій писатель и храбрый воинъ, онъ недавно сталъ іезуитомъ, но іезуитскій духъ еще не успѣлъ пустить въ немъ глубокихъ корней, несмотря на то, что онъ носилъ одежду смертвыхвстанца; поэтому онъ часто сбивался въ своихъ аргументахъ. Хотя было замѣтно, что онъ не вѣритъ тому, что самъ говоритъ, но ему хотѣлось убѣдиться въ томъ, что я ему сказалъ, поэтому я подтвердилъ свои слова:

— Дѣло костела насъ не касается, это ваше дѣло; оставляю вамъ князя Вазовича отъ имени и по приказанію князя Адама (я прибавилъ моего короля), дѣлайте съ нимъ, что хотите; я отберу отъ него то, что

принадлежитъ намъ, а его самого оставляю вамъ. Въ Царьградѣ я буду держать себя, какъ полякъ и вѣрный союзникъ; не буду мѣшать католической пропагандѣ, хотя не скрою, и какъ всегда, откровенно говорю, что восточная церковь, какъ церковь славянская, ближе моему сердцу и болѣе подходитъ къ моимъ убѣжденіямъ, нежели латинскій костелъ, который никогда не можетъ быть славянской церковью.

Смертвыхвстанецъ повѣрилъ, наконецъ, что я дѣйствительно намѣренъ ѣхать въ Царьградъ и не останусь долго въ Римѣ, чему онъ былъ очень радъ. Какъ я потомъ узналъ, смертвыхвстанцы боялись, чтобы Замойскій не принялъ пособія, въ размѣрѣ около двухъ милліоновъ, которое было обѣщано католической пропагандой для экспедиціи Вазовича, и чтобы онъ не поспѣшилъ объявить объ этомъ. Ксендзъ Кайсевичъ уѣхалъ въ Римъ съ доброй вѣстью, что я пробуду въ этомъ городѣ всего нѣсколько дней. Отъ Кайсевича я узналъ, что въ Римъ прибыли Цезарь Платеръ и графъ Монталамберъ и представили князя Вазовича французскому и австрійскому посланникамъ. Мнѣ казалось, что эти господа были ближайшими политическими друзьями и единомышленниками Владислава Замойскаго и спѣшили охотиться на звѣря, который былъ почти убитъ имъ. Монталамберъ мечталъ, что всѣ южные славяне уже обращены въ католичество и, по примѣру поляковъ, объявили войну славянамъ восточной церкви на пользу и выгоду нѣмцамъ, а Цезарь Платеръ, любимый ученикъ отца Ротана, бывшаго его учителемъ въ Литвѣ, уже видѣлъ у ногъ своихъ всѣхъ земныхъ властителей и двери рая для него отверстыми. Какъ много шума и хлопотъ натворилъ князь Вазовичъ! А вѣдь на свѣтѣ не мало такихъ князей и такихъ Вазовичей, ихъ можно насчитать сотнями, а пожалуй и тысячами; это служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, какъ плохо знали поляки славянство и какъ мало знали на Западѣ о томъ, что дѣлается и чего хотятъ на Востокѣ.

Пріѣхавъ въ Римъ на разсвѣтѣ, я заѣхалъ прямо на квартиру Люціана Вейсенгофа. Изъ разговора съ нимъ я узналъ, что графъ Монталамберъ хлопочетъ у кардинала Ламбрускини о представленіи князя Вазовича святому отцу, несмотря на то, что іезуиты видимо противъ этого. Я тотчасъ отправился къ монсиньору Капуцини, второму секретарю папы и къ первому секретарю—кардиналу Ламбрускини. Они приняли меня весьма любезно. Отвѣчая на ихъ разспросы, я сообщилъ имъ все, что мнѣ было извѣстно о князѣ Вазовичѣ, сказалъ, что эту экспедицію рѣшено прекратить вслѣдствіе того, что она могла быть непріятна турецкому правительству и что я получилъ приказаніе отправиться въ Турцію, чтобы на мѣстѣ собрать свѣдѣнія о князѣ, объ его отношеніяхъ и о томъ, возможна ли какая-нибудь дальнѣйшая дѣятельность съ нашей стороны.

Кардиналъ Ламбрускини сказалъ мнѣ:

— Этотъ черногорскій князь, подобно Генриху Наварскому, находитъ коранъ священной книгой и въ то же время хочетъ совершить обрядъ мyропомазанія, полагая, что два милліона стоятъ такой жертвы. Будемъ осторожны.

Сдѣлавъ этотъ визитъ, я отправился домой; едва успѣлъ я вернуться, какъ ко мнѣ пришелъ князь Вазовичъ со всѣмъ своимъ штабомъ. Въ тотъ же моментъ, словно нечаянно, явились съ визитомъ отцы Семененко и Губего; они хотѣли тотчасъ уйти, но я просилъ ихъ остаться, сказавъ, что все, что я имѣю сказать князю Вазовичу, можетъ слышать каждый добрый полякъ, а тѣмъ болѣе достопочтенные отцы-смертвыхвстанцы, которые приняли, какъ я слышалъ, съ удовольствіемъ подъ свою опеку князя и его дѣло, что̀ несомнѣнно принесетъ большую пользу какъ ему лично, такъ польской справѣ и костелу.

Затѣмъ я сообщилъ князю, что я былъ съ Замойскимъ въ Германіи, гдѣ онъ всячески старался собрать денегъ, но такъ какъ это ему не удалось, а я вижу, что князь находится въ большой дружбѣ съ смертвыхвстанцами и іезуитами, чему я очень радъ, то отъ имени князя Адама увѣдомляю, что освобождаю его, самымъ торжественнымъ образомъ, отъ всякихъ обязательствъ, которыя онъ на себя принялъ по договору, заключенному съ княземъ Адамомъ.

Князь объяснилъ, что онъ смотрѣлъ на смертвыхвстанцевъ, какъ на поляковъ, которые должны признавать власть князя Адама по праву и de facto. Я улыбнулся; такъ должно быть, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Достопочтенные отцы не признаютъ за княземъ Адамомъ королевской власти, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какъ мы, а на этомъ именно и зиждется весь смыслъ заключеннаго договора. При этомъ я обратилъ его вниманіе на то, что отцы-іезуиты не принадлежатъ къ той части польскаго общества, которая болѣетъ о польской справѣ и признаетъ власть князя Адама. Исторія учитъ насъ, что если бы мы поняли это раньше, то намъ не пришлось бы нынѣ эмигрировать и Польша имѣла бы опредѣленное положеніе въ славянскомъ мірѣ, которое предназначено ей самимъ Богомъ и принадлежитъ ей по праву.

Эта выходка противъ іезуитовъ, сдѣланная мною умышленно, до того смутила Семененко и Губего, что они не смѣли или не были въ состояніи разинуть рта, и встали со своихъ мѣстъ, прося позволенія удалиться, подъ предлогомъ, что имъ надобно служить панихиду по убіеннымъ подъ Вѣною и что уже поздно. Я ихъ не удерживалъ.

Отецъ Семененко со слащавой улыбкой спросилъ, не желаетъ ли кто изъ насъ принять участіе въ молитвахъ по воинамъ, убіеннымъ на полѣ брани при защитѣ христіанства. Этотъ вопросъ касался собственно меня, такъ какъ я порицалъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ этотъ безразсуд-

вый подвигъ короля Яна, что́ было отлично извѣстно отцу Семененко. Я отвѣчалъ отрицательно, присовокупивъ, что ужъ если бы я о чемъ-либо молился, то, разумѣется, о томъ, чтобы Господь простилъ королю этотъ великій грѣхъ — защиту нѣмцевъ и избавилъ бы поляковъ отъ подобныхъ богатырскихъ подвиговъ въ будущемъ.

Бѣдный князь Вазовичъ былъ чрезвычайно смущенъ и говорилъ, что его втянули въ какую-то кабалу; онъ обвинялъ Цезаря Платера и графа Монталамбера, но приходилось мириться съ совершившимся фактомъ и признать договоръ уничтоженнымъ.

Трудно описать неудовольствіе отцовъ-смертвыхвстанцевъ и даже іезуитовъ, которые обвиняли не Замойскаго, а Карла Сенкевича и меня въ помѣхѣ католической пропагандѣ на Востокѣ и между славянами. Отецъ Семененко, сынъ священника, нѣкогда ярый демократъ, въ сердцахъ называлъ насъ русинами [1]), потому что мы были уроженцы Украйны.

Насколько мнѣ извѣстно изъ сочиненій и разсказовъ Карла Сенкевича, онъ былъ ревностный католикъ, не только въ смыслѣ религіозномъ, но и въ политическомъ. Какъ человѣкъ въ высшей степени справедливый, быть можетъ, даже единственный въ этомъ отношеніи въ Польшѣ въ 1831 г., онъ не могъ не видѣть вреда, который костелъ принесъ Польшѣ со временъ Пястовъ, сдѣлавъ ее орудіемъ нѣмцевъ, превративъ два братскихъ народа въ враговъ и тѣмъ помѣшавъ полякамъ стать во главѣ славянства, на что они предназначены Богомъ.

Іезуиты ликовали, когда у Польши не было болѣе войска, когда она лишилась Руси и славянскаго Кіева, но за то стала страною католическою, врагомъ православной Россіи и была готова на услуги западной церкви.

Такова была мысль іезуитовъ. Они разсчитывали, что поляки будутъ самыми ревностными, самыми искреннимп католиками; они играли на этой стрункѣ и достигли своей цѣли. Такой умный человѣкъ, какъ Карлъ Сенкевичъ, не могъ этого не видѣть, но онъ утѣшалъ себя, говоря: «что дѣлать, коли такъ случилось, теперь ужъ сдѣланнаго не перемѣнишь!»

Я научился съ дѣтства видѣть и понимать зло, которое католицизмъ причинилъ польской справѣ; я былъ предубѣжденъ противъ католической церкви въ Польшѣ и не скрывалъ этого ни въ то время, когда я былъ въ Польшѣ, ни въ эмиграціи. Кажется, всѣ мои письма дышали стремленіемъ къ славянству и къ восточной церкви. Даже въ Римѣ я служилъ польской справѣ, а не католицизму; я говорилъ это постоянно

[1]) Въ томъ смыслѣ, что русины народъ забитый и невѣжественный. В. Т.

всѣмъ полякамъ, въ томъ числѣ и отцамъ-смертвыхвстанцамъ. Я повторялъ неоднократно, что польскую справу постигнетъ величайшая бѣда и величайшее несчастье, если имъ удастся осуществить свою теорію, которая есть не что иное, какъ видоизмѣненная мысль іезуитовъ, т. е. желаніе передѣлать поляковъ такъ, чтобы они стали не поляками, а только католиками. Если имъ это удастся, говорилъ я много разъ, то католики не спасутъ польское дѣло, а погубятъ его, ибо цѣль католицизма заставить поляковъ отречься отъ славянства, а полякъ не можетъ имѣть значенія иначе, какъ въ славянствѣ. Католицизмъ ввергнулъ Польшу въ тяжкій политическій недугъ и доведетъ ее до окончательнаго паденія, до того, что она будетъ навсегда вычеркнута изъ списка державъ.

По прекращеніи политическихъ сношеній съ княземъ Вазовичемъ, я имѣлъ случай неоднократно видѣться съ графомъ Монталамберомъ и съ Цезаремъ Платеромъ. Они не могли скрыть своего неудовольствія по поводу того, что имъ приходилось отказаться отъ всякой надежды на пропаганду, ибо папскій секретарь Ламбрускини отказался заключать какой бы то ни было договоръ съ княземъ Вазовичемъ и даже съ іезуитами, если бы они захотѣли покровительствовать экспедиціи. Онъ выразилъ мнѣ благодарность за то, что я его предупредилъ и не вмѣшалъ Римъ въ дѣятельность, направленную противъ Оттоманской Порты, которая не только не принесла бы католицизму никакой пользы, но могла бы даже послужить ему во вредъ. Ламбрускини говорилъ, что я оказалъ костелу большую услугу, не допустивъ его до участія въ этой грязной исторіи, не имѣющей ни малѣйшаго отношенія къ политикѣ.

Князь Вазовичъ, получивъ отвѣтъ кардинала Ламбрускини, немедленно выѣхалъ изъ Рима въ Корфу, откуда англійское правительство отправило его въ Скодру [1]) албанскую. Мы разстались дружелюбно, но болѣе я съ нимъ не встрѣчался; я слышалъ впослѣдствіи, что въ Скодрѣ онъ былъ заподозрѣнъ мѣстными властями въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ пограничными черногорцами и иными племенами, арестованъ и отправленъ подъ конвоемъ въ Стамбулъ, гдѣ былъ освобожденъ стараніями англійскаго посла, сэра Каннинга Стрэдфорда, впослѣдствіи лорда Редклиффа, и въ качествѣ англійскаго чиновника отправился въ Сербію, гдѣ жили его родные. Все это случилось мѣсяца за два до моего пріѣзда въ Стамбулъ. Впослѣдствіи князь Вазовичъ жилъ въ Бѣлградѣ, не принимая никакого участія въ политикѣ. Во время войны съ Россіей въ 1853 г., будучи вызванъ въ Стамбулъ лордомъ Редклиффомъ, онъ былъ убитъ по дорогѣ разбойниками близъ Бѣлополя (Ак-вы), пограничнаго съ Черногоріей мѣстечка, гдѣ жили

[1]) Вилайетъ въ Албаніи. В. Т.

потомки Вазовичей. Кажется, это было сдѣлано изъ мести и убійцею былъ какой-то Вазовичъ.

Такъ окончилось дѣло о договорѣ и экспедиціи князя Вазовича. Отдавъ бумаги, касавшіяся римскаго агентства Люціану Вейсенгофу, я сталъ собираться съ Равскимъ къ отъѣзду.

Въ Неаполѣ мы сѣли съ нимъ на французскій пароходъ «Скамондеръ», который долженъ былъ доставить насъ черезъ Мальту, Сирію и Аѳины въ Царьградъ.

Мы остановились дня на два въ Пиреѣ, и я этимъ воспользовался, чтобы осмотрѣть Аѳины.

XXXV.

Константинополь.—Знакомство съ Людвигомъ Звѣрковскимъ.—Французскій посланникъ.—Ксендзъ Леленъ, настоятель Лазаристовъ.—Хозревъ паша.—Риза паша.—Султанъ Абдулъ-Меджидъ.—Турецкіе правы.

Мы прибыли въ Стамбулъ ночью и рѣшили переночевать на пароходѣ. Я просидѣлъ всю ночь на палубѣ, не съ той цѣлью чтобы прислушиваться къ вытью собакъ въ столицѣ могущественныхъ султановъ, коему вторилъ вой шакаловъ, доносившійся съ противуположнаго, азіатскаго берега, или наблюдать за ночнымъ движеніемъ, происходившимъ на берегу Золотаго Рога, нѣтъ—мнѣ было какъ-то странно очутиться на Востокѣ, не имѣя ни души знакомыхъ, не зная мѣстнаго языка, нравовъ и обычаевъ. Янычары, Богъ вѣсть покончившіе ли свое существованіе, или преобразившіеся въ новое сословіе Джума, которое свирѣпствовало въ Отоманской имперіи,—грозная власть русскаго посольства, о коемъ намъ разсказывали на Западѣ, даже оффиціально, много невѣроятнаго—все это не давало мнѣ покоя, тревожа мое пылкое воображеніе. Мучимый этими видѣніями, которыя наводили на меня страхъ и трепетъ, я заснулъ наконецъ на лавкѣ и видѣлъ чудный сонъ: Мнѣ снилась дорогая моему сердцу польская справа; поляки братались со славянами, обнимали ихъ, цѣловали, обмѣнивались съ ними, какъ на Пасху, крашенными и расписными яйцами, но не говорили другъ другу: «Христосъ Воскресе», а говорили: «славяне воскресли»; они не успѣли договорить: «во истину воскресли», какъ Равскій разбудилъ меня, говоря: «смотри панъ, слушай панъ».

Я еще не успѣлъ хорошенько открыть глазъ, какъ до моего слуха донеслось пѣніе муэзиновъ, призывавшихъ правовѣрныхъ на молитву: ихъ голосъ былъ до того сладокъ, до того звученъ и сердеченъ, что я

подумалъ: вѣрно мусульмане люди сердечные, когда ихъ призываютъ столь сладкимъ голосомъ на молитву; мнѣ припомнился старинный польскій гимнъ: Boga rodzica dziewica и пѣсня Карпинскаго: Kiedy ranne wstoję zorze [1]), и я душою и сердцемъ слился съ Востокомъ, къ которому принадлежатъ славяне и который принадлежитъ славянамъ.

Когда я увидѣлъ самый городъ, расположенный, подобно нашему древнему Кіеву, на семи холмахъ, я подумалъ что ему вполнѣ подходитъ названіе Царьграда. Это была бы роскошная, чудесная столица не только славянскаго царя, но и царя всего міра; это истинный Царевъ-градъ. На заднемъ планѣ, среди большихъ и малыхъ зданій, самой разнообразной архитектуры и окраски, которыя тонули въ тѣни кипарисовъ и благоухающихъ садовъ, высились, подобно планетамъ, разсѣяннымъ среди звѣзднаго небосклона, бѣлыя мечети съ ихъ стройными минаретами и блестящими куполами; чудесная архитектура, чудесная растительность!

На переднемъ планѣ толпились люди всевозможныхъ національностей, всевозможныхъ типовъ; они передвигались въ арбахъ, въ каикахъ, ладьяхъ, по улицамъ, по мосту, по морскому берегу и заливу, спѣша, перегоняя другъ друга, длинной вереницей безъ начала и конца. Эта чудесная страна стала собственностью мусульманъ, но въ жилахъ ихъ падишаховъ течетъ нынѣ сербская кровь, кровь славянская.

Съ этими мыслями я оставилъ судно и вступилъ на берегъ въ Топханѣ.

Это было въ концѣ октября 1841 г.

Я разыскалъ Людвига Звѣрковскаго, который былъ извѣстенъ въ Стамбулѣ подъ именемъ Ленуара и выдавалъ себя за француза; онъ служилъ въ 7-мъ линейномъ пѣхотномъ полку, съ коимъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и считался по справедливости однимъ изъ лучшихъ офицеровъ полка. Онъ былъ посланъ на Востокъ своимъ двоюроднымъ братомъ, Валентиномъ Звѣрковскимъ, и кружкомъ лицъ, мечтавшимъ о сліяніи эмигрантовъ подъ знаменемъ шляхетской демократіи, во главѣ которой стояли Антонъ Островскій, Ледоховскій, генералъ Дверницкій и Іоахимъ Лелевель. Звѣрковскій былъ посланъ въ Турцію въ то время, когда туда прибылъ Хржановскій-Кингъ. Цѣлью главарей шляхетской демократіи было помѣшать планамъ князя Адама Чарторыйскаго или по крайней мѣрѣ слѣдить за ихъ осуществленіемъ, контролировать ихъ и пользоваться донесеніями Звѣрковскаго какъ орудіемъ борьбы, которую они хотѣли вести въ польскихъ и французскихъ журналахъ противъ дѣятельности и политической роли князя Адама. Съ этой цѣлью была собрана значительная сумма денегъ и положеніе Звѣрковскаго въ Турціи было вполнѣ обезпечено.

---

[1]) Когда встаетъ ранняя зорька.

Я не былъ съ нимъ лично знакомъ, но, основываясь на отзывахъ, которые слышалъ, я отправился къ нему безо всякихъ рекомендацій, сказалъ ему кто я, зачѣмъ пріѣхалъ на Востокъ, и предложилъ ему дѣйствовать вмѣстѣ со мною, отъ имени князя Адама и по его приказаніямъ. Онъ принялъ мое предложеніе такъ же просто, какъ просто и сердечно оно было сдѣлано мною, и съ этого дня, до самой его смерти, послѣдовавшей въ 1857 г., мы были съ нимъ самыми искренними друзьями и дѣйствовали вмѣстѣ на политическомъ поприщѣ.

Въ Стамбулѣ было не особенно много поляковъ, да и тѣ, которые тамъ проживали, скрывались подъ вымышленными фамиліями, даже унтеръ-офицеръ артиллеристъ Ольшевскій назывался синьоръ Антоніо, а братья Янковы выдавали себя, одинъ—за стекольщика Яна Тиньоти, а другой за повара—Jean de France, такъ великъ былъ страхъ, внушаемый русскимъ посольствомъ. Генералъ Хржановскій, выдававшій себя за англичанина Кинга, и его свита еще болѣе увеличивали этотъ страхъ.

Въ то время когда русскому посольству и въ голову не приходило преслѣдовать поляковъ на улицахъ Стамбула, и когда оно даже вовсе не интересовалось ими, они распространяли ежедневно новыя сказки о поимкѣ поляковъ, объ арестованіи ихъ и высылкѣ изъ Константинополя. Находились очевидцы, слышавшіе крики этихъ бѣдныхъ поляковъ, видѣвшіе собственными глазами, какъ ихъ вели въ цѣпяхъ подобно медвѣдямъ въ Сморгонской академіи. Все это происходило будто бы въ то время, когда русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ былъ Титовъ, одинъ изъ справедливѣйшихъ и достойнѣйшихъ дипломатовъ Европы, личность весьма добрая и человѣколюбивая. Титовъ былъ женатъ на литвинкѣ, рожденой Хрептовичъ, которая была истиннымъ провидѣніемъ не только поляковъ, но и лицъ другихъ національностей; но такова была молва, которая на этотъ разъ, какъ часто случается, не была гласомъ Божіимъ и не согласовалась съ извѣстной латинской пословицей: vox populi—vox Dei (гласъ народа—гласъ Божій).

Въ день пріѣзда въ Константинополь я отправился также во французское посольство, которое находилось еще въ Терапіи, по случаю великолѣпной осенней погоды. Французскимъ посланникомъ былъ въ то время графъ de Pontois, какъ говорили незаконный сынъ короля Людовика-Филиппа, родившійся, когда онъ былъ еще принцемъ Орлеанскимъ; онъ напоминалъ старинныхъ французскихъ дворянъ, не перенявшихъ еще обычаевъ англичанъ, былъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова благородный, смѣлый и щедрый. Мнѣ говорили, что онъ имѣлъ любовницу, какую то замужнюю даму, которую держалъ взаперти во дворцѣ въ Терапіи, какъ въ гаремѣ. Лэди Понсомби, супруга англійскаго посланника, какъ англичанка, относилась недружелюбно къ графу де-Понтуа и какъ женщина, по свойственной ея полу слабости,

позволила себѣ ядовитыя насмѣшки по этому поводу, которыя дошли до слуха французскаго посланника.

Однажды, лордъ и лэди Понсомби устроили подъ своимъ покровительствомъ балъ въ пользу неимущихъ протестантовъ, были хозяевами бала и разсылали отъ своего имени приглашенія. Графъ де-Понтуа прислалъ за свой билетъ 10 тысячъ франковъ. Въ тотъ моментъ когда балъ былъ въ самомъ разгарѣ, онъ вошелъ въ зало подъ руку съ любовницею, которую онъ представилъ лорду и лэди Понсомби. Англійскій посланникъ былъ чрезвычайно смущенъ, но приличіе не позволяло сдѣлать скандалъ и балъ прошелъ благополучно. На слѣдующій день, лордъ Понсомби послалъ французскому посланнику предлинное письмо, высказавъ что онъ и его супруга приняли случившееся очень близко къ сердцу и считаютъ это за личное оскорбленіе. Графъ де-Понтуа отвѣчалъ: «я заплатилъ, чтобы имѣть право не скрывать подробностей моей интимной жизни». Этотъ случай произвелъ на жителей Стамбула самое выгодное для графа впечатлѣніе. Англія кичилась своимъ вліяніемъ на турокъ, коими она чуть не повелѣвала. Графъ де-Понтуа сконфузилъ англійскаго посланника и его супругу, слѣдовательно Франція сильна, если ея представитель позволилъ себѣ подобный поступокъ—такъ разсуждали многіе, и этотъ случай, не имѣвшій ничего общаго съ дипломатіей, увеличилъ престижъ Франціи въ Стамбулѣ. Это случилось за нѣсколько недѣль до моего пріѣзда и мнѣ говорили о французскомъ посланникѣ какъ о человѣкѣ энергичномъ, смѣломъ, который никого не боится.

Я былъ принятъ графомъ де-Понтуа какъ нельзя болѣе любезно и сразу сошелся со всѣми членами французскаго посольства. Первымъ драгоманомъ этого посольства былъ въ то время Іосифъ Матюринъ-Цоръ, бывшій наставникъ и секретарь Решида паши, человѣкъ сердечный, весьма способный и честный. Онъ примирилъ турокъ и всѣхъ вообще съ драгоманами, которые считались до этого бичемъ Востока, нагоняли страхъ и внушали отвращеніе всякому честному и порядочному дипломату. Матюринъ-Цоръ доказалъ, что можно быть драгоманомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ честнымъ, совѣстливымъ, справедливымъ и порядочнымъ; онъ преобразовалъ институтъ драгомановъ на Востокѣ, который обязанъ ему всѣмъ, что въ немъ есть въ настоящее время хорошаго и порядочнаго.

Въ Терапіи, у французскаго посланника я познакомился съ ксендзомъ Леленомъ, настоятелемъ Лазаристовъ; ему было лѣтъ 30 не болѣе. Это былъ человѣкъ прекрасно воспитанный и образованный, отнюдь не фанатикъ; онъ не былъ исключительно занятъ мыслію о пользѣ костела, а болѣе думалъ о пользѣ общества. Однимъ словомъ, это былъ ксендзъ, какихъ католической церкви надобно бы имѣть побольше, ежели она

хочетъ владычествовать и быть намѣстницей Бога на землѣ. Насъ сблизила взаимная симпатія.

Послѣ обѣда мы отправились вмѣстѣ съ нимъ въ Эни-Кей, къ доктору Константину Маркополи, который былъ врачемъ и довѣреннымъ лицомъ бывшаго великаго визиря Хозрева-паши, прозваннаго хромымъ. Я имѣлъ рекомендательныя письма къ самому визирю, который былъ въ немилости у султана, и къ его секретарю.

Мы провели вечеръ у Маркополи весьма пріятно и не безъ пользы. Хозяинъ дома былъ тотъ извѣстный Костаки, о которомъ писали и разсказывали такъ много удивительнаго; онъ былъ домашнимъ врачемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ близкимъ лицомъ и даже совѣтникомъ Хозрева-паши, черкеса изъ рода Абазинцовъ, который изъ невольниковъ, умомъ и ловкостью, дошелъ до поста великаго визиря. Султанъ Махмудъ очень любилъ его и вполнѣ полагался на его способности и знаніе службы. Взбунтовавшихся янычаръ побѣдилъ Гуссейнъ-ага, но они были истреблены окончательно Хозревомъ-пашою. Разсказываютъ, что когда Гуссейнъ-ага доложилъ султану о побѣдѣ надъ янычарами и о томъ, что онъ исполнилъ возложенное на него порученіе, то султанъ спросилъ, кто будетъ казнить побѣжденныхъ? Гуссейнъ отвѣчалъ: —Хозревъ, это его дѣло.

Стали искать Хозрева и нашли его подъ коврами, куда онъ запрятался; его замѣтилъ Гуссейнъ-ага, вытащилъ изъ подъ ковра, показалъ ему на толпу плѣнныхъ, подалъ мечъ и сказалъ: «теперь руби имъ головы!»

Гуссейнъ-ага, родомъ изъ Бендеръ, былъ такой же фантазеръ какъ многіе поляки. Но Хозревъ-паша былъ истый черкесъ, хитрый, проницательный и льстивый какъ всѣ невольники. При немъ состояли два брата Пулавскіе, изъ Кракова, перешедшіе въ магометанскую вѣру; одного изъ нихъ звали Махмедъ-бей, а другаго Ахмедъ-Тевфикъ-бей. Послѣдній разсказывалъ, что Хозревъ-паша велѣлъ каждому янычару обнажить руку до плеча, гдѣ былъ выженъ янычарскій знакъ, въ видѣ какого нибудь звѣря, рыбы и иныхъ іероглифовъ; сначала янычарамъ отсѣкали руку, на которой были изображены эти знаки, затѣмъ отсѣкали голову и бросали ихъ въ Босфоръ.

Ахмедъ-Тевфикъ-бей, адъютантъ Хозрева-паши, присутствовалъ при этой казни. Такимъ способомъ Стамбулъ былъ очищенъ отъ янычаровъ; съ тѣхъ поръ сербскій князь Милошъ называлъ Хозрева-пашу своимъ братомъ по оружію.

Приведу еще два разсказа, оставшіеся у меня въ памяти. Любимцами султана Махмуда были Хозревъ-паша и Абдулъ-Гаки-эффенди, врачъ султана, основатель медицинской школы и многихъ другихъ учебныхъ заведеній; оба они были утонченные царедворцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ они находились въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, во всемъ

поддерживали другъ друга, но случалось иной разъ и подставляли другъ другу ножку.

Султанъ Махмудъ, державшій себя во всѣхъ отношеніяхъ какъ подобаетъ монарху, былъ чрезвычайно вспыльчивъ и тому, кто сообщалъ ему какую либо недобрую вѣсть, въ первый моментъ зачастую доставалось, но когда у султана проходилъ первый порывъ гнѣва, онъ сожалѣлъ о своей вспыльчивости, принималъ благосклонно того, кто первый послѣ этого являлся къ нему. и нерѣдко осыпалъ этого человѣка милостями и подарками. Въ то время когда Варна и флотъ, бывшій подъ командою Юсуфъ-паши, сдались русскимъ, Хозревъ-паша былъ капитанъ-пашею, т. е. морскимъ министромъ, и былъ обязанъ доложить султану о совершившемся; но ловкій черкесъ прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости: онъ послалъ одного изъ своихъ приближеныхъ къ Абдулъ-Гаки-эффенди, приказавъ сказать ему, что Хозревъ-паша обезчещенъ за то, что доложилъ султану о взятіи Варны и о пораженіи флота. Услыхавъ это, Абдулъ-Гаки-эффенди побѣжалъ во дворецъ султана и засталъ въ передней комнатѣ Хозрева-пашу, который сидѣлъ мрачный, взволнованный.

— Сказалъ? спросилъ его Абдулъ-Гаки мимоходомъ и, получивъ отвѣтъ: «сказалъ и мнѣ досталось», поспѣшилъ въ покои султана, куда онъ имѣлъ свободный доступъ во всякое время. Онъ засталъ султана погруженнаго въ глубокую думу, палъ ему въ ноги, говоря:

— Солнце нашего царства, господинъ и властитель многихъ земель и морей, не грусти объ одной маленькой жемчужинѣ, украденной изъ твоей короны; мы вставимъ на ея мѣсто алмазъ.

Султанъ изумленный спросилъ: какая жемчужинка?

Абдулъ-Гаки-эффенди отвѣчалъ еще смиреннѣе: Варна и флотъ.

— Какъ? взяты?

— Ты знаешь, государь.

Тутъ на плечи эффенди посыпались сильные удары. Получивъ хорошую встрепку, Абдулъ-Гаки вышелъ изъ комнаты, но, проходя мимо Хозрева, не проронилъ ни слова. Хозревъ понялъ въ чемъ дѣло и тотчасъ явился къ султану съ оффиціальнымъ рапортомъ. Махмудъ выслушалъ его спокойно, даже благосклонно, сказавъ:

— Это не твоя и не моя вина, такъ угодно Провидѣнію, и пожаловалъ ему цѣнный перстень съ печатью, украшенный сапфиромъ, осыпанный брильянтами.

Когда нѣсколько лѣтъ спустя Махмудъ скончался въ своемъ маленькомъ дворцѣ въ Чамлидзѣ, Абдулъ-Гаки-эффенди, его врачъ, былъ при его кончинѣ. Хозревъ-паша былъ въ то время садръ-азамомъ. Абдулъ написалъ ему, что султанъ, освободившись отъ всѣхъ своихъ недуговъ, мирно почиваетъ, и что онъ спѣшитъ довести эту добрую вѣсть до его свѣдѣнія. Абдулъ-Гаки послалъ съ этимъ извѣстіемъ своего наперсника,

ожидая, по принятому въ Турціи обыкновенію, за нее награды, и приказалъ посланному, получивъ деньги, тотчасъ привезти ихъ къ нему.

Садръ-азамъ велѣлъ своему банкиру выдать посланному 500 кисъ, что равняется 50.000 франковъ, и самъ поспѣшилъ въ Чамлидзе. Абдулъ-Гаки встрѣтилъ его съ веселымъ лицомъ, говоря: «въ настоящую минуту султанъ почиваетъ, мы сейчасъ пойдемъ къ нему».

Гаки задержалъ такимъ образомъ Хозрева-пашу до тѣхъ поръ, пока не вернулся посланный, который показалъ ему знаками, что деньги получены. Тогда Абдулъ-Гаки-эффенди ввелъ садръ-азама въ спальню султана и показалъ ему тѣло скончавшагося монарха. Хозревъ требовалъ, чтобы ему были возвращены деньги, но врачъ отвѣчалъ, что это уплата за тѣлесное наказаніе, полученное имъ за Варну и флотъ, и что они квиты.

Другой разъ Хозревъ-паша, бывшій въ то время капитаномъ-пашею, созвалъ совѣтъ на капитанскомъ суднѣ; однимъ изъ членовъ этого совѣта былъ Тагиръ-паша, уроженецъ Бендеръ, человѣкъ гордый, надменный и несдержаный. Всѣ собрались, а Хозрева-паши все не было. Выведенный изъ терпѣнія, Тагиръ-паша началъ поносить доброе имя жены или женъ капитанъ-паши въ тотъ самый моментъ, когда Хозревъ прибылъ инкогнито въ небольшомъ каикѣ и никѣмъ не замѣченный подошелъ къ каютѣ. Услыхавъ оскорбительныя слова, онъ тотчасъ ушелъ, сѣлъ въ каикъ и вернулся домой, а совѣтъ, не получивъ приказаній разойтись, ожидалъ его прибытія.—Полчаса спустя, Хозревъ-паша прибылъ уже въ адмиральскомъ катерѣ, вошелъ въ каюту, заявилъ собравшимся, что онъ слышалъ оскорбительныя рѣчи, произнесенныя Тагиръ-пашею и что, будучи увѣренъ въ томъ, что паша, сановникъ, не можетъ и не долженъ говорить лжи, онъ вернулся къ себѣ во дворецъ, со всей строгостью допросилъ жену; теперь онъ убѣдился, что Тагиръ, ставъ пашею, относится къ правдѣ точно такъ же какъ въ то время, когда онъ былъ беемъ и агою.

Турецкая имперія обязана Хозревъ-пашѣ многими нововведеніями; онъ посылалъ на свои средства за границу для дальнѣйшаго образованія своихъ невольниковъ и дѣтей, которыхъ онъ бралъ на воспитаніе. Много выдающихся дѣятелей, до сей поры занимающихъ въ Турціи высшія должности, вышли въ люди благодаря ему. Таковы: Эдемъ-паша, министръ общественныхъ работъ и торговли, его родной братъ, дивизіонный генералъ Селимъ-паша — оба по происхожденію греки изъ Хіоса, были взяты Хозревъ-пашею дѣтьми во время войны Греціи за независимость; Абдулъ-Керимъ-паша, фельдмаршалъ, единственный человѣкъ въ Турціи прекрасно знакомый съ военнымъ дѣломъ въ теоріи и на практикѣ. Хозревъ покровительствовалъ Омеру-Луфти, кроату, который дезертировалъ изъ австрійскаго войска, былъ на службѣ у

паши и подавалъ ему воду для омовенія. Подмѣтивъ въ немъ большія способности, Хозревъ опредѣлилъ его офицеромъ въ турецкую армію, и онъ дошелъ впослѣдствіи до званія главнокомандующаго турецкимъ войскомъ. При содѣйствіи Хозрева генералъ Хржановскій преобразовалъ оттоманское войско, сформировавъ въ немъ редифы или резервы, по образцу прусской арміи.

Въ сущности, Хозревъ-паша былъ только исполнителемъ предначертаній извѣстнаго турецкаго сановника Решидъ-Мустафы-паши и Фети-Ахмеда-паши, убѣжденнаго патріота, зятя султана Махмуда и потомка послѣдняго правителя острова Родосскаго, одинъ изъ предковъ коего принялъ мусульманскую вѣру. Эти два человѣка, связанные дружбою какъ частныя лица и какъ политическіе дѣятели, не пользовались еще въ то время достаточной извѣстностью въ Турціи и за границею, чтобы лично стать во главѣ реформъ, и нашли сговорчиваго черкеса, который былъ на все готовъ, лишь бы удержаться у власти; они пользовались имъ для блага своей страны.

Хозревъ-паша не имѣлъ своихъ собственныхъ мнѣній или убѣжденій. Онъ не былъ фанатикомъ только потому, что ни во что не вѣрилъ; не мудрено, что онъ не имѣлъ ни горячихъ приверженцевъ, ни особенно строгихъ порицателей. Это былъ человѣкъ безсердечный какъ большинство черкесовъ, которые изъ невольниковъ становились сановниками турецкой имперіи. На нихъ всегда остается клеймо неволи, рабства. Черкесы, проданные въ неволю, становятся зачастую членами правящаго класса, которыхъ можно назвать стамбульскими мусульманами или стамбульчиками. Стамбульчики составляются по большей части изъ невольниковъ черкесъ, грековъ, армянъ, изъ уроженцевъ Анатоліи и арнаутовъ, принявшихъ мусульманство, которые изъ царедворцевъ доходятъ до высшихъ степеней чиновной іерархіи. Славянамъ и отуреченнымъ лицамъ другихъ національностей, турки предоставляютъ сражаться, умирать за Турцію, иной разъ быть садръ-азамами, чаще сардарами, предводительствовать войскомъ, но имъ не позволяется участвовать въ управленіи страною, въ политикѣ, въ завѣдываніи финансами, въ дипломатіи. Все это находится въ рукахъ стамбульчиковъ и избранныхъ ими адептовъ. Въ Турціи только стамбульчики являются правящимъ классомъ, точно также какъ въ католической церкви отцы іезуиты.

Въ политикѣ и въ дипломатіи Хозревъ-паша угождалъ Западу, изъ уваженія къ своимъ учителямъ Решиду и Фети-Ахмеду пашамъ, но старался дѣлать это какъ можно болѣе тайно. Въ то же время, по примѣру Абазъ-паши, онъ называлъ себя первымъ подданнымъ русскаго царя и сторонникомъ русской политики. Австріи онъ угождалъ какъ ближайшей сосѣдкѣ, даже, на всякій случай, заговаривалъ зубы прус-

самъ. Поэтому, озабочиваясь реорганизаціей войска, онъ пригласилъ французскихъ инструкторовъ въ штабъ и пѣхоту, русскихъ и итальянцевъ въ кавалерію, пруссаковъ въ артиллерію, австрійцевъ въ корпусъ инженеровъ и англичанъ во флотъ. Такимъ образомъ онъ всѣмъ угодилъ, и своимъ приближеннымъ говорилъ: «Оттоманская имперія—здоровая кость, обросшая мясомъ и саломъ; христіанскія державы—псы, которымъ страшно хочется захватить эту кость, но они не могутъ ее подѣлить, а никто не хочетъ уступить ее другому, поэтому они ворчатъ другъ на друга, пожираютъ другъ друга, а кость все цѣла лежитъ себѣ между ними». Этимъ сравненіемъ онъ объяснялъ существованіе Оттоманской имперіи; онъ не имѣлъ ни малѣйшей вѣры во внутреннюю мощь Турціи и въ то, что ей удастся выйти изъ затруднительныхъ для нея обстоятельствъ.

Всѣ реформы, которыя онъ предпринималъ, дѣлались имъ для вида, для того, чтобы пустить, какъ говорится, пыль въ глаза не только постороннимъ, но даже своимъ двумъ наставникамъ, ибо онъ самъ ни во что не вѣрилъ и не имѣлъ иной страсти кромѣ желанія стоять у власти.

Объ этомъ Хозревъ только и думалъ, объ этомъ только и мечталъ. У него былъ свой собственный домъ на берегу Босфора, въ деревнѣ Эмиргіанъ; каики проплывали подъ самыми его окнами. Когда онъ бывалъ въ опалѣ, что случалось не разъ, то просиживалъ съ утра до вечера у окна и смотрѣлъ на проѣзжавшихъ мимо въ каикахъ; это былъ для него какъ бы политическій барометръ. Когда сидѣвшіе въ каикѣ смотрѣли на его дворецъ нахально—это было признакомъ, что его акціи стоятъ низко, что онѣ падаютъ, если же люди проѣзжали возлѣ его дворца съ опущенными глазами, что означаетъ страхъ и покорность, то это было признакомъ, что онъ скоро вернется къ власти. Подъ вечеръ, къ нему приходилъ обыкновенно докторъ Костаки навѣдаться объ его здоровьи, пощупать ему пульсъ или скорѣе донести о томъ, что дѣлается въ посольствѣ, во дворцахъ и большихъ конакахъ. Эти дружескія, пріязненныя отношенія между визиремъ и его врачемъ существовали издавна, никогда не измѣняясь, что дѣлаетъ честь имъ обоимъ.

Разсказываютъ,—впрочемъ это остается въ области догадокъ, что Хозревъ пользовался иногда услугами доктора для того, чтобы избавиться отъ своихъ недоброжелателей или отъ людей недостойныхъ; если онъ говорилъ: «Костаки, угости такого то кофе или сладкимъ», то тотъ кто получалъ это угощеніе, навѣрно въ тотъ же день переходилъ въ вѣчность, ибо онъ оказывался лишнимъ на семъ свѣтѣ.

По понятіямъ Востока, по сравненію съ тѣми ядами, которые приговоренные должны были выпивать добровольно, послѣ шелковыхъ

снурковъ, которые человѣкъ долженъ былъ надѣвать себѣ на шею самъ, чтобы посланному казнить его было легче задушить, кофе Костаки или Хозрева-паши былъ прогресомъ, реформой на благо людей и самымъ легкимъ способомъ отдѣлываться отъ нихъ. Это нельзя назвать способомъ тираническимъ или дикимъ, но лишь усовершенствованнымъ карательнымъ орудіемъ казни, освобождающимъ общество отъ вредныхъ элементовъ.

Для того чтобы не раздражать религіознаго фанатизма, который былъ только усыпленъ, но не былъ еще окончательно искорененъ, Решидъ-Мустафа - паша, который былъ душою реформъ и ярымъ ихъ защитникомъ, былъ назначенъ посланникомъ въ Парижъ и Лондонъ, а Фети-Ахмедъ-паша, при самомъ страстномъ желаніи быть полезнымъ своему отечеству, при самыхъ благородныхъ стремленіяхъ, не имѣлъ достаточно энергіи, а быть можетъ ловкости, чтобы управлять Хозревомъ-пашею и иностранцами, приглашенными для проведенія реформъ. Поэтому, реорганизація войска была произведена на бумагѣ, но осталась мертвою буквою, и хотя между инструкторами были люди способные, но, не имѣя дѣла, не имѣя кого учить, они слонялись по улицамъ и въ кофейняхъ Перу, не думая ни о государствѣ ни с реформахъ. Комитетъ обновленія Турціи, состоявшій подъ предсѣдательствомъ доктора Барахина, дѣйствовалъ нелѣпо и только вызывалъ смѣхъ своими распоряженіями. Для примѣра приведу три изданныя имъ постановленія: первое—о выселеніи изъ Стамбула и Скутари всѣхъ псовъ и котовъ на одинъ изъ Принцевыхъ острововъ, гдѣ онъ предлагалъ сдирать съ этихъ бѣдныхъ звѣрей живьемъ шкуру и дѣлать изъ нее перчатки, а изъ мяса и костей приготовлять масло для лампъ. По мнѣнію комитета это было бы великимъ шагомъ на пути цивилизаціи и чрезвычайно доходною статьею для финансовъ; второе постановленіе—о ловлѣ дельфиновъ, которая должна была замѣнить доходъ съ китоловнаго промысла, и третье—объ охотѣ на чаекъ, которыхъ перья могли идти на изготовленіе нѣмецкихъ пуховиковъ, а мясо въ пищу для войска. Эти три постановленія вызвали много смѣха въ Константинополѣ, гдѣ многіе уже начали обращать реформы въ насмѣшку и шутку.

Въ это время образовалась другая партія, сознававшая также потребность въ реформахъ и необходимость обновленія государства; это была турецкая партія, опиравшаяся на мѣстныя силы общества, вѣрившая въ эти силы. Душою и руководителемъ этой партіи былъ Гассанъ-Риза-паша, бывшій пажъ и любимецъ султана Махмуда, человѣкъ честный, способный, но не ученый и даже не особенно образованный. Къ этой партіи принадлежали: Мехмедъ-Али-паша, зять покойнаго султана, Гамиль-паша, другой зять султана Махмуда, черкесъ одного племени

съ Хозревомъ, Реуфъ-паша, неоднократно бывшій великимъ визиремъ, женатый на сербкѣ, христіанкѣ и слѣдовательно невольно сочувствовавшій христіанамъ, Ага-Гуссейнъ-паша, котораго звали Ага-паша, побѣдитель янычаръ и Неджибъ-паша, представитель многочисленнаго рода, игравшаго первенствующую роль въ Стамбулѣ и бывшій въ родствѣ чуть не со всѣми лицами у власти стоявшими. Онъ былъ такъ сказать главнымъ вожакомъ стамбульчиковъ, этой бюрократіи оттоманскаго правительства. Риза-паша и вся его партія относилась съ особымъ уваженіемъ къ Решиду-пашѣ, признавала его политическую прозорливость и считала его единственнымъ человѣкомъ, способнымъ вести переговоры съ европейскими державами, тогда какъ партія или, лучше сказать, министерство Хозрева-паши считалось бездарнымъ, неспособнымъ провести въ жизнь проектъ реформъ Решида-паши.

Молодой султанъ Абдулъ-Меджидъ былъ человѣкъ добрый, прекрасно воспитанный и образованный. Онъ съ дѣтства учился французскому языку, зналъ его основательно и поэтому могъ много и толково читать, любилъ свою страну и заботился объ ея славѣ и величіи. Султанъ обладалъ замѣчательнымъ умѣніемъ выбирать людей, и отличался высокими качествами ума и сердца, какъ и подобаетъ намѣстнику Божьему на землѣ.

Абдулъ-Меджидъ чрезвычайно уважалъ Риза-пашу и относился къ нему съ большимъ довѣріемъ. Этотъ молодой сановникъ добился отставки Хозрева-паши и Фети-Ахмеда-паши, удаленія ихъ изъ Стамбула и назначенія Реуфа-паши садръ-азамомъ и былъ назначенъ сераскиромъ, съ сохраненіемъ прежде занимаемой имъ должности гофмаршала. Первымъ дѣломъ новаго сераскира было преобразовать войско на дѣлѣ, а не только на бумагѣ.

Однажды, жители Стамбула были оповѣщены, чтобы всѣ правовѣрные собрались, въ назначенный день и часъ, въ мечети. Когда народъ собрался, мечети были окружены небольшимъ количествомъ войска, какое можно было собрать, и полицейскими. Офицеры и гражданскіе чины вошли въ мечети и забрали всѣхъ, кто по лѣтамъ, здоровью и семейному положенію былъ способенъ служить въ войскѣ, и препроводили ихъ въ казармы.

Такимъ образомъ, въ одинъ день, въ самомъ Стамбулѣ было взято 40 тысячъ рекрутъ, изъ которыхъ, по принесеніи ими присяги, было сформировано пять корпусовъ, по 8.000 человѣкъ въ каждомъ; черезъ три дня офицеры инструкторы обучали уже это войско на всѣхъ концахъ Стамбула. Эти пять корпусовъ составили первоначальные кадры арміи, а изъ прежняго войска, съ присоединеніемъ къ нему рекрутъ и добровольцевъ изъ провинціи, было сформировано еще пять корпусовъ.

На другой или на третій день послѣ этого набора, Риза-паша ѣхалъ

изъ сераскиріата во дворецъ; на улицахъ его встрѣтила толпа женщинъ съ криками, бранью и проклятіями; женщины кидали въ него туфлями, даже каменьями. Риза-паша приказалъ своему конвою отступить, а самъ ѣхалъ не спѣша на своемъ чудномъ конѣ, отвѣчая на брань и удары привѣтливыми поклонами направо и налѣво и не дозволяя конвою причинять женщинамъ ни малѣйшаго вреда. Эта твердость, эта храбрость и замѣчательное спокойствіе вызвали удивленіе толпы и смирили ея ненависть.

Въ то время когда я пріѣхалъ въ Стамбулъ, тамъ было сформировано изъ христіанъ два баталіона, которые были уже обмундированы, имѣли своихъ офицеровъ и свои знамена; это былъ первый шагъ къ правильной организаціи войска, которое отличилось при Мурадѣ, Баязидѣ, Солиманѣ и Махмудѣ въ ихъ войнахъ, завоеваніяхъ и способствовало ихъ побѣдамъ; это была первая попытка приравнять христіанъ къ мусульманамъ въ войскѣ султана.

Вотъ все, что я почерпнулъ въ тотъ вечеръ изъ бесѣды, которая была для меня настоящимъ политическимъ урокомъ.

Докторъ Маркополи, который былъ хорошо знакомъ съ княземъ Адамомъ, совѣтывалъ мнѣ повидаться съ Хозревомъ-пашею прежде, нежели предпринять что либо рѣшительное, и выразилъ готовность отправиться вмѣстѣ со мною въ Родосто-Теквирдагъ, гдѣ этотъ паша жилъ въ опалѣ, и представить ему меня. Чтобы не скомпрометировать ни его ни себя, мы уговорились ѣхать порознь и встрѣтиться только въ Теквирдагѣ.

Въ тотъ вечеръ мнѣ разсказали со всѣми подробностями, что черкесы продавали туркамъ и даже армянамъ и грекамъ, владѣльцамъ чивтликовъ, массу поляковъ, которые дезертировали изъ русскаго войска; эти поляки становились ихъ рабами, обработывали землю, исполняли разныя домашнія работы; ихъ продавали даже въ Египетъ, Тунисъ и Триполи, и они не рѣшались объявить своей національности, боясь этимъ ухудшить свою участь. Ни одно посольство, не исключая даже французскаго, не оказывало имъ покровительства, не выдавало имъ паспортовъ; въ Стамбулѣ и во всей Турціи они были настоящими паріями общества. Мнѣ самому совѣтывали перемѣнить фамилію и выдавать себя за человѣка другой національности, на что я, однако, не согласился. Сохраненіе своей національности, индивидуальности и польской фамиліи я считалъ первымъ шагомъ моей дѣятельности въ Турціи, первымъ камнемъ того зданія, которое я хотѣлъ воздвигнуть для польской справы.

Переводъ **В. В. Тимощукъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Два слова П. И. Бартеневу.

Сорокъ уже лѣтъ Петръ Ивановичъ Бартеневъ неустанно продолжаетъ обогащать русскую историческую науку чрезвычайно важными матеріалами. Услуги, оказанныя имъ въ этомъ отношеніи, особенно цѣнны для исторіи нашего XVIII столѣтія, преимущественно же вѣка Екатерины II. Менѣе чѣмъ кто-либо способны мы умалять заслуги г-на Бартенева, какъ издателя историческихъ матеріаловъ, хотя онъ и вынуждаетъ насъ указать крайне несимпатическіе пріемы, практикуемые имъ, какъ редакторомъ «Русскаго Архива».

Въ январскомъ выпускѣ этого журнала помѣщены г-номъ Бартеневымъ «Два донесенія прусскаго посланника Гольца Фридриху Второму о воцареніи Екатерины Великой». О нихъ и мое первое ему слово.

Съ момента воцаренія Екатерины II до отъѣзда барона Гольца изъ Россіи, имъ посланы въ Берлинъ 11 депешъ: 9 непосредственно королю Фридриху II, причемъ къ пяти сдѣлано 14 приписокъ (Post scriptum), и 2 государственному министру графу Финкенштейну. Большая часть этихъ депешъ шифрована. По той роли, которую баронъ Гольцъ игралъ при дворѣ императора Петра III, легко догадаться о важности его сообщеній, писанныхъ въ первые же дни переворота. До прошлаго года депеши эти, хранящіяся въ секретномъ отдѣленіи Государственнаго Архива въ Берлинѣ, не были обнародованы. Въ 1883 году директоръ берлинскаго архива, знаменитый историкъ Генрихъ Зибель, доставилъ намъ, какъ своему ученику, возможность ознакомиться съ этими депешами, въ присутствіи бывшаго архиваріуса Брезе, причемъ снятыя нами копіи были намъ доставлены лишь въ 1889 году, съ условнымъ разрѣшеніемъ пользоваться ими не иначе, какъ при соблюденіи извѣстныхъ формальностей. Въ 1890 году мною была представлена въ Бозѣ

почивающему императору Александру III депеша барона Гольца отъ 2-го (13-го) іюля 1762 года, но высочайшаго разрѣшенія на пользованіе ею не послѣдовало. Лишь въ прошломъ 1897 году мною были напечатаны всѣ депеши въ особомъ изданіи, предназначенномъ для Академіи Наукъ и въ продажу не поступавшемъ. Таково наше отношеніе къ этимъ депешамъ.

По увѣренію г-на Бартенева, онъ тоже самъ списалъ двѣ первыя депеши. Вотъ его подлинныя слова: «Списано съ подлинниковъ, хранящихся въ Берлинѣ, въ Прусскомъ королевскомъ архивѣ, доступъ къ коему былъ открытъ намъ благодаря любезному посредству графа Николая Дмитріевича Остенъ-Сакена» (5). Конечно, здѣсь весьма осторожно обойдено категорическое «списано нами», но предательское выраженіе «доступъ былъ открытъ намъ» не оставляетъ никакого сомнѣнія—довольно затруднительный доступъ въ секретный архивъ «открывается» именно для списыванія! Мало того: въ мѣстахъ, возбуждающихъ сомнѣніе, г-нъ Бартеневъ свидѣтельствуетъ своею подписью, что они точно скопированы съ оригинала.

Внимательно читая двѣ депеши барона Гольца, помѣщенныя въ «Русскомъ Архивѣ», не трудно, однако, убѣдиться, что, во-первыхъ, текстъ депешъ прочитанъ г. Бартеневымъ крайне небрежно и, во-вторыхъ, переводъ депешъ на русскій языкъ сдѣланъ не точно. Указывать всѣ неточности, значило бы злоупотреблять любезностью редакціи «Русской Старины»; приведемъ лишь примѣры:

Во второй депешѣ, отъ 6-го (17-го) іюля 1762 г., по «Русскому Архиву», встрѣчается такое мѣсто: «Tout le parti français de cette cour, voyant la mésintelligence qui déjà il y a plusieurs années régnait entre cette Princesse et son époux, s'employait près d'un couvent pour l'y faire enfermer pour toujours» (стр. 25). Эта очевидная безсмыслица подтверждена, однако, увѣреніемъ г. Бартенева: «Такъ въ подлинникѣ» (стр. 25, прим.). Еслибъ г. Бартеневъ самъ списывалъ, или, по крайней мѣрѣ, самъ свѣрилъ бы списываніе какого-нибудь копіиста, онъ легко замѣтилъ бы, что здѣсь, послѣ словъ s'employait près, пропущены слѣдующія двѣ строки: s'employait près de la défunte Impératrice pour faire passer la grande-duchesse dans un couvent et l'y faire enfermer pour toujours, причемъ послѣднее et самопроизвольно обращено въ pour. Каковъ текстъ, таковъ и переводъ, причемъ какіе-то «приверженцы французовъ при здѣшнемъ дворѣ» стараются заключить «государыню» въ монастырь! Эта нелѣпость объясняется, конечно, безсмысленностью текста.

Все значеніе первой депеши барона Гольца, отъ 2-го (13-го) іюля 1762 года, заключается въ слѣдующей ясной и простой фразѣ: «Après un entretien secret d'une demi-heure que ce général eut avec l'Empereur,

on sut que ce Prince venait de renoncer par un acte formel à l'Empire, moyennant quoi il conserverait sa liberté et le gouvernement de ses Etats d'Allemagne, ou il retournerait». Это именно небольшое сообщеніе вызвало у Зибеля восклицаніе, что сокрытіе подобнаго извѣстія есть «преступленіе противъ исторической науки!» И эту-то фразу г. Бартеневъ переводитъ болѣе чѣмъ небрежно, замѣняя даже выраженіе moyennant quoi словомъ чтобы (стр. 23).

Второе наше слово г. Бартеневу касается насъ лично и потому особенно намъ непріятно. Напечатавъ двѣ депеши барона Гольца, г. Бартеневъ прибавляетъ: «Эти донесенія не были извѣстны В. А. Бильбасову, см. «Исторію Екатерины Второй», т. II, стр. 582». Г-нъ Бартеневъ былъ бы правъ, сказавъ, что мы этими депешами не воспользовались; но утверждать, что эти донесенія были намъ неизвѣстны, по меньшей мѣрѣ несерьезно. Вслѣдъ за полученіемъ январскаго выпуска «Русскаго Архива», письмомъ отъ 7-го января, я обратилъ вниманіе г. Бартенева на несерьезность его заключенія, указалъ на недостатки текста и перевода, и даже предлагалъ ему, на случай если бы онъ предполагалъ продолжать печатаніе депешъ, очевидно имъ небрежно списанныхъ, выслать свою книжку для свѣрки текста. Г-нъ Бартеневъ немедленно же отвѣчалъ мнѣ письмомъ, отъ 10-го января, начинавшимся слѣдующими словами: «Примите мою благодарность за ваши поправки и замѣчанія, которыми я воспользуюсь». Я ожидалъ, что г. Бартеневъ сдержитъ свое слово и исправитъ взведенную на насъ напраслину, если не въ февральскомъ выпускѣ, на что было вполнѣ достаточно времени, то хоть въ мартовскомъ; но я ошибся, и теперь вынужденъ печатно заявить П. И. Бартеневу, что онъ поступаетъ непорядочно, взводя на человѣка напраслину и не печатая его опроверженія.

В. Бильбасовъ.

Мѣра, предложенная императоромъ Александромъ I, чтобы окончить скорѣе войну съ Турціею въ 1812 году.

Собственноручный рескриптъ Александра I дюку де Ришелье [1])

16-го февраля 1812 года С.-Петербургъ.

Господину генералъ-лейтенанту дюку де Ришеліе.

Желая кончить решительно войну съ Портою, не нахожу лутчего средства къ достиженію сей цели, какъ произвести сильной ударъ подъ стенами Царя града, совокупно морскими и сухопутными силами, подъ непосредственнымъ начальствомъ вашимъ, уверенъ будучи, что усердіемъ и рвеніемъ вашимъ на пользу и славу отѣчества, оправдаетѣ вы совершенно мой выборъ. Для сего действія назначаю я три дивизіи, а именно 13-ую, 12-ую и 9-ую. Двумъ последнимъ повеленія даны следовать къ Одессѣ, равномерно даны нужныя повеленія вицъ-адмиралу Языкову приготовить всѣ нужное для поднятія предназначенныхъ войскъ. Съ вашей стороны дабавтѣ сіи мѣры, вамъ потребнымъ для сего предмета. Запаснымъ баталіонамъ 9-ой дивизіи прикажитѣ следовать въ Крымъ для замещенія 13-ой дивизіи, что всѣ приведитѣ въ исполненіе съ самою большою поспешностію.

Прѣбываю вамъ въ протчемъ благосклоннымъ.

Александръ.

Сообщилъ Ѳ. П. Кеппенъ.

[1]) При печатаніи сохранено правописаніе подлинника.

Письма разныхъ лицъ къ А. Г. Тройницкому.

1.

Николая Ивановича Греча.

19-го марта 1837 г. С.-Петербургъ.

Въ надеждѣ на ваше дружеское ко мнѣ расположеніе, безпокою васъ всепокорнѣйшею просьбою.

Одинъ пріятель мой, живущій въ Вѣнѣ, намѣренъ лѣтомъ воротиться въ Россію южнымъ краемъ, а именно проѣхать изъ Вѣны въ Измаилъ на пароходѣ, а изъ Измаила въ Одессу берегомъ. Одно его затрудняетъ: должны ли путешественники, сдѣлавшіе этотъ путь, подвергаться карантину, и сколь продолжительному именно? Или нѣтъ ли именно такого маршрута, по которому бы, сдѣлавъ путь внизъ по Дунаю, можно было избѣгнуть сороковинъ? Кажется мнѣ, что если не было сообщенія съ правымъ берегомъ, то нѣтъ и очищенія, но можетъ быть, на дѣлѣ не такъ.

Сдѣлайте милость справьтесь объ этомъ и удостойте меня отвѣтомъ. Простите великодушно, что я васъ обременяю этою комиссіею, и примите увѣреніе въ искреннемъ почтеніи и душевной преданности, съ коими есть и буду всегда вашимъ всепокорнѣйшимъ слугою Николай Гречъ. Адресъ мой: издателю «Сѣверной Пчелы» [1]).

---

[1]) Съ Н. И. Гречемъ А. Г. Тройницкій познакомился въ 1836 г., въ первый пріѣздъ свой изъ Одессы въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ пробылъ съ 20-го сентября до 18-го ноября.

2.

Князя Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго [1]).

26-го апрѣля 1837 г. С.-Петербургъ.

Я обѣщалъ къ вамъ писать, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Александръ Григорьевичъ, но гриппъ, флюсы, словомъ, всѣ дары благословеннаго петербургскаго климата не давали мнѣ ни на минуту покоя, и наконецъ разрѣшились летучимъ ревматизмомъ во всемъ тѣлѣ, въ какомъ состояніи и до днесь пребываю. Этотъ новый подарокъ заставляетъ меня сократить это письмо сколько возможно, ибо перо еще худо держится у меня въ рукѣ. А взялъ я его, чтобы рекомендовать вамъ, яко редактору «О. В.» («Одесскаго Вѣстника») и яко одесскому обывателю двухъ отличныхъ артистовъ: г. Арто и г. Люилье, которыхъ имена, вѣроятно, уже вамъ извѣстны по иностраннымъ газетамъ и по «Литературнымъ Прибавленіямъ» (NB. исправно ли вы получаете ихъ?). Арто безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ малому числу первоклассныхъ скрипачей, а Люилье сочинитель романсовъ во французскомъ родѣ, qui font fureur въ Парижѣ и въ Петербургѣ, которыхъ нельзя слушать не помирая со смѣху, особливо когда онъ самъ ихъ поетъ. Отъ нихъ обоихъ, отъ каждаго въ своемъ родѣ, были безъ ума и здѣсь и въ Москвѣ. Ихъ часто приглашали во дворецъ и во всѣ лучшія общества и они сами sont des gens tout à fait distingués et de bonne compagnie. Для довершенія ихъ характеристики: они легитимисты,—а сверхъ всего этого Арто дѣйствительно музыкантъ въ полномъ смыслѣ слова. Прошу ихъ принять поласковѣе и не такъ, какъ обыкновенныхъ артистовъ. Послушавши ихъ, вы увѣритесь въ истинѣ моихъ словъ: дѣло въ томъ, что я ставлю Арто гораздо выше Гаумана, о которомъ мое мнѣніе можете прочесть въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ»; у Арто стиль чистый классическій, хотя изукрашенный всѣми новѣйшими требованіями. Это письмо еще долго не дойдетъ до васъ и потому я не прибавлю къ нему ничего болѣе, надѣюсь прежде его еще быть въ состояніи написать вамъ о нашихъ литературныхъ дѣлахъ. Васъ душевно уважающій князь Влад. Одоевскій.

---

[1]) А. Г. Тройницкій познакомился съ кн. Одоевскимъ въ то же время, когда познакомился и съ Н. И. Гречемъ.

3.

Александры Ишимовой.

22-го декабря 1841 г. С.-Петербургъ.

Прочитавъ въ № 99 «Одесскаго Вѣстника» столь лестный отзывъ вашъ о книгахъ моихъ, я спѣшу принести вамъ искреннѣйшую благодарность мою и препроводить при этомъ случаѣ программу журнала, который я намѣрена издавать съ 1842 года. Можетъ быть вы найдете удобнымъ помѣстить ее вполнѣ или въ извлеченіяхъ въ газетѣ вашей, чѣмъ много обяжете меня. Вниманіе того круга читателей, который я получила бы въ Одессѣ, не можетъ не быть лестно: они всегда отличались образованностью вкуса и сужденій.

Съ совершеннымъ почтеніемъ остаюсь готовая къ услугамъ вашимъ Александра Ишимова.

4.

П. Т. Морозова.

25-го января 1844 г. с. Панцыревка.

Премного виноватъ предъ вами, что такъ долго не писалъ къ вамъ. Причиною моей неисправности были, во-первыхъ: тяжкія семейныя потери и разныя хлопоты по двумъ должностямъ, мною занимаемымъ, и по хозяйству. Вы, вѣроятно, слышали отъ Александра Скарлатовича (Стурдзы), что я лишился двухъ дочерей въ теченіе одного мѣсяца, и оцѣнили всю великость этой потери. Прилагаю при семъ небольшую статейку для «Одесскаго Вѣстника» и покорнѣйше прошу васъ приказать тиснуть особо сто экземпляровъ этой статьи и изъ числа ихъ прислать ко мнѣ пятьдесятъ экземпляровъ, а остальные пятьдесятъ—раздать въ Одессѣ кому разблагоразсудится. Исполненіемъ просьбы моей вы премного меня одолжите.

Въ статьѣ моей я говорю о заслугахъ А. С. Стурдзы; это мѣсто лучше показать ему прежде печатанія [1]).

---

[1]) Помѣщеніе статьи этой въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ признавалось неудобнымъ. Изъ отмѣтки А. Г. Тройницкаго на подлинникѣ настоящаго письма видно, что 3-го апрѣля 1844 г., послѣ полученія письма А. С. Стурдзы (напечатаннаго въ „Рус. Стар.“ 1897 г., № 11, стр. 446) онъ возвратилъ рукопись Морозову (см. также „Рус. Стар.“ 1897 г., № 1, стр. 158).

На заплату за пересылку «Одесскаго Вѣстника» на 1844 годъ, а равно на издержки по напечатанію статьи моей въ видѣ особой книжки прилагаю при семъ пятьдесятъ рублей ассигнаціями. Покорнѣйше прошу васъ изъ этихъ же денегъ принять трудъ подписаться для меня на «Новороссійскій Календарь» 1843 и 1844 годовъ, а также на «Записки обществъ сельскаго хозяйства Южной Россіи» за тѣ же годы. Вы премного бы одолжили также меня, если бы могли отыскать хотя одинъ экземпляръ календаря моего на 1837 годъ, гдѣ помѣщена статья о календарѣ древнихъ и новыхъ народовъ.

Что новаго въ нашей Одессѣ? Безъ несчастій, мною испытанныхъ, я бы нынѣшній годъ былъ у васъ въ гостяхъ. Можетъ быть лѣтомъ явлюсь къ вамъ. Несмотря на долгую разлуку съ Одессою, люблю ее по прежнему, хотя совершенно доволенъ моею теперешнею жизнію: мы живемъ здѣсь въ небольшомъ, но пріятномъ обществѣ. Природа здѣшняя имѣетъ въ себѣ много прекраснаго, а пособія для хозяйства и удобства въ жизни неисчетны. Соприкосновеніе съ Пензенскимъ институтомъ, котораго я попечитель, и Казанскимъ университетомъ возбудили во мнѣ новую охоту къ любимымъ моимъ наукамъ физико-математическимъ и я теперь прилежно занимаюсь цифрами и реактивами.

Глазная болѣзнь, недавно меня посѣтившая, не позволяетъ мнѣ имѣть удовольствіе писать къ вамъ собственною рукою.

P.S. Если вы не признаете полезнымъ напечатать статью мою, покорнѣйше прошу васъ меня о семъ увѣдомить.

5.

Князя Г. П. Волконскаго.

4-го мая 1845 г. С.-Петербургъ.

Въ послѣднее пребываніе свое въ С.-Петербургѣ графъ М. С. Воронцовъ говорилъ мнѣ о васъ и рекомендовалъ для должности помощника попечителя Одесскаго учебнаго округа. Отзывы графа, ваше долголѣтнее служеніе въ Новороссійскомъ краѣ и знаніе мѣстности, также занятія по учебной части соединяли всѣ условія, по которымъ и я съ своей стороны не могъ желать другаго назначенія себѣ въ сотрудники. Оно тѣмъ болѣе было бы для меня пріятно, что я встрѣтилъ бы, какъ узнаю изъ письма вашего, товарища дѣтства, своего соученика по лицею. Но, къ сожалѣнію моему, по непредвидимымъ обстоятельствамъ, мнѣ не возможно нынѣ вступить въ управленіе Одесскимъ округомъ и слѣдовательно принять участіе въ избраніи себѣ помощника.

Считая долгомъ увѣдомить васъ, милостивый государь, объ этомъ и по желанію вашему, не давъ ходу вашей просьбѣ, препровождая ее обратно, покорнѣйше прошу принять увѣреніе моего совершеннаго почтенія и преданности. Князь Григорій Волконскій [1]).

6.

Вячеслава Ганки.

17-го (29-го) декабря 1858 г. Прага.

Мнѣ очень лестно было получить посланныя вами «Статистическія таблицы Россійской Имперіи за 1856 годъ» и я спѣшу душевно благодарить ваше высокородіе. Статистическій отдѣлъ центральнаго статистическаго комитета пріобрѣлъ себѣ трудной работой сей обширнѣйшей имперіи большія заслуги.

Случится ли вашему высокородію встрѣтиться съ его высокопревосходительствомъ Алексѣемъ Иракліевичемъ Левшинымъ, то прошу покорнѣйше засвидѣтельствовать ему отъ давняго знакомца мое глубочайшее почтеніе.

Препоручая себя милостивой памяти, имѣю честь быть съ совершеннымъ уваженіемъ покорнѣйшій слуга Вячеславъ Ганка [2]).

---

[1]) Два сына свѣтлѣйшаго князя Петра Михайловича Волконскаго воспитывались нѣкоторое время въ Ришельевскомъ лицеѣ, но курса въ немъ не кончили, вѣроятно потому, что ихъ отецъ, какъ видно изъ его письма къ графу Закревскому („Историческій Вѣстникъ“ 1891 г., іюнь, стр. 660), находилъ, что „они потеряли весьма много времени въ лицеѣ въ наукахъ и гораздо менѣе знаютъ, нежели кантонисты гр. Витте, кои изъ мужиковъ“.

6-го февраля 1845 г. М. П. Щербининъ писалъ А. Г. Тройницкому („Русскій Архивъ“ 1894 г., апрѣль, стр. 575), что гр. М. С. Воронцовъ хлопоталъ о назначеніи его помощникомъ попечителя Одесскаго учебнаго округа, но безъ успѣха, потому что учрежденіе этой должности тогда не состоялось.

[2]) Въ записной книжкѣ, веденной во время своего перваго заграничнаго путешествія (съ 9-го августа по 28-ое декабря 1839 г.) А. Г. Тройницкій записалъ, въ бытность въ Прагѣ: „21-го августа (2-го сентября). Былъ съ Кэрле у Ганки и въ музеѣ. Пріемъ у Ганки, который говоритъ по-русски, очень благосклонный; онъ очень помнитъ Левшина и Кириакова; жалѣетъ очень о смерти Пушкина“.

7.

Елены Ивановны Вельтманъ.

18-го іюля 1862 года, Москва.

Не понимаю, почему послѣ 30-ти-лѣтняго нашего дружества, въ продолженіе котораго не было написано ни одной строчки, меня обуяла страсть писать вамъ именно тогда, когда вы имѣете право сказать мнѣ: «ma chère amie, vous avez plus de temps de m'écrire quatre pages, que je n'en ai pour les lire» [1]). Но вы подвергли себя труду читать это письмо, задѣвъ меня словами: «Не знаю, сквозь какую призму смотрите вы на насъ изъ Москвы», да еще упомянули о славянофильскихъ призракахъ. Москва не стоокій змѣй, у нея очей восемьсотъ тысячъ, слѣдовательно и призмъ много, и есть тутъ всякая всячина. О славянофилахъ мой баринъ говоритъ, что они писать не умѣютъ и взошли на тѣхъ же нѣмецкихъ дрожжахъ. Западники чуждаются его, славянофилы— сторонятся. Академія пробовала писать противъ его ученыхъ трудовъ, но, по собственному сознанію, разорвала написанное и не напечатала. Публика читаетъ его романы и требуетъ побольше чудодѣевъ, потому что всякому здорово похохотать до сыта. Знакомые говорятъ, что онъ живетъ на необитаемомъ островѣ, въ допотопномъ мірѣ и не знаетъ ничего, что дѣлается на свѣтѣ. Изъ этой эссенціи мнѣній извольте составлять себѣ понятіе, сквозь какую призму смотритъ онъ, а его глазами и я.

Съ нашего необитаемаго острова, гдѣ такъ хорошо, что я и васъ пригласила бы погостить когда-нибудь на вакаціи, мы смотримъ на свѣтъ Божій, на ломку, которая происходитъ во всѣхъ концахъ, слышимъ трескъ, видимъ пыль и прахъ и ждемъ, надѣясь на милость Господню, зная, что все въ Его рукѣ.

Съ необитаемаго острова необычайный видъ представляла намъ наша журналистика, въ которой давно уже виднѣлось зарево петербургскаго пожара.

Вы находите смѣшнымъ мое сравненіе настоящей эпохи съ вавилонскимъ смѣшеніемъ языковъ; съ необитаемаго острова она представляетъ именно этотъ эффектъ. Можетъ быть, это оптическій обманъ, но чрезвычайно правдоподобный.

Я теперь сижу на дачѣ одна-одинешенька, съ дѣтьми, милый баринъ мой пріѣзжаетъ только обѣдать. По четвергамъ пріѣзжаютъ старые ко-

---

[1]) Дорогой другъ мой, у васъ больше времени для написанія четырехъ страницъ, чѣмъ у меня для ихъ прочтенія.

лоновожатые, сенаторы [1]), которыхъ вы знаете, иногда вашъ соперникъ (кстати, его дѣло замялось—неужели допустятъ совершиться неправдѣ! и погибнуть моей надеждѣ!) Несмотря на вашего соперника, я часто о васъ думаю, потому что о васъ пріятно думать, вся ваша жизнь представляется въ памяти въ правильномъ свѣтѣ, и изъ этого вы можете судить—правильна ли призма на необитаемомъ островѣ.

Не знаю, какъ съумѣли вы опредѣлить, прочитавъ мою книжечку, что я счастлива; только вы угадали, что доказываетъ, что и ваша призма вѣрна. Нельзя быть довольнѣе меня моей жизнью на необитаемомъ островѣ; мое воображеніе не въ силахъ создать чего-нибудь лучшаго. Будьте здоровы и не забывайте любящей васъ Елены Вельтманъ.

8.

Николая Васильевича Калачова.

18-го апрѣля 1864 года.

Перебравъ подручные матеріалы исторіи русскаго законодательства для пріисканія слова, которымъ было бы возможно замѣнить названіе «волость», съ удержаніемъ значенія этого названія, я нашелъ слѣдующіе термины, которыми, въ разное время, назывались въ великой Россіи отдѣльныя части уѣзда: вервь, весь, волость, выть, губа, земля (земцы, земляне), ключъ, коробья, лукъ, міръ, обжа, область, округа, погостъ, половина, приказъ, присудъ, пятина, сотня (сто), соха, станъ, треть, четь (четверть). Изъ всѣхъ этихъ терминовъ наиболѣе соотвѣтствуютъ, по моему мнѣнію (за исключеніемъ названій: волость и станъ), предполагаемой цѣли названія: погостъ и выть. Но первое изъ этихъ названій укоренилось уже у насъ въ особенномъ тѣсномъ значеніи; напротивъ, въ пользу слова выть (часть) можно сказать очень много: оно совершенно русское, всѣмъ понятное и выражало бы въ настоящемъ случаѣ не только часть уѣзда, но и часть стана; потомъ оно очень удобно можетъ быть соединяемо, какъ прилагательное, со всѣми названіями, выражающими должности, собранія и проч., какъ-то: вытный сходъ, вытная изба (нынѣшнее волостное правленіе), вытный старшина (голова, начальникъ), вытный писарь, вытный приставъ и т. п. Между

---

[1]) Вѣроятно, подразумѣваются Дмитр. Дмитр. Ахлестышевъ (род. 26-го іюля 1796 г., † 8-го февраля 1875 г.) и Александръ Ивановичъ Казначеевъ (род. 7-го ноября 1788 г., † 20-го іюня 1880 г.), бывшіе въ Одессѣ градоначальниками; первый въ 1840–1848 г.г., а второй въ 1848—1854 г.г.

собою выти различались бы названіями главнаго селенія каждой выти: Салтыковская выть, Покровская, Ивановская и т. д.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Н. Калачовъ [1]).

Письма и записочки П. А. Валуева.

9.

8-го сентября 1862 г. Новгородъ.

Два слова только. Я шесть часовъ былъ на ногахъ и на-тощахъ. Но вашему превосходительству, конечно, не безъинтересно будетъ узнать вкратцѣ, что̀ и какъ здѣсь было.

Вчера пріемъ на пристани прекрасный и живописный; въ Кремлѣ, говорятъ, восторженный. Дворяне, купцы, народъ, все кричало «ура!» Все тѣснилось около ихъ императорскихъ величествъ. Многіе крестились; матери, съ дѣтьми на рукахъ, кланялись въ землю. Офицеры всѣхъ полковъ, верхомъ, провожали ихъ до крыльца. Сегодня утромъ пріемъ дворянства Государемъ. Великолѣпная рѣчь его величества. Пріемъ купечества. Обѣдня въ древнемъ Софійскомъ соборѣ. Открытіе памятника, который прекраснъ Потомъ обѣдъ для 12.000 войска, данный купечествомъ на Сѣнной площади. Государь былъ на обѣдѣ. Императрица сѣла на минуту за столъ и отвѣдала щей и пр. и пр. Все благополучно и удачно. Погода свѣжая, но сухая и съ проблескомъ солнца.

10.

9-го сентября 1862 г. Новгородъ.

Снова только два слова; но вѣсть подать вашему превосходительству хочется.

№№ «Сѣв. Почты» и вашу записку я съ благодарностію получилъ.

Вчерашній день прошелъ благополучно и удачно. Памятникъ от-

---

[1]) Это письмо Николая Васильевича Калачова служило, очевидно, отвѣтомъ на вопросъ А. Г. Тройницкаго, вызванный существовавшимъ въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ предположеніемъ создать административно-хозяйственную единицу, которая была бы менѣе уѣзда, но болѣе волости и притомъ была бы всесословною.

крытъ. Онъ очень хорошъ. Дворянству и главнымъ чинамъ управленія данъ обѣдъ въ 360 кувертовъ. Ихъ императорскія величества были чрезвычайно любезны и остались всѣмъ довольны. Посылаю вамъ рѣчь государя, сказанную утромъ, и потомъ имъ самимъ записанную, но къ сожалѣнію, сокращенную. Ее слѣдуетъ напечатать.

Сдѣлайте милость прикажите отыскать мнѣ № 1 возобновленнаго «Дня». Душевно вашъ Валуевъ [1]).

11.

Я испросилъ разрѣшеніе пополнить, въ двухъ мѣстахъ, текстъ рѣчи государя. Прилагаю этотъ текстъ для напечатанія. Весь вашъ Вал.

12.

17-го сентября 1862 г.

Весьма сожалѣю о вашемъ недугѣ. Поберегитесь. Я изъ Комитета финансовъ пріѣду въ домъ и приму докладъ Зем. Отдѣла.

На счетъ возвращенной статьи полагаю, что слѣдовало бы помѣстить оную въ формѣ корреспондентскаго сообщенія, и въ концѣ сказать не молитвословія, а молитвенные возгласы [2]). Весь вашъ В.

Въ «Journal St.-Petersbourg» посылать не нужно.

13.

5-го апрѣля 1865 г.

Я долженъ быть завтра у государя въ десять съ половиною часовъ утра. Слѣдовательно, не могу быть въ Лаврѣ [3]) и прошу васъ быть

---

[1]) Въ „Русской Старинѣ" 1888 г., т. LVII, № 1, стр. 1., была напечатана статья графа П. А. Валуева объ открытіи памятника тысячелѣтія Россіи.— Настоящія письма служатъ ей дополненіемъ. Ред.

[2]) Въ „Сѣв. Почтѣ" 1862 г., № 201, на 1-й стран., помѣщена корреспонденція изъ Новгорода (о пріѣздѣ государя императора, для открытія памятника тысячелѣтія), въ которой встрѣчается выраженіе „молитвенные возгласы".

[3]) 6-го апрѣля 1865 года въ Александро-Невской лаврѣ были торжественно совершены заупокойная обѣдня и панихида въ память М. В. Ломо-

представителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, сдѣлавъ притомъ гласнымъ, по мѣрѣ удобства, причину моего отсутствія. В.

14.

12-го апрѣля 1865 г.

Aurez vous la bonté de soigner un peu le 1-r article de la Poste du Nord de demain. Je ne pourrai pas le faire moi même. Il me semble qu'il doit être court et senti. Le commencement pourrait peut être ressembler à ce qui suit [1]).

Всевышнему, въ неисповѣдимомъ ниспосланіи судебъ Своего Промысла, угодно было поразить нашъ царственный домъ и всю Россію тяжкимъ громовымъ ударомъ.

Et la fin, à peu près ainsi [2]): Не дерзаемъ говорить о чувствахъ печали, преисполняющихъ сердца Государя Императора и Государыни Императрицы. Есть скорби, предъ которыми самое живое, самое искреннее, самое глубокое участіе можетъ только преклониться и безмолствовать.

Tout à vous.

Валуевъ.

Il y a office funèbre à Isaac, a 3 h. [3]).

15.

12-го апрѣля 1865 г.

J'aime mieux громовой [4]), mais je m'en remets à vous. Je vous remercie de tout coeur. Je le trouve parfait. Je me suis permis seule-

носова, по случаю истеченія столѣтія со дня его кончины. Въ тотъ же день вечеромъ императоръ Александръ II выѣхалъ изъ Петербурга въ Ниццу, откуда получены были крайне тревожныя вѣсти о состояніи здоровья цесаревича Николая Александровича.

[1]) Не примете ли вы на себя заботы о передовой статьѣ въ завтрашней „Сѣверной Почтѣ". Самъ я не могу этого сдѣлать. Мнѣ кажется, она должна быть коротка, но прочувствованна. Начало могло бы быть въ родѣ слѣдующаго.

[2]) А конецъ приблизительно такой.

[3]) Въ Исаакіевскомъ соборѣ панихида въ 3 часа.

[4]) Извѣстіе о кончинѣ цесаревича Николая Александровича напечатано въ № 77 „Сѣверной Почты" 13-го апрѣля 1865 года; тамъ, на 2-й страницѣ, помѣщена по этому поводу статья (С.-Петербургъ, 12-го апрѣля), въ которой сказано, что громовой ударъ постигъ императорскій домъ и Россію.

ment de renoncer à quelques lignes, par ce que le Царь-Освободитель et ce qui s'en suit ont été tellement usés par d'autres que je sens un sentiment de revolte à leurs égards.

Tout à Vous W.

Si Vous n'avez pas d'objections renvoyez moi l'annexe [1]).

16.

Виктора Яковлевича Буняковскаго [2]).

8-го января 1866 г.

Покорнѣйше прошу ваше превосходительство принять отъ меня прилагаемый при семъ экземпляръ моего «Опыта о законахъ смертности и распредѣленія народонаселенія въ Россіи». Въ этомъ сочиненіи я старался доказать, строго научнымъ образомъ, ошибочность общедопускаемаго мнѣнія о чрезмѣрной, ненормальной смертности въ имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ трудѣ моемъ предложены нѣкоторые новые способы, послужившіе мнѣ для составленія, какъ таблицъ смертности, такъ и таблицъ народонаселенія, распредѣленнаго по возрастамъ. Въ концѣ книги помѣщены указанія на нѣкоторыя статистическія данныя, которыя было бы полезно собирать для дополненія и усовершенствованія нашихъ свѣдѣній о законахъ жизненности въ Россіи.

Имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга В. Буняковскій.

Сообщ. **Г. А. Тройницкій**.

---

[1]) Я предпочелъ бы громовой, не предоставляю это вашему усмотрѣнію. Отъ всего сердца благодарю васъ, я нахожу ее прекрасной. Я позволилъ себѣ отказаться отъ нѣсколькихъ строкъ, потому что Царь-Освободитель и выводы изъ того такъ часто употребляются другими, что во мнѣ возбуждается чувство возмущенія противъ нихъ.

Если у васъ нѣтъ возраженій—возвратите приложеніе.

[2]) В. Я. Буняковскій, академикъ и впослѣдствіи вице-президентъ Академіи Наукъ.

О закрытіи по случаю жаровъ присутственныхъ мѣстъ въ Елисаветполѣ.

Рапортъ верховнаго Грузинскаго правительства Правительствующему Сенату.

30-го мая 1825 г., № 4690.

Присутствіе Елисаветпольскаго окружнаго суда, по случаю несносныхъ тамъ жаровъ и вреднаго для здоровья жителей климата, въ прошломъ 1823 г. съ разрѣшенія его высокопревосходительства г-на главноуправляющаго въ Грузіи и кавалера было закрыто съ 1-го числа іюня по 1-е сентября съ предоставленіемъ чиновникамъ онаго совершенной свободы имѣть въ сіе время пребываніе гдѣ пожелаютъ въ Грузіи, безъ всякой по службѣ обязанности. А по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства, возлагалось тогда исполненіе собственно на тамошняго окружнаго начальника, долженствующаго имѣть непремѣнное пребываніе во ввѣренномъ ему округѣ; каковое время жаровъ и нынѣ уже наступаетъ. Для того опредѣлено по тѣмъ же уваженіямъ и нынѣ предписать Елисаветпольскому окружному суду, чтобы онъ закрылъ присутствіе свое съ 1-го числа будущаго іюня по 1-е сентября, о чемъ экспедиціямъ здѣшняго правительства сообщить, а подвѣдомственнымъ мѣстамъ дать знать указами, съ тѣмъ, дабы они въ означенное время по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства, обращались съ требованіями не въ судъ, но къ Елисаветпольскому окружному начальнику, и о таковомъ распоряженіи г-ну главноуправляющему въ Грузіи Ермолову представить, а Правительствующему Сенату донести.

Празднованіе XXXVII годовщины освобожденія крестьянъ

Память великой реформы 19-го февраля 1861 года, дорогая лицамъ, имѣвшимъ счастіе непосредственно содѣйствовать великому государю въ составленіи крестьянскихъ положеній, или кои вводили реформу въ дѣйствіе, была въ нынѣшнемъ году отпразднована вмѣсто 19-го числа (падавшаго на четвергъ первой недѣли поста) въ ближайшее воскресенье 22-го февраля.

Въ этотъ день обычные собесѣдники собрались на XXXVII годовщину у Донона въ числѣ 18-ти человѣкъ [1]).

За кончиною К. К. Грота, постояннымъ предсѣдателемъ обѣдовъ единогласно провозглашенъ былъ Н. И. Стояновскій, а распорядительная часть возложена на А. Н. Куломзина.

Обычные тосты были провозглашены слѣдующими лицами: предсѣдателемъ Н. И. Стояновскимъ: за здоровье государя императора.

П. П. Семеновымъ: въ память главнаго виновника великаго дѣла крестьянской реформы, покойнаго государя императора Александра Николаевича.

П. А. Шульцемъ: за великое дѣло 19-го февраля 1861 г. и въ па-

---

[1]) Изъ нихъ лишь трое, а именно: Петръ Петровичъ Семеновъ, Евгеній Ивановичъ Ламанскій и Николай Ивановичъ Стояновскій состояли участниками обѣда 1865 г., списокъ котораго сохранился на лицо. Остальные участники были: А. Д. Дембовецкой, М. С. Каховановъ, Н. В. Кидошенковъ, Н. Н. Колошинъ, А. Н. Куломзинъ, П. Ѳ. Лиліенфельдъ-Тоаль, В. М. Маркусъ, С. А. Мордвиновъ, А. И. Нератовъ, И. А. Новиковъ, графъ Я. Н. Ростовцевъ, П. Е. Татариновъ, князь П. Н. Цертелевъ, П. А. Шульцъ, Н. П. Щепкинъ.

Отказались по нездоровью: Д. Г. Анучинъ, Н. Н. Биппенъ, Н. П. Долгово-Сабуровъ, Я. Г. Есиповичъ, В. В. Калачевъ, графъ П. А. Капнистъ, баронъ В. М. Менгденъ, А. А. Рихтеръ, Н. П. Семеновъ, А. И. Скребицкій.

мять умершихъ сподвижниковъ почившаго Царя-Освободителя и всѣхъ умершихъ тружениковъ по крестьянской реформѣ.

В. М. Маркусомъ: за благоденствіе Россіи и за всѣхъ лицъ, дѣйствующихъ и дѣйствовавшихъ въ пользу крестьянской реформы.

Къ этимъ освященнымъ давностью тостамъ М. С. Каховымъ въ теплыхъ выраженіяхъ поднятъ былъ бокалъ за присутствовавшаго графа Я. Н. Ростовцева, въ лицѣ коего участники обѣда привѣтствовали внука графа Я. И. Ростовцева, память котораго особенно дорога почитателямъ великой крестьянской реформы, и сына Н. Я. Ростовцева — любимаго всѣми прежняго участника обѣдовъ.

Во время обѣда получено было слѣдующее привѣтствіе отъ чиновъ земскаго отдѣла и переселенческаго управленія, одновременно обѣдавшихъ въ ресторанѣ Контана:

«Чины земскаго отдѣла и переселенческаго управленія, собравшись на обычный праздникъ 19-го февраля, шлютъ самый искренній привѣтъ и поднимаютъ бокалы памяти вѣнценоснаго Царя-Освободителя, незабвенныхъ его сотрудниковъ и за дальнѣйшее преуспѣяніе и просвѣщеніе крестьянства».

На это привѣтствіе, до глубины души тронувшее присутствовавшихъ, отвѣчено было пожеланіемъ, чтобы принципы великой реформы крѣпли и развивались въ сердцахъ подростающихъ поколѣній.

За истекшій годъ участники лишились двухъ своихъ сочленовъ К. К. Грота и А. Д. Шумахера.

Память ихъ П. П. Семеновъ почтилъ слѣдующими словами:

«Въ истекшемъ году нашъ ежегодно рѣдѣющій, но неразрывно связанный памятью о великомъ днѣ 19-го февраля 1861 года, кружокъ понесъ тяжкія утраты: не стало между нами двухъ крупныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей К. К. Грота и А. Д. Шумахера.

«Много было уже говорено и писано о К. К.Ротѣ; жизнь и личность его намъ хорошо извѣстны и мнѣ остается высказать здѣсь только о томъ, чѣмъ именно онъ былъ всѣмъ намъ дорогъ.

«Я познакомился съ К. К. Гротомъ въ 1846 г. въ томъ кружку людей, изъ котораго вышли многіе самые выдающіеся дѣятели эпохи освобожденія крестьянъ. Въ то время только едва пробивались первые проблески зари этого великаго дѣла: вопросъ объ освобожденіи крестьянъ былъ уже предметомъ заботы вѣнценоснаго вождя русскаго народа, императора Николая I, и ближайшаго его наперсника въ этой заботѣ—графа Киселева.

«Идеаламъ этого кружка не суждено было однако же осуществиться въ то время, но одному изъ самыхъ выдающихся его представителей удалось провести въ то время для столицы городовое положеніе 1846 г. Положеніе это, при своемъ сословномъ представительствѣ, давало не

только правильное общественное устройство городу, но и впервые участіе въ самоуправленіи еще обездоленнымъ тогда податнымъ городскимъ сословіямъ—мѣщанамъ и ремесленникамъ. При ихъ еще неразвитости и непривычкѣ къ дѣламъ общественнаго управленія нужно было дать мѣщанской управѣ твердаго, умнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ гуманнаго руководителя и такого нашелъ Н. А. Милютинъ, съ свойственною ему проницательностью истинно государственнаго человѣка, въ лицѣ К. К. Грота. Сопоставленный впервые лицомъ къ лицу съ цѣлою русскою народною грушою (въ то время податныя городскія сословія Петербурга рекрутировались еще непосредственно изъ прилива въ столицу бывшихъ крестьянъ не только сосѣднихъ губерній, но и всего верхняго Поволжья), К. К. Гротъ выполнилъ превосходно свою задачу. Онъ не только достигъ поставленной ему цѣли, но и заслужилъ уваженіе, любовь и довѣріе всѣхъ тѣхъ, которыми онъ руководилъ такъ твердо и умѣло. Многому онъ научилъ людей, имъ руководимыхъ, но многому научился и отъ сопоставленія съ ними и всего болѣе—умѣнью быть опытнымъ администраторомъ.

«Обнаруженныя К. К. Гротомъ въ этомъ дѣлѣ административныя способности проложили ему путь къ занятію въ 1853 г. труднаго и отвѣтственнаго поста губернатора въ недавно учрежденной Самарской губерніи, гдѣ онъ впервые сталъ лицомъ къ лицу съ народными массами сельскихъ (крестьянскихъ) сословій.

«Въ дѣлѣ городскаго устройства г. Самары К. К. Гротъ пошелъ по знакомому ему уже пути и, дѣйствуя рука объ руку съ городскими сословіями, положилъ прочное начало тому развитію, которое впослѣдствіи менѣе, чѣмъ въ полвѣка, превратило уѣздный городъ въ 12.000 жителей въ одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ Поволжья, содержащій уже нынѣ 91.500 жителей.

«Несравненно труднѣе для новаго губернатора было придти на помощь сельскимъ сословіямъ. Глубоко гуманный, К. К. Гротъ былъ пораженъ прискорбнымъ проявленіемъ во ввѣренной ему губерніи двухъ гнетущихъ крестьянское сословіе началъ: крѣпостнаго права и откупной системы, и со свойственною ему смѣлою, но спокойною и безстрастною, твердостью и безукоризненною справедливостью вступилъ въ тяжелую борьбу на первый разъ съ незаконными только проявленіями этихъ золъ.

«Между тѣмъ заря духовнаго обновленія Россіи уже занималась. Самарское дворянство, черезъ своего всѣми уважаемаго губернатора, заявило о желаніи освободить своихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Открытъ былъ подъ его руководствомъ губернскій комитетъ, въ который ему предстояло назначить двухъ членовъ отъ правительства. Выборъ К. К. Грота палъ прежде всего на свѣтлую личность талантли-

ваго и безукоризненнаго человѣка, который состоялъ подъ его надзоромъ развѣ только потому, что преждевременно обнаруживалъ свое высокое патріотическое стремленіе къ идеаламъ, достигнутымъ вѣнценоснымъ вождемъ русскаго народа въ Положеніи 19-го февраля 1861 г. Огражденному твердымъ покровительствомъ К. К. Грота Юрію Ѳедоровичу Самарину удалось сгруппировать меньшинство дворянъ самарскаго комитета и выработать вмѣстѣ съ ними безспорно самый лучшій изъ сказанныхъ проектовъ освобожденія крестьянъ.

«Это обстоятельство имѣло послѣдствіемъ призывъ Ю. Ѳ. Самарина къ участію въ редакціонныхъ комиссіяхъ въ началѣ 1859 г., а вслѣдъ за тѣмъ и К. К. Грота къ участію въ комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, которая, идя рука объ руку съ редакціонными комиссіями, начертала первый проектъ положенія о мировыхъ посредникахъ, а также бросила первую мысль о земскихъ учрежденіяхъ.

«Одновременно съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ въ той же группѣ участниковъ великаго дѣла возбудился вопросъ о своевременности уничтоженія откуповъ. Первый предсѣдатель редакціонныхъ комиссій Я. И. Ростовцевъ придавалъ такое значеніе этому вопросу, что хотѣлъ взяться за его осуществленіе, но, удержанный благоразумными совѣтами, отложилъ попытку этого осуществленія, но на смертномъ одрѣ получилъ обѣщаніе своего государя поставить этотъ вопросъ на очередь немедленно по освобожденіи крестьянъ.

«Вотъ почему уже въ 1861 г. была образована при Государственномъ Совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ А. П. Заблоцкаго, комиссія, которой удалось, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ обнародованія Положенія 19-го февраля 1861 г., безъ всякаго шума сокрушить ненавистную всѣмъ честнымъ людямъ Россіи откупную систему. Въ составъ комиссіи входили разумѣется многіе изъ пребывавшихъ въ Петербургъ дѣятелей великаго крестьянскаго дѣла. Между ними К. К. Гротъ былъ уже заранѣе намѣченъ А. П. Заблоцкимъ, какъ самый подходящій по своей спокойной твердости и административнымъ способностямъ осуществитель новаго акцизнаго положенія, выработаннаго преимущественно самимъ предсѣдателемъ комиссіи при дѣятельной помощи нѣкоторыхъ экспертовъ изъ винокуренныхъ заводчиковъ и раскаявшихся откупщиковъ. Участіе К. К. Грота въ работахъ комиссіи какъ и во всѣхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ онъ работалъ въ этотъ періодъ времени, вполнѣ соотвѣтствовало его характеру. Онъ не принималъ непосредственнаго участія въ составленіи Положенія ни по существу, ни по редакціи, но всегда твердо и основательно высказывалъ свои взгляды относительно практической возможности выполненія того или другаго изъ предлагаемыхъ другими правилъ.

«Вмѣстѣ съ высочайшимъ утвержденіемъ акцизнаго положенія К. К.

Гротъ былъ назначенъ директоромъ департамента податей и сборовъ, и всѣмъ намъ, участникамъ въ совершившейся реформѣ, памятна необыкновенная твердость и прямодушіе К. К. Грота, не хотѣвшаго взять обратно представленную имъ министру финансовъ всеподданнѣйшую просьбу о своемъ увольненіи. Столкновеніе уладилось тѣмъ, что сошелъ съ своего поста министръ финансовъ, а К. К. Гротъ остался полнымъ хозяиномъ ввѣреннаго ему дѣла. Послѣдствія показали всю способность К. К. къ административной организаціи дѣла. Не только лица, имъ выбранныя, были безукоризненно честные и способные люди, но положенная имъ въ основаніе дѣла закваска традиціонно удержалась и до нынѣ съ его твердой руки въ организованномъ имъ вѣдомствѣ.

«Лѣтъ семь состоялъ К. К. Гротъ во главѣ податнаго управленія, пока наконецъ переутомленіе и усиливающаяся слабость зрѣнія не заставили его наконецъ отказаться отъ занимаемой имъ должности и скоро послѣ того въ 1870 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

«И въ новомъ своемъ высокомъ званіи К. К. Гротъ остался самимъ собою, отдавая всѣ свои досуги дѣламъ филантропіи въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Съ особенною любовью занялся онъ тюремнымъ дѣломъ. Еще въ бытность свою губернаторомъ въ Самарѣ онъ убѣдился въ жалкомъ положеніи русскихъ тюремъ и во ввѣренной ему губерніи перестроилъ и улучшилъ тюремное зданіе, ввелъ хорошо организованныя работы между арестантами и обученіе ихъ грамотѣ. Лѣтніе свои досуги онъ посвящалъ изученію тюремнаго дѣла за границей, принималъ участіе въ тюремныхъ международныхъ конгрессахъ, и снарядилъ на собственныя средства, черезъ географическое общество, экспедицію для изученія природы острова Сахалина и наконецъ, въ качествѣ предсѣдателя совѣта главнаго тюремнаго управленія, очень много способствовалъ усовершенствованію тюремнаго дѣла въ Россіи.

«Въ 1876 г. во время Восточной войны возникла патріотическая мысль объ организаціи, параллельно съ дѣятельностью Краснаго Креста, по всей Россіи правильной помощи семействамъ призванныхъ въ ряды арміи воиновъ, отсутствіе которыхъ обрекало ихъ семейства на голодъ и всѣ лишенія. Императрица Марія Александровна великодушно приняла подъ свое покровительство высоко филантропическое дѣло, котораго иниціаторы указали ей на К. К. Грота, какъ на способнѣйшаго организатора. К. К., какъ и всегда, оправдалъ съ честью возлагаемыя на него надежды и при помощи мѣстныхъ попечительствъ, учрежденныхъ его усиліями, достигъ намѣченной ему цѣли. По возвращеніи отсутствующихъ воиновъ главное попечительство начало ликвидировать свои дѣла, обращая остатки на призрѣніе не только сиротъ погибшихъ на войнѣ, но и раненыхъ и больныхъ воиновъ. Между послѣдними осо-

бенно поразило К. К. Грота большое количество молодыхъ солдатъ, потерявшихъ зрѣніе въ госпиталяхъ въ Болгаріи и при переходѣ черезъ Балканы. Заботы объ ослѣпшихъ навели К. К. Грота на мысль о превращеніи въ мирное время Попечительства о семействахъ отсутствующихъ воиновъ въ Попечительство о слѣпыхъ, которое императрица Марія Александровна, а затѣмъ императрица Марія Ѳеодоровна приняли подъ свое покровительство. К. К. Гротъ положилъ всю свою душу на это дѣло. Началъ онъ, какъ и всегда, съ изученія его организаціи тамъ, гдѣ оно было организовано, а затѣмъ перешелъ и къ самой его организаціи въ Россіи. Не щадилъ онъ, какъ и всегда, собственныхъ средствъ на излюбленное имъ дѣло и лебединою пѣснью К. К. Грота было выстроенное имъ, въ память покойной его жены, прекрасное зданіе мастерскихъ для взрослыхъ слѣпыхъ.

«Характеръ К. К. Грота всѣмъ намъ близко извѣстенъ. Онъ соединялъ необыкновенную стойкость убѣжденій и непреклонность воли съ тѣмъ неизмѣннымъ спокойствіемъ, которое многіе принимали за холодность и сухость. Но подъ этою на видъ неизмѣнною оболочкою проходило, черезъ всю его жизнь, глубокая любовь къ ближнему, сочувствіе къ страдающимъ, стремленіе облегчить участь обездоленныхъ судьбою. Этому высоко филантропическому началу остался онъ вѣренъ въ теченіе всей 80-ти-лѣтней жизни, точно также, какъ онъ былъ всегда вѣренъ своимъ друзьямъ и своимъ идеаламъ.

«Не менѣе всеобщаго между нами уваженія заслужилъ и современный К. К. Гроту дѣятель А. Д. Шумахеръ, который былъ моложе его всего только на 4 года. Я узналъ Александра Даниловича около 1850 г. въ томъ же самомъ кружкѣ будущихъ дѣятелей великаго дѣла освобожденія крестьянъ. А. Д. Шумахеръ состоялъ въ то время уже въ близкихъ служебныхъ отношеніяхъ къ Н. А. Милютину, и со времени назначенія сего послѣдняго директоромъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ былъ у него вице-директоромъ. Само собою разумѣется, что въ составленіи и введеніи городоваго положенія 1846 г. Шумахеръ былъ самымъ близкимъ сотрудникомъ Н. А. Милютина. Когда же Николай Алексѣевичъ всецѣло отдался работамъ по освобожденію крестьянъ, Шумахеръ заступилъ его мѣсто въ управленіи департаментомъ, посвящая свои труды главнымъ образомъ дѣламъ городскаго управленія. При всемъ томъ Н. А. Милютинъ, по особенностямъ своего характера, всегда втягивалъ въ излюбленное имъ дѣло, которому отдавался съ свойственною ему страстью, всѣхъ лицъ ему близкихъ, которые только могли принести пользу неустанной его работѣ. Такъ и А. Д. Шумахеръ былъ скоро посвященъ во всѣ тайны великаго дѣла и нерѣдко являлся въ той роли, которая соотвѣтствовала наиболѣе его характеру—всегда скромнаго и спокойнаго, но мудраго совѣтника. Не вы-

ходя изъ того же характера, А. Д. Шумахеръ принялъ и непосредственное участіе въ работахъ по освобожденію крестьянъ, въ качествѣ члена комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ.

«Когда же Н. А. Милютинъ сошелъ со сцены дѣятельности въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, А. Д. Шумахеръ, замѣнившій его въ качествѣ директора хозяйственнаго департамента, честно и стойко пошелъ по пути, проложенному Н. А. Милютинымъ не только по отношенію къ организованнымъ уже городскимъ учрежденіямъ, но и къ едва имъ намѣченнымъ земскимъ, которыя создались не нарочно организованными для составленія законоположенія о нихъ, но какими-то невидимыми силами, между которыми находился и А. Д. Шумахеръ. Что же касается до городоваго положенія 1870 г., то А. Д. Шумахеръ былъ однимъ изъ главныхъ его составителей. Не легко досталась А. Д. Шумахеру многолѣтняя охрана городскаго и земскаго положеній отъ нападокъ многочисленныхъ враговъ и недоброжелателей. Въ теченіе 15-ти лѣтъ, какъ близкій товарищъ А. Д. Шумахера, я былъ свидѣтелемъ, какъ охрана эта осуществлялась съ успѣхомъ только благодаря нравственному вліянію и уваженію, которое внушалъ гг. министрамъ внутреннихъ дѣлъ благородный, прямодушный и спокойный характеръ А. Д. Шумахера. Тѣмъ же стойкимъ защитникомъ интересовъ и правъ, дарованныхъ городамъ и земствамъ, остался А. Д. Шумахеръ и послѣ 1878 г., въ теченіе 20-тилѣтней своей дѣятельности въ 1-мъ департаментѣ Сената, гдѣ онъ первоприсутствовалъ въ послѣдніе годы своей жизни, внося въ его дѣятельность свои обширныя административныя познанія, такъ же какъ и свое неизмѣнное спокойствіе и твердость своихъ убѣжденій.

«Оставаясь до конца своихъ дней вѣрнымъ идеаламъ той группы людей, съ которой сжился и сроднился въ молодые еще годы, онъ чувствовалъ, какъ и они, потребность въ филантропической дѣятельности, которой и посвятилъ съ свойственной ему добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, состоя много лѣтъ во главѣ совѣта прекрасной группы благотворительныхъ учрежденій великой княгини Елены Павловны».

Собраніе встало и въ глубокомъ молчаніи подняло бокалы въ память дорогихъ своихъ сочленовъ.

Письмо императора Александра I—барону Беннигсену о командированіи въ армію графа Толстаго.

30-го октября 1806 г.

Mon Général. Je charge le Comte Tolstoy, que j'expédie près du Roi, de Vous remettre cette lettre et de Vous instruire de bouche de la position des affaires. La distance ou je suis m'ôte tout moyen de Vous donner des instructions, mais je me fie à Vos lumiéres, à Vos talents militaires et à Votre zèle pour mon service. Si le Comte Tolstoy sera dans le cas de rester près de Vous, je désire que Vous l'employez et suis sûr qu'il Vous sera utile. Recevez, mon Général, l'assurence de mon estime [1]).

[1]) Генералъ! Я поручилъ графу Толстому, котораго посылаю къ королю, вручить вамъ это письмо и сообщить изустно о положеніи дѣлъ. Разстояніе, на которомъ я нахожусь, отнимаетъ у меня всякую возможность давать вам инструкціи; но я полагаюсь на ваши познанія, ваши военныя способности ваше усердіе въ служеніи мнѣ. Если графу Толстому придется остаться п васъ, то я желаю, чтобы вы его употребили въ дѣло, и увѣренъ, что о будетъ вамъ полезенъ. Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

...а искусственно, безъ всякой особой нужды, ...ванное отчужденіе отъ насъ Финляндіи, ...торая съ ея анти-русскимъ устройствомъ ...анти-русскими привилегіями находится ...слишкомъ явномъ противорѣчіи съ на... ...государственнымъ строемъ. Но въ то ...время очень ярко бросалось въ глаза ...отступленіе отъ строгаго національнаго ...направленія по отношенію къ еврейскому ...вопросу. «Одна газета Каткова,—говоритъ ...И. Иловайскій,— рѣшалась толковать ...факты (дѣло идетъ о еврейскихъ погро...хъ) агитацией анархистовъ и соціали...стовъ и тѣмъ парализировать вліяніе истин...ной точки зрѣнія на мѣры, которыя могли ...предупредить повтореніе и распростра...ніе такихъ печальныхъ для нашего вѣка ...явленій».

По поводу водворенія въ Россіи классической или общеевропейской школы г. Иловайскій приходитъ къ слѣдующему заключенію: по нашему крайнему разумѣнію, едва-ли настоятельна необходимость водворять классицизмъ не иначе, какъ по нѣмецкимъ источникамъ и въ подражательной нѣмецкой формѣ, столь несимпатичной русскому человѣку. Знаменитая кіевская академія и московская славяно-греко-латинская школа, ...этихъ нашихъ прежнія духовныя семинаріи ...академіи черпали классицизмъ главнымъ ...образомъ не изъ нѣмецкихъ источниковъ и ...достигали блестящихъ результатовъ.

Особенную заслугу Каткова авторъ видитъ ...въ постоянномъ, подтверждаемомъ фактами, ...указаніи на то, что наше лже-либеральное ...направленіе есть въ то же время направленіе анти-національное, помогающее чуждымъ ...интересамъ противъ собственныхъ, чѣмъ ...оно и отличается отъ истиннаго, европейского либерализма.

Упоминая о жестокихъ нападкахъ М. Н. Каткова на судъ присяжныхъ, какъ на чуждое нашей жизни учрежденіе,—результатомъ котораго являются частые оправдательные приговоры для убійцъ, воровъ и поджигателей,—г. Иловайскій замѣчаетъ: по моимъ личнымъ наблюденіямъ, главная ...причина зла заключается въ безотвѣтственности, которою обставлено новое судопроизводство и передъ правительствомъ, и передъ общественнымъ мнѣніемъ. Присяжные отвѣчаютъ только передъ своею совѣстью (гарантія недостаточная въ дѣлахъ общественныхъ), а роль коронныхъ судей въ сущности сводится къ тому, чтобы подводить статьи закона.

Относительно русской промышленности заслуга Каткова,—по мнѣнію автора,—выразилась въ томъ, что онъ наряду съ покровительствомъ народному труду посредствомъ пограничныхъ таможенныхъ пошлинъ, боролся противъ безобразнаго желѣзнодорожнаго хозяйничанья и внутреннихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, которые, подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, обратились противъ русской торговли и промышленности. Также усердно боролся онъ и противъ крайне-разорительныхъ внѣшнихъ займовъ.

Немаловажная заслуга Каткова заключалась въ томъ, что онъ, можно сказать, создалъ политическую печать въ Россіи и поднялъ ее на степень общественной силы, съ которою должны были считаться не только наши собственныя, но также иностранныя оффиціальныя сферы. Помощью своего искуснаго пера и постепенно возраставшаго авторитета онъ дѣлалъ доступнымъ для русской печати обсужденіе такихъ явленій и сторонъ нашей жизни, которыхъ, помимо его, печать прежде едва дерзала касаться. Какъ публицистъ или собственно какъ стилистъ, онъ не имѣлъ себѣ равнаго между своими современниками, можетъ быть, въ цѣлой Европѣ. Извѣстно, что и Герценъ, при всемъ своемъ замѣчательномъ остроуміи, не вышелъ побѣдителемъ изъ схватки съ нашимъ знаменитымъ публицистомъ.

Въ заключеніе авторъ упоминаетъ о попыткѣ Каткова къ борьбѣ съ нѣмецкимъ вліяніемъ и могущественнымъ германскимъ канцлеромъ. «Эта, хотя и нѣсколько запоздалая, борьба чрезвычайно усилила общественное сочувствіе Каткову; ибо въ Россіи ничто не можетъ быть популярнѣе борьбы съ нѣмецкимъ вліяніемъ, особенно въ послѣднее время, когда на всякую лишнюю уступку нѣмцамъ коренное русское общество готово было смотрѣть какъ на что-то близкое къ государственной измѣнѣ. Даже многіе прежніе противники Каткова стали на его сторону противъ общаго отечественнаго врага».

Въ письмѣ М. И. Семевскому по поводу 900-лѣтія крещенія Руси, первоначально напечатанномъ въ № 4 «Русской Старины» за 1888 годъ,—г. Иловайскій относительно спорнаго года крещенія Руси, между прочимъ, говоритъ: «такъ какъ, по разсказу нашей лѣтописи, Владиміръ послѣ своего крещенія и брака оставался еще нѣкоторое время въ Корсуни и между прочимъ соорудилъ тамъ новую церковь, то возвращеніе его въ Кіевъ и окончательное крещеніе кіевлянъ совершились еще позднѣе и во всякомъ случаѣ не въ 988 году. Я говорю объ окончательномъ крещеніи, ибо и прежде того значительная часть кіевскаго населенія уже исповѣдывала христіанство».

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1898 г.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20 Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.) Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8** рублей; и съ 1888—1897 по **9** рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„М. И. СЕМЕВСКІЙ" основатель историческаго журнала **„Русская Старина"**. Его жизнь и дѣятельность. 1837–1892 г. Съ прил. двухъ портрет. М. И. Семевскаго и факс. его письма. Цѣна **3** рубля. Для подписчиковъ **„Русской Старины"** 2 рубля.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIX-й. МАЙ. 1898 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Отношенія императора Павла I къ Академіи наукъ Акад. К. О. Веселовскій. 225—246
II. Польская смута 1863 года. 247—267
III. Записки поляка о 1863 годѣ. 269—287
IV. Мои воспоминанія объ Авраамѣ Сергѣевичѣ Норовѣ. М. П. Михельсонъ. 289—300
V. Письмо Лжедимитрія Климонту VIII. В. А. Бильбасовъ. 301—311
VI. Евграфъ Васильевичъ Чешихинъ. (Матеріалы для его біографіи). (Окончаніе). Ч. Вѣтринскій. 313—333
VII. Изъ архива А. В. Никитенко. (Письма къ нему разныхъ лицъ). Сообщ. С. А. Никитенко. 335—345
VIII. Мимоумершій. (Изъ записокъ стараго пожарника). В. А. Шомпулевъ. 347—350
IX. Мои воспоминанія объ Антонѣ Григорьевичѣ Рубинштейнѣ (1829—1894). Василій Боссель. 351—374
X. Воспоминанія офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—1878 г.г. А. А. Берсъ. 375—400
XI. Нѣсколько словъ о Михаилѣ Антоновичѣ Горновскомъ. Е. Н. Ахматова. 401—406
XII. Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской. 407—421
XIII. Записки Михаила Чайковскаго. В. В. Тимошукъ 423—453
XIV. Замѣтка на записки В. А. Инсарскаго. П. С. 455—462
XV. Записная книжка „Русской Старины“: Къ біографіи П. С. Мочалова. Сообщ. Левъ Полиевктовъ (стр. 268).—Распоряженіе объ оберъ-гауптманскихъ судахъ въ Курляндіи. 26 мая 1812 г. (288).—Письмо И. И. Дмитріева—П. П. Свиньину 28 го марта 1835 года (312).—Жидыръ-шахъ — мнимый богъ. Сообщилъ Л. В. Ендокимовъ (334).—Письмо кн. М. И. Кутузова-Смоленскаго курскому городскому головѣ. 20 сентября 1812 г. Сообщ. Ник. Як. Тарновскій (346).—Опредѣленіе Правительствующаго Сената изъ 1-го въ 5-й департаменты. 4 іюня 1826 г. (422).—Два письма А. Бенкендорфа: Максиму Максимовичу Брискорну и Антону Константиновичу Крижановскому 3 августа 1831 г. (454).
XVI. Приложеніе. Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Л. В. Ендокимова. 305—306
XVII. Библіографическій листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Авраама Сергѣевича Норова. Грав. К. Адтъ.
2) Прилагается объявленіе о травѣ Кузьмича «Эфедрѣ».

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.
1898.

Библіографическій листокъ.

Записки Петра Кононовича Менькова.—Въ трехъ томахъ. Томъ I. Дунай и нѣмцы (Восточный вопросъ 1853—1855 г.). Томъ II. Дневникъ П. К. Менькова. Томъ III. Сборникъ статей. Издалъ В. Березовскій. Спб. 1898 г.

Оставшіяся послѣ Петра Кононовича Менькова записки, по желанію автора, выраженному въ духовномъ завѣщаніи, были вскрыты въ 1895 году и, по порученію Высочайше утвержденнаго комитета по устройству музея Севастопольской обороны, приведены въ порядокъ и изданы генеральнаго штаба полковникомъ А. М. Заіончковскимъ. Имъ выбрано все, представляющее историческій или общественный интересъ и не появившееся до настоящаго времени въ печати въ Россіи [1]). Все принадлежащее перу самого Менькова, и въ особенности касающееся характеристики событій и лицъ,— передано дословно, безъ всякихъ сокращеній и измѣненій.

Записки эти представляютъ собою очень цѣнный матеріалъ для будущаго историка Венгерской и Севастопольской кампаній, какъ взглядъ очевидца и участника описываемыхъ событій.

П. К. Меньковъ родился въ 1814 году въ Тверской губерніи. Лишившись въ дѣтствѣ отца, онъ, по ходатайству генерала Ермолова, былъ опредѣленъ, 11-ти лѣтъ, въ Первый кадетскій корпусъ и здѣсь уже выказалъ большія способности и любовь къ литературѣ. Въ 1833 г. онъ былъ произведенъ въ прапорщики въ 13-ю артиллерійскую бригаду, откуда, какъ способнѣйшій, былъ прикомандированъ ко Второму кадетскому корпусу на должность ротнаго офицера. Въ 1840 г. поручикъ Меньковъ окончилъ курсъ Императорской военной академіи (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба) и до 1848 г. находился на службѣ въ войскахъ 4-го пѣхотнаго корпуса. Въ этотъ періодъ времени онъ составилъ военно-статистическое обозрѣніе Кіевской губерніи и помѣстилъ рядъ статей въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ».

Въ 1848 г. П. К. Меньковъ вызванъ былъ въ Варшаву, въ главный штабъ дѣйствующей арміи, и назначенъ и. д. дежурнаго штабъ-офицера при начальникѣ штаба, князѣ М. Д. Горчаковѣ. Весною 1849 г. на Петра Кононовича обрушилось несчастіе: онъ былъ арестованъ по Высочайшему повелѣнію и отправленъ въ III-е отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи; но чрезъ мѣсяцъ былъ возвращенъ въ Варшаву, причемъ Высочайше повелѣно было поѣздку въ Петербургъ капитану Менькову не считать препятствіемъ къ дальнѣйшему повышенію по службѣ.

Интересныя подробности объ этомъ дѣлѣ и вообще о служебной и частной жизни П. К. Менькова сосредоточены въ его дневникѣ, составляющемъ второй томъ «Записокъ».

Во время Венгерской кампаніи Петръ Кононовичъ принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и за отличіе по службѣ произведенъ былъ въ подполковники и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. По окончаніи войны, князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій поручилъ Менькову составить описаніе Венгерскаго похода, что и было исполнено по личнымъ указаніямъ и подъ руководствомъ самого фельдмаршала.

Матеріалы, относящіеся къ этой войнѣ, помѣщены въ третьемъ томѣ «Записокъ».

Въ 1853 г. Меньковъ былъ назначенъ въ распоряженіе князя Горчакова, командовавшаго расположенными на Дунаѣ войсками, и вмѣстѣ съ нимъ, въ 1855 году, отправился въ Севастополь. Какъ на Дунаѣ, такъ и въ Севастополѣ Петру Кононовичу поручено было веденіе журналовъ военныхъ дѣйствій и, кромѣ того, давались особыя порученія (Подъ Севастополемъ Меньковъ былъ раненъ). Одновременно съ составленіемъ этихъ журналовъ, онъ велъ свои собственныя записки, которыя, подъ заглавіемъ «Дунай и нѣмцы (Восточный вопросъ 1853—1855 г.)», и напечатанъ въ первомъ томѣ «Записокъ». Объ этихъ «Запискахъ», самъ авторъ говоритъ въ своемъ дневникѣ, между прочимъ, слѣдующее: «Быть можетъ эти «правдивыя сказанія», доставшись въ руки

---

[1]) Въ 1858 г. первая часть рукописи, безъ разрѣшенія автора, была издана однимъ изъ его пріятелей, въ Лейпцигѣ. Книга появилась въ Петербургѣ и повлекла за собою для Менькова непріятныя послѣдствія.

АВРААМЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

НОРОВЪ.

[illegible] Императора Павла I къ [illegible]

[illegible]

Порученія, возлагавшія [illegible]

[illegible]

[illegible]ВИЧЪ

[illegible]ВЪ.

Отношенія императора Павла I къ Академіи Наукъ.

III [1]).

Порученія, возлагавшіяся на академиковъ.

Императоръ Павелъ постоянно обращался къ Академіи, какъ представительницѣ спеціальныхъ научныхъ познаній. Частыя его обращенія къ ней свидѣтельствуютъ какъ объ уваженіи государя къ авторитету науки, такъ и о желаніи его призывать науку къ служенію общественной пользѣ.

Какъ извѣстно, императоръ обращалъ особое вниманіе на морскую часть и интересовался всякимъ дѣломъ, имѣющимъ отношеніе къ мореплаванію и судостроенію. И поэтому особенно примѣчательны тѣ порученія, которыя по этой части были возлагаемы государемъ на Академію.

Въ сентябрѣ 1798 года Адмиралтействъ-коллегія сообщила Академіи, по высочайшему повелѣнію, относящіяся до нея статьи конфирмованнаго 28-го августа положенія о новоучреждаемомъ училищѣ корабельной архитектуры, назначенномъ служить къ образованію искусныхъ судостроителей. Въ этомъ положеніи повелѣвалось, что для преподаванія элементарной математики въ училищѣ профессоръ долженъ быть заимствованъ изъ Академіи, а достаточно подготовленнымъ по этой части ученикамъ лекціи по высшей математикѣ, физикѣ, механикѣ и гидравликѣ должны быть читаны профессорами въ Академіи Наукъ, гдѣ они должны будутъ изучать приложеніе теоріи судостроенія къ практикѣ,

[1]) См. „Русскую Старину“, апрѣль 1898 г.

для того, чтобы по выдержаніи испытанія въ изученыхъ ими предметахъ, могли быть съ пользою употребляемы на службу по флоту. Конференція, по выслушаніи этого высочайшаго повелѣнія и нѣкоторыхъ дополнительныхъ по этому дѣлу свѣдѣній, въ засѣданіяхъ 6-го, 17-го и 24-го сентября положила отвѣчать Адмиралтействъ-коллегіи, что когда будутъ присланы въ Академію ученики, достаточно подготовленные въ математикѣ, то для преподаванія имъ высшей математики, физики, механики и гидравлики, будутъ назначены отъ конференціи тѣ изъ академиковъ, которые наилучше могутъ исполнить эту обязанность; а для приготовленія учениковъ низшихъ классовъ того училища въ математикѣ Академія не можетъ рекомендовать никого лучше академика Гурьева, уже весьма опытнаго въ дѣлѣ преподаванія этой науки.

Въ засѣданіи конференціи 28-го ноября 1799 года было сообщено высочайшее повелѣніе, объявленное адмираломъ графомъ Гр. Гр. Кушелевымъ о томъ, чтобы въ учреждаемый при Адмиралтействъ-коллегіи комитетъ для разсмотрѣнія сочиненій и переводовъ по предмету строенія кораблей, разведенія и сохраненія лѣсовъ и другихъ относящихся къ мореплаванію и судостроенію матерій и для изданія такихъ сочиненій по два тома въ годъ былъ приглашаемъ въ присутствіе этого комитета, въ случаѣ надобности, одинъ изъ профессоровъ Академіи. На это президентъ отвѣчалъ графу Кушелеву, что Академія не преминетъ съ благоговѣніемъ исполнить волю государя императора, но какъ въ учреждаемомъ комитетѣ о разныхъ предметахъ будетъ разсуждаемо, то одинъ и тотъ же академикъ не будетъ въ состояніи удовлетворить желаніямъ онаго; поэтому не угодно ли предложить комитету, дабы каждый разъ, когда будетъ заблагоразсуждено пригласить въ оный академика, даваемо было знать Академіи до какихъ предметовъ будутъ касаться разсужденія—до математическихъ или физическихъ, или же ботаническихъ и наконецъ астрономіи, дабы Академія могла отрядить того изъ своихъ членовъ, которому наиболѣе извѣстны предметы, о которыхъ въ комитетѣ будетъ разсуждаемо.

Когда въ сентябрѣ 1798 года государь повелѣлъ Адмиралтействъ-коллегіи сочинить болѣе точную и подробную опись Бѣлаго моря, о чемъ и было сообщено конференціи въ засѣданіи 6-го сентября, то по порученію ученаго собранія академикъ Румовскій составилъ списокъ пунктовъ на томъ морѣ, котораго географическое положеніе достаточно хорошо опредѣлено астрономическими наблюденіями, и списокъ такихъ, которыхъ положеніе еще нужно астрономически опредѣлить, для начертанія болѣе точной карты этого моря, и наконецъ тотъ же академикъ подготовилъ въ искусствѣ производства такихъ наблюденій двухъ командированныхъ къ нему для этой цѣли Адмиралтействъ-коллегіей учителей навигаціи морскаго кадетскаго корпуса, Абросимова и Иванова, кото-

рые и были потомъ отправлены для означенныхъ занятій на Бѣломъ морѣ. Признавъ, что этими трудами Румовскій оказалъ услугу задуманному предпріятію лучшаго описанія этого моря, государь всемилостивѣйше наградилъ его чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а 3-го ноября 1800 года онъ былъ высочайшимъ указомъ назначенъ вице-президентомъ Академіи, съ жалованьемъ по 2.000 руб. въ годъ.

Въ октябрѣ 1797 года купецъ Быковъ представилъ государю книгу съ чертежами изобрѣтенныхъ имъ машинъ для подводныхъ работъ и для поднятія воды на большую высоту. Государь повелѣлъ эти изобрѣтенія разсмотрѣть Адмиралтействъ-коллегіи обще съ членами Академіи наукъ. Во исполненіе этого повелѣнія коммиссія, составленная изъ академиковъ І. А. Эйлера, Румовскаго, Крафта, Фусса и Гурьева, подробно разсмотрѣла изобрѣтенія Быкова и доставила въ Адмиралтействъ-коллегію свой отзывъ. Изъ него видно, что изобрѣтатель, самоучка, одаренный безъ сомнѣнія самыми счастливыми природными способностями, но не развитый ученіемъ, конечно не былъ въ состояніи проявить свой талантъ такими изобрѣтеніями, которыя могли бы быть полезны на практикѣ.

Въ 1798 году, вслѣдствіе полученнаго на высочайшее имя прошенія Ангеля, норвежскаго уроженца, о изобрѣтенномъ имъ составѣ для предохраненія дерева отъ огня и отъ гніенія, государь повелѣлъ пользу и дѣйствительность этого состава испытать въ Адмиралтействъ-коллегіи, пригласивъ въ оную къ общему о семъ разсужденію изъ Академіи наукъ профессоровъ и нѣсколькихъ членовъ с.-петербургской полиціи. Академики Севергинъ, Захаровъ и Ловицъ, произведя обстоятельное изслѣдованіе состава Ангеля, представили въ Адмиралтействъ-коллегію донесеніе, въ которомъ показали, что противъ продолжительнаго огня составъ слабо защищаетъ дерево, и польза его противъ гніенія еще требуетъ доказательствъ. Съ этимъ мнѣніемъ и означенная коллегія вполнѣ согласилась.

Въ мартѣ 1799 года президентъ Адмиралтействъ-коллегіи адмиралъ графъ Гр. Гр. Кушелевъ препроводилъ въ Академію модель морскаго судна, представленную государю кременчугскимъ жителемъ Раводановскимъ, который придумалъ такое устройство судна, что на немъ можно, безъ всякой опасности, опуститься на дно моря, плавать тамъ сколько угодно и по желанію подняться опять на поверхность воды. При этомъ графъ Кушелевъ сообщилъ высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы Академія разсмотрѣла это изобрѣтеніе и высказалась бы о томъ, можетъ ли судно, построенное по этой модели, исполнять означенную задачу. Это повелѣніе было объявлено въ засѣданіи конференціи 7-го марта и тутъ же назначена коммиссія изъ академиковъ Румовскаго, Крафта, Фусса, Гурьева и І. А. Эйлера для разсмотрѣнія проекта Раводановскаго.

Такъ какъ модель доставлена была безъ всякаго описанія, то самъ изобрѣтатель былъ приглашенъ въ слѣдующее затѣмъ засѣданіе ученаго собранія, 11-го марта, для словеснаго объясненія его проекта. По выслушаніи этихъ объясненій коммисія нашла, что изобрѣтеніе Равдановскаго не заслуживаетъ одобренія и никакъ не можетъ исполнять ту задачу, которую имѣлъ въ виду изобрѣтатель.

Въ іюлѣ 1799 года государь получилъ отъ графа де-Лорини, служившаго прежде офицеромъ въ Испаніи, рукописное сочиненіе его а французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Essay sur le trajet des rivières», и повелѣлъ Академіи перевести его на русскій языкъ и издать на ея счетъ. Переводъ былъ сдѣланъ, по распоряженію президента, унтеръ-библіотекаремъ Соколовымъ и просмотрѣнъ и провѣренъ академикомъ Гурьевымъ, который о результатахъ такого просмотра донесъ конференціи, въ засѣданіи 21-го октября, что переводъ былъ бы хорошъ, если бы хорошъ былъ французскій подлинникъ, а въ немъ встрѣчаются разнаго рода ошибки и даже мѣста совершенно непонятныя, такъ что для возстановленія смысла такихъ непонятныхъ мѣстъ нужно быть спеціалисту по предмету, къ которому относится сочиненіе. Поэтому баронъ Николаи обращался къ секретарю государя тайному совѣтнику Неплюеву, черезъ котораго было сообщено Академіи высочайшее повелѣніе по этому дѣлу—о просмотрѣ перевода кѣмъ-либо изъ офицеровъ, знакомыхъ съ предметомъ. Послѣ всѣхъ этихъ исправленій сочиненіе издано Академіей въ 1800 г. подъ заглавіемъ; «Опытъ о переправахъ черезъ рѣки, сочиненный графомъ Лорини, бывшимъ въ службѣ его величества короля испанскаго, переведенный и напечатанный по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію», стр. IV и 166, съ 9-ю гравированными чертежами.

Аббатъ Лурдэ (Lourdet), парижскій уроженецъ, оріенталистъ, бывшій профессоромъ еврейскаго и сирійскаго языковъ въ французскомъ коллегіумѣ, употребилъ много лѣтъ своей жизни на составленіе армяно-латинскаго словаря, для усовершенствованія котораго онъ прожилъ два года (1785—1786 г.г.) въ Венеціи, пользуясь указаніями и совѣтами тамошнихъ ученыхъ мехитаристовъ. Будучи вынужденъ политическими событіями 1791 года эмигрировать изъ Франціи, онъ поселился во Флоренціи; оттуда, въ сентябрѣ 1798 года, онъ прислалъ императору Павлу прошеніе, въ которомъ предлагалъ уступить ему рукопись словаря, еще никогда не бывшаго въ печати, составляющую 6 томовъ in 4°, въ 700 страницъ каждый. Эту просьбу дѣйствительный статскій совѣтникъ Обрѣзковъ препроводилъ, по высочайшему повелѣнію, при письмѣ отъ 15-го сентября, президенту Академіи, для рѣшенія вопроса о пользѣ этого словаря и для собранія свѣдѣній о томъ—дѣйствительно ли этотъ трудъ таковъ, какимъ представляетъ его проситель; и въ случаѣ

если Академія признала бы пріобрѣтеніе этой рукописи желательнымъ, сговориться съ авторомъ о вознагражденіи, не упуская при этомъ изъ вида интересовъ его величества. По обсужденіи этого дѣла въ засѣданіи 17-го сентября, конференція нашла, что для сужденія о достоинствѣ означеннаго словаря, необходимо было бы предложить автору прислать его рукопись сюда, на что, по всей вѣроятности, онъ едва ли бы охотно согласился; да притомъ, если бы даже этотъ трудъ и былъ такъ хорошъ, какъ утверждаетъ аббатъ Лурдэ, онъ не представлялъ бы никакой пользы для Академіи, которая въ случаѣ надобности всегда можетъ пользоваться уже имѣющимся въ библіотекѣ армяно-русскимъ словаремъ.

Въ іюнѣ 1798 года профессоръ естественной исторіи въ Гамбургѣ, Эрнестъ-Кристофъ Шульцъ поднесъ государю свое сочиненіе о Линнеѣ и нѣсколько рѣдкихъ зоологическихъ предметовъ. Павелъ повелѣлъ передать ихъ въ академическій музей, а Шульца назначилъ корреспондентомъ Академіи.

Въ іюлѣ 1798 года дѣйствительный статскій совѣтникъ Нелединскій-Мелецкій сообщилъ Академіи высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи поднесеннаго государю фабрикантомъ Анселеномъ снаряда, названнаго имъ «Скотографомъ» и служащаго для записыванія мыслей въ совершенной темнотѣ. Для исполненія этого повелѣнія члены конференціи были собраны, 21-го іюля, въ чрезвычайное засѣданіе, въ которомъ Анселенъ представилъ свой снарядъ и объяснилъ его устройство и употребленіе. Конференція нашла, что при помощи этого снаряда человѣкъ слѣпой или зрящій, находящійся въ совершенной темнотѣ, можетъ, не употребляя ни пера, ни чернилъ, записать свои мысли и въ то же время получить копію того, что писалъ, лишь бы только пріобрѣлъ навыкъ въ употребленіи снаряда. Государь, по докладѣ ему этого отзыва, приказалъ спросить Академію—какой награды былъ бы достоинъ изобрѣтатель. На это Академія донесла, что хотя представленный Анселеномъ снарядъ и можетъ быть употребляемъ для той цѣли, для которой онъ устроенъ, однако онъ не столь важенъ, чтобы изобрѣтатель могъ ожидать какого-либо знатнаго награжденія. Но ежели его величеству благоугодно будетъ оказать ему милость, то, по мнѣнію Академіи, довольно будетъ наградить его золотою медалью. Вслѣдъ затѣмъ тайный совѣтникъ Неплюевъ, письмомъ отъ 12-го августа увѣдомилъ барона Николаи, что «его императорское величество, апробуя мнѣніе собранія Академіи наукъ, фабриканта Анселена, за поднесеніе имъ изобрѣтенной машины, именуемой «Скотографомъ», высочайше указать изволилъ, согласно съ онымъ мнѣніемъ, наградить отъ Академіи золотою медалью». Такая медаль, по изготовленіи на монетномъ дворѣ, и была торжественно вручена Анселену, приглашенному для этого въ засѣданіе кон-

ференціи 22-го октября 1798 года, а экземпляръ «Скотографа» помѣщенъ въ музеѣ Академіи.

Въ октябрѣ 1798 года государь получилъ изъ Дерпта, отъ учителя математики Георга Феклера прошеніе, въ которомъ онъ между прочимъ заявлялъ, что имъ найдена новая система математики и что на основаніи ея онъ вывелъ отношеніе поперечника круга къ его окружности какъ 5 къ 16. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Брискорнъ, секретарь государя, препровождая это прошеніе въ Академію, сообщилъ высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы Академія разсмотрѣла въ немъ то, что касается математики. Вслѣдствіе сего Академія донесла государю, что хотя ей неизвѣстна система просителя, сохраняемая имъ въ тайнѣ, однако уже дѣлаемый имъ означенный выводъ достаточно показываетъ, что вся система не можетъ быть основательна, ибо если бы содержаніе поперечника круга къ его окружности было какъ 5 къ 16, то кругъ долженъ былъ бы быть больше правильнаго восемнадцатиугольника, около него описаннаго.

Въ сентябрѣ 1800 года графъ Кутайсовъ доставилъ въ Академію, по высочайшему повелѣнію, для разсмотрѣнія, рукописное сочиненіе титулярнаго совѣтника Резанова, подъ заглавіемъ: «Прибавленіе переводчиково къ Закковой геологіи о лунѣ или новая истинная ѳеорія о лунѣ и землѣ». Академики Иноходцевъ и Гурьевъ, разсмотрѣвъ рукопись по порученію конференціи, донесли въ засѣданіи 17-го сентября, что авторъ, учитель астраханской губернской школы, Матвѣй Резановъ, отвергаетъ истины, открытыя Невтономъ въ астрономіи, основываясь при этомъ не на точныхъ доказательствахъ, а на разныхъ соображеніяхъ, и нужно думать, что ему неизвѣстны тѣ строго-научныя данныя, на которыхъ незыблемо опираются Невтоновы законы. Поэтому сочиненіе Резанова не заслуживаетъ никакого вниманія. Объ этомъ и сообщено графу Кутайсову въ отвѣтъ на его письмо.

Въ засѣданіи конференціи 2-го марта 1800 года было прочитано слѣдующее письмо графа Гр. Гр. Кушелева отъ 1-го марта: «Государь императоръ высочайше указать соизволилъ—истребовать изъ Академіи метеорологическое замѣчаніе о теплѣ, стужѣ и другихъ воздушныхъ перемѣнахъ, бывшихъ въ Санктъ-Петербургѣ въ прошлыхъ 1797, 1798, 1799 годахъ; посему и прошу таковое свѣдѣніе доставить ко мнѣ незамедля, для поднесенія къ высочайшему усмотрѣнію». Во исполненіе этого повелѣнія академикъ Румовскій составилъ выборки и своды изъ метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ за тѣ годы въ Петербургѣ, прибавивъ къ нимъ для сравненія и такія же свѣдѣнія о Москвѣ, а баронъ Николаи взялъ на себя доложить государю, что буде угодно Академія можетъ составить подобныя наблюденія еще и изъ другихъ мѣстъ.

При полученіи извѣстій о какихъ-либо рѣдкихъ и любопытныхъ событіяхъ, Павелъ весьма часто вспоминалъ объ Академіи и приказывалъ сообщать ихъ ей. Такъ генералъ-адъютантъ князь Ливенъ, по высочайшему повелѣнію, доставилъ ученому собранію полученное государемъ донесеніе охотскаго коменданта отъ 1-го декабря 1799 года объ эпидеміи желтой гнилой горячки, свирѣпствовавшей въ томъ году въ Охотскѣ и между якутами. Въ засѣданіи конференціи 20-го апрѣля 1800 г. было прочитано письмо тайнаго совѣтника Неплюева съ приложеніемъ, по приказанію государя, копіи съ описанія бывшаго въ Нерчинскѣ 21-го и 22-го января значительнаго землетрясенія; а въ декабрѣ того же года генералъ-адъютантъ Меллеръ увѣдомилъ Академію, что государь, по полученному рапорту генералъ-маіора Сомова приказалъ сообщить конференціи извѣстіе о солнечномъ затменіи, бывшемъ въ томъ году 12-го апрѣля въ Нижне-Камчатскѣ, что и записано въ протоколѣ засѣданія 3-го декабря 1800 года. Подобныя сообщенія дѣлались нерѣдко и свидѣтельствовали о благоволеніи государя къ ученому собранію.

IV.

Гершелевъ телескопъ.

Въ іюнѣ 1798 года дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Юсуповъ доложилъ государю, что императрицею Екатериною II былъ заказанъ знаменитому лондонскому оптику Гершелю 20-ти-футовый телескопъ-рефлекторъ, и что зеркало и главныя части этого телескопа доставлены петербургскому механику Ричесу (Riches), который изготовилъ трубу и штативъ къ этому великолѣпному инструменту, стоимость котораго доходитъ до 5.057 руб. 87 коп., изъ которыхъ Ричесъ долженъ еще получить 663 руб. 31 коп., кромѣ 250 руб., должныхъ ему за изготовленіе трубы. Государь повелѣлъ Академіи немедленно разсмотрѣть телескопъ. Вслѣдствіе этого по порученію конференціи академики Румовскій, Крафтъ, Фуссъ, Шубертъ, Ганри и конференцъ-секретарь Эйлеръ осмотрѣли телескопъ въ мастерской Ричеса и представили барону Николаи, для сообщенія князю Юсупову, донесеніе, въ которомъ, исчисливъ освидѣтельствованныя ими части телескопа, заявили, что всѣ эти части изготовлены съ надлежащею точностью и съ свойственнымъ Гершелю искусствомъ. Но чтобы можно было употреблять эту трубу, когда она будетъ окончена, необходимо устроить сообразно указаніямъ Гершеля: 1) незыблющуюся пространную площадку; 2) родъ высокаго и сложнаго копра, помощью котораго можно было бы двигать телескопъ и направ-

лять его по желанію на небесныя тѣла; 3) возвести особое зданіе для удобнаго помѣщенія телескопа, вращающаго его, копра и часовъ [1]). Для того, чтобы сдѣлать надлежащее употребленіе этого телескопа, необходимо было бы устроить вышеозначенный коперъ, площадку и особое зданіе, и тогда, направивъ телескопъ на небесныя тѣла, можно было бы надежно судить о достоинствѣ инструмента.

Этотъ отзывъ, очевидно, ставилъ князя Юсупова въ большое затрудненіе: на заказъ инструмента уже потрачено не мало денегъ, а для довершенія его устройствомъ еще недостающихъ частей и для возведенія для него особаго зданія нужна была еще большая сумма. Можетъ быть Екатерина, заказывая телескопъ и имѣла въ виду создать для него особую обсерваторію; но какъ надѣяться, что преемникъ ея взглянетъ на дѣло ея же глазами! Долго Академія ничего не слышала объ этомъ телескопѣ; болѣе двухъ лѣтъ спустя, а именно 22-го августа 1800 года, князь Юсуповъ обратился къ барону Николаи съ письмомъ, которымъ выразилъ желаніе, чтобы Академія приняла на себя наблюденіе за исполненіемъ работъ, необходимыхъ для окончательнаго устройства телескопа и необходимаго къ нему штатива, за который механикъ Ричесъ требуетъ еще значительную сумму. На это Академія отвѣтила князю Юсупову, что главныя части телескопа уже были ею свидѣтельствованы и одобрены, судить же о точности ихъ и о качествахъ инструмента можно не прежде, какъ когда онъ будетъ установленъ на приличномъ мѣстѣ. Когда такое мѣсто будетъ избрано, и Ричесъ будетъ имѣть возможность устроить помостъ и надлежащій коперъ, то Академія назначитъ коммисію, которая будетъ наблюдать, чтобы помостъ и нужный для употребленія телескопа приборъ были исполнены согласно правиламъ, преподаннымъ для этого Гершелемъ, и если Ричесу понадобятся какія-либо указанія, то Академія сочтетъ своимъ долгомъ доставлять ему таковыя во всякое время.

Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій совершенною неожиданностью для академиковъ явилось объявленное въ засѣданіи конференціи, 17-го сентября 1800 г., генералъ-прокуроромъ П. Хр. Обольяниновымъ высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: «Его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: по представленію дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Юсупова дѣлаемый, по данному ему высочайшему повелѣнію, двадцати-футовый телескопъ, коего нѣкоторыя части присланы отъ художника Гершеля и Академіею свидѣтельствованы, отдать въ вѣдомство Академіи Наукъ, и механику Ричесу окончить оный за наблюденіемъ и издержками самой Академіи».

---

[1]) Излишне упоминать, что въ небольшой астрономической обсерваторіи Академіи, устроенной надъ зданіемъ кунсткамеры, такой громадный инструментъ, какъ 20-ти-футовый рефлекторъ Гершеля, не могъ бы помѣститься.

На это баронъ Николаи генералъ-прокурору писалъ:

«Высочайшее повелѣніе, въ письмѣ вашего высокопревосходительства отъ 11-го сентября о двадцати-футовомъ телескопѣ объявленное, Академія Наукъ, пріемля съ благоговѣніемъ, за долгъ себѣ поставляетъ исполнить, какъ скоро будетъ въ силахъ, но приступить къ немедленному онаго исполненію полагаютъ препону непреоборимыя для нея обстоятельства, которыя не могу преминуть, чтобъ не объяснить вашему высокопревосходительству. Чтобы орудія сего можно было сдѣлать надлежащее употребленіе, кромѣ копра, за сооруженіе котораго Ричесъ требуетъ 6.000 рублей, необходимо нужно со всѣхъ сторонъ открытое мѣсто и на немъ устроить пространный и непоколебимый помостъ, по которому бъ телескопъ съ копромъ кругомъ обращать было можно, и при немъ домикъ. На сооруженіе помоста и домика потребно слишкомъ 3.000 руб. Сверхъ сего, чтобъ предохранить сіе орудіе, коперъ и помостъ отъ мокроты, снѣгу и другихъ воздушныхъ насилій, около помоста нужно воздвигнуть особливое зданіе вышиною около 40 футовъ, на которое надобно будетъ употребить отъ 4.000 до 5.000 рублей. Сумма, до 14.000 руб. простирающаяся, для Академіи есть толь велика, что по сей единой причинѣ къ произведенію въ дѣйство всего выше сего упомянутаго, съ такою поспѣшностью, съ какою она желала и готова, приступить не можетъ. Не могу преминуть, чтобъ не донести притомъ вашему высокопревосходительству, что обсерваторія Академіи снабжена уже подобнымъ, двѣнадцати-футовымъ телескопомъ, а для зданія, какое для двадцати-футоваго телескопа потребно, близъ Академіи нѣтъ и мѣста, которое со всѣхъ сторонъ было бы открыто. По симъ обстоятельствамъ къ исполненію высочайшей всемилостивѣйшаго государя императора воли Академія Наукъ не находитъ другого средства, какъ, принявъ отъ Ричеса въ свое вѣдомство присланныя изъ Англіи и принадлежащія къ телескопу вещи и все, что имъ къ сооруженію копра приготовлено, хранить до того времени, пока не будетъ въ состояніи употребить вышеупомянутаго иждивенія».

Когда послѣ того Академія признала нужнымъ выписать изъ Лондона, отъ Гершеля, подробное описаніе устройства помоста и штатива, устроенныхъ имъ для телескопа подобной величины, то оказалось, что этого нельзя было сдѣлать безъ особаго высочайшаго повелѣнія. Въ засѣданіи конференціи 15-го октября 1800 года были прочитаны два отношенія: въ одномъ Неплюевъ сообщилъ, что государь всемилостивѣйше дозволяетъ Академіи выписать изъ Лондона означенное описаніе, съ тѣмъ однако же, чтобы оно, по полученіи его, было представлено предварительно для разсмотрѣнія въ цензуру, и что объ этомъ высочайшемъ повелѣніи и сообщено генералъ-прокурору Обольянинову, начальнику таможень князю Гагарину и цензору Туманскому; а въ другомъ князь Га-

гаринъ спрашивалъ, какимъ путемъ будетъ доставлено означенное описаніе, дабы можно было сдѣлать надлежащее распоряженіе по таможнямъ, и вслѣдствіе сдѣланнаго поэтому сношенія барона Николаи съ княземъ Гагаринымъ, этотъ послѣдній, письмомъ отъ 20-го октября, увѣдомилъ, что имъ предписано таможнямъ Полангенской и Радзивиловской принять означенное описаніе и отправить запломбированнымъ въ Петербургскую таможню, которой приказано тотчасъ же препроводить его въ цензуру. Вотъ сколько нужно было написать бумагъ и дѣлать распоряженій, чтобы получить печатную брошюру въ нѣсколько страницъ объ астрономическомъ инструментѣ.

Наконецъ, находившіяся у механика Ричеса части телескопа были приняты отъ него академикомъ Иноходцевымъ, который, въ засѣданіи 2-го ноября 1800 года, представилъ опись принятыхъ вещей; изъ нихъ болѣе громоздкія помѣщены на площадкѣ внизу парадной лѣстницы, а мелкія—въ большой конференцъ-залѣ, запертой на ключъ. Оставалось рѣшить, что дѣлать съ этимъ, такъ неожиданно и такъ некстати попавшимъ въ Академію дорогимъ подаркомъ, особенно въ то время, когда ея хозяйственныя дѣла и денежныя средства были такъ сильно разстроены предъ тѣмъ въ директорство Бакунина.

Мысль объ этомъ очень занимала президента. Для довершенія устройства телескопа нужно было много денегъ; ихъ въ Академіи не было, выпросить ихъ у императора Павла, столь экономнаго на казенныя средства, нечего было и думать. Поэтому дѣло это оставалось безъ движенія до воцаренія императора Александра, когда баронъ Николаи обратился къ юному монарху съ вопросомъ объ установкѣ телескопа. Въ засѣданіи конференціи 20-го мая 1801 года было прочитано слѣдующее посланіе его: «Въ собраніе Академіи Наукъ. Въ именномъ его императорскаго величества указѣ, данномъ мнѣ мая 16-го дня, между прочимъ изображено: «Крайне бы жалко было, если бы произведеніе столь изящное и столь для Академія полезное, какъ Гершеля двадцати-футовый телескопъ, остановилось единственно за недостаткомъ въ Академіи 14.000 рублей. Я приказалъ деньги сіи отпустить изъ Кабинета, и поручаю Академіи заняться скорѣйшимъ приведеніемъ сего телескопа въ порядокъ и дѣйствіе». Какія Академіею для исполненія сего высочайшаго повелѣнія приняты будутъ мѣры, собраніе не оставитъ меня безъ увѣдомленія».

Изъ этого видно, что баронъ Николаи забылъ то, о чемъ онъ еще такъ недавно самъ писалъ князю Юсупову; забылъ, что для приведенія телескопа въ дѣйствіе, нужно было, независимо отъ расходовъ на его окончаніе, установить его въ особомъ достаточныхъ размѣровъ зданіи, т. е. въ особой обсерваторіи, на незыблемомъ основаніи, на мѣстѣ открытомъ на всѣ стороны, и что такого мѣста и такого зданія у Академіи не имѣется; а безъ этого инструментъ, какъ бы онъ ни былъ«изященъ», и

хорошо оконченъ, останется для науки, а слѣдовательно и для Академіи безполезнымъ. Такимъ образомъ баронъ Николаи повторялъ здѣсь такую ошибку, какую сдѣлалъ передъ нимъ Бакунинъ установкой въ малой академической обсерваторіи стѣннаго квадранта. Какъ бы то ни было, но по приказанію президента конференція занялась обсужденіемъ мѣръ къ окончанію телескопа. Согласно мнѣнію вице-президента, академика Румовскаго, признано необходимымъ поручить это окончаніе самому Гершелю. Для этого имѣвшіяся здѣсь части инструмента, весною 1802 г., при открытіи навигаціи, были отправлены въ Лондонъ. Баронъ Николаи далъ своему сыну, находившемуся тамъ чиновникомъ при посольствѣ, инструкцію относительно наблюденія за исполненіемъ работъ Гершелемъ, и писалъ о томъ же посланнику, другу своему графу А. Р. Воронцову [1]). По окончаніи Гершелемъ порученныхъ ему работъ, инструментъ и всѣ къ нему принадлежности были, въ навигацію 1805 года, привезены въ Петербургъ, въ нѣсколькихъ огромныхъ ящикахъ, которые, за недостаткомъ другаго помѣщенія, были сложены въ большомъ сараѣ, сзади академической библіотеки. Тамъ они и хранились до 1861 года, когда назначенная конференціею коммиссія, изъ академиковъ: О. В. Струве, Э. Х. Ленца и Б. С. Якоби, рѣшила ихъ судьбу [2]). За совершенною невозможностью установки такого колоссальнаго инструмента какъ въ малой академической обсерваторіи, такъ равно и въ обсерваторіи Пулковской, и въ виду несоразмѣрно большихъ расходовъ, какіе понадобились бы для помѣщенія его въ особо построенномъ для него зданіи, коммиссія предложила: главныя части его—металлическое вогнутое зеркало 12-ти дюймоваго діаметра, окуляры и другія металлическія части небольшихъ размѣровъ передать въ физическій кабинетъ Академіи, а штативъ и всѣ деревянныя принадлежности, которыя если бы ихъ хранить—занимали бы много мѣста, не представляя никакого интереса для науки, исключить изъ имущества Академіи продажею съ аукціона. Поучительный конецъ для дѣлъ, начинаемыхъ вопреки латинскому афоризму: «quidquid agis, respice finem!»

V.

Академическая гимназія.

Академическая гимназія была ровесницей самой Академіи, и какъ одна была учреждена въ то время, когда у насъ еще не было уче-

[1]) Письмо его объ этомъ отъ 16-го ноября 1801 г., въ „Архивѣ князя Воронцова“, т. XXII, стр. 120.

[2]) Протоколъ физ.-мат. отд. Академіи отъ 10-го мая 1861 г.

ныхъ, такъ и другая явилась, когда у насъ не было педагоговъ и не существовало какого-либо опредѣленнаго, установившагося взгляда на то, чѣмъ должна быть гимназія. Такъ какъ организація ея никогда не была опредѣлена правильно утвержденнымъ уставомъ, а все было предоставлено въ полное распоряженіе президентовъ и замѣнявшихъ ихъ потомъ директоровъ Академіи, то исторія академической гимназіи въ XVIII столѣтіи представляетъ собою рядъ педагогическихъ экспериментовъ, не имѣвшихъ между собою никакой связи и являвшихся плодомъ реформаторскихъ вожделѣній людей малоопытныхъ въ школьномъ дѣлѣ.

Интересная оцѣнка этихъ экспериментовъ была представлена графомъ Д. А. Толстымъ [1]); но, къ сожалѣнію, авторъ не довелъ свой историческій очеркъ гимназіи до конца, остановившись на времени директорства княгини Е. Р. Дашковой; а между тѣмъ самая можетъ статься оригинальная реформа гимназіи была произведена преемникомъ Дашковой, ея племянникомъ П. П. Бакунинымъ. Вспоминая должно быть, что академическая гимназія была alma mater его отца [2]), онъ, «вятщимъ жаромъ возгоря», принялся за передѣлку ея по образу и подобію штутгартскаго кадетскаго корпуса, въ которомъ самъ учился. Жертвуя для этой своей затѣи всѣми другими интересами Академіи, разстроивъ совершенно географическій департаментъ, въ которомъ не осталось никого для черченія картъ, оставляя химика Академіи безъ лабораторіи, и слѣдовательно отнимая у него возможность работать для науки, отказывая въ покупкѣ книгъ, необходимыхъ для ученыхъ трудовъ академиковъ, и другими подобными сбереженіями расширивъ расходы на содержаніе гимназіи до 20.000 руб., вмѣсто назначенныхъ на это по штату 4.000 руб., Бакунинъ довелъ число учениковъ до 170, тогда какъ учрежденіе заведенія было по первоначальному плану разсчитано только на 50 гимназистовъ. Произведенная этимъ путаница во всѣхъ административныхъ дѣлахъ Академіи потребовала наконецъ принятія мѣръ къ исправленію безпорядка. Эта забота пала на

---

[1]) „Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи. По рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ", въ „Запискахъ Имп. Академіи Наукъ", 1885 г.

[2]) Петръ Васильевичъ Бакунинъ, бывшій въ царствованіе Петра III-го довѣреннымъ секретаремъ канцлера графа М. И. Воронцова, а въ царствованіе Екатерины II-й членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и правою рукою канцлера А. А. Безбородки,—получилъ воспитаніе въ академической гимназіи, въ которую онъ былъ принятъ 8-го октября 1735 года. У графа Д. А. Толстого ошибочно показано, что П. В. Бакунинъ поступилъ въ гимназію въ 1745 году. Въ спискахъ учениковъ гимназіи о Бакунинѣ значится: „Отецъ его дворянинъ и секретарь коллегіи иностранныхъ дѣлъ". См. „Матеріалы для истор. Имп. Акад. Наукъ", т. III, стр. 177.

долю барона Николаи, какъ скоро онъ сталъ президентомъ Академіи. Когда онъ, ознакомившись съ плодами реформаторской дѣятельности Бакунина, представилъ императору докладъ о положеніи гимназіи, то изъ разныхъ предположеній о мѣрахъ къ приведенію въ порядокъ дѣла, государь остановился на томъ, чтобы возвратить гимназію въ ея первоначальное положеніе, какое она имѣла до 1747 года, и высочайше повелѣлъ преобразовать ее въ этомъ смыслѣ,—что конечно могло быть исполнено лишь постепенно, такъ какъ слишкомъ было бы жестоко изъ гимназіи исключить для этого сразу 120 учениковъ. Объявивъ это высочайшее повелѣніе въ засѣданіи конференціи 24-го сентября 1798 г., баронъ Николаи пригласилъ академиковъ: Лепехина и Крафта принять участіе въ трудахъ къ приведенію въ исполненіе означеннаго высочайшаго повелѣнія. Преобразованная такимъ образомъ академическая гимназія просуществовала уже не долго. По учрежденіи вскорѣ затѣмъ въ Петербургѣ губернскихъ гимназій, въ ней уже не настояло надобности. Такъ какъ, по мѣрѣ выпуска оканчивавшихъ ученіе гимназистовъ, число ихъ не возмѣщалось принятіемъ новыхъ учениковъ, то комплектъ постепенно приходилъ въ указанную норму, и когда въ 1805 году въ гимназіи оставался лишь одинъ старшій классъ, то онъ былъ весь переведенъ въ открытую въ то время губернскую гимназію, что нынѣ вторая гимназія, на Казанской улицѣ, и академическая гимназія была закрыта.

VI.

Цензура.

Подозрительность къ печатному слову и старанія подчинить его бдительному надзору въ концѣ XVIII вѣка были естественнымъ слѣдствіемъ страха предъ идеями, подъ знаменемъ которыхъ совершались злодѣянія французской революціи. Система мѣръ предосторожности противъ печати была установлена императрицею Екатериною за два мѣсяца до ея кончины, высочайшимъ именнымъ указомъ, даннымъ ею 16-го сентября 1796 года, объ огражденіи свободы книгопечатанія и ввоза иностранныхъ книгъ: объ учрежденіи на сей конецъ цензуръ въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ, при Радзивиловской таможнѣ, и объ упраздненіи частныхъ типографій. Состоявшимся вслѣдствіе этого повелѣнія сенатскимъ указомъ 22-го октября того же года ближе опредѣленъ составъ цензуръ въ этихъ городахъ, а именно: постановлено было цензуру въ каждомъ изъ нихъ составить изъ трехъ особъ: духов-

ной, по избранію Синода, гражданской, по назначенію Сената, и ученой, по избранію Академіею наукъ и Московскаго университета, «изъ находящихся при нихъ ученыхъ людей». Когда, на основаніи этихъ указовъ, Сенатъ, въ февралѣ 1797 г., потребовалъ отъ Академіи назначенія цензоровъ въ Петербургѣ и Ригу, то Бакунинъ, имѣвшій право сдѣлать свой выборъ вообще изъ состоящихъ при Академіи лицъ, съ ученымъ образованіемъ, заблагоразсудилъ назначить академиковъ: Котельникова въ Петербургъ, а Иноходцева въ Ригу, несмотря на то, что черезъ это ослаблялся личный составъ ученаго собранія, такъ какъ лица, назначенныя въ цензора, тѣмъ самымъ отчислялись отъ Академіи. Въ утѣшеніе академиковъ, выбывшихъ такимъ образомъ изъ ученой среды, Бакунинъ позволилъ имъ сохранить титулъ ординарныхъ академиковъ и, для укрѣпленія связи ихъ съ конференціею, назначилъ имъ пенсіи по 200 руб. въ годъ, подъ условіемъ, чтобы они присылали Академіи время отъ времени какія-либо ученыя сообщенія.

Въ засѣданіи конференціи 1-го марта 1798 г., академикъ Захаровъ сообщилъ, что по требованію Сената о назначеніи, изъ находящихся при Академіи ученыхъ людей, цензора при Радзивиловской таможнѣ, Бакунинъ предложилъ его на это мѣсто, и что вслѣдствіе этого онъ былъ вынужденъ представить Сенату прошеніе противъ такого назначенія. При этомъ Захаровъ прочиталъ собранію записку слѣдующаго содержанія:

«По долгу присяги, вникая въ настоящее положеніе Академіи, съ соболѣзнованіемъ взираю я на чувствительное ея разрушеніе, происходящее отъ уничтоженія университета, при Академіи быть долженствующаго, и отъ худаго положенія гимназіи, и потому осмѣливаюсь представить собранію причины, возбудить его долженствующія, дабы принять надлежащія въ разсужденіи его мѣры.

«Регламентомъ Академіи 35-ю статьею предписано изъ Академіи требовать ученыхъ людей, когда какое-либо мѣсто надобность въ оныхъ имѣетъ, и для удовлетворенія сего требованія положенъ по регламенту при Академіи университетъ. Но хотя университетъ, при получаемой, впрочемъ, на содержаніе его суммѣ, нѣсколько уже лѣтъ не существуетъ, слѣдственно и нѣтъ средствъ къ сему удовлетворенію; однако, поелику сего другимъ мѣстамъ неизвѣстно, не перестаютъ изъ Академіи требовать ученыхъ людей, и г. директоръ Академіи, не помышляя о возстановленіи университета и о выполненіи тѣмъ обязанности, которую регламентъ на него налагаетъ, представляетъ на сіи требованія членовъ, собственно Академію составляющихъ, коихъ должность, какъ сказано въ регламентѣ Академіи, состоитъ въ познаніи и разысканіи различныхъ дѣйствъ и свойствъ всѣхъ въ свѣтѣ пребывающихъ тѣлъ, не освѣдомляясь ни о ихъ желаніи, ни о

ихъ способности, дабы достойно исправить могли новую должность. Такимъ образомъ Академія лишилась двухъ своихъ сочленовъ—господина Котельникова и Иноходцева, и можетъ лишиться и другихъ, если она не приметъ, по долгу своему, надлежащихъ мѣръ, и, въ исполненіе указа Сената 16-го ноября 1797 г., не сдѣлаетъ представленія директору, чтобы въ силу регламента учрежденъ былъ при Академіи университетъ, и Академія бы со-временемъ приведена была въ состояніе исполнять подобныя правительства повелѣнія безъ своего умаленія. Ибо во флотѣ, по новому высочайше конфирмованному уставу, положены: астрономъ и исторіографъ; въ Академію изъ Сената полученъ указъ о непремѣнномъ доставленіи изъ Академіи, когда потребуетъ бывшій казанскій губернаторъ князь Мещерскій—директора надъ учрежденною тамъ гимназіею и инспектора надъ классами оной; посему, если сіи требованія поступятъ къ г. директору и если безъ согласія и противъ воли назначать будетъ членовъ Академіи, то въ короткое время въ Академіи ни единаго члена не останется природнаго россіянина, потому что сей жребій падаетъ наипаче на русскихъ академиковъ, а въ регламентѣ въ 36-мъ пунктѣ предписано, что Академія впредь должна состоять изъ природныхъ россійскихъ, того ради къ Академіи другая ея часть присоединяется—университетъ. Итакъ, имѣю честь по долгу моему представить Академіи для собственной ея пользы, для пользы отечества и для славы и пользы всемилостивѣйшаго, а мнѣ премилосердаго [1]) государя нашего, чтобы она обратила на сей важный предметъ свое вниманіе и сдѣлала бы съ своей стороны г. директору общее объ учрежденіи университета представленіе; ибо одно мое представленіе останется недѣйствительно, по примѣру многократныхъ моихъ представленій о построеніи химической лабораторіи, оставшихся тщетными.

«Теперь я обращаюсь къ нынѣшней гимназія. Правда, она знатно пріумножена противу регламента, по которому должна она состоять токмо изъ 20 человѣкъ, когда теперь воспитываются въ ней до 133, изъ коихъ 27 человѣкъ платятъ въ Академію за воспитаніе по 120 руб. въ годъ; но разсмотримъ состояніе гимназіи, разберемъ, къ чему служитъ толикое пріумноженіе и какую пользу приноситъ? Всякое училище имѣетъ свой предметъ; корпусъ морской доставляетъ мореплавателей, корпусъ артиллерійскій—инженеровъ и артиллеристовъ, корпусъ сухопутный—армейскихъ офицеровъ, корпусъ горный — ископателей нѣдръ земныхъ, семинаріи—просвѣщенныхъ учителей и проповѣдниковъ слова Божія, академія художествъ—искусныхъ живописцевъ, зодчихъ и такъ далѣе; но что доставляетъ гимназія академическая? и что она можетъ

[1]) Захаровъ былъ сдѣланъ въ январѣ этого самаго 1798 года ординарнымъ академикомъ по повелѣнію императора Павла I-го.

доставить? Главная ея цѣль должна по регламенту состоять въ томъ, чтобы доставлять людей, которые бы могли со-временемъ наполнять корпусъ академическій, но сколь она нынѣ удалена отъ своего предназначенія? нѣтъ въ ней инспектора, учредителя и постановителя порядка и способа ученія; учителя принимаются для обученія, безъ испытанія и безъ освидѣтельствованія Академіею знаній ихъ, а для надзора за поведеніемъ воспитанниковъ опредѣляются люди къ тому не способные. Изъ чего слѣдуетъ, что воспитанники, при такомъ надзорѣ и ученіи могутъ болѣе развращаться, нежели чему научиться, словомъ, чтобъ не говорить много, гимназія академическая не имѣетъ ничего похожаго на училище, которое содержится на государевомъ иждивеніи. Сверхъ того, если бы оная гимназія и была доведена до порядочнаго и добраго состоянія, то и тогда еще, безъ университета, не достигнетъ своей цѣли, ибо разстояніе отъ ученика до члена Академіи чрезъ-мѣру еще велико. Необходимо надобна середина, которая бы сіи крайніе предѣлы сближала между собою. Университетъ и есть сія середина, и его-то слѣды искоренены уже нѣсколько лѣтъ. Итакъ явствуетъ, что гимназія, толико пріумноженная въ настоящемъ ея положеніи, не только не соотвѣтствуетъ и соотвѣтствовать не можетъ той цѣли, для которой она по регламенту учреждена быть должна, по причинѣ ея неустройства и уничтоженія университета, но и не имѣетъ въ виду никакого согласнаго съ регламентомъ предмета».

Это смѣлое заявленіе Захарова, указывавшее на плоды безконтрольнаго хозяйничанія директоровъ въ Академіи, было прочитано въ засѣданіи конференціи 1-го марта 1798 г., и могло быть прочитано только въ царствованіе правдолюбиваго монарха, который незадолго передъ тѣмъ прямо напомнилъ Бакунину, что онъ еще не президентъ. По выслушаніи этого заявленія, конференція, находя его вполнѣ достойнымъ вниманія, положила сообщить его Бакунину, для того, чтобы онъ принялъ его въ соображеніе. Вслѣдствіе этого Бакунинъ приказалъ собрать академиковъ въ чрезвычайное засѣданіе 15-го марта и прочитать имъ слѣдующее посланіе:

«Я получилъ вчера указъ Сената, который, принявъ въ соображеніе мое представленіе о назначеніи академика Захарова цензоромъ и сдѣланное г. Захаровымъ противъ этого возраженіе, призналъ за нужное узнать по этому предмету мнѣніе конференціи, способенъ ли Захаровъ исполнять означенную должность или нѣтъ, и въ случаѣ если бы конференція не признала его къ тому способнымъ, мнѣ предписано—избрать другого изъ числа ученыхъ, для отправленія должности цензора. Пусть конференція посудитъ, могъ ли я, съ соблюденіемъ приличія, предложить въ цензоры кого-либо другого изъ академиковъ, а не Захарова, который, съ согласія конференціи, уже былъ назначемъ въ цен-

зоры для Одессы [1]). Конференція можетъ сама судить о ничтожности причинъ отказа Захарова; совершенно такія же могли выставить гг. Котельниковъ и Иноходцевъ, и однако же они, несмотря на то, что обременены семействами, приняли предложенныя имъ должности [2]). Прошу конференцію сообщить мнѣ свое мнѣніе тотчасъ же, для того, чтобы я могъ взнести въ Сенатъ донесеніе по этому дѣлу въ узаконенный трехъ-дневный срокъ. П. Бакунинъ».

Въ отвѣтъ на это конференція записала въ свой протоколъ: «Ученому собранію Захаровъ извѣстенъ только какъ химикъ; а о познаніяхъ его въ литературѣ, политикѣ и пр. конференція не въ состояніи судить, и поэтому она должна только положиться на заявленіе самого г. Захарова о томъ, что онъ не обладаетъ свѣдѣніями, необходимыми для цензора».

Тоже самое она должна сказать и о всѣхъ прочихъ академикахъ; изъ нихъ каждый посвятилъ себя одной изъ наукъ, обогащеніе которыхъ есть существенная цѣль Академіи, и которыя не имѣютъ никакого отношенія къ задачамъ цензуры. При этомъ академики заявили, что они не помнятъ и ничего нѣтъ въ протоколахъ о томъ, чтобы конференціею было дано согласіе на назначеніе Захарова цензоромъ въ Одессу; что они были свидѣтелями того, какъ г. директоръ предлагалъ ему это мѣсто, но что г. Захаровъ отъ него отказывался. Наконецъ, если бы г. директоръ имѣлъ право по закону—предложить въ цензора вообще ученаго, хотя бы не академика (о чемъ конференція не можетъ судить, такъ какъ г. директоръ не счелъ нужнымъ сообщить ей подлинный текстъ высочайшаго указа о цензорахъ), то изъ числа лицъ, служащихъ при Академіи, конечно, нашлись бы желающіе занять цензорское мѣсто.

Когда, вскорѣ затѣмъ (8-го апрѣля) Бакунинъ былъ уволенъ, а на мѣсто его назначенъ президентомъ баронъ Николаи, дѣло о назначеніи цензоровъ отъ Академіи получило иное направленіе. Вмѣсто того, чтобы съ важностью сноситься съ конференціею посланія-

---

[1]) Назначеніе цензора въ Одессу, на основаніи указа императрицы Екатерины 16-го сентября 1796 г., и сенатскаго указа 22-го октября того же года, было потомъ по указу императора Павла 16-го февраля 1797 г. до времени остановлено. См. „Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ, съ 1720 по 1862 г. напечатанный по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія". Спб., 1862 г., стр. 40. Захарова Бакунинъ предлагалъ Сенату отправить цензоромъ въ Одессу, но то было еще до восшествія на престолъ Павла, и Захаровъ въ то время не посмѣлъ бы слишкомъ рѣшительно сопротивляться полновластному директору. Все это перемѣнилось съ тѣхъ поръ какъ въ лицѣ Павла явился монархъ, доступный для всякаго, ищущаго справедливости, и всегда обращавшій милостивое вниманіе на академиковъ.

[2]) Неизвѣстно однако же, по доброй ли волѣ, или только по необходимости и по приказу.

ми, баронъ Николаи, получивъ сенатскій указъ по вопросу о назначеніи академика Захарова цензоромъ при Радзивиловской таможнѣ, самъ прибылъ въ засѣданіе ученаго собранія 24-го мая для совѣщанія съ академиками по этому дѣлу, и тутъ единогласно признано, что не только причины, приводимыя Захаровымъ для отказа отъ цензорской должности, весьма уважительны, но что жестоко было бы принуждать академика покинуть науку, которой онъ себя посвятилъ, и заняться дѣломъ совершенно иного рода. А какъ въ силу высочайшихъ указовъ отъ Академіи требуется назначеніе цензора лишь «изъ состоящихъ при ней ученыхъ», то положено вмѣсто Захарова предложить состоящаго при академической гимназіи доктора Свенске, который и былъ Сенатомъ опредѣленъ цензоромъ въ Радзивилово [1]). Когда, потомъ, въ апрѣлѣ 1799 года, генералъ-прокуроръ князь Лопухинъ объявилъ высочайшее повелѣніе: «бывшаго Академіи наукъ члена кол. сов. Иноходцева, что нынѣ рижскій цензоръ книгъ, обратно перемѣстить попрежнему въ Академію наукъ, а на его мѣсто немедленно опредѣлить другаго», то, никто изъ академиковъ не изъявилъ охоты занять это мѣсто, и конференціею былъ предложенъ и Сенатомъ опредѣленъ цензоромъ въ Ригу— учитель исторіи въ академической гимназіи титулярный совѣтникъ Зонъ.

Въ исходѣ 1798 года состоялось высочайшее повелѣніе, близко касавшееся трудовъ Академіи. Въ именномъ высочайшемъ указѣ, данномъ Сенату 9-го декабря 1798 года было изображено: «Въ пресѣченіе злоупотребленій, могущихъ произойти отъ напечатанія и изданія общихъ и частныхъ картъ и плановъ земель имперіи нашей, за благо признали мы привести предметъ сей въ надлежащіе его предѣлы, повелѣваемъ: 1-е, всѣ карты и планы географическіе обыкновенные, къ печатанію и изданію предполагаемые, предварительно вносить на разсмотрѣніе географическаго департамента, при Сенатѣ состоящаго; топографическія же, крѣпостныя и всякаго рода карты съ показаніями, относящимися до военныхъ операцій, какъ-то: дорогами, разстояніями и прочими подробностями, представлять на разсмотрѣніе въ собственное наше депо картъ, и не прежде приступать къ напечатанію и изданію оныхъ, какъ получивъ на то рѣшительное отъ сихъ мѣстъ дозволеніе. 2-е, всѣмъ и каждому воспрещается выпускать за границу, вырѣзывать,

---

[1]) Этотъ Свенске былъ отцемъ Карла Ѳедоровича Свенске, который воспитывался въ академической гимназіи, былъ въ послѣднемъ изъ ея выпускѣ, оканчивавшемъ ученіе уже въ губернской гимназіи (что нынѣ Вторая), потомъ служилъ при Академіи, былъ ея архиваріусомъ и переводчикомъ, и сталъ извѣстенъ въ литературѣ почтенными трудами по исторіи путешествій по Россіи, изданными русскимъ географическимъ обществомъ.

печатать и издавать всякаго рода карты и планы Россійской державы, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ внѣ предѣловъ имперіи нашей. 3-е, всѣ доселѣ существующія отпечатанныя и продающіяся карты подъ именемъ географическихъ Рижской губерніи [1]) отобрать и внести какъ ихъ, такъ и самыя доски, въ собственное наше депо картъ».

По выслушаніи этого указа въ засѣданіи конференціи 21-го января 1799 года, президентъ призналъ нужнымъ, чтобы генералъ-прокурору былъ представленъ полный списокъ картъ, когда-либо изданныхъ Академіей, съ объясненіями, что Академія наукъ была въ Россіи первою, положившею начало сочиненію и вырѣзыванію географическихъ картъ и какъ при ней издано и нынѣ издается много сочиненій, до наукъ относящихся, при которыхъ прилагаются карты географическія, минералогическія, гидрографическія, и при томъ регламентомъ Академіи предоставлена ей цензура всего, что она сама издаетъ, что Академія считаетъ своимъ долгомъ просить генералъ-прокурора разрѣшить ея сомнѣнія: должна ли она всѣ вырѣзанныя по ея распоряженіямъ географическія карты, коихъ отъ начала учрежденія ея накопилось великое число, и тѣ, которыя она и впредь будетъ въ состояніи издать, вносить на разсмотрѣніе географическаго департамента при Сенатѣ, а топографическія—въ собственное его величества депо.

На письмо объ этомъ барона Николаи, князь Лопухинъ письмомъ отъ 3-го февраля отвѣчалъ, что государь императоръ повелѣлъ относительно сочиняемыхъ и печатаемыхъ Академіей картъ поступить въ точности по именному, данному Сенату 9-го декабря 1798 года, указу. Вслѣдствіе этого полный каталогъ всѣхъ картъ, изданныхъ Академіей со времени ея основанія, былъ представленъ какъ географическому при Сенатѣ департаменту, такъ и въ депо картъ государя, на тотъ конецъ, чтобы каждое изъ этихъ учрежденій само назначило, какія изъ картъ подлежатъ цензурѣ и одобренію того или другаго изъ этихъ учрежденій.

Вице-президентъ Адмиралтействъ-коллегіи графъ Кушелевъ, отношеніемъ отъ 22-го мая (1799 г.) объявилъ высочайшее его императорскаго величества повелѣніе, чтобы доставленныя изъ Академіи наукъ отпечатанныя гг. академиковъ Озерецковскаго и Германа карты лежащихъ около Ладожскаго озера мѣстъ и Уральскихъ хребтовъ отпечатываемы ииздаваемы въ публику не были.

Въ засѣданіи конференціи 10-го іюня (1799 г.) академикъ Шубертъ донесъ, что, разсмотрѣвъ доставленныя въ Академію генералъ-прокуроромъ три рисованныя карты новѣйшихъ открытій русскихъ на западномъ берегу Сѣверной Америки, онъ находитъ ихъ весьма интересными

[1]) Это былъ атласъ картъ Лифляндіи, изданный графомъ Меллинымъ.

и достойными изданія. Согласно вышеприведенному высочайшему повелѣнію, баронъ Николаи счелъ нужнымъ спросить объ этомъ князя Лопухина, который отношеніемъ отъ 13-го іюня увѣдомилъ, что его величество повелѣть соизволилъ: карту, занимаемаго россіянами сѣверозападнаго американскаго берега и острова Кадьяка не издавать до повелѣнія, и что государю императору благоугодно было повелѣть, чтобы книги и прочія сочиненія, печатаемыя и продаваемыя при Академіи наукъ, были отсылаемы въ цензуру, гдѣ они разсматриваемы будутъ обще съ членами Академіи.

Поэтому съ того числа всѣ изданія Академіи были вышеуказаннымъ порядкомъ посылаемы на разсмотрѣніе цензуры. Конечно, это была только формальность, ни сколько не стѣснявшая дѣятельности Академіи, такъ какъ изъ посылаемыхъ ею въ цензуру сочиненій, все строго научнаго содержанія, ни одно не подверглось ни запрещенію, ни задержкѣ къ выпуску въ свѣтъ. Но нельзя того же сказать о цензурѣ привозимыхъ изъ-за границы книгъ; съ этой стороны стѣсненія для Академіи были очень чувствительны. Хотя выписывались ею для своей библіотеки только книги по наукамъ физико-математическимъ и по естественной исторіи, однако не малое число ихъ подвергалось цензурной строгости, и при томъ иногда по причинамъ довольно своеобразнымъ.

Такъ напримѣръ, не пропускались книги изъ Франціи, у которыхъ на заглавномъ листѣ время ихъ выхода въ свѣтъ было обозначено по революціонному календарю [1]). Такія книги по этой одной причинѣ подвергались запрещенію, хотя бы содержаніе ихъ было самое безобидное, чисто ученое. Но вскорѣ и самая строгая цензура была признана еще недостаточнымъ средствомъ для огражденія Россіи отъ злоупотребленій печати въ иностранныхъ государствахъ.

Въ засѣданіи конференціи 4-го мая 1800 года былъ прочитанъ присланный въ Академію указъ Сената такого содержанія: «въ именномъ его императорскаго величества высочайшемъ указѣ, данномъ Сенату сего апрѣля въ 18 день за собственноручнымъ его величества подписаніемъ, изображено: «Такъ какъ черезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъза границы всякаго рода книгъ на какомъ бы языкѣ оныя ни были безъ изъятія въ государство наше, равномѣрно и музыку».

Въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи 11-го мая, академикъ Румовскій сообщилъ письмо почетнаго члена Академіи барона Цаха, директора

---

[1]) По этому календарю года считались съ начала революціи; этотъ календарь, несмотря на учрежденіе имперіи, отмѣненъ былъ только въ 1806 году и замѣненъ Григоріанскимъ.

зеебергской астрономической обсерваторіи близъ Готы, о томъ, что имъ получены для Академіи разныя книги, но онъ не знаетъ какъ ихъ ей доставить. На это президентъ баронъ Николаи объявилъ, что снесется съ генералъ-прокуроромъ, дабы узнать, не можетъ ли быть разрѣшено Академіи получать книги ученаго содержанія, подобно тому, какъ такое дозволеніе дано медицинской коллегіи. Но это сношеніе не имѣло успѣха. Обольяниновъ, письмомъ отъ 10-го іюня, увѣдомилъ барона Николаи, что «его императорское величество не соизволилъ на представленіе его о впускѣ иностранныхъ книгъ Академіи наукъ для собственнаго ея употребленія».

Такимъ образомъ для Академіи были отрѣзаны средства слѣдить за ходомъ науки въ Европѣ. Когда въ засѣданіи 15-го іюня конференцъ-секретарь Эйлеръ сообщилъ, что въ таможнѣ полученъ ящикъ съ книгами, картами и астрономическими таблицами, высланный для Академіи изъ Берлина ея почетнымъ членомъ, знаменитымъ астрономомъ Боде, то Академіи осталось только уплатить расходы пересылки ящика, предоставивъ таможнѣ отправить его обратно туда, откуда онъ былъ высланъ; кромѣ того, такъ какъ означенныя изданія были куплены по просьбѣ Академіи, то справедливость требовала уплатить счетъ книгопродавца, а Боде просить оставить эти изданія до времени у себя.

Такой порядокъ вещей просуществовалъ впрочемъ недолго. Въ засѣданіи конференціи 12-го апрѣля 1801 года, когда на престолѣ уже былъ императоръ Александръ I, сообщенъ былъ слѣдующій присланный въ Академію изъ Сената указъ:

«Въ именномъ его императорскаго величества высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату минувшаго марта въ 31 день, за собственноручнымъ его величества подписаніемъ изображено: «Простирая попеченія наши на пользу вѣрноподданныхъ нашихъ и желая доставить имъ всевозможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, повелѣваемъ учиненное указомъ 18-го апрѣля 1800 года запрещеніе на впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равномѣрно запечатанныя по повелѣнію, іюня 5-го дня 1800 года послѣдовавшему, частныя типографіи распечатать, дозволя какъ привозъ иностранныхъ книгъ, журналовъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатаніе оныхъ внутри государства по точнымъ правиламъ, въ указѣ отъ 16-го сентября 1796 года постановленнымъ».

Такъ кончился XVIII вѣкъ въ Академіи. Заключительною главою ея исторіи является кратковременное, но благотворное для нея царствованіе императора Павла I, который вниманіемъ, какимъ онъ удостоивалъ ученое собраніе, и справедливостью, съ какою онъ оградилъ академиковъ отъ произвольныхъ дѣйствій директора, поднялъ

значеніе Академіи и, поставивъ во главѣ ея человѣка высоко образованнаго и способнаго понимать ея значеніе и потребности, далъ ей черезъ это возможность подумать и потрудиться надъ возстановленіемъ Академіи изъ того упадка, въ какой привелъ ее цѣлый рядъ бывшихъ дотолѣ президентовъ и директоровъ, являвшихся лишь по одной случайности полновластными распорядителями судебъ ученаго учрежденія. Академія могла только сожалѣть, что президентство барона Николаи было такъ непродолжительно; онъ просилъ и получилъ увольненіе въ въ 1803 году, оставивъ послѣ себя памятникомъ регламентъ Академіи 1803 года, въ составленіи котораго онъ имѣлъ наибольшее участіе.

К. Веселовскій.

Польская смута 1863 года.

Въ январской книжкѣ «Русской Старины» за текущій годъ, подъ заглавіемъ «Друзья или недруги?», мы привели отрывки изъ обширнаго труда профессора Зибеля—«Die Begründung des deutschen Reiches durch Wilhelm I»—касающіяся крымскихъ дѣлъ и вліянія послѣднихъ на ходъ германскаго объединенія. Мы предпослали имъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ указывали на пользу ознакомленія русскихъ читателей съ отзывами иностраннаго ученаго изслѣдователя о крупныхъ событіяхъ нашей исторіи, описываемыхъ имъ лишь поскольку они воздѣйствовали на ходъ германскихъ дѣлъ, но цѣнными благодаря источнику (государственный архивъ Пруссіи), откуда Зибель почерпалъ свои свѣдѣнія.

Тѣми же соображеніями мы руководствуемся и нынѣ. Приводимый отрывокъ составляетъ точный переводъ двухъ главъ II-го тома вышеупомянутаго труда Зибеля, посвященныхъ польскимъ смутамъ 1863 года.

Тридцать пять лѣтъ прошло со времени описываемыхъ событій; большинства участниковъ этихъ событій уже давно нѣтъ въ живыхъ. Кромѣ того, за эти тридцать пять лѣтъ во внутреннемъ строѣ Европы произошло такъ много существенныхъ перемѣнъ, родилось такъ много новыхъ, животрепещущихъ вопросовъ, поглощающихъ вниманіе и правительствъ и общественнаго мнѣнія европейскихъ государствъ, что едва-ли можно предвидѣть въ близкомъ будущемъ появленіе вновь на сценѣ международной европейской жизни и въ столь острой формѣ, какъ то было въ 1863 году, того, что называютъ «польскимъ вопросомъ».

Если же, въ силу новыхъ вожделѣній причастныхъ къ этому вопросу народностей, какихъ-либо новыхъ непредвидимыхъ сочетаній въ политическомъ строѣ Европы, вопросу этому суждено вступить въ болѣе оживленный фазисъ своего существованія, то и русскимъ, и полякамъ оди-

наково полезно будетъ заблаговременно выяснить свои взаимоотношенія, отрѣшиться отъ напрасныхъ мечтаній, отъ предвзятыхъ сужденій, подсказываемыхъ враждою, и примириться съ тѣмъ, что является результатомъ историческаго хода событій, не предотвратимаго никакими человѣческими усиліями. Достигнуть же этого можно вѣрнѣе всего путемъ изученія документальной исторіи даннаго вопроса, и въ этомъ отношеніи изслѣдованіе знаменитаго германскаго ученаго заслуживаетъ полнаго вниманія. Вмѣстѣ съ тѣмъ трудъ этотъ послужитъ оцѣнкою и объясненіемъ помѣщаемыхъ ниже выдержекъ изъ записокъ Козьмяна.

Ред.

I.

Въ числѣ всеобъемлющихъ плановъ императора Наполеона III, рядомъ съ преобразованіемъ Италіи, важное мѣсто занимало и освобожденіе Польши. Когда началась Крымская война, польскіе эмигранты всѣхъ партій, проживавшіе въ Парижѣ и Лондонѣ, проявили лихорадочное безпокойство. Печальной памяти (по 1849 году) генералъ Мѣрославскій разсчитывалъ на демократическую республику при совершенномъ устраненіи образцовъ культуры сѣверныхъ государствъ; умы болѣе спокойные примкнули къ князю Адаму Чарторыйскому, патріарху эмиграціи и кандидату на престолъ будущаго національнаго королевства. Самъ же Польскій край, совершенно усмиренный установленною въ 1831 году и подавляющею всякое движеніе военною диктатурою, пребывалъ въ нѣмомъ покоѣ. Попавшее какъ-то въ газеты высказанное Наполеономъ мнѣніе, что возстановленіе великаго герцогства Варшавскаго можетъ быть въ интересахъ Германіи—обратило на себя нѣкоторое вниманіе. Но, на запросъ прусскаго посланника о томъ, съ какою цѣлью эти слова были сказаны, Друэнъ-де-Люисъ отступилъ назадъ: очевидно, многое можно сказать по поводу этого взгляда, что это, конечно, дѣло нѣмецкихъ державъ, и что императоръ о томъ напоминать не намѣренъ.

— Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—если Пруссія и Австрія чего-либо опасаются за свои провинціи въ случаѣ возникновенія польскаго національнаго государства, то онѣ могутъ вознаградить себя съ избыткомъ на германской почвѣ.

Пруссія удовольствовалась этимъ разговоромъ, но австрійскій министръ графъ Буоль послалъ въ Парижъ разъясненіе, что вѣнскій кабинетъ твердо держится за выработанное при началѣ Крымской войны основное положеніе—охранять Турцію и оставлять безъ всякаго измѣненія европейскія владѣнія.

Такъ поляки ничего и не достигли.

Въ 1856 году, лишь только начались переговоры о мирѣ, Наполеонъ сказалъ князю Чарторыйскому:

— Въ первый разъ жму вамъ руку съ грустнымъ чувствомъ; но иначе выдти не могло.

Австрія рѣшительно отклонила желаніе Наполеона требовать на Парижскомъ конгрессѣ для Польши политическихъ правъ; а Англія, соглашаясь съ такимъ взглядомъ, находила предложеніе въ высшей степени несвоевременнымъ (inopportun); конгрессъ удовлетворился заявленіемъ князя Орлова, что императоръ Александръ II сдѣлаетъ все возможное для улучшенія положенія Польши. Правда, впослѣдствіи, когда поляки настойчиво просили Наполеона о поддержкѣ, онъ имъ сказалъ:

— Чего вы хотите, вы пропустили въ Крымской войнѣ благопріятный случай; теперь вооружитесь терпѣніемъ, вѣрьте моему участію и надѣйтесь на будущее.

Въ дѣйствительности, настоящее не было благопріятно для польскихъ интересовъ. Такъ какъ Наполеонъ, тотчасъ послѣ Парижскаго конгресса, направилъ всѣ помыслы къ изгнанію австрійцевъ изъ Италіи и, ради этой цѣли, старался сблизиться съ Россіею, то о поддержкѣ Польши французскимъ оружіемъ, а, слѣдовательно, о возстановленіи независимой Польши у него не могло быть и рѣчи. Между тѣмъ онъ никогда не переставалъ интересоваться этимъ несчастнымъ народомъ и пытался, если не мечемъ, ради его освобожденія, то дипломатическими средствами, ради улучшенія внутреннихъ дѣлъ Польши, оказывать всякое воздѣйствіе.

Когда онъ въ 1857 году съѣхался съ императоромъ Александромъ II въ Штутгардтѣ, онъ выставилъ ему на видъ, что предметовъ для разногласія между ними не существуетъ; единственный вопросъ, могущій вызвать нарушеніе въ расположеніи французскаго народа—это польскій; поэтому, если императоръ Александръ желаетъ укрѣпить добрыя отношенія, то онъ долженъ въ своихъ уступкахъ полякамъ дойти до послѣднихъ, согласуемыхъ съ интересами Россіи, предѣловъ. Кроткій и человѣколюбивѣйшій повелитель, когда-либо возсѣдавшій на русскомъ престолѣ, отвѣтилъ, что такой образъ дѣйствій былъ уже давно его сердечнымъ желаніемъ, и оба монарха разстались въ полномъ согласіи. Еще рѣшительнѣе царя былъ вице-канцлеръ князь Горчаковъ, исполненный стремленія къ искренней дружбѣ съ Франціей. Еще въ молодыхъ годахъ, въ бытность повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Штутгардтѣ, живой, честолюбивый и легко раздражавшійся дипломатъ лелѣялъ мысль о томъ, что Россія, опираясь на союзъ съ Франціею, можетъ занять въ Европѣ первое мѣсто; теперь, послѣ Крымской войны, онъ имѣлъ только одно желаніе—оправиться отъ причиненныхъ ею потерь, возстановить русское вліяніе на Востокѣ и, прежде всего, уничтожить постыдныя условія

Парижскаго мира, запрещавшія Россіи имѣть въ Черномъ морѣ военные корабли.

Между тѣмъ, съ назначеніемъ новаго намѣстника князя Михаила Горчакова, въ управленіи Польшею проявился новый тонъ довѣрчиваго либерализма, который замѣнилъ неумолимую строгость Паскевича. Правительствомъ было тогда обращено особое вниманіе на самую слабую сторону общественнаго устройства Польши, на положеніе крестьянскаго населенія; здѣсь зло пустило глубокіе корни и улучшеніе представлялось въ высшей степени затруднительнымъ.

Всѣмъ извѣстно, что въ старопольскія времена крѣпостной крестьянинъ былъ прикованъ къ землѣ и въ полной зависимости отъ произвола помѣщика. Когда, въ 1807 году, Наполеонъ образовалъ великое герцогство Варшавское, крѣпостная зависимость была тотчасъ уничтожена; крестьянамъ объявлена свобода личная и свобода передвиженія, а, съ введеніемъ кодекса Наполеона, отношенія помѣщика къ крестьянамъ были какъ свободный и расторжимый временный арендный договоръ.

Но для ближайшаго урегулированія отношеній ни Наполеонъ, ни саксонско-польское правительство времени не нашли; подъ конституціоннымъ владычествомъ Александра I дворянство имѣло рѣшающее вліяніе на палаты и не оказывало склонности призывать къ жизни органическіе законы о крестьянскихъ правахъ на счетъ своего кармана. Въ дѣйствительности такъ называемая свобода крестьянъ приняла за это время нижеслѣдующій видъ. Пока крестьянинъ былъ привязанъ къ участку земли, помѣщикъ могъ съ нимъ, правда, дурно обращаться, но похитить у него владѣнія не могъ; теперь же, когда каждая сторона могла по праву требовать расторженія договора, помѣщикъ находилъ полезнымъ, въ безчисленныхъ случаяхъ, крестьянина съ земли прогнать, его маленькій фольваркъ взять въ собственное завѣдываніе или, ради увеличенія арендной платы, передать его постороннему, болѣе имущему, фермеру, очень часто изъ нѣмцевъ. Подобное обхожденіе съ крестьянами практиковалось въ такихъ размѣрахъ, что къ серединѣ вѣка около половины сельскаго населенія оказалось безземельнымъ и слонялось, съ женами и дѣтьми, по всему краю въ поискахъ, ради насущнаго хлѣба, за всякаго рода работою. По отношенію къ остальной половинѣ, помѣщики; пользуясь тѣмъ же правомъ свободы договора, налагали на сидѣвшихъ на ихъ земляхъ крестьянъ, сверхъ денежной арендной платы, длинный рядъ натуральныхъ повинностей, обыкновенныя и экстренныя барщины на господскихъ поляхъ, поставки провизіи помѣщику, сторожевую и домовую службы, подводы и т. д. Къ этому присоединилась и обширная начальственная власть. Помѣщикъ, которому принадлежали десять или болѣе дворовъ, былъ прирожденнымъ исправникомъ въ такомъ округѣ или же могъ на такое мѣсто назначить кого хотѣлъ. Исправникъ

завѣдывалъ полиціею въ помѣщичьемъ округѣ, могъ налагать по усмотрѣнію или небольшіе денежные штрафы, или наказанія побоями, несъ также судебныя обязанности, и вообще былъ единственнымъ органомъ центральной власти. Такихъ помѣщичьихъ округій (уѣздовъ), обнимавшихъ бо́льшую половину удобныхъ земель королевства, насчитывалось свыше 5.000, а чиновниковъ, служившихъ въ нихъ, приблизительно 16.000. Послѣдніе набирались сплошь среди мелкаго дворянства и шляхты; это были большею частью люди неимущіе и необразованные, грубочванные съ крестьянами, слѣпо подчинявшіеся помѣщику, и къ тому пылкіе патріоты, преисполненные ненависти къ русскимъ, нѣмцамъ и евреямъ.

Воззрѣнія эти раздѣляло съ ними всѣмъ сердцемъ единственное еще вліятельное сословіе въ странѣ — католическое духовенство, которому русское правительство оставило, правда, его богатые доходы, но стѣсняло его поползновенія къ владычеству.

Въ Петербургѣ уже съ давнихъ поръ обращали вниманіе на такое печальное положеніе дѣлъ и уже императоръ Николай принялъ нѣкоторыя мѣры по улучшенію быта крестьянъ, но ни на какія рѣшительныя мѣропріятія не пошелъ; онъ задумывался надъ освобожденіемъ русскихъ крестьянъ и не могъ конечно отказать имъ въ томъ, что даровалъ-бы польскимъ. Преемникъ его, рѣшившись на освобожденіе русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, тотчасъ-же подумалъ и о своихъ несчастныхъ польскихъ подданныхъ.

Однимъ изъ первыхъ мѣропріятій императора, направленныхъ къ матеріальному воспособленію земледѣлію, было учрежденіе обширнаго сельско-хозяйственнаго союза, съ центральнымъ совѣтомъ къ Варшавѣ и съ отдѣленіями во всѣхъ провинціяхъ королевства. При Паскевичѣ подобная организація была-бы не мыслима. Затѣмъ въ 1856 г. высочайшій указъ выразилъ волю монарха, чтобы барщины и натуральныя повинности были переведены на постоянный денежный оброкъ, опредѣленный сначала по взаимному соглашенію сторонъ, а впослѣдствіи согласно имѣющимъ быть установленнымъ нормамъ, къ разработкѣ и опредѣленію которыхъ были учреждены особыя присутствія.

Все это было прекрасно и обѣщало краю существенное улучшеніе. Тѣмъ не менѣе было понятно, что не всѣ сердца откликнулись съ подобающею признательностью на новые порядки. Озлобленіе противъ Россіи поддерживалось, съ одной стороны, національными стремленіями, съ другой—демократическимъ духомъ времени. Давно извѣстно, что подъ кроткимъ повелителемъ Польша м о ж е т ъ, а подъ суровымъ — д о л ж н а возстать. Во всякомъ исходившемъ отъ Петербурга благодѣяніи видѣли лишь скидку съ платежа, во всякой дарованной царемъ вольности — орудіе для дальнѣйшей борьбы противъ чужеземнаго владычества. Ко-

нечно, взгляды на средства и пути къ достиженію этой цѣли значительно расходились, и съ первыхъ-же дней выступили одна противъ другой умѣренная и радикальная партіи, впослѣдствіи носившія краткія названія «бѣлыхъ» и «красныхъ». Ядро первыхъ образовали крупные землевладѣльцы, обладавшіе, благодаря руководящему положенію въ сельско-хозяйственныхъ союзахъ, прочной и обширной организаціей на всемъ пространствѣ Царства. Ихъ мнѣніе сводилось къ тому, чтобы, воспользовавшись доброю волею императора, добиться для Царства автономнаго, отдѣльнаго отъ Россіи управленія, затѣмъ провести возстановленіе либеральной конституціи 1815 года и національнаго войска и, такимъ способомъ, подготовить средства къ достиженію полной независимости. Къ поднятому императоромъ крестьянскому вопросу они отнеслись съ большимъ сомнѣніемъ и прежде всего усмотрѣли въ немъ желаніе правительства заручиться приверженностью крестьянъ и затѣмъ, для дворянства, вѣроятность тяжелыхъ имущественныхъ потерь; поэтому они рѣшили взять сами это дѣло въ руки, обдѣлать его возможно мягко и признательность крестьянъ обратить въ свою пользу.

Партія красныхъ отнеслась къ этому спокойному и изворотливому образу дѣйствій лишь съ холоднымъ презрѣніемъ. Дѣло демократической революціи отвергаетъ полумѣры; единственная задача — разбить всякаго врага какъ можно скорѣе и польскому дворянству предстоитъ взвѣсить, чѣмъ оно желаетъ быть—другомъ или недругомъ.

Поэтому дѣло идетъ не о какихъ-то опытахъ конституціонализма, а объ ополченіи и вооруженіи. Къ этой несложной программѣ примкнули массою мелкіе шляхтичи, поскольку они находились на службѣ у магнатовъ, большинство городскихъ торговцевъ и ремесленниковъ, значительная часть приходскаго духовенства и монашескаго люда и почти вся молодежь образованныхъ классовъ. Впрочемъ, обѣ партіи избѣгали пока открытаго разрыва; бѣлые не желали терять популярности въ городахъ, а красные нуждались, для своихъ приготовленій, въ вліяніи и въ денежныхъ средствахъ землевладѣльцевъ.

Для всѣхъ этихъ стремленій внутреннее положеніе дѣлъ въ русской имперіи имѣло существенное значеніе. Благодаря системѣ абсолютизма, демократическія воззрѣнія проникли и въ Россію и нашли тамъ приверженцевъ. Многія лица изъ дворянскаго сословія полагали, что за понесенныя ими потери отъ уничтоженія крѣпостнаго права они должны быть вознаграждены дарованіемъ конституціонныхъ и парламентскихъ правъ, и вице-канцлеръ, признававшій за собою блестящее ораторское дарованіе, былъ склоненъ присоединиться къ такимъ пожеланіямъ. Еще болѣе распространена была въ странѣ, а также и въ войскѣ, соціально-демократическая партія, подстрекаемая извѣстными эмигрантами Герценомъ и Бакунинымъ, вступившая въ тѣсное соглашеніе съ едино-

мышленниками изъ Варшавы. Бакунинъ заявилъ тогда во всеуслышаніе, что 300 русскихъ офицеровъ изъ расположенныхъ въ Польшѣ частей войскъ преданы дѣлу возстанія.

Но, какъ извѣстно, поднявшіяся въ Италіи въ 1859 г. революціонныя бури существенно охладили симпатіи императора Александра къ французамъ, и въ 1860 году, съѣхавшись съ императоромъ австрійскимъ въ Варшавѣ, онъ возстановилъ съ нимъ личныя отношенія. Разгнѣванный этимъ событіемъ, а также неудачею, постигшею планъ конгресса [1]), Наполеонъ рѣшилъ показать невѣрному другу всю неприглядную сторону его поведенія и возвѣстилъ черезъ своего двоюроднаго брата Жерома, путемъ грозныхъ газетныхъ статей, что соглашеніе Россіи съ Франціею возможно лишь поскольку оно благопріятствуетъ возрожденію Польши.

Такая выходка французскаго правительства имѣла въ Польшѣ тѣмъ большее дѣйствіе, что одновременно возникли слухи о приготовленіяхъ итальянцевъ къ походу противъ Венеціи. Венгрія и Галиція должны были, по мнѣнію поляковъ, возстать поголовно, и для польскаго народа наступалъ часъ освобожденія. Вслѣдъ за симъ въ Варшавѣ сформировалось первое гнѣздо повстанской организаціи.—Двѣнадцать молодыхъ людей, до той поры не имѣвшихъ ни значенія, ни извѣстности, составили тайный комитетъ, который, согласно революціоннымъ обычаямъ, во имя польскаго народа самъ на себя возложилъ полномочія по управленію національнымъ движеніемъ. Его распоряженія появлялись неподписанными, лишь съ печатью комитета; при существовавшемъ броженіи онъ нашелъ откликъ и многихъ приверженцевъ во всѣхъ частяхъ страны. Нѣкогда, одинъ изъ главарей возстанія 1831 года, Мохнацкій, заключилъ свое историческое описаніе словами: «Польша будетъ свободна, если любовь къ родинѣ дойдетъ до дисциплины и послушанія»; слова эти были въ памяти у нынѣшнихъ предводителей и безусловное выполненіе всякаго приказанія комитета было первою и послѣднею заповѣдью для всѣхъ членовъ союза. Не менѣе опредѣленна была объявленная цѣль заговора — возстановленіе Польши въ границахъ 1771 года и, если возможно, то и блестящаго ягелонскаго времени, отъ Одера до Карпатъ и Днѣпра.

---

[1]) Не задолго до войны 1859 года возникла мысль о созваніи конгресса великихъ державъ для улаженія итальянскихъ дѣлъ. Предложеніе исходило отъ Россіи, и Наполеонъ съ жаромъ за него ухватился; конгрессъ не состоялся вслѣдствіе рѣшительнаго отказа Австріи, которая, зная обязательства, коими Наполеонъ былъ связанъ по отношенію къ итальянскимъ патріотамъ, предвидѣла, что ей придется выступить на конгрессѣ въ роли подсудимаго.

Прим. перев.

Къ возстанію съ оружіемъ въ рукахъ еще не были готовы; постановлено было прежде всего разгорячить народныя массы простыми демонстраціями, притѣснителей вызвать на озлобленныя насилія и показать міру, что Польша еще жива.

Въ февралѣ 1861 года въ Варшавѣ засѣдало общее собраніе сельско-хозяйственнаго союза и обсуждало крупный вопросъ крестьянскаго положенія. Всѣ были согласны съ тѣмъ, что слѣдовало что-либо предпринять, чтобы взять въ руки руководство этимъ дѣломъ, но относительно способа мнѣнія расходились во всѣ стороны. Безпокойное меньшинство, которое попросту желало втянуть дворянство въ революціонное движеніе, требовало перенесенія собственности надъ крестьянскими дворами на самихъ крестьянъ за умѣренную выкупную сумму; оно вообще настаивало на энергическомъ вступленіи союза въ политическую агитацію, и хотя высшій совѣтъ рѣшительно это отклонилъ, стремленія меньшинства нашли въ собраніи возростающее сочувствіе.

Тогда прибылъ въ Варшаву, съ намѣреніемъ выступить съ совершенно противоположными тенденціями, одинъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ страны, единственный среди своихъ товарищей по сословію остававшійся въ сторонѣ отъ союза, маркизъ Велепольскій. Это былъ стройный мужчина, съ рѣзкими чертами лица, повелительно выступавшій, съ сжатою рѣчью, превосходно управлявшій своими колоссальными имѣніями, гордый аристократъ съ сильными страстями и съ желѣзною волею. Онъ прожилъ такъ пятьдесятъ лѣтъ, лишь одинъ разъ, въ 1846 г. во время галиційскихъ кровопролитій, выступилъ съ энергическимъ посланіемъ къ князю Меттерниху, возбудившимъ большое вниманіе, и затѣмъ опять вернулся къ своей одинокой сельской жизни и ко всякаго рода научнымъ трудамъ. Онъ былъ натурою властительною не только по отношенію къ другимъ, но и по отношенію къ самому себѣ и непрерывно стремился къ основательнымъ знаніямъ. Несокрушимый въ логической послѣдовательности, безжалостно осуждавшій всякій самообманъ, онъ былъ, благодаря всѣмъ этимъ свойствамъ, совершенною противоположностью большинства своихъ легко возбуждающихся, цѣликомъ отдающихся минутному впечатлѣнію, соотечественниковъ, былъ какъ чужой среди своихъ; его не понимали и не любили. Въ политикѣ онъ былъ человѣкомъ порядка, техники и разумныхъ реформъ; шумливыя разсужденія пылкаго полузнанія ему претили; онъ былъ прирожденнымъ противникомъ всякихъ беззаконныхъ мятежей. О правахъ правительства онъ имѣлъ столь-же высокое представленіе, какъ и о его обязанностяхъ: оно должно было властвовать твердою рукою, но и съ полною преданностью дѣлу выступать въ заботахъ объ общемъ благѣ.

При такихъ взглядахъ онъ изучалъ положеніе своей страны и все

болѣе и болѣе поворачивался спиною къ патріотическимъ фантазіямъ своихъ соотечественниковъ.

— Наше прошлое, говорилъ онъ, засыпано пепломъ; мы должны строить изъ матеріаловъ имѣющихся въ настоящемъ.

У него это значило отказаться отъ національной независимости, которую онъ не безъ основанія признавалъ недостижимою, признать безъ оговорокъ господство русскаго императорскаго дома и затѣмъ надѣяться на возвращеніе либеральной обстановки 1815 года и на примиреніе обоихъ до сей поры на смерть враждебныхъ другъ другу народовъ. Послѣдней цѣли, братскаго единенія двухъ славянскихъ народовъ, онъ домогался вслѣдствіе своей неискоренимой ненависти къ нѣмцамъ. Уже въ 1860 году онъ вступилъ въ сношенія съ вице-канцлеромъ и въ обширной запискѣ развилъ необходимость освобожденія Польши, какъ государства, долженствующаго существовать подъ охраною Россіи, такъ какъ лишь такимъ путемъ можно дать отпоръ постоянному наступленію на славянскую землю смертнаго врага имени славянъ—нѣмцевъ и вырвать изъ ихъ рукъ незаконно занятыя ими славянскія страны. Горчаковъ никакихъ возраженій противъ этого не заявилъ.

Теперь маркизъ вноситъ въ главный комитетъ союза выработанный имъ проектъ адреса императору. Въ этомъ адресѣ, послѣ открытаго заявленія о непоколебимой преданности, на первомъ мѣстѣ стоитъ просьба о возстановленіи конституціи, затѣмъ слѣдуетъ предложеніе о рѣшеніи крестьянскаго вопроса, о реформѣ въ области высшаго образованія, въ особенности объ открытіи вновь Варшавскаго университета и объ уравненіи въ гражданскихъ правахъ евреевъ. — Въ послѣднемъ мѣропріятіи Велепольскій усматривалъ существенный шагъ къ подкрѣпленію прозябавшаго лишь въ тѣ поры класса городскихъ обывателей.

Члены комитета колебались. Въ сущности, Велепольскій излагалъ ихъ собственныя пожеланія. Но ихъ чувству претило обѣщать вѣрность и покорность царю, выпрашивать какъ милости съ его стороны то, что они считали своимъ правомъ, отречься отъ революціи 1831 года, однимъ словомъ, подписать просьбу, которая заключала-бы въ себѣ признаніе существующаго порядка вещей.

Они посовѣтовались съ своими друзьями, и настроеніе по отношенію къ Велепольскому постепенно ухудшалось. Радикалы не довѣрялись попыткѣ приниженія и рѣшили затопить ее въ крови.

Тайный комитетъ распорядился устройствомъ въ первый день новаго года (1861) большаго церковнаго торжества. Оно началось съ литургіи во всѣхъ церквахъ, затѣмъ образовалась колоссальная процессія, гдѣ пышныя облаченія духовенства перемѣшивались съ польскими знаменами, щитами и факелами. Образовалось необозримое стеченіе народа и вскорѣ произошла задержка въ движеніи, а затѣмъ пошли и схватки

породитъ движеніе среди итальянцевъ и венгерцевъ; по этому предмету установлено полное согласіе между Мѣрославскимъ, Гарибальди и Клапкою.

Мы увидимъ, съ какою точностью и полнотою была исполнена эта программа варшавскаго народнаго комитета.

Во время этой подземной польской работы, какъ обстояло дѣло на русской сторонѣ?

Престарѣлаго намѣстника князя Горчакова событія 27-го февраля привели въ совершенное смущеніе. Въ первый моментъ возбужденія онъ внесъ въ Петербургъ предложеніе объ объявленіи осаднаго положенія; но вице-канцлеръ, находя поводъ слишкомъ незначительнымъ, и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Тогда старый генералъ круто повернулъ и принялъ предложеніе добровольнаго комитета изъ городскихъ гражданъ, вызвавшагося охранять спокойствіе, если полиція и войска будутъ отъ этого дѣла устранены. Статсъ-секретарь Энохъ обратилъ особенное вниманіе намѣстника на то, что, если онъ хотѣлъ покончить съ броженіемъ путемъ примирительной политики, слѣдовало какъ можно скорѣе приступить къ органическимъ реформамъ и, когда намѣстникъ съ радостью на это пошелъ, Энохъ указалъ на маркиза Велепольскаго, какъ на лучшаго представителя такого направленія. Намѣстникъ согласился на этотъ выборъ и, хотя отклонилъ первое предложеніе маркиза—возстановленіе конституціи 1815 года,—но всѣ остальные его проекты объ учрежденіи выборныхъ окружныхъ совѣтовъ и общинныхъ сельскихъ властей, государственнаго совѣта, усиленнаго приглашеніемъ въ него именитыхъ лицъ и имѣющаго разсматривать проекты законовъ, объ уравненіи въ правахъ евреевъ, объ уничтоженіи барщины, о реформѣ обученія и о возстановленіи варшавскаго университета—отправилъ съ настоятельною поддержкою въ Петербургъ. Тамъ они были приняты крайне благосклонно. Императоръ, руководясь собственными человѣколюбивыми чувствами, не хотѣлъ еще вѣрить въ непримиримость поляковъ. Въ принятіи проектовъ вице-канцлеръ усмотрѣлъ важный шагъ къ осуществленію его излюбленной мысли—возобновленію сердечныхъ отношеній съ Франціею.

Когда прусскій посланникъ, фонъ-Бисмаркъ, выразилъ ему нѣкоторыя сомнѣнія—не по поводу размѣра даруемаго, а лишь о неудобно избранномъ для того времени, когда эти реформы могутъ показаться вызванными страхомъ, наведеннымъ событіями 27-го февраля — онъ заявилъ, что по этимъ внутреннимъ вопросамъ Россія не можетъ выслушивать совѣтовъ даже лучшихъ друзей; искоренить такія злоупотребленія какъ тѣ, которыя существовали до сей поры въ управленіи Польшею—долгъ всякаго правительства; Россія устала слыть за варварскаго деспота по сравненію съ цивилизованнымъ господствомъ Пруссіи и Австріи надъ ихъ польскими областями. Проекты Велепольскаго

скаго подверглись еще, правда, нѣкоторой переборкѣ, но указъ 26-го марта, сообщенный намѣстнику по телеграфу, извѣщалъ о послѣдовавшемъ высочайшемъ соизволеніи на учрежденіе государственнаго совѣта, образованіе выборныхъ уѣздныхъ, окружныхъ и общинныхъ совѣтовъ и на учрежденіе подъ предсѣдательствомъ Велепольскаго коммиссіи [1]) по церковнымъ и школьнымъ дѣламъ.

27-го марта маркизъ вступилъ въ свою первую должность. Онъ твердо рѣшился возстановить покорность и тѣмъ положить прочное основаніе упорядоченному и либеральному самоуправленію Польши, подъ верховенствомъ русскаго императора, но независимому отъ всякихъ русскихъ властей.

Ему пришлось опытомъ извѣдать всю затруднительность этой задачи.

Среди членовъ сельско-хозяйственнаго союза и сельскаго духовенства онъ обнаружилъ столь усердную національную агитацію, что, хотя самъ католикъ, поспѣшилъ, уже 2-го апрѣля, запретить духовнымъ лицамъ всякое участіе въ политическихъ дѣлахъ, а 5-го апрѣля распустилъ союзъ за нарушеніе имъ статутовъ. Распоряженія эти обозлили какъ епископовъ, такъ и магнатовъ, но и красные сразу увидѣли въ Велепольскомъ злѣйшаго врага ихъ дѣла. Для подготовленія революціи имъ нужны были въ народѣ—возростающее недовольство, въ руководящихъ же кругахъ—не проведеніе осмотрительныхъ реформъ, а безпорядочное управленіе. Рѣшено было на указъ 26-го марта отвѣтить возобновленіемъ безпорядковъ, чтобы въ глазахъ народа новыя власти, тотчасъ при своемъ вступленіи, выказались кровожадными притѣснителями. 8-го апрѣля произошло то же, что и въ февралѣ: церковный праздникъ, патріотическія пѣсни, угрожающая толпа людей передъ дворцомъ намѣстника. На возобновленное требованіе разойтись толпа отвѣтила каменьями, брошенными въ войска; послѣдовалъ залпъ и десять человѣкъ легло убитыми.

Благодаря этому событію указъ 26-го марта и система Велепольскаго оказались, въ глазахъ общественнаго мнѣнія Польши, приговоренными. Опять значило: мы молимся, а насъ умерщвляютъ, а Велепольскій—измѣнникъ своему народу, который онъ льстивыми рѣчами хочетъ пріучить къ русскому господству. Тѣмъ не менѣе, министръ неустанно трудился надъ своими реформами и былъ посильно поддерживаемъ намѣстникомъ, полнымъ довѣріемъ котораго онъ пользовался. На его несчастье князь Михаилъ Горчаковъ внезапно заболѣлъ въ концѣ мая и, проболѣвъ немного дней, скончался 30-го числа. Этимъ обстоятельствомъ все положеніе Велепольскаго поставлено было въ неизвѣстность.

---

[1]) Министерства носили тогда въ Польшѣ скромное наименованіе „коммиссій".

Въ Петербургѣ были крайне затруднены найти для князя подходящаго преемника и, нельзя отрицать, послѣдовавшіе выборы были въ высшей степени неудачны. Назначенный сперва генералъ Сухозанетъ, бывшій военнымъ министромъ, семидесятилѣтній рубака, не имѣлъ инаго понятія объ управленіи, какъ то, что съ 50.000 русскихъ солдатъ онъ уже съумѣетъ справиться съ неисправимыми поляками; всякаго изъ нихъ, сколько-нибудь подозрительнаго, онъ заключалъ подъ стражу или высылалъ, а гражданскія власти для него какъ бы не существовали. Въ августѣ его замѣнилъ графъ Ламбертъ, полу-инвалидный генералъ французскаго происхожденія и воспитанія, совершенно незнакомый съ польскими дѣлами, имѣвшій приказаніе, въ случаѣ нужды, объявить, въ видахъ сохраненія тишины и порядка, осадное положеніе; съ своей стороны онъ былъ полонъ мысли стать популярнымъ не только въ Польшѣ, но и во Франціи и, какъ добрый католикъ, усердно старался заручиться расположеніемъ римскаго духовенства, такъ что весьма немного времени спустя мѣсто владычества сабли заняла вялая и колеблющаяся анархія.

Посѣвы революціоннаго національнаго комитета, такимъ образомъ, роскошно произростали.

Въ почтовой и желѣзнодорожной службѣ почти половина чиновниковъ была агентами комитета, да почти такое же отношеніе существовало среди чиновъ полиціи и жандармеріи. Налагаемые комитетомъ денежные сборы уплачивались точно, распоряженія его исполнялись неукоснительно, а сопротивлявшихся или опаздывавшихъ поражалъ кинжалъ всемогущаго тайнаго судилища. Комитетъ распространилъ свою дѣятельность уже на Литву и Волынь; въ Ковнѣ и въ Вильнѣ были такія же кровавыя столкновенія, какъ и въ Варшавѣ. На 10-е октября комитетъ назначилъ большое народное сборище подъ Городло (на Бугѣ) въ воспоминаніе совершившагося тамъ въ 1413 году объединенія поляковъ съ руссинами и, одновременно, какъ протестъ передъ Европою противъ раздѣловъ Польши. Воззваніе, поэтому, приглашало къ участію въ этомъ собраніи депутаціи отъ всѣхъ нѣкогда польскихъ земель, Познани, Восточной Пруссіи, Помераніи, Кракова, Галиціи и Кіева. Командующій въ Городлѣ русскій генералъ хладнокровно смотрѣлъ съ своими войсками, какъ запрещенное Ламбертомъ торжество, въ которомъ, съ полнымъ церковнымъ великолѣпіемъ, приняли участіе люблинскій епископъ и около ста священниковъ, справлялось въ открытомъ полѣ передъ четырехъ-тысячной толпой.

Это переполнило въ Петербургѣ чашу царскаго недовольства, и 14-го октября въ Варшавѣ объявлено высочайшее повелѣніе о введеніи осаднаго положенія. Тайный комитетъ отвѣтилъ на это распоряженіемъ объ устройствѣ во всѣхъ церквахъ 15-го числа вечеромъ народнаго торжества въ честь Костюшки. Торжество состоялось при громад-

номъ стеченіи народа; по окончаніи богослуженія, въ двухъ церквахъ снова запѣли революціонныя пѣсни, но двери ихъ были тотчасъ же заняты войсками и, когда толпа отказалась выйти, отрядъ солдатъ, въ полночь, при необычайной сумятицѣ выгналъ изъ церквей женщинъ, а мужчинъ, числомъ 1.700 человѣкъ, отвелъ въ тюрьмы. Тогда, по наущенію комитета, большинство членовъ соборнаго капитула, понудило 16-го марта блюстителя архіепископской каѳедры, Фіалобржескаго (?) закрыть не только обѣ церкви, но и всѣ остальныя церкви Варшавы. Распоряженіе это, совершенно противное всѣмъ каноническимъ правиламъ, было актомъ открытой вражды противъ правительства, которое отвѣтило арестованіемъ и заключеніемъ подъ стражу блюстителя архіепископской каѳедры и тѣмъ, въ глазахъ патріотовъ, заслужило проклятіе наравнѣ съ Нерономъ и Деоклетіаномъ. Божій перстъ, какъ увѣряли, далъ себя почувствовать: графъ Ламбертъ былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ и на его мѣсто, къ усмиренію Польши, былъ снова временно призванъ Сухозанетъ.

При такихъ обстоятельствахъ Велепольскій увидѣлъ, что лучшіе его проекты остаются безъ дѣйствія; какъ съ Сухозанетомъ, такъ и съ графомъ Ламбертомъ онъ былъ въ открытомъ разладѣ, и когда первый снова занялъ должность, маркизъ убѣдительно просилъ императора о своемъ увольненіи. Увѣренность Александра въ благонадежности маркиза, дѣловитость котораго онъ высоко цѣнилъ, была благодаря различнымъ обстоятельствамъ нѣсколько поколеблена; желая удостовѣриться лично, онъ вызвалъ Велепольскаго въ Петербургъ. Тамъ маркизу удалось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе укрѣпить свое вліяніе, въ особенности благодаря князю Горчакову, который, какъ и прежде, выказалъ себя усерднымъ защитникомъ примирительной политики въ смыслѣ Велепольскаго. Вскорѣ маркизъ получилъ возможность изложить императору свой планъ во всѣхъ его частяхъ: отдѣленіе военной власти отъ гражданской; первая остается въ рукахъ русскаго генерала и русскихъ войскъ; послѣдняя переходитъ въ руки независимаго отъ русскихъ властей министра, при которомъ учреждается, для законодательныхъ работъ, государственный совѣтъ и которому подчиняются какъ всѣ чиновники, отнынѣ изъ поляковъ, такъ и избираемыя населеніемъ уѣздныя и окружныя власти. По введеніи такого устройства осадное положеніе снимается и католическая церковь получаетъ существенныя уступки. Наконецъ, во главѣ всего цѣлаго ставится представитель императорскаго величества въ лицѣ члена царской семьи. Императоръ долго колебался, сомнѣваясь въ томъ, что предпринимаемый шагъ окажетъ ожидаемое примирительное дѣйствіе на поляковъ; наконецъ, онъ рѣшился и на эту послѣднюю попытку.

Въ концѣ мая 1862 года, неожиданно для свѣта, привыкшаго слы-

шать лишь о русскихъ насиліяхъ въ Польшѣ, оповѣщенъ былъ переходъ къ новой системѣ. Великій князь Константинъ былъ назначенъ намѣстникомъ, Велепольскій—начальникомъ гражданскаго вѣдомства, а управленіе войсками ввѣрено дѣйствовавшему уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Польшѣ генералу Лидерсу.

На этотъ разъ Велепольскій сильно разсчитывалъ на нѣкоторую благодарность со стороны своихъ соотечественниковъ. Взамѣнъ русской военной диктатуры онъ приносилъ отечественное, независимое отъ Россіи, гражданское управленіе и реформы по всѣмъ частямъ общественнаго строя. Но императоръ, какъ оказалось, вѣрно оцѣнивалъ польскія партіи. Дворяне бѣлой фракціи уклонились отъ всякой должности при Велепольскомъ, такъ какъ его власть не распространялась на всю Польшу 1771 года. Но, красные, для которыхъ ничего не было ужаснѣе и грознѣе примиренія императора съ Польшею и которые, какъ мы видѣли, отмѣтили кровавыми жертвами первое вступленіе во власть маркиза, постановили прибѣгнуть къ бо́льшимъ кровопролитіямъ теперь, когда онъ возвращается къ власти душою и руководителемъ правительства.

27-го іюня, въ Саксонскомъ саду въ генерала Лидерса былъ произведенъ, на весьма близкомъ разстояніи, пистолетный выстрѣлъ, разбившій генералу челюсть, при чемъ злоумышленникъ обнаруженъ не былъ. Тотчасъ же за тѣмъ по странѣ было пущено извѣстіе, что переговоры Россіи съ Ватиканомъ, имѣющіе цѣлью склонить папу къ умиротворяющимъ увѣщаніямъ польскаго духовенства, кончились открытымъ разрывомъ: папа предписалъ польскимъ епископамъ взять подъ свое покровительство арестованныхъ за незаконное поведеніе духовныхъ лицъ; Горчаковъ на это замѣтилъ, что если папа поддерживаетъ революцію въ Польшѣ, то онъ не можетъ ожидать, чтобы Россія стала на его сторону въ итальянской революціи. Этими событіями фанатизмъ поляковъ былъ распаленъ до послѣдней степени и разразился безпримѣрнымъ рядомъ звѣрскихъ преступленій. Въ великаго князя, два дня послѣ его пріѣзда, выстрѣлили изъ пистолета; пуля въ него попала, но застряла въ эполетахъ генеральскаго мундира. Въ теченіе августа было четыре покушенія противъ Велепольскаго: огнестрѣльнымъ оружіемъ, кинжаломъ, отравленными письмами и отравленными блюдами; что покушенія эти не удались—было просто чудомъ. Одновременно съ этимъ со всѣхъ каѳедръ раздалось снова воззваніе къ безусловному принесенію себя въ жертву святому дѣлу отчизны; прибывшіе запасы оружія складывались въ подвалахъ монастырей. 1-го сентября національный комитетъ издалъ прокламацію; въ ней онъ объявлялъ себя народнымъ правительствомъ, цѣлью возстанія ставилъ освобожденіе Польши въ предѣлахъ 1771 г., обѣщалъ крестьянамъ владѣніе занимаемыми ими землями и призывалъ всѣ славянскія племена къ участію въ борьбѣ за свободу.

Легко себѣ представить, каково было, при такихъ обстоятельствахъ, настроеніе великаго князя и министра. Они прибыли съ тѣмъ, чтобы, по ихъ понятіямъ, осыпать польскую націю благодѣяніями, и очутились передъ пылающею, разжигаемою слѣпыми фанатиками, ненавистью, которая ни передъ чѣмъ не останавливалась, объявила ихъ и ихъ сподвижниковъ посторонними лицами, совершенно свободными и угрожала вооруженнымъ возстаніемъ. Велепольскій, не терявшій изъ виду своихъ идеаловъ, и въ этомъ положеніи не отказался отъ своихъ убѣжденій. Еще до окончанія года онъ уволилъ всѣхъ русскихъ чиновниковъ и замѣнилъ ихъ мѣстными уроженцами; онъ не хотѣлъ вѣрить, что этимъ самымъ онъ далъ вліятельное положеніе нѣсколькимъ тысячамъ агентовъ предстоящей революціи. Сперва онъ оставлялъ безъ вниманія возраставшія во всѣхъ провинціяхъ подстрекательства духовенства; но онъ рѣшился однимъ сокрушительнымъ, какъ онъ думалъ, ударомъ захватить гидру революціи въ ея сокровеннѣйшихъ нѣдрахъ. Противъ убійцъ, къ посрамленію польскаго имени прибѣгавшимъ къ яду и кинжалу, всѣ средства казались ему дозволенными, лишь бы они оказались дѣйствительными.

Со времени окончанія Крымской войны въ Россіи не было набора, такъ что численность всѣхъ корпусовъ едва достигала половины цифры, узаконенной для мирнаго положенія. Весьма естественно правительство озаботилось пополненіемъ рядовъ молодыми рекрутами, и уже въ іюнѣ военный министръ Милютинъ сообщилъ маркизу Велепольскому о необходимости соотвѣтствующихъ мѣропріятій. Уже въ 1859 году былъ изданъ указъ объ отбытіи повинности по жребію среди всѣхъ обязанныхъ службою классовъ населенія, но его до сей поры примѣнять не приходилось. Велепольскому, до крайности возмущенному рядомъ бывшихъ покушеній и прокламаціею 1-го сентября, пришло теперь на умъ произвести наборъ по старому положенію, предоставлявшему присутствію свободный (не по жребію) выборъ рекрутовъ среди лицъ, призываемыхъ къ службѣ, и, такимъ образомъ, однимъ ударомъ, если не всю революціонную ватагу, то хотя бо́льшую часть ея удалить изъ страны.

Онъ доложилъ великому князю объ основаніяхъ такой мѣры; фактически, право правительства поступать какъ ему заблагоразсудится съ тѣми разбойниками, которые сами себя ставятъ внѣ закона, — несомнѣнно; не менѣе ясно и формальное право императора, единственнаго и ничѣмъ не ограниченнаго законодателя, на извѣстные сроки и для извѣстныхъ мѣстностей прекратить дѣйствіе изданнаго закона. Великій князь воспротивился: назначеніе его намѣстникомъ означало тишину и примиреніе и подобное мѣропріятіе съ этимъ не согласовалось. Непо-

колебимая воля и строгая логика маркиза побороли эти сомнѣнія, и, 18-го сентября, послѣдовало высочайшее утвержденіе его доклада.

6-го октября въ правительственныхъ органахъ было опубликовано о повсемѣстномъ наборѣ, при чемъ сельское населеніе Польши—въ видахъ ненарушенія хода выкупной операціи — избавлялось отъ поставки рекрутъ; набору подлежали лишь жители городовъ и не по жребію, хотя съ сохраненіемъ въ силѣ всѣхъ указываемыхъ закономъ льготъ. Во всѣхъ округахъ были, вслѣдъ за тѣмъ, учреждены рекрутскія коммиссіи, которымъ поручено было произвести медицинскій осмотръ всѣхъ подлежавшихъ службѣ. Секретно было имъ предписано брать въ рекруты преимущественно тѣхъ, кто пользовался дурной репутаціей, кто не имѣлъ ни родины, ни работы, такъ какъ этимъ желали воспользоваться, чтобы удалить опасные элементы. Нѣсколько дней спустя это секретное предписаніе было извѣстно народному комитету, а тотчасъ за тѣмъ и иностраннымъ газетамъ. Какъ то предвидѣлъ великій князь, крикъ негодованія раздался въ Польшѣ и въ Европѣ.

Вспомнимъ, что Мѣрославскій уже 3-го марта 1861 года внушалъ своимъ варшавскимъ друзьямъ ни при какихъ обстоятельствахъ не допускать набора и, если таковой будетъ объявленъ, идти на сопротивленіе, не взирая ни на какія опасности. Совершенно того-же желалъ и народный комитетъ; вопросъ заключался лишь въ томъ, какъ далеко, въ виду неизвѣстности дня набора, можно было бы уйти въ необходимыхъ приготовленіяхъ, чтобы съ успѣхомъ напасть врасплохъ ночью на размѣщенные по странѣ русскіе гарнизоны. Во всякомъ случаѣ надъ работою трудились съ удвоеннымъ рвеніемъ. Уже неоднократно были собраны среди патріотовъ денежныя суммы и произведены отдѣльныя закупки оружія; нынѣ появился декретъ народнаго комитета, въ силу котораго всѣ недвижимости и ипотеки облагались единовременнымъ полупроцентнымъ, а остальные доходы пяти-процентнымъ ежегоднымъ налогомъ. Всеобщаго воодушевленія къ такой патріотической мѣрѣ среди патріотовъ не было, но комитетъ, лучше всякаго правительства, располагалъ понудительными средствами: у воздерживавшихся отъ платежей помѣщиковъ, въ теченіе недѣли послѣ пропущеннаго срока платежа, сгорали домъ и вся усадьба; въ городахъ, неподчинявшихся обывателей убивали на улицѣ среди бѣлаго дня. Такимъ образомъ были собраны большія суммы, при чемъ полиція не могла схватить ни одного изъ сборщиковъ податей, убійцъ и поджигателей. Уже были посланы значительные заказы въ Англію, Францію и Бельгію на ружья, сабли, боевые припасы и мундиры, а также и на кинжалы, стрихнинъ и кураре. Эмиграція, проживавшая въ Парижѣ и лондонскій революціонный комитетъ помогали въ этихъ приготовленіяхъ всѣми силами, съ

тою лишь разницею, что въ Парижѣ, Владиславъ Чарторыйскій, ссылаясь на неблагопріятное положеніе европейскихъ дѣлъ, предохранялъ отъ преждевременнаго взрыва, тогда какъ лондонскій кабинетъ, въ надеждѣ на то, что тлѣющій въ Польшѣ огонекъ быстро обратится во всеохватывающее пламя, побуждалъ къ скорѣйшему возстанію. Между тѣмъ, варшавскій комитетъ принималъ мѣры къ организаціи революціи въ Литвѣ, Познани и Галиціи. Газеты его, совершенно въ смыслѣ манифеста 1-го сентября, къ концу года взывали къ освобожденію всей великой отчизны отъ нѣмецкаго и русскаго ига; но при этомъ не имѣлось въ виду тотчасъ же возстать и въ прусскихъ и въ австрійскихъ областяхъ и тѣмъ подвергнуться одновременно военнымъ дѣйствіямъ со стороны трехъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ. Наоборотъ, борьба должна была начаться сперва противъ Россіи, гдѣ можно было надѣяться на неурядицу въ войскѣ, а, быть можетъ, и на сочувственное революціонное движеніе, въ то время какъ общественное мнѣніе Европы удерживало бы берлинскій и вѣнскій дворы отъ вмѣшательства въ борьбу, которая, повидимому, ихъ не касалась. Но Познань и Галиція должны были быть привлечены къ поддержкѣ нападенія на русскихъ путемъ содѣйствія къ переправѣ черезъ границы имѣвшихъ прибыть изъ Люттиха транспортовъ оружія, собственнымъ участіемъ въ уплатѣ національныхъ сборовъ, сформированіемъ и присылкою вооруженныхъ партій добровольцевъ. Въ Познани уже два года какъ дѣйствовалъ союзъ польскихъ членовъ сейма, завязавшій сношенія и съ славянскимъ населеніемъ Верхней Силезіи; въ началѣ 1863 года членъ сейма, Александръ Путтри, былъ назначенъ варшавскимъ комитетомъ начальникомъ народнаго правительства, подлежавшаго устройству въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ по варшавскому образцу.

Пока все это лишь подготовлялось, народный комитетъ получилъ извѣстіе, что наборъ состоится въ половинѣ января. Послѣ продолжительныхъ и бурныхъ преній, комитетъ большинствомъ голосовъ пришелъ къ рѣшенію, что въ данную минуту возстаніе невозможно; пока слѣдовало ограничиться лишь избавленіемъ лицъ, намѣченныхъ въ рекруты.

При существовавшемъ образѣ мыслей большинства гражданскихъ чиновниковъ это дѣло существенныхъ затрудненій не представляло. Достаточно было выслать молодыхъ людей изъ одного уѣзда въ другой и у офицеровъ, производившихъ наборъ, не оказывалось средствъ разыскивать ихъ по слѣдамъ. Сотни молодыхъ людей начали исчезать по ночамъ и прежде всего изъ Варшавы. Когда въ столицѣ края начался наборъ (въ ночь съ 14-го на 15-е января 1863 г.), изъ 4.500 призывныхъ оказалось на лицо лишь 1.400 и какъ разъ нельзя было найти наиболѣе подозрѣваемыхъ въ политической неблагонадежности. Съ горькимъ разоча-

рованіемъ могъ видѣть Велепольскій, какъ его планъ не удался. Но и народному комитету довелось убѣдиться въ невыполнимости его рѣшенія. Сперва среди убѣгавшей отъ набора молодежи, а затѣмъ и среди большинства революціонныхъ дѣятелей, мѣра годами возбуждаемой страсти переполнилась. Молодые люди желали не прятаться, а биться; варшавяне собрались въ одномъ лѣсу въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города и подобныя же банды образовались подъ Плоцкомъ, Люблиномъ и Петроковомъ. Комитетъ увидѣлъ, что онъ потеряетъ всякую власть, если будетъ дольше сопротивляться теченію. Съ тяжелымъ сердцемъ, но въ мужественныхъ выраженіяхъ онъ возвѣстилъ всѣмъ провинціальнымъ агентамъ о вооруженномъ возстаніи; по предложенію, слѣланному Мѣрославскимъ еще въ мартѣ 1861 года, назначено было (въ ночь съ 23-го на 24-е января) нападеніе на русскіе гарнизоны и уничтоженіе ихъ. 22-го появились прокламаціи комитета, или, какъ его слѣдуетъ теперь точнѣе называть,—народнаго правительства; въ нихъ польскій народъ, вчера еще страждущій и кающійся, призывался стать завтра героемъ и великаномъ; всѣ способные носить оружіе должны были спѣшить подъ знамя отчизны, всѣмъ крестьянамъ-земледѣльцамъ еще разъ обѣщалось отдать въ собственность занимаемыя ими усадьбы (впослѣдствіи землевладѣльцамъ обѣщано вознагражденіе отъ государства), всѣмъ дворовымъ, рабочимъ и поденщикамъ обѣщался отводъ земли по три моргена каждому. Все сводилось къ тому, чтобы заручиться содѣйствіемъ сельскаго населенія, безъ котораго возстаніе не могло бы состояться; въ этомъ отношеніи себѣ иллюзій не дѣлали. Какъ ни безумно смѣла была городская молодежь, какъ ни задорны шляхтичи, но изъ нихъ нельзя было составить массы, необходимой для борьбы съ русскими войсками.

Въ ночь на 24-е января произведено было нападеніе на нѣкоторые русскіе гарнизоны, расположенные въ менѣе значительныхъ городахъ. Но повстанцы при этомъ ничего особеннаго не достигли. Всюду, за первымъ переполохомъ быстро послѣдовала тревога, войска собрались и отбили польскія банды. Послѣднія бросились въ лѣса и снова соединились, пополняя ряды притокомъ со всѣхъ сторонъ новобранцевъ, преимущественно шляхтичей, ремесленниковъ и студентовъ (крестьянъ было очень мало), а затѣмъ и добровольцевъ изъ Познани и Галиціи.

Въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Лондонѣ съ одинаковымъ напряженіемъ слѣдили за ходомъ дѣла. Во время послѣднихъ переговоровъ по поводу смутъ въ дунайскихъ провинціяхъ Турціи [1]), Россія, въ твердомъ соглашеніи съ Франціею, была въ рѣзкомъ противорѣчіи съ Австріею и Англіею; съ удивленіемъ узнали, что Наполеонъ, несмотря на сим-

[1]) Сербскія и румынскія дѣла. Прим. перев.

патіи всей Франціи къ Польшѣ, выразилъ строгое порицаніе возстанію, которое, при сообщничествѣ Маззини, было поднято какъ разъ въ то время, когда императоръ Александръ осыпалъ Польшу благодѣяніями. Дѣло близилось къ тому, что Горчаковъ и Велепольскій начали бы дѣйствовать въ полномъ соглашеніи съ Наполеономъ, что тѣсно связанная съ Россіею Польша стала бы базисомъ дѣйствій противъ Вѣны и Константинополя, въ то время какъ Наполеонъ закончилъ бы итальянскія дѣла и сталъ бы хозяиномъ въ восточной части Средиземнаго моря. При такой связи обстоятельствъ польское возстаніе, въ данную минуту шедшее наперекоръ комбинаціямъ Горчакова, было на руку Лондону; въ Вѣнѣ, несмотря на нѣкоторыя заботы насчетъ Галиціи, видѣли въ немъ и хорошія стороны. Англичане старались склонить общественное мнѣніе Европы въ пользу возстанія; въ Австріи ожидали дальнѣйшаго хода событій, но относились благопріятно къ тому, чтобы Россія оказалась въ нѣкоторомъ затрудненіи, и потому свободно пропускали черезъ галиційскую границу и оружіе, и банды добровольцевъ, направлявшихся въ Польшу.

Прусское правительство было также склонно воспользоваться польскимъ возстаніемъ, чтобы разрушить зарождавшуюся опасную систему. Но оно ни одной минуты не сомнѣвалось въ томъ, что дѣйствительнымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли были тенденціи какъ разъ противуположныя господствовавшимъ въ Вѣнѣ и Лондонѣ. Чтобы задушить въ зародышѣ предполагаемый польско-русскій союзъ и его соглашеніе съ Франціею, надлежало не заигрывать съ Польшею, а удержать Россію въ старой дружбѣ ея съ Пруссіею.

(Продолженіе слѣдуетъ).

бы они ни были безразсудны и безумны и даже прямо самоубійственны, будто-бы необходимы для возрожденія общественнаго духа, который иначе обреченъ на постоянное увяданіе. До 1863 года польскій народъ не признавалъ ложности этого взгляда, и всегда на первомъ планѣ ставилъ не сохраненіе народнаго быта, а стремленіе къ политической независимости.

Политическій катехизисъ двухъ предшествующихъ поколѣній состоялъ изъ двухъ догматовъ: самостоятельность и внѣшняя помощь. Все что не вело прямо къ самостоятельности, вовсе не цѣнилось. Эти два поколѣнія были воспитаны въ томъ убѣжденіи, что возстановленіе Польши необходимо для безопасности Европы. Границы 1772 года составляли одну изъ важныхъ статей патріотическаго катехизиса.

Желаніе пріобрѣсти во время упадка все то, что не могло быть сохранено во время процвѣтанія, надо считать не проявленіемъ отваги и мужества, а признаками дерзости и самомнѣнія.

Польскій народъ могъ и былъ обязанъ, сообразуясь съ обстоятельствами, уважать все то, что имѣло цѣлью сохранить и культивировать его народную самобытность, и не подвергать опасности этой возможности ради проблематическихъ видовъ на возвращеніе къ прошлой независимости. Только безразсудство и дерзость могли вселить надежды на возстановленіе Польши въ границахъ перваго раздѣла. Стремленіе къ возсоединенію областей, которыя въ дни процвѣтанія польскаго государства не удалось слить съ коренной Польшей ни въ политическомъ, ни въ общественномъ, ни въ религіозномъ отношеніи, сдѣлало невозможнымъ рѣшеніе польскаго вопроса въ Россіи и нанесло значительной части польскаго общества тяжелый и непоправимый ущербъ.

Слова маркиза Велепольскаго: «пусть Литва сама хлопочетъ о своей автономіи»—были единственно разумными и основанными на опытѣ. Викторъ Старженскій, ободренный примѣромъ и словами Велепольскаго, явился въ Петербургъ, возобновилъ прежнія связи и бывалъ при дворѣ императрицы и великой княгини Елены Павловны. Его называли литовскимъ Велепольскимъ. Къ несчастью, онъ не устоялъ на избранномъ пути и былъ увлеченъ общимъ теченіемъ. Въ мартѣ 1863 года онъ первый подписалъ адресъ предводителей литовскаго дворянства, требующій присоединенія Литвы къ Польшѣ. Кржвицкій, родомъ литовецъ, передъ отъѣздомъ въ Варшаву въ іюнѣ 1862 года, получилъ аудіенцію у императора Александра II, который его мало зналъ и тѣмъ не менѣе искренно выразилъ ему опасеніе, что движеніе въ Царствѣ Польскомъ можетъ имѣть нежеланное вліяніе на Литву. Кржвицкій, какъ человѣкъ впечатлительный и страстный, не удержался и воскликнулъ: «ваше величество, возвратите Литвѣ статутъ, пусть наслѣдникъ Престола приметъ титулъ великаго князя литовскаго, поселится въ

Вильнѣ и управляетъ краемъ при помощи вѣрныхъ гражданъ,—и Литва не шелохнется». Государь улыбнулся и только потрепалъ его по плечу. Это доказывало, что тогда можно было говорить о статутѣ. Прежде еще министръ Панинъ стоялъ за сохраненіе статута, и въ началѣ царствованія Александра II возобновлено было преподаваніе польскаго языка въ литовскихъ школахъ. Но безразсудная теорія границъ 1772 года сдѣлала невозможнымъ всякое соглашеніе.

Въ періодъ времени съ 1831 по 1856 годъ польское общество исключительно занято было мечтаніями о независимости Польши, что, конечно, исключало всякое соглашеніе между нимъ и правительствами, участвовавшими въ раздѣлѣ.

Въ эту эпоху конспирація занимаетъ всѣ умы, всякій трудъ совершенно заброшенъ. Общество живетъ несбыточными надеждами, чему способствуютъ крайнее стѣсненіе въ странѣ и полная свобода эмиграціи. Чувства господствуютъ надъ разумомъ. Строгая, но логическая система управленія императора Николая I послѣ 1831 года не дала разъиграться катастрофѣ. Затѣмъ совершаются два событія, имѣвшія большое вліяніе на настроеніе умовъ. Это—перемѣна царствованія въ Россіи и возрожденіе французской имперіи съ Наполеономъ III во главѣ.

Перемѣна царствованія не могла не оказать вліянія на судьбу Польши. Если бы польское общество того времени обладало здравымъ политическимъ смысломъ, оно несомнѣнно при государѣ кроткомъ, изыскано вѣжливомъ и обходительномъ могло бы извлечь для себя изъ этой перемѣны большую пользу. Къ сожалѣнію, то поколѣніе было воспитано на идеѣ независимости, и потому факторы, могшіе послужить къ возстановленію народной самобытности, послужили во вредъ народу.

Къ бѣдствіямъ, постигшимъ польскій народъ, сильно прикосновененъ Наполеонъ III, имѣвшій большое вліяніе на ходъ событій. Это была личность во всякомъ случаѣ незаурядная. Безъ выдающихся способностей нельзя было воскресить къ жизни обреченную на полное забвеніе наполеоновскую идею, управлять съ успѣхомъ въ продолженіе 20 лѣтъ народомъ, трудно поддающимся властвованію, провести на материкѣ двѣ побѣдоносныя войны и снарядить двѣ заморскія экспедиціи, расширить границы государства, занять солидное положеніе между монархами и возбуждать въ нихъ боязнь и зависть. Седанская катастрофа съ ея послѣдствіями не могутъ умалить значенія этого необыкновеннаго человѣка, какъ война 1812 года и Ватерло не въ состояніи затмить величія Наполеона I. Однимъ изъ важныхъ источниковъ его заблужденій была страсть къ заговорамъ, развившаяся у него еще въ молодыхъ годахъ и во время первыхъ попытокъ возстановленія имперіи. Заговорщикъ на тронѣ—это нѣчто противорѣчащее здравому смыслу. Напо-

леонъ III слишкомъ злоупотреблялъ заговоромъ, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ.

Обаяніе Наполеона III, который вообще возбуждалъ больше иллюзій, чѣмъ основательныхъ надеждъ, было тогда велико и сильно дѣйствовало на отрицательныя стороны польскаго характера. Вліяніе это было слѣдствіемъ большихъ успѣховъ его политики, какъ внѣшней, такъ и внутренней. Нѣкоторая загадочность въ его мысляхъ и намѣреніяхъ и умѣніе вплетать общечеловѣческія чувства въ свои политическіе планы, особенно-же его поклоненіе принципу народности, сильно дѣйствовало на болѣзненно настроенное воображеніе тогдашняго польскаго общества. Вѣра въ Наполеона во много разъ превосходила истинное могущество его и силы французскаго народа. Послѣдующія событія развѣяли эти иллюзіи, которыя сдѣлались теперь мало понятными и доказали всю суету человѣческихъ сужденій.

Наполеонъ III воскресилъ въ глазахъ поляковъ образъ великаго Наполеона, стараніями котораго возникло впервые послѣ раздѣла подобіе независимой Польши. Поколѣніе, воспитанное на идеѣ, что Европа,— понимая подъ этимъ словомъ главнымъ образомъ Францію, возстановитъ Польшу, видѣло въ Наполеонѣ своего спасителя. Ни одинъ полякъ не могъ оставить безъ вниманія словъ Наполеона, сказанныхъ въ началѣ 1859 года по поводу румынскаго вопроса:

«А если-бы кто-нибудь спросилъ, какіе интересы преслѣдуетъ Франція въ этой далекой странѣ, я бы отвѣтилъ, что интересъ Франціи вездѣ, гдѣ возникаютъ вопросы, затрагивающіе справедливость и цивилизацію». Есть основанія предполагать, что Наполеонъ III, еще до воцаренія, обдумывалъ способы улаженія польскаго вопроса. Въ своихъ «Наполеоновскихъ идеяхъ», изданныхъ впервые въ 1839 году въ Лондонѣ и вышедшихъ вторымъ изданіемъ въ 1857 году въ Парижѣ, Наполеонъ III высказалъ слѣдующія положенія:

— Императоръ Наполеонъ I сказалъ, что Иллирію—форпостъ по дорогѣ въ Вѣну—впослѣдствіи отдастъ взамѣнъ за Галицію.

— Италія и Польша хотятъ той народной организаціи, проблескъ который показалъ имъ Наполеонъ I.

— Польша это—сестра Франціи, всегда жертвующая собой и исполненная благородства. Учрежденіе герцогства Варшавскаго, которое должно было служить зародышемъ народной независимости, подало Польшѣ надежду на недалекое возстановленіе.

Таковы были идеи претендента на престолъ Наполеона I.

Въ сентябрѣ 1854 года Наполеонъ, уже императоръ, имѣлъ разговоръ съ принцемъ Альбертомъ Саксенъ-Кобургскимъ, мужемъ англійской королевы Викторіи. Послѣдній записалъ этотъ разговоръ въ своемъ дневникѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Наконецъ императоръ меня увѣрялъ, что касательно Италіи и Польши у него два желанія: одно, это Ломбардія должна быть освобождена отъ плохой австрійской администраціи, и второе—возстановленіе Польши... Когда дѣло зашло о Польшѣ, я спросилъ, чего онъ желаетъ? Желаетъ-ли возстановленія Польши въ предѣлахъ перваго, втораго или третьяго раздѣла? Наполеонъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ удовлетворился бы возстановленіемъ небольшой даже части въ родѣ герцогства Варшавскаго. Онъ того мнѣнія, что Галиція имѣетъ хорошее управленіе и что Австрія и Пруссія при его комбинаціяхъ должны удержать за собой свои польскія провинціи. Онъ полагаетъ, что его идеи были-бы очень популярны во Франціи, въ Англіи и Германіи. Я призналъ это относительно первыхъ двухъ державъ, особенно относительно Англіи, что-же касается Германіи, то я высказалъ сомнѣніе. Тогда онъ мнѣ замѣтилъ, что былъ самъ въ Германіи и наблюдалъ переходъ черезъ германскую территорію поляковъ, которые покидали свою родину. Они возбуждали большой энтузіазмъ и симпатіи въ народѣ. Съ энтузіазмомъ я согласился, но насчетъ симпатіи усомнился. Скорѣе это было со стороны нѣмцевъ выраженіемъ сочувствія къ страданіямъ патріотовъ. Безъ сочувствія Пруссіи и Австріи Польша не можетъ питать никакихъ надеждъ».

Такія стремленія Наполеонъ впервые обнаружилъ во время Крымской кампаніи, приглашая союзниковъ поднять польскій вопросъ. Много лучезарныхъ надеждъ высказывалъ неоднократно этотъ коронованный провозвѣстникъ идеи національзма въ своихъ разговорахъ съ графомъ Сигизмундомъ Красинскимъ, извѣстнымъ польскимъ поэтомъ, съ князьями Адамомъ и Владиславомъ Чарторыйскими, съ Адамомъ Потоцкимъ и др.

Кромѣ нихъ здѣсь выступаетъ на сцену графъ Александръ Валевскій, связанный своимъ происхожденіемъ съ наполеоновскою династіею и съ Польшей. Отъ отца своего Наполеона I унаслѣдовалъ онъ черты, которыя такъ привлекали людей къ императору, но не унаслѣдовалъ его генія. Графъ Валевскій обладалъ большимъ тактомъ, столь цѣннымъ въ обращеніи съ людьми и въ дипломатіи, но не примѣнимымъ къ великимъ политическимъ событіямъ. Въ политикѣ онъ находился всегда подъ вліяніемъ двойственнаго своего происхожденія. Дѣятельность графа Валевскаго вначалѣ была крайне разнообразна: въ свое время онъ былъ свѣтскимъ человѣкомъ, потомъ журналистомъ, солдатомъ, дипломатомъ и даже драматическимъ писателемъ. Въ 1830 году состоялъ въ Польшѣ въ главномъ штабѣ и нѣсколько разъ былъ въ огнѣ, потомъ былъ въ Лондонѣ представителемъ польскихъ интересовъ. Во время второй имперіи, занявъ самый важный постъ въ государствѣ, считалъ своею обязанностію и своимъ правомъ принимать дѣятельное участіе въ судьбахъ наполеоновской династіи, съ которой кровно былъ связанъ. Отсюда явилось въ немъ извѣстная независимость и самостоятельность. Графъ Ва-

левскій до конца считался однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ людей при дворѣ второй имперіи. Наполеонъ открывалъ ему самые сокровенные свои помыслы, особенно касательно польскаго вопроса. Графъ Валевскій поэтому сдѣлался однимъ изъ первыхъ поборниковъ и носителей польской идеи во Франціи.

Насколько извѣстно, принцъ Наполеонъ не вѣрилъ въ дѣйствительность предпринимаемыхъ императоромъ въ пользу польскаго дѣла мѣръ и совѣтовалъ полякамъ не довѣрять имъ. Итальянская война, начатая во имя принципа народности, и объявленіе независимости Италіи не только оживило давнишнія мечтанія въ польскомъ обществѣ, но и возбудило въ немъ чувство обязанности стать въ ряду народовъ, стремящихся къ возвращенію себѣ утраченной независимости и пожертвовать всѣмъ для этой высокой цѣли. Этотъ подсчетъ обязанностей совершился безъ всякихъ разсужденій, въ пылу увлеченія. Въ томъ и заключался источникъ всѣхъ будущихъ народныхъ бѣдствій.

Нельзя было требовать, чтобы польскій народъ остался совершенно пассивнымъ, въ виду провозглашенія Наполеономъ III принципа народности, въ виду Италіи и Румыніи, заявившихъ свои права и получившихъ независимость, въ виду народнаго движенія въ Греціи, на Востокѣ и въ Германіи. Больше всего подѣйствовало на возрожденіе польскихъ надеждъ объединеніе Италіи. Аналогія между Италіей и Польшей была весьма отдаленная. Не говоря уже о томъ, что Италія имѣла дѣло съ одной только державой, между тѣмъ, какъ въ польскомъ вопросѣ были заинтересованы три государства, и что далеко не вся Италія подчинялась чужой власти,—было еще одно важное преимущество на сторонѣ Италіи,—это близость Франціи, которая могла непосредственно и безотлагательно придти на помощь. Да и помощь эта никогда, собственно говоря, не была формально и рѣшительно обѣщана Польшѣ.

Весь вопросъ сводился къ тому, какъ приступить къ дѣлу. Вмѣсто того, чтобы поставить себѣ девизомъ: умѣренность требованій, поляки увлеклись и дали разыграться особенностямъ своего характера: склонности къ иллюзіямъ и недостатку обдуманности. Развитію польскаго самомнѣнія не мало способствовало преподаваніе исторіи, которое старалось сильно преувеличить всѣ заслуги народа и выставить только свѣтлыя страницы, умалчивая объ ошибкахъ и погрѣшностяхъ.

Поэзія предшествующаго періода, рисуя картину будущаго и воспѣвая мощь духа, дѣйствовала на фантазію. Бисмаркъ совершенно справедливо оцѣнилъ это вліяніе поэзіи на польское общество. Онъ сказалъ, что поляки въ политикѣ были поэтами, а въ поэзіи—политиками. Оба эти фактора сослужили полякамъ плохую службу и сильно подѣйствовали введенію ихъ въ заблужденіе.

Въ исторіи нѣтъ примѣровъ, чтобы порабощенный народъ, пере-

ставшій существовать, какъ государство, безъ чужой помощи возвратилъ себѣ свободу. Это и понятно, если народъ не могъ сохранить своей свободы, будучи независимымъ, то онъ, будучи въ подчиненіи у другаго народа, не можетъ сдѣлаться на столько сильнымъ, чтобы самостоятельно вернуть себѣ независимость. Это положеніе должно навсегда исключить мысль о возстаніи въ Польшѣ. Единственный разъ со времени раздѣла Польши возникло нѣчто въ родѣ независимаго польскаго государства, именно Варшавское герцогство, только благодаря помощи извнѣ.

Въ эпоху, предшествующую возстанію 1863 года, событія въ Европѣ и въ Россіи слагались такъ благопріятно для поляковъ, что представлялась полная возможность развитія народности; возстановленіе же Польши не имѣло никакихъ видовъ на успѣхъ. Галиція вполнѣ оцѣнила моментъ и воспользовалась имъ, чтобы путемъ мирнаго соглашенія съ австрійскимъ правительствомъ обезпечить себѣ самоуправленіе и народную самобытность.

Рѣчь идетъ объ адресѣ галичанъ, редактированномъ Сигизмундомъ Гельцелемъ, другомъ и единомышленникомъ маркиза Александра Велепольскаго, и врученномъ 4-го января 1861 года министру Шмерлингу въ Вѣнѣ. Вотъ этотъ важный документъ:

«Въ циркулярѣ къ намѣстникамъ всѣхъ провинцій вы изволили выразить готовность выслушать мнѣніе и законныя желанія общества, причемъ откровенность въ изложеніи обстоятельствъ признали необходимымъ условіемъ зрѣлаго и сознательнаго отношенія къ дѣлу. Представляющееся сегодня вашему превосходительству общество гражданъ Галиціи и г. Кракова является выразителемъ животрепещущихъ мыслей своего края. Со времени присоединенія этой части давнишней Польши къ Австрійской монархіи, неоднократно были представляемы на благоусмотрѣніе его императорско-королевско-апостольскаго величества и его министровъ просьбы и желанія жителей оной, которыя часто не достигали своего назначенія, вслѣдствіе неблаговоленія мѣстныхъ властей. Такъ какъ мы не имѣемъ возможности, вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, обращаться отъ имени народа къ высшимъ государственнымъ властямъ, будучи лишены соотвѣтственныхъ органовъ, то, пользуясь заявленіемъ вашего превосходительства, мы прибѣгли къ этому самому простому и естественному средству и являемся къ вамъ въ качествѣ ходатаевъ, правда, не по выбору, но вызванные къ тому всеобщимъ согласіемъ. Мы явились сюда безъ юридическихъ полномочій, но вполнѣ убѣжденные, что мы вѣрные истолкователи общественнаго мнѣнія въ Галиціи и въ Краковѣ, такъ какъ наши представленія уже удостоились полнаго одобренія со стороны нашихъ земляковъ.

«Ваше превосходительство въ вышеупомянутомъ своемъ циркулярѣ объявили, что въ непродолжительномъ времени будутъ опубликованы

*

уставы учрежденій, указанныхъ въ манифестѣ его величества. Жители нашего края высказали желаніе, которое, вѣроятно, совпадаетъ съ вашими планами, чтобы до изданія устава, касающагося Галиціи, министръ его величества, обнаружившій свои политическія основы управленія въ этомъ, вполнѣ согласномъ съ конституціей, и мудромъ циркулярѣ, познакомился непосредственно съ принципами политическихъ убѣжденій—подавляющаго большинства.

«Мы имѣемъ, поэтому, честь заявить вашему превосходительству, что жители нашего края, принадлежащіе къ двумъ народамъ, польскому и русскому, добровольно нѣсколько вѣковъ тому назадъ соединившимся несмотря на судьбу, нарушившую цѣлость ихъ польскаго отечества, не отказывались и никогда не откажутся отъ вѣчныхъ и историческихъ, не подлежащихъ давности, правъ своей народности, которая основывается на неисповѣдимыхъ путяхъ Провидѣнія. Для насъ расчлененная на три части Польша представляется всегда тою же единоличной нашей матерью-старушкой,—сердце наше всегда бьется въ унисонъ съ сердцами нашихъ однокровныхъ братьевъ надъ Вартой и надъ Вилеей. Совершенно откровенно должны мы высказать наши чувства министру католическаго монарха, изъ знаменитой династіи котораго вышло девять королей, возсѣдавшихъ на престолѣ Пястовъ. Если бы мы скрыли эти чувства, весь свѣтъ намъ бы не вѣрилъ и даже въ нашемъ несчастьи отказалъ бы въ своемъ уваженіи.

«Если, ваше превосходительство, внемлете этимъ чувствамъ нашего народа и вспомните старыя и часто прекрасныя его дѣянія, то безъ сомнѣнія признаете, что и мы составляемъ такую историческо-политическую народную индивидуальность, которая при организаціи монархіи не можетъ быть забыта, какъ о томъ недавно высказалось большинство въ засѣданіи государственнаго совѣта,—что и въ насъ не изсякло то историческое законное чувство, которое, согласно манифесту его императорско-королевско-апостольскаго величества, должно найти удовлетвореніе въ соотвѣтственныхъ законныхъ учрежденіяхъ.

«Хотя подобныя просьбы, подаваемыя уже нашими отцами предшественникамъ его величества, оставались безъ послѣдствій, и мы вынуждены были долго молчать, однако не пропускаемъ никогда случая, чтобы не упомянуть о томъ, что Марія-Терезія, а потомъ императоръ Францъ признавали за нами права гораздо высшія, чѣмъ полнѣйшая даже автономія, а потому, очевидно, что та, о которой въ общихъ чертахъ упоминается вашимъ превосходительствомъ, нисколько не можетъ удовлетворить насъ. Вѣдь даже европейскіе трактаты, пожертвовавшіе Польшей въ пользу вѣчнаго, будто-бы, мира и рѣшавшіе ея судьбу безъ нашего даже участія, никогда не жертвовали ея народнымъ духомъ и всегда требовали для всѣхъ ея трехъ частей соотвѣтствующихъ на-

родному духу учрежденій. Ваше превосходительство согласитесь, что въ такомъ положеніи не находится ни одна провинція Австрійской монархіи и этого уже достачно, чтобы убѣдиться въ необходимости для нашего края самоуправленія и въ несправедливости какого бы то ни было новаго политическаго кускованія Галиціи, которое противно даже тому интегральному виду, въ которомъ эта часть Польши нѣкогда была присоединена къ Австріи. Это раздѣленіе было-бы новой, но вполнѣ безуспѣшной попыткой стѣсненія народной самобытности поляковъ, о могущественной индивидуальности которыхъ свидѣтельствуетъ ихъ исторія.

«Изъ этого законнаго стремленія къ организованному самоуправленію слѣдуетъ, что провинціальный сеймъ нашего края, общій для всей Галиціи и города Кракова, состоящій изъ выборныхъ представителей народа, долженъ имѣть не только совѣщательное значеніе, но и рѣшающее во всѣхъ вопросахъ, относящихся до духовной и матеріальной жизни жителей. Ибо, въ случаѣ, если бы рѣшающій голосъ во всѣхъ животрепещущихъ вопросахъ, касающихся Галиціи и города Кракова, принадлежалъ одному, общему для всего государства, парламенту, въ которомъ и мы принимали-бы участіе, то политическія цѣли германской части этого парламента нашли-бы, навѣрно, сильную оппозицію какъ въ насъ, чуждыхъ Германскому союзу, такъ и въ другихъ негерманскихъ народахъ. Если-бы, однако, должности священнослужителей обоихъ мѣстныхъ обрядовъ, а также должности по вѣдомству административному, судебному и народнаго просвѣщенія не были предоставляемы нашимъ землякамъ, то даже при существованіи Галиційскаго сейма, мы бы не пользовались настоящимъ самоуправленіемъ. Ваше превосходительство изволили признать, что истинная сила правительств заключается главнѣйшимъ образомъ въ довѣріи, которое питаетъ народъ къ органамъ власти. Нѣтъ сомнѣнія, поэтому, что, если мѣстныя должности будутъ поручены нашимъ соотечественникамъ, то общественный порядокъ будетъ покоиться на прочныхъ устояхъ, такъ какъ влаасти эти будутъ пользоваться въ краѣ полнымъ довѣріемъ населенія.

«Изъ всего этого явствуетъ необходимость употребленія мѣстнаго языка не только въ сношеніяхъ властей съ населеніемъ, но и введеніе его во всѣ общественныя учрежденія. А такъ какъ польскій языкъ отличается своимъ богатствомъ, гибкостью и литературною обработанностью, то мы, памятуя монаршую волю, объявленную еще вашимъ предмѣстникомъ, и согласно вашему циркулярному заявленію, надѣемся, что онъ будетъ введенъ въ самомъ непродолжительномъ времени во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края. На тѣхъ же основаніяхъ и русскому языку будетъ отведено подобающее ему мѣсто. Вы признаете, ваше превосходительство, что главная задача правительства заключается въ томъ,

чтобы предоставить каждой народности развиваться самостоятельно— она же, въ свою очередь, съумѣетъ свободно и добровольно пользоваться научной сокровищницей другаго народа. А такъ какъ ваше превосходительство заявили, что правительство не упуститъ изъ вида ничего, что ведетъ къ высшему просвѣщенію, то признаете, что нашъ народъ достигнетъ этой цѣли только тогда, когда науки будутъ преподаваемы нашей молодежи на ея родномъ языкѣ, на которомъ она съ колыбели привыкла думать и понимать.

«Это-то главное' содержаніе общественнаго мнѣнія нашей страны мы и желали высказать вашему превосходительству не съ цѣлью противодѣйствовать предначертаніямъ правительства, которыя намъ еще неизвѣстны, но, напротивъ, съ цѣлью споспѣшествовать начинаніямъ верховной государственной власти, для которой очень важно узнать искреннее изложеніе положенія вещей.

«Соблаговолите, ваше превосходительство, принять во вниманіе эти представленія и, имѣя въ виду то, что для насъ всего дороже, именно— нашу народную самобытность, содѣйствовать вашей почтенной политической дѣятельностью улучшенію жребія нашего народа, который нѣкогда пролилъ кровь на пользу Австрійской монархіи и всего христіанскаго міра, чего въ Вѣнѣ отрицать не могутъ».

Мы привели эту просьбу цѣликомъ, чтобы указать, что только въ подобномъ мирномъ соглашеніи съ правительствомъ заключалось спасеніе Царства Польскаго. Въ лицѣ графа Андрея Замойскаго, имѣвшаго большое вліяніе на общественное мнѣніе, путь этотъ нашелъ сильную оппозицію. Графъ Андрей получилъ англійское воспитаніе и упорный трудъ считалъ своею обязанностью по отношенію къ родинѣ. Это былъ человѣкъ честный, откровенный и весьма обходительный. Въ мирное время онъ былъ весьма полезнымъ гражданиномъ. Императоръ Александръ II, признавая его заслуги, поставилъ его во главѣ комитета по постройкѣ моста черезъ Вислу. Въ виду надвигавшихся бурныхъ и грозныхъ событій, графъ Замойскій не оказался на высотѣ своего положенія и вліянія. Источникъ его заблужденій заключался въ ненависти къ русскимъ. Качества эти, столь вредныя въ политикѣ, заглушили въ немъ здравое пониманіе положенія и исключали возможность соглашенія съ правительствомъ.

II.

Отель Ламберъ въ Парижѣ.—Князь Адамъ Чарторыйскій.—Польскій вопросъ въ Крымскую войну.—Польскій легіонъ въ Турціи.—Парижскій конгрессъ.—Князь М. Д. Горчаковъ и П. Мухановъ.—Рѣчи императора Александра II въ Варшавѣ.—Графъ Андрей Замойскій.—Учрежденіе общества сельскаго хозяйства.—Характеристика общества.

Польскій вопросъ перешелъ къ Наполеону III по наслѣдству. Онъ ему пришелся по сердцу, тѣмъ болѣе что соотвѣтствовалъ принципу національности. Кромѣ того, Наполеонъ III ошибочно полагалъ, что польскій вопросъ очень популяренъ во Франціи и что, поднявъ его, онъ усилитъ престижъ своего правительства и своей династіи. На самомъ дѣлѣ Франція нисколько не интересовалась Польшею и представителямъ отеля Ламберъ стоило много труда, чтобы періодическая печать подняла этотъ вопросъ и постаралась пробудить къ нему интересъ въ обществѣ.

Подъ отелемъ Ламберъ надо разумѣть ту часть польской эмиграціи, которая послѣ 1831 года покинула родину и сгруппировалась около князя Адама Чарторыйскаго. Эмиграція эта была живымъ протестомъ противъ порабощенія страны и если не задавалась цѣлью возстановить Польшу, то всегда объ этомъ мечтала. Князь Адамъ Чарторыйскій пользовался большимъ вліяніемъ въ этомъ кругу и былъ извѣстенъ всей странѣ, какъ горячій патріотъ. Онъ умеръ 15-го іюля 1861 года. Его мѣсто занялъ сынъ его князь Владиславъ Чарторыйскій, который черезъ жену свою, дочь испанской королевы Христины, имѣлъ доступъ въ высшіе аристократическіе и политическіе круги Парижа. При посредствѣ императрицы Евгеніи онъ имѣлъ связи съ тюльерійскимъ дворомъ, центромъ польскихъ надеждъ и упованій.

Первое мѣсто послѣ князя Владислава Чарторыйскаго занималъ генералъ графъ Владиславъ Замойскій, братъ Андрея. Участникъ возстанія 1831 года, онъ всю жизнь въ своихъ дѣйствіяхъ руководился ненавистью къ русскимъ и не могъ помириться съ существующимъ порядкомъ вещей. Изъ другихъ лицъ отеля Ламберъ слѣдуетъ отмѣтить Теодора Моравскаго, бывшаго во время возстанія 1831 года министромъ внутреннихъ дѣлъ, Андрея-Эдуарда Козьмяна, друга и пріятеля графа Валевскаго, Валеріана Калинку, автора извѣстнаго историческаго труда «Четырехлѣтній Сеймъ», Юліяна Клячко, извѣстнаго публициста и отъявленнаго врага крайней фракціи эмиграціи съ Мѣрославскимъ во главѣ, и француза Горація Делярошъ, горячаго польскаго патріота. Этотъ кружокъ имѣлъ свои засѣданія въ отелѣ Ламберъ, на которыхъ обсуждались текущія польскія дѣла, и издавалъ «Польскія Вѣдомости». Въ

1860 году было основано «Парижское Бюро», которое имѣло своихъ корреспондентовъ во всѣхъ польскихъ провинціяхъ. Корреспондентами изъ Галиціи были: братья графы Иванъ и Станиславъ Тарновскіе, графъ Людвигъ Водзицкій, Станиславъ Козьмянъ и Августъ Горайскій. Изъ великаго княжества Познанскаго писали корреспонденціи: графъ Янъ Дзялынскій и Тадеушъ Хлаповскій; изъ Царства Польскаго—графъ Станиславъ Плятеръ. Корреспонденты эти собирали деньги на вознагражденіе европейской печати за мусированіе польскаго вопроса. Бюро имѣло во всѣхъ европейскихъ столицахъ своихъ агентовъ, которые старались заинтересовать польскимъ дѣломъ иностранные дворы.

Отель Ламберъ постоянно поддерживалъ сношенія съ варшавскимъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ, а потомъ и съ бѣлыми. Одной изъ задачъ отеля Ламберъ была борьба съ красными, готовыми при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ схватиться за оружіе, хотя цѣль и отеля Ламберъ и красныхъ была одна и та же. Отель Ламберъ не избѣжалъ общаго заблужденія и слѣпо вѣрилъ въ могущество Наполеона III и въ его дѣятельную помощь польскому дѣлу.

Средства, необходимыя на содержаніе служащихъ бюро и филіальныхъ его отдѣленій доставляли бѣлые изъ Царства Польскаго, съ требованіемъ распредѣлять деньги между всѣми фракціями эмиграціи даже самыми крайними, какъ Мѣрославскаго, Эльжановскаго и др., чему отель Ламберъ вовсе не сочувствовалъ. Впослѣдствіи бѣлые непосредственно пересылали деньги эмигрантамъ крайняго направленія.

О доброжелательствѣ Наполеона III по отношенію къ полякамъ сомнѣваться нельзя. Еще во время Крымской войны министръ иностранныхъ дѣлъ Друэнъ-де-Люисъ, въ депешѣ отъ 26-го марта 1855 г. къ посланнику въ Лондонѣ графу Валевскому, затронулъ польскій вопросъ на особенно непріятной Наполеону III почвѣ вѣнскаго трактата. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Кларендонъ отвѣтилъ отказомъ. Графъ Валевскій, заступившій мѣсто Друэнъ-де-Люиса, возобновилъ это дѣло въ депешѣ отъ 15-го сентября того же года къ посланнику Персиньи, но тоже безуспѣшно.

Часто высказываемое мнѣніе, что самымъ удобнымъ временемъ для польскаго возстанія было именно время Крымской кампаніи, въ основѣ своей такъ же ошибочно, какъ вообще всѣ теоріи о необходимости возстанія въ Царствѣ Польскомъ. Правда, оно вызвало бы нѣкоторое замѣшательство въ русскихъ дѣлахъ, но могло быть скоро и успѣшно подавлено или одними русскими силами, или въ союзѣ съ государствами, участвовавшими въ раздѣлѣ Польши.

Наполеонъ III всячески старался ввести польскій вопросъ въ кругъ совершавшихся событій. Подъ его ферулой и при ближайшемъ участіи князей Чарторыйскихъ былъ сформированъ польскій легіонъ въ Турціи,

численность котораго должна была быть доведена до 3.000. Легіонъ этотъ долженъ былъ исполнить для польскаго вопроса такую роль, какую для итальянскаго съиграло пьемонтское войско. Обмундированіе этого легіона Наполеонъ поручилъ своему правительству; Англія же, по его плану, должна была взять на себя обязательство платить жалованье, что она честно и исполнила. Тѣмъ не менѣе, въ разговорѣ съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, Наполеонъ не совѣтовалъ полякамъ поднимать оружіе въ Царствѣ Польскомъ, такъ какъ Франція, безъ участія союзниковъ, не можетъ придти возстанію на помощь. Упорство Англіи объяснялось опасеніемъ, въ случаѣ возстановленія Польши, увеличенія вліянія и могущества Франціи. Противорѣчащій на первый взглядъ англійской политикѣ фактъ принятія легіона на свое жалованье, объясняется очень просто. Англія смотрѣла на возбужденіе польскаго вопроса не какъ на цѣль, а какъ на средство къ соблюденію своихъ интересовъ. Это ясно изъ словъ лорда Пальмерстона, высказанныхъ генералу графу Владиславу Замойскому, явившемуся къ нему съ этимъ предложеніемъ. Лордъ Пальмерстонъ вначалѣ колебался, а потомъ согласился и при этомъ сказалъ:

— Впрочемъ хорошо, я согласенъ. Поднятіе польскаго знамени скорѣе склонитъ Россію къ уступкамъ при заключеніи мира.

Фактъ этотъ долженъ былъ убѣдить поляковъ, что польскій вопросъ выдвигается европейскими державами, какъ пугало для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей, а что польское дѣло здѣсь на послѣднемъ планѣ.

Къ концу войны Наполеонъ вторично обратился къ союзникамъ съ проектомъ возстановленія Варшавскаго герцогства, но опять встрѣтилъ отказъ. Тогда въ раздраженіи внезапно повернулъ фронтъ и къ удивленію союзниковъ согласился на принятіе всѣхъ поставленныхъ Россіею условій мира. Когда Банвилль поздравилъ императора съ успѣхами французскаго оружія въ Крыму, Наполеонъ сказалъ ему:

— Говорятъ, что я всемогущъ. Между тѣмъ судьбѣ угодно было, чтобы мнѣ, который всю свою жизнь мечталъ что-либо сдѣлать для Италіи и бѣдной Польши, пришлось теперь спасать турокъ, которыхъ терпѣть не могу.

Наканунѣ Парижскаго конгресса князь Адамъ Чарторыйскій просилъ императора Наполеона и графа Валевскаго, а также англійское правительство поднять польскій вопросъ. Но князь Орловъ, русскій уполномоченный, въ частномъ разговорѣ заявилъ, что если кто-либо заикнется на конгрессѣ о Польшѣ, то Россія объявитъ Царство Польское завоеваннымъ въ 1831 году и сниметъ съ себя всякія обязательства по отношенію къ этому краю, установленныя вѣнскимъ конгрессомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Орловъ заявилъ, что, если этотъ вопросъ будетъ

обойденъ молчаніемъ, то императоръ Александръ II сдѣлаетъ для Польши больше, чѣмъ предполагаютъ.

Извѣстно, что и французское и англійское правительства рѣшили не поднимать польскаго вопроса на конгрессѣ. Съ этого момента Наполеонъ всѣ свои помыслы по улаженію польскихъ дѣлъ обратилъ на путь мирнаго соглашенія съ Россіей. Первые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы графомъ Морни, отправлявшимся въ Москву на коронацію императора Александра II въ качествѣ представителя Наполеона. Передъ отъѣздомъ графъ Морни по порученію Наполеона имѣлъ совѣщаніе съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, вручившимъ ему меморіалъ о положеніи русской Польши. Въ меморіалѣ были выставлены, какъ насущнѣйшія нужды края,—уваженіе къ религіи и къ языку.

Крымская война и Парижскій конгрессъ должны были убѣдить поляковъ, что спасеніе ихъ заключается въ мирномъ соглашеніи съ Россіей. Начало этого направленія не замедлило проявиться многими фактами, между которыми отмѣтимъ два важнѣйшихъ. Графъ Титъ Дзялынскій, бывшій солдатъ 1831 года, богатый, вліятельный и умный человѣкъ своего времени, издалъ «Дневникъ Сейма Уніи», снабдилъ это изданіе политическимъ предисловіемъ и посвятилъ изданіе императору Александру II. Графъ Езерскій, доказавшій свое гражданское мужество въ 1831 году, изготовилъ ко дню пріѣзда монарха въ Варшаву адресъ, редактированный публицистомъ Шедо-Феротти, въ которомъ излагались нужды страны.

1 февраля 1856 года былъ назначенъ намѣстникомъ герой Севастополя князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, во многомъ отличавшійся отъ своего предшественника князя Паскевича и болѣе благосклонно относившійся къ полякамъ, чѣмъ послѣдній. На должность директора коммиссіи внутреннихъ дѣлъ и попечителя варшавскаго учебнаго округа былъ назначенъ Павелъ Мухановъ, распоряженіями котораго край былъ недоволенъ.

Тотчасъ послѣ коронаціи императоръ Александръ II поспѣшилъ въ Варшаву, куда прибылъ 22-го мая 1856 года. Узнавъ, вѣроятно, что его воцареніе возбуждаетъ въ полякахъ несбыточныя надежды, восходящія изъ границъ всякой возможности, онъ счелъ нужнымъ положить имъ предѣлъ и, обратившись въ Бельведерѣ къ собравшемуся духовенству, предводителямъ дворянства и чиновникамъ, просилъ ихъ оставить всѣ мечтанія.

Вторая рѣчь была произнесена въ Лазенкахъ 27-го мая къ собравшемуся дворянству. Въ ней императоръ сказалъ:

— Вамъ, вѣроятно, извѣстны мои слова, обращенныя къ предводителямъ дворянства нѣсколько дней тому назадъ. Еще разъ повторяю, я убѣжденъ, что для своего блага Польша должна соединиться навсегда съ

престоломъ русскихъ императоровъ. Непреклонная моя воля заключается въ томъ, чтобы, сохраняя всѣ права и учрежденія, дарованныя Польшѣ отцомъ моимъ, способствовать благу и развитію страны. Я готовъ обезпечить краю все то, что можетъ быть ему полезнымъ, и все то, что ему даровалъ мой отецъ,—отъ васъ будетъ зависѣть облегчить мою задачу.

Затѣмъ императоръ объявилъ амнистію и продолжалъ:

— Но прежде всего дѣйствуйте такъ, господа, чтобы осуществленіе благъ сдѣлалось возможнымъ и чтобы я не былъ вынужденъ прибѣгнуть къ подавленію и наказанію. Поняли? Я предпочитаю награждать, чѣмъ наказывать. Мнѣ пріятнѣе хвалить, какъ это я теперь дѣлаю, чѣмъ хулить. Но знайте, господа, что въ случаѣ необходимости я съумѣю наказать и накажу.

Эти слова опредѣляли границы надеждъ и реформъ. Мечтанія о независимости должны были лишиться почвы, но развитія народной самобытности слова эти не исключали. Докладная записка графа Езерскаго была вручена графу Адлербергу, но до императора она, кажется, не дошла.

Въ 1857 году были замѣщены пустующія давно три епископскія каѳедры. Осенью того-же года открыта въ Варшавѣ медицинская академія. Противъ открытія университета сильно возсталъ Мухановъ. Въ Вильнѣ было основано археологическое общество. Были изданы запрещенныя до тѣхъ поръ сочиненія Мицкевича. Тымовскій—былъ назначенъ министромъ статсъ-секретаремъ Царства Польскаго. Наконецъ въ сентябрѣ императоръ вторично посѣтилъ Варшаву и утвердилъ проектъ сельско-хозяйственнаго общества, главною задачею котораго было разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Посѣтивъ Пулавы Александръ II отправился въ Штутгартъ на свиданіе съ Наполеономъ III, который напомнилъ русскому монарху о Польшѣ. Хотя потомъ, какъ извѣстно, Александръ II въ близкомъ кругу и замѣтилъ: «мнѣ осмѣлились говорить о Польшѣ», но не измѣнилъ своихъ добрыхъ намѣреній относительно поляковъ.

Съ открытія сельско-хозяйственнаго общества начинается широкая общественная дѣятельность графа Андрея Замойскаго, который еще въ царствованіе императора Николая I съумѣлъ сгруппировать около себя кружокъ помѣщиковъ, между которыми выдающуюся роль играли Людвигъ Гурскій и Адольфъ Курцъ. Хотя главная задача кружка состояла въ разработкѣ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ, но въ немъ поднимались вопросы и болѣе широкаго общественнаго значенія, не сходившіе впрочемъ съ легальной почвы. Кружокъ этотъ и послужилъ ядромъ будущаго сельско-хозяйственнаго общества, первое учредительное собраніе котораго было назначено на 16-е января 1858 года. Маркизъ Александръ Велепольскій, извѣстный своею ученостью и выдающимися спо-

собностями, былъ также приглашенъ на это собраніе, но не явился, а прислалъ своего старшаго сына Сигизмунда. По происками графа Замойскаго онъ не былъ принятъ во вновь учрежденное общество потому, что былъ офицеромъ русской службы. Это было началомъ пагубнаго антагонизма между графомъ Замойскимъ и маркизомъ Велепольскимъ, начало двухъ лагерей, одного—отвергавшаго всякое соглашеніе съ русскимъ правительствомъ, другаго—стремившагося къ этому соглашенію. Свое положеніе графъ Замойскій обозначилъ еще явственнѣе на одномъ обѣдѣ; когда Мухановъ предложилъ тостъ: «Будемъ любить другъ друга»,— Замойскій отвѣтилъ: «Да, но каждый у себя».

Учредительное собраніе сольско-хозяйственнаго общества избрало въ предсѣдатели графа Андрея Замойскаго, въ вице-пресѣдатели—графа Александра Островскаго, и въ члены комитета—Людвига Гурскаго, Франца Венглинскаго, Александра Курца, графа Ѳому Потоцкаго, графа Александровича, Ставискаго, Феликса Желинскаго и другихъ. Секретаремъ избранъ Гарбинскій. Общество вскорѣ сдѣлалось многочисленнымъ и получило значеніе и вѣсъ въ краѣ.

Въ это же время въ Вильнѣ графъ Евстафій Тышкевичъ пожертвовалъ 25.000 руб. въ пользу раненыхъ въ Крымскую войну и исходатайствовалъ разрѣшеніе основать археологическій музей.

Газета «Польскія Вѣдомости», органъ эмиграціи, сгруппировавшейся около князей Чарторыйскихъ въ ихъ отелѣ Ламберъ въ Парижѣ, высказала по этому поводу свое порицаніе.

Въ то время между Россіей и Франціей шли переговоры, цѣль которыхъ заключалась въ союзѣ этихъ государствъ, причемъ Россія имѣла въ виду улаженіе своихъ восточныхъ дѣлъ, а Франція—Рейнъ, какъ желанную свою границу. Наполеонъ во время этихъ переговоровъ постоянно заводилъ рѣчь объ удовлетвореніи поляковъ. Императоръ Александръ отвѣчалъ, что надо обождать, что онъ сдѣлаетъ для поляковъ больше, чѣмъ предполагаютъ; что не надо спѣшить, иначе уступки будутъ имѣть видъ давленія извнѣ. Наполеонъ былъ очень этимъ доволенъ и отвѣтилъ:

— Это больше, чѣмъ я могъ ожидать, и поляки должны этимъ довольствоваться.

Между тѣмъ въ Царствѣ Польскомъ подъ вліяніемъ Мѣрославскаго создавались конспиративные кружки молодежи, стремившіеся къ вооруженному возстанію [1]).

Одновременно съ этимъ въ концѣ 1857 года Сигизмундъ Сѣраков-

[1]) Мѣрославскій жилъ въ Парижѣ и былъ представителемъ крайней фракціи польской эмиграціи. Это былъ человѣкъ не лишенный способностей, теоретикъ въ военномъ дѣлѣ, краснорѣчивый, но не умный ораторъ, политическій фигляръ, которому принадлежитъ теорія, что Польшу можно вос-

скій и Ярославъ Домбровскій, офицеры русской службы, пытались въ русской арміи пріобрѣсть сторонниковъ возникавшему среди польскаго общества заговору. Кромѣ того, въ Варшавѣ подъ главенствомъ мелкаго чиновника Эдуарда Юргенса возникъ, такъ называемый, открытый заговоръ, цѣль котораго заключалась въ тихихъ протестахъ противъ правительства или, какъ тогда называли, въ моральной революціи.

Въ маѣ 1858 года учрежденъ былъ по высочайшему повелѣнію комитетъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, для обсужденія крестьянской реформы. Комитетъ призналъ въ принципѣ разрѣшеніе вопроса на почвѣ добровольнаго установленія чинша.

Въ Литвѣ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ введено было преподаваніе польскаго языка. Императоръ, пріѣхавшій въ Вильно 18-го сентября 1858 г., былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ. Извѣстные литераторы Одынецъ и Ходзько почтили пріѣздъ императора привѣтами въ стихахъ и въ прозѣ, за что Клячко въ «Польскихъ Вѣдомостяхъ» обозвалъ ихъ измѣнниками. 23-го сентября императоръ прибылъ въ Варшаву, куда Наполеонъ III выслалъ въ качествѣ своего представителя принца Наполеона. Въ Виллановѣ императору и его гостямъ былъ устроенъ графомъ Августомъ Потоцкимъ блестящій пріемъ.

Заговоръ между тѣмъ распространялся въ польскомъ обществѣ, особенно среди молодежи, учащейся въ медицинской академіи. Студентъ академіи Иванъ Кужина основалъ общество «Братской помощи». Въ маѣ 1858 года пріѣхалъ изъ Кіева въ Варшаву Нарцизъ Янковскій и также основалъ тайное конспиративное общество. Въ началѣ 1859 г. конспиративные кружки стали обнаруживать свою дѣятельность внѣшними проявленіями. Къ нимъ относится демонстративная панихида по графѣ Сигизмундѣ Красинскомъ 28-го февраля и такая же панихида по Мицкевичѣ, Словацкомъ и графѣ Красинскомъ 18-го марта. Вслѣдствіе этого изъ академіи было уволено нѣсколько студентовъ, между ними Кужина, бѣжавшій въ Парижъ и сдѣлавшійся секретаремъ Мѣрославскаго.

Императоръ Наполеонъ, задумавъ итальянскую войну, пригласилъ къ себѣ почти наканунѣ этой войны адмирала ля-Ронсьеръ-ле-Нура и поручилъ ему, чтобы онъ, не сносясь съ министрами, передалъ письмо Александру II, въ которомъ заявлялъ, что даетъ согласіе на присоединеніе Галиціи къ Россіи, подъ условіемъ объявленія войны Австріи. Планъ Наполеона состоялъ въ томъ, чтобы облегчить себѣ итальянскую

кресить періодическими возстаніями. Онъ имѣлъ всѣ задатки, необходимые для того, чтобы вскружить головы, лишенныя всякаго политическаго смысла и руководившіяся единственно энтузіазмомъ, каковыхъ не мало было въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ.

войну и одновременно рѣшить польскій вопросъ соглашеніемъ съ Россіей. Императоръ Александръ II съ неудовольствіемъ отвергъ это предложеніе. Адмиралъ ля-Ронсьеръ только послѣ смерти Наполеона разсказалъ объ этомъ князю Владиславу Чарторыйскому.

Къ Австріи Наполеонъ никогда не чувствовалъ влеченія и всегда ей недовѣрялъ. Осенью 1860 г. князь Владиславъ Чарторыйскій посѣтилъ Галицію. Министръ графъ Голуховскій, живя въ то время въ Баденѣ близъ Вѣны, пригласилъ къ себѣ князя, сказавъ, что не могъ бы этого сдѣлать въ Вѣнѣ. Графъ сообщилъ князю слѣдующее:

— Императоръ Францъ-Іосифъ благоволитъ къ полякамъ. Есть шансы уладить польскій вопросъ. Польскій престолъ долженъ перейти къ австрійскому дому — это основа. Но прежде надо покончить съ Венеціей. Австрія должна получить взамѣнъ Боснію и Герцоговину. Далмація безъ этихъ областей имѣетъ только значеніе приморскаго шоссе. Если императоръ Наполеонъ окончательно согласится на все это, то пусть пришлетъ на маневры для переговоровъ довѣреннаго адъютанта. Надо рѣшить это дѣло безъ участія министровъ,—оно должно быть улажено императорами только при моемъ посредничествѣ.

По прибытіи въ Парижъ князь Чарторыйскій передалъ этотъ разговоръ Наполеону. Императоръ съ видимымъ неудовольствіемъ выслушалъ князя и сказалъ:

— Вы всегда разсчитываете на Австрію. Увидите, она насъ всѣхъ проведетъ.

Наполеонъ имѣлъ тогда въ виду войти въ близкія отношенія съ Россіей и этимъ путемъ устроить поляковъ, а также и нѣкоторыя свои дѣла.

Польское общество со времени возстанія 1831 года не перестало мечтать о независимости. Въ концѣ 50-хъ годовъ надежды поляковъ еще усилились, благодаря описаннымъ событіямъ. Мысль о чужеземной помощи вселялась глубже и глубже. Эту идею поддерживалъ кружокъ поляковъ-эмигрантовъ, сгруппировавшихся около князей Чарторыйскихъ въ ихъ отелѣ Ламберъ въ Парижѣ. Кружокъ этотъ состоялъ изъ лицъ свѣдущихъ, просвѣщенныхъ и безусловно честныхъ. Органомъ кружка были «Польскія Вѣдомости».

Цѣль газеты заключалась въ пропагандированіи идеи независимости, причемъ иностранная помощь признавалась средствомъ для достиженія этой цѣли. Всякое сближеніе польскаго общества съ государствами, участвовавшими въ раздѣлѣ Польши, подвергалось осужденію. Конспиративная политика въ Польшѣ тѣмъ не менѣе положительно отвергалась, какъ о томъ свидѣтельствуютъ статьи Клячки: «Нерыцарскій Катехизисъ» и «Заговоръ и открытая дѣятельность». Газеты, издававшіяся въ польскихъ провинціяхъ, также проповѣдывали тѣ же идеи, которыя

сквозили въ каждой строкѣ, а чаще между строками. Французскія газеты, стараніями отеля Ламберъ и за польскія деньги, стали писать въ томъ же духѣ, чтобы, съ одной стороны, повліять на французское правительство, а съ другой стороны, чтобы убѣдить поляковъ въ томъ, что ихъ дѣлами интересуется и французское правительство, и французское общество, и что они смѣло могутъ разсчитывать на помощь Франціи Юліанъ Клячко очень остроумно назвалъ впослѣдствіи эту дѣятельность отеля Ламберъ чревовѣщаніемъ, которое ввело въ заблужденіе одного только чревовѣщателя.

Итакъ, вмѣсто того, чтобы извлечь пользу изъ франко-русскаго соглашенія и разумно воспользоваться новыми вѣяніями и ожидаемыми реформами Александра II, ставъ на сторону монарха и сдѣлавшись ему пособниками,—поляки прислушивались къ какимъ-то глухимъ вѣстямъ о готовящейся въ Россіи революціи и обратили свои взоры на Европу. Такимъ образомъ они очутились надъ пропастью, готовою поглотить ихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Распоряженіе объ оберъ-гауптманскихъ судахъ въ Курляндіи.

Указъ императора Александра I курляндскому гражданскому губернатору, дѣйств. стат. сов. Сиверсу.

26-го мая 1812 г. Вильно.

Одобряя совершенно представленныя мнѣ военнымъ министромъ предположенія ваши о распоряженіяхъ по ввѣренной вамъ губерніи, коихъ нынѣшнія обстоятельства неминуемо требуютъ, впредь до отмѣненія, повелѣваю:

1) Существующимъ въ Курляндской губерніи оберъ-гауптманскимъ судамъ, имѣвшимъ доселѣ судебную и полицейскую власти въ однихъ помѣщичьихъ деревняхъ, предоставить на настоящее время одну судебную часть съ тѣмъ, чтобы каждый судъ распростиралъ оную на весь округъ свой, а всю полицейскую и исполнительную власть такимъ же образомъ поручить гауптманскимъ судамъ.

2) Для успѣшнѣйшаго производства дѣлъ каждому оберъ-гауптманскому и гауптманскому суду предоставить предварительно на нынѣшнее время право избирать изъ дворянства по одному субституту для заступленія мѣста ассесоровъ въ случаѣ отлучки или болѣзни оныхъ. Они должны служить безъ жалованья, но пользоваться преимуществомъ при открывающихся вакансіяхъ.

3) Повелѣлъ военному министру снестись съ министромъ финансовъ для учиненія распоряженія, чтобы, пока продолжатся нынѣшнія обстоятельства, Курляндская казенная палата выдавала по требованію вашему и подъ вашу отвѣтственность суммы на экстраординарные расходы.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

об

Авраамѣ Сергѣевичѣ Норовѣ.

I.

Varietas delectat [1]).

Извѣстно, что бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, въ нѣкоторомъ родѣ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые съ полнымъ правомъ могутъ сказать о себѣ: «Homo sum, humani nihil a me alienum puto», т. е. говоря словами Екатерины Великой, — «я человѣкъ и человѣческое ничто для меня не чуждо».

Дѣйствительно, во вкусахъ и занятіяхъ своихъ онъ отличался большимъ разнообразіемъ... Такъ, несмотря на путешествіе его по Святымъ мѣстамъ и на извѣстное описаніе этого путешествія,—несмотря на страсть къ собранію рѣдкихъ произведеній печати, которыя онъ отъ времени до времени разсматривалъ, любуясь широкими полями крошечныхъ эльзевировъ и альдовъ, или особенно рѣдкими изданіями, весьма цѣнными потому, что извѣстная опечатка служитъ доказательствомъ подлинности ихъ,—несмотря на немаловажныя занятія его по службѣ, онъ, какъ горячій поклонникъ прекраснаго пола, какъ-то умѣлъ находить время бывать въ обществѣ дамъ и съ особеннымъ удовольствіемъ бесѣдовать съ ними. Но не только хорошенькія женщины, а даже изображенія ихъ ласкали его художественный вкусъ и, въ часы отдыха, онъ съ особеннымъ удовлетвореніемъ смотрѣлъ на нихъ, иногда

[1]) Разнообразіе пріятно.

часами не выпуская изъ рукъ своихъ стереоскопа, любезно предложеннаго ему для нѣкотораго развлеченія...

Однажды у сестры супруги его, дѣйствительной тайной совѣтницы, княгини Софіи Егоровны Вяземской, рожденной Паниной, вечеромъ собрались обычные гости. Въ числѣ ихъ, изъ дамъ, были: Вѣра Егоровна Демидова, сестра хозяйки дома, Елена Алексѣевна Толстая, статсъ-дама графиня Разумовская и др. Изъ мужчинъ — Александръ Сергѣевичъ Танѣевъ, Петръ Алексѣевичъ Булгаковъ и неизвѣстный мнѣ адмиралъ, Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ и другіе, а также академикъ живописи Шварцъ (талантливый иллюстраторъ «Князя Серебрянаго»). Дамы играли въ карты (въ преферансъ), остальные гости вели оживленную бесѣду.

Нѣсколько молодыхъ людей, вмѣстѣ съ Шварцемъ, образовали отдѣльную группу и предметомъ ихъ бесѣды были разные эпизоды изъ жизни А. С. Норова, который сидѣлъ въ отдаленіи, слѣдя за игрой,—спиною къ группѣ молодыхъ людей. По поводу одного весьма веселаго анекдота, вызвавшаго у одного изъ слушателей замѣчаніе, сказанное полушопотомъ Шварцу, этотъ послѣдній вынулъ изъ кармана кусокъ бумаги съ рисункомъ на одной сторонѣ; — на другой, чистой сторонѣ, онъ тутъ же нарисовалъ карандашемъ портретъ А. С. Норова — сзади, до того похожій, что всѣ гости, какъ и самъ А. С. Норовъ, нашли его весьма «удачнымъ». Портретъ этотъ, подаренный мнѣ на память Шварцемъ, при семъ прилагается, и, дѣйствительно, кто зналъ Авраама Сергѣевича, не можетъ не узнать въ немъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія.

II.

То было раннею весной
И соловей еще не пѣлъ.

Упомянувъ вскользь о слабости А. С. Норова къ прекрасному полу, я, конечно, не имѣлъ въ виду набросить тѣнь на незлобиваго, симпатичнаго, нерѣдко увлекавшагося и не по лѣтамъ жизнерадостнаго Авраама Сергѣевича, который въ порывѣ увлеченія, забывая о потерянной въ Бородинской битвѣ ногѣ своей, замѣненной деревяшкой, съ пылкостью юноши припадалъ на единственное колѣно свое передъ красивой женщиной, чтобы выразить всю силу чувствъ своихъ. Чтобы не быть голословнымъ, считаю своимъ нравственнымъ долгомъ привести нѣсколько эпизодовъ, вполнѣ достовѣрныхъ, подтверждающихъ правдивость моихъ словъ.

1857 г., апрѣля 28-го, я «съ высочайшаго соизволенія былъ командированъ за границу для исполненія при министрѣ народнаго просвѣщенія (А. С. Норовѣ) нѣкоторыхъ служебныхъ порученій во время высочайше дозволеннаго его высокопревосходительству пребыванія за границей».

А. С. Норовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву. Съ нимъ выѣхала супруга его,—Варвара Егоровна, сестра ея,—Вѣра Егоровна Демидова, докторъ Романъ Филипповичъ Постельсъ, иностранецъ Вендтъ, въ качествѣ личнаго секретаря, и я.

Пріѣхавъ въ Варшаву, мы остановились въ квартирѣ тогдашняго попечителя учебнаго округа П. М. Муханова, принявшаго гостей своихъ съ изысканнымъ радушіемъ: хлѣбосольный, предупредительный хозяинъ, положительно, очаровалъ всѣхъ своимъ утонченнымъ вкусомъ и изобрѣтательностью, чтобы сдѣлать пребываніе въ его домѣ пріятнымъ. Уже черезъ нѣсколько часовъ по пріѣздѣ нашемъ, мы всѣ отлично устроились и чувствовали себя какъ дома: каждый развлекался по своему, а Авраамъ Сергѣевичъ вскорѣ, снабженный догадливымъ хозяиномъ прекраснымъ стереоскопомъ, примѣненіе котораго тогда особенно было въ модѣ у любителей природы во всѣхъ ея видахъ и при различныхъ освѣщеніяхъ,—съ видимымъ наслажденіемъ любовался этой интересной новинкой, придававшей всѣмъ изображаемымъ предметамъ особенную рельефность, или, предпочитая слово русское,—выпуклость... Милый старикъ, вызывая двусмысленныя улыбки своихъ дамъ, положительно, захлебывался отъ обильно доставленнаго ему удовольствія...

Однажды, кажется на другой или третій день послѣ нашего пріѣзда, когда кончился обѣдъ, дамы ушли и мы одни остались за столомъ, Авраамъ Сергѣевичъ, какъ-то сильнѣе обыкновеннаго заикаясь, обра-

тился ко мнѣ и сказалъ: «вотъ что... у подъѣзда стоитъ моя карета, поѣзжайте къ Даціаро (варшавскій магазинъ эстамповъ) и к... купите мнѣ разныхъ н... н... ню... ашекъ; да по интереснѣе, — прибавилъ онъ улыбаясь,—только не г... г... гаварите, что для меня!»

Я не тотчасъ, но послѣ нѣкотораго, недолгаго, впрочемъ, размышленія догадался, что новое для меня выраженіе: «нюашка», вѣроятно, произошло отъ соединенія французскаго слова «nu» (голый) и русскаго ласкательнаго окончанія—«ашка» (какъ въ словахъ: «милашка», «канашка», «дурашка»).

Надо было, при произнесеніи этого слова Авраамомъ Сергѣевичемъ, посмотрѣть на лицо доктора и — мое: совсѣмъ, какъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ»—

„Взглянувъ другъ на друга потомъ,
Какъ цицероновы авгуры,
Мы разсмѣялися тишкомъ".

Я предложилъ доктору ѣхать со мной. Онъ согласился. Мы сѣли въ карету и минутъ черезъ пять были у Даціаро.

— Покажите мнѣ нюашекъ, да по интереснѣе, — сказалъ я приказчику.

Тотъ, съ недоумѣніемъ посмотрѣвъ на насъ, спросилъ:

— Que désirez vous messieurs (что вамъ угодно, господа)?

Я объяснилъ ему тогда по-французски, зачѣмъ мы пріѣхали. Французъ показалъ намъ все, что у него было «хорошаго»: тутъ были фигуры отдѣльныя и не отдѣльныя, фотографіи не крашенныя и крашенныя, однимъ словомъ,—чего хочешь, того просишь. Посовѣтовавшись съ докторомъ, я отложилъ съ десятокъ самыхъ пикантныхъ экземпляровъ и спросилъ о цѣнѣ.

— Два съ полтиной за штуку!—отвѣтилъ приказчикъ.

— Какъ дорого!—возразилъ я невольно, употребивъ стереотипную фразу нѣкоторыхъ покупателей.

— Pas du tout monsieur! (никакъ нѣтъ!)—поспѣшилъ съ достоинствомъ замѣтить приказчикъ: — Еще сегодня его превосходительство, господинъ министръ народнаго просвѣщенія купилъ по этой цѣнѣ на 25 рублей.

Мы съ докторомъ, точно сговорившись, разомъ переглянулись... Я не медля заплатилъ и мы пустились въ обратный путь.

Пріѣхавъ домой, я передалъ покупку Аврааму Сергѣевичу, который, съ видомъ знатока, разсмотрѣвъ каждую картину отдѣльно, остался очень доволенъ этимъ «новымъ» пріобрѣтеніемъ... Дѣйствительно, французъ отличился: онъ выложилъ намъ, какъ болѣе молодымъ покупателямъ, такіе экземпляры, какихъ онъ не посмѣлъ предложить почтенному старику-вельможѣ, да и самый выборъ изъ множества намъ предложеннаго

былъ особенно удачный: докторъ спеціалистъ въ нѣкоторомъ родѣ, во всеоружіи науки, оказался на должной высотѣ, исполняя случайно роль «Париса»...

III.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ Варшавѣ, Авраамъ Сергѣевичъ спѣшилъ за границу на воды, ради болѣзни жены своей. Имѣя въ виду, что ему врядъ ли, какъ онъ первоначально предполагалъ, удастся вмѣстѣ со мной осмотрѣть разныя учебныя заведенія за границей, онъ наканунѣ своего отъѣзда сообщилъ мнѣ, что рѣшился остаться съ больной женой, и вручилъ мнѣ 8-го мая 1857 года бумагу слѣдующаго содержанія:

„Господину учителю Ларинской гимназіи, титулярному совѣтнику Михельсону.

„Для окончанія начатаго вами въ прошломъ году обозрѣнія различныхъ учебныхъ заведеній за границей, пользующихся тамъ особенной извѣстностью, дозволяю вамъ до 1-го сентября сего года заняться симъ обозрѣніемъ и предписываю вамъ представить мнѣ къ тому времени вашъ трудъ по сему предмету. Поручаю вамъ въ особенности изслѣдовать составъ заграничныхъ учительскихъ семинарій, реальныхъ школъ и женскихъ учебныхъ заведеній, а тоже—собрать полныя постановленія относительно обязательнаго народнаго обученія въ Германіи. Вмѣстѣ съ симъ, пользуясь вашимъ пребываніемъ въ Варшавѣ, вы должны ознакомиться съ главнѣйшими учебными заведеніями сей столицы или варшавскаго учебнаго округа".

На другой день, т. е. 9-го мая, А. С., снабдивъ меня письмомъ къ нашему послу въ Берлинѣ, выѣхалъ за границу въ сопровожденіи вышепоименованныхъ лицъ, а я отправился въ Радзиминъ для осмотра тамошней учительской семинаріи, и затѣмъ, по возвращеніи въ Варшаву, занялся осмотромъ варшавскихъ гимназій.

Не могу не упомянуть для нѣкоторой характеристики нравовъ того времени, даже между лицами учебнаго вѣдомства, что одинъ изъ директоровъ, желая показать «пану секретаржу», какъ меня тамъ называли, на сколько развиты и вообще отлично успѣваютъ его ученики, рѣшился, на глазахъ самихъ учениковъ, представить ихъ учениками 3-го класса, тогда какъ они принадлежали къ 5-му! Уловка эта, конечно, не удалась: по первымъ отвѣтамъ учениковъ было видно, что они прошли болѣе, чѣмъ по программѣ 3-го класса и слишкомъ развиты для этого возраста.

«Педагогъ» сильно сконфузился, но я ограничился весьма выразительнымъ взглядомъ на него и, не доведя объ этой неудачной передержкѣ до свѣдѣнія начальства его, утвердился только въ давно сознанной истинѣ, что

„Есть и въ браминахъ лицемѣры..."

Окончивъ осмотръ варшавскихъ гимназій, я выѣхалъ за границу, чтобы заняться исполненіемъ данныхъ мнѣ министромъ порученій. Въ этихъ занятіяхъ, сопряженныхъ съ переѣздами изъ одного города въ другой, прошло слишкомъ два мѣсяца. Осматривая въ іюлѣ учебныя заведенія Саксоніи, я заѣхалъ въ Дрезденъ, чтобы привести въ порядокъ собранные мною матеріалы. Я остановился тамъ въ «Hôtel de Saxe».

18-го (30-го) іюля я получилъ отправленную ко мнѣ поздно вечеромъ телеграмму (изъ Плауена):

«Venez à l'instant à Franzensbad. Wendt n'est pas arrivé. Tâchez d'avoir de ses nouvelles. Répondez. Noroff» [1]).

Вслѣдъ за этимъ, мнѣ была передана присланная для меня памятная записка, написанная рукою Авраама Сергѣевича. Составленная не въ канцеляріи, а сочиненная и написанная имъ самимъ, она передается здѣсь безъ всякихъ измѣненій подлинника. Вотъ содержаніе ея:

1) „Объясниться на станціяхъ въ Плауенѣ, и на другихъ между Плауеномъ и Дрезденомъ, особенно же въ Лейпцигѣ откуда идетъ дорога въ Кетенъ.

2) „Собрать подробныя свѣденія на станціи въ Дрезденѣ, и описать форму сундуковъ (4 ваши и большой высокой баулъ).

3) Въ „Hotel de Saxe" узнать въ какомъ Экипажѣ были везены вещи на желѣзную дорогу и прибыли ли они туда. Былъ ли Вендтъ при вещахъ или отлучался.

4) „Зайти къ Посланнику.

5) „Обратиться въ Главное Жендармское управленіе въ Дрезденѣ; спросить возвратился ли Полковникъ Зейдендорфъ въ такомъ случаѣ просить отъ моего имени его пособія. Если же его нѣтъ, то просить о томъ же занимающаго его должность написавъ о происшествіи къ Полковнику Зейдендорфу.

6) „Справиться у крестной матери Вендта и у ея мужа Dr. en droit Annasch Antonstr. № 9.

7) „Справиться въ Конторѣ Gustaw-Lüders et C° Bösott. на Самой той площади гдѣ „Hotel de Saxe" напротивъ онаго, отправлены на Польскую границу на станцію Мисловицъ два сундука съ платьями а одинъ ящикъ съ книгами въ Варшаву.

8) „Въ послѣднемъ случаѣ съѣздить въ Кеттенъ гдѣ отецъ Вендта, и узнать отъ него со всею подробностію, не знаетъ ли онъ когда воротиться его сынъ, который вѣроятно отлучился повидаться съ нимъ. Братъ Вендта служитъ на желѣзной дорогѣ".

---

[1]) Пріѣзжайте тотчасъ въ Франценсбадъ. Вендтъ не явился. Постарайтесь собрать свѣдѣнія о немъ. Отвѣчайте. Норовъ.

Слова телеграммы: «пріѣзжайте тотчасъ» и «соберите свѣдѣнія о Вендтѣ», сопровождаемыя запиской съ массой различныхъ порученій, свидѣтельствовали достаточно о томъ, какъ растерялся Авраамъ Сергѣевичъ послѣ неожиданнаго исчезновенія Вендта. Онъ оставилъ ключи отъ чемодановъ въ гостиницѣ, никому не сказавъ, отправилъ ли онъ багажъ и куда,—оставляя за собою право (въ случаѣ привлеченія его къ отвѣту) сознаться откровенно, п о ч е м у онъ внезапно ступевался, вмѣсто того, чтобъ пріѣхать съ вещами въ Франценсбадъ.

Послѣ многихъ разспросовъ на мѣстѣ и изъ конфиденціально мнѣ сообщенныхъ подробностей выяснилось, что дѣло исчезновенія Вендта было нѣсколько деликатнаго, чтобъ не сказать щекотливаго, свойства.

Послѣ посѣщенія разныхъ курортовъ, Авраамъ Сергѣевичъ рѣшился, на пути въ Франценсбадъ, переночевать въ какомъ-то городѣ, чтобъ не слишкомъ утомить больную жену свою. Вечеромъ вздумалъ онъ съ Вендтомъ, уроженцемъ того края, прогуляться по знакомымъ Вендту улицамъ, чтобы насладиться прохладою вечерняго воздуха.

Нѣсколько уставши отъ прогулки, они зашли въ одинъ изъ уютныхъ ресторановъ, своимъ устройствомъ, вѣроятно, напоминавшій имъ Горація: «Ille terrarum mihi praeter omnes Angulus ridet» (т. е. этотъ земли уголокъ мнѣ больше другихъ улыбается).

Путешественники наши сперва хотѣли только отдохнуть маленько, но потомъ они рѣшили поужинать. При искрометной влагѣ, мало-помалу, бесѣда оживлялась и, въ концѣ-концовъ, перешла въ горячій споръ о разныхъ преимуществахъ одной націи передъ другой и, наконецъ, о женщинахъ.

Вѣроятно подъ вліяніемъ лишняго бокала шампанскаго, Вендтъ такъ увлекся, что оказался человѣкомъ крайне неуступчивымъ и настойчивымъ, совершенно забывая или не принимая въ соображеніе, что находится въ обществѣ своего «начальства». Но вотъ, на другое утро, проснувшись очень рано и сообразивъ всѣ обстоятельства дѣла, онъ какъ «Фока» въ «Демьяновой ухѣ»:

„Отъ бѣды такой
Схвативъ въ охабку
Кушакъ и шапку,—
Скорѣй безъ памяти „домой“,
И съ той поры... къ министру ни ногой“.

Онъ незамѣтно собрался и исчезъ мгновенно, оставивъ другимъ заботу о доставленіи Аврааму Сергѣевичу вещей, которыя, по осмотрѣ на Австрійской границѣ, подлежали отправкѣ въ Франценсбадъ. Между тѣмъ наши путешественники были въ ужасномъ положеніи: у нихъ не было ни платья, ни бѣлья, ни разныхъ другихъ необходимыхъ вещей. Присланные кѣмъ-то во Франценсбадъ ключи были Авраамомъ Сергѣеви-

чемъ отправлены ко мнѣ, въ Дрезденъ, при запискѣ: «Честь и слава вамъ, любезный г. Михельсонъ, ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ и посылаю ключи».

Такимъ образомъ мнѣ пришлось замѣнить Вендта и, на границѣ, хлопотать о пропускѣ чемодановъ для дальнѣйшаго слѣдованія ихъ во Франценсбадъ. Помню, что, когда, съ цѣлью ускорить дѣло, я далъ чиновнику пять гульденовъ и начатую бутылку какого-то ликера, то ключи оказались излишними: всѣ чемоданы, безъ всякаго осмотра, достигли скоро своего назначенія къ вящшему удовольствію Авраама Сергѣевича и, особенно, нашихъ спутницъ. Что касается Вендта, то наконецъ удалось отнять у него русскій паспортъ, безъ всякихъ для него непріятностей.

Пробывъ во Франценсбадѣ нѣсколько дней, я уѣхалъ опять для дальнѣйшихъ работъ по порученному мнѣ дѣлу, которое было прервано на короткое время такимъ неожиданнымъ происшествіемъ. Затѣмъ, окончивъ свою задачу, я возвратился во Франценсбадъ въ день, назначенный для отъѣзда въ Россію. На обратномъ пути случилось опять «маленькое» происшествіе, о которомъ сейчасъ скажемъ.

IV.

Cet animal est très méchant:
Quand on l'attaque, il se défend [1].

Русскій человѣкъ въ обращеніи своемъ не только къ брату или другу, но и къ низшимъ, употребляетъ симпатичное и истинно христіанское слово «братъ»; вмѣстѣ съ этимъ выраженіемъ вошло въ обычай обращаться къ нимъ и съ «сердечнымъ» ты и — не даромъ говоритъ поэтъ:

„Пустое вы сердечнымъ ты
Она, обмолвясь, замѣнила,
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила".

Но слово «ты», вообще,—безъ «счастливой мечты»—обоюдоострый мечъ: интимное, сердечное «ты» весьма легко переходитъ въ дерзкое и грубое и тогда оно часто совсѣмъ не далеко отъ дурака, болвана, осла, скотины и другихъ эпитетовъ, оскорбляющихъ самолюбіе всякаго, не

---

[1]) Звѣрь этотъ злостью отличается:
Коль нападутъ,—онъ защищается.
(Въ звѣринцѣ.)

потерявшаго сознанія своего человѣческаго достоинства. За границей обращеніе къ прислугѣ съ словомъ «ты», съ неизбѣжной приправой браннаго слова, у насъ такъ легко срывающагося съ языка разсерженнаго человѣка всѣхъ сословій, положительно не мыслимо. Такое обращеніе тамъ непремѣнно вызоветъ цѣлую бурю со стороны протестантовъ, не только лично затронутыхъ, но и—принципа ради.

«Лейщигъ!» закричали кондуктора. Мы всѣ оставили свои вагоны и послѣдовали въ залъ 1-го класса, гдѣ на-силу нашли нѣсколько свободныхъ мѣстъ, а публика, въ ожиданіи заказанныхъ котлетъ, сосисокъ и прочихъ прелестей нѣмецкой кухни, начиняла себя чудовищными бутербродами, заливая ихъ залпомъ проглоченнымъ пивомъ.

Авраамъ Сергѣевичъ тоже, разспросивъ своихъ дамъ, заказалъ разныя порціи. Минуты черезъ три приближался въ нашу сторону кельнеръ, неся между всѣми пальцами по нѣскольку тарелокъ съ разными порціями.

— Кельнеръ!—крикнулъ Авраамъ Сергѣевичъ,—hier! (сюда), — но кельнеръ, раздавая порціи прежде заказавшимъ, махалъ головой, въ видѣ отказа.

— Du Schwein! (ты, свинья!)—крикнулъ тутъ же оскорбленный невниманіемъ кельнера нашъ министръ.

Если-бъ въ этотъ моментъ съ потолка сорвалась люстра и прямо упала бы на уничтожавшую бутерброды публику, то навѣрное не произошло бы бо́льшей суматохи, какъ послѣ энергичнаго «Schwein» Авраама Сергѣевича. Въ одинъ мигъ насъ обступила несмѣтная толпа съ какими-то желѣзнодорожными полицейскими во главѣ. Какъ мы ни старались ретироваться, ища спасенія въ почетномъ отступленіи и устремляя взоры на нашъ вагонъ, но двинуться не было никакой возможности: толпа требовала удовлетворенія. Рядомъ со мной, съ правой стороны, весь поблѣднѣвъ, шелъ Авраамъ Сергѣевичъ. Съ лѣвой стороны придвинулся ко мнѣ полицейскій, который, дерзко преграждая мнѣ дорогу, громко обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Вы принадлежите къ этому обществу, назовите мнѣ немедленно то лицо, которое идетъ рядомъ съ вами.

Въ это время Авраамъ Сергѣевичъ дергаетъ меня за рукавъ и усиленно заикаясь, настойчиво повторяетъ: «не... не... не гава... рите!» Положеніе мое было, какъ говорится, хуже губернаторскаго и самъ царь Діонисій Сиракузскій, будучи въ моемъ положеніи, уже никакъ бы не сказалъ:

„Ich sei, gewährt mir die Bitte,
In eurem Bunde der Dritte“ [1]).

[1]) Пусть буду, исполните просьбу,
Я третьимъ въ вашемъ союзѣ.

Я, однако, не нашелъ возможнымъ исполнить непремѣнное желаніе Авраама Сергѣевича и, болѣе надѣясь на лучшій исходъ при открытіи его «инкогнито», отчетливо произнесъ: «der Herr ist seine hohe Excellenz, Minister der Volksaufklärung Seiner Majestät des Kaisers von Russland [1]). Эти внушительныя, по моему мнѣнію, слова подѣйствовали, но только отчасти: толпа не переставала шумѣть, но полицейскіе нѣсколько задумались. Явился полицейскій повыше чиномъ, и насъ, послѣ нѣкоторыхъ объясненій и увѣщеваній, при громкихъ протестахъ публики, наконецъ, кое-какъ пропустили въ вагонъ, который въ этотъ моментъ показался намъ обѣтованной землей, а волнующаяся около насъ публика, напоминала намъ Чермное море, во время бѣгства евреевъ изъ Египта.

Впослѣдствіи уже, я получилъ въ Петербургѣ отъ старшаго жандармскаго инспектора—Зейдендёрфера два письма, отъ 14-го октября и 6-го ноября 1857 года, изъ которыхъ видно, чѣмъ кончилась исторія съ Вендтомъ и—другая, съ «сердечнымъ ты»... Копіи этихъ двухъ писемъ прилагаются въ точномъ переводѣ на русскій языкъ.

„Его высокоблагородію, г-ну доктору [2]) Михельсону.

„При отъѣздѣ вашемъ изъ Дрездена вы любезно обѣщали мнѣ, что я уже изъ Варшавы получу нѣкоторыя свѣдѣнія [3]); но за неполученіемъ таковыхъ какъ изъ Варшавы, такъ и изъ Петербурга, я опасаюсь, что нездоровье ваше, вызванное непріятностями въ Лейпцигѣ, усилилось и мѣшаетъ вамъ исполнить обѣщаніе; а потому спѣшу сообщить вамъ, что черезъ нѣсколько дней послѣ вашего отъѣзда я отправился въ Лейпцигъ къ директору полиціи Штенгелю, который получилъ письменное донесеніе о крайне безтактномъ поведеніи полицейскаго чиновника Тербунга; я объяснилъ ему всѣ обстоятельства дѣла. Онъ тотчасъ же увѣрилъ меня, что Тербунгъ brevi manu (безъ замедленія),—такъ какъ васъ лично опросить невозможно,—будетъ устраненъ отъ должности желѣзнодорожнаго полицейскаго чиновника съ выговоромъ и занесеніемъ въ формуляръ. Въ бытность мою въ Лейпцигѣ я убѣдился въ дѣйствительности такого рѣшенія.

„Полагая, что вы удовлетворитесь назначеннымъ взысканіемъ, которое безъ личнаго опроса вашего не могло быть постановлено въ высшей мѣрѣ, я все-таки желалъ бы услышать отъ васъ, при случаѣ, доволенъ ли его превосходительство фонъ-Норовъ, которому вы по всей вѣроятности сообщили хотя поверхностно объ окончаніи непріятнаго инцидента, и остались ли вы довольны примѣненнымъ къ Тербунгу наказаніемъ.

„Что касается доктора Вендта, то могу доложить, что на сдѣланное его превосходительствомъ фонъ-Норовымъ заявленіе посольству въ Дрезденѣ, объ

---

[1]) Этотъ господинъ его высокопревосходительство, министръ народнаго просвѣщенія его величества россійскаго императора.

[2]) Обычный титулъ въ Германіи для получившихъ ученую степень доктора вообще.

[3]) Намекъ на обѣщаніе, сдѣланное ему мною по порученію А. С. Норова, увѣдомить его въ случаѣ предполагаемой награды его русскимъ правительствомъ за оказанныя имъ услуги.

отобраніи выданнаго Вендту паспорта, послѣдовало извѣщеніе отъ посольства министерству иностранныхъ дѣлъ, которое сообщило объ этомъ министерству внутреннихъ дѣлъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало отъ себя распоряженіе, чрезъ полицейскія управленія Лейпцига и Дрездена, объ отобраніи у Вендта паспорта, въ случаѣ прибытія его въ эти города. Такимъ образомъ особенно мною принятыя мѣры оказались излишними... До сихъ поръ Вендтъ не пріѣзжалъ ни въ Лейпцигъ, ни въ Дрезденъ, но, по наведеннымъ мною справкамъ, сообщаясь и переписываясь съ знакомыми мнѣ чиновниками, я узналъ, что онъ усмотрѣнъ въ Берлинѣ. По полученіи этого извѣстія, я немедленно сообщилъ объ этомъ здѣшнему посольству, которое обратилось въ посольство въ Берлинѣ съ просьбою озаботиться отобраніемъ паспорта; но изъ Берлина до сихъ поръ отвѣта посольству не послѣдовало. Въ виду того, что я не счелъ себя вправѣ принять оффиціальныя мѣры въ Пруссіи, я обратился письменно къ Вендту съ требованіемъ, во избѣжаніе всѣхъ могущихъ быть послѣдствій, передать находящійся у него русскій паспортъ мнѣ или маркизу Паулуччи. Но вотъ уже 18 дней, какъ получилъ отъ Вендта отказъ, съ присовокупленіемъ, что онъ „намѣренъ лично прибыть въ Россію“, вслѣдствіе чего ему паспортъ необходимъ.

„Это письмо я отправилъ въ оригиналѣ къ маркизу Паулуччи и получилъ 12-го с. м. изъ Варшавы извѣстіе, что Вендтъ въ Варшаву не пріѣзжалъ. Это извѣстіе принудило меня обратиться къ берлинскому начальнику полиціи, Лорре, съ просьбою, чтобы онъ у посольства испросилъ разрѣшеніе—отобрать у упомянутаго Вендта паспортъ, если онъ еще находится въ Берлинѣ, въ случаѣ же его отъѣзда изъ Берлина, а просилъ увѣдомить меня, куда онъ выѣхалъ.

„Прося засвидѣтельствовать его превосходительству фонъ-Норову мое нижайшее почтеніе, имѣю честь быть и проч. Вашего высокоблагородія покорнѣйшимъ слугою Зейдендёрферъ. Старшій инспекторъ королевской саксонской жандармеріи“.

Письмо это я сообщилъ А. С. Норову, но онъ, забывъ о своемъ обѣщаніи замолвить о немъ словечко, или почему-то не считая удобнымъ упоминать о заслугахъ Зейдендёрфера, вызванныхъ «инцидентами», не уполномочилъ меня что-либо отвѣтить на это письмо.

Послѣ этого, уже въ ноябрѣ, я получилъ второе письмо отъ видимо разочарованнаго въ ожиданіяхъ своихъ, обиженнаго и за живое задѣтаго Зейдендёрфера. Интересно сравнить его съ первымъ письмомъ, дышащимъ рвеніемъ, предупредительностью, изысканной вѣжливостью и даже чрезмѣрной почтительностью. Это второе письмо (въ видѣ «бумаги»), отличалось не только оффиціальностью и краткостью своей, но и формой, нѣсколько неприличной. Вотъ оно:

„Ваше благородіе считаю необходимымъ увѣдомить, что наконецъ, безъ всякаго оффиціальнаго вмѣшательства, удалось на-днихъ добыть императорскій русскій паспортъ Вендта, во время пріѣзда его въ Магдебургъ. Упомянутый паспортъ отправленъ къ императорскому русскому генералу маркизу Паулуччи.

„Объ изложенномъ прошу благосклонно увѣдомить его превосходительство, министра народнаго просвѣщенія фонъ Норова. Зейдендёрферъ. Старшій инспекторъ жандармеріи“.

Положимъ, что инспекторъ Зейдендёрферъ, дѣйствительно очень потрудился; положимъ, онъ былъ правъ, что негодовалъ за невниманіе къ

его хлопотамъ и усердію въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, требовавшемъ и осторожности и нѣкотораго такта, и за неисполненіе даннаго ему обѣщанія; но, въ то время, отъ чрезмѣрныхъ всесторонникъ розысковъ его, эти исторіи, а особенно побѣгъ Вендта, можетъ быть при нѣкоторомъ содѣйствіи того же Вендта, достаточно получили нежелательную для А. С. Норова огласку и это послѣднее обстоятельство побудило А. С. не возбуждать вопроса о наградѣ по дѣлу, которое и безъ того испортило ему не мало крови.

Что касается даннаго мнѣ порученія «изслѣдовать заграничныя учительскія семинаріи, реальныя школы и женскія учебныя заведенія, а также—собрать полныя постановленія относительно обязательнаго народнаго обученія въ Германіи», то мною былъ представленъ Аврааму Сергѣевичу обширный докладъ. Докладъ этотъ былъ переданъ Андрею Степановичу Воронову, какъ матеріалъ для окончательной разработки намѣченныхъ министерствомъ вопросовъ.

М. И. Михельсонъ.

Письмо Лжедимитрія Клименту VIII.

Кто-бъ ни былъ первый Лжедимитрій — разстрига-ли Григорій Отрепьевъ, сынъ-ли Стефана Баторія, трансильванецъ или какой нѣмчинъ неизвѣстный — не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ Лжедимитрій. Русскіе люди никогда въ этомъ не сомнѣвались, ни даже тогда, когда съ крестами и хоругвями встрѣчали Лжедимитрія, при колокольномъ звонѣ, и присягали ему, какъ своему законному царю Димитрію Іоанновичу. Въ этомъ собственно и заключалось все значеніе русской смуты того времени. Къ этой русской смутѣ, полной глубокаго смысла, примѣшалась вскорѣ смута иного рода, смута иноземная, построенная на фантастическомъ спасеніи царевича Димитрія и провозглашавшая Лжедимитрія сыномъ Іоанна IV.

Въ русскихъ источникахъ — отъ «Иного сказанія о самозванцахъ» до «Лѣтописи о многихъ мятежахъ» — вовсе не упоминалось о спасеніи царевича Димитрія въ Угличѣ. Русскіе люди писали мало, но тѣ, которые писали, хорошо знали о чемъ пишутъ, и имъ не представлялось надобности фантазировать для объясненія факта, имъ, русскимъ, въ то время, вполнѣ понятнаго. Не то иноземцы. Чуждое ихъ пониманію явленіе русской жизни — признаніе законнымъ царемъ завѣдомаго самозванца — требовало искусственнаго разъясненія: въ Угличѣ убитъ былъ не царевичъ; малолѣтній Димитрій былъ подмѣненъ, увезенъ, скрываемъ 13 лѣтъ и въ Краковѣ впервые признанъ сыномъ Іоанна IV. Такова канва разсказа у Маржерета, Бареццо-Барецци, Марины Мнишекъ, Маскѣвича, Геркмана и др. Изъ иностранныхъ источниковъ, только Масса повѣствуетъ, во всемъ согласно съ русскими, объ убіеніи Димитрія въ Угличѣ и о самозванствѣ Григорія Отрепьева; Мартинъ Беръ признаетъ самозванство, но не Отрепьева, а побочнаго

сына Стефана Баторія; Петрей и Шаумъ говорятъ объ убіеніи Димитрія, но ночью, по поводу пожара; Патерсонъ тоже убѣжденъ, что Лжедимитрій былъ Лжедимитрій.

Изъ позднѣйшихъ изслѣдователей, академикъ Миллеръ первый высказалъ сомнѣніе относительно самозванства Лжедимитрія. Это заинтересовало Екатерину II, всегда прямо и здраво смотрѣвшую на русскую старину, и она обратилась къ Миллеру за разъясненіемъ:

— Я слышала, сказала императрица, будто вы сомнѣваетесь въ томъ, что Гришка былъ обманщикъ; скажите мнѣ смѣло ваше мнѣніе.

Миллеръ почтительно уклонился отъ вопроса, но, уступая настоятельному требованію императрицы, отвѣтилъ:

— Вашему величеству хорошо извѣстно, что тѣло истиннаго Димитрія покоится въ Михайловскомъ соборѣ; ему поклоняются и мощи творятъ чудеса. Что станетъ съ мощами, если будетъ доказано, что Гришка настоящій Димитрій?

— Вы правы, отвѣчала императрица, улыбаясь, но я желаю знать, каково было бы ваше мнѣніе, если-бъ вовсе не существовало мощей.

Однако Миллеръ уклонился отъ прямаго отвѣта; императрица болѣе не выспрашивала его [1]). Современникъ Екатерины II и Миллера, князь М. М. Щербатовъ издалъ въ 1778 году, «Краткую повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ», въ которой первымъ Лжедимитріемъ является Григорій Отрепьевъ.

Внимательно прочитывая всѣ источники, русскіе и иностранные, съ уваженіемъ относясь къ мнѣніямъ всѣхъ, своихъ и чужихъ, приходишь къ убѣжденію [2]), что 15-го мая 1591 года, въ Угличѣ, погибъ Димитрій, малолѣтній сынъ Іоанна IV, а не кто-либо иной. Съ мнѣніемъ, будто малолѣтній Димитрій былъ спасенъ отъ убійцъ, связанъ цѣлый рядъ историческихъ несообразностей и фактическихъ противорѣчій, въ достаточной уже мѣрѣ указанныхъ и доказанныхъ [3]). Въ судьбѣ и дѣятельности перваго самозванца, перваго Лжедимитрія, многое остается еще не яснымъ и, вѣроятно, такимъ останется на долго, если не навсегда, но общая связь событій и историческое раз-

---

[1]) „Русская Старина", XVIII, 321.

[2]) Историческая наука не можетъ, конечно, довольствоваться одними убѣжденіями; она требуетъ доказательствъ вполнѣ обоснованныхъ. Къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ, какъ 40 лѣтъ назадъ, арх. Филаретъ напечаталъ свое „Изслѣдованіе о смерти царевича Димитрія" („Чтенія", 1858, I), появилось нѣсколько монографій по этому вопросу (Лядовъ—„Журн. М. Н. Пр.", 1859, III; Костомаровъ — „Вѣстникъ Европы", 1873; Бѣловъ—„Журн. М. Н. Пр.", 1873, VI), но ни одного ученаго изслѣдованія.

[3]) Особенно въ обстоятельной статьѣ П. Казанскаго „Изслѣдованія о личности перваго Лжедимитрія", въ „Русскомъ Вѣстникѣ". 1877.

витіе явленія устанавливаются съ непререкаемою ясностью. При предположеніи же, что первымъ Лжедимитріемъ былъ дѣйствительный сынъ Іоанна IV, истинный Димитрій Іоанновичъ, все представляется сплошной загадкой, ничѣмъ не разрѣшимой, начиная съ извѣстія о его спасеніи, ни на чемъ не основаннаго. Это предположеніе, эта гипотеза вноситъ лишь новую смуту въ разработку нашего Смутнаго времени, смуту иноземную, какъ мы ее назвали, причемъ русская историческая смута теряетъ значительную долю своей оригинальной окраски.

Русская смута—своеобразный протестъ русскаго общественнаго мнѣнія противъ извѣстнаго государственнаго, политическаго и отчасти соціальнаго уклада; для нея былъ годенъ разстрига, воръ, жидъ, полякъ, все равно кто-бъ ни былъ. Смута иноземная, только и мыслима подъ флагомъ законнаго претендента. Это хорошо понималъ такой продажный авантюристъ, какъ Маржеретъ [1]), признававшій царевичемъ Дмитріемъ Іоанновичемъ равно перваго Лжедимитрія и Тушинскаго Вора, продававшій свои услуги одинаково русскимъ и полякамъ, предлагавшій свою помощь безразлично Сигизмунду и Пожарскому. Какъ князь Дмитрій Михайловичъ отвергъ военныя услуги Маржерета «за его неправду» [2]), такъ по той же причинѣ долженъ быть отвергнутъ и его разсказъ о спасеніи малолѣтняго Димитрія отъ убійцъ въ Угличѣ.

Тѣмъ же иностраннымъ источникамъ обязаны мы не менѣе ложнымъ извѣстіемъ, будто Лжедимитрій есть созданіе іезуитовъ, которые «его отъ самыхъ младыхъ лѣтъ къ будущей трагедіи изрядно наставляли». Это мнѣніе было высказано протестантами, врагами іезуитовъ, постоянно поддерживалось въ Германіи и, если не ошибаемся, впервые было разработано у насъ митр. Платономъ въ его «Церковной Россійской исторіи». Въ настоящее время это мнѣніе вполнѣ опровергнуто и никѣмъ уже не повторяется. Этимъ историческая наука обязана трудамъ о. Цирлинга, члена Общества Іисуса: въ своемъ произведеніи «Rome et Démétrius», авторъ, рядомъ обнародованныхъ имъ депешъ папскаго нунція въ Польшѣ Клавія Рангони, твердо установилъ, что лишь въ мартѣ 1604 года, уже послѣ признанія польскимъ королемъ Сигизмундомъ Лжедимитрія за сына Іоанна IV, іезуиты впервые обратили на него вниманіе.

Вообще, Смутное время — чисто русское «дѣло» и только русскіе источники хранятъ ключъ къ его пониманію. Что даютъ и что могутъ

---

[1]) Его „Estat de l'empire de Russie et grand duché de Moscovie" было дважды переведено на русскій языкъ: „Историческія Записки" сочиненія Маржерета, Москва, 1830, и „Состояніе Россійской Державы и великаго княжества Московскаго", Спб., 1837, въ 3-мъ томѣ „Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ", Устрялова.

[2]) „Собр. Гос. Грам.", II, 607.

дать намъ иностранные источники? Одни чисто внѣшніе факты — торжественные въѣзды и праздничныя увеселенія, выходы, пріемы, пиры; внутренній смыслъ событій, совершавшійся на глазахъ иноземцевъ, бывшихъ въ Москвѣ, сокрытъ отъ нихъ и имъ непонятенъ. Иностранныя извѣстія служатъ лишь иллюстраціей, ие болѣе, и къ тому же неосмысленной сознательнымъ пониманіемъ и не согрѣтой живымъ чувствомъ.

Авраамій Палицынъ со слезами поминаетъ погубленныхъ Лжедимитріемъ Петра Тургенева, Ѳедора Калачника, дьяка Тимоѳея Осипова — все это звукъ пустой для какого-нибудь Паэрлэ или Маскѣвича; удаленіе патріарха Іова ничего не говоритъ французу Маржерету; ссылка 70 семей боярскихъ незамѣтна для голландца Геркмана. Отношенія Лжедимитрія къ великой княжнѣ Ксеніи Борисовнѣ — страничка изъ chronique scandaleuse для Маржерета, незаслуживающая даже упоминанія. Честный Масса говоритъ: «Не было ни дьяка, ни чиновника, который не испыталъ бы на себѣ его немилости: уча ихъ приличнымъ манерамъ и развязности, что имъ не очень нравилось, сломалъ объ ихъ ляшки нѣсколько палокъ»; а вотъ свидѣтельство патріарха Гермогена: «Владѣя государствомъ мало не годъ, и которыхъ злыхъ діаволихъ дѣлъ не дѣлалъ? И коего носилія не учинилъ? Свѣтителей съ престола сверглъ... бояръ и дворянъ и приказныхъ людей, и дѣтей боярскихъ многихъ городовъ, гостей и всѣхъ служилыхъ и торговыхъ людей многихъ крови пролія, и смерти предаде, а у иныхъ имѣнія аки разбойникъ разбилъ и многимъ всякимъ женамъ и дѣтямъ блудное насиліе учинилъ». Бучинскій пишетъ, что Лжедимитрій царствовалъ по «системѣ управленія милостію»; Авраамій Палицынъ поясняетъ эту милость такъ: «Отъ злыхъ же враговъ, казаковъ и холопей вси умніи токмо плачуще, слова же рещи не смѣюще [1]); аще бо на кого нанесутъ, яко разстригой нарицаетъ кто, и тотъ человѣкъ безвѣстно погибаетъ; во всѣхъ градѣхъ россійскихъ и въ честныхъ монастырѣхъ, и мірстіи, и иноцы мнози погибоша, овіи заточеніемъ, овѣмъ же рыбная утроба гробъ бысть». Отвергать свидѣтельство иноземныхъ очевидцевъ, конечно, нельзя; но преувеличивать значеніе ихъ, всеконечно, не слѣдуетъ, особенно же въ вопросахъ имъ вполнѣ чуждыхъ и совершенно непонятныхъ.

Относительно перваго Лжедимитрія иностранныя свидѣтельства, преимущественно польскія [2]), имѣютъ особенную важность за время пре-

---

[1]) Лишь къ концу Смутнаго времени стали появляться воровскіе подметные листы, если одинъ изъ сохранившихся не единственный. Платоновъ, „Новая повѣсть о Смутномъ времени", въ „Журн. М. Н. Пр.", 1886.

[2]) См. Autentyczne świadectwa o wzajemnych stosunkach pomiędzy Rossyą a Polską szczególniéj zaś za czasów samozwańców w Rossyi. Wydany przez Pawła Muchanowa. Moskwa, 1834.

бывания его въ Польшѣ. Такъ, напримѣръ, о переходѣ Лжедимитрія изъ православной въ католическую вѣру, о. Велевицкій сохранилъ въ своей исторіи драгоцѣнныя свѣдѣнія, правдивость и точность которыхъ вполнѣ подтверждается вновь открытыми документами, изданными г. Пирлингомъ. Недавно имъ же изданъ одинъ изъ такихъ документовъ, имѣющихъ рѣшительное значеніе именно по вѣроисповѣдному вопросу.

Былъ-ли первый Лжедимитрій католикомъ? Даже такой существенно важный вопросъ возбуждалъ до послѣдняго времени сомнѣнія и рѣшался, по догадкамъ, различно. Костомаровъ предполагалъ, что первый Лжедимитрій никогда не переходилъ въ «латинство». Передавая извѣстіе о томъ, что Лжедимитрій, будучи въ Краковѣ, «пришелъ въ іезуитскій домъ ради принятія римско-католической вѣры, а потомъ отъ нунція былъ причащенъ Св. Тайнъ и помазанъ миромъ въ утвержденіе вѣры», прибавляетъ: «сказаніе это болѣе чѣмъ сомнительно»; излагая сущность втораго письма Лжедимитрія къ папѣ Клементу VIII, отъ 30-го іюля 1604 года, Костомаровъ заключаетъ: «Въ письмѣ не было ни явнаго принятія католичества или уніи, ни положительнаго обѣщанія за свой народъ. Все ограничивалось двусмысленными изъявленіями расположенія; католики могли толковать его къ своей выгодѣ такъ, какъ будто Димитрій уже принялъ римско-католическую вѣру; Димитрій оставлялъ возможность на будущее время оставаться съ одною терпимостію римско-католическаго вѣроисповѣданія, не давая ему исключительнаго первенства» [1]) и т. п.

Сомнѣніе неосновательно и заключеніе не серьезно. Костомаровъ имѣлъ право, конечно, не придавать особаго значенія словамъ извѣстительной грамоты царя Василія Іоанновича, что «умыслъ злодѣйской разстриги Гришки былъ разорити истинная православная христіанская вѣра, а учинити во всемъ Московскомъ государствѣ римская вѣра»; но онъ не могъ игнорировать показанія Станислава и Яна Бучинскихъ, «бывшихъ въ приближеніи» у Лжедимитрія, что этотъ громко заявлялъ: «въ римскую вѣру вскорѣ всѣхъ приведу, велю костелы римские ставити, а въ церквахъ русскихъ пѣти не велю» [2]). Костомаровъ долженъ былъ знать, что письмо Лжедимитрія къ папѣ, отъ 30-го іюля, было уже второе, такъ какъ о первомъ, посланномъ въ апрѣлѣ, упоминаетъ Велевицкій. Между тѣмъ, во второмъ письмѣ излишне было уже упо-

[1]) Костомаровъ, „Смутное время Московскаго государства“, Спб., 1868, I, 102, 123.

[2]) „Собр. Госуд. Грам.“. II, 297, 298, 309. Въ записи Лжедимитрія отъ 25-го мая 1604 г., онъ категорически заявляетъ: „станемъ о томъ накрепко промышляти, чтобъ все государство Московское въ одну вѣру Римскую всѣхъ привести, и костелыбъ римские устроити“ (Ibid, 161).

минать о «принятіи католичества», когда этому именно посвящено все первое письмо, отъ 24-го апрѣля.

Велевицкій сообщаетъ въ своей исторіи, что первое письмо Лжедимитрія къ папѣ Клименту VIII было писано въ апрѣлѣ 1604 года, изъ Кракова, по-польски, и другими переведено на латинскій языкъ. Нунцій Рангони доносилъ, отъ 24-го апрѣля 1604 года: «онъ далъ мнѣ собственноручно имъ писанное и подписанное по-польски (in Polacco) письмо къ его святости, прося меня извинить дурной почеркъ (carrattere non buono) и нескладность (dettatura), и переслать его» [1]), причемъ нунцій сообщаетъ, что приложенный латинскій переводъ сдѣланъ о. Савицкимъ. Этотъ латинскій переводъ былъ впервые изданъ о. Пирлингомъ въ 1877 году; недавно ему же посчастливилось найти польскій оригиналъ, причемъ оказалось, что сдѣланный о. Савицкимъ переводъ неточенъ и неполонъ.

Lettre de Dmitri dit le Faux à Clément VIII, publiée par le p. Pierling, S. J. Avec quatre fac-similés en phototypie. Paris, 1898—таково полное заглавіе послѣдняго изданія о. Пирлинга, оказавшаго имъ новую, важную услугу исторической наукѣ. Благодаря новѣйшимъ усовершенствованіямъ фотографіи, здѣсь изображенъ фототипіей самый подлинникъ перваго письма Лжедимитрія къ папѣ Клименту VIII. Письмо Лжедимитрія папѣ писано на большомъ листѣ бумаги и занимаетъ первыя три страницы; оно было сложено пакетомъ и, на четвертой страницѣ, другою рукою, написанъ адресъ по-латыни, съ обычными сокращеніями: Sanctissimo Domino Nostro Domino Clementi divina providentia Papae Octavo. На оборотной сторонѣ пакета, противуположной адресу, приложена большая подъ кустодіею восковая печать малороссійскаго издѣлія: государственный гербъ—двуглавый орелъ съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ—и вокругъ надпись русская «Дмитръ Ивановичъ Божью милостию царевичъ Московски».

Польскій оригиналъ письма Лжедимитрія къ Клименту VIII очень характеренъ. Встрѣчающіеся руссицизмы—опущеніе z послѣ r (Rimski вм. Rzimski), обозначеніе носовыхъ гласныхъ вставкою n (odstempstwo вм. odstępstwo), замѣна польскаго y русскимъ i (prziczina вм. przyczyna), смягченіе e приставкою i (piewny вм. pewny) и т. п. — несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что письмо писано русскимъ, не вполнѣ владѣвшимъ польскою рѣчью. Этими руссицизмами усѣяно все письмо настолько, что они затрудняютъ даже чтеніе, не только пониманіе письма. Одни эти особенности письма категорически опровергаютъ нелѣпую сказку, будто Лжедимитрій былъ креатурой іезуитовъ и поляковъ: ученикъ іезуитовъ съумѣлъ-бы написать папѣ письмо на латинскомъ языкѣ,

[1]) Pierling, „Rome et Démétrius“, 187.

а воспитанникъ поляковъ не сдѣлалъ-бы столь грубыхъ ошибокъ въ польскомъ, даже до замѣны польскаго N русскимъ Н.

Содержаніе письма еще характернѣе языка его. Смыслъ содержанія не оставляетъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія относительно вѣроисповѣднаго вопроса.

Вотъ подлинное письмо съ сохраненіемъ характерной орѳографіи:

Haswiętszy y bogosławijony
w Christusie oycze.

Ktom iest ktory sie do W. S. pisac waze ozaymi Prewielebny Poseł W. S. do naiasnieyszego Krola Polskiego ktoremum sie swoych prigod zwieril. Uciekaiąc o tyrana y uchodząc smiercy, od ktorey mie diwną opatrznoscią swą Pan Bog ieszcze w dziecinstwije wybawił, przemieszkalem na pred w samem Panstwie Moskwieskiem miedzy czierncamij do czasu piewniego, potym w granicach Polskych nepoznany y zataiany. Przyszedl czas y zemsia oznaymyc museł y, priswany do naiasnieyszgo krolia Polskiego, katolickiemum sia nabozenstwu S. koscila Rimskiego pripatruiąnc naliazłem z łasky Boziey wieczne y lepsze krolewstwo nizli to s ktoregom złupiony iest. Bo radząc sie o duszi swoiey doznałem w iakijm y iako niebespiecznym odszczepienstwie y schizmie Greckiego od iednoscy Kosczielnoy odstemptwa wszytko Panstwo Moskiewskye zostałsie, y iako niepokałaną y starowieczną nauke wiary krzescyanstiey y apostolskiey Koscioła Rzimskiego Grekowie zlie udayą, y przetom do tey nauky y ienosczy Koscioła Katoliczkyego z serca z niesasłuzoney lasky bozey przistąpile y zmocnyony sakramenty kosczielnymy stałem sie iuz napodlieyszą owieczką W. S., iako Pasterza naywysszego wszystkiego Krzesciaństwa. Acz taie sie musze czekaiąc co ze mna Pan Bog uczyny ktorzy mie s tak złego razu wyswobodzył. Mam w tym nadzicie yz mye na dziedziczne y starowieczne y krwije czarew Moskyewskych na mne samego przypadaiące Panstwo posadzy, bendzieli Boska wolia iego ktorey sije zupełnie oddaye. Nie bendziely tez woliey swientey y upodobaniu iego ia mam na tym dosic zem Prawde Catolicka poznal y S. Koscziolem Bozim wziołem zbawienne z iednoczenie, ktore mie do wiecznego Krolewstwa przywiedzie; otworzili mi Pan Bog droge do stolice mnie dziedzictwem służącey, a weyzrzi na moie sprawiedliwosc i unizenie y pokornie prosze abysmie z opieky y pomocy swei niewipuszczał, Oycze wszytkych owiec christusowych. Moze przezenme nyegodnego Pan Bog w nawrocenyu dusz blendnych y ziednoczeniju w koscioł swoy wielkich narodow chwale swoye rozszerzyc. Kto wie na co mye tak zostawił y do swego Koscioła przygarneł y przyłączył. Całuiąc nogi Waszey S. iaco Christusa samego s pokornym y niskym pokłonem oddaię moie posłuszenstwo y poddanstwo W. S. iako naywysszemu Pasterewi y Oycu wszytkiego Chrzescianstwa. Co

*

taiemnie czinie y o zataienie tego dla wielgich przyczin pokornie W. S. proszę. Dan s Krakowa, 24 Aprel Roku 1604.

W. S.

nanisszy sługa

Dmitr ywanowicz Carewicz welikiey Rusi y Dziediziz Panstw monarchiy Moskiewsky.

(Переводъ). Святѣйшій и благословенный во Христѣ отецъ! Высокопреподобный посолъ Вашего Святѣйшества при наисвѣтлѣйшемъ польскомъ королѣ, которому я довѣрилъ всѣ свои приключенія, извѣститъ Ваше Святѣйшество о томъ, кто есть тотъ, который дерзаетъ писать Вашему Святѣйшеству. Убѣгая отъ тирана и спасаясь отъ смерти, отъ которой Господь Богъ чуднымъ своимъ Промысломъ предохранилъ меня въ дѣтствѣ, я пребывалъ сперва нѣкоторое время въ самомъ Московскомъ государствѣ, среди монаховъ, потомъ въ предѣлахъ польскихъ, неузнанный и скрывающійся. Пришло время, когда я долженъ былъ открыться и, призванный къ наисвѣтлѣйшему королю польскому, я, познавъ католическое богослуженіе св. римской церкви, нашелъ, по милости Божіей, вѣчное и лучшее царство, чѣмъ то, которое у меня похитили. Ибо, заботясь о душѣ своей, я сознался, до какой степени и въ какомъ опасномъ отщепенствѣ и въ какой схизмѣ греческой, внѣ церковнаго единенія, находится все Московское царство и какъ ложно толкуютъ греки незапятнанный и древній догматъ вѣры христіанской и апостольской римской церкви, и тогда я, по незаслуженной милости Божіей, возсоединился сердцемъ съ этимъ догматомъ и единствомъ католической церкви, и, укрѣпленный церковными таинствами, я сталъ ничтожнѣйшею овечкою Вашего Святѣйшества, наивысшаго пастыря всего христіанскаго міра. Хотя я долженъ скрываться, въ ожиданіи, что сотворитъ со мною Господь Богъ, спасшій меня отъ такого злого рока, я надѣюсь, что Онъ возведетъ меня на прародительскій и древній тронъ, принадлежащій мнѣ и по крови царей московскихъ, если такова Его Божья воля, которой я вполнѣ подчиняюсь. Если-жъ не такова Его святая воля и Его намѣреніе, я и тѣмъ уже доволенъ, что познался католическую истину и вошелъ въ спасительное единеніе съ церковью Божіей, которое приведетъ меня въ вѣчное царство. Откроетъ-ли Господь Богъ мнѣ путь къ столицѣ, составляющей мое наслѣдіе; воззритъ-ли на правоту мою и на мое приниженье, я покорно прошу не лишать меня Вашего, отецъ всѣхъ овецъ христовыхъ, попеченія и помощи. Господь Богъ черезъ меня негоднаго можетъ распространить свою славу обращеніемъ заблудшихъ душъ и присоединеніемъ къ церкви своей великихъ народовъ. Кто знаетъ, зачѣмъ Господь Богъ меня такъ охранялъ и привлекъ и привязалъ къ своей церкви? Цѣлуя ноги Вашего Святѣй-

шества, какъ-бы самого Христа, съ покорнымъ и низкимъ поклономъ приношу Вашему Святѣйшеству, какъ высочайшему пастырю и отцу всего христіанскаго міра, свое послушаніе и подчиненность. Дѣлаю это тайно и, ради важныхъ причинъ, покорно прошу Ваше Святѣйшество о сохраненіи этого въ тайнѣ. Данъ въ Краковѣ, 24-го апрѣля 1604 года.

Вашего Святѣйшества
нижайшій слуга
Димитрій Ивановичъ, царевичъ великой Россіи
и наслѣдникъ владѣній Московской монархіи.

Это письмо Лжедимитрія произвело въ Ватиканѣ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе. Папа Климентъ VIII прочелъ латинскій переводъ и написалъ на немъ: Ne ringratiamo Dio grandemente, ne daremo voto almeno nella congregatione del Sancto Officio; посмотрѣлъ папа на польскій оригиналъ и положилъ на немъ слѣдующую резолюцію: Come habbiamo detto nel altre, se gli risponda con un breve amorevolissimo, что и было немедленно же исполнено—responsio Pontificis per infrascriptum Breve подписано папою 22-го мая 1604 г.

Такъ папа; а мы? Мы, теперь, наученные историческимъ опытомъ протекшихъ 300 лѣтъ, можемъ уже спокойно отнестись къ этому письму, и безъ предвзятой ненависти опредѣлить дѣятелей прошлаго и воздать коемуждо по дѣломъ его.

Положеніе самозванца всегда критическое; оно переносится только сознаніемъ, что ему терять нечего. Кто-бъ ни былъ Лжедимитрій, его положеніе въ Краковѣ было отчаянное. Одинъ, безъ всякихъ средствъ, кромѣ дерзкой энергіи и упрямой воли, безъ всякихъ правъ, кромѣ затаеннаго недовольства русскихъ людей, безъ пособниковъ, безъ всякой поддержки, Лжедимитрій постучался у вратъ католической церкви и письмомъ къ папѣ ступилъ на вѣрный и, въ его положеніи, единственно надежный путь.

Папы не таили своихъ цѣлей относительно Московіи, какъ въ то время называли Россію, и не имѣли нужды скрывать свои планы. Просвѣтить Россію свѣтомъ истиннаго христіанскаго ученія въ духѣ римско-католической церкви и поставить затѣмъ Россію во главѣ новаго крестоваго похода противъ турокъ, для окончательнаго изгнанія ихъ изъ Европы—вотъ папская политика того времени относительно православной Руси. Лжедимитрій, долго жившій по монастырямъ, даже въ Москвѣ и Кіевѣ, двухъ политическихъ центрахъ, зналъ эту политику и, въ бесѣдѣ съ папскимъ нунціемъ при польскомъ дворѣ, архіеп. Рангони, онъ не только аппробовалъ папскую политику, но не двусмысленными намеками, а очевидными для нунція дѣлами, и прежде всего отреченіемъ отъ православія и принятіемъ католичества, рѣшительно при-

нималъ на себя выполненіе главнѣйшей задачи Рима для достиженія цѣли, папствомъ преслѣдуемой.

Климентъ VIII и Павелъ V ни малѣйше не сомнѣвались, что имѣютъ дѣло съ несчастнымъ претендентомъ, а не съ наглымъ самозванцемъ. Не только папа, поставленный внѣ возможности опредѣлить самоличность автора письма, но и папскій нунцій въ Польшѣ даже не приступалъ къ изслѣдованію, дѣйствительно-ли появившійся претендентъ есть сынъ царя Ивана IV Грознаго; римское духовенство вполнѣ удовлетворялось въ этомъ случаѣ взглядами и рѣшеніями свѣтской власти съ польскимъ королемъ во главѣ—всѣ признаютъ претендента царевичемъ Димитріемъ, признаетъ его такимъ и римская курія. Климентъ VIII былъ совершенно искрененъ, когда, прочтя письмо даже въ неполномъ латинскомъ переводѣ, воскликнулъ: Ne ringratiamo Dio grandemente!

Обращаетъ на себя вниманіе языкъ письма: претендентъ на русскій престолъ, человѣкъ, выдающій себя за «царевича великой Россіи и наслѣдника владѣній Московской монархіи», пишетъ папѣ письмо на польскомъ языкѣ. Почему не на русскомъ? Для папы, конечно, безразлично требовался латинскій переводъ какъ русскаго, такъ и польскаго письма; но для Лжедимитрія было въ высшей степени важно скрыть содержаніе письма и даже самый фактъ переписки съ папою отъ немногихъ русскихъ, находившихся въ то время въ Краковѣ. Къ тому же, изъ приближенныхъ къ Лжедимитрію лицъ католическаго духовенства, большинство составляли поляки, и о. Савицкій, напримѣръ, могъ, въ случаѣ затрудненія, даже помочь ему въ изложеніи польской рѣчи; между тѣмъ какъ переводъ для папы русскаго письма на латинскій языкъ затруднилъ бы, вѣроятно, даже того же о. Савицкаго. Ставить польскій языкъ въ вину Лжедимитрію, видѣть въ этомъ какое-то небреженіе русскимъ чувствомъ, едва-ли справедливо. Позже, Лжедимитрій переписывался съ Римомъ не на польскомъ языкѣ и второе его письмо къ папѣ, уже Павлу V, писано на латинскомъ языкѣ.

Польскій языкъ до крайности затруднялъ Лжедимитрія. Его письмо кишитъ ошибками, почти немыслимыми для поляка, по сравненію съ языкомъ современныхъ ему польскихъ изданій. Лжедимитрій не умѣетъ даже подписать свое имя по-польски. Имя Димитрій совершенно чуждо польскому языку, и въ оффиціальныхъ актахъ поляки копировали его съ русскаго довольно правильно Dimitr [1]); Лжедимитрію это не удавалось: акты на польскомъ языкѣ всѣ подписаны имъ разно — сперва онъ писалъ Dmitr, потомъ Deomitr, позже Demetry [2]), пока, наконецъ, не замѣнилъ польской подписи латинскою Demetrius. Въ

[1]) «Собр. Госуд. Грам.», II, 209, 245.
[2]) «Ibid», 162, 199, 237.

разсматриваемомъ письмѣ, вѣроятно, одномъ изъ первыхъ его актовъ на польскомъ языкѣ, употреблена форма наименѣе удачная—Dmitr, и она же повторена въ русской печати—Дмитръ — вѣроятно, подъ вліяніемъ малороссійскаго произношенія.

Послѣдствія не только письма Лжедимитрія къ папѣ, но и его самозванства—извѣстны. Когда первый Лжедимитрій погибъ, его ближайшій пособникъ, Юрій Мнишекъ, воевода Сендомірскій, на допросѣ показалъ о немъ: «Прежде, пока явился въ Польшѣ, пребывалъ въ Кіевѣ въ монастырѣ, въ старческомъ одѣяніи, а потомъ, бывъ у воеводы Кіевскаго, не хотѣлъ сказаться и пришелъ къ князю Адаму Вишневецкому, сказывая и въ томъ его обнадеживая, что онъ есть истинный потомокъ усопшаго великаго князя московскаго Ивана, предлагая то, какъ его Господь Богъ, помощію доктора его, отъ смерти спасъ, положа на томъ мѣстѣ иного младенца, который въ Угличѣ зарѣзанъ; а потомъ тотъ докторъ отдалъ его къ нѣкоторому боярскому сыну для воспитанія, который тогда присовѣтовалъ скрыться ему между чернецами» [1]). Сомнѣваться въ этомъ показаніи нельзя — Мнишекъ точно повторяетъ слова Лжедимитрія; но нельзя вѣрить словамъ Лжедимитрія. Эта сказка, впервые записанная полякомъ, была повторена потомъ многими иностранцами и до настоящаго времени продолжаетъ еще смущать лицъ, несознающихъ, что углицкое преступленіе послужило только предлогомъ, а причины русской смуты были болѣе глубокія и преимущественно внутреннія, непонятныя Мнишкамъ, Маржеретамъ и инымъ иноземцамъ.

В. Бильбасовъ.

[1]) «Ibid», II, 293.

Письмо И. И. Дмитріева — П. П. Свиньину.

28-го марта 1835 года, Москва.

Завидую вашей дѣятельности и поздравляю васъ съ благополучнымъ возвращеніемъ къ мирнымъ Пенатамъ.

Въ дополненіе къ тому, что писано было къ вамъ о настоящемъ положеніи нашей словесности, на дняхъ я выпустилъ еще нѣсколько строкъ къ Жуковскому и Пушкину; но это гласъ, вопіющій въ пустынѣ. Отнынѣ положилъ уже не смущать остатки дней моихъ безплодными ереміадами.

Послѣднихъ двухъ трагедій Кукольника я еще не читалъ; но увѣренъ, что новыя куклы его не уступятъ первымъ въ живой подражательности натурѣ. Онъ зорчѣе и глубокомысленнѣе всѣхъ нашихъ трагиковъ, старыхъ и новыхъ. О нынѣшнихъ же формахъ трагедій ни слова; я привыкъ къ старымъ.

Теперь остается мнѣ сказать о себѣ, что я съ самой масляницы, хотя и не ѣлъ блиновъ, что-то не по себѣ и духомъ и тѣломъ. Старость — не радость. Собираюсь говѣть, а между тѣмъ отъ всего сердца желаю вамъ и милостивой государынѣ Надеждѣ Апполоновнѣ въ полномъ удовольствіи встрѣтить и проводить наступающій праздникъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданность къ обоимъ имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугою. Ив. Дмитріевъ.

Письмо къ сестрицѣ Надежды Апполоновнѣ по близкому сосѣдству тотъ-же часъ было доставлено.

Евграфъ Васильевичъ Чешихинъ [1]).

(Матеріалы для его біографіи).

II.

Общее направленіе „Рижскаго Вѣстника“.—Стремленіе Е. В. Чешихина къ поднятію русскихъ началъ въ краѣ.—Письмо его къ А. Ѳ. Кони.—Письмо И. А. Гончарова къ Е. В. Чешихину по поводу его изданій.

Не задаваясь цѣлью дать безусловно полную характеристику дѣятельности Е. В. Чешихина въ «Рижскомъ Вѣстникѣ», мы скажемъ только, что не было почти ни одного болѣе или менѣе серьезнаго вопроса въ общественной жизни, на который бы онъ не откликнулся и не написалъ нѣсколькихъ горячихъ строкъ.

Привѣтствуя введеніе устава о всеобщей воинской повинности, онъ сравнивалъ прошедшее съ настоящимъ [2]), вспоминалъ прежніе рекрутскіе наборы и, конечно, становился на сторону новыхъ реформъ. Онъ указывалъ на значеніе освобожденія крестьянъ, на реформы судебную, земскую, городскую и воинскую [3]).

Указанія на судебные уставы 1864 года и на судъ присяжныхъ вообще, встрѣчаются въ «Рижскомъ Вѣстникѣ» неоднократно. Они были протестомъ противъ стараго сословнаго и негласнаго судопроизводства, которое сохранилось въ Прибалтійскомъ краѣ до 1889 года. Чешихинъ не дожилъ до введенія въ краѣ судовъ по уставу императора Александра II, но оставилъ по себѣ память указаніемъ на необходимость введенія въ краѣ суда присяжныхъ [4]). Ему представлялось необходи-

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ мартъ 1898 г.
[2]) См. „Рижскій Вѣстникъ“ 1874 г., № 10.
[3]) Тамъ же, 1875 г., № 271.
[4]) Тамъ же, № 285.

мымъ условіемъ, для «обрусѣнія края», введеніе реформъ 60-хъ годовъ во всей ихъ совокупности [1]). Въ началѣ 1876 года состоялось упраздненіе прибалтійскаго генералъ-губернаторства, которое налагало особый отпечатокъ на край, какъ находящійся на особомъ положеніи. Въ передовой статьѣ [2]) Чешихинъ указывалъ, что съ упраздненіемъ генералъ-губернаторства начинается новый періодъ для русской прибалтійской окраины, періодъ общенія и параллельнаго сліянія съ интересами общерусскими. Онъ сожалѣлъ только о слабой жизне-дѣятельности въ Ригѣ русскихъ общественныхъ учрежденій, въ противоположность процвѣтавшимъ многочисленнымъ нѣмецкимъ ферейнамъ [3]).

Непосредственное столкновеніе съ мѣстною жизнью въ нѣмецкихъ кружкахъ, проникнутыхъ старою закваскою узко-феодальныхъ и узко-сословныхъ традицій, повидимому окончательно уничтожили въ Чешихинѣ надежду, что обрусѣніе можетъ идти естественнымъ путемъ. Оно наталкивалось на онѣмечиваніе, для борьбы съ которымъ являлось необходимымъ немедленное установленіе новыхъ правовыхъ нормъ, на мѣсто старыхъ, которыхъ цѣпко держались господствующія сословія въ краѣ, отстаивая, вопреки требованіямъ справедливости, свои кружковые интересы, освященные старымъ правомъ. Борьба двухъ началъ заставила Е. В. Чешихина заняться усиленно исторіею мѣстнаго края, и въ 1877 году вышелъ первый томъ его «Сборника матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края» (вышло всего 4 тома). Съ 1884 года стала выходить «Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ» (появилось 7 выпусковъ). Оба эти изданія, расходившіяся такъ медленно, какъ только могутъ расходиться чисто ученыя сочиненія, затѣянныя безъ всякихъ средствъ, тяжелымъ бременемъ легли на плечи Е. В. Чешихина. Въ 1886 году, при содѣйствіи И. П. Корнилова, онъ получилъ отъ министерства народнаго просвѣщенія на изданіе своихъ трудовъ 500 рублей. Это было единственное пособіе со стороны, оказавшееся, конечно, каплей въ морѣ. Печатая пятый выпускъ «Исторіи Ливоніи», Е. В. Чешихинъ писалъ 3-го мая 1886 года И. П. Корнилову: «Трудно и тяжело идетъ, но работу продолжаю безъ перерыва, въ надеждѣ на лучшее будущее».

Разсылая свои изданія различнымъ лицамъ, въ томъ числѣ И. С. Аксакову и А. Ѳ. Кони [4]), Чешихинъ писалъ послѣднему 24-го сентября 1880 года.

---

[1]) „Рижскій Вѣстн." 1876 г., № 3.

[2]) Тоже, № 27.

[3]) См. „Рижскій Вѣстн." 1876 г., № 113.

[4]) Съ Анатоліемъ Ѳедоровичемъ Кони Чешихинъ познакомился лѣтомъ, на рижскомъ взморьѣ, въ Дуббельнѣ. На взморьѣ, въ глухомъ Старомъ Бильдерлингсгофѣ, на дачѣ Дутче, Чешихинъ неизмѣнно проводилъ каждое лѣто,

«Прежде всего позвольте вамъ представить совершенно новенькую, только надняхъ, послѣ многихъ злоключеній [1]), вышедшую книгу—третій томъ «Прибалтійскаго Сборника», которую всенижайше прошу принять на память о Дуббельнѣ и о томъ недавнемъ времени, когда вамъ воочію пришлось видѣть клочекъ здѣшней землицы, хоть и не особенно взрачной и красивой, но несомнѣнно имѣющей въ себѣ нѣчто вызывательное, нѣчто такое, что поживи между нами хоть съ полгода самъ знаменитый Обломовъ, то и тотъ, въ одно прекрасное утро, вскочилъ бы со своего дивана и воскликнулъ: «да воскреснетъ Богъ и расточатся!..», сбросилъ бы съ себя халатъ и велѣлъ бы подавать одѣваться, чтобы ѣхать въ какое-либо засѣданіе и помочь тащить какую-либо тяжесть, потому что не настолько же мы въ самомъ дѣлѣ одеревенѣли, чтобы не откликнуться, когда «нашихъ бьютъ».

«Вы, пожалуйста не смотрите, что книга издана невзрачно (откуда взять денегъ на красивое изданіе?), но въ свободную минуту (жаль, что ихъ у васъ очень немного) загляните въ нее: она вамъ напомнитъ и отдаленную древность, когда въ Ливоніи дѣйствовалъ московское дитятко Иванъ, напомнитъ и не очень давнее прошлое, когда всѣ ливонскіе туземцы, какъ одинъ человѣкъ, бросились-было къ православію, а мы, православные, устрашась за судьбу лютеранства въ Ливоніи, давай дубьемъ поддерживать у туземцевъ уваженіе къ Мартину Лютеру, напомнитъ и еще кое-что, а если напомнитъ, то и чудесно—больше отъ книги ничего и не потребуется.

«Итакъ, не осудите—чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!

«Въ одномъ мѣстѣ вы найдете скачекъ съ 490 на 497 страницу. Это цензура похерила шесть страничекъ: испугалась, видите ли, что пасторы обидятся.

«Благоволите передать прилагаемую книгу Ивану Александровичу Гончарову. Я не знаю его адреса и потому позволяю себѣ утруждать васъ; письмо къ нему вложено въ книгу.

«Независимо отъ этого, у меня есть къ вамъ и другая просьба, которую усерднѣйше прошу исполнить по возможности. Дѣло вотъ въ чемъ:

«Въ прошломъ году я подалъ нашему преосвященному, котораго вы, конечно, не забыли, докладную записку о дозволеніи извлечь изъ здѣшнихъ старыхъ консисторскихъ дѣлъ кое-какіе матеріалы по новѣйшей исторіи православія въ Ливоніи. Преосвященный не рѣшился дать дозволеніе, и записку мою представилъ въ Святѣйшій Синодъ, который, съ

почти съ самаго того времени, какъ поселился въ Ригѣ. Онъ регулярно, въ будни, каждый день ѣздилъ въ Ригу, въ редакцію, а въ праздники въ Дуббельнъ, въ церковь и для поддержанія знакомствъ.

[1]) Цензурнаго характера—какъ видно изъ слѣдующаго письма.

своей стороны, рѣшительно отказалъ въ моей просьбѣ.... Знакомыхъ у меня въ Питерѣ никого нѣтъ, потому и не вижу другого способа выйти изъ затрудненія, какъ обратиться къ вашему посредничеству; не найдете ли вы возможнымъ навести справку, почему именно мнѣ было отказано заняться въ рижскомъ консисторскомъ архивѣ... О результатѣ благоволите сообщить мнѣ; для меня, то-есть для слѣдующихъ томовъ «Сборника» это очень важно. Усерднѣйше прошу—не откажите переговорить.

«Покончивъ съ просьбами, позвольте ужь побесѣдовать и о нашихъ текущихъ дѣлахъ, о нашихъ барашкахъ, которые хоть и не такіе крупные, какъ ваши, но и не совсѣмъ тощіе и несчастные.

«Послѣ вашего отъѣзда изъ Риги, что̀ мы дѣлали въ эти шесть недѣль? Во-первыхъ, встрѣтили и проводили оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Не знаю, какое мы произвели на него впечатлѣніе (полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ!), но онъ явился къ намъ столь внимательнымъ, какъ рѣдко. Отложивъ въ сторону свой санъ и положеніе, онъ запросто (многое спасибо за то) бесѣдовалъ съ нами и не одинъ разъ: при представленіи, въ Садовниковской богадѣльнѣ, потомъ не отказалъ пріѣхать и къ намъ вечеромъ на бесѣду и провелъ съ нами часа полтора времени, разспрашивая и выслушивая въ чемъ вся суть нашихъ нуждъ и желаній.

«Затѣмъ мы заложили фундаментъ огромнаго русскаго дома [1]) (хватили чуть не весь кварталъ, да и то сказать: строиться—такъ строиться, а то не стоитъ и рукъ марать). Пріѣдете, дастъ Богъ, въ Ригу въ будущемъ году, увидите сами, что это штука важная выйдетъ; тысячъ триста не маковое, вѣдь, зерно!

«Затѣмъ мы присутствовали въ городской думѣ на той комедіи, которая была съиграна насчетъ протестовъ противъ русскаго языка. Дума постановила, какъ вамъ, конечно, извѣстно, жаловаться на Сенатъ. Выйдетъ ли что̀ или не выйдетъ изъ этихъ жалобъ, не знаемъ, но, однакоже, твердаго убѣжденія не имѣемъ: все побаиваемся, что-де, по примѣру прошлаго, испугаются... да и того... сдадутся, ибо силенъ нѣмецъ [2]).

«Затѣмъ, въ настоящую минуту мы начинаемъ подумывать и о мировыхъ. Въ городѣ пока ничего не слышно, будетъ орудовать магистратъ; почему магистратъ, а не дума—неизвѣстно. Мысль моя, однако, та: если реформы въ Ливоніи признаны необходимыми, то съ какой радости, съ какой стати растягивать ихъ на цѣлые годы. Что̀ хорошаго въ томъ, что въ Ригѣ въ настоящее время существуетъ два городскихъ управленія: одно общественное (дума и управа по положенію 1870 г.)

---

[1]) „Улей“, въ которомъ помѣщаются нынѣ русскій театръ и русскій клубъ.

[2]) Жалоба рижской думы была оставлена безъ послѣдствій.

и другое—сословное, магистратъ. Плательщики подай деньги и на то, и на другое (въ нынѣшнемъ году дефицитъ хватили, вслѣдствіе этого, тысячъ болѣе двухсотъ). Вводятъ мировыхъ—плательщики деньги подай—и оставляютъ всякіе городскіе герихты, деньги на которые опять подай!.. Да и что тутъ церемониться: реформы нужны или нѣтъ? Если нужны, то по боку гофгерихтъ, ландгерихты и всякіе орднунгсгерихты, и вводите прямо судебные уставы; а если не нужны, то зачѣмъ и канитель разводить, вытаскивать напрасно рубли изъ кармановъ плательщиковъ. Людей-де нѣтъ, да полноте! Московскія и петербургскія присутственныя мѣста переполнены цѣлыми бандами лифляндцевъ, курляндцевъ и эстонцевъ» [1]).

5-го ноября того же 1880 года Е. В. Чешихинъ писалъ А. Ѳ. Кони:

«... Мнѣ надобно получить доступъ въ консисторскіе архивы въ Псковѣ и Ригѣ, чтобы добыть оттуда для четвертаго тома: инструкцію Иннокентія отъ 1765 года для заказчиковъ (благочинныхъ) ливонскихъ церквей и потомъ донесенія архіепископу псковскому рижскихъ викарныхъ архіереевъ—Иринарха и Филарета I о крестьянскихъ движеніяхъ 1841—1845 г.г., кончившихся присоединеніемъ къ православію 150 тысячъ латышей и эстонцевъ и учрежденіемъ самостоятельной рижской епархіи. Мнѣ нужно на первый разъ лишь снять копіи съ этихъ документовъ, но безъ разрѣшенія Синода это невозможно. Я пишу по этому поводу къ г-ну оберъ-прокурору, препровождая ему и три тома «Сборника», дабы онъ видѣлъ, что предпринятое мною изданіе не есть какая-либо легкомысленная затѣя.

«Письмо это посылаю вамъ на цензуру. Если оно годится—благоволите отправить его по адресу, а не годится—изорвите и бросьте, дайте знать только въ какомъ смыслѣ и что слѣдуетъ писать.

«Я очень хорошо понимаю, что отвлекать дѣловаго человѣка отъ занятій дозволяется лишь въ крайнемъ случаѣ, но поистинѣ говорю: не къ кому обратиться за совѣтомъ, а я не виновать, что, зная васъ, вѣрю вамъ безусловно,—что скажете, то и будетъ. Если нельзя ничего подѣлать, то и значитъ, что нельзя».

Въ концѣ концовъ Чешихинъ добился доступа въ генералъ-губернаторскій и консисторскій архивы.

Слѣдующее письмо Чешихина къ А. Ѳ. Кони, имѣющееся въ нашемъ распоряженіи, помѣчено 19-мъ февраля 1881 года. Писанное въ двадцатилѣтнюю годовщину освобожденія крестьянъ, оно замѣчательно какъ бодростью тона, такъ и выраженными въ немъ, въ шутливой формѣ, взглядами, для Чешихина весьма характерными.

---

[1]) Какъ извѣстно, въ то время реформу затормозили, а мировыя учрежденія были введены лишь въ 1889 году, вмѣстѣ съ общимъ введеніемъ судебныхъ уставовъ.

«Пользуюсь свободною минутою, выпавшею сегодня, чтобы, во-первыхъ, извѣстить васъ, многоуважаемый Анатолій Ѳедоровичъ, о полученіи, какъ статьи вашей «Спорный вопросъ», такъ и рѣчи о Достоевскомъ, а во-вторыхъ, чтобы поблагодарить васъ искренно за присылку и вмѣстѣ съ тѣмъ извиниться въ томъ, что я безъ вашего позволенія перепечаталъ вашу рѣчь. Но въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ вы виноваты больше, чѣмъ я: вольно же было говорить превосходную рѣчь и указать именно то, на что должно быть обращено вниманіе.

«Ваша рѣчь уже сослужила службу здѣсь, и она у насъ, въ Ригѣ, сослужитъ службу еще и 8-го марта. Въ этотъ день приходится сорокоустъ покойнаго Достоевскаго; мы и задумали именно этотъ день посвятить памяти покойника, такъ какъ ранѣе все не приходилось, все что-нибудь да мѣшало. Въ воскресенье, 8-го марта, попросимъ преосвященнаго отслужить въ соборѣ панихиду и сказать нѣсколько словъ о новопреставленномъ рабѣ Божіемъ Ѳеодорѣ, а вечеромъ въ этотъ день устроимъ въ залѣ Александровской гимназіи публичное засѣданіе здѣшняго литературнаго кружка, на которомъ и будутъ прочтены приготовленныя статьи. Одинъ изъ учителей взялся написать и прочесть статью о «Преступленіи и наказаніи», а для этой статьи ваша рѣчь приходится какъ разъ кстати. Вотъ почему я говорю, что ваша рѣчь сослужитъ у насъ службу 8-го марта. Что выйдетъ изъ нашей затѣи—увидимъ, но сборъ отъ вечера предположено отослать въ Питеръ, для присоединенія къ капиталу на памятникъ, а еще бы лучше на изданіе полнаго собранія сочиненій [1]).

«Сегодня вечеромъ у насъ будетъ большое собраніе, большой вечеръ, большое торжество, если хотите. По какому поводу, чему обрадовались?—спросите вы.—Гм... Какъ бы это сказать... радость или не радость—это какъ кому угодно, а поводъ есть и даже хорошій поводъ, если благоволите выслушать сію безсвязную, но правдивую рѣчь.

«Въ прошлый вторникъ сельско-хозяйственный съѣздъ, второй группы, кончилъ свои занятія и засѣданія. Какъ водится и какъ слѣдовало ожидать, съѣздъ ни мало не коснулся сути сельско-хозяйственнаго дѣла въ Лифляндской и Курляндской губерніяхъ, но зато ландлорды ливонскіе (латыши отъ съѣзда уклонились, изъ эстонцевъ явились двое, прочее все, слѣдовательно подавляющее большинство, составляли именно ливон-

---

[1]) Предположенное чествованіе памяти Достоевскаго не состоялось: послѣ событія 1-го марта было не до того. Литературный кружокъ, основанный въ 1874 году самимъ Е. В. Чешихинымъ, съ того времени значительно разросся: еще въ 1883 году въ немъ состояло лишь десятка полтора членовъ, въ 1896 году это число дошло до 175 слишкомъ человѣкъ. Кружокъ устраиваетъ нынѣ засѣданія болѣе или менѣе правильно, завѣдуетъ устройствомъ въ Ригѣ народныхъ чтеній, организуетъ публичныя лекціи и т. д.

скіе ландлорды) имѣли случай предаваться самовосхваленію самому безцеремонному и заявлять, что община, общинное землевладѣніе, освобожденіе крестьянъ съ землею составляютъ истинный тормазъ успѣховъ сельскаго хозяйства. У насъ въ Ливоніи идетъ все отлично, а тамъ in Russland прескверно, а отчего? А все оттого, что въ рѣшительные моменты русскіе ни за что не желаютъ слѣдовать благимъ примѣрамъ, поданнымъ Европою. Вотъ если бы вы, русскіе, пустили на волю крестьянъ безъ земли, какъ пустили у насъ въ Ливоніи, да заграбастали бы безземельныхъ мужиковъ въ свои лапы, какъ заграбастали мы, ливонскіе ландлорды, то у васъ, русскихъ, была бы музыка не та; у васъ, во-первыхъ, заплясали бы лѣсъ и горы, а во-вторыхъ, ваши веси и поля зацвѣли бы такъ, какъ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать!

«Ну, нѣтъ, почтенные лорды ливонскіе, это вы себѣ можете на съѣздахъ проповѣдывать, а по нашему не такъ; по нашему—да здравствуетъ 19-е февраля 1861 года! Многая лѣта и вѣчная память тѣмъ, кто въ основу освобожденія положилъ не безземеліе, а именно земеліе!

— Господа, русскіе рижане, сегодня исполнилось двадцатилѣтіе освобожденія крестьянъ. Слѣдуетъ ли помянуть честью этотъ день или не слѣдуетъ?

— Слѣдуетъ всеконечно! — былъ рѣшительный и положительный отвѣтъ.

— А если такъ, то поднимайтесь всѣ русскія пѣвческія общества, пойте какъ умѣете про русскую землю, про русскихъ людей, да не предаемся мы, прочіе русскіе рижане, унынію, любоначалію и празднословію, но помнимъ, что земля наша не оскудѣвала силами и людьми, ибо великъ Богъ земли русской, Богъ не католическій или лютеранскій, а настоящій православный, тотъ самый, который бережетъ и стережетъ русскую землю, давая въ рѣшительныя минуты такіе толчки намъ всѣмъ, вѣрнымъ рабамъ Его, что мы въ концѣ концовъ все-таки не сворачиваемъ съ прямой дороги...

«Православные шли—хорошо выходило. Это доказываютъ 29 томовъ Соловьева, и воочію докажетъ будущая исторія знаменательнаго дня 19-го февраля 1861 года.

«Какъ бы то ни было, но мы сегодня празднуемъ двадцатилѣтіе освобожденія крестьянъ. Оно, конечно, въ Питерѣ все это показалось бы очень страннымъ, пожалуй, очень смѣшнымъ; злобу дня изъ табельнаго дня [1]) себѣ сочиняютъ! А намъ какое дѣло, какъ кому что кажется. Я убѣжденъ, однако, что все это вамъ покажется и не страннымъ, и не

---

[1]) Оффиціально не празднуемый нынѣ день освобожденія крестьянъ совпадалъ со днемъ восшествія на престолъ государя императора Александра II.

смѣшнымъ, а какъ разъ подобающимъ. Торжество, такъ торжество—валяй въ колокола!

«Вотъ и все, что я хотѣлъ сказать вамъ. Мнѣ остается только снова поблагодарить васъ за память обо мнѣ и подписаться вашимъ покорнѣйшимъ и уважающимъ васъ слугою».

Во числѣ лицъ, получившихъ «Сборникъ» Чешихина, былъ и И. А. Гончаровъ [1]).

«При письмѣ отъ 29-го сентября я получилъ третій томъ «Прибалтійскаго Сборника», за доставленіе котораго приношу вамъ глубокую благодарность.

«Я еще нахожусь пока въ глубинѣ втораго тома, съ содержаніемъ котораго знакомлюсь медленно, но прочно. Такія книги не читаются вскользь, а изучаются. Не стыжусь сознаться, что съ подробною исторіею Прибалтійскаго края я познакомился вполнѣ только изъ собранныхъ вами, съ изумительнымъ терпѣніемъ, трудолюбіемъ и добросовѣстностью, матеріаловъ, которые вы такъ услужливо подносите читателю! Для историковъ того края—это кладъ и они только оцѣнятъ всю громадность и важность вашего труда. Простые читатели, просмотрѣвъ съ любопытствомъ этотъ сборникъ, не въ состояніи, конечно, вполнѣ понять, какихъ усилій, стараній, трудовъ стоило составителю собираніе и систематическое изложеніе всей этой массы историческихъ показаній, свидѣтельствъ и документовъ!

«Поймутъ это, повторяю, только одни сами труженики и сохранятъ ваше имя въ исторіи края. Въ этомъ больше всего и будетъ состоять награда вамъ за вашъ трудный и ученый подвигъ!

«Кланяюсь вамъ отъ всей души и покорнѣйше прошу васъ передать мой благодарный поклонъ всѣмъ тѣмъ рижанамъ, которые почтили меня любезнымъ и радушнымъ вниманіемъ, между прочимъ и семейству почтеннаго Ѳедора Андреевича [2]). Пребываніе у моря мнѣ принесло большую пользу, особенно купанье, и я какъ-будто еще продолжаю дышать воздухомъ сосноваго лѣса и морскаго прибрежья. Если обстоятельства позволятъ, я не откажусь отъ мысли воротиться когда-нибудь опять туда».

---

[1]) Въ виду извѣстной „послѣдней воли“ Гончарова, мы рѣшаемся предать его письма гласности не безъ нѣкотораго колебанія. Но съ одной стороны соображеніе, что писатель, послѣ смерти своей, какъ бы самъ о томъ ни думалъ, принадлежитъ не только сочиненіями, но и личностью обществу, среди котораго жилъ, съ другой—то обстоятельство, что эти письма лишь выгодно освѣщаютъ нравственный характеръ покойнаго знаменитаго писателя, безкорыстно хлопотавшаго за сочиненія скромнаго собрата по перу, заставляютъ насъ принять на себя отвѣтственность въ нарушеніи воли.

[2]) Ребининъ, рижскій купецъ, одно изъ наиболѣе близкихъ Е. В. Чешихину лицъ изъ мѣстнаго общества.

Послѣ лѣта 1880 года И. А. ежегодно возвращался на рижское взморье, въ Дуббельнъ, гдѣ жилъ на улицѣ, нынѣ носящей его имя. Е. В. Чешихинъ бывалъ здѣсь у него почти каждое воскресенье.

Слѣдующія три письма Гончарова относятся къ 1881 году.

1.

21-го сентября.

«Многоуважаемый, Евграфъ Васильевичъ!

«Я получилъ ваше письмо отъ 17-го сентября и скажу въ отвѣтъ, что я, конечно, былъ бы очень радъ быть полезенъ вашему прекрасному и полезному труду, о чемъ и постараюсь, хотя ручаться за успѣхъ никакъ не могу.

«Если я, по вашимъ словамъ, былъ вамъ нѣсколько полезенъ при открытіи вамъ архивовъ, то тамъ все участіе мое состояло въ горячей рекомендаціи вашего «Сборника» губернатору. Другое дѣло—способствовать распространенію вашей книги, чтобы обезпечить вамъ матеріально возможность довести вашъ трудъ до конца. Тотъ путь, на который указываете вы, мнѣ кажется не совсѣмъ вѣренъ, и именно распространеніе книги по библіотекамъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, какъ-то гимназій и училищъ вѣдомства четвертаго отдѣленія и министерства просвѣщенія.

«Вамъ, конечно, извѣстна программа преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, программа довольно краткая, не подробная, не требующая углубленія въ историческія дебри. А вашъ «Сборникъ» можетъ служить драгоцѣннымъ пособіемъ для спеціалистовъ-историковъ, дѣлателей науки. Для чтенія большинства публики онъ также мало удобенъ. Другое дѣло ученыя общества, университеты, но много ли ихъ у насъ?

«Поэтому я полагаю, что если начальства и оцѣнятъ вашъ «Сборникъ» по достоинству, то на покупку для училищныхъ библіотекъ мало доступной ученикамъ книги—не большихъ своихъ средствъ тратить не станутъ.

«Притомъ теперь, сколько мнѣ извѣстно, начальства, кажется мнѣ, воздерживаются отъ рекомендаціи тѣхъ или другихъ сочиненій путемъ приказовъ въ подвѣдомственныхъ имъ училищахъ. О стѣснительности такихъ приказовъ была не разъ рѣчь и въ печати.

«Мнѣ кажется, напротивъ, вашъ трудъ, какъ необходимый, систематически собранный, матеріалъ для изученія исторіи Прибалтійскаго края, заслуживалъ бы субсидій отъ казны, отъ Академіи Наукъ или общества для изданія полезныхъ книгъ и тому под., такъ какъ отъ публики вознагражденія ждать нельзя.

«Я поговорю объ этомъ съ компетентными людьми; но теперь еще не воротились многіе сюда послѣ лѣтняго сезона и говорить не съ кѣмъ. Лично я очень мало знакомъ съ нынѣшнимъ министромъ, но я повидаюсь съ близкими къ нему лицами, покажу имъ всѣ ваши три тома и спрошу, какъ и что, а черезъ кого могло бы быть вамъ оказано матеріальное содѣйствіе, и о томъ, что узнаю, не замедлю сообщить вамъ.

«Въ случаѣ успѣха, я, конечно, буду очень радъ, въ противномъ же случаѣ прошу васъ неудачу моей попытки приписать не равнодушію моему къ вашему огромному и полезному труду, а самому свойству этого труда».

2.

27-го сентября.

«Я получилъ и второе ваше письмо, многоуважаемый Евграфъ Васильевичъ, и душевно сожалѣю, что не имѣю возможности быть вамъ скоро и дѣйствительно полезнымъ. Все, что я могу сдѣлать, это рекомендовать горячо вашъ трудъ со стороны впечатлѣнія, которое онъ на меня произвелъ, какъ добросовѣстно составленный важный матеріалъ для изученія Прибалтійскаго края.

«Я покажу и самую книгу лицамъ, близко знакомымъ съ тѣми министрами, къ которымъ вы полагаете нужнымъ обратиться съ ходатайствомъ о субсидіи для изданія четвертаго тома сборника. Они, вѣроятно, мнѣ скажутъ, къ кому именно изъ нихъ слѣдовало бы обратиться въ видахъ надежды на субсидію.

«Во всякомъ случаѣ, вамъ не мѣшаетъ исполнить вашу мысль, то-есть составить записку, ни къ кому собственно лично въ ней не обращаясь, но объяснивъ только сущность труда, цѣль, и о томъ, что какая именно помощь и въ какомъ бы размѣрѣ была нужна и желательна, такъ чтобъ вы могли подать эту запикку тому лицу, къ которому окажется возможнымъ и удобнымъ обратиться.

«Лучше бы всего было, конечно, заручиться рекомендаціею какого-нибудь ученаго авторитета по части исторіи, но я ни съ кѣмъ изъ нихъ близко не знакомъ, да теперь, кажется, здѣсь никого еще и нѣтъ; напримѣръ, по газетамъ видно, что Костомаровъ на Кавказѣ, и другіе вѣроятно тоже не въ сборѣ. Вотъ въ этомъ случаѣ Русское Историческое Общество могло бы быть вамъ полезнымъ относительно оцѣнки «Сборника», отъ которой и зависѣла бы участь дальнѣйшаго хода дѣла.

«Всякій министръ, или вообще вліятельное лицо, не возьметъ, конечно, на себя опредѣленія достоинства и полезности труда, а потребуетъ авторитетнаго разсмотрѣнія компетентными лицами и приметъ ихъ отзывъ въ основаніе своихъ дѣйствій.

«Что касается до моей рекомендаціи, то она поможетъ развѣ только обратить вниманіе на этотъ «Сборникъ», но критическаго вѣса ему не придастъ по моей некомпетентности въ дѣлѣ науки.

«Теперь я пока не совсѣмъ здоровъ, какъ бываетъ со мною всегда осенью, и мало выхожу, такъ что по возвращеніи сюда никого еще изъ знакомыхъ не видалъ, но когда пособерутся многіе сюда съ дачъ, деревень и изъ-за-границы, я поговорю кое съ кѣмъ о томъ, можно ли вамъ искать субсидіи и къ кому за этимъ нужно обратиться. Жаль, что вы работаете въ нѣмецкой губерніи, гдѣ мало русскихъ людей—можетъ быть гдѣ-нибудь во внутреннихъ губерніяхъ нашлись бы на мѣстѣ авторитетные люди, которые скорѣе оцѣнили бы вашъ трудъ и помогли бы проложить ему путь черезъ мѣстное начальство.

«Кланяюсь вамъ усердно и буду вмѣстѣ съ вами желать появленія четвертаго тома».

3.

4-го октября.

«Я видѣлся и говорилъ съ однимъ лицомъ, близко знакомымъ съ министрами, о томъ, какимъ путемъ вамъ слѣдуетъ домогаться пособія къ изданію дальнѣйшихъ трудовъ вашихъ по «Прибалтійскому Историческому Сборнику».

«Путь этотъ, по его мнѣнію, одинъ—и именно Императорское Историческое Общество, которое и вы сами прежде всего имѣли въ виду Что касается до министерствъ просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, то средства ихъ и прежде были ограниченны, а въ нынѣшнее время—экономическихъ сокращеній—урѣзаны до-нѣльзя. Притомъ и прямого интереса эти вѣдомства въ поощреніи подобныхъ изданій не имѣютъ.

«Напротивъ того, изданіе полезныхъ историческихъ трудовъ входитъ въ кругъ обязанностей Историческаго Общества... Одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ и вліятельныхъ членовъ общества—это академикъ Яковъ Карловичъ Гротъ, къ которому мой знакомый и совѣтуетъ обратиться за содѣйствіемъ для разсмотрѣнія критической оцѣнки труда, и если окажется справедливымъ, и для поддержки его передъ Обществомъ.

«Если вы сами также найдете этотъ путь наиболѣе удобнымъ, то вамъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ прямо обратиться къ Я. К. Гроту съ письмомъ и объяснительною запискою, а также съ представленіемъ ему экземпляра «Сборника».

«Въ настоящее время его въ Петербургѣ нѣтъ; онъ лѣтомъ былъ на Кавказѣ, а теперь проѣхалъ въ Крымъ и воротится въ Петербургъ во второй половинѣ октября.

«Я съ нимъ знакомъ и съ своей стороны, конечно, не откажусь

засвидѣтельствовать о важности и достоинствѣ вашего труда насколько я могу понимать дѣло.

«Въ заключеніе не могу не увѣдомить васъ о нижеслѣдующей замѣткѣ, которую знакомый мой сдѣлалъ относительно вашего «Сборника», котораго онъ, впрочемъ, не видалъ. Онъ сказалъ, что давно, въ молодыхъ своихъ лѣтахъ, онъ былъ командированъ въ Ригу по какому-то вопросу о православныхъ латышахъ, и между прочимъ онъ обратился къ мѣстной нѣмецкой литературѣ по исторіи края и нашелъ въ тамошнихъ нѣмецкихъ печатныхъ источникахъ такое богатство систематически обработанныхъ матеріаловъ, что едва-ли какой-либо новый трудъ по части исторіи края, каково бы ни было его относительное достоинство, можетъ представить что-нибудь новое, самобытное и оригинальное. Впрочемъ, прибавилъ онъ, если бы авторъ почерпнулъ или скомпилировалъ свой трудъ изъ нѣмецкихъ источниковъ, все же систематическое изданіе ихъ на русскомъ языкѣ составило бы значительную услугу русской ученой литературѣ.

«Не зная вовсе ничего изъ исторической нѣмецкой литературы того края, я не могъ ничего ему возразить и тѣмъ кончился нашъ разговоръ.

«Примите мой искренній поклонъ вмѣстѣ съ пожеланіемъ вамъ полнаго успѣха».

III.

Общественная дѣятельность Е. В. Чешихина.—Записка, поданная графу Н. П. Игнатьеву.

На ряду съ газетной и ученой работой Е. В. Чешихинъ отдавалъ все свое время русской общественной жизни; онъ одновременно былъ предсѣдателемъ рижскаго Петро-Павловскаго братства, литературнаго кружка, имъ и основаннаго въ 1874 году, Благовѣщенскаго церковно-приходскаго попечительства о бѣдныхъ и неизмѣнно болѣе или менѣе дѣятельнымъ членомъ почти всѣхъ другихъ русскихъ обществъ; въ основаніи многихъ изъ нихъ онъ же былъ однимъ изъ начинателей. Въ 1881 и 1883 годахъ онъ былъ посылаемъ въ депутаціяхъ отъ русскаго общества для принесенія поздравленій государю императору Александру III съ восшествіемъ на престолъ и при коронаціи. Въ Ригѣ онъ былъ безспорно главнымъ выразителемъ стремленій русскихъ, какъ особой группы населенія, и не имѣя возможности прямо формулировать ихъ въ газетѣ, неоднократно прибѣгалъ къ докладнымъ запискамъ, ко-

торыя составлялъ единолично и заставлялъ подписывать и подавать ихъ болѣе или менѣе видныхъ представителей русскаго общества, самъ оставаясь обыкновенно въ сторонѣ [1]).

Насколько намъ извѣстно, наиболѣе обширная изъ такихъ записокъ была подана при ревизіи Прибалтійскаго края, въ то время еще сенатору, Н. А. Манассеину. Къ сожалѣнію, этого документа нѣтъ въ нашихъ рукахъ. Мы приведемъ записку, поданную въ 1881 году министру внутреннихъ дѣлъ графу Н. П. Игнатьеву, и другую, болѣе краткую, сохранившуюся безъ всякаго обозначенія—кому и при какихъ обстоятельствахъ она представлялась. Какъ убѣдится читатель, пожеланія для Прибалтійскаго края, высказанныя здѣсь, довольно рѣзко отличаются отъ ультра-обрусительныхъ тенденцій; преобразованія признаются желательными во имя устраненія общественныхъ перегородокъ и уравненія общественныхъ правъ, а отнюдь не во имя господства русской группы населенія изъ-за того только, что она русская.

«Прибалтійскій край,—сказано въ запискѣ, поданной графу Н. П. Игнатьеву 31-го октября 1881 года и подписанной двѣнадцатью лицами,—до послѣдняго времени стоявшій какъ бы внѣ Россійской имперіи, хотя и безвозвратно соединенный съ нею, въ наши дни несомнѣнно вступаетъ въ новый періодъ своего существованія, въ періодъ обновленія всѣхъ мѣстныхъ своихъ силъ посредствомъ кореннаго преобразованія городскихъ управленій, судоустройства и судопроизводства и земскихъ отношеній страны.

«Городская реформа представляетъ уже совершившійся фактъ. Судебная реформа готовится къ осуществленію; въ наши дни дѣлается уже приступъ и къ осуществленію реформы земской, полагается слѣдовательно начало къ установленію въ Прибалтійскомъ краѣ порядковъ, желанныхъ всякому, кто видитъ надежную силу государства въ крѣпкомъ единеніи всѣхъ его составныхъ частей. Такое единеніе есть конечная цѣль преобразованій, почва для такихъ преобразованій уже достаточно подготовлена, но все-таки вашему сіятельству предстоитъ тяжелый, громадный подвигъ—обуздать меньшинство гордое своимъ богатствомъ, своими правами и преимуществами, поддержать справедливыя стремленія большинства, ввести прибалтійскія населенія въ обще-русскую семью, положивъ конецъ ненормальному и неестественному положенію дѣлъ въ здѣшнемъ краѣ, причинившему то, что жители края разбились

[1]) Не останавливаемся на томъ вліяніи, которое Е. В. Чешихинъ оказывалъ личными постоянными бесѣдами въ обществѣ о нуждахъ края, бесѣдами, въ которыхъ никогда не думалъ, что другіе, а не онъ воспользуются его мыслями; не упоминаемъ о томъ, что ему приходилось писать иногда рѣчи, произносимыя дѣльцами, охотно красовавшимися при торжественныхъ общественныхъ случаяхъ въ чужихъ перьяхъ.

на два лагеря, относящіеся другъ къ другу съ явною недовѣрчивостью, если не сказать враждебностью.

«Напрасно увѣрять, что этихъ лагерей не существуетъ; напрасно утверждать, что бездна, раздѣлявшая побѣдителей отъ побѣжденныхъ, закрылась сама собою; напрасно доказывать, что побѣжденные забыли свое прошлое, забыли лишеніе независимости, лишеніе своей вѣры, лишеніе наконецъ своего историческаго права на землю. Такія вещи никогда не забываются; бездну закроютъ лишь коренныя реформы всего прибалтійскаго строя въ обще-русскомъ духѣ.

«Двѣ группы въ наши дни стоятъ раздѣльными въ Прибалтійскомъ краѣ. Одна группа—это потомки германскихъ пришельцевъ, съ перваго же появленія своего въ краѣ разбившіеся на два отдѣла—горожанъ и земцевъ (дворянъ)—Stadt и Land. Число нѣмецкаго происхожденія горожанъ во всей Ливоніи, съ женами и дѣтьми, не превосходитъ 170.000 человѣкъ; число нѣмецкаго происхожденія дворянъ, потомственныхъ и личныхъ, съ женами и дѣтьми, не превосходитъ въ Лифляндіи 10.000, въ Курляндіи 10.000 и въ Эстляндіи 4.000, всего 24.000 человѣкъ. Предстоящая 29-го декабря текущаго года общая перепись всего ливонскаго населенія покажетъ, что во всемъ Прибалтійскомъ краѣ число жителей нѣмецкаго происхожденія ни въ какомъ случаѣ не превосходитъ 200.000 человѣкъ.

«Эти-то двѣсти тысячъ человѣкъ, составляя едва 10% общаго населенія края, и являются въ немъ главенствующимъ меньшинствомъ, не знавшимъ до самаго 1841 года, что такое значитъ слово протестъ со стороны 90% прочаго населенія, составляющагося изъ полу-милліона эстонцевъ, полу-тора милліона латышей и около ста тысячъ коренныхъ русскихъ [1]).

«Вашему сіятельству извѣстно, что только въ 1841 году наше правительство убѣдилось, какая чрезвычайная бездна лежитъ между побѣдителями и побѣжденными въ Прибалтійскомъ краѣ, убѣдилось также въ полной несостоятельности системы добровольныхъ соглашеній, положенной въ основу лифляндскаго крестьянскаго положенія 1819 года, убѣдилось вмѣстѣ съ тѣмъ, что и видоизмѣненіе католичества въ протестантство—не имѣетъ твердой основы въ массахъ туземцевъ. Перерѣшить крестьянскій вопросъ уже было совершенно невозможно, оставалось только измѣнить систему, что и было сдѣлано нынѣ (1881 г.) дѣйствующимъ крестьянскимъ положеніемъ 1860 года, затѣмъ пришлось имѣть дѣло и съ религіознымъ вопросомъ, въ которомъ сказалась историческая тяга туземцевъ къ Россіи и къ русскому народу. Тутъ-то

[1]) Цифры эстонцевъ и латышей показаны не совсѣмъ точно: первыхъ въ настоящее время числится значительно больше, вторыхъ меньше, но отношеніе нѣмцевъ къ не нѣмцамъ приблизительно точно.

впервые властвующее меньшинство сознало, какую важную ошибку совершили ихъ предки обращеніемъ прибалтійскихъ туземцевъ въ свою рабочую силу безъ пріобщенія ихъ къ германской культурѣ. Трудно исправить эту ошибку, но однако же возможно, говорили во властвующихъ мѣстныхъ кружкахъ, если направить просвѣщеніе туземныхъ массъ на сторону, благопріятную меньшинству; съ такимъ направленіемъ возможно превратить весь край въ сплошную нѣмецкую землю, въ особенности если искоренить православіе между туземцами, составляющее серьезное препятствіе къ такому превращенію.

«Осуществленіе этой мысли началось, однако, не въ сороковыхъ и и не въ пятидесятыхъ годахъ, а съ 1864 года, когда во внутреннихъ губеніяхъ уже совершилось освобожденіе крестьянъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что преобразованіе суда и земскаго управленія въ Россійской имперіи совершатся неминуемо по предначертаніямъ государя императора, и когда ясно обнаружилось, изъ всеподданнѣйшаго адреса латышей 1863 года, что туземцы все свое упованіе возлагаютъ не на милость господствующаго меньшинства, а на милость и щедроты своего царя и отца.

«Съ 1864 года начинаются старанія осуществить мысль о превращеніи Прибалтійскаго края въ сплошную нѣмецкую землю, мысль отчетливо и ясно выраженную епископомъ Вальтеромъ въ его рѣчи, произнесенной въ Ригѣ въ дворянской церкви св. Іакова при открытіи въ томъ году лифляндскаго ландтага.

«Но преуспѣваетъ ли осуществленіе этой мысли въ наше время? Смѣемъ доложить вашему сіятельству, что преуспѣваетъ и даже сильно преуспѣваетъ; цѣлая сѣть начальныхъ лютеранскихъ школъ дѣйствуетъ, руководимая этою мыслью, препятствуя изученію русскаго языка и вводя, вопреки уставамъ, самымъ энергическимъ, самымъ настойчивымъ образомъ изученіе языка нѣмецкаго, для прибалтійскихъ туземцевъ совершенно безполезнаго и ненужнаго, ибо они обязаны военною службою въ русской, а не германской арміи, и заработковъ въ случаѣ нужды пойдутъ искать не въ Германіи, а именно во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Преуспѣваетъ также и искорененіе православія, пошатнувшагося уже въ цѣлыхъ уѣздахъ.

«Въ 1865 году воспослѣдовало административное распоряженіе о разрѣшеніи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ православныхъ людей съ иновѣрцами крестить по обоюдному соглашенію родителей, вслѣдствіе чего многіе изъ таковыхъ дѣтей крестятся нынѣ въ лютеранство.

«Не входя въ разбирательство вышеупомянутаго административнаго разрѣшенія, не прошедшаго въ свое время путемъ законодательнымъ, мы тѣмъ не менѣе считаемъ его величайшею ошибкою, способствующею лишь онѣмеченію русскихъ людей.

«Нѣкоторые члены мѣстнаго лютеранскаго духовенства не довольствуются, однако, таковымъ разрѣшеніемъ, а самовольно переходятъ его предѣлы, позволяя себѣ присоединять къ лютеранству лицъ, крещеныхъ уже въ православіе, съ выдачею формальныхъ удостовѣреній въ томъ, что лица эти перешли въ лютеранство. Имѣя въ виду, что аковое самовольное позволеніе себѣ неразрѣшенныхъ закономъ дѣйствій роняетъ достоинство самого закона и вноситъ смуту въ религіозную сферу, производя сумбуръ въ понятіяхъ о дозволенномъ и запрещенномъ, желательно вашего сіятельства строжайшее подтвержденіе лютеранскому духовенству Прибалтійскаго края, чтобы оно держало себя въ опредѣленныхъ закономъ границахъ, ничуть не преступая ихъ самовольно, подъ страхомъ надлежащей отвѣтственности по законамъ.

«Латышскіе и эстонскіе передовые люди очень хорошо видятъ конечную цѣль энергической настойчивости въ преуспѣяніи нѣмецкаго языка въ сельскихъ лютеранскихъ школахъ, всецѣло находящихся подъ руководствомъ дворянъ и пасторовъ, но что они могутъ сдѣлать безъ правительственной помощи, безъ поддержки высшей власти? Могутъ только констатировать факты, но противодѣйствовать цѣлому направленію не могутъ ни въ какомъ случаѣ.

«Вашему сіятельству предстоитъ здѣсь тяжкій подвигъ—дать другой ходъ и другое направленіе школѣ [1]). Да поможетъ Господь Богъ вамъ въ совершеніи этого труда, ибо превращеніе Прибалтійскаго края въ сплошную нѣмецкую землю и искорененіе православія между туземцами сдѣлаетъ связь этой земли, исконной русской вотчины, съ общимъ нашимъ отечествомъ лишь номинальною, а не такою, какая желательна въ интересахъ государства.

«Вашему сіятельству лучше, чѣмъ кому-либо, извѣстны способы и средства для такого подвига, потому не смѣемъ даже и касаться этого предмета.

«Нѣмецкая группа прибалтійскаго населенія не сильна числомъ, она пока не имѣетъ твердой почвы подъ собою, но она сильна своими неслыханно громадными правами и преимуществами, сильна тѣмъ, что въ своихъ рукахъ держитъ всѣ земскія силы, земскій судъ и полицію, земскую администрацію, даже управленіе лютеранскою церковью, сильна и русскою помощью въ дѣлѣ своего просвѣщенія, ибо государственное казначейство для просвѣщенія двухсотъ-тысячной нѣмецкой группы и образованія ихъ въ нѣмецкомъ духѣ даетъ ежегодно на содержаніе нѣмецкаго университета въ Дерптѣ до 250.000 рублей, на содержаніе девяти нѣмецкихъ гимназій болѣе 102.000 рублей и семнадцати уѣздныхъ нѣ-

---

[1]) Лютеранскія школы находились въ то время въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ.

мецкихъ училищъ болѣе 35.000 рублей; всего до 400.000 рублей серебромъ, помимо большихъ суммъ, расходуемыхъ на эти учебныя заведенія изъ городскихъ и земскихъ средствъ. Сумма не малая, не приносящая, однако, надлежащей пользы государству, ибо изъ разсадниковъ нѣмечества въ большинствѣ выходятъ не слуги русскому царю и отечеству, а лишь хорошіе пособники узкаго провинціализма и хорошіе работники по превращенію Прибалтійскаго края въ сплошную нѣмечину. Полезно ли намъ поддерживать эти разсадники? Сомнѣваемся.

«Стремленія нѣмецкой группы прибалтійскаго населенія діаметрально противоположны стремленіямъ, высказываемымъ передовыми туземцами. Сущность этихъ стремленій состоитъ въ томъ, что латыши и эстонцы должны оставаться и пребывать тѣмъ, чѣмъ они были съ испоконъ вѣка, то-есть латышами и эстонцами, но жить въ тѣсномъ единеніи съ русскими, возлагая всю свою надежду на русскаго царя.

«Русская группа прибалтійскаго населенія относится вполнѣ сочувственно къ подобнымъ стремленіямъ, находя въ нихъ сильный противовѣсъ замысламъ превращенія края въ сплошную нѣмецкую землю, но сочувствіе это не имѣетъ и не можетъ имѣть никакихъ практическихъ результатовъ, потому что положеніе русскихъ жителей Прибалтійскаго края вовсе не таково, чтобы ихъ сочувствіе или несочувствіе могло имѣть какое-либо рѣшающее значеніе.

«Жителей кореннаго русскаго населенія въ здѣшнемъ краѣ, какъ выше сказано, считается тысячъ сто, изъ которыхъ тысячъ сорокъ проживаетъ въ Ригѣ, а прочіе разсѣяны по другимъ прибалтійскимъ городамъ. Русскіе, горожане по преимуществу, всюду по своему богатству и состоятельности далеко уступаютъ горожанамъ не только нѣмецкимъ, но и горожанамъ туземнаго происхожденія. Много было причинъ такой несостоятельности и бѣдности; главною же была та, что эта группа находилась въ большомъ забросѣ черезчуръ продолжительное время, вынося на себѣ всѣ слѣдствія неравномѣрности и даже безправія сравнительно съ горожанами нѣмецкими.

«Такое положеніе продолжалось до самаго 1878 года, когда послѣдовало учрежденіе общественнаго управленія вмѣсто сословнаго. Безконечнымъ спорамъ и пререканіямъ положенъ предѣлъ и въ наши дни русскому рижскому населенію остается лишь наверстать потерянное по своей и не по своей винѣ.

«Несмотря, однако, на неблагопріятныя для себя условія, русскіе рижане никогда не унывали, но въ твердомъ убѣжденіи, что лучшія времена не за горами, работали по мѣрѣ силъ и возможности надъ образованіемъ своихъ собственныхъ общественныхъ учрежденій и капиталовъ. Въ настоящее время мы имѣемъ пятнадцать такихъ учрежденій, именно:

1) Николаевское вспомогательное купеческое общество; основано въ 1860 году. Въ настоящее время имѣетъ до 100 членовъ и капиталъ до 50.000 рублей.

2) Вспомогательное общество русскихъ купеческихъ приказчиковъ; основано въ 1859 году. Имѣетъ 200 членовъ и капиталъ въ 40.000 рублей.

3) Русское благотворительное общество; основано въ 1863 году. Имѣетъ собственный домъ и неприкосновеннаго капитала 50.000 рублей. Въ Маріинскомъ пріютѣ содержитъ до 100 человѣкъ дѣтей.

4) Петропавловское братство; основано въ 1867 году. Имѣетъ собственный домъ, капиталы разныхъ наименованій до 20.000 рублей и содержитъ двухъ-классное училище, въ которомъ учатся до 100 человѣкъ учениковъ, преимущественно латышей и эстонцевъ.

5) Садовниковская богадѣльня; открыта въ 1878 году. Имѣетъ домъ, стоющій до 200.000 рублей, капиталъ до 200.000 рублей; содержитъ два безплатныхъ одноклассныхъ училища и призрѣваетъ 45 лицъ.

6) Гребенщиковская богадѣльня; основана съ 1750 года. Въ настоящее время имѣетъ собственное зданіе, дачу, капиталъ до 60.000 рублей; призрѣваетъ 300 человѣкъ.

7) Третье общество взаимнаго кредита; основано въ 1869 году Имѣетъ до 450 членовъ и годичный оборотъ до 60 милліоновъ.

8) Акціонерное общество «Улей»; основано въ 1863 году. Имѣетъ домъ, стоющій 375.000 рублей.

9) Русскій клубъ; основанъ въ 1864 году. Имѣетъ 250 членовъ

10) Мужское пѣвческое общество «Баянъ»; основано въ 1863 году Имѣетъ до 100 человѣкъ активныхъ и 100 пассивныхъ членовъ.

11) Женское пѣвческое общество «Ладо»; основано въ 1863 году. Имѣетъ до 100 лицъ активныхъ членовъ.

12) Вспомогательное общество отставныхъ воинскихъ чиновъ; основано въ 1879 году. Имѣетъ до 150 членовъ.

13) Русскій литературный кружокъ; основанъ въ 1874 году. Имѣетъ 40 членовъ.

14) Газета «Рижскій Вѣстникъ»; основана въ 1869 году; выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

15) Ремесленная артель; основана въ 1868 году. Имѣетъ до 400 членовъ и собственные дома.

«Вся государственная дѣятельность вашего сіятельства служитъ намъ порукою въ томъ, что вы, яко доблестный, истинно русскій человѣкъ, благосклонно отнесетесь къ почтительнѣйшимъ заявленіямъ нашимъ.

«Не имѣя ни малѣйшихъ притязаній на какую бы то ни было оффиціальность, заявленія эти имѣютъ цѣлью изложить съ полною откровен-

ностью предъ вашимъ сіятельствомъ стремленія и желанія, одушевляющія мыслящую часть русскаго населенія прибалтійской окраины, долговременнымъ и тяжкимъ опытомъ извѣдавшаго на себѣ самомъ всѣ вредныя послѣдствія ненормальнаго положенія дѣлъ въ нашемъ краѣ.

«Повторяемъ слова: да поможетъ вамъ Господь Богъ совершить тяжкій подвигъ, предстоящій вамъ по осуществленію реформъ въ здѣшнемъ краѣ. Безчисленныя затрудненія явятся вашему сіятельству; но милостивъ Богъ, а правда должна же восторжествовать надъ ложью, эгоизмомъ и своекорыстіемъ.

«Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія пребываемъ вашего сіятельства покорнѣйшими слугами».

Вторая записка была слѣдующаго содержанія:

«Для довершенія начатаго великимъ царемъ-страстотерпцемъ, по нашему искреннѣйшему убѣжденію, необходимы: полное введеніе въ краѣ судебной реформы, полная земская реформа, освобожденіе православныхъ сельчанъ отъ тягостныхъ условій, побуждающихъ ихъ отступать, изъ-за мірскихъ благъ и подъ вліяніемъ законопротивныхъ совращеній, отъ православія; изъятіе сельскихъ лютеранскихъ школъ изъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ и подчиненіе ихъ министерству народнаго просвѣщенія, согласно желаніямъ, неоднократно заявлявшимся самими же лютеранскими сельчанами; улучшеніе матеріальнаго положенія бѣдствующихъ нынѣ православныхъ сельскихъ школъ, и наконецъ, введеніе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края, содержимыхъ на средства государственнаго казначейства, преподаванія на государственномъ русскомъ языкѣ.

«Только по осуществленіи всего вышенамѣченнаго, Прибалтійскій край сольется органически съ остальною святою Русью и не будетъ въ состояніи отпасть отъ нея въ тяжкую годину съ такою легкостью, съ какою отпалъ, въ свое время, отъ Польши и Швеціи».

Внезапная смерть отъ удара, 2-го марта 1888 года, прервала трудъ Е. В. Чешихина надъ «Исторіей Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ» какъ разъ въ то время, когда онъ готовился прочесть, для ускоренія печатанія, нѣсколько публичныхъ лекцій изъ исторіи края. Въ день смерти онъ былъ еще утромъ въ редакціи «Рижскаго Вѣстника».

Для пополненія приведеннаго нами біографическаго и общественно-историческаго матеріала, не лишне привести одинъ изъ некрологовъ, появившихся въ мѣстной латышской и нѣмецкой печати, именно некрологъ въ «Düna-Zeitung». Вообще, эти некрологи единодушно отмѣчаютъ несокрушимую преданность его тому, что разъ было признано истиннымъ и полезнымъ.

«Онъ уважалъ искренно и хвалилъ открыто,—пишетъ сотрудникъ нѣмецкой газеты,—нашу «выдержку» и «настойчивость» въ религіоз-

ныхъ и культурныхъ дѣлахъ и противопоставлялъ ихъ «безхарактерности» своихъ единоплеменниковъ, какъ образецъ. Когда я спросилъ его, однажды, каковъ его идеалъ балтійской жизни, то онъ отвѣтилъ приблизительно такъ: «Живите и говорите по-нѣмецки въ вашихъ семействахъ, обществахъ, частныхъ школахъ, собраніяхъ, церквахъ и капеллахъ, но не сопротивляйтесь русскому языку въ судѣ и управленіи. Вы не можете сдѣлаться «русскими»—и этого не требуется, но будьте хорошими «россіянами», а не партикуляристами только, безъ пользы себѣ и государству». Его здравый умъ не могъ разобраться въ полемическихъ «кляузахъ» противниковъ. Четырнадцать лѣтъ тому назадъ онъ предсказалъ нынѣшнія правительственныя мѣропріятія и, какъ я убѣжденъ, больше всего подготовилъ ихъ своими невѣроятно прилежными и постоянными трудами. Лично онъ былъ веселый, очень гостепріимный человѣкъ, уступчивый въ мелочахъ, но твердый въ убѣжденіяхъ, притомъ весьма скромный. Я не встрѣчалъ еще такого трудолюбиваго и выносливаго журналиста, какимъ былъ этотъ москвичъ».

Приведенные матеріалы, при всей случайности и отрывочности ихъ, все-таки достаточно ярко представляютъ намъ и личный характеръ этого скромнаго труженика, служившаго дѣлу, а не лицамъ, и тѣ безчисленныя препятствія, которыми сопровождалась его работа и борьба, мелочная, изо-дня-въ-день, на много уменьшившая, быть можетъ, производительность его труда. Вотъ это послѣднее обстоятельство и сознаніе, какъ вообще тяжело положеніе самостоятельнаго публициста и ученаго въ русскомъ обществѣ, а въ провинціи въ особенности, невольно вызываютъ грустное чувство сожалѣнія о некультурности этого общества и почтительное удивленіе предъ людьми, несмотря ни на что, отдающими свои силы поднятію этой культуры, какъ бы ни скромны были ихъ заслуги.

Приведемъ въ заключеніе нѣсколько строкъ одного изъ корреспондентовъ Е. В. Чешихина, письма котораго (корреспондента), полныя захватывающаго интереса, пока не подлежатъ оглашенію. Эти строки дорисовываютъ тяжелое положеніе Чешихина, которое приходилось ему дѣлить со многими нашими замѣчательными дѣятелями, именно грустное сознаніе, что труды и усилія не находятъ себѣ соотвѣтственной поддержки даже тамъ, откуда ее ждать всего естественнѣе.

«Грустное чувство невольно овладѣваетъ мною при мысли, что я долженъ писать вамъ. Вы—русскій дѣятель на окраинѣ, стойко стоящій на почвѣ, которая полита русскою кровью и удобрена русскими костьми, и къ которой такъ настойчиво стремилась великая душа великаго Петра. Вы—какъ солдатъ на аванпостѣ, и конечно выполните свято свой долгъ предъ тѣмъ, что дорого вашему русскому сердцу. Но вамъ необходимо и отрадно сознаніе, что тамъ, сзади васъ, стоитъ цѣ-

лая армія, вожди которой васъ не забудутъ, и всегда готовые поддержать васъ, зорко слѣдятъ за вашею дѣятельностью. Но я нахожусь въ центрѣ этой арміи, я видаю этихъ вождей—и ничего утѣшительнаго написать вамъ не могу..... Тяжело писать вамъ эти строки, многоуважаемый Евграфъ Васильевичъ,—но что же дѣлать? Лучше смотрѣть правдѣ въ лицо, чѣмъ тѣшить себя иллюзіями...»

Е. В. Чешихинъ погребенъ въ Ригѣ, на Покровскомъ кладбищѣ (погребеніе состоялось на общественный сборъ). Въ 1890 году на могилѣ поставленъ, отъ русскихъ рижанъ, памятникъ. На одной изъ сторонъ его надпись: «Блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко тіи насытятся».

Ч. Вѣтринскій.

Жадыръ-шахъ—мнимый богъ.

Рапортъ капрала Ивана Хрущева графу Петру Ивановичу Шувалову.

25-го декабря 1753 г.

Въ силу высочайшаго ея императорскаго величества именнаго повелѣнія, посланъ я былъ въ городъ Ахтырку къ чудотворному образу съ махоромъ Чаадаевымъ для обращенія его, махора, въ христіанскій законъ отъ мнимаго его бога Жадыръ-шаха; который господинъ махоръ нимало къ лутчему не приходитъ. А нынѣ я возвратно съ нимъ, господиномъ махоромъ, пріѣхалъ, и въ силу данной мнѣ инструкцы, принято мною изъ кабинета прогонныхъ денегъ 80 рублевъ 80 копѣекъ, а данныя мнѣ на удовольствіе онаго господина махора и священника, такожъ порціонныя деньги на меня и на команду мою, итого на 8 человѣкъ, въ раздачу употребилъ. Того ради покорнѣйше ожидаю повелѣнія, гдѣ мною господина махора указано будетъ содержать.

Сообщ. Л. В. Евдокимовъ.

Изъ архива А. В. Никитенко.

(Письма къ нему разныхъ лицъ).

Письма Петра Ершова [1])—А. В. Никитенко.

1.

23-го января 1835 г.

Пользуясь полученнымъ отъ васъ позволеніемъ—писать къ вамъ, я безпокою васъ новою просьбою. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія еще не получено отъ князя Корсакова извѣстія о моемъ желаніи быть учителемъ. Сверхъ того я узналъ, что новый штатъ еще не введенъ въ сибирскія гимназіи и преподаватели остаются на старомъ окладѣ, т. е. по 700 руб. Это, признаюсь откровенно, весьма малое пособіе въ разстроенномъ моемъ положеніи. Въ такомъ случаѣ я рѣшаюсь сперва къ вамъ прибѣгнуть съ покорнѣйшею моею просьбою: не можно-ли положить то жалованье, какое введено новымъ штатомъ? или по крайней мѣрѣ сдѣлать прибавку до преобразованія сибирскихъ гимназій? Въ случаѣ невозможности я, къ сожалѣнію можетъ быть, долженъ буду отказаться отъ службы и занимать какія-нибудь частныя должности, которыя могли бы обезпечить мое состояніе.

Оканчивая письмо сіе, я остаюсь въ полной увѣренностм, что вы, по вліянію своему у г. попечителя, сдѣлаете все возможное для вашего ученика.

P.S. Прошу покорнѣйше сказать подателю письма сего, когда я могу быть къ вамъ за отвѣтомъ.

---

[1]) Автора „Конька-горбунка“.

2.

26-го марта 1835 г.

Сдѣлайте милость—выведите меня изъ недоумѣнія. Я рѣшительно не понимаю, что мнѣ предлагаютъ и чего хотятъ отъ меня. Въ воскресенье я получилъ приказаніе явиться сегодня къ г. попечителю. Я исполнилъ.—Князь встрѣчаетъ меня вопросомъ: въ какой городъ вы хотите?

Я отвѣчалъ: въ Тобольскъ, не понимая впрочемъ, о чемъ идетъ дѣло. Князь продолжаетъ, что министръ согласенъ дать мнѣ званіе корреспондента, и что теперь отъ меня зависитъ о к о н ч а н і е. Мнѣ хотѣлось бы знать: одну ли должность корреспондента предлагаютъ мнѣ или вмѣстѣ съ учительскою? Какое жалованье для той и другой? Какую обязанность я долженъ принять на себя, согласившись на званіе корреспондента? Вотъ вопросы, которые вы одни только можете объяснить мнѣ, и зная ваше сердце, я не сомнѣваюсь въ исполненіи моей просьбы. Что до меня, то, если для корреспондента назначено будетъ довольное жалованье, я съ охотою приму эту должность и откажусь отъ учительства. Здоровье мое очень разстроено: медики совѣтуютъ мнѣ ѣхать на родину, и потому я долженъ буду благодарить этотъ случай, что не попустому сдѣлаю трехтысячное путешествіе.

Увѣренъ, что вы не оставите безъ отвѣта покорнѣйшей моей просьбы.

P.S. Еще одно: званіе корреспондента будетъ ли считаться въ дѣйствительную службу?

Письма Ѳедора Глинки—А. В. Никитенко.

1.

22-го іюля 1835 г. Тверь.

Годы прошли съ того времени, какъ я имѣлъ удовольствіе узнать и полюбить васъ среди вашихъ скромныхъ занятій. Мнѣ памятны бесѣды ваши. Тогда, погруженные въ міръ идеальный, вы такъ хорошо говорили о истинныхъ потребностяхъ души, о высокой судьбѣ человѣчества! Міръ существенный или в е щ е с т в е н н ы й жестоко противорѣчитъ порывамъ и возношеніямъ начала духовнаго...

Я—съ того времени, какъ васъ не видалъ болѣе—былъ жертвою бурь и треволненій, мыкаясь изъ края въ край Россіи, доколѣ благость милосерднѣйшаго государя дозволила мнѣ заняться собственно своими дѣлами и думать о возможности поправить разстроенное здоровье. Среди

тревогъ и переѣздовъ, обработалъ я Книгу Іова по лучшимъ источникамъ. Это чисто піитическое произведеніе. Кромѣ эпиграфовъ (которые можно опустить), въ немъ нѣтъ ничего подлежащаго духовной цензурѣ. Отрывки всѣ были печатаны въ свѣтскихъ журналахъ. Вотъ почему я и прошу васъ почтить просмотромъ трудъ мой, не изящный, но усердный.

А. П. Накропинъ, многоуважающій васъ, беретъ на себя стараніе о напечатаніи.

Сдѣлайте, что можно, для стараго вашего знакомаго.

2.

30-го сентября 1835 г. Тверь.

Прекрасное, умное письмо ваше, вчера мною полученное, растрогало меня и тронуло до слезъ. Оно звучитъ сочувствіемъ нѣжнымъ, трогательнымъ. Отзывъ вашъ насчетъ моего Іова есть уже для меня награда за трудъ, въ который я положилъ послѣдній краткій досугъ, похищенный у службы изнурительной, многотрудной, которая безжалостно разстроила здоровье мое. Стихамъ Іова отдалъ я послѣдній огонь души моей, еще недогашенный бурями жизни моей. И ужели все это должно погибнуть? Не знаю, хорошо ли я сдѣлалъ; но убоясь того, что дни лукави суть и время скользитъ, я, съ сею же почтою, послалъ письмо къ Сергѣю Семеновичу (Уварову), прося его оказать покровительство моему Іову. Нѣкогда его высокопревосходительство былъ ко мнѣ лично милостивъ. Я прошу министра поручить комитету гражданской цензуры разсмотрѣть мое стихотвореніе (какъ піитическое произведеніе свѣтскаго человѣка), обработанное по новѣйшимъ свѣтскимъ писателямъ Гердеру, Михаелису, Умбрейту и другимъ. Благоволите съ вашей стороны попросить князя Дундукова (который также меня нѣкогда зналъ), чтобы онъ, въ качествѣ президента, замолвилъ слово министру о моей бѣдной книгѣ. Благодаря еще разъ за ваше ласковое вниманіе, съ искреннимъ къ вамъ уваженіемъ и чувствомъ патріархальной привязанности, имѣю честь быть и проч.

3.

15-го апрѣля 185э г.

Дорогое письмо ваше принялъ я за аттестатъ моему Іову и приказалъ переплести его,—это письмо,—съ однимъ особымъ экземпляромъ

книги на п а м я т ь и сохраненіе. Я уже сбирался благодарить васъ за письмо, какъ услышалъ, что вы взысканы новою милостью государя и потому къ благодарности присоединяю и поздравленіе. Вѣрьте, уважаемый Александръ Васильевичъ, что я поздравляю въ васъ человѣка труда и науки и еще человѣка давнихъ воспоминаній. Хаотическій шумъ и коловратность современности не мѣшаютъ чувству и памяти.

Письмо В. Соколовскаго—А. В. Никитенко.

18-го января 1838 г. Вологда.

Вотъ вамъ моя бѣдная, разруганная, преданная тремъ анаѳемамъ: «Хеверь». Все поджидалъ ее и потому не писалъ къ вамъ, а дождался—такъ занемогъ гораздо больше обыкновеннаго...[1]) Примите беззащитную, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, подъ свою добрую защиту и примите ее на память отъ человѣка, который вамъ неподдѣльно преданъ и искренно уважаетъ васъ,—и притомъ совсѣмъ не потому, что есть обычай разсказывать объ этомъ встрѣчному и поперечному въ концѣ каждаго письма...

Ну что Вологжане?.. спросите вы.—Что ваши Квеллены! отвѣчу я вамъ..... Вотъ искаріоты, такъ ужъ искаріоты!... Ф....., дубье—а между тѣмъ такіе сплетчики, что хоть святыхъ выноси вонъ, такъ эти двуногія животныя смрадятъ своимъ злоязычествомъ.

Не будь здѣсь такого добраго, умнаго и благороднѣйшаго губернатора, какъ нашъ Болговскій; дай намъ взамѣну нашего жандармскаго полковника, человѣка не столько доброжелательнаго, да отними у меня одно здѣшнее семейство, въ которое сосредоточилъ я всю свою земную привязанность—и тогда мнѣ привелось бы пропадать здѣсь ни за денежку, ни за денежку въ полномъ и буквальномъ значеніи этого слова, потому что, хотя меня прислало сюда правительство на службу и слѣдственно на жалованье, однакожъ я служить—служу, а видѣть жалованья—не вижу. Конечно, я увѣренъ, что тѣмъ, которые распоряжаются разсылками людей, не составитъ ничего, если они не будутъ получать жалованья мѣсяца по четыре, но каково это разсылаемымъ, у которыхъ къ карманѣ также скверно, какъ у Сенковскаго въ сердцѣ?...

Однимъ словомъ, если Петербургъ распёкъ меня, то Вологда меня допекаетъ—и говоря безъ шутокъ, вліяніе здѣшней безжизненной жизни на душу такъ велико, что я замѣчаю даже рѣшительную перемѣну въ своемъ

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

характерѣ, который изъ кипучаго холеризма переходитъ въ томный меланхолическій бытъ. Я отказываюсь отъ баловъ и вкусныхъ обѣдовъ, чего прежде со мной никогда не бывало, и крѣпко полюбилъ грустить: это разрушаетъ мою физику и потому нравится мнѣ особенно. Не знаю право, чѣмъ все это кончится, потому что можетъ кончиться и радостнымъ, и печальнымъ, и тѣмъ скорѣе, что наши радости и печали зависятъ иногда отъ самыхъ незначительныхъ, повидимому, вещей, напримѣръ, въ нашемъ холостомъ быту отъ одного слова: да, которое скажутъ хорошенькіе уста какой-нибудь прекрасной. Не подумайте, однако же, чтобъ я былъ влюбленъ! Боже сохрани!..

Кстати о прекрасномъ и слѣдственно достойномъ всякаго возможнаго уваженія... Потрудитесь засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе вашей супругѣ и если вздумаете въ добрый часъ перебросить въ худую Вологду небольшое посланьице на радость изгнанника, то скажите мнѣ, какъ поживаютъ ваши птенцы: ласки, какими вы дарили меня въ Петербургѣ, рѣшительно разъ и навсегда привязали меня къ вашему дому.

Будьте веселы и здоровы... Этого отъ души желаетъ вамъ искренно васъ уважающій и чистосердечно вамъ преданный.

Письмо Гоголя—А. В. Никитенко.

Римъ. 30-го октября (1840 ?).

Пишу къ вамъ, милый и добрый Александръ Васильевичъ, вслѣдствіе искренняго душевнаго побужденья. Вы видите, я васъ называю: милый и добрый Александръ Васильевичъ. Да, мы должны быть просты. Вы сами должны почувствовать, что связи наши стали теплѣе. Скажу вамъ откровенно: странное замедленіе выхода «Мертвыхъ душъ» при всѣхъ непріятностяхъ принесло мнѣ много прекраснаго, между прочимъ оно доставило мнѣ васъ. Да, я дотолѣ считалъ васъ только за умнаго человѣка, но я не зналъ, что вы заключаете въ себѣ такую любящую, глубоко-чувствующую душу. Это открытіе было праздникомъ души моей. Вотъ вамъ мое душевное изліяніе. Заплатите и вы мнѣ тѣмъ же. Пишите ко мнѣ и увѣдомляйте хотя изрѣдка о себѣ. Не позабывайте передавать ваши впечатлѣнія, мнѣнія и сужденія по поводу моихъ сочиненій чистосердечнѣй какъ можно. И какъ доселѣ вы дѣлали замѣчанія относительно достоинства ихъ, такъ теперь скажите мнѣ все относительно недостатковъ ихъ. Клянусь, для меня это важно, очень важно и вамъ будетъ грѣхъ, если вы что-нибудь умолчите передо мной.

*

Помните всегда, что у меня есть одна добродѣтель, которая рѣдко встрѣчается на свѣтѣ и которой никто не хочетъ узнать у меня. Это отсутствіе авторскаго самолюбія и раздражительности. Никто не знаетъ, что я съ удовольствіемъ читаю даже пошлыя статьи «Сѣверной Пчелы», единственно потому только, что тамъ на меня глядятъ съ недоброжелательной стороны и стараются всячески увидѣть мои недостатки и пороки. Кстати о моихъ сочиненіяхъ. Скажите мнѣ пожалуйста, какъ идетъ печатаніе ихъ? я никакого не получаю извѣстія. Прокоповичъ ко мнѣ не пишетъ. Я четыре дня назадъ послалъ ему послѣднюю статью: «Театральный разъѣздъ», замыкающую собраніе сочиненій моихъ. Распросите его, получилъ ли онъ исправно и въ надлежащее время. Не прошу васъ о снисхожденіи въ цензорскомъ отношеніи къ моимъ сочиненіямъ. Надѣюсь твердо, что вы безъ просьбъ моихъ сдѣлаете все.

Вы сами понимаете, что всякая фраза досталась мнѣ обдумываніями, долгими соображеніями, что мнѣ тяжелѣй разстаться съ ней, чѣмъ другому писателю, которому ничего не стоитъ въ одну минуту одно замѣнить другимъ. Вы чувствуете также, что я не могу имѣть столько неблагоразумія, чтобы не слышать текущихъ обстоятельствъ и не соображаться съ ними относительно цензуры и что съ вышины не бываетъ и не было на меня неудовольства. Они идутъ снизу, благодаря невинному невѣжеству, пугающемуся только того, что выражено живо и ярко, хотя бы это были вещи, двадцать разъ уже появлявшіяся въ печати. Но вы сами все это чувствуете и потому я спокоенъ. Прощайте! любите меня такъ-же, какъ я васъ люблю, и не забывайте писать. Передайте мой искренній поклонъ супругѣ вашей, хотя она, можетъ быть, вовсе не помнитъ меня. Будьте здоровы. Вашъ искренно любящій васъ Гоголь.

Вотъ мой адресъ: R o m e. Via Felice, № 123, 3 piano.

Письма графа Алексѣя Толстого—А. В. Никитенко.

1.

11-го мая 1841 г. С.-Петербургъ.

Препровождая къ вамъ мою рукопись: «У п ы р ь», я васъ покорнѣйше прошу принять на себя трудъ оную разсмотрѣть. Не полагая, что она въ себѣ заключаетъ что-либо противное законамъ цензуры, я почти увѣренъ, что вы, милостивый государь, какъ опытный и просвѣщенный цензоръ, не найдете нужнымъ въ ней дѣлать перемѣны. Впрочемъ, если бы, сверхъ моего чаянія, что-нибудь отъ меня ускользнуло, то я въ

скоромъ времени буду имѣть честь лично просить васъ, дабы вы сообщили мнѣ ваши замѣчанія.

2.

22-го мая 1867 г.

Душевно уважаемый
Александръ Васильевичъ!

Если вы не забыли любезное обѣщаніе, которое вы дали мнѣ на славянскомъ обѣдѣ, то позвольте васъ пригласить къ намъ въ Пустыньку 24-го мая, съ тѣмъ, чтобы провести съ нами и 25-ое, т. е. Вознесенье.

Когда я сообщилъ моей женѣ, что вы намѣрены быть у насъ, она очень тому обрадовалась, ибо знаетъ васъ еще съ своего дѣтства и всегда васъ любила и почитала. Не правда ли, вы пріѣдете? Сердечно вашъ Ал. Толстой.

Письма С. Н. Глинки—А. В. Никитенко.

1.

14-го марта 1842 г. С.-Петербургъ.

Около семи мѣсяцевъ я ничего не знаю о судьбѣ бѣдныхъ моихъ «Записокъ» и о рукописи моего сына. А для того, кто, говоря словами Задунайскаго, «ближе къ могилѣ, нежели къ жизни», это срокъ вѣковой. Я васъ просилъ уничтожить все то, что хотя мало могло васъ потревожить. Спокойствіе людей, особливо такого человѣка, какъ вы, дороже для меня всѣхъ моихъ чернильныхъ выходокъ. Да и что мы пишемъ? Мы ребячески лепечемъ о нашемъ двѣнадцатомъ годѣ. Великій этотъ годъ по судьбамъ Провидѣнья какъ будто исчезаетъ въ объемѣ бренныхъ нашихъ перьевъ. Но пока Богъ велитъ считаться на землѣ, надобно, какъ нибудь, хотя и плохое сбывать съ рукъ, трудовое. А потому, надѣясь на ваше радушіе, прошу васъ подарить вѣстію о выше писанномъ.

2.

2-го іюня 1842 г.

Извѣстите о судьбѣ моихъ «Записокъ».

«Падутъ во прахъ и обелиски,
«И время унесетъ бумажныя записки,
«Но все, пока живемъ,
«Роднимся мы съ своимъ трудомъ».

Вотъ почему и я забочусь о своемъ дѣтищѣ. Весь вашъ сердцемъ и уваженіемъ С. Глинка.

3.

14-го апрѣля 1842 г.

Кажется, промелькнуло уже и тройственное число пиѳагорово, то-есть, три недѣли, предназначенныя вами для скрѣпленія младенческихъ отголосковъ моихъ о великомъ и второмъ нашемъ русскомъ двѣнадцатомъ годѣ. Но въ своемъ тѣсномъ и легкомъ объемѣ, ни перо, ни сердце мое не лгало. А методики, то-есть, школьной тактики въ нихъ и черты нѣтъ. Суворовъ, вступая въ Италію, снялъ шляпу, да и откланялся всѣмъ тактикамъ. Сверхъ того я не изъ тѣхъ людей, которые берутся переучивать прошедшее. Я и въ настоящемъ—брожу въ туманѣ, ни во что не вмѣшиваясь. Но вотъ въ чемъ дѣло. Что представлено, то надобно получить. На это пало запрещеніе: то слѣдуетъ объяснить. А касательно событій московскихъ, право, меня некому повѣрять. Теперь брожу отшельникомъ, а тогда былъ непосредственнымъ дѣйствователемъ или по нынѣшнему: дѣятелемъ.

Все на время и на все время.

Но уваженіе мое и къ вамъ, и къ перу вашему будетъ неизмѣнно. Весь вашъ Сергѣй Глинка.

4.

6-го февраля 1845 г.

Благодарю васъ за радушное вниманіе къ первой части моего «Русскаго Чтенія», усердно прошу васъ подарить тѣмъ же и прилагаемую здѣсь послѣднюю къ ней статью. Къ умноженію вашей благосклонности соблаговолите сказать, когда сынъ мой можетъ явиться къ вамъ для полученія упомянутой статьи.

По слабости глазъ заимствую постороннее перо, а по движенію сердца моего подписуюсь: весь вашъ сердцемъ и душою.

5.

8-го марта 1847 г.

Перо ваше движетъ и мысли и сердце. Вотъ почему надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ. Одолжите мнѣ для прочтенія «Современника». Я доставлю его въ полной сохранности и съ чувствительнѣйшею благодарностью. Вы пишете и для времени и для потомства. Слово и мысль все переживаютъ. Я вамъ это говорилъ и теперь тоже повторяю. Душевно васъ обнимаю. Весь вашъ С. Глинка.

6.

Вамъ.

Вы подписью своей вѣнчали казака:
Вамъ приношу благодаренье;

И снова ваша пусть рука
Явитъ—такое-жъ одолженье.
Умѣетъ ваша мысль жизнь мысли объяснять,
А я—привыкъ васъ почитать.

Ветеранъ въ уваженіи къ душевнымъ вашимъ качествамъ. С. Глинка.

Письма архіепископа Макарія [1])—А. В. Никитенко.

1.

8-го февраля 1858 г.

Не знаю, какъ и благодарить васъ за ваше радушное письмо и милый подарокъ. Надобно пожить въ такой глуши, въ какой живу я, чтобы понять, какъ дорога и сладостна для насъ память людей, подобныхъ вамъ, и какихъ мы вокругъ себя уже не видимъ. Я съ новымъ и съ новымъ наслажденіемъ перечелъ вашу прекрасную статью о прекраснѣйшемъ твореніи искусства, съ которою въ первый разъ познакомился въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

О наукѣ, о литературѣ мнѣ не съ кѣмъ здѣсь и побесѣдовать, да и занимаюсь ими только урывками. Трачу и время, и силы, и труды мои на грязнѣйшія дѣла консисторіи, преждевременно изсушившія и душу и сердце, которыя еще хотѣли бы подышать свѣжимъ воздухомъ и жаждали бы потрудиться для бѣднаго духовнаго просвѣщенія: такъ суждено мнѣ моимъ добрымъ и справедливѣйшимъ начальствомъ! И удивляются еще, отчего духовныя школы существуютъ у насъ такъ давно, а просвѣщеніе въ нихъ такъ неподвижно... О самолюбіе! Когда-то ты перестанешь приносить въ жертву себѣ общее благо? Но ужь не рощу ли я? Да не будетъ!

Желаю вашему превосходительству добраго здоровья и всякаго успѣха въ вашихъ учено-литературныхъ занятіяхъ. Прошу васъ покорнѣйше передать мое искреннее почтеніе всѣмъ господамъ сочленамъ нашимъ по отдѣленію Академіи, съ которыми бывало я имѣлъ радость видѣться каждую субботу. Призываю на васъ и на все семейство ваше (дочку вашу—институтку я доселѣ помню: вышла ли она замужъ или еще съ вами?) Божіе благословеніе и съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугой. Макарій, епископъ Тамбовскій.

---

[1]) Впослѣдствіи митрополита московскаго.

2.

24-го февраля 1867 г.

Съ истиннымъ удовольствіемъ прочелъ я обѣ присланныя вами мнѣ брошюры, такъ мастерски написанныя, и приношу вамъ мою искреннюю признательность.

Благодарю васъ и за вашъ добрый отзывъ о моемъ скромномъ словѣ въ память Карамзина. Думаю, что оно понравилось вамъ не по своему внутреннему достоинству, а потому, что было сказано мною дѣйствительно отъ сердца.

Но всего болѣе благодарю васъ за ваше горячее сочувствіе моему пожертвованію на пользу науки; пожертвованіе это—моя завѣтная, любимая мысль, которую я носилъ въ душѣ болѣе 25-ти лѣтъ, не повѣряя ее рѣшительно никому, для которой трудился непрерывно всѣми моими силами и изъ-за которой перенесъ даже не мало огорченій, конечно отъ людей несвѣдущихъ, не затруднившихся ославить меня, какъ сребролюбца.

Если я не послалъ въ свое время моей рѣчи въ честь Карамзина двумъ почтеннымъ сочленамъ нашимъ по отдѣленію, то единственно по той причинѣ, что не имѣю чести быть лично съ ними знакомымъ: разумѣю Петра Петровича Пекарскаго и Аѳанасія Ѳедоровича Бычкова. А теперь по вашему предложенію съ любовью препровождаю каждому изъ нихъ по экземпляру этой рѣчи и покорнѣйше прошу васъ передать имъ мою посылку.

Призывая на васъ Божіе благословеніе съ искреннимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою. Макарій, архіепископъ харьковскій.

Письма графини Евгеніи Сальясъ (Евгеніи Туръ)—А. В. Никитенко.

1.

7-го апрѣля 1861 г., Москва.

Когда я была въ Петербургѣ нынче осенью, я писала къ вамъ и просила васъ заѣхать ко мнѣ, но вы были за-границей. Теперь Евгеній Михайловичъ Ѳеоктистовъ сказалъ мнѣ, какое живое участіе вы приняли въ нашемъ дѣлѣ. Мнѣ остается только благодарить васъ отъ всего сердца и прибавить, что я не сомнѣвалась въ томъ, что вы всегда готовы принять участіе во всякомъ литературномъ дѣлѣ и помочь, какъ возможно. Ваша дѣятельность слишкомъ извѣстна и никто не забылъ, въ какія тяжелыя и печальныя для литераторовъ времена вы были на

ихъ сторонѣ. Теперь не мудрено говорить всякому либеральныя фразы, но дѣйствовать въ старые годы было труднѣе и надо было больше мужества. Вотъ отчего имя ваше всегда будетъ упоминаться съ почетомъ въ исторіи того времени. Это не комплиментъ съ моей стороны, сами вы, да и всѣ, знаютъ, что тутъ только правда.

Теперь я должна перейти къ дѣлу. Мы не имѣемъ изъ Петербурга никакого извѣстія; Орловъ сказывалъ мнѣ, что Мухановъ велѣлъ передоложить о нашемъ дѣлѣ, но я опасаюсь, что все это кончится тѣмъ же, а проволочка выходитъ огромная. Мы рѣшились послать просьбу прямо къ министру. Мы не могли послать ее черезъ московскій цензурный комитетъ, ибо онъ не можетъ принять ея, такъ какъ дѣло по первой нашей просьбѣ не окончено. Если передоложатъ дѣло по приказанію Муханова и рѣшатъ въ нашу пользу, то-есть дадутъ мнѣ право соединить «Московскій Вѣстникъ» и «Русскую Рѣчь», то этой нашей просьбѣ къ министру не надо давать ходу. Если же, какъ я предвижу и ожидаю, мнѣ откажутъ, то надо сейчасъ дать ходъ просьбѣ моей (теперь же въ одно время съ этимъ письмомъ посланной къ министру) и сдѣлать такъ, чтобы по ней поскорѣе вышло разрѣшеніе. Я рѣшаюсь просить васъ быть такъ добрымъ и помочь мнѣ въ этомъ. Вы обяжете меня больше, чѣмъ я могу выразить. Моя газета до того страдаетъ отсутствіемъ политики, что издавать ее становится крайне трудно, тѣмъ болѣе, что самыя живыя, самыя современныя статьи не проходятъ черезъ цензуру. Мнѣ непремѣнно нужна политика. Сдѣлайте одолженіе, примите на себя ходатайство по этому дѣлу и употребите свое вліяніе въ мою пользу. Я совершенно полагаюсь на васъ.

Надѣюсь видѣть васъ въ Петербургѣ. Въ теченіе лѣта или осени мнѣ придется пріѣхать за дочерью, которая гоститъ въ Петербургѣ у родныхъ, въ Царскомъ, и тогда я надѣюсь быть счастливѣе и найти васъ въ Петербургѣ, а уже не за-границей.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи преданной вамъ Евгеніи Сальясъ.

2.

1861 г.

Я все сбиралась писать вамъ, но Страстная недѣля и праздники, а съ ними городская суета заставили меня отложить это намѣреніе. Теперь беру перо, чтобы поблагодарить васъ и выразить вамъ сколько я считаю себя вамъ обязанною. Скорѣе окончить дѣло было, конечно, невозможно и я была удивлена, зная петербургскую процедуру, скорому рѣшенію моего дѣла. Искренно благодарю васъ и прошу васъ вѣрить моему совершенному уваженію и преданности. Евг. Сальясъ.

Сообщ. **С. А. Никитенко.**

Письмо князя М. И. Кутузова-Смоленскаго курскому городскому головѣ.

20-го сентября 1812 года.

Похвальное ваше усердіе, сопряженное съ предосторожностью, при настоящихъ обстоятельствахъ необходимою—доставило мнѣ пріятной долгъ изъявить симъ мою признательность, съ чѣмъ вмѣстѣ прошу васъ успокоить жителей города Курска и увѣрить, что состояніе арміи нашей какъ было такъ и есть въ благонадежномъ положеніи. Силы наши сохранены и надежда на вѣрное пораженіе врага нашего насъ никогда не оставляла. Граждане ваши, г.г. Сибилевъ и Дружининъ, былъ очевидными свидѣтелями невыгодъ непріятеля нашего, какія встрѣчаетъ онъ на каждомъ шагу; истребленіе силъ его, недостатокъ въ продовольствіи и совершенная гибель предстоитъ ему неизбѣжною. А за тѣмъ лѣта мои и любовь къ отечеству даютъ мнѣ право требовать вашей довѣренности, силою коей, увѣряю васъ, что городъ Курскъ есть и будетъ въ совершенной безопасности. Теплыя ваши молитвы къ Всевышнему и храбрость войска нашего будетъ слѣдствіемъ того удовольствія какого я надѣюсь и которое къ общему обрадованію послѣдуетъ вслѣдъ за кампаніею, въ непродолжительномъ времени прекратиться долженствующею.

Сообщилъ Ник. Як. Тарновскій.

Мнимоумершій.

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

Лѣтъ сорокъ назадъ въ Саратовской губерніи появился польскій дворянинъ Осипъ Николаевичъ Вѣтвицкій. Прекрасно образованный молодой человѣкъ и чуждый политическихъ идей, онъ скоро сошелся съ обществомъ мѣстнаго дворянства, которое, видя въ немъ къ тому же ученаго агронома заграничной школы, присланнаго княземъ Львомъ Викторовичемъ Кочубеемъ управлять его большими вотчинами, спѣшило позаимствоваться отъ него свѣдѣніями по части сельскаго хозяйства. Вѣтвицкій, сынъ бывшаго гувернера князей Кочубей, съ дѣтства извѣстный этому княжескому дому, получилъ отъ старшаго изъ братьевъ полную довѣренность на управленіе его имѣніями въ Саратовской губерніи и, поселившись въ селѣ Широкомъ-Карамышѣ, какъ полновластное лицо, завелъ тамъ хозяйство въ широкихъ размѣрахъ. Онъ построилъ громадный винокуренный заводъ и мельницы, увеличилъ овцеводство и запашку, дѣлая все это на средства экономіи и не отягощая хозяйскаго кармана. Вѣковые же лѣса и ковыльныя степи оставлялъ нетронутыми. Дѣйствія Вѣтвицкаго обратили особенное вниманіе княжеской семьи, такъ какъ прежніе управляющіе, манкируя своими дѣлами, доставляли Льву Кочубею отъ села Широкаго доходъ въ малыхъ размѣрахъ; кромѣ того, управляющій сосѣднимъ имѣніемъ сестры князей въ селѣ Дмитріевкѣ Касперовичъ за жестокость былъ убитъ крестьянами, а управляющіе втораго брата въ селѣ Рыбушкѣ одинъ за другимъ обкрадывали довѣрителя безъ всякой церемоніи, такъ что одинъ изъ нихъ даже угналъ изъ Рыбушки болѣе тысячи лучшихъ шленскихъ овецъ въ имѣніе своего тестя и отказался при этомъ отъ должности управляющаго. Когда же

противъ него князь Сергѣй Викторовичъ предполагалъ возбудить преслѣдованіе, то управляющій этотъ, притворившись сумасшедшимъ и помѣщенный въ саратовскую городскую больницу на излеченіе, отдѣлался тѣмъ, что, при посѣщеніи его Кочубеемъ и начальствомъ, усердно ѣлъ мыло. По минованіи же этой катастрофы онъ припѣваючи зажилъ съ своимъ тестемъ и впослѣдствіи получилъ даже весьма видное назначеніе по службѣ.

Понятно, что такіе поступки другихъ сосѣднихъ управляющихъ рельефно возвышали Вѣтвицкаго въ глазахъ князя Льва Викторовича Кочубея, который вмѣсто незначительныхъ суммъ, выручавшихся ранѣе съ его саратовскихъ вотчинъ, года черезъ два послѣ управленія Вѣтвицкимъ получалъ годоваго дохода до 80.000 рублей. Объ этомъ князь любилъ говорить при встрѣчахъ съ знакомыми въ Петербургѣ, а также знала это вся Саратовская губернія.

Положеніе Вѣтвицкаго также улучшалось съ каждымъ годомъ и онъ кромѣ жалованья и полнаго содержанія, начавъ впослѣдствіи получать еще 10% съ дохода отъ княжескихъ имѣній, сталъ вполнѣ жить по барски: лѣтомъ въ деревнѣ, имѣя большую псовую охоту, а зимою въ губернскомъ городѣ среди лучшаго общества и подъ конецъ купилъ даже полторы тысячи десятинъ земли въ Аткарскомъ уѣздѣ.

Такое положеніе Вѣтвицкаго продолжалось до крестьянской реформы, послѣ которой, начавшіяся преслѣдованія противъ разныхъ лицъ за прежнее жестокое обращеніе съ крестьянами, не замедлило задѣть и его, причемъ бывшій губернскій предводитель дворянства и впослѣдствіи губернаторъ князь Щербатовъ предложилъ собранію предводителей и депутатовъ дворянства обсудить безнравственные поступки Вѣтвицкаго, какъ дворянина, изобличая его въ женскомъ насиліи и прежнихъ жестокостяхъ съ крестьянами. Въ подтвержденіе чего представилъ приговоръ крестьянъ села Широкаго-Карамыши, въ которомъ упоминалось между прочимъ, что Вѣтвицкій, кромѣ совращенія съ пути несчетнаго числа крестьянскихъ женъ, увлекъ также до 200 крестьянскихъ дѣвушекъ. Столь крупное обвиненіе повлекло за собою формальное слѣдствіе, по которому хотя ни одно изъ лицъ женскаго пола не только не подтвердило обвиненіе Вѣтвицкаго въ насиліи, но такъ какъ свидѣтельскія показанія крестьянъ утверждали противное и что Вѣтвицкій будто бы многихъ отдавалъ въ рекруты, чтобы свободнѣе пользоваться ихъ женами и сестрами, а нѣкоторые даже указали, что за годъ до того повѣсившійся на деревѣ полѣсовщикъ лишилъ себя жизни именно вслѣдствіи чрезмѣрно жестокаго обращенія Вѣтвицкаго, то сей послѣдній былъ преданъ суду мѣстной уголовной палаты и заключенъ въ тюремный замокъ.

Затѣмъ, собственное Аткарское имѣніе Вѣтвицкаго было продано

подъ предлогомъ частныхъ долговъ, по разнымъ внезапно явившимся письменнымъ обязательствамъ и онъ, просидѣвъ порядочное время въ острогѣ и узнавъ о приговорѣ своемъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь, заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Я лично зналъ покойнаго, какъ сосѣда по имѣнію, и хотя не сочувствовалъ ему при жизни, но послѣ смерти его, частью изъ любопытства, а частью именно потому, что не сочувствовалъ, поѣхалъ въ тюремный замокъ съ нимъ проститься и собственными глазами видѣлъ его умершимъ и лежавшимъ въ гробѣ, хотя трупъ его и показался мнѣ до нѣкоторой степени теплымъ. Похороны Вѣтвицкаго происходили въ католическомъ соборѣ, въ присутствіи толпы народа, полиціи съ полиціймейстеромъ во главѣ и часовыхъ съ ружьями, стоявшихъ у гроба умершаго арестанта, а гробъ по католическому обряду былъ закрытъ. Въ томъ же порядкѣ онъ отвезенъ на католическое кладбище, гдѣ похороненъ въ особомъ склепѣ.

Спустя нѣкоторое время явилась въ Саратовъ вдовая родная сестра Вѣтвицкаго съ своей дочерью и какимъ-то адвокатомъ изъ отставныхъ капитановъ польской націи, для полученія наслѣдства послѣ брата, хотя по словамъ ея и была кѣмъ-то предупреждаема изъ Лондона, чтобы за наслѣдствомъ не ѣздила. Денегъ послѣ Вѣтвицкаго не оказалось, кромѣ незначительной суммы по долговому документу; мебель же и кое-какія вещицы, находившіяся въ квартирѣ противъ тюрьмы, покойный завѣщалъ жившей тамъ своей городской фавориткѣ. Сестра Вѣтвицкаго сильно возмущалась отсутствіемъ цѣннаго наслѣдства и, считая письмо изъ Лондона присланнымъ для отвода, заявляла мнѣ, какъ предводителю дворянства, свое подозрѣніе на троихъ пріятелей покойнаго брата въ его отравленіи съ цѣлью похищенія богатства. Но подозрѣніе это конечно не имѣло основанія, такъ какъ лица эти были всѣмъ въ Саратовѣ извѣстны за людей честныхъ, зажиточныхъ и вообще вполнѣ порядочныхъ. Одинъ изъ нихъ Мер—съ былъ богатый аптекарь, другой Мал—скій—врачъ тюремной больницы и третій Тен—скій почтенный старикъ, имѣвшій лучшую мастерскую мужскаго платья, и двое послѣднихъ принадлежали къ польскому дворянству. Странно только, что тюремный докторъ послѣ смерти Вѣтвицкаго вскорѣ навсегда оставилъ Саратовъ, а аптекарь перебрался въ уѣздъ. Сестра Вѣтвицкаго, не довольствуясь репутаціей друзей покойнаго брата, требовала непремѣннаго вскрытія его трупа, и когда по распоряженію властей могила Вѣтвицкаго была разрыта, то у находившагося въ ней трупа туловище оказалось еще цѣлымъ, а лицо почему-то настолько почернѣвшимъ, что трудно было въ немъ узнать Вѣтвицкаго, хотя выдающаяся форма носа очень подходила. Желудокъ этого трупа былъ отправленъ въ петербургскій физикатъ, но по изслѣдованіи ничего подозрительнаго не оказалось.

Нѣсколько лѣтъ спустя, я, однажды, осенью охотился съ собаками

на звѣря и въ сосѣднихъ съ моимъ имѣніемъ островахъ встрѣтился съ прибывшимъ передъ тѣмъ новымъ рыбушанскимъ управляющимъ князя Кочубея, Заборовскимъ. Познакомился съ нимъ, и на привалѣ за бутылкой стараго бургонскаго разговорившись о прежнемъ житьѣ-бытьѣ помѣщиковъ, упомянулъ какъ-то о брудастыхъ гончихъ покойнаго Вѣтвицкаго, которому стая этихъ заграничныхъ собакъ была прислана въ подарокъ княземъ Львомъ Кочубеемъ. Управляющій измѣнился въ лицѣ, а затѣмъ, пожавъ плечами, подозвалъ къ себѣ отдѣльно сидѣвшаго въ кружкѣ его свиты своего молодаго помощника, представилъ его мнѣ и просилъ подробно разсказать встрѣчу послѣдняго съ Вѣтвицкимъ въ Германіи. Я сначала не понялъ въ чемъ дѣло, предполагая, что молодой человѣкъ ранѣе зналъ Вѣтвицкаго, но изъ его словъ услыхалъ, что онъ прежде никогда его не видѣлъ и самъ въ первый разъ недавно прибылъ изъ Пруссіи, гдѣ, передъ отъѣздомъ въ Россію, въ Познани встрѣтился въ ресторанѣ съ Вѣтвицкимъ, который, узнавъ, что молодой человѣкъ отправляется на службу въ имѣніе князя Кочубея, пожелалъ познакомиться съ нимъ, и, передавъ ему все, что зналъ о нашей мѣстности, добавилъ, что для Россіи онъ, Вѣтвицкій, умеръ навсегда и потому возвратъ туда для него не возможенъ. Когда же молодой пруссакъ описалъ наружность Вѣтвицкаго и даже упомянулъ о синихъ крапинахъ на бѣлкахъ его глазъ, которые были обожжены взрывомъ пороха, то я болѣе уже не сомнѣвался въ томъ, что это былъ дѣйствительно Вѣтвицкій.

Черезъ нѣсколько дней бывъ въ городѣ, я передалъ о слышанномъ многимъ знакомымъ Вѣтвицкаго, всѣ они, конечно, были поражены этимъ разсказомъ, а нѣкоторые даже съ испуганными лицами крестились. Я же, какъ человѣкъ несуевѣрный, подумалъ, чего не бываетъ на свѣтѣ!..

В. А. Шомпулевъ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

объ Антонѣ Григорьевичѣ Рубинштейнѣ

(1829—1894).

I.

Съ этимъ великимъ художникомъ-музыкантомъ и выдающимся русскимъ гражданиномъ я познакомился въ концѣ 1858 г., на университетскихъ музыкальныхъ утрахъ-концертахъ. Эти концерты существовали нѣсколько лѣтъ подъ оффиціальнымъ названіемъ «Музыкальныя упражненія студентовъ С.-Петербургскаго университета» подъ управленіемъ извѣстнаго, въ то время, віолончелиста-виртуоза Карла Шуберта. Они подерживались, главнымъ образомъ, энергичнымъ заступникомъ ихъ, инспекторомъ студентовъ А. Ив. Фицтумъ-фонъ-Экштедтъ, человѣкомъ образованнымъ и серьезнымъ любителемъ музыки. Будучи самъ недурнымъ альтистомъ, онъ собиралъ у себя еженедѣльно, по пятницамъ, весь музыкальный міръ столицы (конечно только инструменталистовъ,—пѣвцы и пѣвицы составляли исключеніе) для занятій музыкой, камерной по преимуществу. Эти «пятничные» гости и были зерномъ того оркестра, который при участіи нѣкотораго числа студентовъ университета и другой учащейся молодежи, а равно и нѣсколькихъ выдающихся артистовъ, по приглашенію, и ихъ учениковъ [1]), исполнялъ, по воскресеньямъ отъ

[1]) Конечно приходилось приглашать артистовъ изъ театральнаго оркестра для пополненія нѣкоторыхъ духовыхъ инструментовъ, для партій которыхъ не находилось любителей (гобой, фаготъ, труба, тромбонъ, литавры).

часу до трехъ дня, симфоническую музыку. Оркестръ этотъ разростался до весьма солидныхъ размѣровъ—до 50 и болѣе участвующихъ—и, будучи подъ управленіемъ опытнаго руководителя, справлялся прекрасно со своей задачей при одной репетиціи, обыкновенно по субботамъ утромъ, а иногда даже безъ всякой репетиціи. Конечно друзья Шуберта и Фицтума были главной поддержкой оркестра; въ числѣ ихъ находились г.г. Р. Альбрехтъ, Пиккель и Вейкманъ, генералъ Скордули, чиновникъ фонъ-Бенингъ (въ первыхъ скрипкахъ), старичекъ фонъ-Бриксъ (во главѣ вторыхъ скрипокъ), Р. Шубертъ—молодой альтистъ-любитель; Ив. Ив. Зейфертъ—во главѣ віолончелистовъ (равно и ученики К. Шуберта: юноша Л. Гомиліусъ и студентъ Ив. Павл. Дятлевъ); нѣсколько учениковъ Р. Альбрехта—во вторыхъ скрипкахъ (въ числѣ ихъ молодой офицеръ баронъ В. В. Каульбарсъ и пишущій эти строки); докторъ Берсъ—хорошій кларнетистъ; В. Шубертъ—гобоистъ-артистъ (понынѣ профессоръ консерваторіи); Ф. Гомиліусъ (тоже профессоръ консерваторіи понынѣ) — отецъ віолончелиста — исполнялъ партію первой волторны; знаменитый контрабасистъ-итальянецъ Иванъ Осиповичъ Ферерро—всѣ эти лица принадлежали къ постоянному составу оркестра.

Молодой еще, въ то время, Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, близкій другъ К. Шуберта и его товарищей по квартету, всегда поддерживалъ эти концерты, постоянно посѣщалъ ихъ, довольно часто являлся солистомъ, иногда дирижировалъ, и не рѣдко аккомпанировалъ пѣвцамъ [1]). Программы этихъ ежегодныхъ десяти абонементныхъ концертовъ всегда составлялись впередъ на всю серію; каждый разъ исполнялись обязательно одна симфонія и одна увертюра, а между ними являлись солисты, инструментальные по преимуществу,— а иногда и вокальные.

Мнѣ пришлось занять свое мѣсто въ хвостѣ вторыхъ скрипокъ и играть въ этихъ концертахъ въ теченіе трехъ сезоновъ. т. е. до открытія консерваторіи въ С.-Петербургѣ, въ 1862 году. Нерѣдко по воскресеньямъ, мнѣ случалось вмѣстѣ съ Антономъ Григорьевичемъ,—всегда серьезнымъ, но очень любезнымъ и общительнымъ—пѣшкомъ по льду переходить Неву (въ то время зимою не наводили Дворцоваго моста) и бесѣдовать съ нимъ о музыкѣ; онъ зналъ отъ моего учителя Альбрехта о моемъ рѣшеніи посвятить себя профессіонально изученію музыки—въ «будущей» консерваторіи; онъ-же сообщилъ мнѣ о возрожденіи симфо-

[1]) Однажды г-жа Кочетова-Александрова спѣла его романсъ «Желаніе». Это было вскорѣ послѣ появленія его въ печати—авторъ ей аккомпанировалъ. Я впервые слышалъ пѣніе съ аккомпаниментомъ Рубинштейна и припоминаю еще теперь цѣльность и силу впечатлѣнія отъ этого исполненія.

ническаго Общества (недавно прекратившаго свои концерты) подъ новымъ названіемъ «Русскаго Музыкальнаго Общества» на основаніи обновленнаго устава, только что утвержденнаго правительствомъ (въ маѣ 1858 г.), съ наилучшимъ оркестромъ и подъ его управленіемъ.

Одновременно предполагалось открытіе этимъ-же Обществомъ спеціально-музыкальныхъ курсовъ, для желающихъ посвятить себя изученію музыки или подготовиться къ поступленію въ будущую консерваторію.

Знакомство мое съ Рубинштейномъ со-временемъ на столько упрочилось, что я даже удостоился приглашенія на знаменитые «субботы» нашего геніальнаго піаниста и композитора. Къ сожалѣнію мнѣ удалось быть только на одномъ изъ этихъ интереснѣйшихъ музыкальныхъ вечеровъ, но этотъ вечеръ мнѣ очень памятенъ. Разыгрывали совсѣмъ новый струнный квартетъ нѣмецкаго композитора Греденера, при участіи вышеупомянутыхъ квартетистовъ съ К. Шубертомъ во главѣ; затѣмъ играли новое тріо Раффа, въ которомъ партію фортепіано исполнялъ, конечно, самъ хозяинъ. Это многолюдное собраніе мнѣ очень живо представляется и теперь; серьезное отношеніе къ музыкальному искусству, живой интересъ къ новымъ произведеніямъ современныхъ композиторовъ,—конечно всегда иностранцевъ, ибо въ то время русскихъ композиторовъ симфонической или камерной музыки не было; въ живыхъ были только Сѣровъ и Даргомыжскій, композиторы вокальные, почти исключительно оперные [1]). Новыя оркестровыя партитуры прочитывалъ самъ Рубинштейнъ и сообщалъ характеристику ихъ своимъ друзьямъ; иногда просматривались имъ и хоровыя сочиненія, новыя-же произведенія камерной музыки всегда исполнялись на его вечерахъ или у Фицтума—по пятницамъ. Это была настоящая музыкальная жизнь: собирались ради музыки, ради искусства; общіе разговоры, сужденія о только-что исполненномъ новомъ сочиненіи высказывались искренно, свободно. Иногда возникали споры и разногласія, но они произносились безъ ужимокъ или обходныхъ выраженій или столь модной въ наше время «осторожности» и «любезности» въ сношеніяхъ между артистами-музыкантами. Нерѣдко Рубинштейнъ знакомилъ своихъ гостей съ новыми фортепіанными сочиненіями современныхъ авторовъ или недавно умершихъ, преимуще-

[1]) Молодые люди: военный инженеръ Ц. Кюи, морской лейтенантъ Н. Римскій-Корсаковъ, медикъ А. П. Бородинъ и офицеръ М. Мусоргскій — находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ молодымъ піанистомъ М. Балакиревымъ, который принадлежалъ къ кружку Даргомыжскаго, сестры Глинки (Л. Ив. Шестаковой) и Стасовыхъ; всѣ они въ то время только готовились къ своей будущей композиторской дѣятельности и ничего почти общаго не имѣли, ни съ кружкомъ Фицтума, ни съ А. Рубинштейномъ. А. Сѣровъ стоялъ въ сторонѣ и былъ ярымъ противникомъ всѣхъ начинаній и стремленій Рубинштейна—и личнымъ врагомъ его до самой смерти.

ственно съ сочиненіями Р. Шумана (умершаго въ 1856 году), которыя стали появляться въ печати только теперь.

Сколько вѣрныхъ сужденій, сколько правильныхъ взглядовъ на музыку и ея представителей высказывалось здѣсь въ этомъ тѣсномъ, лучшемъ кругу близкихъ другъ къ другу людей, служившихъ всей душой своему излюбленному дѣлу, своему искусству!

Высочайше утвержденный уставъ новаго «Русскаго Музыкальнаго Общества» далъ возможность немедленно открыть хоровыя спѣвки для будущихъ концертовъ Общества, которыми руководилъ самъ Рубинштейнъ съ неподражаемой энергіей и истиннымъ увлеченіемъ. Эти спѣвки происходили въ театрѣ Михайловскаго дворца, гдѣ проживала сама покровительница и основательница Русскаго Музыкальнаго Общества и консерваторіи, великая княгиня Елена Павловна; тамъ-же въ нижнемъ этажѣ были устроены музыкальные классы, до открытія консерваторіи въ собственномъ помѣщеніи въ 1862 году (у Синяго моста, на Мойкѣ) [1]). Поступивъ въ хоръ Общества, мнѣ приходилось часто видѣться и бесѣдовать съ Рубинштейномъ послѣ спѣвки. Затѣмъ были открыты музыкальные классы Общества и курсъ теоріи музыки.

Иногда случалось мнѣ видѣться съ нимъ и на музыкальныхъ курсахъ, которые онъ часто посѣщалъ. Эти частыя встрѣчи съ нимъ на курсахъ значительно сблизили всѣхъ насъ, т. е. всѣхъ немногочисленныхъ посѣтителей классовъ съ будущимъ своимъ директоромъ. Отношенія «директора» къ намъ, т. е. ко мнѣ и моимъ товарищамъ [2]), были самыя симпатичныя, почти дружественныя. Его удивительная энергія, трудолюбіе и выносливость, невольно отражались на всѣхъ насъ; всѣ трудились усиленно, работа шла дружно и потому блестящіе результаты, въ первые-же годы существованія консерваторіи, не заставили себя ждать,—они удивляли всѣхъ, кто съ ними знакомился. Новому учрежденію предстояло побѣдить много предубѣжденій, основать новое сословіе, достойное званія музыкантовъ-художниковъ, создать довѣріе къ себѣ правительства и расположеніе всего общества.

Всего этого удалось Рубинштейну достигнуть вполнѣ, въ самый короткій срокъ (всего около пяти лѣтъ онъ оставался директоромъ) благодаря весьма выдающемуся составу профессоровъ и учащихся въ первые годы существованія консерваторіи. Въ числѣ профессоровъ были: Генрихъ Вѣнявскій (скрипка), Александръ Дрейшокъ, Ѳ. О. Лешетицкій, А. Герке

---

[1]) По совѣту моего учителя Р. Альбрехта я поступилъ на курсъ теоріи музыки и одновременно записался членомъ-исполнителемъ въ хоръ Русскаго Музыкальнаго Общества, чтобы изучать музыку наиболѣе многосторонне.

[2]) Одновременно со мною поступили въ консерваторію: Чайковскій, Кроссъ, Ѣасовъ, Брянскій, Пушиловъ, Толстовъ, Л. Гомилiусъ, А. Рейхардтъ и др.

(піанисты), К. Шубертъ (віолончель), а послѣ смерти его К. Давыдовъ; Чіарди (флейта), Кавалини (кларнетъ), Цабель (арфа), Ферреро (контрабасъ), г-жа Ниссенъ-Саломанъ (пѣніе).—Подобнаго богатаго состава выдающихся артистовъ не имѣла въ то время ни одна консерваторія въ Европѣ; если къ этому составу прибавить еще Н. И. Заремба (ученикъ знаменитаго берлинскаго профессора А. Д. Маркса), выдающагося профессора по теоріи музыкальнаго сочиненія, и самого геніальнаго Рубинштейна, взявшаго на себя классы фортепіано: практическаго сочиненія и инструментовки,—оркестровый и musique d'ensemble, то, конечно, наша консерваторія оказалась — въ музыкально-художественномъ отношеніи — великолѣпно обставленной [1]). Въ числѣ первыхъ учащихся въ консерваторіи появилось нѣсколько выдающихся по таланту лицъ; изъ нихъ назовемъ П. Чайковскаго, Г. Кросса, И. Рыбасова, Г. Лароша, Л. Гомиліуса (какъ піанистъ), В. Толстова, А. Рубца, Н. Губерта, Л. Альбрехта, А. Рейхардта, Д. Панова, Пушилова и т. д. Не мало появилось также выдающихся ученицъ: Лавровская, Малоземова, Клеммъ, Ирицкая, Минквицъ, Терминская, Смирягина, Щетинина и др.

Мнѣ пришлось поступить на два спеціальные курса: скрипки—къ Вѣнявскому и теоріи сочиненія (въ классъ контрапункта) къ Н. И. Заремѣ; впослѣдствіи, черезъ два года, я вынужденъ былъ ограничиться одной спеціальностію—изученіемъ игры на скрипкѣ, а въ началѣ 1865 г. я перешелъ, по просьбѣ Рубинштейна, въ классъ г. Вейкмана (игра на альтѣ), потому что къ консерваторіи тогда не было ни одного альтиста, для участія въ оркестрѣ. Будучи единственнымъ выпускнымъ альтистомъ, я имѣлъ случай еще болѣе сблизиться съ геніальнымъ артистомъ (преимущественно въ классѣ совмѣстной игры, которымъ онъ мастерски руководилъ). Однажды мнѣ пришлось даже прорепетировать съ нимъ (по болѣзни ученицы его)—знаменитыя варіаціи для альта и фортепіано Іоахима, потому что предстояло ихъ исполнить на одномъ изъ первыхъ «публичныхъ» ученическихъ вечеровъ консерваторіи, съ выдающейся и талантливой ученицей Смирягиной.—Окончивъ, альтистомъ, въ концѣ декабря 1865 года полный курсъ консерваторіи [2]), на первомъ ея выпускѣ я продолжалъ часто видѣться съ дорогимъ всѣмъ намъ Антономъ Григорьевичемъ; наши отношенія стали довольно близкими, даже сердечными.

---

[1]) Знаменитый піанистъ-педагогъ Адольфъ Гензельтъ, къ сожалѣнію, не принялъ въ то время приглашенія Рубинштейна занять мѣсто профессора игры на фортепіано; онъ оставался въ сторонѣ въ теченіе болѣе 25-ти лѣтъ.

[2]) Первый выпускной экзаменъ состоялся 30-го декабря 1865 г. Чрезмѣрныя требованія (особенно относительно чтенія нотъ „съ листа") значительно и совершенно неожиданно уменьшили число дипломовъ на этотъ разъ.

Въ сентябрѣ 1867 года, Рубинштейнъ оставилъ консерваторію и переселился за-границу съ цѣлью увеличить въ Европѣ свою извѣстность какъ піаниста, и въ особенности какъ композитора [1]). Онъ поселился въ Вѣнѣ, принявъ на одинъ сезонъ приглашеніе «Общества любителей музыки» (Gesellschaft der Musikfreunde) управлять его абонементными концертами. Благодаря исключительно его патріотизму и настойчивости, въ программу этихъ концертовъ были имъ включены нѣкоторыя произведенія русскихъ композиторовъ; изъ нихъ могу назвать: музыку къ драмѣ «князь Холмскій»—Глинки и музыкальную картину «Садко»—Н. А. Римскаго-Корсакова [2]).

Въ теченіе зимняго сезона 1868—69 года, Рубинштейнъ давалъ концерты въ главнѣйшихъ городахъ Австріи, Германіи и Франціи. Осенью 1869 года, онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, на короткое время. Тогда наши взаимныя отношенія встали на новую почву, на которой имъ возможно было сдѣлаться еще болѣе близкими, даже интимными. Основавъ въ августѣ 1869 года, вмѣстѣ съ братомъ моимъ, музыкальную торговлю, я успѣлъ уже выпустить нѣсколько мелкихъ изданій и задумалъ приступить къ изданію нѣкоторыхъ его сочиненій, вполнѣ довѣряя композиторскому дарованію его [3]).

Въ скоромъ времени послѣ того состоялся между нами договоръ по передачѣ издательскихъ правъ нашей фирмѣ на большое число его сочиненій, и потому на значительную сумму авторскаго гонорара. Этимъ договоромъ наша фирма «В. Бессель и К°» пріобрѣла право собственности, для Россіи, на всѣ его сочиненія, до того времени въ Россіи не изданныя, за немногими исключеніями.

Антонъ Григорьевичъ, съ семействомъ своимъ, продолжалъ жить заграницей; наши хорошія дружескія отношенія поддерживались свиданіями лѣтомъ, когда я ѣздилъ заграницу, или зимою, когда онъ пріѣзжалъ концертировать въ Петербургъ и въ Москву. Лѣтомъ 1872 г. Рубинштейнъ жилъ въ окрестностяхъ Зальцбурга и готовился къ предстоявшему ему большому концертному путешествію въ Америку; здѣсь онъ сочинялъ свои «Miscellanions»,—собраніе фортепіанныхъ сочиненій, въ которомъ важнѣйшее мѣсто занимаютъ знаменитыя большія

---

[1]) При прощаніи, которое было весьма сердечно, онъ далъ мнѣ свой портретъ и надписалъ на немъ начальный тактъ своей чудесной сонаты для альта и фортепіано (opus 49).

[2]) Знаменитый вѣнскій критикъ Эд. Гансликъ напечаталъ въ „Neue Frei Presse“ невѣроятно нелѣпый и грубый отзывъ о геніальной музыкѣ Глинки и талантливомъ произведеніи Римскаго-Корсакова.

[3]) Кромѣ того я стремился положить конецъ существовавшей въ Россіи въ то время эксплоатаціи сочиненій Рубинштейна, печатавшихся не рѣдко безъ уплаты ему авторскаго гонорара, а просто „съ позволенія“.

варіаціи на американскую народную тему и баллада «Леонора» [1]). Большинство этихъ произведеній онъ исполнялъ въ своихъ концертахъ въ Новомъ свѣтѣ. Успѣхъ этого концертнаго путешествія былъ огромный; къ списку концертовъ, по контракту, пришлось добавить еще нѣсколько «экстренныхъ» концертовъ (семь), въ коихъ онъ выступилъ и капельмейстеромъ; въ программу ихъ входили почти исключительно его сочиненія. По возвращеніи изъ Америки въ маѣ 1873 г. Рубинштейнъ провелъ лѣто въ Старомъ Петергофѣ, на дачѣ (вблизи Заячьяго ремиза), отдыхая отъ тяжелой зимы и мучительнаго путешествія. Осенью онъ переселился въ Петербургъ. Еще до поѣздки своей въ Америку онъ задался мыслью сочинить русскую оперу [2]) и избралъ сюжетомъ фантастическую поэму Лермонтова «Демонъ». Сначала онъ обратился къ Аполлону Николаевичу Майкову, съ просьбой составить сценарій оперы и написать либретто. Начались частыя свиданія; Аполлона Николаевича встрѣчалъ я нерѣдко у Рубинштейна и бывалъ свидѣтелемъ ихъ совѣщаній касательно плана оперы, а затѣмъ и детальныхъ обсужденій сценарія и всякихъ подробностей этого сложнаго дѣла. Однажды пришлось мнѣ прослушать чудесные стихи только что написанной поэтомъ «вакхической пѣсни», сохранившейся и въ теперешнемъ либретто оперы «Демонъ».

Оба художника съ увлеченіемъ принялись за интересный трудъ; Антонъ Григорьевичъ имѣлъ даже въ виду исполнительницъ главнѣйшихъ ролей въ своей будущей оперѣ: для главной женской роли, Тамары—красивую и симпатичную г-жу П. С. Левицкую (сопрано); а для роли Ангела - свою любимицу Е. А. Лавровскую (альтъ). Этимъ мечтамъ его не удалось однако осуществиться: болѣзнь поэта, остановила его работу, пришлось искать другого сотрудника для либретто; излюбленныя имъ пѣвицы уже вышли изъ состава оперной труппы Маріинскаго театра. Г-жа Левицкая покинула сцену вслѣдствіе замужества; г-жа Лавровская оставила труппу вслѣдствіе непризнанія принципіальныхъ взглядовъ дирекціи Императорскихъ театровъ относительно бенефисовъ, которые не признавались ею какъ способъ вознагражденія артистовъ, какъ

---

[1]) Въ іюлѣ я пріѣзжалъ въ Зальцбургъ на два дня, для свиданія съ нимъ и прощанія передъ путешествіемъ его въ Америку. Здѣсь я засталъ В. В. Самойлова, нашего знаменитаго актера,—одного изъ немногихъ друзей Рубинштейна, съ которымъ онъ былъ даже на „ты“. Кромѣ Самойлова таковыми я могу еще назвать: піанистовъ К. Леви и Лешетицкаго, художника Микѣшина и Генриха Вѣнявскаго.

[2]) Вѣроятно, повліяло на него „возрожденіе“ русской оперы на сценѣ Маріинскаго театра и энергія, проявленная дирекціей въ постановкѣ нѣсколькихъ оперъ русскихъ авторовъ: „Радклиффъ“, „Каменный гость“, „Вражья Сила“, „Псковитянка“, „Борисъ Годуновъ“, были поставлены; оперу „Опричникъ“ уже стали разучивать въ Маріинскомъ театрѣ.

дополнительная денежная плата. Она покинула Петербургъ, отправившись гастролировать въ другіе города Россіи. Нельзя отрицать, что эти неудачи повліяли на композитора; онъ немного охладѣлъ къ своему произведенію; роль Тамары получила нѣсколько иную отдѣлку (за исключеніемъ первой выходной аріи), болѣе общую: роль Ангела была значительно сокращена, доведена имъ даже до возможной сжатости.

Либретто, начатое А. Н. Майковымъ, было передано П. А. Висковатову, извѣстному изслѣдователю и біографу Лермонтова, по предложенію его друга М. П. Азанчевскаго, въ то время исправлявшаго должность директора С.-Петербургской консерваторіи. Павелъ Александровичъ Висковатовъ принялся энергично за симпатичный ему трудъ; работа шла быстро и удачно; еще до наступленія лѣта все либретто было окончено. Оставались только тѣ мелкія передѣлки и измѣненія, которыя неминуемы бываютъ послѣ окончанія конспекта всей оперы [1]). Въ лѣтніе мѣсяцы партитура оперы «Демонъ» была окончена; въ началѣ сентября Антонъ Григорьевичъ прибылъ въ Петербургъ для представленія ея въ дирекцію, съ цѣлью немедленной постановки своей оперы на сценѣ Маріинскаго театра. Пришлось входить въ сношенія съ дирекціей и пережить не мало огорченій.

«Композитору Рубинштейну», съ европейскою извѣстностію объявили о необходимости подчиниться рѣшенію «комитета» [2]). Это было 14-го сентября 1871 года. Чтобы понять всю несообразность подобнаго требованія дирекціи, слѣдуетъ имѣть въ виду, что уже три оперы его исполнялись заграницей и столько-же оперъ, въ прежнее время, въ Россіи; что въ составъ этого «музыкальнаго комитета» входили, кромѣ главнѣйшихъ русско-оперныхъ солистовъ и опернаго капельмейстера,

---

[1]) Передѣлки эти оказались однако весьма значительными. Композиторъ такъ много сократилъ въ либретто (выкинувъ много существеннаго), что по слѣдствіемъ явился полный разрывъ между нимъ и либретистомъ; послѣдній-даже выговорилъ себѣ право отдѣльнаго напечатанія своего либретто, за которымъ признавалъ литературное значеніе, и запретилъ печатаніе своей фамиліи на отдѣльномъ изданіи опернаго либретто „Демонъ“.

[2]) Въ этотъ-же вечеръ, Антонъ Григорьевичъ познакомилъ съ своей новой „русской“ оперой въ домѣ Д. В. Стасова кружокъ русскихъ композиторовъ: Балакирева, Кюи, Бородина, Мусоргскаго и Римскаго-Корсакова, и нѣсколькихъ лицъ изъ родственниковъ и близкихъ знакомыхъ г. Стасова. Впечатлѣніе, несмотря на удивительное исполненіе ея авторомъ, новая опера произвела на этихъ слушателей не особенно выгодное. Болѣе всего понравились танцы и маршъ, шествіе каравана (интродукція ко 2-ой картинѣ I дѣйствія). Только послѣ ужина, когда удалось услышать „генія-піаниста“, общее настроеніе измѣнилось, оно стало радостнымъ и торжественнымъ. При уходѣ всѣ провожали Рубинштейна на лѣстницу и восторженно съ нимъ прощались. Отъ страшныхъ волненій и непріятныхъ впечатлѣній этого дня, Антонъ Григорьевичъ занемогъ и оправился только чрезъ нѣсколько дней.

всѣ три водевильные и два балетные дирижера и начальникъ нотной конторы. Это была серьезная пытка для такого геніальнаго художника! Опера была принята къ постановкѣ на сценѣ Маріинскаге театра, но весьма продолжительное время нельзя было добиться даже свѣдѣній о томъ, когда именно состоится постановка «Демона»?

Въ оперно-театральномъ мірѣ вообще относились несочувственно и какъ-то недовѣрчиво къ каждой новой русской оперѣ, а къ новой оперѣ Рубинштейна, въ особенности; нѣкоторые артисты сначала отказывались пѣть свои отвѣтственныя и трудныя партіи; сценическая постановка, правда весьма фантастично задуманная, вызывала опасенія режиссеровъ; неминуемыя столкновенія съ требовательнымъ авторомъ—художникомъ, при разучиваніи оперы, предстояли капельмейстеру; дирекція опасалась необходимыхъ расходовъ на декораціи и костюмы этой фантастической оперы. Разрѣшенія драматической цензуры не возможно было получить иначе какъ согласившись на нѣкоторыя измѣненія въ либретто: пришлось переименовать «Ангела» въ «Добраго Генія», отказаться отъ образа и лампады въ кельѣ Тамары (III дѣйствіе) и кое-гдѣ перемѣнить нѣсколько выраженій.

Все это было улажено мною весьма удачно, благодаря любезности случайно пріѣхавшаго въ Петербургъ (изъ Дерпта) либретиста г. Висковатова. Несмотря на это, въ театральномъ мірѣ былъ распущенъ слухъ о «запрещеніи либретто» Демона. Можно предположить даже, что этотъ л о ж н ы й слухъ былъ отчасти причиной тому, что постановка этой оперы состоялась цѣлыми годами позже, чѣмъ это было желательно автору, весьма нетерпѣливому и вѣрившему въ успѣхъ своего «Демона». Только одна г-жа Раабъ (пѣвица-сопрано) и славный ветеранъ русско-оперной труппы Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ, которому предложена была роль Гудала (отца Тамары), съ любовью принялись за дѣло. Исполнитель заглавной ролп И. А. Мельниковъ относился менѣе сочувственно къ новой оперѣ; даже свиданіе, по этому поводу съ авторомъ, только съ большимъ трудомъ удалось мнѣ устроить у себя.

Начались наконецъ, послѣ нескончаемыхъ ожиданій и проволочекъ репетиціи; нерѣдко самъ авторъ ѣздилъ въ Маріинскій театръ и возвращался оттуда всегда разстроенный, недовольный. Распредѣленіе ролей было слѣдующее: Тамара—г-жа Раабъ; Ангелъ—г-жа Крутикова; князь Синодалъ—г. Комиссаржевскій; Демонъ—г. Мельниковъ; князь Гудалъ—О. А. Петровъ; няня—г-жа Шредеръ. Наконецъ, въ бенефисъ И. А. Мельникова, 13-го января 1875 года, состоялось первое представленіе «Демона» въ Маріинскомъ театрѣ. Исполненіе было прекрасное; особенно хороши были гг. Мельниковъ, Петровъ и Комиссаржевскій [1]). Успѣхъ

[1]) Будучи недоволенъ своею ролью – чисто-эпизодической—онъ ее исполнялъ мастерски и имѣлъ въ ней всегда огромный успѣхъ.

оперы «Демонъ», не будучи особенно значительнымъ въ первое представленіе [1]), возросталъ съ каждымъ спектаклемъ, несмотря на несочувственное отношеніе большинства музыкальныхъ критиковъ къ новой русской оперѣ. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что композиторскій престижъ Рубинштейна въ то время у насъ въ Россіи былъ еще весьма незначительный; поэтому публика относилась недовѣрчиво къ его новой и выдающейся оперѣ [2]). Съ апрѣля 1874 года клавираусцугъ «Демона» былъ уже въ печати; не мало артистовъ успѣли познакомиться съ нимъ, высказать свое недовѣріе — отчасти перешедшее даже въ печать, а потому наша публика и не могла быть расположена въ пользу ея автора, — въ то время, правда, уже очень популярнаго какъ «геніальный піанистъ» — но не какъ к о м п о з и т о р ъ.

Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, отразившіяся на первомъ представленіи оперы «Демонъ», сила творческаго таланта его автора на ней-же блестяще оправдалась.

Прочный успѣхъ «Демона»—этой первой русской оперы Рубинштейна, поставленной послѣ неудавшихся его попытокъ молодости—на столько ободрялъ его, что вернувшись изъ Англіи—послѣ блестящаго концертнаго путешествія,—въ концѣ мая 1876 года, онъ пожелалъ непремѣнно поставить на сценѣ Маріинскаго театра, въ концѣ того-же года, другую свою оперу «Маккавеи», написанную имъ для берлинскаго придворнаго опернаго театра и поставленную тамъ съ успѣхомъ 5 (17) апрѣля 1875 года.—Онъ обратился именно ко мнѣ по этому дѣлу, зная мое дружеское и полезное содѣйствіе. Онъ просилъ меня устроить постановку оперы «Маккавеи» въ концѣ декабря 1876 года, ибо только тогда онъ могъ пробыть въ Россіи нѣкоторое время; въ январѣ ему необходимо было вновь уѣхать за границу. Конечно я не могъ ему обѣщать, что желаніе его будетъ исполнено, но обѣщалъ ему приложить все свое стараніе и умѣніе къ этому

---

[1]) Вызывали бенефиціанта-любимца публики гораздо болѣе, нежели композитора, очевидно еще не пользовавшагося популярностію въ „оперной“ публикѣ.

[2]) Въ сущности, въ то время, т. е. въ 1874 году, не только у насъ, но и за границей Рубинштейнъ - композиторъ еще не пользовался большой извѣстностію какъ оперный композиторъ. Въ Германіи оперы „Дѣти степей“ — (первоначально написанная для Россіи по русски и затѣмъ уже переведенная)—и „Фераморсъ“ (Lalla Roukh), написанная для Германіи—не имѣли большаго успѣха. Въ 1875 году онъ задумалъ написать оперу „Неронъ“—по либретто Барбье—для Парижа, которая по сіе время не была тамъ поставлена. Ея постановка состоялась впервые въ Гамбургѣ, затѣмъ въ Лондонѣ и въ Петербургѣ (на итальянскомъ языкѣ) и наконецъ только въ 1892 году въ Руанѣ—въ присутствіи автора. На нашей русско-оперной сценѣ эта опера совсѣмъ еще не появлялась.

трудному дѣлу. Очевидно, онъ вполнѣ довѣрялъ моей опытности и зналъ мои прекрасныя отношенія въ то время къ дирекціи Императорскихъ театровъ, а потому сказалъ мнѣ при прощаніи, весьма опредѣленно: «я увѣренъ, что если вы захотите, то устроите мнѣ это!» Мнѣ дѣйствительно удалось устроить то, о чемъ онъ просилъ — даже безъ всякаго оффиціальнаго, письменнаго отъ него полномочія. Для успѣшнаго веденія этого дѣла требовалась большая осторожность и предусмотрительность. Въ эти годы существовалъ нѣкоторый разладъ въ дирекціи, между могущественнымъ начальникомъ репертуара П. С. Федоровымъ и исполнявшимъ обязанности директора театровъ, всесильнымъ барономъ Кистеромъ и его довѣреннымъ и помощникомъ по театральнымъ дѣламъ Н. А. Лукашевичемъ. Чтобы ускорить дѣло, я рѣшилъ начать хлопоты одновременно съ двухъ сторонъ.

Прежде всего, я воспользовался своими хорошими отношеніями къ П. С. Федорову; Рубинштейна-же просилъ посѣтить немедленно г. Лукашевича. Въ тотъ-же вечеръ я поѣхалъ на дачу къ Федорову и разсказалъ ему все дѣло. Указавъ на выдающійся успѣхъ «Демона», я выставлялъ ему на видъ въ особенности скромность Рубинштейна, который при постановкѣ «Маккавеевъ» отказывался отъ всякой роскоши, отъ всякихъ излишнихъ затратъ; онъ соглашался на старыя декораціи и старые костюмы, уже имѣющіеся въ дирекціи отъ оперы «Юдиѳь» Сѣрова — не входившей въ репертуаръ въ то время — подходящія по эпохѣ и мѣсту дѣйствія къ его новой оперѣ. Кромѣ того авторъ «Демона» предлагалъ дирекціи продирижировать лично однимъ или двумя первыми представленіями «Маккавеевъ».—По порядкамъ, тогда-же заведеннымъ въ дирекціи, предполагавшійся на будущій сезонъ оперный репертуаръ представлялся министру Двора, не позже апрѣля, и утверждался имъ до разъѣзда артистовъ въ лѣтній отпускъ. Поэтому, теперь, въ концѣ мая, нуженъ былъ особый докладъ по этому дѣлу, который и былъ сдѣланъ Федоровымъ въ концѣ іюня, т. е. въ то время, когда отсутствовали всѣ прочія, вліятельныя въ театральномъ мірѣ, лица: баронъ Кистеръ и Лукашевичъ. Министръ Двора графъ В. А. Адлербергъ согласился дополнить оперный репертуаръ оперой «Маккавеи», о чемъ было немедленно оффиціально сообщено Антону Григорьевичу, въ Петергофъ. Мои хлопоты увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ, несмотря на то, что мнѣ пришлось часть этого лѣта прожить за границей, по семейнымъ обстоятельствамъ. Еще до отъѣзда своего я озаботился относительно перевода нѣмецкаго либретто; я отрекомендовалъ Рубинштейну молодаго труженика, способнаго и знающаго музыку П. С. Лихачева и установилъ съ нимъ формальное соглашеніе. Онъ приступилъ немедленно къ работѣ, которая пошла сначала весьма успѣшно, но потомъ вдругъ совершенно неожиданно прекратилась. Юношеская, пылкая на-

тура молодаго литератора воспламенилась охватившимъ всю Россію патріотическимъ движеніемъ въ пользу возставшихъ противъ Турціи герцеговинцевъ и босняковъ и онъ внезапно рѣшился отправиться добровольцемъ въ Сербію. Бросивъ начатую работу онъ создалъ Рубинштейну непреодолимыя препятствія да еще во время лѣта и моего отсутствія! Къ величайшему счастію, дружески выручила Рубинштейна изъ бѣды талантливая и довольно опытная въ подобной работѣ Елена Андреевна Третьякова, супруга бывшаго въ то время ближайшаго друга Николая Григорьевича Рубинштейна, Сергѣя Михайловича Третьякова. Третьяковы жили лѣтомъ въ Петергофѣ; Елена Андреевна энергично принялась за работу и покончила неимовѣрно быстро переводъ второй половины либретто. Къ моему пріѣзду (въ августѣ) авторъ уже кончалъ, собственноручно, подтекстовку клавираусцуга.—Въ это-же время русско-оперные дѣятели, узнавъ о рѣшеніи дирекціи поставить оперу «Маккавеи» въ январѣ, энергично протестовали противъ подобной «поспѣшной» постановки; упорство П. С. Федорова, настаивавшаго на своевременной постановкѣ этой оперы, заставило ихъ винить автора въ затяжкѣ доставки перевода либретто, для представленія его въ театрально-литературный комитетъ и въ драматическую цензуру. Несмотря на заявленіе въ печати режиссера русской оперной труппы о невозможности постановки въ концѣ года оперы «Маккавеи», дружныя усилія наши, т. е. Федорова, автора и мои, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Цензурное разрѣшеніе было получено своевременно, весь нотный матеріалъ приготовленъ; въ скоромъ времени начались репетиціи, на которыя сталъ ѣздить самъ авторъ, оживляя своимъ присутствіемъ артистовъ-исполнителей. Въ числѣ ихъ были лица, горячо преданныя ему въ дѣлѣ постановки его новой оперы: г. Корсовъ—исполнитель заглавной роли «Іуды Маккавея»; г-жа Бичурина, талантливая исполнительница роли «Ліи»—главнѣйшей въ этой оперѣ; г-жа Раабъ (Ноэми) и др. Репетиціи шли довольно успѣшно, такъ какъ артисты дружно принялись за свое дѣло, но оркестръ, привыкшій къ палочкѣ своего опытнаго капельмейстера—на главнѣйшихъ послѣднихъ репетиціяхъ которыми управлялъ авторъ — вносилъ въ дѣло всякія неудовольствія. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней, передъ первымъ представленіемъ, я былъ рано утромъ у Антона Григорьевича въ отелѣ Бель-Вю. Намекнувъ мнѣ на неудовольствія во время вчерашней репетиціи, онъ заявилъ, что рѣшительно отказывается ѣхать, къ 12-ти часамъ, въ Маріинскій театръ, на генеральную репетицію и выѣзжаетъ немедленно за границу, а потому проситъ меня съѣздить туда за него и заявить главному режиссеру о томъ, что онъ отказывается отъ управленія оркестромъ и вообще не разрѣшаетъ постановку «Маккавеевъ». Очевидно, минута была серьезная; нужно было рѣшительно дѣйствовать, повліять на него сильно и убѣдительно—иначе все дѣло погибнетъ.

Онъ былъ совсѣмъ разстроенъ, угрюмъ и молчаливъ. Пройдясь съ нимъ много разъ молча взадъ и впередъ по большой комнатѣ, я наконецъ сказалъ ему: «этимъ вы сдѣлаете угодное своимъ недругамъ въ театрѣ; допустите ихъ торжество надъ вами, вызовете, неосновательно, неудовольствіе дирекціи и публики и ничего не достигнете кромѣ всеобщаго неудовольствія противъ себя». Онъ молча выслушалъ меня, прекратилъ совсѣмъ разговоръ о «Маккавеяхъ» и черезъ нѣсколько минутъ, немного успокоенный, пригласилъ меня спуститься съ нимъ внизъ «наскоро позавтракать». Черезъ полчаса онъ поѣхалъ въ Маріинскій театръ на репетицію, а чемоданъ, уложенный вполнѣ для немедленнаго отъѣзда за границу остался въ гостиницѣ.—Первое представленіе оперы «Маккавеи» состоялось въ субботу 22-го января 1877 года; второе—24-го января—т. е. черезъ день. Оба представленія имѣли громадный успѣхъ и превратились въ истинное торжество Рубинштейна — композитора, въ Россіи! На слѣдующій день послѣ втораго представленія, Рубинштейнъ, довольный и радостный, уѣхалъ въ Германію. Эта удача была мнѣ особенно дорога потому, что я въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе не какъ представитель издательской фирмы, а какъ преданный, искренній другъ Рубинштейна и истинный, убѣжденный почитатель его творческаго дарованія.

Послѣ удачной постановки оперы «Маккавеи», я видѣлся довольно рѣдко съ Антономъ Григорьевичемъ; зимою онъ проживалъ за границей и только «наѣздомъ» бывалъ въ Россіи—лѣтомъ-же, когда онъ жилъ въ Петергофѣ, мнѣ приходилось уѣзжать за границу.

II.

Значительный успѣхъ «Демона» въ Россіи, а отчасти и заграницей, и успѣхъ «Маккавеевъ» въ Петербургѣ, все это должно было породить въ даровитомъ композиторѣ расположеніе къ дальнѣйшему творчеству въ оперномъ дѣлѣ. Для будущей оперы своей онъ избралъ историческій сюжетъ,—изъ жизни Іоанна Грознаго: купецъ Калашниковъ, по либретто Н. Куликова.

Теперь, въ 1877 году, популярность Рубинштейна была вполнѣ обезпечена; исполненіе его произведеній, даже самыхъ капитальныхъ, повторялось болѣе часто въ концертахъ; оперы его стали исполнять на всѣхъ оперныхъ сценахъ въ Россіи. — Моя вѣра въ силу его творческаго таланта вполнѣ оправдалась. Мнѣ пріятно внести въ мои воспоминанія—можетъ быть случайное—совпаденіе возростанія композиторскаго престижа Рубинштейна съ періодомъ изданія мною спеціально-музыкальнаго журнала «Музыкальный листокъ» (1872—1877), имѣвшаго цѣлью поднять значеніе Рубинштейна, какъ композитора и содѣйствовать при-

знанію творческаго таланта молодаго, начинающаго композитора Чайковскаго.

Большинство статей о Рубинштейнѣ-композиторѣ были написаны его искреннимъ поклонникомъ Г. А. Ларошемъ. Надъ оперой «Купецъ Калашниковъ» Рубинштейнъ трудился болѣе двухъ лѣтъ, постоянно отрываемый отъ работы своими заграничными концертами, путешествіями и частыми постановками, подъ личнымъ управленіемъ его, оперъ въ Германіи и въ Австріи. Наконецъ въ 1879 году опера «Купецъ Калашниковъ» была имъ окончена и представлена въ дирекцію для постановки.

Возрастаніе его извѣстности въ публикѣ всѣхъ странъ отражалось и на издателяхъ его сочиненій. Ему стало возможнымъ всюду получать авторскій гонораръ за свои сочиненія. Его оперы издавались въ Германіи, въ Россіи и отчасти во Франціи; романсы его появлялись въ печати на разныхъ языкахъ, а фортепіанныя сочиненія въ изданіяхъ разныхъ странъ—не исключая Америки.

Всѣ романсы, сочиненные имъ на иностранные тексты, издавались также съ русскимъ переводомъ, и обратно. Всѣ его новыя сочиненія—кромѣ оперъ, симфоній и камерной музыки — издавались въ Россіи (до 1879 года) нашей фирмой исключительно. Конечно подобное преимущество одной фирмы возбуждало ревность другихъ издателей и привело, наконецъ, въ 1879 году, къ непріятному столкновенію, между мною и Антономъ Григорьевичемъ. Онъ обѣщалъ мнѣ, весною, когда опера «Купецъ Калашниковъ» еще не была окончена—передать ее для изданія нашей фирмѣ; затѣмъ, будучи въ Москвѣ (по случаю благотворительнаго концерта въ пользу погорѣльцевъ города Оренбурга), онъ принялъ обширное предложеніе одного московскаго издателя, въ которое вошла и новая его опера. Взамѣнъ этого, онъ предложилъ другія сочиненія свои, но предложеніе его не могло быть мною принято; этотъ мой отказъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ временное охлажденіе въ личныхъ нашихъ отношеніяхъ и прекращеніе нашей фирмой дальнѣйшаго изданія его произведеній. — Покойный Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ, пріѣзжавшій изъ Москвы въ іюнѣ для поѣздки на югъ Россіи и на Кавказъ вмѣстѣ съ братомъ, былъ весьма опечаленъ этимъ разрывомъ. Онъ всячески старался смягчить его послѣдствія, что ему конечно и удалось; неожиданная смерть его, въ 1881 году (въ Парижѣ) помѣшала ему насъ вполнѣ сблизить. Сохранилась, всетаки между нами нѣкоторая связь, которая въ будущемъ привела къ новому сближенію, если и не столь интимному какъ прежде, то къ весьма дружественному и довольно тѣсному.

Постановка оперы «Купецъ Калашниковъ» состоялась 22-го февраля 1880 года.—Она имѣла солидный успѣхъ, но къ всеобщему сожалѣнію

была прекращена по особому распоряженію министра императорскаго Двора.

Много горя переживалъ авторъ оперы «Купецъ Калашниковъ» отъ этого запрещенія. Онъ цѣнилъ эту оперу болѣе другихъ и вѣрилъ въ прочный успѣхъ ея на русскихъ оперныхъ сценахъ.

Много лѣтъ спустя, опера «Купецъ Калашниковъ» была вновь разучена и вся обстановка ея возобновлена; 10-го января 1889 года состоялся «дневной оперный спектакль» спеціально для Высочайшихъ особъ. Но и эта попытка не привела къ желаемой цѣли, т. е. внесенію ея въ репертуаръ Маріинскаго театра—она осталась и остается, по сіе время, исключенной изъ репертуара придворнаго театра, будучи безусловно разрѣшенной къ постановкѣ на сценѣ драматической цензурой.

Основаніе спеціально - музыкальнаго журнала фирмой «В. Бессель и Комп.» въ концѣ 1885 года, подъ моею редакціей, совпало съ великимъ артистическимъ предпріятіемъ Рубинштейна, съ его «историческими концертами». Это колоссальное предпріятіе, удивившее весь музыкальный міръ, содѣйствовало нашему вновь сближенію. Получивъ приглашеніе на посѣщеніе «безплатныхъ» повтореній этихъ удивительныхъ концертовъ я сталъ видѣться съ Антономъ Григорьевичемъ болѣе часто. Значеніе этихъ знаменитыхъ «историческихъ концертовъ» Ц. А. Кюи, мой главный сотрудникъ по «музыкальному обозрѣнію», характеризуетъ нижеслѣдующими словами [1]):

«Рубинштейнъ совершилъ великое дѣло. Онъ провелъ передъ слушателями, въ своемъ дивномъ исполненіи, въ хронологическомъ порядкѣ, рядъ фортепіанныхъ композиторовъ, онъ въ звукахъ разсказалъ исторію фортепіанной игры и фортепіаннаго творчества. Особенной же признательности онъ заслуживаетъ за то, что самъ, будучи русскимъ художникомъ, онъ не побрезгалъ музыкой русскихъ композиторовъ. Наша музыка со всякимъ днемъ пользуется все бо̀льшимъ уваженіемъ заграницей и все чаще тамъ исполняется, но русскіе артисты пока рѣдко нисходятъ до русскихъ композиторовъ....

«Въ заключеніе укажу еще разъ на двѣ безконечно симпатичныя черты художественной дѣятельности Рубинштейна. Онъ не справляется со вкусами публики, онъ служитъ только искусству и силою своего громаднаго таланта увлекаетъ ее за собою, онъ желаетъ сдѣлать искусство доступнымъ всѣмъ и повторяетъ свои концерты безплатно. Такъ можетъ поступать только истинный художникъ въ самомъ возвышенномъ смыслѣ этого слова».

Интересъ къ этому «музыкальному событію» былъ такъ громаденъ, что я охотно слушалъ каждый концертъ оба раза, т. е. по приглашенію

[1]) См. „Музыкальное обозрѣніе“ 1885—86 года, № 20.

и по платному билету. Никогда, въ многолѣтней музыкальной жизни моей, мнѣ не приходилось выносить болѣе сильныхъ, глубокихъ и чудныхъ впечатлѣній. Воспоминанія объ этихъ концертахъ принадлежатъ къ наилучшимъ, къ наивозвышеннымъ. Дни этихъ концертовъ были для меня великими праздниками, а для виновника ихъ—большимъ торжествомъ. Къ сожалѣнію здоровье, хотя истинно колоссальное, Антона Григорьевича, не вынесло до конца страшнаго напряженія, физическаго и нервнаго. Въ концѣ этого грандіознаго путешествія, въ послѣднемъ концертѣ въ Парижѣ (при страшной жарѣ въ залѣ, въ маѣ мѣсяцѣ) съ нимъ случился обморокъ и онъ не могъ докончить концерта. Къ величайшему счастію послѣдствій серьезныхъ не оказалось; геніальный художникъ оправился вполнѣ и еще многіе годы продолжалъ свое возвышенное служеніе музыкальному искусству. Въ слѣдующій сезонъ 1886—87 годовъ Антонъ Григорьевичъ принялъ на себя управленіе всѣми концертами русскаго Музыкальнаго общества въ Петербургѣ и нѣсколькими—въ Москвѣ. Онъ рѣшился впервые, послѣ многихъ лѣтъ, провести эту зиму въ Петербургѣ и даже нанялъ себѣ квартиру (въ Троицкой улицѣ, д. № 27, въ бель-этажѣ).

Въ концѣ 1886 г. въ послѣдніе дни декабря, директоръ С.-Петербургской консерваторіи К. Ю. Давыдовъ совершенно неожиданно уѣхалъ и сообщилъ письменно дирекціи Музыкальнаго общества объ отказѣ своемъ отъ должности. Товарищъ предсѣдателя главной дирекціи, сенаторъ А. Н. Марковичъ поѣхалъ немедленно къ Антону Григорьевичу и упросилъ его, хотя временно, взять на себя обязанности директора консерваторіи. Въ этотъ моментъ надъ консерваторіею тяготѣли такія тучи, что только мощная рука Рубинштейна могла спасти его дѣтище отъ весьма тяжкаго кризиса. Онъ немедленно согласился, и уже 2-го января 1887 г. вступилъ въ обязанности директора консерваторіи. Съ присущей ему энергіей и стойкостію онъ приступилъ къ изученію всего дѣла преподаванія, всѣхъ преподавателей, также и учащихся; онъ терпѣливо и спокойно довелъ до конца учебный годъ и затѣмъ уже рѣшился приступить къ тѣмъ реформамъ, которыя ему казались необходимыми.

Главною цѣлью задуманныхъ имъ улучшеній было освобожденіе консерваторіи отъ излишней чрезмѣрно развившейся фортепіанной педагогіи, въ которой задачи техники стали преобладать надъ самимъ искусствомъ, т. е. средства надъ цѣлью. Потому онъ, между прочимъ, и не согласился на открытіе подготовительнаго музыкальнаго училища [1]), которое несомнѣнно преслѣдовало бы развитіе фортепіанной техники.

---

[1]) Для училища уже нанято было помѣщеніе; открытіе его было уже объявлено.

Онъ стремился направить все преподаваніе на изученіе по возможности болѣе хорошей музыки, классической по преимуществу, т. е. самаго искусства. Программы публичныхъ вечеровъ учащихся въ консерваторіи замѣтно видоизмѣнились, экзаменныя требованія расширились, весь уровень музыкальной жизни, несомнѣнно, поднялся [1]). Чувствовалось вступая въ стѣны консерваторіи присутствіе въ ней великаго, мощнаго художника; припоминалось мнѣ то отдаленное время, когда я самъ посѣщалъ классы и сближался съ этимъ «колоссомъ». Обхожденіе его со всѣми было теперь еще спокойнѣе, выносливѣе, любезнѣе, чѣмъ тогда. Отношенія его къ профессорамъ установились самыя радушныя, довѣрчивыя и симпатичныя. Молодыхъ преподавателей онъ такъ расположилъ къ себѣ, что до конца жизни его они сохранили глубочайшую къ нему преданность.

Обращаясь вновь къ неимовѣрной, полезной, выдающейся дѣятельности Рубинштейна, какъ директора консерваторіи, я не могу не вспомнить о томъ великомъ дѣлѣ, которое онъ совершилъ: я говорю о его прославившихся лекціяхъ фортепіанной литературы, которыя онъ провелъ для высшихъ курсовъ—піанистовъ и для постороннихъ музыкантовъ, преподавателей и преподавательницъ игры на фортепіано (въ залѣ консерваторіи). Это было истинное событіе въ музыкальномъ мірѣ; о немъ говорили всюду въ музыкальныхъ центрахъ Европы: въ Парижѣ, Лейпцигѣ, въ Лондонѣ, въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ; всѣ музыкальныя газеты сообщали разныя подробности объ этомъ событіи. Въ сентябрѣ 1888 года былъ имъ открытъ «курсъ литературы фортепіанныхъ произведеній», который продолжался всю зиму, до самаго начала экзаменовъ въ консерваторіи. Къ величайшему и всеобщему сожалѣнію курсъ этотъ имъ не былъ повторенъ. Сколько незабвенныхъ, чудныхъ часовъ провелъ я на этомъ курсѣ, сколько наслажденій, высокихъ истинно-художественныхъ давалъ массѣ слушавшихъ его нашъ великій художникъ; сколько знаній и артистической опытности выказалъ тутъ этотъ геніальный піанистъ; какое глубокое знаніе своего инструмента, его исторіи, а главное всей литературы его, всѣхъ странъ и временъ!

Къ сожалѣнію всеобщему, ему не удалось закончить курсъ свой такъ, какъ имъ было предположено: онъ не могъ, по недостатку времени, включить въ него современныхъ (не исключая русскихъ) композиторовъ. Онъ обѣщалъ это сдѣлать во второмъ году, но этотъ второй годъ не осуществился.

---

[1]) Ему пришлось при своихъ новыхъ порядкахъ сталкиваться съ оппозиціей преподавателей—педагоговъ. Нѣкоторые, весьма почтенные, оставили консерваторію, тогда Антонъ Григорьевичъ самъ открылъ классъ и принялъ великодушное предложеніе услугъ престарѣлаго уже А. Гензельта, который, желая его выручить, тоже открылъ классъ свой въ консерваторіи.

Позволю себѣ здѣсь напомнить, въ какихъ выраженіяхъ Ц. А. Кюи отозвался объ этомъ музыкальномъ событіи 1888—89 года въ своей брошюрѣ [1]), посвященной этимъ знаменитымъ лекціямъ Рубинштейна. Въ концѣ ея онъ говоритъ слѣдующее: «да, дѣйствительно онъ совершилъ великое, безпримѣрное художественное дѣло. Въ одинъ сезонъ онъ представилъ слушателямъ полную картину развитія фортепіанной техники и фортепіанной музыки. Объ исполненіи Рубинштейна, мѣняющемъ характеръ вмѣстѣ съ характеромъ исполняемаго, объ исполненіи технически сильномъ и вдохновенномъ по духу говорить не стану, но обращу особенное вниманіе на его замѣчанія, мѣткія, правдивыя, безпристрастныя, смѣлыя, оригинальныя, основанныя на всестороннемъ изученіи дѣла, на глубокомъ пониманіи, на тонкомъ и образованномъ вкусѣ; ни въ одномъ критическомъ этюдѣ не найти ничего подобнаго, несмотря на ихъ краткость и отрывистый характеръ.

« . . . . Программа, такъ энергично выполненная Рубинштейномъ, безпримѣрно колоссальна, и ею онъ себя увѣковѣчилъ въ памяти восхищенныхъ и признательныхъ слушателей. . . .

« . . . . Въ артистическомъ мірѣ, такъ сильно развивающемъ и разжигающемъ самолюбіе, самоотверженіе—явленіе совершенно исключительное. Поэтому нельзя достаточно благоговѣть передъ художниками, которые работали болѣе для другихъ, чѣмъ для себя, а иногда и въ ущербъ себѣ. Къ такимъ именно принадлежитъ Рубинштейнъ, посвятившій столько силъ и времени ознакомленію слушателей съ длинной исторической вереницей фортепіанныхъ композиторовъ всѣхъ странъ и временъ. Такіе художники составляютъ славу современниковъ и гордость потомства».

Въ сезонъ 1888—89 года уже образовался распорядительный комитетъ, съ высочайшаго государя императора соизволенія, для чествованія пятидесятилѣтія музыкально-художественной дѣятельности А. Гр. Рубинштейна, подъ предсѣдательствомъ его высочества герцога Георгія Георгіевича Мекленбургъ-Стрелицкаго. Комитету этому высочайше разрѣшено было устроить торжественный актъ 18-го (30-го) ноября 1889 года и соотвѣтствующія музыкальныя празднества выбить въ честь юбиляра медаль; открыть въ средѣ императорскаго русскаго Музыкальнаго общества и между почитателями юбиляра подписку на составленіе фонда для предоставленія его въ распоряженіе А. Гр. Рубинштейна. Самъ Антонъ Григорьевичъ за недѣлю до своего юбилея говорилъ мнѣ: «я боюсь только за излишества, du vrai au ridicul il n'y a qu'un seul pas» [2]). Празднества юбилея, продолжавшіяся цѣлые пять дней,

---

[1]) „Исторія литературы фортепіанной музыки. Курсъ А. Гр. Рубинштейна 1888—89 г." Составилъ Ц. Кюи. С.-Петербургъ, 1889 г.

[2]) „Отъ серьезнаго до смѣшнаго—одинъ только шагъ".

страшно утомляли юбиляра, а отчасти и посѣтителей; чувствовалось излишество ихъ, т. е. именно то, чего болѣе всего опасался самъ Рубинштейнъ!

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Рубинштейнъ, какъ уже сказано, оставилъ свой постъ и покинулъ Россію, съ намѣреніемъ болѣе не возвращаться на жительство въ свое отечество.

Поселившись въ Дрезденѣ, съ осени 1890 года, Антонъ Григорьевичъ въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ только изрѣдка выѣзжалъ оттуда по особымъ обстоятельствамъ, даже лѣтомъ онъ оставался въ окрестностяхъ Дрездена, въ Саксонской Швейцаріи. Не мало пріѣзжало туда, для свиданія съ нимъ, соотечественницъ, не только лѣтомъ, но даже въ теченіе зимы. Въ зиму 1891—92 года, когда Россію постигнулъ неурожай, добрый и отзывчивый Антонъ Григорьевичъ пріѣзжалъ въ декабрѣ въ Россію, далъ два концерта, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, и внесъ свою лепту на пользу голодающихъ, въ солидной суммѣ около 15,000 рублей. Зимою 1893—94 года онъ серьезно заболѣлъ въ Дрезденѣ, но довольно скоро поправился. Одинокая жизнь въ отеляхъ ему становилась уже тягостной и онъ рѣшился, мучимый тоской по отечеству и внучатамъ своимъ, вновь переселиться въ Петергофъ. Въ концѣ мая 1894 года онъ пріѣхалъ въ Россію, совершенно бодрый и на видъ здоровый. Въ іюлѣ я былъ у него въ Петергофѣ; на привѣтствіе мое съ возвращеніемъ въ Россію, онъ мнѣ совершенно серьезно и довольно мрачно отвѣтилъ: «я пріѣхалъ сюда умирать!» Я обратилъ въ шутку эти печальныя его слова, но судьбѣ угодно было ихъ превратить въ дѣйствительность—въ эту-же осень его не стало!

Сентября 10-го, въ годовой день смерти его сына Александра, я пріѣзжалъ въ Петергофъ для присутствованія на панихидѣ. Въ теченіе всего богослуженія мой взглядъ приковывала мощная фигура молящагося маститаго с т а р ц а (онъ впервые произвелъ на меня подобное впечатлѣніе). Затѣмъ мы отправились къ нему. Онъ былъ весьма доволенъ, получивъ во время завтрака очень симпатичную телеграмму отъ великой княгини Александры Іосифовны (изъ Стрѣльны), и казался совсѣмъ здоровымъ и довольно бодрымъ. Въ послѣдній разъ, я былъ у него въ Петергофѣ 30-го сентября; онъ меня принялъ въ своей оригинальной рабочей комнаткѣ, устроенной въ башнѣ его великолѣпнаго дома. Мы говорили о его сочиненіяхъ; онъ разсказывалъ мнѣ о предстоявшихъ въ будущемъ маѣ представленіяхъ въ Любекѣ его духовной оперы «Христосъ» подъ его личнымъ управленіемъ! При прощаніи онъ сказалъ мнѣ, что вечеромъ поѣдетъ въ Петербургъ на юбилей своего близкаго знакомаго доктора Раухфуса. Я спросилъ его «будетъ музыка»? «Конечно, какъ всегда, и меня заставятъ играть», отвѣтилъ онъ мнѣ съ добродушной, милой улыбкой.

Послѣ этого я видѣлъ А. Г. Рубинштейна только однажды, а именно 16-го

октября, въ день двадцатипятилѣтняго юбилея нашей фирмы «В. Бессель и К°», у насъ на молебнѣ. Въ это утро онъ былъ очарователенъ; пріѣхавъ въ Петербургъ въ субботу на первое симфоническое собраніе музыкальнаго общества, онъ переночевалъ въ Петербургѣ, чтобы украсить своимъ присутствіемъ нашъ скромный праздникъ.—Это былъ его послѣдній выѣздъ изъ Петергофа; въ скоромъ времени, въ ночь съ 7-го на 8-е ноября, послѣ краткихъ—всего 20 минутъ—страданій сошелъ въ вѣчность (отъ разрыва сердца) этотъ геніальный артистъ и чудный человѣкъ!!!

Печальная вѣсть о смерти Рубинштейна дошла до меня уже утромъ; въ этотъ-же день, вечеромъ, я присутствовалъ на панихидѣ, при участіи всей консерваторіи и многихъ друзей дорогаго всѣмъ скончавшагося. Чудное, удивительное, возвышенное впечатлѣніе производилъ этотъ человѣкъ—даже лёжа въ гробу! Лицо его, нѣсколько опухшее съ его чудными волосами, почти безъ сѣдины стало еще болѣе, нежели при жизни, напоминать голову Бетховена! Похороны состоялись ровно черезъ недѣлю, въ Петербургѣ, при весьма многочисленномъ участіи публики всѣхъ классовъ. Отпѣваніе происходило въ Троицкомъ соборѣ; тамъ-же тѣло выставлено было на цѣлые сутки, для прощанія. Около него было устроено очередное дежурство профессоровъ и преподавателей консерваторіи, днемъ и ночью. Масса людей перебывала въ соборѣ для прощанія съ этимъ великимъ человѣкомъ. Прахъ его покоится на кладбищѣ Александро-Невской Лавры, тамъ-же, гдѣ покоится прахъ всѣхъ русскихъ композиторовъ: Глинки, Сѣрова, Даргомыжскаго, Бородина, Мусоргскаго и Чайковскаго.

Этотъ краткій очеркъ моихъ воспоминаній о Рубинштейнѣ я хочу дополнить еще отдѣльными эпизодами и своими заключеніями объ этомъ великомъ музыкантѣ-художникѣ.

Однажды, въ Петергофѣ,—это было лѣтомъ—когда мы вышли вмѣстѣ послѣ обѣда на чудную террасу, гдѣ онъ любилъ выкурить хорошую сигару, я обратился къ нему съ вопросомъ: какъ относится онъ къ всевозможнымъ изобрѣтеніямъ и приспособленіямъ (въ то время очень часто появлявшимся), имѣющимъ цѣлью увеличеніе продолжительности звука фортепіано. Поводомъ для моего вопроса было новое изобрѣтеніе подъ названіемъ «prolongement», въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Это изобрѣтеніе находило ярыхъ защитниковъ въ Вѣнѣ (проф. Гансъ Шмидтъ и др.), а у насъ въ лицѣ Ѳ. О. Лешетицкаго, тогда еще жившаго въ Петербургѣ. Я обратился къ нему съ просьбой отвѣтить мнѣ обстоятельно, такъ какъ его мнѣніе должно разрѣшить мои сомнѣнія по этому дѣлу. Онъ съ обычною готовностію разсказалъ мнѣ, какъ, будучи въ послѣдній разъ въ Парижѣ, ему пришлось

въ салонѣ фортепіаннаго фабриканта испытывать это новое изобрѣтеніе, и что онъ своимъ ударомъ (при употребленіи обыкновенной педали) пересилилъ звукъ фортепіано съ педалью prolongement. Затѣмъ сказалъ онъ мнѣ категорически слѣдующее: «для меня и вообще для всѣхъ современныхъ піанистовъ, это изобрѣтеніе не имѣетъ рѣшительно никакого значенія, потому что всякое, дѣйствительно важное изобрѣтеніе этого рода – какого, пока еще, по моему мнѣнію, не появлялось—должно повлечь за собою совершенное видоизмѣненіе техники фортепіанной игры; я же выработалъ свою игру на основаніи прежняго устройства механизма фортепіано, передѣлывать себя не могу и нахожу современные наши инструменты превосходными и достаточно совершенными въ томъ видѣ, въ которомъ они теперь фабрикуются». Далѣе онъ сказалъ мнѣ, что приписываетъ значительную долю своего виртуознаго успѣха и впечатлѣнія, которое онъ производитъ на своихъ слушателей, именно тому, что онъ болѣе другихъ изучалъ и продолжаетъ изучать «секретъ педализаціи», совершенно недостаточно изученный даже выдающимися современными піанистами.

Скажу здѣсь тоже нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Рубинштейна къ Фр. Листу и Р. Вагнеру. Въ 1854 году, какъ извѣстно, Антонъ Григорьевичъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Веймарѣ у Фр. Листа въ его знаменитой виллѣ «Altenburg» и принадлежалъ къ самымъ восторженнымъ поклонникамъ его. Впослѣдствіи принципіальное разногласіе этихъ двухъ великихъ музыкантовъ, на композиторскомъ поприщѣ, было на столько значительно, что Фр. Листъ обвинялъ Рубинштейна въ отсталости въ формахъ, въ безполезномъ подражаніи классикамъ, въ отсутствіи стремленія къ новымъ путямъ въ искусствѣ—вслѣдствіе чего его творчество не выдвигается и теряетъ долю своего значенія. Рубинштейнъ болѣе рѣзко высказывался по отношенію къ своему геніальному собрату-виртуозу. Онъ отрицалъ въ немъ всякое композиторское дарованіе, враждебно относился ко всѣмъ его прогрессивнымъ стремленіямъ и даже къ основанному имъ Всеобще-Германскому музыкальному обществу (Algemeine deutsche Musik-Verein), преслѣдовавшему, подъ его покровительствомъ, одинаковыя съ нимъ прогрессивныя цѣли. Отказъ Рубинштейна принять участіе, какъ піанистъ, въ одномъ изъ ежегодныхъ фестиваловъ этого общества имѣлъ послѣдствіемъ разрывъ между ними, продолжавшійся около 10 лѣтъ. Впослѣдствіи ихъ отношенія вновь измѣнились и улучшились; они опять видѣлись довольно часто—въ особенности въ послѣдніе годы жизни Фр. Листа (умеръ въ августѣ 1886 г.).

Рубинштейнъ былъ самымъ рѣшительнымъ и убѣжденнымъ противникомъ направленія и композиторской дѣятельности Р. Вагнера, въ оперной музыкѣ; онъ даже отрицалъ въ немъ всякое композиторское

призваніе, считалъ его музыкальнымъ мыслителемъ, философомъ, а не музыкантомъ-творцомъ. Даже всемірный успѣхъ вагнеровскихъ оперныхъ произведеній, свидѣтелемъ котораго ему пришлось быть въ послѣдніе годы своей жизни, нисколько не повліялъ на Рубинштейна, не измѣнялъ его взгляда, глубоко укоренившагося. Его только печалило это грустное явленіе, ибо въ немъ онъ видѣлъ «истинное несчастіе для музыкальнаго искусства, упадокъ его, даже погибель».

Эта стойкость, выдержанность, убѣжденность взгляда его была обоснована полнѣйшимъ знакомствомъ со всѣмъ творчествомъ Р. Вагнера; всѣ его произведенія ему были хорошо знакомы, онъ посѣщалъ Байретъ и прослушалъ тамъ (въ 1887 году) «Нибелунговъ перстень» и даже «Парсифаль». Будучи противникомъ музыкальнаго творчества Р. Вагнера, Рубинштейнъ относился одобрительно къ выбору сюжетовъ его для своихъ оперъ. Весьма вѣроятно, что задуманныя и отчасти проведенныя въ жизнь «Духовныя оперы» Рубинштейна явились послѣдствіемъ творчества Р. Вагнера и нельзя не сожалѣть глубоко, что неожиданно наступившая смерть Антона Григорьевича не дала ему докончить свою великую задачу—создать новый-оперный стиль, новое направленіе въ оперномъ искусствѣ, какъ противовѣсъ вагнеровскому направленію въ Германіи.

Геніальный піанистъ Рубинштейнъ былъ одновременно и выдающимся композиторомъ. Піанистъ Рубинштейнъ развился въ Россіи и появился въ Европѣ уже виртуозомъ, всюду возбуждая восторги и удивленіе; композиторъ Рубинштейнъ не могъ въ то время развиться въ Россіи, онъ вынужденъ былъ пріобрѣтать музыкально-научныя познанія въ Германіи, гдѣ сблизился съ Мендельсономъ и окружавшими его представителями нѣмецко-романтическаго направленія. Продолжительное время въ юные годы Рубинштейнъ жилъ въ Берлинѣ, пользовался уроками профессора Дена (у котораго значительно ранѣе учился М. И. Глинка); свободное отъ занятій время, Рубинштейнъ проводилъ въ семьѣ банкира Мендельсона (отца композитора). Если-бъ онъ не былъ піанистомъ-виртуозомъ, да еще очень юнымъ, то сохранилъ-бы въ себѣ болѣе національной самостоятельности (подобно Глинкѣ) и не подпалъ-бы подъ вліяніе лейпцигской среды музыкантовъ, съ Феликсомъ Мендельсономъ и Робертомъ Шуманомъ во главѣ. Оно и понятно: въ Россіи не было въ то время (до Глинки) ни консерваторій, ни композиторовъ, ни издателей нотъ—какъ-же развиться серьезному композиторскому таланту? Не будь Рубинштейнъ выдающимся піанистомъ-виртуозомъ, а будь онъ вынужденъ жить въ Россіи, композиторскій талантъ его получилъ-бы иное направленіе. Онъ непремѣнно сошелся-бы

ближе съ М. И. Глинкой и немногочисленными, но горячими поклонниками его творчества.

Когда Рубинштейнъ вернулся въ Россію, онъ былъ уже вполнѣ сложившійся, по своимъ идеаламъ въ искусствѣ, композиторъ, имъ было написано множество всякихъ музыкальныхъ произведеній, въ стилѣ германскихъ композиторовъ; тамъ въ Германіи, онъ уже пользовался нѣкоторою извѣстностію—какъ композиторъ. Нѣкоторыя сочиненія его на русскіе тексты не измѣняли усвоеннаго имъ стиля. Будучи принципіальнымъ противникомъ національности въ музыкѣ, онъ не могъ не продолжать своего творчества въ томъ направленіи, въ которомъ оно началось. Только упорнымъ его отрицаніемъ, національности т. е. національнаго стиля, можно объяснить себѣ то странное явленіе, что творчество геніальнаго Глинки не оставило ни малѣйшаго слѣда въ сочиненіяхъ Рубинштейна. Когда Рубинштейнъ сталъ жить въ Россіи болѣе продолжительное время (съ 1857—1867 г.), тогда въ немъ окрѣпло уваженіе къ сочиненіямъ Глинки; впослѣдствіи онъ признавалъ даже «Рогнѣду» Сѣрова и затѣмъ, въ послѣдніе годы своей жизни, произведенія Чайковскаго и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ русскихъ композиторовъ (Лядова, Глазунова). Будучи въ душѣ вполнѣ русскимъ гражданиномъ, онъ искренно любилъ Россію; свою любовь къ отечеству онъ доказывалъ въ теченіе всей многолѣтней жизни своей: онъ былъ основателемъ русскаго Музыкальнаго общества и консерваторіи; онъ создалъ новое въ Россіи сословіе музыкантовъ-художниковъ; онъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ поборниковъ русско-оперныхъ представленій (вмѣсто итальянскихъ); онъ поднялъ уровень нашей концертной публики и уровень преподаванія музыки въ Россіи; наконецъ щедрая благотворительность его составляетъ совершенно исключительное явленіе въ современной нашей жизни. Но проявившійся—во время жизни его—стиль русской музыки онъ не признавалъ и потому не вносилъ его въ собственное творчество. Онъ до конца жизни остается вѣренъ своему принципіальному отрицанію національности въ искусствѣ, допуская проявленіе всякой національности только въ народной пѣснѣ или пляскѣ.

Въ Европѣ его называли «русскимъ композиторомъ»—вѣдь тамъ почти никто не знакомъ со стилемъ истинно-русскихъ произведеній—а у себя, въ своемъ отечествѣ, въ Россіи, его не признавали «русскимъ» композиторомъ. Эта двойственность, весьма естественно, очень долго вредила его композиторскому успѣху и славѣ, которая только на склонѣ жизни улыбалась ему чаще прежняго—какъ въ Россіи, такъ-же и заграницей!

Отказавшись отъ требованій національчости въ творчествѣ Рубинштейна, мы находимъ въ немъ много оригинальнаго, своеобразнаго, возвышеннаго, увлекательнаго и порывистаго. Во всѣхъ областяхъ музы-

кальнаго творчества его произведенія занимаютъ видное мѣсто на ряду, а иногда и выше всѣхъ современныхъ авторовъ. Припомнимъ его чудные струнные квартеты и фортепіанныя тріо; его характерныя картины для оркестра, фортепіанные концерты, его симфоніи («Океанъ») и концертныя увертюры, ораторіи, хоры и множество хорошихъ романсовъ и фортепіанныхъ піесъ всевозможнаго характера и настроенія—и наконецъ его оперы. Если-бъ онъ написалъ только одну оперу «Демонъ», имя его на долго увѣковѣчилось-бы; но онъ создалъ нѣсколько выдающихся оперъ,—къ сожалѣнію мало исполняемыхъ въ Россіи. Если Рубинштейнъ не вносилъ въ свои произведенія національнаго стиля, то онъ тѣмъ не менѣе всегда стремился къ характеристикѣ и колориту; особенно удавалась ему характеристика Востока. Ни одинъ композиторъ не создалъ столько прелестной «восточной» музыки, сколько намъ оставилъ въ своихъ произведеніяхъ Рубинштейнъ: романсъ Азра, персидскія пѣсни, танцы въ операхъ «Фераморсъ» и «Демонъ»—и во многихъ другихъ своихъ сочиненіяхъ.

Рубинштейнъ піанистъ умеръ; но даровитый композиторъ, всемірный, оригинальный и симпатичный продолжаетъ свою жизнь въ оставленныхъ намъ въ наслѣдство многочисленныхъ произведеніяхъ, къ счастію изданныхъ и потому всѣмъ доступныхъ. О піанистѣ будутъ помнить слышавшіе его художественную, дивную игру, но будутъ-ли помнить и не забывать чуднаго человѣка Рубинштейна? Мы, русскіе люди, такъ слабопамятны; мы такъ мало привыкли цѣнить умершихъ дѣятелей, мы такъ рѣдко заботимся объ увѣковѣченіи памяти прежнихъ дѣятелей, что легко можетъ случиться подобная несправедливость и по отношенію къ этому выдающемуся общественному дѣятелю и патріоту. Къ счастію, ему удалось при жизни учредить—на пожертвованные имъ-же 25.000 руб. сер. («излишекъ» по его взгляду отъ историческихъ концертовъ!) вѣчный конкурсъ для піанистовъ и композиторовъ всѣхъ странъ. Это прекрасное увѣковѣченіе его славнаго имени! Но и мы также обязаны стремиться къ увѣковѣченію имени Рубинштейна, какъ общественнаго дѣятеля, какъ иниціатора въ дѣлѣ упорядоченія музыкальной жизни въ Россіи, какъ учредителя русскаго Музыкальнаго общества и консерваторіи. Пусть потомство наше озаботится о памятникѣ этому великому русскому музыканту и гражданину,—а мы должны передать свое теплое отношеніе къ недавно умершему другу нашему; мы должны устроить «Музей Рубинштейна» въ зданіи новой консерваторіи, собрать въ немъ все, что можетъ сохранить память о немъ, о его жизни, о его дѣятельности и его славѣ!

Василій Бессель.

ВОСПОМИНАНІЯ

офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—1878 г.г.

IV [1]).

Переходъ черезъ Дунай.—Царевецъ.—Акчанръ.—Горный Студень.

На другой день, 18-го сентября, насъ подняли неособенно рано, такъ какъ предстоящій переходъ до деревни Царевецъ былъ всего только восьмиверстный. Въ эту ночь земля покрылась инеемъ—видно не въ одной только Россіи объ эту пору бываютъ утреники; маленькій морозецъ не помѣшалъ слѣдующему дню быть очень жаркимъ.

Въ ожиданіи командира полка, всѣ баталіоны расположились въ одну линію на самомъ берегу Дуная, фронтомъ къ Турціи. Командиръ полка, князь Николай Николаевичъ Оболенскій, здороваясь съ баталіонами, каждому изъ нихъ сказалъ громкимъ воодушевляющимъ голосомъ по краткой рѣчи, суть которой сводилась къ тому, чтобъ люди, которые черезъ какой-нибудь часъ времени вступятъ въ непріятельскую страну, не забывали бы, что они преображенцы и что они должны съ честью носить это имя, а сухарь и патронъ должны беречь пуще глаза. Дружное «ура» было отвѣтомъ на слова князя. Затѣмъ всѣ обнажили головы, перекрестились и направились къ переправѣ.

Главный большой мостъ остался отъ насъ влѣво; намъ же пришлось переходить черезъ три маленькихъ моста, перекинутыхъ сначала съ берега на маленькій островъ, потомъ съ этого острова на другой островъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1898 г.

и наконецъ съ послѣдняго уже на турецкій берегъ. Мосты были самой простой конструкціи на плотахъ и очень низкіе. Полкъ сильно растянулся, потому что мосты были узкіе и не помѣщали болѣе пяти человѣкъ въ рядъ. По мѣрѣ того, какъ люди вступали на правый берегъ, они продолжали въ разсыпную, какъ кто хотѣлъ, тихо подыматься въ гору, кто тропинкой, кто дорогой, а кто и просто ближайшимъ путемъ прямо по обрывамъ и оврагамъ. Весь скатъ того берега представлялъ сплошной фруктовый садъ, но на половину вырубленный; жаль было смотрѣть на оставшіеся объемистые пни, между которыми на каждомъ шагу мы находили слѣды сраженія въ день переправы: тутъ валялись патроны, пустыя гильзы, грязныя фески и армейскія кепи, тряпки и разная мелочь. Солдаты интересовались всякою находкою и осматривали ее со всѣхъ сторонъ. Въ особенности тѣшили ихъ черепахи; они ихъ ловили, поворачивали на всѣ лады, играли въ нихъ какъ въ мячъ и въ концѣ концовъ обязательно ихъ убивали. Въ солдатахъ почему-то сложилось убѣжденіе, что черепаха такой же гадъ, какъ и змѣя или ящерица; но убить черепаху, которая въ Турціи не длиннѣе шести вершковъ, не такъ-то легко; ее пробовали подкладывать подъ колеса тяжелыхъ повозокъ, но онѣ не причиняли ей никакого вреда—броня упорно выдерживала тяжесть; обыкновенно же солдаты уничтожали ихъ сильнымъ ударомъ приклада, направленнымъ внизъ по вертикальной линіи, отъ черепахи оставалось, что называется, только мокро.

Немало потѣшалъ солдатъ одинъ болгаринъ-мельникъ, ѣхавшій по дорогѣ намъ навстрѣчу; его телѣжка была запряжена тройкой разношерстныхъ осликовъ, которые бѣжали самою веселою рысью. Какъ болгаринъ, такъ и ослики представляли солдатамъ одинаковый интересъ; какъ братушку, такъ и осликовъ они видѣли въ первый разъ въ жизни. Повозку обступили со всѣхъ сторонъ, такъ что болгаринъ долженъ былъ поневолѣ остановиться; я тоже подошелъ къ нему и началъ съ нимъ бесѣдовать. Мы понимали другъ друга вполнѣ; въ немъ сидѣлъ тотъ же юморъ, та же смѣтливость, то же добродушіе, что и въ русскомъ человѣкѣ. Мнѣ кажется, что болѣе подходящаго имени, какъ б р а т у ш к а, трудно было бы подыскать для болгарина; это слово впервые возникло въ эту кампанію и вышло прямо изъ народа. Солдаты и болгары обоюдно называли другъ друга братушкой, и это прозвище, безъ сомнѣнія, останется навсегда за болгарами; въ каждомъ разговорѣ съ болгариномъ, это слово произносилось безпрестанно, въ родѣ нашего выраженія: «братецъ ты мой», которое нашъ простолюдинъ любитъ примѣнять при всякомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ.

Дальнѣйшее наше движеніе въ гору черепашьимъ шагомъ было пріостановлено для того, чтобъ людямъ, которые переправлялись черезъ Дунай послѣдними, дать возможность догнать передовыя части полка;

да къ тому же солдаты, съ непривычки лазить по горамъ, немного устали. Часа черезъ два всѣ баталіоны были приведены въ порядокъ и направились на Царевецъ, который представлялся моему воображенію богатой деревней, гдѣ будетъ возможно закупить куръ, утокъ, хлѣба и т. п. Что же мы тамъ нашли? Вмѣсто избъ, одни только развалины, вмѣсто куръ—прыгали сороки, а жителей тамъ вовсе не было; одинъ только болгарскій попъ сидѣлъ у своего дома и уныло смотрѣлъ на проходящихъ.

Первое впечатлѣніе, которое мы восприняли въ Болгаріи, было самое грустное. На мои распросы, юркій и необыкновенно худой попъ объяснилъ мнѣ, что по всему пути отступленія турокъ намъ придется видѣть одинъ только раззоръ и отсутствіе всякой сельской жизни.

Бѣгство болгаръ въ горы, въ сторону отъ пути движенія войскъ, мнѣ было вполнѣ понятно, но развалившіяся избы, точно послѣ сильной бомбардировки, приводили меня въ недоумѣніе. Попъ разъяснилъ мнѣ, что стѣны избъ разносились для костровъ и для варки пищи сначала турками, а потомъ и нашими войсками. Обыкновенно дѣло начиналось съ разборки соломенной крыши на подстилку, потомъ солдаты начинали таскать себѣ изъ стѣнъ по брусочку для варки пищи и кончалось тѣмъ, что наконецъ обрушивалась и вся стѣна; такимъ образомъ цвѣтущія деревни превращались понемногу въ руины.

Люди очень обрадовались найти въ Царевцѣ фонтанъ чудной холодной воды. День былъ очень жаркій, вода бралась чуть не съ бою; къ ручью же никто не подходилъ, въ немъ валялась всякая падаль. Вообще говоря, по всей Турціи мы рѣдко терпѣли отъ недостатка воды, такъ какъ по дорогамъ часто встрѣчались фонтаны, устройство которыхъ считается на Востокѣ богоугоднымъ дѣломъ. Ихъ устройство совсѣмъ простое—каменный резервуаръ, въ который течетъ маленькая струйка ключевой горной воды; резервуаръ иногда изукрашенъ турецкими надписями. Фонтаны имѣютъ на Востокѣ громадное значеніе и крайне необходимы въ странахъ, гдѣ совершаются примитивныя тихія передвиженія по пустыннымъ дорогамъ.

Въ Царевцѣ шныряли казаки, армейскіе обозные солдаты и евреи, безъ которыхъ никогда не могла обойтись ни одна кампанія. Разговоръ съ попомъ и царевецкія развалины привели меня къ убѣжденію, что разсчитывать на закупку провизіи и продуктовъ гдѣ-нибудь впереди по дорогѣ нашего движенія, не слѣдуетъ, а будетъ лучше сейчасъ же закупить въ Систовѣ все, что только возможно, навьючить провизіей какого-нибудь ослика и держать его неотлучно при себѣ. Въ этотъ день, какъ нарочно, мнѣ удалось купить у болгарина ослика за двѣ желтицы (полуимперіалы) и одинъ серебряный рубль. Я сѣлъ верхомъ на ослика, поѣхалъ прямо къ моей палаткѣ и сдалъ его денщику, при-

казавъ тотчасъ же, при помощи ротнаго портнаго, устроить вьючное приспособленіе. Солдатики не замедлили поднять на смѣхъ моего, еще совсѣмъ юнаго, денщика, говоря, что теперь оселъ будетъ погонять осла. Денщикъ видимо былъ недоволенъ моей покупкой, вовсе не улыбался и вѣроятно рѣшилъ въ своей головѣ, что погонять осла будетъ для него оскорбительно.

Турецкіе ослики хотя и небольшаго роста, но могутъ возить на себѣ большія тяжести; они ѣдятъ все, что только имъ попадется и никакого ухода за собой не требуютъ. По своему характеру, это самое милое безобидное животное, но бываютъ непріятны по ночамъ изъ-за ихъ сильнаго, пронзительнаго крика, который бываетъ слышенъ на версту и даже болѣе, а въ особенности въ горахъ. Мнѣ кажется, что не существуетъ такого крѣпкаго сна, который не былъ бы нарушенъ, если возлѣ задыхающимся голосомъ начнетъ ревѣть оселъ. Нѣкоторые привязывали къ хвосту осла камень и тѣмъ заставляли его молчать, такъ какъ во время крика онъ имѣетъ обыкновеніе подымать хвостъ, а во время секретныхъ рекогносцировокъ ихъ даже нельзя было брать съ собой.

Во время похода я рѣшилъ продовольствоваться двоякимъ способомъ: во-первыхъ, состоять членомъ офицерской артели нашего втораго баталіона, а во-вторыхъ, имѣть свою собственную кухню для того, чтобъ ни отъ кого не зависѣть; мнѣ показалось, что такъ будетъ лучше, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ баталіонѣ, уже съ самаго начала, дѣло было поставлено на слишкомъ экономную ногу. Въ другихъ баталіонахъ распорядительные артельщики-офицеры заботились, подъискивали между солдатами хорошихъ поваровъ, закупали на болѣе продолжительное время провизію, завели вьючныхъ лошадей и осликовъ; у насъ же въ баталіонѣ ничего подобнаго не было. Видя такую скромность во вкусахъ большинства офицеровъ моего баталіона и возвращаясь съ обѣда часто голоднымъ, мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ взяться за свою собственную кухню. Я долженъ сознаться, что стряпать въ походѣ даже весело, въ особенности же въ дни скучныхъ дневокъ; день великъ, а дѣлать нечего, вотъ и начнешь что-нибудь кухарить. Конечно безъ походной кухни фантазія не разыграется, у меня же она была очень удобная и сдѣлана въ Петербургѣ по моему спеціальному заказу. Вся кухня помѣщалась въ одной кастрюлѣ шириною и вышиною въ пять вершковъ; въ нее входили: кастрюли меньшаго размѣра, сковороды, чайники, тарелки, складной таганъ, стаканы, солонка, перечница, ложки; все это аккуратно входило одно въ другое, такъ что при разборѣ этой кухни, могъ легко придти на умъ фокусникъ, который извлекаетъ, повидимому изъ ничего, массу различныхъ предметовъ.

Куда дѣвалась въ походѣ брезгливость? О ней и помину не было.

Ежедневно мой денщикъ приносилъ мнѣ мой паекъ, т. е. фунтъ вареной говядины; приносилъ онъ его, конечно, въ рукахъ, но еще до него этотъ паекъ перебывалъ въ рукахъ у кашевара, артельщика и дежурнаго унтеръ-офицера. Прикажешь заварить себѣ чай, начнешь пить и почувствуешь, что онъ попахиваетъ чѣмъ-то другимъ; ѣшь говядину, а вспоминаешь запахъ кожи, и т. д. Вспомнивъ о мясѣ, я не могу не упомянуть о томъ, что недоваренная говядина неблагопріятно отзывалась на деснахъ: онѣ начинали болѣть отъ усиленнаго пережевыванія мяса; въ особенности трудно было справляться зубамъ съ волокнистымъ буйволовьимъ мясомъ: оно было очень жесткое и отличалось темнымъ красноватымъ оттѣнкомъ.

Съ ржанымъ хлѣбомъ намъ пришлось проститься на долго; людямъ стали выдавать ячменный хлѣбъ, къ которому сразу было трудно привыкнуть: онъ прѣсный, мало гонитъ слюны и ложится тяжело на желудокъ.

Въ Царевцѣ была назначена дневка. Утромъ приносятъ ко мнѣ въ палатку приказъ, въ которомъ читаю, что ротамъ приказано заняться церемоніальнымъ маршемъ. Съ просонковъ я никакъ не могъ сразу сообразить, для чего онъ могъ понадобиться; но ларчикъ просто открывался—въ двухъ переходахъ отъ насъ въ Горномъ Студенѣ жилъ государь, которому нашъ полкъ долженъ былъ показаться въ томъ видѣ, въ какомъ онъ привыкъ насъ видѣть въ Петербургѣ.

Послѣ ученья офицеры собрались маленькими группами и отправились въ Систово, кто верхомъ, а кто въ телѣгѣ; у всѣхъ было одно на умѣ—пообѣдать въ какомъ-нибудь кабачкѣ и закупить провизіи. Я пристроился къ веселой компаніи, которая, ради потѣхи, устроила экипажъ à la Daumont, т. е. телѣгу, запряженную тремя парами въ уносъ; каждой парой управлялъ офицеръ, а всѣ остальные размѣстились въ телѣгѣ. Ѣхали мы въ Систово горами, ближайшей дорогой, которую взялся намъ указать нашъ общій хорошій знакомый маіоръ Александръ Романовичъ Гернгросъ (этапный комендантъ въ Систовѣ), пріѣхавшій навѣстить нашъ бивакъ. Маіоръ, гордый и довольный стоять во главѣ знакомыхъ преображенцевъ, ѣхалъ впереди насъ верхомъ крупною рысью и помахивалъ по сторонамъ плеткой. Встрѣчавшіеся намъ навстрѣчу братушки-пѣшеходы, завидя знакомую плетку, еще издали снимали шапки, останавливались и не знали, куда бы скрыться отъ несущагося на нихъ шумнаго потока, такъ какъ эта узкая дорога была высѣчена въ горахъ, а боковыя ея стѣны были отвѣсны. Эта дорога называлась дорогой Митхадъ-паши, который во-время своего губернаторства въ Болгаріи велѣлъ ее сдѣлать лично для своихъ цѣлей. Паша ѣздилъ по ней изъ Систово къ себѣ на дачу; для простыхъ же смертныхъ она была недоступна. Въ день отступленія турокъ изъ Систова, они увозили по ней

свою артиллерію быстро и скрытно. Маіоръ Гернгросъ разсказалъ намъ про Митхада много интереснаго. Это былъ человѣкъ съ выдающейся энергіей и Болгарія обязана ему сносными дорогами, телеграфомъ; но въ то же время онъ былъ главнымъ виновникомъ избіенія болгаръ въ 1875 и 1876 годахъ и былъ замѣшанъ въ убійствѣ султана Абдулъ-Азиса.

Подъѣхавъ къ городу, мы вылѣзли изъ телѣги, потому что идти пѣшкомъ было гораздо удобнѣе, такъ какъ отъ массы привозимыхъ въ Систово тяжестей, дороги въ самомъ городѣ пришли въ ужасное состояніе и никто ихъ не чинилъ; да и зачѣмъ ихъ было чинить, когда болгарская арба проѣдетъ и не поломается по какимъ угодно адскимъ дорогамъ и когда буйволы могутъ возить страшныя тяжести тоже по какимъ угодно дурнымъ дорогамъ.

Городъ Систово представлялъ изъ себя въ эту кампанію одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ сообщенія и продовольствія нашей арміи. Кто только ѣхалъ въ дѣйствующую армію или оттуда возвращался, тотъ не могъ миновать Систова и обязательно проводилъ въ немъ нѣсколько дней, покуда не отправлялся въ дальнѣйшій путь. Здѣсь же происходила сортировка больныхъ и раненыхъ: трудныхъ, безнадежныхъ оставляли, а остальныхъ всѣхъ отправляли во Фратешти и далѣе. Въ Систовѣ были устроены большіе провіантскіе и вещевые склады для нашей арміи; тутъ же былъ крупный этапный пунктъ, которому приходилось принимать, продовольствовать и переправлять черезъ Дунай въ Румынію иногда сразу по нѣсколько тысячъ плѣнныхъ турокъ. Невоенный элементъ состоялъ болѣе изъ предпріимчивыхъ людей, съѣхавшихся туда со всѣхъ концовъ Европы, чтобъ торговать и нажить. Легко себѣ представить тотъ разношерстный людъ, который попадался намъ на улицахъ города.

Государь имѣлъ въ виду, на тотъ случай, когда затянется война, провести зиму въ Систовѣ; всѣ лучшія квартиры были забраны главной квартирой и даже росписаны поименно.

Этапный комендантъ Систова, маіоръ Гернгросъ, котораго мы еще въ Петербургѣ всегда называли папкой или Романычемъ, былъ до того типиченъ какъ отставной армейскій маіоръ стараго закала, что его нельзя забыть. Онъ былъ уменъ и образованъ, небольшаго роста, довольно тучный, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвижной. На немъ былъ всегда одинъ и тотъ же несмѣняемый потертый армейскій, отставной сюртукъ съ масляными пятнами на груди, всегда казавшійся, судя по натянутымъ петлямъ, ему узкимъ и имѣющимъ поползновеніе гдѣ нибудь лопнуть. Онъ любилъ поѣсть, любилъ хорошее вино, но никогда не терялъ самообладаніе; его лицо было всегда красное, шеи почти вовсе не было, а глаза были умные, шустрые, слегка слезливые. Онъ имѣлъ привычку постоянно протирать очки, при чемъ всегда внимательно слушалъ, что ему говорятъ, все время безъ умолку приговаривая своимъ басомъ: «да,

да, да....»; но потомъ вдругъ разражался такимъ заразительнымъ, басовымъ, горловымъ смѣхомъ, напоминавшимъ ржаніе лошади, что нельзя было не смѣяться съ нимъ вмѣстѣ; его смѣхъ выходилъ у него прямо изъ души доброй, симпатичной.

Маіоръ Гернгросъ принадлежалъ къ представителямъ нашей власти, которыхъ набрали на службу для будущей Болгаріи срокомъ на четыре года за вознагражденіе въ нѣсколько тысячъ рублей. Въ Систовѣ могъ справиться только человѣкъ съ большой энергіей; здѣсь бывали такія серьезныя минуты, въ которыя надо было пустить въ ходъ всю силу своей энергіи, чтобъ разрѣшить трудную задачу. Такъ, напримѣръ, мнѣ разсказывали, что послѣ одной изъ нашихъ неудачъ подъ Плевной, разнесся по Систову слухъ, что наши войска отступаютъ; паника охватила весь городъ; всѣ устремились къ понтонному мосту, чрезъ который думали бѣжать въ Румынію. Можно себѣ легко вообразить, что происходило около моста. Чтобъ только остановить движеніе, необходимо было употребить силу и даже приклады.

Другой случай былъ уже послѣ нашего пребыванія въ Систовѣ, зимой, когда Дунай только что замерзъ, а мосты были разведены. Послѣ паденія Плевны, приводятъ въ Систово большую партію плѣнныхъ турокъ; оставить ихъ въ Систовѣ было невозможно, они съѣли бы всѣ запасы, и потому ихъ надо было переправить на ту сторону въ Румынію. Тогда маіоръ Гернгросъ, несмотря на морозъ, въ одномъ только сюртукѣ (ему всегда было жарко), съ плеткой въ рукахъ, повелъ всѣхъ плѣнныхъ къ берегу Дуная, приказалъ выдать каждому плѣнному по полѣну дровъ для варки пищи, а самъ всталъ въ положеніе начальника пропускающаго войска церемоніальнымъ маршемъ. До этого времени, еще никто не рѣшался переходить на ту сторону по льду; онъ былъ до того тонокъ, что во многихъ мѣстахъ виднѣлась подъ нимъ вода. Но маіоръ не задумался, онъ крикнулъ: «хайде», и турки начали справа по одному осторожно переправляться на тотъ берегъ. Маневръ удался маіору блистательно безъ несчастій; турокъ сплавили на ту сторону, а Систово было спасено.

Гернгросъ вызвался быть нашимъ чичероне по части отысканія кабачковъ, гдѣ бы можно было пообѣдать болѣе или менѣе сносно. Всѣ рестораны, если только можно назвать этимъ именемъ какіе то подвалы съ желѣзными тюремными рѣшетками въ окнахъ, были переполнены офицерами; всюду слышался шумный говоръ, смѣхъ, стукъ тарелокъ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ раздавался пискливый женскій голосокъ, напѣвавшій подъ аккомпанементъ арфы, все ту же самую шансоннетку «der Kleine Postillon».

Въ городскихъ лавкахъ замѣчалось особенное обиліе всякихъ колбасъ, сардинокъ, консервовъ, сыровъ, коньяку, вина и проч. Цѣны были

высокія, благодаря отчасти воровству на Дунаѣ во время переправы товаровъ. Одинъ купецъ показалъ мнѣ пустой ящикъ изъ-подъ выбраденнаго вина и высказалъ подозрѣніе на румынъ, которые съ успѣхомъ подвизались на этомъ артистическомъ поприщѣ.

Въ томъ ресторанѣ, гдѣ мнѣ пришлось обѣдать, было до того полно и до того воняло скверной кухней, что я приказалъ накрыть себѣ отдѣльный столикъ на воздухѣ; но и здѣсь было не лучше, обѣдъ оказался очень плохимъ: пища была жесткая, а масло горькое. Наши надежды найти въ Систовѣ хорошій столъ оказались тщетными; но по крайней мѣрѣ, побывавъ въ городѣ и отвѣдавъ всей этой мерзости, мы успокоились.

Въ Систовѣ былъ устроенъ евангелическій госпиталь на средства лютеранской паствы Петербурга; онъ былъ размѣщенъ въ турецкой части города, въ семи турецкихъ домахъ. Къ каждому такому дому была приставлена сестра милосердія, конечно, изъ нѣмокъ. Госпиталь отличался обиліемъ бѣлья, посуды, хирургическихъ инструментовъ, а главное просторомъ и семейнымъ характеромъ ухода за больными. Числу больныхъ было опредѣлено и потому неудивительно что, при обиліи матеріальныхъ средствъ, было не трудно сдѣлать госпиталь образцовымъ. Всѣ превозносили его, восхищались имъ и въ тоже время забывали о трудѣ и лишеніяхъ, которые претерпѣвали въ томъ же Систовѣ русскія сестры Краснаго Креста, тѣ труженицы, которыя работали за себя и за хворавшихъ сестеръ, ухаживали не за опредѣленнымъ числомъ больныхъ какъ въ евангелическомъ госпиталѣ, а перевязывали цѣлыя партіи привозимыхъ раненыхъ и больныхъ.

Послѣднимъ актомъ моего пребыванія въ Систовѣ было обильное пріобрѣтеніе провизіи. Уложивъ все купленное въ нанятую телѣгу, я велѣлъ братушкѣ ѣхать въ Царевецъ, но уже не по Митхадовой, а по большой дорогѣ.

Дорога въ Акчаиръ, лежащій въ 15-ти верстахъ отъ Царевца, по которой насъ направили на слѣдующій день 20-го сентября, шла все время по голымъ горамъ; по обѣ стороны дороги были вырыты ложементы, въ которыхъ турки, во время ихъ отступленія, прятались и отстрѣливались. Солдаты подходили къ нимъ, чтобъ посмотрѣть, какъ это на самомъ дѣлѣ въ серьезъ роютъ ровики, и рѣшили, что въ Красномъ селѣ они ихъ рыли не такъ глубоко, и что пуля, видно, лучше выучитъ рыть какъ слѣдуетъ.

Мой осликъ, несмотря на тяжелый вьюкъ, всю дорогу не отставалъ отъ роты. Это маленькое, полезное животное меня очень тѣшило, тѣмъ болѣе, что на немъ было все необходимое на тотъ случай, если бы обозу пришлось отстать. Онъ несъ на себѣ: резиновую постель, корзину съ закусками, консервами, виномъ, запасное бѣлье, сапоги, походную кухню

и гуттаперчевое ведро. Кромѣ того на немъ былъ навьюченъ кормъ для него и моей верховой лошади въ видѣ сѣна и кукурузы, которая оказалась не менѣе питательной, чѣмъ овесъ или ячмень. Добывъ себѣ ослика, я уже болѣе не обременялъ свою верховую лошадь вьюкомъ и дѣлалъ на ней обыкновенно вторую половину каждаго перехода; первую же, изъ принципа, дѣлалъ всегда пѣшкомъ. Я чувствовалъ, что надо втянуться въ походъ и что вся моя сила должна быть въ ногахъ.

Акчаиръ былъ также разрушенъ какъ и Царевецъ. Отъ домовъ и избъ остались однѣ только голыя стѣны, издали похожія на раскопки въ Помпеѣ; народъ всюду бѣжалъ, дома разрушены, поля стоптаны, изрыты, трава не ростетъ и только одни собаки стадами бѣгали по полямъ.

Не успѣли мы прибыть въ Акчаиръ, какъ изъ главной квартиры государя, расположенной въ 7-ми верстахъ отъ насъ, прискакалъ верховой съ извѣстіемъ, что сейчасъ же прибудетъ государь въ Преображенскій полкъ. Одновременно съ полученіемъ этого извѣстія, мы увидѣли вдали коляску, запряженную четверкой; за нею вслѣдъ скакали человѣкъ двѣнадцать конвойныхъ. Усталыхъ запыленныхъ солдатъ привели на-скоро въ порядокъ, а офицеры побѣжали на встрѣчу его величества. Государь вышелъ изъ коляски, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ намъ.

Онъ былъ, видимо, доволенъ и заявилъ, что гвардію потребовалъ для того, чтобъ «скорѣй покончить». Государь показался мнѣ похудѣвшимъ, постарѣвшимъ, а нѣкоторыхъ изъ лицъ его свиты, въ особенности пожилыхъ генераловъ, даже трудно было сразу узнать. Они отпустили себѣ бороды, съ которыми мы ихъ никогда не видѣли въ Петербургѣ; на нихъ были совсѣмъ полинялыя пальто, лица у всѣхъ загорѣлыя, похудѣвшія, мрачныя; лошади вовсе не генеральскія, а въ рукахъ казацкая нагайка. Всѣ показались мнѣ усталыми и удрученными.

Обращеніе государя было необыкновенно простое и обходительное. Онъ все время былъ здоровъ и бодръ, только свирѣпствовавшая въ то время эпидемія, въ видѣ лихорадки съ кровавымъ поносомъ, задѣла и его въ послѣднее время. Императоръ совѣтовалъ намъ быть осторожнымъ въ употребленіи фруктовъ, которымъ приписывали эпидемію, но послѣдовать его совѣту намъ не пришлось, такъ какъ въ продолженіе всего похода мы даже и не видѣли ни единаго фрукта. Потомъ государь спрашивалъ насъ о томъ, справляются ли наши желудки съ кукурузнымъ хлѣбомъ. Всѣ ожидали, что государь намъ скажетъ, куда насъ направятъ: подъ Плевну, на Шипку или же въ Рущукскій отрядъ. Самымъ вѣроятнымъ намъ казалось послѣднее предположеніе, такъ какъ въ этомъ отрядѣ находился начальникъ нашей дивизіи вел. князь Владиміръ Александровичъ и нашъ корпусный командиръ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ. Но государь не подалъ ни малѣйшаго намека. Нѣкоторые изъ товарищей лелѣяли наивную мысль, что

государь попридержитъ около себя своихъ преображенскихъ преторіанцевъ; но послѣ его послѣдней фразы, которую онъ намъ сказалъ при прощаніи: «дай Богъ вамъ добрый часъ», всѣ ихъ мечты должны были разлетѣться въ прахъ; добрый часъ желаютъ обыкновенно тѣмъ, кто идетъ въ дальній путь.

Въ Акчаирѣ намъ пришлось простоять, въ ожиданіи Егерскаго полка, нѣсколько дней; биваки Семеновскаго и Измайловскаго полковъ были недалеко отъ насъ. Я приказалъ себѣ вырыть неглубокую землянку и поставилъ въ ней походную кровать, складной столикъ и складной стуликъ. Подъ именемъ землянки, я разумѣю яму, вырытую на аршинъ глубины съ натянутой надъ ней низенькой палаткой (tente abri); для того же, чтобъ было теплѣй и не поддувалъ вѣтеръ, всѣ щели вокругъ засыпались землей. Въ такой землянкѣ можно стоять во весь ростъ, а палатка дѣлается гораздо просторнѣе. Но такія землянки охотно посѣщаются полевыми мышами, которыя своимъ пискомъ могутъ ночью нарушить покой, а своими острыми зубами попортить вещи. У меня онѣ прогрызли кожаный чехолъ съ подушки, а у моего сосѣда тронули кожаное пальто и прогрызли на самомъ видномъ мѣстѣ его единственный мундиръ.

Отдохнувъ послѣ перехода, я велѣлъ осѣдлать лошадь и поѣхалъ въ Акчаиръ въ надеждѣ найти у кого нибудь мягкой матеріи для потника моему ослику. Мои поиски были неуспѣшны и пришлось изъ-за этой мелочи обратиться къ коменданту этой деревни. Онъ призвалъ мѣстнаго болгарина, вручилъ ему мой серебряный рубль и приказалъ, во что бы то ни стало, отыскать что нибудь годное для потника. Черезъ полъчаса, болгаринъ вернулся обратно съ пустыми руками. Этотъ фактъ можетъ свидѣтельствовать о той бѣдности и разореніи, которыя мы застали въ этой мѣстности. Надо мной сжалился одинъ казакъ и продалъ мнѣ за серебряный рубль какую то старую армейскую шинель, вѣроятно снятую съ убитаго армейскаго солдатика.

Въ ожиданіи Егерскаго полка и въ виду предстоящаго царскаго смотра, было приказано дважды въ день производить церемоніальный маршъ. Дни стояли очень жаркіе, всѣ ходили въ кителяхъ, въ бѣлыхъ фуражкахъ съ такими же назатыльниками, которые мы вскорѣ бросили по ихъ непригодности. Переходы отъ жаркаго дня къ холодной ночи были весьма разительны; время заката солнца считалось самымъ опаснымъ временемъ для заболѣванія лихорадкой, и за солдатами, въ этомъ отношеніи, приходилось слѣдить какъ за дѣтьми. Если имъ не прикажешь надѣть шинели, то они готовы и безъ нея просидѣть у костра до самой ночи. Такими же недальновидными, малоопытными показали они себя и относительно тѣхъ шести фунтовъ сухарей, которые были выданы каждому изъ нихъ въ качествѣ неприкосновеннаго запаса. За хлѣбомъ и провіантомъ посы-

лали въ Систово ротныхъ и обозныхъ лошадей; но какъ то случилось въ Акчаирѣ, что хлѣбъ почему то не былъ доставленъ въ полкъ вовремя и людямъ было разрѣшено тронуть ихъ неприкосновенный запасъ сухарей; но ихъ не оказалось, они были уже съѣдены. Добыли гдѣ то по сосѣдству въ поляхъ кукурузу и роздали ее по нѣсколько початковъ на человѣка. Всякій по своему сталъ ухитряться какъ бы сдѣлать ее по-съѣдобнѣе: одни пекли ее въ золѣ, другіе натирали изъ нее крупную муку на какомъ нибудь истыканномъ дырками кускѣ жести, затѣмъ превращали ее въ тѣсто и пекли себѣ на бараньемъ салѣ блины. Мнѣ самому приходилось въ походѣ много разъ довольствоваться кукурузнымъ хлѣбомъ (мамалыга); онъ довольно вкусенъ, напоминаетъ пшенную кашу, но съ непривычки переваривается не легко.

Жизнь на бивакѣ полка группировалась все болѣе около маркитанта и около хора музыки, которому приказано было играть два раза въ день для того, чтобъ пестрая команда не залѣнилась; а потомъ и для поддержки веселаго духа солдатъ.

Маркитантское дѣло въ началѣ кампаніи было поведено такимъ образомъ: нѣкто Львовъ обязался поставить въ каждый полкъ по одному маркитанту, которые должны были пополнять свои запасы изъ главнаго склада, устроеннаго въ Систовѣ. Сначала это дѣло шло довольно сносно, но далѣе, когда мы ушли въ горы, а потомъ усиленнымъ маршемъ двинулись на Константинополь, все это учрежденіе осталось далеко назади, не могло за нами поспѣть и само собой уничтожилось.

Кромѣ того, въ Систовѣ офицерами былъ устроенъ такъ называемый офицерскій складъ самыхъ необходимыхъ предметовъ, какъ то: чаю, сахару, свѣчей, коньяку, печеній и проч. По мѣрѣ надобности, запасы доставлялись намъ въ полкъ. Пока мы были въ придунайской Болгаріи, подъ Плевной и вообще по сю сторону Балканъ, мы ни въ чемъ не нуждались, такъ какъ подвозъ изъ Систово не былъ затруднителенъ. Но когда мы ушли въ горы, въ снѣга, тогда обстоятельства измѣнились, пришлось изворачиваться, экономить, расчитывать; бывало съѣшь полъ кастрюли отварнаго риса съ плохимъ, вонючимъ буйволовьимъ масломъ, или такую же порцію супу съ кускомъ вареной говядины и довольно, болѣе уже не проси, ибо ничего не получишь.

Я съѣздилъ верхомъ въ Горный Студень, чтобъ посмотрѣть, гдѣ живетъ государь. Тамъ я встрѣтилъ знакомаго офицера генеральнаго штаба, который разсказалъ мнѣ куда насъ поведутъ. Наши дѣла были тогда въ такомъ положеніи: всѣ занятыя нами позиціи подъ Плевной были сильно укрѣплены; но войскъ не хватало, чтобъ прекратить сообщеніе Плевны съ Софіей, а кавалерія ничего не могла сдѣлать одна безъ пѣхоты, изъ которой не оставалось ни одной свободной части. Онъ говорилъ, что насъ прямо поведутъ на Плевно-Софійское шоссе, гдѣ

настроено много турецкихъ редутовъ, которые турки даромъ не отдадутъ.

Сколько разъ, во время дневокъ и долгихъ стоянокъ, мнѣ приходилось объѣзжать окрестности, натыкаться на интересныя явленія, осматривать поля битвъ, непріятельскія покинутыя укрѣпленія, добывать интересныя свѣдѣнія и все благодаря только тому, что у меня была верховая лошадь. Безъ нея кругозоръ пѣхотнаго офицера, по неволѣ остается узкимъ. Во время войны, ротнымъ командирамъ не полагалось имѣть лошадь, но въ то же время и не запрещалось.

Я купилъ себѣ лошадь въ Петербургѣ, и она неотлучно продѣлала со мной весь походъ, подымалась со мной на такія горы, куда не доходили наши вьюки, привозила мнѣ туда пищу, облегчала мнѣ трудные переходы и служила развлеченіемъ и удовольствіемъ во время скучнаго шестимѣсячнаго нашего пребыванія въ Санъ-Стефано.

Государь жилъ въ Горномъ Студенѣ, въ уцѣлѣвшемъ простомъ турецкомъ домикѣ, около котораго было замѣтно нѣкоторое оживленіе. Конный и пѣшій конвои государя были вблизи расположены бивакомъ, и если бы мнѣ не сказали, что здѣсь стоитъ главная квартира государя, то я подумалъ бы, что здѣсь расположился бивакомъ какой-нибудь кавалерійскій полкъ.

Возвратясь въ Акчаиръ, я тотчасъ же подѣлился съ товарищами свѣдѣніями, которыя добылъ въ Горномъ Студенѣ, а отъ нихъ, въ свою очередь, узналъ двѣ новости: первую—о завтрашнемъ выступленіи изъ Акчаира, а вторую—о назначеніи командира 1-го баталіона полковника Александра Ильича Пантелѣева [1]) командиромъ Архангелогородскаго полка послѣ убитаго 30-го августа подъ Плевной флигель-адъютанта Николая Петровича Шлиттера, бывшаго преображенца. Намъ было очень жаль разставаться съ хорошимъ товарищемъ; ему же было прямо тяжело въ такое серьезное время и такъ неожиданно покидать полкъ, въ которомъ онъ прослужилъ болѣе 20-ти лѣтъ, и разставаться съ товарищами, въ общеніи съ которыми почерпается такъ много нравственной силы, необходимой для поддержанія на войнѣ бодраго духа.

Вечеромъ всѣ офицеры собрались подъ открытымъ небомъ дружной семьей около какихъ-то вырытыхъ въ землѣ столовъ и скамеекъ; пригласили Александра Ильича, послали за музыкой, а къ маркитанту за шампанскимъ. Всѣ были въ грустномъ настроеніи, бесѣда не клеилась: да къ тому же нашъ командиръ полка князь Оболенскій привезъ намъ самое свѣжее извѣстіе о большомъ турецкомъ транспортѣ, идущемъ изъ Орханіэ въ Плевну, съ которымъ мы будемъ имѣть дѣло.

Мы пили за здоровье покидающаго насъ товарища, желали ему успѣха въ дѣлѣ, но никакія наши добрыя пожеланія не могли развеселить

[1]) Нынѣ товарищъ шефа жандармовъ.

серьезное, сосредоточенное лицо виновника проводовъ. Въ это время онъ, безъ сомнѣнія, переживалъ одинъ изъ тяжелыхъ моментовъ его жизни. Это было 23-го сентября. Его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій пожелавъ, чтобъ новое назначеніе было Александру Ильичу въ добрый часъ, передалъ ему отъ полка образъ.

Передъ отъѣздомъ въ полкъ, полковникъ Пантелѣевъ съѣздилъ въ Горный Студень, чтобъ представиться его величеству. Государь благословилъ его и сказалъ:

— Надѣюсь, что ты будешь счастливѣе обоихъ твоихъ предшественниковъ, убитыхъ подъ Плевной.

Слухъ о Горномъ Дубнякѣ дошелъ на другой же день послѣ сраженія до Архангелогородскаго полка. Полковникъ Пантелѣевъ сейчасъ же направилъ въ нашъ полкъ посланнаго съ письмомъ къ командиру полка князю Оболенскому, прося сообщить ему объ участіи нашего полка въ сраженіи и объ участи, постигшей его въ этотъ день. Доставить это письмо въ нашъ полкъ взялся оружейный мастеръ Архангелогородскаго полка. По дорогѣ ему пришлось много испытать, а къ довершенію всего, его гдѣ-то приняли за турецкаго шпіона и доставили къ принцу Ольденбургскому. Дѣло, конечно, разъяснилось. Его высочество его обласкалъ и велѣлъ угостить, но въ полку его считали погибшимъ; онъ пропадалъ болѣе двухъ недѣль, покуда не вернулся обратно въ полкъ съ цѣлой корреспонденціей полковнику Пантелѣеву отъ его бывшихъ товарищей-преображенцевъ. Въ письмѣ, полученномъ княземъ Оболенскимъ, полковникъ Пантелѣевъ, между прочимъ, просилъ прислать ему нотъ для музыкантскаго хора, такъ какъ ноты его полка были захвачены турками.

V.

Царскій смотръ въ Горномъ Студенѣ.—Овчая могила.—Радоница.—Порадимъ.—Ралево.

24-го сентября насъ подняли довольно рано, чтобъ успѣть приготовиться къ царскому смотру, назначенному въ этотъ день въ Горномъ Студенѣ. За ночь погода измѣнилась къ худшему; съ ранняго утра началъ моросить мелкій, довольно частый дождь, а перемѣнившійся вѣтеръ нагналъ холодъ. Подходя къ Горному Студеню, мы уже были съ головы до ногъ мокры и забрызганы грязью. Намъ на встрѣчу выѣхалъ великій князь главнокомандующій и самъ указалъ мѣсто, гдѣ полкъ долженъ былъ ожидать царскаго объѣзда. Великій князь встрѣ-

тилъ свое дѣтище—гвардію—съ сіяющимъ лицомъ. Онъ былъ веселъ, энергично распоряжался, но на его лицѣ можно было замѣтить слѣды нравственныхъ страданій, которыя ему пришлось претерпѣть.

Болѣе часу пришлось намъ стоять подъ дождемъ на одномъ мѣстѣ; мы слегка прозябли. Наконецъ подтянулась къ мѣсту смотра вся 1-ая гвардейская пѣхотная дивизія. Государь тотчасъ же вышелъ изъ своего домика, сѣлъ на коня и объѣхалъ всѣ баталіоны. Церемоніальный маршъ начался съ Егерскаго полка, какъ младшаго. Государь имѣлъ обыкновеніе говорить проходившимъ мимо него войскамъ: «до свиданія», на что слѣдовало бы людямъ отвѣчать: «благодаримъ покорно, ваше величество». Но неподготовленные къ такому отвѣту люди крикнули во все горло: «Рады стараться, ваше величество». Наше начальство засуетилось и уже на ходу внушало людямъ отвѣтъ на царево «до свиданія». Я былъ убѣжденъ, что какъ людей ни учи, они все-таки хватятъ свое привычное: «Рады стараться», но чаша миновала благополучно; отвѣтъ былъ хотя и не совсѣмъ дружный, но все-таки изъ ихъ общаго лепетанія можно было разобрать, что они «благодарятъ покорно».

Пройдя мимо государя мы, не останавливаясь, продолжали походное движеніе вплоть до слѣдующаго бивака. Дорога отъ Горнаго Студеня круто повернула на западъ, и теперь уже не было сомнѣнія, что насъ ведутъ подъ Плевну.

Мокрыми и жалкими пришли мы на ночлегъ въ Овчую могилу. Подходя къ биваку, намъ пришлось проходить мимо двухъ пшеничныхъ скирдовъ. На одномъ изъ нихъ сидѣлъ болгаринъ съ оглоблей въ рукахъ и никого не подпускалъ близко къ снопамъ; другой же скирдъ никѣмъ не оберегался. Солдатики этимъ воспользовались и, не долго думая, въ одно мгновеніе разнесли скирдъ; офицеры 2-го баталіона тогда только узнали о разносѣ, когда увидѣли на каждомъ штыкѣ по снопу; дождь и предвкушаніе бивачной грязи ввели людей въ соблазнъ. Офицеры недоумѣвали и не знали, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Начальство прискакало къ намъ на помощь и, усмотрѣвъ въ этомъ проявленіе мародерства, приказало тотчасъ же побросать снопы. Нечего было дѣлать, люди, скрѣпя сердце, пошвыряли ихъ по сторонамъ; но за то ихъ подобрали другіе баталіоны, шедшіе за нами; они проспали эту ночь на соломѣ, нашъ же баталіонъ—въ грязи.

Я убѣжденъ, что завѣдующіе полковымъ хозяйствомъ въ странѣ не разоренной не допустили бы людей до мародерства, опередили бы полкъ, купили бы соломы и тѣмъ спасли бы многихъ отъ заболѣванія лихорадкой, послѣ проведенной въ грязи ночи; но въ Турціи по дорогѣ нашего наступленія все было расхищено, а если что и сохранилось, то въ видѣ исключенія и то благодаря лишь особенной энергіи нѣкоторыхъ

хозяевъ, которые не побоялись съ оглоблей въ рукахъ защищать свое имущество.

На такихъ дурныхъ бивакахъ, какъ Овчая могила, обыкновенно зажигались очень большіе костры, около которыхъ люди проводили всю ночь; палатокъ же вовсе не раскидывали. Денщики отыскали единственный, бывшій на бивакѣ шалашъ, основательно сооруженный и не пропускавшій дождя. Въ этотъ шалашъ влѣзли всѣ офицеры 2-го баталіона, а вмѣстѣ съ ними и денщики; у насъ не хватало духа выгнать ихъ изъ шалаша, который они же намъ устроили въ эту ужасную дождливую ночь. Въ шалашѣ сдѣлалось такъ тѣсно, что, мнѣ кажется, не нашлось бы мѣста даже Гоголевскому городничему, а между тѣмъ заглянули въ нашъ шалашъ двое нашихъ баталіонныхъ докторовъ, и мѣстечко имъ нашлось.

Къ этому шалашу подходили по-очереди чуть-ли не всѣ офицеры другихъ баталіоновъ; лишь только показывалась чья-нибудь голова, мы всѣ хоромъ отвѣчали: «занято», и недовольное лицо тотчасъ же скрывалось. Среди шалаша развели огонь и начали варить супъ изъ баранины, сушили одежду и бѣлье, пошли разговоры о разныхъ предметахъ и между прочимъ объ убитомъ полковникѣ Шлиттерѣ, который наканунѣ своей смерти, послѣдовавшей при штурмѣ 30-го августа Гривицкаго редута, просилъ флигель-адъютанта Ивана Александровича Фулона передать государю, что онъ завтра, въ день именинъ его величества, поднесетъ ему подарокъ, т. е, возьметъ штурмомъ Гривицу.

Дымъ въ шалашѣ немилосердно щипалъ глаза, а выйти изъ него было невозможно: дождь не переставалъ барабанить по грязи; но несмотря на тѣсноту и ѣдкій дымъ, я крѣпко заснулъ и проспалъ безъ просыпа до самаго утра. Бараньяго супа я не дождался; тотъ, кому досталась моя порція, навѣрно благословлялъ мой крѣпкій сонъ.

Послѣ этого дождливаго дня и ночи, проведенной въ грязи, наше платье пришло въ такой видъ, что намъ перестало казаться, будто его можно еще болѣе загрязнить, и мы перестали его беречь, по крайней мѣрѣ одной заботой было меньше.

На слѣдующій день, 25-го сентября, переходъ въ дер. Радоницу былъ такой же унылый, какъ и наканунѣ; тотъ же проницающій дождь, только грязи было значительно больше. По дорогѣ попадались старые, неприглядные биваки; вездѣ на нихъ валялась грязная солома, тряпье, вездѣ непріятный запахъ отъ старыхъ костровъ, отъ нечистотъ. По такимъ мѣстамъ обыкновенно шлялись болгары и собаки, собиравшіе всякую брошенную дрянь. Наши денщики, опередившіе насъ съ вьюками, разыскали для насъ въ деревнѣ еще не совсѣмъ разрушенную избу, въ которой можно было у очага развести огонь. Въ эту избу насъ набралось человѣкъ до десяти; у очага мы застали двухъ черномазыхъ

цыганъ: одинъ изъ нихъ пекъ въ золѣ кукурузу, а другой грѣлся у огня, перебирая палочкой дрова. Изба была полна дыму; мы сейчасъ же усѣлись на полъ, чтобъ меньше страдать отъ дыму, который уносился въ верхніе слои воздуха; я пробовалъ встать, но сейчасъ же опять сѣлъ, потому что не было возможности дышать.

Изба, какъ и вообще всѣ болгарскія избы, была выстроена изъ сыраго кирпича и отличалась бѣдностью внутренней обстановки. Она состояла изъ двухъ комнатъ съ землянымъ поломъ; въ одной изъ нихъ болгары обыкновенно складываютъ все свое имущество, а въ другой, большой, они варятъ у очага пищу и спятъ въ ней всѣмъ семействомъ. Очагъ напоминаетъ нашъ каминъ, но только онъ гораздо обширнѣе. Огонь разводится на каменномъ полу, наравнѣ съ поломъ избы, а труба идетъ прямо вверхъ, безъ всякихъ загибовъ. Надъ очагомъ виситъ цѣпь и на нее болгары вѣшаютъ котелки для варки пищи.

Мы обратились къ цыганамъ съ просьбою добыть намъ хлѣба и куръ. Они отвѣтили по-болгарски:

— Нѣма, братушка, турцы сичка (все) забирѣ.

Эта фраза была одна изъ любимыхъ въ Болгаріи, ее приходилось слышать вездѣ. Кто-то изъ насъ угостилъ цыгана водкой, а другому я вложилъ въ руку полтинникъ. Онъ посмотрѣлъ на монету и сказалъ: «добрѣ»; всталъ, куда-то вышелъ и вскорѣ принесъ мнѣ хорошій кусокъ хлѣба. Другой цыганъ, желая тоже получить за труды, притащилъ намъ изъ-подъ горы хорошей воды и въ продолженіе всей ночи таскалъ дрова, безъ которыхъ нельзя было обойтись. У кого-то изъ денщиковъ нашелся гусь, его ощипали и начали варить супъ. Мы были такъ голодны и намъ такъ хотѣлось спать, что супу не дали довариться и онъ былъ съѣденъ полуготовымъ. Во время ѣды недоварившагося гуся въ избѣ была полнѣйшая тишина, слышалось только чавканье ѣвшихъ и выхрапываніе тѣхъ, которыхъ не могли добудиться къ ужину. Въ нѣсколько минутъ все было съѣдено; оставшіяся послѣ насъ кости подѣлили между собой наши денщики.

Всѣ болгарскія села похожи одно на другое; улицы всегда неправильныя, избы расположены широко другъ отъ друга по горамъ и оврагамъ; всѣ онѣ глиняныя, крыты соломой или кукурузными стеблями. При каждой избѣ дворъ, примѣрно въ четверть десятины, окопанный канавой или окруженный плетнемъ; на этомъ дворѣ и амбары, и скотъ, тутъ же сложены скирды хлѣба, тутъ же его молотятъ. Способъ молотьбы совсѣмъ примитивный: молотятъ посредствомъ ногъ лошадей; раскладываютъ снопы на дворѣ въ видѣ арены цирка, потомъ гоняютъ по нимъ лошадей, привязанныхъ на длинныхъ веревкахъ къ столбу, врытому въ центрѣ этого круга. Веревки закручиваются около столба, а лошади, бѣгая по спирали, все болѣе и болѣе приближаются къ нему; тѣмъ же

порядкомъ гоняютъ лошадей въ обратную сторону; тогда веревки раскручиваются, а лошади бѣгаютъ по той же спирали, но только удаляются отъ столба.

Радоницу нельзя было назвать совсѣмъ покинутой деревней; кое-гдѣ попадались болгары, а на нѣкоторыхъ дворахъ даже молотили. Всѣ болгары были одѣты одинаково: широкая, коричневая, домашняго грубаго сукна куртка и широчайшіе штаны съ мотней назади; на головѣ баранья шапка, на ногахъ высокіе шерстяные чулки и опанки. Широкій покрой штановъ имъ необходимъ для бѣганія по горамъ и для сидѣнія по-турецки, т. е. поджавъ подъ себя ноги. Они не боятся простуды, ходятъ всегда, даже зимой, съ открытою грудью, которая часто бываетъ покрыта у нихъ густыми, длинными волосами; около живота обматываютъ широкій кушакъ, предохраняющій ихъ отъ простуды; за этимъ кушакомъ у нихъ цѣлая кладовая: оружіе, вещи, которыя они носятъ при себѣ. У одного болгарина я замѣтилъ висящіе на кушакѣ красивой работы щипчики. На мой вопросъ онъ объяснилъ, что они нужны ему для того, чтобъ брать изъ костра горящіе угольки для закуриванія трубки— это считается у нихъ шикомъ.

Вообще съ виду болгары очень напоминаютъ нашихъ хохловъ, то же добродушіе, тотъ же природный юморъ славянина. Женщинъ и дѣтей въ придунайской Болгаріи я почти вовсе не видѣлъ; ихъ припрятали въ горахъ въ безопасныхъ мѣстахъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ пути слѣдованія войскъ.

Слѣдующій бивакъ былъ назначенъ въ д. Порадимѣ, гдѣ была расположена главная квартира князя Румынскаго, въ то время главнаго начальника всего осаднаго плевненскаго отряда. Переходъ изъ Радоницъ въ Порадимъ мы сдѣлали довольно быстро и весело; всю дорогу мѣсили ногами грязь и мечтали объ обѣщанной намъ дневкѣ въ Порадимѣ. Людямъ было строго запрещено отлучаться съ бивака въ самую деревню Порадимъ, въ которой жилъ князь со своимъ штабомъ; опасались того, что наши солдаты, съ голоду да съ холоду, не учинили бы тамъ какой-нибудь разносъ, который съ перваго же раза могъ компрометировать гвардейское войско. Приказаніе исполнялось только до темноты, но лишь только начинало темнѣть, солдаты всякими окольными путями добирались до деревни и обнюхивали тамъ всѣ уголки. Одинъ изъ моихъ солдатъ, удирая отъ патруля, упалъ и ухитрился нечаянно вонзить себѣ въ бокъ тесакъ. Такіе эпизоды меня не удивляли: гдѣ много народа, гдѣ обстановка изъ ряда вонъ выходящая, тамъ обязательно должны быть и несчастія и всякія безобразія.

Въ тотъ же вечеръ князь Карлъ навѣстилъ нашъ бивакъ; онъ скакалъ на чудной лошади въ сопровожденіи конвоя изъ красныхъ румынскихъ гусаръ. Всѣ они страшно важно сидѣли на коняхъ и видимо

жаждали славы. Князь здоровался съ людьми по-русски; онъ произносилъ только одно слово: «здоровѡ», усиленно упирая на слогъ *во*; при этомъ онъ откидывалъ каждый разъ голову и станъ назадъ, чтобъ громче произнесть это непривычное для него слово.

Отнынѣ мы поступили въ Плевненскій отрядъ подъ начальство князя Карла.

Пользуясь дневкой, я поѣхалъ съ денщикомъ въ деревню Порадимъ за кормомъ для моихъ двухъ животныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Все сѣно было закуплено въ главную квартиру, а солому отъ обмолоченнаго проса, которая виднѣлась кое-гдѣ на крестьянскихъ дворахъ, болгары не хотѣли мнѣ продать; пришлось взять ее насильно, т. е. я насильно вложилъ болгарину въ руку серебряную монету и приказалъ денщику, несмотря ни на какіе крики и ругательства братушки, забрать столько, сколько требовалось для моихъ голодныхъ животныхъ. Вообще, начиная отъ Порадима и далѣе, мы начали бѣдствовать отъ недостатка хлѣба, соли, фуража. За небольшой хлѣбъ мнѣ приходилось иногда платить по рублю, а въ то же время у всякаго маркитанта можно было получить шампанское, карты и рахатъ-лукумъ; такое положеніе, совсѣмъ исключительное, можетъ имѣть мѣсто только на войнѣ.

Въ Порадимѣ я нашелъ нѣсколько жидовскихъ лавочекъ, въ которыхъ накупилъ себѣ сахару, свѣчей, печеній, отзывавшихся слегка не то мыломъ, не то свѣчами. Потомъ зашелъ на телеграфъ, гдѣ мнѣ удалось гораздо легче, чѣмъ въ Горномъ Студенѣ, послать телеграмму женѣ въ Систово, куда она уже переѣхала изъ Букареста на всю зиму. Гдѣ-то вдали я услыхалъ стройный духовой хоръ, игравшій маршъ; мнѣ объяснили, что это игралъ румынскій военный оркестръ, состоящій при румынскомъ князѣ. Я подъѣхалъ къ музыкѣ и съ удовольствіемъ прослушалъ нѣсколько піесъ, сыгранныхъ во время княжескаго завтрака, къ которому были приглашены, между прочимъ, и начальники частей вновь поступившихъ въ отрядъ князя.

По дошедшимъ до насъ слухамъ, румынская кавалерія была сравнительно лучше пѣхоты, которая не отличалась особенной стойкостью; говорятъ, что послѣ взятія Гривицкаго редута въ немъ оказалось немного румынъ; редутъ былъ взятъ, собственно говоря, нашею 5-ю пѣхотною дивизіею; уже впослѣдствіи онъ былъ переданъ румынамъ для занятія въ немъ караула. Послѣднее обстоятельство и послужило поводомъ къ хвастливымъ разглашеніямъ въ Букарестѣ, что будто-бы Гривицы были взяты румынами; а турецкія орудія, подаренныя румынамъ и привезенныя ими въ Букарестъ, окончательно вскружили имъ головы.

Въ продолженіе всего дня мы поджидали нашъ полковой обозъ, ко-

торый вышелъ вмѣстѣ съ нами еще наканунѣ изъ Радоницъ, но гдѣ-то по дорогѣ завязъ въ грязи; пара лошадей, впряженная въ ротную повозку, оказывалась не въ силахъ вывозить ее изъ грязи, а для того приходилось впрягать третью изъ другой повозки; этихъ лошадей, въ свою очередь, впрягали въ другія повозки и т. д.—все это значительно задерживало общее движеніе всего обоза. Только къ вечеру начали понемногу подъѣзжать къ биваку отдѣльныя повозки, въ числѣ которыхъ была и моя ротная телѣга; она двигалась веселѣе другихъ, благодаря только тому, что была запряжена не парой, а тройкой. Мнѣ удалось купить у извозчика-румына за пять полуимперіаловъ маленькую, но очень добрую лошадку, которую я приказалъ пристроить второй пристяжкой къ пароконной ротной повозкѣ. Солдаты ее очень полюбили; сравнительно съ ротными 5-ти вершковыми лошадками, она казалась совсѣмъ жеребенкомъ. Въ походѣ впрягалось въ повозки все, что только могло тянуть: лошади помогали воламъ и наоборотъ. Одни только ослики не принимали никакого участія въ разныхъ дорожныхъ драмахъ; они всегда умѣли сторонкой обойти мѣста приключеній и почти одновременно съ нами приходили на бивакъ. Кавалерія же жаловалась на нихъ въ томъ отношеніи, что они отставали во время большихъ переходовъ и падали отъ истощенія силъ.

Въ это время людямъ было и голодно и холодно; сухарные транспорты отставали, достать хлѣба была негдѣ. Изъ боязни, чтобъ люди не израсходовали неприкосновенный запасъ, приходилось говорить имъ, что выдаваемое имъ количество сухарей должно хватить на столько-то дней. Тогда солдаты, получивъ сухари, высыпали ихъ на землю и дѣлили на кучки, чтобъ прикинуть глазомъ, сколько они могутъ себѣ позволить съѣсть въ день. Въ эти тяжелые дни кукуруза служила большимъ подспорьемъ; людей отправляли на поля командами подъ начальствомъ офицера; привезутъ массу кукурузы, а выйдетъ на человѣка не болѣе двухъ, трехъ початковъ. Чувствовался также недостатокъ въ топливѣ; послѣ холодныхъ и сырыхъ ночей у людей было только одно на умѣ, какъ бы погрѣться у костра и напиться чаю, который имѣлся въ то время почти у каждаго солдата, а между тѣмъ жечь было нечего.

28-го сентября былъ совершенъ переходъ изъ Порадима въ дер. Ралево, которая лежала къ югу отъ Плевны. Мы подошли къ биваку, когда уже было совсѣмъ темно и въ пяти шагахъ нельзя было различить человѣка. Случалось мнѣ видѣть въ нашихъ южныхъ губерніяхъ рѣзкіе переходы отъ дня къ очень темнымъ ночамъ; но эти переходы въ Болгаріи еще рѣзче, а самыя ночи еще темнѣй. Никогда не забуду тѣхъ непріятныхъ ощущеній, которыя мнѣ пришлось испытать въ то время, когда мы спускались или, вѣрнѣе сказать, скатывались, среди полнаго мрака, по крутому спуску къ мѣсту нашего бивака. Не обладая особо

острымъ зрѣніемъ по ночамъ, мнѣ было очень трудно вникать въ болѣе или менѣе темные оттѣнки предметовъ, попадавшихся мнѣ подъ ноги; а потому, вовсе не видя почвы подъ собой, я постоянно оступался. Къ тому же мы сбились съ дороги, и баталіонъ продолжалъ въ разбродъ спускаться куда-то внизъ, покуда мы не наткнулись на довольно широкую шумную рѣчку. Мы перешли ее въ бродъ; на другой сторонѣ встрѣтили крутой берегъ; люди окончательно разбрелись. Долго еще мы бродили, пока наконецъ не добрались до бивака. Черезъ часъ я уже блаженствовалъ въ палаткѣ, и всѣ безпокойства, которыя пришлось испытать въ темнотѣ, забыты. Военный человѣкъ не злопамятенъ, онъ готовъ все забыть, лишь бы только добраться до покоя.

Всю ночь растерявшіеся въ темнотѣ люди подходили по-одиночкѣ къ биваку; нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно плутали, а другіе умышленно проплялись всю ночь.

VI.

Беглишъ.—Эски-Баркачъ.

Къ утру 30-го сентября, почти что весь полковой обозъ добрался до Ралево, и мы могли продолжать наше дальнѣйшее движеніе. Нашъ путь лежалъ на дер. Беглишъ. Мы шли не дорогой, а ближайшимъ путемъ по полямъ, поросшимъ какимъ то маленькимъ колючимъ кустарникомъ, который все время цѣплялся за платье; люди разошлись широко по полю.

Въ Беглишѣ мы простояли до 8-го октября, итого восемь дней; идти далѣе было некуда, такъ какъ между нами и Плевно-Софійскимъ шоссе, на которомъ были турецкіе редуты, стояли только наши передовые посты, расположенные на правомъ берегу рѣки Вида. До насъ дошли слухи, что вопросъ о штурмѣ редутовъ, расположенныхъ въ виду нашихъ передовыхъ постовъ на лѣвомъ берегу этой рѣки, уже рѣшенъ; только ожидаютъ прибытія 2-ой гвард. пѣх. дивизіи графа Шувалова. Взглянувъ на карту, я увидѣлъ къ моему величайшему удивленію, что мы находимся уже къ ю. з. отъ Плевны; намъ оставалось сдѣлать только нѣсколько шаговъ, чтобы окружить Плевну со всѣхъ сторонъ.

Въ то время никто изъ насъ не могъ предполагать, что отъ этого шага такъ сильно пострадаетъ гвардія, но все-таки мы относились къ нему очень серьезно; про солдатъ же я могу сказать, что они мало интересовались грядущими событіями и вообще высшими соображеніями, но очень обрадовались продолжительному отдыху. Бивакъ нашего

полка былъ довольно симпатичный; онъ былъ расположенъ на берегу ручейка въ очень узкой лощинѣ, по обѣ стороны которой подымались горы, поросшія мелкимъ кустарникомъ. Ручеекъ оживлялъ бивакъ; въ немъ купали лошадей; нашлись и такіе храбрецы, которые, несмотря на позднее время рѣшились выкупаться.

Погода вдругъ рѣзко измѣнилась къ лучшему; дожди перестали, показалось солнце, которое среди дня до того сильно насъ припекало, что мы снова облачились въ кителя. Я провелъ цѣлый годъ въ Турціи и всѣ мои лучшія воспоминанія о погодѣ, вертятся около октября мѣсяца; дождей было мало, было тепло, воздухъ былъ легкій, живительный, чувствовалась осенняя бодрость, природа еще не умирала. Днемъ мы прятались въ палаткахъ отъ солнца, а ночью замерзала вода; вставать по утрамъ было свѣжо и непріятно. Пришлось измѣнить свои привычки ради того, чтобы смягчить рѣзкое ощущеніе холода при вставаніи: я сталъ пить чай лежа въ постели, а потомъ уже вставалъ, умывался и одѣвался. Въ такіе утренники, офицеры выскакивали изъ постели какъ пуля.

По ночамъ, мы спали совсѣмъ спокойно, но все-таки могли ежеминутно ждать тревоги; передъ сномъ съ денщиками происходили у насъ конференціи на тотъ случай, когда бы насъ подняли ночью. Однажды вечеромъ, часу въ пятомъ, въ нѣсколькихъ верстахъ впереди насъ, началась довольно горячая ружейная перестрѣлка между нашими и турецкими аванпостами. Командиръ полка приказалъ быть готовымъ къ выступленію. Это была наша первая тревога вблизи непріятеля; мы отнеслись къ ней съ большой серьезностью, несмотря на увѣренность, что по причинѣ поздняго времени, ничего серьезнаго въ этотъ день не должно выйти. Мы не ошиблись; перестрѣлка прекратилась, начало смеркаться и мы снова раскинули палатки на прежнихъ мѣстахъ.

Мѣры предосторожности противъ всякихъ случайностей были соблюдаемы днемъ и ночью; очередныя роты подымались на гору и разставляли, примѣрно въ одной верстѣ отъ бивака, цѣпь аванпостовъ. По ночамъ, аванпосты могли видѣть вдали турецкіе огоньки и костры; разстоянія до нихъ было не особенно большое, но мѣстность между непріятелемъ и нами была вся изрѣзана десятками глубокихъ овраговъ, поросшихъ колючками; эта мѣстность считалась трудно проходимой, такъ что съ этой стороны нельзя было ожидать нападенія. По этимъ оврагамъ бродилъ бездомный скотъ изъ сосѣднихъ разоренныхъ деревень; онъ уже успѣлъ одичать, но солдаты, несмотря на то, все-таки ухитрялись ловить этихъ шатуновъ и приводили ихъ къ начальнику аванпостовъ. Въ такихъ случаяхъ, волъ обыкновенно отдавался тутъ же ротѣ на съѣденіе, а мозги, считаемые не одними дикими, но и нашимъ народомъ вѣроятно за лакомое блюдо, приносились ротному командиру.

Солдатикъ на аванпостахъ умѣетъ отлично коротать время; то онъ добудетъ тыкву и состряпаетъ себѣ изъ нея и изъ пшена малороссійскую кашу, то за неимѣніемъ хлѣба и сухарей, принесетъ съ поля снопъ пшеницы, намолотитъ зерна, разотретъ его въ муку и смастеритъ себѣ какую нибудь лепешку; а то вдругъ, несмотря на жару, запалитъ необычайный костеръ и любуется имъ какъ какой нибудь огнепоклонникъ, напьется кирпичнаго чаю до тошноты, завалится спать, и спитъ не по нашему, а богатырски. Нашъ братъ офицеръ живетъ на аванпостахъ такою же жизнію какъ и солдатъ.

Ротамъ было приказано производить ежедневныя ротныя ученья съ примѣненіемъ къ мѣстности; ученья происходили въ окрестностяхъ Беглиша въ горахъ; они были полезны не въ томъ отношеніи, чтобъ учить людей примѣняться къ мѣстности, а въ томъ, чтобъ они не засиживались бы долго на мѣстѣ. Горе было только въ томъ, что отъ такого моціона у людей разыгрывался аппетитъ, а хлѣба и сухарей выдавалось не много; вполнѣ сытый человѣкъ не станетъ себѣ молотить пшеницу и дѣлать изъ нея грубыя лепешки, какъ это дѣлали мои солдаты на аванпостахъ.

Всѣ начали чиниться; вещи попортились, поломались, мундиры и обувь порвались; началась генеральная стирка бѣлья. Симпатичный, чистый ручеекъ, проходившій возлѣ бивака, замутился отъ грязи и окрасился отъ мытья линючихъ матерій. Какъ то разъ, подходя къ своей палаткѣ, которая была раскинута возлѣ самаго ручейка, я замѣтилъ въ водѣ обильные слѣды какъ будто крови; денщикъ разъяснилъ мнѣ мое недоумѣніе, доложивъ, что здѣсь мыли офицерскую шелковую, красную сорочку. Здѣсь кстати можно упомянуть, что шелковое бѣлье оказалось въ походѣ предпочтительнѣе какого либо другого; всякій глупый денщикъ всегда съумѣетъ живо выстирать и высушить шелкъ; что же касается до чистоты, то въ шелку, человѣкъ болѣе гарантированъ отъ всякихъ случайностей; говорю б о л ѣ е, пототому что абсолютная чистота въ походѣ, принадлежитъ къ области фантазій, и уже никакъ не можетъ мириться съ той обстановкой, въ которой намъ приходилось жить.

Ротный обозъ пришелъ въ Беглишъ въ самомъ плачевномъ видѣ; напримѣръ: у моей ротной телѣги поломалась передняя подушка, на которой лежитъ вся тяжесть груза, и не исправивъ этой поломки, нельзя было продолжать путь. Легко сказать: исправить; но для этого требовался кусокъ хорошаго дерева, дуба или березы, нѣсколько желѣзныхъ обручей, гвоздей, а гдѣ ихъ взять? Мнѣ пришлось самому поѣхать съ ротнымъ плотникомъ въ деревню Беглишъ и поискать тамъ матеріала. Деревня, вообще говоря, была разорена, но кое гдѣ встрѣчались усадьбы, снова приведенныя болгарами въ порядокъ. Турецкая часть деревни рѣзко отличалась отъ болгарской въ особенности тѣмъ, что она была больше разрушена: тутъ работалъ и болгаринъ и нашъ солдатъ, первый,

чтобъ грабить, второй, чтобъ добыть себѣ топливо. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось отыскать въ деревнѣ нѣсколько старыхъ обручей съ бочекъ, а гвоздей набралъ мнѣ болгаринъ въ развалившейся турецкой мечети, отъ которой остались однѣ только стѣны и минаретъ; все же остальное, какъ то: рамы, двери, внутреннее устройство, было выломано и по всей вѣроятности сожжено для варки пищи.

Добывъ самое необходимое, я поѣхалъ далѣе по деревнѣ поискать какой нибудь провизіи. Гусей, гуляющихъ по полямъ, было много, но они были очень строги и не подпускали къ себѣ. При приближеніи человѣка, они съ крикомъ подымаясь увлекали за собой другихъ и улетали вдаль. Съ курами было тоже: онѣ взлетали на деревья, крыши, перелетали на другую сторону ручья съ такою легкостью, которую нельзя было ожидать отъ домашней птицы. Но все-таки я добылъ за очень дорогую цѣну двѣ пары куриць; у одного болгарина нашелъ медъ; онъ мнѣ служилъ довольно долго вмѣсто сахару, который приберегался про черный день.

Черезъ два дня послѣ нашего прихода въ Беглишъ, уже не за чѣмъ было ѣздить въ деревню, ее обобрали до чиста; пришлось посылать за провизіей и за фуражемъ въ болѣе отдаленныя деревни, лежащія верстахъ въ двадцати и болѣе въ сторонѣ. Наши денщики, которыхъ мы туда посылали, разсказывали, что они находили въ горахъ деревни вовсе не тронутыя и полныя всякихъ запасовъ. Этимъ деревнямъ посчастливилось, потому что онѣ лежали совсѣмъ въ сторонѣ, не на пути слѣдованія войскъ и добраться до нихъ было не легко; на это надо было употребить цѣлый день. Въ такихъ фуражировкахъ денщики имѣли случай отличиться; одни изъ нихъ были болѣе предпріимчивы, а другіе менѣе; но успѣхъ зависѣлъ тоже и отъ количества денегъ, которыми мы ихъ снабжали. Обыкновенно бывало такъ, что денщикъ больно расчетливаго хозяина повертится по ближайшимъ деревнямъ и въ концѣ концовъ добудетъ какую нибудь одну курицу; тѣ же ловкачи, которымъ было разрѣшено не стѣсняться въ деньгахъ, уѣзжали вдаль и привозили гусей, поросятъ, куръ и проч. Бывало съ нетерпѣніемъ ожидаешь до самой ночи посланнаго и несказанно ему обрадуешься, когда увидишь висящую по сторонамъ сѣдла живность.

Извѣстіе, пришедшее въ Беглишъ о нашей побѣдѣ на Кавказѣ надъ арміей Мухтаръ-паши, было встрѣчено съ величайшимъ восторгомъ. При каждомъ крупномъ извѣстіи, въ насъ всегда проявлялась легкая надежда на скорое окончаніе войны; на другихъ сосѣднихъ бивакахъ, еще не знавшихъ объ этомъ, порѣшили, когда услыхали наше громкое ура, что вѣроятно сдалась Плевна. Эта мысль засѣла у всѣхъ въ головѣ коломъ и проявлялась при всякомъ услышанномъ крикѣ радости. Тотчасъ же послали за священникомъ Крюковымъ, который продѣлалъ весь походъ съ Семеновскимъ полкомъ верхомъ; составился самый пестрый хоръ

пѣвчихъ и было отслужено благодарственное молебствіе. Въ это время солнце невыносимо жгло наши обнаженныя головы; всякій изъ насъ старался устроить себѣ изъ бумаги или носоваго платка защиту.

Концертъ подъ Плевной слышался ежедневно; пріѣзжіе оттуда разсказывали намъ, что подвозъ по Софійскому шоссе въ Плевну продолжается безнаказанно, и что турки, вѣроятно по недостатку снарядовъ, мало отвѣчаютъ на наши выстрѣлы, а только отсиживаются въ своихъ редутахъ. Одинъ офицеръ генеральнаго штаба совсѣмъ для насъ чужой, но котораго мы затащили къ себѣ въ палатку, чтобъ услышать отъ него что нибудь новенькое о Плевнѣ, разсказывалъ намъ, что надо только удивляться тому, съ какимъ тонкимъ расчетомъ турки умѣютъ выбирать мѣсто для своихъ редутовъ.

Начальникъ штаба Османъ-паши, проектировавшій планъ обороны Плевны, уже послѣ паденія ея, разсказывалъ, что не получивъ спеціальнаго образованія, онъ руководился въ этомъ дѣлѣ только своимъ опытомъ и глазомѣромъ.

Безъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, которая шла за нами и еще не успѣла подойти къ Беглишу, не рѣшались атаковать настроенные на шоссе редуты; носились слухи, что гвардейскій отрядъ будетъ порученъ наслѣднику цесаревичу; упоминали о графѣ Воронцовѣ-Дашковѣ, но это были все слухи, ни на чемъ не основанные.

Какъ то однажды, находясь въ горахъ со своей ротой на аванпостахъ, я вдругъ услышалъ внизу на нашемъ бивакѣ сильнѣйшее ура; конечно и въ этотъ разъ мы рѣшили, что вѣроятно сдалась Плевна. Наше предположеніе было ошибочное; крики были вызваны рѣчью генерала Гурко, которому былъ ввѣренъ весь гвардейскій отрядъ. Онъ тотчасъ же послѣ назначенія пріѣхалъ въ нашъ полкъ и произнесъ приличное событію слово. Передать его рѣчь я не могу, такъ какъ ее лично не слышалъ; знаю только одно, что по приходѣ съ аванпостовъ на бивакъ, мнѣ тотчасъ же сообщили, что по его приказанію, весь обозъ останется въ Беглишѣ и дальнѣйшее наступленіе мы будемъ дѣлать совсѣмъ на легкѣ; мнѣ помнится, что генералъ Гурко выразился такъ: «въ отрядѣ не будетъ ни единаго колеса». Такъ какъ обозъ долженъ былъ остаться въ Беглишѣ, то я сейчасъ же обратилъ вниманіе на устройство еще одного вьюка. Мой осликъ былъ слишкомъ малъ и слишкомъ слабъ, чтобъ свезти на себѣ все необходимое для меня; купленная мною для ротнаго обоза маленькая лошадка, о которой я упоминалъ выше, оказалась вполнѣ годной подъ вьюкъ. Всѣмъ моимъ вещамъ я сдѣлалъ строгую сортировку; все то, безъ чего я легко могъ обойтись въ походѣ, я рѣшилъ оставить въ Беглишѣ, а все необходимое было разложено въ большіе парусинные мѣшки, которые во время послѣдующихъ переходовъ связывались вмѣстѣ и перекидывались черезъ спину лошади.

Вообще устройство вьюка я признаю только въ видѣ мѣшковъ, но

никакъ не въ видѣ красивыхъ и дорогихъ петербургскихъ приспособленій, на которыя офицеры потратили много лишнихъ денегъ. Мѣшокъ удобнѣе для вьючной лошади и въ него наложишь гораздо больше, чѣмъ въ привилегированные сундуки и чемоданы, на которыхъ красуются красивые иниціалы ихъ владѣльца. Большинство товарищей не позаботилось до сихъ поръ обзавестись вьюкомъ и всѣ страшно засуетились, услыхавъ приказаніе генерала Гурко; лишнихъ лошадей ни у кого не оказалось, а купить было ихъ негдѣ. Тогда мой конюхъ, ловкій хохолъ Макаренко уговорилъ меня дать ему, только до вечера, тридцать рублей взаймы на которые онъ имѣлъ въ виду гдѣ то купить для моихъ товарищей лошадей. Съ моими деньгами, онъ поскакалъ куда то очень далеко, и дѣйствительно къ вечеру привелъ двухъ лошадей, которыхъ тотчасъ же продалъ за 70 рублей; отдавая мнѣ 30 рублей, онъ благодарилъ меня за то, что я далъ ему случай нажить 40 рублей.

Первымъ распоряженіемъ генерала Гурко было передвинуть войска впередъ, т. е. ближе къ Софійскому шоссе; такимъ образомъ нашъ полкъ передвинулся 8-го октября въ Эски-Баркачъ. Бивакъ раскинулся на горѣ, откуда открылся чудный видъ въ даль и по сторонамъ въ горы. Нѣкоторые изъ товарищей устроили кавалькаду и поѣхали полюбопытствовать, что дѣлается впереди на Софійскомъ шоссе. Они добрались до рѣки Вида и совершенно ясно увидѣли на той сторонѣ турецкій редутъ. По ихъ разсказамъ, весь нашъ правый берегъ рѣки былъ очень гористый, а мѣстами даже совсѣмъ крутой около самой рѣки. Въ этихъ горахъ и былъ расположенъ весь нашъ гвардейскій отрядъ; лѣвый же берегъ, насколько можно было видѣть глазомъ, былъ плоскій съ маленькими неровностями; вдали виднѣлось Плевно-Софійское шоссе съ ближайшимъ къ намъ редутомъ Горный Дубнякъ. Редутъ былъ значительныхъ размѣровъ съ отчетливо выведенными стѣнами; посреди редута виднѣлась насыпь, на которой были помѣщены орудія. Внутренняя жизнь редута, конечно была скрыта за насыпью по которой тихо разгуливали часовые; кое гдѣ виднѣлись черкесскіе разъѣзды, изрѣдка перестрѣливающіеся съ нашими казаками. Вотъ все то, что я услышалъ отъ пріѣхавшихъ оттуда товарищей; нѣкоторымъ изъ нихъ померещилось, что турки, будто бы, стрѣляли по нимъ. Мы обступили пріѣхавшихъ, и распросамъ не было конца.

Наконецъ мы дождались прихода 2-ой гвар. пѣх. дивизіи. Она пришла въ Эски-Баркачъ 11-го октября, опоздала же она оттого, что ей пришлось пѣшкомъ пройти всю Румынію по дурнымъ въ то время дорогамъ. Въ этотъ день, который былъ кануномъ незабвеннаго Горнаго Дубняка, нашему полку было приказано выстроиться по-баталіонно и ожидать прибытія командира 2-й бригады 1-ой гвард. пѣх. дивизіи генерала Рауха, назначеннаго командующимъ 1-ой гвард. пѣх. дивизіей. Генералъ поздоровался съ людьми, напомнилъ имъ, что они гвардейцы

и что имъ теперь предстоитъ случай показать себя. Онъ просилъ людей получше работать штыкомъ, безъ котораго трудно выгнать турокъ изъ окоповъ; но разъ уже выбитые изъ нихъ, турки, по его словамъ, бѣгутъ всегда опрометью. Собравъ послѣ того офицеровъ въ отдѣльный кружокъ, онъ совѣтовалъ намъ не слишкомъ увлекаться, что всегда влечетъ за собой излишнія потери; генерала Гурко онъ рекомендовалъ какъ человѣка, на котораго можно вполнѣ положиться и быть съ нимъ спокойнымъ. Видя у генерала Георгіевскій крестъ въ петлицѣ, полученный за лихой, но не совсѣмъ удачный лѣтній кавалерійскій набѣгъ по ту сторону Балканъ подъ начальствомъ г. Гурко, мы рѣшили что этотъ генералъ долженъ быть настоящимъ боевымъ генераломъ, и тотчасъ же прозвали его Дымъ-паша (Rauch-дымъ).

По отъѣздѣ генерала Рауха, бригадный командиръ 1-ой бриг. нашей дивизіи его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій собралъ въ свою очередь всѣхъ офицеровъ своей бригады и сдѣлалъ намъ тоже нѣсколько наставленій. Между прочимъ его высочество высказалъ, что въ числѣ главныхъ условій для успѣха дѣла, онъ считаетъ сохраненіе иниціативы въ командованіи и выказываніи въ самые трудные и серьезные моменты боя силы воли; потомъ онъ совѣтовалъ полковникамъ спѣшиваться во время дѣла.

Изъ всѣхъ этихъ рѣчей и подготовленій намъ сдѣлалось ясно, что на другой день, 12-го октября, насъ поведутъ на штурмъ Горнаго Дубняка. Наши денщики, ѣздившіе за сѣномъ, видѣли гдѣ-то цѣлый вагенбургъ изъ воловьихъ повозокъ, приготовленный Краснымъ Крестомъ для перевозки будущихъ раненыхъ; по этой примѣтѣ, солдаты сдѣлали заключеніе, что въ скоромъ времени надо ожидать рѣзни.

Меня всегда удивляло то обстоятельство, что такіе серьезные планы, какъ штурмъ редута, не сохранялись до поры до времени въ тайнѣ, а разглашались заблаговременно по всѣмъ бивакамъ. Объ атакѣ Горнаго Дубняка было всѣмъ уже извѣстно 10-го октября; турки тоже не могли объ этомъ не знать.

Наканунѣ этого дня явились въ полкъ изъ кавказской арміи наши товарищи: князь Несвицкій, Бельгардъ, Галлеръ и Пишчевичъ, отъѣхавшіе на Кавказъ еще до мобилизаціи гвардіи; они явились прямо къ Горному Дубняку, и имъ сейчасъ же было поручено командованіе ротами.

Уже смеркалось, когда начали съѣжаться къ намъ на бивакъ адъютанты разныхъ полковъ за приказаніями. Какъ знакомыхъ, такъ одинаково и незнакомыхъ мы пригрѣвали у костровъ и поили ихъ чаемъ; всѣ были болѣе или менѣе въ духѣ, а между тѣмъ нѣкоторыхъ изъ нихъ уже намѣтила себѣ судьба—они были на другой день убиты въ сраженіяхъ подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ.

Алексан. Алексан. Берсъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нѣсколько словъ о Михаилѣ Антоновичѣ Горновскомъ.

Моя мать Александра Михайловна Ахматова, рожденная Горновская, была дочь того Михаила Антоновича Горновскаго, записки котораго печатались въ «Русской Старинѣ» въ 1876 году, и о которомъ было писано разными лицами въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ [1]).

Прежде всего я должна заявить, что фамилія моего дѣда Горновскій, а не Гарновскій, какъ его переименовали всѣ писавшіе о немъ. Въ двухъ печатныхъ грамотахъ на пожалованные ему чины, подписанныхъ императрицей Екатериной, онъ названъ Горновскимъ, да и самъ онъ подписывался такъ крупнымъ и четкимъ почеркомъ. Горновскіе и Гарновскіе двѣ разныя фамиліи, и не вслѣд-

[1]) Е. П. Карновичъ писалъ о немъ въ своей статьѣ: „Герцогиня Кингстонъ въ Россіи“ въ январьской книжкѣ „Русской Старины“ 1877 г.; А. М Тургеневъ разсказалъ его исторію въ ноябрьской книжкѣ „Русской Старины“ 1886 г.; говоритъ о немъ и Я. К. Гротъ въ примѣчаніяхъ къ сочиненіямъ Державина; упоминаетъ о немъ и М. И. П. въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ въ „Новомъ Времени“, и В. В. Голубцовъ въ статьѣ: „Къ біографіи П. В. Завадовскаго“, въ выпускѣ первомъ 1887 г. „Русскаго Архива“.

Когда появлялись эти статьи, я не имѣла возможности провѣрить достовѣрность того, что̀ писали о моемъ дѣдѣ, и даже статью В. В. Голубцова я могла опровергнуть только отчасти въ 7-мъ выпускѣ 1887 г. „Русскаго Архива“. Тогда я сама знала очень мало о происхожденіи, воспитаніи и жизни моего дѣда, такъ какъ фамильныя бумаги его, котòрыя находились у моей матери, сгорѣли въ 1848 году, когда почти все наше село Черепаха, Астраханской губерніи и уѣзда, было истреблено огнемъ. Только въ 1896 году мой троюродный братъ Павелъ Павловичъ Горновскій доставилъ мнѣ бумаги, перешедшія къ нему отъ его отца Павла Ивановича Горновскаго, и я считаю своей обязанностью сказать нѣсколько достовѣрныхъ словъ о моемъ дѣдѣ по тѣмъ даннымъ, которыя находятся въ моихъ рукахъ.

ствіе ли этого измѣненія буквъ В. В. Голубцовъ напечаталъ въ первомъ выпускѣ «Русскаго Архива» 1887 г., въ статьѣ «Къ біографіи П. В. Завадовскаго», невѣрныя свѣдѣнія о происхожденіи моего дѣда.

«Михаилъ Гавриловичъ Гарновскій, говоритъ В. В. Голубцовъ, былъ внукъ часовщика Гарнова, жившаго въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, при Петрѣ II».

Дѣдъ мой не могъ быть Михаилъ Гавриловичъ, потому что отца его звали Антонъ, а мой прадѣдъ не могъ быть сыномъ часовщика, такъ какъ былъ столбовой дворянинъ. Фамилія Горновскихъ, одна изъ самыхъ старинныхъ въ Малороссіи. Отецъ моего дѣда служилъ въ казачьемъ войскѣ бунчуковымъ товарищемъ и имѣлъ въ Черниговской губерніи, Стародубскаго уѣзда, землю и крестьянъ. Это былъ человѣкъ очень образованный и имѣлъ хорошее состояніе.

Образованность и матеріальныя средства моего прадѣда доказываются, кромѣ отзыва о немъ его сына Ивана Антоновича, бумаги котораго дали мнѣ матеріалъ для этой статьи, воспитаніемъ, которое онъ далъ своимъ пятерымъ сыновьямъ: Михаилу, Николаю, Петру, Степану и Ивану, особенно двумъ старшимъ. Михаилъ, отецъ моей матери, о которомъ собственно идетъ здѣсь рѣчь, и Николай кончили курсъ въ германскомъ университетѣ, въ какомъ именно—мнѣ неизвѣстно, и знали основательно главные европейскіе языки, а остальные три брата воспитывались въ лучшихъ пансіонахъ и училищахъ Петербурга. Я лично знала самаго младшаго брата отца моей матери Ивана Антоновича. Послѣ смерти моего отца онъ былъ опекуномъ нашего имѣнія; это былъ очень образованный старикъ. Незадолго до своей смерти онъ разсказалъ своему сыну Павлу Ивановичу тѣ біографическія подробности, которыя я здѣсь и помѣщаю.

Всѣхъ сыновей своихъ мой прадѣдъ опредѣлилъ въ гвардію—отца моей матери въ Преображенскій полкъ—а въ то время въ гвардію принимались только столбовые дворяне или дѣти людей, отличившихся особыми заслугами. Доказательствомъ дворянства Горновскихъ служитъ также ихъ гербовая печать. Когда моя мать вышла замужъ, ея гербъ былъ соединенъ съ гербомъ Ахматовыхъ на фамильной печати, которая находится у меня. Я привожу эти доказательства происхожденія моего дѣда не потому, что считаю унизительнымъ для него быть внукомъ часовщика, я просто констатирую фактъ, какъ говорятъ юристы.

Констатировать, мнѣ кажется, могу я и то, что дѣдъ мой не заслуживалъ названія авантюриста, которое ему далъ М. И. П. въ томъ изъ своихъ фельетоновъ, гдѣ онъ разсказалъ исторію моего дѣда, и выраженіе Е. П. Карновича въ его статьѣ «Герцогиня Кингстонъ въ Россіи», что мой дѣдъ успѣвалъ втираться повсюду—не можетъ относиться къ нему. Онъ былъ не неизвѣстнаго происхожденія, такъ какъ оно дало

ему и его братьямъ доступъ въ гвардію, отецъ его, какъ я сказала, имѣлъ хорошее состояніе, такъ какъ оно дозволило ему дать своимъ пятерымъ сыновьямъ такое воспитаніе, какое въ то время получали немногіе, а заграничное, университетское образованіе, знаніе нѣсколькихъ европейскихъ языковъ, на которыхъ дѣдъ мой не только говорилъ, но и писалъ отлично. Это обратило на него вниманіе не только Потемкина, но и императрицы Екатерины, умѣвшей цѣнить талантливыхъ и образованныхъ людей. Развѣ ихъ было много въ то время? Къ тому же Михаилъ Антоновичъ, по гордости своего характера, гордости, погубившей его, не способенъ былъ «втираться». Онъ оказалъ немаловажныя услуги своей государынѣ и Россіи. А. М. Тургеневъ подробно разсказываетъ объ этомъ въ своихъ «Запискахъ».

Дѣдъ мой много путешествовалъ, жилъ и въ Германіи, и въ Англіи; герцогиню Кингстонъ онъ зналъ прежде, чѣмъ она пріѣхала въ Россію. М. И. П. говоритъ, что онъ съумѣлъ прельстить герцогиню Кингстонъ и отобрать у нея ея домъ и имѣнія подъ Петербургомъ. Въ дѣлахъ такого рода постороннимъ трудно знать, кто кого прельстилъ. Судя по тому, что̀ извѣстно объ этой герцогинѣ, она сама умѣла прельщаться. А домъ и имѣнія ея получилъ Михаилъ Антоновичъ съ соизволенія императрицы, вмѣсто 50-ти тысячъ рублей, которые герцогиня отказала ему по завѣщанію. По словамъ А. М. Тургенева и брата Михаила Антоновича, герцогиня страстно его любила. Но онъ недолго оставался вѣренъ ей. Онъ прельстился балетной танцовщицей и женился на ней тайно въ имѣніи князя Потемкина «Островки». Объ этомъ бракѣ три года никто не зналъ; жена Михаила Антоновича даже жила въ особомъ домѣ, когда до императрицы дошли слухи о страстной любви Михаила Антоновича къ танцовщицѣ, любви, бывшей причиною отказа Горновскаго жениться на невѣстѣ, предложенной ему государыней. Екатерина, выслушавъ этотъ разсказъ, сообщенный ей въ видѣ анекдота, послала моему дѣду попугая, который говорилъ: «Пора старику перестать дурачиться» и, призвавъ Михаила Антоновича къ себѣ, спросила, доволенъ ли онъ ея подаркомъ. Дѣдъ мой отвѣчалъ, что попугай подаетъ прекрасный совѣтъ, но что онъ не можетъ имъ воспользоваться, такъ какъ уже женатъ. Императрица разсердилась и запретила моему дѣду являться къ ней, а онъ до тѣхъ поръ имѣлъ право входить безъ доклада въ ея кабинетъ. Потемкинъ нѣсколько разъ ходатайствовалъ за Горновскаго, но не получалъ удовлетворенія. Законный бракъ съ танцовщицей повредилъ Михаилу Антоновичу болѣе, чѣмъ интимныя отношенія къ герцогинѣ Кингстонъ. Но немилость императрицы продолжалась недолго, Екатерина давала моему дѣду порученія и черезъ него посылала письма къ Потемкину, а когда по смерти князя Михаилъ Антоновичъ хотѣлъ выйти въ отставку, императрица удержала его.

*

Близость моего дѣда къ Потемкину, благосклонность и довѣріе императрицы не могли не навлечь на него враговъ тѣмъ болѣе, что онъ былъ гордъ и самолюбивъ чрезмѣрно. Сила его и вліяніе при жизни Потемкина были такъ велики, что въ его пріемной ежедневно была толпа; расположеніемъ Горновскаго дорожили, прибѣгали къ нему или съ просьбами, или за совѣтомъ, одно его слово могло сдѣлать многое.

Его богатство, расточительность, роскошная жизнь, главное же его гордость, съ каждымъ годомъ увеличивали число его враговъ и завистниковъ, а въ числѣ ихъ были люди, въ руки которыхъ должна была перейти власть. Изъ числа приближенныхъ новаго государя было очень мало расположенныхъ въ пользу дѣятелей минувшаго царствованія, и нерасположеніе самого императора къ Потемкину отозвалось бѣдственно на любимцѣ великолѣпнаго князя Таврида.

Я. К. Гротъ въ примѣчаніяхъ къ сочиненіямъ Державина говоритъ, что Горновскій подвергся подозрѣнію въ незаконномъ употребленіи огромныхъ суммъ, которыя онъ, какъ повѣренный Потемкина, переводилъ ему во время войны, не давая никому отчета, и за это посаженъ императоромъ Павломъ въ крѣпость. Е. П. Карновичъ это опровергаетъ. По его словамъ: «ни изъ дѣла объ отдачѣ Горновскаго подъ судъ, ни изъ бумагъ, относящихся къ его аресту, не видно, чтобы при этомъ возникалъ вопросъ о деньгахъ, переходившихъ къ Потемкину черезъ Горновскаго. Прямою и можно даже сказать единственною причиною гибели Горновскаго была принесенная императору графомъ Стенбокомъ жалоба на Горновскаго, какъ на недобросовѣстнаго душеприказчика герцогини Кингстонъ». Въ своемъ фельетонѣ въ «Новомъ Времени» М. И. П. писалъ, что, распоряжаясь полновластно имѣніями герцогини Кингстонъ, Горновскій не хотѣлъ никого и ничего знать, не уплачивалъ никому денегъ и смѣялся надъ законными требованіями, былъ отданъ подъ судъ и посаженъ въ крѣпость. По разсказу Е. П. Карновича, читавшаго подлинное дѣло, видно, что дѣдъ мой заявлялъ генералъ-прокурору князю Куракину, что, сообразно съ доходомъ имѣнія, удовлетворяетъ всѣ претензіи, и въ доказательство представилъ счеты, и что если не удовлетворяетъ претензіи барона Розена и аптекаря Мейера, перешедшей къ графу Стенбоку, то поступаетъ совершенно правильно, такъ какъ въ пользу этихъ лицъ не состоялось донынѣ судебнаго рѣшенія. Но генералъ-прокуроръ еще не успѣлъ доложить дѣло о наслѣдникахъ герцогини Кингстонъ государю, какъ по письму графа Стенбока состоялось высочайшее повелѣніе заключить моего дѣда въ крѣпость. Запальчивость и скорыя распоряженія императора Павла извѣстны.

Матушка разсказывала мнѣ, что ея отецъ вовсе не подозрѣвалъ ожидавшей его участи. Передъ самымъ арестомъ императоръ принималъ

моего дѣда въ своемъ кабинетѣ и благосклонно разговаривалъ съ нимъ, а императрица Марія Ѳеодоровна, встрѣтившись съ Михаиломъ Антоновичемъ по выходѣ его изъ кабинета государя, попотчивала его земляникой съ блюдечка, которое держала въ рукахъ.

Въ бумагахъ моего дѣда, сгорѣвшихъ въ 1848 году, находились черновыя письма, которыя онъ писалъ изъ крѣпости къ императору. Матушка говорила, что эти письма были очень краснорѣчивы и очень смѣлы; не они ли способствовали тому, что мѣсяцевъ за семь до кончины императора, когда отецъ моей матери былъ освобожденъ, оправданный судомъ, государь приказалъ предложить ему опять поступить на службу и занять мѣсто, приличное его званію. Михаилъ Антоновичъ отвѣтилъ отказомъ, сославшись на то, что онъ старъ, слабъ и едва вынесъ претерпѣнное имъ заключеніе.

По выходѣ изъ крѣпости, дѣдъ мой остался съ своимъ семействомъ въ крайней бѣдности. А. М. Тургеневъ, современникъ этихъ событій, подробно разсказываетъ, какъ было расхищено имущество моего дѣда. Было повелѣно удовлетворять всякаго, кто заявитъ какія-либо требованія на Горновскаго, безъ всякихъ письменныхъ доказательствъ. Все имущество было расхищено въ нѣсколько дней, между прочимъ, сапожникъ, по словесному показанію, получилъ восемьдесятъ тысячъ рублей.

Освобожденный отъ одного заключенія, дѣдъ мой, за долгъ иностранцу Бильяру, былъ посаженъ вновь въ тюрьму. Дѣло это долго тянулось, но чѣмъ же дѣдъ мой могъ расплатиться, когда у него было отнято все. Черезъ два года онъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы Александромъ I.

Несмотря на свою бѣдность, Михаилъ Антоновичъ никого ни о чемъ не просилъ, ни къ кому не являлся, чтобы напомнить о себѣ, находя, что съ нимъ было поступлено несправедливо и жестоко. Отъ приглашеній немногихъ уцѣлѣвшихъ друзей постоянно отказывался, даже у родныхъ братьевъ бывалъ рѣдко и чуждался ихъ. Самый младшій братъ его, Иванъ Антоновичъ, имѣвшій достаточное состояніе, секретно давалъ прислугѣ старшаго брата деньги на расходъ, а на платье ему и его дочерямъ можно было дарить только въ дни именинъ и рожденія.

Михаилъ Антоновичъ овдовѣлъ въ 1809 г., три его дочери—сыновей у моего дѣда не было—до самой его смерти оставались при немъ. Онъ училъ ихъ самъ, держалъ строго, рѣдко и по самымъ убѣдительнымъ просьбамъ отпускалъ ихъ погостить въ семейство Ивана Антоновича, котораго любилъ больше другихъ братьевъ.

Матушка говорила, что императрица Марія Ѳеодоровна хотѣла взять дочерей Михаила Антоновича въ одно изъ своихъ воспитательныхъ заведеній, но онъ не согласился.

— Отъ меня отняли все, пусть и дочерей возьмутъ насильно, а добровольно я не отдамъ,—отвѣтилъ онъ.

Иванъ Антоновичъ называетъ своего брата человѣкомъ прямодушнымъ, человѣколюбивымъ, но гордымъ, самонадѣяннымъ и расточительнымъ. Какъ всякій, возставшій противъ себя завистниковъ и враговъ, онъ не могъ не подвергнуться клеветѣ и, не довольствуясь его истинными недостатками, приписывали ему то, къ чему по своему характеру онъ способенъ не былъ. Гордъ остался мой дѣдъ до самой смерти, и если гордость была ему непростительна во время его успѣховъ и силы, то въ послѣдніе годы его жизни, когда крайность его была ужасна, эта гордость можетъ быть поставлена ему въ заслугу.

Умеръ онъ въ крайней бѣдности, не въ тюрьмѣ, какъ написалъ В. В. Голубцовъ, а черезъ восемь лѣтъ по выпускѣ изъ тюрьмы, и не въ 1810 г., какъ полагаетъ Е. П. Карновичъ, а въ 1817 году.

Е. Н. Ахматова.

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

XV [1]).

Поѣздка въ Петербургъ. — Возвращеніе въ Огарево. — Покушеніе на жизнь императора Александра II.—Пожаръ въ Огаревѣ.—Отъѣздъ мой на зиму въ Петербургъ.

Въ 1865 году мы покинули Огарево и отправились съ матерью въ Петербургъ. Въ столицѣ мы были встрѣчены радушно всѣми многочисленными родственниками. Я была застѣнчива съ чужими, но родныхъ встрѣчала всегда съ перваго раза, какъ людей, давно мнѣ знакомыхъ. Недолго мы оставались въ Петербургѣ, но я успѣла подружиться со всѣми кузинами и навеселиться вдоволь, а главное и самое для меня счастливое было въ этой поѣздкѣ то, что я привлекла къ себѣ сердце моей дорогой бабушки Т. Б. Потемкиной, которая взяла слово, что мама̀ пришлетъ меня къ ней на будущую зиму для развитія моихъ музыкальныхъ способностей и для обработыванія голоса.

Бывши въ «Святыхъ горахъ», я тогда уже душой привязалась къ бабушкѣ, а тутъ, увидавъ ее опять такой же ласковой и доброй, я полюбила ее той восторженной, свѣжей любовью, какою только можетъ любить дѣвушка въ шестнадцать лѣтъ.

---

[1]) См. „Русск. Старину“, апрѣль, 1898 г.

Выѣхали мы изъ Петербурга въ мартѣ мѣсяцѣ 1866 г., когда наступила уже распутица, а потому путешествіе наше было сопряжено съ большими препятствіями и ужасами. Мы ѣхали черезъ Москву на Нижній, а отъ Нижняго до Огарева приходилось ѣхать 350 верстъ на почтовыхъ. Насъ сопровождалъ братъ Евгеній, который, не жалѣя себя, пускалъ въ ходъ свою отвагу, ловкость и придумывалъ всевозможныя переправы черезъ рѣки и зажоры.

Подъѣхали мы разъ ночью къ громадному разливу, около котораго собралось много путешественниковъ, какъ и мы; всѣ стояли, не рѣшаясь сунуться въ эту неизвѣстную пропасть, предпочитая всю ночь дрогнуть отъ холода и сырости въ ожиданіи разсвѣта. Но смѣлая, живая натура брата не могла оставаться въ подобномъ ожиданіи... Въ числѣ ожидающихъ разсвѣта было одно семейство сибиряковъ, ѣхавшее въ высокихъ сибирскихъ саняхъ, и большая компанія татаръ. Братъ обратился съ просьбой къ сибирякамъ одолжить ему ихъ сани, а татарамъ предложилъ отправиться съ нимъ вмѣстѣ испробовать путь; татары согласились. Ставъ въ большія сибирскія сани, братъ закричалъ татарамъ: «Ну, братцы! Съ Богомъ—хайда!» Съ этими словами лошади тронули, большія сани грузно опустились въ воду и поплыли съ лошадьми, покачиваясь изъ стороны въ сторону. Черезъ нѣсколько времени, благодаря Бога, Евгеній вернулся обратно и сталъ хлопотать о нашей переправѣ. Всѣ вещи изъ возка переложилъ въ сани, а на вещи посадилъ сибиряковъ и нашу англичанку, дрожавшую отъ холода и страха. Меня съ мамá помѣстилъ въ возкѣ, на скамеечкѣ, въ окна протянулъ канатъ и велѣлъ держаться за него, сидя на корточкахъ, самъ влѣзъ на возокъ, чтобы держать равновѣсіе. Со страхомъ и замираніемъ сердца тронулись мы въ путь, и только-что въѣхали въ зажору, какъ вода съ шумомъ влилась къ намъ въ возокъ, но благодаря заботливости, ловкости и умѣнію брата, мы благополучно переплыли разливъ и даже не промокли. Евгеній былъ въ восторгѣ, что ему удалось показать всѣмъ путь и довезти насъ до станціи сухими.

На станціи мы встрѣтили въ ночномъ дезабилье семейство К*, они, несчастные, за часъ или два до насъ проѣзжали эту страшную зажору, въ которой ямщики ихъ вывалили. Везли они съ собой много нарядовъ, шляпъ, цвѣтовъ, съ которыхъ текла вода, и барышни съ грустью смотрѣли на всѣ пропавшіе наряды!.. 25-го марта вернулись мы домой и встрѣтили всѣ вмѣстѣ въ тепломъ своемъ гнѣздышкѣ весну и Свѣтлый Праздникъ!..

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ разнеслась по Россіи страшная и непостижимая вѣсть о покушеніи на жизнь государя и дошла до нашего уединеннаго уголка. Молодыя сердца наши заволновались отъ негодованія, ужаса, и намъ хотѣлось выразить благодарность Богу за спасеніе и сочувствіе

государю. По совѣту мамá, мы вышили воздухи и въ концѣ іюня, черезъ Т. Б. Потемкину, отправили ихъ при слѣдующемъ письмѣ императрицѣ:

«Ваше императорское величество, всемилостивѣйшая государыня! По случаю злого покушенія на драгоцѣнную жизнь всѣми любимаго монарха нашего мы, послѣ усердной молитвы за спасеніе его, пожелали выразить чувства, которыми съ самаго дѣтства сердца наши наполнены и которыя, безъ малѣйшихъ перемѣнъ, перейдутъ съ нами въ вѣчность. Прилагаемые воздухи — ничтожный трудъ нашихъ рукъ, благоволите всемилостивѣйше принять.

«Да сохранитъ Господь Богъ на многіе лѣта, всемилостивѣйшая государыня, вашу безцѣнную жизнь и жизнь августѣйшаго нашего монарха для блага дорогаго отечества нашего.

«Вашего императорскаго величества вѣрноподданныя: княжны Елена, Софія и Татьяна Голицыны».

Черезъ нѣсколько времени мы получили отвѣтъ отъ бабушки съ приложеніемъ письма государыни.

«Милая Лена, писала бабушка, я получила твое милое письмо, подписанное тремя сестрами. Я сейчасъ же послала его государынѣ и посылаю тебѣ ея отвѣтъ. Она васъ благодаритъ и съ удовольствіемъ принимаетъ воздухи для дворцовой церкви. Итакъ, дорогіе дѣти, принимайтесь за работу и присылайте воздухи къ 22-му іюлю. Это очень мило и хорошо то, что вы придумали. Каждое дѣйствіе, внушенное религіей и любовью къ Богу, трогаетъ сердце, и ваше маленькое письмо окончательно тронуло сердце ихъ величествъ! Прощайте, дорогія дѣти, цѣлую и благословляю васъ всѣхъ троихъ! Татьяна Потемкина».

P. S. Вотъ и письмо государыни, которое я только-что получила. Я вамъ его дарю—примите его, какъ вещь вамъ принадлежащую, такъ какъ она и государь васъ благодарятъ.

«Письмо вашихъ племянницъ, писала императрица, насъ очень тронуло—государя и меня; мы съ удовольствіемъ принимаемъ воздухи и просимъ васъ поблагодарить ихъ.

«Покой здѣсь приноситъ мнѣ большую пользу, но холодъ мѣшаетъ мнѣ пользоваться прогулками настолько, насколько желала бы для моего здоровья.

«Тысячу привѣтовъ».

«Милая моя Catherine! писала бабушка къ мамà, сто разъ виновата передъ вами и передъ нашей дорогой императрицей, которая поручила и такъ просила меня благодарить вашихъ дѣтей за великолѣпные воздухи, которые онѣ вышили и прислали ей такъ кстати. Воздухи были получены въ Петергофѣ 22-го, но безъ меня не смѣли ихъ открыть, и только 27-го, въ день

рожденія императрицы, они были ей поднесены; она мнѣ ихъ показывала и мы вмѣстѣ съ ней любовались ими. Императрица съ любовью поручила мнѣ поцѣловать вашихъ дѣтей и сердечно благодарить ихъ за вниманіе и работу, которую онѣ сдѣлали съ такимъ вкусомъ и усердіемъ. Это изъ «Святыхъ горъ», что я исполняю ея порученіе, такъ какъ я видѣла ее передъ своимъ отъѣздомъ; на другой день моего визита я уложилась и пріѣхала сюда, гдѣ все мнѣ напоминаетъ ваше милое пребываніе и дорогихъ вашихъ дѣтей. Мой мужъ, слава Богу, поправился это лѣто настолько, что желалъ не разстраивать ничего въ моихъ предположеніяхъ! И вотъ я здѣсь наслаждаюсь каждымъ святогорскимъ днемъ, какъ бывало прежде! Прощайте, дорогой другъ, я сожалѣю, что васъ нѣтъ здѣсь».

Въ то время, когда бабушка наслаждалась въ «Святыхъ горахъ», насъ въ Огаревѣ посѣтило горе. Былъ воскресный день. Мирные жители Огарева поджидали благовѣста, чтобы съ первымъ ударомъ колокола идти въ церковь. Солнце ярко свѣтило, но вѣтеръ былъ сильный и знойный. Сосѣдніе прихожане, мужики и бабы, кучками стояли и сидѣли за оградой, на паперти и разговаривали въ ожиданіи обѣдни.

Мама съ Катенькой были въ Салтыкахъ; а мы, какъ и при нихъ, не пропуская ни одной обѣдни, также были готовы и сидѣли въ ожиданіи благовѣста.

Наконецъ ударили въ колоколъ. По длинной улицѣ потянулся народъ въ церковь. Не успѣли мы сѣсть въ экипажъ, какъ услышали вмѣсто благовѣста набатъ! Въ концѣ села показалось пламя; вѣтеръ былъ попутный для огня, который не щадилъ и захватывалъ подъ-рядъ всѣ избы. Церковь была на пути, а нашъ домъ въ концѣ села. Огневое море, какъ лава, двигалось впередъ и приближалось все ближе и ближе. Поднялась страшная сумятица: всѣ бѣжали въ разныя стороны, кричали, плакали, а церковный колоколъ продолжалъ гудѣть.

Въ продолженіе двухъ часовъ все было кончено—села не существовало! Осталась церковь, три кельи и нашъ домъ. Онъ загорался два раза, но, благодаря усердію сосѣднихъ мужиковъ, его отстояли. Сколько бѣдъ сдѣлала одна искорка, неосторожно вылетѣвшая изъ трубы!.. Жутко было входить въ пустой домъ, откуда была видна эта ужасная картина потухающаго пожара. Мы всю ночь не спали—не на чемъ было, да и горе, стоны и плачъ пострадавшихъ отгоняли нашъ сонъ.

Къ утру все-таки усталыя мы вздремнули, сидя и прижавшись другъ къ другу. Ясное солнце, смотрѣвшее во всѣ окна безъ занавѣсъ и стеколъ, запахъ гари и дыма пробудили насъ, и вспомнили мы о вчерашнемъ страшномъ событіи.

Добрая мать наша поспѣшила на помощь погорѣльцамъ: дала имъ лѣсъ на постройку, и къ Покрову Пресвятой Богородицы (престольный

праздникъ) Огарево, расширенное, съ переулками, безъ курныхъ избъ праздновало новоселье! И такъ радостно было видѣть его бѣленькимъ, чистенькимъ и съ перестроенною заботами матери церковью.

Настала наконецъ пора разстаться мнѣ съ милымъ нашимъ Огаревымъ—мать задумала отправить меня на зиму къ бабушкѣ Потемкиной. Отсылая меня въ Петербургъ, она надѣялась, что я послужу связью между ею и родными отца; тѣмъ болѣе бабушка Т. Б. Потемкина была неизмѣнно добра къ матери, понимала ее всей своей любящей душой и сочувствовала ей. Мама надѣялась также, что я съумѣю пріобрѣсти расположеніе и остальныхъ родныхъ, которые со временемъ обласкаютъ сестеръ и будутъ имъ полезны.

Посылала она меня съ нашей доброй Madame de Laveau, которая для того только и вернулась изъ Парижа съ многочисленными туалетами и чепцами, сдѣланными послѣ траура по мужѣ, чтобы сопутствовать меня въ Петербургъ. Сопровождала меня и горничная Дуняша съ неизмѣннымъ Евграфомъ.

Когда отъѣздъ мой былъ рѣшенъ, я со страхомъ думала о жизни внѣ роднаго дома, но молодость не долго останавливается на грустныхъ мысляхъ и, несмотря на горечь разлуки, моя голова наполнена была разными грезами, смѣнявшими одна другую...

Послѣдній вечеръ, проведенный дома, пробудилъ меня, и я, войдя въ свою комнатку, гдѣ все мнѣ было мило, все знакомо, вдругъ вспомнила, что вѣдь это послѣдній вечеръ провожу я въ ней, послѣднюю ночку ночую,—и горько, горько стало на сердцѣ. Подошла я къ окну: луна полнымъ блескомъ освѣщала наша дворъ, садъ, ту поляну, теперь покрытую снѣгомъ, гдѣ мы такъ весело, беззаботно играли въ горѣлки. Что ожидаетъ меня?.. О! какъ грустно мнѣ будетъ одной, безъ мама, безъ сестеръ!.. Я прислонилась горячимъ лбомъ къ стеклу и заплакала... Вошла Соня. Робко, съ глазами полными слезъ подошла она ко мнѣ и надѣла на мой палецъ кольцо, тихо сказавъ:

— Посмотри, Леля! Вотъ эти три жемчужины на кольцѣ—это мы, сестры; двѣ вмѣстѣ — я съ Таней, а одна на вѣточкѣ, вдали—это ты удаляешься отъ насъ; черный фонъ—это наша грусть и трауръ, который мы будемъ носить по тебѣ въ нашихъ сердцахъ!.. [1])

Крѣпко поцѣловались мы съ ней, горько заплакали и грусть еще сильнѣе охватила мое сердце. Мечты мои окончательно затмились, и съ этой грустью я уѣхала и часто, часто повторялась она въ моей душѣ, и колечко Сонино не переставало напоминать мнѣ послѣднія минуты, про-

---

[1]) Это было какъ бы предсказаніе: судьба оторвала меня отъ нихъ—онѣ вмѣстѣ поселились за границей, а я, вышедши замужъ, безвыѣздно жила въ деревнѣ.

веденныя въ родномъ домѣ, прощаніе съ матерью, сестрами и со всѣми нашими милыми жителями Огарева.

Я выѣхала въ ночь, надѣясь, что слезы и горе мое убаюкаетъ сонъ, но заснуть я долго не могла. Мнѣ слышались знакомые голоса: «Прощайте, прощайте!.. до свиданія!.. Ну Христосъ съ тобой—говорила мать—помни всѣ мои наставленія!..» и видѣла я ихъ всѣхъ... Вотъ и батюшка нашъ добрый, вчера за напутственнымъ молебномъ, съ какимъ чувствомъ сказалъ онъ: «Да благословитъ васъ Господь отъ Сіона и да узрите благая Іерусалима».

Черезъ нѣсколько времени я успокоилась и, согрѣвшись отъ нервной дрожи, уснула такъ крѣпко, что проснулась только тогда, когда Евграфъ открылъ дверцы возка и проговорилъ зазябшимъ голосомъ:

— Пріѣхали на станцію! Не угодно ли чаю?

XVI.

Пріѣздъ въ Петербургъ наканунѣ Рождества Христова.—У обѣдни.—Бабушкины именины.—День Татьяны Борисовны Потемкиной.—Моя жизнь у бабушки.

Не безъ затрудненій добрались мы до Петербурга, гдѣ ожидала насъ карета бабушки. Шибко покатили мы по Невскому, потомъ повернули на Большую Конюшенную и скоро подъѣхали къ ярко-освѣщенному дому на Милліонной. Съ замираніемъ сердца переступала я порогъ моего новаго жилища.

Войдя въ швейцарскую, первое, что предстало моему взору, это куча шубъ и множество лакеевъ въ парадныхъ ливреяхъ, такихъ же важныхъ, какъ тотъ, который привезъ меня, и всѣ они равнодушно и безучастно смотрѣли на мое появленіе, какъ будто-бы дверь швейцарской и не отворялась и никто не входилъ въ нее. Мнѣ хотѣлось пройти гдѣ-нибудь незамѣченной: я казалась себѣ такой неуклюжей въ тепломъ дорожномъ платьѣ, въ шапкѣ и ноги въ теплыхъ сапогахъ какъ-то были неповоротливы, однимъ словомъ, ни моя наружность, ни мой костюмъ не гармонировали съ обстановкой, которая попадалась мнѣ при каждомъ моемъ шагѣ, и я, идя по лѣстницѣ, спотыкалась и наступала на платье. Но вотъ увидѣла я на верхней площадкѣ лѣстницы дорогую бабушку, всю въ бѣломъ, съ милой, доброй улыбкой на лицѣ, ласково смотрѣвшую на меня, и, забывъ о своей наружности, которая секунду тому назадъ какъ сѣтями окутывала ноги, я побѣжала по ступенькамъ къ ней на встрѣчу и бросилась цѣловать ей руки. А она, обнявъ меня, хотѣла

уже вести въ гостиную, но я попросила пойти прежде снять дорожный туалетъ.

На́скоро одѣвшись, мы съ Madame de Laveau пошли въ гостиную, гдѣ, къ счастію, гостей застали уже немного. Бабушка съ той же ласковой улыбкой встрѣтила насъ и подвела къ своему мужу, Александру Михайловичу, который также привѣтливо улыбнулся, что-то тихо сказалъ—я въ смущеніи не разслышала—и подалъ мнѣ руку. Впослѣдствіи я узнала, что это знакъ особеннаго расположенія, такъ какъ когда онъ бывалъ недоволенъ или равнодушенъ, то подавалъ два пальца, а когда совсѣмъ недоволенъ, то и одинъ.

Тутъ было еще нѣсколько старыхъ тетушекъ, у которыхъ я почтительно перецѣловала руки, и нѣкоторыя привѣтливо цѣловали меня, а другія важно принимали должное почтеніе. Всѣ онѣ, разодѣтыя въ элегантныхъ свѣтлыхъ платьяхъ и пышныхъ бѣлоснѣжныхъ чепцахъ, сидѣли за круглымъ столомъ и пили чай.

Между ними были положительно красавицы-старушки; въ особенности выдѣлялись своей красотой тетушка Подчацкая, графиня Заводовская и М. О. Смирнова.

Въ другой комнатѣ, рядомъ, въ фонарѣ стоялъ также круглый столъ, за которымъ сидѣли всѣ живущіе въ домѣ, куда позвали и насъ пить чай. Тамъ насъ встрѣтили испытующіе, холодные взгляды и нѣсколько равнодушныхъ вопросовъ. Проглотивъ, а не выпивъ чай, я, жалуясь на усталость, поспѣшила проститься со всѣми и удалиться въ свою комнату, и скоро вмѣстѣ съ Madame de Laveau легла спать.

На слѣдующее утро меня разбудили довольно рано.

— Княжна! пора просыпаться!—говорила горничная моя, Дуняша, стоя около моей постели.

Я не спала, но мнѣ не хотѣлось вставать, и я дѣлала видъ, что не слышу ее, и не открывала глазъ.

— Татьяна Борисовна присылали ужь спрашивать о васъ,—продолжала она.

При имени бабушки я вскочила и, на́скоро одѣвшись, стала спускаться съ лѣстницы. Спустившись въ первую комнату, я спугнула, не преувеличивая, цѣлый выводокъ лакеевъ, которые спокойно сидѣли—нѣкоторые развалившись на стульяхъ, другіе облокотившись на столъ, а при моемъ появленіи всѣ они вскочили, какъ-будто чего-то испугавшись, и вытянулись въ струнку. Это порядочно смутило меня, такъ-что въ первую минуту я замѣшалась и не знала, въ какую дверь попасть, лишь бы скорѣе пройти черезъ эту комнату и черезъ строй этихъ, хотя почтительныхъ, но все-таки въ упоръ смотрѣвшихъ на меня глазъ. Пройдя рядъ пустыхъ комнатъ, богато меблированныхъ, я остановилась передъ дверью бабушкиной спальни съ намѣреніемъ постучать, но не

рѣшилась и отошла. Комната, въ которой я находилась, была ея кабинетомъ; я сочла лучшимъ подождать въ немъ бабушкинъ выходъ и начала осматривать всѣ портреты, между которыми были очень красивыя лица, въ особенности хороши были мать Татьяны Борисовны, моя прабабушка, княгиня Голицына и ея сестра, княгиня Трубецкая, мать Е. П. Почацкой, на которую она была похожа. Но наскучило мнѣ смотрѣть на красавицъ, а бабушка все не выходила, и я опять рѣшилась подойти къ двери и на этотъ разъ оказалась храбрѣе — постучала. «Entrez!» сказала бабушка. Она кончала свой туалетъ. При видѣ меня она улыбнулась, поцѣловала и похвалила меня, что я скоро одѣлась. Около нея вертѣлись три фрейлины, горничными назвать ихъ было нельзя; одна изъ нихъ была важная, почтенная старушка въ такомъ же чепчѣ, какъ у бабушки, съ такими же завитками на вискахъ, которые пришпилены были гребеночками, и въ очень нарядномъ туалетѣ, другая—помоложе, но такая же важная, а третья—молоденькая, въ бѣломъ фартукѣ, хотя не имѣла внушительнаго вида, но между тѣмъ она, какъ говорятъ итальянцы, «la figura».

На бабушкѣ было свѣтло-сиреневое шелковое платье и на плечахъ горностаевая мантилья, которую она рѣдко снимала.

Ея добрымъ, ангельскимъ выраженіемъ, высокой фигурой положительно можно было любоваться.

Предложивъ бабушкѣ руку, я отправилась съ ней въ церковь. Часы только-что начались и, кромѣ старушекъ, живущихъ на пенсіи, которыя привѣтливыми взорами встрѣтили насъ, да монашекъ и дамъ въ старомодныхъ шляпкахъ (то были просительницы), почтительно кланявшихся намъ, никого, къ моему счастію, еще не было. Но не успѣли отойти часы, какъ стали съѣзжаться. Первымъ вошелъ хозяинъ А. М. Потемкинъ, который, пробираясь къ мѣсту, гдѣ стояла Татьяна Борисовна, видимо стараясь никого не замѣчать. За нимъ появились нарядныя старушки, также всѣ въ свѣтлыхъ платьяхъ, и каждая изъ нихъ не искала, гдѣ ей стать, а становилась на свое излюбленное мѣстечко; не опоздали къ началу обѣдни и богомольные старички, дамы съ мужьями и дѣтьми; мамаши выстраивали впередъ курчавыхъ, бѣлокурыхъ дѣвочекъ, разряженныхъ «въ пухъ и прахъ», съ голенькими шейками, ножками, и видимо любовались своими дѣтками; другіе мамаши вводили мальчиковъ и также старались стать впереди съ ними, чтобы всѣ видѣли, какіе у нихъ молодцы-сыновья. Одну изъ такихъ мамашъ я помню: красавицу княгиню Е. Г. Волконскую, которая отличалась всегда простой гладкой прической. Потомъ, наконецъ, къ концу обѣдни пріѣхали дамы, изрядно заботившіяся о своихъ туалетахъ и, я думаю, почти исключительно пріѣзжавшія, чтобы показать ихъ; за ними вслѣдъ появлялись генералы, любители дамскаго общества молодцы-офицеры—больше все кавалер-

гарды и, становясь въ дверяхъ не вдалекѣ отъ элегантныхъ дамъ, изрѣдка шопотомъ перекидывались отрывочными фразами, что заставляло отвлекаться насъ, грѣшныхъ, отъ молитвы; но разговоры были очень умѣренные и тихіе, не нарушающіе общаго порядка, такъ какъ знали, что хозяйка и хозяинъ не любили этого. Зато, когда послѣ креста все общество двинулось изъ церкви и разсыпалось въ большой залѣ—общій говоръ, пожатіе рукъ, переливаніе изъ пустого въ порожнее не умолкало, а я радовалась тогда, что стушевалась въ этой толпѣ. Всѣ гости, поздоровавшись съ хозяйкой обязательно, съ хозяиномъ—не всегда, такъ какъ онъ старался пройти незамѣченнымъ, отправлялись пить чай за гостепріимный столъ Татьяны Борисовны, а Александръ Михайловичъ, часто не зная своихъ гостей, спрашивалъ за столомъ, кто тотъ-то или та? Я усѣлась подальше отъ всѣхъ моихъ grand parents у самовара, на самомъ концѣ стола, надѣясь, что обо мнѣ забыли, но, къ моему ужасу, ошиблась! Бабушка позвала меня къ себѣ, и я, покраснѣвъ до ушей, должна была пройти около всего длиннаго стола, чтобы подойти къ ней. Бабушка начала представлять меня и говорила:

— C'est la fille de Юрка.

— On le voit bien par la ressemblance,—отвѣчали старушки, привѣтливо кивая мнѣ головой.

— Et a-t-elle du talent comme son père? — спросила одна изъ нихъ.

— Elle a une très belle voix et va la travailler ici; après le thé elle nous chantera [1]).

Послѣднія слова бабушки привели меня во вторую краску, а когда послѣ чая добрыя старушки разсѣлись меня слушать, я стояла около фортепіано пурпуровая и пѣла все время съ біеніемъ сердца.

Петербургская жизнь шла своимъ чередомъ. Ежедневно мы гуляли, а затѣмъ, вернувшись домой, спѣшили переодѣваться къ обѣду и являлись къ столу всѣ болѣе или менѣе элегантными. У бабушки Татьяны Борисовны ни одного дня не проходило безъ гостей; и большую часть всѣ дни недѣли были какъ-бы абонированы близкими и друзьями; но кромѣ этого были и случайные гости за обѣдомъ. Насъ живущихъ было 15, такъ что садилось за столъ не менѣе 20—30 человѣкъ. Итакъ вся компанія, состоящая большею частью изъ старичковъ и старушекъ, чинно направлялась попарно въ столовую, проходя цѣлую анфиладу комнатъ. Обыкновенно я старалась быть въ хвостикѣ этого шествія,

---

[1]) — Это дочь Юрки.

— Видно по сходству,—отвѣчали старушки, привѣтливо кивая мнѣ головой.

— Имѣетъ ли она таланты своего отца?

— Она имѣетъ очень хорошій голосъ и пріѣхала сюда, чтобы развить его; послѣ чая она споетъ намъ.

идя подъ руку съ своимъ братомъ, когда онъ обѣдалъ у бабушки, а послѣ обѣда уводила его наверхъ, въ свою комнатку, гдѣ мирно бесѣдовали мы обо всемъ понемногу. А тамъ внизу нѣкоторыя старушки подъ тихій монотонный разговоръ своихъ кавалеровъ засыпали, сидя въ мягкихъ креслахъ; только по пятницамъ, когда обѣдалъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ, никто не засыпалъ, благодаря его грубому голосу и умнымъ рѣчамъ, которыми онъ разгонялъ ихъ послѣобѣденную дремоту. Наружность его была не изъ красивыхъ; ростомъ высокій, немного сутуловатый, съ головой, походившей на львиную, съ такимъ же строгимъ умнымъ и сумрачнымъ выраженіемъ—онъ не всѣмъ былъ пріятенъ, но бабушка любила его, хотя часто нападала на него за его злой языкъ. Я слышала, что у него въ свѣтѣ было много враговъ и называли его «Андреемъ Незваннымъ».

Бабушкино утро начиналось рано: она вставала въ 8 часовъ, и съ этого часа, какъ швейцарская, такъ и пріемная комната наполнялась разнымъ людомъ всѣхъ классовъ и сословій—отказа никому не было и всѣмъ былъ доступъ къ ней. Если требовалось что-нибудь очень спѣшное, то дѣвица, завѣдующая перепиской и ея благотворительными дѣлами, приходила въ спальню и разсказывала въ чемъ дѣло. Если кто изъ просителей нуждался въ рекомендательномъ письмѣ къ великимъ міра сего, то бабушкѣ подавали перо и она писала къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, прося помощи; приходилось нерѣдко писать членамъ царской фамиліи и самой государынѣ на скорую руку и въ постели. Она готова была хлопотать о каждомъ и каждому оказать денежную помощь. Она выходила къ просителямъ счастливая и сіяющая, если у нея было достаточно денегъ для ихъ нуждъ; если же запасъ изъ суммы, которая ей выдавалась мужемъ на благотворительныя дѣла, былъ истощенъ и незначителенъ для помощи, то Татьяна Борисовна была въ отчаяніи. Ей приходилось просить мужа о выдачѣ новой суммы, а онъ былъ аккуратенъ, скуповатъ и не любилъ выходить изъ бюджета. Зная же готовность жены отдать послѣднее платье, Александръ Михайловичъ хранилъ у себя всѣ брильянты. Когда надо было ихъ надѣть—старшая фрейлина отправлялась къ нему за ними, счетомъ получала, надѣвала на свою госпожу и строго приказывала выѣздному лакею слѣдить, чтобы Татьяна Борисовна не потеряла ихъ. По возвращеніи бабушки, съ нея снимались всѣ брильянты и неслись опять на сохраненіе къ мужу.

Александръ Михайловичъ обожалъ жену и все дѣлалъ, что она желала, но находилъ, что всему должна быть мѣра. Если получался отказъ, то она посылала закладывать свое туалетное серебро, которое часто такимъ образомъ выручало ея бѣдныхъ, для которыхъ она положительно была послана Богомъ: вставая и ложась она думала о нихъ.

Если утро ея было благополучно, т. е. было чѣмъ успокоить своихъ

просителей и просительницъ, она выходила къ нимъ изъ своей спальни съ ясной улыбкой и, выслушавъ ихъ, шла пить чай въ свой кабинетъ, куда вела тѣхъ, съ которыми хотѣла продолжать бесѣду. Садясь за маленькій свой серебряный самоварчикъ, желая имъ напоить весь свѣтъ, Татьяна Борисовна ласково спрашивала: «хотите, милая, чаю?» но ни воды, ни чаю не хватало для гостей, и каждый разъ она кротко замѣчала лакею, стоявшему около нея: «что же это, Павелъ, какъ мало вы дали чаю!» и каждый разъ получался отъ него отвѣтъ: «я думалъ, ваше высокопревосходительство, что изволите кушать однѣ!..» Отвѣтъ былъ очень почтительный и голосъ звучалъ тѣмъ же, но взглядъ который Павелъ бросалъ на бѣдныхъ просительницъ, одѣтыхъ въ старомодныя мантильи и шляпы, былъ очень презрительный.

Угостивъ чаемъ приглашенныхъ и не всегда напившись сама, Татьяна Борисовна ѣхала въ пріюты, которые были подъ ея попеченіемъ, въ тюрьмы, навѣщала больныхъ и всюду вносила добро, слово Божіе, любовь и ласку.

12-го января въ Петербургѣ кто не вспоминалъ о Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной? кто не ѣхалъ поздравить ее со днемъ ангела? кто не шелъ къ ней съ тѣмъ же? кто не стремился въ ея домовую церковь? кто не молился о ней, кто не желалъ ей здоровья и всего хорошаго?!..

Начиная отъ государя, митрополита, высшаго духовенства, министровъ, генераловъ, свѣтскихъ дамъ, старыхъ и молодыхъ, и кончая тѣми несчастными просительницами, которыхъ лакеи въ этотъ день просто вымели бы изъ дома — всѣ бывали на Милліонной и всѣ поздравляли добрую, ласковую, привѣтливую Татьяну Борисовну, и какъ съ богатыми, знатными, такъ и съ бѣдными и нищими она была равною въ обращеніи, для всѣхъ у нея было ласковое слово.

Каждый годъ государь и вся царская фамилія бывали у Потемкиныхъ 12-го января, въ день ангела бабушки, и 7-го февраля, въ день свадьбы и рожденія Татьяны Борисовны и Александра Михайловича.

Въ 1865 году они праздновали золотую свадьбу, и вотъ письмо, въ которомъ бабушка описываетъ, какъ государь съ своей семьей почтили этотъ день:

12-го февраля 1865 г.

«Дорогая Екатерина!

«Ваши письма меня очень тронули... Вы благоразумно поступаете, что проводите зиму въ деревнѣ, и такъ какъ дѣти любятъ деревенскую жизнь, то вамъ будетъ хорошо; я васъ жалѣю для себя потому, что мнѣ такъ хотѣлось видѣть васъ зимою здѣсь.

«Я праздновала на-дняхъ свою золотую свадьбу. Это чудный день для тѣхъ, кому прошлое не напоминаетъ ничего печальнаго, и было сплошное счастье и спокойствіе.

«Въ моей радости приняли участіе общество и царская фамилія; этотъ день, помимо моей воли, сдѣлался настоящимъ торжествомъ, хотя я совсѣмъ не собиралась его праздновать, такъ какъ мы въ траурѣ по моемъ братѣ Александрѣ... Эта смерть меня такъ поразила, что я заболѣла. Моя бѣдная belle-soeur чувствуетъ себя очень одинокой. Но жизнь идетъ своимъ чередомъ, горе притупляется въ свѣтскомъ водоворотѣ, и пока оплакиваемъ умершихъ, свѣтъ требуетъ отчета въ нашей грусти.

«Въ день моего юбилея вся царская фамилія осчастливила меня своимъ присутствіемъ. Государь, всѣ его сыновья и братья, великія княгини, всѣ принесли мнѣ свои поздравленія и пожеланія счастья. Государь передалъ мнѣ отъ имени императрицы прелестный браслетъ съ портретами ихъ обоихъ и съ ихъ вензелемъ изъ брильянтовъ и рубиновъ на крышкѣ медальона, на обратной его сторонѣ находится число моей свадьбы, 7-е февраля. Кромѣ этого она прислала мнѣ прелестное письмо на 4-хъ страницахъ. Великія княгини пріѣхали къ обѣдни, такъ что моя свадьба какъ-бы повторилась.

«Я вамъ пришлю мою маленькую карточку съ мужемъ. Что вы думаете дѣлать лѣтомъ?

«Прощайте, моя дорогая. Цѣлую вашихъ дорогихъ дѣтей и отъ всего сердца благословляю ихъ и васъ».

Въ годъ моего пріѣзда 12-го января день начался обѣдней въ домовой церкви, которая больше, чѣмъ обыкновенно, была наполнена петербургскимъ высшимъ свѣтомъ.

Чай и завтракъ прошелъ также шумно и многолюдно, а послѣ завтрака начали пріѣзжать одна за другой великія княгини, великіе князья, и наконецъ доложили: «Государь». Бабушка была въ этотъ разъ не совсѣмъ здорова и сидѣла въ кабинетѣ на креслѣ рядомъ съ мужемъ; въ этой же комнатѣ находились только члены семьи, живущіе въ домѣ, а именно: дядя князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ, сынъ его — Саша и я.

Всѣ стояли, когда государь вошелъ, исключая бабушки, которая хотѣла приподняться, чтобы идти къ нему навстрѣчу, но онъ, увидя ея движеніе, быстро подошелъ къ ней, говоря: «Je vous supplie, chère M-me Potemkine, ne vous dérangez pas!» [1]) и усадивъ ее обратно въ кресло съ любовью и лаской поцѣловалъ три раза ея руки. Я стояла рядомъ съ ней, и когда она меня представляла, я вторично сдѣлала самый глубокій реверансъ, какой только могла. Государь милостиво подалъ мнѣ руку, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ о деревнѣ, такъ какъ бабушка сказала, что я тамъ воспитывалась. О счастье и блаженство, языкъ мой на этотъ разъ былъ послушенъ, и ни разу я не запнулась.

---

[1]) Я васъ умоляю, г-жа Потемкина, не безпокоиться.

Впечатлѣніе перваго вечера, проведеннаго мною въ домѣ бабушки Потемкиной, меня не обмануло: родственники, живущіе въ домѣ, были ко мнѣ холодны, равнодушны—ни ласки, ни привѣта я отъ нихъ не видѣла; остальныя же дамы, какъ-то: приживалки, воспитанницы и т. п. лица, которыхъ Евгеній, братъ мой, называлъ общимъ именемъ: «Перепетуи», положительно не любили меня, хотя видимыхъ непріятностей пока онѣ мнѣ не дѣлали, да и не было причинъ, такъ какъ, помня наставленія матери, я всегда держала себя съ ними вѣжливо и осторожно. Но иногда трудно было чувствовать себя какой-то чужой для всѣхъ, и косые, недоброжелательные взгляды меня смущали и подчасъ огорчали до слезъ...

Это хорошая была школа для моего характера и заставляла меня любить еще сильнѣе свой очагъ, свое родное гнѣздышко, гдѣ кромѣ ласки, снисхожденія, любви, доходящей почти до обожанія—я ничего другого не видѣла, начиная съ матери, кончая нашей доброй прислугой. Къ бабушкѣ Татьянѣ Борисовнѣ я привязывалась день-ото-дня все болѣе и болѣе, и въ ея обращеніи со мной все мнѣ говорило, что она полюбила меня, и съ ней только было мнѣ хорошо, легко, спокойно; когда я бывала около нея, я забывала свои маленькія горести, забывала, что я не дома, и каждое слово ея западало мнѣ въ душу; я восхищалась ея безконечной добротой; а она меня учила такъ же, какъ и мать наша, все прощать и смотрѣть на недостатки людей и пороки ихъ съ грустью, а не съ ожесточеніемъ, и стараться враговъ своихъ покорять добромъ и лаской, а не злобой и мщеніемъ. Тогда я цѣловала ея руки и плакала отъ умиленія и желанія походить сколько-нибудь на нее. А она, увидавъ мои слезы и погладивъ меня по головѣ, говорила [1]): «Chère enfant!.. Que Dieu te guide!» и, засидѣвшись болѣе обыкновеннаго, поспѣшно вставала, говоря [2]): «Il est temps, que je parte—j'ai beaucoup de courses à faire aujourd'hui». И я уходила отъ нея примиренная со всѣми, если имѣла къ кому-нибудь непріятное чувство.

Когда я пріѣхала, вотъ письмо, которое бабушка написала мамѣ:

20-го декабря 1866 г.

«Дорогая моя Catherine!

«Лена съ своей доброй гувернанткой пріѣхали къ намъ совершенно здоровыя, несмотря на 15 град. мороза. Я приняла ее съ материнской любовью, такъ какъ понимаю, что̀ вамъ стоило съ нею разстаться. А Евгеній уѣхалъ за ней и безъ шубы, что̀ очень меня безпокоитъ! Ломакинъ уже былъ, пробовалъ голосъ Лены и нашелъ его чуднымъ, онъ будетъ давать ей уроки два раза въ недѣлю. Надѣюсь, что мы изъ

[1]) Дорогое дитя!.. Да благословитъ тебя Господь!..

[2]) Пора мнѣ ѣхать—сегодня у меня много дѣла.

нея сдѣлаемъ прекрасную пѣвицу! Она очень музыкальна, играетъ хорошо, и вы отлично сдѣлали, что рѣшились прислать ее къ намъ; если Господь позволитъ, она прекрасно окончитъ свое образованіе. Я очень и очень грущу... Причинъ къ тому много: кончина брата Николая, фальшивое положеніе Б., потомъ больные, за которыми я ухаживаю и которые скоро покинутъ насъ для лучшаго міра, и какъ-бы въ утѣшеніе всѣмъ этимъ невзгодамъ ваша милая дочь своимъ присутствіемъ оживляетъ нашу жизнь! А мы, съ своей стороны, постараемся доставить ей лишь одно пріятное. Мои прелестныя племянницы Шуваловы и Рибопьеръ подходятъ къ ея возрасту. Прощайте, дорогая племянница и другъ мой».

Дни наши съ M-me de Laveau проходили довольно однообразно: по утрамъ я съ ней занималась, а послѣ завтрака каждый день пѣла экзерсисы, готовясь къ уроку пѣнія Ломакина, и разучивала заданное мнѣ учителемъ музыки Капри; потомъ мы отправлялись гулять, а вечеромъ иногда ѣздили къ кузинамъ и очень рѣдко въ театръ. Утреннія занятія мои шли не очень аккуратно, въ особенности первое время моего пріѣзда,—меня то и дѣло требовали на половину бабушки и, пока она не представила меня всѣмъ родственникамъ и знакомымъ, которымъ хотѣла меня отрекомендовать, я постоянно отрывалась отъ занятій. Всѣ эти представленія были для меня настоящей пыткой и всѣ гости казались прескучными. Только разъ, помню, одна изъ посѣтительницъ меня очаровала, во-первыхъ, своей красотой, а во-вторыхъ, обрадовала меня своимъ желаніемъ и просьбою видѣть меня въ живыхъ картинахъ у нея во дворцѣ. Это была княгиня Суворова. Не дождавшись даже согласія бабушки, я мысленно мигомъ перенеслась въ театръ, на сцену въ одну изъ картинъ, проектируемыхъ княгиней, и ждала съ нетерпѣніемъ момента, когда меня отпустятъ, чтобы бѣжать къ M-me de Laveau объявить мою радость. Но бабушка, какъ холодной водой облила меня, сказавъ:

— Non, chère princesse, je ne puis vous la donner—elle est encore trop jeune pour aller figurer dans un spectacle et aller montrer sa beauté au publique. [1])

И какъ княгиня Суворова ни уговаривала бабушку позволить ей разсчитывать на меня—она была непоколебима, и позволено мнѣ было поѣхать только въ ложу и любоваться другими. Вообще бабушка не любила, чтобы я ѣздила въ большой свѣтъ и театры, боясь ужасно, чтобы я не пристрастилась къ свѣту и его забавамъ, и поэтому всегда со страхомъ и какъ-бы беря грѣхъ на свою душу, отпускала меня. На балы я

---

[1]) Нѣтъ, милая княгиня, я не могу вамъ ее уступить; она еще очень молода, чтобы участвовать въ спектакляхъ и показывать свою красоту публикѣ.

ще не выѣзжала, а когда собиралась въ театръ или оперу и приходила къ ней веселая, сіяющая передъ отъѣздомъ проститься—я читала на ея миломъ лицѣ какое-то волненіе и страхъ; благословляя меня, она покачивала головой, какъ-бы говоря: «Какъ удержать молодость отъ веселья и всѣхъ прелестей жизни?! Но какъ страшны и опасны всѣ соблазны въ ней!..»

Подъѣзжая къ театру я испытывала какое-то необыкновенное, радостное, счастливое настроеніе. Я до страсти любила музыку, и когда въ оперѣ слышала оркестръ, исполняющій увертюру изъ «Руслана» или «Жизнь за Царя», то душа моя положительно сливалась съ этими чудными звуками и уносилась куда-то въ лучшій міръ, гдѣ царитъ одна гармонія, и хотѣлось не быть собой, а однимъ изъ этихъ чудныхъ звуковъ, которые такъ дружно поютъ и вселяютъ людямъ такія чудныя, неземныя ощущенія... На другой день бабушка, несмотря на испытанный наканунѣ страхъ при отъѣздѣ моемъ въ театръ, съ интересомъ спрашивала, что я видѣла и какое впечатлѣніе сдѣлала на меня опера. Однажды она разсказала мнѣ, что, бывши молодой, она такъ же, какъ и я, страстно любила театры, балы и т. п. удовольствія, но, сознавая, что эти удовольствія слишкомъ притягиваютъ ее къ себѣ, отвлекая отъ долга и заставляя жить для своихъ эгоистическихъ стремленій и вкусовъ, и не умѣя пользоваться благоразумно и спокойно прелестями жизни, но отдаваясь имъ всей душой и забывая, что для души есть лучшая, высшая жизнь, а именно жизнь для Бога и людей,—она рѣшилась совсѣмъ отказаться отъ свѣта; и всѣ общественныя удовольствія, какъ-то: балы, рауты, концерты, театры ею больше никогда не посѣщались. Музыку, которую она продолжала горячо любить, слушала она только дома или въ очень тѣсномъ кругу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Опредѣленіе Правительствующаго Сената изъ I-го въ V-й департаментъ.

4-го іюня 1826 г.

1826 года іюня 3-го дня. По именному его императорскаго величества высочайшему указу, объявленному Сенату господиномъ генераломъ-отъ-инфантеріи, министромъ юстиціи и кавалеромъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ сего жъ іюня во 2-й день, что его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ: по случаю занятія гг. сенаторовъ с.-петербургскихъ департаментовъ въ верховномъ уголовномъ судѣ, учрежденномъ надъ злоумышленниками, покушавшимися испровергнуть престолъ и государственный порядокъ, быть присутствію въ департаментахъ Сената послѣ полудня, доколѣ продолжится существованіе верховнаго уголовнаго суда. Правительствующій Сенатъ приказали: о семъ высочайшемъ его императорскаго величества повелѣніи въ здѣшніе департаменты Правительствующаго Сената сообщить съ опредѣленія копіи. Подлинное за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

Записки Михаила Чайковскаго.

(Мехметъ-Садыкъ паши).

XXXVI [1]).

Свиданіе съ Фети-Ахмедъ-пашею. — Поѣздка на Родосъ. — Карантинный врачъ.—У Хозрева-паши.—Некрасовцы и ихъ жизнь въ Турціи.—Сеймены.

На слѣдующій день я отправился въ Арнаутъ-Кіой, вмѣстѣ съ г. Lahaill'емъ, французомъ, женатымъ на племянницѣ доктора Маркополи. Послѣдній былъ членомъ комитета реформъ, преподавателемъ французскаго языка въ медицинской школѣ, секретаремъ и пріятелемъ Фети-Ахмеда-паши и впослѣдствіи лекторомъ султана Абдулъ-Меджида.

Въ Арнаутъ-Кіоѣ находился дворецъ султанши, супруги Фети-Ахмеда-паши, гдѣ онъ жилъ съ нею, ибо, какъ супругъ султанши, не былъ сосланъ, а получилъ разрѣшеніе жить во дворцѣ подъ величайшемъ инкогнито,—вслѣдствіе этого не могъ открыто принимать гостей и выѣзжать со свитою, подобающей ему по его сану и высокому положенію въ обществѣ, какъ зятю султана.

Я познакомился съ Фети-Ахмедомъ-пашею еще въ Парижѣ, когда онъ былъ посланникомъ во Франціи. Султанъ чрезвычайно любилъ своего зятя за доблесть, выказанную имъ во время войны; онъ сражался подъ Варною, во главѣ четырехъ батальоновъ пѣхоты, не сло-

[1]) См. „Рус. Стар.“, апрѣль, 1898.

жилъ оружія вмѣстѣ съ остальнымъ войскомъ, пробился сквозь строй донскихъ казаковъ и успѣлъ соединиться съ отрядомъ Галиль-паши, зятемъ султана, за что получилъ въ награду прозвище Фети—побѣдитель и руку дочери султана Махмуда. По этому случаю онъ выказалъ замѣчательную честность и благородство: когда ему передали желаніе султана имѣть его своимъ зятемъ, при чемъ онъ долженъ былъ, разумѣется, разстаться со своей первою женою, которую онъ очень любилъ и отъ которой имѣлъ сына, то этотъ благородный человѣкъ не побоялся гнѣва своего монарха, упалъ ему въ ноги и заявилъ, что не можетъ прогнать мать свего ребенка, съ которой онъ былъ счастливъ, и не можетъ не заботиться о ней. Султанъ оцѣнилъ благородство чувствъ своего паши и назначилъ для его жены и ребенка красивый дворецъ на азіатскомъ берегу, въ Куру-Чесмѣ, сказавъ ему: «продолжай заботиться о ней, я спокоенъ, что моя дочь будетъ съ тобою счастлива».

Фети-паша принялъ меня очень любезно, какъ старый знакомый, и предложилъ мнѣ и г. Lahaill'ю позавтракать вмѣстѣ съ нимъ. Онъ высказалъ свое мнѣніе, что мнѣ въ Турціи нечего дѣлать и что вообще врядъ-ли тутъ можно сдѣлать что-либо для Польши. Лично, онъ сочувствовалъ полякамъ и ихъ дѣлу, но увѣрялъ, что въ Турціи о нихъ нельзя говорить, что этого не допустятъ три союзныя державы, съ которыми дѣйствуетъ за-одно Англія; на Францію также трудно разсчитывать, такъ какъ она боится этихъ державъ не менѣе Турціи. Онъ отозвался о первомъ драгоманѣ русскаго посольства, какъ о человѣкѣ въ высшей степени непріятномъ, безсердечномъ и безжалостномъ, передъ которымъ всѣ трепещутъ со страха; онъ совѣтывалъ мнѣ избѣгать знакомства съ нимъ, чтобы не навлечь на себя какой-либо бѣды. Lahaille поддерживалъ его. На этомъ нашъ разговоръ окончился, и мы разстались.

Lahaille, докторъ правъ и извѣстный адвокатъ, несмотря на полученное имъ образованіе, былъ человѣкъ довольно простодушный и при томъ откровенный. Онъ разсказалъ мнѣ, по пути изъ Арнаута въ Перу, что состоялъ на пенсіи у Фети-Ахмеда-паши, получая по 1,000 піастровъ въ мѣсяцъ, но что паша, имѣя огромные расходы, не платилъ ему аккуратно этой пенсіи и что однажды, будучи въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, онъ былъ вынужденъ попросить выдать ему эти деньги за нѣсколько мѣсяцевъ. Паша сконфузился, такъ какъ у него въ тотъ моментъ не было денегъ для уплаты долга, а онъ понималъ всю справедливость просьбы Lahaill'я. Подумавъ нѣсколько минутъ, онъ сказалъ французу:

— Какой ты, право, смѣшной Lahaille, что разсчитываешь на эту пенсію; это такіе пустяки, что объ нихъ и думать не стоитъ. Ты знаешь, я важный сановникъ, зять султана и могу сдѣлать многое. Какъ при-

детъ къ тебѣ какой-нибудь грекъ съ просьбою замолвить мнѣ слово за него, скажи ему: давай грекъ 1,000 піастровъ и—въ карманъ. Когда придетъ армянинъ: давай 2,000 піастровъ и опять въ карманъ. Если придетъ жидъ, возьми съ него три тысячи, а если къ тебѣ явится англичанинъ, нѣмецъ или французъ требуй съ нихъ извѣстный процентъ или половину барыша. Увидишь, это будетъ выгоднѣе твоей жалкой пенсіи; у тебя будутъ дома, имѣнья, доходы.

Совѣтъ былъ недуренъ; не знаю только, воспользовался ли имъ честный Lahaille, такъ какъ я былъ съ нимъ близко знакомъ, но не замѣтилъ, чтобы онъ былъ особенно богатъ; кажется, онъ ничего не оставилъ послѣ своей смерти женѣ и дѣтямъ, кромѣ пожизненной пенсіи, назначенной ему султаномъ Меджидомъ, и незапятнаннаго, честнаго имени.

Въ тотъ же вечеръ мы сѣли на парусное судно, которое должно было доставить насъ ровно черезъ день въ Теквирдагъ, на островъ Родосъ. Наше положеніе во время переѣзда было не особенно пріятное, ибо мы не говорили и не понимали ни слова по-турецки и по-гречески, а капитанъ судна и матросы только и могли объясняться на этихъ двухъ языкахъ. Въ полночь поднялся сильный вѣтеръ, судно летѣло какъ стрѣла, и мы не успѣли опомниться, какъ матросы закричали: Теквирдагъ.

Пора была пристать къ берегу, ибо въ этотъ моментъ разразилась страшная буря; при входѣ въ гавань у насъ сломало руль и судно было залито водою; если бы не убрали паруса, то мы навѣрное очутились бы на днѣ морскомъ.

Въ то время въ Турціи уже были введены карантины, которые находились подъ вѣдѣніемъ француза, Людовика Роберта, исполнявшаго свои обязанности чрезвычайно добросовѣстно. Мы прибыли въ Родосъ ночью; до разсвѣта оставалось 3 часа; насъ отвели въ турецкую кофейню, гдѣ мы рѣшительно ни съ кѣмъ не могли объясняться, ибо карантинный чиновникъ говорилъ только по-турецки, а доктора еще не было. Мы принялись пить кофе.

Противъ насъ сидѣлъ какой-то пожилой человѣкъ, въ арабскомъ бурнусѣ, съ чалмою на головѣ; онъ принадлежалъ видимо къ высшему классу общества, ибо содержатель кофейни и всѣ посѣтители, коихъ, несмотря на поздній часъ, было довольно много, относились къ нему съ особымъ почтеніемъ. Онъ сидѣлъ у окна, возлѣ котораго стояла осѣдланная лошадь; этотъ человѣкъ то и дѣло поглядывалъ на насъ, или лучше сказать уставился на насъ какъ въ одну точку, но не могъ говорить съ нами.

Наконецъ явился карантинный врачъ, англичанинъ, по фамиліи Керковъ; онъ не обучался медицинѣ и ранѣе нигдѣ не практиковалъ,

а жилъ въ Неаполѣ своими средствами и въ видѣ развлеченія интересовался политикой, принималъ участіе въ разныхъ заговорахъ и былъ членомъ разныхъ тайныхъ обществъ. Наконецъ, ему пришлось бѣжать изъ Неаполя, онъ прибылъ въ Стамбулъ, гдѣ по милости сэра Страдфорда Каннинга сталъ докторомъ медицины и хирургіи и получилъ мѣсто карантиннаго врача въ Родосѣ, съ хорошимъ окладомъ, и состоялъ подъ покровительствомъ Англіи, на что указывала его шапка съ широкимъ галуномъ. Онъ нанялъ, или по англійскому обычаю, завладѣлъ четырьмя лавками на четырехъ главныхъ улицахъ Родоса и устроилъ въ нихъ аптеки, въ которыхъ ровно ничего не было кромѣ подкрашенной въ разныя цвѣта водки, стоявшей на окнахъ въ большихъ стеклянныхъ бокалахъ; аптекарями были просто на просто шинкари, жиды. Въ базарные и ярморочные дни сэръ Керковъ появлялся на улицахъ Родоса въ своей шапкѣ съ галуномъ, съ огромной палкой въ рукахъ, сопровождаемый двумя ясакчами, также вооруженными дубинами; они загоняли людъ Божій въ аптеки, гдѣ христіане и мусульмане, безъ различія вѣроисповѣданія, должны были выпить по стаканчику подкрашенной водки, въ видѣ предохранительнаго средства противъ чумы и иныхъ заразныхъ болѣзней, за что платили по 5-ти піастровъ. Протежэ сэра Страдфорда Каннинга заработывалъ этимъ огромныя деньги.

Мы познакомились съ этимъ докторомъ, съ которымъ могли разговаривать по-французски; какъ только онъ вошелъ, человѣкъ въ бурнусѣ вскочилъ съ своего мѣста и сказалъ по-турецки, какъ намъ перевелъ докторъ, что онъ желаетъ имѣть этихъ людей, т. е. насъ, своими гостями, такъ какъ мы ему понравились. Это былъ одинъ изъ домовладѣльцевъ Родоса, родомъ арабъ изъ Сиріи, вѣроятно маронитъ, по фамиліи Саихъ, женатый на венгеркѣ, г-жѣ Кисекъ, внучкѣ управляющаго князя Ракоци, который скончался въ Родосѣ. Не было никакой возможности отказаться отъ этого предложенія, ибо онъ уже велѣлъ забрать наши вещи; намъ подвели двухъ верховыхъ лошадей и мы отправились вмѣстѣ съ Саихомъ къ нему въ домъ. Его семейство состояло изъ отца, матери, двухъ сыновей и дочери. Старикъ Саихъ привелъ своего старшаго сына, карантиннаго чиновника и предложилъ его мнѣ въ драгоманы безо всякой платы, прося только не отказать ему въ этомъ, такъ какъ моя физіономія очень ему понравилась. Этимъ предложеніемъ нельзя было пренебрегать; молодой Янъ Саихъ говорилъ по-французски довольно плохо, но зато по-турецки и гречески говорилъ превосходно. Такимъ образомъ нарождавшееся польское агентство пріобрѣло своего драгомана и въ этомъ отношеніи не уступало другимъ посольствамъ. Главнымъ агентомъ былъ я, управляющимъ агентствомъ — Верещинскій-Корчакъ; первымъ секретаремъ—Лудвигъ Звѣрковскій-Ленуаръ, пра-

вителемъ канцеляріи Викентій Равскій и драгоманомъ Янъ Саихъ.

Вскорѣ въ квартиру Саиха пришелъ докторъ Константинъ Маркополи; онъ повелъ меня къ Хозреву-пашѣ. Когда мы вошли, визирь сидѣлъ на софѣ, одѣтый въ мѣховую одежду изъ чернобурыхъ лисицъ. Увидѣвъ меня, онъ вскочилъ съ дивана, сталъ обнимать и цѣловать приговаривая:

— Обнимая тебя, я обнимаю моего могущественнаго, хотя лично незнакомаго мнѣ друга, князя Чарторыйскаго, обнимаю моего дорогаго генерала Хржановскаго.

Затѣмъ онъ усадилъ меня рядомъ съ собою.

Хозревъ-паша былъ небольшаго роста, довольно полный, широкоплечій; лицомъ напоминалъ хищную птицу, но не орла и не сокола, и былъ хромой, какъ дьяволъ Твардовскаго. Причиною его хромоты былъ случай настолько интересный, что я не могу умолчать о немъ.

Хозревъ-паша былъ намѣстникомъ въ то время, какъ Мехмедъ-Али, будущій вице-король Египта, былъ простымъ бинбашемъ, сардаремъ арнаутовъ, служившихъ въ Египтѣ. Хозрева-пашу нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ энергіи въ управленіи, которую онъ доводилъ зачастую до жестокости, но онъ не отличался храбростью и отвагой. Мехмедъ-Али подмѣтилъ это и рѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Онъ то и дѣло тревожилъ намѣстника донесеніями о заговорахъ, о сборищахъ мамелюковъ, объ ихъ намѣреніи напасть на Каиръ; кажется даже онъ поощрялъ ихъ втайнѣ къ возмущенію чрезъ своихъ клевретовъ. Когда тревожное состояніе духа намѣстника было доведено этими донесеніями до высочайшей степени, онъ доложилъ ему однажды, что мамелюки взбунтовались и подступаютъ къ городу. Намѣстникъ заперся въ крѣпости, которая была довольно хорошо укрѣплена. Вдругъ, однажды, ночью послышались выстрѣлы и необычайный шумъ. Мехмедъ-Али вбѣжалъ въ комнату намѣстника крича: «мамелюки въ крѣпости, будемъ защищаться до послѣдняго человѣка, но навѣрное мы всѣ погибнемъ — иначе быть не можетъ. Спасайся господинъ, тебѣ ввѣрены самыя лучшія владѣнія халифа. Лошади и люди готовы, до Аки дорога безопасна, а тамъ находятся войска султана. Ты станешь во главѣ ихъ, отомстишь за нашу смерть и сохранишь Египетъ султану».

Перепуганный намѣстникъ со страха выскочилъ въ окно, сломалъ себѣ ногу, но арнауты посадили его на лошадь и довезли до Аки. Между тѣмъ Мехмедъ-Али усмирилъ бунтъ, навѣрно имъ самимъ подстроенный, и донесъ султану, что Хозревъ бѣжалъ со страха, а онъ усмирилъ бунтъ и привелъ властей и весь Египетъ въ повиновеніе своему монарху. Подъ первымъ впечатлѣніемъ этого извѣстія, Махмудъ

назначилъ Мехмеда-Али намѣстникомъ Египта. Хозревъ никогда не могъ простить Мехмеду этой продѣлки.

Хозревъ-паша былъ съ нами очень любезенъ, но сказалъ мнѣ рѣшительно, что въ настоящее время не только нельзя ничего сдѣлать для польской справы, но даже нельзя думать о ней. Въ концѣ-концовъ онъ далъ мнѣ, какъ своему возлюбленному сыну, по его выраженію, слѣдующій совѣтъ: «если у тебя есть врагъ и ты хочешь во что бы то ни стало побѣдить его, постарайся сдѣлаться прежде всего его другомъ, чтобы ты могъ пожать ему руку, а когда ты этого достигнешь, сожми ему руку такъ, чтобы она высохла. Когда ты увидишь, что она отсохла, тогда только скажи ему, что ты его врагъ и ударь его по этой рукѣ; она отвалится и дѣлу конецъ. Только такъ и можно жить на этомъ свѣтѣ».

Когда мы вернулись въ домъ Саиха, намъ принесли отъ Хозрева-паши цѣлый обѣдъ; Равскій насчиталъ до 38 блюдъ, при этомъ была прислана водка изъ Хіоса и вино изъ Киркліза. Мы угостили цѣлую часть города, называемую мадьярскимъ кварталомъ, потому что онъ населенъ мадьярами, эмигрировавшими съ Ракоци. Они поселились тутъ, жили и умирали, но ихъ дѣти утратили всѣ признаки мадьярскаго происхожденія, позабыли мадьярскій языкъ и обычаи и стали болѣе походить на левантійскихъ купцовъ.

Въ Родосѣ сохранились еще полуразвалившіеся дома Ракоци, Кисеба и другихъ венгерцевъ, сохранился ихъ костелъ, но самихъ мадьяръ нельзя было бы отыскать и въ телескопъ Гершеля. Туранское племя легко утрачиваетъ свои отличительныя черты и свою національную самобытность, если оно не владычествуетъ въ краѣ; иное дѣло славяне, какъ я убѣдился вскорѣ, увидавъ въ той мѣстности нашихъ казаковъ.

Я много слышалъ о казацкихъ поселеніяхъ близъ Эноса, хотя нигдѣ не пришлось читать о нихъ, такъ какъ у насъ о подобныхъ вещахъ не пишутъ. Поселенія эти, какъ мнѣ разсказывали въ Родосѣ, были перенесены въ 1827 и 1828 г.г. въ Анатолію, въ окрестности Бандермы и Михолича, на берегъ Маніосскаго озера, гдѣ возникло обширное селеніе въ тысячу дворовъ, названное Биневле или Маніосское, но казаки сохранили свои прежніе рыбные промыслы на озерахъ Сирджа-Юмурджина, коихъ насчитываютъ семь въ окрестностяхъ Эноса; ихъ курени находятся въ урочищѣ, называемомъ Ючъ-Іевле, т. е. три дома. Я рѣшилъ туда съѣздить, а оттуда отправиться въ Биневле.

Я, Равскій и молодой Саихъ выѣхали изъ Родоса на почтовыхъ съ почтальономъ, по-турецки сируджи, который ѣхалъ позади, ведя запасную верховую лошадь, нагруженную нашей поклажей. Мы ѣхали по

засохшему бурьяну, по мѣстности, напоминавшей наши украинскія степи. Подъ вечеръ мы прибыли въ Кешаны.

Въ Кешанахъ мы увидѣли также англичанина въ шапкѣ съ галуномъ и уже не съ двумя, а съ нѣсколькими ясакчами и съ двумя писарями, изъ коихъ одинъ, грекъ, также былъ въ шапкѣ съ галуномъ, а другой турокъ—въ фескѣ. Этотъ торгашъ скупалъ льняное и кунжутное сѣмя и дикую рѣпу по цѣнамъ имъ самимъ назначаемымъ, мѣрою имъ самимъ установленною, а въ иныхъ мѣстахъ забиралъ все это просто силою; у него былъ въ карманѣ фирманъ, а у ясакча—дубины въ рукахъ.—Жители обращались къ мѣстнымъ властямъ, прося защиты отъ произвола англичанъ, а власти имъ отвѣчали: англійскіе подданные состоятъ подъ покровительствомъ англійскаго посланника, и все дѣлалось такъ, какъ заблагоразсудится англичанамъ. Человѣкъ въ шапкѣ съ галуномъ былъ дворянинъ, чиновникъ, особа привилегированная среди мѣстнаго населенія, среди подданныхъ султана; англичане позволяли себѣ всевозможныя злоупотребленія и въ то же время кричали о варварствѣ и произволѣ турокъ.

Села, чрезъ которыя мы проѣзжали, были населены мусульманами, греками и болгарами, которые наполовину отуречились, на половину переняли обычаи грековъ. Это было два года спустя послѣ обнародованія гатишерифа Гюль-хана, который не измѣнилъ въ корнѣ управленіе государствомъ, но произвелъ въ немъ нѣкоторыя преобразованія. Мусульмане, покоряясь волѣ правительства, воздерживались отъ угнетенія христіанъ, хотя это было освящено традиціями, но зато старались всевозможными злоупотребленіями проявить власть правовѣрныхъ послѣдователей ислама надъ покоренными раями, надъ послѣдователями Христа и Моисеева закона—это вполнѣ естественно.

Греки весьма искусно умѣли угождать мусульманамъ, но втайнѣ роптали на это подобіе конституціи, объявленной гатишерифомъ Гюльхана, и прикрывались знаменемъ костела, который давалъ имъ истинную власть, истинный авторитетъ и главное сулилъ и болѣе существенныя выгоды въ будущемъ.

Болгары были среди нихъ истинными козлищами отпущенія и безгласными овечками.

Мусульмане-чиновники не особенно одобряли новую конституцію, но боялись надзора и донесеній европейскихъ посольствъ, въ особенности англійскаго, боялись шапокъ съ галунами, были не прочь обманывать ихъ, но чаще всего вступали съ ними въ соглашеніе и въ компанію для торговыхъ и промышленныхъ цѣлей; поэтому англійское правительство назначало обанкрутившихся англійскихъ купцовъ консулами въ Турцію. Эта безпринципность англійскаго правительства была весьма выгодна для той первенствующей политической роли, которую англи-

чане хотѣли играть на Востокѣ. Англійскіе консулы вступали въ близкія сношенія съ мусульманскими чиновниками, вмѣстѣ съ ними угнетали райю, христіанскихъ подданныхъ султана, и оказывали туркамъ покровительство за деньги и иныя услуги. Такъ понимало англійское правительство свою политическую задачу въ Турціи и на этомъ основывало свое вліяніе. Сэръ Стратфордъ Каннингъ отлично сознавалъ это и дѣйствовалъ неуклонно въ этомъ духѣ, поэтому и былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ англійскихъ посланниковъ въ Турціи.

Изъ Кешанъ, на восходѣ солнца, мы отправились на поиски казацкихъ куреней.—Предъ нами разстилалась необъятная степь, густо поросшая травою; кое-гдѣ виднѣлись группы деревьевъ, зеленѣли луга, а по берегамъ озеръ росла такой густою чащею очеретъ, что надобно было пробраться сквозь эту чащу, чтобы увидѣть поверхность этихъ довольно обширныхъ озеръ, на которыхъ вѣтеръ вздымалъ волны какъ на морѣ. На нѣкоторыхъ озерахъ находились островки, поросшіе деревьями и кустами. Въ очеретѣ раздавался топотъ и фырканье кабановъ, которые убѣгали передъ нами цѣлыми стадами пугая нашихъ лошадей, которыя тряслись какъ въ лихорадкѣ. Ни мусульмане, ни христіане не охотятся на нихъ, такъ какъ они не ѣдятъ ихъ мяса.

Въ Ючъ-Іевле мы увидѣли казацкіе курени; довольно большое число шалашей, сплетенныхъ изъ тростника и древесныхъ вѣтвей, было поставлено на самомъ берегу озера Сурджа, на скатѣ небольшаго холма, на которомъ, среди развалинъ большаго селенія, поросшихъ травою, стояло три домика или, лучше сказать, три мазанки; въ одной изъ нихъ находилась корчма, въ которой жилъ еврей, нашъ украинскій бердичевскій еврей, въ другомъ помѣщались двѣ лавчонки со всевозможнымъ товаромъ, коимъ торговали грекъ и армянинъ.

Мы застали казаковъ у жида, въ корчмѣ, гдѣ они пили вино и водку. Обмѣнявшись нѣсколькими словами и выпивъ вмѣстѣ нѣсколько рюмокъ вина мы побратались съ ними. При этомъ Равскій пилъ залпомъ такъ молодецки, что вызвалъ удивленіе даже старыхъ казаковъ.

Это была высланная изъ Биневле артель или такъ называемая команда казаковъ, выходцевъ съ Дона, которые получили названіе некрасовцевъ или кубанцевъ. Ихъ предки покинули Донъ послѣ Булавинскаго бунта, подъ предводительствомъ Игната Некрасова, и поступили на службу къ татарскимъ ханамъ, сторожа Кубань и крѣпость Анапу. Послѣ завоеванія Россіей Крыма и береговъ Чернаго моря эти казаки перешли со своими семействами въ Турцію, дошли до Синопа откуда переправились на ладьяхъ на Дунай, гдѣ имъ было предоставлено для поселенія урочище близъ Запорожской Сѣчи. Но они не могли ужиться по сосѣдству съ буйными запорожцами, которые нападали на ихъ поселенія и грабили ихъ, поэтому некрасовцы переселились съ Ду-

ная въ окрестности Эноса, гдѣ на берегу семи озеръ образовали семь большихъ селеній; число этихъ казаковъ было вѣроятно весьма значительно, такъ какъ въ войну съ Россіей въ 1827 и 1828 г.г. они выставили 2.500 всадниковъ, которые, подъ предводительствомъ войсковаго атамана Ивана Солтана, покрыли себя славою и пользовались большимъ уваженіемъ сераскира Мехмеда-Решида-паши, который защищался въ Шумлѣ.

Въ то время когда войско Игната Некрасова или кубанцы, какъ ихъ называли иначе, находились подъ Шумлой, полковникъ Мухановъ, посланный генераломъ Ротомъ къ Дарданелламъ во главѣ уланскаго полка, съ двумя орудіями, взявъ крѣпость Эносъ, посѣтилъ всѣ поселенія некрасовцевъ и былъ принятъ ими съ хлѣбомъ-солью и съ колокольнымъ звономъ. Вслѣдъ за этимъ некрасовцы со всѣми людьми и имуществомъ перешли на азіатскій берегъ, къ озеру Маніосъ и основали тамъ селеніе Биневле, а семь селеній на берегу озеръ сожгли собственными руками и казаки вернулись изъ-подъ Шумлы уже не на берегъ озера Сирджи, а на берегъ озера Маніосъ.

Рыболовство, ловля піявокъ и транспортная торговля были единственными занятіями этихъ казаковъ. Первые два промысла производились въ большихъ размѣрахъ подъ наблюденіемъ старшины за счетъ всего общества; торговлей каждый могъ заниматься самостоятельно, на свой рискъ, однако съ вѣдома и разрѣшенія начальства. Рыболовство и ловля піявокъ производились въ видѣ командировокъ: восемь мѣсяцевъ ловили рыбу, четыре мѣсяца ловили піявокъ. Всѣ озера въ европейскихъ владѣніяхъ Турціи, отъ Дуная до границы Греціи и по берегу Чернаго моря до Смирны, и даже нѣкоторыя озера въ Египтѣ были арендованы у турецкаго правительства некрасовцами.

Пріѣхавъ въ Ючъ-Іевле мы увидѣли тамъ артель изъ 80 казаковъ, подъ командою зятя Ивана Солтана, который имѣлъ на лицѣ глубокій шрамъ отъ удара саблей, полученнаго имъ въ сраженіи при Кулевчѣ. При немъ состоялъ есаулъ, писарь, казначей и два приказчика; прочіе казаки всѣ были рыболовы, хотя и при оружіи, какъ въ войскѣ; у нихъ было два воза, нѣсколько верховыхъ и вьючныхъ лошадей. Они ловили рыбу, солили ее, приготовляли икру, записывали все проданное въ книгу и вносили вырученныя отъ продажи деньги въ общую кассу. При ватагѣ было два надсмотрщика, которые наблюдали за промысломъ.

Кромѣ того казаки охотились на кабановъ и на водяныхъ птицъ, которыя водились на озерахъ въ изобиліи; этой дичью они питались и, соля ее въ огромныхъ бочкахъ, отправляли въ Биневле для войска.

На берегу озеръ я видѣлъ огромные баштаны, гдѣ, кромѣ дынь и арбузовъ, росли огурцы и капуста. Огородниками были нанятые болгары, такъ какъ въ силу существующаго обычая и закона, некрасовцы, какъ

люди военные, не могутъ обработывать землю. Смѣшнѣе всего, что и у нихъ, для солки огурцовъ и квашенья капусты, нанимались жидовки, какъ это принято у насъ.

Мы осмотрѣли развалины семи селеній или лучше сказать оставшіяся отъ нихъ ямы съ щебнемъ, обросшія травою; это были вѣроятно большія и зажиточныя селенія, на что указывали остатки печей и довольно обширные фундаменты, но нигдѣ не было видно ни одного фруктоваго дерева; я подумалъ, что ихъ перевезли въ Биневле, но мнѣ объяснили, что казакамъ садоводство воспрещено точно такъ-же какъ и хлѣбопашество. Проживъ нѣсколько дней съ некрасовцами и побесѣдовавъ съ ними, мы убѣдились, что они питали какое то особенное отвращеніе къ грекамъ, ибо, всякій разъ какъ Саихъ, котораго они принимали за грека, пилъ вино или воду изъ стакана, они разбивали стаканъ, чтобы казацкія уста не коснулись его. Между тѣмъ они пили изъ одного стакана не только съ нами, но даже съ евреемъ арендаторомъ, а отъ грековъ и армянъ старались держаться какъ можно далѣе, считая ихъ какъ бы нечистыми существами.

Получивъ отъ нихъ самыя подробныя свѣдѣнія о Биневле и объ организаціи некрасовцевъ, мы выѣхали въ Молгары, гдѣ находились казармы бывшихъ сейменовъ (seijmen). Это былъ родъ особой кавалеріи, которая вербовалась и содержалась на счетъ правительства, отличаясь этимъ отъ спаговъ [1]), которыхъ поставляли съ вооруженіемъ и лошадьми богатые ленные владѣльцы. Спаги или деребеи, владѣвшіе на ленныхъ правахъ деревнями, спаглуками. Сеймены были конницей болѣе регулярной, нежели спаги, и болѣе подходили къ обыкновенному войску. Послѣ уничтоженія Деребеевъ и янычаръ, сеймены были преобразованы въ конныхъ жандармовъ и разосланы на службу по всѣмъ санджакамъ. Эти сеймены имѣли огромные табуны, въ которыхъ насчитывали до 4.000 кобылъ; изъ этихъ табуновъ пополнялась въ былое время превосходными лошадьми турецкая кавалерія. Въ Молгарахъ мы еще видѣли до 100 кобылъ, которыя распродавались за безцѣнокъ. Намъ разсказывали, что султанъ Махмудъ, желая имѣть хорошихъ лошадей для артиллеріи, выписалъ для этого табуна заводскихъ жеребцовъ, но ихъ разворовали, а кобылъ распродали. Огромныя казармы были пусты; за ними смотрѣлъ старикъ сейменъ, едва волочившій ноги; самыя зданія уже начинали разрушаться. Эти казармы, эти остатки табуна живо говорили о томъ, что здѣсь было еще недавно прекрасное образцовое учрежденіе, но все это пошло прахомъ, все пропало безслѣдно и никому не приходило на умъ поднять, воскресить его.

Изъ Молгаръ мы поѣхали въ таликѣ—родъ крытой повозки, запряженной тройкой лошадей, у которыхъ хвосты были привязаны къ

[1]) Спаги—иррегулярная турецкая конница. В. Т.

постромкамъ, чтобы они не могли ими махать и отгонять мухъ; мухи кусали ихъ немилосердно и это заставляло ихъ бѣжать скорѣе и лѣнивому возницѣ не надобно было погонять ихъ.

Такимъ образомъ мы добрались до Эноса, плохаго городишка, расположеннаго въ болотистой мѣстности и славившагося нездоровымъ климатомъ. Тѣмъ не менѣе городъ велъ бойкую торговлю и въ немъ была масса людей съ галунами на шапкахъ. Мы заѣхали въ гости къ Вернашу, родственнику Саиха, который исполнялъ должность консула трехъ или четырехъ европейскихъ державъ.

Въ Эносѣ я осмотрѣлъ старинную крѣпость, заложенную, какъ говорили, еще генуэзцами и которая была взята русскими уланами подъ командою Муханова; въ Эносѣ находился еще комендантъ этой крѣпости, старый турокъ, раненый въ разныхъ сраженіяхъ. Онъ-то и сдалъ крѣпость русскимъ и разсказывалъ намъ, что когда русскіе показались за болотами, онъ тотчасъ приказалъ стрѣлять изъ орудій, которыхъ у него было шесть, но пришлось стрѣлять изъ нихъ по очереди, ибо, хотя у него было десять артиллеристовъ, но изъ нихъ только одинъ умѣлъ обращаться съ прицѣломъ. Ядра не причиняли непріятелю ни малѣйшаго вреда. Но когда русскіе дали залпъ изъ своихъ орудій, то сразу былъ убитъ прицѣльщикъ, и хотя артиллеристы продолжали стрѣлять и имъ помогалъ гарнизонъ, доходившій численностью до 500 человѣкъ, но русскіе подходили все ближе и ближе. Тогда комендантъ приказалъ имамамъ кидать песокъ съ минаретовъ, а гарнизону кричать: гайда гитъ (уходите прочь), но это не помогло. Русскіе спѣшились и ворвались въ крѣпость,—пришлось сдаться. Русскіе обошлись съ гарнизономъ очень человѣчно, въ мечети и гаремы не входили и не причинили никому ни малѣйшаго вреда.

XXXVII.

Галиполи.—Консулъ трехъ державъ—бердичевскій еврей.—Пріѣздъ въ Биневле.—Пріемъ, оказанный намъ некрасовцами.—Организація некрасовцевъ; отличительныя черты ихъ быта; ихъ обычаи.

Изъ Эноса мы выѣхали верхомъ на почтовыхъ лошадяхъ. Въ Галиполи мы остановились въ одномъ отелѣ и отправились къ губернатору; выходя отъ него я увидѣлъ Саиха, который бѣжалъ мнѣ на встрѣчу весь запыхавшихъ и сообщилъ мнѣ, что къ намъ пришелъ французскій, испанскій и португальскій консулъ; что онъ явился съ цѣлью привѣтствовать меня и принесъ мнѣ подарки. Консулъ столькихъ дер-

жавъ оказался просто на прасто жидъ изъ Бердичева, еще въ 1831 г. высланный изъ Польши. Онъ былъ одѣтъ по еврейски, въ длинномъ лапсердакѣ, съ пейсами, въ шапкѣ, опушенной хорьковымъ мѣхомъ, но съ широкимъ галуномъ, и поэтому пользовался большимъ уваженіемъ у мѣстныхъ властей и жителей; въ Бердичевѣ онъ былъ разносчикомъ товаровъ у торговки Ривки, зналъ моихъ родныхъ и меня лично. Узнавъ мою фамилію въ конакѣ онъ явился съ подарками, принесъ голову сахара, шесть бутылокъ стараго вина, бутылку рома, кофе и нѣсколько куръ.

— Какъ я счастливъ, говорилъ онъ, что вижу ясновельможнаго пана! Я знаю Гальчинецъ и Ихеля знаю, я всѣхъ знаю—и онъ чуть не упалъ мнѣ въ ноги.

Ихель былъ купецъ, у котораго я постоянно забиралъ. Равскій такъ подружился съ консуломъ Мошкой, что они были неразлучны всѣ три дня, которые мы провели въ Галиполи. Консулъ угостилъ насъ у себя въ домѣ; его жена и двѣ дочки были одѣты по нашему, всѣ четыре сына ходили такъ же какъ и отецъ въ длинныхъ лапсердакахъ и въ шапкахъ съ широкимъ галуномъ.

— Какъ только они подростутъ, говорилъ еврей, я дамъ каждому изъ нихъ по консульству, пусть зарабатываютъ побольше денегъ, а себѣ оставлю одно консульство; мнѣ и этого будетъ достаточно на старости лѣтъ. Консульство здѣсь все равно, что у насъ хлѣбное мѣсто или хорошая корчма на большой дорогѣ; надобно порядочно заплатить для того, чтобы получить его, но получивъ можно нажить хорошія деньги.

На третій день мы сѣли на маленькое парусное судно, чтобы переправиться на азіатскій берегъ въ Бандерму; переѣздъ совершился благополучно. Губернаторомъ этого городка былъ какой-то Атта-бей, бывшій когда-то въ плѣну у русскихъ, знавшій ихъ и поляковъ довольно хорошо. Онъ принялъ и угостилъ насъ радушно. На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, мы выѣхали изъ Бандермы въ Биневле, которое находилось въ 20-ти верстахъ оттуда. Вплоть до самаго озера, блестѣвшаго подобно зеркалу среди зеленѣющаго ковра, тянулась ровная степь; позади озера высились горы Анатоліи, казавшіяся совершенно сѣрыми отъ камней и безлистыхъ деревьевъ.

Селеніе Биневле лежало въ 5-ти верстахъ вправо отъ большой дороги, которая вела изъ Бандермы въ Михаличъ; тамъ жили казаки, Игната Некрасова, какъ они назывались оффиціально. На дорогѣ, которая сворачивала къ селенію, всегда стояло три вооруженныхъ казака, верхомъ на коняхъ, войско имѣло право воспретить въѣздъ въ свое селеніе всѣмъ сколько нибудь подозрительнымъ личностямъ. Мы заявили десятнику кто мы такіе, и что мы ѣдемъ къ некрасовцамъ въ гости съ разрѣшенія султана; при этомъ я показалъ подорожный фирманъ. Одинъ казакъ тотчасъ-же поскакалъ въ село, а мы остались съ остальными. —

Вскорѣ онъ вернулся съ двумя стариками и шестью молодыми казаками, всѣ они были на прекрасныхъ коняхъ, съ блестящей сбруей. Сами казаки были въ шелковыхъ жупанахъ изъ брусской матеріи и въ синихъ кунтушахъ. Они пригласили насъ отвѣдать хлѣба-соли въ селеніи. Хотя они разговаривали съ нами привѣтливо, но по выраженію ихъ лица было замѣтно, что они относятся къ намъ съ недовѣріемъ, съ подозрѣніемъ и боязнію. Доѣхавъ до караванъ-сарая, который находился приблизительно въ ста шагахъ отъ селенія, мы увидѣли до 300 казаковъ, собравшихся туда со старшиною и мѣстнымъ атаманомъ, котораго звали Бутуковъ. Они хотѣли насъ угостить и отправить во свояси, какъ это было принято у нихъ по отношенію къ беямъ, турецкимъ сановникамъ и знатнымъ путешественникамъ. Когда я заявилъ имъ о своемъ желаніи погостить у нихъ въ селеніи, то они начали совѣщаться и обсуждать этотъ вопросъ.

Одни принимали насъ за русскихъ агентовъ, другіе за запорожцевъ съ береговъ Азовскаго моря, пріѣхавшихъ высмотрѣть, нельзя-ли будетъ выгнать отсюда некрасовцевъ, подобно тому какъ они выгнали ихъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ съ Дуная; иные принимали насъ за чиновниковъ Мукатъ-бея, которые пріѣхали съ цѣлью переписать ихъ самихъ, ихъ имущество, чтобы подвести ихъ подъ тенджимать какъ прочихъ христіанъ, жившихъ въ Турціи. Войско Игната Некрасова пользовалось въ то время свободой и привилегіями, которыя были предоставлены ему прежними договорами.

Нѣкоторые казаки были того мнѣнія, что насъ слѣдуетъ выпроводить въ Бандерму, или Михаличъ, другіе — что насъ надобно утопить въ озерѣ; эти слова дошли до слуха Равскаго, который прибѣжалъ страшно перепуганный, чтобы передать ихъ мнѣ. Саихъ сказалъ мнѣ по-французски, что они замышляютъ недоброе и говорятъ по-турецки, что насъ слѣдуетъ утопить. Видя, что мы никакъ не можемъ столковаться, я сказалъ суруджѣ, чтобы онъ взялъ лошадей, немедленно вернулся въ Бандерму и передалъ-бы отъ насъ поклонъ и благодарность Атта-бею, сказавъ ему, что мы проведемъ нѣсколько дней въ Биневле. Мое приказаніе было приведено въ исполненіе такъ поспѣшно, что ошеломленные казаки почти не пытались помѣшать этому. Мы остались въ Биневле, отрѣзавъ себѣ путь къ отступленію.

Насъ выручилъ казакъ Прокопъ изъ Погребища, бывшій русскій уланъ, перешедшій въ старую вѣру и принятый въ число некрасовцевъ. Услыхавъ мою фамилію, онъ заявилъ, что знаетъ меня, знаетъ кто я, откуда я пріѣхалъ, что я польскій шляхтичъ, панъ, который водилъ своихъ казаковъ воевать съ русскими и довоевался до того, что долженъ былъ оставить Россію такъ же какъ и некрасовцы.

Ропотъ стихъ, умолкли разсужденія, и атаманъ Бутуковъ пригласилъ насъ къ себѣ въ гости.

*

Хаты въ селеніи Биневле были довольно порядочныя, похожія на наши дворовыя службы; въ каждомъ дворѣ стояло два дома и была конюшня для лошадей; но нигдѣ не видно было ни хлѣва, ни сада, ни деревца, даже никакой изгороди или рва, означающаго границу собственности. По правиламъ, войско не могло заниматься хлѣбопашествомъ, хозяйствомъ и держать домашній скотъ. Хлѣбъ, овощи, мясо и даже молоко покупалось казаками въ сосѣднихъ греческихъ деревняхъ, гдѣ они арендовали также виноградники, изготовляя вино и водку для своего собственнаго употребленія. У нихъ не было никакого скота кромѣ лошадей и то верховыхъ, хорошей андалузской породы, которыя были отлично выѣзжаны. Въ селеніи было четыре церкви и ни одного попа. Когда нуженъ былъ священникъ для крестинъ, свадебъ или похоронъ, его привозили изъ сосѣдней деревни, подъ конвоемъ трехъ казаковъ, которые ходили за нимъ по пятамъ, чтобы онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, ничего не разспрашивалъ и не разсматривалъ. По совершеніи обряда, ему платили и выпроваживали подъ конвоемъ за границу войсковыхъ владѣній, — до такой степени казаки боялись шпіоновъ и пропаганды, противной ихъ войсковому уставу. Въ селеніи было только четыре причетника и два монаха, старовѣра, которые смотрѣли за церквами и исполняли религіозныя требы.

Въ одной изъ церквей находился арсеналъ; въ немъ хранилось три пушки, знамена, хоругви, сабли, пики, пистолеты, сѣдла съ конской сбруей и разные другіе предметы. На видномъ мѣстѣ, какъ священная реликвія, висѣло полное вооруженіе и сбруя атамана Игната Некрасова. Въ другой церкви находился войсковой архивъ, въ коемъ хранился поименный списокъ казаковъ, со времени ихъ перехода на турецкую землю, фирманы (числомъ 98) съ благодарностью султановъ за службу, переписка атамановъ, ватажниковъ и войска; книга казацкихъ привилегій и вольностей, дарованныхъ войску Игната Некрасова. Въ силу этихъ привилегій они пользовались полной свободой, были освобождены отъ всякихъ податей и пошлинъ на товары и продукты нужные для употребленія войска, имѣли право свободнаго выбора атамановъ и старшинъ; но были обязаны служить султану во время войны, доставляя на свой собственный счетъ лошадей и вооруженіе.

Впрочемъ каждый казакъ получалъ отъ правительства 1000 піастровъ на подковы; при этомъ въ привилегіяхъ оговорено, что казаки принимаютъ этотъ даръ въ виду того, что во владѣніяхъ султана много горъ и камней. Во время войны казаки получали жалованье и таимы, а равно провіантъ для себя и фуражъ для лошадей; по окончаніи войны они расходились по домамъ. — Если-же война продолжалась слишкомъ долго, то на смѣну казакамъ, находившимся въ походѣ, могли придти ихъ товарищи, оставшіеся дома. Въ привилегіяхъ было огово-

рено, что они обязаны обнажать сабли только на врага, поэтому на парадахъ и смотрахъ сабли были у нихъ всегда въ ножнахъ.

Во второй же церкви хранилась булава и печать Игната Некрасова и прочія золотыя и серебряныя булавы, жалованныя султанами разнымъ атаманамъ. — Самою цѣнною изъ нихъ была булава изъ литаго золота, подаренная султаномъ Махмудомъ Ивану Солтану за войну 1827 и 1828 г.г. Тутъ-же хранились печати всѣхъ мѣстныхъ и войсковыхъ атамановъ и большая войсковая печать съ надписью: «казацкое войско Игната Некрасова». Къ полу былъ привинченъ огромный сундукъ изъ кованаго желѣза, съ тремя внутренними и двѣнадцатью висячими замками, въ которомъ хранились войсковыя деньги. Возвращаясь съ рыбнаго промысла или съ ловли піявокъ, казаки складывали въ этотъ сундукъ вырученныя деньги вмѣстѣ съ отчетомъ. Старшина съ атаманомъ уплачивали прежде всего изъ этихъ денегъ суммы, взятыя войскомъ въ ссуду для найма озеръ и болотъ съ процентами, ежели таковыя причитались; затѣмъ, уплативъ казакамъ, бывшимъ на промыслѣ, жалованье, выдавъ имъ награды и произведя иные необходимые расходы, они дѣлили чистый доходъ отъ промысла на три части. Одна часть шла въ общую кассу на расходы по вооруженію, покупкѣ лошадей и сбруи, другая—на школу, содержаніе церкви и богослуженіе, третья — дѣлилась между вдовами, сиротами, ранеными, больными и убогими. Всякій казакъ, торгующій въ войскѣ или за предѣлами его, хотя-бы въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ, вносилъ въ пользу войска 5% съ своего заработка; эти деньги шли на общія надобности войска, на уплату жалованья тѣмъ лицамъ, которыя занимали въ немъ извѣстныя должности, на содержаніе пожарной команды, госпиталя и на расходы по сношеніямъ съ турецкими сановниками. — Къ занятіямъ торговлею причислялась уборка хлѣба и развозъ товаровъ. Озеро Маніоское было подарено некрасовцамъ султаномъ; всѣ казаки безъ исключенія имѣли право ловить въ немъ рыбу для своего собственнаго употребленія и для войска, не дѣлая изъ этого статьи дохода, т. е. не торгуя пойманной рыбой.

Въ третьей церкви помѣщалась школа, которой завѣдывали монахи и причетники; каждый ребенокъ посѣщалъ школу, начиная съ восьмилѣтняго возраста, и обучался чтенію, письму, ариѳметикѣ и священному писанію; съ 12-ти до 18-ти лѣтъ мальчиковъ обучали военной службѣ, верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ въ цѣль, разнымъ военнымъ пріемамъ и умѣнью владѣть оружіемъ. — Для этого существовали особые учители, которые избирались изъ числа самыхъ искусныхъ и ловкихъ казаковъ. По достиженіи восемнадцатилѣтняго возраста юноша считался казакомъ и могъ идти на войну, а съ 30-ти лѣтъ казакъ могъ занимать разныя должности въ войскѣ.

Четвертая церковь была предназначена для богослуженія; при каж-

дой церкви была колокольня и огромные колокола, въ которые звонили каждый день утромъ и вечеромъ, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ по нѣсколько разъ въ день; въ случаѣ тревоги также звонили въ колокола и стрѣляли изъ орудій.

Въ привилегіяхъ некрасовцевъ было упомянуто, что они имѣютъ право казнить смертью, не доводя о томъ до свѣдѣнія турецкихъ властей, въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ: за богохульство виновному привязывали камень на шею и топили его въ озерѣ; за измѣну—разстрѣливали, за изнасилованіе женщины, ежели виновный отказывался загладить свою вину, его привязывали къ позорному столбу, раздѣвали до нага и били до смерти. Судъ производился въ войскѣ старшинами, которые приносили особую присягу.

Въ мирное время въ войскѣ было всего два должностныхъ лица: мѣстный атаманъ и эсаулъ; прочія обязанности, какъ судебныя такъ и административныя исполнялъ старшина. Атаманъ избирался большинствомъ голосовъ и представлялъ трехъ кандидатовъ на должность эсаула; изъ нихъ старшина выбиралъ эсаула, который впрочемъ также утверждался большинствомъ голосовъ.

Старикомъ былъ всякій казакъ, которому исполнилось 50 лѣтъ и который былъ безупреченъ въ частной и общественной жизни. Вопросъ о принятіи кого-либо въ число стариковъ, рѣшался голосованьемъ; если противъ казака возникали при этомъ какія-либо обвиненія, если его можно было въ чемъ-либо упрекнуть и онъ не былъ въ состояніи оправдаться, то его не принимали въ число стариковъ. Однако, впослѣдствіи, оказавъ войску какія-либо выдающіяся услуги въ военное или мирное время, онъ пріобрѣталъ утраченное имъ право на старшинство и становился старикомъ. Старики могли удаляться изъ войска по своимъ надобностямъ, но по правиламъ, въ войскѣ постоянно должно было находиться 12 стариковъ, изъ коихъ составлялся совѣтъ.

Во время войны назначался военный атаманъ; его избирали старшины за заслуги и личную храбрость; онъ не терялъ своего званія и мѣста по окончаніи войны, сохраняя его до самой смерти. Такимъ же образомъ назначались эсаулы, родъ адъютантовъ, писарь—начальникъ штаба, обозный—интендантъ, хорунжій, штандартный, сошникъ, капитаны или ротмистры, и переводчикъ на турецкій языкъ. Кромѣ переводчика всѣ прочія должностныя лица сохраняли свои мѣста и чины до смерти и въ случаѣ новой войны исполняли прежнія обязанности, безъ утвержденія старшиною.

При каждомъ отрядѣ некрасовцевъ состояло, во время войны, три старика; они наблюдали за порядкомъ въ войскѣ, слѣдили за точнымъ соблюденіемъ уставовъ и обязанностей и были присяжными судьями, коихъ приговоры исполнялись безпрекословно. Когда казаки должны были

идти на войну, то появлялся фирманъ султана, коимъ, указывалось сколько сотенъ или всадниковъ они должны были выставить; по полученіи фирмана некрасовцы созывали молодежь въ кругъ, на площадь передъ арсеналомъ. Атаманъ со стариками садились на лавкахъ передъ арсеналомъ, каждый казакъ подходилъ по очереди, кланялся атаману и старикамъ и клалъ къ ногамъ атамана свою шапку, къ которой была приколота записочка съ его фамиліей. Когда всѣ шапки были собраны, старики смѣшивали ихъ огромными палками или дубинами, которыя они всегда носили при себѣ; затѣмъ эсаулъ, по приказанію атамана, отсчитывалъ столько шапокъ, сколько фирманомъ требовалось казаковъ. Читались фамиліи тѣхъ, на кого палъ жребій, и вносились въ списокъ, который вручался военному атаману; онъ вызывалъ каждаго казака по очереди и отдавалъ ему шапку: казакъ кланялся и отходилъ уже зарегистрованный.

Нѣсколько дней спустя, казаки выѣзжали на ту же площадь уже въ полномъ вооруженіи, гарцуя на своихъ коняхъ передъ мѣстнымъ атаманомъ и стариками, и каждый изъ нихъ произносилъ, обращаясь къ старикамъ:

—Не найдется-ли сострадательнаго человѣка, который взялъ-бы мою грѣшную душу подъ свою защиту передъ Богомъ?

Если это былъ казакъ хорошаго поведенія, то кто-либо изъ стариковъ отвѣчалъ:

—Я (называлъ свое имя и фамилію) беру твою душу передъ Богомъ, буду молиться, чтобы Господь сохранилъ ее и отпустилъ тебѣ грѣхи, а ты вернись ко мнѣ съ военной славой и съ добрымъ казацкимъ именемъ.

Если молодой человѣкъ былъ дурнаго поведенія, всѣ молчали; вопрошавшій отъѣзжалъ сконфуженный и опечаленный, и всѣ были убѣждены, что ему не вернуться съ войны, такъ какъ у него не будетъ старика, заступника и молитвенника передъ Богомъ.

По окончаніи этой церемоніи военный атаманъ выскакивалъ передъ шеренгой казаковъ, раздавалась музыка и звонъ колоколовъ, хорунжіе развертывали хоругви по вѣтру, атаманъ махалъ булавою, и войско выступало въ походъ. Мѣстный атаманъ и старики выѣзжали съ войскомъ за границу войсковыхъ владѣній, а толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей провожала ихъ до границы войсковой земли. На границѣ, войско дефилировало передъ мѣстнымъ атаманомъ и стариками и шло въ походъ, распѣвая пѣсни и гарцуя на коняхъ, при звукахъ музыки. Основнымъ правиломъ, соблюдаемымъ у некрасовцевъ, было — никогда не высылать менѣе трехъ человѣкъ на форпосты, разъѣзды, съ почтою и въ проч. командировки; ибо одинъ человѣкъ, какъ они говорили, можетъ быть убитъ, двое—могутъ сговориться, а чтобы трое дѣйствовали сообща,

это, по ихъ мнѣнію, не только довольно трудно, но даже совсѣмъ невѣроятно. Всѣ казаки обучались джигитовкѣ, стрѣльбѣ на скаку, умѣнью ориентироваться на мѣстности днемъ и ночью и всему тому, что создаетъ отличныхъ солдатъ для полевой службы и для войны.

Казакамъ не разрѣшалось ставить вмѣсто себя замѣстителей, а тѣмъ болѣе наемниковъ; богатые и бѣдные одинаково должны были служить. Между некрасовцами никогда не бывало лицъ посторонних, поэтому на каждаго изъ нихъ всегда можно было положиться какъ на самого себя, и турки дѣйствительно питали къ нимъ полное довѣріе.

Субординація и уваженіе къ старшимъ лѣтами и чиномъ доходили у нихъ до фанатизма; малѣйшее нарушеніе этого правила считалось измѣною войску и каралось смертью. Между некрасовцами никогда не бывало дезертировъ, точно также не было примѣра, чтобы кто-либо скрылъ отъ войска свой заработокъ или полученныя имъ деньги, или не уплатилъ бы въ войсковую кассу всего, что слѣдовало, до послѣдняго гроша. Надъ ними не существовало никакого контроля, кромѣ ихъ собственной честности и порядочности, всосанной ими съ малыхъ лѣтъ.

Среди нихъ не было зависти, интригъ, доносовъ, какъ въ другихъ обществахъ; у нихъ существовала извѣстная солидарность; одинъ казакъ отвѣчалъ за другаго и за все общество, а общество отвѣчало за всѣхъ и за каждаго въ отдѣльности. За нѣсколько мѣсяцевъ до моего пріѣзда въ Биневле, одну дѣвушку-казачку, возвращавшуюся изъ Бандермы въ Биневле безъ провожатыхъ, обезчестилъ бей, владѣлецъ помѣстья, находившагося близъ дороги. Атаманъ и 40 стариковъ тотчасъ сѣли на коней, отправились на фольварокъ, разыскали виновнаго бея и послѣ очной ставки съ дѣвушкой застрѣлили его; каждый изъ 41 казаковъ всадилъ въ него пулю; затѣмъ они отправились въ Бандерму къ Атта-бею и заявили, что они убили свинью, ибо ими убитъ бей, который поступилъ какъ свинья; они прибавили, что убили его они всѣ, такъ какъ въ его трупѣ могутъ найти 41 пулю и что ежели очищеніе страны и общества отъ такихъ свиней считается преступленіемъ, то они отдаютъ себя въ распоряженіе властей султана. Атта-бей не арестовалъ ихъ, а только донесъ объ этомъ случаѣ сераскиру, которому некрасовцы были непосредственно подчинены. Сераскиромъ былъ въ то время Риза-паша; онъ оставилъ дѣло это безъ послѣдствій.

Въ силу всего изложеннаго, некрасовцы пользовались всеобщимъ уваженіемъ, ѣздили вооруженные какъ солдаты султана и ихъ уважали въ странѣ какъ остатки прежнихъ янычаръ, спаговъ и деребеевъ.

Некрасовцы принимали иногда въ свое общество другихъ казаковъ, но для этого требовались какія-либо особенныя обстоятельства: надобно было, чтобы человѣкъ, вступающій въ ихъ войско, выказалъ особую отвагу, честность и принесъ бы, или былъ бы въ состояніи принести

пользу обществу. Иногда некрасовцы брали себѣ женъ изъ Добруджи, съ Дона, изъ Украйны, но всегда изъ казачекъ. Къ полякамъ они относились весьма сочувственно и въ своихъ бесѣдахъ съ нами они увѣряли, что родовая польская и казацкая шляхта образовалась еще въ Ноевомъ ковчегѣ и права шляхетства тогда же были переданы кому слѣдуетъ, кому именно—сказать не могли.

Некрасовцы были старовѣры, но не имѣли въ своемъ селеніи старообрядческихъ поповъ; этимъ они отличались отъ старовѣровъ Добруджи и другихъ мѣстностей, ибо считали каждаго попа за шпіона или за агента правительства, котораго имъ нельзя было наказывать по военнымъ правиламъ, во вниманіе къ его священническому сану; монаховъ и причетниковъ, какъ людей не рукоположенныхъ, они наказывали наравнѣ съ прочими казаками.

Некрасовцы не пили кофе, чая, не курили табаку; кофе и табакъ были изгнаны у нихъ потому, что ихъ употребляютъ турки мусульмане, нехристи, а чай—потому что его любила русская императрица Екатерина I, которая, по ихъ словамъ, преслѣдовала старовѣровъ. Къ другимъ религіяхъ они относились съ уваженіемъ, въ особенности къ католической вѣрѣ; папу считали однимъ изъ четырехъ патріарховъ, рѣшающихъ соборне вопросы религіи. Они называли его римскимъ владыкою и признавали за нимъ превосходство надъ владыками Царьграда, Антіохіи и Іерусалима; патріарховъ Александрійскаго, Кіевскаго и Московскаго они вовсе не признавали таковыми. Некрасовцы не обращали никакого вниманія на славянское духовенство и не придавали ему ровно никакого значенія; въ этомъ отношеніи они совершенно не походили, какъ я убѣдился впослѣдствіи, на казаковъ-старовѣровъ изъ Добруджи, у которыхъ духовенство пользовалось значеніемъ, властью и авторитетомъ.

Во время бесѣдъ или пирушекъ, въ которыхъ мы принимали участіе въ нашу бытность въ Биневле, всѣ казаки старше 30-ти лѣтъ, безъ различія чиновъ и занимаемыхъ ими должностей, сидѣли, а молодые люди имъ прислуживали. Передъ началомъ бесѣды эсаулъ заявлялъ громогласно, что никто не долженъ богохульствовать, прегрѣшать противъ святой вѣры и безчестить женщинъ. Послѣ этого предупрежденія, которое дѣлалось обязательно всякій разъ, садились за столъ для бесѣды.

Кушанья, которыя ставились всѣ сразу на столъ, состояли изъ черной похлебки изъ крови животныхъ (juszki), рыбной похлебки съ клецками, съ квасомъ или бураками, изъ вареной, жареной и соленой рыбы съ разными приправами, икры, варениковъ съ творогомъ, пшеничной каши, сваренной на молокѣ; иногда подавалось жареное мясо и бублики—родъ тѣста, приготовленнаго съ сахаромъ или съ медомъ, и приправленнаго макомъ съ молокомъ. Ѣли чрезвычайно медленно, ибо все время кушанья запивали водкой или виномъ изъ огромнаго стеклян-

наго или оловяннаго кубка; для нашего пріѣзда достали изъ кладовой серебряный кубокъ. Первымъ пригубливалъ мѣстный атаманъ, затѣмъ чаша или кубокъ переходили изъ рукъ въ руки въ круговую, опоражниваясь и наполняясь вновь, ибо каждый могъ пить сколько угодно; когда чаша опоражнивалась до дна, начинали новый кругъ. Во время нашего пребыванія, атаманъ уступилъ мнѣ право пить изъ кубка первому, и я долженъ былъ макать губы въ каждый кубокъ, предоставляя Равскому опоражнивать его. Мы были свидѣтелями, какъ одинъ изъ казаковъ, позволившій себѣ во время бесѣды ругаться непристойными словами, былъ вышвырнутъ изъ-за стола эсауломъ, который, схвативъ его за шиворотъ, вывелъ изъ избы и онъ получилъ за дверьми 30 ударовъ палкой, той самой, которой Игнатъ Некрасовъ наказывалъ своихъ казаковъ. Если наказанный позволялъ себѣ подобный проступокъ вторично, то ему давали 60 ударовъ палкой, въ третій разъ 120 ударовъ и надѣвали ручныя цѣпи, которыя хранились со временъ Игната Некрасова. Въ такомъ видѣ онъ долженъ былъ простоять всю ночь на дворѣ, а за каждое полученное имъ наказаніе долженъ былъ благодарить атамана и стариковъ. На бесѣдѣ просиживали по большей части день и ночь; одни приходили, другіе уходили и бесѣда не прекращалась; водки и вина выпивали безъ мѣры. Эсаулъ не садился за столъ, а ходилъ вокругъ стола съ палкою Игната Некрасова и наблюдалъ за порядкомъ.

Къ тѣлеснымъ наказаніямъ, даже къ ручнымъ цѣпямъ, прибѣгали довольно часто. Распутныхъ женщинъ и неисправимыхъ мужчинъ привязывали одной ногой къ колодѣ и били батогами.

Женщинъ не держали взаперти, не заставляли ихъ носить покрывало на лицѣ, но не допускали ихъ въ бесѣду, въ которой принимали участіе одни мужчины; однако, если онѣ появлялись на бесѣдѣ неожиданно, то ихъ угощали, имъ подносили вино, и онѣ не пригубливали, а пили его какъ слѣдуетъ. Въ корчмахъ онѣ могли пить и гулять вмѣстѣ съ мужчинами, танцовали исключительно одни народные танцы.

Въ Биневле всякаго могло удивить то обстоятельство, что тамъ не было ни одного жида, хотя въ селеніи была корчма, а водка и вино лились рѣкою. Некрасовцы относились къ евреямъ съ меньшимъ презрѣніемъ, нежели къ грекамъ и армянамъ; первыхъ они не любили за ихъ развращенность, а вторыхъ за ихъ трусость. Имъ нравилась даже іудейская вѣра. Я разговаривалъ объ этомъ съ некрасовцами и высказывалъ имъ по этому поводу свое удивленіе, но они не умѣли мнѣ объяснить этого страннаго явленія. Шинкаремъ и лавочникомъ въ Биневле были два брата итальянца; они много заработывали, но имъ приходилось переносить массу оскорбленій отъ частныхъ лицъ и наказаній отъ правительства.

Уставъ войска, его привилегіи и правила, обязательныя для некрасовцевъ, читались войску каждое воскресенье утромъ причетниками; въ школѣ ихъ преподавали одновременно съ катихизисомъ, и я не видѣлъ ни одного казака, который бы не зналъ и не помнилъ этихъ правилъ даже лучше, нежели катехизисъ.

Усовершенствованію молодежи въ военномъ искусствѣ много способствовало сосѣдство черкесовъ, жившихъ въ горахъ, называемыхъ Маніосскими, которыя возвышались на юго-западной сторонѣ озера. Эти черкесы, которыхъ некрасовцы называли мановами, были народъ безпокойный, и часто надоѣдали казакамъ, которые расправлялись съ ними по-своему. Нерѣдко дѣло доходило у нихъ до схватокъ. Казаки разсыпались по горамъ, нападали на черкесскіе аулы и съ той и съ другой стороны бывали убитые. Власти смотрѣли на это сквозь пальцы, говоря: пускай упражняются въ военномъ дѣлѣ, будутъ хорошіе солдаты.

Въ то время какъ мы находились въ Биневле, казаки вздумали показать намъ это зрѣлище; 60 молодцовъ, подъ предводительствомъ молодаго казака Чижика, двинулись, какъ они называли, на прогулку. Не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ мы услышали выстрѣлы и могли разглядѣть невооруженнымъ глазомъ, а еще лучше въ зрительную трубу, горцевъ, пестрѣвшихъ въ горахъ среди каменьевъ. Произошла перестрѣлка; было убито четыре казака и до 8 человѣкъ ранено; казаки увѣряли, что въ этой стычкѣ ими убито 16 черкесъ, и дѣйствительно, они привели 16 лошадей съ сѣдлами и оружіемъ.

Убитыхъ похоронили; объ этой стычкѣ только и было рѣчи на вечерней бесѣдѣ, но на другой день объ ней болѣе не вспоминали. Со стороны властей не было выражено ни малѣйшаго протеста, даже не было произведено слѣдствія; казаки и черкесы были вѣдь не турки, не мусульмане, принадлежащіе къ правящему классу, не раи, платящіе подати и налоги; поэтому правительству не было отъ ихъ смерти ни малѣйшаго убытка; пусть себѣ дерутся и убиваютъ другъ друга, коли хотятъ.

Фамиліи некрасовцевъ были чисто русскія, какъ у донцовъ: Бутуковъ, Мозановъ, Ефремовъ, Евсѣевъ и т. п. Они называли себя въ разговорѣ: Андрей Ивановичъ, Николай Павловичъ, но всегда прибавляли фамилію, какъ признакъ дворянскаго происхожденія; у нихъ были и гербы, но они ихъ не употребляли, а имѣли каждый свою собственную печать съ вырѣзаннымъ на ней по-турецки именемъ и фамиліей; эти печати были имъ необходимы при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ и при сношеніяхъ съ турецкими чиновниками; печати эти они всегда носили при себѣ.

Мужской костюмъ состоялъ изъ широкихъ казацкихъ шароваръ, жупана, кунтуша, который носился на-отлетъ и назывался поэтому че-

тырехрукавнымъ, и четыреугольной кунсовой шапкч, обшитой золотымъ галуномъ, съ широкой опушкой изъ чернаго барашка; нѣкоторые имѣютъ на шапочкѣ золотую кисточку. Женщины одѣваются точно такъ-же какъ у насъ на Дону, а на головѣ носятъ русскіе кокошники; большинство носятъ шерстяные сарафаны яркихъ цвѣтовъ, любятъ все блестящее, кораллы и драгоцѣнные камни. Въ домахъ очень много ковровъ, покрывалъ косматаго толстаго сукна и т. п. для подстилокъ; въ каждой хатѣ свободно можетъ помѣститься до 20 человѣкъ гостей, имѣя коверъ въ видѣ подстилки и сукно вмѣсто покрывала; въ нѣкоторыхъ домахъ есть и перины; вездѣ столы, лавки и стулья; въ каждомъ домѣ обязательно есть комната съ турецкимъ диваномъ для пріема гостей-мусульманъ.

Цѣлая стѣна бываетъ увѣшана множествомъ образовъ въ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ, по большей части работы кіевскихъ иконописцевъ. Каждый входящій крестится трижды передъ образами. Осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ вошло у нихъ въ привычку: они крестятся при ѣдѣ, при выпивкѣ, входя въ комнату и уходя изъ нея. Если въ комнатѣ находятся люди сомнительной честности и къ которымъ хозяинъ дома относится съ недовѣріемъ, то образа закрываютъ платкомъ или занавѣской; при насъ образа не завѣшивали, это было лучшее доказательство того, что некрасовцы братались съ нами.

Однимъ словомъ, некрасовцы остались на чужой землѣ такими же точно, какими они вышли съ Дона много лѣтъ тому назадъ. Потомки ни въ чемъ не измѣнили обычаевъ и нравовъ своихъ предковъ. Этотъ славянскій народъ не утратилъ ни одной черты изъ наслѣдія своихъ предковъ; никакія теоріи не проникли въ это прекрасное войско, не коснулись ни его, ни отдѣльныхъ личностей. Это единство, эта общность взглядовъ составляли ихъ силу, поэтому они и въ эмиграціи не перестали быть казаками, не утратили своей самобытности. Видя все это, я думалъ: о Боже, почему же не таковы поляки? и горячо молился о томъ, чтобы они таковыми сдѣлались.

XXXVIII.

Старикъ атаманъ Иванъ Семеновичъ Солтанъ; наша бесѣда; обсужденіе моего проекта.—Письмо къ князю Адаму Чарторыйскому.—Отъѣздъ изъ Биневле.—Дорога въ Михаличъ и отъ Михаличъ до Бруссы.—Масгаръ-паша и прусскіе офицеры.—Любезность паши ко мнѣ.

Одною изъ интереснѣйшихъ личностей въ войскѣ былъ девяностодвухлѣтній старецъ—Иванъ Солтанъ; который, бывъ избранъ, на пятьдесятъ второмъ году жизни, военнымъ атаманомъ некрасовцевъ, со-

стоялъ въ этомъ званіи безъ перерыва въ теченіе тридцати девяти лѣтъ, участвуя во всѣхъ войнахъ Турціи съ Россіей, Сербіей, Грецією и даже съ Египтомъ. Предпослѣднимъ его походомъ была кампанія 1828 г.; и во время нашего пріѣзда въ Биневле онъ считался еще военнымъ атаманомъ. Старикъ почти не выходилъ уже изъ дому; онъ имѣлъ трехъ сыновей, которые были убиты на войнѣ, и жилъ подъ старость съ зятемъ и дочкой, у которой было четверо дѣтей—три дѣвочки и одинъ мальчикъ. Казаки уважали его какъ своего монарха. По правиламъ войска, военное званіе не давало въ мирное время никакихъ преимуществъ, никакихъ отличій отъ прочихъ казаковъ, а между тѣмъ къ старику являлись каждый день на службу по ихъ собственной охотѣ, а не по принужденію или по обязанности, пять казаковъ съ урядникомъ, изъ коихъ два конныхъ и три пѣшихъ; они стояли на караулѣ у его дома и прислуживали ему. Старикъ Солтанъ никакъ не могъ отказаться отъ этой чести, и я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ молодые казаки добивались позволенія послужить престарѣлому атаману, иные даже платили за то, чтобы имъ уступили очередь; играя въ кости они назначали ставкою право служить атаману, бились объ закладъ, и тотъ, кто выигрывалъ или кому удавалось нагнать страхъ на черкесовъ, получалъ право идти на дежурство къ старику. Это глубокое уваженіе къ заслугамъ чрезвычайно возвышало некрасовцевъ въ моихъ глазахъ, и дѣйствительно, никто изъ политическихъ эмигрантовъ не стоялъ такъ высоко, какъ некрасовцы въ смыслѣ сохраненія народности, нравовъ и обычаевъ, религіи, военной доблести и славы, завѣщанныхъ предками.

Самымъ любимымъ занятіемъ молодежи, даже дѣтей, было слушать разсказы очевидцевъ о военныхъ подвигахъ Солтана. Разсказы эти часто были преувеличены, опоэтизированы, но въ нихъ всегда была значительная доля правды. Привожу нѣкоторые изъ нихъ въ видѣ примѣра.

Подъ Мачиномъ, когда мостъ, который пробовали перекинуть черезъ рукавъ Дуная, оказался недостаточно длиненъ, полкъ донскихъ казаковъ, взявъ съ собою двѣ стрѣлковыя роты, переправился черезъ Дунай вплавь и стрѣлки окопались на правомъ берегу, чтобы дать возможность войску спокойно окончить наведеніе моста. Турецкое войско было оттѣснено казаками. Джури-паша послалъ за некрасовцами, которые находились къ часовомъ разстояніи отъ этого пункта. Иванъ Солтанъ поспѣшилъ на выручку турокъ, прогналъ донцовъ и, прискакавъ къ тому мѣсту, гдѣ окопались стрѣлки, вырвалъ знамя изъ рукъ своего сына, который былъ хоружимъ войска, приказалъ казакамъ спѣшиться и крикнулъ: «впередъ, молодцы! не посрамимъ свою военную честь, свою славу». Молодцы бросились впередъ, окопы были взяты, большая часть стрѣлковъ были убиты, и русское войско

задержано на противоположномъ берегу; сынъ Ивана Солтана былъ убитъ съ войсковымъ знаменемъ въ рукахъ.

Солтанъ былъ любимцемъ визиря и сераскира Мехмедъ-Решида-паши, котораго можно назвать послѣднимъ богатыремъ ислама, напоминавшимъ тѣхъ мусульманскихъ рыцарей, предъ которыми дрожалъ христіанскій міръ. Въ то время, когда онъ защищалъ Шумлу, Солтанъ находился при немъ неотлучно со своей кавалеріей; подъ Кулевчей некрасовцы покрыли себя громкой славой. Послѣ атаки Кулевчи, во время которой Солтанъ, на глазахъ Решида-паши, совершилъ чудеса храбрости, когда битва была уже окончена и войска расположились на отдыхъ, паша спросилъ атамана, какимъ образомъ могло случиться, что онъ не раненъ? Въ отвѣтъ на это, атаманъ снялъ съ себя и бросилъ къ ногамъ паши свой кунтушъ, изорванный въ клочья; когда же онъ снималъ поясъ, то изъ него такъ и посыпались пули. Мехмедъ-Решидъ пожалъ плечами: видно, подумалъ онъ, не беретъ его ни сабля, ни пуля, онъ Божій человѣкъ, а можетъ быть ему помогаетъ самъ чортъ.

Мехмедъ-Решидъ-паша, будучи посланъ съ войскомъ султана для усмиренія взбунтовавшагося египетскаго паши, потребовалъ на помощь некрасовцевъ, которыхъ ему привелъ старый атаманъ. Въ рекогносцировкѣ подъ Коніей [1]), которой руководилъ самъ главнокомандующій, участвовало два полка турецкой кавалеріи съ шестью орудіями и 50 казаковъ съ ихъ старикомъ-атаманомъ. Въ камышахъ и очеретѣ турецкая конница была испугана огромнымъ стадомъ дикихъ буйволовъ, подъ тяжестью которыхъ трещали и гнулись кусты и тростникъ; испуганная конница обратилась въ бѣгство вмѣстѣ съ артиллеріей. Мехмедъ-Решидъ-паша, который никогда не отступалъ ни передъ какимъ препятствіемъ, бросился съ казаками на стадо буйволовъ, чтобы узнать, кто всполошилъ этихъ дикихъ звѣрей. Проскакавъ сквозь стадо, онъ увидѣлъ Ибрагима-пашу, окруженнаго арабской конницей. Началась страшная рѣзня; подъ Решидъ-пашею была убита лошадь, онъ былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Иваномъ Солтаномъ, который не былъ раненъ, но былъ до того измученъ, убивая враговъ, что его подняли съ земли въ изнеможеніи; въ этой битвѣ было ранено два казака и убито сорокъ восемь. Это было послѣднее дѣло, въ которомъ участвовалъ Иванъ Солтанъ. Мехмедъ-Решидъ-паша умеръ въ плѣну, уморивъ себя со стыда и досады голодомъ. Передъ смертью онъ отдалъ Солтану свои карманные часы, завѣщая не заводить ихъ и запо-

[1]) Конія, въ древности Iconium, главный городъ турецкаго вилайэта Конія, въ Малой Азіи. Сраженіе, о которомъ упоминаетъ авторъ, произошло 21 декабря 1832 г. В. Т.

минуть, въ которомъ часу испустилъ духъ его пріятель, его братъ по оружію, какъ онъ себя называлъ. Солтанъ остановилъ часы въ моментъ смерти Решида-паши; вызванный впослѣдствіи въ Стамбулъ, онъ передалъ султану Махмуду эти часы, разсказалъ ему подробности вышеупомянутаго сраженія и получилъ отъ него за кампанію 1828 г. золотую булаву, осыпанную драгоцѣнными камнями, а за убитаго въ этомъ сраженіи коня ему былъ пожалованъ великолѣпный породистый вороной жеребецъ съ тремя бѣлыми ногами и бѣлымъ пятномъ на лбу и съ роскошной сбруей въ восточномъ вкусѣ. Вернувшись изъ Стамбула съ воронымъ жеребцомъ Солтанъ болѣе не выѣзжалъ изъ Биневле; онъ страдалъ ногами, сталъ хирѣть, но все еще мечталъ вскочить когда нибудь на своего воронаго жеребца, взять въ руку булаву и повести войско на войну.

Пришедши первый разъ къ старику-атаману я засталъ его на постели, на которой онъ полулежалъ, покрытый шкурой свѣтло-гнѣдаго коня; подушкой служило ему сѣдло, а одѣяло замѣняла великолѣпная бурка; на стѣнѣ были развѣшаны казацкія сѣдла, уздечки, цѣлыя конскія сбруи, сабли съ дорогими золотыми и серебреными рукоятками, осыпанными драгоцѣнными каменьями, кинжалы, ятаганы, мушкеты и пистолеты. Отъ обилія золота и серебра рябило въ глазахъ. Все это были подарки султановъ, визирей, сераскировъ и иныхъ турецкихъ сановниковъ. Изба атамана была просторная, высокая; стѣны были завѣшены богатыми коврами; въ углу висѣло много образовъ въ богатыхъ ризахъ. Къ потолку, на крюкахъ былъ привѣшенъ роскошный пологъ—даръ султана Махмуда. Цѣнныя булавы атамана хранились въ кладовой войска, у него же, около постели, стояла булава съ золотымъ набалдашникомъ, съ которой онъ ходилъ на войну и которая послѣ его смерти была спрятана въ войсковую кладовую съ надписью: «булава Ивана Семеновича Солтана».

Въ сѣняхъ было отгорожено особое помѣщеніе, въ которомъ стоялъ подаренный султаномъ вороной аргамакъ (боевой конь); перегородка была устроена такимъ образомъ, чтобы лошадь, протянувъ голову, могла смотрѣть черезъ дверь на постель атамана и онъ могъ бы со своей стороны видѣть ее.

Эта изба, съ лежащимъ въ ней старцемъ, окруженнымъ военными доспѣхами, этотъ боевой конь, смотрѣвшій на своего хозяина—все это напомнило мнѣ кончину Стефана Чарнецкаго [1]) въ Соколовцѣ. Этотъ польскій богатырь, при всѣхъ своихъ доблестныхъ и рыцарскихъ качествахъ, былъ, подобно старику Солтану, человѣкъ безжалостный и жестокосердый и признавалъ только тѣ принципы, которые не противорѣчили

[1]) Чарнецкій—польскій воевода, род. 1599 г, † 1665 г. В. Т.

его желаніямъ; поэтому вся Русь прозвала этого поляка: бѣшенымъ псомъ, а старика-атамана некрасовцевъ русскіе называли казацкой ехидной.

Солтанъ принялъ меня весьма любезно, можно сказать сердечно, и на лицѣ его видимо отражалось удовольствіе, доставленное ему моимъ посѣщеніемъ; онъ повелъ разговоръ о казачествѣ, о Польшѣ, о польской справѣ, о которой ему было извѣстно гораздо болѣе, нежели я предполагалъ; онъ самъ заговорилъ о князѣ Адамѣ Чарторыйскомъ.

— Поляки народъ доблестный, говорилъ онъ, но между ними, какъ между запорожцами, нѣтъ ни согласія, ни единодушія; сегодня: ха, ха, а завтра ничего! Они дерутся какъ львы и грызутся между собою какъ псы. Ежели бы они такъ же уважали вашего князя Адама, какъ мы уважаемъ память Игната Некрасова, можетъ быть вышелъ бы толкъ; вѣдь пчелы безъ матки меда не сдѣлаютъ, корабль безъ руля не поплыветъ. Въ такомъ случаѣ и мы и всѣ казаки могли бы, быть можетъ, столковаться съ вами, и если бы мы принялись тащить возъ общими силами и въ одну и ту же сторону, пожалуй мы и дотянули бы его куда слѣдуетъ. Ты пришелся мнѣ очень по сердцу, Михаилъ Савельевичъ, останься съ нами; когда я умру, ты будешь водить казаковъ по пути военной чести и славы. Богъ, по своему милосердію, даетъ старцамъ ясновидѣніе, котораго не имѣютъ молодые люди; мнѣ сдается, что тебѣ суждено предводительствовать казаками.

Столь удивительное предсказаніе, высказанное такимъ человѣкомъ, какимъ былъ Иванъ Солтанъ, было мнѣ чрезвычайно лестно и вполнѣ отвѣчало моимъ сокровеннѣйшимъ желаніямъ, но я разсказалъ ему о моемъ положеніи, о моихъ обязанностяхъ по отношенію къ князю Адаму, на что онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Мы не отталкиваемъ поляковъ и готовы были бы дѣйствовать съ ними за одно; напишемъ письмо князю Адаму Чарторыйскому, переговоривъ со стариками, напишемъ—это будетъ доброе дѣло.

Я еще долго бесѣдовалъ со старикомъ и позволилъ себѣ спросить его, что говорятъ о звѣрствахъ, совершенныхъ казаками на войнѣ, и о томъ, чѣмъ были вызваны эти звѣрства? Онъ покачалъ головою:

— Это правда, все это правда, да видишь ли, Михаилъ Савельевичъ, донцы и мы—люди одной породы, въ насъ течетъ одна и та же кровь; ихъ много, а насъ мало; если бы я угощалъ ихъ сахаромъ, такъ и они угощали бы моихъ людей сахаромъ и малое количество людей устремилось бы къ большему; это случилось бы навѣрно. Но такъ какъ я угощалъ ихъ перцемъ, то мои люди боялись, чтобы имъ не отплатили тѣмъ же, и ни одинъ изъ нихъ не ушелъ къ донцамъ; поэтому мы окончили войну со славой, остались вѣрны завѣтамъ Игната Некрасова и не кончили такъ, какъ запорожцы;—Иванъ Солтанъ не сдѣлался Гладкимъ.

Я не нашелся что отвѣтить на эти доводы; онъ продолжалъ:

— Я не виню Гладкаго, я его знаю, это былъ человѣкъ сердечный, доброжелательный, но онъ предводительствовалъ запорожцами, съ которыми надо обходиться круто и безжалостно, чтобы удержать надъ ними власть, иначе они или постарались бы отдѣлаться отъ него, или связали бы его и отдали врагу, если бы онъ не повелъ ихъ, когда они того требовали; они могли предать его за рюмку водки, за стаканъ вина, что же же оставалось дѣлать несчастному? Лучше предать самому, нежели быть преданнымъ. Съ нашими людьми совсѣмъ иное дѣло; видишь каковы они; мы пили въ Дону воду татарскаго лада, а они напились въ Днѣстрѣ воды польской неурядицы. Если бы нашего народа было такъ-же много какъ васъ, мы бы горы сдвинули съ мѣстъ и перевернули бы міръ по своему. Михаилъ Савельевичъ, останься съ нами, послужишь и намъ и имъ и будешь пользоваться на старости лѣтъ уваженіемъ и почетомъ. Съ ними еще Богъ знаетъ что будетъ, высосутъ они изъ тебя всѣ силы, а потомъ бросятъ тебя и насъ, это ихъ обычай, трудно передѣлать то, къ чему они привыкли такъ давно.

Я запомнилъ каждое слово этого старца, доживавшаго свой вѣкъ въ спокойномъ сознаніи, что онъ честно носилъ имя казака и по праву пользовался военной славою; я убѣдился теперь, что его слова были въ высшей степени справедливы, но въ то время мое положеніе представлялось мнѣ инымъ: я совершенно искренно защищалъ поляковъ. Онъ болѣе не настаивалъ; я обѣщалъ съ Божьей помощью вернуться къ нимъ и употребить всѣ силы къ тому, чтобы они ближе узнали поляковъ, ихъ достоинства и недостатки, такъ какъ это могло быть полезно для той и другой стороны. Онъ слушалъ меня внимательно, приговаривая: «дай Богъ, ты моложе; можетъ быть тебѣ виднѣе, нежели мнѣ старику». Я упомянулъ о томъ, что Наполеонъ I предсказывалъ, что лѣтъ черезъ сто весь свѣтъ будетъ или республикой, не признающей ни вѣры, ни чести, ни порядка, или будетъ принадлежать казакамъ, и будетъ уважать порядокъ, честь и религію; онъ отвѣчалъ, что и онъ слышалъ объ этомъ отъ добрыхъ людей; можетъ быть Господь и сдѣлаетъ это по своей неизреченной милости.

Наполеонъ I былъ кумиромъ казаковъ, въ особенности некрасовцевъ, которые считали его человѣкомъ боговдохновеннымъ, архангеломъ войны, пророкомъ правды и говорили: «Богъ даровалъ ему силу уничтожить республику, а другому человѣку предназначилъ поднять казачество; этимъ другимъ человѣкомъ они считали цесаревича Константина Павловича, не вѣрили тому, что онъ умеръ, и ожидали его прибытія подобно тому какъ евреи ожидаютъ Мессію.

У нихъ сложилось еще одно преданіе, будто въ Верхнемъ Египтѣ, у истоковъ Нила существуетъ поселеніе старовѣровъ-казаковъ, отдѣлившихся отъ войска Игната Некрасова; они не могли точно указать, въ какомъ именно

мѣстѣ оно находится, но утверждали, что это большое военное поселеніе и что тѣ сорокъ человѣкъ некрасовцевъ, которыхъ считали убитыми подъ Коніей, въ дѣйствительности не были убиты, но были посланы атаманомъ Иваномъ Солтаномъ въ это поселеніе, чтобы сообщить тамошнимъ казакамъ о селеніи, образовавшемся въ Биневле, о перемѣнахъ и нововведеніяхъ, происшедшихъ въ военномъ дѣлѣ. Мнѣ показывали монаха, пришедшаго оттуда; по его словамъ, онъ шелъ изъ этого селенія въ Биневле семь лѣтъ семь мѣсяцевъ семь недѣль и семь дней и встрѣтилъ по дорогѣ Биневлельскихъ казаковъ, коихъ было 48; они были всѣ бодры и здоровы, кланялись своимъ и прислали имъ въ подарокъ мѣшокъ съ красными камнями; камни эти—талисманъ, сохраняющій отъ смерти на войнѣ. Я самъ разспрашивалъ монаха, но не могъ ничего узнать отъ него толкомъ. Онъ отдѣлывался изрѣченіями изъ священнаго писанія, принималъ таинственный видъ и поминутно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ; впрочемъ онъ подарилъ мнѣ три красныхъ камня.

Встрѣтивъ меня весьма нелюбезно въ первый моментъ моего пріѣзда въ Биневле, некрасовцы относились ко мнѣ затѣмъ какъ нельзя лучше, какъ къ желанному гостю, но послѣ моего разговора съ атаманомъ Солтаномъ они оказали мнѣ такія отличія, что даже я, привыкшій къ уваженію, коимъ я пользовался въ польскомъ войскѣ, былъ крайне этимъ удивленъ и смущенъ.

Ко мнѣ явились мѣстный атаманъ и старики съ просьбою, чтобы я принялъ михмандара, который состоялъ бы постоянно въ моемъ распоряженіи, и двухъ разсыльныхъ, которые сопровождали бы меня всюду. Михмандаромъ ко мнѣ былъ назначенъ Иванъ Михайловичъ Гоголь, одинъ изъ стариковъ, человѣкъ грамотный и много путешествовавшій: онъ бывалъ въ Кіевѣ, Варшавѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и Бѣлградѣ; разсыльными были назначены два простыхъ казака. Меня пригласили въ кругъ на бесѣду, которая должна была состояться на дворѣ атамана Ивана Солтана.

На этомъ совѣщаніи былъ поднятъ вопросъ о томъ, какого рода сношенія могли бы завязаться между поляками князя Адама Чарторыйскаго—какъ они выражались, не желая называть ихъ иначе—и казацкимъ войскомъ Игната Некрасова. Бесѣда продолжалась долго, причемъ мнѣ, по обыкновенію, часто приходилось высказывать свое мнѣніе; меня слушали со вниманіемъ; большею частію меня поддерживалъ Иванъ Солтанъ. Въ концѣ концовъ было принято слѣдующее рѣшеніе: поляки князя Адама Чарторыйскаго и казаки войска Игната Некрасова должны стремиться къ взаимной пріязни и братству, поддерживать другъ друга взаимно вездѣ, гдѣ одна изъ сторонъ будетъ имѣть вліяніе и значеніе, дѣйствовать согласно въ дѣлахъ внѣшнихъ, въ случаѣ войны—служить

вмѣстѣ султану и Турціи, и быть всегда готовыми исполнить всякое приказаніе турецкаго султана.

Въ этомъ смыслѣ было составлено письмо къ князю Адаму, которое было подписано Иваномъ Солтаномъ, Бутуковымъ и стариками. Къ этому письму я приложилъ, со своей стороны, обстоятельный рапортъ и оно было немедленно отправлено въ Стамбулъ съ сотникомъ Евсѣевымъ. Я далъ ему письма къ Людовику Звѣрковскому-Ленуару и къ г. Цору, первому драгоману французскаго посольства, прося ихъ, какъ можно скорѣе, отправить это письмо съ надежной оказіей въ Парижъ. По полученіи отвѣта, я долженъ былъ немедленно послать его въ Биневле съ Равскимъ, въ качествѣ моего резидента, предоставивъ ему право приписаться, если онъ того пожелаетъ, къ войску Игната Некрасова.

Мы условились съ Иваномъ Солтаномъ, съ Мазановымъ и прочими стариками, женить Равскаго на дочери мѣстнаго атамана Бутукова, шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, которой Равскій, какъ мы замѣтили, очень понравился; онъ хорошо пѣлъ, танцовалъ, былъ мастеръ вышить, одѣвался по-казацки и походилъ во всемъ на казака. Дѣвушка также нравилась ему. Старикъ Бутуковъ видимо былъ согласенъ на это; казалось, дѣло было совсѣмъ улажено и этотъ бракъ могъ послужить звеномъ для сношеній между поляками и казаками Игната Некрасова.

Мы пробыли въ Биневле двадцать одинъ день; казаки никакъ не соглашались отпустить насъ. Наконецъ я простился со старикомъ атаманомъ, котораго мнѣ уже не довелось болѣе видѣть, такъ какъ онъ скончался вскорѣ послѣ моего отъѣзда. Мы прощались со стариками, съ Бутуковымъ, со всѣмъ войскомъ, съ женщинами, съ дѣтьми, ибо всѣ они провожали насъ до самой границы войска.

День былъ ясный, солнце свѣтило ярко. Маніосское озеро, освѣщенное его лучами, блестѣло вдали, какъ зеркало. Горы сосѣднихъ черкесъ рѣзко выдѣлялись на лазури небеснаго свода, и бѣленькіе домики казацкаго селенія весело мелькали на переднемъ планѣ; казаки, жившіе въ этомъ селеніи, были люди красивые, веселые, жизнерадостные, страстно любившіе военное дѣло. Кто бы могъ сказать въ то время, что нѣсколько лѣтъ спустя это доблестное казацкое войско погибнетъ отъ чумы, холеры, оспы и лихорадокъ.

Болѣе шестидесяти человѣкъ стариковъ и молодежи провожали насъ верхами до Михалича, находившагося въ 60 верстахъ отъ Маніосскаго села и озера.

Еще въ Биневле я условился со стариками, что казаки проводятъ меня только до Михалича, а оттуда до Бруссы мы поѣдемъ одни, чтобы не возбуждать напрасно подозрѣнія иностранныхъ дипломатовъ и правительства. Старики признали мои доводы справедливыми и согласились поступить такъ, какъ я говорилъ; но позднѣе, гораздо позднѣе, я узналъ,

что шесть некрасовцевъ, переодѣтыхъ мановами (такъ они называютъ мусульманъ изъ Анатоліи), въ чалмахъ, съ оружіемъ въ рукахъ, сопровождали меня очень далеко, до самой Бруссы и прожили тамъ все время, пока я тамъ находился, слѣдуя за мною всюду, куда бы я ни поѣхалъ; они покинули меня только въ Гемлекѣ, гдѣ я сѣлъ на пароходъ, чтобы возвратиться въ Стамбулъ.

Эта заботливость обо мнѣ была вызвана тѣмъ, что на большихъ дорогахъ попадалась въ то время масса разбойниковъ всевозможныхъ національностей, которые нерѣдко нападали на деревни и даже на отдѣльно стоящіе дома въ городахъ. Въ первое время, когда въ Турціи начали сформировывать регулярное войско, появилась масса дезертировъ, которые составили главный контингентъ разбойничьихъ шаекъ одни изъ нихъ промышляли разбоемъ средства, чтобы вернуться на родину; другіе находили лучше заниматься разбоемъ, нежели служить въ войскѣ, въ особенности въ низамѣ, который турки, памятуя прошлыя времена, считали выдумкой гяуровъ.

Только на другой день по выѣздѣ изъ Биневле мы прибыли, подъ вечеръ, благополучно въ Бруссу. Саихъ боялся разбойниковъ и, по пріѣздѣ въ Бруссу, разсказалъ намъ, что за нами все время ѣхали шестеро самыхъ страшныхъ манововъ, что они даже ночевали у костровъ подъ деревьями по близости отъ того караванъ-сарая, гдѣ мы ночевали, и что мы избѣжали неминуемой опасности только благодаря Провидѣнію; мы вполнѣ повѣрили ему, что это такъ и было.

Мы прямо отправились въ конакъ паши съ нашимъ фирманомъ. Пашею въ Бруссѣ былъ въ то время Масгаръ-паша, сынъ Юсуфа-паши, который сдалъ русскимъ Варну и турецкій флотъ. Мы застали его бесѣдующимъ при помощи толмача съ какими-то нѣмцами. Паша принялъ насъ весьма любезно; мы поняли, что нѣмцы спрашивали его о войскѣ, о вновь учрежденныхъ редифахъ, а онъ только улыбался на все, что толмачъ передавалъ ему по-турецки, и выражалъ свою благодарность рукою, глазами и всѣмъ лицомъ. Въ это время Равскій, имѣвшій обыкновеніе говорить со мною по-малороссійски, спросилъ меня что-то на этомъ языкѣ, употребивъ при этомъ нѣсколько чисто русскихъ выраженій. Масгаръ-паша обернулся ко мнѣ и чистымъ русскимъ языкомъ спросилъ меня, говорю ли я по-русски? Когда я отвѣчалъ утвердительно, онъ попросилъ меня быть переводчикомъ между нимъ и этими господами, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что съ подобнымъ толмачемъ имъ никогда не понять другъ друга. Я началъ переводить и бесѣда пошла на ладъ, къ обоюдному удовольствію обѣихъ сторонъ; оказалось, что толмачъ армянинъ не понималъ ни слова по-нѣмецки, и вмѣсто того чтобы передавать пашѣ вопросы прусскихъ офицеровъ, говорилъ ему разные принятые на Востокѣ комплименты, а нѣмцамъ говорилъ нѣсколько словъ,

которымъ онъ выучился по-нѣмецки, какъ напр.: что паша очень доволенъ ими, что онъ желаетъ имъ добраго здоровья и долгой жизни и тому подобные скучныя и надоѣдливыя восточныя привѣтствія. Паша кивнулъ головою своимъ слугамъ, указавъ имъ глазами на драгомана, который вышелъ вмѣстѣ съ ними; впослѣдствіи Саихъ говорилъ намъ, что ему дали нѣсколько ударовъ по пятамъ (въ то время, въ видахъ гигіены, еще спускали кровь въ пятки), чтобы онъ не обманывалъ честныхъ людей, которые ему платятъ деньги. Масгаръ-паша прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Одессѣ, гдѣ онъ посѣщалъ пансіонъ, и порядочно научился по-русски. Ради выгоды онъ отвелъ намъ помѣщеніе у одного изъ самыхъ богатыхъ въ городѣ грековъ, а на обѣдъ и завтракъ либо мы приходили къ нему, либо онъ приходилъ къ намъ и съѣдалъ вмѣстѣ съ нами кушанья, принесенныя изъ его конака. Его лошади и прислуга были въ нашемъ полномъ распоряженіи, мы сошлись съ нимъ какъ земляки; онъ обѣщалъ мнѣ самымъ торжественнымъ образомъ оказать покровительство некрасовцамъ, коихъ поселеніе находилось въ его пашалыкѣ, и сдержалъ свое слово, что̀ еще болѣе уволичило мое значеніе въ глазахъ этого войска.

Переводъ **В. В. Тимощукъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ, и слѣды его были даже въ горахъ дикой Хевсуретіи.

Не лишне будетъ здѣсь замѣтить, что братъ подозрѣваемаго Мирзоева былъ извѣстный всему Кавказу, угодливый всѣмъ армянинъ. Онъ имѣлъ много подрядовъ, держалъ на откупу рыбные Сальянскіе промыслы, изъ коихъ получалъ отличную икру, а изъ своихъ и другихъ виноградниковъ—прекрасныя туземныя вина, щедрымъ приношеніемъ которыхъ и другими средствами пріобрѣталъ благосклонность нѣкоторыхъ лицъ.

Когда началось возложенное на коммиссію дослѣдованіе, я видѣлъ, что со всѣхъ сторонъ подведены пружины къ оправданію и къ совершенному обѣленію Мирзоева. Почему и принужденъ былъ просить намѣстника объ удаленіи изъ состава коммиссіи одного послѣ другаго, двухъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ томъ, что они взяли въ свои руки пружины для защиты.

Но что Инсарскій держалъ тоже въ своихъ рукахъ главную пружину, это я узналъ только изъ его записокъ въ декабрьской книжкѣ. Тогда же это держалось имъ, какъ видно, въ большой тайнѣ, и вопросовъ его мнѣ, какъ онъ пишетъ, ни словесныхъ ни письменныхъ не было и дѣлать ихъ онъ не имѣлъ никакого права. Вѣрнѣе то, что онъ эти мнимо-сочиненные имъ отзывы мои доложилъ Крузенштерну, чѣмъ и побудилъ его принять на себя ходатайство за Мирзоева передъ намѣстникомъ. Добрый и благородный Крузенштернъ, котораго никто не могъ подозрѣвать въ корыстолюбивыхъ цѣляхъ, оказался здѣсь довѣрчивымъ. Инсарскій за его плечами, какъ онъ пишетъ «боролся съ княземъ», выставляя себя въ запискахъ борцомъ за правду, законность и угнетенную невинность. Но умыселъ тутъ былъ другой. Объ этой исторіи лучше было бы ему не разсказывать, ибо тогда дѣло было у всѣхъ на глазахъ. Онъ писалъ вѣроятно въ томъ разсчетѣ, что, завѣщая издать записки черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, современники, къ тому времени, перейдутъ въ вѣчность, а довѣрчивое потомство будетъ видѣть въ немъ борца за правду и угнетенную невинность.

Начавъ объясненія, касающіяся личности г. Инсарскаго, вызвавшей вниманіе читающей публики своими записками, я скажу о ней нѣсколько словъ.

Знакомый мой, въ Москвѣ, богатый пензенскій помѣщикъ А. Н С. передавалъ мнѣ, что «въ уѣздномъ городѣ Инсары болтался безъ дѣла молодой человѣкъ, сынъ уѣзднаго казначея Инсарскаго, окончившій образованіе въ уѣздномъ училищѣ. Желая сдѣлать угодное бѣдняку, его отцу, я пристроилъ его на службу въ Петербургѣ, и впослѣдствіи удивлялся какъ мой протежэ бойко и беззастѣнчиво (если не сказать болѣе) пробирался впередъ». Какимъ то счастливымъ случаемъ, или

ловкостью своею, попалъ онъ въ управляющіе къ молодому, доброму, блестящему князя Барятинскому. Не имѣя никакихъ хозяйственныхъ свѣдѣній, а еще менѣе опытности, необходимой для управленія обширными имѣніями, онъ, не стѣсняясь принялся за дѣло ему неизвѣстное, и какъ видимъ изъ записокъ его, на коренной ярмаркѣ сталъ въ ряды богатыхъ съѣзжавшихся туда помѣщиковъ, сотоварищество съ которыми требовало большихъ расходовъ.

Молодой князь, вовсе некорыстолюбивый, не учитывалъ своихъ управляющихъ, и ему не доставало времени, да и охоты вникать въ дѣло управленія. При холостой жизни и огромномъ своемъ состояніи, онъ удовлетворялся тѣмъ, что ему приносили для прожитія.

Инсарскій въ должности управляющаго и угодника по разнымъ дѣламъ заслужилъ расположеніе своего хозяина. Обезпеченный въ средствахъ къ жизни, въ немъ заиграло честолюбіе и, сознавая силу князя Барятинскаго, онъ возмечталъ ни болѣе, ни менѣе, какъ попасть на службу въ канцелярію комитета министровъ, или Государственнаго Совѣта, безъ гимназическаго даже образованія и безъ знанія иностранныхъ языковъ.

В. П. Бутковъ [1]), отъ котораго зависѣло это, отклонилъ ходатайство, и Инсарскій, укоротивъ свое честолюбіе, пошелъ на службу въ почтовое вѣдомство, продолжая быть тѣмъ же угодникомъ своего хозяина.

Когда князь былъ назначенъ на Кавказъ, Инсарскій отправился за нимъ. Трудно опредѣлить: пригласилъ ли князь его по привычкѣ къ нему, или же Инсарскій, предвидя себѣ благо при службѣ на Кавказѣ, добился этого приглашенія.

Первые шаги свои на Кавказѣ онъ разсказываетъ такъ. «Явясь намѣстнику, я былъ приглашенъ обѣдать на другой день, гдѣ держалъ себя непринужденно, чѣмъ возбудилъ много толковъ. За столомъ я былъ помѣщенъ между двухъ княгинь, плѣнницъ Шамиля, и занималъ ихъ все время, вопреки установленному церемоніалу «за обѣдомъ молчать и слушать что́ намѣстникъ изволилъ говорить».

Въ объясненіе этой лжи, прежде всего надо сказать, что высокоуважаемыя всѣми княгини, плѣнницы Шамиля, пользовались всегда въ домѣ намѣстника особымъ почетомъ и вниманіемъ его. Къ обѣденному столу ихъ всегда вели и садились съ ними лица наиболѣе почетныя. Если Инсарскій, котораго впослѣдствіи всѣ видѣли передъ княземъ въ приниженномъ положеніи, въ день приглашенія къ обѣду осмѣлился вести себя непринужденно, то это еще можно допустить, но чтобы въ честь его пріѣзда были измѣнены обычаи пріема у намѣстника,

---

[1]) Управлявшій въ то время дѣлами комитета министровъ и государственный секретарь.

чтобы Инсарскій былъ помѣщенъ между двухъ высокопоставленныхъ дамъ и, среди общаго молчанія и тишины, занималъ своими разговорами все общество—это не что иное какъ сонъ, видѣнный имъ послѣ обѣда на своей квартирѣ, но сонъ до того пріятный и лестный для него, что онъ пожелалъ его увѣковѣчить и помѣстить какъ дѣйствительность въ своихъ запискахъ. Такія пріятныя сновидѣнія его, обращенныя въ дѣйствительность, проходятъ во всѣхъ его запискахъ.

Наконецъ такого нелѣпаго, унижающаго князя и общество церемоніала—молчать, о которомъ пишетъ г. Инсарскій, не существовало. Приглащались лица высшаго грузинскаго общества и лица высшихъ должностей съ женами. Намѣстникъ былъ всегда внимателенъ, привѣтливъ къ гостямъ, а тѣ, какъ благовоспитанные, не переступали границъ приличія и подобающаго хозяину уваженія.

Все это показываетъ, въ какой мѣрѣ можно давать вѣру запискамъ Инсарскаго, какъ о самомъ себѣ такъ и о другихъ.

На первыхъ же порахъ онъ обозвалъ свиту главнокомандующаго «пустою, но блестящею». Это надо приписать къ неудовольствію его на нѣкоторыхъ лицъ изъ свиты, отъ него отворачивавшихся. Кто силится попасть въ среду, неравную ему по происхожденію, воспитанію, и не успѣваетъ въ этомъ, у того является желчное раздраженіе. А что аттестація свиты князя была явно не справедлива, можно заключить изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались впослѣдствіи государственными дѣятелями.

Вообще лица, наиболѣе пользовавшіяся довѣріемъ и вниманіемъ князя и стоявшія на пути Инсарскаго, были ему ненавистны. Если ему не удавалось подставить имъ ножку, то впослѣдствіи онъ клеймилъ ихъ не добрымъ словомъ своего вымысла, равно какъ и тѣхъ изъ высшихъ должностныхъ лицъ, которыя, разгадавъ его на первыхъ порахъ, держали его отъ себя подальше.

Въ этотъ періодъ времени явилось утвержденное намѣстникомъ новое «положеніе управленія краемъ». Благоустроенная канцелярія намѣстника, въ которой дѣла шли правдиво, честно и быстро, развилась въ департаменты, соотвѣтствующіе министерствамъ Россійской имперіи. Извѣстно было то, что противъ этого положенія было большинство, если не всѣ высшія дѣятели Кавказа. Одинъ Инсарскій взялся за него. По всѣмъ ходившимъ слухамъ, по введеніи новаго положенія, дѣла начали путаться, застаиваться, а расходы казны очень усилились. За то Инсарскій явился изъ вице-директоровъ канцеляріи намѣстника директоромъ департамента общихъ дѣлъ, т. е. чуть-чуть не министръ внутреннихъ дѣлъ и съ увеличеннымъ содержаніемъ.

Впослѣдствіи всѣ эти департаменты вошли опять въ тѣсную рамку канцеляріи намѣстника.

Старая привычка князя къ Инсарскому и ловкость послѣдняго взяли свое, а болѣе всего то, что князь, кромѣ обширныхъ занятій по краю, усиленныхъ заботъ о предстоящемъ рѣшеніи войны съ Шамилемъ, и страдая, по временамъ, сильными недугами, не имѣлъ необходимой энергіи, чтобы оттолкнуть его отъ себя. Инсарскій, такъ сказать, присосался къ князю до того, что отправился съ нимъ въ походъ противъ Шамиля, но скоро, не находя въ немъ никакой надобности, и по другимъ причинамъ, князь отправилъ его обратно въ Тифлисъ.

Припоминаю первоначальное знакомство мое съ Инсарскимъ, происшедшее лѣтомъ 1876 года. Князь Барятинскій, тогда командиръ гвардейскаго резервнаго корпуса, жилъ на Елагиномъ островѣ, почти безвыѣздно. Получивъ записку отъ графа Адлерберга, что государь желаетъ его видѣть въ Петергофѣ, онъ, ѣдучи туда, взялъ меня съ собой.

Нѣсколько дней спустя дежурный генералъ, генералъ-адъютантъ Катенинъ, принесъ ему приказъ о назначеніи его намѣстникомъ Кавказа и главнокомандующимъ кавказскою арміею. Вскорѣ вошелъ въ пріемную какой-то господинъ, болѣзненнаго вида, остановился у самыхъ дверей и, низко поклонившись, поздравилъ князя съ назначеніемъ. Послѣдній не давая руки, поблагодарилъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «это Инсарскій». — Такъ какъ личность эта была какого-то неопредѣленнаго типа, то я поклонившись тоже не подалъ руки. Нѣсколько времени князь любезно разговаривалъ съ нимъ, но эта любезность была такого тона какимъ говоритъ добрый баринъ съ своимъ дворецкимъ или управляющимъ. Впечатлѣніе этого утра у меня осталось навсегда. И это одно свиданіе ясно показываетъ, были ли у Инсарскаго интимныя отношенія съ княземъ, о которыхъ онъ пишетъ, и правдоподобны ли его фразы «мы съ княземъ,—мы оба».

Изъ записокъ Инсарскаго видно, что онъ состоялъ долгое время въ должности управляющаго князя и наконецъ чиновникомъ. Онъ былъ вполнѣ облагодѣтельствованъ княземъ. И что же мы читаемъ въ его запискахъ о Барятинскомъ. Онъ говоритъ, что это былъ человѣкъ «самолюбивый, честолюбивый, властолюбивый, гордый до того, что никого не ставилъ наравнѣ съ собою; другомъ его могъ быть только императоръ. Съ близкими подчиненными грубъ, капризенъ, завлекая къ себѣ на службу обѣщаніями, не исполнялъ ихъ». А если къ этой аттестаціи присоединить еще все то, что у него иногда вырывалось о князѣ, то личность его выказалась бы не въ благопріятномъ свѣтѣ, и казалось бы, что при такихъ свойствахъ нельзя было заслужить ни любви, ни уваженія. Между тѣмъ всѣ знаютъ, какъ радовались въ Тифлисѣ назначенію намѣстникомъ князя Барятинскаго.

Во время поѣздки моей съ княземъ, я видѣлъ непритворную къ нему любовь войскъ и населенія, какъ къ человѣку всегда доброму,

внимательному, вѣжливому со всѣми, старающемуся какъ можно болѣе наградить заслуги; и если это не всегда ему удавалось, то по независящимъ отъ него причинамъ.

Не могу умолчать объ одномъ выдающемся случаѣ. Во время объѣзда лѣваго фланга, онъ проѣзжалъ по новой вырубленной просѣкѣ, на разстояніи около 30 верстъ отъ Шали до Хоби-Шавдона. На всемъ почти пути его провожали горцы. Сопровождалъ князя сильный отрядъ съ артиллеріей, а на полъ-пути былъ выставленъ такой же отрядъ, въ коемъ находился Кабардинскій полкъ, которымъ нѣкогда командовалъ князь. Когда главнокомандующій подъѣхалъ къ этому полку и поздоровался, то восторгъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ—мало сказать—былъ неописуемый, но и не виданный. Немногимъ изъ начальниковъ суждена была такая встрѣча. У каждаго солдата глаза горѣли, онъ казалось выросталъ. Полкъ встрѣчалъ не только любимаго, а можно сказать обожаемаго начальника.

Находя противорѣчіе отзывовъ Инсарскаго о князѣ съ дѣйствительностью, я объясняю это тѣмъ, что онъ чувствовалъ, что князь, имѣя его при себѣ, какъ угодливаго человѣка съ талантомъ для изложенія его мыслей, и возвышая его, видѣлъ въ немъ все того-же господина, который стоялъ возлѣ его дверей, чего Инсарскій не могъ не чувствовать, а это порождало въ немъ затаенную злобу.

Старый кавказецъ, покойный А. Л. Зисерманъ, не могъ говорить равнодушно о запискахъ Инсарскаго и собирался, когда кончится ихъ печатаніе, приняться за подробный разборъ ихъ. Зисерманъ, какъ старожилъ, знавшій всѣхъ тогдашнихъ дѣятелей Кавказа въ подробности, вѣроятно пошелъ бы въ защиту униженныхъ, служба которыхъ была искажена.

Недавно, въ «Русскомъ Архивѣ» за ноябрь появилась статья г. Козубскаго въ защиту почтеннаго дѣятеля Коцебу,—опровергающая слова Инсарскаго фактами изъ архива. Не встрѣчая нигдѣ возраженій ему, кромѣ статьи господина Козубскаго, я, на 84-мъ году жизни, берусь за давно брошенное перо, чтобы сказать, что записки Инсарскаго, написанныя увлекательно, страдаютъ во многомъ своею неточностью.

Я собирался уже отправить въ печать мою замѣтку къ запискамъ Инсарскаго, какъ въ февральской книжкѣ «Русской Старины», прочелъ его наивную исповѣдь о громадныхъ интересахъ, извлекаемыхъ имъ изъ его служебнаго положенія.

Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ по этому поводу.

Прежде всего надо сказать, что Мирзоевъ имѣлъ многочисленныя, разнородныя дѣла какъ съ казной, такъ и съ частными лицами, для рѣшенія которыхъ въ свою пользу ему конечно необходимо было расположеніе вліятельныхъ людей.

Какъ ловко и успѣшно онъ велъ свои дѣла, это извѣстно было въ Тифлисѣ, но не мое дѣло касаться этого.

Если бы Инсарскій былъ въ Тифлисѣ частное, проживающее тамъ лицо, то всѣ эти щедрыя приношенія отъ Мирзоева, въ которыхъ онъ сознается, и 9% на капиталъ его, да еще съ преміями по тысячѣ и по двѣ, можно было бы отнести къ особой симпатіи къ нему добраго Мирзоева, что было бы странно, но не предосудительно. А вѣдь Инсарскій былъ вице-директоромъ канцеляріи намѣстника, затѣмъ директоромъ департамента общихъ дѣлъ на Кавказѣ, наконецъ доступность его къ намѣстнику, извѣстная всѣмъ армянамъ,—это все представляло уже дѣло въ другомъ видѣ. Ему приносили подарки не изъ дружбы, но его подкупали, ибо, по занимаемымъ имъ должностямъ, онъ всегда могъ вліять на рѣшеніе дѣлъ въ пользу Мирзоева. Относительно пяти персидскихъ ковровъ, которые Инсарскій какъ будто-бы отвергнулъ, разсказъ не вѣренъ. Они были поднесены ему Мирзоевымъ въ день Пасхи, какъ бы красное яичко вскорѣ по прибытіи его въ Тифлисъ. Инсарскій тогда, къ общему удивленію, разсказывалъ, что ковры принужденъ былъ принять, по неотступнымъ просьбамъ Мирзоева, чтобы не обижать его. Онъ держался тогда принятаго имъ правила: «о всѣхъ своихъ дѣлахъ говорить откровенно и правдиво», о чемъ самъ пишетъ. Нельзя не удивляться, что онъ, исповѣдуя все это, не видѣлъ тутъ ничего неблаговиднаго и преступнаго. Какой нравственный упадокъ!

Что же касается до того, что Крузенштернъ будто бы сказалъ, «что здѣсь, въ Тифлисѣ, отъ приношеній Мирзоева никто не отказывается, что вы человѣкъ семейный, вамъ все понадобится»,—то это есть чистая ложь. Я положительно утверждаю, что Крузенштернъ, человѣкъ благородный, осторожный, никогда не могъ дать такого совѣта, ибо, уполномочивая принять подарки отъ Мирзоева, давалъ бы поводъ брать и отъ другихъ армянъ, татаръ, кои имѣли какіе нибудь дѣла съ администраціей,—чѣмъ же они хуже Мирзоева? Крузенштернъ могъ знать объ этомъ и молчалъ, такъ какъ остановить Инсарскаго не могъ.

Изъ словъ Инсарскаго иные могутъ заключить, что въ Тифлисѣ было тогда огульное взяточничество. Противъ этого долженъ тоже возражать. Если нѣкоторыя лица и были заражены слабостію принимать приношенія отъ Мирзоева, то далеко не всѣ. Много было лицъ, которые стояли твердо и удалялись отъ него, чтобъ не навлечь даже подозрѣнія. Этихъ то лицъ по преимуществу Инсарскій и клеймитъ въ своихъ запискахъ, какъ расходившихся съ нимъ во взглядахъ на долгъ службы и нравственныя обязанности человѣка.

Въ заключеніе скажу, что вся исповѣдь Инсарскаго бросаетъ тѣнь на князя Барятинскаго. Въ защиту можно сказать, что князь Александръ Ивановичъ, занятый высшими административными заботами объ устрой-

ствѣ портовъ, о проложеніи черезъ горы удобной Военно-Грузинской дороги и другими важнѣйшими предметами по благоустройству западной окраины Закавказья, а главное поглощенный заботами о предстоящемъ умиротвореніи Кавказа — не имѣлъ времени заняться искорененіемъ взяточничества, называемаго Инсарскимъ «добровольнымъ щедрымъ приношеніемъ». Гроза же для взяточниковъ — гласное судопроизводство, въ то время еще не существовало.

И. С.

Отъ Императорскаго Казанскаго Университета.

Къ столѣтнему юбилею, наступающему въ 1904 г., совѣтъ Казанскаго университета постановилъ выпустить въ свѣтъ исторію университета и біографическій словарь его профессоровъ и преподавателей, и въ видахъ достиженія возможной полноты изданій обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя располагаютъ соотвѣтствующими матеріалами съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ заблаговременной доставкѣ таковыхъ въ Казанскій университетъ на имя г. ректора. Все доставленное будетъ принято университетомъ съ глубокой благодарностью и сохранено въ цѣлости до востребованія.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

повдняго потомка, обличатъ ошибки его предковъ и откроютъ глаза на прирожденные намъ недостатки; укажутъ на то, какъ въ пресловутый нашъ вѣкъ дѣлались люди великіе, какъ совершались дѣла громадныя! Во всякомъ случаѣ трудомъ моимъ руководила теплая любовь ко всему родному, русскому».

Послѣ паденія Севастополя, полковникъ Меньковъ былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба втораго пѣхотнаго корпуса, а въ 1858 году, въ чинѣ генералъ-маіора, вслѣдствіе недоразумѣній съ генералъ-адъютантомъ Коцебу, былъ назначенъ состоять въ распоряженіи генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Императорскаго Величества.

Въ 1859 году Петръ Кононовичъ былъ назначенъ главнымъ редакторомъ журнала «Военный Сборникъ», а впослѣдствіи — и газеты «Русскій Инвалидъ». Въ этой должности онъ пробылъ тринадцать слишкомъ лѣтъ, и въ 1872 году, по разстроенному здоровью, былъ отчисленъ отъ должности главнаго редактора, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ. Объ этомъ тринадцатилѣтнемъ періодѣ дѣятельности самъ Меньковъ, въ введеніи къ дневнику, говоритъ такъ:.. «редакція «Военнаго Сборника», а впослѣдствіи и «Русскаго Инвалида», поглащая почти все мое время, наложила на меня и на всѣ остальныя проявленія личной жизни печать какого-то утомленія, равнодушія... За оффиціальнымъ трудомъ исчезалъ человѣкъ, стушевывалась личность!..»

Кромѣ работы по «Военному Сборнику», Меньковъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ проведеніи военныхъ реформъ,—въ качествѣ члена или предсѣдателя коммиссій, которыя учреждались при военномъ министерствѣ, для обсужденія наиболѣе важныхъ вопросовъ: по квартирной повинности, по перевозкѣ войскъ по желѣзнымъ дорогамъ, по организаціи курса въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, по предметамъ современнаго образованія войскъ, по устройству военныхъ собраній и проч.

Севастополь и славные защитники этого города всегда были особенно дороги сердцу Менькова. На севастопольскихъ собраніяхъ онъ, въ своихъ рѣчахъ [1]), теплыми словами вспоминалъ живыхъ и умершихъ участниковъ славной борьбы и много содѣйствовалъ осуществленію мысли создать «музей севастопольской обороны». Любовь П. К. Менькова къ Севастополю выразилась и послѣ его смерти: онъ завѣщалъ музею значительную часть своего капитала, дабы увѣковѣчить память севастопольской обороны какимъ-нибудь живымъ дѣломъ. Въ завѣщаніи онъ, между прочимъ, говорилъ: «я не уступлю права моего *любить Севастополь столько-же, сколько любятъ его всѣ тѣ, которые вышли изъ него съ громкими заслугами*». И далѣе: «для того чтобы увѣковѣчить воспоминаніе о севастопольской эпохѣ, мало одного нѣмаго памятника, мало музея!.. Если при Севастополѣ учредится хотя самый не роскошный пріютъ для уцѣлѣвшихъ и до сей поры безпріютныхъ севастопольцевъ, если осиротѣлыя дѣти севастопольцевъ, павшихъ славною смертью за отчизну, получатъ школу, тогда только, по моему мнѣнію, севастопольцы своими частными, посильными пожертвованіями достигнутъ высокой цѣли сооруженія Севастопольскаго музея!..»

Умеръ П. К. Меньковъ 9-го октября 1875 г.; въ 1887 году въ Севастополѣ открыты были пріютъ и школа, названные *Меньковскими*.

По этому очерку жизни и дѣятельности Менькова можно судить, на сколько интересны оставленныя имъ записки, и нельзя не благодарить издателя, что онъ ознакомилъ читателей съ этими въ высшей степени любопытными документами.

Книги изданы прекрасно: на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, со множествомъ виньетокъ и заставокъ. Къ первому тому приложенъ портретъ П. К. Менькова. Жаль только, что отсутствуетъ указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ.

Н. К-ш-ъ.

---

[1]) Эти рѣчи, а равно и рѣчи другихъ участниковъ собраній 11-го февраля, собраныя Меньковымъ,—напечатаны въ третьемъ томѣ «Записокъ».

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1898 г.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.— въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20 Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.) Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**", Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8** рублей; и съ 1888—1897 по **9** рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІЙ**" основатель историческаго журнала „**Русская Старина**". Его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. М. И. Семевскаго и факс. его письма. Цѣна **3** рубля. Для подписчиковъ „**Русской Старины**" **2** рубля.

Издатель С. Зыковъ Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIX-й. ІЮНЬ. 1898 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Россія и Германія въ XIX вѣкѣ..... 465—489
II. Изъ воспоминаній о Венгерской кампаніи 1849 г. (Адъютанта графа Ѳ. В. Ридигера). Ѳедоръ Григоровъ..... 491—522
III. Польская смута 1863 года. (Окончаніе)..... 523—541
IV. Записки поляка о 1863 годѣ. 543—572
V. Замѣтка о пребываніи Этьена Фальконета въ Россіи..... 573—575
VI. Московскій университетъ въ 1861 году. (Изъ записокъ С. В. Ешевскаго). 577—603
VII. Къ біографіи Н. В. Гоголя. Сообщ. В. П. Шенрокъ..... 605—608
VIII. Нѣсколько словъ о бывшемъ Нижегородскомъ губернаторѣ А. Н. Муравьевѣ. А. А. Савельевъ. 609—629
IX. Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской..... 631—644
X. Воспоминанія офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—1878 г.г. А. А. Берсъ. 645—670
XI. Записки Михаила Чайковскаго. В. В. Тимощукъ. 671—694
XII. Замѣтка по поводу обѣда въ память XXXVII годовщины освобожденія крестьянъ. П. Д. Стремоухова..... 695—696
XIII. Записная книжка „Русской Старины": „Блажъ старца". Стихотвореніе. Ал. Ив. С—въ (стр. 490). — О гербахъ офицеровъ брига „Меркурій". Сообщ. А. В. Безродный (542). — Указъ царя Алексѣя Михайловича, 18 мая 1651 г. — Благодарность гр. П. А. Румянцову за хорошій пріемъ наслѣдника цесаревича Павла Петровича въ Малороссіи. 16-го окт. 1781 г. (576). — Письмо Ив. Ив. Дмитріева—Павлу Петровичу Свиньину 11-го февраля 1826 года. (604). — Письмо къ редактору—П. Д. Стремоухова по поводу стихотворенія „Мураліада". П. Д. Стремоуховъ (630).
XIV. Библіографическій листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Александра Николаевича Муравьева. Грав. И. Хельмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1898 г.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.
1898.

VI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюня 1898 г.

Библіографическій листокъ.

Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ съ 4-мя оригинальными рисунками И. К. Айвазовскаго, заставками В. Я. Сурепьянца, съ автографами авторовъ и 160-ю портретами, видами, типами Закавказья, Турецкой Арменіи и пр.—въ текстѣ. Москва 1897. XLVIII + VIII + 752 + 128 + VIII. Ц. 5 руб.

Изданный съ благотворительною цѣлью, какъ показываетъ и самое его названіе, сборникъ этотъ отличается особеннымъ разнообразіемъ: въ немъ помѣщено, кромѣ множества различныхъ рисунковъ и портретовъ,—свыше ста статей, въ стихахъ и прозѣ, распредѣленныхъ на два отдѣла; въ введеніи собраны статьи, имѣющія отношеніе къ цѣли сборника, помощи пострадавшимъ армянамъ: переселенцамъ, бѣжавшимъ въ Россію, и сиротамъ, оставшимся на мѣстѣ.

Большой первый отдѣлъ распадается на двѣ половины, — въ первой помѣщены стихотворенія, разсказы, переписка, научно-популярныя статьи, ученыя экскурсіи, путевые очерки, статьи критическія, воспоминанія и проч.; во второй половинѣ отдѣла мы находимъ рядъ статей по археологіи, географіи, литературѣ, древней Арменіи, а также и о современномъ положеніи армянъ на Кавказѣ.

Во второмъ отдѣлѣ помѣщены, между-прочимъ, статьи: проф. графа Л. А. Комаровскаго «О реформахъ въ Турціи»; Эм. Диллона «Положеніе дѣлъ въ турецкой Арменіи», П. И. Бѣляева «Письма турецкихъ жертвъ изъ Малой Азіи», О. Кайданова «Константинопольская рѣзня», В. Бенара «Августовскія убійства въ Константинополѣ», а также извлеченія изъ Желтой книги и другихъ источниковъ, знакомящія съ ужасающими бѣдствіями, перенесенными арменами за послѣдніе три года.

Изъ стихотвореній останавливаетъ на себѣ вниманіе одно, принадлежащее К. Р. Вотъ это стихотвореніе:

Я—баловень судьбы... Ужь съ колыбели
Богатство, почести, высокій санъ
Къ возвышенной меня манили цѣли, —
Рожденіемъ къ величью я призванъ.
— Но что мнѣ роскошь, злато, власть и сила?
Не та же-ль безпристрастная могила
Поглотитъ весь мишурный этотъ блескъ,
И все, что здѣсь лишь внѣшностью намъ льстило,
Исчезнетъ, какъ волны мгновенный всплескъ.
Есть даръ иной, божественный, безцѣнный,
Онъ въ жизни для меня всего святѣй,
И ни одно сокровище вселенной
Не замѣнитъ его душѣ моей:
То пѣснь моя!—Пускай прольются звуки
Моихъ стиховъ въ сердца толпы людской,
Путь скорбнаго они врачуютъ муки
И радуютъ счастливаго душой!
Когда-же звуки пѣсни вдохновенной
Достигнутъ человѣческихъ сердецъ,
Тогда я смѣло славы заслуженной
Приму неувядаемый вѣнецъ.
Но пусть не тѣмъ, что знатнаго я рода
Что царская во мнѣ струится кровь,
Роднаго православнаго народа
Я заслужу довѣрье и любовь, —
Но тѣмъ, что пѣсни русскія, родныя
Я буду пѣть немолчно до конца,
И что во славу матушки Россіи
Священный подвигъ совершу пѣвца.

Изъ историко-литературнаго матеріала сборника особенно интересны: переписка В. Г. Бѣлинскаго съ женою, относящаяся къ послѣднимъ поѣздкамъ больнаго Бѣлинскаго на югъ Россіи и за границу; статья: «Изъ Владимірской жизни Герценовъ», состоящая изъ впервые изданныхъ писемъ А. И. Герцена и его жены; «графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ въ воспоминаніяхъ Н. А. Бѣлоголоваго. 1878—88»; воспоминанья эти первоначально были напечатаны въ нашемъ журналѣ, здѣсь добавлены нѣкоторые варіанты и подробности изъ дневника доктора Бѣлоголоваго, сообщенные въ рукописи его вдовою. Съ интересомъ читаются также воспоминанія Г. А. Джаншіева о докторѣ Н. А. Бѣлоголовомъ.

По внѣшности изданіе прекрасно, и назначенная за него цѣна не высока. Н. К-ш-ъ

„По бѣлу-свѣту". Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Стараго свѣта доктора А. В. Елисѣева. Т. IV. Съ иллюстраціями художниковъ: Н. Н. Каразина, В. П. Овсянникова. Э. К. Соколовскаго и А. А. Чикина. Спб. 1898 г.

Четвертымъ томомъ заканчивается изданіе путешествій доктора А. В. Елисѣева, подъ общимъ заглавіемъ «По бѣлу-свѣту». Первые три тома этого изданія были встрѣчены очень сочувственно нашею, отчасти и иностранною печатью, давшею о немъ самые лестные отзывы, и обществомъ, сдѣлавшимъ трудъ этого путешественника настольною книгою. Такая же встрѣча будетъ оказана, безъ сомнѣнія, и четвертому тому этого изданія.

Разсматриваемая нами книга состоитъ изъ довольно обстоятельнаго очерка жизни и дѣятельности доктора А. В. Елисѣева, составленнаго редакторомъ журнала «Природа и Люди», Ф. С. Груздевымъ, и изъ 25 главъ занимательнаго, написаннаго хорошимъ литературнымъ языкомъ, текста.

Въ первыхъ двухъ главахъ описывается слѣдованіе партіи русскихъ переселенцевъ въ тысячу слишкомъ человѣкъ на французскомъ пароходѣ «Кантонъ» отъ Одессы до

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

МУРАВЬЕВЪ.

Россія и Германія въ XIX вѣкѣ [1]).

I.

Императоръ Николай I и Фридрихъ-Вильгельмъ III.

Краткій историческій обзоръ политическаго положенія Россіи и Пруссіи.—Императоръ Александръ I и Наполеонъ.—Ихъ отношенія къ Фридриху-Вильгельму III.—Германія послѣ Вѣнскаго мира.—Записка Стурдзы о состояніи умовъ въ Германіи.—Германскіе университеты.—Убійство Коцебу.—Кончина Александра I.

Возникновеніе политическихъ сношеній между Россіей и Пруссіей относится къ XVI вѣку. Въ слѣдующемъ столѣтіи между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и курфюрстомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и, позднѣе, между Петромъ Великимъ и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I были заключены формальные договоры, послужившіе прототипомъ всѣхъ дипломатическихъ актовъ, заключенныхъ между этими государствами въ послѣдующія царствованія. Эти договоры, почти всѣ безъ исключенія, гарантировали безопасность ихъ владѣній и взаимную помощь на случай войны съ общимъ врагомъ, подъ коимъ подразумѣвались обыкновенно поляки, шведы и австрійцы.

Несмотря на заключенные договоры, союзъ между этими государствами казался неособенно прочен. Петръ Великій искалъ, какъ намъ извѣстно, сближенія съ Франціей, чѣмъ прусскій король Фридрихъ-

[1]) Извлеченіе изъ книги: „L'Allemagne et la Russie au XIX-e siècle par Edouard Simon.“.

Вильгельмъ I былъ чрезвычайно встревоженъ, боясь очутиться между молотомъ и наковальней. Впрочемъ, при самомъ энергичномъ стремленіи сблизиться съ Франціей, царь не думалъ порывать союзъ съ Пруссіей; въ его царствованіе было положено начало бракамъ между русскими великими князьями и нѣмецкими принцессами, коимъ Петръ придавалъ большое значеніе, видя въ нихъ залогъ къ дальнѣйшему сближенію съ Германіей и въ особенности къ упроченію русскаго вліянія на эту страну. Съ другой стороны, въ царствованіе того же Фридриха-Вильгельма I, впервые обнаружились въ прусской политикѣ тѣ колебанія, та нерѣшительность, которыя долгое время составляли отличительную ея черту по отношенію къ могущественной сосѣдкѣ, съ которой она не рѣшалась сблизиться окончательно, избѣгая въ то же время стать къ ней открыто во враждебныя отношенія. Фридрихъ-Вильгельмъ I завѣщалъ, на смертномъ одрѣ, своему наслѣднику поддерживать дружескія отношенія къ Россіи и искать съ нею болѣе тѣснаго союза; король Фридрихъ II твердо помнилъ совѣтъ отца и всю жизнь старался ему слѣдовать.

При вступленіи его на престолъ, Россія была уже могущественною европейскою державою и полновластною властительницею въ сѣверной Европѣ.

— Я люблю друзей сильныхъ,—говорилъ Фридрихъ-Вильгельмъ,—но не люблю могущественныхъ сосѣдей.

Преемница Петра, императрица Елисавета Петровна, съ своей стороны, боялась Фридриха, могущество котораго постоянно возрастало, но болѣе дальновидная Екатерина II заявляла, что она предпочитаетъ имѣть сосѣда, довольнаго своимъ положеніемъ. Что касается самого Фридриха, то онъ и боялся Россіи, и удивлялся ей.

«Изъ всѣхъ сосѣдей Пруссіи, писалъ онъ въ «Исторіи моего времени», Россійская имперія—самая опасная сосѣдка по своему могуществу и по своему географическому положенію; всѣ тѣ, кто будутъ управлять Пруссіей послѣ меня, должны стараться снискать дружбу этихъ варваровъ, которые, имѣя многочисленную легкую конницу, могутъ вконецъ разорить Пруссію. Мы же не въ состояніи отплатить имъ за зло, которое они могутъ намъ причинить потому, что ближайшія къ прусской границѣ мѣстности Россіи представляютъ собою страну чрезвычайно бѣдную, а на пути къ Украйнѣ пришлось бы проходить громадныя степи».

Предложенія о союзѣ, сдѣланныя этимъ королемъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, не встрѣтили съ ея стороны сочувствія, и кончина этой государыни преисполнила его радости. Не болѣе успѣха имѣли и всѣ его домогательства у Елисаветы Петровны, которая относилась къ нему всегда непріязненно, и въ концѣ концовъ заключила союзъ съ его вра-

гомъ—Маріей-Терезіей. При дворѣ Елисаветы Петровны было двѣ партіи: приверженцевъ Австріи и Пруссіи; «подкупы», какъ называлъ Фридрихъ, дѣлаемые имъ русскимъ сановникамъ денежные подарки, не приносили ожидаемыхъ плодовъ; русскіе все болѣе и болѣе отстранялись отъ Берлина.

Елисаветѣ Петровнѣ Фридрихъ II былъ обязанъ тѣмъ, что его третья Силезская война тянулась семь лѣтъ. Его спасла кончина этой государыни, доставившая престолъ Петру III, горячему поклоннику прусскаго короля, который всячески старался дѣйствовать въ его пользу и даже при жизни Елисаветы Петровны не разъ парализовалъ, при содѣйствіи своей супруги, антипрусскую политику двора. Царствованіе Петра III было непродолжительно; его увлеченіе Пруссіей много способствовало его гибели и возвышенію Екатерины. Эта государыня не питала, собственно говоря, враждебныхъ чувствъ къ Фридриху; напротивъ, ихъ связывала даже общая страсть къ завоеваніямъ, и при томъ императрица была до нѣкоторой степени обязана прусскому королю, устроившему ея бракъ съ наслѣдникомъ русскаго престола.

Политика Екатерины II по отношеніи къ Пруссіи была совершенно отлична отъ той, которой слѣдовали Елисавета и Петръ III. Ею руководила честолюбивая мысль: быть посредницей между Фридрихомъ II и Маріей-Терезіей при заключеніи ими мира, но обѣ воюющія стороны, утомленныя и истощенныя продолжительной войною, заключили миръ почти безъ вѣдома царицы. Не допустивъ вмѣшательства Екатерины въ свою распрю съ Маріей-Терезіей, Фридрихъ страстно желалъ дѣйствовать въ польскихъ дѣлахъ въ полномъ согласіи съ Россіею, чтобы совершить, наконецъ, сообща раздѣлъ этой несчастной страны.

Вторичная попытка Екатерины II проявить свое вліяніе на дѣла Германіи увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Это было подъ конецъ царствованія Фридриха II, во время его столкновенія съ Австріей изъ-за Баварскаго наслѣдства. Этотъ разъ самъ Фридрихъ желалъ посредничества императрицы, которая, принявъ сторону Пруссіи, заставила чашу вѣсовъ склониться на ея сторону. Тешенскій миръ (окончившій войну за Баварское наслѣдство въ 1779 г.), заключенный при дѣятельномъ участіи Екатерины II, установилъ самымъ неоспоримымъ образомъ преобладающее вліяніе Россіи на Германію, такъ какъ императрица гарантировала цѣлость и неприкосновенность германскихъ владѣній. Съ этого момента противовѣсомъ французскому вліянію, которому подчинялись болѣе или менѣе всѣ южно-германскіе владѣтельные князья и монархи, явилось вліяніе Россіи на сѣверо и средне-германскія владѣнія. Екатерина II могла гордиться тѣмъ, что Пруссія и Австрія, Фридрихъ II и Іосифъ соперничали въ стараніи снискать ея дружбу и союзъ Россіи. За раздѣломъ Польши послѣдовала попытка раздѣлить Турцію, для чего

Екатеринѣ скорѣе было нужно содѣйствіе Австріи, нежели Пруссіи. Такимъ образомъ завязались переговоры между энергичной и смѣлой императрицей, не боявшейся никакихъ препятствій, и робкимъ Іосифомъ II, который боялся прусскаго короля и хотѣлъ выждать его кончину, чтобы подписать условія предложеннаго Екатериною раздѣла Турціи. Іосифъ скончался ранѣе Фридриха и Екатерина не могла позабыть, что прусскій король помѣшалъ осуществленію ея видовъ на Востокъ. Между обоими дворами произошло охлажденіе, продолжавшееся до самой кончины Фридриха. Русскій посланникъ не присутствовалъ даже и на похоронахъ его.

Послѣ кончины Фридриха Екатерина снова старалась сблизиться съ Пруссіей, которую она называла «естественной союзницей Россіи», но это не мѣшало ей преслѣдовать свои планы на Востокѣ совмѣстно съ Австріей. Фридрихъ-Вильгельмъ II, наслѣдовавшій отъ своего дяди ненависть къ Габсбургамъ, не сочувствовалъ этой политикѣ и заключилъ, со своей стороны, договоръ съ Портою, гарантировавшій цѣлость Оттоманской имперіи; онъ собирался обнажить мечъ противъ Россіи, когда разразилась французская революція, заставившая сѣверныя державы сплотиться и заключить союзъ. Екатерина была душою коалиціи, направленной противъ Франціи, и поспѣшила воспользоваться неурядицей на Западѣ, чтобы совершить вмѣстѣ съ Пруссіей второй раздѣлъ Польши. Но дружба обоихъ дворовъ была непродолжительна. Пруссія, убѣдившись въ безплодности всѣхъ стараній коалиціи и дорого поплатившись за свое участіе въ ней, заключила миръ съ Французской республикой, къ великому негодованію Екатерины, которой не удалось вслѣдствіе этого двинуть, какъ она того желала, корпусъ русскихъ войскъ на Рейнъ.

Съ этихъ поръ Пруссія вступила на путь той нейтральной политики, которая въ концѣ концовъ не удовлетворила ни одного изъ ея сосѣдей и отъ которой она отказалась въ тотъ моментъ, когда менѣе всего могла дѣйствовать самостоятельно.

Послѣ кончины Екатерины II, императоръ Павелъ, движимый слѣпой ненавистью къ Франціи, тщетно старался вовлечь Пруссію въ войну съ Французской республикой, а когда это ему не удалось, то пытался побудить Пруссію къ войнѣ съ Австріей. Король Фридрихъ-Вильгельмъ соглашался на это подъ однимъ условіемъ, что царь помирится предварительно съ Франціей. Павелъ какъ-будто уже былъ готовъ согласиться на это, но не успѣлъ привести этотъ планъ въ исполненіе, такъ что при вступленіи на престолъ Александра I отношенія между Россіей и Франціей были въ высшей степени натянуты.

Александръ I, смотрѣвшій на Пруссію, подобно Екатеринѣ, какъ на естественную союзницу Россіи, старался, съ самаго вступленія своего

на престолъ, упрочить и укрѣпить узы, связывавшія его съ Берлиномъ, и убѣдить короля прусскаго отказаться отъ соблюдаемаго имъ нейтралитета, такъ какъ онъ самъ относился въ ту пору чрезвычайно враждебно къ революціонной Франціи и къ Франціи Бонапарта. Въ этомъ домогательствѣ ему много помогло прискорбное событіе съ герцогомъ Ангіенскимъ, глубоко оскорбившее самыя сокровенныя чувства короля и королевы прусскихъ и поколебавшее рѣшимость Фридриха-Вильгельма соблюдать нейтралитетъ.

Тѣмъ не менѣе, для того, чтобы окончательно достигнуть своей цѣли, императору Александру пришлось употребить не мало усилій. Прусской политикой руководили въ то время не столько министры, сколько личные совѣтники и приближенные короля, которые могли видѣть его во всякое время и умѣли удалить отъ него тѣхъ лицъ, которыхъ они подозрѣвали въ противодѣйствіи ихъ видамъ. Насчетъ этихъ совѣтниковъ ходили самые печальные слухи. Ихъ считали подкупленными Бонапартомъ; самъ императоръ Александръ выражалъ королю сомнѣніе въ ихъ честности, которую всѣ считали запятнанной, и настаивалъ на ихъ удаленіи.

Въ то время при прусскомъ дворѣ двѣ партіи оспаривали другъ у друга вліяніе на короля: одна партія называлась французской, а другая—патріотической или русской; поэтому привлечь короля къ участію въ коалиціи, задуманной Александромъ, было неособенно легко. Заручившись содѣйствіемъ Австріи и Швеціи, русскому императору было необходимо обезпечить себѣ также содѣйствіе Пруссіи. Съ этой цѣлью Александръ убѣдилъ австрійскаго императора послать въ Берлинъ для переговоровъ графа Меттерниха; но послѣднему не удалось побѣдить упорства короля и онъ обратился за помощью къ самому императору Александру. Прусскій король одинаково боялся обоихъ сосѣдей—Франціи и Россіи; честность связывала его съ первой, личныя чувства говорили въ пользу второй. Видя, что всѣ убѣжденія напрасны, Александръ прибѣгнулъ къ крайнему средству: онъ грозилъ королю двинуть въ Пруссію войско. Эта угроза могла повести къ совершенно противоположному результату, если бы Наполеонъ I въ тотъ же моментъ не двинулъ, вопреки условію Базельскаго договора, свои войска въ Аншпахъ: дѣло Александра было выиграно. Король прусскій подписалъ Потсдамскій договоръ, такъ сказать, на могилѣ Фридриха Великаго, надъ которой Александръ, Фридрихъ-Вильгельмъ и королева Луиза поклялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ.

Несмотря на все это, въ Берлинѣ продолжали держаться боязливой и двоедушной политики, которая выводила изъ себя Наполеона и Александра. Русское дворянство побуждало своего государя къ войнѣ, а онъ, въ свою очередь, побуждалъ къ тому короля прусскаго, но король не

поддержалъ русскихъ въ неосторожно начатой ими кампаніи, которая окончилась пораженіемъ подъ Аустерлицемъ. Уступивъ наконецъ настояніямъ императора Александра, королевы, принца Людвига-Фердинанда и молодыхъ офицеровъ своей гвардіи, король бросилъ противъ своего собственнаго желанія вызовъ Наполеону, хотя былъ вполнѣ увѣренъ, что его армія слишкомъ мала и ничтожна для борьбы съ этимъ геніальнымъ полководцемъ. Семи дней было достаточно, чтобы погибла армія и монархія, созданныя Фридрихомъ Великимъ. Несмотря на это, императоръ Александръ I, которому Пруссія въ значительной степени была обязана своимъ несчастіемъ, не утратилъ своего вліянія на короля прусскаго; онъ утѣшалъ его, ободрялъ и, что всего важнѣе, поощрялъ продолжать войну, обѣщая свою поддержку. Это обѣщаніе было тѣмъ знаменательнѣе, что русскіе генералы самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывали нежеланіе сражаться за Пруссію.

Не обращая на это вниманія, Александръ убѣждалъ короля въ своей преданности, повторилъ ему при личномъ свиданіи обѣщанія, данныя въ Потсдамѣ, и заключилъ наконецъ съ королемъ Бартенштейнскую конвенцію, въ силу которой монархи обѣщались дѣйствовать вмѣстѣ, не вступая отдѣльно въ переговоры съ Наполеономъ, и вернуть Пруссіи всѣ провинціи, утраченныя ею въ 1805 г. Монархи рѣшили побѣдить или погибнуть вмѣстѣ. Пораженіе, понесенное ими подъ Фридландомъ, нарушило всѣ эти прекрасныя обѣщанія; императору Александру пришлось позабыть о чувствахъ и подумать о спасеніи Россіи. Клятвы, произнесенныя имъ при свиданіи съ королемъ прусскимъ и при заключеніи Бартенштейнской конвенціи, имѣли эпилогомъ свиданіе на плоту на Нѣманѣ и миръ, заключенный въ Тильзитѣ. Александръ, прельщенный обѣщаніями Наполеона, который жертвовалъ Россіи Турцію, отказываясь отъ исконной политики французовъ на Востокѣ, началъ одинъ переговоры съ Наполеономъ, не препятствовалъ расчлененію Пруссіи и согласился даже принять нѣкоторую часть ея владѣній изъ рукъ побѣдителя. Союзъ съ Пруссіей фактически былъ нарушенъ; присутствіе Фридриха-Вильгельма въ Тильзитѣ было помѣхою для Александра, такъ какъ онъ велъ съ Наполеономъ переговоры о такихъ вопросахъ, которые должны были остаться тайною для его бывшаго союзника.

Личныя отношенія короля къ императору Александру не пострадали отъ этой перемѣны въ политикѣ. Побѣжденный, униженный, разоренный, Фридрихъ Вильгельмъ не имѣлъ инаго защитника, инаго покровителя кромѣ русскаго царя, который, ставъ другомъ Наполеона, думалъ и дѣйствовалъ съ тѣхъ поръ подъ обаяніемъ его личности. Насколько Александръ побуждалъ ранѣе короля прусскаго сопротивляться Наполеону, настолько теперь онъ не только уговаривалъ его во всемъ слѣпо подчиниться приказаніямъ императора французовъ, но прямо требовалъ

этого. За Тильзитомъ послѣдовалъ конгрессъ въ Эрфуртѣ, на которомъ царь надѣялся пожать плоды своего союза, т. е. на первыхъ порахъ получить свободу дѣйствій на Востокѣ. Его ожидало нѣкоторое разочарованіе. Наполеонъ позабылъ Тильзитъ и вернулся къ прежнимъ традиціямъ Франціи. Обаяніе, произведенное Наполеономъ на императора Александра, нѣсколько поколебалось: продолжая совѣтовать королю покорность въ отношеніи его, онъ намекнулъ на возможность нанести Наполеону пораженіе въ Испаніи; Тильзитскій договоръ, какъ всѣ прочіе союзные договоры, заключаемые съ цѣлью завоеваній и поживы на счетъ другихъ націй, не могъ быть долговѣченъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ вскорѣ нарушенъ: бывшіе союзники собирались помѣриться силами на полѣ брани. Король Фридрихъ-Вильгельмъ, не имѣя возможности сопротивляться Наполеону, вступилъ съ нимъ въ союзъ противъ своего друга, русскаго царя, котораго онъ увѣрялъ въ то же время, что вспомогательный корпусъ прусскихъ войскъ получитъ приказаніе причинить Россіи какъ можно менѣе вреда. Между тѣмъ прусскій народъ и армія негодовали: масса прусскихъ офицеровъ просила разрѣшенія вступить въ русскую службу. Генералъ Іоркъ, командовавшій прусскимъ вспомогательнымъ корпусомъ, котораго Наполеонъ имѣлъ неосторожность оставить въ тылу, на лѣвомъ флангѣ, истолковывалъ по своему инструкціи короля, не исполнялъ вовсе приказаній маршала Макдональда и перешелъ со всѣмъ своимъ войскомъ на сторону русскихъ тотчасъ послѣ отступленія французовъ изъ Москвы.

Прусскій министръ Штейнъ, изгнанный королемъ по требованію Наполеона, былъ принятъ Александромъ и побуждалъ его продолжать войну, въ то же время подготовляя въ Петербургѣ новую европейскую коалицію и возстаніе въ Пруссіи. Не занимая въ Россіи никакого оффиціальнаго положенія, онъ былъ первымъ совѣтникомъ Александра, ничего не предпринимавшаго, не узнавъ предварительно его мнѣнія. Въ это время при прусскомъ дворѣ продолжала орудовать партія, державшая сторону Наполеона. Штейнъ всячески старался побороть ея вліяніе и настаивалъ на томъ, чтобы императоръ Александръ прибѣгнулъ въ случаѣ надобности къ насилію, чтобы заставить короля объявить войну Наполеону, но приближенные царя не желали войны.

Русскіе преслѣдовали остатки великой арміи и заставили ее перейти Вислу и на русской землѣ не осталось ни одного врага. Главный штабъ арміи находилъ, что этимъ можно было бы ограничиться, предоставивъ Пруссіи и остальной Европѣ раздѣлаться съ Наполеономъ своими собственными силами, но Александръ, движимый чувствомъ великодушія къ своему другу, поступилъ въ этомъ случаѣ вопреки желаніямъ своихъ генераловъ. Войскамъ было отдано приказаніе вступить въ предѣлы Восточной Пруссіи. Эта провинція сдѣлалась временно-русской провин-

ціей; управленіе ею было ввѣрено бывшему министру короля прусскаго.

Фридрихъ-Вильгельмъ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, рѣшился наконецъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Россіей. По такъ называемому Калишскому договору, Пруссія гарантировала Россіи обладаніе великимъ герцогствомъ Варшавскимъ, т. е. почти всей Польшей, а Россія, со своей стороны, предоставляла Пруссія всѣ земли въ сѣверной Германіи, которыя были захвачены Наполеономъ и которыя союзныя войска должны были возвратить Пруссіи. Присмотрѣвшись ближе къ этому договору, мы убѣждаемся, что императоръ Александръ радѣлъ объ интересахъ своей монархіи, какъ нельзя лучше: провинціи, присужденныя ему, были уже въ его рукахъ, тогда какъ Пруссіи приходилось еще завоевывать свою долю силою оружія. Въ сущности говоря, Калишскій договоръ дѣлалъ императора Александра полновластнымъ хозяиномъ Пруссіи и Германіи.

При этихъ условіяхъ была начата кампанія 1813 года. Послѣ Лейпцигскаго сраженія, когда французская армія перешла обратно Рейнъ, въ лагерѣ союзниковъ еще колебались насчетъ того, слѣдуетъ ли войскамъ вступить во Францію или нѣтъ. Прусскій главный штабъ, съ одной стороны, и Штейнъ, не утратившій еще вліянія на Александра, съ другой—настояли на этомъ, и Александръ вступилъ въ Парижъ вмѣстѣ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ во главѣ союзныхъ войскъ.

Парижскій трактатъ былъ, по преимуществу, дѣломъ рукъ Александра I, который, позабывъ на время о Пруссіи, выказалъ себя въ этомъ случаѣ прежде всего европейцемъ и русскимъ монархомъ. Какъ европеецъ, онъ возстановилъ Бурбоновъ, хотѣлъ упрочить ихъ власть, сдѣлать Францію державой сильной, способной служить противовѣсомъ Англіи и Австріи; какъ русскій человѣкъ и какъ монархъ, онъ не хотѣлъ имѣть сосѣдкой слишкомъ могущественную Германію или Пруссію. Поэтому онъ пощадилъ Францію, ограничивъ территоріальныя вожделѣнія Пруссіи, вопреки совѣту Штейна и возраженіямъ всего прусскаго главнаго штаба.

Несмотря на серьезныя услуги, оказанныя Александромъ Людовику XVIII, императоръ не могъ добиться отъ него утвержденія условій Калишскаго договора, относившагося къ Польшѣ и Саксоніи. Нѣмцы и русскіе одинаково были недовольны Парижскимъ трактатомъ. Первые обвиняли Александра въ томъ, что они были вынуждены возстановить границы Франціи 1792 года; вторые, относясь совершенно равнодушно къ пріобрѣтенію Польши, находили слишкомъ мизернымъ вознагражденіе, присужденное Россіи.

Александръ упорно настаивалъ на своихъ требованіяхъ относительно Польши, которую онъ хотѣлъ получить всю, безъ исключенія, и отно-

сительно Саксоніи, обѣщанной имъ королю прусскому. Англія была противъ того, чтобы Россія получила земли по ту сторону Вислы, а Людовикъ XVIII не соглашался свергнуть съ престола Саксонскаго короля во-первыхъ потому, что онъ былъ съ нимъ въ родствѣ, а во-вторыхъ—ради поддержанія принципа легитимизма.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ поддерживалъ до послѣдней минуты притязанія Александра на Польшу, но императоръ, вначалѣ также энергично поддерживавшій своего союзника, началъ уступать, лишь только его собственныя требованія были удовлетворены. Онъ даже просилъ представителей прочихъ державъ освободить его отъ обѣщаній, данныхъ Фридриху-Вильгельму. Такимъ образомъ Пруссіи, несмотря на все ея нежеланіе имѣть сосѣдкой Францію, пришлось удовольствоваться половиною Саксоніи и нѣкоторыми землями на лѣвомъ берегу Рейна и принять такимъ образомъ на себя обязанность защищать западныя границы Германіи.

Послѣ Вѣнскаго конгресса Александръ I былъ всемогущъ, но утратилъ въ значительной мѣрѣ свое обаяніе въ глазахъ нѣмецкихъ патріотовъ, коихъ надежды на возстановленіе прежнихъ границъ германской территоріи и на преобразованіе ея политическихъ учрежденій были жестоко обмануты. Они проливали кровь, чтобы свергнуть иго Наполеона, и очутились подъ игомъ феодальнаго абсолютизма. Александръ I, всѣмъ руководившій, былъ въ ихъ глазахъ главнымъ виновникомъ этого плачевнаго результата; они обвиняли его, какъ иниціатора священнаго союза, за реакцію, наступившую въ правительственныхъ сферахъ Германіи.

Послѣ побѣдъ, одержанныхъ союзными войсками надъ Наполеономъ и покрывшихъ славою русское оружіе, въ душѣ императора Александра совершился знаменательный переворотъ. Сражавшись за свободу Европы, не желая никакихъ выгодъ для себя лично, онъ сдѣлался послѣ войны душою реакціи, наступившей въ Европѣ, поддерживалъ и поощрялъ нѣмецкихъ монарховъ, которые забывали либеральныя обѣщанія, данныя ими своимъ подданнымъ. По повелѣнію царя русскіе дипломаты въ Берлинѣ и при другихъ германскихъ дворахъ начали вмѣшиваться во внутреннія дѣла Германіи, обвиняли тѣхъ правителей, которые дѣйствовали не достаточно энергично или слишкомъ либерально; въ особенности они обвиняли тѣхъ либераловъ, которые громили германскихъ монарховъ и русское правительство за наступившую реакцію.

Главнымъ очагомъ либеральнаго и патріотическаго движенія, которое доставляло большія заботы представителямъ Россіи въ Германіи, были университеты и журналистика, которая, несмотря на строгую цензуру, высказывалась энергично противъ наступившей реакціи и ея иниціатора.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ не только не раздѣлялъ чувствъ своего народа по отношенію къ русскому императору, но относился къ нему даже съ настоящимъ обожаніемъ. Возвратясь съ Вѣнскаго конгресса онъ написалъ Александру письмо, преисполненное благодарности и сердечныхъ изліяній за огромныя услуги, оказанныя имъ Пруссіи. Послѣ Бога, писалъ король, онъ долженъ благодарить Александра и русское войско. Король былъ готовъ забыть подвиги своей собственной арміи. Въ королевскихъ покояхъ въ Берлинѣ, Шарлоттенбургѣ и Потсдамѣ не было ни одной комнаты, гдѣ бы не висѣлъ портретъ императора Александра; король приказалъ поставить его бюстъ подъ окнами своего дворца въ Потсдамѣ. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ былъ заключенъ бракъ принцессы Шарлотты, старшей дочери короля, съ младшимъ братомъ императора Александра, великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, который долженъ былъ наслѣдовать со-временемъ русскій престолъ. Чѣмъ болѣе пріумножались знаки личнаго расположенія между монархами, тѣмъ болѣе общественное мнѣніе Германіи возставало противъ того, что оно называло «признательностью короля». Алопеусъ, бывшій въ то время представителемъ Россіи въ Берлинѣ, удостовѣряетъ, что оппозиція проявлялась даже въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, «гдѣ встрѣчаются личности, ненавидящія Россію, писалъ онъ своему монарху, за то, что она поощряетъ консервативныя стремленія правительства, коимъ они не сочувствуютъ». «Король все еще любитъ царя и русскій народъ, но нѣмецкіе демагоги упрекаютъ его въ излишнемъ пристрастіи къ русскимъ. — Гарденбергъ окруженъ людьми, имѣющими полное основаніе насъ бояться, ибо они чувствуютъ, что личная дружба, существующая между императоромъ и королемъ, помѣшаетъ имъ играть роль и не дастъ возможности восторжествовать ихъ революціоннымъ принципамъ».

Такимъ образомъ вмѣшательство русскаго царя во внутреннія дѣла Германіи имѣло большое значеніе и выразилось главнымъ образомъ въ реакціи, наступившей въ ея правительственныхъ сферахъ. Германскіе монархи желали этого вмѣшательства, и хотя императоръ Александръ хотѣлъ, чтобы все это дѣлалось какъ можно болѣе тайно, но общественное мнѣніе трудно было обмануть; догадки общества вполнѣ подтвердились обнародованіемъ записки «о состояніи умовъ въ Германіи», составленной наканунѣ Вѣнскаго конгресса, по порученію императора Александра, А. С. Стурдзою, состоявшимъ на русской службѣ. Стурдза обвинялъ въ этой запискѣ германскіе университеты въ томъ, что они распространяютъ атеизмъ и либеральныя идеи вмѣсто того, чтобы заниматься наукою; онъ доказывалъ, что «это могло повести къ нарушенію общественнаго порядка и поколебать престолы». Изъ этого онъ выводилъ заключеніе о необходимости принять репрессивныя мѣры по отно-

шенію къ профессорамъ и ограничить свободу, которою пользовались нѣмецкіе студенты. Обнародованіе этой записки вызвало страшное негодованіе нѣмецкой молодежи и озлобило ее противъ русскихъ. Озлобленіе это дошло до крайнихъ предѣловъ, когда стало извѣстно, что Стурдза почерпнулъ данныя для своей записки изъ донесеній другаго русскаго агента, статскаго совѣтника Коцебу, который былъ обвиненъ въ доставленіи русскому правительству свѣдѣній о либеральномъ движеніи въ Германіи и въ особенности обо всемъ, касавшемся профессоровъ и студентовъ.

23-го марта 1819 г. Коцебу палъ подъ ударомъ кинжала студента Карла Занда, который поплатился за это преступленіе жизнью. Этотъ случай далъ реакціи предлогъ окончательно подавить всякое проявленіе свободомыслія въ Германіи. Въ лицѣ Коцебу убійца нанесъ ударъ русскому правительству, которое еще пользовалось нѣкоторой популярностью въ Германіи. Императоръ Александръ понялъ это и сталъ еще болѣе поощрять реакціонныя мѣры, которыя принимались германскими правителями въ Берлинѣ и въ другихъ политическихъ центрахъ германскаго союза.

Неудовольствіе прусскихъ и нѣмецкихъ патріотовъ обратилось всецѣло противъ императора Александра и его правительства. Они обвиняли императора за его образъ дѣйствій въ 1805 г., за то, что, нарушивъ неприкосновенность прусской территоріи для того, чтобы соединиться съ Австріей, онъ скомпрометировалъ Пруссію въ глазахъ Наполеона; ставили ему въ укоръ его поведеніе въ 1806 г., когда, заставивъ Пруссію начать войну, онъ не пришелъ ей на помощь тотчасъ послѣ Іенскаго сраженія; обвиняли его за Тильзитскій договоръ (заключенный всего нѣсколько недѣль спустя послѣ Бартенштейнскаго трактата), коимъ онъ предоставилъ своего союзника во власть побѣдителя; обвиняли за Эрфуртъ, гдѣ онъ плохо защищалъ интересы Пруссіи, наконецъ за Вѣнскій конгрессъ, на которомъ, получивъ Польшу, онъ не сдержалъ своихъ обязательствъ относительно Саксоніи. Германскіе патріоты ставили также въ укоръ Александру, что онъ поощрялъ прусскаго короля и прочихъ нѣмецкихъ государей къ преслѣдованію либераловъ. Къ этому присоединилось неудовольствіе по поводу запретительной системы торговли, которой русское правительство намѣревалось слѣдовать вопреки условіямъ Вѣнскаго договора. Свобода торговли, существовавшая между прусскими владѣніями Польши и русскими ея провинціями, обезпеченная договорами 1815 и 1818 г.г., благопріятствовала торговлѣ Пруссіи въ ущербъ торговымъ интересамъ Россіи. Переговоры, которые были начаты русскимъ правительствомъ съ цѣлью измѣнить эти тягостные для него обязательства, вызвали протестъ со стороны высшихъ должностныхъ лицъ Пруссіи, коихъ Алопеусъ обви-

нялъ въ нежеланіи уладить это дѣло. Утомленный борьбою, петербургскій кабинетъ объявилъ, что онъ болѣе не считаетъ для себя обязательными постановленія договора 1818 г., обнародовалъ свой собственный запретительный тарифъ и уговорилъ короля прусскаго, который не могъ ни въ чёмъ отказать своему другу, подписать въ 1825 г. новый договоръ, столь-же выгодный для русской торговли, сколько онъ былъ разорителенъ для Пруссіи. Вопросъ объ этомъ торговомъ договорѣ, рѣшенный Россіей proprio motu во вредъ интересамъ Пруссіи, чрезвычайно взволновалъ общественное мнѣніе въ Германіи и возстановилъ его противъ русскаго царя, его правительства и противъ русскаго народа.

Что касается Фридриха-Вильгельма, то онъ не раздѣлялъ чувствъ своихъ подданныхъ и по-прежнему былъ совершенно преданъ своему царственному другу.

Александръ I скончался въ Таганрогѣ девять мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ былъ подписанъ упомянутый выше договоръ. Неожиданная кончина царя поразила прусскій дворъ. Фридрихъ-Вильгельмъ оплакивалъ потерю своего друга и боеваго товарища и былъ неутѣшенъ. «Онъ плачетъ какъ дитя», писалъ русскій посланникъ въ Берлинѣ. Въ прусской арміи былъ наложенъ трауръ на четыре недѣли. Не подлежитъ сомнѣнію, что Александръ I дѣйствительно былъ другомъ прусскаго короля, насколько позволяли интересы его собственной страны, но бывали минуты, когда эта дружба не согласовалась съ интересами Россіи; въ эти моменты царь твердо помнилъ, что онъ былъ императоромъ Россіи прежде, нежели сталъ родственникомъ короля прусскаго.

— — —

II.

Императоръ Николай I и его отношенія къ Пруссіи.—Греческое возстаніе.—Война 1828—1829 г.г. Положеніе Пруссіи.—Николай I въ Берлинѣ.—Адріанопольскій миръ.—Посылка графа Дибича въ Берлинъ.—Возстаніе поляковъ въ Варшавѣ.—Вліяніе императора Николая I на Фридриха-Вильгельма III.

Одною изъ ошибокъ Фридриха-Вильгельма I было приписывать узамъ родства, существовавшимъ между царскими дворами, рѣшающее вліяніе на ходъ политики. Пережитыя событія, доказавъ сдѣланную имъ ошибку, не исправили его въ этомъ отношеніи. Напротивъ, какъ тесть пріемника Александра I, онъ ожидалъ отъ Николая I большихъ выгодъ для Пруссіи и даже исполненія многихъ своихъ желаній, въ особенности на почвѣ торговой политики, которыхъ ему не удалось до-

стигнуть въ царствованіе Александра I. Надежды короля оказались обманчивы, въ чемъ онъ неоднократно имѣлъ случай убѣдиться съ теченіемъ времени.

Что касается личныхъ чувствъ императора Николая, то онъ высказалъ себя по отношенію къ Пруссіи, съ самаго восшествія своего на престолъ, достойнымъ сыномъ своего покойнаго отца. Посылая прусскому гвардейскому полку имени Александра, мундиръ покойнаго императора, августѣйшаго шефа этого полка, Николай Павловичъ писалъ: «Этотъ мундиръ будетъ служить для русской и для прусской арміи залогомъ того, что они всегда будутъ соединены узами дружбы и всегда будутъ дѣйствовать вмѣстѣ, когда придется защищать отечество, принципъ легитимизма и правое дѣло».

Король отвѣчалъ своему зятю подобнымъ же изліяніемъ дружескихъ и братскихъ чувствъ. Другой разъ императоръ Николай писалъ: «Королю извѣстны мои чувства къ нему; въ нихъ вся моя жизнь и мое счастье; онъ мнѣ отецъ, я ему сынъ; однимъ этимъ словомъ высказано все то, что я въ состояніи сказать самаго сильнаго и искренняго».

Но рядомъ съ сыномъ заговорилъ и императоръ, когда онъ послалъ своему посланнику въ Берлинѣ, три дня спустя послѣ своего восшествія на престолъ, инструкціи, имѣвшія цѣлью разсѣять иллюзіи, которыя могъ себѣ создать берлинскій кабинетъ.

«Было бы весьма ошибочно, писалъ вице-канцлеръ графъ Нессельроде русскому посланнику въ Берлинѣ, графу Алопеусу, основывать на отношеніяхъ близкаго родства надежды касательно того, какимъ образомъ будутъ рѣшаться въ будущемъ всѣ политическіе, торговые и финансовые вопросы, могущіе возникнуть между обоими государствами.

«Императоръ никогда не потеряетъ изъ вида благо своего государства и очевидные интересы своихъ подданныхъ; онъ будетъ безпристрастенъ, но никогда не пойдетъ на уступки, руководствуясь единственно своими личными чувствами. Таковъ будетъ образъ дѣйствій императора, въ особенности относительно польскихъ дѣлъ. Постарайтесь поэтому разсѣять съ самаго начала всѣ иллюзіи, которыя могли бы создать себѣ въ этомъ отношеніи въ Берлинѣ».

Дѣйствительно, эти иллюзіи были вскорѣ разсѣяны русскимъ посланникомъ, который дѣйствовалъ сообразуясь съ инструкціями своего двора, что было тогда же принято къ свѣдѣнію прусскимъ правительствомъ; оно припомнило это Россіи въ то время, когда Восточный вопросъ былъ поставленъ на очередь въ европейскихъ канцеляріяхъ вспыхнувшимъ въ Греціи возстаніемъ. Берлинскій кабинетъ, лично не заинтересованный въ этомъ вопросѣ и охлажденный въ высшей степени искренними, но не особенно пріятными объясненіями императора Николая, рѣшилъ послѣдовать примѣру Австріи и держаться политики не-

вмѣшательства, вполнѣ соотвѣтствовавшей спокойнымъ и миролюбивымъ наклонностямъ самого Фридриха-Вильгельма. Одобряя на словахъ политику Россіи, которая приняла грековъ подъ свою защиту и покровительство, король отказался принять участіе въ какихъ бы то ни было дѣйствіяхъ петербургскаго и лондонскаго кабинетовъ. Напрасно убѣждалъ его императоръ Николай «въ знакъ личной дружбы» присоединиться къ англо-русскому протоколу, подписанному въ С.-Петербургѣ, напрасно высказывалъ онъ свое удивленіе по поводу подобнаго образа дѣйствій. Въ этомъ случаѣ, Фридрихъ-Вильгельмъ ставилъ, въ свою очередь, интересы Пруссіи выше своихъ личныхъ дружескихъ чувствъ. Король боялся, чтобы этотъ вопросъ не вовлекъ его въ войну, которая легко могла охватить всю западную Европу, при чемъ Пруссія, въ силу ея дружественныхъ отношеній къ Россіи, могла служить мишенью для враговъ этой державы.

Рѣшеніе короля было непоколебимо; всѣ представленія русскаго кабинета остались безъ успѣха: король не присоединился къ англо-русскому протоколу и не согласился участвовать въ конференціи, созванной въ Лондонѣ для обсужденія вопроса о вмѣшательствѣ великихъ державъ въ войну для защиты греческихъ повстанцевъ противъ Порты. Онъ обставилъ свой отказъ изъявленіями дружбы, увѣрялъ, что онъ «видитъ свое счастье въ значительной степени въ благоденствіи императора», заявилъ о своемъ намѣреніи обнажить мечъ противъ всякаго, кто нападетъ на Россію, но отказался принять на себя въ этомъ отношеніи какія-либо опредѣленныя обязательства.

Предвидя близкое паденіе Турецкой имперіи, императоръ Николай I считалъ нужнымъ объявить ей войну, чтобы имѣть при дѣлежѣ право на самую большую долю, но эта война была непопулярна въ Россіи; желаніе императора раздѣляла небольшая партія лицъ военныхъ и приближенныхъ къ нему.

Возстаніе грековъ, само по себѣ, не внушало симпатіи государю; онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на мятежниковъ, возставшихъ противъ своего законнаго монарха, и вначалѣ былъ весьма далекъ отъ мысли дать свое согласіе на созданіе независимаго греческаго королевства. Объявляя войну Турціи, Николай торжественно заявилъ, что онъ не преслѣдуетъ при этомъ никакихъ завоевательныхъ цѣлей; онъ считалъ Турцію слабѣе, нежели она была на самомъ дѣлѣ, и полагалъ, что когда Россія объявитъ войну султану, то онъ поспѣшитъ капитулировать, не ожидая начала военныхъ дѣйствій. Тогда императоръ думалъ предложить ему миръ на слѣдующихъ условіяхъ: Греція останется подъ верховной властью султана, который обязуется срыть всѣ крѣпости на Дунаѣ, Босфорѣ и въ Дарданелахъ и заключить съ Россіей торговый договоръ на особо выгодныхъ для нея условіяхъ.

Это было бы блестящимъ началомъ царствованія, отмѣченнаго доблестнымъ подвигомъ, грандіознымъ и великодушнымъ политическимъ актомъ. Ни императоръ, ни его канцлеръ не допускали возможности неудачи, не допускали мысли о серьезномъ противодѣйствіи со стороны султана. Убѣжденные въ этомъ, они не вняли совѣтамъ Австріи и Пруссіи, которыя были противъ этой войны, и не сочли нужнымъ выставить противъ турокъ достаточно сильное войско.

За отсутствіемъ дѣятельной поддержки, императору было весьма важно обезпечить себѣ по крайней мѣрѣ доброжелательный нейтралитетъ Пруссіи и добиться того, чтобы король заявилъ предъ лицомъ Европы, что онъ одобряетъ поведеніе Россіи, и принялъ бы на себя обязательство защищать ее отъ нападенія, съ какой бы стороны оно ни послѣдовало. Съ этой цѣлью Николай I написалъ 28-го февраля 1828 года своему тестю письмо, прося у него нравственной поддержки, которая явилась бы гарантіей мира: «когда увидятъ, что Россія и Пруссія составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, то спокойствіе Европы не будетъ нарушено, каковы бы ни были шансы на будущее».

Эта попытка не имѣла успѣха. Король отказался дать аудіенцію русскому посланнику, которому было велѣно вручить ему это письмо; онъ заявилъ ему на придворномъ балу категорически, что онъ не можетъ оказать русскому посланнику преимущества, въ коемъ отказано прочимъ дипломатамъ. Графу Алопеусу волей-неволей пришлось передать письмо министру иностранныхъ дѣлъ. Императору такъ и не удалось добиться отъ короля тѣхъ обѣщаній, на которыя онъ разсчитывалъ; однако, король подтвердилъ, что онъ никогда не приметъ сторону враговъ Россіи; онъ сдержалъ свое обѣщаніе, отказавшись присоединиться къ Австріи для совмѣстнаго съ нею вмѣшательства въ пользу Турціи.

Съ военной точки зрѣнія турецкая война была начата съ весьма малою подготовкою. Мы уже сказали, что императоръ былъ убѣжденъ въ томъ, что султанъ не окажетъ ему серьезнаго сопротивленія. Эти надежды вскорѣ рушились и были опровергнуты печальнымъ исходомъ кампаніи 1828 г., которой австрійскіе и прусскіе военные люди съ самаго начала не предвѣщали благополучнаго исхода. Король Фридрихъ-Вильгельмъ, предувѣдомленный объ этомъ, не дозволилъ своему сыну, принцу Вильгельму (впослѣдствіи императоръ Вильгельмъ I) отправиться къ русской арміи, какъ предлагалъ ему императоръ Николай, боясь подвергнуть опасности жизнь своего сына въ войнѣ, которая была совершенно чужда интересамъ пруссаковъ; къ тому же онъ не видѣлъ въ этой войнѣ поучительной школы, такъ какъ война между Россіей и Турціей велась при совершенно иныхъ условіяхъ, нежели ведутся войны между западными державами.

Неудачный исходъ кампаніи 1828 года обманулъ всѣ ожиданія Рос-

сіи и повергъ въ глубокое уныніе берлинскій дворъ. Императоръ былъ не прочь заключить миръ, но на такихъ условіяхъ, которыя ясно доказывали, что въ немъ еще были живы нѣкоторыя изъ тѣхъ иллюзій, подъ вліяніемъ которыхъ была начата эта война. Къ числу подобныхъ иллюзій надобно отнести требованіе огромныхъ суммъ въ вознагражденіе за убытки, причиненные войною, которая ничѣмъ не была вызвана султаномъ. Послѣдній отказался вести переговоры на подобныхъ условіяхъ и вообще не соглашался считать войну проигранной.

Въ 1829 году императоръ Николай началъ вторично кампанію, которая была на этотъ разъ удачнѣе; совершивъ геройскій переходъ черезъ Балканы подъ предводительствомъ графа Дибича, русское войско овладѣло Адріанополемъ. Но побѣда обошлась дорого русскому оружію; армія была изнурена болѣзнями. Несмотря на успѣхъ, императоръ былъ утомленъ войною, исходъ которой трудно было предугадать, въ особенности при новой группировкѣ державъ: Австрія и Англія съ одной стороны, Россія и Франція—съ другой. Послѣ Вѣнскаго конгресса, на которомъ Франція защищала Саксонію въ силу принципа легитимизма и Россія, по тому же побужденію, поддерживала Бурбоновъ, странно было видѣть, что обѣ державы, дѣйствовавшія въ либеральномъ духѣ времени, произнесли приговоръ надъ султаномъ, коего права на престолъ были такъ-же древни и законны, какъ права всѣхъ прочихъ коронованныхъ особъ Европы. Но Европа давно уже привыкла считать султана внѣ общечеловѣческихъ законовъ и готова была рукоплескать всѣмъ дѣйствіямъ, направленнымъ противъ Турціи.

Энергическое сопротивленіе турокъ было не единственной причиной, заставлявшей русскаго императора желать заключенія мира: онъ опасался обще-европейской войны. Ему не нравились манифестаціи, происходившія въ пользу Греціи во Франціи; были еще нѣкоторыя другія обстоятельства, которыя его серьезно смущали. Въ виду русско-турецкой войны, которая могла повлечь за собою передѣлку карты всей Восточной Европы, французская пресса начала выражать свои желанія относительно возстановленія Рейнской границы. Въ то же время въ Польшѣ обнаружились симптомы весьма тревожнаго свойства.

Двѣ кампаніи, обошедшіяся Россіи до 200 милліоновъ рублей деньгами и для которыхъ она пожертвовала болѣе 50.000 солдатъ, привели русскую армію, 19-го августа 1829 г., подъ стѣны Адріанополя, но ея силы были недостаточны, чтобы заставить подписать миръ султана, который еще не терялъ окончательно надежды, несмотря на понесенныя имъ пораженія: Австрія и Англія видимо поощряли его продожать войну. Для того, чтобы продиктовать условія мира, русскимъ надобно было овладѣть Константинополемъ, а для этого надобно имѣть двѣ арміи въ Европѣ, одну въ Азіи и флотъ, который вошелъ бы въ Мраморное

море. Въ то время Россія не располагала столь значительными силами. Овладѣвъ Адріанополемъ, Дибичъ очутился въ этой крѣпости съ 20.000 войскомъ, истощеннымъ трудами и болѣзнями, между двумя турецкими арміями, численностью каждая 30.000 человѣкъ, изъ коихъ одна стояла въ Константинополѣ, а другая въ Софіи. Положеніе было критическое и было бы даже отчаянное, если бы между державами не существовало розни. Не будучи въ состояніи придти къ соглашенію относительно исхода войны, онѣ совѣтывали султану заключить миръ. Между кабинетами, которые особенно на этомъ настаивали, первое мѣсто занималъ берлинскій.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ императоръ Николай воспользовался бракосочетаніемъ своего зятя, принца Вильгельма съ принцессой Саксенъ-Веймарской Августой и пріѣхалъ неожиданно въ Берлинъ съ императрицей, къ великой радости короля, не ожидавшаго визита своихъ царственныхъ дѣтей.

По окончаніи придворнаго обѣда, даннаго въ честь высокихъ гостей, императоръ, бесѣдуя съ королемъ, высказалъ ему желаніе, чтобы Пруссія, какъ единственная держава не заинтересованная лично въ дѣлахъ Востока, употребила свое вліяніе на султана и побудила его заключить миръ на почетныхъ и выгодныхъ для Россіи условіяхъ. Уступая этой просьбѣ, которая соотвѣтствовала его собственнымъ желаніямъ, король командировалъ въ Константинополь Мюффлинга—одного изъ способнѣйшихъ генераловъ. Поѣздка этого генерала была обставлена глубочайшею тайною. Въ началѣ іюля генералъ Мюффлингъ исчезъ изъ Берлина. У дверей его квартиры, два дня послѣ его отъѣзда, стояли еще часовые, такъ что объ его выѣздѣ въ Берлинѣ узнали только по прошествіи нѣсколькихъ дней, когда онъ былъ уже далеко. Тогда было объявлено, что генералъ уѣхалъ на воды въ Гастейнъ. Несчастный случай едва не погубилъ дѣла, на которое оба монарха возлагали столь большія надежды: домъ, въ которомъ останавливался Мюффлингъ въ Неаполѣ, развалился въ тотъ моментъ, какъ изъ него выѣхалъ генералъ. Миссія, возложенная на прусскаго генерала была выполнена имъ вполнѣ удачно, во всякомъ случаѣ настолько, насколько это было возможно при разногласіи, существовавшемъ между европейскими кабинетами.

Блестящіе подвиги графа Дибича, увѣнчавшіеся взятіемъ Адріанополя, содѣйствіе представителей всѣхъ европейскихъ державъ въ Константинополѣ и невѣдѣніе, въ которомъ находились турки относительно разстроеннаго состоянія арміи Дибича—вотъ причины, побудившія султана уступить настояніямъ прусскаго генерала. 2-го (14-го) сентября 1829 г. былъ заключенъ Адріанопольскій миръ, упрочившій на много лѣтъ спокойствіе въ Европѣ. Императоръ Николай сдержалъ свое слово: онъ не требовалъ никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній: обезпеченіе сво-

боды христіанскихъ подданныхъ султана, автономія Молдавіи, Валахіи и Сербіи, независимость Греціи—таковы были главнѣйшіе результаты этой войны.

Заключеніе мира нигдѣ не вызвало такого удовольствія, какъ въ Берлинѣ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ, оказавъ весьма важную услугу своему зятю, работалъ для своей собственной пользы. Война Россіи съ Турціей внушала ему, какъ мы видѣли, большія опасенія: одна мысль, что ему придется, быть можетъ, принять сторону той или другой изъ воюющихъ державъ и быть вовлеченнымъ въ войну, не имѣя надежды, въ случаѣ успѣха, извлечь изъ нея какой-либо выгоды для Пруссіи, чрезвычайно тревожила и волновала короля. Поэтому извѣстіе объ окончаніи этой войны вызвало его радость тѣмъ большую, когда онъ узналъ, что Россія довольна достигнутымъ ею результатомъ.

Услуга, оказанная Европѣ Пруссіей, которая остановила движеніе русскихъ войскъ къ Константинополю, должна была снискать берлинскому кабинету признательность великихъ державъ. Въ то время, точно также какъ позднѣе, ни одна держава не допускала мысли, чтобы столица Турціи перешла въ руки Россіи: ради сохраненія карты Европы неизмѣнной въ томъ видѣ, въ какомъ она была утверждена трактатами 1815 года, легко могла возгорѣться обще-европейская война.

Императоръ Николай смотрѣлъ на Адріанопольскій миръ не болѣе, какъ на перемиріе между Россіей и Турціей; онъ признавалъ только одно рѣшеніе Восточнаго вопроса—пріобрѣтеніе Константинополя. Тѣмъ не менѣе, императоръ былъ доволенъ результатомъ, достигнутымъ цѣною огромныхъ жертвъ, и былъ искренно признателенъ своему тестю за то, что онъ способствовалъ заключенію мира.

«Принося благодареніе Богу, благословившему наши труды,—писалъ онъ королю 10-го (22-го) сентября 1829 года,—я испытываю сегодня болѣе, нежели когда-либо, потребность открыть сердце вашему величеству и выразить вамъ мою искреннюю признательность за тѣ доказательства дружбы, которыя вы давали мнѣ во время этихъ безконечныхъ осложненій».

Нѣсколько дней спустя, посылая королю копію съ Адріанопольскаго мирнаго договора, императоръ писалъ:

«Ваше величество присоединитесь къ моей радости и не откажете принять изъявленіе моей живѣйшей признательности за ваше искреннее и лойяльное содѣйствіе. Я никогда не перестану повторять вашему величеству какъ это чувство глубоко запечатлѣно въ моемъ сердцѣ».

Сослуживъ службу Россіи при заключеніи мира съ Турціей, берлинскій кабинетъ не могъ похвастать успѣхомъ, когда, принявъ на себя,

по настоянію Англіи, роль ходатая передъ петербургскимъ кабинетомъ за Порту, онъ предложилъ императору Николаю провозгласить неприкосновенность Оттоманской имперіи, какъ составной части европейскаго политическаго организма. Это предложеніе было встрѣчено въ Петербургѣ крайне несочувственно.

«Опасности, могущія угрожать Оттоманской имперіи, могутъ быть внутреннія и внѣшнія,—писалъ графъ Нассельроде въ отвѣтъ берлинскому кабинету;—если султанъ будетъ дурно управлять своей имперіей, потребуютъ ли державы, подписавшія гарантію о неприкосновенности Турціи, чтобы мы заставили его реорганизовать администрацію страны и чтобы мы приняли на себя временно обязательство руководить внутреннимъ управленіемъ Оттоманской имперіи? Ежели ей будутъ угрожать опасности извнѣ, то для всѣхъ очевидно, что онѣ могутъ проистекать единственно отъ Россіи. Слѣдовательно, Россіи предлагаютъ принять мѣры предосторожности противъ самой себя. Россію хотятъ вовлечь въ комбинацію, главнымъ объектомъ которой будетъ она сама. Императоръ никогда не согласится признать недовѣріе, ему оказываемое, справедливымъ и имѣющимъ основаніе».

Петербургскій кабинетъ отклонилъ предложеніе Англіи, выразивъ берлинскому кабинету свою признательность за то, что онъ взялся только передать ему это предложеніе, не настаивая на немъ.

Адріанопольскій миръ, какъ призналъ впослѣдствіи канцлеръ Нессельроде, установилъ самымъ формальнымъ образомъ первенствующую роль Россіи на Востокѣ; за этотъ результатъ императоръ Николай считалъ себя обязаннымъ королю прусскому; но онъ желалъ бо́льшаго—онъ желалъ обезпечить себѣ содѣйствіе этого монарха и въ особенности французскаго короля Карла X для осуществленія своихъ дальнѣйшихъ цѣлей. Достигнуть того, чтобы Россія утвердилась на Босфорѣ, Франція—на лѣвомъ берегу Рейна, а Пруссія получила бы вознагражденіе за счетъ второстепенныхъ государствъ. Германіи—таковъ былъ планъ русскаго императора, не встрѣтившій сочувствія со стороны Фридриха-Вильгельма. Прусскій король былъ не изъ тѣхъ людей, которые согласились бы на передѣлку карты Европы. Что касается Франціи, то съ паденіемъ Бурбоновъ Россія надолго оставила всякую мысль о союзѣ съ этою державою.

Не встрѣтивъ со стороны короля и его министерства сочувствія къ своимъ планамъ касательно внѣшней политики, императоръ Николай могъ разсчитывать на полную солидарность съ ними на почвѣ внутренняго государственнаго благоустройства. Уже въ царствованіе Александра I обѣ державы начали принимать сообща нѣкоторыя мѣры противъ внутреннихъ враговъ государства. Въ Пруссіи и въ Германіи были свои либералы и патріоты, называемые въ то время демагогами; въ Россіи,

кромѣ либеральной партіи была Польша, недовольная своей судьбою и вѣчно готовая къ возстанію.

По окончаніи Турецкой войны, императоръ обратилъ все свое вниманіе на эту окраину, которая начинала сильно его тревожить. Подъ вліяніемъ этихъ заботъ русское правительство настаивало на возобновленіи заключеннаго съ Берлиномъ договора о размѣнѣ и выдачѣ плѣнныхъ, коего срокъ истекъ въ 1828 году. Для Россіи этотъ вопросъ имѣлъ несравненно болѣе важное значеніе, нежели для Пруссіи: поляки то и дѣло эмигрировали въ Пруссію, уклоняясь отъ службы въ русскомъ войскѣ, тогда какъ прусскіе подданные—нѣмцы и поляки—рѣдко искали убѣжища въ Россіи по той же причинѣ. Общественное мнѣніе въ Пруссіи относилось весьма несочувственно къ этой конвенціи, которая бросала неблаговидную тѣнь на правительство, выдававшее несчастныхъ дезертировъ, которые подвергались въ сосѣднемъ государствѣ строгой карѣ законовъ.

Требованіе русскаго правительства относительно возобновленія конвенціи этимъ не ограничилось: оно выразило желаніе, чтобы эта конвенція распространялась впредь и на политическихъ преступниковъ.

Событія, совершившіяся въ Европѣ нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ были начаты помянутые переговоры, вызвали временное охлажденіе между Пруссіей и Россіей. Іюльская революція во Франціи, сентябрская—въ Бельгіи, возбудили страшный гнѣвъ императора Николая, который относился крайне враждебно ко всякому народному возстанію не только принципіально, но опасался главнымъ образомъ, чтобы примѣръ Франціи не повліялъ заразительно на Германію; въ случаѣ революціи въ этой странѣ, опасность была бы очень близка къ границамъ Россіи и Польши. Поэтому первою мыслью государя было заступиться во Франціи и Бельгіи за представителей законной династіи. Такъ какъ это было немыслимо безъ участія Пруссіи, то надобно было прежде всего заручиться ея содѣйствіемъ.

Почва для переговоровъ по этому вопросу оказалась не вполнѣ благопріятной въ Берлинѣ; особенно недружелюбно отнесся къ этой мысли самъ король. Хотя онъ вполнѣ сочувствовалъ антиреволюціонной политикѣ европейскихъ кабинетовъ, но рѣшительно не хотѣлъ вмѣшиваться во внутреннія распри сосѣднихъ государствъ. Что касалось собственно Франціи, то онъ не любилъ Бурбоновъ, не забывая того, что они отнеслись весьма несочувственно къ Пруссіи на Вѣнскомъ конгрессѣ. Наконецъ, король ясно видѣлъ, что Австрія и Англія рѣшили не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи и были готовы признать всякое правительство, какое изберетъ себѣ французскій народъ. Всѣ эти причины, само собою разумѣется, были достаточно вѣски, чтобы король отнесся сдержанно къ требованіямъ императора Николая.

14-го (26-го) августа 1829 года прибылъ въ Берлинъ фельдмаршалъ Дибичъ, которому было поручено убѣдить короля въ необходимости противодѣйствовать общими силами революціонному движенію во Франціи и Бельгіи. Король одобрилъ предложеніе императора въ принципѣ. Но отъ этого до дѣятельнаго содѣйствія было еще далеко. Онъ заявилъ русскому генералу съ первыхъ же словъ, что Пруссія не можетъ не признать, по примѣру Австріи и Англіи, правительства Людовика-Филиппа.

Король не хотѣлъ принимать противъ Франціи никакихъ агрессивныхъ и вызывающихъ мѣръ; въ особенности онъ не хотѣлъ принять на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ. Да и могъ ли онъ поступить иначе? Ему нужна была его армія для поддержанія порядка внутри государства. Въ прирейнскихъ провинціяхъ начались революціонныя манифестаціи; народъ волновался въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ и даже въ самомъ Берлинѣ; герцогъ Брауншвейгскій былъ изгнанъ революціонерами изъ своей резиденціи.

Король соглашался принять вмѣстѣ съ императоромъ только нѣкоторыя предупредительныя мѣры, чтобы не допустить агрессивныхъ дѣйствій со стороны революціонной Франціи, тогда какъ императоръ Николай требовалъ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Бельгіи.

«Я хочу сражаться не съ Бельгіей,—писалъ императоръ вице-канцлеру,—но съ революціей вообще, которая долго ли коротко, и быть можетъ гораздо скорѣе нежели думаютъ иные, будетъ угрожать намъ самимъ, если мы встрѣтимъ ее покорно».

Императоръ былъ оскорбленъ поведеніемъ прочихъ державъ, въ особенности Австріи, которая, не посовѣтовавшись съ нимъ, признала новый образъ правленія во Франціи и тѣмъ «увѣнчала революцію и узурпацію и подала примѣръ трусости».

Еще возмутительнѣе, по мнѣнію императора, былъ фактъ признанія бельгійской революціи, такъ какъ голландскій король не совершилъ, подобно Карлу X, никакого противозаконнаго поступка.

«Мы шли по пути болѣе благородному,—говоритъ императоръ въ запискѣ, имъ самимъ составленной,—мы явились единственнымъ защитникомъ справедливости и тѣмъ съумѣли успокоить гнѣвъ Англіи и Франціи». Императоръ горевалъ о распаденіи «стариннаго союза», отъ котораго отказалась даже Пруссія. Что касается Россіи, то она «должна была сохранять этотъ священный огонь», ибо, по мнѣнію императора, всѣмъ тѣмъ, кто дѣйствовалъ до тѣхъ поръ нерѣшительно, пришлось бы вскорѣ сплотиться для своего собственнаго спасенія.

«Никогда,—такъ заканчивалъ императоръ свою записку,—Россія не признаетъ короля Леопольда, она не признаетъ и Людовика-Филиппа, такъ какъ законнымъ наслѣдникомъ Карла X является герцогъ Бордосскій, а не герцогъ Орлеанскій».

Однако, король Фридрихъ-Вильгельмъ настаивалъ на признаніи императоромъ Людовика-Филиппа, видя въ этомъ единственное средство избѣгнуть обще-европейской войны. Императору Николаю пришлось наконецъ согласиться съ королемъ, впрочемъ съ оговоркою, что вновь избранный король обязуется соблюдать всѣ заключенные до тѣхъ поръ договоры. Сдѣлавъ уступку въ пользу Франціи, императоръ продолжалъ относиться въ полномъ смыслѣ слова враждебно къ новому порядку вещей, установившемуся въ Бельгіи, и настаивалъ, въ свою очередь, на томъ, чтобы Пруссія заступилась за нарушенныя права голландскаго короля.

Дальнѣйшій ходъ событій разрѣшилъ вскорѣ всѣ недоумѣнія.

Въ концѣ ноября вспыхнуло возстаніе въ Варшавѣ, отвлекшее вниманіе императора отъ Западной Европы. 26-го ноября, въ день Георгіевскаго праздника, императоръ объявилъ войскамъ о происшествіи въ Варшавѣ.

— Поляки,—сказалъ онъ,—на которыхъ мы смотрѣли какъ на братьевъ и къ которымъ мы относились какъ братья, убиваютъ нашихъ. Потерпимъ ли мы это? Надѣюсь на васъ и на вашу любовь къ отечеству. Императоръ Александръ сказалъ, что онъ не сложитъ оружія до тѣхъ поръ, пока въ Россіи останется хотя одинъ врагъ, и народъ сдержалъ его слово. Я объявляю, что не вложу меча въ ножны до тѣхъ поръ, пока пролитая кровь не будетъ отомщена. Мирнымъ—миръ, бунтовщикамъ и убійцамъ—смерть!

Прусскій кабинетъ, отказавшійся поддержать агрессивные планы царя противъ Бельгіи, безъ малѣйшаго колебанія предложилъ ему свою помощь для борьбы съ польскимъ возстаніемъ.

Въ этомъ случаѣ имъ руководила личная дружба къ императору и интересы его собственной, Прусской монархіи, такъ какъ польскія провинціи Пруссіи легко могли быть вовлечены въ возстаніе. Этотъ разъ король не остановился на полпути. По его приказанію на границу было выставлено сильное войско, сообщеніе съ Россіей было прервано, повстанцы, бѣжавшіе въ Пруссію съ оружіемъ въ рукахъ, были задержаны и нѣкоторые изъ нихъ выданы Россіи; деньги, которыя препровождались въ Польшу агентомъ Варшавскаго банка, были конфискованы.

Король прусскій чрезвычайно одобрялъ рѣшительный тонъ, принятый императоромъ по отношенію къ западнымъ державамъ, которыя намѣревались, повидимому, взять сторону поляковъ; король заявилъ съ своей стороны, что онъ также не допуститъ вмѣшательства прочихъ державъ въ этотъ вопросъ. Онъ одобрялъ также мысль императора уничтожить конституцію, данную полякамъ Александромъ I.

Такимъ образомъ, со времени Вѣнскаго конгресса, Пруссія или лучше сказать ея король оказалъ вторично услугу Россіи. Облегчивъ ей

заключеніе выгоднаго мира съ Турціей, онъ помогъ ей усмирить польскій мятежъ, не допустивъ вмѣшательства иностранныхъ державъ въ ея внутреннія дѣла.

Императоръ цѣнилъ эту услугу и доказалъ это на дѣлѣ. Сохранять дружбу Пруссіи—таковъ былъ смыслъ инструкцій, данныхъ имъ своему посланнику въ Берлинѣ; «это составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій русской политики, говорилось въ инструкціи; надобно сохранить неразрывными узы, благодаря которымъ между обоими государствами установилось единство цѣлей, а между ихъ кабинетами общность принциповъ и дѣйствій». Однако, рядомъ съ этими похвалами по адресу берлинскаго кабинета проглядываетъ и критика его дѣйствій. Въ той же инструкціи, данной посланнику въ мартѣ мѣсяцѣ 1832 года, императоръ обращаетъ вниманіе на нѣкоторое колебаніе и нѣкоторую непослѣдовательность прусской политики. Нарушивъ принципъ невмѣшательства во внутреннія дѣла Пруссіи, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру, данному Александромъ I въ послѣдніе годы его царствованія, императоръ Николай началъ энергично проводить систему вліянія, которой подчинился Фридрихъ-Вильгельмъ III и еще болѣе его преемникъ, къ великому неудовольствію всего прусскаго общества. Твердо убѣжденный съ необходимости руководствоваться при управленіи государствомъ принципомъ чистаго абсолютизма, императоръ Николай хотѣлъ предохранить свою имперію отъ вліянія западнаго либерализма и поэтому старался противодѣйствовать всѣмъ либеральнымъ начинаніямъ сосѣднихъ правительствъ. Въ этомъ отношеніи онъ могъ быть вполнѣ доволенъ Австріей. Иное дѣло Пруссія и остальная Германія, гдѣ правители могли только сдержать либеральное движеніе, къ которому присоединялось стремленіе къ національному объединенію Германіи, но не были въ состояніи окончательно подавить его. Императоръ поставилъ себѣ задачею всячески поощрять берлинскій кабинетъ къ противодѣйствію либеральной партіи, сочувствовавшей французскимъ революціонерамъ; онъ вполнѣ понималъ причину слабости короля въ этомъ отношеніи и его вѣчныхъ колебаній.

«Пруссія боится революціонной Франціи,—писалъ онъ,—она боится также общественнаго мнѣнія, которое высказывается все болѣе и болѣе за революціонныя идеи и противъ союза его правительства съ Австріей и Россіей, которыя являются защитницами монархическаго принципа».

«Мы требуемъ отъ Пруссіи,—говорилось въ инструкціяхъ русскому посланнику,—чтобы она, была вѣрна оборонительной системѣ, которой слѣдуетъ Россія. Съ своей стороны, она имѣетъ полное основаніе разсчитывать на поддержку императора въ случаѣ нападенія на нее со стороны Франціи». Что касается внутреннихъ враговъ, то императоръ объявилъ войну общественному мнѣнію въ Пруссіи, которое открыто симпатизировало революціи; чрезвычайно либеральныхъ взглядовъ дер-

жались въ то время и нѣкоторые высшіе сановники Пруссіи; эти либеральные взгляды распространялись все болѣе и болѣе, стремясь парализовать дѣятельность правительства и ослабить узы, связывавшія его съ Россіей, то-есть съ той державою, на которую особенно яростно нападали либералы.

«Общественные дѣятели Пруссіи боятся болѣе всего заслужить упрекъ въ томъ, что они поддаются вліянію Россіи и руководствуются указаніями, получаемыми изъ Петербурга,—говорилъ императоръ. На сторонѣ Россіи король, королевскій принцъ, нѣкоторые министры и генералы, не забывшіе еще наполеоновскихъ войнъ, но нельзя игнорировать того, что общественное мнѣніе среднихъ классовъ намъ неблагопріятно. Его надобно расположить къ себѣ, доказавъ, что Пруссіи нѣтъ основанія бояться Россіи, что она могла бы только выиграть отъ сближенія съ нею, и что если бы Россія стала держаться особнякомъ, то Пруссія была бы совершенно во власти Франціи. Императоръ, послѣ всѣхъ доказательствъ дружбы и лойяльности, которыя ему дала Пруссія во время польскаго возстанія, вѣчно будетъ считать себя ей обязанной. Положеніе Пруссіи въ ряду прочихъ великихъ континентальныхъ державъ несомнѣнно самое трудное и самое опасное. Достоинство императора требуетъ не оставлять ее безъ совѣта и поддержки».

Императоръ Николай изобразилъ въ своихъ инструкціяхъ какъ нельзя болѣе вѣрно состояніе умовъ въ Пруссіи и Германіи; онъ былъ правъ, объявляя войну либераламъ и общественному мнѣнію въ Пруссіи, но излагая эти инструкціи онъ забывалъ, что причиною враждебнаго отношенія либераловъ къ Россіи было то обстоятельство, что императоръ Николай своими совѣтами мѣшалъ королю выполнить либеральныя обѣщанія, данныя имъ народу въ 1813 году. Императору Николаю казалось чрезвычайно важнымъ установить извѣстную связь между политикой короля Фридриха-Вильгельма и «системой взаимо-помощи и поддержки», какъ онъ называлъ политику Россіи; его мечтою было привлечь къ этой системѣ Пруссію и Австрію, чтобы онѣ могли служить противовѣсомъ политикѣ западныхъ державъ—Франціи и Англіи.

— Считайте себя повѣреннымъ лицомъ не только при королѣ прусскомъ,—говорилъ онъ въ прощальной аудіенціи своему посланнику Рибопьеру, но довѣреннымъ при моемъ тестѣ.

При такихъ условіяхъ Рибопьеру было не особенно трудно поддерживать въ королѣ чувства преданности къ Россіи, вполнѣ отвѣчавшія самымъ сокровеннымъ желаніямъ его монарха. Прусскіе министры относились по большей части къ либераламъ враждебно, слѣдовательно русскому посланнику и въ этомъ отношеніи не стоило труда исполнить инструкціи царя. Подобно своему предмѣстнику, Алопеусу, онъ жаловался на прусскія газеты, «которыя не переставали оплакивать судьбу

Польши не изъ сочувствія къ мятежникамъ и даже не изъ ненависти къ Россіи, но единственно изъ враждебнаго чувства къ державѣ, которую они имѣли полное основаніе считать представительницею легитимизма и самой твердой его опорой». Русское правительство рѣшило бороться съ печатнымъ словомъ тѣмъ же орудіемъ и заручилось содѣйствіемъ одной вліятельной берлинской газеты, въ которой начали помѣщать статьи, сочувственныя Россіи. Ансильонъ, глава прусскаго министерства, поддерживалъ посланника въ его стараніяхъ и проповѣдывалъ самыя энергичныя мѣры противъ «революціоннаго духа», какъ называли тогда всякую оппозицію противъ абсолютизма.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Блажь старца.

Что ты, старинушка, Русь православная,
Силой могучая, доблестью славная,
Русскою грамоткой такъ занялась?
Аль онѣмечилась рѣчь твоя ясная,
Чистая русская, формой прекрасная,
Видно въ ней тля развелась?
Что-то не искрится рѣчь изумрудная
Полная прелести грамата чудная,
Чѣмъ мы гордились не разъ.
Словно піявица скользкая, гладкая
Съ виду сердечная, къ алчности падкая,
Рѣчь басурманская къ намъ привилась.
Что было русскаго всё испарилося,
Какъ не чуралися, съ силой явилося
Намъ и вздохнуть не даютъ.
Нынче и неучи сильно куражутся,
Скромность и знаніе какъ-то невяжутся,
Въ честь краснобаи ползутъ.
Родина милая, гдѣ твои стольники,
Нетіи, кравчіе, гдѣ же сокольники?
Вѣтромъ ли всѣхъ унесло?
Пѣсеньку-ль станешь пѣть ты обычную,
Тянешь всё нотку одну горемычную,
Что было мило, быльемъ поросло.
Ѣдишь бывало пошлой [1]) дорожкою,
Рысью-ли скачешь, ножка-ль за ножкою,
Кони домой довезутъ.
Нынче поѣдишъ, сильно измаишся,
Всѣмъ святымъ молишся, духомъ покаишся,
Раньше чѣмъ въ путь повезутъ.
Ѣдишь въ повозочкѣ—далью любуешся,
Ѣдишь чугункою—только волнуешся,
Тамъ на людей не глядятъ.
Лѣсомъ поѣдишь—тишь благодатная
Чудно такъ дышится, свѣжесть пріятная
Кости всѣ цѣлы, бока не болятъ.

Ив. А. С—въ.

---

[1]) Проселочною.

Изъ воспоминаній о Венгерской кампаніи 1849 года.

(Адъютанта графа Ѳ. В. Ридигера).

Венгерская кампанія 1849 года всегда будетъ занимать важное мѣсто въ военной исторіи по цѣли, съ которою была ведена, и по ея вліянію на всю Европу.

Не мнѣ разбирать, гдѣ и въ чемъ былъ первый зародышъ венгерскаго возстанія и какъ оно росло и устроилось; но въ исторіи вѣковъ нѣтъ другаго примѣра, чтобы революціонная партія такъ тайно и такъ скоро осуществилась и въ такое короткое время поставила столь многочисленную, хорошо устроенную и обученную армію. Формируясь незамѣтно, по частямъ, она усиливалась ежедневно, и возможность, а вмѣстѣ и причины такого быстраго развитія народныхъ силъ заключались, съ одной стороны, въ одушевленіи венгерцевъ къ дѣлу, казавшемуся имъ правымъ, съ другой—въ необыкновенныхъ дарованіяхъ молодыхъ и полныхъ энергіи предводителей, каковы были Гергей, Клапка и другіе. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мятежная армія увеличилась до такой степени, что Австрія, съ 20-ю тысячами регулярнаго войска, не могла ей противостоять, и сверхъ потерь, которыя испытала черезъ переходъ солдатъ массами въ венгерскіе ряды, претерпѣвала безпрерывныя пораженія. Словомъ, въ апрѣлѣ 1849 года Австрія, разрознивъ свои силы между двумя уже вспыхнувшими мятежами (въ Италіи и въ Венгріи) и третьимъ, ежеминутно грозившимъ (въ Богеміи), была на краю гибели. Въ такомъ положеніи она должна была обратить на себя вниманіе всей охранительной Европы, въ особенности же Россіи, не только какъ давней ея союзницы, но и какъ представительницы всѣхъ элементовъ спокойствія и вѣрности монархическому началу. Эта союзница, сверхъ

того, болѣе нежели кто-либо, имѣла и право на содѣйствіе въ усмиреніи возстанія, потому что въ Венгерскомъ мятежѣ приняли дѣятельное участіе поляки, съ видами освобожденія Польши. Предчувствуя свое высокое назначеніе, Россія стояла подъ ружьемъ и слѣдила за ходомъ дѣлъ. Когда наши войска вступили на границу, то Кошутъ вздрогнулъ въ Дебречинѣ, а Гергей сказалъ, что для его отечества—все кончено. Демократическая партія въ Европѣ съ худо скрываемымъ ужасомъ смотрѣла на громады нашихъ войскъ, переходившихъ Карпаты; и по первому слову русскаго царя: «разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!»—все приняло другой оборотъ.

Во время Венгерской кампаніи я былъ адъютантомъ при командирѣ 3-го пѣхотнаго корпуса, графѣ Ѳедорѣ Васильевичѣ Ридигерѣ, и благодаря ласковому его вниманію, находился всегда при главной квартирѣ—центрѣ и источникѣ всѣхъ военныхъ соображеній и распоряженій.

— — — —

I.

Краковъ.—Отношенія русскихъ войскъ къ австрійскимъ.—Обѣдъ въ Дворянскомъ собраніи.—Переходъ чрезъ Карпаты.

По выступленіи нашихъ войскъ изъ Царства Польскаго, штабъ 3-го пѣхотнаго корпуса, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Ридигера, отправленъ былъ по желѣзной дорогѣ прямо въ Краковъ, куда мы прибыли къ 7-ми часамъ вечера 8-го мая. Краковъ былъ гнѣздомъ польской революціи, и какъ мы свѣжо еще помнили 1846 годъ, въ которомъ возстаніе и диктаторство Тиссовскаго имѣли цѣлью возстановленіе Польши, то предусмотрительный начальникъ призналъ нужнымъ особенно остеречься въ выборѣ дома для своего мѣстопребыванія. Ему приготовили свои великолѣпные дворцы графъ Адамъ Потоцкій и графиня Платеръ; но Ридигеръ, съ изъявленіемъ всей своей благодарности за гостепріимство, остановился въ домѣ банкира Гецеля, котораго давно считалъ за честнаго человѣка. Къ пріему русскаго командира сдѣланы были въ Краковѣ большія приготовленія. Хоръ музыки австрійскаго полка, имени князя Лихтенштейна, въ бѣлыхъ мундирахъ, съ свѣтло-зеленымп откидными воротниками, и на правомъ флангѣ все австрійское начальство, находившееся въ городѣ, ожидали пріѣзда графа. Музыка играла нашъ народный гимнъ «Боже царя храни!» Выстроенный баталіонъ салютовалъ съ крикомъ «ура». Домъ банкира Гецеля, гдѣ мы остановились, находился на большой площади, покрытой густыми массами народа, стоявшаго до поздняго вечера, а когда стемнѣло къ толпѣ присоединился огромный факельный

ходъ. Молодая дѣвица поднесла графу букетъ цвѣтовъ, а какой-то чиновникъ, въ краковскомъ національномъ костюмѣ, прочелъ хвалебную рѣчь. Графъ Ридигеръ отвѣчалъ ласково и выразительно. Энтузіазмъ былъ всеобщій и многіе выражали надежду на успѣшное окончаніе дѣлъ.

Штабъ 3-го корпуса квартировалъ въ Краковѣ около двухъ недѣль, и въ это время до пріѣзда императора и генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, войска состояли подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Ридигера. Обращеніе австрійскихъ солдатъ съ нашими было, въ началѣ, очень хорошее и дружелюбное. Въ первые дни можно было видѣть, какъ русскій солдатъ гулялъ подъ руку съ австрійскимъ, какъ они угощали другъ друга и пили вмѣстѣ за здоровье обоихъ императоровъ и совмѣстный успѣхъ войны. Въ главной краковской гостиницѣ «Бѣлая Роза», гдѣ собирается весь городъ, и особенно военные, сходились наши офицеры и знакомились съ австрійскими. Пріемъ былъ самый ласковый и сердечный. Вездѣ висѣли портреты обоихъ государей и при крикахъ «ура» называли имена ихъ величествъ всегда вмѣстѣ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ нашего прихода устроили обѣдъ въ залѣ Дворянскаго собранія, съ общаго согласія и на общій счетъ. Обѣдъ, прислуга, устройство залы—были великолѣпны. Наши мундиры виднѣлись вездѣ между австрійскими, а перемѣшанныя знамена, ружья и сабли украшали стѣны залы. Въ одномъ ея концѣ играла музыка австрійская, въ другомъ—русская. Особенно отличались и восхищали всѣхъ наши пѣсенники Елецкаго полка—вещь для иностранцевъ совершенно новая, а между тѣмъ такъ вѣрно выражающая молодеческій духъ русскаго солдата; зато наши молодцы и были щедро награждены австрійскими гостями. Когда окончился обѣдъ, на нѣкоторые столы взгромоздили стулья, а на стулья взлѣзали поперемѣнно то тотъ, то другой изъ гостей и при поднятыхъ бокалахъ шампанскаго съ этихъ временныхъ троновъ лились пылкія и увлекательныя рѣчи. Послѣ нѣсколькихъ часовъ такого разгульнаго пированія всѣ разошлись съ дружескими объятіями и съ чувствами единства и согласія.

Къ сожалѣнію, это не долго продолжалось и ближайшее знакомство рѣзко выказало разность между характерами русскихъ и австрійцевъ.

Пребываніе наше въ Краковѣ было употреблено для собиранія свѣдѣній о положеніи и силѣ непріятеля и о другихъ обстоятельствахъ, касавшихся до него. Затруднительно было находить хорошихъ лазутчиковъ, особенно въ первое время, когда появленіе русскихъ объяло ужасомъ всѣхъ жителей. Вездѣ, куда мы приходили, села были совершенно пусты; люди убѣгали и скрывались въ лѣсахъ; съ другой стороны, несмотря на строгое запрещеніе и на всѣ принятыя предосторожности, трудно было совсѣмъ пресѣчь и отвратить грабежи. Казаки особенно подвизались въ этомъ ремеслѣ и навели такой паническій страхъ, что

двое подобныхъ молодцевъ разгоняли цѣлую деревню, а потомъ грабили вволю. Вскорѣ, однако, генералъ-фельдмаршалъ положилъ этому конецъ, приказавъ полковымъ командирамъ уплачивать за все украденное.

Главные и лучшіе лазутчики были евреи; но случалось, что они брали деньги съ обѣихъ сторонъ. Генералъ Зассъ, привыкшій, еще со службы своей на Кавказѣ, часто употреблять лазутчиковъ, нашелъ прекрасный способъ обращать на это дѣло евреевъ; зная семейную ихъ привязанность, онъ, при посылкѣ еврея къ непріятелю, отбиралъ у него жену и отдавалъ ее, вмѣстѣ съ наградою, не прежде, какъ по принесеніи вѣрныхъ свѣдѣній.

Въ Краковѣ жилъ родной дядя Гергея, и графъ Ридигеръ, случайно съ нимъ познакомившись, къ удивленію своему узналъ, что племянникъ его Гергей и все венгерское войско оживлены монархическимъ духомъ; что они нисколько не думаютъ о республикѣ; строго осуждаютъ декретъ 14-го апрѣля о низверженіи царствующаго Габсбургскаго дома и хотятъ только утвержденія прагматической санкціи и охраненія содержащихся въ ней привилегій. Дядя Гергея прибавилъ, что декретъ 14-го апрѣля былъ причиною разрыва его племянника съ Кошутомъ, что онъ совершенно отдѣлился отъ послѣдняго, и что въ этой распрѣ таится будущая развязка судебъ Венгріи.

Мы провели въ Краковѣ, какъ я уже сказалъ, около двухъ недѣль, когда пришло извѣстіе изъ Варшавы, что императоръ Николай I удостоитъ войско своимъ посѣщеніемъ. Молва о пріѣздѣ государя распространилась повсюду и каждый выросъ на аршинъ. Его величество, въ сопровожденіи генералъ-фельдмаршала, изволилъ прибыть въ Краковъ 2-го іюня въ половинѣ дня, при прекраснѣйшей погодѣ и, отобѣдавъ, отправился въ Галицію, въ городъ Змигродъ, гдѣ находились главныя силы.

Нашъ 3-й корпусъ получилъ приказаніе двинуться чрезъ Карпаты на Кашау. Переходъ Галиціею, гдѣ мы должны были идти по самымъ потаеннымъ дорогамъ, былъ очень затруднителенъ. Пѣшій солдатъ и даже конный, пройдутъ вездѣ, но обозу, зарядамъ ящикамъ и артиллеріи нужна удобная дорога, а тамъ были однѣ неровныя, каменистыя тропы. Но походная кузница всему помогала, и мы прошли ужасныя пропасти и горы удивительно скоро и безъ значительныхъ потерь. Если бы я былъ живописецъ или поэтъ, я описалъ бы тѣ великолѣпные виды, которые намъ встрѣчались дорогою между горами. Невыразимо чувство сѣвернаго жителя, когда послѣ равнинъ и степей, передъ нимъ вдругъ громоздятся эти высокіе исполины будто столбы міра, освѣщенные чуднымъ небомъ. Тутъ передъ вами равнина, точно вставленная въ раму высокихъ горъ, увѣнчанныхъ темно-синими ледниками и блещущимъ какъ алмазъ снѣгомъ; тамъ необъятной глубины пропасти, на днѣ которыхъ струится ручей или съ шумомъ и

брызгами рвется водопадъ, испуская изъ себя тысячи радугъ. Душа расширяется при видѣ этихъ дивныхъ картинъ природы, но сердце невольно сжималось при мысли, что этому прекрасному краю, кормилицѣ Венгріи, суждено было сдѣлаться театромъ или по крайней мѣрѣ преддверіемъ войны и всѣхъ ужасовъ, всѣхъ бѣдствій, которыя она влечетъ за собою. На пути мы находили вездѣ возмутительные манифесты Кошута, въ которыхъ изображали русскихъ какъ черную смерть, какъ олицетворенную холеру, съ рогами и съ огнемъ въ рукахъ; и не мудрено послѣ того, что въ краѣ, гдѣ понятіе о насъ составляли себѣ только по такимъ манифестамъ, все бѣжало передъ нашимъ появленіемъ. Послѣ, однакожъ, когда жители убѣдились въ ложности наскаженнаго имъ и когда за все стали платить, народъ встрѣчалъ насъ ласково и довѣрчиво и даже дѣлилъ съ нами послѣднее.

II.

Люблау (Любло).—Тамошній ксендзъ.—Первые плѣнные.—Тревога.—Гетарсъ.

Мы дошли въ Галиціи до мѣстечка Липникъ, когда, 5-го іюня флигель-адъютантъ полковникъ Адлербергъ привезъ приказаніе генералъ-фельдмаршала двинуться впередъ, по направленію къ Эперіесу, и примкнуть къ правому флангу главныхъ силъ. Это движеніе, важное для скорѣйшаго соединенія армій, отъ котораго все зависѣло, было исполнено съ удивительною осмотрительностью и точностью. Дорога шла на Люблау (Любло)—мѣстечко на самой границѣ Галиціи; только маленькая рѣка отдѣляла его отъ Венгріи.

Нашъ штабъ дневалъ 6-го іюня въ Люблау, старомъ замкѣ, лежащемъ на горѣ. Находясь уже почти одною ногою на непріятельской землѣ, необходимо было прежде всего собрать вѣрныя свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что непріятель, какъ говорили, расположился въ окрестностяхъ. Въ Венгріи главными зачинщиками и, такъ сказать, авторитетомъ, было духовенство, особенно лютеранское, къ исповѣданію котораго принадлежалъ Кошутъ. Оно было душою всѣхъ дѣйствій, главнымъ орудіемъ мятежнаго правительства. При большей всѣхъ другихъ классовъ образованности, духовенство могло легко завладѣть умами жителей, и Кошутъ, понимая важность этого вліянія, пользовался имъ. Костелы оглашались проповѣдью возстанія и въ нихъ же, именемъ религіи и Кошута, раздавали возмутительные манифесты, присланные изъ высокаго совѣта дебречинскаго. Словомъ, все мѣстное управленіе сосредоточивалось въ рукахъ духовенства. Не знаю, какимъ образомъ узнали, что

ксендзъ церкви въ Люблау есть одинъ изъ ревностныхъ сподвижниковъ революціоннаго правительства. Корпусный командиръ приказалъ его взять и представить къ себѣ. Ксендза привели въ штабъ, и хотя онъ долго отпирался отъ всякаго знанія о положеніи непріятельскихъ войскъ, но собственныя его слова обращались болѣе къ уликѣ его, нежели къ оправданію. Графъ Ридигеръ возложилъ на генеральнаго штаба штабсъ-капитана Витковскаго допросить ксендза и непремѣнно вывѣдать истину. Я случайно присутствовалъ при этомъ допросѣ. Ксендзъ по прежнему отпирался; мы ему сулили всѣ богатства міра, но онъ все увѣрялъ, что ничего не знаетъ. Его стерегъ вооруженный казакъ, и мнѣ пришла тутъ смѣшная мысль. Штабъ былъ расположенъ въ сараѣ, въ углу котораго стояла большая бочка съ водою.

— Знаешь ли ты что такое инквизиція?—спросилъ я ксендза.

— Знаю.

— Ну, такъ полѣзай же въ эту бочку и если тотчасъ не признаешься во всемъ, я тебя утоплю.

Раздѣли мы его со всѣми церемоніями, но нашъ плѣнникъ не хотѣлъ войти въ бочку, и казакъ принужденъ былъ посадить его туда силою. Тогда я велѣлъ послѣднему навести на ксендза заряженный пистолетъ съ тѣмъ, чтобы выстрѣлить по моему приказанію. Все это было, разумѣется, только шуткою, для устрашенія ксендза, но ему самому казалось дѣломъ слишкомъ серьезнымъ. Какъ только онъ опять сталъ отнѣкиваться, я махнулъ казаку, который взвелъ курокъ, а ксендзъ въ испугѣ нырнулъ въ воду, въ надеждѣ спастись, но, задыхаясь, скоро опять высунулъ голову. Это повторялъ я нѣсколько разъ, при смѣхѣ присутствовавшихъ, пока наконецъ мой ксендзъ, утомясь, измучившись и видя, что нѣтъ спасенія, во всемъ покаялся и сообщилъ намъ немаловажныя извѣстія. Они состояли въ томъ, что непріятель, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ, находится у мѣстечка Зебенъ (Сабиновъ), за Гетарсомъ. Когда главныя наши силы пришли къ Плавницамъ, показаніе это, при сдѣланной рекогносцировкѣ, оказалось совершенно справедливымъ. Между тѣмъ изъ Люблау графъ отправилъ казачій полкъ № 15-й въ мѣстечко Полочъ, при которомъ, какъ говорили, находилась въ лѣсу рухавка [1]) мятежниковъ; и въ самомъ дѣлѣ, скоро раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и къ вечеру казаки привели человѣкъ двадцать плѣнныхъ, но все почти мальчиковъ лѣтъ 14-ти или 15-ти. Едва вѣря нашимъ глазамъ при видѣ такихъ дѣтей, мы узнали, что ихъ набирали для форпостной службы, сажали по деревнямъ, заставляли сторожить, а при случаѣ и стрѣлять. Фанатизмъ въ краѣ былъ таковъ, что тутъ служили сыновья лучшихъ фамилій. Они были въ сѣрыхъ мундирахъ

[1]) Рухавка значитъ—вооруженная шайка всякаго сброда.

съ длинными воротниками, на которыхъ званіе унтеръ-офицеровъ и старшихъ означалось звѣздочками, какъ у австрійцевъ. Жаль было смотрѣть на этихъ дѣтей, но они, одушевленныя отвагою молодыхъ лѣтъ, нисколько не терялись. Корпусный командиръ распорядился о сдачѣ ихъ въ австрійскій караулъ; но прежде велѣлъ мнѣ ихъ собрать и показать войску. Я повелъ моихъ мальчиковъ по фронту, расположенному невдалекѣ бивуакомъ. Обращаясь съ ними, какъ съ дѣтьми, наши солдаты давали имъ сухари и трепали по щекамъ.

Я упомянулъ уже о показаніи ксендза, что около Гетарса стоитъ непріятельское войско. Авангардъ нашъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Лисецкаго, перешелъ за Люблау и расположился на возвышенностяхъ въ Плавницахъ, въ направленіи къ Гетарсу. Вдругъ послышались выстрѣлы въ Люблау, ударили тревогу и вмигъ все было на ногахъ и на мѣстѣ. Графъ тотчасъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ со свитою къ авангарду. Вотъ что случилось: непріятельскій отрядъ, увидя наблюдавшихъ его у Гетарса казаковъ, подумалъ, что кромѣ ихъ нѣтъ тутъ никого, и съ 3-мя тысячами человѣкъ и двумя орудіями сталъ атаковать; но онъ наткнулся на нашу пѣхоту и артиллерію, заблаговременно и искусно расположенную, подъ командою храбраго полковника Лисенки, самимъ графомъ Ридигеромъ. Неожиданно встрѣченные этою артиллеріею и принятые въ штыки, двумя баталіонами Полоцкаго полка мятежники были совершенно опрокинуты и потеряли около 300 человѣкъ ранеными и убитыми. Потомъ кавалерія и казаки долго еще ихъ преслѣдовали, и такимъ образомъ довершили этотъ блистательный, первый въ настоящую кампанію, подвигъ.

Послѣ долгаго похода по сильному жару въ мѣстахъ, оставленныхъ жителями, наши солдаты только и ждали случая сразиться, чѣмъ легко объясняется ожесточеніе, съ которымъ они дрались въ эту первую стычку. Изъ офицеровъ былъ тутъ раненъ въ грудь поручикъ Уланскаго его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича полка, Гуюсъ. Непріятельскія войска находились подъ командою Высоцкаго, поляка, который считалъ, вѣроятно, за счастье первый вступить въ бой съ русскими, но ошибся въ своихъ надеждахъ. Молва объ этомъ дѣлѣ скоро распространилась и, произведя сильное моральное впечатлѣніе, проложила путь къ дальнѣйшимъ успѣхамъ.

III.

Эперіешъ.—Кашау.—Форо.—Положеніе Кошута и Гергея.—Потеря надежды на успѣхъ дѣйствій.

Генералъ-фельдмаршалъ назначилъ всѣмъ силамъ соединиться, 18-го іюня, въ Эперіешѣ. Переходъ нашъ туда былъ весьма затруднителенъ, ибо пока главныя силы шли по шоссе, намъ надлежало пробираться по утесистымъ проселкамъ и по горамъ, гдѣ на каждомъ шагу струились рѣки и ключи. Для исправленія дорогъ и мостовъ, испорченныхъ непріятелемъ, посланъ былъ впередъ саперный баталіонъ, и это одно дало намъ возможность поспѣть во-время въ Эперіешъ. Поразительно было видѣть, когда вдругъ по двумъ различнымъ улицамъ, стекающимся къ одной большой площади, сошлись, какъ сговорено было, въ одно и то же время, главныя войска при генералъ-фельдмаршалѣ—изъ Дуклы и войска 3-го корпуса, при графѣ Ридигерѣ—изъ Плавницъ, до такой степени вѣрно были разсчитаны маршруты. Идя отъ Неймарка прямо на Кашау, графъ могъ прибыть еще днемъ ранѣе, но ему предписано было идти на Люблау и дневать одинъ день въ горахъ, именно для того, чтобы соединиться въ Эперіешѣ всѣмъ въ одно время. Генералъ-фельдмаршалъ, во главѣ своихъ войскъ, въ бѣлой шапкѣ, на конѣ, завидѣвъ графа Ридигера, рысью подъѣхалъ къ нему и они сердечно обнялись. Вступленіе войскъ въ Эперіешъ было истинно великолѣпно! Извѣстіе о гетгарскомъ дѣлѣ успѣло уже дойти сюда, и видно было, что оно полезно подѣйствовало на умы. День былъ чудесный, всѣ окна раскрыты, и дамы, въ роскошныхъ нарядахъ, махая бѣлыми платками, бросали изъ оконъ въ фельдмаршала цвѣтами, тогда какъ другія усыпали ими улицу. Дома были украшены развѣшаннымп коврами и улицы наполнены народомъ. Эперіешъ особенно отличился своимъ торжественнымъ пріемомъ, какъ въ этотъ разъ, такъ и на обратномъ нашемъ пути, когда пріемъ и празднованіе были еще великолѣпнѣе. Намъ сказали, впрочемъ, что точно такъ-же принималъ этотъ городъ и австрійцевъ, и венгерцевъ и оттого только и уцѣлѣлъ. Обыкновенно въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, черезъ которые проходили войска, вывѣшивались флаги: для насъ бѣлые, для австрійцевъ—желтые съ чернымъ, а для венгерцевъ—зеленые съ краснымъ, и каждый домъ имѣлъ въ готовности такихъ три флага, которые выносились по мѣрѣ надобности. Въ Эперіешѣ случилось отъ этого забавное обстоятельство. Венгерцы выходили съ одного конца города въ то самое время, какъ мы входили съ другого, и на башнѣ ратуши забыли или не успѣли снять зеленаго съ краснымъ флага; замѣтивъ это, я въ сердцахъ сказалъ начальнику города, тотъ перепугался не на шутку.

стрѣлою побѣжалъ въ ратушу, и самъ, выставя тамъ бѣлый флагъ, доложилъ мнѣ, прося пощадить его.

Въ Эперіешѣ мы пробыли пока собрались всѣ остальныя войска. Они проходили цѣлый день и цѣлую ночь, такъ что жители дивились многочисленности нашей арміи, которой, дѣйствительно, стеклось тутъ около 100 тысячъ человѣкъ.

Изъ Эперіеша отправились мы, 14-го іюня, въ Кашау, гдѣ было повтореніе эперіесшкаго пріема. Непріятель все отступалъ и часто приходилось ночевать въ тѣхъ домахъ, на дверяхъ которыхъ не были еще стерты надписи, сдѣланныя венгерскими вахмистрами краснымъ карандашемъ: Высоцкому, Бетлену и т. д. 18-го іюня достигли мы Форо, гдѣ дневали, и 23-го іюня мы двинулись къ Мишколцу, гдѣ была уже главная квартира арміи, и войска, не доходя до города, расположились бивуаками при деревнѣ Зольчѣ. Здѣсь получены были свѣдѣнія, что между венгерцами господствуетъ уже большое смятеніе, и появленіе русскихъ въ сердцѣ Венгріи перемѣнило мнѣніе объ удачныхъ дѣйствіяхъ, возвѣщенныхъ Кошутомъ. Говорили, что Офенъ и Пештъ оставлены венгенцами, что значительныя скопища находятся на Тейссѣ, въ Шолнокѣ и Миклосѣ, и что Кошутъ съ своимъ министерствомъ бѣжалъ въ Шегединъ. Жители же, ободряясь ласковымъ нашимъ обращеніемъ, возвращались въ свои дома и съ радушіемъ принимали наши войска. Это особенно замѣтно было въ Мишколцѣ, городѣ многолюдномъ, гдѣ жила большая часть дворянства. Народъ, изнуренный войною, безъ денегъ и въ недоумѣніи кого слушать, былъ очень радъ предстоявшей перемѣнѣ и съ восторгомъ говорилъ о занятіи Дебречина нашими войсками. Всѣ, или большая часть, поняли наконецъ свое положеніе и жаждали только скорѣйшаго конца и развязки. Въ Мишколцѣ представилась генералъ-фельдмаршалу депутація, которая благословляла русское оружіе и просила принять мѣры, сколько можно строгія, для успокоенія края. Довѣренность была только къ русскимъ, ибо хотя по всему краю ходили прокламаціи Кошута, призывавшія народъ къ поголовному противъ насъ возстанію, но въ этомъ одномъ и заключались всѣ дѣйствія венгерскаго правительства, котораго слѣдовъ или существованія на самомъ дѣлѣ нигдѣ болѣе не было видно. Въ упомянутыхъ прокламаціяхъ объявлялось всенародно, что венгерцамъ ни на чью помощь разсчитывать нельзя, и что они должны бороться и спасти отечество собственными средствами. Для вящшаго воспламененія умовъ разосланы были на этотъ случай особыя молитвы, и сверхъ того въ газетахъ писали о жестокомъ обращеніи русскихъ съ жителями и съ плѣнными. Но всѣ эти воззванія и извѣстія не производили никакого впечатлѣнія, потому что народъ самъ наглядно удостовѣрялся въ противномъ. Общее уныніе замѣнило прежнія блестящія мечтанія патріотовъ, и Кошутъ былъ свергнутъ съ ал-

таря своей славы. Тайная надежда оставалась еще на армію Гергея и южную, но послѣдующія неудачи, разрушивъ и этотъ камень оплота, еще болѣе способствовали къ общему разочарованію.

IV.

Отношенія Гергея къ Кошуту и къ арміи.—Начало переговоровъ.—Парламентеры.—Моя поѣздка въ Вилагошъ.

Не касаясь подробностей хода военныхъ дѣйствій, я перейду прямо къ описанію эпохи, въ которой принималъ личное участіе, эпохи, трагической для одной стороны и столь блистательной для другой. Признаюсь, не могу не ощутить здѣсь нѣкотораго смущенія. Въ моей, не очень еще богатой опытами жизни, это время оставило много живыхъ, сильныхъ впечатлѣній и въ умѣ, и въ сердцѣ, можетъ быть такихъ, какихъ никогда впередъ не придется мнѣ испытать. Судьбы обширнаго, цвѣтущаго края, обманутаго и ввергнутаго въ несчастье нѣсколькими злоумышленниками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и личныя судьбы человѣка, въ такое короткое время успѣвшаго пріобрѣсть себѣ столько славы, должны были рѣшиться въ моихъ глазахъ. Какъ извѣстно уже было, что армія непріятельская сосредоточивается около Гроссвардейна, то войска наши были направлены туда изъ Дебречина 27-го іюля, съ возможною поспѣшностью, и графу Ридигеру, для настиженія Гергея, даны были 2-я и 3-я кавалерійскія дивизіи и нѣсколько батарей конной артиллеріи. Весело и восхитительно было смотрѣть на эти славные полки кавалеріи, подъ начальствомъ такого кавалерійскаго генерала, каковъ графъ Ридигеръ. Въ качествѣ адъютанта я, разумѣется, оставался также при немъ. Въ деревнѣ Мезо-Керештъ, проходя черезъ густой лѣсъ, мы завидѣли нѣсколькихъ венгерскихъ офицеровъ, въ сопровожденіи эскадрона ихъ гусаръ. Это были первые парламентеры отъ Гергея. Тѣ, которыхъ послали въ австрійскую армію, были тотчасъ взяты въ плѣнъ, несмотря на неприкосновенность ихъ званія. Пришедшіе къ намъ не знали еще насъ и боялись, что и мы поступимъ съ ними такимъ же образомъ. Но графъ ласково ихъ принялъ и остановился съ ними въ первой деревнѣ, гдѣ назначался ночлегъ. Парламентерами были: генералъ Пелтенбергъ, корпусный командиръ арміи Гергея, полковникъ Бенецкій и ротмистръ графъ Бетленъ-де-Габоръ, потомокъ царственной фамиліи гуніядовъ. Они привезли письмо Гергея графу Ридигеру слѣдующаго содержанія:

«Генералъ! Вамъ, нѣтъ сомнѣнія, извѣстна печальная судьба моего отечества. Я не буду утомлять васъ изложеніемъ всѣхъ тѣсно соединенныхъ между собою обстоятельствъ и происшествій, вовлекавшихъ насъ

все болѣе и болѣе въ отчаянную борьбу сперва за наши законныя права и свободу, потомъ уже за самое существованіе наше.

«Лучшая и, я долженъ прибавить, большая часть націи нелегкомысленно и опрометчиво вступила въ эту борьбу. Съ содѣйствіемъ многихъ благородныхъ и доблестныхъ людей, которые хотя по происхожденію своему и не принадлежатъ нашей націи, но по разнымъ отношеніямъ тѣсно съ нею соединились, борьба сія ведена была съ нашей стороны честно, мужественно и побѣдоносно.

«Тогда политика европейскихъ державъ допустила, чтобы его величество императоръ русскій соединился съ Австріей и помогъ ей низложить насъ и положить преграду дальнѣйшей борьбѣ за законныя права венгерскаго народа. Событія совершились и цѣль эта достигнута нынѣ.

«Многіе изъ добрыхъ и истинныхъ патріотовъ венгерскихъ предвидѣли исходъ и предвѣщали о томъ, остерегая.

«Исторія нашей эпохи разъяснитъ современемъ, что̀ побудило временное правительство Венгріи не обратить вниманія на эти совѣты и предостереженія.

«Временное правительство это уже не существуетъ болѣе. Наступившій часъ грозной опасности выказалъ вполнѣ его слабость.

«Я, хотя и предпочитаю всегда дѣйствіе, но не безполезное и тщетное, призналъ дальнѣйшее кровопролитіе гибельнымъ для Венгріи, бывъ такого мнѣнія и при самомъ началѣ вторженія русскихъ, и предложилъ нынѣ временному правительству сложить съ себя власть, ибо дальнѣйшее существованіе его дѣлало судьбу отечества съ каждымъ днемъ тягостнѣе и бѣдственнѣе.

«Временное правительство признало это и, сложивъ добровольно съ себя власть, передало ее въ мои руки.

«Пользуясь этимъ обстоятельствомъ и побуждаемый самыми чистыми убѣжденіями, дабы остановить пролитіе крови человѣческой и дабы избавить отъ бѣдствій войны моихъ мирныхъ согражданъ, которыхъ долѣе защищать я не въ силахъ, я безусловно складываю оружіе и тѣмъ подаю примѣръ предводителямъ всѣхъ отдѣльныхъ отрядовъ венгерской арміи, которые можетъ быть признаютъ, подобно мнѣ, что рѣшеніе это есть самое выгодное для Венгріи, и сдѣлаютъ, что я дѣлаю.

«Я полагаюсь въ этомъ случаѣ на столь прославленное великодушіе его величества Царя, въ твердомъ упованіи, что онъ не предастъ позорной и незаслуженной участи многихъ моихъ храбрыхъ товарищей, которые, бывъ прежде австрійскими офицерами, вовлечены были потомъ силою обстоятельствъ въ эту несчастную войну, и не отдастъ беззащитно на поруганіе и на жертву слѣпой и дикой ярости враговъ глубоко униженные и попранные народы и племена Венгріи, надѣющіеся

на его любовь къ правдѣ и милосердіе. Довольно будетъ, кажется, если я одинъ паду жертвой.

«Письмо это посылаю я къ вамъ, генералъ, ибо вы первые, поступками своими въ отношеніи ко мнѣ, снискали мою довѣренность и уваженіе.

«Поспѣшайте же, если желаете предупредить дальнѣйшее кровопролитіе, совершить печальный обрядъ положенія оружія въ возможно скорѣйшемъ времени и такимъ способомъ, чтобы въ этомъ приняли участіе токмо войска его величества императора русскаго, ибо я объявляю торжественно, что я скорѣе поведу свою армію на вѣрное истребленіе въ отчаянную битву, съ сколько ни было превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, чѣмъ соглашусь положить безусловно оружіе передъ австрійскими войсками.

«Я иду завтра, 31-го іюля (12-го августа), въ Вилагошъ, послѣзавтра, 1-го (13-го) августа, въ Барошъ-Іене, 2-го (14-го)—въ Бень, что сообщаю вамъ для того, чтобы вы съ вашими войсками двинулись и стали между моими и австрійскими и отдѣлили меня отъ нихъ совершенно.

«Если это движеніе не удастся и австрійскія войска будутъ преслѣдовать меня неотступно, то я буду рѣшительно отражать ихъ нападенія и пойду на Гроссвардейнъ, чтобы по этому направленію найти императорскія русскія войска—предъ ними одними только войска мои, какъ они сами объявили, согласны положить оружіе.

«Ожидая отвѣта вашего въ скорѣйшемъ времени, прошу принять увѣреніе въ моемъ безпредѣльномъ къ вамъ уваженіи.

Артуръ Гергей».

Старый Арадъ.
11-го августа, 9 часовъ вечера.

Графъ Ридигеръ, не имѣвъ никакого уполномочія для веденія переговоровъ съ непріятелемъ, не могъ тотчасъ отвѣчать, и потому просилъ парламентеровъ остаться, а самъ немедленно послалъ одного изъ своихъ ординарцевъ съ донесеніемъ къ генералъ-фельдмаршалу. Гергею предложили сдаться безусловно, уповая на высокое ходатайство русскаго Царя, на милость австрійскаго императора. Этотъ отвѣтъ пришелъ ночью. Графъ приказалъ мнѣ взять взводъ гусаръ полка Радецкаго и, подъ его прикрытіемъ, отвести парламентеровъ назадъ, стараясь дойти съ ними такъ далеко, чтобы по крайней мѣрѣ наткнуться на непріятельскіе аванпосты, а въ разговорѣ вывѣдать, гдѣ находится Гергей. Мнѣ дали маршрутъ на Арадъ, гдѣ, по всему вѣроятію, должно было его предполагать, и велѣли слѣдовать по картѣ. Мы отправились; цугъ нашъ шелъ слѣдующимъ образомъ: впереди, чтобы мнѣ не терять ихъ изъ виду, венгерскіе гусары, окруженные нашими, съ приказаніемъ строго за ними присматривать, не вступать въ разговоры и никого не выпускать, но впрочемъ

обходиться съ ними вѣжливо; потомъ въ карафашкѣ Пелтенбергъ, къ которому, для большаго удобства въ разговорѣ, и я подсѣлъ, за нами остальные. Я просилъ Пелтенберга выдавать насъ на дорогѣ за ихъ плѣнныхъ, чтобы не пугать жителей. Никогда не забуду этого поѣзда, въ которомъ мы съ Пелтенбергомъ все время соревновали въ дипломатическомъ искусствѣ. Я старался дознаться, гдѣ Гергей, а онъ все уклонялся отъ разговора о томъ. Выгода была на его сторонѣ, потому что легче молчать, нежели вывѣдывать. Мой маршрутъ опредѣлялъ намъ большую дорогу, но Пелтенбергъ, замѣчая что я предполагаю Гергея въ Арадѣ и желая привести меня въ недоумѣніе, предлагалъ другую, проселочную. Я долго не соглашался, не потому чтобы страшился чего-нибудь, ибо зналъ, что въ моемъ положеніи я неприкосновенный человѣкъ, а мой противникъ принадлежитъ къ благородному народу, но потому, что подозрѣвалъ, слѣдя по картѣ, умыселъ его ввести меня въ заблужденіе. Приходимъ въ какую-то деревню; Пелтенбергъ называетъ ее такъ, какъ на моемъ маршрутѣ назначено; то же самое повторяется въ другой и въ третьей. Но въ одной изъ нихъ мнѣ понадобилось отстать, и когда я спросилъ у встрѣтившагося мужика названіе той деревни, онъ назвалъ ее мнѣ совсѣмъ иначе, нежели Пелтенбергъ. Я посмотрѣлъ на карту и точно нашелъ эту деревню подъ настоящимъ, узнаннымъ отъ мужика, названіемъ, хотя и не на моемъ маршрутѣ, но на другой дорогѣ, ведшей также въ Арадъ, только обходомъ. Я торжествовалъ въ душѣ, ибо теперь уже не сомнѣвался, что Гергей точно въ Арадѣ, а спутникъ мой хочетъ только сбить меня съ толку. Между тѣмъ, мы были въ походѣ отъ 4-хъ часовъ утра до 3-хъ пополудни, лошади устали, люди проголодались. Я предлагаю остановиться; Бенецкій говоритъ, что лучше сдѣлать это въ Гроссвардейнѣ, гдѣ можно все достать. Но я боялся останавливаться въ большомъ городѣ и требовалъ пройти до первой за нимъ деревни, что и было принято. При нашемъ проѣздѣ чрезъ Гроссвардейнъ народъ сбѣжался смотрѣть на русскихъ плѣнныхъ. Вдругъ вижу, что Бенецкій отсталъ и говоритъ съ какою-то дамою, покрытою чернымъ вуалемъ; я прикинулся будто не замѣтилъ, но когда, по приходѣ въ деревню, гдѣ мы должны были остановиться, опять явилась та же дама и стала шептаться съ Бенецкимъ, то я подошелъ къ нему, вѣжливо отвелъ его собесѣдницу и съ словами: этого не могу позволить, велѣлъ гусару тотчасъ провести ее обратно до города. Бенецкій разсердился; онъ схватился за саблю, я за свою, но Пелтенбергъ, все видѣвшій, подошелъ и удержалъ его; мы оба вложили сабли и я поблагодарилъ Пелтенберга, но съ тѣхъ поръ ни слова больше не говорилъ съ Бенецкимъ и старался его избѣгать; онъ перешелъ права парламентера. Это, впрочемъ, былъ единственный случай, гдѣ я имѣлъ поводъ къ неудовольствію; вообще, мои спутники были вѣжливы и пони-

мали наше положеніе. Съ Пелтенбергомъ и Бетленомъ я болѣе сошелся. По мѣрѣ, какъ разговоръ становился откровеннѣе, первый показалъ мнѣ письмо своей жены, въ которомъ подробно описывалось положеніе Вѣны и общее желаніе скорѣйшаго окончанія войны: «когда ты воротишься?» спрашивала жена. Слезы покатились изъ глазъ Пелтенберга при перечитываніи мнѣ этого письма; мало было у него надежды скоро съ нею увидѣться, но не думалъ онъ, конечно, что такому свиданію не суждено болѣе совершиться никогда, и что ему предстоитъ позорная казнь въ Арадѣ. Я, съ моей стороны, старался утѣшать его сколько могъ и убѣждалъ употребить всѣ старанія къ склоненію Гергея и арміи на миролюбивое окончаніе войны, какъ единственное средство спасти край и призвать на себя благословеніе народа. Онъ признался искренно, что всѣ того же желаютъ, но совѣсть, честь и т. д. Я представлялъ ему далѣе, что Гергей оставленъ Кошутомъ, что у насъ 100.000 человѣкъ хорошаго войска, у нихъ всего 30.000, утомленнаго и убитаго духомъ; что слѣдственно на ихъ сторонѣ нѣтъ никакихъ шансовъ на успѣхъ, а между тѣмъ дальнѣйшее сопротивленіе только увеличитъ справедливыя требованія законнаго ихъ правительства. Онъ ничего прямо не отвѣчалъ, но нельзя было не замѣтить, что въ немъ происходило. Не смѣю, разумѣется, приписать себѣ даже и малѣйшей степени участія въ способствованіи къ готовившейся тогда развязкѣ, тѣмъ болѣе что она давно уже была рѣшена въ умахъ Гергея и его собратій, понявшихъ свое положеніе; но я говорилъ ихъ сердцу, теплому и воспріимчивому, какъ у каждаго венгерца.

Между тѣмъ стемнѣло, и когда мы дошли до м. Тенке, было одиннадцать часовъ вечера.

— Здѣсь надо непремѣнно остановиться,—сказалъ я,—лошади уже не двигаются, накормимъ ихъ только и опять пойдемъ.

Это предложеніе не нравилось Пелтенбергу; ему хотѣлось, чтобы я оставилъ его тутъ и воротился, но я увѣрялъ, что онъ можетъ встрѣтиться на дальнѣйшемъ пути съ нашими войсками, которыя его не пропустятъ. Мы остановились у ксендза этого мѣстечка, плотно поужинали, отдохнули и забылись. Вдругъ отворяется дверь и входитъ вахмистръ Пелтенберга со словами: «Herr general, man kann niht vorwärts, die Brüke ist abgebrant». Я зналъ уже, что мы немного заблудились и ночью не можемъ идти дальше, а сгорѣвшій будто мостъ только вымышленный предлогъ. Я улыбнулся, Пелтенбергъ тоже, и эта улыбка была вступленіемъ къ признанію, что онъ хотѣлъ сбить меня съ дороги и Гергей точно ждетъ его въ Арадѣ.

Обрадованный удачѣ моего перваго дипломатическаго порученія, я отвѣчалъ, что давно уже угадалъ его секретъ. Послѣ этого, сердечно посмѣявшись, мы простились и невольно другъ друга крѣпко прижали къ

сердцу. Я велѣлъ своему конвою собраться и когда вышелъ на крыльцо, продолжая еще прощаться, вижу мои гусары тоже въ объятіяхъ съ венгерцами. Я испугался. Зову вахмистра. которому строго запрещено было входить въ знакомство.

— Что вы сдѣлали?

— Виноватъ ваше высокоблагородіе.

— О чемъ вы говорили между собою?

— Да вотъ извольте видѣть, они предлагали намъ перейти къ нимъ.

— Что же вы отвѣчали?

— Да языка жалко вашего не знаемъ.

— А отечество, а присяга, а царь!—вскричалъ я, вспыливъ.

Онъ смутился и говоритъ:

— Они вѣдь сказали, что мы деремся такъ храбро, что если бы наши войска соединились съ ними, тогда весь свѣтъ—нашъ.

— Обними же ихъ еще разъ,—прибавилъ я—и тотчасъ въ дорогу, да все забыть.

— Слушаю-съ.

Чуть-чуть добрались мы, въ темнотѣ ночной, до Гроссвардейна, гдѣ былъ уже графъ Ридигеръ. Я донесъ обо всемъ происходившемъ; начальникъ побранилъ, да и похвалилъ; его благородная душа вспомнила, что и онъ тоже бывалъ молодъ.

Чтобы объяснить, что именно заставило Гергея искать спасенія отечества уже не въ продолженіи войны, а въ средствахъ миролюбивыхъ, и съ этою цѣлью прислать парламентеровъ, скажу нѣсколько словъ объ отношеніяхъ его къ Кошуту и къ мятежному министерству, нерѣшительными и обманчивыми дѣйствіями которыхъ онъ былъ поставленъ въ истинно отчаянное положеніе. Характеры Кошута—элемента революціи и республики, и Гергея—элемента монархическаго, съ мечтою о самостоятельной лишь Венгріи, не могли идти вмѣстѣ. Первый былъ политическій мечтатель, съ притязаніями на значеніе государственнаго человѣка, но поэтъ. Послѣдній, напротивъ,—умъ самый положительный и практическій. Кошутъ, властолюбивый, своекорыстный, хитрый, пользовался всѣми средствами для достиженія тщеславныхъ своихъ цѣлей. Гергей дѣйствовалъ всегда и вездѣ рыцарски, откровенно, съ истиннымъ благородствомъ, съ всегдашнимъ одушевленіемъ на то, что считалъ пользою и славою своего отечества. Кошутъ жертвовалъ всѣмъ своему неограниченному самолюбію и властолюбію, и-не умѣвъ усмирить своихъ замысловъ даже въ изгнаніи, обреченъ на всю жизнь томиться, страдать, преслѣдуемый проклятіями своего народа. Гергей пожертвовалъ своимъ самолюбіемъ для счастья своего отечества и если прежде старался достигнуть высшей власти, то съ тѣмъ лишь, чтобы тотчасъ опять ее сложить, въ полномъ убѣжденіи, что нѣтъ другаго средства для спа-

сенія и блага Венгріи, ввергнутой въ бездну золъ низкими видами Кошута и его собратій. Подвигъ Гергея былъ истиннымъ самоотверженіемъ, ибо онъ зналъ, что его оклеймятъ позоромъ и именемъ измѣнника, но онъ уповалъ на свое правое дѣло и правосудіе Божіе, даже человѣческое, которое, впослѣдствіи, точно его оцѣнило и оправдало. Гергей былъ бы измѣнникомъ, если бы, какъ говорили, продалъ себя; онъ былъ бы измѣнникомъ, если бы, жертвуя арміею, старался сколько-нибудь о сохраненіи своей жизни; но въ письмѣ къ графу Ридигеру онъ перваго себя отдавалъ на жертву, съ условіемъ спасенія своихъ соратниковъ. Онъ былъ бы наконецъ измѣнникомъ, если бы опредѣлилъ какія-нибудь условія для личнаго своего обезпеченія, но онъ отказался отъ всего, что ему предлагали и съ чистою, спокойною совѣстью возвратился въ свое прежнее скромное положеніе, гдѣ посвятилъ себя исключительно наукѣ, пока продолжавшія преслѣдовать удалившагося отъ театра свѣта злобныя сатиры, ложь и клевета, истощивъ послѣднюю мѣру терпѣнія, вынудили его разразиться прекрасными мемуарами, этою чудною, свѣтлою исповѣдью свѣтлой и благородной души. Къ описаннымъ выше моральнымъ побужденіямъ присоединилось для Гергея и матеріальное положеніе дѣла. Люди поверхностные, легкомысленные, судящіе издалека о событіяхъ, въ которыхъ не принимали участія, говорили и, быть можетъ, скажутъ и впредь, что ему надлежало бороться до послѣдней крайности; но если лично всякій долженъ быть готовъ умереть, то начальнику нельзя распоряжаться такъ легкомысленно жизнью другихъ. Обдумываютъ ли эти строгіе судьи, что ни одинъ изъ людей Гергея не согласился бы на такое продолженіе войны, и что остатки его арміи скорѣе бы всѣ разбѣжались, ибо уныніе и безнадежность были всеобщія. Бѣжать съ войскомъ въ Турцію было бы нелѣпостью, о послѣдствіяхъ которой страшно и подумать. Бемъ это сдѣлалъ, думая только спасти себя и не заботясь о другихъ, а какія были результаты? Гергею было приказано соединиться съ южною арміею; мы видѣли какъ осмотрительно и геніально онъ старался это исполнить; у Вайцена ему закрыли путь, но онъ еще не отчаявался и совершилъ удивительное свое отступленіе на Лосанчь и Мишколцъ къ Токаю, въ глазахъ всей нашей арміи. Ему сказали, что въ Гроссвардейнѣ ждутъ его Кошутъ, министерство, деньги и припасы. Презрѣвъ всѣ затрудненія, поборовъ всѣ препятствія, онъ достигаетъ этого пункта. Никого нѣтъ! Только графъ Батіани и Шемере, въ трепетѣ и отчаяніи, именемъ Кошута провозглашаютъ его главнокомандующимъ. Но Гергею извѣстно, что Кошутъ тайно назначилъ въ это званіе Бема; онъ отвергаетъ провозглашеніе Батіани и Шемере; требуетъ, чтобы Кошутъ и министерство тотчасъ сложили съ себя власть, какъ враги отечества; самъ возлагаетъ на себя санъ диктатора, со всѣми его неограниченными правами, и дивно ими

пользуется не какъ измѣнникъ, но какъ избранный Провидѣніемъ и силою обстоятельствъ. Кошутъ, свѣдавъ о диктаторствѣ Гергея, все понялъ; совѣсть и зависть грызли его душу; онъ разсылаетъ манифестъ о своей абдикаціи, въ которомъ говоритъ, что, приложивъ всю свою любовь и весь свой патріотизмъ, не могъ спасти отечества, вслѣдствіе чего передаетъ все Гергею, котораго ставитъ въ отвѣтѣ передъ Богомъ и совѣстью за будущую участь Венгріи. Громкія слова, но обращающіяся, въ устахъ Кошута, въ іудейскую рѣчь и проклятіе. Забравъ народное богатство, говорятъ и венгерскую корону, онъ бросился въ Турцію, питая тайную месть противъ цѣлой Европы и пустую, если можетъ быть и утѣшительную для него, мечту о возбужденіи общей революціи противъ всѣхъ монархическихъ правленій, особенно противъ Россіи—мечту, которую онъ проповѣдывалъ потомъ и въ Америкѣ, смотрѣвшей на него, посреди всѣхъ восклицаній демагоговъ, тоже лишь какъ на театральнаго шарлатана.

Вотъ что по поводу этого писалъ Гергей генералу Клапкѣ:

«Съ тѣхъ поръ какъ мы не видались, случилось событіе, хотя неожиданное, но рѣшительное. Вѣчная зависть правительства и подлыя побужденія нѣкоторыхъ изъ его членовъ успѣшно довели до того, что предсказывалъ я еще въ апрѣлѣ.

«Когда, послѣ многихъ блистательныхъ сраженій съ русскими, я перешелъ Тейссу при Токаѣ, совѣтъ объявилъ, что желаетъ назначить меня главнокомандующимъ.

«Кошутъ тайно провозгласилъ Бема.

«Край думалъ, что главнокомандующій—я, потому что Кошутъ велѣлъ дать на предложеніе совѣта іезуитскій отвѣтъ. Это плутовство сдѣлалось причиною всего послѣдующаго. Дембинскій былъ разбитъ при Шорскѣ, Бемъ при Марошъ-Вадарели. Послѣдній спѣшилъ къ Темешвару, подъ стѣны котораго ретировался Дембинскій. Во время сраженія при Темешварѣ, Дембинскій пришелъ на поле битвы и, возобновивъ сраженіе на нѣсколько часовъ, былъ такъ разбитъ, что изъ бывшихъ, по расчету Кошута 50.000 человѣкъ, осталось у него всего 6.000. Прочіе, какъ увѣдомилъ меня Вече, были раскиданы.

«Въ то же время подходили австрійцы между Темешваромъ и Арадомъ. Военное министерство приказало Дембинскому ретироваться, конечно, къ пріязненной крѣпости Араду, а не къ непріятельскому Темешвару. Но Дембинскій дѣйствовалъ вопреки этому приказанію. Зачѣмъ, не могу рѣшить. Но есть слишкомъ много причинъ думать, что изъ зависти ко мнѣ.

«Послѣдствіемъ всего этого было, что изъ числа тѣхъ, съ которыми мы вышли изъ Коморна, вычитая значительныя потери, понесенныя при

Вайценѣ, Ретшагѣ, Геромбели и Дебречинѣ, я остался одинъ, угрожаемый на югѣ австрійцами, на сѣверѣ русскими главными войсками.

«Хотя мнѣ предстояла еще возможность отступить изъ Арада, черезъ Родно, въ Трансильванію, но уваженіе къ моему отечеству, для котораго я, во чтобы то ни стало, хотѣлъ мира, понудило меня искать средствъ къ спасенію его въ сложеніи оружія. Сперва я старался убѣдить временное правленіе въ томъ, что, не въ силахъ уже будучи принести пользы отечеству, оно, чтобы не навлечь еще большихъ несчастій, должно сложить свою власть. Правительство такъ и сдѣлало и отдало мнѣ въ руки всю гражданскую и военную власть. Тогда какъ время не терпѣло, я принялъ быстрое, но не менѣе того обдуманное рѣшеніе: безусловно сложить оружіе передъ арміею его величества императора Всероссійскаго.

«Храбрѣйшіе моей арміи были моего мнѣнія и къ намъ добровольно присоединились всѣ отряды изъ ближайшихъ окрестностей Арада. Крѣпость Арадъ, подъ начальствомъ Даміанича, объявила, что желаетъ сдѣлать тоже самое.

«До сихъ поръ съ нами обходятся такъ, какъ храбрый солдатъ могъ ожидать отъ храбраго солдата. Обдумай, что ты можешь и долженъ сдѣлать».

На предыдущихъ страницахъ, увлекшись желаніемъ объяснить, по моему разумѣнію, причины событій, я предварилъ ихъ ходъ. Теперь возвращусь назадъ и опишу, какъ умѣю, фактъ, подобнаго которому не бывало еще въ исторіи. Генералъ Макъ сложилъ нѣкогда оружіе съ семью тысячами человѣкъ. Гергей преклонился передъ русскими войсками съ 30.000 чел. и 142 орудій. Это преклоненіе было новою славою доблестнаго старца (гр. Ридигера), какъ бы въ вѣнецъ пятидесятилѣтней, богатой воинскими подвигами, службы его.

Несмотря на частыя предписанія графу Ридигеру не идти слишкомъ впередъ, остерегаясь Гергея, какъ мятежника, способнаго, быть можетъ, на обманъ, 3-й корпусъ поспѣшно двинулся изъ Гроссвардейна на Кишъ-Гено и Зарандъ. Благородные люди поняли другъ друга и спокойно шли одинъ къ другому на поля Вилагоша. Гергей вторично прислалъ парламентеровъ въ Зарандъ. Это были три молодыхъ человѣка лучшихъ фамилій Венгріи, полные преданности къ своему законному государю, но вмѣстѣ и страстной любви къ отечеству: полковникъ Бетленъ, братъ бывшаго прежде парламентера, гусарскій поручикъ Павелъ Эстергази, котораго графъ Ридигеръ зналъ прежде, и поручикъ графъ Шмидекъ. Они были избраны Гергесмъ какъ образчики высшей венгерской аристократіи и представители монархическаго направленія. Со слезами на глазахъ поднесли они графу Ридигеру послѣднее, возвышенное и трогательное письмо Гергея, отъ 13-го августа 1849 года.

«Добровольно складывая съ состоящими подъ моимъ начальствомъ венгерскими войсками оружіе передъ русскими и безусловно покоряясь имъ съ храбрыми моими товарищами, долгомъ считаю изъяснить вамъ, генералъ, скромныя ихъ желанія и почтительнѣйше просить васъ не отказать намъ въ вашемъ ходатайствѣ къ удовлетворенію этихъ просьбъ у его свѣтлости господина генералъ-фельдмаршала и у его величества.

«Онѣ заключаются въ слѣдующемъ:

1) Чтобы сдавшіеся не были переданы австрійцамъ какъ преступники, ибо тѣ, которые первоначально состояли въ австрійской службѣ, опасаются лишиться, въ рукахъ ихъ, жизни и, быть можетъ, даже чести.

2) Чтобы всѣмъ офицерамъ, которые изъявятъ желаніе вступить въ русскую службу, не было въ семъ отказано.

3) Чтобы всѣмъ офицерамъ и во время нахожденія ихъ въ плѣну позволено было носить шпагу или саблю; каждый готовъ дать честное слово, что не употребитъ такой милости во зло.

4) Чтобы движимое имущество всѣхъ тѣхъ, которые добровольно покоряются, какъ-то: обозъ, лошади и проч., было оставлено каждому неприкосновенно.

5) Чтобы въ случаѣ, если бы самоуправнымъ рѣшеніемъ австрійскаго правленія бумажныя деньги въ Венгріи лишены были ихъ цѣнности, намъ доставили возможность размѣнять ихъ на ходячую монету.

6) Какъ намъ неизвѣстна будущность Венгріи и какъ если его императорское величество Императоръ Всероссійскій не оградитъ ее, съ извѣстнымъ своимъ великодушіемъ, могущественнымъ своимъ посредничествомъ, всѣхъ насъ можетъ ожидать эшафотъ или изгнаніе, то мы всѣ вмѣстѣ осмѣливаемся, не столько для насъ самихъ, сколько для нашихъ согражданъ, просить о великодушномъ ходатайствѣ, дабы несчастный край, столько уже пострадавшій, не былъ подверженъ новымъ еще истязаніямъ».

Отдавая графу Ридигеру это роковое письмо, посланные не были въ силахъ вымолвить ни одного слова. Графъ, какъ старый воинъ, понялъ ихъ чувства, и помогъ имъ своимъ ласковымъ обращеніемъ.

— Свѣтъ оцѣнитъ вашъ поступокъ,—сказалъ онъ,—и это лучшій день въ жизни вашего генерала. Будьте спокойны: нашъ государь учитъ насъ быть великодушными, потому что самъ онъ—верхъ милосердія. Нѣтъ ошибки, которой нельзя бы было поправить, если въ ней раскаяваешься!

Затѣмъ, пригласивъ ихъ къ обѣду, онъ приказалъ мнѣ находиться всегда при нашихъ гостяхъ и доставить имъ удобное помѣщеніе. Не забуду этого знакомства; мы перестали быть врагами; это была все молодежь самая блистательная, и я узналъ потомъ, что графъ Ридигеръ, ходатайствуя объ адъютантахъ Гергея, просилъ также и о нихъ. Несмо-

тря на то, впослѣдствіи мы узнали изъ газетъ, что въ австрійской арміи, которая была въ Голштиніи, Павла Эстергази видѣли фурлейтомъ на обозной телѣгѣ.

Графъ переговорилъ съ парламентерами насчетъ порядка сдачи и приказалъ мнѣ отвести ихъ опять къ Гергею, объявить ему, что для подробностей будетъ начальникъ штаба, и потомъ возвратиться съ отвѣтомъ. Такъ какъ насъ отправили поздно, и до Валагоша, гдѣ онъ стоялъ, было около 15-ти верстъ, то мы пріѣхали туда уже около 2-хъ часовъ ночи. Зная близкое будущее, нельзя было смотрѣть на бивуакъ венгерцевъ безъ особеннаго стѣсненія сердца. Замокъ Вилагошъ, на горѣ, есть собственность графини Амальфи, былъ прежде колыбелью первыхъ царей венгерскихъ, гуніадовъ, и у его подошвы должна была разъиграться трагическая судьба края, надъ которымъ они нѣкогда господствовали.

Войско было расположено вокругъ горы, съ разставленными орудіями и часовыми на всѣхъ пунктахъ—знакъ, что гарнизонная служба и въ умиравшей въ военномъ своемъ составѣ арміи была въ исправности.

Прихожу въ переднюю; дежурный адъютантъ принялъ меня и ввелъ въ залу; налѣво двери въ кабинетъ Гергея; у дверей лежали, на полу, завернувшись въ свои бѣлые плащи, три его корпусныхъ командира, первые его обожатели и друзья, которые сторожили свой кумиръ будто церберы. Когда ихъ разбудили, они посмотрѣли на меня, перваго русскаго офицера въ эту минуту, какъ на своего палача. Гергей, сказали мнѣ, спитъ. Гергей спитъ, подумалъ я про себя! Завтра рѣшается его участь, кончается все, а онъ—спитъ! Какое лучшее доказательство его чистой совѣсти. Кошутъ, вѣроятно, не спалъ, когда собирался бѣжать въ Турцію. Откровенно скажу, когда меня ввели къ Гергею, у меня опустились руки. Я увидѣлъ предъ собою огромнаго человѣка, чуть не въ два раза выше меня, молодаго, съ высокимъ лбомъ, правильными чертами, умною и пріятною улыбкою, открывавшею рядъ бѣлыхъ зубовъ, какихъ я еще никогда не видывалъ; голова была подвязана шелковымъ платкомъ отъ раны, нанесенной при Коморнѣ русскимъ ядромъ; онъ былъ въ коричневой венгеркѣ, обшитой золотыми шнурками, и въ большихъ охотничьихъ сапогахъ; мнѣ казалось, что я вижу передъ собою рыцаря среднихъ вѣковъ. Когда онъ бросилъ на меня изъ-подъ очковъ пронзительный свой взглядъ, я покраснѣлъ какъ дѣвушка. Гергей ласково пригласилъ меня сѣсть, вынулъ карту и назначилъ мнѣ мѣсто, часъ и нѣкоторыя другія условія сдачи. Разговоръ былъ по-нѣмецки.

— Скажите мнѣ,—продолжалъ онъ,—какъ приметъ меня вашъ графъ, вѣдь вся моя армія, готовая всегда умереть со мною, будетъ присутствовать при этомъ.

Я успокоилъ его, говоря, что его сіятельство пятьдесятъ лѣтъ военномъ, понимаетъ его положеніе, чтитъ его, какъ человѣка достойнаго

уваженія, и докажетъ ему то на дѣлѣ. И всѣ знаютъ, какъ дѣйствительно графъ его принялъ! Потомъ онъ разспрашивалъ меня еще о Вайценѣ и Дебречинѣ и о нашемъ войскѣ; я ему насчиталъ Богъ знаетъ сколько, а онъ только посматривалъ на своихъ корпусныхъ командировъ. Наконецъ начался разговоръ болѣе общій, подали ужинъ и мы сѣли всѣ за столъ вокругъ хозяина. Гергей говоритъ по-нѣмецки прекрасно, немного съ вѣнскимъ нарѣчіемъ, но плавно и ясно. Въ разговорѣ онъ, между прочимъ, сказалъ пренаивное слово, обличавшее настоящія его чувства.

— Попросите графа, чтобы онъ далъ мнѣ двѣнадцать часовъ времени, чтобы обратиться еще разъ на австрійцевъ и опять немножко ихъ поколотить; потомъ я тотчасъ ворочусь на поле Вилагоша и сложу оружіе.

Онъ бы и точно могъ это сдѣлать, потому что австрійцы боялись его какъ огня.

Между тѣмъ, было уже около четырехъ часовъ утра, а къ одиннадцати мнѣ слѣдовало быть на мѣстѣ; я сталъ прощаться. Гергей взялъ свою саблю и хотѣлъ мнѣ ее отдать, какъ бы считая себя уже плѣннымъ.

— Такая честь принадлежитъ графу Ридигеру,—сказалъ я.

— Знаю, но возьмите эту саблю себѣ лично, въ знакъ памяти сегодняшняго дня.

Она хранится у меня и теперь...

Гергей пожалъ мнѣ руку, сказалъ до свиданія, проводилъ до крыльца и самъ выбралъ для меня подводу. Солнце уже взошло на горизонтъ.

— Для меня это не солнце Аустерлица!—сказалъ онъ.—Какія впечатлѣнія, какія воспоминанія!..

Въ выраженіи его лица можно было дочитать остальную мысль. Боже мой! подумалъ я, вѣдь будучи свидѣтелемъ и участникомъ всѣхъ этихъ громадныхъ событій, и мнѣ, маленькому человѣку, придется, пожалуй, занять какой-нибудь уголокъ въ исторіи.

V.

Сдача Гергея.

Поле, на которомъ долженъ былъ совершиться трагическій и величественный актъ, занимаетъ около пяти верстъ въ квадратѣ и окаймлено на горизонтѣ огромными горами, у подошвы которыхъ идетъ дорога изъ Вилагоша. Долго тянулись войска Гергея; они пришли только около часа пополудни и къ этому времени пріѣхалъ графъ Ридигеръ. Сперва

съ нашей стороны велѣно было взять одну кавалерію, а пѣхоту оставить въ 20-ти верстахъ позади; но чтобы показать Гергею и его войску, что они покоряются не собственной волѣ ихъ вождя, а арміи многочисленной и силѣ обстоятельствъ, графъ приказалъ скорѣе подвезти на подводахъ и пѣхоту, такъ что были выстроены въ боевомъ порядкѣ, съ артиллеріею впереди, двѣ дивизіи кавалеріи и двѣ пѣхоты.

Насталъ роковой моментъ. Графъ Ридигеръ, съ своею свитою, подвинувшись нѣсколько впередъ, остановился и тѣмъ побудилъ Гергея, также съ своею пестрою свитою, подъѣхать къ нему, что было сдѣлано съ видомъ большой готовности. Онъ отсалютовалъ, протянулъ саблю, рапортъ, и не могъ сказать ни слова.

Графъ Ридигеръ, съ своей стороны, подалъ ему руку; тогда Гергей будто очнулся и сталъ говорить. Графъ оставилъ сабли ему и всѣмъ офицерамъ; тутъ поднялся крикъ «да здравствуетъ Ридигеръ»; шапки полетѣли въ воздухъ и все слилось въ одно, какъ-будто не бывало непріятелей; кричали однакожъ и не друзья, а люди, которые, не забывая близкаго прошедшаго, цѣнили вмѣстѣ многозначительность настоящей минуты. Вся вообще сцена имѣла видъ не радости и веселія, а какого-то грустнаго величія, понятаго и оцѣненнаго, можно сказать, каждымъ солдатомъ. Легко и безъ моего слабаго пера представить себѣ, что происходило въ сердцахъ. Въ особенности не могъ я налюбоваться выраженіемъ лица моего почтеннаго начальника. Онъ не принялъ видъ грознаго побѣдителя, но, постигая значеніе момента, былъ спокоенъ, величавъ, весь казалось проникнутъ мыслью, что небесный Промыслъ избралъ его орудіемъ для новаго возвеличенія Россіи...

Послѣ короткаго разговора Гергей повернулъ лошадь къ своимъ, подскакалъ и, выдвинувъ головы колоннъ, съ стоявшими между ними 142-мя пушками, на линію, приказалъ складывать оружіе. Когда линія выстроилась, графъ Ридигеръ, безстрашный здѣсь какъ и на полѣ битвы, подъѣхалъ къ ней одинъ съ Гергеемъ и привѣтствовалъ людей; говорю и повторяю о д и н ъ, потому что въ массѣ не всѣ равны и нельзя было знать расположенія и замысловъ всякаго. Его приняли съ крикомъ «ура!» Распоряженіе было сдѣлано такое, что каждый изъ нашихъ эскадроновъ выстроился слѣва и справа по одному въ двѣ шеренги и такимъ образомъ составилось два ряда, съ пространствомъ по срединѣ. Венгерскіе баталіоны, складывая оружіе направо и налѣво, входили въ это пространство и шеренги смыкались. Нельзя было равнодушно смотрѣть на этихъ воиновъ, которые, съ мертвымъ отчаяніемъ на лицахъ, слагали свое, не разъ побѣдоносное оружіе и лобызали свои знамена, навсегда съ ними разставаясь. Гусары, спѣшившись, привѣшивали сабли и пистолеты на сѣдла, затѣмъ обнимали своихъ лошадей, какъ вѣрныхъ собратьевъ, рыдали, прощаясь съ ними, и передавали нашимъ солдатамъ.

Одинъ пѣхотный солдатъ долго колебался отдать свое ружье, и, увидѣвъ Гергея, нѣмаго и со слезами на глазахъ, спросилъ его:

— Итакъ я долженъ непремѣнно разстаться съ этимъ ружьемъ?

Онъ отвѣчалъ ему тихо, что это необходимо.

Тогда солдатъ, съ чувствомъ покорности взведя курокъ, опустилъ ружье прикладомъ къ землѣ—и выстрѣлилъ себѣ прямо въ грудь. Я самъ былъ свидѣтелемъ этой сцены. Когда все оружіе было сложено, Гергей испросилъ у графа Ридигера позволеніе подъѣхать снова къ бывшему своему войску, и хотя усиливался сказать послѣднее привѣтствіе, однако голосъ замеръ у него на устахъ. Переполненное чувство отняло у него въ первую минуту способность говорить; потомъ, собравшись съ духомъ, онъ произнесъ нѣсколько словъ, но перерываемыхъ слезами. Все кругомъ рыдало. Одинъ гусарскій офицеръ безъ руки, потерянной имъ при защитѣ Гергея подъ Коморномъ, выѣхалъ впередъ, съ намѣреніемъ, кажется, говорить съ своимъ генераломъ въ послѣдній разъ отъ имени всего войска, но общее стенаніе заглушило его голосъ. Слышно было только: «прощай Гергей, нашъ другъ и братъ»; и потомъ грустное «прости насъ Гергей!» разнеслось по рядамъ.

Вскорѣ затѣмъ стемнѣло и пѣхота венгерцевъ, вмѣстѣ съ спѣшившеюся ихъ кавалеріею, потянулась по дорогѣ въ Кишъ-Гено. Такое слѣдованіе огромной массы плѣнныхъ, въ ночное время, не могло не сопровождаться большимъ безпорядкомъ; гдѣ было кавалеристу усмотрѣть за пѣшимъ и, несмотря на всѣ принятыя мѣры осторожности, на дальнѣйшемъ пути по крайней мѣрѣ треть разбѣжалась. Грустно было смотрѣть на этихъ плѣнныхъ въ неизвѣстности будущей ихъ участи; много надежды питали мы и они на милость царскую и, дѣйствительно, много и было оказано милости, но нельзя ей было распространиться на всѣхъ. Его императорское высочество государь наслѣдникъ цесаревичъ, въ бытность въ Вѣнѣ, ходатайствовалъ за Гергея, за его братьевъ и за многихъ другихъ. Но надо было дать примѣръ міру; надо было искоренить ядовитую поросль и посѣять новое, доброе сѣмя. Австрія не могла совсѣмъ простить венгерцамъ, и это понятно; но не должна ли она была вести себя какъ держава могущественная, не позволяя въ такомъ дѣлѣ, гдѣ надлежало руководиться одними государственными и политическими соображеніями, дѣйствовать личностямъ и мелкимъ страстямъ.

По сдачѣ арміи на поляхъ Вилагоша, Гергей просилъ позволенія отлучиться на короткое время, для окончательнаго устройства своихъ дѣлъ, и былъ отпущенъ графомъ Ридигеромъ на честное слово. Подъ вечеръ онъ самъ прибылъ къ старшему по корпусномъ командирѣ, генералъ-лейтенанту Кауфману, который не мало удивился его появленію, думая, что Гергей при графѣ; эту ночь онъ ночевалъ въ палаткѣ у того же

генерала, а на другой день, когда дали знать о его прибытіи, корпусный командиръ пригласилъ его въ Кишъ-Гено, гдѣ онъ пробылъ два дня, до приказанія генералъ-фельдмаршала привести его въ главную квартиру. Въ Зорандѣ, маленькомъ мѣстечкѣ, гдѣ находился корпусный штабъ и были собраны всѣ плѣнные, трудно было продовольствоваться, и потому графъ Ридигеръ, на эти два дня, пригласилъ Гергея, съ его братьями и тремя бывшими корпусными командирами, къ своему столу. Надо мнѣ здѣсь упомянуть объ одномъ досадномъ случаѣ, о которомъ въ то время такъ много говорили, особенно генералъ Гайнау, представившій своему двору ласковое гостепріимство нашего начальника вообще чѣмъ-то совершенно неумѣстнымъ. Дѣло въ томъ, что графъ Ридигеръ всегда приглашалъ къ своему столу весь штабъ и тоже австрійскаго комиссара, графа Зичи, и что на этотъ разъ послѣднему пришлось сидѣть возлѣ Гергея, который во время войны разстрѣлялъ его двоюроднаго брата. Встрѣча, конечно, крайне непріятная, но вину которой невозможно приписать никому иному, какъ самому же Зичи, необдумавшему впередъ своего положенія и неуклонившемуся отъ этого обѣда.

Отвести Гергея въ главную квартиру, когда пришло о томъ приказаніе, графъ Ридигеръ поручилъ своему адъютанту, подполковнику Тромповскому, которому Гергей вручилъ, въ знакъ памяти, свой орденъ военнаго достоинства—лавровый вѣнокъ, окружающій крестъ изъ венгерскаго герба. Генералъ-фельдмаршалъ принялъ плѣннаго весьма вѣжливо.

— Здравствуйте генералъ Гергей,—было первымъ его словомъ.

— Артуръ Гергей,—отвѣчалъ тотъ съ почтительнымъ поклономъ, считая себя уже частнымъ человѣкомъ.

Его свѣтлость бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько вечеровъ сряду, отзывался о немъ, какъ объ искусномъ полководцѣ, и когда узналъ, что Гергей, за неимѣніемъ средствъ къ пропитанію, продалъ свою отличную лошадь, англійскаго гунтера, за двадцать восемь рублей, то предложилъ ему 400 полуимперіаловъ, которые, какъ я слышалъ, Гергей возвратилъ потомъ съ благодарностью. Скоро явился адъютантъ генерала Гайнау, и вмѣстѣ съ русскимъ жандармскимъ офицеромъ отвезъ Гергея въ Клагенфуртъ, въ Штиріи, мѣсто, назначенное ему австрійскимъ императоромъ для безвыѣзднаго пребыванія.

Между тѣмъ, сдавшаяся армія была отправлена въ Саркадъ, по дорогѣ къ Пешту, гдѣ находилась подъ вѣдѣніемъ генералъ-адъютанта Анрепа, командовавшаго 2-ю кавалерійскою дивизіею. Но какъ при немъ не было ни адъютанта, ни штаба, а предвидѣлось много дѣла по письменной части, то графъ Ридигеръ сдѣлалъ мнѣ честь, съ согласія этого генерала, прикомандировать меня къ нему на все время нахожденія въ его завѣдываніи плѣнныхъ. Мы были, впрочемъ, въ совершенной неизвѣстности насчетъ ихъ будущей судьбы, и если старались ободрять ихъ

сколько могли въ надеждѣ, что имъ, по крайней мѣрѣ, оставлена будетъ жизнь, то эту надежду основывали на поѣздкѣ государя наслѣдника въ Вѣну, гдѣ его высочество успѣлъ уже исходатайствовать помилованіе Гергею и его братьямъ съ адъютантами. Австрійскій генералъ Гринъ дѣйствительно пріѣзжалъ въ Арадъ съ запрещеніемъ генералу Гайнау располагать жизнью плѣнныхъ; но счастливый побѣдитель, какъ онъ себя величалъ, спѣшилъ отомстить тѣмъ, которые такъ часто надъ нимъ торжествовали. Грустно мнѣ вспомнить о тѣхъ двухъ недѣляхъ, когда эти несчастные содержались у насъ въ плѣну; но смѣю и долженъ сказать, что невозможно было ввѣрить это дѣло человѣку благороднѣйшему, благонамѣреннѣйшему и болѣе доступному въ обращеніи, нежели генералъ Анрепъ, который облегчалъ ихъ тяжкую судьбу всѣми зависѣвшими отъ него средствами. Плѣнные генералы и офицеры содержались на честномъ словѣ и ни одинъ не измѣнилъ ему. Нижніе чины были расположены за мѣстечкомъ бивуакомъ и окружены кордономъ нашихъ солдатъ. Генералы и офицеры, всего числомъ до двухъ тысячъ, весьма часто утруждали нашего начальника просьбами, и тутъ надо было видѣть, съ какимъ участіемъ и снисхожденіемъ онъ ихъ выслушивалъ и старался успокоивать, убѣждая покориться судьбѣ, терпѣливо ожидать рѣшенія ихъ участи и особенно не покушаться на побѣгъ, потому что всякая непокорность повлечетъ за собою взысканіе еще строжайшее. Генералъ Анрепъ, говорю, подавалъ всякому отраду сколько сочувственное его сердце ему внушало, сохраняя между тѣмъ всю справедливость и осторожность, и ласковое его обращеніе, безъ нарушенія обязанностей чести и присяги, много способствовало сохраненію строгаго порядка и повиновенія въ этомъ пестромъ сборищѣ людей всевозможныхъ сословій, ибо въ ряды мятежнаго войска могъ поступать всякій, и одно достоинство и право заключалось въ личной храбрости. Находясь при генералъ-адъютантѣ Апрепѣ, я имѣлъ тоже порученіе наблюдать за продовольствіемъ плѣнныхъ. Доставленіе припасовъ на такое огромное число людей было сопряжено съ большими трудностями. Саркадъ—маленькое мѣстечко въ тысячу душъ—не могло снабдить достаточнымъ продовольствіемъ всѣхъ плѣнныхъ вмѣстѣ съ нашими войсками, и потому надо было обращаться къ помощи сосѣднихъ деревень. Генералъ-адъютантъ Анрепъ употребилъ къ тому слѣдующій, очень удобный способъ: онъ назначилъ двѣнадцать офицеровъ нашей дивизіи, которымъ далъ въ распоряженіе по взводу гусаръ и въ помощь имъ двѣнадцать же венгерскихъ офицеровъ, по выбору бывшаго начальника штаба Гергея, полковника Байера, какъ знающихъ край, для указанія мѣстъ болѣе обильныхъ продовольствіемъ. Всѣ они были подчинены графу Форгачу, находившемуся отъ австрійскаго правительства коммисаромъ по продовольственной части при нашей дивизіи, и этимъ офицерамъ опредѣлили двѣнадцать различныхъ

районовъ вокругъ Саркада, куда и отправили ихъ съ достаточнымъ числомъ фурштадскихъ телѣгъ и съ обязанностью требовать вездѣ или добывать фуражировкою нужное количество корму для лошадей и необходимые съѣстные припасы, въ пріемѣ которыхъ они должны были выдавать формальныя свидѣтельства для уплаты потомъ изъ австрійской казны. Этотъ способъ по опыту оказался дѣйствительно лучшимъ, потому что, не обременяя слишкомъ жителей, онъ доставлялъ все нужное въ надлежащей скорости.

Въ Саркадѣ мы провели дня четыре и тутъ я познакомился со всѣми начальниками и многими офицерами Гергеевскаго корпуса. Старшимъ изъ первыхъ былъ графъ Лейнингенъ, братъ австрійскаго генерала, противъ котораго онъ сражался у Коморна. Гергей особенно его отличалъ по храброму его содѣйствію при взятіи Офена. Вторымъ былъ Пелтенбергъ, перешедшій изъ ротмистровъ австрійской службы, о которомъ я говорилъ въ своемъ мѣстѣ; онъ считался въ ихъ войскѣ самымъ осторожнымъ и разсудительнымъ изъ всѣхъ. Наконецъ Наги-Шандоръ (по венгерски Александръ Великій) безпокойный умъ, вольница, настоящій революціонный вождь, командовавшій всегда авангардомъ; онъ ходилъ обыкновенно въ бѣлой блузѣ, подпоясанный саблею, и въ большой пуховой шляпѣ. Не довѣряя Гергею и потому не одобряя его поступковъ, онъ тайно дѣйствовалъ противъ своего начальника. Изъ гражданскихъ чиновниковъ въ особенности замѣчательны были: Чани, большой приверженецъ Кошута, и министръ внутреннихъ дѣлъ Шемере. Тутъ былъ и старый Кишъ, богатѣйшій помѣщикъ Венгріи, командовавшійся своимъ собственнымъ полкомъ; онъ болѣе другихъ безпокоился, какъ-бы предчувствуя ожидавшую его въ Арадѣ казнь.

Въ Саркадѣ получено было извѣстіе о сдачѣ крѣпости Арадъ генералъ-маіору Бутурлину, вслѣдствіе письма Гергея къ коменданту той крѣпости Даміаничу.

«Любезный другъ Даміаничъ! писалъ ему Гергей 14 августа 1849 г. То, къ чему я рѣшился послѣ зрѣлаго размышленія, исполнено вчерашняго числа. Все что состояло подъ моимъ начальствомъ и многіе другіе отряды, впослѣдствіи подъ мою команду поступившіе, сложили оружіе безусловно. Съ нами поступаютъ такъ, что мы не можемъ надивиться и даже почти того стыдимся; ибо если-бы мы находились въ обратномъ положеніи, то трудно мнѣ было поручиться за такое же милое и великодушное обхожденіе. Сообщаю тебѣ объ этомъ, какъ касающемся, въ настоящее время и до тебя. Приступая теперь къ отвѣту на твое письмо, врученное мнѣ твоими парламентерами и сообщенное отъ меня генералу Ридигеру, скажу, что и я, подобно тебѣ, хотѣлъ положить условія, но вѣжливый отвѣтъ былъ: императорская россійская армія пришла въ Венгрію не для переговоровъ, а для пораженія.

«Отвѣтъ этотъ частью относится и до тебя. Засимъ каждому начальнику предоставляется обсудить, какой долгъ для него священнѣе: охраненіе ли одноличнаго своего честолюбія, съ пожертвованіемъ для него жизнію и здоровьемъ людей, или же спасеніе отечества и мирныхъ жителей отъ дальнѣйшихъ бѣдствій войны? Я и храбрѣйшіе изъ моихъ подчиненныхъ были того мнѣнія, что намъ не оставалось инаго, какъ предотвратить отъ нашей, столько уже пострадавшей, несчастной отчизны, новыя бѣдствія, за которыя мы болѣе не въ состояніи доставить ей никакого вознагражденія. Взвѣсь это и вѣрь мнѣ, по претерпѣнному мною горькому опыту, что тѣ именно, которые въ минуту опасности вели себя самымъ малодушнымъ образомъ, по миновании ея, начинаютъ говорить громкимъ голосомъ безстрашія. Рѣшеніе фельдмаршала князя Варшавскаго заключается въ томъ, что онъ не можетъ принять никакого предварительнаго условія, но полагаетъ, что обхожденіемъ своимъ съ нами пріобрѣлъ довѣріе, и что его свѣтлость не можетъ войти въ переговоры, по той причинѣ, что тогда ему не возможно было-бы замѣнить окружающій крѣпость австрійскій отрядъ русскими войсками, между тѣмъ какъ замѣна эта легко могла и должна бы воспослѣдовать въ случаѣ безусловной сдачи крѣпости войскамъ его величества. Я съ моей стороны не смѣю давать тебѣ, коменданту крѣпости, ни приказаній, ни совѣта, но смѣю только просить, чтобы ты открылъ свое сердце болѣе человѣколюбію, нежели честолюбію».

Даміаничъ одинъ изъ отличнѣйшихъ и храбрѣйшихъ генераловъ венгерской арміи, сдавъ крѣпость, намѣревался пріѣхать тоже въ Саркадъ, куда былъ направленъ его гарнизонъ, для соединенія съ войсками Гергея, но дорогою заболѣлъ отъ раны, и долженъ былъ остаться въ Гулаѣ. Генералъ-адъютантъ Анрепъ послалъ меня туда и, для предосторожности, велѣлъ приставить къ нему русскаго офицера. Даміаничъ, высокій и статный мужчина, съ огромною черною бородою, былъ человѣкъ весьма пріятный, образованный и считался рыцаремъ Венгріи. Онъ сообщилъ мнѣ, будто-бы арадскому гарнизону обѣщаны Бутурлинымъ нѣкоторыя льготы, особенно-же никогда не передавать его австрійцамъ. Тотчасъ понявъ, что этого не могло быть, я поспѣшилъ однакоже донести о томъ генералу Анрепу. Дѣло разъяснилось само собою: показаніе Даміанича не подтверждалось никакими письменными доказательствами, а генералу Бутурлину приказано было принять арадскій гарнизонъ на тѣхъ-же условіяхъ, какъ приняты были войска Гергея. Слѣдственно генералу Анрепу не предстояло никакой возможности согласиться на требованія Даміанича, тѣмъ болѣе, что гарнизонъ былъ уже въ Саркадѣ. Когда я привезъ этотъ отвѣтъ, Даміаничъ, зная особенную ненависть къ нему австрійцевъ, былъ въ отчаяніи и мнѣ пришлось выслушать сильные упреки отъ прекрасной и молодой его жены,

которая вездѣ ему сопутствовала и въ ту минуту перевязывала его раненную ногу. Этотъ несчастный не удостоился даже быть разстрѣляннымъ, и Гайнау велѣлъ—его повѣсить.

Возвращаясь къ нашимъ плѣннымъ, не могу не сказать, что мѣсто гдѣ они были расположены, обратилось постепенно въ кладбище. Нечистоты оставались неубранными; дождь лилъ безостановочно двое сутокъ; наконецъ жаркіе дни, смѣнявшіеся холодными ночами, и худая пища сдѣлались причиною сильному развитію холеры, такъ что въ сутки умирало до тридцати человѣкъ. Въ это время особенно отличались своимъ самоотверженіемъ женщины, и посреди многихъ примѣровъ любви, нѣжности и состраданія, я видѣлъ не разъ, какъ жены, въ рыданіяхъ и отчаяніи, закрывали глаза своимъ умиравшимъ мужьямъ. При грозившей опасности, чтобы это несчастное положеніе не дало повода къ бунту, генералъ-фельдмаршалъ, по донесенію генералъ-адъютанта Анрепа, тотчасъ приказалъ перевести плѣнныхъ въ Гулай, ближнее огромное имѣніе графа Венкгейма, женатаго на дочери Радецкаго—мѣсто чистое, открытое и гдѣ дотолѣ не показывалось холеры. Въ числѣ плѣнныхъ находился, какъ я уже сказалъ, полковникъ Бетленъ, и съ нимъ вмѣстѣ двоюродный братъ его, баронъ Матейни, оба люди очень образованные и пріятные, которые особенно за мною ухаживали, и я съ моей стороны, сколько позволяли обязанность и святость присяги, старался облегчить ихъ положеніе. Владѣтельница Гулая, графиня Венкгеймъ, была имъ родственница, и они еще въ Саркадѣ просили у генерала Анрепа позволеніе посѣтить ее въ ея помѣстьѣ. Генералъ, зная благородство души венгерскихъ магнатовъ, согласился, но для формальности и, такъ сказать, для очистки совѣсти, приказалъ ѣхать съ ними мнѣ. Надо сказать, что родной братъ Матейни, коммисаръ австрійскій въ Арадѣ, былъ палачемъ со стороны своего правленія. Когда доложили графинѣ, что пріѣхалъ Матейни съ русскимъ офицеромъ, она перепугалась не на шутку, вообразивъ, что это Матейни изъ Арада, а я—другой палачъ. При входѣ нашемъ это дѣло, однако, тотчасъ объяснилось и графиня успокоилась. Мое личное положеніе, впрочемъ, какъ Русскаго офицера, несмотря на увѣренія Бетлена, было тутъ не очень пріятное.

— Извините, графиня,—сказалъ я,—мое присутствіе, по крайней мѣрѣ во вниманіи къ тому, что оно доставляетъ вамъ удовольствіе видѣть вашего брата.

— Ваша любезность,—отвѣчала она,—заставляетъ меня желать видѣть васъ чаще, но только не вашу армію.

— Она не будетъ,—возразилъ я.

И вотъ вдругъ, по причинамъ уже мною упомянутымъ, не болѣе какъ черезъ два дня, я, совершенно для меня неожиданно, являюсь

опять въ Гулай, и, вопреки моимъ словамъ, уже со всею арміею. Дворецъ графа Венкгейма—великолѣпное зданіе, построенное по образцу Версаля. Обширные парки съ прудами, водопадами и т. п., украшаютъ это помѣстье. Отличный конскій заводъ составлялъ главное занятіе владѣльца, который часто предлагалъ мнѣ купить у него лошадь, но карманъ мой былъ всегда пустъ. Графъ былъ, впрочемъ, умный человѣкъ, и хотя, въ качествѣ зятя графа Радецкаго, находился въ двусмысленномъ отношеніи и противъ венгерскихъ офицеровъ и противъ нашихъ, однако, умѣлъ найтись въ немъ очень хорошо. Въ венгерской арміи было много его знакомыхъ, какъ-то: графъ Лейнингенъ, Эстергази, графы Шмидекъ, графъ Сечени и другіе, которыхъ онъ встрѣчалъ въ высшемъ кругу вѣнскаго общества. Надо же было ихъ принять и между тѣмъ не дать почувствовать непріятнаго ихъ положенія, особенно въ сравненіи съ нашими офицерами, которые считались за союзниковъ и друзей. Онъ началъ съ того, что приглашалъ къ себѣ столько народу, сколько могло помѣститься въ его огромныхъ залахъ, т. е. около двухъ сотъ человѣкъ, и мы прожили почти двѣ недѣли въ его палатахъ. Генералъ-адъютанту Анрепу, какъ старшему, графъ уступилъ свой кабинетъ, а мнѣ былъ отведенъ кабинетъ графини. Генералъ нашъ, съ своей стороны, въ угожденіе хозяйкѣ, приказалъ вездѣ разставить часовыхъ, для предохраненія дома и сада отъ всякаго безпорядка. Мы жили такимъ образомъ на всемъ на готовомъ и вели точно жизнь de château у какого-нибудь англійскаго лорда. Забыли о прошедшемъ и хотя продолжали тревожиться о будущемъ, но старались успокоивать себя надеждою. Вечеромъ соединяла всѣхъ пріятная бесѣда: графиня любила музыку; открылись виртуозы и составились концерты. Иногда даже танцовали и тутъ я изучилъ прекрасный венгерскій танецъ, «чардашъ», въ которомъ венгерка такъ граціозна. Гулай сдѣлался подобіемъ Елисейскихъ полей, все въ немъ гуляло, пировало и веселилось. Но часто дѣлалось тяжело на сердцѣ при мысли, долго ли это продолжится? Скоро насталъ роковой часъ. Однимъ вечеромъ всѣ собрались въ залѣ на какой-то праздникъ, какъ вдругъ раздался крикъ: «австрійцы идутъ!» и толпа наша разбѣжалась въ страхѣ и отчаяніи. Плѣнные бросились къ генералу Анрепу, которому не оставалось инаго, какъ увѣщевать ихъ покориться судьбѣ. Причиною тоски и грусти, которыми такъ мгновенно заключилось общее веселіе, былъ пріѣздъ австрійскаго генерала, Монте-Нуово, сына Маріи-Луизы, присланнаго съ полкомъ принять венгерцевъ. Мы этого ожидали, только не такъ внезапно и не безъ всякаго предваренія. Можно вообразить себѣ затруднительное положеніе генерала Анрепа, который такъ ласково и съ такимъ участіемъ успокоивалъ и утѣшалъ нашихъ плѣнныхъ. Была минута, можетъ быть, гдѣ они насъ обвиняли; но благородныя ихъ души поняли насъ еще прежде, и ни слова упрека

или неудовольствія не вырвалось изъ устъ ихъ. Напротивъ, они искренно и усердно благодарили нашего генерала за его милостивое обхожденіе, говоря что никогда его не забудутъ. На другой день, Монте-Нуово приказалъ обезоружить генераловъ и офицеровъ, которымъ, какъ я сказалъ, графъ Ридигеръ оставилъ ихъ сабли, и просилъ генерала Анрепа изначить своего адъютанта къ пріему этихъ сабель и къ составленію списка плѣнныхъ. Я осмѣлился просить его превосходительство избавить меня отъ такой должности, употребивъ къ тому австрійскаго офицера. Такъ и было сдѣлано. Для печальной, такъ сказать, послѣдней церемоніи, назначена была комната въ нижнемъ этажѣ: тамъ сидѣлъ офицеръ, плѣнные же не входили въ нее, а бросали ему свои сабли черезъ окно и такъ его закидали, что онъ наконецъ упалъ, израненный и обагренный кровью. Имѣвшіе изъ плѣнныхъ ближайшее со мною знакомство, пришли еще ночью ко мнѣ прощаться, и я, предчувствуя участь этихъ бѣдняковъ, крѣпко прижималъ ихъ къ сердцу.

VI.

Послѣднее слово.

Не сомнѣваюсь, что сердце каждаго добраго русскаго внутренно кипѣло отъ справедливой досады, когда, тотчасъ по окончаніи кампаніи, обнаружилось сужденіе австрійцевъ о нашемъ посредничествѣ въ венгерскихъ дѣлахъ. Дѣйствительно, не больно-ли было слушать, когда они увѣряли, что мы были ихъ наемниками, тогда какъ пріобрѣтенная въ эту кампанію слава стоила намъ столько родной крови и столькихъ милліоновъ; или читать девятый бюллетень австрійскаго фельдцейхмейстера барона Гайнау, приписывавшаго всю честь усмиренія Венгріи единственно себѣ и австрійскому войску, безъ всякаго даже упоминанія о помощи русскихъ и о бывшемъ у него русскомъ корпусѣ, безъ котораго Гергей разбилъ бы его.

«Побѣда подъ Темешваромъ, сказано было въ девятомъ бюллетенѣ, и осада этой крѣпости нанесли мятежнической арміи такое пораженіе, что она не можетъ болѣе оказывать сопротивленія. Послѣ побѣга непріятель оставилъ значительное число оружія, орудій и до тысячи отсталыхъ. Число военно-плѣнныхъ послѣ сраженія подъ Арадомъ простирается до 18,000 человѣкъ. Остальная часть, положивъ оружіе, возвращается въ свои дома и непріятельская пѣхота вовсе болѣе не существуетъ (а послѣ этого Гергей сдался русскимъ съ 30,000 человѣкъ!!). Гергей считалъ себя въ безопасности и соединеніе свое обезпеченнымъ, но между тѣмъ дунайская австрійская армія заста-

вила его снять осаду Темешвара и угрожала Араду. Шликъ встрѣтилъ его при Арадѣ и заставилъ возвратиться туда съ значительнымъ уономъ. Потомъ Гергей отправился на Лугошъ, гдѣ колонна наша опрокинула его совершенно. Эти дѣйствія были рѣшительныя и ему не оставалось ни одного выхода. Отъ Гроссвардейна—корпусъ графа Ридигера, со стороны Трансильваніи—авангардъ генерала Лидерса, наконецъ на лѣвомъ берегу Мораша—дунайская австрійская армія. Окруженный такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, Гергей сложилъ оружіе со всею арміею, уменьшенною до 20,000 человѣкъ, но имѣвшею еще 140 орудій. Австрійская армія ликуетъ, ибо это о н а, которая въ продолженіе шести мѣсяцевъ поражала непріятеля до его уничтоженія и теперь рѣшила покореніе Гергея и сдачу крѣпости Арада».

Русскіе презирали эту клевету, но за нихъ отвѣчала вся Европа, свидѣтельница блистательныхъ подвиговъ и безкорыстнаго конца. Позволяю себѣ, но только здѣсь и для самого себя, сказать нѣсколько словъ въ доказательство, что честь кампаніи принадлежитъ не той державѣ, которая погибла бы безъ нашей помощи, а именно намъ, и начну прямо съ исчисленія того, что, оставляя предѣлы Австріи, мы ей передали или возвратили. Это было т о л ь к о: 400 орудій, 150 знаменъ, болѣе 80,000 плѣнныхъ сдавшихся не австрійцамъ, а тоже н а м ъ, крѣпости Арадъ и Мункачь, съ множествомъ артиллерійскихъ припасовъ, и значительныя суммы звонкой монеты, отобранныя при сложеніи Гергеемъ оружія. Отсюда видно, какое участіе русскіе приняли въ усмиреніи Венгріи, и хотя Австрія все приписала себѣ, но самое наше равнодушіе къ такому извращенію съ ея стороны истины еще болѣе утвердило силу и славу Россіи. Въ началѣ 1849 года, когда австрійскія войска были вытѣснены изъ Венгріи и самой Вѣнѣ грозило нападеніе, главнокомандующій россійской арміи, по усиленнымъ просьбамъ Австріи, не имѣвъ даже времени для переписки, рѣшился, на свою отвѣтственность, отправить два отряда, подъ командою генералъ-лейтенантовъ Засса и Панютина, въ австрійскую армію. Внезапное появленіе этихъ отрядовъ заставило инсургентовъ отказаться отъ своихъ намѣреній двинуться на Вѣну, что подтвердили, съ одной стороны, генералъ Вельтенъ, а съ другой—Гергей, въ своихъ разговорахъ съ нашимъ генералъ-фельдмаршаломъ. Затѣмъ 5-й корпусъ, вступивъ въ Трансильванію, разъединилъ вниманіе и силы венгерцевъ и лишилъ Бема возможности идти на помощь остальной части ихъ арміи, противъ которой направились 2-й, 3-й и 4-й корпуса. Вторженіемъ этого стотысячнаго войска въ сердце Венгріи нашъ главнокомандующій очистилъ мгновенно отъ мятежниковъ всю сѣверную и среднюю ея часть и отдѣлилъ совершенно армію Гергея отъ южной Перцеля, Высоцкаго и Дембинскаго. Пока наши войска дѣйствовали побѣдоносно въ Трансильваніи, австрійскія,

подъ командою барона Гайнау, безплодно боролись съ тридцатитысячною арміею Гергея на берегахъ Дуная, и кто знаетъ, какой бы подвергнулись участи безъ русской дивизіи генералъ-лейтенанта Панютина, которая, какъ видно изъ записокъ Гергея и даже изъ реляцій самыхъ сраженій, всегда ихъ спасала. Всѣмъ извѣстно, что графъ Шликъ, одинъ понявшій, какъ велика честь поблагодарить Россію, со всѣмъ штабомъ своимъ подъѣхалъ къ генералу Панютину и, снявъ шляпу, сказалъ ему во всеуслышаніе, что онъ спасъ всю армію подъ Передомъ. Если бы Гергей не былъ разбитъ при Вайценѣ, Лосончѣ, Ретшагѣ, то Гайнау никогда не рѣшился бы переправиться черезъ Дунай и идти такъ быстро на Тейссу. И сраженіе подъ Шегединомъ не обошлось безъ помощи русскихъ, какъ всѣ очевидцы говорили. Послѣ Дебречинскаго дѣла, графъ Ридигеръ былъ двинутъ на Гроссвардейнъ, къ Араду, чтобы предохранить австрійскую армію отъ Гергея. Наконецъ, видя себя окруженнымъ и внѣ возможности бороться съ русскими, диктаторъ рѣшился предпочесть человѣколюбіе видамъ честолюбивымъ и сложилъ оружіе, опять-таки, не передъ австрійцами, а передъ войсками его величества Императора Всероссійскаго.

Но вотъ факты, говорящіе еще яснѣе.

1-го (12-го) августа генералъ Гайнау писалъ графу Ридигеру: «Гергей перешелъ Морашъ у Липпы, для соединенія съ южною арміею; такимъ образомъ непріятель у Лугоша будетъ имѣть около 80,000 человѣкъ при 200 орудіяхъ. Моя армія съ дивизіею Панютина состоитъ изъ 38,000 человѣкъ, а кавалерія тоже малочисленнѣе венгерской. Считая обязанностію довести о семъ до свѣдѣнія вашего сіятельства, прошу васъ согласиться направить вашъ корпусъ на Липпу, ускоривъ сколь возможно движеніе кавалеріи, для дѣйствія противъ Лугоша. Соединясь, мы можемъ дружно атаковать непріятеля, потому что ваша кавалерія замѣнитъ недостатокъ моей». Въ припискѣ было прибавлено: «Гергей намѣренъ былъ перейти Люрошъ, у Ронды, но встрѣтивъ насъ, сжегъ мостъ и потянулся на Лугошъ. Прошу всепокорно ваше сіятельство, какъ можно скорѣе преслѣдовать Гергея».

Послѣ битвъ подъ Передомъ, Гетгарсомъ, Вайценомъ, Дебречиномъ, Ретшагомъ и т. д., гдѣ побѣдителями были русскія войска, можно-ли было австрійскому полководцу писать такой приказъ:

Приказъ по арміи 18-го августа 1849 года.

«Побѣдоносная армія его императорско-королевскаго величества сокрушила тысячеглавую гидру венгерской революціи. Главный корпусъ мятежниковъ, подъ начальствомъ лучшаго ихъ вождя Гергея, сдался безусловно; крѣпость Арадъ вновь занята императорско-королевскими войсками. Остальные мятежники разбѣжались передъ нашими побѣдоносными войсками! И такъ войну можно считать конченною, и Венгрія вновь занята войсками нашими!!!» **Ѳедоръ Григоровъ.**

Польская смута 1863 года [1]).

II.

Россія и Пруссія.

Уже болѣе полугода, какъ европейское положеніе Пруссіи становилось сложнѣе и напряженнѣе. 22-го января 1863 года, тотчасъ по отклоненіи союзнымъ сеймомъ австрійскаго проекта о делегаціяхъ, Австрія ясно выговорила себѣ право предлагать подобные проекты реформъ и вводить ихъ если не во всей Германіи, то въ тѣхъ государствахъ, которыя за таковые выскажутся, и графъ Рехбергъ [2]) рѣшительно сталъ на сторону Бейста [3]), утверждавшаго, что сами правительства должны взять въ руки дѣло реформъ, если не хотятъ быть захваченными революціей. При такихъ данныхъ кризисъ, который только-что устранили, могъ каждую минуту возобновиться, а съ нимъ снова подымался вопросъ о прекращеніи союзнаго договора и объ обращеніи къ силѣ оружія. Въ такомъ случаѣ въ какія отношенія пришлось бы стать германскимъ государствамъ къ чужимъ великимъ державамъ?

Съ Англіею Австрія уже много лѣтъ шла рука объ руку во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ Восточнаго вопроса, и хотя англійскій кабинетъ нимало не помышлялъ о вмѣшательствѣ въ германскія дѣла, тѣмъ не менѣе сочувствіе его было на сторонѣ вѣнскаго двора и онъ неустанно уговари-

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ май 1898 г.

[2]) Австрійскій министръ президентъ.

[3]) Саксонскій министръ иностранныхъ дѣлъ (впослѣдствіи и австрійскій).

валъ Берлинъ примириться съ Австріею. Изъ Берлина могъ быть лишь одинъ отвѣтъ: поведеніе Австріи дѣлаетъ всякое сближеніе невозможнымъ, и Англіи слѣдовало бы направлять свои увѣщанія въ Вѣну; понятно, что такой отвѣтъ не могъ улучшить настроенія лондонскаго кабинета по отношенію къ Пруссіи.

Вѣрный поставленной Кавуромъ основной задачѣ сдѣлать Римъ столицею Италіи, но притомъ лишь мирнымъ путемъ, туринскій кабинетъ удержалъ Гарибальди отъ дерзкаго нападенія на Римъ (банда добровольцевъ была разбита туринскими войсками подъ Аспромонте), но заявилъ въ то же время, что ни одно изъ итальянскихъ правительствъ не отступаетъ отъ разрѣшенія этого вопроса въ благопріятномъ для всего итальянскаго народа смыслѣ. Вслѣдствіе этого императоръ Наполеонъ, который не желалъ выводить французскихъ войскъ изъ Рима и не оставлялъ надежды понудить папу и Италію къ признанію существующихъ границъ владѣній, рѣшилъ показать всю свою немилость туринскому кабинету. Въ Римъ и Туринъ онъ назначилъ посланниковъ съ клерикальнымъ оттѣнкомъ и на мѣсто Тувенеля [1]) призвалъ снова стараго благоволителя папы и Австріи—Друэнъ-де-Люиса. О довѣріи съ той поры къ французской дружбѣ въ Берлинѣ не могло быть и рѣчи.

Тѣмъ важнѣе было для Пруссіи надежное соглашеніе съ Россіею и тѣмъ опаснѣе нарушеніе его польскими смутами.

Трудно было рѣшить, какая опасность была бы худшею для Пруссіи: торжество ли, во всякомъ случаѣ не слишкомъ вѣроятное, возстанія, какъ его вели Мѣрославскій, Мазини и Гарибальди, или же появленіе автономной Польши подъ русскимъ и французскимъ покровительствомъ, по плану Велепольскаго и Горчакова.

Въ моментъ взрыва возстанія красная партія возвѣстила о своихъ требованіяхъ на Западную Пруссію, Познань и Померанію; она уже взимала тамъ съ своихъ единоплеменниковъ подать, брала оттуда рекрутовъ и въ Познани учредила даже мѣстное управленіе.

Конечно, автономная Польша Велепольскаго едва ли надвигалась бы съ такимъ натискомъ, но министръ все-таки былъ бы къ тому недостаточно понуждаемъ какъ польскими патріотами, такъ и панславистскими домогательствами и собственною ненавистью къ нѣмцамъ, а Горчаковъ никогда не подумалъ бы наложить на него узды въ этихъ дѣлахъ. Не только для Познани и Западной Пруссіи, но и для всей монархіи не было бы ни одного часа покоя. Поэтому, уже при первомъ извѣстіи о польскомъ возстаніи, въ Берлинѣ пришли къ рѣшенію обратиться непосредственно къ личнымъ чувствамъ императора Александра [2]).

[1]) Министра иностранныхъ дѣлъ.

[2]) Въ началѣ король помышлялъ лишь о посылкѣ военной миссіи въ Варшаву, но черезъ три дня планъ былъ расширенъ.

Генералъ Густавъ фонъ-Альвенслебенъ получилъ приказаніе ѣхать сначала въ Петербургъ, а лишь оттуда въ Варшаву. Въ Петербургѣ онъ долженъ былъ вручить императору собственноручное письмо короля, получить возможно полныя разъясненія того, что произошло до сей поры, но главнымъ образомъ проложить путь къ соглашенію о совмѣстномъ подавленіи возстанія.

«Король,—говорилось въ инструкціи,—проникнутъ убѣжденіемъ, что интересы обоихъ правительствъ подвергаются одинаковой опасности со стороны всякаго польскаго движенія, и что освобожденіе польскаго элемента изъ-подъ власти императора неминуемо окажетъ вліяніе и за предѣлами Царства, подвергнувъ опасности спокойствіе какъ въ сосѣднихъ королевскихъ провинціяхъ, такъ и въ западныхъ областяхъ имперіи. Поэтому мы полагаемъ, что по отношенію къ польской революціи оба двора должны выступить въ качествѣ дѣйствительныхъ союзниковъ, которымъ угрожаетъ общая опасность».

Вслѣдствіе сего надлежало уговориться о томъ, чтобы были даны приказанія начальникамъ войскъ, находящимся по обѣимъ сторонамъ границы, оказывать другъ другу всякую поддержку, необходимую для возстановленія спокойствія и подавленія движенія.

Всякій, кто въ то время слѣдилъ за тѣмъ, что творится въ Европѣ, могъ бы назвать такой шагъ безразсудною отвагою. Пресса всѣхъ культурныхъ странъ съ ликованіемъ привѣтствовала польскій мятежъ; единогласно произносился приговоръ осужденія русской тиранніи, беззаконнымъ будто бы рекрутскимъ наборомъ доведшей страдальческій народъ до отчаянной борьбы.

Обычно нейтрализирующія другъ друга теченія либеральное, клерикальное и національное, здѣсь объединились; общественное мнѣніе имъ сочувствовало и они имѣли защитниковъ у всѣхъ могущественныхъ державъ. Нужна была твердая рѣшимость, чтобы выступить противъ общаго натиска и открыто стать на сторону одиноко стоявшей Россіи, отъ которой всѣ отвернулись.

Именно благодаря этимъ обстоятельствамъ императоръ оказалъ прусскому генералу вдвойнѣ милостивый пріемъ. Чѣмъ болѣзненнѣе отзывалась въ мягкомъ сердцѣ монарха направленная на него буря, тѣмъ освѣжительнѣе на него подѣйствовало появленіе этой миссіи, заявившей о надежномъ дружескомъ расположеніи. Онъ отъ всего сердца пожалъ протянутую союзникомъ руку.

Альвенслебенъ, между прочимъ, убѣдился, что Велепольскій у императора еще въ милости: Александръ съ участіемъ и негодованіемъ сообщилъ о двухъ новыхъ попыткахъ отравить этого выдающагося человѣка. «Вообще,—писалъ Альвенслебенъ,—Велепольскій имѣетъ здѣсь сильную партію. Въ русскомъ народѣ настроеніе двоякое: съ одной стороны, бѣ-

шеная ненависть къ злодѣйскимъ убійствамъ, съ другой—мнѣніе, что Россія не имѣетъ ни малѣйшей выгоды въ господствованьи надъ Польшею. Но императоръ непоколебимо держался своей точки зрѣнія: какъ можно скорѣе подавить возстаніе и затѣмъ ввести въ краѣ возможно лучшее управленіе. По его повелѣнію, Горчаковъ предложилъ прусскому генералу изложить въ письменной конвенціи необходимыя мѣропріятія. Альвенслебенъ не имѣлъ на то ни порученія, ни полномочій, но видя, что дѣло не сложно, не нашелъ основаній къ тому, чтобы уклониться отъ предложенія вице-канцлера, и 6-го февраля послалъ проектъ такой конвенціи въ Берлинъ. Въ силу ея, по просьбѣ русскаго или прусскаго главнокомандующаго, или тѣхъ или другихъ пограничныхъ властей, начальники отдѣльныхъ частей войскъ были уполномочены оказывать другъ другу помощь, въ случаѣ нужды, для преслѣдованія повстанцевъ, переходящихъ границу государства. Затѣмъ слѣдовала еще одна статья, по просьбѣ Горчакова, секретная: прусскому главнокомандующему обѣщано сообщать всѣ свѣдѣнія о происках поляковъ по отношенію къ Познани. Король Вильгельмъ на все изъявилъ свое согласіе и пожелалъ лишь взаимности для секретной статьи. Горчаковъ добавилъ къ проекту еще одно условіе, которое, въ сущности, все уничтожало: соглашеніе остается въ силѣ, пока того требуетъ положеніе дѣлъ и пока оба двора считаютъ его полезнымъ. Договоръ, отъ котораго каждая сторона можетъ во всякое время отступиться, строго говоря, едва ли можетъ называться договоромъ. 8-го февраля документъ этотъ былъ подписанъ Альвенслебеномъ и Горчаковымъ; ратификаціи монарховъ не было. Горчаковъ, которому миссія Альвенслебена была донельзя непріятна во всѣхъ отношеніяхъ, рѣшилъ инымъ путемъ найти себѣ воздаяніе за причиненную ему Пруссіею въ Петербургѣ досаду; 9-го февраля онъ поспѣшилъ сообщить французскому посланнику, герцогу Монтебелло, текстъ заключенной конвенціи [1]).

Впрочемъ, самъ Бисмаркъ не былъ склоненъ дѣлать тайны изъ существенныхъ частей конвенціи. Почти половина прусскаго войска, четыре корпуса изъ девяти, была приведена на военное положеніе и разставлена вдоль всей польской границы, отъ Инстербурга до Оппельна. Остановившись, на обратномъ пути, въ Варшавѣ, Альвенслебенъ нашелъ тамошнее правительство увѣреннымъ въ побѣдѣ и раздраженнымъ по поводу конвенціи, свидѣтельствовавшей о необходимости посторонней помощи. Въ приложенной къ ней инструкціи для русскихъ генераловъ значилось, что послѣдніе должны были заботиться о томъ, чтобы случаевъ перехода границы было какъ можно менѣе; вытекала отсюда необходи-

[1]) Монтебелло самъ разсказывалъ это прусскому посланнику фонъ-Редерну.

мость и прусскимъ начальникамъ частей заботиться о томъ же. Альвенслебенъ и сопровождавшіе его офицеры сообщили мало назидательнаго о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ.

Во всѣхъ провинціяхъ края шныряли вооруженныя банды, въ большинствѣ случаевъ малочисленныя, такъ какъ крестьяне рѣшительно отказались примкнуть къ возстанію; болѣе многочисленныя ватаги встрѣчались въ юго-западномъ углу, куда прибывали добровольцы изъ Силезіи и Галиціи. Вожаки разглашали всюду, что обѣщанная иностранная помощь уже близка, и тѣмъ поддерживали въ людяхъ бодрость.

При неопредѣленности положенія дѣлъ въ Польшѣ, Бисмаркъ счелъ нужнымъ уничтожить въ великихъ державахъ всякія сомнѣнія относительно поведенія Пруссіи. 11-го февраля, въ разговорѣ съ англійскимъ посланникомъ Букананомъ онъ сообщилъ ему довѣрительно о заключенной съ Россіею конвенціи на предметъ совмѣстнаго подавленія возстанія. Посланникъ спросилъ, дозволяется ли войскамъ переходить границу. Бисмаркъ отвѣтилъ утвердительно и категорически заявилъ, что Пруссія никогда не потерпитъ существованія на своей границѣ независимой Польши.

— А если,—сказалъ Букананъ,—поляки русскихъ выгонятъ? Вѣдь можетъ же это случиться?

— Тогда,—отвѣтилъ Бисмаркъ,—мы попытаемся сами занять Царство, чтобы помѣшать возникновенію враждебной намъ державы.

— Этого Европа никогда не допуститъ!—воскликнулъ Букананъ, и повторилъ это неоднократно.

Бисмаркъ коротко спросилъ:

— Кто такое Европа?

— Разныя большія націи,—отвѣтилъ посланникъ.

— Пришли ли уже вы къ соглашенію?—спросилъ Бисмаркъ.

— Букананъ уклонился отъ положительнаго отвѣта и заявилъ только, что Франція находится въ невозможности допустить новое порабощеніе Польши.

— Для насъ,—повторилъ Бисмаркъ,—подавленіе возстанія вопросъ жизни и смерти,—и закончилъ разговоръ примѣчаніемъ, что безполезно распространяться о случайностяхъ, которыя предвидѣть трудно.

Въ такомъ же духѣ онъ говорилъ впослѣдствіи съ французскимъ посланникомъ Талейраномъ, ограничившимся заявленіемъ, что ему еще неизвѣстны взгляды его правительства относительно Польши. Бисмаркъ говорилъ съ нимъ тѣмъ откровеннѣе, что уже въ бытность свою посланникомъ въ Парижѣ онъ излагалъ въ самой опредѣленной формѣ свои воззрѣнія на эти дѣла Наполеону, выразившему, что необходимо что-нибудь сдѣлать для Польши; само французское правительство, не дальше какъ 4-го февраля, отвергло сдѣланное Жюль-Фавромъ, въ законода-

тельномъ собраніи, предложеніе выразить сочувствіе полякамъ и посовѣтовало Польшѣ обратиться къ великодушію и гуманности императора Александра.

Но тутъ вскорѣ Бисмарку пришлось горько разочароваться:

Наполеонъ былъ, конечно, противникомъ партіи красныхъ какъ всюду въ Европѣ, такъ и въ Польшѣ. Но онъ охотно присоединился-бы къ планамъ Горчакова и Велепольскаго, и уже по этой одной причинѣ прусская конвенція была ему совсѣмъ не по душѣ. Къ тому-же общественное мнѣніе Франціи было сильно возбуждено; все духовенство, идя рука объ руку съ либералами, было настроено въ пользу Польши, а въ поддержкѣ его правительство крайне нуждалось въ виду предстоявшихъ въ непродолжительномъ времени выборовъ.

Въ тискахъ между симпатіями націи къ Польшѣ и собственнымъ расположеніемъ къ Россіи, парижскому кабинету пришло на мысль, что, быть можетъ, «можно что-нибудь сдѣлать для Польши», если направить агитацію не противъ Россіи, «origo mali» (причину зла), а противъ причастной къ злу Пруссіи. Никто, какъ Друэнъ-де-Люисъ не могъ-бы взяться за такое дѣло охотнѣе и ревностнѣе. Уже 15-го февраля онъ говорилъ прусскому посланнику графу Гольцу.

— Мы понимаемъ, что каждая изъ трехъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ, стремится къ сохраненію своихъ польскихъ провинцій; но мы полагали, что для защиты Познани вамъ ничьей помощи не нужно и что вы предоставите Россіи самой выполнить свою задачу. Такимъ образомъ была-бы поднята лишь одна третья часть польскаго вопроса и мы могли-бы быть спокойными зрителями. Положеніе мѣняется, если дѣло заходитъ о всемъ польскомъ вопросѣ цѣликомъ. Боюсь, что вы сами поспѣшите поставить этотъ вопросъ. Не озабочиваетъ-ли васъ, что при настроеніи англійскаго и французскаго народовъ, ваша солидарность съ Россіею можетъ вызвать солидарность на другой сторонѣ?

Онъ говорилъ, правда, въ дружескомъ тонѣ, высказывая лишь опасенія, которыя—какъ онъ надѣялся—не осуществятся. Но 17-го февраля онъ послалъ депешу такого же содержанія Талейрану, указывая на то, что польское дѣло, до сей поры мѣстное, становилось, благодаря прусской конвенціи, европейскимъ. 18-го февраля онъ послалъ въ Петербургъ депешу Монтебелло, въ которой, ссылаясь на то, что Россія не выполняетъ постановленій конгресса 1815 года, выражалъ опасеніе, что оба двора могутъ стать въ натянутыя отношенія. Что онъ, Друэнъ-де-Люисъ, былъ зачинщикомъ возникавшаго дѣла,—это видно изъ ссылки на договоры 1815 года, ненавистные императору какъ всякому Бонапарту. По отношенію къ Гольцу тонъ его возвышался изо-дня-въ-день и до такой степени, что онъ однажды прямо заявилъ ему о необходимости увольненія Бисмарка, какъ о единственномъ способѣ возстановить добрыя

отношенія. Хотя менѣе враждебно, но въ томъ же смыслѣ, Наполеонъ бесѣдовалъ 20-го февраля съ Гольцомъ.

— Вы знаете, говорилъ онъ, насколько я постоянно стремился къ тѣсному согласію съ Пруссіею; сдѣлай эту ошибку съ конвенціей Австрія—мнѣ было-бы безразлично, но такой образъ дѣйствій Пруссіи причиняетъ мнѣ истинное огорченіе.

Между тѣмъ, несмотря на это огорченіе, былъ уже заготовленъ и 21-го отправленъ въ Лондонъ и Вѣну проектъ тождественной ноты, въ которой всѣ три двора, въ самыхъ вѣжливыхъ формахъ, должны были высказать берлинскому кабинету глубокое сожалѣніе по поводу заключенія конвенціи и за-одно выразить надежду, что Пруссія вскорѣ признаетъ необходимымъ, ради собственныхъ выгодъ, отказаться отъ нея.

Друэнъ-де-Люисъ не сомнѣвался въ согласіи обоихъ дворовъ. Онъ зналъ, что въ Вѣнѣ гнѣвъ противъ Пруссіи за реформу союзнаго сейма и за торговый договоръ пылалъ яркимъ пламенемъ, что вліятельнѣйшіе совѣтники Рехберга, Бигелебенъ и Мейзенбугъ, уже ради католичества были ревностными друзьями поляковъ и что въ Галиціи послѣдніе могли невозбранно посылать черезъ границу деньги и людей. Въ Лондонѣ общественное мнѣніе было полностью на сторонѣ Польши и еще 20-го февраля лордъ Джонъ Руссель заявилъ въ парламентѣ, что варшавскій рекрутскій наборъ былъ неразумнѣйшимъ и несправедливѣйшимъ шагомъ, какой только могла сдѣлать Россія, а Пруссія, заключивъ конвенцію, взяла на себя отвѣтственность въ столь злостномъ мѣропріятіи.

Но несмотря на все это расчетъ Друэнъ-де-Люиса не оправдался. Лордъ Джонъ Руссель, какъ правовѣрный вигъ, былъ конечно на сторонѣ Польши, какъ всякой угнетенной народности, но призналъ опасность возстанія для Пруссіи, и, въ качествѣ практическаго государственнаго человѣка, вовсе не желалъ вредить Пруссіи или видѣть что ей вредятъ. Поэтому онъ отвѣтилъ на французское сообщеніе, что при всей ея вѣжливости, тождественная нота, какъ таковая, имѣла-бы многозначущій и почти угрожающій видъ представленія. Какъ онъ конвенцію ни порицаетъ, но практическое значеніе ея не на столько велико, чтобы дать поводъ къ подобному шагу. Если-же, вообще, хотѣли выступить, то почему-же противъ помощника, а не противъ того кто зло породилъ? Вслѣдствіе сего Англія отклонила отправку Пруссіи ноты и, взамѣнъ того, предложила общее дѣйствіе противъ Россіи со стороны государствъ, подписавшихъ акты Вѣнскаго конгресса. Австрія, примыкавшая тогда все тѣснѣе и тѣснѣе къ Англіи, отклонила, изъ недовѣрія къ Наполеону, подписаніе тождественной ноты Пруссіи, несмотря на разладъ съ послѣдней.

Такимъ образомъ воздѣйствіе французскаго министра закончилось дипломатическимъ фіаско. Тѣмъ не менѣе оно было полно значенія:

этимъ самымъ французское правительство признало себя обязаннымъ оказать поддержку польскому дѣлу. Оно потерпѣло въ данномъ случаѣ пораженіе, которое Наполеонъ, въ глазахъ своего народа перенести не могъ. Англія призывала къ иному способу дѣйствія противъ Россіи и императору было вдвойнѣ трудно отъ этого уклониться, хотя онъ ясно видѣлъ всѣ послѣдствія такого шага.

Бисмаркъ не безъ озабоченности, но съ твердою рѣшимостью слѣдилъ за развитіемъ въ теченіе этихъ дней дѣятельности французскаго правительства и, по полученіи первыхъ отчетовъ о томъ, уже напередъ заявилъ французскому посланнику, что въ польскихъ дѣлахъ для Пруссіи выбора нѣтъ, и что на всякое предложеніе заступничества за Польшу онъ, кромѣ отказа, никакого другаго отвѣта не дастъ.

Вскорѣ затѣмъ онъ получилъ совершенно неожиданное и странное извѣстіе изъ противуположнаго лагеря. 22-го февраля къ нему пришелъ русскій посланникъ Убри и заявилъ, что правительство его, въ виду положенія дѣлъ въ Европѣ, полагаетъ настоятельно необходимымъ лишить силы ту статью конвенціи, по которой русскимъ и прусскимъ военноначальникамъ предоставляется право переступать границу. Это равнялось приблизительно уничтоженію всего договора, такъ какъ полномочія для перехода черезъ границу были единственнымъ его постановленіемъ, для котораго требовался обоюдный уговоръ. Какъ бы то ни было но прусскому командующему была тотчасъ же послана инструкція въ смыслѣ пожеланій Убри, а самъ Убри былъ о томъ увѣдомленъ. Два дня спустя новая неожиданность—телеграмма изъ Варшавы, въ которой сообщалось, будто бы Пруссія, вслѣдствіе извѣстій изъ Парижа и несмотря на конвенцію, не желаетъ, чтобы войска переходили границу, и предлагалось дать соотвѣтствующія приказанія русскимъ генераламъ.

Бисмаркъ не мало былъ удивленъ тому, что желаніе прекратить дѣйствіе конвенціи приписывалось Пруссіи. Во всякомъ случаѣ данная мѣра отнимала у конвенціи всякое практическое значеніе, а потому Бисмаркъ не стѣснился въ присутствіи Убри заявить англійскому посланнику, что отнынѣ конвенція будетъ мертвой буквой. Но тотчасъ-же затѣмъ выяснилось, что все это дѣло было затѣяно княземъ Горчаковымъ безъ вѣдома императора. Александръ II узналъ объ этомъ лишь, когда Горчаковъ сообщилъ ему лживое извѣстіе о томъ, что Пруссія желаетъ прекращенія дѣйствія конвенціи, и это привело его въ необычайное волненіе. 25-го февраля онъ принялъ прусскаго военнаго уполномоченнаго фонъ-Лёна и возбужденно спросилъ его:

— Знаете-ли вы, что случилось? Когда сговариваются военные, все идетъ хорошо; но когда вмѣшиваются дипломаты, выходятъ только глупости. По желанію короля, я съ радостью заключилъ конвенцію; теперь я слышу, что Пруссія, по соображеніямъ своей внутренней и внѣшней

политики, желаетъ ее уничтожить. Я на это тотчасъ-же соглашусь, хотя я не вижу, какое дѣло Франціи до конвенціи. Или въ Берлинѣ подумали, что Россія хочетъ отъ нея отступиться? Само собою разумѣется, что благодаря улучшившемуся положенію дѣлъ въ Польшѣ мы въ конвенціи больше не нуждаемся, но отступать отъ нея я никогда не думалъ, и какъ уже сказалъ, готовъ и на это, если могу этимъ избавить Пруссію отъ затрудненій. Если Убри говорилъ что-либо иное, я отъ него отрекусь (je vais le désavouer).

Лёнъ потребовалъ телеграммою инструкцій и 28-го февраля получилъ въ отвѣтъ, что прусскій кабинетъ находитъ прекращеніе дѣйствія конвенціи не цѣлесообразнымъ: было бы правильнѣе заявить передъ иностранцами, что она до сей поры не была еще въ законченномъ видѣ, такъ какъ не были еще выяснены всѣ распоряженія, касающіяся ея примѣненія.

На слѣдующій день принимая Лёна, императоръ спросилъ: «Итакъ Пруссія желаетъ уничтоженія конвенціи?»

Но когда Лёнъ прочиталъ ему депешу Бисмарка, высказалъ полное свое удовлетвореніе по поводу разъясненія недоразумѣнія и рѣшительности твердо держаться другъ за друга.

Бисмарку пришлось, однако же, и у себя дома бороться съ другими затрудненіями,—съ враждебнымъ настроеніемъ палаты депутатовъ, которая и польское дѣло втянула въ область своихъ занятій. Со времени закрытія послѣдней сессіи, мнѣніе о томъ, что продолженіе управленія безъ бюджета [1]) составляетъ тяжкое нарушеніе конституціи, все болѣе и болѣе распространялось въ странѣ и среди всѣхъ партій пустило крѣпкіе корни. Тотчасъ послѣ открытія новой сессіи, палата въ адресѣ королю выступила съ прямымъ обвиненіемъ министра. Но такъ какъ король крѣпко держался за своихъ совѣтниковъ и конституція не давала средствъ преслѣдовать ихъ судебнымъ порядкомъ, то принято было рѣшеніе оспаривать и отклонять всякое предложеніе, всякое мѣропріятіе ненавистнаго министра, открыть, какъ говорилось, войну по всей линіи. Когда зашла рѣчь о конвенціи 8-го февраля, о неизвѣстномъ текстѣ которой ходили самые преувеличенные толки, то отнюдь не воодушевленіе Польшею со стороны немногихъ депутатовъ руководило желаніемъ скорѣйшаго обсужденія дѣла, а опасеніе большой европейской войны, въ которую страна втягивалась, какъ казалось, благодаря смѣлой до безумія политикѣ Бисмарка. Какъ и во время спора о бюджетѣ, масса населенія и большинство па-

[1]) Извѣстно, что за полгода передъ тѣмъ, палата господъ не утвердила бюджета, что не мѣшало королю Вильгельму и Бисмарку продолжать начатое дѣло реорганизаціи арміи и производить всѣ необходимые расходы. Въ теченіе четырехъ лѣтъ бюджетъ не утверждался, а управленіе страною шло своимъ чередомъ. *Прим. перев.*

латы были убѣждены, что этотъ заносчивый юнкеръ только и помышляетъ что о стѣсненіи всякой вольности и поэтому помогаетъ подавленію Польши, не взирая на опасность для Пруссіи погибнуть подъ натискомъ западныхъ державъ. Послѣ трехдневныхъ страстныхъ преній, во время которыхъ Бисмаркъ отказалъ въ какомъ бы то ни было сообщеніи о содержаніи и цѣли конвенціи, палата подавляющимъ большинствомъ голосовъ рѣшила, что для блага Пруссіи необходимо соблюдать за все время польскаго возстанія строгій нейтралитетъ.

Въ пылу ожесточенной борьбы изъ-за конституціи, никто не подумалъ о томъ, что подобное рѣшеніе можетъ повредить положенію правительства въ глазахъ иностранцевъ и тѣмъ умножить для Пруссіи болѣе грозныя, быть можетъ, опасности. Еще менѣе помыслилъ кто-либо въ палатѣ или въ странѣ о томъ, что благодаря конвенціи и достигнутымъ ею закрѣпленіемъ русской дружбы закладывался первый камень фундамента, на которомъ воздвигалось будущее величіе Пруссіи.

Между тѣмъ ни эти нападки, ни происки Горчакова, ни угрозы французовъ ни на волосъ не уклоняли министра отъ намѣченнаго имъ пути. Англійское предложеніе присоединиться къ совмѣстному шагу противъ Петербурга со стороны державъ, участвовавшихъ въ Вѣнскомъ конгрессѣ, онъ отклонилъ, какъ несоотвѣтствующее прусской точкѣ зрѣнія въ этомъ дѣлѣ.

Впрочемъ, поднятая февральскою конвенціею буря мало-по-малу улеглась, когда въ англійскихъ газетахъ появились слова Бисмарка: «конвенція останется мертвою буквою», при условіи, конечно, что ходъ борьбы въ Польшѣ не дастъ болѣе повода къ переходу черезъ границу».

Народный комитетъ назначилъ Мѣрославскаго диктаторомъ; 17-го февраля послѣдній принялъ командованіе надъ болѣе значительною бандою, находившеюся не вдалекѣ отъ прусской границы, но уже 22-го русскія войска напали на него близъ Калиша, разбили совершенно, людей его разогнали и самъ онъ бѣжалъ, навсегда исчезнувъ съ поля дѣйствія. Обстоятельство это нѣсколько пріободрило партію бѣлыхъ (крупныхъ землевладѣльцевъ), до сихъ поръ вынужденныхъ шествовать за красными. Изъ Парижа Владиславъ Чарторыйскій сообщилъ имъ, что Наполеонъ о Мѣрославскомъ, какъ сообщникѣ Маззини и лондонскаго революціоннаго комитета, знать не хочетъ, но что охотно окажетъ поддержку благоразумнымъ патріотамъ. Тогда партія выбрала въ предводители нѣкоего Лангевича изъ Познани. Послѣдній собралъ на югѣ значительную банду, принялъ титулъ диктатора и учредилъ гражданское правительство. Народный комитетъ пришелъ въ такое бѣшенство, что снарядилъ въ лагерь къ Лангевичу трехъ лицъ, которымъ поручилъ его убить. Но посланцы эти были обнаружены, заключены подъ стражу и приговорены къ смертной казни; ихъ уже собира-

лись повѣсить, какъ русскіе напали на лагерь (19-го марта), разогнали всю банду и вынудили Лангевича бѣжать въ Галицію. Нѣсколько дней спустя двѣ подобныхъ банды инсургентовъ подверглись той же участи, такъ что теперь повстанцы нигдѣ не могли оказывать серьезнаго сопротивленія войскамъ.

Къ концу марта императоръ пришелъ къ рѣшенію передать военныя дѣйствія, ради большей связи и энергіи, въ болѣе крѣпкія руки, не подчиняя все-таки цѣликомъ военной диктатурѣ гражданскаго управленія и его начальника Велепольскаго. 30-го марта графъ Бергъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ Польшѣ. Всѣ увидѣли въ этомъ предзнаменованіе близкаго паденія системы полонизма и скораго отозванія Велепольскаго. Непосредственно за этимъ назначеніемъ послѣдовало дальнѣйшее мѣропріятіе, возвѣщеніе о которомъ относилось не столько до польскихъ инсургентовъ сколько до иностранныхъ державъ, ставшихъ на сторону польскаго возстанія.

До настоящаго времени Россія, по случаю возстанія, мобилизировала четыре корпуса; нынѣ послѣдовало повелѣніе поставить на военное положеніе всю армію и вооружить Кронштадтъ. Одновременно были отправлены въ Польшу значительныя подкрѣпленія, за которыми подвигались изъ внутреннихъ губерній не менѣе значительныя военныя силы. Россія приготовлялась заблаговременно во всеоружіи встрѣтить всякое проявленіе враждебности со стороны Запада.

Въ поводахъ къ такимъ распоряженіямъ для русскаго кабинета недостатка не было. Англія, хотя твердо рѣшившаяся изъ-за Польши Россіи войны не объявлять, сердечно радовалась тѣмъ не менѣе всякимъ затрудненіямъ, возникавшимъ для ея соперника по Востоку, и напрягала всѣ силы къ тому, чтобы понудить прочія великія державы примкнуть къ ея тезису, а именно: что Россія не выполнила условій, поставленныхъ Вѣнскимъ конгрессомъ при отмежеваніи ей Царства Польскаго, и обѣщанную тогда, а затѣмъ введенную конституцію уничтожила въ 1831 году, что поэтому Европа должна понудить ее или къ исполненію долга, или къ удаленію изъ владѣемой ею области. Съ правовой точки зрѣнія такая аргументація грѣшила двояко, какъ по отношенію къ содержанію обвиненія, такъ и по отношенію къ законности личности обвинителя. Договоромъ 3-го мая 1815 года Россія и Австрія уговорились дать своимъ подданнымъ-полякамъ представительство и національныя учрежденія, сообразныя съ ихъ политическою жизнью и въ случаѣ, если правительство найдетъ это нужнымъ и полезнымъ. Поэтому дарованіе представительства отнюдь не значило дарованіе парламентскаго устройства. Лишь послѣ конгресса и по самодержавному усмотрѣнію императоръ Александръ I далъ Царству конституцію; но, къ сожалѣнію, возставъ въ 1830 году, поляки сами ее порвали, а по подавленіи воз-

станія императоръ Николай ея уже не возстановилъ. Мюнхенгрецкимъ договоромъ 1833 года обѣ германскія державы и Россія обязались охранять сообща существовавшее въ ту пору положеніе, тѣмъ самымъ давъ трактатамъ 1815 года русское толкованіе. Трактаты эти, по ихъ заключеніи, были приняты въ составъ актовъ Вѣнскаго конгресса; но отсюда вытекала, какъ мы уже видѣли, лишь обязанность для остальныхъ участвовавшихъ въ конгрессѣ державъ—признавать дѣйствительность этихъ трактатовъ, но, ни въ какомъ случаѣ, не право ставить въ зависимость отъ позволенія всѣхъ подписавшихъ акты конгресса всякое измѣненіе отдѣльно заключенныхъ договоровъ. Уже по одной этой причинѣ право Англіи требовать, на основаніи договоровъ, возстановленія польской конституціи 1815 года казалось крайне сомнительнымъ.

Отсюда легко понять, насколько важно было для Англіи, въ ея дипломатическомъ походѣ противъ Россіи, имѣть на своей сторонѣ хотя бы одну германскую державу, и лордъ Джонъ Руссель пускалъ всѣ средства въ ходъ, чтобы заручиться помощью Австріи какъ въ восточныхъ дѣлахъ, такъ и въ своей дѣятельности по поводу Польши. Въ этомъ направленіи его горячо поддерживалъ Друэнъ-де-Люисъ, который нынѣ, какъ и въ 1854 году, въ французско-австрійскомъ союзѣ видѣлъ спасительное средство отъ всякихъ европейскихъ невзгодъ и поэтому дѣлалъ все, чтобы удержать Наполеона въ начатомъ имъ въ пользу поляковъ и нынѣ направленномъ противъ Россіи дѣйствіи. Наполеонъ немного колебался; но вскорѣ затѣмъ политическій міръ неожиданно узналъ о поѣздкѣ въ Вѣну австрійскаго посланника въ Парижѣ князя Меттерниха, который прибылъ 14-го марта и провелъ недѣлю въ оживленныхъ переговорахъ съ императоромъ и графомъ Рехбергомъ. Предметъ этихъ переговоровъ до сей поры достовѣрно не извѣстенъ. Въ то время о нихъ ходили самые разнообразные слухи; толковали о томъ, что Наполеонъ предлагаетъ Австріи свой союзъ и пріобрѣтеніе Силезіи и Дунайскихъ княжествъ взамѣнъ уступки Венеціи; по другимъ источникамъ—Наполеонъ желалъ освобожденія Галиціи, за что обѣщалъ уступку княжествъ и гарантію венеціанскихъ владѣній. По имѣвшимся же у русскаго императора даннымъ, за совмѣстное дѣйствіе съ западными державами противъ Россіи, Австріи обѣщалось болѣе твердое положеніе въ Германіи и земельное пріобрѣтеніе на Востокѣ. Прусскій посланникъ въ Вѣнѣ, Вертеръ, наоборотъ сообщалъ (18-го марта), что получилъ положительное завѣреніе отъ графа Рехберга въ томъ, что Меттернихъ былъ вызванъ въ Вѣну ради обоюдныхъ справокъ, и о привезенныхъ французскихъ предложеніяхъ не было и рѣчи; Австрія не измѣнитъ своего положенія по отношенію къ польскому дѣлу и знать ничего не хочетъ о независимой Польшѣ.

Въ сущности, австрійское правительство имѣло не мало основаній держать себя съ такою сдержанностью. При составѣ имперіи всякое обращеніе къ принципу національности должно было ему казаться опасностью; при возстаніи польскаго народа владѣніе Галиціею становилось ненадежнымъ; связь польской и венгерской революціонныхъ партій была весьма вѣроятною, и каково будетъ поведеніе Наполеона — предусмотрѣть не было возможности. Съ другой стороны, понужденія Англіи становились настоятельнѣе: для обоихъ дворовъ нѣтъ бо̀льшей опасности, какъ осуществленіе угрожавшаго уже съ 1857 года русско-французскаго союза; нынѣ же являются какъ ниспосланные небомъ польскій вопросъ и сочувствіе къ нему Наполеона; послѣдній порываетъ съ Россіею безповоротно, если рѣшается выступить за Польшу, и онъ готовъ это сдѣлать, какъ только Австрія приметъ въ томъ участіе.

Въ концѣ марта изъ Парижа пришло въ Лондонъ и Вѣну оффиціальное предложеніе совмѣстнаго дѣйствія въ Петербургѣ въ пользу Польши.

Что было дѣлать? Графъ Рехбергъ видѣлъ, что и въ сношеніяхъ въ данную минуту съ Пруссіею были колебанія, а потому рѣшеніе вопроса затруднялось еще болѣе. Отклоненіе направленной противъ Пруссіи тождественной Наполеоновской ноты было принято въ Берлинѣ съ искреннею признательностью; Бисмаркъ неоднократно выразилъ тогда графу Карольи удовольствіе по поводу твердаго и правильнаго поведенія Австріи и, въ подробной депешѣ на имя Вертера, заявилъ вѣнскому двору о таковомъ же настроеніи короля. Вертеръ прочиталъ ее австрійскимъ министрамъ и 28-го марта могъ донести о томъ, что она вызвала живое удовольствіе.

Все указывало на общность интересовъ въ польскихъ дѣлахъ, а, слѣдовательно, и на возможность сближенія. Но новое событіе въ области торговой политики однимъ ударомъ разсѣяло всѣ хорошія впечатлѣнія. Ради таможеннаго союза Пруссія заключила съ Бельгіею торговый договоръ на такихъ же либеральныхъ основахъ, какъ и съ Франціею. Это было новымъ препятствіемъ для Австріи къ столь желаемому ею таможенному объединенію, и гнѣвъ Вѣны былъ по этому случаю большой. Тщетно разъяснялъ Бисмаркъ, что противоположность торгово-политическихъ системъ не можетъ служить препятствіемъ къ политической дружбѣ, какъ то доказываютъ отношенія Пруссіи къ Россіи и Мекленбургу. Когда Бисмаркъ снова упомянулъ Карольи, что въ интересахъ мира слѣдовало бы, въ дѣлахъ союзнаго сейма, не обращать вниманія на то, какія предложенія требуютъ единогласнаго рѣшенія и какія нѣтъ, — Рехбергъ заявилъ категорически [1]), что реформа союза

[1]) Депеши Вертера отъ 4 го апрѣля и 10-го мая.

необходима, и что если за нее не возьмутся сами правительства, то она будетъ введена насильственнымъ путемъ, революціею. И въ польскомъ вопросѣ, разъяснилъ онъ, бо́льшее единодушіе съ Пруссіею возможно для насъ лишь въ томъ случаѣ, если предварительно состоятся таможенное объединеніе и союзная реформа.

Такимъ образомъ рѣзкое разногласіе съ Пруссіею было снова на лицо, и дружескія отношенія съ Франціею должны были бы казаться для Австріи весьма желательными, тѣмъ болѣе, что Англія изо-дня-въ-день усиленно о томъ увѣщевала. Къ тому же приходилось считаться, съ одной стороны, съ либеральнымъ большинствомъ рейхстага, враждебно относившимся къ Россіи, съ другой стороны, съ озлобленіемъ клерикальной партіи противъ мѣропріятій, принятыхъ русскими по отношенію къ мятежному польскому духовенству. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ соображеній Рехбергъ началъ склоняться на сторону французовъ; онъ не отказывалъ въ значеніи противоположнымъ воззрѣніямъ, но полагалъ, что именно, какъ участникъ въ общемъ дѣйствіи западныхъ державъ, онъ лучше всего можетъ содѣйствовать миру. Онъ заявилъ поэтому западнымъ державамъ, что, отклоняя слишкомъ грубую форму тождественныхъ нотъ и еще менѣе желая ссылаться на договоры 1815 года, которыхъ Россія не нарушила, онъ готовъ поддержать требованія западныхъ державъ одновременною нотою. Съ этимъ согласились и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ и, такимъ образомъ, 10-го и 12-го апрѣля отправлены были въ Петербургъ три ноты.

Въ своей нотѣ Австрія жаловалась лишь на то, что анархія въ Польшѣ можетъ оказать вредное вліяніе на Галицію, и потому просила императора даровать его польскимъ провинціямъ все, что нужно для прочнаго ихъ умиротворенія.

Англія заговорила въ болѣе рѣзкомъ тонѣ, заявивъ, что польская революція 1830 года не освободила Россіи отъ принятыхъ ею на себя передъ державами, участвовавшими въ Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года, обязательствъ, а потому за Великобританіей остается право требовать ихъ исполненія и домогаться возстановленія конституціи 1815 года.

Франція указала на то, что повторяющіяся потрясенія въ Польшѣ не даютъ покоя Европѣ; русскому правительству слѣдовало бы наконецъ дать Польшѣ условія, необходимыя для прочнаго ея умиротворенія, такъ какъ всѣ предшествующія попытки ея устройства не удались. Это была критика конституціи 1815 года, равно и системы Велепольскаго и въ сущности указаніе на то, что лишь полная независимость Польши можетъ явиться удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса. Ничего подобнаго графъ Рехбергъ не помышлялъ и не сказалъ, но, принявъ участіе въ отправленіи нотъ, невольно поддержалъ такой тезисъ. Сколько онъ ни увѣрялъ, что дѣйствуетъ лишь въ интересахъ мира и не приметъ ника-

кого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, на дѣлѣ нельзя было отрицать, что Австрія вышла изъ соблюдаемаго ею до сей поры нейтралитета и стала на сторону западныхъ державъ.

Послѣднія поспѣшили возвѣстить всему міру о сдѣланномъ ими шагѣ. Всѣ европейскіе кабинеты, а между прочими и всѣ германскіе дворы (за исключеніемъ, конечно, Пруссіи) получили приглашеніе присоединиться къ нотамъ, и даже союзный сеймъ занялся бы разсужденіями на тему о расположеніи къ полякамъ, если бы графъ Рехбергъ такъ же, какъ и Бисмаркъ, не воспротивился настойчиво подобному зрѣлищу.

Въ Парижѣ правительство обсуждало вопросъ о томъ, что̀ слѣдуетъ предпринять, если Россія будетъ упорствовать; зашла рѣчь о французско-шведской высадкѣ въ Курляндіи, но планъ этотъ былъ оставленъ послѣ того, какъ Бисмаркъ поручилъ заявить въ Лондонѣ, что онъ оружіемъ воспротивится подобному предпріятію. Думали также высадить 60.000 французовъ въ Тріестѣ, присоединить къ нимъ такое же число австрійцевъ и всѣхъ направить въ Польшу; но, при миролюбіи Австріи, пришлось отложить дальнѣйшее развитіе и этого проекта.

Тѣмъ усиленнѣе работали польскіе комитеты въ Парижѣ, Лондонѣ, Познани и Галиціи. Несмотря на всякія пограничныя заставы, они доставляли добровольцевъ, оружіе, снаряды, собирали значительныя суммы денегъ и во всѣхъ уголкахъ страны распространяли извѣстіе о вмѣшательствѣ Европы. Послѣдствіемъ было новое усиленіе уже погасавшаго возстанія, умноженіе и усиленіе бандъ и мятежъ польскаго дворянства въ Литвѣ и Волыни. Варшавское народное правительство расширило свои учрежденія и усилило пріемы устрашенія; всякій неповинующійся его приказаніямъ подвергался поджогу, ограбленію или смерти.

При такихъ обстоятельствахъ русское правительство рѣшило до поры придержать гнѣвъ, возбужденный вмѣшательствомъ иностранцевъ, и отвѣтить на три ноты какъ можно мягче. Въ отвѣтной нотѣ Англіи (26-го апрѣля) Горчаковъ говоритъ, что Россія признаетъ всѣ договоры, но должна настаивать на ихъ правильномъ толкованіи; о парламентской конституціи не говорится ни въ одномъ изъ актовъ 1815 года; попытка ввести таковую не удалась благодаря самимъ полякамъ (1831); императоръ уже нѣсколько лѣтъ какъ стремится постепенно ввести въ Польшѣ благотворныя, въ духѣ свободы, реформы и въ благодарность за это долженъ былъ пережить новое возстаніе. Онъ готовъ войти въ обсужденіе изложенныхъ въ актахъ конгресса основныхъ положеній, но прежде всего обращаетъ вниманіе державъ на непрекращающіяся подстрекательства международныхъ революціонныхъ партій.

Съ особеннымъ удареніемъ это послѣднее положеніе было развито въ нотѣ, адресованной Франціи; Австріи говорилось то-же, но болѣе кратко; въ остальномъ ссылались обоимъ дворамъ на ноту, отправленную Англіи.

При всей вѣжливости въ формѣ, отвѣтъ, по существу дѣла, былъ рѣшительнымъ отклоненіемъ непрошеннаго вмѣшательства. Въ Парижѣ и Лондонѣ были того мнѣнія, что промолчать нельзя: въ нотѣ, отправленной въ Лондонъ, Россія сама изъявляла готовность заняться дальнѣйшимъ обсужденіемъ дѣла. Вопросъ заключался лишь въ томъ, какія положительныя требованія слѣдуетъ предъявить, и въ этомъ отношеніи мнѣнія расходились до такой степени, что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль достиженіе соглашенія казалось безнадежнымъ. Къ тому-же ходъ событій въ Польшѣ все настоятельнѣе понуждалъ всѣ три державы къ дальнѣйшей дѣятельности, если онѣ не желали показаться потерпѣвшими полное пораженіе. Прежде всего, ноты ихъ вызвали въ русскомъ народѣ мощный подъемъ національнаго негодованія. При извѣстіи о томъ, что невѣрный Западъ хочетъ остановить русское оружіе, сотни голосовъ требовали смѣщенія Велепольскаго и рѣшительнаго укрощенія польскаго мятежа.

Правительство было готово. Въ Варшавѣ графъ Бергъ получилъ болѣе обширныя полномочія; въ каждомъ уѣздѣ русскіе офицеры заняли нужнѣйшія должности по управленію и, для преслѣдованія разбитыхъ бандъ и для помѣхи къ образованію новыхъ, организовали изъ крестьянскаго населенія сильную и надежную полицейскую стражу. Тайное народное правительство отвѣтило учрежденіемъ въ каждомъ польскомъ и литовскомъ уѣздѣ революціонныхъ трибуналовъ, на обязанности которыхъ было сметать съ пути всякими средствами и кратчайшимъ способомъ всѣхъ враговъ народной свободы. Виленскій генералъ-губернаторъ Муравьевъ, проницательный, властный и какъ сталь твердый человѣкъ, отвѣтилъ устрашеніемъ на устрашеніе, учредивъ военное управленіе, регламентированное до послѣднихъ мелочей и имѣвшее право распоряжаться жизнью и смертью. Такимъ образомъ, рядомъ съ партизанской войной въ открытыхъ схваткахъ, возникло необычайное состязаніе меча съ кинжаломъ, военнаго суда съ тайнымъ судбищемъ солдатъ съ «жандармами-вѣшателями», какъ народъ прозвалъ агентовъ народнаго комитета. Сомнѣнія въ исходѣ мятежа быть не могло; въ общественномъ мнѣніи Европы отвращеніе чередовалось съ удивленіемъ. Три державы сочли невозможнымъ въ бездѣйствіи взирать на такое положеніе.

17-го и 18-го іюня въ Петербургъ вторично были отправлены отчасти тождественныя ноты. Отклонивъ большія домогательства западныхъ державъ, Австрія заявила, что она вынуждена ограничиться нижеслѣдующими шестью требованьями: полная амнистія [1]), народное пред-

[1]) Такую амнистію Александръ обѣщалъ еще 13-го апрѣля каждому мятежнику, который принесетъ повинную до 13-го мая; но ни одинъ полякъ этимъ не воспользовался.

ставительство съ правомъ участія въ законодательныхъ трудахъ, автономное управленіе съ чиновниками-поляками, уничтоженіе тяготѣющихъ надъ католическою церковью ограниченій, исключительное употребленіе польскаго языка въ государственномъ управленіи и введеніе законнаго рекрутскаго набора. Западныя державы приняли эти шесть пунктовъ присовокупивъ, что они послужатъ основаніемъ совѣщаній конференціи изъ восьми державъ, подписавшихъ актъ 1815 года, на что Австрія согласилась. Наполеонъ былъ при этомъ того мнѣнія, что конференція должна состояться во всякомъ случаѣ, даже если Россія ее отклонитъ, что, въ такомъ случаѣ, было-бы весьма похоже на объявленіе войны. Австрія же настаивала на томъ, что конференція можетъ быть открыта лишь при участіи Россіи. Кромѣ того западныя державы домогались прекращенія враждебныхъ дѣйствій въ Польшѣ за время совѣщаній конференціи,—требованіе, которое Австрія считала не исполнимымъ и потому въ свою ноту не включила.

Друэнъ-де-Люису было крайне желательно, чтобы русское правительство еще рѣшительнѣе отклонило эти предложенія. Онъ домогался совершеннаго возстановленія Польши, при существованіи которой всякая коалиція противъ Франціи становилась не возможною, и надѣялся, несмотря на желаніе мира въ Вѣнѣ и Лондонѣ, склонить обѣ державы къ совмѣстной войнѣ противъ Россіи. Поэтому, тотчасъ послѣ отправленія нотъ и несмотря на то, что его коллега Фульдъ и Морни горячо высказывались противъ всякихъ воинственныхъ мѣропріятій, онъ обратился въ Вѣну и Лондонъ съ предложеніемъ болѣе тѣснаго сближенія (путемъ конвенціи или протокола), на случай упорства со стороны Россіи, и въ то-же время предложилъ Австріи всякаго рода обезпеченія отъ опасностей, вытекающихъ для нея изъ ея географическаго положенія. Въ Вѣнѣ, какъ и въ Парижѣ, были различныя теченія. Императоръ Францъ-Іосифъ съ самаго начала былъ въ сущности противъ участія въ предпріятіяхъ западныхъ державъ; изъ-за Галиціи онъ ощущалъ возроставшую потребность солидарности съ Пруссіею и Россіею и ни въ какомъ отношеніи не довѣрялъ императору Наполеону. Рѣшительно отстаивалъ благопріятствующую полякамъ политику министръ Шмерлингъ, частью ради благоволенія либеральнаго большинства рейхстага, частью ради того, чтобы заручиться расположеніемъ, если не поддержкою его германскимъ планамъ со стороны Наполеона. Графъ Рехбергъ неувѣренно держался между обоими теченіями и пытался найти выходъ въ слѣдующей формулѣ: соглашеніе съ западными державами, пока онѣ ограничиваются мирными мѣропріятіями, и разрывъ съ ними, какъ только онѣ обратятся къ оружію. О третьей случайности онъ и не помышлялъ.

Первымъ дѣйствіемъ, которое три ноты оказали въ Петербургѣ, было смѣщеніе Велепольскаго, въ видѣ увольненія его въ продолжи-

тельный отпускъ. Вторымъ — усиленіе борьбы съ возстаніемъ графомъ Бергомъ, который теперь сталъ во главѣ гражданскаго управленія и началъ дѣйствовать по образцу Муравьева.

Что касается отвѣта на ноты, то князь Горчаковъ уже давно разъяснилъ посламъ трехъ державъ, что подъ упомянутымъ въ его апрѣльской нотѣ предложеніемъ обсудить дѣло, онъ понималъ лишь дружескій обмѣнъ мыслей, здѣсь въ Петербургѣ; при этомъ какъ-бы выставлялось, что императоръ Александръ, по своей кротости и человѣколюбію, одобряетъ содержаніе всѣхъ шести пунктовъ и что онъ уже самъ предложилъ полякамъ большую часть всего исчисленнаго. Но было-бы противно его достоинству и независимости великой державы допустить, чтобы иностранная конференція предписала выполненіе такихъ распоряженій, которыя входятъ въ область спеціальныхъ вопросовъ управленія страною. Во всякомъ случаѣ созыву конференціи должно предшествовать соглашеніе участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши трехъ державъ, какъ наиболѣе компетентныхъ въ вопросѣ о польскихъ провинціяхъ; но объ уступкахъ и переговорахъ можетъ, вообще, быть рѣчь лишь послѣ окончательнаго подавленія возстанія и возстановленія порядка. Всякій, кто знакомъ съ обстоятельствами дѣла, можетъ засвидѣтельствовать, что при нынѣшнемъ положеніи въ краѣ прекращеніе военныхъ дѣйствій не мыслимо.

13-го іюля Горчаковъ отправилъ тремъ дворамъ официальные отвѣты, изложенные въ этомъ смыслѣ. Возроставшее негодованіе двора, народа и войска вынуждало къ рѣзкому отвѣту и смягчена была лишь нота, предназначенная для Вѣны, такъ какъ, предлагая конференцію изъ трехъ державъ, Горчаковъ желалъ отвлечь Австрію отъ пагубнаго общества Наполеона и втянуть ее въ старый кругъ государствъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши. Поэтому, уже нѣсколькими днями ранѣе онъ поручилъ довѣрительно ознакомить графа Рехберга съ содержаніемъ ноты, но 14-го іюля получилъ изъ Вѣны телеграмму, съ извѣщеніемъ что Рехбергъ категорически отклонилъ конференцію трехъ, какъ не согласную съ достоинствомъ Австріи, находящейся въ союзѣ съ западными державами. 19-го іюля получена была нота такого-же содержанія, но въ еще болѣе сухихъ выраженіяхъ. Въ Вѣнѣ тогда были заняты приведеніемъ въ дѣйствіе грандіозныхъ германскихъ плановъ и не желали давать французскому императору повода къ гнѣву. Объ опасности, которая угрожала Австріи съ иной стороны, графъ Рехбергъ, повидимому, не имѣлъ никакого представленія.

Русская армія была теперь въ полной готовности; въ ней числилось, кромѣ оренбурскихъ, кавказскихъ и сибирскихъ войскъ, 400 тысячъ человѣкъ, изъ нихъ около половины находилось въ Литвѣ, Польшѣ и Волыни и, кромѣ того, новый наборъ далъ еще 150 тысячъ человѣкъ.

Армія была увѣрена, что, отдѣливъ небольшую часть этихъ силъ для Польши, она, при помощи надежной крестьянской милиціи и при рѣшительномъ образѣ дѣйствій, быстро покончитъ съ послѣдками возстанія и въ то-же время у ней не было болѣе горячаго желанія, какъ съ мечемъ въ рукѣ наказать дерзкое вмѣшательство державъ во внутреннія дѣла Россіи. Взрывъ въ этомъ отношеніи народнаго воодушевленія былъ настолько могущественъ, что императоръ Александръ, въ собственноручномъ письмѣ королю Вильгельму, предложилъ совмѣстное объявленіе войны Франціи и Австріи.

Предложеніе имѣло для Пруссіи много приманчивыхъ сторонъ.

Въ Австріи не было и слѣда военной подготовки, а разладъ съ Венгріею въ полномъ ходу; если поэтому король пошелъ-бы на русское предложеніе, то почти беззащитная Австрія была-бы въ кратчайшій срокъ занята и разбита, прежде нежели успѣлъ-бы появиться на ея помощь хотя-бы одинъ французскій полкъ. Пруссіи были-бы развязаны руки въ дѣлахъ германскихъ, и домашній споръ о преобразованіи войска прекратился-бы самъ собою. Съ другой стороны, были неоспоримыя причины призадуматься. Не подлежало сомнѣнію, что Франція всѣми силами и съ возможною поспѣшностью вступитъ въ борьбу. Вся тяжесть послѣдней легла-бы, по всей вѣроятности, на Пруссію, которая въ заключеніе должна была-бы согласиться на миръ, о которомъ уговорятся Франція и Россія и, быть можетъ, еще въ смыслѣ прежнихъ вожделѣній Горчакова. «Въ такомъ случаѣ, сказалъ Бисмаркъ, Россія сидѣла бы на длинномъ плечѣ рычага».

Король, личныя чувства котораго всегда удерживали отъ разрыва съ дружественною и родственною Австріею, тотчасъ-же высказался за сохраненіе мира. Онъ написалъ императору Александру (согласно собственноручному проекту Бисмарка) отвѣтъ, въ которомъ съ полною откровенностью указывалъ на основанія своего рѣшенія. Оба монарха обмѣнялись еще нѣсколькими письмами; Александръ II, по природѣ своей князь мира скорѣе нежели завоеватель, далъ себя уговорить, причемъ личныя чувства его къ королю Вильгельму ни мало не омрачились.

Въ то время въ Пруссіи ни одна душа, кромѣ короля и Бисмарка, не знала о происходившемъ. Соблюдая въ этомъ отношеніи строгую тайну, на благородность Австріи конечно не разсчитывали. Тѣмъ не менѣе король Вильгельмъ подпалъ настроенію инаго рода, когда теперь къ нему поступили изъ Вѣны заявленія столь-же неожиданныя, какъ и мало дружелюбныя по отношенію къ Пруссіи.

О гербахъ офицеровъ брига „Меркурій“.

6-го іюня 1829 года генералъ-адъютантъ В. Адлербергъ вошелъ къ управляющему министерствомъ юстиціи тайному совѣтнику князю А. А. Долгорукову съ отношеніемъ, въ коемъ, прописывая подробности примѣрнаго подвига брига «Меркурій» и извѣщая о воспослѣдовавшихъ офицерамъ его наградахъ [1]), между прочимъ писалъ: «Государь императоръ, отдавая полную справедливость достохвальному подвигу брига «Меркурій», между прочими наградами, всему экипажу всемилостивѣйше пожалованными, высочайше повелѣть соизволилъ внести въ гербы всѣхъ офицеровъ, на ономъ 14-го числа сражавшихся, пистолетъ, какъ орудіе, избранное ими для совершенія геройскаго намѣренія, принятаго единодушно на случай невозможности продолжить обороны».

Сенатъ изготовилъ для этихъ пяти офицеровъ рисунки гербовъ. Четыре изъ нихъ удостоились высочайшаго утвержденія, а на гербѣ флигель-адъютанту, капитану 2-го ранга Казарскому, государь императоръ собственноручно написать изволилъ: «корабль похожъ на бумажный», велѣть сдѣлать рисунокъ въ морскомъ вѣдомствѣ и съ него срисовать».

Измѣненный, вслѣдствіе такого повелѣнія, гербъ Казарскаго получилъ высочайшее утвержденіе 20-го февраля 1831 года.

Сообщ. **А. В. Безродный.**

---

[1]) Командиръ, капитанъ-лейтенантъ Александръ Казарскій, лейтенанты: Сергѣй Скарятинъ и Федоръ Новосельскій, мичманъ Дмитрій Притуповъ и корпуса флотскихъ штурмановъ поручикъ Иванъ Прокофьевъ, въ 4-й день іюня 1829 года, по высочайшему повелѣнію были произведены въ слѣдующіе чины.

Записки поляка о 1863 годѣ.

III [1]).

Взглядъ на польскій вопросъ императора Александра II.—Образованіе польскихъ политическихъ кружковъ и ихъ цѣли. — Съѣздъ въ Варшавѣ трёхъ императоровъ. — Демонстраціи. — Маркизъ Александръ Велепольскій и его политическая программа.—Уличные безпорядки.—Кончина князя М. Д. Горчакова.—Намѣстники Царства Польскаго: Н. О. Сухозанетъ, графъ Ламбертъ и Лидерсъ.—Религіозное направленіе манифестацій.—Вызовъ маркиза Велепольскаго въ Петербургъ.

Осенью 1859 года императоръ Александръ посѣтилъ Волынскую и Подольскую губерніи. Волынское дворянство, къ несчастью, враждебно встрѣтило проектъ крестьянской реформы; подольское же изготовило адресъ, въ которомъ просило о введеніи польскаго языка. Императоръ не принялъ адреса и сказалъ дворянству: «это русскій край».

Въ октябрѣ намѣстникъ извѣстилъ графа Андрея Замойскаго, какъ предсѣдателя, что императоръ разрѣшилъ сельско-хозяйственному обществу заняться обсужденіемъ вопроса объ очиншеваніи крестьянъ на основаніяхъ, выработанныхъ правительствомъ. Маркизъ Александръ Велепольскій достойнымъ образомъ оцѣнилъ всю важность царскаго разрѣшенія и черезъ сына своего Іосифа внесъ предложеніе, чтобы общества ходатайствовали предъ императоромъ довѣрить крестьянскую реформу провинціальнымъ собраніямъ, установленнымъ органическимъ Статутомъ

[1]) См. „Рус. Стар.“, май, 1898.

1832 года. Предложеніе провалилось, и у бѣлыхъ [1]) такимъ образомъ выскользнуло изъ рукъ дѣло политической важности, могшее повести къ соглашенію съ правительствомъ. Общество высказало желаніе, чтобы чиншевики впослѣдствіи превратились въ собственниковъ. Цензура не разрѣшила оглашенія протоколовъ этихъ засѣданій, и правительство ограничило кругъ дѣятельности общества.

Въ августѣ 1860 г. императоръ, несмотря на свое заявленіе подольскому дворянству, разрѣшилъ введеніе польскаго языка въ южной Руси. Литовское дворянство задумало адресъ въ народно-польскомъ духѣ, но виленскій генералъ-губернаторъ пріостановилъ его въ зародышѣ. Во время пребыванія своего въ Вильнѣ, по дорогѣ въ Варшаву, гдѣ былъ назначенъ съѣздъ трехъ монарховъ, императоръ, обращаясь къ предводителямъ дворянства сказалъ: «передайте дворянству, что я недоволенъ его поведеніемъ. Пусть знаетъ и Европа, что здѣсь не Польша».

Послѣ бѣгства Кужины [2]) за-границу, его мѣсто занялъ Карлъ Маевскій [3]), который составилъ изъ молодежи, обучавшейся въ медицинской ака-

---

[1]) Въ описываемую эпоху, т. е. въ промежутокъ времени съ 1859 г. до возстанія 1863 г. всѣ лица, принимавшія участіе въ событіяхъ, совершавшихся въ Царствѣ Польскомъ, могутъ быть подведены подъ четыре категоріи: бѣлыхъ, красныхъ, маркиза Велепольскаго съ немногочисленными его сторонниками и русскія власти.

Подъ именемъ „бѣлыхъ“ надо понимать образованный и состоятельный классъ польскаго общества, состоявшій по преимуществу изъ магнатовъ, дворянъ и немногочисленныхъ, но богатыхъ мѣщанъ, съ недовѣріемъ относившихся ко всѣмъ начинаніямъ маркиза Велепольскаго. Эта категорія лицъ не принимала никакого участія въ конспираціи и группировалась первоначально около графа Андрея Замойскаго и сельско-хозяйственнаго общества, послѣ закрытія котораго избрала изъ своей среды дирекцію, которой нравственно и подчинилась.

[2]) Янъ Кужина окончилъ духовную семинарію въ Ополѣ, предпочелъ священническому сану дальнѣйшее образованіе, для чего поступилъ во вновь открытую варшавскую медицинскую академію. Часто сильно бѣдствовалъ, но желѣзная сила воли не останавливалась передъ препятствіями. Онъ былъ ярый революціонеръ и слѣпой поклонникъ Мѣрославскаго. Онъ соперничалъ съ Юргенсомъ своимъ вліяніемъ на товарищей-студентовъ. Когда Цыцуринъ, президентъ медицинской академіи, создалъ новыя правила объ увольненіи студентовъ для ея „очищенія“, Кужина подговорилъ товарищей отправить къ нему депутацію съ требованіемъ не вводить этихъ правилъ. Послѣ отказа 200 человѣкъ студентовъ добровольно вышли изъ академіи. Кужина былъ уволенъ, при чемъ ему было приказано выѣхать изъ Варшавы. Молодежь, которая уже раньше собрала деньги для посылки одного изъ своей среды въ Парижъ, чтобы завязать сношенія съ Мѣрославскимъ, теперь поручила эту миссію Кужинѣ.

[3]) Карлъ Маевскій, род. въ 1831 г. въ Сандомірскомъ уѣздѣ, среднее образованіе получилъ въ Кѣльцахъ. По окончаніи земледѣльческаго института въ Маримонтѣ, переселился въ Познань. Въ 1860 году вернулся въ Вар-

деміи, кружокъ и соединилъ его съ кружкомъ Янковскаго, находившагося подъ вліяніемъ Людвига Мѣрославскаго. Во главѣ этихъ соединенныхъ кружковъ былъ поставленъ комитетъ, въ составъ котораго вошли: Янковскій, Денель [1]), Кшеминскій, Верещинскій и Маевскій. Комитетъ вошелъ въ сношеніе съ Мѣрославскимъ, котораго Гарибальди назначилъ начальникомъ заграничнаго проектированнаго имъ легіона. Уже въ это время самые крайніе изъ заговорщиковъ хотѣли воспользоваться храмовымъ праздникомъ въ Ченстоховѣ и кинуться на русскихъ. Послѣ ареста Янковскаго, сказанный комитетъ распался и на сцену выступили молодые энтузіасты въ родѣ ученика Новаковскаго, Франковскаго и Адама Асныка [2]), впослѣдствіи извѣстнаго польскаго поэта. Къ тому времени прибылъ въ Варшаву, изъ ссылки въ Сибирь, Агаѳонъ Гиллеръ, прощенный по высочайшему манифесту. Онъ-то и уговорилъ учениковъ училища изящныхъ искусствъ устроить 11 іюня манифестацію по случаю похоронъ Савинской, вдовы генерала, убитаго при взятіи Воли, Екатерины умершей 9 іюня 1860 года. Намѣстникъ князь Горчаковъ велѣлъ прекратить начатое по этому поводу слѣдствіе и приписалъ манифеста-

---

шану и съ цѣлью завязать связи съ молодежью записался въ слушатели медицинской академіи. Состоя членомъ центральнаго комитета, былъ посредникомъ между заговорщиками и бѣлыми. Во время уличныхъ демонстрацій былъ раненъ въ ногу и арестованъ. Маркизъ Велепольскій, желая узнать цѣли и образъ дѣйствій заправилъ движенія, обратился къ Маевскому дать ему объ этомъ подробныя свѣдѣнія, обѣщая ограничиться арестомъ главарей и высылкой ихъ въ глубь Россіи на нѣсколько лѣтъ, пока край не успокоится. Дирекція бѣлыхъ упрашивала Маевскаго согласиться. Но боязнь прослыть доносчикомъ и измѣнникомъ удержала Маевскаго отъ этого шага. Послѣ 1863 года Маевскій былъ сосланъ въ Россію, гдѣ прожилъ около 12 лѣтъ. Большую часть этого времени онъ прожилъ въ Новохоперскѣ. Въ 1874 году вернулся въ Варшаву, гдѣ занялся подрядами. Умеръ тамъ же 28-го сентября 1897 года.

[1]) Болеславъ Денель, въ 1857 и 1858 годахъ путешествовалъ по всему краю и организовалъ политическіе кружки. Въ ноябрѣ 1861 года былъ посаженъ въ варшавскую цитадель. Въ апрѣлѣ 1863 года убитъ въ качествѣ рядоваго въ стычкѣ подъ Сапѣжишкомъ, въ 10-ти верстахъ отъ Ковно.

[2]) Адамъ Асныкъ, род. въ Калишѣ 11-го сентября 1838 года, гдѣ отецъ его содержалъ гостиницу. Послѣ окончанія гимназіи поступилъ въ земледѣльческій институтъ въ Моримонтѣ, но черезъ годъ перешелъ въ медицинскую академію въ Варшавѣ, оттуда вынужденъ былъ бѣжать скоро за границу, чтобы избѣжать ареста за принадлежность къ тайнымъ кружкамъ. Поселившись въ Гейдельбергѣ, изучалъ экономію и философію. Въ 1863 году принимаетъ дѣятельное участіе въ возстаніи, былъ даже одно время (конецъ 1863 и начало 1864) членомъ народнаго правительства. Въ 1864 году возвратился въ Гейдельбергъ, гдѣ и окончилъ университетъ, послѣ поселился въ Краковѣ, гдѣ и занялся литературными трудами. Онъ принадлежитъ къ извѣстнѣйшимъ польскимъ лирическимъ поэтамъ. Его стихотворенія обнимаютъ нѣсколько томовъ. Асныкъ умеръ 2-го августа 1897 г. въ Краковѣ.

цію шалости учащейся молодежи. Это былъ первый пагубный шагъ попустительства со стороны русской власти.

Среди такого положенія дѣлъ, поляки узнали о предстоящемъ съѣздѣ трехъ монарховъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши. Съѣздъ этотъ возбуждалъ въ обществѣ воспоминанія о непріятныхъ историческихъ минутахъ. Заговорщики не дремали. Тайная власть издала приказъ уничтожить русскія вывѣски и воздержаться отъ всякихъ увеселеній. Бѣлые молчали и этимъ, помимо своей воли, предоставили заговорщикамъ свободу дѣйствій въ ожиданіи прибытія монарховъ.

Императоръ Александръ въѣхалъ въ Варшаву 20 октября 1860 года. Вскорѣ прибыли императоръ австрійскій и король прусскій. Настроеніе населенія было очень угрюмое. Тайный польскій комитетъ издалъ полный пустыхъ фразъ манифестъ. Молодежь устроила цѣлый рядъ демонстрацій: облила сѣрной кислотой бархатную обивку въ императорской ложѣ. На слѣдующій день при закладкѣ моста обрѣзывали и обливали сѣрной кислотой платья нарядныхъ дамъ; по рукамъ пошла пѣсенка, непозволительнаго содержанія, вывѣшены были объявленія, запрещавшія участвовать въ торжествахъ, и проч.

Французскія газеты назвали эти демонстраціи пробужденіемъ народнаго польскаго духа [1]). О существованіи конспираціи нельзя было больше сомнѣваться. Въ лицѣ Франца Годлевскаго, ученика Мѣрославскаго, появился новый ярый заговорщикъ и пропагандистъ, который взялъ на себя организацію мелкихъ демонстрацій, такъ какъ прежній комитетъ съ Маевскимъ во главѣ счелъ необходимостью прекратить манифестаціи.

Власти бездѣйствовали. Подъ вліяніемъ энергичныхъ и болѣе дальновидныхъ лицъ, окружавшихъ намѣстника и совѣтовавшихъ дѣйствовать рѣшительно и энергично, былъ генералъ Треповъ назначеный оберъ-полиціймейстеромъ въ ноябрѣ 1860 года. И ему не удалось открыть заговорщиковъ. Суминскій, посланный Мухановымъ въ училище изящныхъ искусствъ, чтобы предостеречь молодежь отъ участія въ манифестаціяхъ, съумѣлъ только сказать: «пусть каждый изъ васъ останется истымъ полякомъ, но только въ душѣ».

---

[1]) Въ концѣ 1860 года, Наполеонъ III говорилъ князю Адаму Чарторыйскому, что время для рѣшенія польскаго вопроса еще не пришло, что необходимость поддерживать съ Россіей добрыя отношенія заставляетъ его быть особенно осторожнымъ и воздержаннымъ. Когда начались въ Варшавѣ демонстраціи, въ Наполеонѣ заговорила его конспиративная жилка и поведеніе его сдѣлалось двусмысленнымъ, загадочнымъ и могущимъ ввести въ заблужденіе поляковъ. Сегюръ, французскій консулъ въ Варшавѣ, въ своихъ разговорахъ съ бѣлыми явно одобрялъ демонстраціи, онъ прямо говорилъ: „чтобы вкусить яичницу, надо разбить яйца".

Заговорщики продолжали дѣйствовать. Устроена была 29 ноября демонстрація на улицѣ Лешно, въ годовщину возстанія 1831 года, причемъ впервые, по наущенію ученика училища изящныхъ искусствъ Карла Новаковскаго, толпа исполнила передъ кармелитскимъ костеломъ извѣстную молитву: «Боже, что Польша». Уже съ самаго начала демонстраціи приняли религіозный характеръ. Первоначальная мысль придать движенію именно такое направленіе принадлежитъ Гиллеру и разсчитано была на привлеченіе къ дѣлу толпы. Мало-по-малу конспирація стала распространяться и въ провинціи.

Бѣлые или собственно комитетъ сельско-хозяйственнаго общества, сознавъ опасность демонстрацій, пригрозилъ заговорщикамъ, что выдастъ ихъ въ руки властей, но этимъ дѣло только и ограничилось. Всѣ боялись вооруженнаго возстанія, но стыдились въ этомъ сознаться, не хватало для этого гражданскаго мужества. Всѣ прокламаціи появлялись за подписью «молодежь». Въ помощь этой молодежи вскорѣ явился старый заговорщикъ Лелевель [1]), который составилъ программу празднованія тысячелѣтія Пястовъ.

25-го февраля 1861 года, въ годовщину сраженія подъ Гроховомъ рѣшено было устроить манифестацію. На приготовленія къ ней полиція смотрѣла безучастно, а начальникъ тайной полиціи генералъ Паулуччи, родомъ итальянецъ, обожатель Гарибальди, даже сочувствовалъ полякамъ и увѣрялъ намѣстника, что 25-го февраля никакой манифестаціи не будетъ. Во время приготовленій къ этой крупной демонстраціи главари заговора—Карлъ Маевскій, Юргенсъ и Владиславъ Големберскій, между которыми вышло разногласіе въ цѣлесообразности манифестаціи вообще,—вошли въ переговоры съ сельско-хозяйственнымъ обществомъ, упрашивая единогласно комитетъ общества подать намѣстнику политическій адресъ. Предсѣдатель общества, графъ Андрей Замойскій отклонилъ эту мысль. Бѣлые въ то же время отклонили и проектъ адреса маркиза Велепольскаго, который хотѣлъ ходатайствовать о самоуправленіи и возстановленіи учрежденій 1815 года. Маркизъ Велепольскій прежде всего обратился къ графу Замойскому съ своимъ адресомъ. Замойскій отказался подписать его, но обѣщалъ спросить мнѣніе другихъ членовъ сельско-хозяйственнаго общества, на что Велепольскій отвѣтилъ: «Я пришелъ къ раввину, а не въ кагалъ».

Манифестація 25-го февраля была прекращена необходимыми въ такихъ случаяхъ средствами при помощи полиціи и жандармовъ. Владиславъ Маевскій ударилъ оберъ-полиціймейстера генерала Трепова палкой. Заговорщики съумѣли и успѣли раздуть «варварство москалей, нападающихъ на безоруженный народъ». Пущенъ былъ невѣроятный,

[1]) Погибшій въ стычкѣ 3-го сентября 1863 года у Ватоуса.

и характерный для той эпохи слухъ, что князь Горчаковъ сдѣлалъ по телеграфу запросъ въ Петербургъ, что ему дѣлать въ виду этихъ многолюдныхъ молебствій и безоружныхъ манифестацій, и получилъ будто бы въ отвѣтъ: «пусть они молятся за своихъ, а мы молимся за нашихъ». Во время этой манифестаціи происходило какъ разъ засѣданіе сельскохозяйственнаго общества, члены котораго хотѣли выйти на улицу и присоединиться къ манифестантамъ, но графъ Замойскій ихъ удержалъ словами: «наша обязанность остаться здѣсь».

Заговорщики придумали всеобщій народный трауръ. На другой день многіе члены сельско-хозяйственнаго общества нарядились уже въ траурныя шляпы. Вскорѣ все населеніе стало носить трауръ. Это былъ протестъ противъ маркиза Велепольскаго и вообще существовавшаго порядка. Самъ по себѣ это былъ фактъ, лишенный всякаго смысла, даже историческаго, потому что послѣ раздѣла Польши никто не носилъ траура. Рѣшено было носить его до возстановленія Польши, а пришлось снять послѣ страшнаго народнаго бѣдствія.

27-го февраля 1861 года изъ Кармелитскаго костела двинулась по направленію къ королевскому замку многотысячная толпа. Войска стали разгонять ее, а собравшіеся стали бранить солдатъ, насмѣхаться надъ ними и, наконецъ, бросать въ нихъ камни. Тогда по командѣ генерала Заблоцкаго данъ былъ залпъ, причемъ въ толпѣ было убито 5 человѣкъ и нѣсколько ранено. Такого оборота никто не ожидалъ. Народъ былъ убѣжденъ, что стрѣлять не будутъ; въ толпѣ слышались слова: «Наполеонъ запретилъ стрѣлять». Павшіе жертвой этого необдуманнаго шага придали этому, пока только уличному, движенію драматическій оттѣнокъ, который былъ на руку краснымъ для возбужденія дремлющаго еще общества.

Сейчасъ послѣ полученія въ Парижѣ извѣстія о происшествіи 27-го февраля 1861 года въ Варшавѣ, Наполеонъ III имѣлъ длинный разговоръ съ русскимъ посланникомъ графомъ Киселевымъ. Императоръ ему замѣтилъ, что хотя въ виду добрыхъ отношеній съ Россіей и не желаетъ вмѣшиваться во внутреннія ея дѣла, но не можетъ отнестись безучастно къ варшавскимъ событіямъ. Онъ напомнилъ, что правительство Людовика-Филиппа потеряло свое значеніе отчасти и по тому обстоятельству, что не предупредило и молча снесло нарушеніе обезпеченныхъ Вѣнскимъ трактатомъ правъ Польши и что поэтому Франція вторично этой ошибки не сдѣлаетъ. При этомъ случаѣ Наполеонъ высказалъ свое глубокое уваженіе къ императору Александру II и увѣренность, что императоръ приметъ въ польскомъ вопросѣ рѣшеніе, соотвѣтственное своимъ благороднымъ стремленіямъ. Графъ Киселевъ увѣрилъ Наполеона, что не замедлитъ сообщить этотъ разговоръ своему монарху.

Носились упорные слухи о собственноручномъ письмѣ Наполеона III къ императору Александру. Принцъ Наполеонъ громко говорилъ, что поляки извлекли изъ варшавскихъ событій больше пользы, чѣмъ если-бы выставили стотысячную армію и снабдили ее соотвѣтственнымъ количествомъ нарѣзныхъ орудій.

Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Руссель также сочувственно отнесся къ Польшѣ и высказалъ надежду, что полякамъ будутъ возвращены привилегіи, которыхъ они были лишены въ 1831 году. Отель Ламберъ не сказалъ ни слова противъ демонстрацій.

Во время всѣхъ этихъ безпорядковъ сельско-хозяйственное общество занималось рѣшеніемъ дѣла, выходящаго изъ круга законной его компетенціи. По иниціативѣ графа Ѳомы Потоцкаго [1]), общее собраніе торжественно одобрило освобожденіе крестьянъ и надѣленіе ихъ землей. Такимъ образомъ бѣлые были увлечены улицей и также вступили на незаконный путь. Уличное возбужденіе стало овладѣвать членами общества, которые неоднократно приставали къ графу Замойскому съ просьбой отправиться къ намѣстнику для переговоровъ. Графъ Замойскій рѣшительно отказывался.

— Вы хотите,—сказалъ онъ—чтобы я сталъ во главѣ уличнаго скандала,—никогда!

Вмѣсто того, чтобы ѣхать къ намѣстнику, онъ уѣхалъ домой. Заговорщики отправились къ нему и принесли съ собою одного изъ убитыхъ—Арцихевича. Графъ Замойскій и тутъ отказался принять какое бы то ни было участіе въ безпорядкахъ.

Тогда сельско-хозяйственное общество приступило къ изготовленію адреса, который требовалъ полной независимости и возстановленія Польши въ ея историческихъ границахъ. Этотъ адресъ былъ принятъ обществомъ единогласно, и такимъ образомъ въ своихъ вожделѣніяхъ оно слилось совершенно съ заговорщиками. Графъ Замойскій былъ несогласенъ съ рѣшеніемъ общества и пожелалъ устраниться совершенно. Адресъ былъ на время оставленъ, но дворяне упросили наконецъ графа Замойскаго поѣхать къ намѣстнику въ качествѣ представителя польскаго народа. Онъ отправился въ сопровожденіи вице-предсѣдателя общества графа Александра Островскаго [2]) и высказалъ князю Горчакову

---

[1]) Графъ Ѳома Потоцкій, дѣятельный участникъ войны 1831 года, извѣстный экономистъ, писавшій подъ псевдонимомъ Адама Кшижтопора. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ главнымъ образомъ занимался разработкой крестьянскаго вопроса. Принципъ обширнаго владѣнія онъ считалъ лучшей формой крестьянской собственности. Въ описываемое время страдалъ параличемъ ногъ, такъ что на засѣданія сельско-хозяйственнаго общества его вносили на рукахъ.

[2]) Графъ Александръ Островскій, род. въ своемъ родовомъ имѣніи Малюшинѣ въ 1810 году. Среднее образованіе получилъ въ піарской школѣ въ

свой взглядъ на дѣло въ дерзкихъ словахъ: «Уйдите прочь отсюда!» — На этомъ пути нельзя было, конечно, придти съ намѣстникомъ къ какому-либо соглашенію. Изъ этой фразы видно, что графъ Замойскій считалъ единственнымъ исходомъ положенія—независимость Польши. Фраза эта была подхвачена улицей и на приглашеніе полиціи разойтись по домамъ, отвѣчала: «Вы уйдите домой, мы у себя».

Въ это время выступаетъ на сцену новый родственный сельско-хозяйственному обществу элементъ—богатое мѣщанство, которое вмѣстѣ съ дворянствомъ слилось въ одну группу—бѣлыхъ.

Мѣщанство, собравшись въ купеческомъ клубѣ, старшиной котораго былъ въ то время богатый капиталистъ Леопольдъ Кроненбергъ, выбрало делегацію, куда вошли: каноники Вышинскій и Стецкій и обыватели г. Варшавы: Яковъ и Ѳеофилъ Піотровскіе, Крашевскій, Кенигъ, генералъ Левинскій, Кроненбергъ; банкиръ Матіасъ Розенъ, докторъ Халубинскій, купеческій старшина Ксаверій Шленкеръ, фотографъ Байеръ, адвокатъ Пшетшевинскій, сапожникъ Гишпанскій и раввинъ Майзельсъ. Эта делегація избрала изъ своей среды депутацію, которая отправилась къ намѣстнику съ требованіемъ разрѣшенія общественныхъ похоронъ убитыхъ, признанія делегаціи, удаленія войскъ и полиціи на время похоронъ, назначенія на мѣсто Трепова генерала Паулуччи, освобожденія арестованныхъ въ послѣдніе дни, наказанія виновныхъ въ кровопролитіи и отправленія депутаціи къ государю съ адресомъ.

Князь Горчаковъ согласился на всѣ требованія съ нѣкоторыми измѣненіями. Тогда и члены сельско-хозяйственнаго общества приступили къ составленію адреса, поручивъ его редакцію Ставискому, Александру Курцу, Людвигу Гурскому и прибывшему изъ Кракова делегату тамошняго сельско-хозяйственнаго общества графу Адаму Потоцкому. Адресъ былъ составленъ въ очень туманныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Маркизъ Велепольскій со своей стороны внесъ въ комитетъ общества, черезъ графа Ѳому Потоцкаго, свой адресъ, основанный на трактатахъ 1815 года. Графъ Андрей Замойскій первый подписался подъ адресомъ, редактированнымъ Ставискимъ и другими, хотя вначалѣ и не соглашался съ его редакціей. Этотъ адресъ и былъ посланъ княземъ Горчаковымъ въ Петербургъ 28-го февраля 1861 года.

Жолибожѣ. По окончаніи курса въ университетѣ посвятилъ себя сельскому хозяйству. Онъ былъ убѣжденный сторонникъ маркиза Велепольскаго. Въ сельско-хозяйственномъ обществѣ онъ былъ вице-предсѣдателемъ. По пріѣздѣ великаго князя въ Варшаву, графъ Островскій былъ назначенъ въ іюлѣ 1862 года радомскимъ губернаторомъ, а вскорѣ затѣмъ перешелъ на должность директора коммиссіи внутреннихъ дѣлъ. Послѣ 1863 года онъ былъ предсѣдателемъ комитета земскаго кредитнаго общества. Это мѣсто онъ занималъ 10 лѣтъ, послѣ чего переселился къ свою деревню, гдѣ 29-го апрѣля 1896 года скончался.

До полученія отвѣта изъ Петербурга на этотъ адресъ варшавскія власти, признавъ делегацію, сложили, такъ сказать, на время съ себя оружіе. Делегація вступила въ свои права и стала распоряжаться въ городѣ по-своему. 2-го марта она устроила торжественные похороны убитымъ. Графъ Андрей Замойскій, архіепископъ Фіялковскій, сельскохозяйственное общество и сама делегація участвовали въ погребальномъ кортежѣ. Сопровождавшая толпа возросла до 100.000 человѣкъ. Молодежь удерживала порядокъ.

По настоянію делегаціи намѣстникъ назначилъ на мѣсто Трепова Демонкаля, а потомъ по новому требованію делегаціи мѣсто Демонкаля занялъ Паулуччи. Всѣ увѣровали въ цѣлесообразность такъ называемой нравственной революціи и еще не сознавали, что она прямо должна повести къ вооруженному возстанію.

По примѣру Варшавы и другіе города выбрали делегаціи. Этотъ странный порядокъ вещей охватилъ вскорѣ все Царство Польское. Отвѣтъ государя на адресъ въ формѣ письма къ намѣстнику былъ опубликованъ 14-го марта и былъ истолкованъ вожаками партій въ свою пользу. Делегація еще больше утвердилась въ своей власти, съ тѣхъ поръ какъ во главѣ ея сталъ Паулуччи и она получила значеніе совѣщательнаго собранія при намѣстникѣ. Пріобрѣтая довѣріе правительства, делегація и сельско-хозяйственное общество теряли довѣріе у заговорщиковъ. Нравственная революція оказалась такимъ образомъ несостоятельной и не обѣщала долго длиться.

Наконецъ, правительство, замѣтивъ свое ложное положеніе, вступило на путь самостоятельной дѣятельности. Оно сознало необходимость нѣкоторыхъ реформъ, хотя и имѣвшихъ видъ уступокъ, но задуманныхъ и проведенныхъ по своей собственной иниціативѣ.

Здѣсь выступаетъ на широкую арену маркизъ Александръ Велепольскій, который уже раньше зарекомендовалъ себя своею дѣятельностью, направленною къ соглашенію и примиренію польскаго общества съ русскимъ правительствомъ. Это былъ человѣкъ сильной воли, умный, образованный и обладавшій не малою долей гражданскаго мужества, столь рѣдкаго у поляковъ, выдающійся писатель и публицистъ, краснорѣчивый ораторъ. Онъ считалъ себя выше своихъ современниковъ, на что собственно и имѣлъ полное право, но возстановлялъ ихъ этимъ противъ себя. Этотъ недостатокъ главнымъ образомъ помѣшалъ успѣху его высокой миссіи, такъ какъ нѣтъ другаго народа, который бы такъ высоко цѣнилъ равенство, какъ поляки.

Во время событій 1830—1831 годовъ и даже въ 1848 году онъ наравнѣ съ другими преклонялся предъ мыслью о независимости Польши и чужой помощи. Но въ концѣ концовъ этотъ свѣтлый умъ не могъ не прійти къ убѣжденію, что рѣшеніе польскаго вопроса возможно

только въ предѣлахъ соглашенія съ русскимъ правительствомъ. Мысль эта ясно высказана въ опубликованномъ маркизомъ «письмѣ польскаго дворянина къ князю Меттерниху».

Программа этого соглашенія уже твердо установилась въ умѣ Велепольскаго, когда Мухановъ получилъ отставку и маркизъ былъ назначенъ директоромъ коммисіи народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Вскорѣ были установлены проектированные маркизомъ Велепольскимъ совѣтъ Царства Польскаго, уѣздные, губернскіе и городскіе совѣты. Варшавскій учебный округъ изъятъ изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія и подчиненъ особой коммисіи народнаго просвѣщенія.

Но не суждено было полякамъ воспользоваться этими глубоко продуманными учрежденіями. Человѣкъ, который въ каждомъ другомъ народѣ занялъ бы надолго первенствующее значеніе, долженъ былъ въ концѣ концовъ сложить руки и предоставить свободное теченіе совершавшимся событіямъ. Впослѣдствіи маркизъ Велепольскій говорилъ: «для поляковъ можно иногда что-нибудь сдѣлать, но вмѣстѣ съ ними— никогда!»

Вступая въ должность маркизъ Велепольскій между прочимъ сказалъ собравшемуся духовенству: «Никакихъ правительствъ въ правительствѣ не потерплю». Это прямо относилось къ участію духовенства въ движеніи и къ религіозному характеру демонстрацій, а также косвенно и къ сельско-хозяйственному обществу. Эти слова Велепольскаго возбудили негодованіе въ населеніи, чему не мало способствовали заговорщики. По предложенію маркиза Велепольскаго административный совѣтъ закрылъ 6-го апрѣля сельско-хозяйственное общество [1]).

---

[1]) Закрытіе сельско-хозяйственнаго общества было поставлено маркизомъ Велепольскимъ условіемъ еще до вступленія его на русскую службу. За отсутствіемъ другихъ польско-народныхъ учрежденій, сельско-хозяйственное общество пріобрѣло нравственную власть надъ поляками за исключеніемъ заговорщиковъ и крестьянъ. Въ послѣднее время оно получило яркій политическій и даже демонстративный характеръ, что вовсе не согласовалось съ планами маркиза Велепольскаго, который для проведенія своихъ реформъ избралъ чисто легальную почву. Среди населенія закрытіе общества вселило скрытую злобу къ ея ближайшему виновнику. На почвѣ этого озлобленія совершилось невольное сближеніе членовъ сельско-хозяйственнаго общества съ заговорщиками. Къ сожалѣнію, никто не понялъ, что значеніе проектированныхъ Велепольскимъ учрежденій не могло быть даже сравниваемо съ значеніемъ сельско-хозяйственнаго общества и все обрушилось на маркиза.

Далѣе Велепольскій предлагалъ князю Горчакову для скорѣйшаго подавленія движенія объявить осадное положеніе. Горчаковъ не согласился и Велепольскій больше не настаивалъ. Очевидно, что маркизъ видѣлъ больше вреда отъ сельско-хозяйственнаго общества, чѣмъ отъ уличныхъ манифестацій, и не ожидалъ, что эти манифестаціи вскорѣ перейдутъ въ вооруженное возстаніе.

Заговорщики, хотя и не сочувствовали цѣлямъ и направленію общества, но воспользовались негодованіемъ населенія на маркиза Велепольскаго и устроили 7-го апрѣля демонстрацію съ выраженіемъ соболѣзнованія обществу. Графу Замойскому была устроена шумная овація. Въ тотъ же день, ночью административный совѣтъ выработалъ мѣры къ пресѣченію уличныхъ скопленій народа и демонстрацій. Одобрено было правило, по которому власти послѣ троекратныхъ увѣщаній рѣшили прибѣгать къ силѣ. Оно было опубликовано слишкомъ поздно, а именно 9-го апрѣля, между тѣмъ примѣнено уже къ демонстраціи 8-го апрѣля, причемъ около 200 человѣкъ было убито.

Эта катастрофа вызвала большое возбужденіе при наполеоновскомъ дворѣ и во французской прессѣ. Графъ Валевскій, сознавъ тогда уже всю тяжесть положенія, сказалъ Андрею Козьмяну: «Примите все, что русское правительство вамъ предлагаетъ, въ противномъ случаѣ подвергнетесь сильной репрессіи». На основаніи этихъ словъ графа Валевскаго князь Адамъ Чарторыйскій, стоя уже одной ногой въ гробу, высказался въ пользу системы маркиза Велепольскаго. Въ томъ же духѣ высказался и официальный «Moniteur».

Въ нумерѣ отъ 23-го апрѣля 1861 года «Moniteur» писалъ: «Варшавскія событія возбудили во французской прессѣ единодушныя и традиціонныя симпатіи, которыя Польша всегда возбуждала на западѣ Европы. Эти доказательства сочувствія сослужили бы однако плохую службу дѣлу, къ которому они относятся, такъ какъ направили бы на ложный путь общественное мнѣніе, давая поводъ къ предположенію, что императорское правительство возбуждаетъ надежды, которыхъ не въ состояніи осуществить. Благородные принципы, которые лелѣетъ императоръ Александръ со времени вступленія своего на престолъ и которые находятъ себѣ подтвержденіе въ великой реформѣ освобожденія крестьянъ, являются вѣрнымъ залогомъ его желанія улучшить положеніе вещей въ Польшѣ. Остается пожелать, чтобы демонстраціи не воспрепятствовали его начинаніямъ, такъ какъ онѣ задѣваютъ достоинство и политическіе интересы Россійской имперіи».

Намѣстникъ князь Горчаковъ зналъ впередъ объ этой статьѣ, что видно изъ слѣдующихъ словъ, писанныхъ имъ къ маркизу Велепольскому: «Въ сегодняшнемъ или завтрашнемъ нумерѣ «Moniteur» должна появиться статья очень сочувственная русскому правительству, прошу прислать мнѣ этотъ нумеръ, какъ только онъ будетъ доставленъ въ цензурный комитетъ».

14-го іюня 1861 года появилась статья въ «Constitutionnel» за подписью Грангилло, что указывало на правительственное ея происхожденіе. Сущность статьи сводилась къ слѣдующему: Франція ничего для Польши сдѣлать не можетъ. Императоръ Александръ искренно желаетъ

Польшѣ добра, слѣдуетъ довѣриться императору и оставить всякую агитацію, которая къ добру не приведетъ.

Въ это время князь Владиславъ Чарторыйскій съ супругою находился въ Фонтенебло, куда былъ приглашенъ послѣ своего возвращенія изъ Лондона. Парижское бюро нашло, что князю не подобаетъ оставаться при дворѣ Наполеона послѣ появленія этихъ обидныхъ для поляковъ статей офиціальныхъ органовъ. Оно послало въ Фонтенебло Юліана Клячко[1]) съ цѣлью склонить князя и его супругу оставить дворъ. Князь Чарторыйскій объяснилъ императрицѣ Евгеніи причину своего удаленія. Императору князь сказалъ, что статья газеты «Constitutionnel» ставитъ его въ фальшивое положеніе въ глазахъ его соотечественниковъ, которые задѣты ею за живое, и просилъ позволенія удалиться. Наполеонъ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ объ этой статьѣ, что газетамъ можно велѣть писать все что заблагоразсудится, но нельзя имъ запретить писать то, что намъ не нравится и въ концѣ прибавилъ: «Зачѣмъ же дѣло стало, любезный князь! скажи мнѣ, что хочешь, чтобы появилось въ газетахъ, и завтра оно будетъ напечатано». И дѣйствительно, 18-го іюня по распоряженію императора, полу-офиціальный органъ «La Patrie» напечаталъ статью противъ «Constitutionnel» и русскаго правительства и въ защиту поляковъ.

Такимъ образомъ, отрезвляющія и указывающія полякамъ истинный путь статьи газетъ «Moniteur» и «Constitutionnel» прошли незамѣтно, не возымѣвъ должнаго дѣйствія.

4-го мая объявлена была крестьянская реформа маркиза Велепольскаго. Она заключалась въ уничтоженіи крѣпостной зависимости и очиншеваніи крестьянъ.

Въ то время когда маркизъ Велепольскій хлопоталъ о проведеніи въ жизнь своихъ плановъ, имѣвшихъ цѣлью народную автономію Царства Польскаго, заговорщики, пропагандируя независимость въ границахъ 1772 года, дѣятельно агитировали въ Литвѣ и Южной Руси. Центромъ пропаганды была Варшава, причемъ мѣсто закрытаго сельскохозяйственнаго общества заняла нелегальная дирекція бѣлыхъ.

---

[1]) Юліанъ Клячко, род. 6-го ноября 1825 года въ Вильнѣ. Уже 13-тилѣтнимъ мальчикомъ опубликовалъ первые свои стихи въ Вильнѣ. На 23-мъ году жизни окончилъ кенигсбергскій университетъ со степенью доктора философіи. Между 1857—1861 гг. издавалъ и редактировалъ совмѣстно съ Валеріаномъ Калинкой въ Парижѣ „Польскія Вѣдомости". Клячко, живя 20 лѣтъ послѣ событій 1863 г. въ Парижѣ, очень много писалъ на французскомъ языкѣ. Состоитъ членомъ французскаго института, а въ послѣднее время награжденъ большимъ крестомъ почетнаго легіона. Его сочиненія, большею частью политическаго и чисто-литературнаго характера, получили широкую извѣстность. Въ настоящее время живетъ въ Краковѣ.

28-го мая 1861 года умеръ князь Горчаковъ, который своею колеблющеюся дѣятельностью не мало способствовалъ тому пагубному обороту, который приняли впослѣдствіи событія.

Тамъ, гдѣ надо было дѣйствовать рѣшительно, энергично, гдѣ надо было подавлять, онъ входилъ въ переговоры и принималъ парламентеровъ. Демонстрантамъ нѣсколько разъ правительство сдѣлало уступки, какъ-бы сдавалось и это дѣйствовало развращающимъ образомъ на общество, которое къ этому не привыкло во время предшествовавшаго царствованія. Уступки эти не предупреждали демонстрацій, а слѣдовали за ними и потому служили какъ бы поощреніемъ къ дальнѣйшимъ демонстративнымъ движеніямъ, за которыми обществу мерещились блестящіе горизонты. Никому и въ голову не приходило, что русское правительство не можетъ оставить эти демонстраціи безнаказанными подъ страхомъ ослабленія своего престижа и нарушенія государственной цѣлости.

Всѣ сознавали, что безъ иноземной помощи возстаніе обречено на гибель и всѣ взоры были обращены на Наполеона, всѣ ожидали, что Франція объявитъ войну Россіи. Что вопросъ—гибель или война—волновалъ всѣхъ, видно изъ того, что когда посланный комитетомъ сельскохозяйственнаго общества заграницу для ближайшаго ознакомленія съ вопросомъ, на что Польша можетъ разсчитывать отъ иностранныхъ державъ, графъ Станиславъ Плятеръ [1]) вернулся въ Варшаву съ извѣстіями, что война изъ-за Польши не имѣетъ никакихъ шансовъ, тотчасъ же этотъ самый комитетъ выслалъ другаго посланца къ Мѣрославскому съ просьбой повліять на успокоеніе населенія Царства Польскаго. Мѣрославскій отказался на томъ основаніи, что онъ-де не призванъ для этой роли и не считаетъ себя виновникомъ происшедшихъ манифестацій. Посланный, узнавъ о вліяніи принца Наполеона на Мѣрославскаго, обратился къ принцу съ просьбой произвести давленіе на Мѣрославскаго. Принцъ сказалъ: «Мой дорогой, Мѣрославскій—это пушечное мясо, я ему взмылю голову». При этомъ принцъ Наполеонъ не поощрялъ

---

[1]) Графъ Станиславъ Зиберкъ-Плятеръ, род. въ 1823 году въ родовомъ имѣніи Шлоссбергъ. На 16-мъ году жизни, по окончаніи курса въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ и назначенъ адъютантомъ графа Клейнмихена, министра путей сообщенія. Вскорѣ оставилъ службу и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Въ началѣ царствованія Александра II былъ выбранъ предводителемъ дворянства Динабургскаго уѣзда и затѣмъ назначенъ членомъ коммиссіи, работавшей надъ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ. Графъ Плятеръ былъ убѣжденный сторонникъ системы Велепольскаго и всѣми мѣрами старался потушить возгоравшееся въ Литвѣ и въ Бѣлоруссіи революціонное движеніе. Умеръ въ Вѣнѣ 29-го октября 1896 года.

демонстраціи и ни однимъ словомъ не обмолвился о возбужденіи Франціей польскаго вопроса, а тѣмъ болѣе о войнѣ въ пользу Польши.

Мѣсто князя Горчакова занялъ Н. О. Сухозанетъ, совершенно неподходящій для этого поста.

Заговоръ быстро распространялся. Не подавая, послѣ катастрофы 8-го мая, повода къ кровопролитію, онъ все болѣе и болѣе принималъ религіозный характеръ. Во всѣ города и деревни была разослана масса молодыхъ ремесленниковъ, которые дѣятельно пропагандировали идею о возстаніи.

Около середины 1861 года заговорщики распадались на три кружка: первый составляли сибиряки (т. е. возвращенные изъ Сибири), во главѣ втораго, городскаго, стоялъ директоръ пароходства Леонъ Круликовскій, третій кружокъ состоялъ изъ студентовъ медицинской академіи, къ нему впослѣдствіи присоединился кружокъ ксендзовъ, основанный Микошевскимъ. Городской кружокъ получилъ перевѣсъ и явился зародышемъ центральнаго комитета, преобразованнаго впослѣдствіи въ народное правительство. Комитетъ этотъ возникъ въ сентябрѣ 1861 года, въ немъ между прочими неизвѣстными засѣдали: Аполлонъ Коженіовскій,—родомъ изъ Волынской губ., отличавшійся своимъ страннымъ костюмомъ, состоящимъ изъ длинной бѣлой епанчи и высокой бараньей шапки, Витольдъ Марчевскій и Владиміръ Рольскій.

Между тѣмъ бѣлые, къ которымъ надо причислить многихъ членовъ бывшаго сельско-хозяйственнаго общества и многихъ богатыхъ и состоятельныхъ обывателей г. Варшавы, держались въ сторонѣ отъ заговорщиковъ и готовы были воспользоваться реформами. Графъ Андрей Замойскій не принадлежалъ къ организаціи бѣлыхъ, но находился съ ней въ постоянныхъ сношеніяхъ черезъ сына своего Владислава.

Одна часть бѣлыхъ поступила въ ряды чиновниковъ новыхъ реформированныхъ учрежденій, другая часть со своимъ главой графомъ Замойскимъ приняла выжидательное положеніе, третья часть составила такъ называемую организацію бѣлыхъ. Конспирація имѣла уже тогда нѣкоторое вліяніе на всѣ три фракціи.

15-го іюля 1861 года умеръ въ своемъ замкѣ Монфермейль, подъ Парижемъ, князь Адамъ Чарторыйскій. Маркизъ Велепольскій на свой страхъ разрѣшилъ почтить его память траурной мессой, о чемъ и извѣстилъ архіепископа Фіялковскаго. На богослуженіи, состоявшемся 22-го іюля, собралась несмѣтная толпа народа, но дѣло обошлось на этотъ разъ безъ всякихъ политическихъ манифестацій. Тѣмъ не менѣе маркизъ Велепольскій имѣлъ длинное объясненіе съ намѣстникомъ Сухозанетомъ.

Какимъ почтеніемъ и вліяніемъ пользовался князь Адамъ Чарторыйскій не только въ Польшѣ, но и заграницей—видно изъ того, что Наполеонъ III послѣ его смерти написалъ къ сыну его князю Владиславу

письмо съ соболѣзнованіемъ, въ которомъ называлъ эту потерю не только семейной, но и народной. Довѣренный секретарь императора Маккаръ совѣтовалъ сыну продолжать «дѣло отца». Министръ иностранныхъ дѣлъ Тувенелль выразилъ мысль, «что добродѣтели князя Адама по наслѣдству должны перейти къ сыну, чѣмъ онъ и долженъ гордиться».

21-го іюля 1861 года заговорщики узнавъ, что лордъ Пальмерстонъ сочувственно отозвался о полякахъ въ англійскомъ парламентѣ, устроили въ Варшавѣ демонстрацію передъ англійскимъ консульствомъ; консулу врученъ былъ вѣнокъ съ надписью «Благодарность англійскому народу за сочувствіе, высказанное польскому дѣлу», толпа при этомъ кричала «Да здравствуетъ королева Викторія! Да здравствуетъ англійскій народъ!»

Консулъ принялъ вѣнокъ и изъ окна консульства раздался голосъ «Да здравствуетъ польскій народъ!»

Съ 1-го августа 1861 года стала выходить первая тайная газета въ Варшавѣ «Стражница», издававшаяся такъ называемымъ кружкомъ сибиряковъ подъ редакціей Болеслава Денеля и Агаѳона Гиллера.

Нравственная революція стараніями заговорщиковъ не прекращалась. 12-го августа въ годовщину соединенія Литвы съ Польшей грандіозная манифестація охватила весь край. Въ Вильнѣ войска вынуждены были стрѣлять, причемъ было 11 человѣкъ убитыхъ.

15-го августа, въ день ангела императора Наполеона, задумано было въ Парижѣ торжество, но заговорщики издали прокламацію съ совѣтомъ воздержаться отъ празднованія этого дня, «такъ какъ императоръ Наполеонъ до сихъ поръ для Польши ничего не сдѣлалъ».

Сухозанетъ не сочувствовалъ начинаніямъ маркиза Велепольскаго, отчего у нихъ были частые споры и введеніе реформъ опаздывало. Маркизъ Велепольскій просилъ отставки, но вмѣсто того Сухозанетъ оставилъ свой постъ и его мѣсто занялъ графъ Карлъ Ламбертъ. Это былъ человѣкъ слишкомъ мягкаго для того времени характера. Въ помощь ему былъ назначенъ энергичный генералъ Герштенцвейгъ, какъ будто для того, чтобы создать столь вредный для власти дуализмъ.

Правленіе графа Ламберта приняло такое потакающее направленіе, что возбудило общее сочувствіе. Маркизъ Велепольскій сдѣланъ вице-предсѣдателемъ совѣта Царства Польскаго.

Графъ Ламбертъ думалъ, что мягкими мѣрами ублажитъ красныхъ. Ему нѣкоторымъ образомъ принадлежитъ идея созданія дирекціи бѣлыхъ, подъ крыломъ которой бѣлые приняли нѣкоторую организацію. Безсмысленная страсть организоваться для какихъ-то неясныхъ цѣлей обуяла тогда всѣхъ. Дирекцію между прочимъ составляли: Юргенсъ, Кроненбергъ, Александръ Курцъ (онъ же членъ совѣта Царства Польскаго), Адамъ Гольцъ, Эйдзяловичъ, Колачковскій, графъ Владиславъ

Замойскій и Карлъ Маевскій. Этотъ послѣдній въ то же время былъ однимъ изъ главарей заговора и былъ приглашенъ въ качествѣ докладчика по ходу конспиративныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ бѣлые безсознательно вступили въ сношенія съ заговоромъ и шли съ нимъ по пути, такъ называемой, нравственной революціи.

10-го октября 1861 года у Городля устроена была фантастическая манифестація по поводу годовщины уніи. Объявленіе о имѣющей состояться манифестаціи сочинено было Аполономъ Коженіовскимъ. Главную роль при устройствѣ этой манифестаціи играли заговорщики: Шаховскій и гимназистъ Сикорскій. Противъ несмѣтной толпы, во главѣ которой шло духовенство, выѣхалъ генералъ Хрущевъ съ отрядомъ войскъ, обнажилъ голову, сказалъ народу рѣчь и позволилъ молиться.

Въ тотъ же день въ Варшавѣ при необыкновенно торжественной обстановкѣ происходили похороны архіепископа Фіялковскаго: терновый вѣнецъ былъ несенъ, какъ эмблема народнаго бѣдствія, евреи несли десять заповѣдей, протестантское духовенство гербы Литвы и Польши; приложены были старанія, чтобы участвовала и депутація отъ крестьянъ. Ничто не было забыто, чтобы воспламенить несчастный народъ. Въ такой атмосферѣ нельзя было остаться трезвымъ и у всѣхъ вскружились головы. Въ день похоронъ архіепископа былъ составленъ протоколъ о соединеніи Польши, Литвы и Руси, съ цѣлью общими усиліями стремиться къ независимости. Одинъ маркизъ Велепольскій остался трезвъ, но другихъ не могъ отрезвить и только раздражалъ пьяныхъ.

Сознавая вліяніе Отеля Ламберъ на настроеніе умовъ въ Царствѣ Польскомъ, маркизъ еще въ началѣ 1860 года, будучи въ Парижѣ, старался привлечь на свою сторону вліятельныхъ лицъ польской эмиграціи, но уже съ первыхъ шаговъ пришелъ къ убѣжденію, что сближеніе невозможно. Велепольскій имѣлъ въ виду одно только Царство Польское, эмиграція же упорно держалась единства Царства Польскаго съ Литвою и русскими провинціями. Поэтому всѣ сношенія были прекращены, тѣмъ болѣе, что маркизъ, ставъ въ ряды правительства, не хотѣлъ себя компрометировать даже подозрѣніемъ на общеніе съ эмиграціей.

Не сходя ни на минуту съ избраннаго имъ пути, Велепольскій дважды возбудилъ уголовное преслѣдованіе противъ краковской газеты «Часъ» за распространеніе ложныхъ вѣстей о положеніи дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, чѣмъ значительно увеличилъ свою непопулярность въ краѣ.

Для проведенія въ общество своихъ идей и борьбы съ противниками маркизъ основалъ газету «Всеобщій Дневникъ», но, не найдя сочувствія и поддержки, вынужденъ былъ сдѣлать главнымъ сотрудникомъ извѣстнаго памфлетиста Минишевскаго, который ѣдкой сатирой громилъ враговъ Велепольскаго и его направленія. Этотъ Минишевскій

за свой памфлетъ «Комуналы» былъ впослѣдствіи приговоренъ центральнымъ комитетомъ къ смерти и 2-го мая 1863 года убитъ кинжаломъ.

Осенью 1861 года городской комитетъ пріобрѣлъ верховную власть надъ всѣми кружками заговорщиковъ; выдающуюся роль игралъ въ немъ Болеславъ Денель при участіи Игнатія Хмѣлинскаго и Аполлона Коженіовскаго. Программа состояла въ возстановленіи Польши въ ея границахъ 1772 года при помощи революціи,

Графъ Ламбертъ наконецъ убѣдился, что заговорщиковъ ничѣмъ не задобришь и 14-го октября объявилъ Варшаву въ осадномъ положеніи на основаніи положеній, дѣйствовавшихъ въ имперіи, вопреки желанія маркиза Велепольскаго, который для сохраненія автономіи Царства Польскаго собирался выработать особое для Польши положеніе.

Тогда заговорщики перенесли свои манифестаціи въ самыя церкви и этимъ старались отождествить свои замыслы съ религіей. Народъ какъ-бы по командѣ наполнилъ на слѣдующій день церкви Св. Іоанна и Бернардинскую и пѣлъ революціонныя пѣсни. Войска оцѣпили церкви и, по приказу Герштенцвейга, силою удалили собравшихся, причемъ около 300 человѣкъ были арестованы. Эта мѣра придала много трагизма факту, самому по себѣ не важному. Духовныя власти подъ давленіемъ заговорщиковъ распорядились закрыть церкви. Между графомъ Ламбертомъ и генераломъ Герштенцвейгомъ было по этому поводу какое-то столкновеніе, послѣдствіемъ котораго была смерть втораго и отставка перваго.

Заговорщики, эксплоатируя религіозный характеръ движенія, стали готовиться къ возстанію. Духовенство приняло дѣятельное участіе въ этихъ приготовленіяхъ. Движеніе охватило не только Царство Польское, Литву и Южную Русь, но стало распространяться и на Бѣлоруссію. Дворянство Могилевской губерніи подало адресъ, прося о присоединеніи ея къ Литвѣ. Предводитель дворянства Минской губ. Лапа, на дѣятельность котораго губернаторъ жаловался министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву, былъ вызванъ въ Петербургъ. Валуевъ, придерживавшійся либеральнаго направленія, принялъ его очень вѣжливо, высказалъ свое расположеніе къ Литвѣ, намекнулъ объ отозваніи генералъ-губернатора Назимова, о назначеніи мѣстныхъ уроженцевъ на должности, о частномъ введеніи польскаго языка, о возстановленіи виленскаго университета, но высказалъ желаніе, чтобы литовское дворянство отказалось отъ польскихъ стремленій.

Все это находилось въ связи съ движеніемъ умовъ въ Россіи, вызваннымъ ожидаемыми реформами.

Въ Петербургѣ стала выходить тайная газета, предвѣщавшая въ 1863 году революцію въ Россіи и освобожденіе Польши. Заговорщики разсчитывали, что революція въ Россіи окажетъ сильное содѣйствіе поль-

скому дѣлу, между тѣмъ какъ надо было думать, что наоборотъ, польское возстаніе возбудитъ въ русскомъ обществѣ испытанный патріотизмъ и заставитъ забыть всякую мысль о домашней распрѣ. Этотъ ложный расчетъ былъ распространяемъ среди польскаго общества польскою молодежью, воспитанною въ русскихъ университетахъ, и поляками—офицерами, которые и составляли главный контингентъ заговорщиковъ.

Манифестаціи въ Царствѣ Польскомъ стали заурядным явленіемъ. Онѣ вошли въ плоть и кровь общества и устраивались при каждомъ представившемся случаѣ. Въ населеніи развилась къ нимъ положительно страсть. Это приписывалось общему настроенію, между тѣмъ манифестаціи каждый разъ устраивались заправилами заговора и были совершенно въ духѣ тогдашней польской поэзіи, особенно-же «Псалмовъ» поэта графа Сигизмунда Красинскаго [1]). Варшавскія событія 1861—1862 годовъ зажгли не одно только польское общество,—вся Европа заговорила о «народѣ въ траурѣ».

Послѣ графа Ламберта постъ намѣстника, вторично, занялъ генералъ Сухозанетъ, который взялся за дѣло энергично и всѣ дѣла поручалъ рѣшенію военныхъ властей. Маркизъ Велепольскій, стоя всегда на легальной почвѣ, имѣлъ постоянныя столкновенія съ Сухозанетомъ въ особенности же послѣ того какъ опубликовалъ въ основанномъ имъ «Всеобщемъ Дневникѣ», въ нумерѣ отъ 1-го октября, свой проектъ крестьянской реформы и о народномъ просвѣщеніи. Сухозанетъ приказалъ арестовать главнаго редактора Собѣщанскаго, а самого маркиза обвинялъ въ возбужденіи умовъ и неуваженіи къ своей власти, вслѣдствіе чего Велепольскій 23-го октября 1861 года подалъ въ отставку и затѣмъ въ началѣ ноября былъ вызванъ телеграммой въ Петербургъ.

IV.

Маркизъ Велепольскій въ Петербургѣ.—Каноникъ Бялобжескій и архіепископъ Сигизмундъ Фелинскій.—Главный, а затѣмъ центральный комитетъ въ Варшавѣ.—Покушеніе на жизнь Лидерса.—Назначеніе великаго князя Константина Николаевича намѣстникомъ Царства Польскаго. — Покушеніе на его жизнь.—Несогласіе въ революціонныхъ кружкахъ.—Эмиграціонный комитетъ въ Парижѣ.—Воззваніе намѣстника къ жителямъ Варшавы.— Графъ Андрей Замойскій. — Рекрутскій наборъ. — Назначеніе барона Будберга посломъ въ Парижъ. — Пріемъ его Наполеономъ. — Арестъ поляковъ въ Парижѣ.—Дѣятельность центральнаго комитета заговорщиковъ.—Проявленіе возстанія.

7-го декабря 1861 г. маркизъ Велепольскій получилъ отставку, но былъ награжденъ при этомъ орденомъ Бѣлаго орла и назначенъ постояннымъ членомъ совѣта Царства Польскаго.

---

[1]) Красинскій въ письмѣ своемъ къ священнику Александру Еловецкому не признаетъ себя авторомъ „Псалмовъ“.

Въ началѣ своего пребыванія въ Петербургѣ маркизъ Велепольскій тщательно избѣгалъ всякихъ сношеній съ членами дипломатическаго корпуса, чтобы не возбудить къ себѣ подозрѣнія. Онъ постепенно пріобрѣталъ довѣріе императора и имѣлъ продолжительныя бесѣды съ министрами по поводу реформъ въ Царствѣ Польскомъ; хлопоталъ объ отдѣленіи власти гражданской отъ военной, такъ какъ задумалъ взять первую въ свои руки. Велепольскій понялъ, что точка опоры всего дѣла въ Петербургѣ, и достигъ того, что и въ столицѣ онъ чувствовалъ твердо подъ собою почву.

Когда его репутація установилась прочно, Велепольскій сблизился съ англійскимъ посланникъ лордомъ Непиромъ и съ замѣстителемъ французскаго посла—Фурнье. Представители же Австріи и Пруссіи видимо сторонились отъ него, и маркизъ боялся, что эти сосѣднія державы будутъ ему препятствовать при установленіи автономіи Царства Польскаго.

Императоръ Александръ относился сочувственно къ полякамъ и не было сомнѣнія, что онъ дѣйствительно думалъ умиротворить ихъ. Послѣ первой аудіенціи у императора, маркизъ Велепольскій писалъ 18-го ноября 1861 года: «Все, что говорилъ императоръ, произвело на меня впечатлѣніе искренности, простоты и доброжелательства». 27-го декабря онъ писалъ: «Императрица между прочимъ сказала, что послѣ того, что случилось (въ 1831 году) нельзя удивляться нерасположенію покойнаго императора (Николая I) къ полякамъ, но это нерасположеніе нисколько не повліяло на убѣжденія нынѣ царствующаго императора».

Между тѣмъ, 7-го ноября, генералъ Сухозанетъ оставилъ свой постъ и его замѣнилъ генералъ Лидерсъ, взявшійся энергично за усмиреніе движенія. Но и ему не удалось открыть главныхъ заправилъ и уничтожить зло въ корнѣ. Каноникъ Бялобжескій, управлявшій варшавской эпархіей, за ослушаніе властей, которыя требовали открытія церквей, былъ сосланъ въ Бобруйскъ.

Маркизу Велепольскому удалось выхлопотать назначеніе на мѣсто Бялобжескаго профессора римско-католической академіи въ Петербургѣ Сигизмунда Фелинскаго варшавскимъ архіепископомъ. Это былъ умный и честный человѣкъ, но, какъ и всѣ вообще поляки, склонный къ увлеченіямъ. 13-го февраля 1862 г. Фелинскій открылъ варшавскія церкви, закрытіе которыхъ являлось выраженіемъ исключительнаго и ненормальнаго положенія вещей и придавало городу зловѣщій видъ и сильно способствовало болѣзненно-возбужденному настроенію населенія. Такъ какъ распоряженіе объ открытіи церквей направлено было къ замиренію населенія, что вовсе не входило въ планы заговорщиковъ, то послѣдніе не замедлили выразить свое неудовольствіе Фелинскому.

Заговоръ распространялся все шире и шире. Городской комитетъ

получилъ наименованіе главнаго комитета, который лѣтомъ 1862 года преобразился въ центральный народный комитетъ [1]).

Программу для него выработалъ Гиллеръ. Она имѣла въ виду освобожденіе крестьянъ и приготовленіе страны къ общему возстанію, для завоеванія независимости въ границахъ 1771 года. Программа не допускала никакого соглашенія съ русскимъ правительствомъ и имѣла цѣлію вездѣ ему препятствовать. По программѣ предполагалось собираніе тайныхъ податей для вооруженія народа, соглашеніе съ другими сосѣдними славянскими народами и возбужденіе революціоннаго движенія въ Россіи.

Организація приняла десятичную систему, и молодежь принялась за изученіе военныхъ наукъ. Принцъ Наполеонъ выхлопоталъ Мѣрославскому разрѣшеніе на открытіе военной школы въ Генуѣ, для приготовленія инструкторовъ въ готовившееся возстаніе. Учителями въ школѣ были: Руцкій, Чапскій и Лангевичъ. Она была закрыта въ 1862 году итальянскимъ правительствомъ, по требованію Россіи.

Еще въ концѣ 1861 года заговорщики пробовали войти въ сношеніе съ русской арміей черезъ Ярослава Домбровскаго. Въ 1862 году старанія эти были удвоены и попытки противной партіи остановить вожаковъ возстанія оставались напрасными. Въ іюнѣ 1862 года по предложенію бывшаго сельско-хозяйственнаго комитета, который также сознавалъ всю опасность возстанія, состоялся въ Ахенѣ, подъ предсѣдательствомъ князя Владислава Чарторыйскаго, съѣздъ представителей всѣхъ польскихъ провинцій. Делегаты заявили, что совѣсть не позволяетъ имъ готовиться къ возстанію; съ другой стороны, высказываться противъ возстанія не смѣютъ, такъ какъ потеряли бы всякое уваженіе на родинѣ.

Бѣлые, предвидя также возстаніе и не сочувствуя ему, задумали бороться противъ заговорщиковъ ихъ же оружіемъ. Они приложили всѣ старанія, чтобы главный комитетъ составился изъ лицъ болѣе умѣреннаго направленія. Этотъ новый комитетъ прежде всего рѣшилъ убѣ-

---

[1]) Въ центральномъ комитетѣ происходили часто перевороты изъ-за власти и направленія. Въ описываемое время въ составъ комитета входили: Домбровскій—делегатъ отъ Литвы, завѣдывавшій военнымъ дѣломъ; Агаѳонъ Гиллеръ—вѣдавшій внутреннія дѣла и хранившій печать; Марчевскій — въ вѣдѣніи коего были пути сообщенія и раіонъ до Вислы; Шварцъ — сынъ эмигранта, управлявшій раіономъ за Вислой; Верницкій—директоръ почтъ; Коссовскій—надзиратель Варшавы, у котораго было два помощника Эдуардъ и Іосифъ Рольскіе; Владиславъ Даниловскій—имѣвшій наблюденіе за Галиціей и Русью. Предсѣдательствовали всѣ члены по очереди и предсѣдательствующій носилъ тутулъ регулятора. Главная печать имѣла надпись: „Народный центральный комитетъ“ и состояла изъ двухъ гербовъ—Польши и Литвы.

диться въ значеніи русскаго заговора. Для этого Гиллеръ и Коссовскій назначили въ Бѣлянахъ сходку съ русскими офицерами. Сходка эта выяснила, что на русскія войска нельзя вовсе разсчитывать.

Нѣсколько офицеровъ было уличено въ сношеніи съ заговорщиками, за что и поплатились жизнью. По приговору намѣстника Лидерса они были разстрѣляны 26-го іюня въ Модлинѣ. Все это были поляки, за исключеніемъ одного—Ивана Аргольда, финляндскаго уроженца. Заговорщики отмстили Лидерсу покушеніемъ на его жизнь. Среди бѣлаго дня, 27-го іюня, въ Саксонскомъ саду, генералъ Лидерсъ былъ тяжело раненъ въ щеку выстрѣломъ изъ револьвера. Въ первое время, покушеніе это было приписано личной мести изъ-за женщины, но для маркиза Велепольскаго не оставалось сомнѣній, что это дѣло заговорщиковъ. Итакъ за пѣснями безоружныхъ непосредственно слѣдовали покушенія на убійства,—нравственная революція постепенно преображалась въ кровавую.

Маркизъ Велепольскій достигъ въ Петербургѣ многаго. Проектированныя имъ реформы, направленныя къ развитію автономіи Царства Польскаго, получили санкцію. Онъ самъ достигъ той верховной гражданской власти, къ которой стремился. Намѣстникомъ Царства Польскаго былъ назначенъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Уступки, о которыхъ императоръ Александръ говорилъ въ своихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ III, осуществлялись. Реформы маркиза Велепольскаго, не считая введенныхъ раньше, обнимали народное просвѣщеніе съ главной школой во главѣ, расширеніе правъ еврейскаго населенія, которое, слившись съ польскою народностью, должно было составить сильное третье сословіе, и уставъ объ очиншеваніи крестьянъ.

Между тѣмъ, тогдашнее польское общество имѣло смутное представленіе о реформахъ, задуманныхъ маркизомъ, который вообще не любилъ быть откровеннымъ. Бѣлые смотрѣли на его дѣятельность подозрительно. Графъ Александровичъ мѣтко охарактеризовалъ положеніе, занятое маркизомъ Велепольскимъ; онъ говорилъ: «Маркизъ велитъ намъ садиться въ экипажъ, но не говоритъ, куда намѣренъ насъ везти». Многіе говорили о какихъ-то панславистическихъ планахъ Велепольскаго и проч.

Вообще маркизъ не съумѣлъ привлечь на свою сторону лучшую часть польскаго общества. Насколько этотъ человѣкъ дѣйствовалъ въ Петербургѣ ловко и умѣло, на столько въ Варшавѣ неумѣло и несчастно.

Между тѣмъ, 2-го іюля 1862 года, прибылъ въ Варшаву великій князь Константинъ Николаевичъ. Онъ преисполненъ былъ самыми лучшими намѣреніями, расположенъ къ полякамъ и полагалъ, что великодушіемъ и лаской можно будетъ умиротворить край. Поляки смотрѣли иначе и видѣли въ назначеніи великаго князя послѣдній рѣшительный моментъ

для окончательнаго рѣшенія вопроса, кто выйдетъ побѣдителемъ, маркизъ Велепольскій въ соглашеніи съ русскимъ правительствомъ или заговорщики съ возстаніемъ. Очевидно было, что императоръ искренно желаетъ соглашенія дарованіемъ реформъ и нѣкоторыхъ новыхъ учрежденій. Заговорщики поняли, что наступилъ моментъ, когда соглашеніе дѣйствительно возможно, что горячка готова улечься и что надо выдающимся поступкомъ предотвратить грозящую имъ опасность. И вотъ, 3-го іюля злоумышленникъ Ярошинскій, при содѣйствіи Хмѣліовскаго и Родовича, легко ранилъ великаго князя выстрѣломъ изъ револьвера.

Несмотря на то, великій князь, согласно расписанію, на слѣдующій день принималъ католическое духовенство и членовъ правленія земскаго кредитнаго общества. Онъ сказалъ, что вчерашнее покушеніе не считаетъ дѣломъ польскаго общества и что это обстоятельство не повліяетъ нисколько на ограниченіе программы, направленной ко благу страны.

Послѣ этого покушенія заговорила общественная совѣсть и явилась мысль коллективнаго выраженія своей преданности великому князю. Мысль эта возникла первоначально между бывшими членами комитета сельско-хозяйственнаго общества: Курцомъ, Людвигомъ Гурскимъ и Венглинскимъ. Къ нимъ присоединились представители нравственной революціи, члены дирекціи бѣлыхъ: Юргенсъ и Карлъ Маевскій. Рѣшено было написать адресъ съ выраженіемъ негодованія по поводу покушенія и вручить его великому князю черезъ депутацію съ графомъ Замойскимъ во главѣ. Графъ Замойскій вначалѣ упорно отказывался отъ этой миссіи, но въ концѣ концовъ согласился идти во дворецъ и прочитать адресъ, предварительно же просилъ Курца и Гурскаго съѣздить къ маркизу Велепольскому съ извѣщеніемъ о задуманномъ адресѣ и заявленіемъ, что онъ, Замойскій, не желаетъ ничего предпринимать не только противъ, но и безъ Велепольскаго. Они сейчасъ же отправились къ маркизу Велепольскому, который объяснилъ имъ, что долженъ объ этомъ предупредить великаго князя и просилъ Гурскаго заѣхать на слѣдующій день, что послѣдній и исполнилъ. Маркизъ потребовалъ отъ Гурскаго, чтобы онъ отправился во главѣ депутаціи, на что Гурскій возразилъ, что для него это было бы слишкомъ большою честью, что тутъ нуженъ именно графъ Андрей Замойскій, пользующійся большою популярностью въ краѣ. Велепольскій возразилъ, что графъ Замойскій былъ уже во дворцѣ во главѣ кредитнаго общества и что излишне идти ему вторично. Гурскій замѣтилъ, что этотъ разъ графъ Замойскій пойдетъ въ качествѣ гражданина. Тогда маркизъ Велепольскій откровенно сказалъ, что развѣ только для того пойдетъ графъ Замойскій, чтобы засвидѣтельствовать о существованіи враждебнаго маркизу лагеря. Неизвѣстно точно, боялся ли Велепольскій, чтобы графъ Замойскій не пріобрѣлъ у великаго князя довѣрія и такимъ образомъ замѣстилъ его.

или опасался какой-нибудь рѣзкой выходки со стороны графа. Въ концѣ концовъ маркизъ Велепольскій согласился. Замойскій встрѣтилъ Гурскаго словами:

— Ну что-же, не согласился? Я его знаю.

— Напротивъ,—отвѣчаетъ Гурскій,—согласился.

— Ну тогда я теперь не согласенъ,—и добавилъ:—Если бы я согласился, то не посмѣлъ бы моимъ дѣтямъ прямо смотрѣть въ глаза!

Замойскій, не сознавая того, былъ уже тогда на сторонѣ заговора и подъ вліяніемъ старшаго сына Владислава, который сносился съ заговорщиками.

Дѣлать нечего, надо было оставить всякую мысль о депутаціи и адресѣ. Оставалось только уладить дѣло съ маркизомъ Велепольскимъ, чтобы онъ ни о чемъ не догадался. Гурскому пришла блестящая мысль воспользоваться для этого однимъ мѣстомъ адреса (писаннаго на французскомъ языкѣ), на которое, завѣдомо, не согласился бы маркизъ Велепольскій. Когда онъ пріѣхалъ къ маркизу и прочиталъ ему адресъ, послѣдній дѣйствительно не согласился съ его редакціей, въ особенности съ тѣмъ мѣстомъ адреса, которое гласило: «мы питаемъ надежду, что ваше императорское высочество найдете въ своемъ сердцѣ средство для облегченія страданій народа, который испытываетъ столь долго одни несчастія». Велепольскій находилъ, что въ этихъ словахъ заключалось осужденіе прошлаго царствованія, что теперь не время для такихъ осужденій, что наступило время дѣйствовать, какъ и онъ, заодно съ правительствомъ,—однимъ словомъ, что онъ не можетъ пропустить такой адресъ. Только этого и надо было, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія. Больше не было и разговору объ адресѣ, который, къ сожалѣнію, не состоялся, но который могъ бы послужить началомъ примиренія польскаго общества съ русскимъ правительствомъ.

Покушеніе на жизнь великаго князя вызвало большое негодованіе въ Отелѣ Ламберъ, бюро котораго, по предложенію Калинки и Клячки, рѣшило выразить свое порицаніе, если всѣ фракціи эмиграціи на это согласятся, для чего были начаты переговоры съ вождемъ демократовъ, докторомъ Галензовскимъ, который вначалѣ подписалъ этотъ актъ, но, переговоривъ съ членами своей партіи, вычеркнулъ свою подпись. Послѣ этого рушился и проектъ Отеля Ламберъ.

Великій князь и маркизъ Велепольскій думали, что имъ удастся побороть заговоръ нравственными мѣрами. Маркизъ въ основанномъ имъ «Всеобщемъ Дневникѣ» полемизировалъ съ сторонниками переворота, а Минишевскій въ сатирическомъ памфлетѣ «Комуналы» боролся съ заговоромъ своимъ юморомъ. Съ другой стороны, съ 5-го іюля, сталъ выходить органъ центральнаго комитета «Движеніе», поддерживавшій сношенія съ демагогическою частью польской эмиграціи.

Хотя заговорщики и сознавали, что миръ и согласіе есть первое условіе успѣха, однако же съ самаго начала возникли между ними распри. Мѣрославскій находился въ постоянномъ пререканіи съ комитетомъ. Въ своемъ органѣ «Предосторожность», который сталъ выходить съ іюля въ Парижѣ, онъ писалъ: «Только мечтатели могутъ думать, что безъ сочувствія народа можно поднять возстаніе и разсчитывать на успѣхъ. Солдатъ непобѣдимъ только тогда, когда кругомъ него стоятъ дружественно настроенныя народныя массы».

Въ концѣ іюля возникъ въ Парижѣ эмиграціонный комитетъ, который поставилъ себѣ задачей объединить всѣ оттѣнки крайней и демагогической фракціи эмиграціи. Въ составъ его входили: Стефанъ Бобровскій[1]), Христовскій, Эльжановскій—единомышленники Мѣрославскаго, редакторъ «Обозрѣнія польскихъ дѣлъ» Яновскій, графъ Ледоховскій, Мазуркевичъ, Іосифъ Высоцкій и Забицкій. Комитетъ издалъ прокламацію, гласившую, что народъ долженъ возстать собственными силами. Комитетъ, съ своей стороны, обѣщалъ приложить старанія, чтобы войти въ сношенія съ свободными народами, и напоминалъ, что не слѣдуетъ забывать и другихъ угнетенныхъ народовъ.

Дворянская молодежь стала изъявлять готовность подчиниться власти центральнаго комитета, распространившаго уже дѣйствія на Литву и Южную Русь.

16-го августа 1862 года постъ президента города Варшавы занялъ сынъ маркиза Александра Велепольскаго, Сигизмундъ, который всѣ свои силы прилагалъ къ раскрытію заговора, но, не находя ни въ комъ поддержки, мало успѣлъ въ этомъ важномъ дѣлѣ.

Теперь даже самые крайніе изъ бѣлыхъ сознали всю важность и благотворность управленія великаго князя и маркиза Велепольскаго, но не имѣли достаточно гражданскаго мужества, чтобы стать открыто на сторону правительства. Заговорщики рѣшили круто дѣйствовать противъ возможнаго соглашенія. Съ этою цѣлью литографъ Рылль 7-го августа два раза стрѣлялъ въ маркиза Велепольскаго, 15-го августа Жонца, тоже литографъ, бросился на маркиза съ кинжаломъ. Были сдѣланы попытки извести великаго князя отравленной ветчиной въ его собственномъ домѣ. Злоумышленники Рылль и Жонца были повѣшены 26-го августа, Ярошинскій же, покусившійся на жизнь великаго князя, былъ повѣшенъ 21-го августа.

---

[1]) Стефанъ Бобровскій—студентъ кіевскаго университета, одинъ изъ редакторовъ выходившаго тайно въ Кіевѣ изданія „Возрожденіе“. Онъ много способствовалъ сближенію между собою польской молодежи, воспитывающейся въ русскихъ университетахъ. Несмотря на свое слабое здоровье, онъ былъ чрезвычайно дѣятельный и трудолюбивый. Убитъ въ поединкѣ съ графомъ Х. 12-го апрѣля 1863 года.

Краковская газета «Часъ», пользовавшаяся большимъ распространеніемъ и вліяніемъ послѣ каждаго изъ трехъ покушеній на жизнь Лидерса, великаго князя и маркиза Велепольскаго, поэтизировала преступниковъ и каждый разъ всю вину слагала на угнетеніе мѣстнаго населенія. Въ Парижѣ же эти покушенія произвели въ общественномъ мнѣніи крайне невыгодное для польскаго дѣла впечатлѣніе.

Послѣ покушеній на жизнь великаго князя и маркиза Велепольскаго, полиціи удалось открыть тайный уставъ организаціи заговорщиковъ. Вмѣсто того, чтобы заняться подавленіемъ открытаго заговора, маркизъ Велепольскій напечаталъ весь уставъ во «Всеобщемъ Дневникѣ» и началъ полемику на столбцахъ своей газеты, желая дѣйствовать на заговорщиковъ убѣжденіемъ и силою слова. Хорошій юристъ и политикъ, маркизъ Велепольскій не имѣлъ никакихъ способностей администратора. Занимая постъ начальника гражданскаго управленія, онъ не имѣлъ никакого отношенія ни къ шефу жандармовъ, ни къ полиціи. Генералъ Потаповъ былъ призванъ организовать надлежащимъ образомъ полицію, но его реформы, какъ показалъ дальнѣйшій опытъ, были безуспѣшны. Сергѣй Мухановъ, человѣкъ ученый и исполненный благородства, вновь назначенный оберъ-полиціймейстеромъ, совсѣмъ не подходилъ для этой должности.

Полиція была до того плоха, что когда были вызваны для открытія заговора англійскіе полицейскіе агенты, которые потребовали себѣ въ помощь десять подходящихъ людей изъ мѣстной полиціи, оберъ-полиціймейстеръ не могъ рекомендовать никого. Англичане отказались отъ возложенной на нихъ задачи и уѣхали обратно. За городской чертой не было вовсе полиціи. Въ губернскихъ городахъ исполнительную полицію представляли старики, вооруженные палками. Войтами гминъ были большею частью помѣщики, замѣстители которыхъ каждому эмиссару народнаго правительства давали фальшивый паспортъ. Чиновники или сами принадлежали къ заговору, или были терроризованы заговоромъ. Жандармскіе офицеры въ большинствѣ случаевъ были инвалиды. Армейскіе офицеры, которые несли полицейскую службу въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, злоупотребляли зачастую властью,— виновные ускользали, невиновные попадали подъ арестъ.

27-го августа 1862 года великій князь издалъ воззваніе къ жителямъ Варшавы, приглашая ихъ воздержаться отъ своихъ стремленій, ведущихъ прямо къ возстанію. 8-го сентября гофмейстеръ двора великаго князя графъ Хрептовичъ пригласилъ графа Андрея Замойскаго къ намѣстнику для переговоровъ. Графъ Замойскій сказалъ, что дворянство признаетъ правительство, если оно согласится на присоединеніе въ административномъ отношеніи Литвы и Южной Руси къ Царству Польскому.

Мысль эта, а равно и изъявленіе несолидарности съ системой маркиза Велепольскаго, была высказана польскимъ дворянствомъ въ составленномъ имъ на имя графа Андрея Замойскаго меморандумѣ, который послѣдній уполномоченъ былъ передать великому князю [1]).

Послѣ этого въ срединѣ сентября графъ Замойскій былъ вытребованъ въ Петербургъ, гдѣ принятъ императоромъ, заявившимъ ему, что не хочетъ дѣлать изъ него мученика за идею и предложившимъ ему уѣхать за границу. Графъ Замойскій удалился въ Лондонъ, а потомъ переѣхалъ въ Парижъ.

Изъ всей дѣятельности графа Андрея Замойскаго видно, что онъ принадлежалъ къ непримиримымъ. Между тѣмъ существуетъ одинъ фактъ, противорѣчащій этому выводу. Князь Владиславъ Чарторыйскій за годъ до своей смерти, уже очень больной, разсказалъ, что однажды — года и мѣсяца князь вспомнить не могъ — пріѣхалъ къ нему въ Компьень генералъ Замойскій, братъ графа Андрея, гдѣ князь находился съ императорскимъ дворомъ, и заявилъ, что его братъ Андрей, желая окончательно и безповоротно помириться съ русскимъ правительствомъ, проситъ сообщить объ этомъ Наполеону III. Князь отправился къ графу Валевскому и просилъ, чтобы онъ взялъ на себя передать объ этомъ императору. Графъ Валевскій возмутился этимъ:

— Вся ваша будущность въ томъ, чтобы не примиряться съ Россіей,—сказалъ онъ и отказался отъ этой миссіи, говоря, что, исполнивъ ее, нанесъ бы большой ущербъ польскому дѣлу.

Съ большою вѣроятностью можно допустить, что былъ такой моментъ, когда графъ Замойскій задумалъ стать возлѣ великаго князя и замѣстить собою маркиза Велепольскаго. Занять же мѣсто Велепольскаго не представляло бы большихъ трудностей для графа Замойскаго, примиренія съ которымъ такъ желалъ великій князь, видя что маркизъ Велепольскій не имѣетъ никакого значенія въ краѣ. Вообще великій князь очень сожалѣлъ, что ему не удалось воспользоваться вліяніемъ Замойскаго для умиротворенія края.

Совершенно иной оборотъ приняли бы событія описываемой эпохи, если бы Замойскій и Велепольскій дѣйствовали за-одно и сдѣлались бы ближайшими помощниками великаго князя.

Предводители дворянства Литвы и Южной Россіи за подписаніе вышесказаннаго меморандума на имя графа Андрея Замойскаго были сосланы въ глубь Россіи.

Центральный комитетъ, въ письмѣ своемъ отъ 20-го сентября 1862 г.,

---

[1]) Въ меморандумѣ этомъ высказаны были требованія о созывѣ сейма и учрежденіи польскаго правительства. Очевидно, что требованіе это не могло быть принято великимъ княземъ.

редактированномъ Гиллеромъ и Подлевскимъ и посланномъ въ «Колоколъ», проповѣдовалъ ту же мысль о единствѣ и нераздѣльности всѣхъ провинцій бывшей Рѣчи Посполитой. Литовцамъ и малороссамъ предоставлялась полная свобода оставаться связанными съ Польшею, но предписывалось участвовать наравнѣ съ поляками въ возстаніи противъ Россіи. «Колоколъ» обѣщалъ «свою слабую дружественную помощь».

Наконецъ маркизъ Велепольскій слишкомъ поздно и очень неловко взялся непосредственно за заговорщиковъ. 6-го октября правительство объявило первый послѣ Крымской войны наборъ на исключительныхъ основаніяхъ.

Центральный комитетъ употребилъ всѣ свои силы, чтобы воспрепятствовать набору. Въ своемъ органѣ «Движеніе» отъ 12-го октября комитетъ приглашалъ уѣздные совѣты подать въ отставку, что́ многіе и сдѣлали—остальные же отказались отъ выборовъ членовъ коммисіи по набору. Съ ноября обильно посыпались въ кассу центральнаго комитета такъ называемыя народныя подати. На эти деньги учреждена была въ Парижѣ коммисія для поставки оружія, въ которую вошли Цверцякевичъ и Лангевичъ.

Около этого времени и именно 20-го ноября 1862 года баронъ Будбергъ былъ назначенъ на постъ русскаго посланника въ Парижѣ, на мѣсто графа Киселева, который по старости лѣтъ и вслѣдствіе появившихся на политическомъ горизонтѣ тучекъ просился въ отставку.

Новый посланникъ, 12-го декабря вручая Наполеону III свои вѣрительныя грамоты, обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— Имѣю счастье вручить вашему императорскому величеству грамоты, аккредитующія меня въ качествѣ посланника моего монарха. Призывая меня на этотъ постъ, императоръ поручилъ мнѣ быть истолкователемъ его чувствъ искренней дружбы къ вашему императорскому величеству. Счастливый, что могу быть выразителемъ его предначертаній, я не премину прилагать всѣ мои старанія къ развитію симпатій между двумя великими народами, союзъ которыхъ зиждется на общихъ ихъ интересахъ. Позвольте, государь, надѣяться, что мнѣ удастся сохранить ту высокую благосклонность, съ которой ваше императорское величество отнеслись ко мнѣ и которая облегчитъ мнѣ укрѣпленіе, не взирая ни на какія случайности, счастливыхъ отношеній, существующихъ между Франціею и Россіею.

— Я могу себя только поздравить, отвѣчалъ императоръ, по поводу отношеній, существующихъ вотъ уже шесть лѣтъ между императоромъ россійскимъ и мною. Они имѣютъ всѣ шансы долговѣчности, такъ какъ основаны на взаимной симпатіи и истинныхъ интересахъ обоихъ государствъ. Я на дѣлѣ имѣлъ случай оцѣнить возвышенный умъ и сердечную прямоту вашего монарха и питаю къ нему искреннюю дружбу. Вашъ

предшественникъ дѣлалъ все, чтобы укрѣпить узы, и потому мы сохранимъ о немъ самыя пріятныя воспоминанія. Я знаю, что вы одушевлены тѣми-же чувствами и потому найдете среди насъ самый радушный пріемъ. Мнѣ пріятно, что я могу увѣрить васъ въ исключительномъ моемъ къ вамъ уваженіи.

Россія, не долго ожидая, сейчасъ-же потребовала доказательства дружбы Франціи. Баронъ Будбергъ сообщилъ 25-го декабря 1862 года префекту полиціи, что главари польскаго заговора проживаютъ въ Парижѣ и что онъ напалъ на слѣдъ центральнаго комитета. Онъ просилъ поэтому арестовать Миловича, Цверцякевича и Подлевскаго. Префектъ исполнилъ просьбу, и изъ бумагъ, найденныхъ при арестованныхъ, оказалось, что это не центральный комитетъ, а его военная коммисія, которой была поручена покупка за-границей оружія.

Французское правительство оправдывалось передъ поляками тѣмъ, что аресты были произведены въ томъ убѣжденіи, что здѣсь имѣлось дѣло съ агентами соціальной революціи. Одинъ изъ арестованныхъ сейчасъ-же былъ освобожденъ, два другіе въ началѣ января 1863 года высланы изъ предѣловъ Франціи. Все дѣло кончилось тѣмъ, что выписка оружія не удалась.

Съ октября 1862 года во главѣ центральнаго комитета стоялъ Сигизмундъ Подлевскій, бывшій офицеръ русской арміи, горячій сторонникъ безотлагательнаго возстанія. Онъ управлялъ военнымъ дѣломъ, въ его-же вѣдѣніи была Варшава.

Для ознакомленія съ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи комитетъ выслалъ Подлевскаго въ Петербургъ, а Гиллера къ Герцену въ Лондонъ. Оба привезли весьма неутѣшительныя извѣстія для польскихъ заговорщиковъ.

Въ концѣ ноября 1862 года комитету удалось привлечь на свою сторону духовенство и приступить къ его организаціи на основаніи выработанной комитетомъ программы. Разсчитывая воздѣйствовать на крестьянъ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости, комитетъ сталъ готовиться къ вооруженному возстанію. Относительно времени начатія вооруженныхъ дѣйствій мнѣнія расходились. Сигизмундъ Подлевскій [1]) и Шварцъ одержали верхъ. Рѣшено было начать возстаніе при первой возможности. Делегаты Литвы и Руси умоляли, чтобы не начинать возстанія зимою. Агентъ центральнаго комитета въ Молдавіи, Сигизмундъ Милковскій, вызванный въ Варшаву, также убѣждалъ отложить взрывъ до весны 1863 года.

Въ декабрѣ 1862 года полиція открыла главную тайную типографію

---

[1]) Польскій романистъ, извѣстный подъ псевдонимомъ Теодоръ Томамъ Ежъ.

центральнаго комитета, и многіе члены его куда-то скрылись. Новый комитетъ былъ сформированъ изъ слѣдующихъ лицъ: Агаѳона Гиллера, Сигизмунда Подлевскаго, Яна Майковскаго, Іосифа Яновскаго, Стефана Бобровскаго и ксендза Карла Микушевскаго.

Комитетъ ревностно продолжалъ начатыя приготовленія къ возстанію. Онъ получилъ изъ цитадели писанный рукою Домбровскаго весь планъ дѣйствій, главнѣйшими пунктами котораго было нападеніе на крѣпость Модлинъ, что и было немедленно поручено Подлевскому. Каждое воеводство получило своего военнаго начальника. Въ Варшаву были созваны всѣ военные и гражданскіе комиссары, которые получили отъ комитета устную инструкцію и писанную, сочиненную Подлевскимъ. О днѣ начала дѣйствія комитетъ обязался оповѣстить всѣхъ своевременно. Говорятъ, что къ тому времени въ распоряженіи комитета было около 20,000 людей, готовыхъ къ вооруженному возстанію, по другимъ извѣстіямъ гораздо больше.

6-го января 1863 года всѣ должностныя лица центральнаго комитета получили приказъ отправиться къ мѣсту своего назначенія. 10-го января военнымъ начальникамъ воеводствъ были вручены граматы съ печатями комитета о ихъ назначеніи на должности.

Въ половинѣ января 1863 года на съѣздѣ въ Равѣ провинціальныхъ комиссаровъ центральнаго комитета рѣшено было, не дожидаясь рекрутскаго набора, начать возстаніе, на томъ основаніи, что подлежащимъ набору и нежелавшимъ идти въ ряды русской арміи не оставалось ничего другаго, какъ немедленно записаться въ вооруженные мятежные отряды.

Рекрутскій наборъ совершился въ Варшавѣ 15-го января между первымъ часомъ ночи и восьмымъ часомъ утра. На 27-е января назначенъ былъ наборъ во всемъ Царствѣ Польскомъ.

Этотъ исключительный наборъ окружилъ возстаніе ореоломъ мученичества и несомнѣнно способствовалъ возстанію тѣмъ, что, вызвавъ общее негодованіе, значительно его ускорилъ. Впослѣдствіи канцлеръ князь Горчаковъ, въ разговорѣ съ англійскимъ посланникомъ лордомъ Нэпиромъ, сказалъ: «Наборъ—это средство, проектированное маркизомъ Велепольскимъ».—Лордъ Нэпиръ отвѣтилъ: «я слышалъ, что маркизъ будто-бы одобрилъ это средство и согласился на него, — но положительно удивленъ узнавъ, что онъ именно подалъ этотъ проектъ».—«Онъ первый предложилъ это средство», возразилъ князь Горчаковъ.

16-го января 1863 года Подлевскій, безъ предварительнаго соглашенія съ комитетомъ, въ качествѣ главнаго начальника мазовецкаго воеводства, отдалъ приказъ, чтобы всѣ связанные присягою немедленно оставили Варшаву и отправились въ деревню Королинку въ Сероцкихъ лѣсахъ и въ Камниновскую пущу. Присягнувшіе, между которыми было

шедшая замужъ, по смерти своего дѣда, за своего сосѣда по имѣнію, г. Янковича, сына одного венгерскаго дворянина, который не покидалъ короля Станислава во всѣхъ превратностяхъ его судьбы, управляя его домомъ въ Нанси и Дюневилѣ.

У внучки Этьена Фальконета также былъ всего одинъ ребенокъ, погибшій отъ несчастнаго случая на охотѣ, не успѣвъ вступить въ бракъ. Она немногимъ пережила своего сына и съ нею угасло потомство знаменитаго скульптора. Такъ какъ я былъ единственнымъ другомъ ея сына, то она пожелала назначить меня своимъ душеприказчикомъ и наслѣдникомъ той части ея имущества, которую Этьенъ Фальконетъ привезъ изъ Россіи; остальная часть была ею завѣщана пріемному сыну г. Янковича.

Но вмѣстѣ съ состояніемъ Этьена Фальконета, Марія Люція Фальконетъ, въ замужествѣ баронесса Янковичъ, оставила мнѣ передъ смертью инструкціи, неоднократно ею повторенныя, которыя я счелъ долгомъ исполнить на другой же годъ послѣ ея смерти по всѣмъ пунктамъ, касавшимся россійскаго императорскаго дома.

Въ числѣ драгоцѣнныхъ вещей привезенныхъ Этьеномъ Фальконетомъ изъ Россіи, находились:

1) Двѣ картины масляными красками: портреты Петра Великаго и Екатерины, писанные Петромъ Фальконетомъ, лучшія произведенія этого художника.

2) Собственноручныя письма (числомъ не менѣе шестидесяти) императрицы Екатерины къ Фальконету.

3) Неоцѣнимая драгоцѣнная вещь, а именно медальонъ, осыпанный жемчугомъ съ большой миніатюрой, писанной на эмали; это одинъ изъ превосходнѣйшихъ портретовъ великой императрицы, изображенной во всемъ блескѣ ея дивной красоты. Этотъ портретъ былъ полученъ Фальконетомъ отъ императрицы въ тотъ моментъ, когда она была въ восторгѣ отъ удачнаго исполненія имъ памятника. Впослѣдствіи она кажется сожалѣла о сдѣланномъ ею подаркѣ и Этьенъ Фальконетъ неоднократно говорилъ, что его потомки чуть ли не обязаны возвратить его рано или поздно августѣйшей императорской семьѣ вмѣстѣ съ автографами писемъ и двумя портретами (большія картины).

Первою моею заботою, при полученіи наслѣдства внучки Фальконета было увѣдомить русское посольство о желаніи моей благодѣтельницы, и я получилъ вскорѣ разрѣшеніе вручить эти предметы посланнику, которымъ они были переданы по назначенію.

Я владѣю по сей часъ тремя безцѣнными вещами, наслѣдованными мною отъ Этьена Фальконета.

1) Ларецъ, окованный мѣдью, — собственноручное произведеніе Петра Великаго, съ его офиціальной печатью, т. е. увѣнчаннымъ ко-

роною-топоромъ саардамскаго плотника. Мнѣ неоднократно предлагали значительныя суммы денегъ за эту вещь, которая должна была бы украшать музей какого-нибудь монарха.

2) Старинный лакированный ларецъ въ видѣ сердца, куда императрица Екатерина прятала обыкновенно письма, на которыя она желала отвѣтить безъ посредства своего секретаря.

3) Медальный шкапецъ изъ розоваго дерева съ маленькими ящичками, обитыми бархатомъ, содержащій бронзовыя и серебряныя медали, выбитыя въ память всѣхъ побѣдъ, одержанныхъ русскими въ ея царствованіе и въ царствованіе Петра Великаго. Эти медали дарились императрицею Фальконету постепенно, всякій разъ какъ она прохаживалась съ нимъ по Эрмитажу (la gallerie de curiosités) и была особенно довольна его работами.

Я ихъ передалъ моему старшему сыну какъ значится въ его брачномъ контрактѣ, будущему графу де-Варренъ, какъ талисманъ, на тотъ случай, если бы революція или какой-нибудь переворотъ (какъ это уже случалось съ моимъ семействомъ, которое переѣхало изъ Англіи въ Лотарингію, затѣмъ въ Тоскану и наконецъ во Францію) вынудилъ его оставить Францію и искать новаго отечества, въ надеждѣ, что эти вещи обезпечатъ ему пріютъ и покровительство въ Россіи.

Я забылъ сказать, что у меня есть также бюстъ Фальконета съ литейной формой, сдѣланный его невѣсткой (г-жею Колле), а также литейная форма бюста императрицы Екатерины, когда ей было 17 лѣтъ, съ оригинала изъ бѣлаго мрамора, завѣщаннаго г-жею Янковичъ музею въ Нанси, исполненнаго дѣвицею Колле по портрету, который императрица сохранила со времени своей юности.

Вотъ, кажется, всѣ свѣдѣнія, которыя вы меня просили сообщить. Преданный вамъ дядя и другъ графъ де-Варренъ (Изъ Nouvelle Revue rétrospective № 46, 1898).

Указъ царя Алексѣя Михайловича.

18-го мая 1651 года.

Зачали на Москву приходити разные еретики и нѣмцы и просити нашія царскія службы; а мы, собра архіепископы, архіереи, архимандриты и іереи на думу, и положили со думными людьми: ихъ б..... дѣтищъ нѣмцовъ на воеводство не посылать и къ воеводству не опредѣлять, а быти имъ б..... дѣтищамъ нѣмцамъ только въ Москвѣ и записываться по черной сотни; а въ службу нашу царскую вступати по нуждѣ въ ратную.

Благодарность графу П. А. Румянцову за хорошій пріемъ наслѣдника цесаревича въ Малороссіи.

Письмо великаго князя Павла Петровича графу Румянцову.

16-го октября 1781 г., Жидовецъ.

Графъ Петръ Александровичъ!

Оставивъ сего-дня нашу границу, я считаю пріятнымъ для себя долгомъ изъявить вамъ мое искреннее благодареніе за труды и попеченіе ваше въ учиненныхъ вами хорошихъ пріуготовленіяхъ для моего проѣзда чрезъ Малороссію. Не менѣе признаю я себя обязаннымъ оказать вамъ то совершенное удовольствіе, съ каковымъ примѣтилъ я желаемый порядокъ и благоустройство во всѣхъ частяхъ оной, вами введенные. Съ отмѣнною чувствительностью видѣлъ я знаки усердія Малороссійскаго дворянства и пріемъ намъ отъ онаго сдѣланный. При изъявленіи моей благодарности оному, прошу быть истиннымъ истолкователемъ моихъ чувствъ и моего расположенія. Въ прочемъ пребываю къ вамъ благосклонный.

Московскій университетъ въ 1861 году.

(Изъ записокъ С. В. Ешевскаго).

I.

Академическій 1861—62 годъ начался рядомъ крайне неловкихъ мѣръ и распоряженій, которыя одни въ состояніи были возбудить неудовольствіе и безпорядки, если-бы причинъ къ этимъ неудовольствіямъ и не существовало прежде. Въ послѣднемъ засѣданіи университетскаго совѣта въ іюлѣ 1861 г. объявлено было высочайшее повелѣніе въ 13 пунктахъ. Первымъ пунктомъ предписывалось избраніе ректора на прежнемъ основаніи изъ профессоровъ университета. Избраніе было отложено до перваго засѣданія будущаго академическаго года, т. е. до сентября 1861 г. Это было необходимо, чтобы дать время членамъ совѣта обдумать предстоящій выборъ, чрезвычайно важный въ настоящее время, послѣ долгаго управленія ректора отъ правительства. Къ тому же многіе изъ членовъ совѣта были уже въ отсутствіи, и въ интересахъ дѣла было отложить избраніе, по крайней мѣрѣ, до половины сентября. Между тѣмъ по распоряженію министра народнаго просвѣщенія избраніе ректора было отложено на неопредѣленное время. Университетъ лишился возможности имѣть энергическаго и надежнаго представителя своихъ интересовъ и при томъ въ то время, когда болѣе всего нуждался въ единствѣ и энергіи. Зато тѣ пункты высочайшаго повелѣнія, которыхъ исполненіе могло быть отложено, были немедленно исполнены Московскимъ университетомъ, въ числѣ ихъ была и плата по 50 руб. за слушаніе университетскихъ лекцій. Освобождались отъ платы только по два студента изъ каждой губерніи округа (въ томъ числѣ одинъ изъ гимназистовъ). Такимъ образомъ отъ платы освобождалось ежегодно

только 18 человѣкъ на весь округъ. Всѣ остальные должны были платить несмотря на доказанную бѣдность. Кто знаетъ, какъ велико число неимущихъ студентовъ, тотъ поймете жестокость немедленнаго примѣненія этой мѣры. Этою мѣрою не удалялись люди неразвитые, неподготовленные или буйные, а люди бѣдные. Бѣднѣйшіе студенты не составляли не только массы, производившей безпокойныя движенія въ университетѣ, но почти никогда не были главными зачинщиками и агитаторами уже потому, что они слишкомъ поглощены были заботами о насущномъ хлѣбѣ, о первыхъ средствахъ къ существованію. Бѣдность значительной части московскихъ студентовъ слишкомъ велика, чтобы оставить имъ досугъ для участія въ безпрерывныхъ сходкахъ и совѣщаніяхъ, которыя необходимы при каждомъ университетскомъ движеніи, а между тѣмъ это была та часть студенчества, которая доставляла государству профессоровъ, учителей, образованныхъ чиновниковъ, медиковъ, т. е. тѣхъ лицъ, которыхъ Россія никогда не имѣла въ избыткѣ и въ которыхъ она особенно нуждается въ настоящее время, когда оказывается крайній недостатокъ въ преподавателяхъ, судебныхъ слѣдователяхъ, въ медикахъ для сельскихъ общинъ и пр.

Черезъ нѣсколько времени послѣ сообщенія высочайшаго повелѣнія, министръ счелъ нужнымъ сообщить нѣкоторыя поясненія и подробности. Въ § 7 сообщенія отъ 21-го іюля 1861 г. (за № 1139) находится постановленіе, что гимназіи при окончательномъ испытаніи для своихъ воспитанниковъ, а также для лицъ, желающихъ поступить въ университетъ, выдаютъ отличнѣйшимъ изъ нихъ ежегодно два свидѣтельства, освобождающія отъ платы за слушаніе университетскихъ лекцій (одно бѣднѣйшему и отличнѣйшему изъ гимназистовъ, другое — постороннему лицу, подвергавшемуся испытанію). Такое распоряженіе не имѣло значенія въ текущемъ году, такъ какъ вступительные экзамены еще производились въ университетѣ, а не въ гимназіяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ были публикованы ректоромъ «правила для студентовъ и слушателей Московскаго университета, составленныя на основаніи высочайшаго повелѣнія, состоявшагося въ іюнѣ мѣсяцѣ 1861 г.». Эти правила во многомъ расходились съ высочайшимъ повелѣніемъ. Въ высочайшемъ повелѣніи и въ циркулярѣ министра говорилось объ освобожденіи отъ платы только двухъ человѣкъ изъ каждой губерніи округа, а ректоръ въ § 1-мъ говоритъ слѣдующее: «отъ этого ежегоднаго взноса освобождаются только тѣ дѣйствительно бѣдные и оказавшіе отличныя познанія студенты, которые, до поступленія въ университетъ, признаны будутъ на гимназическомъ экзаменѣ достойными этого и представятъ свидѣтельства о томъ отъ директора гимназіи. Этимъ объявленіемъ пущена была мысль не только въ обществѣ, но и между профессорами, что число освобождаемыхъ отъ платы не опредѣляется и что правительство само отмѣ-

нило распоряженіе, допускавшее ежегодно только по 18 бѣдняковъ въ университетъ, гдѣ прежде ежегодно освобождалось отъ платы человѣкъ по 200 или 150. Строгая справедливость требовала, по крайней мѣрѣ, того, чтобы законъ приложенъ былъ съ будущаго года, а не обрушивался всею тяжестью на тѣхъ, кто пришелъ на экзаменъ съ убѣжденіемъ, что законное свидѣтельство о бѣдности, представленное университетскому начальству, даетъ право на безплатное слушаніе лекцій. Справедливость требовала, чтобы люди, часто идущіе пѣшкомъ въ Москву изъ дальнихъ губерній, знали напередъ и заблаговременно, что, кромѣ извѣстныхъ знаній, они должны предъявить также и 25 руб. за первое полугодіе и что безъ послѣдняго документа они даже и не будутъ допущены къ экзамену. Этого въ Московскомъ университетѣ прежде не было, и высочайшее повелѣніе было немедленно приведено въ исполненіе. Отъ молодыхъ людей, явившихся на экзаменъ въ августѣ мѣсяцѣ, при подачѣ прошеній потребовали и немедленнаго взноса денегъ. Университетское начальство, еще не узнавши, владѣютъ-ли они достаточными свѣдѣніями, уже заботливо справлялось, есть-ли у нихъ въ карманѣ 25 р. У насъ нѣтъ оффиціальныхъ свѣдѣній, какъ велико было число молодыхъ людей, не могшихъ вступить въ университетъ только по бѣдности. Этихъ свѣдѣній нѣтъ именно потому, что прошенія безъ денегъ не принимались и, зная это, въ правленіе за немногими исключеніями являлись подавать просьбы только тѣ, кто могъ приложить къ просьбѣ 25 р. за первое полугодіе. Ограничусь поэтому немногими указаніями мнѣ извѣстными. На медицинскомъ факультетѣ, куда прежде главнымъ образомъ поступали бѣднѣйшіе изъ студентовъ, первый курсъ года 4 тому назадъ считалъ болѣе 300 слушателей. Открытіе медицинской академіи въ Варшавѣ отвлекло изъ Москвы медиковъ, уроженцевъ Царства Польскаго, и значительно уменьшило число студентовъ этого факультета. Въ 1860—61 академическомъ году на первый курсъ поступило 145 чел., въ нынѣшнемъ 110 (сколькимъ было отказано, или сколько не явились послѣ объявленія—неизвѣстно). Рязанскіе семинаристы, пришедшіе пѣшкомъ въ Москву на экзаменъ, не имѣя возможности не только держать его, но и подать просьбу, жили въ Москвѣ чуть не милостыней день за день, потому что имъ не съ чѣмъ было воротиться домой.

Немедленное примѣненіе новаго постановленія было еще важнѣе для молодыхъ людей, желавшихъ поступить на юридическій факультетъ, и этимъ обстоятельствомъ объясняется отчасти, почему волненіе прежде всего обнаружилось на первыхъ курсахъ этого факультета. Юридическій факультетъ былъ всегда одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ. Въ настоящую минуту онъ привлекъ къ себѣ еще большее число желающихъ поступить на него. Реформы, уже совер-

шившіяся въ нашихъ учрежденіяхъ, въ судоустройствѣ и т. п., а еще болѣе преобразованія, ожидаемыя въ ближайшемъ будущемъ, заставляли молодежь смотрѣть на юридическій факультетъ, какъ на средство получить образованіе, обѣщающее въ будущемъ обезпеченную карьеру. Прежде бѣднякъ шелъ преимущественно на медицинскій факультетъ, часто вопреки своимъ наклонностямъ, вопреки отвращенію къ медицинскимъ занятіямъ, а ради вѣрнаго куска хлѣба по выходѣ изъ университета. Теперь еще бо́льшее обезпеченіе представлялъ факультетъ юридическій. Университетъ получалъ безпрестанно вызовы желающихъ получить мѣста судебныхъ слѣдователей, на весьма выгодныхъ условіяхъ. Нужда въ людяхъ, получившихъ университетское образованіе, была такъ велика, что отъ желающихъ требовались только университетская степень и желаніе занять мѣсто; никакихъ другихъ гарантій годности не требовалось. А впереди представлялась адвокатура, гласное судопроизводство и другія реформы. Особенно велико было число поляковъ и польскихъ уроженцевъ западныхъ губерній, желавшихъ поступить на юридическій факультетъ. Для нихъ по особымъ обстоятельствамъ, еще болѣе чѣмъ для русскихъ, карьера юристовъ казалась самой обезпеченной. Большинство поляковъ и уроженцевъ западныхъ губерній въ Московскомъ университетѣ отличалось крайней бѣдностью. Оно могло существовать только благодаря освобожденію отъ платы за лекціи, стипендіямъ и помощи со стороны товарищей. Поляки составляли дружное и довольно крѣпко организованное общество и потому помощь со стороны товарищей была у нихъ дѣйствительнѣе и существеннѣе, чѣмъ у русскихъ студентовъ. На поляковъ и уроженцевъ западныхъ губерній и обрушилось всею тяжестью новое постановленіе. Много молодыхъ людей было лишено всякой возможности проникнуть въ университетъ, и лишено было также и возможности возвратиться на родину.

Этимъ объясняется какъ участіе всего польскаго студенчества въ университетскихъ безпорядкахъ, такъ и то, что эти безпорядки начались на юридическомъ, а не на другомъ факультетѣ. Разумѣется нельзя отвергать другихъ чисто національныхъ побужденій польскихъ студентовъ принять участіе въ этихъ волненіяхъ и направить ихъ уже къ своей цѣли, но приложеніе высочайшаго повелѣнія немедленно дало возможность полякамъ и русскимъ дѣйствовать единодушно, чего не было прежде. Мѣра правительства падала одинаково тяжко и на тѣхъ и на другихъ, хотя, быть можетъ, еще тяжелѣе на поляковъ, чѣмъ на русскихъ и, соединяя ихъ подъ однимъ знаменемъ для общей цѣли, на защиту бѣдныхъ товарищей, эта мѣра давала огромный перевѣсъ полякамъ надъ русскими во всѣхъ сходкахъ и совѣщаніяхъ. Дѣло было общее, а польская община была крѣпко организована, дѣйствовала

единодушно, повиновалась извѣстнымъ предводителямъ и очевидно, должна была брать верхъ надъ разрозненными, часто безсознательными, необдуманными стремленіями русскихъ студентовъ. Русскіе студенты не менѣе польскихъ были поражены въ своихъ интересахъ новымъ постановленіемъ, но имъ труднѣе было сговориться между собой въ способахъ дѣйствія, въ самыхъ цѣляхъ, дальше которыхъ они не хотятъ идти. Русскіе студенты такъ-же легко скучивались вокругъ всякаго оратора, какъ и расходились розно, не рѣшившись ни на что положительное.

Въ томъ же повелѣніи, въ которомъ установлялась обязательная для всѣхъ плата за лекціи, сказано было, что часть этой суммы должна идти на увеличеніе жалованья профессорамъ. Если этимъ параграфомъ не имѣлось въ виду произвести раздвоеніе, расколъ между профессорами и студентами, поселить вражду между ними и окончательно подорвать нравственное вліяніе первыхъ на послѣднихъ, то трудно предположить, чего хотѣлось добиться правительству.

Это постановленіе осталось неотмѣненнымъ ни однимъ послѣдующимъ распоряженіемъ правительства. Профессора получаютъ свое жалованье, достаточно или недостаточно оно, изъ суммъ государственнаго казначейства и не изъ какого другаго источника получать ихъ не могутъ. Исключеніе составляетъ въ нѣкоторыхъ университетахъ каѳедры, не положенныя по штату и основанныя именно на суммы студенческаго сбора тамъ, гдѣ въ нихъ чувствуется особенная нужда и гдѣ эти суммы, а равно какъ и другіе собственные доходы университетовъ позволяютъ обратить на этотъ предметъ излишекъ собственно университетскихъ доходовъ. Наконецъ, проектъ увеличенныхъ штатовъ, три года тому назадъ составленный министерствомъ, былъ уже разсмотрѣнъ по его же предложенію русскими университетами и не встрѣтилъ никакихъ возраженій, такъ что въ высшей степени странно, какимъ образомъ могъ вновь возникнуть вопросъ объ увеличеніи профессорскихъ окладовъ и его обсужденіе, когда уже года два тому назадъ проектъ министерства долженъ бы быть приведенъ въ исполненіе.

Здѣсь не лишнимъ будетъ указать и еще на одно обстоятельство, сопровождавшее вступленіе новаго министра въ должность. Сообщая университетамъ циркулярно свои поясненія и дополненія къ высочайшему повелѣнію, графъ Путятинъ не задумался для перваго знакомства съ университетами нанести ученому сословію всей Россіи тяжелое и незаслуженное оскорбленіе. Онъ выражалъ надежду, что теперь, когда имѣется въ виду прибавка жалованья, профессора будутъ лучше понимать свои обязанности, что ректоръ и деканы будутъ строже смотрѣть за тѣми изъ нихъ, которые по молодости или неопытности укло-

нялись отъ своихъ обязанностей и были причиною гибели многихъ изъ слушателей. Министръ уклонялся отъ исполненія собственной своей обязанности удалять изъ университетовъ лицъ, завѣдомо ему вредныхъ своимъ вліяніемъ на молодежь, и дѣлалъ видъ, будто обязательная для всѣхъ плата за слушаніе лекцій вынуждена необходимостью увеличить плату профессоровъ. Вообще распоряженія новаго министерства способны были привести въ отчаяніе и уныніе всякаго, кто еще не потерялъ вѣры въ возможность лучшаго будущаго для нашего образованія. Въ одно и то же время изъ одного и того же министерства присылаются, напримѣръ, два распоряженія: 1) запросъ университетскому совѣту, не лучше ли, по его мнѣнію, поручить инспекцію одному изъ профессоровъ, и 2) назначеніе инспекторомъ студентовъ Московскаго университета директора Харьковской гимназіи М. Ае. Малиновскаго.

Эту постановку университета относительно новаго министра необходимо имѣть въ виду, чтобы объяснить дѣйствія или бездѣйствія университетскаго совѣта. Обязанность совѣта была указать министру на вредныя послѣдствія немедленнаго приведенія въ исполненіе высочайшаго повелѣнія объ обязательной для всѣхъ платѣ за слушаніе лекцій. Совѣтъ этого не сдѣлалъ, и это его ошибка. Не въ оправданіе, а въ объясненіе нужно привести нѣкоторыя обстоятельства. Сообщивъ въ іюнѣ высочайшее повелѣніе объ избраніи ректора изъ членовъ совѣта, министръ заставилъ совѣтъ потерять все лѣто въ обсужденіи этого вопроса тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи дѣло это было отложено на неопредѣленное время.

Предсѣдатель совѣта остался прежній, съ тою только разницей, что онъ зналъ уже навѣрное, что дни его сочтены, и что онъ не сегодня, завтра долженъ будетъ удалиться изъ университета. Послѣдніе интересы, связывавшіе его съ университетомъ, были теперь разорваны. А въ это время циркуляръ министра о надзорѣ за профессорами, щекотливое дѣло о перенесеніи университетскихъ музеевъ въ домъ бывшій Пашкова безъ вѣдома совѣта, которому принадлежитъ распоряженіе университетскими коллекціями и на которомъ лежитъ вся отвѣтственность за нихъ, важный вопросъ о соединеніи университетской библіотеки съ публичной,—все это заняло совѣтъ надолго. Даже и при лучшей организаціи совѣту было много дѣла, и онъ былъ бы поставленъ въ незавидное положеніе. Въ одно и то же время нужно было отвѣчать министру на его циркуляръ, протестовать противъ незаконнаго распоряженія университетскою собственностью, отстаивать библіотеку отъ грозившей ей передачи въ чужое вѣдомство. Въ совѣтѣ не было при этомъ никакого твердаго порядка, никакой правильности въ совѣщаніяхъ. Во многомъ, конечно, виноватъ самъ совѣтъ университета, но многое падаетъ на него въ той же мѣрѣ, какъ и на всю русскую администра-

цію, какъ и на все русское общество. Безурядица была полная. Споры и пренія происходили совершенно безпорядочно. Общее дѣло не всегда стояло на первомъ планѣ, куда невольно выдвигались личныя отношенія и интересы. Въ самыхъ честныхъ членахъ не было вѣры въ пользу и успѣхъ совѣтскихъ обсужденій и рѣшеній. Ближайшее прошедшее слишкомъ ясно доказало, что даже тамъ, гдѣ совѣтъ университета честно исполнялъ свои обязанности, его голосъ не имѣлъ никакого значенія. Еще слишкомъ недалеко было то время, когда совѣтъ собирался только для формы или для принятія къ свѣдѣнію и исполненію воли попечителя, когда протоколы подписывались не читанные, когда вмѣсто избраннаго совѣтомъ въ почетные члены Гумбольдта, оказывался Л. В. Дубельтъ, и когда совѣтъ университета принужденъ былъ избирать также въ свои почетные члены тестя попечителя, извѣстнаго только по невѣжественной и дикой статьѣ о старомъ и молодомъ поколѣніи, написанной ad hoc. Но даже и послѣ этого положеніе совѣта сдѣлалось только благовиднѣе, не выигравъ много въ дѣйствительномъ значеніи. Если къ нему обращались теперь за мнѣніемъ, это еще не значило, чтобы дѣйствительно, серьезно желали воспользоваться этимъ мнѣніемъ. Рядъ грустныхъ опытовъ убѣдилъ, что совѣтскія мнѣнія спрашивались больше изъ приличія, изъ вѣжливости, ради формы. Эти мнѣнія пропадали безслѣдно подъ сукномъ департамента или же искажались до неузнаваемости департаментскими или министерскими писцами. Большинство совѣта и по прежнимъ воспоминаніямъ, и по новымъ опытамъ оставалось равнодушнымъ къ общимъ интересамъ, зато тѣмъ чувствительнѣе становилось къ личнымъ или частнымъ интересамъ. Дѣло объ опредѣленіи преемника Рулье по каѳедрѣ зоологіи служитъ лучшимъ доказательствомъ дѣйствительнаго значенія совѣта. Подложное представленіе отъ имени совѣта сдѣлано было нѣкоторыми членами, по слабости подписано ректоромъ, по невѣдѣнію подкрѣплено ходатайствомъ попечителя и утверждено министромъ. Этимъ поддѣльнымъ установленіемъ уничтожалась конкуренція для занятія вакантной каѳедры, и она замѣщена была человѣкомъ, котораго совѣтъ никогда не выбиралъ на эту каѳедру. Черезъ мѣсяцъ послѣ окончательнаго утвержденія министромъ ложнаго представленія совѣта, фальшивый протоколъ былъ прочитанъ для подписи въ полномъ засѣданіи совѣта. Нѣсколько членовъ неожиданно для большинства объявили протоколъ поддѣльнымъ. Обманъ и подлогъ были слишкомъ ясны, улика была налицо, и весь совѣтъ, не исключая и предсѣдателя, засвидѣтельствовалъ подложность протокола и состоявшагося на его основаніи мнимаго представленія. Дѣло кончилось безплоднымъ скандаломъ. Ректоръ, на другой день ускакавъ въ Петербургъ къ министру и захвативъ съ собой документы, возвратился назадъ тѣмъ же ректоромъ.

Было бы странно, если бы при такомъ положеніи дѣлъ общіе интересы стояли бы на первомъ планѣ въ совѣтскихъ засѣданіяхъ, если бы частныя интриги, сдѣлки, личныя отношенія и выгоды не занимали огромнаго мѣста въ совѣщаніяхъ совѣта. Въ маломъ видѣ совѣтъ представлялъ собой то же явленіе, какъ и все русское общество. Совѣтъ иногда довольно горячо отстаивалъ свои права, но это было скорѣе дѣломъ минутнаго возбужденія, временной вспышкой, чѣмъ спокойнымъ, сознательнымъ пониманіемъ своихъ правъ и обязанностей. Рѣшеніе огромнымъ большинствомъ какой-нибудь мѣры еще не всегда служило выраженіемъ сознанія и мнѣнія совѣта, а иногда доказывало только индиферентизмъ значительной части членовъ, стремленіе поскорѣй кончить несущественно-важное дѣло и пр., и пр. Только тамъ, гдѣ въ дѣлѣ были личные интересы, совѣтъ выходилъ изъ своего апатичнаго состоянія и начиналась ожесточенная борьба личныхъ отношеній. Нужно прибавить къ этому и неумѣніе вести дѣло сообща, отсутствіе всякой привычки къ дружному общему дѣйствію. Лучшимъ доказательствомъ печальнаго состоянія совѣта служитъ отвѣтъ на циркуляръ новаго министра. Этотъ отвѣтъ, первоначально написанный Бабстомъ, нѣсколько измѣненный на частныхъ совѣщаніяхъ совѣта былъ принятъ единогласно въ первое засѣданіе совѣта. Но ректоръ не съумѣлъ воспользоваться общимъ впечатлѣніемъ и отложилъ окончательное принятіе проекта до слѣдующаго засѣданія. Это повело къ расколу, и въ послѣдующія засѣданія явилось 14 человѣкъ, готовыхъ отложить отвѣтъ.

Какъ ни печально было состояніе университетскаго совѣта, нужно однако же замѣтить, что въ немъ совершился уже поворотъ къ лучшему. Одно изъ главныхъ золъ было уже частію устранено, именно разъединеніе, существовавшее прежде между членами, невозможность столковаться между собой и дѣйствовать сообща. Съ прошлой зимы завелись еженедѣльныя собранія тѣхъ профессоровъ, которые болѣе другихъ сходились между собой въ убѣжденіяхъ и принимали къ сердцу интересы университета. Съ началомъ академическаго года эти собранія по субботамъ окончательно устроились по-очереди. Въ нихъ принимали участіе 17 членовъ совѣта и пять адъюнктовъ. Этими вечерами доставлялась возможность дружнаго дѣйствія, устранялись недоразумѣнія и разноголосицы. Можно смѣло было сказать, что мнѣніе, на которомъ окончательно остановились на одномъ изъ субботнихъ вечеровъ, получитъ перевѣсъ въ совѣтѣ, потому что въ этихъ собраніяхъ, за немногими исключеніями, принимали участіе всѣ тѣ, которыхъ голоса слышались въ совѣтѣ, и къ мнѣнію, поддержанному 17-ю голосами участниковъ въ этихъ дружескихъ совѣщаніяхъ, необходимо присоединялось еще голосовъ десять въ совѣтѣ изъ числа лицъ, стоявшихъ внѣ этого

довольно тѣснаго круга. Выборъ ректора изъ профессоровъ долженъ былъ окончательно придать совѣту болѣе единства и самостоятельности. Субботнія сходки профессоровъ сдѣлали много пользы совѣту уже тѣмъ, что дали совѣщаніямъ болѣе правильности. Дѣла были обсуживаемы заранѣе, мнѣніе было уже установлено и много безполезныхъ споровъ прекращалось само собой. Тѣмъ вреднѣе была отсрочка избранія ректора на неопредѣленное время. Она помѣшала совѣту окончательно организоваться въ довольно крѣпко е цѣлое.

II.

Начало академическаго года открылось не однимъ распоряженіемъ объ обязательной платѣ за слушаніе лекцій, а рядомъ мѣръ, находящихся въ связи съ этимъ распоряженіемъ. Входъ въ университетъ дозволенъ былъ только по билетамъ. Въ большихъ сѣняхъ новаго университета сдѣлана чугунная рѣшетка съ дверцами, охраняемыми солдатами, Билеты были разныхъ цвѣтовъ по факультетамъ, и студенты различныхъ факультетовъ входили въ зданіе новаго университета съ разныхъ крыльцъ. Подъ предлогомъ сквознаго вѣтра задѣлали дверь въ корридоръ между математическими аудиторіями и главными сѣнями, и такимъ образомъ прервано или затруднено сообщеніе между аудиторіями математическаго факультета и аудиторіями юридическаго и филологическаго факультетовъ. Лицамъ постороннимъ закрытъ былъ входъ въ университетскія аудиторіи. Отъ нихъ требовали также билетовъ, а ихъ можно было получить только за деньги. Для постороннихъ лицъ устроилась въ университетѣ продажа профессорскихъ лекцій оптомъ и въ розницу. Желавшій получить право входа на всѣ лекціи платилъ 50 р., за право слушаніе одного профессора платилось $^1/_5$. Побывать хоть разъ даромъ, чтобы убѣдиться, есть ли за что платить, было нельзя. Кромѣ того требовалось еще согласіе профессора, заявленное письменно на самой просьбѣ о выдачѣ позволенія.

Я не вѣрилъ въ возможность такого распоряженія до тѣхъ поръ, пока не пришлось подписать просьбы тремъ или четыремъ артиллерійскимъ офицерамъ, желавшимъ слушать мои лекціи. Такую скаредность нельзя было извинить въ Московскомъ университетѣ недостаткомъ въ средствахъ, не говоря уже о томъ, что если допустить плату съ постороннихъ слушателей за слушаніе отдѣльныхъ курсовъ, справедливость требовала предоставлять эту плату, какъ гонораръ, тѣмъ профессорамъ, за лекціи которыхъ вносились эти деньги, и университету во всякомъ случаѣ неловко было пускать въ розничную продажу каѳедры немно-

гихъ преподавателей, привлекавшихъ посторонникъ слушателей. Не плата съ офицеровъ и съ другихъ лицъ, не имѣвшихъ притязаній на университетскую степень и слушаніе всѣхъ предметовъ того или другаго факультета, была столько же несправедлива, какъ и не ко времени.

Въ то время, когда въ обществѣ возбуждалось сознаніе необходимости извѣстнаго образованія, университетъ затворялъ свои двери для людей, которые слушаніемъ нѣкоторыхъ курсовъ хотѣли дополнить недостатокъ своего образованія или же являлись въ аудиторіи вслѣдствіе интереса, возбужденнаго нѣкоторыми отраслями знанія. Неудовольствіе слушателей, явившихся въ университетскія аудиторіи, было болѣе или менѣе всеобщимъ, хотя главнымъ образомъ оно обнаружилось на низшихъ курсахъ. Молодежь тяготилась мелочными стѣсненіями, въ которыхъ выражалось недовѣріе и въ то же время страхъ передъ ней. Обязательная плата тяжело пала на вновь поступившихъ, которые, чтобы попасть въ университетъ, иногда должны были отдать послѣднія деньги и оставались безъ средствъ къ существованію. Внѣ университета оставались ихъ товарищи, отвергнутые не по неприготовленности, а по бѣдности. Правленіе университета начало сбирать недоимки за прошлые года, начало требовать взноса ихъ съ тѣхъ студентовъ, которые хотя и были прежде освобождены отъ платы, но оставаясь на другой годъ на томъ же курсѣ, потеряли это право, по мнѣнію правленія.

У студентовъ была своя небольшая касса, составившаяся изъ пожертвованій и добровольныхъ взносовъ, и управлявшаяся ихъ выборными. Эта касса была устроена не только съ вѣдома университетскаго начальства, но и подъ его покровительствомъ. Для совѣщанія депутатовъ отведена была одно время особая комната въ зданіи университета. Теперь не позволили вновь поступившимъ курсамъ избрать депутатовъ на мѣсто выбывшихъ, вышедшихъ 4-хъ курсовъ. Все это сильно взволновало студентовъ. Къ этому присоединились слухи, что профессора выпросили обязательную плату для увеличенія себѣ жалованья, извѣстія объ арестѣ многихъ студентовъ и кончившихъ куръ по поводу литографіи и даже печатанія запрещенныхъ сочиненій, производившагося уже года два почти открыто, безъ толку, безъ сколько-нибудь обдуманнаго выбора, крайне небрежно и только лѣтомъ обратившаго на себя вниманіе правительства.

Нельзя не упомянуть также объ ожидаемомъ посѣщеніи лекцій Наслѣдникомъ цесаревичемъ. Дѣйствительно, всѣ знали, что онъ намѣренъ слушать лекціи юридическаго и историко-филологическаго факультетовъ. Онъ былъ на лекціяхъ въ Казанскомъ университетѣ, благосклонно обходился съ студентами, помогъ деньгами одному изъ нихъ, и жилъ въ Москвѣ, ожидая 1-го сентября, когда должны были начаться лекціи. Конфиденціальнымъ письмомъ ректоръ университета увѣдомилъ еще го-

раздо прежде профессоровъ о желаніи наслѣдника слушать лекціи, и московское высшее общество сильно волновалось, предвидя бѣдственныя послѣдствія отъ сближенія будущаго государя съ университетомъ и старалось всѣми силами помѣшать этому. Со 2-го сентября должны были начаться посѣщенія Наслѣдникомъ университетскихъ лекцій, и наканунѣ попечитель увѣдомилъ секретаря и нѣкоторыхъ профессоровъ о намѣреніи Наслѣдника быть у нихъ въ этотъ день. 2-го сентября Наслѣдника вмѣсто университета увезли въ Петербургъ. Московскіе тузы торжествовали, а студенты были снова оскорблены недовѣріемъ къ нимъ.

Волненія обнаружились, однако, не вдругъ. Напротивъ, меня поразила перемѣна къ лучшему, замѣченная мною послѣ двухлѣтняго отсутствія изъ Россіи. Никогда моя аудиторія не была такъ полна, никогда не видалъ я подобнаго вниманія и тишины на лекціяхъ, хотя число слушателей переходило иногда за 400. Особенно поразилъ меня одинъ фактъ. Профессоръ Лешковъ передалъ мнѣ, что юристы II курса, не обязанные слушать лекціи всеобщей исторіи, просили его перенести свою лекцію на другой часъ, чтобы имѣть возможность посѣщать лекціи всеобщей исторіи, не манкируя его лекцій. Прежде распорядились бы иначе и просто ушли бы въ другую аудиторію. Та же самая сдержанность и соблюденіе порядка обнаружились на диспутѣ Н. Попова. Достаточно было нѣсколькихъ словъ инспектора, чтобы очистить четыреугольникъ передъ каѳедрой, куда обыкновенно прежде втѣснялись студенты на болѣе интересныхъ диспутахъ. Во все время продолжительнаго диспута была полнѣйшая тишина, совершенный порядокъ. Въ университетѣ до 27-го сентября все было спокойно.

26-го сентября былъ праздникъ, и лекцій не было. Въ среду 27-го утромъ мнѣ принесли прибавленіе къ 207 № «Московскихъ Вѣдомостей», въ тотъ день не выходившихъ. Телеграфическое извѣстіе сообщало о закрытіи Петербургскаго университета вслѣдствіе возникшихъ тамъ безпорядковъ. Это было совершенно неожиданною вѣстью, къ которой никто не былъ приготовленъ, и которая должна была взволновать другіе университеты.

Дѣйствительно, придя нѣсколько раньше обыкновеннаго на лекцію въ университетъ, я нашелъ тамъ огромное собраніе студентовъ. Въ профессорской комнатѣ я узналъ, что профессоръ Капустинъ въ 10-мъ часу, войдя въ свою аудиторію, нашелъ ее полною и на каѳедрѣ оратора, что-то объяснявшаго. Профессору удалось войти на каѳедру только послѣ переговоровъ. Площадка внизу юридическихъ и словесныхъ аудиторій, лѣстница и сѣни были заняты толпами, горячо разсуждавшими и читавшими объявленіе. Мнѣ пришлось проходить въ большую словесную аудиторію черезъ густую толпу, за мною вошли студенты, прежде толкавшіеся на лѣстницѣ. Разница въ числѣ слуша-

телей на этотъ разъ была очень замѣтна противъ прежняго, хотя и теперь было около 200 чел. въ аудиторіи. За дверями слышался шумъ и возгласы, такъ что нѣсколько разъ студенты, бывшіе въ аудиторіи, выходили, чтобы уговаривать не мѣшать слушанію лекціи. Тотчасъ по окончаніи моей лекціи, толпа человѣкъ въ 500, оставивъ новый университетъ, перешла въ садъ, чтобы тамъ на свободѣ продолжать свои совѣщанія.

Я узналъ, что послѣ лекціи Капустина инспекторъ приглашалъ студентовъ разойтись и былъ освистанъ. То же приглашеніе повторилъ онъ въ саду и съ такимъ же успѣхомъ. Вѣсть о закрытіи Петербургскаго университета была искрой, которая зажгла горючіе матеріалы, копившіеся давно уже. Петербургскіе студенты не ограничились присылкою воззваній и писемъ о помощи и заявленія сочувствія; отъ нихъ прибыли депутаты, которые 27-го уже были въ университетѣ, въ новомъ зданіи и ораторствовали на сходкахъ. Присутствіе ихъ было замѣчено сторожами потому, что они не знали, куда идти и куда повѣсить шинели. На другой день волненія продолжались, и сборища были въ саду. Въ два часа я былъ въ библіотекѣ, и часу въ третьемъ солдатъ изъ правленія принесъ мнѣ подписать объявленіе о закрытіи I-го и II-го юридическихъ курсовъ и объ исключеніи на годъ участвовавшихъ въ безпорядкахъ. Неучаствовавшимъ предоставлялось заявить объ этомъ запискою на особомъ листѣ у инспектора.

На другой день я читалъ 2-й часъ. Слушателей было еще меньше, потому что первые два курса юридическаго факультета не пускались въ университетъ. Выходя съ лекціи, я увидѣлъ, что двери главнаго входа заперты, и огромная толпа стоитъ на крыльцѣ и на дворѣ. Помощникъ инспектора сказалъ мнѣ, что эта толпа ищетъ инспектора и требуетъ выдачи листовъ, гдѣ росписались неучаствующіе въ безпорядкахъ. Инспектора не было въ новомъ университетѣ. Въ профессорской я нашелъ только двухъ помощниковъ инспектора да П. Я Петрова, пришедшаго заниматься санскритскимъ языкомъ, едва-ли не съ единственнымъ своимъ слушателемъ. Толпа студентовъ стояла тихо и въ какой-то нерѣшимости. Выйдя математическимъ крыльцомъ, я прошелъ черезъ нее и не замѣтилъ ни рѣчей, ни криковъ. Въ субботу 30-го сентября у меня не было лекціи, и я пришелъ въ университетъ только въ два часа, чтобы быть въ засѣданіи совѣта. Здѣсь я узналъ о тѣхъ сценахъ, которыя были въ новомъ университетѣ въ этотъ день. Толпа студентовъ ворвалась черезъ главный входъ въ зданіе, сломала рѣшетку въ главныхъ сѣняхъ вмѣстѣ съ плитою, въ которой она была укрѣплена. Сдѣлано было предложеніе нести торжественно эту рѣшетку по улицамъ, и студенты старшихъ курсовъ едва уговорили не дѣлать этого. Они же не позволили сломать раму, въ которой вывѣшивались

объявленія отъ университетскаго начальства. Возражать разгоряченной толпѣ было не совсѣмъ безопасно. На одномъ студентѣ изорвали пальто и нанесли ему много оскорбленій. Покончивъ съ рѣшеткой, студенты заставили сторожей отпереть большую математическую залу, кричали, читали воззванія и адресы, требовали къ себѣ инспектора и разошлись, изломавъ нѣсколько мебели. Въ совѣтѣ заявлено было донесеніе экзекутора о томъ, что въ воскресенье назначено собраться въ клиникѣ. Студенты были сильно раздражены противъ медиковъ старшихъ курсовъ, оставшихся спокойно на лекціяхъ и не принимавшихъ никакого участія въ безпорядкахъ и сходкахъ. Противъ нихъ и назначались сходки въ клиникѣ. Директоръ хирургической клиники, профессоръ Басовъ объявилъ, что наканунѣ сдѣланы имъ важныя и опасныя операціи и что онъ не ручается за жизнь больныхъ въ случаѣ шумнаго сборища или безпорядковъ. То же самое подтвердилъ директоръ терапевтической клиники, профессоръ Оверъ, и родильнаго института — профессоръ Кохъ. Рѣшено было отправить директоровъ клиникъ къ помощнику попечителя, Дашкову, чтобы сообщить ему положеніе дѣла и просить его, чтобы онъ съ генералъ-губернаторомъ принялъ какія-нибудь мѣры для защиты больныхъ. Обращеніе къ генералъ-губернатору было необходимо, потому что еще 28-го сентября получена была телеграмма отъ графа Путятина, которой предписывалось университетскому начальству не предпринимать ничего безъ генералъ-губернатора.

Во всѣ эти дни я видѣлъ студентовъ только въ университетѣ и ничего не говорилъ съ ними. Ни одинъ изъ нихъ не былъ у меня, ни одинъ не подходилъ и послѣ лекціи. Еще въ середу во 2-мъ часу мнѣ говорили нѣкоторые, что хорошо бы было профессорамъ обратиться къ студентамъ съ увѣщаніемъ прекратить безпорядки. Я былъ того мнѣнія, что это не поведетъ ни къ чему.

На другой день пріѣхалъ ко мнѣ Ф. М. Дмитріевъ, сильно взволнованный происшествіями этого дня и закрытіемъ курсовъ. У него и наканунѣ и въ этотъ день были студенты старшихъ курсовъ юридическаго факультета, не принимавшіе участія въ безпорядкахъ. Они говорили о своемъ безсиліи противодѣйствовать крайностямъ, боялись закрытія университета, на что и била крайняя партія, и выражали надежду, что вмѣшательство профессоровъ и ихъ убѣжденія могутъ имѣть вліяніе. Между прочимъ указывали на меня, говоря, что мой голосъ можетъ имѣть значеніе уже потому, что на моихъ лекціяхъ собирается много народа и притомъ со всѣхъ факультетовъ. Съ предложеніемъ говорить со студентами на лекціи въ пятницу и пріѣхалъ ко мнѣ Дмитріевъ. Онъ сказалъ мнѣ, что послѣ лекціи въ середу онъ говорилъ со студентами вмѣстѣ съ Чичеринымъ, бывшимъ у него на лекціи. Я остался при прежнемъ убѣжденіи, что профессору говорить съ каѳедры со студен-

тами при настоящемъ положеніи дѣлъ слѣдуетъ только въ томъ случаѣ, если бы безпорядки произошли въ самой аудиторіи и во время его чтеній, что и тутъ ему слѣдуетъ ограничиться только протестомъ противъ этихъ безпорядковъ и призывать слушателей къ сохраненію тишины въ аудиторіи. Всѣ остальныя разсужденія я считалъ и безполезными, и неумѣстными. Безполезными потому, что безпокойная часть студенчества перенесла въ садъ свои сходки, и въ аудиторіяхъ осталась только та умѣренная часть студентовъ, которая и безъ того была противъ всякихъ крайностей и не принимала въ нихъ никакого участія. Убѣждать ее было не въ чемъ. Говорить о самыхъ мѣрахъ, вызвавшихъ волненія, я считалъ неприличнымъ.

Закрытіе курсовъ, взломъ рѣшетки и предполагавшійся походъ въ клинику показали, что дѣло зашло уже слишкомъ далеко, и что слова профессоровъ не остановятъ движенія.

Воскресенье 1-го октября было для меня особенно памятно. По воскресеньямъ утромъ и вечеромъ назначенъ у меня пріемный день для всѣхъ, кто желаетъ меня видѣть. Я не знаю фамилій приходящихъ ко мнѣ студентовъ, или узнаю ихъ тогда, когда даю имъ книги. Объясненія поэтому отличаются полной свободой.

Въ воскресенье раньше другихъ явился ко мнѣ одинъ полякъ, котораго я прежде никогда не видалъ ни дома, ни на лекціяхъ, и о которомъ до сихъ поръ не знаю, какого онъ факультета и курса и какъ его фамилія. Кажется, онъ былъ посланъ ко мнѣ польскою партіею. Онъ разсказалъ мнѣ о совѣщаніяхъ по поводу адреса, сообщилъ, что получены письма отъ студентовъ Петербургскаго университета, отъ Петербургской духовной академіи, изъ одного петербургскаго военнаго заведенія, что у нихъ уже собрано пятьсотъ рублей на посылку депутата къ государю на встрѣчу и что соберется еще болѣе денегъ. Онъ же началъ мнѣ говорить о приготовлявшейся демонстраціи 4-го октября на могилѣ Грановскаго, демонстраціи, которая должна была имѣть не университетскій характеръ, потому что въ ней должно было принять участіе общество и даже дамы. Эта демонстрація, вѣроятно, и была главною цѣлью его прихода ко мнѣ, потому что онъ тотчасъ же поспѣшилъ прибавить, что ждутъ, что я приму участіе въ ней. Я поступилъ довольно неосторожно и, не выждавъ объясненія, какого рода участія отъ меня ожидаютъ, поторопился слишкомъ положительно объявить, что участіе ни въ какой демонстраціи на могилѣ Грановскаго я принять не могу и не знаю, какое право имѣютъ предполагать, что я захочу въ ней принять участіе. Послѣ этого я уже не могъ узнать, на какого рода участіе разсчитывали съ моей стороны, и онъ уже пересталъ говорить о приготовленіяхъ и старался только убѣдить, что мнѣ нѣтъ причинъ отказываться отъ участія въ демонстраціи. Онъ говорилъ, что имя Грановскаго—

такое знамя, подъ которымъ можетъ стать каждый либеральный дѣятель. Я старался ему объяснить, что для насъ, въ нашемъ обычномъ собраніи 4-го октября на могилѣ Грановскаго, онъ не знамя, а человѣкъ, память котораго драгоцѣнна людямъ, имѣвшимъ счастье знать его близко, что для этихъ людей одна изъ первыхъ обязанностей не допускать, чтобы имя Грановскаго становилось знаменемъ, которымъ могли прикрываться стремленія, которымъ не могъ сочувствовать Грановскій, если бы былъ въ живыхъ, а противъ нѣкоторыхъ онъ высказался бы прямо и положительно. Что во всякомъ случаѣ наша панихида по Грановскомъ не можетъ имѣть никогда политическаго значенія и никогда не можетъ быть никакой демонстраціи. Въ жару спора онъ проговорился и, узнавъ, что я непремѣнно буду на кладбищѣ 4-го октября, употребилъ въ дѣло послѣдній аргументъ. На кладбищѣ будутъ жандармы и полиція и сочувствуете ли или нѣтъ демонстраціи, вашего присутствія довольно для того, чтобы отнести васъ къ числу участниковъ демонстраціи». Это меня взбѣсило; я сказалъ ему, что одинаково не боюсь ни жандармовъ, ни тѣхъ, кто его послалъ, и что ни полиція, ни демонстрація не помѣшаютъ мнѣ быть на кладбищѣ съ тою же цѣлью и съ тою единственно, съ какою я бывалъ тамъ со дня похоронъ Грановскаго. Разговоръ оборвался, тѣмъ болѣе, что тутъ пришло нѣсколько русскихъ студентовъ словеснаго и юридическаго факультетовъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже были мнѣ знакомы и всѣ принадлежали къ курсамъ, не участвовавшимъ въ безпорядкахъ и вовсе имъ несочувствовавшимъ. Они жаловались на дѣйствія крайней партіи, особенно поляковъ, которые били прямо на закрытіе университета, которые предлагали крайнія мѣры и дикія требованія, которые не хотѣли, напримѣръ, въ адресѣ допустить обычной заключительной подписи: вѣрноподданные, которые вводили въ адресъ требованія, не касающіяся прямо университетской жизни; напримѣръ требованіе допущенія на лекціи лицъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ.

Я началъ говорить, что вина лежитъ на самихъ студентахъ, если справедливы ихъ слова, что крайняя партія составляетъ незначительное меньшинство, имѣющее силу только по равнодушію или малодушію и разъединенности огромнаго большинства. Я говорилъ, что теперь пришло время каждому опредѣлить для себя и имѣть мужество высказать, чего онъ хочетъ и дальше чего онъ не хочетъ идти. Только прямымъ и открытымъ заявленіемъ своего мнѣнія каждымъ, можно опредѣлить и обнаружить, въ чемъ именно заключаются дѣйствительныя требованія всего студенчества и что̀ составляетъ цѣль буйнаго меньшинства. Студенты увѣряли меня, что для огромнаго большинства закрытіе университета—величайшее несчастье, но что они не въ силахъ сдержать крайнюю партію, которая хочетъ добиться именно этого. Я разсказалъ, что слышалъ, будто

на многочисленной сходкѣ одинъ изъ ораторовъ, колотя себя въ грудь и предлагая какую-то дикую выходку, кричалъ, что онъ знаетъ впередъ, что онъ мученикъ, что онъ заранѣе обрекъ себя на жертву за правое дѣло съ тѣмъ, чтобы потомство узнало его имя. Въ это время подошедшій инспекторъ спросилъ у него фамилію, и мученикъ съ рѣдкимъ присутствіемъ духа и въ невѣроятною легкостью спрыгнулъ съ каѳедры и скрылся въ толпу. Всѣ студенты, кромѣ поляка, подтвердили, что это было дѣйствительно такъ, и что они были свидѣтелями этой сцены. Тогда я сказалъ имъ, что еще понимаю поступокъ мученика, быстро понявшаго все различіе между потомствомъ и живой современностью, явившейся неожиданно въ лицѣ инспектора, но что я не могу понять студентовъ, которые все слышали и видѣли, и изъ которыхъ не нашлось ни одного, который бы имѣлъ честную смѣлость за воротникъ притащить къ инспектору оратора, уже не въ качествѣ мученика, а въ качествѣ негодяя, съ которымъ не желаютъ оставаться товарищами студенты. Я старался доказать, что всякая дикая рѣчь, выслушанная безъ знаковъ неодобренія слушателями, всякая буйная сцена, происшедшая въ присутствіи умѣреннаго большинства и имъ не остановленная, необходимо должна казаться выраженіемъ общаго мнѣнія, поступкомъ, одобряемымъ всѣми. Когда я говорилъ о томъ, какъ слѣдовало, по моему мнѣнію, поступить самимъ студентамъ съ мученикомъ за правое дѣло, молчавшій все время полякъ наскоро простился и ушелъ отъ меня.

Понедѣльникъ и вторникъ (2-го и 3-го октября) прошли въ университетѣ безъ особенныхъ безпорядковъ. Лекціи посѣщались, хотя число слушателей и было меньше обыкновеннаго. Сходки были каждое утро въ университетскомъ саду и по домамъ. Обсуждался адресъ къ государю и готовились къ демонстраціи 4-го октября. Между тѣмъ, на листахъ у инспектера продолжали записываться тѣ, которые отреклись отъ участія въ безпорядкахъ. Записываться иногда приходили тайкомъ на квартиру инспектора вечеромъ. Съ 3-го октября начали записываться и поляки, до тѣхъ поръ удерживавшіеся отъ этого. Студентовъ I-го юридическаго курса, заявившихъ свое неучастіе въ безпорядкахъ, было 113, не заявившихъ 48; студентовъ II курса заявившихъ—97, не заявившихъ—44. Сверхъ того 28 сторонникъ слушателей также заявили свое неучастіе.

Если безпорядокъ былъ въ стѣнахъ университета, то за стѣнами было еще хуже. Тамъ уже дѣйствовали не студенты, мало знакомые съ законностью, а дѣлали глупости люди, которыхъ назначеніе было поддерживать порядокъ и смотрѣть за исполненіемъ законовъ. Генералъ-губернаторъ П. А. Тучковъ, къ которому министръ предписалъ обращаться университету во всѣхъ важныхъ случаяхъ, сталъ съ перваго шага въ фальшивое положеніе. Ему смерть хотѣлось полиберальничать.

но безъ всякой личной отвѣтственности. Онъ принималъ у себя депутатовъ отъ студентовъ, сдѣлалъ различіе между генералъ-губернаторомъ и Павломъ Алексѣевичемъ Тучковымъ, и какъ Тучковъ не только признавалъ справедливыми требованія студентовъ, но сносился съ ними, и студентъ математическаго факультета Раевскій, на квартирѣ котораго были сходки депутатовъ, переѣзжалъ отъ генералъ-губернатора къ депутатамъ и обратно. Онъ представилъ генералъ-губернатору черновой проектъ адреса, составленнаго студентами, и по его указаніямъ зачеркнулъ нѣкоторыя мѣста и переправилъ другія. Черновой подлинникъ, исправленный по указаніямъ Тучкова, былъ сообщенъ мнѣ потомъ Раевскимъ и переданъ мною университетскому депутату при слѣдственной коммисіи, С. П. Баршеву, подъ его росписку. Съ адресомъ, исправленнымъ такимъ образомъ, онъ былъ вполнѣ согласенъ. Впрочемъ, была и другая редакція, исправленная по указаніямъ правителя канцеляріи. Чтобы дать возможность студентамъ сговориться, генералъ-губернаторъ частнымъ образомъ дозволилъ имъ сходки и приказалъ, черезъ Родзевича, инспектору студентовъ не препятствовать и не мѣшаться въ сборища студентовъ въ саду. Это приказаніе, какъ видно изъ дѣла университетскаго правленія, передано было Родзевичемъ и инспектору Шестакову при помощникѣ попечителя Дашковѣ и при помощникѣ инспектора Бобровѣ. Одобряя адресъ, Тучковъ однако-же не принялъ его какъ генералъ-губернаторъ, а совѣтовалъ студентамъ, опять уже какъ Павелъ Алексѣевичъ, подать его помощнику попечителя, а послѣднему принять его.

Правленіе еще 29-го сентября узнало, что приготовляется адресъ, и, совсѣмъ не надѣясь на стойкость ректора Альфонскаго, приняло заблаговременно мѣры и въ тотъ же день сдѣлало постановленіе, чтобы не принимать адреса, если онъ будетъ представленъ. Между тѣмъ, Дашковъ, по совѣту генералъ-губернатора, готовъ былъ принять адресъ. Узнавъ это два декана—Соловьевъ и Щуровскій, съ ректоромъ рѣшились отправиться къ Дашкову, чтобы остановить его и предложить прежде спросить по телеграфу у министра: можетъ ли онъ, по совѣту генералъ-губернатора, принять адресъ, который хотятъ передать ему студенты? Телеграмма была уже написана правителемъ канцеляріи попечителя, Н. Н. Красовскимъ, но Дашковъ, поставленный между правленіемъ, которое говорило ему, что подача коллективныхъ просьбъ запрещена закономъ, и между генералъ-губернаторомъ, который совѣтовалъ ему принять адресъ, совершенно растерялся и не посмѣлъ рѣшиться даже на то, чтобы спросить мнѣніе министра. Онъ сталъ просить членовъ правленія ѣхать съ нимъ къ генералъ-губернатору, чтобы объявить ему затруднительность положенія. Видя, что съ нимъ ничего не рѣшишь, члены правленія имѣли

слабость согласиться на его предложеніе и отправились всѣ вмѣстѣ къ Тучкову. Здѣсь была очередь показать себя въ настоящемъ свѣтѣ либеральному генералъ-губернатору. Онъ также растерялся и вообразилъ, что члены правленія пріѣхали просить у него войска. По крайней мѣрѣ такъ разсказывалъ и объяснялъ онъ дѣло послѣ. Онъ отказался принять членовъ правленія, но объявилъ, что готовъ принять частнымъ образомъ Дашкова и Альфонскаго. Вмѣсто того, чтобы уѣхать назадъ съ деканами, съ которыми вмѣстѣ пріѣхали и которыхъ отказывался принять генералъ-губернаторъ, эти два представителя правительства въ университетѣ предоставили деканамъ ѣхать домой, а сами отправились въ кабинетъ генералъ-губернатора. Тамъ, кажется, получали они головомойку отъ Тучкова, но Дашкову разрѣшено было не принимать адреса. Послѣ Тучковъ разсказывалъ, что не принялъ оффиціально членовъ правленія, чтобы не вмѣшивать военную силу въ домашніе безпорядки университета, въ чемъ онъ не имѣлъ права отказать, какъ генералъ-губернаторъ, въ случаѣ формальнаго требованія. Дѣйствительно ли такъ понялъ Тучковъ цѣль пріѣзда членовъ правленія, или онъ позволилъ себѣ эту небольшую ложь, чтобъ объяснить свой неловкій поступокъ съ ними, сдѣланный только по неумѣнью выпутаться изъ фальшиваго положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ съ адресомъ—не знаю; но у членовъ правленія не было и мысли о военной силѣ.

Вопросъ о принятіи адреса былъ рѣшенъ отрицательно; но сцены 30-го сентября въ новомъ университетѣ, валомъ рѣшетки, шумныя совѣщанія и крики въ математической залѣ, ломка мебели и т. п. заставляли на что-нибудь рѣшиться, чтобы предупредить повтореніе такихъ безпорядковъ. Въ тотъ же день ректоръ оффиціально письмомъ увѣдомилъ Дашкова о случившемся и просилъ принять какія-нибудь мѣры къ огражденію университета отъ подобныхъ происшествій, такъ какъ университетская полиція не въ состояніи прекратить выходки студентовъ безъ содѣйствія мѣстной власти. Дашковъ опять не зналъ, что̀ дѣлать, потому что отвѣтственность за всякое распоряженіе падала прямо на него. По совѣту Родзевича онъ рѣшился тянуть дѣло, чтобъ выиграть время. Въ отвѣтѣ 1-го октября онъ дѣлалъ видъ, что не вѣритъ показанію правленія о безпорядкахъ, произведенныхъ наканунѣ студентами, нашелъ сообщеніе ректора недостаточнымъ и для повѣрки правленія и для ближайшаго изслѣдованія дѣла назначилъ комиссію изъ того же правленія съ присоединеніемъ трехъ профессоровъ: Буслаева, Капустина и Лешкова. Сообщеніе ректора онъ нашелъ недостаточнымъ потому, что тамъ не было сказано, сколько именно студентовъ участвовало въ безпорядкахъ и не названы по фамиліямъ, курсамъ и факультетамъ тѣхъ изъ нихъ, кто ломалъ рѣшетку, произносилъ рѣчи и пр., какъ

будто можно было производить перекличку толпѣ въ 500 или 600 человѣкъ, которая насильственно вломилась въ университетъ и произвела тамъ безпорядки.

4-го октября, я пріѣхалъ на Пятницкое кладбище съ В. Ѳ. Коршемъ, когда обѣдня уже началась, и прошелъ прямо на могилу Грановскаго съ Н. А. Поповымъ. На кладбищѣ почти никого не было. Прыжовъ, авторъ житія Ивана Яковлевича, со сторожемъ мелъ большое пространство, обнесенное рѣшеткой; увидя насъ, онъ бросилъ метлу, и сказавъ, пусть дометаютъ друзья Грановскаго, надѣлъ пальто и вышелъ. Скоро пришло еще нѣсколько человѣкъ изъ церкви. Изъ постороннихъ никого почти не было. Изрѣдка проходилъ кто-нибудь въ тулупѣ или венгеркѣ, но тотчасъ же уходилъ въ сторону. Пришелъ Кетчеръ, и М. С. Щепкинъ. Остальные были еще въ церкви. Графини Сальясъ почему-то не было ни въ церкви, ни на кладбищѣ. Это было тѣмъ страннѣе, что на одной изъ студенческихъ сходокъ въ саду одинъ бородатый господинъ явился нарочно, чтобъ передать студентамъ сочувствіе Евг. Туръ. Пріѣзжавшіе позже меня на кладбище привозили извѣстіе, что въ Пятницкую часть собираются пѣшіе жандармы, кучками, человѣкъ по двадцати. Черезъ полчаса явился на кладбище полиціймейстеръ Сычинскій. Онъ вошелъ съ Кетчеромъ и М. С. Щепкинымъ въ ограду и на самой могилѣ началъ увѣрять, что онъ употребитъ всѣ усилія, чтобъ могила Грановскаго не была опозорена появленіемъ на ней полицейскихъ. Это его собственныя слова. Я пошелъ въ церковь, засталъ окончаніе панихиды, и вмѣстѣ съ другими воротился на могилу. Всѣ лица, болѣе или менѣе близко знавшіе Грановскаго и собиравшіеся ежегодно на его могилѣ, были къ сборѣ. Во время панихиды на могилѣ не было никого изъ постороннихъ, но едва священникъ вышелъ изъ-за ограды, большая толпа студентовъ, человѣкъ въ триста или болѣе, явилась къ оградѣ, неся вѣнокъ и корзину съ цвѣтами. Мы одинъ за другимъ вышли изъ-за ограды. Одни поѣхали къ Кетчеру, гдѣ долженъ былъ быть нашъ обычный обѣдъ, другіе, въ томъ числѣ и я, оставались еще на кладбищѣ, хотя и не подходили къ оградѣ. Сычинскій стоялъ также вдали и, оборотясь спиной къ могилѣ, чтобъ не видѣть, что тамъ происходитъ, что-то ораторствовалъ, окруженный нѣсколькими студентами и толпою простаго народа, привлеченнаго на кладбище невиданнымъ зрѣлищемъ. Несмотря на предположеніе, демонстрація имѣла чисто студенческій характеръ. Только немногіе для приданія ей извѣстнаго цвѣта, явились въ овчинныхъ тулупахъ и мерлушечьихъ шапкахъ. Польскій элементъ былъ представленъ также очень слабо, одною бѣлою конфедераткой, нѣсколькими венгерками съ тремя или четырьмя широкими кожаными поясами съ мѣдными пряжками, надѣтыми по жилету. Во время панихиды много студентовъ, не помѣстив-

шихся въ оградѣ, стояли внѣ ея небольшими кучками. Въ одной изъ группъ неожиданно подошелъ пьяный господинъ лѣтъ сорока, въ засаленномъ сюртукѣ, снялъ фуражку и нетвердымъ голосомъ началъ говорить какую-то рацею въ честь Грановскаго. Слушатели смотрѣли на него съ недоумѣніемъ. Я началъ говорить студентамъ, чтобы они не компрометировали ни себя, ни своего дѣла, ни наконецъ память Грановскаго подобнымъ ораторомъ. Но прежде, чѣмъ я успѣлъ убѣдить ихъ остановить, быть можетъ, подставнаго оратора, Кетчеръ уже распорядился, взялъ его подъ-руку и отвелъ къ Сычинскому. Между тѣмъ въ оградѣ произносились рѣчи, которыхъ было заготовлено, говорятъ, до десяти, но было произнесено только двѣ. Сычинскій достигъ бы своей цѣли и могъ бы донести, что ничего не было въ его присутствіи, и что онъ не слыхалъ рѣчей, если бы пріѣздъ оберъ-полиціймейстера, графа Крейца, не помѣшалъ ему. Оберъ-полиціймейстеръ съ Сычинскимъ и частнымъ приставомъ прямо пошелъ къ оградѣ и вошелъ-было въ толпу, когда крикъ «вонъ, не мѣшать», заставилъ его тотчасъ же выдти изъ-за рѣшетки. Онъ сталъ поодаль на пригоркѣ и издали смотрѣлъ на толпу. Произнеся рѣчи, толпа начала расходиться. У воротъ я слышалъ распоряженіе, чтобы собраться и построиться за воротами. Передъ воротами кладбища стоялъ взводъ конныхъ жандармовъ съ нѣсколькими казаками. Поодаль у рощи были спрятаны пѣхотинцы, составивши ружья въ козлы, но спрятаны такъ, что ихъ видно было отъ воротъ и съ кладбища, и съ шоссе. Сборъ войскъ и шествіе студентовъ привлекло на кладбище толпу простонародья и довольно большое число извозчиковъ, ожидавшихъ разъѣзда публики. Студенты, пришедшіе толпою изъ сада стараго университета съ корзиною цвѣтовъ и вѣнкомъ впереди, черезъ Кузнецкій мостъ и Лубянку, тою же дорогою и тѣмъ же порядкомъ возвратились въ университетъ, не получивъ отъ полиціи ни одного предостереженія, ни одного распоряженія разойтись. Войска и полиція были поставлены у кладбища какъ-будто затѣмъ, чтобы отдать честь торжественному шествію, а не затѣмъ, чтобы помѣшать сборищу. Точно также полиція не мѣшала и произнесенію рѣчей.

На нашемъ обѣдѣ у Кетчера до нѣкоторой степени высказался взглядъ извѣстной части общества на студенческое движеніе. Послѣ обѣда завязался горячій споръ между профессорами и лицами, не принадлежавшими къ университету, хотя его воспитанниками. Нелѣпое распоряженіе и заявленіе правительства о томъ, что часть студенческаго сбора предполагается обратить на жалованье профессорамъ, произвели свое дѣйствіе. Профессоровъ упрекали не только въ равнодушіи къ дѣйствительнымъ интересамъ университетской молодежи, не только въ томъ, что они ничего не сдѣлали для предупрежденія или отмѣненія

мѣры, даже не заявили своего несочувствія и несогласія съ ними; имъ бросали въ лицо упрекъ, будто мѣры вызваны ими для ихъ личныхъ выгодъ, будто сумму сбора они думаютъ подѣлить между собой. Если подобныя предположенія находили себѣ вѣру въ литературномъ кругу, близко знакомомъ съ личнымъ составомъ университета и съ дѣйствительнымъ ходомъ дѣлъ, понятно, къ какимъ толкованіямъ могъ подавать поводъ въ обществѣ и между студентами § 9 высочайшаго повелѣнія, гдѣ говорилось, что «взыскиваемыя со студентовъ деньги за право слушанія лекцій назначаются на увеличеніе содержанія профессоровъ, адъюнктовъ, лекторовъ и приватъ-доцентовъ и на... пособія и стипендіи студентамъ».

Профессора же, къ сожалѣнію, ничего не сдѣлали, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ вызовѣ подобнаго распоряженія, которое тѣмъ болѣе могло казаться вѣроятнымъ, что вопросъ объ увеличеніи жалованья поднятъ былъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разъ уже обсуживался въ университетѣ и теперь вновь отданъ былъ на обсужденіе профессорамъ, именно по поводу послѣдняго высочайшаго повелѣнія. Что большинство профессоровъ было противъ обязательной для всѣхъ платы за слушаніе лекцій, что никто изъ нихъ не вызывалъ подобной мѣры, что никто не думалъ обращать сумму студенческаго сбора на увеличеніе жалованья преподавателямъ,—это можно было доказать, но можно было доказать также и то, что профессора ничѣмъ еще не заявили себя противъ этихъ мѣръ.

Конецъ недѣли прошелъ безъ особенныхъ безпорядковъ; сходки въ саду продолжались ежедневно до 2-хъ или 3-хъ часовъ, по вечерамъ были сходки по квартирамъ, сходки депутатовъ у Раевскаго и другихъ. Обсуживались проекты адресовъ, изъ которыхъ ни одинъ не могъ соединить болѣе 300 подписей, шли переговоры съ генералъ-губернаторомъ, изъ которыхъ также ничего не выходило. Кромѣ двухъ партій, крайней и умѣренной, образовались еще кружки и партіи, носившіе названія по губерніямъ: Рязанскій кружокъ, Пензенскій, или по мѣсту сбора, какъ Садовая партія, отличавшаяся неумѣренностью и безразсудствомъ требованій. Помощникъ попечителя объявилъ себя больнымъ и все его участіе въ дѣлахъ ограничивалось отпиской отъ правленія. Это не помѣшало ему однако же говорить въ обществѣ послѣ тѣхъ сценъ, которыя произошли на слѣдующей недѣлѣ, что въ университетѣ все было спокойно, когда онъ передалъ должность попечителю, возвратившемуся наконецъ изъ деревни. На профессорскомъ вечерѣ, въ субботу 7-го октября я предложилъ сдѣлать представленіе министру объ университетскихъ происшествіяхъ, съ указаніемъ на главный къ нимъ поводъ, т. е. на обязательную для всѣхъ плату. Такое предложеніе я привозилъ уже въ совѣтъ въ предыдущую субботу и не подалъ только

потому, что многіе говорили, что это покажется вынужденной уступкой студентамъ. И теперь мое предложеніе было встрѣчено сначала горячими возраженіями въ томъ же смыслѣ, но наконецъ послѣ долгихъ споровъ было рѣшено, что я могу сдѣлать это предложеніе въ свѣтѣ и требовать составленія коммисіи для заготовленія проекта донесенія министру. Предложеніе было тутъ же формулировано и рѣшено было поддерживать его въ совѣтѣ.

То же наружное спокойствіе было въ университетѣ въ воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ. Пріѣздъ попечителя генерала Исакова, казалось, окончательно прекратилъ безпорядки. Онъ не принялъ адреса, одобреннаго генералъ-губернаторомъ и представленнаго ему студентомъ Раевскимъ, не хотѣлъ даже прочитать его частнымъ образомъ. Во вторникъ на лекціи я видѣлъ бывшаго инспектора студентовъ П. Д. Шестакова, который сказалъ мнѣ, что все идетъ хорошо, что сходки становятся малочисленнѣе, что онъ сдаетъ сегодня же свою должность новому инспектору Малиновскому. Исторія казалась конченною. Послѣдній любопытный эпизодъ была поимка въ саду переодѣтаго квартальнаго. Вообще студенты дѣйствовали крайне неосторожно. Множество постороннихъ лицъ присутствовало на ихъ сходкахъ; въ числѣ посѣтителей были завѣдомо агенты полиціи, которые не только записывали предлагаемые адресы, но для большей вѣрности предлагали студентамъ подписаться на нихъ. 5-го октября одинъ изъ такихъ агентовъ въ студенческомъ сюртукѣ съ бѣлыми пуговицами показался почему-то подозрительнымъ. Его спросили какого онъ университета и факультета. Онъ отвѣчалъ, что онъ харьковскій юристъ 3-го факультета, кончившій въ VII классѣ. Его схватили и представили къ инспектору. Оказалось, что это переодѣтый квартальный. Полиція не съумѣла выбрать агента поумнѣе или не потрудилась дать ему какое-нибудь понятіе объ университетскомъ устройствѣ.

11-го октября въ среду у меня была лекція въ первомъ часу. Въ профессорской я не нашелъ почти никого, кромѣ новаго инспектора, съ которымъ въ первый разъ тутъ познакомился. Онъ подтвердилъ мнѣ, что все спокойно, что сходки рѣдѣютъ и далеко не отличаются тѣмъ бурнымъ характеромъ, который имѣли прежде. На лекціи я нашелъ довольно много слушателей, болѣе чѣмъ было на предшествовавшихъ лекціяхъ. Минутъ за 20 до звонка раздался сильный шумъ и крикъ, дверь растворилась настежъ, послышалось какое-то воззваніе къ бывшимъ въ аудиторіи и вслѣдъ затѣмъ толпа въ фуражкахъ и пальто ворвалась въ залу. Увидѣвъ меня, она шарахнулась назадъ, но напоръ былъ слишкомъ великъ и передніе скоро были придвинуты къ самой каѳедрѣ. Слушатели мои встали и закричали, чтобы убирались вонъ, что они хотятъ дослушать лекцію. Я хотѣлъ было также встать, но подумалъ,

что это движеніе можетъ быть принято за желаніе прекратить лекцію, и потому оставшись на мѣстѣ сказалъ, что я намѣренъ продолжать лекцію, что если имъ нужна аудиторія, они могутъ сѣсть на скамейки и подождать, пока я кончу чтеніе; если же имъ нужно тотчасъ же говорить между собой, я приглашаю ихъ выбрать другое мѣсто для совѣщаній. Толпа, не ожидавшая такого отпора, особенно со стороны слушателей, подалась назадъ и скоро очистила аудиторію. Двери были затворены, и я могъ продолжать лекцію. Звонокъ раздался нѣсколькими минутами раньше обыкновеннаго. Чтобъ вызвать студентовъ изъ аудиторій и главное, чтобы очистить словесную большую аудиторію, Садовая партія овладѣла колоколомъ и прозвонила перемѣну раньше срока. Я прошелъ черезъ толпу въ профессорскую и нашелъ тамъ попечителя, которому передалъ о случившемся. Кромѣ попечителя, тамъ были инспекторъ, два его помощника: Дювернуа и Бобровъ, и профессоръ Крыловъ, нѣсколько взволнованный. Черезъ нѣсколько времени дверь изъ швейцарской распахнулась и четверо студентовъ, одинъ за другимъ, рѣшительнымъ шагомъ вошли въ профессорскую и объявили попечителю, что они депутаты отъ студентовъ, присланные, чтобы пригласить его въ аудиторію для объясненій со студентами. Въ это время вошелъ профессоръ Бодянскій, плотно затворивъ за собой дверь, потому что нашелъ тамъ подслушивавшаго студента. Попечитель отвѣчалъ депутатамъ, что ему не о чемъ говорить со студентами, что онъ не можетъ принять адреса и сдѣлать измѣненій въ университетскихъ постановленіяхъ, которыя онъ обязанъ охранять. Ораторъ изъ депутатовъ, бѣлокурый молодой человѣкъ, въ штатскомъ платьѣ, Гижицкій, какъ я узналъ потомъ, вступилъ въ преніе съ попечителемъ. Онъ показался мнѣ въ не совсѣмъ нормальномъ состояніи. Было ли это отъ искусственнаго возбужденія или просто вслѣдствіе волненія, но онъ говорилъ неровнымъ голосомъ, съ усиліемъ, былъ красенъ и вообще походилъ на человѣка пьянаго или, по крайней мѣрѣ, выпившаго. Его слова не противорѣчили этому предположенію. Онъ доказывалъ, что университетъ—это студенты, и что ни одно университетское постановленіе не можетъ имѣть силы, если оно не обсужено и не одобрено студентами и пр. въ этомъ же родѣ. Выслушавъ все это, попечитель спокойно и не возвышая голоса сказалъ:

— Вы видите, что мнѣ нечего идти говорить съ вашими товарищами, когда я не могу говорить и съ вами. Я обязанъ поддерживать университетскія постановленія, а для васъ они не существуютъ. Мы не можемъ сговориться другъ съ другомъ.

— Что-же намъ дѣлать?

— Что хотите! если для васъ не существуютъ университетскія пра-

вила, вамъ нечего дѣлать въ университетѣ и не о чемъ говорить съ университетскимъ начальствомъ.

Повторивъ еще два раза приглашеніе придти въ аудиторію, какъ выражались они на м и р о в у ю, и получивъ рѣшительный отказъ, депутаты ушли. Черезъ нѣсколько минутъ въ швейцарской послышался сильный шумъ и крики, и швейцаръ, вбѣжавъ въ профессорскую, началъ запирать дверь на ключъ.

Мы съ Бодянскимъ сказали попечителю, что едва-ли это будетъ не хуже, что запертая дверь не защититъ въ случаѣ напора и только болѣе взволнуетъ студентовъ и покажетъ, что ихъ боятся. Попечитель велѣлъ отпереть дверь и самъ вышелъ въ швейцарскую; Бодянскій и я пошли за нимъ. Крыловъ на наше приглашеніе идти съ нами отвѣчалъ отрицательнымъ жестомъ.

Разговоръ въ швейцарской былъ повтореніемъ объясненія съ депутатами съ тою только разницей, что толпа, набившаяся въ небольшую комнату шумѣла, кричала и дѣлала невозможнымъ всякій сколько-нибудь продолжительный разговоръ. Слова попечителя встрѣтили смѣхомъ, кричали, что онъ говорить не умѣетъ. Онъ былъ такъ-же спокоенъ, какъ и въ профессорской, повторилъ то же самое, что говорилъ депутатамъ, и въ отвѣтъ на смѣхъ и крики замѣтилъ, что онъ ждалъ, что студенты будутъ говорить съ нимъ университетскимъ языкомъ, но что теперь видитъ, что они не только не могутъ говорить съ нимъ этимъ языкомъ, но и не понимаютъ его. Въ отвѣтъ послышался крикъ: «мы васъ презираемъ». Попечитель вышелъ въ профессорскую, но потомъ раздумалъ, воротился въ швейцарскую, подозвалъ инспектора и при студентахъ тѣмъ же ровнымъ и тихимъ голосомъ велѣлъ ему ѣхать тотчасъ же къ генералъ-губернатору и объявить ему, что неизвѣстная толпа ворвалась въ университетъ, прорвалась за рѣшетку, овладѣла колоколомъ и теперь ломится въ профессорскую и что у университета нѣтъ физической силы противиться ей. Послѣ этого онъ ушелъ въ профессорскую и началъ ходить во второй ея комнатѣ. Бодянскій и я остались въ первой. Двери въ швейцарскую были затворены, но не заперты. Къ попечителю съ математическаго крыльца швейцаръ принесъ было шинель и калоши, и помощникъ инспектора предложилъ ему уйти съ математическаго входа, не занятаго студентами. Исаковъ отослалъ швейцара и сказалъ, что онъ уѣдетъ изъ университета послѣдній.

Въ швейцарской продолжался шумъ и крики. Нѣсколько разъ дверь въ профессорскую отворялась. Я подходилъ и затворялъ ее. Видно въ швейцарской возбуждали другъ друга къ рѣшительному шагу и передъ отпертою дверью было колебаніе. Наконецъ дверь распахнулась настежь и нѣсколько человѣкъ влетѣло въ комнату. Бодянскій и я бросились на встрѣчу. Крыловъ исчезъ; по крайней мѣрѣ, оглянувшись, я не видалъ

его уже въ первой комнатѣ и въ этотъ день не видалъ его болѣе. Я сказалъ, какъ можно громче, что требую для чести университета и студентовъ, чтобы они вышли изъ профессорской. Въ отвѣтъ послышались какіе-то крики. Толпа прибывала; заставить себя выслушать не было никакой возможности, потому что задніе, не понимая остановки переднихъ, кричали и двигали переднихъ впередъ. Можно было говорить только съ передними и то съ тѣми, которые стояли лицомъ къ лицу; толпа охватывала съ боковъ, но остановленная неожиданными препятствіями двигалась нерѣшительно, не выдаваясь слишкомъ впередъ, не бросаясь во вторую комнату, гдѣ былъ попечитель. Не знаю, что говорилъ Бодянскій, но я говорилъ тѣмъ, которые стояли передо мною, что это насиліе, что насиліе компрометируетъ самое лучшее дѣло; что въ эту минуту и этимъ поступкомъ они окончательно проигрываютъ общее студенческое дѣло, лишаютъ силы даже и самыя законныя свои требованія. Говорить со всѣми не было никакой возможности при дикихъ крикахъ и шумѣ. Важно было и то, что первый напоръ былъ сдержанъ; еще важнѣе, что я и Бодянскій, бывшіе здѣсь пока единственными представителями профессорскаго сословія, не подверглись никакимъ оскорбленіямъ, хотя говорили рѣзкія слова. Мнѣ кто-то крикнулъ сзади, что профессора не принимаютъ никакого участія въ молодежи. Я попросилъ сказавшему эти слова подойти ближе ко мнѣ, чтобы я могъ сказать ему прямо въ лицо, что это гнусная ложь. Никто не вышелъ и не отозвался. На слова: «Грановскій этого не сдѣлалъ-бы на вашемъ мѣстѣ», я отвѣчалъ: «можетъ быть, но только не изъ тѣхъ побужденій, какъ вы думаете, не изъ одобренія насилію. Грановскій былъ слишкомъ изящная и чистая натура, чтобы подходить такъ близко къ грязи, какъ подходимъ мы». Наша борьба и отступленіе къ дверямъ второй комнаты длились болѣе получаса и все-таки, оттѣсненный къ самымъ дверямъ второй комнаты, я увидѣлъ, что ни одинъ изъ студентовъ еще не прорвался туда, и попечитель продолжалъ ходить взадъ и впередъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Я сталъ въ дверяхъ и сказалъ студентамъ: не угодно-ли кому-нибудь оттолкнуть меня. Въ это время подошелъ къ дверямъ попечитель и сталъ говорить самъ со студентами. Я отошелъ и сталъ подлѣ него. Попечитель повторилъ тоже самое, что говорилъ депутатамъ и что говорилъ въ швейцарской. Онъ прибавилъ, что насиліемъ они ничего не возмутъ, что онъ не въ правѣ и не хочетъ измѣнить университетскія правила. Такъ какъ попечитель стоялъ не въ самыхъ дверяхъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, студенты начали пробираться одинъ за другимъ во вторую комнату и скоро мы были охвачены со всѣхъ сторонъ толпою и прижаты въ лѣвый уголъ комнаты между двумя окнами. Студенты повидимому добились своего, они держали въ своихъ рукахъ попечителя; но тутъ и высказалась вся нелѣпость положенія, въ которое они сами добровольно стали. Они разсчитывали очевидно на уступку съ его стороны.

Расчетъ оказался однакожъ невѣрнымъ. Попечитель, окруженный шумной толпой, занявшей обѣ комнаты, взмостившійся на столъ и диванъ, оставался такъ-же невозмутимо спокоенъ, какъ будто бы у себя въ кабинетѣ. Ни разу не возвысилъ онъ голоса, не позволилъ себѣ ни одного рѣзкаго, сколько-нибудь оскорбительнаго выраженія, но въ то же время не показалъ ни малѣйшаго желанія сдѣлать какую-нибудь, хотя-бы чисто формальную уступку требованіямъ, не только не обѣщалъ отмѣны постановленій, но даже и своего ходатайства объ отмѣнѣ этихъ новыхъ постановленій. Онъ даже не обращался къ толпѣ съ приказаніемъ или приглашеніемъ разойтись, онъ ждалъ, что могутъ сказать новаго студенты, и что они будутъ дѣлать.

Было уже два часа. Число осаждавшихъ увеличилось. Сквозь всю толпу пробились какъ-то пр. Дмитріевъ, читавшій IV-му курсу юристовъ, Бабстъ, шедшій въ коммерческую академію и узнавшій о безпорядкахъ, и астрономъ Швейцеръ. Съ Бабстомъ пришелъ также и правитель канцеляріи попечителя Красовскій. Студенты ясно видѣли, что запугать не удалось. Къ Дмитріеву обратились съ запросомъ: точно-ли онъ называлъ студентовъ мальчишками. Дмитріевъ отвѣчалъ съ полною точностью и опредѣлительностью, что онъ не припомнитъ, называлъ ли ихъ такъ, не называлъ, вѣроятно, потому что не случалось, но что въ настоящую минуту, болѣе чѣмъ когда-нибудь, онъ такого мнѣнія объ ихъ поступкахъ. Пришлось удовлетвориться этимъ категорическимъ отвѣтомъ. Соглашеніе не удалось, а рѣшиться на какую-нибудь серьезную мѣру—не хватило духу.

Студенты къ этому не были приготовлены, этого не желали и сверхъ того понимали, что это ни къ чему не поведетъ, ничему не поможетъ. Притомъ самые задорные растерялись передъ твердостью попечителя. На другихъ эта смѣлость и спокойная стойкость произвела сильное дѣйствіе. Они поняли, что зашли слишкомъ далеко и что нужно отступить; но уйти, надѣлавши столько шуму изъ пустяковъ, уйти, не получивши даже самаго ничтожнаго обѣщанія, хоть-бы мнимой уступки, было слишкомъ не по сердцу. Если-бы еще генералъ-губернаторъ прислалъ военную силу, отступленіе было сколько-нибудь почетнѣе, сколько-бы нибудь прикрывалось въ ихъ собственныхъ глазахъ необходимостью уступить превосходной силѣ. Но генералъ-губернаторъ не присылалъ никого на выручку попечителя. Въ той группѣ, съ которой говорилъ я, послышались голоса, что продолжать разговоръ безполезно, что съ обѣихъ сторонъ высказано уже все и нужно разойтись. Я всѣми силами старался поддержать это настроеніе, и толпа начала уже колебаться. Въ это время раздались голоса: полиція, полиціймейстеръ. Но вмѣсто полиціи, явился одинъ оберъ-полиціймейстеръ графъ Крейцъ, который протискался сквозь толпу и сталъ подлѣ попечителя, не говоря впрочемъ ни слова, не обращаясь къ студентамъ съ требованіемъ разойтись. Студенты, хо

тѣвшіе уходить, теперь объявили, что они не могутъ этого сдѣлать, пока полиція не оставитъ университета. Напрасно я убѣждалъ ихъ, что они могутъ уйти, нисколько не уронивъ себя въ своихъ глазахъ, что они хотѣли разойтись еще прежде, что одинъ полиціймейстеръ безъ всякой вооруженный силы, вѣроятно, самъ не подумаетъ, что его появленіе разогнало студентовъ, что наконецъ онъ еще и не требовалъ, чтобы они разошлись и, если они уйдутъ,—это не будетъ значить, что они, отказываясь исполнить законныя требованія университетскаго начальства и профессоровъ, послушались немедленно перваго слова полицейской власти. Въ это время за собою я услышалъ слова, обращенныя къ полиціймейстеру, что студенты пришли къ попечителю, какъ дѣти къ отцу, и голосъ Дмитріева, что это родство крайне сомнительно и родителю нечѣмъ особенно гордиться. Я подошелъ къ попечителю и засталъ еще конецъ рѣчи оратора, обращенной къ оберъ-полиціймейстеру. Онъ отъ имени студентовъ просилъ графа Крейца быть свидѣтелемъ передъ высшей властью, что онъ не видалъ безпорядковъ и былъ свидѣтелемъ только ихъ семейной бесѣды съ попечителемъ, который можетъ представить дѣло въ ложномъ свѣтѣ. Таковъ былъ смыслъ обращенія. Я не могъ слушать дальше, а бросился къ той группѣ, съ которой говорилъ прежде. Я сказалъ имъ, что до сихъ поръ думалъ, что этотъ день ограничится одною позорною для университета сценою, появленіемъ полиціймейстера въ профессорской залѣ, но что я никогда-бы не повѣрилъ, что университетъ будетъ доведенъ до такого полнаго посрамленія, до того что студенты будутъ сами ставить полиціймейстера судьей университетскихъ вопросовъ и недоразумѣній, что я прошу ихъ припомнить слова, сказанныя отъ ихъ имени, чтобы потомъ, по крайней мѣрѣ, они не имѣли права возставать противъ рѣшенія, которое произнесетъ третейскій судья, ими же избранный.

Послышался какой-то крикъ, и толпа тотчасъ оставила профессорскую комнату. Нѣсколько времени она стояла еще передъ крыльцомъ университета. Оберъ-полиціймейстеръ вышелъ. Мы стояли почти три часа въ духотѣ, измучены были этими жаркими объясненіями и первое время ходили, не говоря другъ съ другомъ. Когда мы наконецъ собрались у окна, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на дворѣ, студентовъ тамъ уже не было. Кто-то подошелъ къ намъ и обернувшись, мы увидѣли ректора, который, разводя руками, сказалъ: «ну, вотъ-съ ваше превосходительство». Можно было расходиться, потому что лучшаго знака, что буря кончилась, не могло быть. Поговоривъ нѣсколько минутъ, мы рѣшили, что завтра въ виду повторенія подобныхъ сценъ, надобно держаться такъ-же, какъ держались въ этотъ день, потому что матеріальной силы не было у университета, чтобы предупредить повтореніе того, что было сегодня.

Письмо Ив. Ив. Дмитріева — Павлу Петровичу Свиньину.

11-го февраля 1826 года, Москва.

За всѣ ваши одолженія меня по части литературной, не имѣя чѣмъ отплатить с в о и м ъ, препровождаю къ вамъ при семъ стихотвореніе по крайней мѣрѣ моего племянника. Прошу васъ принять его благосклонно.

6-ое число было для насъ днемъ печальнаго прощанія съ незабвеннымъ Александромъ. По всей Тверской до самой заставы царствовало благоговѣйное безмолвіе, прерываемое только по мѣстамъ глухимъ всхлипываніемъ. Отъ заставы до П(етровскаго) дворца, колесница довлечена была народомъ, тамъ я отдалъ послѣдній поклонъ моему благодѣтелю.

Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ извѣстія объ успѣхахъ работы бюста, а къ слову позвольте мнѣ напомнить вамъ и объ обѣщанной вами копіи съ письма изъ Таганрога. Еще прошу васъ доставить отъ меня другой экземпляръ стихотворенія Александру Семеновичу Шишкову. Могъ бы я препроводить его при письмѣ моемъ, но совѣстился вызывать его на отвѣтъ, изъ уваженія старости и занятій его.

Между тѣмъ свидѣтельствую вамъ самое искренное мое почтеніе, съ коимъ навсегда имѣю честь пребыть, м. г. мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

Къ біографіи Н. В. Гоголя.

1.

Письмо книгопродавца Лисенкова—Криворотовымъ (въ Одессу).

13-го ноября 1850 г., С.-Петербургъ.

Имѣю честь свидѣтельствовать вамъ усерднѣйшее и глубочайшее почтеніе и пожелать во всемъ благополучія и здоровья.

Записку эту я прилагаю при письмѣ Н. В. Гоголя, извѣстнаго писателя; я писалъ къ нему, чтобъ купить его сочиненія для напечатанія, у насъ въ торговлѣ почти ничего нѣтъ его сочиненій, а покупателей на него много, то позвольте васъ попросить покорнѣйше поворожите, чтобъ онъ продалъ мнѣ оригиналъ для напечатанія какихъ бы то ни было его сочиненій; пусть онъ объявитъ вамъ цѣну, я перешлю къ вамъ тотчасъ деньги для уплаты ему, а вы получите рукопись отъ него; а то у насъ совершенно нечего читать и нечѣмъ торговать. Надобно вамъ сказать о немъ—онъ прескромый человѣкъ и можетъ скоро не добьетесь отъ него отвѣта, то нельзя ли вамъ его пригласить къ себѣ на чай и поразговориться съ нимъ по домашнему. Онъ прежде былъ такой молчаливый и таинственный, что напечаталъ онъ въ первый разъ свое сочиненіе: «Ганцъ Кюхельгартенъ или картины» принесъ ко мнѣ на продажу и черезъ недѣлю спросилъ продаются ли. Я сказалъ, что нѣтъ, онъ забралъ ихъ—и только и видѣли, должно быть печка поглотила и тѣмъ кончилось, что и теперь нигдѣ нѣтъ этой книги и публика не знаетъ и не видала его перваго произведенія.

Еще покорнѣйше прошу при случаѣ зайти къ книгопродавцу Гри-

горьеву, вами рекомендованному; я выслалъ ему книги по реестру тогда же, все исправно и дешево, на сумму для него нужную; и повѣрилъ ему въ долгъ на 30 рублей серебромъ, но и до сихъ поръ не высылаетъ, то пусть онъ вамъ выдастъ, чтобъ во зло ваша рекомендація не была употреблена имъ.

Погода у насъ сегодня вдругъ изъ холодной сдѣлалась теплая и идетъ дождь.

Вашъ покорнѣйшій слуга книгопродавецъ Лисенковъ.

Приписка сбоку: «Новый постоянный каменный мостъ черезъ Неву, говорятъ, откроется въ день Введенія 21-го числа. Судьба М. С. Шелихова поправляется, здѣшній кредиторъ согласился въ его пользу».

«Въ здѣшней итальянской труппѣ оперной происходитъ комедія: пѣвецъ Маріо закапризился, хочетъ ѣхать въ Парижъ, куда зоветъ его принчипеса Гризи, и теперь считается боленъ и не поетъ».

2.

Яковъ Данилевскій—Н. В. Гоголю.

27-го ноября 1851 года.

Великій, обожаемый мною поэтъ!

Я не смѣлъ безпокоить васъ моимъ посѣщеніемъ, вотъ почему я рѣшился письменно испросить вашего позволенія видѣть васъ, говорить съ вами—успокоить свою душу. Простите же мою смѣлость писать къ вамъ; не подумайте, чтобы меня влекло къ этому какое-нибудь подлое чувство, чтобы я для того напрашивался къ вамъ, чтобы сказать потомъ кому-нибудь: я знакомъ съ Гоголемъ! Нѣтъ, я самъ бы презиралъ себя за такую мелочность; нѣтъ, влечетъ меня къ вамъ другое чувство—благоговѣніе, надежды разрѣшить многіе вопросы, которые вдругъ возстали въ душѣ моей.

Все это время я былъ очень боленъ, но не такъ болѣло тѣло, какъ болѣла душа моя; мнѣ живо представилась жизнь моя, исполненная несчастій, борьбы со всѣмъ окружающимъ меня. Я совершенно здѣсь заброшенъ; есть отецъ у меня, но онъ далеко, онъ такъ бѣденъ, что не въ силахъ помогать мнѣ; поневолѣ я долженъ жить учителемъ среди людей, которые выше меня своимъ богатствомъ, своимъ положеніемъ въ обществѣ, но ниже нравственнымъ чувствомъ, которые за нѣсколько серебряныхъ рублей, еще плохо уплачиваемыхъ, готовы поглотить всю

мою дѣятельность. Но все бы я перенесъ это, когда была бы какая-нибудь опора въ другомъ, высшемъ.

Я чувствую Божіе призваніе въ себѣ, я чувствую въ себѣ дарованіе, которое, можетъ быть, принесло бы современемъ пользу отечеству—развившись и укрѣпившись; но и тутъ я предоставленъ самому себѣ: нѣтъ никого, кто бы ободрилъ и наставилъ меня, а я долженъ еще бороться съ различными антипатіями и ложными симпатіями, напримѣръ съ антипатіей къ стиху въ наше время.

Есть господа, которые готовы отнять у тебя и сердце, и душу, и божественное пламя таланта, какъ сказали вы про писателя великаго, силою неумѣлаго рѣзца дерзнувшаго выставить всю страшную, всю потрясающую силу мелочей, опутавшихъ жизнь нашу, выпукло и ярко на всенародныя очи, отнять за то только, что пишешь стихи. «Помилуйте,—говорятъ они,—зачѣмъ вы не пишете прозой? мы бы охотно помогли вамъ и приняли бы васъ въ свой кружокъ»; какъ-будто нуженъ мнѣ кружокъ ихъ! Одинъ почтенный московскій литераторъ сказалъ мнѣ даже: «нѣтъ, батюшка, этимъ не пріобрѣтешь денегъ въ наше время, а деньги важное дѣло; нѣтъ, это не пушкинская пора, когда можно было за стихи получать деньги!» А я и не хлопоталъ о нихъ... «Нѣтъ!—продолжалъ онъ,—вы не поняли нашего времени. Да притомъ у васъ ничего нѣтъ самостоятельнаго—вы копируете Лермонтова». Это говорилъ онъ про еврейскія мелодіи, которыя я представлялъ вамъ. Я улыбнулся... «Да,—продолжалъ онъ,—я говорю вамъ не шутя; къ тому же у васъ нѣтъ мысли въ стихахъ, не видно, чего хотите вы въ нихъ... Вѣдь это не то, что моя «Отпѣтая»,—сказалъ онъ, обратившись къ одному молодому человѣку, который слушалъ его внимательно...—А? неправда-ли? Тамъ видно, чего хочу я?» Тотъ замѣтилъ, что это прекрасное стихотвореніе. «Вотъ видите ли,—и то я не терплю стиховъ. Дѣтство, батюшка, дѣтство! мы, слава Богу, ушли немного впередъ... Я самъ дѣлаю иногда подобныя глупости, но...» Тутъ онъ даже прибавилъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній насчетъ того, какъ можно наживать деньги, что̀, по его мнѣнію, гораздо лучше стиховъ,—замѣчаній, исполненныхъ великимъ цинизмомъ, которыхъ я даже и повторить вамъ не смѣю... Вотъ попадаешься къ какимъ людямъ, а ихъ уважаютъ, они даже поддерживаютъ журналъ, прежде замѣчательный неаккуратностью своею ежемѣсячнаго выхода въ свѣтъ, а теперь замѣчательный и аккуратностью выхода и полнотою хорошихъ статей всякаго рода, и наконецъ добросовѣстностью критики, которая въ послѣднее время особенно прославилась рецензіей «русской исторіи» Соловьева.

Пробовалъ я знакомиться и съ такими, которые любятъ стихи, произносятъ ихъ во время оффиціальныхъ обѣдовъ въ честь разныхъ знаменитостей, совершенно съ ними незнакомыхъ, но которыхъ они одна-

коже въ пылу восторга называютъ своими друзьями, пишутъ большія поэмы, исполненныя драматизма и щеголяющія всякій разъ, когда дѣло доходитъ до описанія природы, но такіе люди оказывались еще лучше. Богъ съ ними! Я не хочу говорить о такихъ людяхъ.

Все это, вмѣстѣ съ моею жизнью—горькою и безнадежною ярко представилось мнѣ во время моей болѣзни. Мнѣ стало грустно, болѣе чѣмъ грустно, мнѣ стало такъ безотрадно, что даже отчаяніе готово было овладѣть мною. Неужели такъ никто не поддержитъ, не пріютитъ, не согрѣетъ души моей?

Неужели справедливы и эти упреки, и эти антипатіи къ стиху въ наше время. Я нашелъ ихъ отчасти справедливыми, несмотря на то, что стихъ прирожденъ моей натурѣ, что онъ есть моя принадлежность, что я имъ лучше могу высказать мысль, вырисовать извѣстные образы и характеры,—лучше, нежели прозой; я нашелъ ихъ отчасти справедливыми, а почему—я разскажу вамъ тогда, когда вы позволите мнѣ васъ видѣть. Только первый вопросъ показался мнѣ несостоятельнымъ, я подумалъ, что великій поэтъ, призванный Богомъ указать намъ наши недостатки, исправить насъ, не оттолкнетъ меня, человѣка, въ которомъ онъ не могъ не подмѣтить таланта и благихъ мыслей, котораго онъ уже разъ принялъ и отогрѣлъ меня; что онъ, стоящій неизмѣримо выше толпы, готовъ подать руку помощи всякому, кто захочетъ прибѣгнуть къ нему; что онъ не оставитъ, стало быть, меня, подкрѣпитъ, поддержитъ, разрѣшитъ мои недоумѣнія, дастъ мнѣ жизнь, дастъ возможность совершенствоваться и идти впередъ. И рѣшился я написать къ вамъ, просить вашего позволенія видѣть васъ, раскрыть передъ вами свою душу... Великій учитель! помогите моей немощи; не пренебрегите моей просьбой! Святое дѣло оказать матеріальную помощь человѣку—своему собрату, но еще святѣе—оказать ему духовную помощь... Помогите мнѣ. Когда Богъ разовьетъ мои духовныя силы, когда я сдѣлаю что-нибудь великое и достойное,—это великое, это достойное будетъ принадлежать вамъ. Напишите мнѣ слова два—когда я могу васъ видѣть. Мой адресъ: на Большой Дмитровкѣ, въ домѣ Глѣбовой.

Жду вашего письма съ нетерпѣніемъ. Утѣшьте и оживите обожающаго васъ, какъ идеалъ всего высокаго и благороднаго.

Сообщ. **В. И. Шенрокъ.**

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О БЫВШЕМЪ

Нижегородскомъ губернаторѣ А. Н. Муравьевѣ [1]).

Печатая въ сентябрской книжкѣ «Русской Старины» сатиру на бывшаго нижегородскаго губернатора А. Н. Муравьева, П. Л. Юдинъ сдѣлалъ отъ себя нѣсколько замѣчаній, которыя могутъ ввести въ заблужденіе читающую публику. Это заблужденіе будетъ весьма понятно и естественно, если принять во вниманіе, что о дѣятельности А. Н. Муравьева въ печати почти ничего не появилось, а потому читателю очень трудно составить правильное представленіе какъ о характерѣ этого выдающагося администратора, такъ и его административной дѣятельности. Кромѣ того въ предисловіи къ опубликованнымъ стихамъ (Муравіадѣ) сказано, что подлинная рукопись хранится въ архивѣ Нижегородской ученой архивной коммиссіи. Это замѣчаніе можетъ дать поводъ думать,

[1]) По поводу замѣтки П. Л. Юдина въ сентябрской книжкѣ „Русской Старины“ за 1897 годъ. Александръ Николаевичъ Муравьевъ ;происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи, родился въ 1792 году, обучался въ Московскомъ университетѣ, откуда вышелъ въ 1810 году и поступилъ, 19-ти лѣтъ отъ роду, въ колоновожатые, въ чинѣ подпоручика. Затѣмъ онъ участвовалъ въ войнѣ 1812 г., былъ при взятіи Парижа, въ сраженіи при Кульмѣ и многихъ другихъ, а въ 1816 г. былъ уже полковникомъ; въ 1855 году онъ участвовалъ также въ Крымской кампаніи. Вообще служба его была очень разнообразна. Въ періодъ времени съ 1818 г. по 1828 г., по формулярному списку, онъ значится въ отставкѣ, при чемъ по высочайшему повелѣнію 10-го іюня 1826 г. сосланъ на жительство въ Сибирь, безъ лишенія чиновъ и дворянства. Во время пребыванія въ Сибири, началась его служба по гражданскому вѣдомству,—а именно 18-го апрѣля 1828 г. онъ поступилъ на службу иркутскимъ городничимъ, затѣмъ былъ предсѣдателемъ губернскаго правленія въ

что стихи напечатаны съ согласія архивной коммиссіи, тогда какъ П. Л. Юдинъ напечаталъ ихъ не только безъ разрѣшенія, но даже и безъ вѣдома ея.

Конечно никто изъ изслѣдователей тѣхъ или иныхъ историческихъ фактовъ не лишенъ права имѣть свой взглядъ на ихъ значеніе; не лишенъ онъ и права имѣть извѣстное представленіе о той или иной личности, игравшей видную роль въ исторіи. Отсюда понятно, что, при изслѣдованіи какой-бы то ни было эпохи или въ очеркѣ дѣятельности той или другой исторической личности, весьма нерѣдко высказываются личные субъективные взгляды авторовъ. Однако цѣнность такихъ изслѣдованій весьма не велика и лучшіе изъ историковъ главной задачей своей ставятъ совершенно объективное, безпристрастное отношеніе къ историческимъ фактамъ, заботятся лишь о томъ, чтобы выводы были логическимъ послѣдствіемъ изъ общей совокупности ихъ. Иное дѣло—опубликованіе отдѣльныхъ документовъ или фактовъ, имѣющихъ лишь характеръ матеріала для уясненія извѣстной исторической эпохи или дѣятельности исторической личности; опубликованный фактъ или документъ можетъ имѣть значеніе лишь какъ матеріалъ для выводовъ по совокупности съ другими такого-же рода матеріалами. Если-же опубликованіе его сопровождается какими-либо комментаріями,—они должны быть надлежащимъ образомъ обоснованы. Въ распоряженіи архивной коммисіи имѣется цѣлая серія документовъ, относящихся ко времени дѣятельности Муравьева. Эти матеріалы состоятъ частью изъ стиховъ, частью изъ списковъ съ рѣчей на обѣдѣ въ честь Муравьева и разныхъ оффиціальныхъ документовъ, относящихся къ той эпохѣ, ко времени

Иркутскѣ и Тобольскѣ и нѣкоторое время исправлялъ должность тобольскаго губернатора. Въ 1834 г. онъ перешелъ на службу изъ Сибири въ Европейскую Россію предсѣдателемъ вятской уголовной палаты, откуда поступилъ на такую же должность въ таврическую палату и наконецъ въ 1837 г. назначенъ архангельскимъ губернаторомъ, гдѣ и пробылъ 2 года, а затѣмъ, сначала уволился отъ службы, а потомъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Съ 1854 г. Муравьевъ опять вступилъ въ службу по военному вѣдомству, и одно время, а именно въ 1855 г. былъ начальникомъ штаба 2-го пѣхотнаго корпуса и отправился въ дѣйствующую армію въ Крымъ. Послѣ того, онъ числился по генеральному штабу и потомъ, въ чинѣ генералъ-маіора, 10-го сентября 1856 г. былъ назначенъ нижегородскимъ губернаторомъ. Въ этой должности Муравьевъ пробылъ до 16-го сентября 1861 г., послѣ чего былъ назначенъ сенаторомъ, будучи уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

Высшій изъ русскихъ орденовъ Муравьевъ имѣлъ Анны 1 ст. съ мечами и императорской короной. Недвижимаго имѣнія у Муравьева не было; въ средствахъ онъ, повидимому, нуждался и потому неоднократно получалъ по повелѣніямъ какъ императора Николая I-го, такъ и Александра II-го денежныя пособія въ довольно значительныхъ суммахъ.

которой относится его дѣятельность, и характеризующихъ его, какъ администратора. Вслѣдствіе того, нижегородская архивная коммисія не рѣшилась-бы напечатать эти стихи, рисующіе дѣятельность Муравьева крайне односторонне и въ значительной степени даже невѣрно, безъ надлежащихъ оговорокъ или разъясненій. Къ тому-же въ моментъ опубликованія стиховъ, авторъ ихъ былъ еще живъ [1]).

Обращаясь къ предисловію и примѣчаніямъ, которыми П. Л. Юдинъ снабдилъ опубликованіе «Муравіады», надо отмѣтить различныя невѣрности въ этихъ сообщеніяхъ. Прежде всего—въ архивной коммисіи находится не подлинная рукопись стиховъ; экземпляръ ихъ, какъ и другія стихи и рѣчи, касающіяся Муравьева, писаны не самими авторами. Это не болѣе, какъ одинъ изъ списковъ, очевидно ходившихъ въ то время по рукамъ, пріобрѣтенный покойнымъ А. С. Гацисскимъ отъ одного изъ нижегородскихъ букинистовъ, въ числѣ бумагъ, оставшихся послѣ бывшаго балахнинскаго уѣзднаго предводителя дворянства М. И. Гриневича. Затѣмъ стихи эти писаны не «маіоромъ Деонисіемъ Васильевичемъ Демидовымъ, состоявшимъ при Муравьевѣ чиновникомъ для особыхъ порученій» (?!), а его родственникомъ, который, въ эпоху Муравьева, былъ становымъ приставомъ; эту должность онъ занималъ, по его словамъ (въ письмѣ на имя А. С. Гацисскаго въ отвѣтъ на запросъ архивной коммисіи) «по предложенію близкаго ему по многимъ обстоятельствамъ губернатора А. Н. Муравьева противъ своего убѣжденія». Онъ былъ противникомъ освобожденія крестьянъ и весьма скептически относился ко всякимъ либеральнымъ вѣяніямъ. Вотъ какъ характеризуетъ онъ въ томъ-же письмѣ, на имя Гацисскаго, время, наступившее послѣ обнародованія манифеста. «Дворяне, искони бѣ преданные до мозга костей своему царю, благоговѣйно опустили голову, какъ общипанный пѣтухъ, приготовленный на съѣденіе бывшихъ своихъ рабовъ—меньшей братіи. Милая меньшая братія, необузданная....,—вырвавшись безтактно на волю (изъ) рабства—подняла горѣ носъ..... вообразила себя царемъ Россіи и пошла плясать неурядица» [2]). Уже одно это показываетъ, какъ былъ нерасположенъ авторъ стиховъ къ «близкому къ нему по многимъ обстоятельствамъ» Муравьеву, бывшему убѣжденнымъ сторонникомъ крестьянской реформы. Вотъ почему заявленіе, что «Муравьевъ за время управленія не заслужилъ признательности населенія, но, напротивъ, всеобщее къ себѣ нерасположеніе», намъ кажется черезчуръ смѣлымъ, тѣмъ болѣе, что въ матеріалахъ, имѣющихся въ

[1]) Онъ умеръ въ Нижнемъ Новгородѣ, въ октябрѣ 1897 г., 85 лѣтъ.

[2]) Въ этой выдержкѣ мы выпустили наиболѣе рѣзкія выраженія; они встрѣчаются, впрочемъ, и въ другихъ документахъ, относящихся отрицательно къ дѣятельности Муравьева.

архивной коммисіи, какъ увидимъ, есть данныя совсѣмъ иного характера. Ниже мы постараемся объяснить, на сколько возможно, причину нерасположенія къ Муравьеву части тогдашняго общества, а теперь отмѣтимъ и еще нѣкоторыя невѣрныя замѣчанія, которыми авторъ снабдилъ опубликованные имъ стихи.

Помѣтка карандашемъ рукою А. С. Гацисскаго на рукописи дѣйствительно имѣется, но въ ней не упоминается о какомъ-то Лормонѣ, а говорится совсѣмъ о другомъ лицѣ, фамиліи котораго г. Юдинъ очевидно не разобралъ. Непонятно также, что хочетъ онъ сказать тѣмъ, что Гацисскій былъ современникомъ Муравьева. А. С. Гацисскій родился въ 1838 году (см. его автобіографію), въ Нижній прибылъ съ своими родителями въ 1847 году, кончилъ здѣсь гимназію и поступилъ въ университетъ до прибытія Муравьева, и лишь въ октябрѣ 1861 г., когда тотъ уже уѣхалъ, возвратился въ Нижній и окончательно поселился въ немъ навсегда; о томъ, кто подстрекнулъ къ написанію стиховъ, онъ могъ судить по ходившимъ въ то время слухамъ. Весьма рискованно также замѣчаніе объ упоминаемыхъ въ «Муравіадѣ» П—кѣ и Б—вѣ, характеристика которыхъ не вытекаетъ изъ содержанія стиховъ, а въ другихъ матеріалахъ, имѣющихся въ архивной коммисіи, никакихъ данныхъ для такой характеристики нѣтъ.

Въ заключеніе, чтобы судить съ большей основательностью, въ какой части общества Муравьевъ заслужилъ общее къ себѣ нерасположеніе, сдѣлаемъ краткій очеркъ его дѣятельности на основаніи матеріала, имѣющагося въ архивной коммисіи. Редакція «Русской Старины» совершенно справедливо замѣтила, что никто не будетъ опредѣлять дѣятельность Муравьева по приведеннымъ стихамъ, которые характеризуютъ только взглядъ нѣкоторой части общества. Вотъ въ подтвержденіе этого замѣчанія мы и попытаемся привести нѣсколько данныхъ, основанныхъ главнымъ образомъ на оффиціальныхъ документахъ.

I.

Эпоха, въ которую прибылъ въ Нижній-Новгородъ А. Н. Муравьевъ, характеризуется небывалымъ подъемомъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ русскаго общества. Началось обновленіе Россіи во всѣхъ сферахъ ея жизни, а раздавшееся въ рескриптахъ къ Назимову и въ Москвѣ царское слово объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было первымъ предвѣстникомъ этого обновленія. Въ эту-то знаменательную эпоху Муравьевъ и былъ поставленъ въ главѣ многочисленнаго населенія—губернаторомъ одной изъ видныхъ

губерній Россіи. Одинъ изъ близкихъ къ нему сослуживцевъ, бывшій при немъ чиновникомъ особыхъ порученій (а потомъ долгое время нижегородскимъ исправникомъ) В. М. В—нъ, разсказывая о Муравьевѣ въ кругу своихъ знакомыхъ, неоднократно указывалъ на то увлеченіе, съ какимъ тотъ относился къ идеѣ объ освобожденіи крестьянъ [1]). Старикъ, говорилъ онъ, былъ въ восторгѣ отъ того, что ему на старости лѣтъ пришлось осуществлять тѣ идеи, за которыя онъ такъ много пострадалъ [2]). Изъ этого отзыва лица, близко стоявшаго къ Муравьеву, видно, что въ немъ и на 68 году его жизни не умерли еще стремленія, навѣянныя на нашу аристократическую молодежь въ началѣ XIX столѣтія, ея близкимъ знакомствомъ съ Западомъ. Такой отзывъ подтверждается и нападками на Муравьева его противниковъ, какъ напримѣръ того-же автора стиховъ, который въ вышеуказанномъ письмѣ на имя Гацисскаго пишетъ, что Муравьевъ въ движеніи нижегородскаго дворянства конца 50-хъ годовъ принималъ участіе, какъ «декабристъ и энциклопедистъ конца XVIII-го столѣтія».

Упреки Муравьеву за то, что онъ старался проводить идеи масоновъ и декабристовъ высказываются какъ въ стихахъ подъ именемъ «Чечеточки, трещеточки» (Муравіада), такъ и въ другихъ пасквиляхъ на него. Такъ, напр., въ стихахъ по поводу прощальнаго обѣда ему 22-го октября 1861 года говорится:

„Тайнымъ дѣйствуя путемъ
Съ молоткомъ масона,
Ты хотѣлъ быть палачемъ
И дворянъ и трона".

Нельзя, конечно, отрицать вліянія на Муравьева его участія въ тайныхъ обществахъ въ царствованіе императора Александра I. Декабристы вопросъ объ освобожденіи крестьянъ считали на столько важнымъ, что безъ его разрѣшенія, находили невозможной и задуманную ими политическую реформу, такъ что эта мысль была однимъ изъ главныхъ основаній положенія «Союза благоденствія» (см. у А. Н. Пыпина «Обществ. движ. при Александрѣ I», и друг.). Тѣмъ не менѣе, на основаніи этихъ данныхъ еще нельзя утверждать, чтобы раздавшійся

[1]) Это увлеченіе однако не было минутной вспышкой чувства, а было плодомъ разсудка. Вообще о характерѣ Муравьева современникъ его говоритъ, что онъ былъ совершенно чуждъ какой бы то ни было чувствительности, дѣйствовалъ исключительно по убѣжденію и расчету.

[2]) На это же указывается и въ „Муравіадѣ", гдѣ говорится:

Съ тѣхъ поръ (т. е. со времени ссылки Муравьева) все измѣнилося
За что онъ погибалъ,
За то теперь возвысился,
Въ чести и силѣ сталъ!..

въ первый разъ [1]) въ ту эпоху голосъ нижегородскаго дворянства объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ былъ внушенъ Муравьевымъ [2]). Въ отвѣтахъ на вопросы, обращенные отъ имени архивной коммисіи въ 1888 г. къ бывшимъ въ то время въ живыхъ современникамъ и дѣятелямъ этой эпохи, о фактахъ, сопровождавшихъ освобожденіе крестьянъ въ Нижегородской губерніи, мы не находимъ на это опредѣленныхъ указаній. Авторъ стиховъ въ письмѣ, о которомъ мы говорили выше, пишетъ по этому предмету, что «мысль о выраженіи передъ государемъ желанія освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости высказали всѣ и никто. Всѣ — какъ подданные самодержца и никто—по убѣжденію»; далѣе авторъ письма говоритъ, что первымъ «выскочкой» былъ губернскій предводитель Н. П. Болтинъ; но такъ какъ онъ былъ губернскимъ предводителемъ уже послѣ составленія адреса, въ слѣдующее трехлѣтіе, то очень можетъ быть, что сообщеніе автора стиховъ и неточно, тѣмъ болѣе, что онъ, не имѣя въ то время имущественнаго ценза, въ собраніи не участвовалъ. Другой изъ современниковъ Муравьева, бывшій членъ губернскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ, принадлежавшій къ меньшинству его членовъ,—А. В. Д—въ [3]), въ запискѣ, присланной имъ въ архивную

---

[1]) Въ рескриптѣ нижегородскому дворянству, отъ 24-го декабря 1857 г., императоръ Александръ II называетъ его первымъ, поспѣшившимъ воспользоваться случаемъ, дать примѣръ своей готовности въ важномъ дѣлѣ улучшеніи быта своихъ крестьянъ. Такъ было и на самомъ дѣлѣ, ибо рескриптъ петербургскому дворянству на имя с.-петербургскаго генералъ-губернатора послѣковалъ вслѣдствіе заявленія всего лишь двухъ уѣздовъ и петербургскаго депутатскаго собранія, а не всего дворянства Петербургской губерніи.

[2]) Намекъ на инціативу въ этомъ отношеніи со стороны Муравьева, впрочемъ, встрѣчается въ одномъ изъ пасквилей на него. Говоря о построенной Муравьевымъ башнѣ съ цѣлью увѣковѣчить память о себѣ, авторъ стиховъ подъ названіемъ: „Сенатору Муравьеву 4-му“ указываетъ:

„Ты башню здѣсь соорудилъ,
Чтобъ Муравьевскою слыла;
Чтобъ поколѣнья сей земли
Въ виду ея съ почтеньемъ шли,
Воспоминая каждый разъ,
Какъ ты господствовалъ у насъ,
Какъ вольность здѣсь возстановилъ
Вопросъ крестьянскій въ ходъ пустилъ“.

[3]) Несмотря на принадлежность къ меньшинству комитета, авторъ записки г. Д—въ былъ не противникомъ крѣпостнаго права, а сторонникомъ его, какъ онъ и самъ заявляетъ это. Тѣмъ не менѣе онъ честно относился къ принятой обязанности, подвергаясь наравнѣ съ другими рѣзкимъ нападкамъ большинства комитета. Впослѣдствіи онъ былъ мировымъ посредникомъ, непремѣннымъ членомъ крестьянскаго присутствія и около 25 лѣтъ гласнымъ

коммисію, вслѣдствіе упомянутаго выше письма ея, утверждаетъ, что «высочайшій рескриптъ 1857 г. на имя генералъ-губернатора Назимова, сообщенный дворянству, возбудилъ въ нижегородскомъ дворянствѣ чувство долга заявить передъ государемъ императоромъ общее желаніе исполнить его волю—улучшить бытъ крестьянъ на тѣхъ основаніяхъ, какія его величеству угодно будетъ указать дворянству». «Едва-ли, продолжалъ онъ, можно опредѣлить, кто первый подалъ мысль о выраженіи передъ государемъ императоромъ желанія исполнить его волю. Дворянство было тогда въ собраніи, по случаю выборовъ; мнѣ кажется, эта мысль должна (была) родиться у всѣхъ дворянъ, всегда чутко относившихся къ велѣніямъ своего царя». Напротивъ, покойный А. С. Гацисскій инціативу въ рѣшеніи нижегородскаго дворянства заявить государю о желаніи освободить крестьянъ приписываетъ дворянамъ, бывшимъ въ ополченіи 1855 г. Въ біографіи одного изъ видныхъ дѣятелей крестьянской реформы въ Нижегородской губерніи, Н. И. Русинова, сторонника идеи освобожденія крестьянъ, бывшаго въ числѣ членовъ комитета по улучшенію быта крестьянъ и принадлежавшаго къ меньшинству его, сказано слѣдующее: «Возвратившись въ Нижній, собравшись въ первое, послѣ войны, дворянское собраніе, именно ополченцы, т. е. дворяне, бывшіе въ ополченіи, когда прочитали имъ рескриптъ генералъ-губернатору Назимову, 20-го ноября 1857 г., крикнули, что желаютъ не только улучшить, но и покончить навсегда съ крѣпостнымъ правомъ. Эти же ополченцы-дворяне, не давъ опомниться другимъ, тотчасъ же составили постановленіе, заставили подписать его, и избрали А. Х. Штевена, для поднесенія своего акта отреченія государю. Все это было дѣломъ чуть не минуты, и только когда наши ополченцы явились къ губернатору А. Н. Муравьеву, когда «старый революціонеръ», какъ его втихомолку тогда называли, зарыдалъ громко, когда далъ онъ Штевену курьерскую подорожную и всѣми мѣрами спѣшилъ его отправить въ Петербургъ—тогда только многіе и многіе почесали свои затылки, но было уже поздно...» [1]).

Самъ же Муравьевъ, въ своемъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому, 18-го декабря 1857 г. за № 17,890 [2]), описывая этотъ

земства. Въ настоящее время авторъ записки еще живъ, проживая въ глубокой старости въ своемъ имѣніи и пользуясь большимъ уваженіемъ. Онъ былъ дальнимъ родственникомъ автора стиховъ (Муравіады).

[1]) См. соч. А. С. Гацисскаго „Люди Нижегородскаго поволжья", изд. 1887 г. Біографія Н. И. Русинова, стр. 217.

[2]) Донесеніе это было отвѣтомъ на циркулярное письмо Ланскаго губернаторамъ отъ 10-го декабря, за № 45, въ которомъ онъ писалъ: „правительству весьма полезно знать, какое впечатлѣніе произвели распоряженія сіи (т. е. разсылка циркуляровъ Назимову и петербургскому генералъ-губернатору)

эпизодъ, сообщаетъ, что «первоначальное впечатлѣніе циркуляра, отъ 24-го ноября, заключалось въ какомъ-то общемъ недоумѣніи; дѣло было еще слишкомъ ново, никто его не ожидалъ въ такой скорости и потому не вдругъ могли съ нимъ освоиться. Вскорѣ однако же, по случаю съѣзда гг. дворянъ на выборы, обозначались два убѣжденія:— одни ясно сознавали необходимость присоединиться прямодушно къ видамъ правительства, другіе же надѣялись уклониться отъ этого, подъ какимъ-либо предлогомъ, не понимая другихъ отношеній между помѣщикомъ и крестьянами, какъ отношеній произвола. Мало-помалу однако же неосновательность такихъ сужденій должна была вовсе замолкнуть, благонамѣренныя и разумныя понятія взяли верхъ, и, когда прочитанъ былъ въ собраніи дворянъ циркуляръ вашего высокопревосходительства, отъ 8-го декабря, то троекратное ура, огласившее все собраніе, послужило единогласнымъ и конечно ничѣмъ уже неизмѣняемымъ выраженіемъ общаго мнѣнія». Въ этомъ же донесеніи Муравьевъ указываетъ и тѣхъ лицъ, которыя приняли наибольшее участіе въ рѣшеніи вопроса заявить государю о желаніи освободить крѣпостныхъ крестьянъ. Этими лицами, по мнѣнію Муравьева, были: сергачскій уѣздный предводитель дворянства капитанъ-лейтенантъ Болтинъ, впослѣдствіи губернскій предводитель, ардатовскій предводитель гвардіи-поручикъ А. Н. Карамзинъ, бывшій ардатовскій предводитель ротмистръ князь Звенигородскій, васильскій предводитель капитанъ-лейтенантъ Сущевъ, бывшій горбатовскій предводитель надворный совѣтникъ Нестеровъ и нынѣшній, коллежскій ассесоръ Стремоуховъ, нижегородскій предводитель коллежскій секретарь Остафьевъ, княгининскій предводитель штабсъ-ротмистръ Ладыженскій, лукояновскій предводитель поручикъ Потемкинъ, пензенскій вице-губернаторъ князь Гагаринъ, полковникъ баронъ Розенъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Штевенъ. Впослѣдствіи, въ донесеніи отъ 25-го декабря (№ 18,207), какъ на лицъ, сочувствовавшихъ реформѣ, Муравьевъ указалъ еще на арзамасскаго уѣзднаго предводителя В. А. Хотяинцева, брата его А. А. Хотяинцева, Н. и М. Жадовскихъ, лукояновскаго уѣзднаго предводителя М. И. Русинова, брата его Н. И. Русинова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Улыбышева и дворянина Болтина (брата губернскаго предводителя). Въ числѣ ихъ нѣкоторые дѣйствительно были ополченцами, но не мало ихъ было и въ ряду тѣхъ, которые въ этомъ вопросѣ лишь

въ разныхъ губерніяхъ, а потому я считаю нужнымъ просить васъ самымъ откровеннымъ образомъ сообщить мнѣ о томъ частнымъ письмомъ въ собственныя руки. Чтобы быть безпристрастнымъ зрителемъ и наблюдателемъ за ходомъ дѣла, вамъ не слѣдуетъ употреблять никакихъ настояній или внушеній, кромѣ тѣхъ, которыя положительно мною вамъ указаны".

шли за другими безъ особаго сочувствія къ нему. Нельзя также сказать, чтобы мысль отозваться сочувственно на призывъ государя явилась вдругъ лишь въ собраніи дворянъ 17-го декабря; несомнѣнно она была подготовлена уже. Дѣло въ томъ, что, получивъ копію съ рескриптовъ императора Александра II Назимову, бывшій въ 1857 г. губернскимъ предводителемъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Кутлубицкій разослалъ ихъ уѣзднымъ предводителямъ, предложивъ имъ послѣ конфиденціальнаго совѣщанія съ дворянами ихъ уѣздовъ, представить ему свои соображенія и подписки дворянъ, а также и отдѣльныя мнѣнія ихъ, если таковыя будутъ, въ періодъ дворянскихъ собраній, «чтобы имѣть возможность донести о нихъ министру внутреннихъ дѣлъ». Предложеніе было написано Кутлубицкимъ еще 5-го декабря и вызвало рядъ постановленій по уѣздамъ. Эти подписки дворянъ по уѣздамъ Муравьевъ просилъ доставить ему (14-го декабря № 17,699), но губернскій предводитель не счелъ удобнымъ исполнить это и 16-го декабря увѣдомилъ губернатора, что такъ какъ дворяне Нижегородской губерніи выразили готовность исполнить священную волю государя императора въ общемъ собраніи своемъ, то вмѣсто отдѣльныхъ отзывовъ гг. дворянъ онъ препроводитъ общее постановленіе дворянства. Между тѣмъ, это общее постановленіе состоялось лишь на другой день, 17-го декабря, такъ что Кутлубицкій еще не могъ говорить о постановленіи, какъ оффиціально состоявшемся, и если таковое и было, то лишь на частномъ совѣщаніи; изъ чего и надо заключить, что, при рѣшеніи вопроса 17-го декабря, онъ въ значительной степени уже былъ подготовленъ предшествующими постановленіями по уѣздамъ и частными совѣщаніями. Въ своемъ же донесеніи министру Муравьевъ пишетъ, что еще до полученія циркуляра 8-го декабря «дворяне составили особыя подписки, поуѣздно, болѣе или менѣе изъявляющія обѣщаніе скораго исполненія воли государя императора, а иные прямо выразили сочувствіе свое къ сему великому дѣлу» [1]). Такъ состоялось знаменательное постановленіе нижегородскихъ дворянъ 17-го декабря 1857 г. [2]), по поводу котораго императоръ Александръ II, въ рескриптѣ отъ 24-го декабря 1857 г., называетъ нижегородское дворянство первымъ, поспѣшившимъ воспользоваться случаемъ дать примѣръ своей готовности въ важномъ дѣлѣ улучшенія быта своихъ крестьянъ. На основаніи этихъ свидѣтельствъ трудно судить о томъ, какую роль игралъ губернаторъ Муравьевъ въ этомъ дѣлѣ. Вліяніе его въ то время врядъ-ли могло быть на столько сильно, чтобы имѣть рѣшающее значеніе. Губерн-

[1]) См. дѣло нижегородскаго военнаго губернатора, 1857 г., т. I-й и нижегородскаго уѣзднаго предводителя, 1857 г., № 352.

[2]) Въ этомъ засѣданіи участвовало 129 дворянъ.

скимъ предводителемъ въ этомъ собраніи нижегородскаго дворянства тогда былъ еще не Болтинъ, дѣйствительно принимавшій горячее участіе въ совершеніи реформы, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Кутлубицкій, на котораго Муравьевъ не могъ имѣть вліянія. Въ послѣдующемъ же ходѣ дѣла освобожденія крестьянъ вліяніе и участіе Муравьева становится болѣе замѣтнымъ.

Когда началось движеніе по освобожденію крестьянъ, многіе не сознавали еще, что конечнымъ результатомъ его это именно и будетъ; большинство думало, что все ограничится полумѣрами, улучшеніемъ лишь существующаго порядка, и только впослѣдствіи, когда намѣренія правительства сдѣлались болѣе опредѣленны, въ этомъ убѣдилось и все общество. По крайней мѣрѣ такъ, повидимому, было въ Нижегородской губерніи.

Вышеуказанный авторъ воспоминаній, членъ губернскаго комитета г. Д—въ, въ своей запискѣ, переданной имъ въ архивную коммисію, пишетъ, что «многіе изъ дворянъ и большинство народа не подозрѣвали, что дѣло идетъ къ тому, чтобы дать крестьянамъ полную свободу», считали даже, что при полномъ освобожденіи крестьянъ не обойдется безъ гибельныхъ послѣдствій. Если же реформа совершилась благополучно, то, по словамъ автора,—это произошло лишь «благодаря прирожденному русскимъ крестьянамъ добронравію и твердой рѣшимости дворянства, слѣдуя завѣту отцовъ, не останавливаться ни передъ какими жертвами, для блага своей родины. Въ это знаменательное время, продолжаетъ авторъ воспоминаній, нижегородскимъ губернаторомъ былъ А. Н. Муравьевъ, человѣкъ умный, политикъ и патріотъ; онъ обладалъ большимъ тактомъ и принималъ разумныя мѣры къ охраненію порядка въ губерніи; благодаря этому проявившіяся мѣстами поползновенія крестьянъ къ своевольству были прекращаемы во-время, безъ шума и скандаловъ». Далѣе авторъ записки приводитъ факты, подтверждающіе его мнѣніе.

На основаніи этихъ свѣдѣній можно придти къ заключенію, что, выражая въ адресѣ государю желаніе улучшить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ, многіе изъ нижегородскихъ дворянъ еще не подозрѣвали всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя будутъ логически вытекать при дальнѣйшемъ развитіи этой идеи. Въ декабрѣ 1859 г. нижегородскіе дворяне и высказали это въ проектѣ адреса государю. «Два года тому назадъ, говорится въ этомъ адресѣ, мысль о преобразованіи быта помѣщичьихъ крестьянъ, давно питаемая просвѣщенными сословіями вашего народа, воплотилась въ словѣ вашемъ, государь; она была встрѣчена Россіею съ горячимъ сочувствіемъ, пробудивъ тысячи надеждъ, и нашла себѣ первый отголосокъ въ нижегородскомъ дворянствѣ, которое въ общемъ собраніи тогда же положило принести ва-

шему величеству полную готовность исполнить вашу священную волю. Съ тѣхъ поръ, государь, не много прошло времени, но много пережито, а развитіе крестьянскаго вопроса въ редакціонныхъ коммисіяхъ представило его въ тѣхъ фазисахъ, которые дворянство не имѣло въ виду, при начертаніи имъ проектовъ положенія. Дворянство убѣдилось, что крестьяне въ преобразованіи быта своего ждутъ не половинной свободы, но полной гражданской самостоятельности, пріобрѣтенія земли въ собственность и освобожденія отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ» [1]).

Но самъ Муравьевъ, очевидно, хорошо понималъ, что́ должно быть далѣе, а потому старался, какъ говорится, сжечь корабли, отрѣзать всякое отступленіе. Съ этою цѣлью онъ употребилъ, какъ мы видѣли выше, всѣ усилія какъ можно скорѣе получить въ свои руки подписки дворянъ по уѣздамъ, какъ документальныя доказательства готовности ихъ исполнить царскую волю; на это указываетъ также и та поспѣшность, съ которой онъ постарался отправить постановленіе дворянства къ министру. Это постановленіе, состоявшееся 17-го декабря, и было въ тотъ же день доставлено губернатору въ копіи, а на другой день и подлинное. Получивъ его, Муравьевъ тогда же, 18-го декабря, за № 17,890, отослалъ по принадлежности. «По важности обстоятельствъ, писалъ онъ министру, я рѣшился отправить съ симъ донесеніемъ нарочнаго одного изъ дворянъ, принимавшихъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ, г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Штевена, который можетъ дать всѣ нужныя объясненія, какъ очевидецъ и участникъ всего происходившаго» [2]). Въ тотъ же день Муравьевъ послалъ министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому еще телеграмму, въ которой сообщалъ, что «по дѣлу объ устройствѣ крестьянъ нижегородское дворянство постановило 17-го декабря съ глубокою признательностью исполнить высочайшую

---

[1]) Въ этой редакціи адресъ, повидимому, не былъ поданъ государю; вмѣсто его было подано прошеніе государю и подробная записка министру внутреннихъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе проектъ адреса интересенъ, какъ характеристика взглядовъ дворянства на крестьянскую реформу.

[2]) Въ документахъ Нижегородской губерніи Алексѣй Христіановичъ называется Штевенъ, фамилія же Стевенъ была присвоена другой вѣтви того же рода, вышедшаго изъ Швеціи. Любопытно, что ему не удалось лично доложить государю объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ постановленіе нижегородскихъ дворянъ, вслѣдствіе причины, которая въ наше время не существуетъ, да и сама по себѣ незначительна. По выходѣ въ отставку изъ II-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, Штевенъ отпустилъ бороду; для представленія государю ему было предложено бороду сбрить, а такъ какъ онъ на это не согласился, то и представленіе не состоялось. По окончаніи реформы Штевенъ служилъ также крестьянскому дѣлу и былъ одно время предсѣдателемъ мироваго съѣзда.

волю, съ этой вѣстью посланъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Штевенъ и будетъ завтра въ Петербургѣ». Въ матеріалахъ, имѣющихся въ архивной коммисіи, есть также указаніе, что кромѣ того Муравьевъ въ 3 часа ночи съ 17-го на 18-е декабря отправилъ въ Москву еще помощника правителя своей канцеляріи Разумова съ письмами и телеграммой, такъ какъ телеграфа въ то время въ Нижнемъ еще не было. Помимо сообщенія о совершившемся фактѣ, въ этомъ донесеніи министру, Муравьевъ, по ходатайству дворянъ, просилъ Ланскаго разрѣшить ему напечатаніе послѣдняго его циркуляра, въ количествѣ 480 экземпляровъ и составленія, кромѣ губернской коммисіи, еще и уѣздныхъ комитетовъ, для предварительнаго разсмотрѣнія всѣхъ подробностей предполагаемыхъ мѣръ. Результатомъ такой поспѣшности было то, что уже 24-го декабря 1857 г. состоялся высочайшій рескриптъ нижегородскому дворянству на имя военнаго губернатора, о чемъ онъ, Муравьевъ, и увѣдомилъ губернскаго предводителя отношеніемъ отъ 1-го января 1858 г. Въ этомъ отношеніи говорится, что его императорское величество, прочитавъ съ особеннымъ удовольствіемъ сіе постановленіе, всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить дворянству приступить, посредствомъ учреждаемаго комитета, къ составленію проекта положенія по сему важному предмету, высочайше указавъ въ семъ рескриптѣ какъ порядокъ занятій комитета, такъ и главныя основанія этого положенія [1]). Копіи съ рескрипта были посланы также всѣмъ исправникамъ и становымъ приставамъ. Отсылая копіи съ рескрипта губернскому и уѣзднымъ предводителямъ дворянства, Муравьевъ просилъ ихъ и еще нѣсколькихъ дворянъ, изъ числа сочувствовавшихъ реформѣ, собраться къ 15-го января 1858 года въ Нижній-Новгородъ для совѣщанія относительно выборовъ членовъ комитета. На этомъ совѣщаніи постановлено произвести выборы въ уѣздахъ 10-го февраля, а открытіе комитета 20-го. Однако оно послѣдовало по представленію Болтина не 20-го, а 19-го февраля, въ день восшествія на престолъ государя, совершилось весьма торжественно, послѣ литургіи и молебна въ каѳедральномъ соборѣ, въ домѣ дворянскаго собранія, и открылось рѣчью А. Н. Муравьева, которую тотъ началъ указаніемъ, что событіе это совпадаетъ съ днемъ восшествія на престолъ государя, «который, какъ восходящее солнце Россіи, благо-

---

[1]) Общія основанія освобожденія крестьянъ въ рескриптѣ нижегородскому дворянству, состоящія изъ 3-хъ пунктовъ, представляютъ буквальное повтореніе того, что изложено въ рескриптѣ Назимову и с.-петербургскому генералъ-губернатору, а самый комитетъ повелѣно составить подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ 2-хъ членовъ отъ дворянъ каждаго уѣзда, владѣющихъ населенными имѣніями, и 2-хъ опытныхъ помѣщиковъ Нижегородской губерніи по назначенію губернатора.

творными лучами своими являетъ міру утреннюю зарю ея обновленія и возрожденія». Указавъ далѣе на то, что дворянство поставивъ себя выше житейскихъ расчетовъ и руководствуясь расчетами нравственнаго нашего быта, должно оградить человѣка отъ произвола и случайности и не взирать на него какъ на одну «производительную силу, подобную силѣ другихъ животныхъ», онъ заканчиваетъ приглашеніемъ «воздать человѣку то, что подобаетъ человѣку». Рѣчь была довольно туманна и высокопарна. Муравьеву отвѣчалъ нижегородскій архіепископъ Антоній, затѣмъ губернскій предводитель дворянства Н. П. Болтинъ и въ заключеніе дворянинъ В. В. Яшеровъ. Послѣдній сказалъ слѣдующее: «Глубоко проникнутые довѣріемъ возлюбленнаго монарха и облеченною насъ обязанностью, мы твердо уповаемъ, что при помощи Божіей и руководимые вашимъ превосходительствомъ, мы свято выполнимъ этотъ святой нашъ долгъ отечеству, и потомки наши съ гордостью и признательностью найдутъ въ насъ вѣрныхъ сыновъ отечества, достойныхъ имени Русскаго» [1]).

Послѣ открытія комитета послѣдовалъ обѣдъ съ тостами, а на другой день, 20-го февраля, начались занятія комитета. Передъ началомъ занятій предсѣдатель его, губернскій предводитель дворянства Болтинъ, произнесъ рѣчь, въ которой замѣтилъ, что предстоящее комитету дѣло не ново для исторіи другихъ странъ и успѣшность его всегда находилась въ зависимости отъ того, — соображались-ли дѣятели съ духомъ времени. Н. П. Болтинъ заключилъ свою рѣчь слѣдующимъ воззваніемъ къ членамъ комитета: «Взвѣсимте безпристрастно тѣ причины, слѣдствіемъ которыхъ подобный путь у другихъ народовъ былъ сопровождаемъ болѣе или менѣе печальными послѣдствіями! Для пользы насъ самихъ, для блага дѣтей нашихъ, для общаго благосостоянія нашей милой отчизны, будемъ стараться избѣгать тѣхъ ошибокъ, въ которыя впадали предшественники наши, и, пользуясь урокомъ ихъ, постараемтесь избрать такой путь къ рѣшенію этого историческаго вопроса, который-бы могъ примирить интересы помѣщиковъ съ интересами крестьянъ; для этого вооружимтесь благоразумiемъ, умѣренностью и, призвавши на помощь Всевышняго, съ сознаніемъ своего долга, приступимъ къ исполненію великаго дѣла». Здѣсь мы не будемъ входить въ подробный разборъ дѣятельности комитета и вообще хода всего дѣла по освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ въ Нижегородской губерніи, такъ какъ это пока не составляетъ нашей за-

---

[1]) Описаніе открытія комитета помѣщено въ № 8-мъ „Нижег. Губ. Вѣд.“, за 1858 г., а также имѣется въ дѣлѣ нижегородскаго военнаго губернатора.

дачи [1]); отмѣтимъ лишь, что вскорѣ-же въ средѣ комитета образовались два теченія.

Главнымъ основаніемъ задуманной правительствомъ крестьянской реформы было не только личное освобожденіе крестьянъ отъ всякой зависимости, но и обезпеченіе ихъ быта. «Помѣщикамъ сохраняется, говорилось въ рескриптѣ на имя с.-петербургскаго военнаго губернатора 5-го декабря 1857 г., право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа. Сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщиками, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику».

То же повторено буквально и въ рескриптѣ нижегородскому дворянству, но въ разъясненіи министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго съ большею опредѣленностію отмѣчено могущее быть различіе «мѣстныхъ обстоятельствъ и потребностей разныхъ уѣздовъ Нижегородской губерніи, промысловъ и занятій жителей оныхъ»; вслѣдствіе чего предоставляется дворянамъ каждаго уѣзда при выборѣ членовъ въ губернскій комитетъ имѣть «предварительныя объ этихъ обстоятельствахъ и подробностяхъ совѣщанія».

Идея освобожденія крестьянъ въ это время еще не выливалась въ опредѣленную форму: надо было уступить крестьянамъ въ собственность ихъ усадебныя осѣдлости и часть земли въ пользованіе, но на какихъ условіяхъ и въ какомъ размѣрѣ, опредѣленныхъ указаній еще не имѣлось. Этотъ вопросъ объ обезпеченіи быта крестьянъ главнымъ образомъ и раздѣлилъ, какъ членовъ комитета, такъ и все дворянство Нижегородской губерніи на двѣ партіи; различіе взглядовъ на этотъ предметъ началось съ первыхъ засѣданій комитета, продолжалось во все время ихъ занятій и закончилось составленіемъ двухъ проектовъ—одного отъ большинства, другого отъ меньшинства членовъ его. Уже во второе засѣданіе комитета, 26-го февраля 1858 г., на разсмотрѣніе была внесена записка дворянина Балахнинскаго уѣзда Я. И. Пятова, бывшаго потомъ главнымъ представителемъ и выразителемъ мнѣній большинства. Въ этой запискѣ, указавъ на мѣстныя особенности Балахнинскаго уѣзда, онъ предложилъ уступить крестьянамъ всѣ усадебныя осѣдлости безде-

[1]) Подробности объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ началу крестьянской реформы въ Нижегородской губерніи и о занятіяхъ самаго комитета, изложены также въ ст. В. И. Снѣжневскаго, напечатанной въ III т. „Дѣйствій нижегород. губерн. ученой архивной коммиссіи“.

нежно не въ собственность, а въ пользованіе, а землю въ потребномъ количествѣ отдать въ пользованіе за плату въ оброчныхъ имѣніяхъ 6%, а въ пахотныхъ—8% съ оцѣночной суммы ихъ; оцѣнку-же должны произвести сами помѣщики съ утвержденіемъ губернскаго комитета, при чемъ, въ случаѣ разногласія, она должна повѣряться на мѣстѣ членомъ комитета при участіи сосѣднихъ дворянъ-помѣщиковъ. Кромѣ того авторъ проекта допускалъ оцѣнку имѣній и по душамъ, при чемъ въ имѣніяхъ малоземельныхъ, необладающихъ особыми выгодами, предлагалъ оцѣнивать каждую ревизскую душу съ ея осѣдлостью въ 150 р., а въ имѣніяхъ многоземельныхъ въ 300 руб. Въ оцѣнку не должны были входить господскія усадьбы, фруктовые сады, оранжереи, фабрики, заводы, мельницы, рыбныя ловли, лѣса и т. под. Выкупъ усадьбъ и полевыхъ земель долженъ быть предоставленъ добровольному соглашенію крестьянъ и помѣщиковъ; отвѣтственность въ платежѣ %% должна лежать на всемъ обществѣ за круговой порукой. Обществу-же должно быть предоставлено право, по мірскимъ приговорамъ, удалять изъ попомѣщичьихъ имѣній неблагонадежныхъ плательщиковъ, лѣнивыхъ и дурной нравственности крестьянъ посредствомъ переселенія на казенныя земли или отдачей въ рекруты, усадьба же и пахотная земля отдаются обществу съ платежемъ оброка въ прежнемъ размѣрѣ; если-же крестьяне не пожелаютъ взять ихъ, то все это возвращается помѣщику, который воленъ поселить посторонняго селянина на тѣхъ-же условіяхъ. Такъ какъ со-временемъ, вслѣдствіе увеличенія населенія, цѣна земли должна возрасти, то чрезъ каждые 10 лѣтъ должна быть новая переоцѣнка. Въ заключеніи Я. И. Пятовъ говорилъ: «я знаю многихъ крестьянъ, которые не желали-бы разстаться въ вами (т. е. помѣщиками) и если-бы благонамѣренные помѣщики были вѣчны, то и крестьяне наши съ ихъ потомствомъ не желали-бы свободы, этой, по мнѣнію многихъ, дорогой для нихъ посѣтительницы, которая, конечно, останется съ ними неразлучно. Будемъ надѣяться, что при помощи Божіей, крестьяне наши съумѣютъ съ нею ужиться и образуютъ изъ себя добрыхъ поселянъ, или полезныхъ гражданъ, на разныхъ путяхъ свободной жизни. При всемъ этомъ не будемъ отвергать усердія, съ какими будутъ выполнять свои обязанности крестьяне наши и для блага нашей матушки-Россіи, не станемъ разрывать нашихъ тѣсныхъ съ ними связей на поприщѣ ихъ сельской дѣятельности. Русскій человѣкъ добръ и отъ природы уменъ, но не предпріимчивъ; онъ готовъ скорѣе подражать, чѣмъ пріобрѣтать и для того ему нуженъ примѣръ другихъ. Лучшимъ образцомъ для лучшей дѣятельности и труда всегда были сами помѣщики; крестьяне обязаны имъ за свою грамотность, за свои мастерства, ремесла и художества, большая часть этого класса людей образовалась изъ помѣщичьихъ крестьянъ, многіе капиталисты были нѣкогда помѣщичьими крестьянами. Станемъ-

же съ гордостью вспоминать о тѣхъ, изъ среды нашей, дворянахъ, которые благотворнымъ своимъ вліяніемъ осчастливили цѣлыя тысячи семействъ торговаго сословія. Присвоимъ себѣ право думать, что нѣтъ почетнѣе званія въ государствѣ, какъ званіе помѣщика, живущаго въ средѣ своихъ крестьянъ, потому-что онъ есть двигатель народной дѣятельности и душа сельской общины, безъ которой не могло-бы существовать ни одно сословіе въ государствѣ земледѣльческомъ, какова Россія».

Были и другіе проекты, но мы подробно остановились на проектѣ Пятова потому, что онъ былъ впослѣдствіи предводителемъ большинства, мнѣнія свое поддерживалъ съ чрезвычайной рѣзкостью и настойчивостью, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, вслѣдствіе чего и получилъ высочайшій выговоръ, а поддерживавшіе его остальные 12 членовъ комитета замѣчаніе.

Разногласіе между большинствомъ членовъ комитета и меньшинствомъ произошло главнымъ образомъ не въ опредѣленіи размѣра предоставляемой крестьянамъ земли, а въ способахъ надѣленія ихъ землею по вопросу о выкупѣ личной свободы и объ усадьбахъ. Что касается общественнаго положенія крестьянъ, то большинство членовъ комитета въ этомъ отношеніи держалось того, чтобы вся административная власть была передана помѣщикамъ, каждому въ своемъ имѣніи, при чемъ нѣсколько имѣній одного и того-же помѣщика, несмотря на разстояніе, могутъ соединяться въ одно; меньшинство-же, хотя и находило, что дворянство не должно въ этомъ отношеніи терять вліянія, но лица, наблюдающія за правильностью жизни въ бывшихъ имѣніяхъ, должны быть выбираемы дворянствомъ и дѣйствовать подъ контролемъ особо утвержденнаго присутствія, состоящаго изъ предводителя дворянства, судьи, исправника и «особо избраннаго крестьянами, изъ какого угодно сословія ходатая за крестьянъ». [1]) Муравьевъ отнесся къ проекту комитета, принятому по большинству голосовъ, очень сурово и подвергъ его рѣзкой критикѣ. Въ своемъ мнѣніи по поводу этого проекта отъ 19 октября 1858 г. (см. печат. брошюру, имѣющ. въ Нижегород. город. обществ. библіотекѣ) онъ говоритъ по поводу выкупа усадьбъ, что этимъ проектомъ «благая

---

[1]) Члены, подписавшіе проектъ меньшинства, были слѣдующіе: губернскій предводитель дворянства Н. П. Болтинъ, ардатовскій предводитель дворянства А. Н. Карамзинъ, членъ комитета отъ Ардатовскаго уѣзда А. Эшманъ, отъ Арзамасскаго уѣзда Е. Лагода, Васильскаго уѣзда предводитель дворянства М. Сущевъ, членъ комитета отъ Васильскаго уѣзда А. Демидовъ, членъ отъ правительства помѣщикъ Горбатовскаго уѣзда Г. Нестеровъ, членъ комитета отъ правительства помѣщикъ Нижегородскаго уѣзда И. Анненковъ, (декабристъ) и членъ комитета отъ Лукояновскаго уѣзда Н. Русиновъ.

цѣль правительства дать крестьянину возможность сдѣлаться собственникомъ, т. е. дѣйствительно осѣдлымъ, не только не достигается, но искусственно затрудняется, и какъ-бы преднамѣренно обходится»; по поводу установленія барщинъ въ 100 дней пѣшихъ и 100 дней конныхъ, онъ находитъ, что, несмотря на уменьшеніе надѣльной земли (противъ бывшей въ дѣйствительности), повинность не только не уменьшается, а увеличивается, и что «опредѣленная комитетомъ двухдневная барщина будетъ тягостнѣе трехдневной барщины при крѣпостномъ правѣ. Вотъ предполагаемое комитетомъ упроченіе осѣдлости крестьянскаго сословія въ будущемъ и улучшеніе его быта въ настоящемъ! Гдѣ тутъ ручательство за тишину и спокойствіе? Остается-ли надежда на то, чтобы горько обманутый въ ожиданіяхъ своихъ народъ былъ терпѣливымъ исполнителемъ того положенія, которое видимо ухудшаетъ его бытъ вмѣсто предполагаемаго улучшенія?» Столь-же сурово отнесся Муравьевъ къ предположеніямъ комитета относительно устройства полицейской части и участи дворовыхъ людей. «Будущее полицейское устройство крестьянскихъ обществъ, пишетъ онъ въ своемъ замѣчаніи на проектъ, обязывая каждаго владѣльца быть начальникомъ надъ обществомъ людей, пріобрѣтающихъ гражданскія права, и вмѣстѣ съ тѣмъ судьею и исполнителемъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ, подъ слабымъ, а иногда и подкупнымъ контролемъ мѣстныхъ присутствій, усилитъ лишь непріязненныя отношенія обоихъ сословій. Сомнительно, чтобы такое устройство могло быть прочно и не повело къ такимъ столкновеніямъ, предотвращеніе которыхъ сопряжено будетъ съ большими затрудненіями». Что касается до устройства быта дворовыхъ людей, то Муравьевъ находитъ, что комитетомъ «власть и произволъ господина нисколько не умѣрены; и срочно-обязанному дворовому, лишенному средствъ устраивать свою будущность, нѣтъ другой отрады, кромѣ 12-лѣтняго ожиданія лучшей участи». Вообще же, по его мнѣнію: «Комитетскимъ положеніемъ крѣпостное право уничтожается лишь въ актахъ, и оставляется, со всѣми своими послѣдствіями, на дѣлѣ». Въ заключеніе своего мнѣнія Муравьевъ пишетъ слѣдующее: «Посему я, основываясь на вышеизложенныхъ причинахъ, почитаю проектъ положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Нижегородской губерніи, подписанный всѣми членами комитета, не согласнымъ съ видами правительства». Изъ этого мнѣнія видно, что Муравьевъ радикально не сходился съ взглядами большинства комитета. Нерасположеніе его къ проекту большинства выражалось еще и въ томъ, что онъ, на сколько это представлялось возможнымъ, старался не дать ходу этому проекту. Такъ напримѣръ, когда, по окончаніи работъ комитета въ Нижегородской губерніи, нѣсколько губернаторовъ (вологодскій, казанскій, уфимскій, самарскій и оренбургскій) обратились къ нему съ

просьбой прислать для образца труды комитета, то онъ постарался отклонить присылку проекта большинства, отсылая лишь проектъ меньшинства и свое собственное мнѣніе о реформѣ крестьянскаго быта.

Въ письмѣ на имя казанскаго губернатора Козлянинова, на просьбу его о присылкѣ обоихъ проектовъ онъ пишетъ слѣдующее: «Получивъ почтеннѣйшее отношеніе вашего превосходительства за № 6769, я немедля приступилъ къ приготовленію требуемыхъ вами свѣдѣній, изъ коихъ готовыя, а именно проектъ меньшинства и мнѣніе мое на проектъ большинства при семъ приложить честь имѣю; самый-же проектъ большинства до такой степени не сообразенъ съ дѣломъ, что лучше его не показывать. Впрочемъ, если вашему превосходительству непремѣнно желательно его имѣть, то, по увѣдомленіи вашемъ, я распоряжусь списаніемъ онаго и доставленіемъ къ вамъ». Послѣ такой аттестаціи казанскій губернаторъ, поблагодаривъ Муравьева, отказался отъ полученія проекта большинства. Точно также онъ отклонилъ доставленіе проекта большинства и другимъ губернаторамъ[1]). Въ то же время Муравьевъ постарался исходайствовать, чтобы вмѣстѣ съ отсылкой въ С.-Петербургъ проекта большинства былъ посланъ проектъ меньшинства, а также и представители этого меньшинства. Губернскій предводитель дворянства Н. П. Болтинъ писалъ по этому предмету Муравьеву отъ 3-го октября 1858 г. слѣдующее: «Въ комитетѣ возникли двѣ противоположныя стороны, изъ коихъ одна трудно разставалась съ интересами прошедшаго, другая-же, напротивъ того, хорошо знакомая съ несчастнымъ положеніемъ остзейскихъ крестьянъ и не видя, безъ правъ собственности крестьянъ на земли, прочнаго залога въ будущемъ для благосостоянія нашего отечества, постоянно протестовала противъ большинства и хотя подписалась къ общему обозрѣнію съ тою цѣлію, чтобы не заводить личностей и не остановить окончанія работъ къ назначенному сроку, но отнюдь не раздѣляя убѣжденій большинства, въ особенности послѣдняго заключенія въ обзорѣ о выкупѣ правъ состоянія, рѣшилась составить свой проектъ положенія и представить его ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы я исходатайствовалъ у вашего превосходитель-

---

[1]) Съ своей стороны нѣкоторые изъ губернаторовъ названныхъ губерній — самарскій и оренбургскій — также прислали впослѣдствіи Муравьеву копіи съ журналовъ ихъ комитетовъ, которыя и приложены къ дѣлу военнаго губернатора, имѣющемуся въ нижегородской архивной коммисіи. Смоленскій губернаторъ обратился 6-го іюня 1858 г. съ просьбой сообщить ему наставленія, данныя Муравьевымъ комитету, на что тотъ отвѣтилъ, что никакихъ наставленій комитету не давалъ, кромѣ произнесенія рѣчи, напечатанной въ газетахъ. Тамбовскій-же губернаторъ просилъ его дозволить члену комитета г. Трофимову ознакомиться на мѣстѣ въ Нижнемъ съ ходомъ занятій комитета.

ства дать этому проекту дальнѣйшій ходъ». Далѣе губернскій предводитель упоминаетъ, что меньшинство желало-бы, чтобы представителемъ его въ Петербургѣ былъ А. Н. Карамзинъ. Представляя на другой день, 4-го октября, это ходатайство министру внутреннихъ дѣлъ съ поименованіемъ всѣхъ членовъ меньшинства, Муравьевъ замѣчаетъ, что «не личности руководятъ меньшинствомъ комитета составить особый проектъ, но положительное убѣжденіе, что этимъ проектомъ достигнуто будетъ дѣйствительное улучшеніе быта крестьянъ съ сохраненіемъ спокойствія въ губерніи». Желаніе меньшинства членовъ комитета и самого Муравьева было исполнено: 14-го октября 1858 г. (за № 1244) министръ увѣдомилъ, что государь разрѣшилъ представить оба проекта, а 17-го октября разрѣшено было пріѣхать въ Петербургъ, кромѣ двухъ членовъ отъ большинства, избранному меньшинствомъ А. Н. Карамзину и назначенному губернаторомъ Г. Н. Нестерову. А. Н. Карамзинъ однако не могъ принять участія въ трудахъ депутатовъ перваго приглашенія по семейнымъ обстоятельствамъ, и депутатомъ отъ меньшинства въ Петербургъ былъ впослѣдствіи тотъ-же Нестеровъ. Въ Петербургѣ во время призыва депутатовъ [1]) различіе въ ихъ взглядахъ продолжалось, но и тѣми и другими борьба велась одинаково съ мнѣніями редакціонной коммиссіи по вопросу о томъ, чтобы отвести наименьшій надѣлъ. Объ этомъ-же заботилось и нижегородское дворянство, которое въ прошеніи, поданномъ въ декабрѣ 1859 г. государю, и въ приложенной къ нему запискѣ министру, выражая свое недовольство направленіемъ редакціонныхъ коммиссій, высказало по этому предмету слѣдующее: «Изъ журналовъ редакціонныхъ коммиссій, препровождаемыхъ ко всѣмъ предводителямъ, ясно усматривается, что дѣло объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ приняло иное направленіе и окончательною цѣлью настоящаго преобразованія представляется освобожденіе крестьянъ съ выкупомъ земли въ полную ихъ собственность. Стремясь къ той-же цѣли, но имѣя въ виду: во 1-хъ, вкоренившееся въ крестьянахъ убѣжденіе, что освобожденіе съ перваго раза будетъ окончательное съ прекращеніемъ всѣхъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ, и во 2-хъ, что оставленіе обязательныхъ отношеній, по прекращеніи помѣщичьей власти, можетъ послужить поводомъ къ совершенному разрыву этихъ двухъ сословій, къ водворенію между ними враждебныхъ чувствъ, которыя едва-ли возможно будетъ изгнать,—дворяне пришли къ

[1]) Во время перваго приглашенія нижегородскими депутатами были: отъ большинства—П. Д. Стремоуховъ, впослѣдствіи избранный нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, а отъ меньшинства Г. Н. Нестеровъ, помѣщикъ Горбатовскаго уѣзда, бывшій депутатомъ по назначенію отъ правительства.

слѣдующему убѣжденію: окончательный выкупъ крестьянами предназначенныхъ имъ земель въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ журналами коммиссіи предназначено надѣлить ихъ, представляется въ настоящее время не только затруднительнымъ, но даже невозможнымъ. Самое-же вознагражденіе, назначенное помѣщикамъ за уступаемыя ими въ надѣлъ крестьянамъ земли, составляетъ никакъ не болѣе половины той суммы, которую можно получить чрезъ отдачу тѣхъ земель въ арендное содержаніе, но значительность предполагаемаго надѣла, независимо отъ устраненія возможности скораго выкупа крестьянами земель и весьма тяжелой для помѣщиковъ потери половины дохода съ большей части ихъ земель, можетъ имѣть другія весьма вредныя послѣдствія. Крестьяне, получивъ въ надѣлъ количество земли, достаточное не только для необходимаго содержанія, но даже для удовлетворенія прихотливыхъ по крестьянскому быту потребностей, по свойственной всякому человѣку, въ особенности малообразованному, наклонности къ лѣни, будутъ въ состояніи отказываться отъ всякаго предлагаемаго имъ труда, и тогда оставшаяся за надѣломъ крестьянъ въ полной собственности помѣщика земля можетъ остаться вовсе необработанною. Послѣдствія такого положенія могутъ быть ужасны; не говоря уже о громадныхъ потеряхъ помѣщиковъ, земледѣліе можетъ совершеннно упасть, въ городахъ и на рынкахъ можетъ встрѣтиться недостатокъ въ хлѣбѣ и тѣмъ можетъ затрудниться продовольствіе не только городскихъ жителей, но даже самой арміи, такъ какъ помѣщичьи хозяйства служатъ главнымъ и почти единственнымъ источникомъ снабженія хлѣбомъ всѣхъ рынковъ. Ближайшимъ средствомъ къ предупрежденію всѣхъ могущихъ произойти, при окончательномъ разрѣшеніи настоящаго вопроса, дурныхъ послѣдствій было-бы ограниченіе надѣла крестьянъ пропорціею земли, достаточной для необходимаго содержанія, но не исключающей у крестьянъ необходимости въ пріисканіи труда для возможности удовлетворенія другихъ житейскихъ потребностей, не составляющихъ коренной необходимости существованія. Въ этомъ случаѣ дворянство, не лишась возможности пріискать по добровольному найму руки для обработки остающейся въ полной его собственности земли и уступая меньшее количество земли въ надѣлъ крестьянамъ, могло бы съ меньшею для себя потерею уступить крестьянамъ землю по цѣнѣ даже гораздо низшей противъ предположенной нынѣ редакціонной коммиссіей. Ближайшая оцѣнка земель могла-бы быть произведена мѣстными коммиссіями изъ помѣщиковъ, крестьянъ и чиновниковъ отъ правительства. По внимательномъ обсужденіи этого вопроса дворяне остановились на двухдесятинной пропорціи земли на каждую ревизскую душу». Далѣе въ прошеніи приводится доказательство того, что такое именно количество земли должно пойти въ надѣлъ, чтобы дать возможность кре-

стьянамъ лишь прокормить себя и рабочій скотъ, а также указывается на необходимость немедленнаго выкупа, при посредствѣ правительства, надѣльныхъ земель. Изъ письма губернскаго предводителя Н. П. Болтина къ уѣзднымъ предводителямъ дворянства видно, что записка министру внутреннихъ дѣлъ, изъ которой приводится выше выписка, была по повелѣнію государя передана въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу для разсмотрѣнія въ свое время вмѣстѣ съ другими мнѣнія по этому дѣлу.

Такимъ образомъ изъ изложеннаго выше оказывается, что въ декабрѣ 1859 года конечною цѣлью домогательствъ нижегородскаго дворянства было надѣленіе крестьянъ минимальнымъ количествомъ земли съ цѣлью обезпечить себѣ возможность имѣть всегда достаточное количество рабочихъ рукъ для обработки земель, оставшихся въ собственности помѣщиковъ. Въ этомъ отношеніи стремленіе нижегородскихъ дворянъ нашло сочувствіе и поддержку въ депутатахъ другихъ губерній. Домогательство нижегородскаго дворянства, какъ извѣстно, полнаго успѣха не имѣло, хотя стремленія его депутатовъ и не остались совсѣмъ безслѣдными и надѣлы крестьянъ по разнымъ уѣздамъ опредѣлились отъ $3^1/_2$ до 6 дес. на душу [1]).

А. А. Савельевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) См. „Нижегородскій Листокъ“, 1897 г., № 49, а также Н Семенова, „Освобожденіе крестьянъ“ т. II стр. 77, 78.

Письмо къ редактору—П. Д. Стремоухова по поводу стихотворенія „Муравіада“.

Случайно прочелъ я въ сентябрьской книжкѣ «Русской Старины», минувшаго года, сатирическое стихотвореніе на бывшаго нижегородскаго губернатора А. Н. Муравьева, подъ названіемъ «Муравіада».

Въ заголовкѣ къ этому стихотворенію, между прочимъ, сказано, что на подлинной его рукописи, хранящейся въ архивѣ Нижегородской ученой архивной коммисіи существуетъ помѣтка рукой бывшаго предсѣдателя коммисіи А. С. Гацисскаго, что стихи написаны по наущенію Стремоухова и Лормана, какъ только прошелъ слухъ объ отозваніи Муравьева изъ Нижняго, а въ выноскѣ пояснено, что Петръ Дмитріевичъ Стремоуховъ былъ нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Въ виду сдѣланнаго на меня указанія, обращаюсь къ вамъ съ просьбою не отказать помѣстить нижеслѣдующую замѣтку.

А. Н. Муравьевъ былъ нижегородскимъ губернаторомъ въ достопамятную эпоху освобожденія крестьянъ. Въ это время я былъ нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Отношенія между нами были враждебныя. Начало такихъ отношеній лежало въ разладѣ нашихъ взглядовъ по вопросамъ, касавшимся крестьянскаго дѣла, и завязавшійся между нами, на этой почвѣ, антагонизмъ впослѣдствіи до крайности обострился. Но, оставаясь на сказанной почвѣ, антагонизмъ этотъ никогда не переходилъ въ область личностей, и уже поэтому не могло имѣть мѣста «наущеніе» мною кого-либо къ написанію какихъ бы то ни было сатиръ на Муравьева, не говоря о томъ, что всякое подобнаго рода «наущеніе», а тѣмъ болѣе въ указанный г. Гацисскимъ моментъ, то-есть «какъ только прошелъ слухъ объ отозваніи Муравьева», было бы, съ моей стороны, дѣломъ несовмѣстимымъ съ понятіемъ о достоинствѣ представителя дворянства.

Примите, и проч.

П. Стремоуховъ.

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

XVII [1]).

Возвращеніе въ Огарево.—Жизнь въ деревнѣ. — Управляющіе: одинъ воръ, другой нигилистъ. — Бриллiантъ, послужившій основаніемъ добраго дѣла — Отъѣздъ въ Петербургъ. — Паденіе бабушки Потемкиной съ подъемной машины.—Дебютъ Лавровской.—Учитель пѣнія. — Астрономъ и его лекціи.— Завтракъ во дворцѣ великаго князя Николая Николаевича. — Первый балъ у графа А. Толстого. — Б. Маркевичъ. — Концертъ. — Пятая симфонія Мендельсона.

Какъ ни хорошо мнѣ было у бабушки въ Петербургѣ, но родное гнѣздышко тянуло къ себѣ, и я написала мамà о своемъ желаніи возвратиться поскорѣй домой, въ Огарево. Бабушка также не противилась моему желанію, находя его очень естественнымъ, и вскорѣ, а именно 20-го мая, благословила меня въ путь.

Какъ радостно было, послѣ пятимѣсячнаго отсутствія, подъѣзжать къ дому и видѣть милыя, сіяющія лица всѣхъ своихъ. Сестры бѣжали навстрѣчу намъ, посылая воздушные поцѣлуи, и поровнявшись продолжали бѣжать рядомъ съ экипажемъ.

Около подъѣзда стояла цѣлая толпа все знакомыхъ лицъ нашей большой дворни, и между ними—вотъ и мамà радостная, веселая...

---

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1898 г.

Перецѣловавъ всѣхъ, я вошла въ домъ, и сестры потащили меня въ мою комнатку, которую я не узнала: такъ ее разукрасили къ моему пріѣзду. Она вся была обтянута розовымъ каленкоромъ, мебель обита хорошенькимъ розовымъ ситцемъ. Ландыши наполняли своимъ ароматомъ мою комнатку и такъ въ ней было хорошо и уютно!.. Мама съ Катенькой вошли за нами и всѣ сѣли, пока я стала разоблачать свой дорожный туалетъ, всѣ слушали мои разсказы и дѣлали вопросы безъ конца.

Жизнь наша потекла мирно, спокойно. Всѣ были заняты своими маленькими хлопотами и занятіями. Мать продолжала хозяйничать, хотя не такъ уже усердно; она утомилась за послѣдніе годы многими неудачами.

До реформы во всѣхъ отношеніяхъ было легче вести хозяйство: люди были свои и люди преданные; у нихъ былъ страхъ Божій, страхъ обидѣть своихъ господъ; не крали они, а берегли господское «пуще ока своего», ихъ же замѣстители не смотрѣли уже на господское добро, какъ на свое, поэтому не берегли его, не гордились господскимъ благосостояніемъ, а смотрѣли, какъ наемники, на хозяйское имущество съ цѣлью—какъ бы извлечь изъ него свою выгоду и при удобномъ случаѣ присвоить себѣ это чужое. Наши крѣпостные люди насъ не покинули съ объявленіемъ эмансипаціи и всѣ остались при своихъ должностяхъ: но старые бурмистры и приказчики терялись съ новыми порядками. Матери посовѣтовали взять управляющаго болѣе образованнаго и вполнѣ грамотнаго.

Одинъ изъ друзей матери рекомендовалъ какого-то господина, и мама поручила ему управленіе своимъ имѣніемъ, а сама занялась усердно опекунскими дѣлами, т. е. имѣніемъ отца нашего, дѣла котораго были запутаны и приходилось выплачивать долги, часто отлучаясь изъ Огарева. Имѣя довѣрчивый характеръ и при этомъ привыкшая къ честнымъ крѣпостнымъ людямъ, мать и къ новому управляющему отнеслась съ полнымъ довѣріемъ, въ чемъ пришлось ей раскаяться, но поздно, такъ какъ этотъ образованный управляющій забрался въ самую чащу Огаревскаго лѣса и началъ хозяйничать тамъ по своему и для себя, увѣряя, конечно, мѣстныхъ жителей, что это по приказанію княгини рубятъ лѣсъ и продаютъ его. Мы съ мамà продолжали наши прогулки въ лѣсъ на пчельникъ и, не углубляясь въ чащу не подозрѣвали, что лѣсъ рѣдѣетъ и что оставлена для нашихъ прогулокъ опушка, а середина опустошается. Какимъ-то случайнымъ образомъ кто-то донесъ объ этомъ мамà; вначалѣ она приняла это извѣстіе за клевету, но, когда объѣхала весь лѣсъ, ей пришлось убѣдиться въ правдѣ; она сама въ собственномъ своемъ лѣсѣ встрѣтила татарина-хозяина, купившаго участокъ лѣса у образованнаго управляющаго. Убытку она понесла тысячъ 20: хотѣла она пре-

дать суду этого вора, такъ какъ можно было доказать, что онъ подписался даже подъ-руку мамѣ, но ради его большой семьи сжалилась надъ нимъ и, прогнавши изъ Огарева, простила.

Образованнаго управляющаго-вора замѣстилъ нигилистъ-управляющій съ стремленіями къ тому же воровству, но слово «воровство» замѣнялось имъ другимъ—теоріей «что твое—то мое», а тѣмъ болѣе достояніе княжеское считалось имъ, болѣе чѣмъ чье-либо, достояніемъ коммуны, о которой онъ мечталъ, и можно себѣ представить, какъ подобный господинъ соблюдалъ интересы своей довѣрительницы.

Теперь обращаюсь мыслями опять къ добрымъ людямъ Огарева.

Трудолюбивая наша Катенька занималась больными, которыхъ лечила гомеопатіей, и бѣдными, узнавая ихъ нужды; она передавала матери нашей объ этомъ, а та продолжала помогать какъ могла; у мамы была копилка, стоявшая около образницы, куда она при каждой получкѣ денегъ несла вклады для своихъ бѣдныхъ.

Соня, сестра моя, занималась обученіемъ грамотѣ нѣсколькихъ дѣвочекъ, въ чемъ поощрялъ ее нашъ священникъ, который на свои средства открылъ въ селѣ школу и пожертвовалъ для этого свою баню, и занимался самъ съ мальчиками.

И такъ каждый вносилъ свою лепту въ дѣло милосердія и пользы.

Соня была самая ретивая изъ насъ трехъ: усердно занималась музыкой, съ любовью относилась къ наукамъ, къ чтенію серьезныхъ книгъ, а главная ея жажда была къ добру и правдѣ: это была маленькая Татьяна Борисовна. Она любила весь свѣтъ, хотѣла видѣть всѣхъ счастливыми и страдала за несчастныхъ и бѣдныхъ. Мнѣ казалось, что каждый кусокъ хлѣба, который она подносила ко рту, мучилъ ея совѣсть, заставлялъ думать, что не всѣ люди имѣютъ его.

И глаза ея прелестныя часто смотрѣли далеко куда-то и черноволосая головка задумчиво наклонялась на грудь... и уходила она тогда куда-нибудь въ уголокъ, садилась читать, проводя цѣлые дни за любимыми своими писателями и поэтами: Некрасовымъ, Тургеневымъ, Бѣлинскимъ. Мама, долго не видя ее говорила: «Наша Сонюшка все по угламъ»... и шутя называла ее не героиней, а героинкой.

Когда мы ѣздили въ гости, она всегда и туда тащила съ собою цѣлую библіотеку; мама ей это запрещала, такъ какъ въ гостяхъ, конечно, эти книги не читались; для нея же было это большимъ лишеніемъ оставлять дома своихъ друзей-писателей и, несмотря на любовь къ матери, ослушивалась и просила горничную потихоньку положить книги на дно сундука. Однажды, когда мы гостили у нашихъ сосѣдей, Сонѣ пришлось спать на клеенчатомъ диванѣ, подъ подушкой ея покоились книги, тщательно укрытыя отъ взоровъ матери; я съ мамой также спали въ этой комнатѣ; вдругъ ночью мы были разбужены ка-

кимъ-то шумомъ, оказалось, что это Соня скатилась съ скользкаго дивана, и когда мама, испуганная, зажгла свѣчу, предъ нами предстала слѣдующая картина: Соня сидѣла на полу, испуганная и окруженная подушкой, одѣяломъ и кучею книгъ... Это такъ было смѣшно, что я хохотала ужасно, а мама съ укоромъ воскликнула: «Сонюшка опять ты съ своими книгами»!..

Она не любила имѣть вещи лучше и красивѣе насъ. Въ моемъ отсутствіи тетя Герасимова прислала ей кольцо мужа своего съ великолѣпнымъ брильянтомъ. Когда я пріѣхала изъ Петербурга, Соня хотѣла мнѣ его подарить, я, конечно, не приняла этого великолѣпнаго подарка; тогда она сказала: «ну я подарю твоему жениху!» на что я ей отвѣтила, что если будетъ таковой, я ему не позволю принять этого брильянта. И такъ она всѣмъ его дарила и, къ ея горю, всѣ отказывались отъ ея подарка. Мама утѣшила ее, предложивъ ей купить у нея это кольцо за 700 рублей и на эти деньги сдѣлать доброе дѣло; она съ радостью приняла это предложеніе и начала думать, что бы сдѣлать съ этими деньгами? Пріѣхалъ братъ Евгеній и посовѣтовалъ устроить крестьянскій банкъ, обѣщая съ своей стороны сдѣлать взносъ въ 1.000 рублей. Устройство банка заинтересовало всѣхъ жителей Огарева; итакъ начало банка въ Огаревѣ положилъ Сонинъ брильянтъ, но къ сожалѣнію банкъ существовалъ недолго. Пока Огарево было въ рукахъ у матери все шло отлично и мирно. Катенька съ батюшкой всю душу свою вложили въ него, но когда Огарево перешло въ другія руки, крестьяне, подбиваемые мошенниками, желавшими стать во главѣ правленія, дѣлали столько непріятностей священнику и Катенькѣ, что пришлось ликвидировать дѣла.

Исторія брильянта не кончилась: когда Соня сдѣлалась невѣстой, мама подарила его Сониному жениху съ тѣмъ, чтобы онъ поднесъ его своей невѣстѣ; и такъ этотъ брильянтъ, приносившій пользу въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ добромъ дѣлѣ, которымъ не съумѣли воспользоваться огаревскіе крестьяне, вернулся опять къ своей хозяйкѣ.

Съ наступленіемъ осени меня стали опять собирать въ Петербургѣ, но мой отъѣздъ пришлось отложить на нѣкоторое время: мы получили грустную, тяжелую вѣсть о бабушкѣ Потемкиной.

Намъ писали, что она больная, хотя внѣ опасности, лежитъ не дома, а во дворцѣ великаго князя Николая Николаевича, вслѣдствіе паденія ея тамъ съ подъемной машины.

Вотъ какъ описывала это происшествіе сама бабушка.

«Это было 22-го ноября. Бракосочетаніе великой княжны Евгеніи Максимиліановны было объявлено, и великая княгиня Александра Петровна пригласила насъ отпраздновать это счастливое событіе теплой молитвой въ ея церкви. Я съ радостью поспѣшила присоединиться къ

моимъ друзьямъ, но чтобы сократить свой путь и избѣгнуть толпы, я велѣла поднять себя на подъемной машинѣ. Хотя я и знала объ опасности, ожидавшей меня. но я надѣялась, что ее избѣгу. Я была уже почти у цѣли, какъ вдругъ канатъ, посредствомъ котораго поднималась машина, лопнулъ, и я полетѣла съ самой вышины съ такой быстротой, что и представить себѣ невозможно. Я сознавала всю опасность моего положеніе и каждую секунду была готова отойти въ вѣчность. Страшный трескъ... и машина разбилась въ дребезги...

«Меня вынули оттуда совершенно разбитой, но голова моя была свѣжа, а сердце—спокойно; я чувствовала только страшную боль въ поясницѣ. Мое паденіе всѣхъ ужасно перепугало и великая княгиня Александра Петровна не пустила меня домой, а оставила у себя на шесть недѣль. Въ это время она окружила меня самымъ тщательнымъ уходомъ и, благодаря старательному лѣченію, моя боль утихла и я вернулась домой. Все мое нездоровье кончилось сильнѣйшимъ насморкомъ, который затѣмъ перешелъ въ катаральный. Это паденіе было послѣдней эпопеей въ моей жизни. Я чувствовала, что если и вернусь къ жизни, то для того только, чтобы приготовиться къ смерти. Я усердно просила Господа помочь мнѣ достойно подойти къ этой страшной и блаженной минутѣ, когда я перейду въ другой, неизвѣстный мнѣ міръ.

«Послѣ моего паденія, доктора отправляли меня за границу; но меня влекло въ Святыя Горы, гдѣ здоровый воздухъ, къ которому я такъ привыла, могъ меня вполнѣ излѣчить, да при томъ и желаніе моего мужа, чтобъ я ѣхала въ деревню—все это заставило меня забыть о чужихъ странахъ и поѣхать въ Святыя Горы. Я выѣхала изъ Петербурга въ концѣ мая и теперь вполнѣ отдыхаю и нравственно и физически, окруженная лаской и любовью моихъ близкихъ. Меня здѣсь все такъ радуетъ, что я боюсь даже слишкомъ предаваться этому счастью! Въ этомъ году было освященіе собора архіереемъ Макаріемъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій). Моя сестра, Александра пріѣхала ко мнѣ на все лѣто изъ Крыма, а съ ней ея племянникъ Гончаровъ. Мещерскій тоже пріѣхалъ на великолѣпное освященіе церкви. Мое здоровье поправляется и въ этотъ день я себя чувствовала хорошо, такъ что могла присутствовать на вторичномъ благословеніи этого святаго мѣста».

Когда бабушка переѣхала въ свой домъ, насъ извѣстили о томъ, и я поѣхала къ ней.

Весело, незамѣтно проѣхали мы съ братомъ 350 верстъ до Нижняго, а тамъ двое сутокъ въ вагонѣ до Петербурга — и вотъ я опять на Милліонной въ своихъ маленькихъ комнаткахъ на антресолѣ, окруженная лаской и баловствомъ доброй моей бабушки.

Видимой перемѣны въ ея здоровьѣ я не нашла; она была все такъ же бодра, неутомима и дѣятельна; только жаловалась на сломанную руку,

говоря, что она перестала быть ей послушной, и поблагодарила Бога, что Онъ сохранилъ ей правую руку, которая была ей еще такъ нужна!

Сожительница моя и компаніонка m-me Hertz (Герцъ), которую бабушка пригласила для меня, была родомъ изъ Лифляндіи, съ очень симпатичной наружностью, хорошо воспитанная и порядочная музыкантша; она произвела на меня съ перваго раза самое хорошее впечатлѣніе, и несмотря на то, что ей было 37 лѣтъ, а мнѣ 17, мы съ перваго вечера, проведеннаго вмѣстѣ, полюбили другъ друга, а черезъ нѣсколько дней сдѣлались друзьями.

Музыка, которую мы обѣ любили восторженно, соединила еще болѣе нашу дружбу. Играя симфоніи Бетховена, мы иногда обѣ въ одно время начинали плакать...

Когда же я веселилась, хохотала, радовалась, она была счастлива, смѣялась со мной и радовалась моимъ радостямъ.

Мы часто ѣздили съ ней въ концерты, оперы и вообще слушали очень много хорошей музыки; на другой день послѣ концерта отправлялись за нотами къ Дюфуру, брали все, что слышали наканунѣ, и, возвращаясь домой, съ жадностью разыгрывали въ четыре руки или на двухъ роялях.

Капри и Ламкинъ продолжали ходить, давать мнѣ уроки. Первый часто обѣдалъ у бабушки и много игралъ. Каждое воскресенье у насъ бывала m-elle Есипова, знаменитая піанистка; тогда она еще училась въ консерваторіи и цѣлыми часами услаждала насъ своей прекрасной игрой.

Въ эту зиму я была на дебютѣ двухъ нашихъ знаменитостей, молодыхъ артистокъ, Есиповой, участвовавшей въ концертѣ своего учителя Лешетицкаго, и Лавровской—въ роли Вани въ «Жизнь за Царя». Лавровская произвела на меня своимъ голосомъ чарующее впечатлѣніе; грудныя ноты ея были могучи, полны и, между тѣмъ, такъ симпатичны! Ни раньше, ни послѣ, ни въ Россіи, ни за границей я подобнаго контральто не слышала. Пѣла она такъ осмысленно, съ такой душой, поражая и восхищая своимъ голосомъ, своей непринужденностью и простотой. Публика приняла ее съ восторгомъ; послѣ первой же пѣсни: «Какъ мать убили», театръ загудѣлъ апплодисментами, а я сидѣла восхищенная, готовая просто прыгнуть на сцену и привѣтствовать молодую артистку!

По поводу пѣнія я разскажу слѣдующій случай. Однажды въ домѣ Татьяны Борисовны появился какой-то датчанинъ, обучающій пѣнію по цифрамъ; но главное достоинство, по его же словамъ, было въ томъ, что у него могли выучиться пѣть въ нѣсколько уроковъ л и ц а, н е и м ѣ ю щ і я г о л о с а, и за подобное удовольствіе онъ бралъ только 1 рубль

въ часъ съ каждаго ученика; еще удобнѣе и пріятнѣе было то, что всѣ должны были пѣть вмѣстѣ, т. е. хоромъ—дешево и весело. Всѣ, кому бабушка ни предлагала подобнаго учителя, съ радостью соглашались брать у него уроки. И какъ было не пожелать! Безъ труда, безъ большой траты денегъ пріобрѣтался голосъ и умѣнье имъ владѣть!.. Ученики и ученицы должны были съѣзжаться два раза въ недѣлю у бабушкѣ въ залѣ.

Я пригласила всѣхъ своихъ кузинъ и кузеновъ также пріѣзжать на эти уроки. Съ перваго же раза учителю нашему посчастливилось — съѣхалось человѣкъ 40; тутъ были дамы среднихъ лѣтъ, молодыя, старыя дѣвы, юныя дѣвицы и молодые люди.

Поставили передъ нами черную доску, на которой учитель написалъ цифры, вооружился палкой въ 2 аршина и, размѣстивъ насъ по рядамъ,—старшихъ впереди, а молодыхъ сзади, чему мы очень были рады, такъ какъ смѣхъ начиналъ насъ разбирать и мы боялись строгихъ взглядовъ старшихъ; потомъ сталъ въ уморительную позицію, объясняя намъ названіе цифръ смѣшными какими-то звуками, затянулъ первую ноту, приглашая насъ вмѣстѣ пѣть за нимъ; голосъ его былъ не изъ благозвучныхъ, но когда почтенныя дамы начали ему вторить, стараясь попасть въ тонъ и не попадая,—вышло что-то невообразимо смѣшное!.. и о ужасъ! въ рядахъ гдѣ сидѣла молодежь, послышался сдержанный хохотъ, а когда послѣдовали 2-я и 3-я ноты, тональность совершенно исчезла и вмѣсто «ré» и «mi» слышались дикіе, фальшивые звуки и вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ дружный взрывъ хохота...

Первый урокъ прошелъ болѣе въ смѣхѣ, чѣмъ въ пѣніи. Деньги, собранные съ учениковъ и ученицъ, были у m-me Hertz, и, когда всѣ разъѣхались, учитель бросился на нихъ какъ голодный звѣрь и дрожащими руками считалъ рубли, боясь, вѣроятно, что не всѣ достанутся ему; но, получивъ ихъ сполна, довольный, сіяющій раскланялся съ нами, а m-me Hertz, провожая его печальнымъ взглядомъ и нѣсколькими вздохами, тихо сказала: «pauvre homme! comme il est avide!» Уроки пѣнія продолжались недолго; съ каждымъ разомъ приходилось получать рубли все менѣе и менѣе и пришлось ему выдумать другой способъ пріобрѣтать ихъ.

Возвратясь однажды съ прогулки и принеся съ собою кипу нотъ, мы съ m-me Hertz сѣли за фортепіано разыгрывать ихъ и такъ увлеклись, что не замѣтили сзади себя слушателя. Какъ сейчасъ помню — кончили мы увертюру «Hebrides» Мендельсона и обѣ въ полномъ восторгѣ отъ этой музыки воскликнули: «Oh! que c'est beau!» Вслѣдъ за этимъ услышали сзади себя голосъ, повторившій наше восторженное замѣчаніе и, обернувшись удивленныя, мы увидѣли въ уголкѣ сидящую маленькую, некрасивую фигурку, съ большимъ кокомъ на головѣ, ко-

торая не замедлила встать и, подойдя къ намъ, представилась: «astronome D-r Pitschner, privat-docent à l'académie de Genève». Вслѣдъ за этимъ господинъ астрономъ объяснилъ намъ, что онъ пріѣхалъ въ Россію читать астрономическія лекціи, но не имѣя знакомыхъ обратился къ «son excellence m-me Potemkine», которую онъ имѣлъ счастье уже видѣть, и она обѣщала ему свою протекцію, а теперь онъ по ея приглашенію явился обѣдать. И каково? — это съ трехъ часовъ дня!... Узнали мы, что онъ будетъ вечеромъ читать у насъ объ астрономіи и привезетъ съ собой всю движущуюся солнечную систему, великолѣпно сдѣланную въ Парижѣ, и если «son excellence m-me Potemkine» заинтересуется его чтеніемъ, она обѣщала попросить принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго принять его и позволить въ его залѣ читать ему лекціи на французскомъ языкѣ.

Побесѣдовавъ съ нимъ немного, мы оставили его дожидаться обѣда, надѣясь вечеромъ услышать отъ него много интереснаго, и удалились въ свои комнаты.

Пришелъ вечеръ; собралось нѣсколько старушекъ слушать астрономическую лекцію, и Пичнеръ, разставивъ свою солнечную систему на большомъ кругломъ столѣ, гдѣ съ трудомъ онъ помѣстилъ ее, пригласилъ всѣхъ насъ слушать его. Всѣ усѣлись на нѣкоторомъ разстояніи отъ стола и съ любопытствомъ слѣдили за астрономомъ, который завелъ свою машину, и всѣ планеты запутешествовали вокругъ солнца; тогда онъ, увидя произведенный эффектъ на своихъ почтенныхъ слушательницъ, потиралъ себѣ руки съ гордостью, поправлялъ свой уморительный кокъ и наконецъ началъ свои объясненія. Старушки съ большимъ любопытствомъ смотрѣли на всѣ движущіеся міры и слушали со вниманіемъ толкованія доктора Пичнера, но когда онъ остановилъ свою машину и началъ говорить на плохомъ французскомъ языкѣ тихо, восторженно то понижая голосъ, то возвышая его, и вѣроятно отъ восторга закрывалъ свои маленькіе глазки или для того, чтобы во мракѣ лучше представлять себѣ свои звѣзды, о которыхъ онъ говорилъ, какъ влюбленный, меня и m-me Hertz онъ заразилъ своимъ восторгомъ, но милыхъ старушекъ онъ окончательно усыпилъ своею длинною монотонною рѣчью. Одна за другой онѣ клонили свои головы... и засыпали...

Но вотъ вдругъ господинъ астрономъ открылъ свои глазки и громко восторженно закричалъ: «Maintenant je vais finir, par vous expliquer ce que c'est que les Nebuleuses sont...» Всѣ вздрогнули, проснулись и, покачивая головами, дѣлали видъ, что все прослышанное очень интересно, что онѣ все слышали и ужъ никакъ не спали, такъ что Пичнеръ остался въ полномъ удовольствіи, воображая, что онъ произвелъ большой эффектъ и, вѣроятно, заранѣе видѣлъ себя въ залѣ принца Оль-

денбурскаго, на эстрадѣ, поучающимъ русское аристократическое общество...

Желаніе его не замедлило осуществиться: зала во дворцѣ принца Петра Георгіевича была ему дана и лекціи его начались, но нельзя сказать, чтобы публики было много; бѣдный Пичнеръ разсчитывалъ на большее число слушателей, но пустые стулья преобладали числомъ надъ занятыми. Я же съ m-me Hertz остались вѣрными нашему астроному и усердно посѣщали его лекціи.

Онъ, съ своей стороны, не забывалъ приходить обѣдать каждый день къ бабушкѣ Потемкиной и всегда забирался съ 3-хъ часовъ; ходитъ бывало по пустымъ гостинымъ, сложивъ по наполеоновски свои руки... Онъ, повидимому, всѣмъ надоѣлъ — никто съ нимъ никогда не заговаривалъ и часто дѣлали видъ, что его даже не замѣчали. Первые дни его прихода въ домъ мы съ m-me Hertz просто изъ состраданія приходили его занимать, когда бесѣдой, а когда играли по его просьбѣ на фортепіано, а потомъ, разговорившись съ нимъ, мы, заинтересованныя астрономіей, задавали ему вопросы касательно этой науки; онъ обрадовался, что предметъ этотъ насъ интересуетъ, сталъ приносить намъ астрономическія сочиненія, карты и объяснять намъ то, что мы не понимали и не знали, и время для него и для насъ проходило незамѣтно и пріятно. Наконецъ кончилъ онъ свои лекціи въ залѣ принца Ольденбургскаго, пришелъ день его отъѣзда и онъ явился проститься и поблагодарить, «son excellence m-me Potemkine», не забывъ при этомъ подать ей маленькій счетъ: pour une séance d'astronomie dans la sale de son excellence m-me Potemkine 10 roubles et pour 20 leçons d'astronomie avec m-elle la princesse Hélène Galitzine 100 r.

Бабушка позвала меня и спросила: «когда и какіе ты брала уроки у господина Пичнеръ?» на что я ей отвѣтила, что уроковъ я не брала и не просила его о нихъ, а что очень часто съ нимъ бесѣдовала объ астрономіи, не предполагая, что онъ будетъ считать наши разговоры за уроки.

Однажды въ воскресный день, не совсѣмъ еще проснувшись и лежа въ полудремотѣ, я услышала поспѣшные шаги по моей лѣсенкѣ и шуршанье какъ-бы шелковаго платья. Я открыла глаза и увидѣла передъ собой молоденькую бабушкину горничную съ улыбающимся лицомъ; она держала въ рукахъ красивое сиреневое шелковое платье съ длиннымъ треномъ, осторожно приподнимая его надъ поломъ.

— Татьяна Борисовна изволили приказать вамъ надѣть это платье, чтобъ ѣхать съ ними во дворецъ великаго князя Николая Николаевича къ обѣднѣ! — сказала она, показывая мнѣ красивое платье, которое принесла.

Платье это показалось мнѣ знакомымъ; да бабушка недавно на-

новились на Гагаринской набережной у освѣщеннаго подъѣзда графини Толстой.

Швейцарская была полна пріѣхавшими, и каждую секунду, пока мы съ М-me Герцъ разоблачались, дверь отворялась и впускала то дамъ въ кружевахъ, шелку и брильянтахъ, то блестящихъ офицеровъ, гремѣвшихъ шпорами и саблями, то штатскихъ, и всѣ быстро снимали шубы, быстро поднимались по лѣстницѣ, раскланиваясь съ дамами и весело разговаривая съ нѣкоторыми; у всѣхъ было написано на лицахъ оживленіе, удовольствіе, у многихъ самодовольствіе.

Къ моему ужасу я не встрѣтила ни одного знакомаго мнѣ лица!

Очутившись одна въ залѣ среди пестрой и элегантной толпы, я искала глазами знакомое лицо, но вотъ наконецъ увидѣлъ меня хозяинъ дома, графъ Толстой. Съ привѣтливой улыбкой онъ подошелъ ко мнѣ, крѣпко по-русски пожалъ мнѣ руку и повелъ къ графинѣ; она ласково посмотрѣла на меня и сказала:

— C'est votre premier bal, il faut que vous vous y amusiez, и, подозвавъ свою племянницу С. П. Бахметьеву, поручила ей представлять мнѣ кавалеровъ.

Графиня была некрасива, но сложена превосходно, и всѣ движенія ея были до такой степени мягки, женственны, а голосъ ея былъ такъ симпатиченъ и музыкаленъ, что, слушая ее, понятно было, что она вдохновляла своего мужа-поэта.

Когда читаешь лирическую поэзію графа Алексѣя Толстого, она живая встаетъ въ вашихъ глазахъ во многихъ его стихотвореніяхъ, какъ напримѣръ:

„Лишь очи печально глядѣли,
А голосъ такъ дивно звучалъ,
Какъ звонъ отдаленной свирѣли,
Какъ моря играющій валъ.
„Мнѣ станъ твой понравился тонкій,
И весь твой задумчивый видъ,
А смѣхъ твой и грустный, и звонкій
Съ тѣхъ поръ въ моемъ сердцѣ звучитъ".

Новые знакомые мои, которыхъ хозяйка бала подводила ко мнѣ представлять ихъ, смѣняли одинъ другаго.

Вальсъ не умолкалъ, и я въ упоеніи носилась съ ними по залѣ подъ нѣжные, иногда совсѣмъ умирающіе звуки извѣстнаго тогда тапера Шмидта, совершенно входя въ свою новую сферу, заражаясь веселымъ бальнымъ настроеніемъ.

Въ антрактѣ между танцами ко мнѣ подошли нѣсколько генераловъ, товарищей моего отца; узнавъ, что я дочь князя Юрія Голицына, они хотѣли со мной познакомиться и всѣ такъ симпатично говорили о своемъ старомъ товарищѣ «Юркѣ Голицынѣ», вспоминая его юношескія ша-

лости, остроты, съ любовью разсказывали мнѣ о немъ; а я слушала ихъ и, видя въ товарищахъ отца дружескую симпатію къ нему, стояла растроганная, счастливая и гордая, что мой отецъ, несмотря на десятки лѣтъ, истекшихъ съ тѣхъ поръ, какъ его не видѣли въ кругу товарищей, не былъ ими забытъ и вспоминался добрымъ словомъ. Товарищи отца особенно мнѣ показались милы, и я даже одного изъ нихъ графа Ностица навсегда окрестила въ симпатичнаго графа.

Но кто меня окончательно очаровалъ въ первый мой выѣздъ—это Б. Маркевичъ, нашъ талантливый романистъ. Онъ былъ красавецъ, и при этомъ все въ немъ было элегантно и благородно; его открытый бѣлый лобъ, пышные бѣлокурые волосы придавали его лицу что-то особенно красивое и поэтическое. Онъ также пожелалъ быть мнѣ представленнымъ.

Нѣсколько тактовъ мазурки, любимаго танца всѣхъ тѣхъ, кто умѣетъ ее хорошо танцовать, произвели волненіе между кавалерами. Они стремились къ своимъ дамамъ болѣе, чѣмъ въ остальныхъ танцахъ, такъ какъ рѣдко приходится кавалерамъ танцовать мазурку по обязанности, да и дамы, обыкновенно, оставляютъ мазурку для болѣе симпатичныхъ имъ знакомыхъ. Только на первомъ балѣ этихъ ухищреній нѣтъ; и танцуешь съ тѣмъ, кто первый пригласитъ. Моимъ кавалеромъ мазурки былъ Ка—евъ, очень некрасивый молодой человѣкъ, но разговорчивый, такъ что мазурка прошла оживленно.

За ужиномъ мой кавалеръ сдѣлался мрачнымъ и примолкъ; правда, что Маркевичъ, удостоившій меня сѣсть по другую мою сторону, разговаривалъ очень много со мной, такъ что моему кавалеру приходилось молчать, но впослѣдствіи оказалось, что были причины, которыя измѣнили его настроеніе.

Я, какъ дѣвица, пріѣхавшая изъ глуши Пензенской губерніи и воспитывавшаяся тамъ, заинтересовала его, вѣроятно, и онъ не умолкая говорилъ со мной, разспрашивая меня о нашей жизни, о деревнѣ, о народѣ и т. п., а я была въ восхищеніи, что Маркевичъ бесѣдовалъ со мной.

Итакъ, мой первый балъ удался для меня сверхъ моихъ ожиданій и всѣ мои страхи, волненія были напрасны. Я возвращалась домой въ восторгѣ, съ головой, наполненной разными пріятными впечатлѣніями, но съ сердцемъ нетронутымъ.

Проснувшись на другой день послѣ моего перваго бала, я не поняла въ первую минуту, во снѣ ли все это было или на яву, но окинувъ взоромъ комнатку, я увидѣла свое бѣлое платье измятымъ, разбросанные цвѣты по столамъ и стульямъ, котильонные значки, и сказала себѣ, что это былъ не сонъ!

Цѣлый день я ничѣмъ не могла заняться отъ наплыва новыхъ впе-

чатлѣній и ходила изъ комнаты въ комнату, прислушиваясь какъ-будто къ очень отдаленнымъ звукамъ... и звуки эти все напоминали вальсы, мазурки и т. п.

Вечеромъ я должна была ѣхать съ M-me Герцъ въ концертъ и, чтобы не опоздать, я предъ обѣдомъ пошла надѣть подходящій туалетъ; мы любили пріѣзжать къ началу концерта, чтобы прослушать все, что обѣщала программа, а въ этотъ разъ концертъ начинался съ 5-й симфоніи Мендельсона, которая меня очень интересовала и которую я должна была слышать въ первый разъ.

Входя въ залъ пѣвческой капеллы, мы услышали начало 5-й симфоніи Мендельсона. Могущественные аккорды allegro, исполненные оркестромъ, сразу унесли съ собой мою душу, и я не жила между людьми!.. Я слышала въ ней, въ этой музыкѣ борьбу, отчаяніе несчастныхъ страждущихъ душъ—и какъ бы сама ощущала всю пережитую ими земную драму и наконецъ смерть!.. Въ andante я слышала плачъ, просьбу о спасеніи, молитвы, и я не въ состояніи была болѣе удержаться — я плакала... и безъ стѣсненія утирала свои слезы, которыя текли ручьями. Милая Софья Яковлевна Веригина сидѣла около меня и не подозрѣвала о моемъ душевномъ состояніи и о причинѣ его, сама любивши музыку до страсти, ласково глядѣла на меня и, похлопавъ по плечу, сказала:

— C'est tout-à-fait son père-sensible à la beauté de la musique.

Когда же оркестръ заигралъ saltarello, мнѣ представились въ этихъ звукахъ пляска діаволовъ въ аду и ихъ торжество надъ этими несчастными душами. Не знаю, что хотѣлъ выразить въ этой симфоніи великій композиторъ, но настроеніе мое было такое, что другаго я слышать и понимать не могла.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ

офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—1878 г.г.

VII [1]).

Горный Дубнякъ.

Ночь была совсѣмъ темная, холодная и спалось неспокойно. Насъ подняли до разсвѣта; палатки были сняты, лошади и ослы навьючены; мы же, совсѣмъ готовые къ выступленію, въ ожиданіи приказаній, грѣлись у потухавшихъ костровъ. Ко мнѣ подошли четыре солдатика, — это были мои тѣлохранители, которыхъ обязанъ былъ имѣть при себѣ каждый ротный командиръ; съ этого дня и въ продолженіе всего похода они состояли при мнѣ безотлучно.

Ради шутки, солдаты подожгли во многихъ мѣстахъ солому, служившую имъ на бивакѣ подстилкой; начальство, увидѣвъ этотъ вовсе не желанный фейрверкъ, который могъ только поднять тревогу въ непріятельскомъ лагерѣ и выдать наше ночное движеніе, прилетѣло со всѣхъ сторонъ къ огню съ приказаніемъ его тушить; но тушить было поздно и невозможно, какъ невозможно было найти виновника этой глупой шутки. Бивакъ запылалъ, а въ огнѣ стали лопаться патроны, вѣроятно оброненные отступавшими турками; люди тѣшились, какъ дѣти, и радовались всякому взрыву. Впредь мы были очень осторожны въ выборѣ мѣста для костра, такъ какъ отъ лопанія патроновъ бывали случаи опаливанія лица и даже пораненія.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ май 1898 г.

Было еще темно, когда началось движеніе войскъ; впереди шла 2-ая гвардейская пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей, за ней слѣдовали полки: Измайловскій, Семеновскій и Преображенскій. Егерскій же полкъ дѣйствовалъ въ этотъ день отдѣльно подъ Телишемъ, о чемъ я буду писать далѣе. Войска шли быстро, несмотря на темноту; разговоровъ было мало, всѣ шли себѣ на умѣ. Начинало свѣтать, когда нашъ полкъ добрался до р. Вида; люди разувались, переходили рѣку въ бродъ, снова обувались и бѣгомъ догоняли ушедшія впередъ части. Эта переправа хотя и немного, но все-таки задержала наше наступленіе.

Такъ какъ въ деревнѣ Чириковѣ на р. Видѣ было приказано устроить главный перевязочный пунктъ, то надо было ему въ прикрытіе и для работъ назначить команду; очередь пала на роту изъ 2-го баталіона нашего полка. Баталіонный командиръ назначилъ для того 8-ую роту подъ начальствомъ поручика Александра Михайловича Охотникова, который, уже послѣ окончанія сраженія подъ Горнымъ Дубнякомъ, говорилъ мнѣ, что готовъ былъ продѣлать два Дубняка, чтобъ только не видѣть тѣхъ ужасовъ, которыхъ онъ насмотрѣлся на этомъ перевязочномъ пунктѣ.

Вдали, въ лѣскѣ раздалось нѣсколько выстрѣловъ; нашему воображенію представилось, что будто бы намъ придется выбивать изъ него непріятеля. Ѣхавшій намъ навстрѣчу казакъ объяснилъ, что впереди не видно непріятеля, и что это наши аванпосты только перестрѣливаются на очень дальнее разстояніе съ турецкими разъѣздами. Но вскорѣ послѣ того, впереди насъ и значительно влѣво, послышались сперва отдѣльные выстрѣлы, а за тѣмъ адская трескотня изъ ружей и орудійные выстрѣлы. Вслушиваясь внимательно въ пальбу, можно было сейчасъ же отличить турецкіе выстрѣлы отъ нашихъ; они были гораздо сильнѣе и рѣзче. Мѣстность, гдѣ происходило дѣло, была скрыта отъ насъ цѣлымъ лѣсомъ фруктовыхъ деревьевъ. Мы продолжали двигаться до тѣхъ поръ, пока не увидѣли редутъ и около него небольшое укрѣпленіе, значительно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ самый редутъ. Насъ остановили; людямъ приказано было лечь и отдохнуть, но мало кто этимъ воспользовался. Люди впились глазами въ редутъ и слѣдили за тѣмъ, что тамъ происходило, но ничего нельзя было разобрать, весь редутъ былъ въ облакахъ пороховаго дыма; вокругъ же него на возвышенностяхъ были расположены наши батареи, все время громившіе редутъ. Наша пѣхота, повидимому, атаковала маленькое укрѣпленіе, и мы видѣли, какъ турки его покидали и бѣжали въ большой редутъ. Черезъ нѣсколько времени, по направленію дымковъ уже можно было заключить, что наши забрались въ это маленькое укрѣпленіе и открыли огонь по большому редуту.

Прошло болѣе часа, картина не измѣнялась, наши люди утомились

смотрѣть и сѣли отдохнуть. Я тоже присѣлъ, прислонился спиной къ дереву, почувствовалъ себя очень утомленнымъ отъ безсонной ночи и напряженія нервовъ, и вдругъ заснулъ, несмотря на продолжающуюся трескотню, крѣпкимъ сномъ, который продолжался хотя и не долго, но все-таки меня немного освѣжилъ. Наши денщики добыли гдѣ-то въ оврагѣ воды, развели огонь и заварили для насъ чай. Мнѣ разсказывали, что солдаты, которымъ пришлось въ этотъ день долго пролежать на одномъ и томъ же мѣстѣ въ ровикахъ, въ какихъ-нибудь пятидесяти шагахъ отъ редута, спокойно ѣли сухари и засыпали отъ усталости. Вполнѣ вѣрю этимъ разсказамъ, потому что самому пришлось заснуть во время дѣла.

Всѣхъ нашихъ ротныхъ носильщиковъ отправили на поле сраженія для подбиранія раненыхъ. Наши баталіонные врачи Бубновъ и Лебедевъ порывались тоже туда, но начальство не рѣшалось ихъ отпустить, такъ какъ насъ самихъ могли ежеминутно потребовать на подкрѣпленіе, что и случилось съ Измайловскимъ полкомъ. Впереди насъ виднѣлся курганчикъ, на которомъ находился генералъ Гурко со своимъ штабомъ и съ котораго онъ могъ слѣдить за ходомъ атаки. Въ это время было получено приказаніе двинуть на подкрѣпленіе 2-ой дивизіи одинъ баталіонъ Измайловскаго полка. Измайловцы поспѣшно встали, собрались въ мигъ, перекрестились и пошли впередъ. Мы все время слѣдили за ними и думали увидѣть моментъ ихъ вступленія въ бой, но они свернули куда-то налѣво и скрылись въ кустахъ; насъ же повели впередъ, но не по направленію къ редуту, гдѣ все время продолжалось жаркое дѣло, а немного вправо отъ него. Черезъ полчаса мы были уже на Софійскомъ шоссе, по которому еще наканунѣ безнаказанно двигались турецкіе обозы.

Первая бригада 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи подъ начальствомъ его высочества принца Ольденбургскаго расположилась по обѣ стороны шоссе въ боевомъ порядкѣ, лицомъ не къ Горному Дубняку, а къ Плевнѣ. Она изображала заслонъ на тотъ случай, если бы турки вздумали сдѣлать вылазку изъ Плевны для поданія помощи Горному Дубняку. Вдали отъ насъ по дорогѣ къ Плевнѣ, а именно у другого редута—Дольнаго Дубняка, занятаго турками, слышалась тоже порядочная трескотня; это была демонстрація, устроенная нашей кавалеріей противъ этого редута. Наша бригада оказалась межъ двухъ огней: впереди насъ и позади насъ шла горячая перестрѣлка; вдали въ горахъ безостановочно гремѣли съ тою же демонстративною цѣлью наши орудія противъ плевненскихъ укрѣпленій.

Устроившись на своихъ мѣстахъ, солдаты первымъ дѣломъ начали разводить костры и варить себѣ кашицу. Намучавшись въ походѣ съ сырыми дровами, солдаты были такъ рады добраться до сухихъ теле-

графныхъ столбовъ, что въ нѣсколько минутъ ихъ какъ и не бывало; они рубили ихъ съ большимъ удовольствіемъ, приговаривая «теперь шалишь, не уйдешь изъ Плевны»; люди вполнѣ понимали значеніе нашего выхода на шоссе. Приказаніе не уничтожать телеграфные столбы, могущіе намъ самимъ пригодиться, было отдано по войскамъ уже послѣ того, какъ большая часть ихъ была снесена и сожжена.

Къ намъ подъѣхалъ одинъ осетинъ изъ кавказскихъ сотенъ; онъ имѣлъ очень обносившійся видъ и выспрашивалъ у солдатъ, нѣтъ ли у нихъ продажныхъ сапогъ. Намъ же онъ разсказалъ, что ихъ сотни вертятся здѣсь уже болѣе мѣсяца; десятки разъ они порывали телеграфныя проволоки, но турки снова приводили ихъ въ порядокъ; много разъ тревожили турецкіе транспорты, успѣли даже обноситься сапогами, а все нѣтъ никакого толка, потому что безъ пѣхоты, какъ онъ выразился, «ни чертà не подѣлаешь». Онъ разсказывалъ просто, правдиво съ сильнымъ кавказскимъ акцентомъ. Такого шляющагося народа попадалось на военномъ полѣ не мало: одинъ ищетъ что-нибудь купить, другой продаетъ или турецкую саблю, или турецкую лошадку.

Пріѣзжіе изъ-подъ Горнаго Дубняка привозили намъ самыя неутѣшительныя вѣсти. Они разсказывали, что наши войска окружили редутъ со всѣхъ сторонъ и залегли въ ровикахъ подъ самымъ редутомъ, но турки все не хотѣли сдаваться. Пальба, продолжавшаяся безостановочно въ теченіе всего дня, начала къ вечеру стихать и наконецъ вовсе прекратилась; мы не знали, чѣмъ объяснить вдругъ наставшую тишину и уже начали подумывать, не сдался ли редутъ. Стало уже совсѣмъ смеркаться; вдругъ мы услыхали, что подъ редутомъ снова открытъ огонь, который какъ-то сразу взялся съ необыкновенной силой; это былъ моментъ штурма. Немного спустя запылалъ въ редутѣ сильный огонь, пальба стала утихать; зарево разросталось и охватило редутъ со всѣхъ сторонъ. Вотъ все, что намъ было видно издали. Пожаръ въ редутѣ казался намъ вѣрнымъ признакомъ его взятія; не станутъ же турки сами себя жечь.

Прискакавшій къ намъ изъ-подъ Горнаго Дубняка съ приказаніемъ отъ генерала Рауха его ординарецъ поручикъ нашего полка Михаилъ Михайловичъ Бибиковъ, на всемъ скаку, поднявъ высоко руку, кричалъ: «ура, редутъ взятъ». У всѣхъ отлегло отъ души; люди прокричали такое «ура», которое безъ сомнѣнія было слышно въ самомъ редутѣ. Намъ было приказано тотчасъ же пододвинуться къ редуту и занять на ночь боевую позицію лицомъ къ Плевнѣ. Недоваренную кашу, недопитый чай, все побросали и зашагали такъ быстро по направленію къ Горному Дубняку, что наши полковники и адъютанты должны были все время пришпоривать своихъ лошадей, чтобъ не отстать отъ насъ. По дорогѣ мы узнали отъ поручика Бибикова о смерти нашихъ

знакомыхъ и родственниковъ, убитыхъ въ этотъ день подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ; но эти извѣстія принимались нами въ то время довольно спокойно. Наше положеніе, какъ и вообще всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ, было слишкомъ исключительное для того, чтобъ мысль могла бы долго останавливаться на этихъ извѣстіяхъ; всякій изъ насъ хотя и безсознательно, но все-таки думалъ, что если сегодня убили такихъ-то, то завтра могутъ убить и насъ.

Подойдя къ редуту, полкъ размѣстился кое-какъ въ темнотѣ въ боевой позиціи. Устроивъ своихъ людей, я пошелъ по направленію къ небольшому кургану, гдѣ свѣтились огоньки, гдѣ толпилось много народа и гдѣ происходило, повидимому, нѣчто необычайное. Среди кургана стоялъ взятый въ плѣнъ Хивзи-паша, красивый старикъ съ подстриженной сѣдой бородой и одѣтый въ костюмъ изъ желтаго верблюжьяго сукна; возлѣ него стоялъ его начальникъ штаба, маленькій черненькій турокъ, и еще докторъ, австріецъ, прекрасно говорившій по-нѣмецки; онъ служилъ переводчикомъ при допросѣ паши флигель-адъютантомъ Непокойчицкимъ, присланнымъ великимъ княземъ главнокомандующимъ для отобранія свѣдѣній о нашихъ трофеяхъ и о нашихъ потеряхъ. Паша, говорившій только по-турецки, стоялъ понуря голову и спокойно отвѣчалъ на всѣ вопросы; по его словамъ въ редутѣ было до трехъ тысячъ войска.

Тутъ же на курганѣ стоялъ молодой солдатъ Измайловскаго полка съ турецкимъ знаменемъ въ рукахъ, которое онъ захватилъ, во время боя, въ самомъ редутѣ; ему приходилось въ сотый разъ разсказывать объ обстоятельствахъ дѣла всякому, кто только его объ этомъ спрашивалъ. Всюду слышались поздравленія, лобзанія; всѣ были взволнованы и въ сильномъ нервномъ возбужденіи, рукопожатія совершались съ необыкновенной силой.

Вокругъ кургана всюду запылали костры, на которыхъ отощавшіе солдатики, весь день не ѣвшіе, варили себѣ пищу; огонь въ редутѣ догоралъ.

Видя всюду одушевленіе, большой подъемъ духа, я самъ не могъ не поддаться этому чувству; объ оборотной сторонѣ медали въ то время я не помышлялъ, тѣмъ болѣе, что темная ночь скрывала отъ меня тѣ ужасы, которые были совершены въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ меня. Но когда я узналъ о числѣ погибшихъ въ сраженіи солдатъ и офицеровъ, изъ которыхъ я многихъ зналъ, то вдругъ почувствовалъ къ нимъ большую жалость; да и понятно: обстоятельства измѣнились, дѣло кончено, я остался живъ, невредимъ, а они убиты; мои мысли стали работать спокойнѣе, человѣчнѣе, а чувство состраданія, на время окоченѣвшее, снова вернулось ко мнѣ. Мнѣ сейчасъ же вспомнилось, что наканунѣ, когда я былъ въ Егерскомъ полку, нѣкоторые изъ убитыхъ

прощались со мной такъ, какъ будто бы они предчувствовали смерть. По дорогѣ домой я все время думалъ о томъ, что мрачныя мысли, непремѣнно должны отчасти помрачать во время дѣла самосознаніе и должны приводить къ тому, что въ числѣ множества причинъ, подставляющихъ человѣка подъ пулю, такой сильный въ игрѣ козырь, какъ свѣжесть мыслей, выкинутъ изъ игры.

Говорятъ, что пуля дура, но я добавлю къ этому, что она, въ то же время, прекрасно знаетъ кого задѣть; народная мудрость уже давно постигла, что надо на Бога уповать, а самому все-таки не плошать, или: береженаго и Богъ бережетъ.

Всѣ свѣдѣнія, добытыя мною на курганѣ, были довольно отрывочныя и передавались людьми въ взволнованномъ состояніи; ничего цѣльнаго нельзя было вывести и приходилось ловить слова на лету. Никто не могъ мнѣ объяснить причину пожара въ редутѣ; говорили, что все сдѣлалось какъ то одновременно; что послѣ продолжительнаго перерыва сраженія, во время котораго, при гробовой тишинѣ, наши солдаты лежали подъ самымъ редутомъ, дремали и грызли сухари, гдѣ-то и кто то крикнулъ «ура», которое сейчасъ же было подхвачено другими; люди повыскакали изъ ровиковъ и въ облакахъ порохового дыма начали влѣзать на стѣны редута, гдѣ завязалась уже рукопашная свалка въ приклады. Шатры, разставленные въ редутѣ, начали горѣть; кто ихъ поджегъ—неизвѣстно; турки побросали оружіе, становились на колѣни и кричали: «Аллахъ, Аллахъ!» а нѣкоторые изъ нихъ стали даже креститься. Разсказывали тоже, что не легко было успокоить расходившихся солдатъ, которые, несмотря на очевидную сдачу редута, продолжали работать вправо и влѣво штыкомъ и прикладомъ.

Въ нашъ полкъ пришло приказаніе смѣнить уставшихъ въ дѣлѣ солдатъ Московскаго полка, которые недалеко отъ этого кургана карауллили цѣлую партію плѣнныхъ турокъ. Очередь пала на мою 5-ую и 6-ую роты.

Плѣнные турки сидѣли около костровъ, человѣкъ по десяти, и грѣлись. Смѣнивъ москвичей, я приказалъ окружить плѣнныхъ густою цѣпью, а самъ вошелъ въ середину и сталъ внимательно разсматривать эту пеструю толпу, такъ упорно защищавшую редутъ. Я былъ очень удивленъ, когда увидѣлъ вмѣсто однообразно одѣтыхъ солдатъ, самую разношерстную толпу всякаго сброда, въ самыхъ пестрыхъ лохмотьяхъ. Мнѣ указали группу турецкихъ офицеровъ; они сидѣли всѣ вмѣстѣ у костра и были одѣты въ строевые мундиры, по которымъ, какъ и по ихъ черномазнымъ лицамъ, ихъ почти нельзя было отличить отъ обыкновенныхъ регулярныхъ турецкихъ солдатъ. Одинъ изъ нихъ весьма плохо объяснялся по-французски; но все-таки, хотя и съ великимъ трудомъ, могъ мнѣ объяснить кой-какія подробности о пашѣ, о числѣ

офицеровъ и солдатъ, большая часть которыхъ была набрана въ Малой Азіи. Мои свободные отъ караула солдаты тоже вошли въ оцѣпленіе и сейчасъ же начали добродушно бесѣдовать съ плѣнными, прибѣгая больше къ мимикѣ, чѣмъ къ словамъ. Наши солдаты, которымъ этотъ день былъ не особенно труднымъ, не питали къ плѣннымъ никакого зла; но москвичи, которыхъ я смѣнилъ, голодные, холодные, усталые послѣ сраженія, нервно возбужденные относились къ нимъ не безъ злобы. Я припоминаю, какъ одинъ солдатикъ-москвичъ, при уходѣ, сочно плюнулъ на турокъ, проговоривъ: «Ишь окаянные, всѣхъ бы васъ сжечь, сколько надѣлали хлопотъ»; потомъ онъ повернулся и еще разъ плюнулъ. Преображенцы проводили его общимъ смѣхомъ.

Сперва шли между русскими и турецкими солдатами одни только разговоры; но потомъ, я уже сталъ замѣчать, что мои люди начали, среди разговоровъ какъ бы шутя, присваивать себѣ всякія принадлежащія туркамъ мелочи. Я сейчасъ же приказалъ отдать имъ все обратно, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ распоряженіе обыскать всѣхъ плѣнныхъ; у нихъ оказались бритвы, ножи, которые и были у нихъ отобраны. Между ними были очень тяжело раненые, но они сидѣли смирно у костровъ и терпѣли во, чисто по мусульмански, переносили страданія; у однихъ были опаленныя лица съ засохшей на нихъ кровью, у другихъ, въ особенности у одного, лицо было вздуто какъ арбузъ, у третьихъ перебиты ноги. Но болѣе всего я былъ пораженъ выносливостью одного раненаго: у него вываливалась изъ груди какая то внутренность, но несмотря на то, онъ молчалъ, терпѣлъ и грѣлъ свои руки у костра. Вспомнивъ, что я видѣлъ на курганѣ возлѣ паши нѣмца доктора, я послалъ за нимъ расторопнаго унтеръ-офицера съ конвоемъ и съ приказаніемъ тотчасъ же явиться на мой зовъ. Унтеръ-офицеръ отыскалъ его въ деревнѣ Горный Дубнякъ тутъ же подъ горкой, гдѣ помѣстили на ночь пашу, начальника штаба и доктора: ихъ стерегли наши же Преображенцы подъ начальствомъ подпоручика Сергѣя Ѳедоровича Ладыженскаго. Черезъ часъ привели ко мнѣ этого врача съ повязкой красной луны; помочь раненымъ онъ отказался, потому что всѣ перевязочныя средства сгорѣли въ редутѣ во время пожара. Докторъ прекрасно говорилъ по-нѣмецки и первымъ дѣломъ началъ восхвалять Ладыженскаго, который, по его словамъ, обращался съ нимъ хорошо и старался облегчить старику пашѣ его тяжелое положеніе.

Въ продолженіе всей ночи, никто не смыкалъ глазъ; ночь была очень свѣжая. Плѣнные безъ шинелей, которыя всѣ погорѣли въ редутѣ, зябли и не отходили отъ костровъ; турки сами себѣ приносили дрова, за которыми въ продолженіе всей ночи я ихъ посылалъ подъ конвоемъ. Срубленный сырой кустарникъ производилъ только трескъ, а толку отъ него было мало. Къ утру плѣнные сильно отощали и просили меня

дать имъ что нибудь поѣсть; офицеръ, говорившій немного по-французски, подошелъ ко мнѣ, энергично постучалъ кулакомъ по своему животу и съ ужаснымъ акцентомъ произнесъ нѣсколько разъ подъ рядъ: «манже, манже». Я не зналъ чѣмъ имъ помочь, хотя у моихъ людей и были сухари, но я не имѣлъ права ими распоряжаться. Ко мнѣ подъѣхалъ князь Церетелевъ, украшенный нѣсколькими георгіевскими крестами и состоящій въ то время по особымъ порученіямъ при генералѣ Гурко. Я просилъ князя доложить о законной просьбѣ плѣнныхъ, которыхъ въ суматохѣ совсѣмъ забыли.

Между тѣмъ по направленію къ Плевнѣ, подъ Дольнымъ Дубнякомъ началась сильная перестрѣлка. На этотъ разъ всѣ серьезно думали, что Османъ-паша дѣлаетъ изъ Плевны вылазку. Нашъ полкъ, въ числѣ другихъ, былъ тотчасъ же двинутъ впередъ для занятія боевой позиціи. Раненыхъ офицеровъ, которыхъ пріютили въ сосѣдней деревнѣ въ избахъ, начали оттуда выносить на всякій случай. Мимо насъ пронесли на носилкахъ по направленію къ редуту генерала Лаврова, генерала Эбелинга и друг. Я не зналъ, что дѣлать съ моими плѣнными, которыхъ слѣдовало бы убрать куда нибудь назадъ, подальше отъ боевой позиціи. Посланные мною солдаты съ запросомъ въ различныя мѣста съ отвѣтами не являлись. Вдали показалась группа всадниковъ, ѣхавшихъ къ намъ шагомъ. Это былъ генералъ Гурко со своей свитой. Онъ спросилъ меня о числѣ плѣнныхъ и тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе прислать взводъ драгунъ а мнѣ приказалъ, по сдачѣ плѣнныхъ драгунамъ, присоединиться къ полку.

Драгуны, смѣнивъ мою цѣпь, повели плѣнныхъ по направленію къ редуту. Изъ числа плѣнныхъ солдатъ, 19 человѣкъ остались на мѣстѣ; они не могли двигаться по причинѣ тяжелыхъ ранъ. До сихъ поръ, они незамѣтно скрывались въ общей массѣ, терпѣливо перенося боль и страданіе, но когда всѣ ушли, а они остались одни, то ужасъ и состраданіе къ нимъ охватили меня. Нѣкоторые лежали не то живые, не то мертвые; другіе встали, но были не въ состояніи двигаться. Люди съ прострѣленными ногами стояли на одной ногѣ упираясь на палку. Масульманинъ-фанатикъ умѣетъ во имя вѣры страдать какъ никто.

Черезъ часъ я ужъ былъ присоединенъ къ своему полку, и занялъ свое мѣсто въ боевой позиціи.

Плѣнный паша, какъ я уже потомъ узналъ, попалъ на перевязочный пунктъ въ Чириково, гдѣ онъ былъ сданъ подъ надзоръ поручика Охотникова, командированнаго туда съ своей ротой въ день боя у Горнаго Дубняка. Передаю здѣсь то, что мнѣ разсказывалъ самъ Охотниковъ. Паша долженъ былъ ночь провести въ палаткѣ подпоручика Андрея Ѳедоровича Ладыженскаго, субалтернъ-офицера 8-ой роты, которому поручилъ его Охотниковъ. На другое утро вбѣгаетъ въ палатку

Охотникова его фельдфебель Альдерманъ и докладываетъ, что за ночь и паша и подпоручикъ Ладыженскій изволили пропасть. Охотниковъ въ полномъ недоумѣніи и съ ужасомъ выбѣгаетъ изъ палатки на розыски пропавшихъ; но дѣло сейчасъ же разъяснилось: пашѣ показалось холодно въ палаткѣ, тогда они вмѣстѣ съ Ладыженскимъ отправились спать въ сосѣднюю деревню.

Разсказъ поручика Охотникова о перевязочномъ пунктѣ весьма интересенъ. Отдѣлясь утромъ 12-го октября отъ своего полка, онъ искалъ въ продолжаніе двухъ часовъ деревню Чириково, которая была назначена для перевязочнаго пункта. Наконецъ добравшись до нея, онъ не нашелъ ни тамъ, ни въ сосѣдней деревнѣ ни единой живой души, ни единаго признака перевязочнаго пункта и даже началъ сомнѣваться, туда ли зашелъ. Часовъ въ 9-ть утра появились въ Чириковѣ первые раненые; одни шли сами, а другихъ вели ихъ же товарищи, тоже раненые: помочь имъ было рѣшительно нечѣмъ: ни докторовъ, ни фельдшеровъ не было, всѣ они работали гдѣ то въ другомъ мѣстѣ; раненые все время просили воды, чтобы напиться и обмыть раны. Въ продолженіе всего 12-го октября, людямъ 8-ой роты приходилось носить имъ въ манеркахъ воду, а изъ сосѣдней деревни—солому для подстилки; многіе просили ѣсть. Ночью всѣ раненые зарылись отъ холоду въ грязную солому и къ утру оказались многіе умершими. Только лишь на другой день пріѣхали доктора и сестры Краснаго Креста.

Явился священникъ, отпѣлъ всѣхъ сразу умершихъ и ихъ зарыли всѣхъ вмѣстѣ въ одной могилѣ. Заготовленныхъ Краснымъ Крестомъ подводъ не хватало на перевозку раненыхъ; имъ въ помощь были присланы обозныя и ротныя повозки, оставленныя въ Беглишѣ. Поручикъ Охотниковъ говорилъ, что ему было до того тяжело смотрѣть на разныя мученія и ужасы, что онъ просилъ замѣнить его другой ротой; но его не смѣнили и вѣроятно забыли, потому что въ дни, послѣдующіе за Горнымъ Дубнякомъ, общее вниманіе было обращено не на тылъ, а на то, что могло разыграться впереди насъ.

На слѣдующій же день послѣ Горнаго Дубняка, я велѣлъ осѣдлать лошадь и поѣхалъ вмѣстѣ съ денщикомъ осмотрѣть поле сраженія и внутренность редута, бывшаго отъ насъ въ двухъ верстахъ. Подъѣзжая къ нему, я узналъ моихъ плѣнныхъ турокъ, которые рыли громадныя могилы, другіе стаскивали убитыхъ въ одно мѣсто и клали ихъ рядкомъ. Работа происходила подъ наблюденіемъ русскаго офицера и унтеръ-офицеровъ.

Не останавливаясь долго на первомъ тяжеломъ впечатлѣніи, которое я воспринялъ при видѣ стаскиванія труповъ за ноги въ кучу, я поѣхалъ далѣе въ самый редутъ. Тамъ моимъ глазамъ представилась ужасающая картина еще нетронутаго, какъ бы окоченѣвшаго поля сра-

женія; весь редутъ былъ заваленъ трупами нашихъ гвардейцевъ, турокъ, осѣдланныхъ убитыхъ лошадей, ословъ, барановъ и проч. Моя лошадь, боясь на кого нибудь наступить, съ осторожностью выбирала дорогу; всюду валялись поломанные приклады, штыки, турецкія сабли, осколки нашихъ гранатъ, безконечное количество патроновъ въ жестянкахъ, пачкахъ или же просто разбросанныхъ по землѣ вдоль стѣнъ редута, вѣроятно для скорѣйшаго заряжанія во время сильнаго огня. Насыпь внутри редута, на которой стояли наканунѣ во время дѣла четыре орудія, была разрушена, а орудія подбиты.

Глядя на убитыхъ людей, рѣзко бросалась въ глаза разница между типами сразившихся здѣсь двухъ расъ; наши гвардейцы были всѣ большаго роста, а убитыми казались еще больше; лицо у нихъ чистое красивое, бѣлокурое; обременены ношей, на сколько только можно обременить человѣка; затянуты въ мундиръ, чрезъ плечо скатанная шинель, на спинѣ, вмѣсто ранцевъ, которые были оставлены въ Беглишѣ при ротномъ обозѣ, мѣшки съ бѣльемъ и провіантомъ; съ боку мѣшокъ съ сухарями, на тесакѣ привѣшенъ котелокъ для варки пищи, на спинѣ лопата и части палатки, на поясѣ 60 патроновъ и проч. Турки же, напротивъ того, были совсѣмъ налегкѣ въ какой то разстегнутой куртѣ, всѣ маленькаго роста, черномазые, загорѣлые, безобразные. У многихъ изъ нихъ я замѣтилъ на груди штыковыя раны; слѣды рукопашнаго боя были видны на каждомъ шагу въ видѣ изуродованныхъ лицъ, разнесенныхъ череповъ и проч.; по всему редуту турки лежали вперемешку съ русскими. Мнѣ сразу бросилось въ глаза однообразное положеніе рукъ почти что у всѣхъ убитыхъ: онѣ были согнуты и въ то же время подняты выше головы.

Разобрать въ этой кашѣ и признать по измѣнившемуся лицу убитаго солдата, его имя, было бы невсегда возможно, если бы не были выданы еще до выступленія въ походъ каждому солдату по мѣдному ярлыку, на которомъ были выбиты названіе полка и нумеръ. Солдаты постоянно носили при себѣ мѣдный знакъ; это распоряженіе было хорошее и гуманное.

Внутри редута сильно пахло гарью отъ обгорѣлыхъ шалашей, въ которыхъ жили турки и которые горѣли наканунѣ; въ землянкахъ, покрытыхъ этими шалашами, я видѣлъ обгорѣлые трупы, вѣроятно уже убитыхъ, а можетъ быть только раненыхъ турокъ, спрятавшихся туда во время дѣла и не имѣвшихъ силы выползти оттуда во время пожара. Насыпи редута, каждая примѣрно около трехсотъ шаговъ длины, были разрушены; но мѣстами, можно было разглядѣть, какъ аккуратно и красиво онѣ были выведены. Впечатлѣніе, произведенное на меня этой бойней, было очень сильное; я поспѣшилъ выѣхать изъ редута въ поле и поѣхалъ осмотрѣть тѣ ровики, подъ самымъ редутомъ, въ которыхъ нака-

нунѣ наши солдаты, не рѣшаясь броситься на редутъ, залегли, во время перерыва дѣла; ровики были завалены нашими убитыми солдатами. Трудно было понять, какъ они ухитрились укрываться въ закрытіяхъ, которыя были выкопаны турками лицомъ въ поле, а не къ редуту; видно непріятельская пуля сразу выучитъ какъ примѣняться къ мѣстности.

Весь редутъ былъ обнесенъ широкимъ рвомъ, перескочить черезъ который было невозможно. Я никакъ не могъ понять, какъ можно влѣзть въ редутъ, имѣя передъ собой широкій ровъ и высокую отвѣсную стѣну; а между тѣмъ это было сдѣлано живо, благодаря отчасти сумеркамъ и облакамъ порохового дыма. Всюду по полямъ бродили маленькими группами наши солдатики, пришедшіе сюда со своихъ бивуковъ поглазѣть, можетъ и раздобыться. Всякій бралъ себѣ то, что ему нравилось; замѣчательно только то, что никто изъ нихъ не дотрогивался до мѣшковъ съ сухарями, которыхъ валялось не мало; наши солдаты еще не знали настоящаго голода, а потому и считали хлѣбъ, взятый у покойника, нечистымъ.

Въ то время, какъ я объѣзжалъ ровики, болталъ и дѣлился своими впечатлѣніями со шляющимися солдатами, мой денщикъ раздобылъ въ редутѣ два прекрасныхъ сѣдла, войлочный потникъ и чудное фланелевое одѣяло. Турки, вообще говоря, прекрасно приготовляютъ сѣдла; я обрадовался не сѣдламъ, а войлочному потнику, который былъ мнѣ такъ нуженъ для моего вновь устроеннаго вьюка. Но я не отказался и отъ сѣделъ: одно изъ нихъ пошло подъ вьюкъ, а другое я подарилъ прапорщику Сергѣю Арсеньевичу Обухову; одѣяло же оставилъ себѣ мой денщикъ.

Другіе денщики добыли нѣсколько раненыхъ турецкихъ, черкескихъ, лошадокъ, шлявшихся по полямъ вблизи редута; лошадки были очень маленькаго роста съ красивой головкой и словно точеными ногами; нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлали съ нами весь походъ, а нѣкоторыя были привезены даже въ Петербургъ и проданы за очень большія деньги. Валяющійся въ редутѣ шанцевый инструментъ навелъ многихъ на мысль послать туда команды съ цѣлью подобрать его и тѣмъ пополнить въ ротахъ потерянные и поломанные топоры, лопаты и проч. Въ виду предстоящихъ земляныхъ работъ въ Балканахъ, это пріобрѣтеніе было какъ нельзя болѣе кстати. Въ походѣ бываетъ всегда такъ: сегодня въ чемъ нибудь нуждаешься, а завтра гдѣ нибудь подерутся, смотришь и найдешь, даже съ избыткомъ, то, въ чемъ нуждался наканунѣ. Напримѣръ, какихъ большихъ трудовъ стоило мнѣ нѣсколько дней тому назадъ устроить себѣ вьючное приспособленіе; я ѣздилъ самъ по деревнямъ, давалъ сравнительно большія деньги, чтобъ добыть какой нибудь кусокъ шерстяной матеріи для потника; а теперь послѣ Горнаго Дубняка оказалось вдругъ embarras de richesses.

Послѣ большаго сраженія, всегда есть случай пріобрѣсть что нибудь интересное: ружье, лошадь, саблю и проч. Продажей занимались обыкновенно казаки и осетины, которые, находясь всегда далеко впереди пѣхоты, забирали раньше всѣхъ все, что только было достойно вниманія или другими словами, что имъ могло доставить деньги.

Наши войска окопались подъ Горнымъ Дубнякомъ лицомъ къ Плевнѣ: насъ никто не тревожилъ. Ежедневно дежурная часть, въ видѣ одного баталіона, занимала аванпосты въ виду Дольнаго Дубняка—редута, занятаго турками; баталіонъ выступалъ съ бивака обыкновенно до разсвѣта, чтобы успѣть смѣнить старую дежурную часть, и тѣмъ избѣгнуть напрасной перестрѣлки, которую непріятель обязательно открывалъ, когда смѣна происходила днемъ.

VIII.

Взятіе Телиша.—Дольный Дубнякъ.—Жизнь подъ Плевной.

По другую сторону Горнаго Дубняка въ восьми верстахъ отъ него на томъ же шоссе, находился редутъ Телишъ, подъ которымъ такъ сильно пострадалъ 12-го октября л.-гв. Егерскій полкъ. Мы очутились, послѣ взятія Горнаго Дубняка, между двумя занятыми турками редутами, Дольнымъ Дубнякомъ и Телишемъ. Генералъ Гурко рѣшилъ справиться сперва съ Телишемъ; но на этотъ разъ былъ придуманъ способъ болѣе вѣрный и менѣе кровопролитный чѣмъ тотъ, которымъ думали взять его въ первый разъ 12-го октября. Рано утромъ 16-го октября, генералъ Гурко послалъ въ Телишъ къ пашѣ пять плѣнныхъ турокъ съ предложеніемъ сдаться, обѣщая въ противномъ случаѣ начать бомбардировку. Паша отвѣтилъ отказомъ, тогда ровно въ 12 часовъ началась бомбардировка укрѣпленія сразу изъ 72-хъ орудій. Редутъ не выдержалъ этого ужаса и сдался. Его высочество принцъ Ольденбургскій привезъ къ намъ на бивакъ радостное извѣстіе о сдачѣ редута и о незначительной потерѣ, понесенной при этомъ съ нашей стороны. На его вопросъ, предложенный намъ съ сіяющимъ лицомъ: «отгадайте велики ли наши потери?», его высочество не дождался нашего отвѣта, и сейчасъ же самъ повѣдалъ намъ, что выбыло у насъ изъ строя, всего только четыре человѣка. Въ плѣнъ было взято около 3000 нижнихъ чиновъ, болѣе 100 офицеровъ и одинъ паша.

Меня интересовала судьба убитыхъ 12-го октября офицеровъ Егерскаго полка, оставленныхъ подъ стѣнами Телиша, во время безпорядочнаго отступленія 12-го октября. Оказалось, что кромѣ Кашерини-

нова и Романова, всѣ убитые офицеры были найдены, но они были всѣ нагіе, а нѣкоторые полузарыты въ землѣ; никакихъ признаковъ насилія не было на нихъ замѣтно, только они были обобраны что называется до чиста.

Бивакъ Егерскаго полка показался мнѣ маленькимъ, офицеры и солдаты бродили какъ бы растерянные. На четырехъ носилкахъ лежали рядомъ завернутыя въ простыни тѣла четырехъ найденныхъ офицеровъ; возлѣ нихъ стоялъ священникъ, въ ожиданіи панихиды. Въ числѣ найденныхъ убитыхъ былъ мой родственникъ флигель-адъютантъ полковникъ О. К. Мебесъ. Онъ былъ раненъ двумя пулями въ ногу и судя по внѣшнему виду, умеръ не сразу, а истекъ кровью. Его лицо было спокойное, глаза были совсѣмъ открыты, а самъ онъ былъ съ головы до ногъ обобранъ: всѣ кольца сняты; нашли же его въ однихъ только кальсонахъ и черномъ галстухѣ, который былъ сдернутъ на бокъ. Капитанъ Егерскаго полка, Суворовъ разсказалъ мнѣ довольно подробно о ходѣ ихъ неудачной атаки. По его словамъ, офицерамъ не было извѣстно, что полку было поручено сдѣлать только демонстрацію, чтобъ не выпустить турокъ изъ Телиша на помощь Горному Дубняку; имъ не было извѣстно, что задняя часть редута была безъ стѣны и рва. Если бы это знали, то легко возможно, что атака была бы ведена иначе и съ большею осторожностью. Утромъ людей вывели въ шинеляхъ; когда же они попали въ огонь и сдѣлалось жарко, то пришлось снимать шинели; люди скатывали ихъ подъ огнемъ, суетились, на ходу крестились. Съ самаго начала, боевой порядокъ былъ уже нарушенъ; весь полкъ сразу попалъ въ первую линію, а что еще ужаснѣе — артиллеріи во время дѣла подъ огнемъ пришлось перемѣнить мѣсто; пули сваливали артиллерійскихъ лошадей, а люди, не зная въ чемъ состояла задача, энергично лѣзли впередъ: они добѣжали почти до самаго редута, но потери были на столько велики, что полку пришлось подъ вечеръ отступить, оставивъ всѣхъ раненыхъ на полѣ сраженія, потому что непріятель преслѣдовалъ отступленіе самымъ сильнымъ огнемъ.

Возвратясь изъ Егерскаго полка на бивакъ, я былъ пріятно пораженъ, увидѣвъ нашъ ротный обозъ, который тоже выбрался на Софійское шоссе изъ Беглишскаго ущелья, а съ обозомъ пріѣхалъ и маркитантъ Львовъ.

Въ этотъ же день мнѣ удалось видѣть и даже говорить съ пашой, взятымъ въ плѣнъ въ Телишѣ. Къ нашему биваку подъѣхалъ конный конвой, сопровождавшій какихъ-то конныхъ турокъ, и просилъ указать ближайшую дорогу въ главную квартиру великаго князя. Оказалось, что конвой сопровождалъ плѣннаго Хаки-пашу съ его штабомъ. Я живо сѣлъ на лошадь, догналъ эту кавалькаду и проболталъ съ пашой по крайней мѣрѣ минутъ десять. Онъ былъ человѣкъ не старый и должно быть весе-

лаго характера, болталъ со мной очень охотно по-французски и все время улыбался.

Онъ ѣхалъ на маленькой очень породистой лошадкѣ; одной рукой держалъ поводья, а другая была засунута за бортъ пальто. Лошадка двигалась до того быстро иноходью, что нашимъ кавалеристамъ приходилось догонять ее рысью. Между прочимъ, паша разсказалъ мнѣ, что въ день атаки Егерскаго полка, у него выбыло изъ строя только 300 человѣкъ. За нимъ ѣхали нагруженныя его имуществомъ телѣги, а около нихъ бѣжала рысцой его прислуга. Мнѣ разсказывали, что паша первымъ дѣломъ просилъ оставить при немъ все его имущество, между которымъ, нашли много турецкихъ бумажныхъ денегъ, шитье съ мундира Егерскаго офицера и серебряную чарку пропавшаго безъ вѣсти офицера Романова.

За пашой слѣдовали четыре плѣнныхъ врача съ повязкой красной луны; изъ нихъ трое были англичане, а одинъ французъ.

На другой день 18-го октября рано утромъ, нестройные звуки похороннаго марша заставили меня выскочить изъ палатки; я сѣлъ на коня и поѣхалъ по тому направленію, гдѣ играла музыка. Это были похороны четырехъ найденныхъ подъ Телишемъ егерскихъ офицеровъ. Ихъ несли гуськомъ на носилкахъ; ихъ тѣла были завернуты въ простыни, и у каждаго на груди, на простынѣ же, былъ наскоро нашитъ крестъ изъ георгіевскихъ лентъ. Похоронили ихъ всѣхъ вмѣстѣ рядомъ въ одной общей могилѣ, вырытой въ оврагѣ возлѣ деревни; въ могилу былъ воткнутъ деревянный крестъ. Тѣло полковника Мебеса было вырыто нѣсколько дней спустя его племянникомъ, который, по просьбѣ вдовы покойнаго, долженъ былъ доставить его въ Петербургъ. Для того же, чтобъ вдова не могла сомнѣваться, что привезено тѣло дѣйствительно ея мужа, а не чье нибудь другое, я какъ родственникъ попалъ въ свидѣтели. Солдаты начали разрывать могилу, но по ошибкѣ вынули изъ могилы тѣло другаго офицера; въ сыромъ черноземѣ было трудно разглядѣть лица покойниковъ. Могила была снова засыпана, и снова криво былъ въ нее воткнутъ убогій крестъ.

У многихъ присутствующихъ на похоронахъ егерскихъ офицеровъ были прострѣленныя фуражки, погоны, пальто. На одномъ пальто я сосчиталъ болѣе десяти дыръ; онѣ привели меня въ полное недоумѣніе, но дѣло объяснилось очень просто: одна пуля прошибла насквозь скатанное чрезъ плечо пальто. Интересны были разсказы егерей о счастливыхъ пуляхъ, которыя, уже на излетѣ, ударялись о металлическіе и другіе предметы, не причиняя никакого вреда. Вспоминаю три разсказа: въ одномъ упоминалось о часахъ, въ другомъ о портупейной бляхѣ, а въ третьемъ о скатанной шинели; солдаты передавали довольно картинно о впечатлѣніи, получаемомъ при ударѣ такой пули; они выражались такъ: «Точно тебя кто съѣздилъ полѣномъ».

Въ ночь съ 20-го на 21-е октября нашему 2-му баталіону пришлось стоять на аванпостахъ передъ Дольнымъ Дубнякомъ; 6-я и 7-я роты были въ цѣпи, а 5-я и 8-я—во второй линіи. Къ нашему главному караулу, гдѣ находился командиръ 2-го баталіона полковникъ Евреиновъ, подъѣхало нѣсколько жандармовъ съ четырьмя плѣнными турками и вмѣстѣ съ тѣмъ съ приказаніемъ отъ генерала Гурко—пропустить ихъ чрезъ цѣпь въ Плевно. Турки были снабжены письмомъ отъ генерала Гурко къ Осману-пашѣ, въ которомъ онъ предлагалъ ему условія сдачи Плевно. Нашъ полковникъ указалъ имъ дорогу и сказалъ: «Хайдѣ» т. е. идите; но турки медлили, сперва о чемъ-то задумались, а потомъ заговорили всѣ сразу. По ихъ интеллигентнымъ лицамъ можно было замѣтить, что они чѣмъ-то озабочены; кто-то изъ фельдфебелей заявилъ, что у него въ ротѣ есть касимовскій татаринъ, который «по ихнему разумѣетъ». Явился татаринъ; немного поболтавъ съ плѣнными, онъ доложилъ полковнику, что они боятся идти въ турецкій лагерь по той причинѣ, что турки могутъ ихъ не узнать и пожалуй начнутъ по нимъ стрѣлять. Нерѣшительность эта была, впрочемъ, не продолжительная, соблазнъ отдѣлаться отъ плѣна былъ такъ великъ, что они съумѣли побороть въ себѣ боязнь и двинулись по направленію къ Дольному Дубняку. Мы слѣдили за ними до тѣхъ поръ, пока они не скрылись изъ глазъ; выстрѣловъ не было слышно, значитъ, они добрались благополучно.

Лишь только начало смеркаться, въ турецкомъ лагерѣ раздались обычные сигналы, призывающіе солдатъ на перекличку и молитву. Довольно ясно можно было слышать ихъ крики въ честь Аллаха и во здравіе султана, а затѣмъ зажглись костры, но вмѣстѣ съ тѣмъ начался какой-то, особенно сильный гудежъ, который къ ночи совсѣмъ затихъ; мы были увѣрены, что непріятельскій лагерь погрузился въ сонъ

Въ продолженіе всего похода, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда находились въ очень близкомъ разстояніи отъ непріятеля, мы были всегда болѣе или менѣе спокойны по ночамъ; турки не любили тревожить въ это время ни себя, ни насъ; это было не въ ихъ характерѣ.

На аванпостахъ, конечно не въ цѣпи, а только во второй линіи, у насъ всегда горѣли по ночамъ костры, около которыхъ въ полной готовности почивали наши солдатики.

Въ эту ночь одному нашему молодому офицеру 6-й роты подпоручику Хоментовскому пришлось, благодаря его собственной неосторожности, провести un mauvais quart d'heure. Обходя въ темнотѣ и въ туманѣ свою цѣпь, онъ заплуталъ и попалъ къ нашимъ гвардейскимъ стрѣлкамъ, которые тоже были на аванпостахъ лѣвѣе насъ; тамъ онъ просидѣлъ всю ночь и только на разсвѣтѣ добрался до своей роты. Скрыть этотъ печальный эпизодъ было невозможно, весь баталіонъ

зналъ, что ночью пропалъ у насъ одинъ офицеръ. Подпоручикъ былъ очень сконфуженъ и видимо боялся отвѣтственности, тѣмъ болѣе, что начальникъ цѣпи полковникъ нашего полка, Владиміръ Васильевичъ Пенскій, уже зналъ объ его отлучкѣ. Вслѣдствіе общей радости, охватившей всѣхъ при извѣстіи объ отступленіи въ эту ночь турокъ изъ Дольнаго Дубняка, объ этомъ эпизодѣ только поговорили, тѣмъ дѣло и кончилось.

Турецкіе костры горѣли ярко до самаго утра; но когда разсвѣло, тогда мы замѣтили, что редутъ какъ будто опустѣлъ: обыденнаго движенія и жизни не было въ немъ видно, а передовые посты были брошены. Тотчасъ же нашлись охотники изъ стрѣлковаго баталіона, вызвавшіеся пробраться въ Дольный Дубнякъ и убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли непріятель покинулъ редутъ, или только притворился гдѣнибудь за деревней въ оврагахъ. Охотники пошли цѣпью и дошли до самаго редута и скрылись отъ насъ деревнѣ Дольный Дубнякъ, вѣроятно разыскивая тамъ хлѣбца, винца и проч. Черезъ нѣсколько часовъ было уже извѣстно всему отряду, что редутъ покинутъ непріятелемъ, который отступилъ въ Плевно. У всѣхъ полегчало на душѣ, тѣмъ болѣе, что всѣмъ было извѣстно желаніе генерала Гурко предпринять на другой же день, 22-го октября, рѣшительныя мѣры противъ этого редута. Благоразумный паша, вѣроятно опасаясь получить артиллерійское угощеніе вродѣ Телиша, заблагоразсудилъ по-добру, по-здорову убраться въ Плевно.

Весь нашъ отрядъ, на подобіе прорвавшейся плотины, двинулся впередъ къ Дольному Дубняку, гдѣ было настроено нѣсколько укрѣпленій. Всюду въ канавахъ близъ редута валялись тѣла убитыхъ турокъ; непріятель не считалъ нужнымъ ихъ зарывать и жилъ среди этой заразы. Мы прошли насквозь всю деревню и, выйдя въ поле верстахъ въ двухъ отъ нея, раскинули бивакъ.

Гвардейскій маркитантъ Львовъ, узнавъ, что всѣ три пункта на Софійскомъ шоссе совсѣмъ очищены, подвезъ къ Дольному Дубняку свой обозъ и открылъ ресторанъ. Офицеры наводняли его шатеръ, а нѣкоторые юнцы, на которыхъ эта обстановка повѣяла трактирной петербургской жизнью, до того увлекались чревоугодіемъ, что даже требовали мороженнаго, котораго конечно не было.

Съ уходомъ турокъ изъ Дольнаго Дубняка, кончились всѣ наши тревоги, которыя испытывали отъ постоянной непосредственной близости къ непріятелю въ продолженіе десяти дней. Съ этого дня мы могли считать себя звеномъ того кольца, которое стягивало Плевно. Жизнь наша подъ Плевной потекла однообразно; люди были заняты аванпостами и саперными работами, для артиллеріи выводились батареи съ ходами и погребами для снарядовъ, а для пѣхоты рыли длинные ровики, въ которыхъ могла бы помѣститься вся рота. Нельзя было не любо-

ваться во время работъ дивнымъ черноземомъ Болгаріи; сколько бы ни рыли, не могли добраться до глины, а земля была до того черна, что всѣ вновь вырытыя укрѣпленія виднѣлись издалека. Для того же, чтобъ скрыть отъ непріятеля лишнюю цѣль, мы покрывали землю пожелтѣвшею зеленью кукурузы. Всѣмъ ротамъ были указаны пункты, къ которымъ онѣ должны были стремиться на случай тревоги. Нашъ полковой командиръ князь Оболенскій собралъ однажды всѣхъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, верхами на самыхъ разношерстныхъ лошадкахъ, повелъ насъ на боевую позицію и указалъ каждой ротѣ предназначенное для нея закрытіе. Поѣздка была веселая, мы вынесли то убѣжденіе, что Османъ-пашѣ не поздоровится, если онъ только вздумаетъ попробовать счастія въ этомъ направленіи. Впереди нашихъ укрѣпленій, были громадныя поля неубранной кукурузы, которая могла бы облегчить непріятелю подходъ къ нашей позиціи; кукурузу надо было, во что бы то ни стало, уничтожить. Для этого назначались команды: люди становились въ одну шеренгу, другъ отъ друга шага на три, вооружались тесаками и, по общей командѣ, начинали ими размахивать по сторонамъ; этимъ способомъ всѣ поля передъ укрѣпленной позиціей были оголены. Для людей это былъ настоящій праздникъ и нѣкоторые сначала до того горячились, что даже задѣвали сосѣдей по ногамъ.

Ночи были очень холодныя; мы начали подумывать о землянкахъ, но не о тѣхъ маленькихъ, которыя мы себѣ рыли въ началѣ похода, а о настоящихъ, глубокихъ землянкахъ, въ которыхъ можно было бы провести зимніе мѣсяцы. Первая землянка появилась у графа Г. Г. Стенбока, и мы отправились смотрѣть ее. Глубокая четырехъ-угольная яма была покрыта палаткой и обложена вокругъ дерномъ; по землянымъ ступенькамъ можно было сойти внизъ, гдѣ было устроено нѣчто въ родѣ комнаты съ кроватью, походною мебелью, чемоданами и проч.; въ одной изъ стѣнъ былъ устроенъ каминъ съ выходной трубой, сложенной изъ длинныхъ каменныхъ плитъ, добытыхъ съ турецкаго кладбища, гдѣ эти плиты, вкопанныя стоймя въ землю, изображали надгробные памятники. Яма имѣла жилой видъ, каминъ топился, а графъ, чувствуя себя въ тотъ день не совсѣмъ хорошо, лежалъ въ постели и принималъ товарищей, пришедшихъ навѣстить больнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и посмотрѣть, какъ онъ устроился въ землѣ.

По вечерамъ, чтобъ было веселѣй, музыкантскій хоръ игралъ на бивакѣ разныя піесы и марши; затѣмъ игралась зоря и молитва «Коль славенъ». Стройность хора значительно пострадала за время похода, инструменты пришли въ ужасный видъ; да могло ли быть иначе, когда въ большихъ басахъ носили воду, а длинными фаготами подпирали палатки. Въ другихъ полкахъ, музыкантскіе хоры пришли еще въ бо́льшій упадокъ. Къ тому же въ день штурма Горнаго Дубняка, про музыкан-

товъ забыли, ихъ зачѣмъ-то потащили вмѣстѣ съ другими въ самый горячій огонь; пользы отъ нихъ не было, а къ вечеру недочетъ въ хорошихъ музыкантахъ былъ большой. Какъ-то разъ я вздумалъ съѣздить къ знакомому на бивакъ л.-гв. Гренадерскаго полка. Проѣзжая мимо небольшого кружка полковыхъ музыкантовъ, я остановился, чтобъ послушать ихъ игру. Ко мнѣ подошелъ командиръ полка полковникъ Любовицкій и прослушалъ вмѣстѣ со мной одну пьесу. Музыка, по своему плохому строю, живо напоминала мнѣ балаганы на Царицыномъ лугу; слышался недостатокъ въ первыхъ голосахъ. Зная, что я музыкантъ и вполнѣ пойму его музыкальное горе, полковникъ разсказалъ мнѣ, что въ день Горнаго Дубняка, онъ совсѣмъ забылъ сдѣлать распоряженіе о пестрой командѣ, которую, по настоящему, вовсе и не слѣдовало пускать въ дѣло. Въ этотъ день были убиты нѣсколько изъ его лучшихъ солистовъ.

Я любилъ ходить на аванпосты; тамъ было гораздо интереснѣе чѣмъ на бивакѣ. Въ то время турки начали строить редутъ на правомъ совсѣмъ отвѣсномъ берегу р. Вида, на самой высотѣ горы, примѣрно въ одной верстѣ отъ насъ. Въ подзорную трубу, которая была всегда при мнѣ и которая доставила мнѣ много удовольствія въ походѣ, можно было разглядѣть не только что каждаго отдѣльнаго человѣка, но можно было даже отличить турокъ отъ работавшихъ братушекъ, которые, вѣроятно, изъ-подъ палки, должны были имъ помогать. Я устроилъ себѣ обсерваціонный пунктъ: составивъ три ружья и положивъ на нихъ трубу, цѣлыми часами слѣдилъ за ходомъ работъ въ редутѣ. Наша артиллерія, стоявшая въ горахъ правѣе отъ насъ, не давала туркамъ покоя. Лишь только они начнутъ работать, сейчасъ же посылался имъ залпъ изъ орудій, которыя до того пристрѣлялись, что рѣдкій выстрѣлъ не попадалъ въ самый редутъ или въ его земляной валъ. На валу стоялъ обыкновенно часовой, который давалъ имъ знать, какъ только показывались огоньки изъ нашихъ орудій. Тогда всѣ работавшіе, въ ожиданіи прилета гранаты, сразу бросались на землю и прижимались къ ней; чрезъ нѣсколько секундъ послѣ того, прилетѣвшій снарядъ засыпалъ ихъ всѣхъ землей, а затѣмъ они тотчасъ же подымались и снова продолжали работу.

На наши орудійные залпы со стороны турокъ отвѣта не было. За ночь ихъ работа очень подвинулась и я увидѣлъ въ свою трубу, что число работающихъ въ редутѣ увеличилось. Съ утра наша артиллерія молчала, а турки забыли о ней и думать и всецѣло предались работѣ: одни рыли землю, другіе таскали дернъ.

Аванпостамъ было передано приказаніе никого не выпускать изъ Плевно, даже братушекъ, желавшихъ по какой-либо причинѣ ее покинуть. Мѣра эта была жестокая относительно тѣхъ, кто желалъ спастись

отъ голода, но въ принципѣ она была цѣлесообразна, ибо чѣмъ болѣе останется въ Плевнѣ народу, тѣмъ скорѣй истощатся запасы, и тѣмъ скорѣй она сдастся.

Въ тотъ день, когда мы стояли ва аванпостахъ, къ нашей цѣпи приблизилось цѣлое семейство болгаръ, состоящее изъ отца, матери, и шестерыхъ дѣтей; хотя имъ было объяснено, чтобъ они отправлялись обратно, но болгары не трогались съ мѣста и говорили, что имъ все равно гдѣ умирать съ голоду, тутъ или въ Плевнѣ. Начальникъ цѣпи прислалъ ихъ въ главный караулъ, который въ свою очередь отправилъ ихъ при запискѣ на нашъ полковой бивакъ къ командиру полка. Если бы это былъ отдѣльный болгаринъ, то его ни за что не пропустила бы цѣпь; но это голодное семейство было достойно жалости: дѣти были полунагія, голодныя, а отецъ объяснялъ, что онъ ведетъ свое семейство къ роднымъ въ деревню, потому что въ Плевнѣ нечего ѣсть. Уже потомъ мнѣ разсказали, что командиръ полка князь Оболенскій, при видѣ ихъ дѣйствительно жалкаго положенія, позволилъ имъ идти куда хотятъ, но только чтобъ они скорѣй скрылись изъ виду; князь взялъ на себя отвѣтъ въ своемъ человѣколюбивомъ поступкѣ. Этотъ болгаринъ сообщилъ намъ весьма пріятныя вѣсти: во-первыхъ, что у турокъ хватитъ провіанта только до Николы (6-го декабря), а во-вторыхъ, что они бѣдствуютъ отъ недостатка снарядовъ, почему и не отвѣчаютъ на ежедневныя угощенія, посылаемыя имъ съ нашихъ батарей.

Всѣ свѣдѣнія, добываемыя у болгаръ, въ общемъ, были всегда правдивыя, хотя и не очень точныя. Перебѣгая съ необыкновенною легкостью и быстротой съ мѣста на мѣсто и имѣя вездѣ знакомыхъ, они все знали про турокъ и охотно передавали намъ о нихъ извѣстія. Болгаринъ не сидитъ на одномъ мѣстѣ, и какъ обитатель горъ, онъ легокъ, шустеръ, шутя бѣгаетъ въ своемъ удобномъ костюмѣ по горамъ, и, кажется, никогда не устаетъ. Но если болгаринъ скажетъ, что до какой-нибудь деревни только часъ ходьбы, то можно быть увѣреннымъ, что мы дойдемъ до нея не ранѣе какъ въ полтора часа; въ часъ времени могутъ добѣжать только его ноги.

Какъ-то однажды утромъ привезли въ гвардейскіе полки по нѣсколько Георгіевскихъ крестовъ на роту, пожалованныхъ государемъ нижнимъ чинамъ за Гориый Дубнякъ. Нашъ полкъ, хотя и былъ въ дѣлѣ, но непосредственнаго участія въ огнѣ не принималъ; возникъ вопросъ: кому дать эти кресты? Единственные преображенцы, бывшіе въ тотъ день подъ градомъ пуль, были ротные носильщики, исполнявшіе подъ огнемъ безъ оружія, съ одними только носилками въ рукахъ, трудную обязанность подбиранія раненыхъ на самомъ полѣ сраженія. Въ носильщики выбирались обыкновенно лучшіе по поведенію люди, которые, сознавая свой долгъ, не прятались бы въ кустахъ, а работали бы въ самомъ огнѣ,

именно тамъ гдѣ болѣе всего въ нихъ нуждаются. Было рѣшено раздать кресты носильщикамъ. Полкъ былъ построенъ въ каре; князь Оболенскій вызвалъ впередъ носильщиковъ и вручилъ имъ кресты; полкъ сдѣлалъ «на караулъ» и прокричалъ громкое «ура». Оказанная георгіевскимъ кавалерамъ честь высоко и заслуженно подняла званіе носильщика и, несомнѣнно, многимъ изъ нихъ послужила поощреніемъ на будущее время.

23-го октября государь и великій князь Николай Николаевичъ пріѣхали изъ своихъ главныхъ квартиръ къ намъ на Софійское шоссе и объѣзжали укрѣпленную позицію подъ Дольнымъ Дубнякомъ. Государь благодарилъ войска и искренно скорбѣлъ о большихъ потеряхъ, понесенныхъ гвардіей 12-го октября. Я убѣжденъ, что великому князю было не менѣе жаль своего дѣтища, какъ онъ называлъ гвардію, такъ какъ, относясь всегда съ любовью и вниманіемъ къ каждой отдѣльной личности, извѣстной ему по службѣ, онъ зналъ большинство фельдфебелей, вахмистровъ и младшихъ офицеровъ и безусловно всѣхъ ротныхъ и эскадронныхъ командировъ. Мнѣ разсказывали, что, объѣзжая 13-го октября поле сраженія подъ Горнымъ Дубнякомъ и узнавая убитыхъ а также тяжело раненыхъ, на перевязочномъ пунктѣ, его высочество очень былъ огорченъ и всегда избѣгалъ подробныхъ распросовъ о только что пережитомъ трудномъ времени. Онъ не хотѣлъ растравливать наболѣвшія раны, а если и задавалъ кому-нибудь вопросы о понесеиныхъ потеряхъ, о чьей нибудь смерти, то дѣлалъ это какъ бы мимоходомъ, все время сохраняя свой обычный, слегка шутливый тонъ. По разсказамъ людей близко его знавшихъ, великій князь какъ при удачѣ такъ и при неудачѣ, былъ неизмѣняемъ въ своемъ обращеніи; онъ глубоко понималъ, что хладнокровіе, самообладаніе и постоянно хорошій духъ лицъ, власть имѣющихъ, должны въ серьезныя минуты возстановляюще дѣйствовать на массу. Его высочество, переживая тяжелыя минуты, становился еще болѣе привѣтливымъ и внимательнымъ съ окружающими. На неудачи онъ смотрѣлъ какъ на временныя помѣхи. которыя не могли заставить его измѣнить въ чемъ либо цѣль, къ которой онъ стремился. Онъ никогда не терялъ увѣренность въ успѣхѣ и передавалъ эту увѣренность всѣмъ, съ которыми приходилъ въ сообщеніе. Его шутки, приправленныя подчасъ чисто русскимъ юморомъ, были всегда безобидны, добродушны и незлобивы; въ данномъ же случаѣ онъ шутилъ сквозь слезы.

Въ этотъ же день, во время объѣзда государя, распространились два слуха, которые потомъ оба подтвердились: первый, что турки очистили два укрѣпленныхъ пункта—Радомирцы и Лукавицы, лежащіе на этомъ же шоссе за Телишемъ, и отступили въ Орханіе, который лежалъ уже въ предгоріяхъ Балканъ. Мы нагнали на турокъ такой страхъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ, что они покинули обѣ эти позиціи,

лишь только завидѣли наши кавалерійскіе разъѣзды; все пространство отъ Плевно и до Орханіе верстъ на 80-ть, было теперь очищено непріятелемъ. Другой не менѣе пріятный для насъ слухъ былъ такого рода: говорили, что лишнія войска изъ плевненскаго осаднаго гарнизона будутъ собраны въ отдѣльный отрядъ; онъ двинется на Орханіе для того, чтобъ воспользоваться замѣшательствомъ непріятеля, и ему будетъ поручено гнать его насколько только будетъ возможно. Мы приняли этотъ слухъ съ большой радостью и стали съ нетерпѣніемъ ожидать того дня, когда намъ удастся вырваться изъ скучнаго и томительнаго сидѣнія подъ Плевно.

Нѣсколько дней спустя мы прочли въ приказѣ, что въ этотъ отрядъ войдутъ: 1-я и 2-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи, гвардейская стрѣлковая бригада, 2-я гвардейская кавалерійская дивизія, гвардейскіе саперы, кавказская бригада и масса артиллеріи. Цѣль отряда—усиленная рекогносцировка по направленію къ Орханіе, а буде возможно, то и далѣе. Задача казалась всѣмъ очень серьезной, потому что, по словамъ всевѣдующихъ болгаръ, вся мѣстность близъ города Орханіе была изрыта редутами, а взятіе ихъ не могло не быть сопряжено съ большими потерями, на которыя генералъ Гурко, насколько мы его знали по Горному Дубняку, не посмотрѣлъ бы, если бы ему надо было добиться рѣшительныхъ результатовъ.

IX.

Выступленіе отряда генерала Гурко изъ Дольнаго Дубняка.– Телишъ.—Радомирце.—Яблоница. – Осиково.

Мы рады были покинуть Плевну—она намъ надоѣла. 3-го ноября мы выступили изъ Дольнаго Дубняка по направленію къ Орханіе. Упомяну здѣсь кстати, что наше походное движеніе вплоть до самой Софіи было совершено все время по шоссе, идущему изъ Плевны на Орханіе и далѣе черезъ Арабъ-Конакъ на Софію. Мы сворачивали съ этого шоссе только дважды, для взятія города Этрополя и для обхода Арабъ-Конакской позиціи; но потомъ мы снова выходили на него и продолжали наступленіе.

Отрядъ выступилъ въ такомъ порядкѣ: впереди шла кавалерія, за ней 2-я гвардейская пѣхотная дивизія съ гвардейскими стрѣлковыми баталіонами, а уже въ хвостѣ колонны наша 1-я гвардейская пѣхотная дивизія.

По разсказамъ полковника генеральнаго штаба Пузыревскаго, планъ

этой усиленной рекогносцировки принадлежалъ лично генералу Гурко; изложивъ его на бумагѣ, онъ послалъ Пузыревскаго въ главную квартиру къ великому князю и государю для выясненія его въ подробностяхъ. Идея генерала Гурко была тамъ принята съ восторгомъ; государь велѣлъ передать генералу, что онъ благословляетъ его на это дѣло и проситъ поберечь гвардію.

Я помню, что въ это время въ ресторанѣ Львова, куда съѣзжались и высшіе чины, шли между ними оживленные разговоры о томъ, что около Орханіе турки сосредоточиваются и могутъ надѣлать намъ много хлопотъ, если только вздумаютъ двинуться оттуда на помощь Османъ-пашѣ; для этого генералъ Гурко и хочетъ ихъ предупредить.

3-го ноября утромъ мы выступили изъ Дольнаго Дубняка и первую ночь провели возлѣ Телиша. Мнѣ показали то направленіе, по которому велась 12-го октября атака Егерскимъ полкомъ; противоположная атакѣ сторона редута была совсѣмъ открыта, безъ насыпи и безъ рва, обстоятельство, какъ я уже выше упомянулъ—по словамъ егерскихъ офицеровъ—имъ вовсе неизвѣстное въ день штурма. Въ ровикахъ, подъ самымъ укрѣпленіемъ, до которыхъ добѣжали егеря, еще валялись ихъ фуражки, патроны, манерки, сумки и проч. Среди самаго укрѣпленія валялось очень много осколковъ нашихъ гранатъ, рѣшившихъ 16-го октября участь редута; въ сторонѣ, возлѣ укрѣпленія, виднѣлись курганы надъ общими могилами съ воткнутыми въ нихъ деревянными крестами.

Въ виду трудности подвоза въ осеннее время сухарей, приказано было внушать солдатамъ, чтобъ они тратили ихъ осмотрительнѣе; имъ увеличили дачу мяса. Въ эту кампанію провіантскій обозъ постоянно отставалъ отъ насъ, и если гвардейскій отрядъ могъ двигаться такъ быстро и достигалъ вслѣдствіе того поразительныхъ результатовъ, то это было потому, что всюду по дорогѣ, въ большихъ пунктахъ, мы находили громадные запасы галетъ, муки, рису, буйволовьяго масла и проч.

Въ Телишѣ нашъ полкъ, шедшій въ хвостѣ колонны, былъ временно задержанъ полученнымъ извѣстіемъ, что будто-бы Османъ-паша хочетъ сдѣлать вылазку; этотъ слухъ оказался ложнымъ и насъ повели 4-го ноября далѣе.

Въ этотъ день былъ сдѣланъ переходъ изъ Телиша въ дер. Радомирце, лежащую тоже на Софійскомъ шоссе при довольно порядочной рѣчкѣ. Мостъ черезъ нее былъ каменный и, къ нашему удивленію, не разрушенъ турками; полагаю, что они оставили его не для насъ, а скорѣй для Османъ-паши на тотъ случай, если бы ему пришлось отступать по этой же дорогѣ. Казначейство и почта, вышедшія съ нами вмѣстѣ изъ Дольнаго Дубняка, были помѣщены въ этой деревнѣ впредь до при-

казанія. Ровная мѣстность, наскучившая нашему глазу подъ Плевной, стала понемногу пропадать; деревня Радомирце оказалась уже въ отрогахъ Малыхъ Балканъ. Въ то же время, видимый вдали контуръ главнаго хребта Балканъ, по мѣрѣ нашего движенія, ежедневно выросталъ и темнѣлъ. Погода все время была чудная; она напоминала нашъ хорошій сентябрь. Нашъ бивакъ былъ красиво расположенъ на зеленомъ лугу возлѣ самой рѣчки, которая, какъ и всѣ горныя рѣчки, была быстрая, шумная; прозрачная вода мѣстами даже пѣнилась. Вообще говоря, съ каждымъ днемъ мѣстность дѣлалась все гористѣе, красивѣе и разнообразнѣе, а нашъ слѣдующій 20-ти верстный переходъ 5-го ноября отличался даже нѣкоторою дикостью природы. Все время дорога шла ущельемъ, въ которомъ намъ на встрѣчу быстро текла эта рѣчка; стѣны ущелья были такъ круты, что даже можно было видѣть обнаженные, приподнятые пласты разныхъ горныхъ породъ; ущелье было живописное, мрачное, грандіозное. На горахъ росъ мелкій дубнякъ и кое-гдѣ виднѣлись домики; общій видъ напоминалъ Швейцарію. На пути попадались водяныя мельницы, на которыхъ наши солдатики усердно мололи муку и распоряжались на нихъ, какъ у себя дома.

На этотъ разъ намъ пришлось переночевать въ одной котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами. Несомнѣнно, что мы находились уже въ Малыхъ Балканахъ. Недалеко отъ насъ, на довольно высокой горѣ, виднѣлось брошенное турецкое укрѣпленіе небольшихъ размѣровъ и возлѣ него нѣсколько деревянныхъ, нехитрыхъ построекъ, въ которыхъ, вѣроятно, жили турецкіе солдаты. Наши солдаты, недолго думая, взобрались туда, живо разнесли домики и начали сбрасывать съ отвѣсной горы цѣлыя бревна, которыя съ шумомъ падали внизъ. Всѣ собрались смотрѣть на гигантскій разносъ, учиненный солдатами, конечно, отчасти ради ухарства, но болѣе ради сухаго лѣса для костровъ; они были всегда рады добраться до сухаго топлива, потому что имъ уже наскучило рубить по цѣлымъ часамъ, да къ тому же еще неудобнымъ тесакомъ, сырыя деревья на корню. Отъ усиленнаго долбленія тесакомъ у солдата наростали на правой рукѣ мозольныя наслоенія и показывалась кровь. Солдаты любили по ночамъ разжигать очень большіе чураки для того, чтобъ ночью не тухъ огонь и было бы отъ него теплѣе.

Во время этого послѣдняго перехода насъ обогналъ ординарецъ изъ главной квартиры главнокомандующаго, который везъ генералу Гурко приказаніе покуда не приводить въ исполненіе предположенный планъ взятія Орханіе, а остановиться и окопаться гдѣ-нибудь, не доходя до него. Московскій полкъ, значительно опередившій насъ, былъ остановленъ въ предполагаемомъ дальнѣйшемъ движеніи, и остался на своей позиціи близъ деревни Осиково, которую онъ занималъ еще въ то время, когда мы стояли въ Дольномъ Дубнякѣ.

Намъ пришлось на другой день, 6-го ноября, перейти въ дер. Яблоницу, куда стянулись и другіе полки нашей дивизіи. Мы находились въ это время верстахъ въ тридцати отъ Орханіе, а Московскій полкъ (дер. Осиково)—верстахъ въ пятнадцати отъ него.

Дер. Яблоница лежала на томъ же Софійскомъ шоссе, какъ и Осиково и Орханіе.

Въ Яблоницѣ мѣстность сдѣлалась еще гористѣе, еще живописнѣе; съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе было замѣтно, что мы вдаемся въ глубь Балканскихъ горъ. Биваки полковъ были расположены довольно близко одинъ отъ другаго, такъ что офицеры часто навѣщали другъ друга и приносили съ собой не мало самыхъ разнообразныхъ новостей, похожихъ на новости, приносимыя гимназистами изъ гимназій.

Какъ-то разъ отъ нечего дѣлать я сѣлъ на коня и въ сопровожденіи денщика поѣхалъ съ нимъ въ горы, значительно въ сторону отъ нашего бивака. Мы подымались съ нимъ довольно долго по горной тропинкѣ, доѣхали до очень высокаго перевала и спустились по узкой тропинкѣ въ долину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами. Намъ на встрѣчу ѣхало нѣсколько денщиковъ, отъ которыхъ я узналъ, что въ этой долинѣ живутъ отдѣльными хозяйствами болгары, у которыхъ они накупили провизію. Лишь только я спустился съ горъ, меня сразу поразила перемѣна климата. Долина была защищена отъ холодныхъ вѣтровъ и въ ней было значительно теплѣе, чѣмъ у насъ на бивакѣ; нѣкоторыя деревья, несмотря на ноябрь, еще были покрыты зеленью, трава всюду зеленѣла, а на южныхъ склонахъ даже цвѣли анемоны. Хозяйства болгаръ уцѣлѣли отъ разноса; я купилъ у нихъ живности, картофелю, фасоли и, вполнѣ довольный своей прогулкой, вернулся на бивакъ, къ общему удивленію товарищей, съ букетомъ анемоновъ въ рукахъ; никто изъ нихъ не подозрѣвалъ, что среди поблекшей осенней природы есть такіе счастливые уголки въ горахъ, гдѣ еще тепло и гдѣ еще можно найти цвѣты.

Товарищей я засталъ вокругъ телѣги, которая пришла въ этотъ день вмѣстѣ съ другими повозками изъ Систова и привезла намъ изъ нашего офицерскаго склада чай, сахаръ, свѣчи и проч. У всѣхъ были праздничныя лица, а у меня тѣмъ болѣе, потому что съ этой телѣгой вмѣстѣ пришла ослица, очень рослая, которую моя жена купила для меня въ Систовѣ. Эта ослица привезла мнѣ на себѣ два ящика: одинъ съ виномъ, консервами и проч., а другой—со всякими теплыми вещами и махоркой для солдатъ. Эту махорку я велѣлъ припрятать въ ротномъ обозѣ до поры до времени; потомъ о ней вовсе забылъ. Въ Адріанополѣ же, въ день перемирія, фельдфебель напомнилъ мнѣ о ней, и она была роздана людямъ въ видѣ угощенія. Вмѣстѣ съ обозомъ пріѣхалъ изъ Систова

нашъ квартирмейстеръ, поручикъ Аркадій Петровичъ Корниловъ, и привезъ намъ письма и газеты. Мы всегда были рады видѣть этого милаго, обязательнаго товарища, но на этотъ разъ на его долю выпала завидная участь видѣть, по нашимъ сіяющимъ лицамъ, до чего его пріѣздъ насъ обрадовалъ, оживилъ. Кромѣ верховой лошади, у меня было теперь три вьюка, два осла и одна лошадь; я охотно тратился на ихъ продовольствіе и считалъ смѣшнымъ помышлять объ экономіи, когда все время живешь наканунѣ смерти. Въ то же время я готовъ согласиться съ тѣми, кто мнѣ будетъ доказывать, что это роскошь, и что всякій лишній вьюкъ только лишняя обуза, лишняя возня съ добываніемъ корма, который намъ давался такъ трудно.

8-го ноября 4-й баталіонъ нашего полка, подъ начальствомъ полковника графа Владиміра Павловича Граббе, получилъ приказъ идти въ горы вправо отъ нашего бивака съ какимъ-то офицеромъ генеральнаго штаба, котораго послали туда рѣшить вопросъ, можно ли будетъ провезти этими горами артиллерію; въ то время у насъ поговаривали о предполагаемомъ обходѣ турецкой позиціи при дер. Правецъ, лежащей на этомъ же шоссе, верстъ десять недоходя до Орханіе. Вернувшіеся изъ этой рекогносцировки товарищи (вернулись 13-я и 16-я роты, а 14-я и 15-я были оставлены тамъ для наблюденія за непріятелемъ) разсказывали, «что дорога въ горахъ ужасная, по ней даже чортъ сломаетъ себѣ ногу».

Наши свѣдѣнія относительно того, что дѣлается по сторонамъ Яблоницы, были довольно обширны—мимо нашего бивака проѣзжало много знакомыхъ офицеровъ; отъ одного узнаешь о рекогносцировкѣ по направленію къ Правцу, отъ другаго о рекогносцировкѣ къ городу Этрополю и проч. Изъ всего я могъ тогда заключить, что мы высматриваемъ, вынюхиваемъ, освѣщаемъ мѣстность, лежащую впереди насъ. Весь нашъ отрядъ поступилъ подъ команду графа Шувалова.

Бивакъ подъ Яблоницей былъ непродолжительный; но все-таки мы хорошо отдохнули. 9-го ноября нашу бригаду разобщили: преображенцевъ пододвинули ближе къ Орханіе и остановили на ночь въ Осиковѣ, гдѣ уже стоялъ Московскій полкъ, а семеновцевъ и часть стрѣлковой бригады забралъ съ собой генералъ Раухъ и отправился съ ними по той чертовой дорогѣ, гдѣ были оставлены наши 14-я и 15-я роты. Генералу Рауху былъ порученъ обходъ съ фланга правецкой позиціи турокъ, а москвичи должны были дѣйствовать съ фронта подъ начальствомъ генерала Эллиса; гвардейскихъ стрѣлковъ подѣлили между собой оба генерала. Правецъ считался важнымъ пунктомъ и его взятіе должно было повлечь за собой существенное измѣненіе во всей турецкой позиціи. Я помню, что братушки говорили такъ: «Правецъ нашъ, и Орханіе нашъ»; они сказали правду: послѣ взятія Правца и одновременнаго

взятія города Этрополя турки не рѣшились остаться въ Орханіе, они покинули его безъ выстрѣла.

Зная, что на другое утро насъ поведутъ куда-то далѣе, мы не устроивались на ночь у Осикова, а кое-какъ провели ночь у костровъ. Тутъ впервые увидѣли мы осетинъ изъ Кавказской бригады, которые подъ начальствомъ полковника Черевина должны были присоединиться къ нашему отряду. Рано утромъ 10-го ноября пошелъ сильный дождь, обѣщавшій затянуться на весь день; мы были готовы къ выступленію и только ждали приказаній. Нашъ полкъ вошелъ въ отрядъ, которому поручалось позондировать непріятеля со стороны Этрополя.

Алексан. Алексан. Берсъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поправки.

Въ майской книжкѣ „Русской Старины“ замѣчены слѣдующія опечатки:

На стр. 265 третья строка сверху напечатано „лондонскій кабинетъ“, слѣдуетъ читать: „лондонскій комитетъ“.

На стр. 459 строка десятая сверху напечатано „лѣтомъ 1876 года“, слѣдуетъ читать: „лѣтомъ 1856 года“.

Записки Михаила Чайковскаго.

(Мехметъ-Садыкъ паши).

XXXIX [1]).

Бесѣда съ Масгаръ пашею.—Возвращеніе въ Стамбулъ.—Сербская оппозиція.—Риза-паша.—Мы вступаемъ въ сношенія съ Высокой Портой.—Посылка Людвига Звѣрковскаго въ Сербію.—Поляки въ Стамбулѣ.—Король Сигизмундъ.—Соглашеніе съ ксендзомъ Леленомъ, настоятелемъ лазаристовъ.—Пріѣздъ де-Буркене.—Французскіе паспорты для поляковъ.

Изъ разговора съ Масгаръ-пашею я узналъ двѣ вещи, которыя меня чрезвычайно заинтересовали. Онъ сообщилъ мнѣ что Оттоманская Порта, по Ункіаръ-Скелесскому договору, заключенному въ 1834 г., обязалась выдать Россіи всѣхъ дезертировъ, коихъ было множество въ Лазистанѣ и въ другихъ пограничныхъ провинціяхъ Анатоліи. Приказано было забрать всѣхъ дезертировъ, которые окажутся въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: Синопѣ, Самсунѣ и Батумѣ. Разыскать этихъ дезертировъ и передать ихъ русскимъ было поручено Изетъ-Мехмедъ-пашѣ; Масгаръ-паша, владѣвшій русскимъ языкомъ, былъ назначенъ ему въ помощники. Изетъ-паша, прозванный хромымъ, славился храбростью, энергіей и враждебнымъ отношеніемъ не только къ Россіи, но ко всѣмъ европейскимъ державамъ вообще; это проистекало не изъ фанатизма,

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1898 г.

ибо онъ далеко не былъ фанатикъ, а изъ его политическихъ убѣжденій. Онъ служилъ съ дѣтства въ войскѣ, сражался противъ Австріи, Россіи и даже противъ Франціи и привыкъ смотрѣть на европейскія державы какъ на враговъ Турціи.

Изъ числа нѣсколькихъ тысячъ арестованныхъ имъ дезертировъ и взятыхъ турками русскихъ плѣнныхъ, этотъ визирь отправилъ къ русскому консулу въ Требизондъ только двоихъ и то потому, что они обвинялись мѣстными жителями въ какихъ то преступленіяхъ; по странному стеченію обстоятельствъ оба эти дезертира оказались нѣмцами, одинъ изъ Риги, а другой изъ Дерпта. Всѣмъ остальнымъ онъ приказалъ визировать паспорты подъ именемъ Махмудовъ, Ахмедовъ и т. п. мусульманъ. Русское правительство, которое, надобно отдать ему справедливость, по своимъ принципамъ, никогда не преслѣдовало и не притѣсняло эмигрантовъ, не протестовало противъ этого и не требовало болѣе выдачи; тѣмъ дѣло и кончилось.

Тутъ я узналъ впервые достовѣрно, какая масса поляковъ проживала въ разныхъ мѣстахъ Турціи, скрываясь подъ мусульманскими фамиліями; мнѣ тотчасъ пришло на умъ, нельзя-ли образовать изъ этихъ поляковъ какое-нибудь польское поселеніе, сгруппировавъ около него нравственно и политически другихъ поляковъ, разсѣянныхъ въ Турціи, въ особенности тѣхъ, которые, занимаясь свободными искусствами или какими либо ремеслами, не могли жить въ поселеніи или пріобрѣли съ давнихъ поръ гдѣ либо осѣдлость.

Возвращаясь въ Стамбулъ я имѣлъ уже опредѣленный, до извѣстной степени вполнѣ обдуманный планъ дѣйствій, въ основѣ котораго лежали отношенія, возникшія между мною и некрасовцами. Въ Стамбулѣ меня ожидалъ отвѣтъ князя Адама Чарторыйскаго, который одобрилъ всѣ мои дѣйствія. Къ этому отвѣту было приложено очень хорошо написанное письмо на имя атамановъ, стариковъ и всего войска, съ собственноручной подписью князя Адама, приложеніемъ его печати и польско-литовскаго герба,—орла и всадника съ мечемъ на конѣ; кромѣ того была прислана отъ княгини Анны тысяча франковъ на погорѣльцевъ и разные уборы для женщинъ, какъ то: ленты, кораллы, платочки и прочіе. Съ этимъ отвѣтомъ и съ подарками, къ которымъ я приложилъ письмо лично отъ себя, я отправилъ Равскаго немедленно въ Биневле. Съ этого момента я сдѣлался довѣреннымъ лицомъ некрасовцевъ и зачастую былъ ихъ уполномоченнымъ при Высокой Портѣ и при посольствахъ, съ которыми у нихъ бывали дѣла по поводу рыбной торговли, производимой ими и за предѣлами Турціи.

Надобно сказать, что въ Константинополѣ былъ представитель казаковъ—казакъ-паша; онъ избирался всякой дрянью, называвшей себя казаками, но которая состояла, въ сущности, изъ польскихъ и украин-

скихъ жидовъ и разныхъ бродяръ, стекавшихся въ Константинополь со всего свѣта. Въ числѣ этихъ, яко бы казаковъ, было человѣкъ до двадцати спившихся съ круга запорожцевъ, остатковъ славнаго запорожскаго войска, переселившагося въ Россію на берега Азовскаго моря. Казакъ-паша утверждался Высокой Портой, собиралъ съ казаковъ подати и вносилъ ихъ въ казну, и по его удостовѣренію выдавались паспорты. Нельзя себѣ представить что либо болѣе омерзительное и позорное этихъ стамбульскихъ казаковъ. У казака-паши была своя казацкая канцелярія съ печатью, свои ясакчи, десятники; однимъ словомъ это была настоящая казацкая канцелярія, подобно латинской канцеляріи не подчиненная греческому патріарху, который заботился исключительно о православныхъ. Въ то время когда я пріѣхалъ въ Стамбулъ изъ Бруссы, казацкимъ-пашею былъ Аристархъ по фамиліи Тооль, двоюродный братъ великаго Лагофета; въ молодости онъ былъ извѣстный акробатъ и чревовѣщатель и забавлялъ турецкихъ сановниковъ разнымъ фиглярствомъ, передразниваль бабъ армянокъ, гречанокъ и т. п.; однимъ словомъ былъ шутомъ въ домахъ турецкихъ сановниковъ и можетъ быть этому обстоятельству былъ обязанъ своимъ мѣстомъ. Въ Стамбулѣ насчитывали тогда болѣе семи тысячъ казаковъ, но въ этомъ числѣ было всего 38 человѣкъ православныхъ, нѣсколько цыганъ и великое множество жидовъ; было между ними и нѣсколько католиковъ, но послѣдніе, при появленіи въ 1831 г. въ Константинополѣ польскихъ эмигрантовъ, перешли въ латинскую канцелярію, которая находилась подъ покровительствомъ католическаго епископа. Между казаками были также греки и армяне, которые покупали казацкіе паспорты, чтобы скрыть подъ вымышленнымъ именемъ слѣды какого нибудь преступленія и впредь совершать таковыя безопаснѣе на глазахъ полиціи. Были между казаками и турки мусульмане; я видѣлъ между ними даже одного негра. При дѣятельномъ участіи какого то Янкеля, служившаго при Наполеонѣ I въ уланахъ и котораго всѣ называли польскимъ консуломъ, я побывалъ, переодѣтый, въ одной кофейнѣ и даже въ корчмѣ, гдѣ собирались эти казаки, въ предмѣстьи Галата, былъ въ ихъ канцеляріи, былъ даже на бесѣдѣ, во время которой двое казаковъ—побили кулаками казацкаго пашу Тооля и сами были побиты прочими казаками; всѣ кричали, дрались, Тооль побѣжалъ въ конакъ воеводы, откуда явились заптіи; казаки-жиды разбѣжались, а казаки не жиды были посажены въ тюрьму и по существовавшему въ то время обычаю ихъ побили за это по пятамъ. Это казачество показалось мнѣ до того омерзительнымъ, что я тогда же рѣшилъ никогда не имѣть съ ними никакихъ дѣлъ. Казаки некрасовцы и казаки, жившіе въ Добруджѣ, принадлежавшіе къ войску Игната Некрасова, не имѣли почти никакого отношенія къ этой канцеляріи; съ прочими же казаками Добруджи

паша то и дѣло имѣлъ дѣла и тяжбы, выхлопатывалъ себѣ фирманы, ѣздилъ въ Добруджу составлять списки казаковъ, выжималъ изъ нихъ нѣсколько грошей, получалъ еще больше затрещинъ и тумаковъ и подавалъ на казаковъ жалобы, которыя оставались безъ послѣдствій.

Положивъ начало сношеніямъ поляковъ съ некрасовцами, я возобновилъ знакомство съ Вукашиномъ, секретаремъ сербскаго посольства въ Стамбулѣ, и черезъ него познакомился съ выдающимися сербскими дѣятелями, находившимися въ то время въ этомъ городѣ: съ Авраамомъ Петроневичемъ, извѣстнымъ въ Турціи подъ названіемъ Авраама Кіайя (Кіаја), который былъ директоромъ департамента иностранныхъ дѣлъ при Милошѣ, Миланѣ и Михаилѣ, съ Вучичемъ, извѣстнымъ удальцемъ, командовавшимъ войсками при Милошѣ, съ Ильей Гарашанинымъ, однимъ изъ самыхъ выдающихся сербовъ, съ сенаторомъ и бывшимъ директоромъ департамента внутреннихъ дѣлъ Стояномъ Зимичемъ, съ бывшимъ предсѣдательствующимъ сената Алексѣемъ Зимичемъ; съ сенаторомъ Тенко Стефановичемъ, съ двумя братьями Ненадовичами, товарищами Георгія Чернаго и Милоша, также сенаторами, и съ Лазаремъ Теодоровичемъ, сербскимъ капу-кіемъ, т. е. уполномоченнымъ при Портѣ Оттоманской. Это были самые выдающіеся люди Сербіи, которую я считалъ въ то время предназначенною судьбою къ великой роли среди славянскихъ государствъ. Мои славянскія симпатіи заставляли меня всегда искать сближенія со славянами предпочтительно передъ западно-европейцами, и я съ ними всегда быстро сходился. Я видѣлъ совершенно ясно всѣ политическія ошибки поляковъ и славянъ вообще, ошибки, на которыя натолкнуло поляковъ католичество и нѣмцы. Я не металъ громы противъ Россіи и всегда находилъ, что занявъ подобающее ей мѣсто въ славянскомъ мірѣ, она дѣйствовала логичнѣе и разумнѣе нежели поляки, но что и поляки въ свою очередь могли бы пойти по этому пути, если бы ими руководили люди умные, любящіе свое отечество. Во главѣ этихъ людей я ставилъ князя Адама Чарторыйскаго и Адама Мицкевича. Порицаніе мною нелѣпыхъ и ни на чемъ не основанныхъ мечтаній окатоличенныхъ до мозга костей и онѣмеченныхъ или лучше сказать увлекшихся западничествомъ поляковъ развязало языкъ сербамъ, которые при всей прямотѣ и откровенности, свойственной славянамъ, были весьма сдержаны и недовѣрчивы и предпочитали не высказываться; многолѣтній гнетъ научилъ ихъ тому, что величайшая добродѣтель умѣть держать языкъ за зубами, что если слово—серебро, то молчанье золото; таковъ вообще взглядъ на Востокѣ, съ которымъ впрочемъ я, лично, не вполнѣ согласенъ.

Между мною и сербами сразу установилось полное довѣріе; они разсказали мнѣ объ отреченіи князя Милоша, къ чему онъ былъ вынужденъ враждебнымъ отношеніемъ къ нему народа, который былъ страшно воз-

мущенъ его жестокостью и произволомъ. Бесѣдуя объ этомъ съ сербами я замѣтилъ, что между ними было двѣ партіи: люди сановные сожалѣли князя Милоша, хотя они сами были главною причиною его паденія; писатели и ученые радовались побѣдѣ, свободѣ, но не имѣли еще представленія о томъ, какъ и чѣмъ замѣнить этого суроваго, грознаго и даже жестокаго монарха, который все же былъ настоящій славянинъ. Разговаривали, спорили, но несмотря на все различіе во мнѣніяхъ и взглядахъ сербы были готовы дѣйствовать за-одно и идти рука объ руку. Это меня поразило, точно также какъ и Людвига Звѣрковскаго, присутствовавшаго при нашей бесѣдѣ; трудно было не согласиться съ тѣмъ, что эти сербы отличались бо̀льшей широтой взгляда и бо̀льшимъ политическимъ смысломъ, нежели поляки, и что они были гораздо практичнѣе насъ.

Въ кратковременное царствованіе малолѣтняго Милана и во время малолѣтства князя Михаила [1]) сербское правительство не съумѣло поднять значеніе Сербіи въ глазахъ сосѣднихъ славянъ; правители ея старались только провести въ сознаніе общества и упрочить въ немъ понятія новаго государственнаго устройства, которое можно назвать сербской конституціей. Въ это время были произведены реформы во всѣхъ отрасляхъ администраціи и съ этой цѣлью были привлечены изъ областей воеводы, управлявшіе этими областями, и личности, состоявшіе на службѣ Австріи — какъ люди болѣе образованные и знакомые съ административной рутиной. Реформы не могли быть произведены въ одинъ день и въ одинъ мѣсяцъ, на это требовалось время. Послѣ суроваго и грознаго правленія Милоша, это переходное время легко могло вызвать смуты и безпорядки. Сербы, вызванные изъ воеводствъ, считались въ народѣ онѣмеченными сербами и даже прямо нѣмцами, а славяне, какъ извѣстно, относятся къ нѣмцамъ не только съ предубѣжденіемъ, но съ насмѣшкою, презрѣніемъ и даже съ ненавистью.

Почти всѣ преобразованія въ сербской администраціи были произведены по образцу австрійскихъ учрежденій. Изъ этого сербы вывели заключеніе, что ихъ хотятъ онѣмечить, и они вооружились противъ новыхъ порядковъ, новаго образа правленія и даже противъ тѣхъ людей, которые стояли во главѣ правительства и которые до тѣхъ поръ были любимцами народа.

Подобное положеніе дѣлъ могло, весьма естественно, возбудить мечты людей честолюбивыхъ, стремившихся къ значенію и власти, безъ вся-

---

[1]) Послѣ отреченія Милоша въ 1839 г. управленіе перешло на короткое время къ его сыну Милану, а по смерти его княземъ Сербіи былъ признанъ Портою младшій сынъ князя Милоша, Михаилъ Обреновичъ, родившійся въ 1825 г. и убитый въ 1868 г. приверженцами партіи Омладиновъ. В. Т.

* *

кой надежды добиться ее при обыкновенномъ порядкѣ. Къ числу такихъ людей принадлежали: Цвѣтко Раевичъ, кажется сербъ изъ Болгаріи, занимавшій какую то должность и имѣвшій доступъ къ молодому князю Михаилу, и Рано, или Рановъ, болгаринъ изъ Чаркіоя, учитель молодаго князя. Они убѣждали его въ томъ, что великое дѣло, начатое его отцомъ, гибнетъ, что княжеская власть замѣнена закономъ, что князь сталъ слугою народа и закона, переставъ быть его властителемъ; что сербы, предназначенные Богомъ занять первое мѣсто среди славянъ, съ одной стороны, онѣмечены, а съ другой, отданы во власть турокъ, въ неволю; и что долгъ молодаго князя—спасти дѣло, начатое его отцомъ, и поднять сербскій народъ, которому угрожаетъ гибель.

Эти рѣчи понравились молодому князю и всѣмъ его роднымъ. Людей, дѣйствовавшихъ въ духѣ закона, начали устранять отъ должностей, самые законы старались обходить; въ то же время нѣкоторые изъ сербовъ вошли въ тайныя, противузаконныя сношенія съ болгарами и, какъ говорятъ, съ босняками и черногорцами. Авраамъ Петроневичъ, Вучичъ, братья Зимичи, Илья Гарашанинъ, Тенко Стефановичъ и Ненадовичъ открыто стали во главѣ оппозиціи противъ князя.

Для того, чтобы предотвратить бунтъ, всѣхъ ихъ вызвали въ Стамбулъ, гдѣ по этому дѣлу производилось слѣдствіе, а князь Михаилъ образовалъ новое министерство, поставивъ во главѣ его Цвѣтко Раевича.

Объ этихъ событіяхъ въ Сербіи уже такъ много писали, что я не вижу надобности описывать ихъ въ моихъ воспоминаніяхъ со всѣми подробностями; остановлюсь только на моемъ личномъ участіи въ нихъ, не позволяя себѣ даже судить о томъ, кто тутъ былъ правъ, кто виноватъ.

Члены оппозиціи, находившіеся въ Стамбулѣ, утверждали, что русское посольство относится къ нимъ недоброжелательно и всѣми силами поддерживаетъ князя Михаила, который поощряетъ волненіе въ Болгаріи; они объясняли это стремленіемъ Россіи къ расширенію своихъ границъ. Къ этому мнѣнію присоединились Австрія и Англія; за ними его стала повторять Франція и мало-по-малу всѣ увѣровали въ то, что это такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Съ другой стороны, сербы вполнѣ вѣрили въ доброжелательство къ нимъ турокъ и приписывали медленность при разборѣ ихъ дѣла происканъ Россіи. Первый драгоманъ русскаго посольства, грекъ изъ Фанары, человѣкъ грубый, хвастливый, ненавидѣвшій славянъ, своимъ поведеніемъ давалъ пищу этимъ толкамъ.

Таково было настроеніе сербской оппозиціи, когда я пріѣхалъ въ Стамбулъ. Я тотчасъ рѣшилъ воспользоваться имъ, чтобы вмѣшаться въ сербскія дѣла, заинтересовать ими поляковъ, заставить ихъ вмѣстѣ

съ тѣмъ интересоваться южными славянами вообще, и предложить Высокой Портѣ услуги поляковъ, т. е. князя Адама Чарторыйскаго.

Для этого надобно было прежде всего получить доступъ къ турецкимъ сановникамъ; между тѣмъ, у меня не было въ Константинополѣ знакомыхъ и я рѣшительно не зналъ, къ кому обратиться и кто бы могъ меня представить властямъ. Я рѣшилъ, наконецъ, отправиться самому, безъ всякой рекомендаціи къ Риза-пашѣ. Взявъ своего толмача Яна Саиха, я отправился рано утромъ въ селеніе Кади-кіой, расположенное въ Анатоліи, гдѣ я надѣялся застать этого сановника, такъ какъ я зналъ, что онъ наблюдаетъ лично за постройкою загороднаго дома, который сооружался тамъ для него.

Все удалось, какъ нельзя лучше; Риза-паша былъ на постройкѣ и соблаговолилъ меня принять. Я заявилъ ему прямо, безо всякихъ предисловій и оговорокъ, что я полякъ, присланный княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, для того чтобы, опираясь на славянъ, найти возможность быть полезнымъ Турціи, которая одна изо всѣхъ державъ была вѣрною союзницею Польши до конца, и помочь султану въ борьбѣ съ его врагами, которые въ то же время враги Польши.

Онъ выслушалъ меня весьма внимательно, хотя видимо былъ удивленъ моими словами; ему приходилось, вѣроятно, первый разъ въ жизни слышать подобное предложеніе. Онъ спросилъ:

— Кто же вы? генералъ, министръ? можете-ли вы выставить по первому требованію сто тысячъ войска?

Я отвѣчалъ безо всякаго смущенія, что я поручикъ польской кавалеріи, дѣйствовавшей въ 1831 г.; что я польскій шляхтичъ, присланный тѣмъ человѣкомъ, за которымъ мы признаемъ право на корону Польши; что я готовъ на все и имѣю совершенно ясное представленіе о дѣлахъ.

— Что же вы хотите, чтобы я со всѣмъ этимъ сдѣлалъ?

— Поддержите меня въ моей дѣятельности и воспользуйтесь всѣмъ тѣмъ, чего мнѣ удастся достигнуть—вотъ и все.

Я началъ говорить о сербахъ, о томъ, что сербскую оппозицію легко заставить признать верховную власть и покровительство Высокой Порты, что сербы просятъ покончить ихъ дѣло и дозволить имъ вернуться на родину, гдѣ они готовы отдать себя во власть закона и мѣстныхъ властей, если за ними будетъ признана какая-либо вина. А для того, чтобы освободить Высокую Порту отъ наплыва иностранцевъ, ежели имъ будетъ отказано въ позволеніи вернуться на родину, они будутъ просить разрѣшенія выѣхать за границу и эмигрируютъ. Я прибавилъ, что по возвращеніи въ Сербію они обязываются измѣнить политику нынѣшняго правительства, которое подстрекаетъ славянъ-райевъ, подданныхъ султана, къ возстанію противъ его власти, и даже измѣнить весь составъ правительства.

Онъ слушалъ меня внимательно, подробно разспрашивалъ обо всемъ, требуя на все точнаго объясненія и видимо тщательно все взвѣшивалъ и обдумывалъ.

— Все это прекрасно; а въ концѣ-концовъ ты хочешь, чтобы наше правительство заключило союзъ съ твоимъ начальникомъ; я ничего не имѣю противъ этого, но прежде всего ты долженъ показать, что́ можешь сдѣлать и какимъ образомъ ты это сдѣлаешь, а тамъ увидимъ. Твое предложеніе мнѣ нравится, я вижу, что ты не шарлатанъ, а человѣкъ правдивый и честный; только прежде всего необходимо, чтобы твое слово перешло въ дѣло.

Мы разстались весьма дружелюбно и я тотчасъ отправился къ сербамъ; они выразили полную готовность послѣдовать моему совѣту, но опасались, чтобы въ случаѣ отказа на ихъ просьбу ихъ не сослали въ какую-нибудь пустынную мѣстность Анатоліи, какъ это часто дѣлали въ Турціи съ людьми неспокойными.

Я отправился къ французскому посланнику, графу де-Понтуа, разсказалъ ему все дѣло и получилъ столько бланокъ для паспортовъ, за подписью посланника и съ приложеніемъ посольской печати, сколько было въ Константинополѣ сербовъ. Когда я привезъ имъ эти бланки, они стали смотрѣть на меня, какъ на человѣка всесильнаго въ дипломатическомъ мірѣ. Прошеніе сербовъ о дозволеніи имъ вернуться на родину тотчасъ было составлено, переведено и переписано. Я отправился вмѣстѣ съ Петроневичемъ, Вучичемъ и Алексѣемъ Зимичемъ къ Риза-пашѣ, который принялъ насъ весьма любезно и едва могъ скрыть свою радость, пожимая мнѣ руку.

— Напиши пожалуйста своему начальнику, что ты пріобрѣлъ ему союзника; съ этой минуты я прошу тебя обращаться во всемъ ко мнѣ, ты будешь работать на пользу нашего общаго дѣла.

Эти слова, сказанныя пашею въ присутствіи сербовъ, придали мнѣ еще болѣе вѣса въ ихъ глазахъ.

Боязнь создать массу новыхъ эмигрантовъ была причиною того, что къ возвращенію сербовъ на родину не было сдѣлано ни малѣйшаго препятствія; они отправились въ Бѣлградъ. Вмѣстѣ съ ними уѣхалъ Людовикъ Звѣрковскій, котораго я назначилъ состоять при нихъ въ качествѣ агента князя Адама; этимъ было положено начало политическимъ сношеніямъ между поляками и сербами и ихъ общей дѣятельности на почвѣ славянства.

Это обстоятельство придало мнѣ также вѣсъ въ глазахъ французскаго посольства, съ которымъ мнѣ пришлось имѣть дѣловыя сношенія, а доброжелательное отношеніе ко мнѣ Риза-паши придало мнѣ авторитетъ настоящаго агента. Прусскіе офицеры, состоявшіе инструкторами турецкаго войска, которые почти всѣ имѣли польскія фамиліи, какъ

напр. Кучковскій, Годлевскій, Зіоменскій и два другихъ, фамиліи которыхъ я не припомню, явились ко мнѣ съ визитомъ и заявили, что, будучи по происхожденію поляки, они рады помочь мнѣ въ чемъ могутъ и готовы къ моимъ услугамъ. Я отъ души поблагодарилъ ихъ; къ сожалѣнію я не могъ разговаривать съ ними безъ толмача, такъ какъ они не говорили ни по-польски, ни по-французски. Сердце радовалось видя, что въ нихъ проснулась польская кровь, но грустно было видѣть, до какой степени славяне способны онѣмечиться.

Въ Стамбулъ пріѣзжало довольно много поляковъ подъ чужими паспортами и даже вовсе безъ паспортовъ; хотя ихъ никто не трогалъ, но они не могли найти себѣ мѣсто, ибо имъ не выдавали никакихъ свидѣтельствъ, которыя обезпечивали бы имъ право безпрепятственно проживать въ этомъ городѣ, и они всегда были подъ страхомъ, чтобы Высокая Порта, по собственному своему побужденію или подъ давленіемъ иностранныхъ державъ, не была вынуждена удалить ихъ изъ столицы, какъ личностей подозрительныхъ. Въ такомъ случаѣ имъ угрожала бы нищета, которая могла довести ихъ до отчаянія. Многіе изъ этихъ несчастныхъ пьянствовали, а пьянство могло повлечь за собою всякаго рода безчинства и даже преступленія. Приведу здѣсь одинъ случай, доказывающій, какъ нельзя лучше, что за народъ были эти стамбульскіе поляки. Между ними былъ одинъ варшавянинъ, человѣкъ образованный, прекрасно владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ, но большой плутъ и гуляка; поляки прозвали его королемъ Сигизмундомъ потому, какъ мнѣ говорили, что его мать торговала на площади Сигизмунда; онъ страшно воровалъ и былъ нѣсколько разъ пойманъ и уличенъ въ воровствѣ полиціей. Такъ какъ всѣ знали, что я бывалъ у Риза-паши и что я полякъ, то этого мошенника препроводили ко мнѣ; я его уговаривалъ, убѣждалъ, но ничего не помогало; онъ продолжалъ пить и воровать. Потерявъ терпѣніе, я позвалъ нѣсколько поляковъ, такихъ же пьяницъ и, быть можетъ, такихъ же бездѣльниковъ, какъ онъ и передалъ имъ этого человѣка съ рукъ на руки, сказавъ: «поручаю его вамъ, наставьте его и присмотрите за нимъ, чтобы онъ впредь не дѣлалъ подобныхъ вещей: это позоръ для польскаго имени».

Они поклонились, поблагодарили и ушли вмѣстѣ съ королемъ Сигизмундомъ, какъ самые лучшіе друзья. На другой день трое изъ нихъ явились ко мнѣ въ видѣ депутаціи и доложили, что они разсмотрѣли поступки короля Сигизмунда, что онъ не совершалъ крупныхъ кражъ, ибо онѣ не превышали въ общей сложности сумму 1,000 піастровъ; однако, они наказали его такъ хорошо, что, надобно полагать, онъ болѣе не будетъ дѣлать подобныхъ вещей; съ этимъ они ушли.

Нѣсколько дней спустя я узналъ, что они зашили его въ мѣшокъ и утопили въ Босфорѣ. Трупъ всплылъ и былъ признанъ, но слѣдствія по

этому дѣлу не было произведено: надобно было положить конецъ подобному порядку вещей.

При содѣйствіи и посредничествѣ перваго драгомана французскаго посольства М. Цора, я вошелъ въ соглашеніе съ настоятелемъ лазаристовъ, ксендзомъ Леленомъ, относительно того, какимъ образомъ дать полякамъ политическій habeas corpus.

Отцы лазаристы купили незадолго передъ тѣмъ на имя г-жи Главани довольно большой кусокъ земли у подошвы южнаго Алемъ Дага, на азіатскомъ берегу. На небольшомъ пространствѣ этой земли были возведены постройки, но большая часть представляла изъ себя пустырь, отчасти поросшій лѣсомъ; мѣстами на немъ были пригорки, мѣстами можно было выкорчевать землю подъ пахотное поле. Я предложилъ ксендзу Лелену войти въ компанію съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, для эксплоатаціи этой земли и вмѣстѣ съ тѣмъ для оказанія помощи и покровительства католикамъ: т. е. выкупать ихъ изъ неволи, дать имъ возможность исповѣдывать ихъ вѣру, съ условіемъ, что французское посольство доставитъ всѣмъ лицамъ, которые будутъ принадлежать къ этому обществу, французскіе паспорты и возьметъ ихъ подъ опеку французскаго правительства; говоря языкомъ, принятымъ на Востокѣ, это значило, что они будутъ принадлежать къ французской канцеляріи. Это былъ первый пунктъ нашего условія. Затѣмъ было рѣшено, что князь Адамъ Чарторыйскій дастъ 25 тысячъ франковъ на покупку скота. Столько же дадутъ лазаристы. Поляки-католики будутъ исполнять полевыя и иныя хозяйственныя работы, какъ это принято въ Польшѣ, и за свой трудъ они будутъ получать вознагражденіе и будутъ имѣть право селиться въ извѣстномъ мѣстѣ, строить хаты, корчевать отведенную имъ часть поля и вести свое собственное хозяйство. Имъ будетъ выдаваться вспомоществованіе деньгами, матеріаломъ и домашнимъ скотомъ, который они будутъ обязаны отработать. Люди, владѣющіе какимъ-либо ремесломъ, принадлежа къ сельскому обществу, могутъ жить въ городахъ. Всѣ поляки безъ исключенія будутъ платить подати турецкому правительству, а десятая часть дохода будетъ откладываться ежегодно въ общественную кассу съ тѣмъ, что эти деньги будутъ употреблены на выкупъ другихъ поляковъ изъ неволи и на первое обзаведеніе ихъ въ селеніи. Этотъ договоръ долженъ быть заключенъ по праву долгосрочныхъ договоровъ на 29 лѣтъ; по истеченіи этого времени онъ можетъ быть продолженъ, съ согласія обѣихъ сторонъ, на таковой же срокъ. Это поселеніе можетъ быть подчинено настоятелю лазаристовъ въ Стамбулѣ и агенту князя Адама Чарторыйскаго въ Турціи, который назначитъ съ своей стороны извѣстныхъ лицъ для наблюденія за порядкомъ. Лица, облеченныя властью лазаристами, будутъ завѣдывать хозяйствомъ и администраціей общества, лица же,

поставленныя агентомъ князя Адама, будутъ наблюдать за порядкомъ въ поселеніи и заботиться преимущественно о полякахъ.

Выработанный въ этомъ смыслѣ проектъ былъ посланъ въ Парижъ, на просмотръ и утвержденіе князя Адама и старшаго настоятеля лазаристовъ, ксендза Этьена, прелата извѣстнаго своимъ умомъ, а французское посольство приказало выдавать паспорты всѣмъ полякамъ, которые явятся съ моей рекомендаціей. Графъ де-Понтуа былъ замѣщенъ въ это время барономъ де-Буркене (de Bourqueney); это былъ человѣкъ чрезвычайно умный, сердечный и смѣло можно сказать способнѣйшій изъ всѣхъ французскихъ дипломатовъ, которыхъ мнѣ когда-либо и гдѣ-либо приходилось встрѣчать.

Знакомство и сношенія съ такими личностями, какъ де-Буркене и Риза-паша придали мнѣ въ глазахъ общества еще бо́льшее значеніе и вѣсъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ, снабдивъ французскими паспортами до тысячи поляковъ, я рѣшилъ, не теряя времени и не ожидая отвѣта изъ Парижа, отправиться въ Добруджу и Болгарію, запасшись предварительно фирманомъ и рекомендательными письмами.

— ——— —

XL.

Чумный лазаретъ.—Отъѣздъ изъ Константинополя.—Отзывы Исламъ-бея или Мирзы-бея о татарахъ.—О бурлакахъ и объ ихъ сношеніяхъ съ евреями.—Селеніе Слава.—Казаки Добруджи; пріемъ, оказанный намъ въ Славѣ.—Осипъ Семеновичъ Гончаровъ.—Отъѣздъ въ Бабадагъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Константинополя Людовикъ Робертъ, директоръ турецкихъ карантиновъ, предложилъ мнѣ осмотрѣть чумный лазаретъ, устроенный на одномъ маленькомъ островкѣ, лежащемъ между Стамбуломъ и Скутари. Эта страшная болѣзнь посѣтила Стамбулъ въ 1841 году въ послѣдній разъ, и въ то время, когда я пріѣхалъ въ этотъ городъ, она уже ослабѣвала. Когда мы прибыли на островъ, въ лазаретѣ было болѣе сорока больныхъ; изъ нихъ большинство прогуливалось по двору, обнесенному желѣзною рѣшеткою; намъ разрѣшили подойти къ нимъ поближе, но предостерегали насъ, чтобы мы ихъ не трогали руками и не касались ихъ своимъ платьемъ. Страшно было взглянуть на этихъ больныхъ съ потухшимъ взоромъ, съ мертвенно-блѣднымъ или багрово-краснымъ лицомъ.

Въ скоромъ времени мы сѣли на пароходъ австрійской компаніи и отправились въ Кюстенджи. Въ то время въ Турціи никто и во снѣ не видалъ не только желѣзныхъ, но даже шоссейныхъ дорогъ, но тамъ существовала австрійская компанія дилижансовъ, перевозившая пасса-

жировъ и товары изъ Кюстенджи въ Черноводы, куда ходили австрійскіе пароходы по Дунаю.

Въ Кюстенджи мы остановились въ отелѣ австрійскаго лойда, который содержалъ офицеръ-кроатъ, служившій въ одномъ изъ пограничныхъ полковъ. Мы еще не рѣшили окончательно что дѣлать, когда въ Кюстенджи прибыли пилигримы изъ татарскихъ поселеній, отправлявшіеся въ Мекку; при нихъ находились беи, которые должны были посадить ихъ на пароходъ.

Татары пользовались еще въ то время особыми вольностями и привилегіями; они поставляли, между прочимъ, людей и лошадей въ 1-й кавалерійскій полкъ 3-го корпуса, который, состоя исключительно изъ татаръ, считался самымъ доблестнымъ полкомъ турецкой конницы. Въ немъ были еще въ употребленіи татарская сбруя и сѣдла, и не было введено, какъ въ прочей турецкой кавалеріи, обученіе искусству верховой ѣзды подъ руководствомъ инструкторовъ-итальянцевъ. Присутствію этихъ инструкторовъ смѣло можно приписать то обстоятельство, что турки, отъ природы прекрасные наѣздники, умѣющіе ѣздить въ совершенствѣ на своемъ восточномъ сѣдлѣ, поступивъ въ регулярное войско, будучи посажены на такъ называемое испанское сѣдло и обучены по правиламъ итальянской школы верховой ѣзды, становятся никуда негодными ѣздоками. Мурадъ-бею удалось спасти свой полкъ отъ этихъ непрошенныхъ учителей; пригласивъ въ инструкторы поляка Юшинскаго, онъ довелъ этотъ полкъ до такого совершенства, какимъ славилась польская кавалерія во времена Константина Павловича.

Въ то время въ Добруджѣ было до двадцати тысячъ татаръ, между ними ногайцы изъ Буджака и выходцы изъ Новороссійскихъ степей; они сосредоточивались главнымъ образомъ въ Восточной Добруджѣ.

На слѣдующій день мы отправились къ полковнику Мурадъ-бею, гдѣ собрались гости по случаю нашего пріѣзда.

Мирза-ханъ и полковникъ Мурадъ-бей выразили желаніе, чтобы мы, по татарскому обычаю, сошедши съ коней, омочили конецъ своей сабли въ баранью кровь и выпили бы по кубку кумыса, въ знакъ союза, заключеннаго съ ними, что мы и исполнили.

Татары проводили насъ всей громадой, верхами съ борзыми собаками и соколами въ рукахъ; они неслись всю дорогу вскачь; мнѣ пришлось первый разъ въ жизни видѣть нѣчто въ родѣ татарской охоты. Къ огромнымъ, двухсаженнымъ палкамъ было прикрѣплено что-то вродѣ желѣзной рукоятки съ загнутыми книзу когтями. Татары разсыпаются по степи и высматриваютъ своимъ соколинымъ окомъ бѣгающаго въ полѣ звѣря; выслѣдивъ его, они загоняютъ его въ кругъ, а затѣмъ гонятъ вдоль по дорогѣ и замучиваютъ обыкновенно до смерти.

Поохотившись на землѣ этихъ татаръ въ Добруджѣ, мы простились

съ ними и поѣхали далѣе по такъ называемой казацкой степи. Мѣстность была совершенно ровная, нигдѣ не виднѣлось ни деревца, ни селенія, ни отдѣльнаго хутора; сочная, высокая трава колыхалась на этой степи подъ дуновеніемъ вѣтра, словно морская волна. Двое татаръ проводниковъ указывали намъ путь къ корчмѣ, содержимой евреемъ съ пейсами, въ лапсердакѣ и ермолкѣ, гдѣ мы могли переночевать. Солнце уже закатилось, а корчмы все еще не было видно; наконецъ, послышалось ржанье лошадей, блеяніе барановъ и мычанье коровъ, коимъ вторилъ лай собакъ и доносившійся издалека шумный говоръ и смѣхъ.

Подлѣ корчмы мы увидѣли цѣлую ватагу людей, которые гуляли, веселились и разводили костры, собираясь провести ночь подъ открытымъ небомъ; шинкарь еврей отвелъ намъ для ночлега отдѣльную комнату. По его словамъ, корчма «Выгнанка» была выстроена Гассанъ-беемъ, губернаторомъ Добруджи, въ степи, на землѣ, принадлежавшей правительству. Гассанъ-бей вошелъ въ компанію съ евресмъ, доставлялъ въ корчму вино и водку и получалъ половину чистой прибыли отъ продажи; бурлакамъ отпускали водку и вино въ кредитъ, на книжку. Слава корчмы и напитковъ, въ ней подаваемыхъ, кредитъ и присутствіе жида привлекали туда бурлаковъ со всей Добруджи; всякій шелъ туда погулять и выпить въ долгъ. Жидъ ловко уговаривалъ казаковъ селиться въ этомъ мѣстѣ; Гассанъ-бей доставлялъ матеріалъ на постройки, бурлаки работали и пропивали свой заработокъ, но были настолько честны, что работали до пота лица, пока не отработаютъ своего долга, а затѣмъ, разумѣется, бросали свои дома, огороды и поля. Бей отдавалъ ихъ въ наемъ какъ свою собственность или какъ выморочное имѣніе другимъ людямъ—румынамъ или болгарамъ, которые становились такимъ образомъ какъ бы его крѣпостными, или же продавалъ эти села какъ свою личную собственность и доносилъ Высокой Портѣ, что онъ отдалъ такое-то и такое-то количество полей, лѣсовъ и покосовъ подъ казацкое поселеніе, на что онъ выдалъ имъ жалованныя грамоты и получалъ отъ Высокой Порты похвалы за свое усердіе и за свое стараніе увеличить число населенныхъ мѣстъ. Онъ получалъ право на владѣніе этими селами даромъ и становился крупнымъ землевладѣльцемъ или продавалъ свои земли за хорошіе деньги. Такимъ способомъ нѣкоторые турки наживали въ Добруджѣ огромныя состоянія.

Источникомъ этихъ доходовъ были бурлаки; которые пользовались поэтому у властей уваженіемъ и всякаго рода поблажками. Это были все бѣглые изъ Украйны, Волыни, Малороссіи и даже изъ Литвы; между ними встрѣчались также дезертиры изъ русскаго войска.

Во время моего перваго пріѣзда въ Добруджу, по статистикѣ евреевъ, которые одни имѣли объ этомъ сколько-нибудь точныя свѣдѣнія, число бурлаковъ доходило до шести тысячъ человѣкъ; они владѣли 23 де-

ревнями, ими построенными и населенными; въ этихъ деревняхъ они жили, такъ сказать, осѣдло, хотя иногда случалось, что они умышленно сжигали свои дома и уходили на новые заработки въ корчму. Жидъ съ пейсами и корчма «Выгнанка», выгода и свобода были лозунгомъ бурлаковъ; такъ какъ мужское населеніе значительно превышало число женщинъ, то жены по добровольному соглашенію переходили черезъ мѣсяцъ или черезъ два отъ одного мужа къ другому, а затѣмъ снова возвращались къ первому мужу и снова покидали его. Подобные временные браки освящались религіей; попы считали нужнымъ дѣлать казакамъ эту поблажку, чтобы не отвратить ихъ отъ православной вѣры, къ которой они принадлежали; что всего удивительнѣе, евреи, содержавшіе въ этихъ казацкихъ селеніяхъ корчмы, въ злоупотребленіяхъ и распущенности подражали польской шляхтѣ. Мы сами были свидѣтелями этого и по просьбѣ бурлаковъ наказывали ихъ за эти злоупотребленія, что̀ евреи переносили какъ нельзя болѣе покорно.

Когда мы пріѣхали въ селеніе Присуха (Przysucha), населенное исключительно бурлаками, то къ намъ явились всѣ жители этого села, принесли намъ въ подарокъ куръ, хлѣбъ и соль и привели съ собою двухъ дѣвушекъ, чуть не подростковъ; обвиняя жида арендатора корчмы, у котораго мы остановились, въ томъ, что онъ обезчестилъ этихъ дѣвушекъ, просили меня произвести слѣдствіе и наказать еврея, угрожая въ противномъ случаѣ повѣсить его или посадить на колъ. Жидъ дрожалъ со страха, палъ мнѣ въ ноги и самъ просилъ меня разслѣдовать дѣло и наказать его. Я долженъ былъ уступить общей просьбѣ; хотя еврей запирался, но вина его была доказана и я приговорилъ его къ 60 ударамъ розгою; приговоръ мой былъ исполненъ въ точности. Бурлаки и самъ еврей благодарили меня и разошлись вполнѣ довольные. Въ тотъ же день вечеромъ я видѣлъ, какъ наказанный мною еврей билъ бурлаковъ палками, гоня ихъ на работу, и тѣ не протестовали, а повиновались ему съ величайшей покорностью. Таковы были эти бурлаки и ихъ отношенія къ жидамъ, бывшимъ посредниками между ними и мѣстными властями. Я не слыхалъ, чтобы между бурлаками были воры и убійцы; на мой вопросъ по этому поводу одинъ изъ турецкихъ начальниковъ отвѣчалъ:

— Бурлаки честные люди, они пьянствуютъ, но не убиваютъ людей; они уважаютъ чужую собственность, а если воруютъ женъ, то только другъ у друга, а не у постороннихъ; бурлакъ работаетъ какъ волъ, какъ муравей, а денегъ не беретъ; было бы у него, что съѣсть и выпить—съ него довольно; это честный народъ.

Изъ «Выгнанки» мы заѣхали на ночлегъ въ деревню Кавкаджію, а оттуда отправились въ Славу, одну изъ пяти деревень, населенныхъ казаками, старовѣрами Добруджи, которые пользовались одинаковыми

правами и привилегіями, какъ казацкое войско Игната Некрасова. Это были выходцы изъ Россіи, принадлежавшіе къ разнымъ религіознымъ сектамъ, къ которымъ послѣ 1828 года присоединились нѣсколько семействъ запорожцевъ; всѣ они признали себя старообрядцами, чтобы имѣть право воспользоваться привилегіями, данными некрасовцамъ. Во время войны они выставляли также, какъ и некрасовцы, извѣстное число солдатъ, съ тою разницею, что сами рѣдко шли на службу, а посылали въ войско своихъ сыновей или ставили за себя наемниковъ малороссовъ, бурлаковъ или цыганъ, коимъ они давали лошадей, оружіе и нѣкоторую сумму денегъ. Войсковыми атаманами и прочими войсковыми властями былп у нихъ всегда настоящіе некрасовцы или бывшіе запорожцы; сами они торговали рыбой, піявками, и разнымъ мелкимъ товаромъ и вообще занимались разными коммерческими предпріятіями. По большей части они всѣ были женаты. Впрочемъ, ихъ нельзя ни въ какомъ отношеніи сравнить съ некрасовцами изъ Биневле; ихъ военная выправка и посадка на конѣ не могли сравняться съ кавалерійскою выправкою настоящихъ некрасовцевъ; что касается нравственныхъ качествъ, они и тутъ во многомъ уступали некрасовцамъ. Вообще казаки Добруджи стояли нравственно очень не высоко, что они и доказали въ 1828 году, когда имъ было поручено препроводить турецкіе гаремы изъ Добруджи и изъ Силистрійскаго округа въ Адріанополь; они позволили себѣ по пути насилія надъ женщинами и грабили мусульманъ. Турецкія власти, со свойственной имъ хитростью, только сдѣлали выговоръ виновнымъ и велѣли имъ конвоировать гаремы до Царьграда; когда же они явились туда, ихъ всѣхъ заключили въ крѣпость и приговорили къ работамъ въ арсеналѣ на десять лѣтъ; принадлежавшія имъ лошади и оружіе были проданы въ возмѣщеніе убытковъ за произведенные ими грабежи. Просидѣвъ въ тюрьмѣ цѣлый годъ, они были выпущены на свободу только по просьбѣ некрасовцевъ и во вниманіе къ ихъ военнымъ заслугамъ. Эти казаки такіе же старовѣры, какъ и биневлевскіе некрасовцы, но они гораздо болѣе уважаютъ свое духовенство; въ окрестностяхъ Славы у нихъ есть богатый монастырь, и священники пользуются въ немъ большимъ уваженіемъ. Многіе изъ нихъ занимаются разными посторонними дѣлами, даже торговлей и спекуляціей, это единственное духовенство между сектантами, которое интересуется внутренней политикой и имѣетъ большое вліяніе на казаковъ Добруджи.

Эти казаки населяли пять обширныхъ селеній въ окрестностяхъ Мачина, а именно: Славу, Журиловку, Сарычіоль, Сиры-кіой и Камень, одно селеніе—Новинка или Дыждаръ, близъ Гирсова, и село Татаринка, близъ Силистріи. Всѣ эти селенія пользовались правами, дарованными некрасовцамъ; въ нихъ насчитывали до двухъ тысячъ душъ обоего пола.

Въ нѣкоторыхъ городахъ Добруджи. въ Тульчѣ. Исаксѣ. Мачинѣ, Гирсовѣ и Бабадагѣ было много разныхъ сектантовъ. между прочимъ старовѣровъ. но весьма немногіе пользовались такими привилегіями. какъ некрасовцы.

Въ Славѣ насъ приняли очень любезно, такъ какъ некрасовцы предупредили жителей о нашемъ пріѣздѣ. Старики и духовенство тотчасъ вступили съ нами въ разговоръ о Польшѣ и о казачествѣ. Они охотнѣе некрасовцевъ говорили о политикѣ и болѣе внимательно слѣдили за нею, но въ нихъ не было того военнаго духа. какъ у некрасовцевъ. Послѣднихъ можно было назвать рыцарствомъ. а казаковъ Добруджи—купечествомъ, мѣщанствомъ.

Въ Славѣ войсковыя власти выразили намъ желаніе, чтобы мы посѣтили всѣ казацкія поселенія, переговорили бы со всѣми старшинами и завели съ ними постоянныя сношенія. Намъ дали въ почетные проводники одного изъ самыхъ молодыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ умныхъ стариковъ. человѣка бывалаго и болѣе знакомаго со свѣтомъ, нежели прочіе казаки; его звали Осипъ Семеновичъ Гончаровъ. Мы поѣхали съ нимъ прежде всего въ Бабадагъ, гдѣ жилъ въ то время губернаторъ Добруджи.

XLI.

Бабадагъ.—Юліанъ Юшинскій. иначе Мустафа-бей, журиловскій бимбашъ — Въ гостяхъ у Степана Карагарманца, послѣдняго кошевого запорожскихъ казаковъ. — Разсказы о Запорожьи. — Совѣщаніе въ Сиры-кіой. — Атаманы пяти деревень.—Вилковскіе старики. — Монахи изъ Бѣлокриницкаго монастыря.—Обсужденіе вопроса о дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ казаками —Остатки Сѣчи.—Монастырскіе нравы.

Едва успѣли мы пріѣхать въ Бабадагъ, какъ въ казармы прилетѣлъ турецкій офицеръ и бросился въ мои объятія, восклицая:

— Мой поручикъ! мой начальникъ!

Онъ обнималъ меня и плакалъ отъ радости. Это былъ Юліанъ Юшинскій или татаринъ Липка изъ Августовскаго повстанья. Прослуживши въ моемъ взводѣ до окончанія войны онъ отправился въ Турцію и поступилъ бимбашемъ (маіоромъ) въ регулярный татарскій полкъ, подъ именемъ Мустафы-бея.

Вслѣдъ за нимъ явился привѣтствовать насъ губернаторъ Добруджи, Гассанъ-бей, также татаринъ, вмѣстѣ съ двумя судьями; они привели мнѣ четырехъ барановъ съ золоченными рогами, расписанными розовой краской, которые должны были находиться все время при мнѣ въ видѣ

почетной стражи; съ ними явилась цѣлая толпа оборванцевъ разныхъ національностей, которые составили мою свиту. Содержаніе ихъ не стоило мнѣ ни гроша; но одни изъ нихъ приходили, другіе уходили и я даже объ этомъ не зналъ; они находились въ полномъ завѣдываніи и распоряженіи Равскаго. Я не противился этому, ибо таковъ обычай на Востокѣ; чѣмъ больше при человѣкѣ состоитъ всякихъ оборванцевъ и нахлѣбниковъ, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ вѣса и значенія.

Юшинскій много разсказывалъ мнѣ о Степанѣ Карагарманцѣ, послѣднемъ кошевомъ Запорожскаго войска, который жилъ въ степи близъ Каракермана.—Юшинскій увѣрялъ, что отъ него можно узнать много интереснаго, но предупреждалъ меня, что къ кошевому не слѣдуетъ ѣхать большой компаніей, такъ какъ это можетъ ему не понравиться и онъ пожалуй откажется принять насъ.

Изъ Бабадага я поѣхалъ въ Журиловку, другое поселеніе казаковъ Добруджи, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ некрасовцевъ, и долженъ былъ провести у нихъ нѣсколько дней, такъ какъ они рѣшительно не отпускали меня. Въ Журиловкѣ я познакомился между прочимъ съ праправнукомъ славнаго кошеваго атамана Лоха, который много лѣтъ подрядъ былъ гетманомъ у запорожцевъ въ турецкихъ владѣніяхъ и предводительствовалъ ими въ войнахъ съ Россіей, Сербіей и Греціей. Согласно преданію, этотъ суровый человѣкъ перевѣшалъ на своемъ вѣку болѣе 300 евреевъ-арендаторовъ, и не могъ надивиться тому, что какой-нибудь повѣшенный имъ еврей не успѣетъ еще похолодѣть на висѣлицѣ, какъ уже является другой жидъ съ просьбою отдать въ аренду шинокъ и спѣшитъ дать задатокъ, въ полной увѣренности и надеждѣ, что и его со-временемъ повѣсятъ. Въ Добруджѣ многіе еще помнили Лоха и его продѣлки. Запорожскіе казаки, подобно польской шляхтѣ, имѣли свое veto, свое niepozwalam, свои выборы. Они свергали по своему собственному усмотрѣнію атамановъ и выбирали на ихъ мѣсто другихъ. Но у нихъ была медвѣжья шуба, крытая алой матеріей, принадлежавшая еще славному Дорошенко, которая не подлежала ни выборамъ, ни liberum veto; и пока она была на плечахъ кошеваго атамана, до тѣхъ поръ онъ считался непогрѣшимымъ какъ папа и его нельзя было смѣнить. Лохъ, любя власть болѣе всего на свѣтѣ, не будь глупъ, зашилъ на себѣ эту шубу и не вылѣзалъ изъ нея ни днемъ ни ночью, ни лѣтомъ, ни зимою; такимъ образомъ онъ сталъ непогрѣшимымъ. Какъ только на общественной площади поднимался шумъ, онъ выскакивалъ въ своей непогрѣшимой шубѣ непремѣнно съ нагайкой въ рукѣ и расправлялся по своему со старшиною и съ казаками, приказывалъ повѣсить еврея-арендатора на томъ основаніи, что если не онъ самъ, то его водка была причиною шума и волненія. Тотчасъ водворялся порядокъ и Лохъ

властвовалъ надъ казаками до тѣхъ поръ, пока не умеръ, зашитый въ шубѣ, кошевымъ атаманомъ славнаго Запорожскаго войска.

Оставивъ всю свою свиту въ Журиловкѣ, я отправился вмѣстѣ съ Сидоренко, съ молодымъ Лохомъ и съ казакомъ Степаномъ въ степь на поиски кошеваго. Лохъ зналъ степь какъ свои пять пальцевъ и умѣлъ оріентироваться по курганамъ и пригоркамъ. Каракерманъ со своими бѣлыми домами и мечетями остался вправо, желтыя воды Желѣзнаго озера виднѣлись влѣво, а впереди разстилалась зеркальная поверхность Чернаго моря; было совершенно тихо. Равскій запѣлъ:

Czorne more lezyt tycho
Nema czajki z kozakom
Nasze zamki, jakby lycho
Powalilo nad Dniprom [1]).

Въ этотъ моментъ изъ-за бурьяна показался казакъ на гнѣдомъ породистомъ конѣ; за нимъ бѣжало шесть борзыхъ, черныхъ какъ вороны съ серебряными ошейниками, блестѣвшими у нихъ на шеѣ подобно звѣздочкамъ. Несмотря на теплую погоду казакъ былъ въ буркѣ и бараньей шапкѣ. Онъ направлялся прямо къ намъ. Лохъ поскакалъ ему на встрѣчу, сошелъ съ коня, почтительно поклонился, нагнувъ голову до самыхъ стремянъ и сказалъ нѣсколько словъ, указывая на насъ; мы задержали своихъ лошадей.

Казакъ подъѣхалъ къ намъ, поклонился, снявъ шапку,—мы отвѣчали тѣмъ же, и попросилъ насъ къ себѣ въ гости.

У кургана, стоявшаго какъ бы на стражѣ у самаго моря, ибо тутъ кончалась зеленѣющая степь и начинались прибрежные пески, онъ остановился:

— Миновавъ этотъ курганъ я попрошу васъ сойти съ лошадей и пожаловать въ мою казацкую хату.

Онъ свиснулъ; словно изъ-подъ земли выскочили три казака, схватили подъ уздцы нашихъ лошадей, а мы пошли далѣе пѣшкомъ вслѣдъ за кошевымъ, который указывалъ намъ путь.

Нигдѣ не было видно ни хаты, ни куреня, ни строенія, ни какого-либо навѣса, былъ только довольно широкій входъ, ведшій какъ бы въ пещеру—это была землянка. Въ самомъ концѣ пещеры находились двѣ обширныя избы для кошеваго, съ печами и съ отверстіями для свѣта, въ которыхъ были вставлены стекла; всѣ стѣны были покрыты роскошными коврами, на которыхъ было развѣшано всевозможное оружіе, сѣдла, бурки, охотничьи и воинскія принадлежности; на полу лежали мягкіе ковры; сидѣнья были устроены изъ подушекъ и ковровъ. Не

[1]) Черное море тихо, на немъ не видно лодки съ казакомъ, наши замки чортъ разрушилъ надъ Днѣпромъ.

доходя до этихъ избъ находились двѣ землянки, одна—по правую сторону для слугъ, а другая—по лѣвую, служила конюшнею, въ которой стояло шесть великолѣпныхъ лошадей. Таково было помѣщеніе пана кошеваго, которому прислуживало шесть казаковъ. Мы пробыли у него восемь дней, прекрасный столъ, всевозможныя удобства, охота, рыбная ловля—все это было къ нашимъ услугамъ. Постараюсь передать здѣсь какъ можно точнѣе, насколько мнѣ позволитъ память, все что онъ разсказывалъ намъ о Сѣчѣ и о послѣднихъ моментахъ ея существованія.

— Я не буду говорить вамъ,—такъ началъ кошевой,—ни о гетманѣ Дорошенко, который первый перешелъ съ запорожцами въ подданство султана, ни о гетманѣ Мазепѣ, который послѣдовалъ примѣру Дорошенко послѣ Полтавской битвы; вы знаете все это изъ исторіи лучше меня.

Когда императрица Екатерина заняла земли запорожскаго войска своими войсками и издала указъ о выселеніи запорожцевъ съ Днѣпра на Кубань и на берега Чернаго моря, куренный атаманъ Бахматъ чуть не съ половиной своихъ казаковъ пробился сквозь русское войско и ушелъ въ Буджакъ, а оттуда на Дунай и далѣе. Онъ вступилъ со своими запорожцами на службу турецкихъ султановъ, но запорожскій кошъ сохранилъ при этомъ всѣ права и привилегіи, коими запорожцы пользовались на Днѣпрѣ. Кошевой пользовался всѣми преимуществами и отличіями двухбунчужнаго паши, съ титуломъ миримирама, главнаго надъ главными, а войско получало въ мирное время продовольствіе на 14 куреней, т. е. на 1400 казаковъ, а во время войны продовольствіе и жалованье, подобно янычарамъ, съ обязательствомъ нести службу на сушѣ и на морѣ. Кошевой атаманъ получилъ отъ султана бунчукъ съ двумя концами и булаву, а войско—двухцвѣтное знамя: на бѣломъ полѣ золотой православный крестъ, а на черномъ полѣ серебряный мѣсяцъ. Войсковая хоругвь была освящена патріархомъ въ присутствіи 12 епископовъ. Запорожскіе казаки жили подъ покровительствомъ султана какъ у Христа за пазухой: сначала они поселились на лѣвомъ берегу Дуная, а впослѣдствіи перешли на правый берегъ. У нихъ было два выдающихся кошевыхъ атамана: Морозъ, кіевлянинъ, отличившійся въ морскомъ сраженіи съ греками, при капуданѣ (морскомъ министрѣ) Топалъ-Хозревъ-пашѣ; на его суднѣ находилась турецкая касса. Не будучи въ состояніи обороняться подъ Хіосомъ отъ нападавшихъ на него греческихъ судовъ, онъ взорвалъ свой корабль на глазахъ у Хозрева-паши и такимъ образомъ касса не досталась грекамъ. Морозъ въ началѣ былъ монахомъ, чернецомъ, подобно блаженной памяти Петру Конашевичу Сагайдачному и также какъ онъ былъ храбрымъ атаманомъ. Другой атаманъ, Лохъ, польскій шляхтичъ изъ Украйны, никому не говорилъ своей настоящей польской фамиліи, но по шляхетски управлялъ кошемъ,

по шляхетски вѣшалъ жидовъ и наказывалъ враговъ султана и Высокой Порты. Прочіе атаманы были люди ничтожные, не грамотные и находились совершенно въ рукахъ евреевъ или армянъ.

Эти армяне посовѣтывали послѣднему кошевому атаману Запорожской сѣчи Гладкому распустить запорожцевъ на заработки, на волю, а продовольственный ихъ паекъ продать армянамъ, что и было имъ исполнено. Армяне такъ съумѣли обойти турецкихъ сановниковъ, что тѣ молчали, хотя все это было имъ извѣстно; запорожскіе казаки получили приказаніе отправиться въ Силистрію для обороны тамошней крѣпости. По существовавшему издавна обычаю, въ Сѣчѣ не было и двухъ тысячъ человѣкъ, способныхъ владѣть оружіемъ; всѣ они тотчасъ были посланы въ Силистрію. Затѣмъ начали силою набирать другихъ казаковъ и набрали ихъ наконецъ всего до 3-хъ тысячъ, какъ вдругъ былъ полученъ приказъ строгаго визиря и сераскира Решидъ-паши: послать 40 запорожскихъ куреней въ Шумлу, ни одного человѣка менѣе, иначе кошевой атаманъ поплатится за это головою. Какъ быть? атаманъ обратился за совѣтомъ къ своимъ единомышленникамъ-армянамъ, которые научили его какъ поступить. Въ одинъ прекрасный день кошевой атаманъ приказалъ войску собраться на площадь; произведя ему смотръ онъ велѣлъ писарю, обозному, двумъ куреннымъ атаманамъ и мнѣ сѣсть вмѣстѣ съ нимъ въ лодку. Мы вышли изъ Дунавца въ Дунай и прибыли въ Измаилъ; всѣ мы до того потеряли голову, что никто изъ насъ не спросилъ, что все это значитъ. Все было заранѣе подготовлено и условлено: насъ встрѣтили русскіе офицеры и солдаты и привели насъ прямо къ Бѣлому Царю. Императоръ Николай Павловичъ имѣлъ царственную наружность и осанку. Кошевой принялъ его подданство со всѣмъ своимъ войскомъ, сложивъ у его ногъ печать, булаву и казацкій списокъ. Войсковаго знамени съ нимъ не было, ибо оно было отправлено съ войскомъ въ Силистрію. Принявъ подданство Россіи мы слились съ людьми одной съ нами вѣры, одного племени, и царь принялъ насъ какъ славянъ, какъ дѣтей православной церкви. Мы остались въ Измаилѣ, а кошевой съ двумя атаманами вернулся въ Сѣчь; съ ними было отправлено четыре баталіона русской пѣхоты. Запорожцы тотчасъ сѣли на лодки и поплыли съ кошевымъ въ Измаилъ. Но съ женщинами было много хлопотъ, онѣ не хотѣли уходить и защищались оружіемъ: однако ихъ забрали съ дѣтьми и пожитками и посадили на лодки. Старая наша Сѣчь и село Райя были сожжены до тла; отъ нихъ остались однѣ дымовыя трубы, которыя стоятъ по сей часъ. Насъ послали на берегъ Азовскаго моря гдѣ мы образовали Азовское казачье войско. Мы гонялись на своихъ лодкахъ, какъ наши предки въ доброе старое время, за черкесскими ладьями вдоль берега моря до Требизонда и даже до Синопа. Все было бы хорошо, служба царская— служба славянская, всякій

несъ бы ее охотно до тѣхъ поръ, пока ему служили бы руки и ноги, но всему помѣшали проклятые нѣмцы; трудно было имъ подчиняться; нѣмецъ мирволилъ своимъ землякамъ—нѣмцамъ, не стало силы долѣе терпѣть, я и бѣжалъ туда, гдѣ могу жить на свободѣ, и вотъ сижу въ этой ямѣ, гдѣ мнѣ придется сложить свои кости.

Онъ слышалъ отъ атамана Блатнеровскаго куреня, который жилъ еще въ то время на Дунаѣ и властвовалъ надъ казаками, что хорунжій Василій Скерніевскій отвезъ войсковое знамя въ Стамбулъ и оставилъ его по приказанію сераскира въ домѣ православнаго патріарха, а самъ отправился доживать свой вѣкъ въ Святыя горы (русскій монастырь).

Восемь дней, проведенныхъ нами въ бесѣдѣ съ этимъ старикомъ-запорожцемъ, пролетѣли какъ одинъ мигъ.

На обратномъ пути мы вернулись снова въ Журиловку, а оттуда проѣхали въ Сиры-кіой, самое главное поселеніе казаковъ Добруджи. Тамъ ожидали насъ атаманы всѣхъ почти селеній, собравшіеся подъ предсѣдательствомъ сиры-кіойскаго атамана Кузьмы Василиска.

Каждое казацкое село въ Добруджѣ имѣло своего мѣстнаго атамана и вѣдало своими собственными дѣлами, но въ болѣе важныхъ случаяхъ всѣ атаманы собирались въ Сиры-кіой, каждый съ однимъ или съ двумя стариками, и между ними предсѣдательствовалъ сиры-кіойскій атаманъ, какъ наистарѣйшій по служебной іерархіи.

У добруджскихъ казаковъ не было войсковаго или походнаго атамана; они шли на войну подъ предводительствомъ войсковаго атамана некрасовцевъ; онъ предводительствовалъ ими, утверждалъ выбранныхъ ими сотниковъ, поручиковъ и другихъ должностныхъ лицъ, которые сохраняли свое званіе до самой смерти.

Пользуясь всѣми правами и привилегіями некрасовцевъ, казаки звонили по нѣсколько разъ въ день въ колокола, воздавая хвалу Богу за эти привилегіи.

Собравшись съ казаками на бесѣду, мы обсуждали съ ними вопросъ о дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ поляками и съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ. На этой бесѣдѣ присутствовали два старика изъ Вилкова—поселенія, расположеннаго на берегу моря при устьи Килійскаго рукава Дуная. Они находились въ то время въ подданствѣ Россіи и несли службу на канонеркахъ на Дунаѣ; были тутъ и два монаха изъ Бѣлокриницъ—старовѣрческаго поселенія въ Буковинѣ, подвластнаго Австріи.

Въ Вилковѣ жило 1.200 семействъ старовѣровъ. Меня нѣсколько удивило, что на наше совѣщаніе были приглашены русскіе подданные, но что же было дѣлать? Я отнесся къ нимъ весьма дружелюбно, но говорилъ съ ними осторожно, ибо съ самаго начала моей политической

дѣятельности, подъ руководствомъ князя Адама, я держался того убѣжденія, что съ нашей стороны было бы величайшей и непростительной ошибкой сѣять въ странѣ смуты и поощрять народъ къ недовольству и мятежу. Я хотѣлъ пріобрѣсти для поляковъ въ Турціи нравственную поддержку, т. е. поддержку на дипломатическомъ поприщѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ матеріальную поддержку, т. е. поддержку войска, поэтому я не входилъ ни въ какія сношенія съ вилковскими казаками до заключенія Парижскаго трактата, когда Вилковъ перешелъ въ ленное владѣніе султана и, слѣдовательно, вошелъ въ составъ Оттоманскаго государства.

Монахи Олимпій и Павелъ Васильевы изъ Бѣлокриницкаго монастыря находились въ этотъ моментъ въ Сиры-кіойѣ случайно; они объѣзжали старовѣрческія поселенія, собирая фондъ на поддержку старовѣровъ противъ русскаго правительства. Старый князь Меттернихъ, какъ честный и добросовѣстный союзникъ Россіи, по своему обыкновенію, втайнѣ дѣятельно помогалъ Бѣлокриницкому монастырю; монахи этого монастыря имѣли съ нимъ непосредственныя сношенія; въ особенности монахъ Олимпій, который самъ говорилъ мнѣ, давая клятву въ истинѣ своихъ словъ, что эти сношенія стоили имъ огромныхъ денегъ, которыя старый князь Меттернихъ безъ всякихъ объясненій получалъ отъ старовѣровъ, постоянно требуя все болѣе и болѣе. По всей вѣроятности онъ писалъ петербургскому кабинету, что старовѣры обѣднѣли, а онъ по-просту ставилъ ихъ въ невозможность дѣйствовать противъ русскаго правительства; таковъ обычай вѣнскаго кабинета съ точки зрѣнія дипломатической добросовѣстности.

Монахъ Олимпій былъ человѣкъ проницательный, льстивый, прекрасно владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, былъ молодъ, красивъ собою, чрезвычайно вѣжливъ и прекрасно умѣлъ вести разговоръ о политикѣ. Монахъ Павелъ Васильевъ былъ человѣкъ выдающійся, ученый и настоящій сектантъ по стойкости своей въ вѣрѣ и по самопожертвованію.

Такіе люди были не лишніе въ нашемъ обществѣ, и я нашелъ въ нихъ дѣятельную и разумную поддержку. Между мною и казаками-старовѣрами Добруджи былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго мы обязались дѣйствовать единодушно; нами было написано сообща письмо къ князю Адаму, подписанное атаманами и стариками, въ которомъ они выражали свою радость по поводу того, что между нами завязались сношенія, обязывались дѣйствовать съ нами единодушно и просили оказать имъ поддержку при сношеніяхъ съ Высокой Портой и съ западными державами. Я послалъ это письмо въ Парижъ чрезъ Константинополь. Такъ какъ у меня было нѣсколько польскихъ булавокъ и брас-

летъ, которые очень понравились казакамъ, то я далъ по одной вещи каждому атаману и двумъ вилковскимъ старикамъ.

На этомъ собраніи меня чрезвычайно поразили слова Прокопа, новинкевскаго атамана.

— Если князь Адамъ Чарторыйскій дѣйствительно хочетъ остаться польскимъ королемъ, на что онъ имѣетъ право, то почему же онъ не чеканитъ монеты, почему онъ не раздаетъ орденовъ — знаки монархической власти?

Я не замедлилъ донести князю объ этихъ словахъ особымъ рапортомъ, такъ какъ они согласовались съ проектомъ Евстафія Янушкевича относительно календаря и монетъ. Эта мысль несомнѣнно была практична, ибо она возникла одновременно въ умѣ людей практичныхъ, но совершенно незнакомыхъ другъ съ другомъ и жившихъ въ разныхъ пунктахъ земнаго шара.

Изъ Сиры-кіойя я отправился взглянуть на развалины Сѣчи, находившіяся въ 5—6 часахъ ѣзды оттуда. Мѣста, гдѣ стояли хаты, были наполнены водою и грязью, остатки печей обросли травою; на бывшей казацкой площади паслись овцы и табуны лошадей, которые при нашемъ приближеніи понеслись вскачь по этимъ развалинамъ. Въ двухъ верстахъ оттуда находились развалины села Раи, гдѣ жили женатые запорожцы, которыхъ выселяли изъ Сѣчи, чтобы они на свободѣ плодили и ростили казачатъ. Рая представляла собою подобныя же развалины. Таковы были остатки Запорожской Сѣчи.

По берегу Дунавца, почти до самаго Дуная, тянулись промысловыя заведенія, гдѣ пластали и солили рыбу, приготовляли икру и рыбій клей; эту работу исполняли по преимуществу старые запорожцы. Усатые, съ обритой бородою и коротко обстриженными волосами, въ заплатаныхъ и засаленыхъ рубашкахъ и шароварахъ, въ юфтевыхъ сапогахъ и шапкахъ изъ бараньяго мѣха, они походили на выходцевъ съ того свѣта; они работали въ потѣ лица и гуляли во всю.

Насколько мы могли заключить изъ разсказовъ самихъ запорожцевъ, на берегу Дунавца, на судоходной части Дуная, на берегу заливовъ св. Георгія и Сулины, въ селеніяхъ Эдрелезе и Кара-Орманъ, а также на островѣ Сулинѣ проживало еще до пяти тысячъ запорожцевъ, но у нихъ не было уже ни своего атамана, ни своихъ чарбаджей; они раздѣлялись на артели или громады, которые нанимались на рыбные промыслы къ армянамъ, грекамъ, жидамъ и чаще всего къ казакамъ Добруджи и къ некрасовцамъ.

Въ 22-хъ верстахъ отъ Тульчи, въ урочищѣ Фелиція, было два монастыря: мужской и женскій; ихъ раздѣлялъ небольшой ручеекъ. Въ этомъ монастырѣ находили пріютъ всѣ неудачники, пьяницы обоего пола, вообще всѣ подонки Запорожья, для которыхъ монастырь служилъ бо-

гадѣльней. Самые монахи и бѣлицы также не отличались особенно строгими нравами.

Когда мы прибыли въ Добруджу, въ обоихъ монастыряхъ проживало свыше 300 человѣкъ обоего пола. Мы посѣтили монастырь въ воскресный день и были свидѣтелями крика, гульбы и самаго отвратительнаго безчинства, ибо тутъ гуляла не молодежь, а старики и бабы; это походило на настоящее дьявольское навожденіе, какъ-будто самъ чортъ выскочилъ изъ ада, чтобы погулять вмѣстѣ съ людьми. Отецъ Паисій, родомъ изъ Ходни, принялъ насъ съ бо́льшимъ почетомъ, нежели онъ принималъ константинопольскаго патріарха, а самъ былъ такъ пьянъ, что то и дѣло падалъ намъ въ ноги.

Изъ монастыря мы поѣхали въ Тульчу, которая была въ то время еще довольно плохимъ городишкомъ, но въ него стекалась масса народа всевозможныхъ національностей и вѣроисповѣданій. Въ мѣстечкахъ Добруджи и въ Тульчѣ смѣло можно было насчитать отъ 4—5 тысячъ русскихъ, русиновъ, казаковъ и поляковъ.

Я никогда не разсчитывалъ найти въ Добруджѣ столь многочисленнаго элемента, который могъ бы служить съ пользою дѣлу польской справы, тѣмъ болѣе, что я тутъ нигдѣ не встрѣтилъ и слѣда польскихъ демократовъ и іезуитовъ,—самыхъ опасныхъ враговъ польской справы. Въ Добруджѣ всѣ были преисполнены самымъ благороднымъ, ревностнымъ желаніемъ служить Польшѣ и относились съ особымъ уваженіемъ къ польской шляхтѣ и къ самой польской справѣ.

Переводъ **В. В. Тимощукъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтка по поводу обѣда въ память XXXVII годовщины освобожденія крестьянъ.

Въ апрѣльской книжкѣ журнала «Русская Старина» помѣщено описаніе обычнаго обѣда, по случаю празднованія XXXVII годовщины освобожденія крестьянъ, и приведено содержаніе рѣчи, произнесенной однимъ изъ его участниковъ П. П. Семеновымъ, въ память К. К. Грота и А. Д. Шумахера.

Въ этой прекрасной и прочувствованной рѣчи почтенный ораторъ, коснувшись земской реформы, между прочимъ сказалъ, что «коммисія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, къ участію въ которой призванъ былъ К. К. Гротъ, въ 1859 году, начертавъ первый проектъ Положенія о мировыхъ посредникахъ, также бросила первую мысль о земскихъ учрежденіяхъ»; и далѣе: что «замѣнившій Н. А. Милютина, въ качествѣ директора хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, А. Д. Шумахеръ честно и спокойно пошелъ по пути, проложенному Н. А. Милютинымъ, не только по отношенію къ организованнымъ уже городскимъ учрежденіямъ, но и къ едва имъ намѣченнымъ земскимъ, которыя создались не нарочно организованными, для составленія законоположенія о нихъ, но какими-то невидимыми силами, между которыми находился и А. Д. Шумахеръ».

Изъ сопоставленія приведенныхъ словъ можно заключить, что земская реформа совершилась путемъ бюрократическимъ, безъ всякаго участія ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ въ ней сторонъ, то-есть самаго земства, и что даже вопросъ объ этой реформѣ возбужденъ былъ какъ бы помимо его,—что̀ едва ли вполнѣ согласно съ дѣйствительностью.

Еще до крестьянской реформы, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ средѣ дворянства С.-Петербургской губерніи возникла мысль—о преобразованіи существовавшаго управленія земскими повинностями, и дворянство это вошло съ ходатайствомъ о таковомъ преобразованіи въ министерство внутреннихъ дѣлъ; получивъ съ высочайшаго разрѣшенія дозволеніе на составленіе проекта организаціи земскихъ учрежденій, оно

выбрало изъ среды своей комитетъ, который, составивъ подробный проектъ, представилъ таковой министру внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскому, въ 1859 или 1860 году, но проекту этому не было дано дальнѣйшаго хода. Затѣмъ въ декабрѣ 1860 года, на выборахъ нижегородскаго дворянства, возбужденъ былъ тотъ же вопросъ, и на основаніи состоявшагося по сему предмету постановленія, дворянство это вошло съ ходатайствомъ о преобразованіи управленія земскими повинностями, причемъ также представило и проектъ организаціи земскихъ учрежденій, почти сходный съ проектомъ дворянства С.-Петербургской губерніи. Примѣру Нижегородской тотчасъ же послѣдовали и многія другія губерніи, а затѣмъ уже въ 1861 году, по указанію министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева, приступлено, организованною при министерствѣ въ 1850 году коммисіею о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, къ разработкѣ проектовъ преобразованія въ хозяйственномъ управленіи губерній, результатомъ которой было составленіе «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ», начертаннаго на тѣхъ же главныхъ началахъ, какія проектированы были дворянствомъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что если разработка проектовъ о земской реформѣ и самый трудъ по составленію по ней законоположенія, принадлежатъ коммисіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ (работавшей подъ ближайшимъ руководствомъ П. А. Валуева, и душою которой былъ А. Д. Шумахеръ), то къ числу силъ, создавшихъ земскую реформу, нельзя не отнести и дворянство, живое въ ней участіе котораго не могло остаться невидимымъ; и я полагаю, что лишь совпаденіе ходатайствъ дворянства въ концѣ 1860 и въ началѣ 1861 годовъ съ моментомъ освобожденія крестьянъ, всецѣло поглощавшаго вниманіе главныхъ дѣятелей по крестьянской реформѣ, могло заслонить этотъ фактъ и отъ вниманія уважаемаго П. П. Семенова.

П. Д. Стремоуховъ.

(Бывшій нижегородскій губернскій предводитель дворянства).

Издатель С. Зыковъ. **Редакторъ Н. Дубровинъ.**

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1898 г.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТЫЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

		стран.
I.	Первая встрѣча императора Александра II съ императрицею Маріею Александровною. Сообщ. В. И. Маркеловъ	19—22
II.	Чужое имя (Записки стараго помѣщика). В. А. Шомпулевъ	91—95
III.	Воспоминанія офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—78 гг. А. А. Берсъ. 111—132; 375—400;	645—670
IV.	Поправки и дополненія къ статьѣ «Профессоры братья Бруны». Ал. Маркевичъ.	133—136
V.	Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской (рожденой княжны Голицыной). Гл. XV—XVII. 137—148, 407—421;	631—644
IV.	Записки Михаила Чайковскаго. Гл. XXXI—XLI. Переводъ В. В. Тимощукъ. 161—200, 423—453;	671—694
VII.	Записки поляка о 1863 годѣ. 269—287:	543—572
VIII.	Мои воспоминанія объ Авраамѣ Сергѣевичѣ Норовѣ. М. И. Михельсонъ	289—300

СТРАН.

IX. Мнимоумершій (Изъ записокъ стараго помѣщика). В. А. Шомпулевъ . . . . 347—350
X. Мои воспоминанія объ Антонѣ Григорьевичѣ Рубинштейнѣ (1829—1894 гг.). Василій Бессель . . . . . 351—374
XI. Замѣтка на записки В. А. Инсарскаго. И. С 455—462
XII. Изъ воспоминаній о Венгерской кампаніи 1849 г. Ѳедора Григорова. . . . 491—522
XIII. Московскій университетъ въ 1861 г. (Изъ записокъ С. В. Ешевскаго) . . . . . 577—603

Портреты.

I. Солдатъ л.-гв. Преображенскаго полка. Грав. И. И. Хельмицкій.
(При 4-ой книгѣ).

II. Два портрета Авраама Сергѣевича Норова. Грав. К. Адтъ.
(При 5-ой книгѣ).

III. Портретъ Александра Николаевича Муравьева. Грав. И. И. Хельмицкій.
(При 6-ой книгѣ).

Исторія русской литературы.

1. Посланіе Н. И. Греча къ реформаторамъ русской орѳографіи 1862 г. Сообщ. М. И. Михельсонъ 47
2. Девять сотъ лѣтъ назадъ. Сказка. Ал. Ив. С—въ . . . 72
3. Блажь старца. Ал. Ив. С—въ 490

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Отношенія императора Павла I къ Академіи Наукъ. Акад. К. С. Веселовскаго.	5—18; 225—246
II	Судъ надъ Ѳ. Ѳ. Гежелинскимъ. Сообщ. Н. Н. Селифонтовъ	23—46
III.	На зарѣ крестьянской свободы (Матеріалы для характеристики общества). Гл. VIII. R. . . .	49—71
IV.	Пушкинъ и Ефимъ Петровичъ Люценко. Б. А. Модзалевскаго	73—88
V.	Четырехмѣсячный казанскій губернаторъ. А. З. Мышлаевскаго	89
VI.	Два письма Екатерины II князю М. Н. Волконскому. Сообщ. П. М. Майковъ.	96
VII.	П. С. Мочаловъ и В. А. Каратыгинъ. (Оконч.). В. Шенрока.	97—110
VIII.	Приключенія русскихъ колоколовъ, отправленныхъ въ Сербію въ 1863 г. Сообщ. Марченко.	149—153
IX.	Рѣчь Измайлова рекрутамъ. Сообщ. И. А. Боровковъ	154
X.	Къ исторіи царствованія императора Павла I. Сообщ. А. В. Безродный	155—160
XI.	Два слова П. И. Бартеневу. В. Бильбасова.	201—203
XII.	Мѣра, предложенная императоромъ Александромъ I, чтобы окончить скорѣе войну съ Турціею въ 1812 году. Сообщ. Ѳ. П. Кеппенъ . . .	204
XIII.	Письма разныхъ лицъ къ А. Г. Тройницкому. Сообщ. Г. А. Тройницкій.	205—215
XIV.	О закрытіи по случаю жаровъ присутственныхъ мѣстъ въ Елисаветполѣ	216
XV.	Празднованіе XXXVII-й годовщины освобожденія крестьянъ	217—223
XVI.	Письмо императора Александра I барону Бенигсену отъ 30-го октября 1806 г.	224
XVII.	Польская смута 1863 года. . . . 247—267;	523—541
XVIII.	Къ біографіи П. С. Мочалова. Сообщ. Левъ Поливановъ.	268
XIX.	Распоряженіе объ оберъ-гауптманскихъ судахъ въ Курляндіи 26 мая 1812 г.	288

стран.

XX. Письмо Лжедимитрія Клименту VIII. В. А Бильбасова. . . . . 301—311
XXI. Письмо И. И. Дмитріева—П. П. Свиньину отъ 28 марта 1835 г. 312
XXII. Евграфъ Васильевичъ Чешихинъ. (Матеріалы для его біографіи). (Окончаніе). Ч. Вѣтринскаго . . . . . 313—333
XXIII. Жадыръ-шахъ—мнимый богъ. Сообщилъ А. В. Евдокимовъ 334
XXIV. Изъ архива А. В. Никитенко (Письма къ нему разныхъ лицъ). Сообщ. С. А. Никитенко . . 335—345
XXV. Письмо князя М. И. Кутузова-Смоленскаго курскому городскому головѣ отъ 20 сентября 1812 г. Сообщ. Ник. Як. Тарновскій 346
XXVI. Нѣсколько словъ о Михаилѣ Антоновичѣ Горновскомъ. Е. Н. Ахматовой . . . . . 401—406
XXVII. Опредѣленіе Правительствующаго Сената изъ 1-го въ 5-й департаментъ 4-го іюня 1826 г. . . 422
XXVIII. Два письма А. Бенкендорфа: Максиму Максимовичу Брискорну и Антону Константиновичу Крыжановскому отъ 3-го августа 1831 г. 454
XXIX. Россія и Германія въ XIX вѣкѣ . . . . . 465—489
XXX. О гербахъ офицеровъ брига «Меркурій». Сообщ. А. В. Безродный. 542
XXXI. Замѣтка о пребываніи Этьена Фальконета въ Россіи. 573—575
XXXII. Указъ царя Алексѣя Михайловича отъ 18-го мая 1651 г. и благодарность графу П. А. Румянцову за хорошій пріемъ наслѣдника цесаревича Павла Петровича въ Малороссіи 576
XXXIII. Письмо Ив. Ив. Дмитріева—П. П. Свиньину отъ 11-го февраля 1826 г. 604
XXXIV. Къ біографіи Н. В. Гоголя. Сообщ. В. И. Шенрокъ. . . . . 605—608
XXXV. Нѣсколько строкъ о бывшемъ Нижегородскомъ губернаторѣ А. Н. Муравьевѣ. Л. А. Савельева. 609—629
XXXVI. Письмо къ редактору «Русск. Старины»—П. Д. Стремоухова по поводу стихотворенія «Муравіада». 630
XXXVII. Замѣтка по поводу обѣда въ память XXXVII годовщины освобожденія крестьянъ. П. Д. Стремоухова . . . . . 695—696

Библіографическій листокъ

1. Историческія сочиненія Д. И. Иловайскаго. Часть вторая 1859 –1897 гг. Москва. 1897 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ апрѣльской книги).
2. Записки Петра Кононовича Менькова. Въ трехъ томахъ. Томъ I-й Дунай и нѣмцы (Восточный вопросъ 1853 –1855 гг.). Томъ II-й. Дневникъ П. К. Менькова. Томъ III-й. Сборникъ статей. Издалъ В. Березовскій. Спб. 1898 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ майской книги).
3. Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ съ 4-мя оригинальными рисунками И. К. Айвазовскаго, заставками В. Я. Суреньянца, съ автографами авторовъ и 160-ю портретами, видами, типами Закавказья, Турецкой Арменіи и проч.— въ текстѣ. Москва. 1897 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ іюньской книги).
4. „По бѣлу-свѣту“. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Стараго свѣта доктора А. В. Елисѣева. Т. IV. Съ иллюстраціями художниковъ: Н. Н. Каразина, В. П. Овсянникова, Э. К. Соколовскаго и А. А. Чикина. Спб. 1898 г. (Тамъ-же).

Приложеніе.

Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. — Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны 1745 –1748 гг. Сообщилъ Л. В. Евдокимовъ (при IV и V книгахъ) . . . . . 289—305

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ
СЕМЕВСКІЙ,

ОСНОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА»

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. 1837—1892

Съ двумя портретами и письмами Благосвѣтлова, Модзалевскаго, Ушинскаго и другихъ.

Цѣна безъ пересылки 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» 2 р.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія въ Спб. на Большой Подъяческой, д. 7, кв. 3, у издательницы. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

Продается библіотека М. И. Семевскаго, гравюры, портреты, изданія

Рекомендуются для письменныхъ работъ (extemporalia):

1) АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

словъ и выраженій, имѣющихъ неправильности или особенности при переводѣ на греческій языкъ.

Составилъ **Н. И. Кашкадамовъ.** 308 стр. въ 32 д. л. Цѣна 1 рубль.

Книга содержитъ расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ всѣ (по возможности) слова, имѣющія неправильности какъ въ этимологическомъ, такъ и въ синтаксическомъ отношеніяхъ. Въ ней учащійся найдетъ разрѣшеніе всѣхъ, могущихъ встрѣтиться, затрудненій при переводѣ съ русскаго на греческій: при глаголахъ выписаны всѣ формы и конструкціи, при предлогахъ—важнѣйшія особыя выраженія, при другихъ частяхъ рѣчи—всѣ неправильности. Эта книга можетъ отчасти замѣнить учебникъ и русско-греческій карманный словарь

2) УКАЗАТЕЛЬ

съ русскаго на латинскій, приспособленный не только для классныхъ, но и для домашнихъ письменныхъ работъ, такъ какъ замѣнитъ русско-латинскій словарь.

Необходимъ для учениковъ всѣхъ классовъ.

Главный складъ въ Типографіи Товарищества «Общественная Польза», С.-Петербургъ, Большая Подъяческая д. № 39. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы. Книгопродавцамъ уступка 20%. Выписывающіе изъ склада за пересылку ничего не платятъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1898 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1898 году въ двадцать девятый годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели найдутъ личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

Лица, небывшія подписчиками въ 1895 и 1897 гг., если пожелаютъ получить двѣ части **Записокъ В. А. Инсарскаго**, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать **«РУССКУЮ СТАРИНУ»** чрезъ редакцію **«Досугъ и Дѣло»**.

*

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ

РУССКОЙ СТАРИНЫ

ЗА 1891—1896 г.г.

СЪ ПЯТЬЮ ПОРТРЕТАМИ.

Третье прибавленіе къ систематической роспися «Русской Старины» изданной въ 1885 г.

Цѣна съ пересылкою: для подписчиковъ «Русской Старины» 1 руб., а для всѣхъ остальныхъ 1 руб. 50 коп.

Съ требованіемъ слѣдуетъ обращаться въ контору редакціи журнала **«Русская Старина»**: Фонтанка, д. № 145.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку указателя только передъ тѣми лицами, которыя обратятся съ требованіями въ ея контору.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка.

Редакція считаетъ долгомъ заявить, что **Указатель** напечатанъ въ *ограниченномъ* числѣ экземпляровъ.

Владивостока [1]). Пребываніе около мѣсяца подъ тропиками было очень тяжело, хотя, вообще, русскіе переселенцы, по словамъ автора, удивляли французовъ своею выносливостью и стойкостью противъ неумолимаго бича тропиковъ—солнечныхъ ударовъ. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ А. В. Елисѣевъ положеніе парохода въ сферѣ недалеко проходившаго тайфуна: «обходя трюмы, я просто впадалъ въ отчаяніе при видѣ ужасающихъ условій, въ какихъ находились переселенцы. Въ нижнихъ трюмахъ стояла по щиколодку вода, гніющая съ отбросами и издававшая страшное зловоніе; повсюду темнота, сырость, грязь, среди которыхъ копошатся цѣлыя сотни людей. Немудрено, что въ этотъ день намъ пришлось выбросить за бортъ еще четверыхъ дѣтей».

Въ главахъ третьей по пятую авторъ даетъ картинное описаніе Южно - Уссурійскаго края.

Шестая глава посвящена описанію Кореи, а въ слѣдующей описывается поѣздка въ Японію.

Вотъ какъ описывается А. В. Елисѣевымъ въ восьмой главѣ японскій театръ въ Кобе. «Передъ входомъ въ театръ публика снимаетъ свои туфли и спѣшитъ занять свои мѣста, не представляющія никакихъ сидѣній, исключая циновокъ; при входѣ въ театръ насъ поразила сплошная японская толпа, среди которой мы были единственными европейцами; повидимому, даже японцы, одѣвшіе европейское платье, считаютъ ниже своего достоинства посѣщать національные театры. Толпа зрителей галдѣла и шумѣла, выражая свое восхищеніе и довольно громко переговариваясь съ сосѣдями. Самый театръ представляетъ огромное деревянное зданіе съ двумя рядами хоръ наверху, для помѣщенія райка. По краямъ партера идутъ ложи; какъ эти послѣднія, такъ и партеръ состоятъ изъ отдѣленій, образованныхъ рѣшетчатообразнымъ строеніемъ пола; благодаря такому устройству, этотъ послѣдній представляетъ родъ ячеекъ, въ которыхъ на циновкахъ помѣщается по 3—4 человѣка. По самому переплету рѣшетокъ, образующему сѣть переходовъ между отдѣльными ячейками, безпрестанно шныряютъ дѣти, бѣгаютъ продавцы снѣдей и афишъ, громко выкрикивая достоинства своего товара... Оркестръ театра составляютъ одно и дву-струнныя гигары, аккомпанируемыя нерѣдко нестройнымъ пѣніемъ, прищелкиваніемъ языка и хлопаніемъ въ ладоши. На сценѣ изображается обыкновенно домашняя жизнь японца, двигаются нарумяненные актеры и актрисы, производящіе шумъ, крики и разнообразныя переодѣванія; въ игрѣ видно много жизни и выраженія. Хотя самый театръ освѣщенъ электричествомъ, но обиліе бумажныхъ фонарей, увѣшивавшихъ всѣ стѣны, придавало оригинальный колоритъ какъ самому театру, такъ и наполнявшей его толпѣ».

Въ девятой и десятой главахъ мы находимъ описаніе Кіото-японской Москвы, «столицы Востока», какъ показываетъ самое его названіе.

Описаніе Іокогамы и Токіо составляетъ предметъ одиннадцатой главы, а въ слѣдующей авторъ описываетъ не особенно удачную поѣздку по желѣзной дорогѣ въ Кобе, откуда на пароходѣ онъ прибылъ въ Нагасаки. Весь переходъ изъ Нагасаки до Владивостока продолжается болѣе трехъ дней. Описаніемъ этого перехода заканчивается двѣнадцатая глава.

Изъ Владивостока, на пароходѣ добровольнаго флота «Петербургъ» докторъ Елисѣевъ, чрезъ Цейлонъ, Сокотору и Суецкій каналъ возвратился въ Россію. Во время пребыванія на Цейлонѣ авторъ участвовалъ въ охотѣ на кабановъ и крокодиловъ. Описаніе, въ тринадцатой главѣ, этой охоты и цейлонскихъ лѣсовъ, съ ихъ колючими растеніями, чрезъ которыя можно пробраться только съ ножомъ въ рукахъ, — по истинѣ прекрасно.

Главы четырнадцатая по двадцатую посвящены авторомъ описанію путешествія въ Персію, куда онъ отправился, въ 1890 году, по предложенію министерства внутреннихъ дѣлъ, на все лѣто, для наблюденія за ходомъ и развитіемъ холерной эпидеміи, которой уже тогда начала опасаться Россія.

Заинтересовавшись движеніемъ махдизма, охватившимъ весь мусульманскій міръ и далеко не безразличнымъ для Россіи, съ ея милліонами мусульманъ, докторъ А. В. Елисѣевъ рѣшилъ посѣтить самое гнѣздо махдистовъ. Хотя поѣздка его кончилась неудачею — ему не удалось проникнуть въ центръ махдизма, тѣмъ не менѣе, благодаря собраннымъ по дорогѣ свѣдѣніямъ, онъ имѣлъ возможность выяснить махдистскій вопросъ въ подробностяхъ. Этому предмету авторъ отвелъ двадцать первую и вторую главы.

Три послѣднія главы заключаютъ въ себѣ описаніе путешествія доктора Елисѣева въ Абиссинію.

Вотъ, въ краткомъ изложеніи, содержаніе четвертаго тома сочиненій А. В. Елисѣева. Многочисленные рисунки въ текстѣ, сдѣланные извѣстными художниками, встрѣчаются буквально на каждой страницѣ; поэтому самое описаніе выигрываетъ не только въ живости и образности, но и въ томъ интересѣ, который оно можетъ вызывать въ читателѣ. Такой книгѣ нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія.

Н. К-ш-ъ.

---

[1]) Докторъ А. В. Елисѣевъ сопровождалъ эту партію переселенцевъ, въ качествѣ врача, по предложенію министерства внутреннихъ дѣлъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1898 г.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.– въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.) Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторій русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8** рублей; и съ 1888—1897 по **9** рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІЙ**“ основатель историческаго журнала „**Русская Старина**“. Его жизнь и дѣятельность. 1837–1892 г. Съ прил. двухъ портрет. М. И. Семевскаго и факс. его письма. Цѣна **3** рубля. Для подписчиковъ „**Русской Старины**“ **2** рубля.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

APR 26 61 H
MAR 4 '68 H
Canceled
1870641
Cancel
DUE MAR 70 H
2590445